ПРОВЕРЕНО
1968 г.
ПРОВЕРЕНО
1948 г.

539

РАБОЧІЕ

НА

СИБИРСКИХЪ ЗОЛОТЫХЪ ПРОМЫСЛАХЪ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

В. И. СЕМЕВСКАГО.

Томъ I.

Отъ начала золотопромышленности въ Сибири до 1870 г.

Изданіе И. М. Сибирякова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.
1898.

4271. 16/XI 1898.

РАБОЧІЕ

НА

СИБИРСКИХЪ ЗОЛОТЫХЪ ПРОМЫСЛАХЪ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

В. И. СЕМЕВСКАГО.

Томъ I.

Отъ начала золотопромышленности въ Сибири до 1870 г.

ИМПЕР. ТОМСКАГО УНИВЕРС. БИБЛІОТЕКИ

Изданіе И. М. Сибирякова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.
1898.

2682

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издаваемый нынѣ трудъ обязанъ своимъ происхожденіемъ иниціативѣ И. М. Сибирякова. Въ 1885 г. онъ обратился ко мнѣ съ предложеніемъ написать исторію быта рабочихъ на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. Занятый тогда лекціями въ петербургскомъ университетѣ, гдѣ И. М. Сибиряковъ былъ моимъ слушателемъ, я согласился принять его предложеніе лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы работа эта вовсе не была срочною. Я могъ приняться за нее только въ 1888 г. При собираніи библіографическихъ матеріаловъ о сибирской золотопромышленности, въ той части ихъ, которая относится ко времени имп. Николая, большое содѣйствіе оказалъ мнѣ покойный библіографъ В. И. Межовъ. Нѣсколько ящиковъ въ его маленькой квартирѣ было занято карточками, составлявшими матеріалъ для „Исторической библіографіи“ за первую половину XIX вѣка, лишь часть которой (т. I—III) была издана позднѣе И. М. Сибиряковымъ. Съ 1889 г. я началъ собирать архивные матеріалы для этого изслѣдованія. Здѣсь я долженъ прежде всего съ глубочайшею признательностью упомянуть о содѣйствіи, оказанномъ моему труду покойнымъ Н. Х. Бунге: онъ испросилъ Высочайшее соизволеніе на допущеніе меня въ архивъ Комитета Министровъ, гдѣ хранятся дѣла Сибирскаго Комитета 1852—64 гг., а также благодаря его посредничеству я получилъ доступъ и въ Архивъ Государственнаго Совѣта. Величайшую благодарность я

долженъ также принести В. И. Вешнякову, бывшему тогда товарищемъ министра государственныхъ имуществъ, которому я обязанъ допущеніемъ меня въ архивы Горнаго Департамента, гдѣ хранятся дѣла о золотопромышленности съ половины 30-хъ гг., и общаго архива Министерства Государственныхъ Имуществъ, гдѣ я воспользовался матеріалами 40-хъ и 50-хъ годовъ.

Собравъ весьма значительное количество неизданныхъ матеріаловъ изъ этихъ архивовъ, а также и изъ печатныхъ источниковъ, я не только приступилъ къ составленію моего труда, но и набросалъ вчернѣ значительную часть его, однако въ концѣ концовъ убѣдился, что архивы нашихъ центральныхъ учрежденій даютъ достаточное количество данныхъ для исторіи законодательства о пріисковыхъ рабочихъ, но не для исторіи ихъ быта. Это побудило меня въ 1891 г. предпринять поѣздку въ Сибирь для изученія тамошнихъ архивовъ и посѣщенія золотыхъ промысловъ. И. М. Сибиряковъ вполнѣ обезпечилъ матеріальную возможность такой поѣздки, а затѣмъ достиженіе моей цѣли было чрезвычайно облегчено любезнымъ содѣйствіемъ нѣсколькихъ лицъ. В. И. Вешняковъ исходатайствовалъ мнѣ разрѣшеніе тогдашняго министра государственныхъ имуществъ, М. Н. Островскаго, на пользованіе матеріалами архивовъ Томскаго и Иркутскаго горныхъ управленій, покойный членъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ А. И. Деспотъ-Зеновичъ оказалъ мнѣ содѣйствіе въ полученіи разрѣшенія управляющаго Кабинетомъ Его Величества на доступъ въ архивъ Главнаго Управленія Алтайскаго горнаго округа и кромѣ того снабдилъ меня рекомендательными письмами къ нѣкоторымъ высшимъ представителямъ сибирской администраціи; то же сдѣлалъ по его просьбѣ и И. К. Педашенко, много послужившій въ Сибири въ званіи начальниковъ губерній. Покойный директоръ Археологическаго Института, И. Е. Андреевскій, снабдилъ меня рекомендаціею отъ этого учрежденія съ просьбою къ мѣстнымъ властямъ оказать мнѣ содѣйствіе въ моихъ архивныхъ занятіяхъ. Множество рекомендацій получено было также мною отъ Г. Н. Потанина и покойнаго Н. М. Ядринцева.

При такихъ благопріятныхъ условіяхъ отправился я въ Сибирь въ началѣ мая 1891 г. Сибирской желѣзной дороги тогда еще не

было, и обычный путь лѣтомъ лежалъ на Екатеринбургъ и Тюмень, откуда 3000 верстъ до Томска пришлось сдѣлать на пароходѣ по рѣкамъ Турѣ, Тоболу, Иртышу и Оби. Уже на пароходѣ я началъ погружаться въ міръ сибирской золотопромышленности, такъ какъ встрѣтилъ тамъ бывшаго золотопромышленника Олекминскаго округа и рабочихъ изъ Нижегородской губерніи, отправлявшихся на амурскіе промыслы. Одинъ рабочій, уже побывавшій тамъ, велъ за собою 50 человѣкъ на пріиски Зейской К^0 на Амурѣ. Быть можетъ, за это онъ долженъ былъ получить какое нибудь вознагражденіе, по крайней мѣрѣ въ присутствіи товарищей онъ все расхваливалъ положеніе рабочихъ и заработки на пріискахъ этой компаніи. Онъ увѣрялъ, что каждый рабочій можетъ тамъ заработать 2 р. въ день (мы увидимъ ниже, что средній заработокъ тамъ, правда на хозяйскихъ харчахъ, былъ около 1 р. 30 к.). По его словамъ, въ лѣтнюю операцію можно заработать рублей 200 чистыхъ, но путь изъ Нижегородской губерніи на промыслы обойдется до 70 р. и потому отправляться туда на одинъ годъ не стоитъ. Бывшій олекминскій золотопромышленникъ и одинъ изъ высшихъ чиновниковъ горнаго вѣдомства въ Иркутскѣ, ѣхавшій также съ нами, увѣряли меня, что оффиціальныя свѣдѣнія о числѣ рабочихъ на промыслахъ Олекминскаго округа невѣрны и гораздо ниже дѣйствительныхъ вслѣдствіе того, что поборы въ пользу горной администраціи (горныхъ исправниковъ и горнаго инженера) производятся по числу рабочихъ (по мнѣнію этого чиновника, дѣйствительное число рабочихъ Олекминскаго округа доходитъ до 18.000 ч. [1]).

Въ Томскѣ я ознакомился съ матеріалами архива Томскаго Горнаго Управленія, гдѣ хранятся дѣла съ начала 30-хъ гг., причемъ встрѣтилъ самое любезное содѣйствіе со стороны тогдашняго начальника этого управленія, Н. А. Денисова, и съ документами общаго Губернскаго Архива, доступъ въ который былъ разрѣшенъ мѣстнымъ губернаторомъ, Г. А. Тобизеномъ, дозволившимъ мнѣ также пользованіе архивами волостныхъ правленій Томской губерніи и горнаго исправника Кузнецкаго округа. Въ общемъ Томскомъ Губернскомъ Архивѣ считается болѣе 300.000 дѣлъ, но къ

[1]) По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, наличныхъ рабочихъ здѣсь въ 1889 г. было 13,166 чел.

сожалѣнію документовъ прошлаго столѣтія почти не сохранилось. При посѣщеніи разныхъ лицъ въ Томскѣ я не упускалъ случая собирать свѣдѣнія о бытѣ пріисковыхъ рабочихъ. Не мало важныхъ матеріаловъ сообщилъ мнѣ, а также много интереснаго о пріисковой жизни разсказалъ А. К. Субботинъ, служившій въ южно-енисейской тайгѣ въ К^0 Бенардаки съ половины 40-хъ до половины 60-хъ гг. и затѣмъ на Олекмѣ. Отмѣтимъ между прочимъ его мнѣніе, что работы артелей старателей-золотничниковъ спасли золотопромышленность въ енисейской тайгѣ. Они добывали золото изъ разработанныхъ уже „разрѣзовъ“ (мѣста открытыхъ работъ для добычи золота на пріискахъ). Бывали случаи, что золотопромышленникъ отбиралъ у золотничниковъ богатое золотомъ мѣсто, найденное ими на его пріискѣ, ставилъ хозяйскихъ рабочихъ и несъ только убытки; это заставляло его вновь отдать золотничникамъ участокъ, который начиналъ тогда приносить барыши, новая же попытка разработки собственными средствами опять оказывалась убыточною. А. К. Субботинъ объяснилъ также, какъ золотопромышленники повышали таксы на товары и припасы предъ утвержденіемъ ихъ исправникомъ: они представляли ему счеты торговцовъ, гдѣ уже была выставлена стоимость доставки, а затѣмъ вновь накидывали плату за перевозъ. Въ Томскѣ я между прочимъ познакомился съ главноуправляющимъ одной изъ крупнѣйшихъ компаній Томскаго горнаго округа—Южноалтайской, покойнымъ И. Е. Горстомъ, и онъ пригласилъ меня посѣтить промыслы этой компаніи въ Кузнецкомъ округѣ.

Поручивъ въ Томскѣ снять копіи съ необходимыхъ для меня документовъ правительственныхъ архивовъ, я отправился въ Барнаулъ. Огромный архивъ Главнаго Управленія Алтайскаго горнаго округа помѣщенъ очень дурно: нѣкоторыя связки приносили мнѣ совершенно сырыя; противъ нѣкоторыхъ номеровъ въ описяхъ я нашелъ отмѣтки, что соотвѣтственныя дѣла потонули во время наводненія. Тѣмъ не менѣе въ архивѣ сохранилось много дѣлъ не только нынѣшняго, но и прошлаго столѣтія, начиная съ 1740-хъ годовъ [1]).

[1]) Въ настоящее время архивомъ этимъ завѣдуетъ Н. С. Гуляевъ (сынъ извѣстнаго этнографа С. И. Гуляева), которому мы приносимъ признательность за сообщеніе многихъ матеріаловъ изъ собранія рукописей его отца.

Архивъ этотъ едва ли не наиболѣе важный въ научномъ отношеніи изъ всѣхъ сибирскихъ архивовъ, и Кабинетъ Его Величества оказалъ бы большую услугу наукѣ, если бы отвелъ для него болѣе приличное помѣщеніе. Въ Барнаулѣ я пересмотрѣлъ матеріалы по исторіи пріисковаго труда, необходимые для моей работы, а снимать копіи и дѣлать выборки изъ архивныхъ дѣлъ могъ, къ счастію, поручить Н. М. Зобнину (напечатавшему впослѣдствіи двѣ прекрасныя работы о мастеровыхъ и приписныхъ крестьянахъ Алтайскаго горнаго округа на основаніи архива Салаирскаго рудника), который съ величайшею добросовѣстностью и искусствомъ исполнилъ мое порученіе.

Изъ Барнаула я проѣхалъ въ Кузнецкъ чрезъ Салаирскій серебряный рудникъ, въ архивѣ котораго не работалъ, такъ какъ онъ былъ уже использованъ Н. М. Зобнинымъ, сообщившемъ мнѣ собранные имъ тамъ матеріалы для исторіи мастеровыхъ, трудившихся на кабинетскихъ золотыхъ промыслахъ (гораздо большее количество данныхъ по этому предмету найдено было мною въ архивѣ въ Барнаулѣ). Здѣсь я спускался въ серебряный рудникъ на 30 саженъ глубины, видѣлъ взрывъ руды динамитомъ, а на поверхности земли ознакомился съ работами старателей-золотничниковъ. Старикъ сторожъ въ Салаирскомъ рудникѣ на вопросъ управляющаго, отчего въ старые годы (до 1861 г.) при значительномъ количествѣ мастеровыхъ они такъ мало нарабатывали, отвѣчалъ, что нерѣдко работала только часть мастеровыхъ, а остальныхъ управляющій посылалъ для себя за ягодами. Кромѣ того не мало времени шло на сѣченіе мастеровыхъ. „Не успѣешь“, разсказывалъ онъ, „добѣжать къ началу работъ,—сейчасъ сѣчь, и потомъ въ наказаніе посылаютъ на другой рудникъ; туда, разумѣется, опоздаешь еще болѣе, и тамъ еще разъ сѣкутъ“. Этотъ старикъ началъ работать въ 12 лѣтъ, но онъ сообщилъ, что за дурное поведеніе въ школѣ дѣтей мастеровыхъ и ранѣе посылали на разборку рудъ. Отъ другихъ я также слышалъ, что въ видѣ наказанія заставляли разбирать руду съ 7-лѣтняго возраста. Не доѣзжая Кузнецка, я осмотрѣлъ архивъ волостного правленія села Ильинскаго (гдѣ между прочимъ сохранились дѣла прошлаго столѣтія) и нашелъ нѣкоторые контракты съ рабочими золотопромышленныхъ

компаній. Въ Кузнецкѣ я встрѣтилъ самое любезное гостепріимство у И. Е. Горста и, въ ожиданіи возможности отправиться на пріиски Южно-алтайской К°, ознакомился съ архивомъ горнаго исправника, гдѣ находились впрочемъ дѣла лишь послѣднихъ годовъ. Прежде былъ одинъ горный исправникъ для пріисковъ Маріинскаго и Кузнецкаго округовъ, и потому болѣе раннее дѣлопроизводство этихъ чиновниковъ я нашелъ впослѣдствіи частью въ архивѣ Дмитріевскаго волостного правленія въ селѣ Тисулѣ (Маріинскаго округа Томской губерніи), частью въ архивѣ городской полиціи въ Томскѣ. Здѣсь же я ознакомился съ дѣлами конторы Южно-алтайской К°.

Промыслы этой компаніи находятся отъ Кузнецка въ 180 верстахъ, но изъ нихъ около 140 верстъ въ одинъ конецъ и 170 въ другой приходится плыть на лодкѣ. Особенно труденъ путь на промыслы: рѣка Томь течетъ съ горъ весьма быстро, имѣетъ много пороговъ, и паденіе ея такъ велико, что даже простымъ глазомъ видно, какъ, подвигаясь противъ теченія, мы поднимались по водѣ точно въ гору. Въ виду этого, а также въ виду мелководья, плыть вверхъ по теченію на веслахъ невозможно, и двое лодочниковъ, которые везли насъ, принуждены были все время упираться шестами въ дно рѣки и такимъ образомъ подвигать впередъ лодку версты по $2^1/_2$ въ часъ. Вверхъ по теченію мы тащились вслѣдствіе этого четверо сутокъ. Въ началѣ пути по берегамъ рѣки расположены за нѣсколькими русскими деревнями татарскіе улусы. Инородцы эти считаются кочующими, между тѣмъ они живутъ въ прекрасно построенныхъ двухъэтажныхъ опрятныхъ домахъ; комнаты украшены картинками изъ разныхъ иллюстрированныхъ изданій. Они православные и довольно сносно говорятъ по-русски, но продолжаютъ вносить ясакъ мѣхами изъ опасенія, чтобы съ переводомъ его на деньги на нихъ не распространили воинской повинности, отъ которой они теперь избавлены. Они производятъ весьма пріятное впечатлѣніе: это народъ весьма честный, вѣжливый; они занимаются охотою, рыбною ловлею и скотоводствомъ, земли же не пашутъ. Послѣ нѣсколькихъ десятковъ верстъ плаванія инородческіе улусы прекратились, и мы плыли среди высокихъ, нерѣдко скалистыхъ береговъ, покрытыхъ лѣсомъ. Это уже настоящая сибирская лѣсная глушь,

„тайга“, гдѣ лишь мѣстами, верстъ черезъ 20, виднѣются „зимовья“, замѣняющія наши постоялые дворы, съ особыми казармами для проходящихъ на пріиски и возвращающихся съ нихъ рабочихъ; а по притокамъ Томи посреди этой тайги разбросаны золотые пріиски. Плаваніе по быстрымъ порогамъ мѣстами не совсѣмъ безопасно: другая лодка, подвигаемая вслѣдъ за нами также на шестахъ съ припасами для пріисковъ, въ одномъ мѣстѣ была захлестнута волнами и наполнилась водою, такъ что лодочникамъ пришлось ее вытаскивать на берегъ по шею въ водѣ. Бываютъ несчастные случаи, когда люди тонутъ во время распутицы, но у насъ были очень опытные лодочники, и мы, послѣ четырехъ дней путешествія на лодкѣ, пріѣхали на послѣднее зимовье и тотчасъ же отправились верхами на Неожиданный пріискъ Южно-алтайской К°. Здѣсь я изучилъ дѣла архива этой компаніи, причемъ для меня сдѣлали, съ величайшей готовностью, всѣ необходимыя выписки, и посѣтилъ другіе ея пріиски: Магызинскій, Харлампіевскій, Ильинскій, и пріискъ на р. Камзасѣ, арендуемый у Южно-алтайской К°. Здѣсь я впервые наглядно ознакомился какъ съ устройствомъ машинъ, на которыхъ промываютъ золотоносные пески, такъ и съ веденіемъ работъ въ подземныхъ „ортахъ“ и въ открытыхъ разрѣзахъ, побывалъ въ общихъ казармахъ рабочихъ и въ отдѣльныхъ домикахъ, гдѣ живутъ нѣкоторые семейные рабочіе, посѣтилъ пріисковую школу, больницу и такъ называемую „каталажку“, т.-е. пріисковый карцеръ. Промыслы этой компаніи принадлежатъ къ числу наиболѣе порядочныхъ и благоустроенныхъ, но и тутъ бросалась въ глаза страшная утомительность горной пріисковой работы, на которую рабочіе поднимались уже въ 3 часа утра. Обратный путь по теченію я сдѣлалъ гораздо скорѣе, менѣе чѣмъ въ двое сутокъ, причемъ, какъ и въ первый переѣздъ, пришлось ночевать въ лодкѣ. Разница между температурою дня и ночи доходила въ это время почти до 30-ти градусовъ (одну ночь было всего 3° тепла).

Затѣмъ чрезъ Кузнецкъ я проѣхалъ въ Томскъ; взявъ изъ архива томской городской полиціи нѣкоторыя необходимыя мнѣ дѣла, я отправился въ дальнѣйшій путь. Огромныя сибирскія разстоянія поглощаютъ много времени и заставляютъ торопиться. Теперь желѣзная дорога сберегаетъ путешественнику время при

проѣздѣ по главному тракту, но поѣздки къ сѣверу и югу отъ него попрежнему не легки. Но за то только въ сторонѣ отъ главнаго почтоваго тракта знакомишься съ умнымъ сибирскимъ крестьяниномъ, который держитъ себя совершенно самостоятельно, безъ излишней услужливости, какъ будто подтверждая собственнымъ примѣромъ, что его предки не знали крѣпостного права.

Изъ города Маріинска я долженъ былъ свернуть съ большой почтовой дороги на проселочную, чтобы побывать въ селѣ Тисулѣ, лежащемъ въ 80-ти верстахъ, для ознакомленія съ архивомъ Дмитріевскаго волостного правленія. На пути, въ селѣ Баимѣ, я пересмотрѣлъ описи мѣстнаго волостного правленія и поручилъ списать для меня нѣсколько контрактовъ пріисковыхъ рабочихъ. Въ с. Тисулѣ, мѣстѣ пребыванія маріинскаго горнаго исправника, находится старое Дмитріевское волостное правленіе, въ архивѣ котораго есть дѣла съ 1811 г., и между прочимъ—о частной золотопромышленности съ половины 30-хъ гг. до 1878 г.; эти послѣдніе въ совершенномъ безпорядкѣ: это не архивныя связки, а какая то окрошка изъ бумагъ перерванныхъ, перепачканныхъ въ грязи, притомъ дѣлъ 60-хъ и первой половины 70-хъ гг. почти вовсе нѣтъ. Говорятъ, будто, вытаскивая связки во время пожара, сильно попортили ихъ. Въ этомъ архивѣ нашлось оченъ много важныхъ матеріаловъ (множество договоровъ рабочихъ съ золотопромышленниками, начиная съ 1830 и кончая 1871 годомъ) и пришлось заказать много копій. Пересмотрѣвъ массу дѣлъ, я успѣлъ еще съѣздить на два ближайшихъ пріиска Маріинской системы. Пріиски этой тайги пользуются дурною славою: тутъ по большей части мелкіе золотопромышленники, которые сильно эксплоатируютъ рабочихъ, особенно донимая ихъ дороговизною товаровъ въ пріисковыхъ лавкахъ.

Въ Красноярскѣ я получилъ отъ доктора В. М. Крутовскаго нѣкоторые матеріалы изъ бумагъ его отца, занимавшагося золотопромышленностью. Оттуда на пароходѣ я спустился въ Енисейскъ, и здѣсь отобралъ изъ архива В. И. Базилевскаго необходимыя для меня матеріалы, которые мнѣ разрѣшили взять съ собою, получилъ также разрѣшеніе отъ золотопромышленника И. П. Кытманова ознакомиться съ его архивомъ на Гавриловскомъ пріискѣ сѣверно-

енисейской системы и посѣтилъ архивъ енисейскаго полицейскаго управленія, изъ котораго потомъ получилъ нѣкоторые матеріалы, благодаря любезности преподавателя исторіи въ Красноярскѣ Н. Н. Бакая.

26 іюля я выѣхалъ изъ Енисейска въ сѣверноенисейскую тайгу. До пріисковъ В. И. Базилевскаго нужно было проѣхать 230 верстъ, но это разстояніе возможно было сдѣлать только въ $2^1/_2$ сутокъ. Дѣло въ томъ, что изъ всего этого пространства лишь верстъ 60 порядочной дороги, остальной же путь ниже всякой критики: это или полусгнившій „накатникъ“, т.-е. бревна, уложенныя по топямъ и болотамъ, или дорога поднимается въ гору и спускается съ нея по такимъ крупнымъ камнямъ, что нельзя себѣ представить, что это проѣзжій путь на значительные промыслы, или дорога прямо упирается въ русло горной рѣчки, и это обыкновенно еще одно изъ лучшихъ мѣстъ, такъ какъ камни тутъ не такъ крупны. Способъ путешествія такой: впереди ѣхалъ конюхъ верхомъ, а за нимъ слѣдовалъ я въ двухколесномъ кабріолетѣ, довольно покойномъ и приноровленномъ къ этимъ ужаснымъ дорогамъ; править здѣсь приходится самому, что впрочемъ не составляетъ особаго труда, такъ какъ лошадь пріучена идти вслѣдъ за конюхомъ. Ко всѣмъ другимъ удовольствіямъ, немедленно по переправѣ близъ Енисейска чрезъ р. Енисей, присоединяется такое обиліе мошекъ и комаровъ, что тотчасъ оказалось необходимымъ надѣть тюлевый вуаль, который не только спереди покрываетъ лицо, но кругомъ окутываетъ голову, и лишь благодаря этому, можно подвигаться впередъ, не рискуя быть совершенно искусаннымъ и обезображеннымъ опухолями. Ночевать приходится на постоялыхъ дворахъ, такъ называемыхъ зимовьяхъ, весьма нечистыхъ и кишащихъ всевозможными паразитами. Берега нѣкоторыхъ горныхъ рѣкъ весьма живописны, но постепенно мѣстность становится все болѣе суровою, и попадаются горы, покрытыя уже не столько лѣсомъ, сколько бѣлымъ мхомъ, придающимъ пейзажу особенно печальный видъ. Унылое впечатлѣніе еще болѣе усиливается почти совершеннымъ, а впослѣдствіи даже и полнымъ отсутствіемъ птицъ, что дѣлаетъ таежную глушь совершенно безмолвною.

Разбитый ужасною дорогою, пріѣхалъ я на третій день вечеромъ на пріискъ В. И. Базилевскаго Эльдорадо и, переночевавъ здѣсь, отправился въ „резиденцію“, какъ здѣсь говорятъ, горнаго исправника сѣверной части Енисейскаго округа, а по дорогѣ осмотрѣлъ „ортовыя“ (подземныя) работы на Вознаграждающемъ пріискѣ г. Секистова. Въ архивѣ горнаго исправника, вслѣдствіе бывшаго когда-то пожара, сохранились дѣла только съ 70-хъ гг. Поручивъ здѣсь сдѣлать для меня нѣкоторыя выписки, я поѣхалъ на Гавриловскій пріискъ И. П. Кытманова, гдѣ въ большомъ и хорошо сохранившемся архивѣ нашелъ дѣла съ 1850 г. Гавриловскаго и Никольскаго промысловъ К^0 Рязановыхъ, Горохова и Мошарова (а въ 60-хъ также Рязановыхъ, Горохова и Баландина). Разобравъ дѣла этого архива и отложивъ то, что было возможно (благодаря любезному разрѣшенію хозяина) взять съ собою, я осмотрѣлъ здѣсь работы на глубокихъ торфахъ (пластахъ незолотоносныхъ породъ), причемъ видѣлъ „вѣчную мерзлоту“, т.-е. никогда не оттаивающіе слои торфа, побывалъ въ больницѣ, столовой и казармахъ рабочихъ. Съ Гавриловскаго пріиска я отправился обратно на пріискъ Базилевскаго Эльдорадо, откуда немедленно проѣхалъ на Разсвѣтъ,—недалеко лежащее мѣсто обработки золота (компаніею Базилевскаго и Ратькова-Рожнова) не изъ золотыхъ розсыпей, а изъ руды посредствомъ дробленія особою машиною и толченія ступою. Дѣло здѣсь было еще вновѣ, шло плохо и съ большимъ убыткомъ. На дробилку и отчасти на песты было поставлено мягкое красноярское желѣзо, которое совершенно истолклось; поэтому дробилка не дѣйствовала и приходилось твердые кварцы дробить молотами, а изъ 20 пестовъ дѣйствовало только 10. Устроена была здѣсь амальгамація (извлеченіе золота посредствомъ ртути), но по свойству воды ртуть не улавливала золота. Та часть завода, которая должна была современемъ химическимъ способомъ обрабатывать шламмы, была еще неготова, но пробы, сдѣланныя завѣдывавшимъ всѣмъ этимъ дѣломъ горнымъ инженеромъ А. А. Перрэ, показывали, что и на химическую обработку надежда плоха. Въ это время на заводѣ, несмотря на работу въ двѣ смѣны днемъ и ночью, получали въ сутки золота только 10 золотниковъ. Нанимались здѣсь рабочіе по общему пріисковому контракту. По возвра-

щеніи на Эльдорадо я видѣлъ добычу изъ копей рудъ, которыя возятъ на Разсвѣтъ за нѣсколько верстъ.

1-го августа я тронулся въ путь верхомъ изъ Эльдорадо въ южноенисейскую тайгу съ конюхомъ, также верховымъ, и съ вьючною лошадью съ моими вещами; лошади эти были мнѣ даны, благодаря любезности В. И. Базилевскаго, нанять же ихъ здѣсь негдѣ. Предстояло проѣхать верхомъ 220 верстъ. Первые два дня мы ѣхали по прежней, заброшенной Старонифантьевской дорогѣ, болѣе ровной, чѣмъ та, которою я ѣхалъ изъ Енисейска, но съ разрушенными мостами,—ихъ приходилось объѣзжать по рѣчкамъ и болотамъ. Послѣ переѣзда въ 35 верстъ, въ концѣ котораго пошелъ сильный дождь, мы остановились на ночлегъ въ заброшенномъ, совершенно пустомъ зимовьѣ съ выбитымъ окномъ и выломанною дверью, но въ которомъ, къ счастью, уцѣлѣла желѣзная печка; конюхъ затопилъ ее и, вскипятивъ въ чайникѣ чай, мы могли согрѣться. На другой день, сдѣлавъ 60 верстъ, мы ночевали на Разгадномъ или Татьянинскомъ пріискѣ или развѣдкѣ, въ одной избѣ съ тремя рабочими. Имъ дали на ужинъ такую гнилую солонину, что невыносимый запахъ заставилъ меня сначала выйти на улицу, а потомъ всю ночь держать дверь отворенною. Самый трудный переходъ мы сдѣлали на слѣдующій день. Пришлось ѣхать уже не проѣзжею нѣкогда дорогою, а прежнею верховою тропою, въ томъ числѣ нѣсколько верстъ по такимъ топямъ и болотамъ, что здѣсь, какъ мнѣ сказали, уже цѣлый годъ никто не проѣзжалъ. Къ счастью мнѣ попался превосходный конюхъ, знавшій этотъ путь въ прежніе годы, и только благодаря ему я не переломалъ себѣ шеи, ногъ и не выкололъ глазъ. Прежде, когда на весь Енисейскій округъ былъ одинъ окружной инженеръ, ему приходилось переѣзжать изъ сѣверноенисейской въ южноенисейскую тайгу и обратно, теперь же, когда эти округа имѣютъ совершенно отдѣльную горную администрацію, путь этотъ находится въ полномъ запущеніи. Правда, возможно избѣжать его, вернувшись въ Енисейскъ, и оттуда, уже окружною дорогою, пробраться въ южноенисейскую тайгу, но это потребовало бы не мало лишняго времени, а я долженъ былъ спѣшить, чтобы поспѣть въ Олекминскій округъ до прекращенія навигаціи. Путь на Енисейскъ представ-

лялъ также мало соблазна, и я рѣшилъ ѣхать напрямикъ, разсчитывая, что будетъ, если и хуже, то иначе; и дѣйствительно, вышло хуже, но зато совершенно въ другомъ родѣ. Въ этотъ, самый трудный, третій день пути мы сдѣлали всего 35 верстъ, но цѣль была достигнута: вечеромъ мы переправились черезъ р. Питъ, отдѣляющую сѣверную часть Енисейскаго округа отъ южной.

Переночевавъ въ переполненномъ клопами зимовьѣ Кадрѣ, я проѣхалъ въ четвертый день еще 60 верстъ и ночевалъ вмѣстѣ съ рабочими въ такомъ грязномъ зимовьѣ, что не могъ заснуть почти всю ночь и все сидѣлъ на воздухѣ. Въ этотъ день я могъ, наконецъ, перестать злоупотреблять любезностью В. И. Базилевскаго и отпустилъ его лошадей, такъ какъ на пріискѣ Н. Ѳ. Востротина мнѣ дали пару лошадей, а одну оказалось возможнымъ нанять. Утромъ 5-го августа, сдѣлавъ верхомъ еще 12 верстъ, я пріѣхалъ къ золотопромышленнику Пичугину, который, уже на дрожкахъ, отправилъ меня на пріискъ, арендуемый А. А. Саввиныхъ (къ нему я имѣлъ рекомендацію). Переѣздъ на дрожкахъ былъ не безъ приключеній: дорога была такова, что одинъ разъ меня выбросило изъ дрожекъ, а въ другой—они совсѣмъ опрокинулись, но все сошло для меня благополучно. У А. А. Саввиныхъ я нашелъ самый радушный пріемъ, и тутъ былъ большой соблазнъ отдохнуть; но надо мною, какъ дамокловъ мечъ, висѣла необходимость поспѣть въ Олекминскій округъ, и потому на другой же день я былъ на работѣ въ архивѣ горнаго исправника южноенисейскаго округа, гдѣ хранятся дѣла съ конца сороковыхъ годовъ. Горный исправникъ Сергѣевъ предложилъ мнѣ взять съ собою большое количество матеріаловъ, и затѣмъ, благодаря любезному разрѣшенію г. иркутскаго генералъ-губернатора А. Д. Горемыкина, я могъ сохранить ихъ у себя до самаго конца работы. На слѣдующій день, окончивъ пересмотръ архива горнаго исправника, я поѣхалъ съ мѣстнымъ окружнымъ инженеромъ на Александровскій пріискъ В. И. Базилевскаго, спускался здѣсь въ шахту (30 аршинъ глубины) и осмотрѣлъ больницу, а оттуда проѣхалъ на Дополнительный участокъ Прокопьевскаго пріиска Асташева, гдѣ нашелъ самый старый и обширный пріисковый архивъ. Получивъ съ собою отобранные мною матеріалы, я осмотрѣлъ работы на богатомъ золото-

носно̀мъ пластѣ, разрабатываемомъ, какъ въ большинствѣ случаевъ, уступами. Здѣсь однако примѣняли нѣкоторыя техническія усовершенствованія: золотопромывальная машина (чаша) приводилась въ движеніе паровыми машинами, а песокъ подвозился къ ней по конножелѣзной дорогѣ. На слѣдующій день я разбиралъ архивъ на Воскресенскомъ пріискѣ, принадлежавшемъ нѣкогда извѣстной Удерейской К°, а теперь арендуемомъ А. А. Саввиныхъ, и благодаря его любезности получилъ съ собою изрядное количество матеріаловъ. А. А. Саввиныхъ былъ такъ внимателенъ, что проводилъ меня далеко отъ своего пріиска, и благодаря его рекомендаціи, я добрался до такого мѣста, гдѣ могъ уже нанимать лошадей. Путь изъ южноенисейскаго округа (уже все на колесахъ) до Красноярска былъ сдѣланъ въ четверо сутокъ. Отсюда пришлось отправить въ Петербургъ нѣсколько пудовъ архивныхъ матеріаловъ, которыми я былъ нагруженъ на промыслахъ Енисейскаго округа.

Путешествіе изъ Красноярска въ Иркутскъ (около 1000 верстъ) потребовало болѣе 5 сутокъ. Послѣ енисейской тайги ѣзда въ хорошемъ тарантасѣ, въ которомъ можно было растянуться и спать, казалась просто наслажденіемъ. Въ Иркутскѣ на этотъ разъ я пробылъ менѣе двухъ сутокъ и, снабженный предписаніемъ мѣстнаго губернатора К. Н. Свѣтлицкаго горнымъ исправникамъ, полицейскимъ и волостнымъ правленіямъ о допущеніи меня къ изученію ихъ архивовъ, я отправился на пріиски Олекминскаго округа Якутской области. На лошадяхъ пришлось сдѣлать въ двое сутокъ 376 верстъ до станціи Жигаловой на Ленѣ. Собственно на Лену приходится выѣхать еще нѣсколько ранѣе, а̀ до того болѣе 200 верстъ дорога идетъ степью, по которой разбросаны улусы некрещеныхъ бурятъ земледѣльцевъ. Это деревеньки, неправильно расположенныя, среди которыхъ изрѣдка попадаются не только отличныя деревянные, но даже каменные дома нѣкоторыхъ разбогатѣвшихъ бурятъ. Дорога отъ Качуга до Жигалова очень часто идетъ по рѣкѣ Ленѣ, берега которой изъ красныхъ песчаниковъ, частью вывѣтрившихся, частью выдвигающихся правильными слоями.

Въ Жигаловѣ я сѣлъ въ почтовую лодку, довольно вмѣстительную и съ дугообразною деревянною крышею, которая, вмѣстѣ съ войлочными занавѣсями спереди и сзади, хорошо защищаетъ

отъ дождя. Спереди сидятъ два гребца, сзади кормчій, и такимъ образомъ, плывя внизъ по Ленѣ, можно сдѣлать верстъ по 6-ти въ часъ. Лодку приходится мѣнять на станціяхъ, какъ мѣняютъ у насъ почтовую телѣгу, когда ѣдутъ на перекладныхъ; но на почтовыхъ лошадяхъ я проѣзжалъ по 200 верстъ въ сутки, а на лодкѣ—не болѣе 120—130 верстъ, также не останавливаясь ни днемъ, ни ночью. 27 августа я пріѣхалъ въ Усть-Кутъ, сдѣлавъ 335 верстъ въ почтовой лодкѣ. Весною пароходы ходятъ до Жигалова, но во время мелководья въ августѣ только до Усть-Кута. Если бы я захватилъ здѣсь пароходъ, я могъ бы сѣсть на него и спокойно продолжать путь; но, къ сожалѣнію, пароходъ ушелъ за два дня до меня, и такъ какъ срочнаго пароходства по Ленѣ въ то время не было, то ждать другого парохода было рисковано, и я рѣшился плыть далѣе на почтовой лодкѣ. Проѣхавъ еще 140 верстъ въ 27 часовъ, я встрѣтилъ, подъѣзжая къ станціи Марковской, пароходъ, идущій вверхъ по Ленѣ въ Усть-Кутъ, и узналъ, что менѣе чѣмъ черезъ двое сутокъ онъ будетъ проходить мимо этой станціи на обратномъ пути. Оставшіяся мнѣ по Ленѣ 560 верстъ я могъ бы сдѣлать, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, только въ 5 сутокъ, дождавшись же парохода, я могъ пріѣхать въ Витимскъ гораздо скорѣе. Такимъ образомъ я не только выгадывалъ сутки, отдохнувъ на Марковской станціи, но и могъ ѣхать далѣе съ бо̀льшимъ удобствомъ. Вслѣдствіе этого, чуть-ли не впервые въ Сибири, я имѣлъ въ своемъ распоряженіи совершенно свободный день. На пути я обогналъ три паузка (барки) съ ссыльнопоселенцами, которыхъ развозятъ по Ленѣ. Проѣздъ такихъ барокъ составляетъ не малое несчастье для крестьянъ, и ихъ заранѣе предупреждаютъ о немъ изъ волостей, чтобы они могли наблюдать за цѣлостью скота, пасущагося по берегамъ Лены; но за всѣмъ не усмотришь, и поселенцы довольно нахально рѣжутъ первую попавшуюся корову, въ чемъ имъ, какъ говорятъ, не препятствуютъ и конвойные солдаты.

Ссыльнопоселенцы поставляли прежде самый главный контингентъ рабочихъ на большинство золотоносныхъ системъ, теперь же на пріискахъ ихъ менѣе, чѣмъ полноправныхъ рабочихъ, но все еще они нанимаются туда въ очень большомъ количествѣ. Это

даетъ мнѣ поводъ остановиться на сдачѣ въ волость поселенцевъ, при которой я присутствовалъ въ деревнѣ Марковской.

Партіи ссыльнопоселенцевъ плывутъ по Ленѣ два раза въ годъ: весною и осенью. Партія, приплывшая при мнѣ, цѣлый мѣсяцъ тащилась изъ Иркутска 700 верстъ; всего вышло изъ Иркутска 500 человѣкъ, а приплыло въ деревню Марковскую только 280,—остальныхъ постепенно распредѣлили по разнымъ волостямъ, къ которымъ они были приписаны, а человѣкъ 12 бѣжало на пути. Въ Марковской волости слѣдовало высадить 62 человѣка; большинство изъ нихъ были мужчины безъ семей, но нѣкоторые изъ нихъ были съ женами и даже съ грудными дѣтьми (жены добровольно сопровождаютъ мужей). Когда паузки остановились у селенія Марковскаго, поселенцевъ, которыхъ слѣдовало здѣсь оставить, стали выкликать по списку, и каждый изъ нихъ выносилъ на плечахъ свой скарбъ, но трое выскочили (несмотря на холодный, осенній день) въ однѣхъ рубашкахъ и нижнемъ бѣльѣ; оказалось, что двое изъ нихъ проиграли въ карты, а можетъ быть и пропили не только все свое имущество, но даже казенный халатъ, одного же обокралъ поселенецъ, бѣжавшій съ паузка и отправившійся бродяжить. Позднѣе, въ числѣ оставшихся на паузкѣ, я видѣлъ такого, у котораго не было даже рубашки, а только одни штаны, спину же и грудь онъ прикрывалъ чѣмъ-то въ родѣ подушки, ужъ не знаю—своею ли. Появленіе при выкличкѣ такихъ голяковъ безъ всякаго имущества вызывало дружный смѣхъ всей партіи, и сами они выскакивали пожалуй даже беззаботнѣе тѣхъ, которые несли кое-какое имущество. Въ числѣ этихъ несчастныхъ одинъ носилъ кличку „баринъ“, потому что, какъ мнѣ сказали, онъ былъ изъ дворянъ; имущество свое на паузкѣ онъ проигралъ въ карты. Выкликнувъ по списку 62 человѣка, ихъ повели въ волостное правленіе. Нѣкоторые, какъ оказалось, оставили свои семьи около Александровской тюрьмы (верстъ 70 отъ Иркутска), гдѣ сами они были въ каторжной работѣ. Одна женщина на вопросъ, есть ли у нея мужъ, отвѣчала: „законнаго нѣтъ, а незаконный-то здѣсь“. Въ числѣ поселенцевъ, высаженныхъ на берегъ, особенную жалость возбуждала семья цыгана: жена его была въ послѣдней степени беременности, и кромѣ того съ ними была

дѣвочка лѣтъ трехъ. Среди поселенцевъ находилась между прочимъ старуха 68-ми лѣтъ. Тутъ были представители всевозможныхъ національностей: русскіе, татары, киргизы, черкесы. Цыганъ оказался сосланнымъ за кражу бродней (обувь) изъ обоза ямщиковъ. Перекликнувъ всѣхъ принятыхъ въ этой волости, имъ отвели для ночлега этапное помѣщеніе, которое могло вмѣстить развѣ половину изъ нихъ. Такъ какъ вечеръ былъ очень холодный (днемъ шелъ дождь, а на горахъ—даже снѣгъ), то семейнымъ людямъ дозволили пріискивать себѣ на деревнѣ вольныя квартиры; да и вообще, когда караулъ былъ снятъ, надзоръ почти прекратился, такъ какъ устеречь такую ораву невозможно. Причисленіе ссыльно-поселенцевъ къ волостямъ чуть ли не одна формальность; большинство изъ нихъ, особенно тѣ, кто не находитъ себѣ работы, скоро бѣгутъ. Крестьяне въ день прибытія поселенцевъ и на другой день нанимаютъ ихъ частью для построекъ, главнымъ же образомъ для расчистки лѣса подъ пашню и луга. Нѣкоторые изъ оставленныхъ здѣсь просили волостного писаря, чтобы имъ позволили жить въ селеніи, гдѣ находится волость, такъ какъ въ большомъ селѣ легче найти заработокъ, и обѣщали за это волостному писарю „благодарность“.

Когда пріемка была окончена, конвойный офицеръ показалъ мнѣ два паузка и многое разсказалъ изъ жизни арестантовъ. Въ помѣщеніи для поселенцевъ были сдѣланы нары въ два этажа, но часть людей размѣщалась и подъ нарами на холодномъ сыромъ полу; тамъ среди другихъ лежалъ хроническій больной, калѣка, не владѣвшій ногами, котораго предполагалось оставить въ больницѣ въ ближайшемъ городѣ Киренскѣ. Офицеръ указалъ мнѣ на поселенца, котораго онъ зналъ годъ тому назадъ совершенно здоровымъ, но который теперь вслѣдствіе сильнаго онанизма (болѣзни, очень распространенной среди арестантовъ) впалъ въ совершенный идіотизмъ. Такъ какъ мужчинъ въ партіи было гораздо болѣе, чѣмъ женщинъ, то нравы были очень свободные: въ ней былъ между прочимъ 11-ти лѣтній мальчикъ, который пилъ, игралъ въ карты и интересовался женщинами; была также 12-ти лѣтняя дѣвочка, которая составляла общее достояніе арестантской партіи. Но бываютъ и исключенія: конвойный офицеръ указалъ мнѣ на семью

изъ отца, матери и трехъ дочерей 15-ти и 17-ти лѣтъ, которыя, благодаря родительскому надзору, отличались безупречнымъ поведеніемъ. Нѣкоторыхъ поселенцевъ сопровождала очень многочисленная семья: у одного татарина было 6 человѣкъ дѣтей, у одной еврейки—тоже не мало. Офицеръ, молодой человѣкъ, повидимому довольно добродушный, разсказалъ однако о слѣдующемъ своемъ столкновеніи съ конвоируемой имъ партіею на одномъ этапѣ, когда она шла еще сухимъ путемъ. Съ одного предшествовавшаго этапа бѣжало нѣсколько человѣкъ поселенцевъ, а потому конвойные стали загонять арестантовъ на ночь въ зданіе этапа, которое обыкновенно изобилуетъ всевозможными насѣкомыми, и при этомъ ударили прикладомъ беременную женщину. Поселенцы закричали: „Нашихъ бьютъ, бей конвойныхъ". Началась свалка. Тогда офицеръ принялъ энергическія мѣры: выстроилъ въ воротахъ 20 человѣкъ солдатъ съ заряженными ружьями и потомъ, „разгорячившись", по его словамъ, онъ началъ бить поселенцевъ по зубамъ. А это еще одинъ изъ самыхъ добродушныхъ!

Помѣщеніе на дощаникѣ плохо защищало поселенцевъ отъ дождя, на продовольствіе же, которое выдается имъ натурою, полагается по 15-ти коп. въ сутки; мнѣ показали сухари довольно порядочные и солонину безъ запаха; поселенцамъ выдавали $^1/_4$ ф. мяса, $^1/_8$ ф. крупы, опредѣленное количество хлѣба, соли, и, кажется, золотникъ кирпичнаго чая. Пищу готовятъ они не сообща, а каждый для себя въ отдѣльномъ котелкѣ. При вечерней повѣркѣ оказалось, что двое поселенцевъ опять бѣжало. На одной изъ остановокъ солдатъ завѣдомо отпустилъ поселенца и за это долженъ былъ пойти подъ судъ; но сами конвойные офицеры для прикрытія побѣговъ прибѣгаютъ къ такой уловкѣ: подплывая къ волости, гдѣ нужно высадить часть партіи, и зная, что не хватаетъ нѣсколькихъ человѣкъ, офицеръ вызываетъ желающихъ, за извѣстное вознагражденіе, назваться именами отсутствующихъ. Ихъ сдаютъ въ волости, они немедленно бѣгутъ, черезъ нѣсколько верстъ догоняютъ паузокъ и вновь садятся на него.

Вотъ тотъ бездомный пролетаріатъ, ссылаемый ежегодно въ Сибирь въ большомъ количествѣ, который составлялъ прежде большинство рабочихъ на сибирскихъ промыслахъ; понятно, почему

золотопромышленники въ прежнее время предписывали нанимать рабочихъ изъ ссыльно-поселенцевъ, находя, что они послушнѣе и безотвѣтнѣе другихъ рабочихъ.

30-го Августа я сѣлъ на пароходъ „Михаилъ“, какъ говорятъ, самый маленькій и самый плохой въ то время изо всѣхъ пароходовъ на Ленѣ, не имѣвшій даже пароваго отопленія. Между тѣмъ настали порядочные холода, все время дулъ сильный вѣтеръ, и въ общей каютѣ I-го класса было до такой степени холодно, что и днемъ, и ночью нельзя было снять мѣховое пальто. На такомъ-то пароходѣ пришлось тащиться трое сутокъ до селенія Витимска (на р. Ленѣ, при впаденіи р. Витима, 1410 верстъ отъ Иркутска), знаменитаго былыми кутежами пріисковыхъ рабочихъ послѣ осенняго разсчета на промыслахъ 10-го сентября, убійствами и разбоями. Лена поглотила здѣсь не мало труповъ тѣхъ ограбленныхъ и убитыхъ рабочихъ, которые болѣе другихъ вынесли съ пріисковъ денегъ и золота. Теперь витимскіе нравы нѣсколько смягчились, такъ какъ администрація заставляетъ золотопромышленниковъ вывозить рабочихъ не въ Витимскъ, а на 400 слишкомъ верстъ выше по Ленѣ до ничтожнаго, грязнаго городишка Киренска, но все-таки еще не мало отчаяннаго народа гнѣздится въ Витимскѣ, такъ какъ туда сплошь и рядомъ возвращаются рабочіе, довезенные до Киренска.

По пріѣздѣ въ Витимскъ я немедленно поѣхалъ за нѣсколько верстъ на Виску: это, такъ называемая, „резиденція“ К° Сибиряковыхъ, Базановыхъ и Нѣмчинова, т.-е. пристань ихъ пароходовъ и лѣтнее мѣстопребываніе главнаго управляющаго ихъ пароходствомъ; тутъ же находятся больница и богадѣльня (на 10 человѣкъ) для рабочихъ, потерявшихъ здоровье на пріискахъ. Пріятнымъ сюрпризомъ для меня было то, что тотчасъ по пріѣздѣ моемъ на Виску пришелъ съ пріисковъ пароходъ „Тихонъ“, на которомъ часа черезъ три я и отправился въ дальнѣйшій путь. На этомъ, вполнѣ благоустроенномъ пароходѣ, въ отдѣльной большой каютѣ, отапливаемой паромъ, я совершенно отдохнулъ отъ дорожнаго утомленія и скорбѣлъ только о томъ, что мы подвигались впередъ весьма медленно. Витимъ—рѣка очень быстрая, „сумашедшая“, какъ выражался капитанъ, а пароходъ нашъ тянулъ за собою

барку съ грузомъ около 20,000 пудовъ, и потому мы дѣлали всего какихъ-нибудь 7 верстъ въ часъ, да нѣкоторыя ночи еще стояли на мѣстѣ.

Берега р. Витима совершенно не населены; только верстъ черезъ 30 стоятъ „зимовья“, которыя зимою служатъ станціями на пріисковой почтовой дорогѣ, а теперь въ нихъ живутъ только караульные. Единственное болѣе населенное мѣсто—Воронцовская пристань (100 верстъ отъ Витимска), занятая исключительно складами и разными постройками КК° Промышленности и Прибрежно-Витимской (см. т. II, стр. 309—310 моей книги).

5-го Сентября я пріѣхалъ на Бодайбо, пристань на Витимѣ при впаденіи въ Лену р. Бодайбо, сдѣлавъ болѣе 1700 верстъ въ двѣ недѣли—на лошадяхъ, въ почтовой лодкѣ и на пароходѣ. Здѣсь живетъ горный исправникъ Витимской системы, находится „резиденція“ нѣсколькихъ золотопромышленныхъ компаній, въ томъ числѣ и К° Промышленности, больница этой К°, сюда подвозятъ сотни тысячъ пудовъ сѣна, пригоняютъ на баржахъ, буксируемыхъ пароходами, массу скота и живетъ, такъ называемый, „резидентъ“ компаніи. Здѣсь я присутствовалъ при медицинскомъ освидѣтельствованіи рабочихъ, нанимаемыхъ на новую операцію, и затѣмъ въ тотъ же день послѣ обѣда выѣхалъ изъ Бодайбо на Успенскій пріискъ, гдѣ находится главное управленіе К° Сибиряковыхъ, Базановыхъ и Нѣмчинова (40 верстъ отъ Бодайбо). Дорога проходитъ въ высшей степени гористою мѣстностью (отъ Бодайбо 5 верстъ идетъ подъемъ въ гору). Уже когда мы подъѣзжали къ Бодайбо, былъ ночью морозъ градусовъ 5, а такъ какъ чѣмъ далѣе, тѣмъ выше, а слѣдовательно и холоднѣе, то въ „дальней“ Олекминской тайгѣ выпалъ глубокій снѣгъ, и проѣзжавшіе ранѣе меня пробирались съ большимъ трудомъ. Мнѣ къ счастію пришлось ѣхать въ болѣе теплые дни и потому, хотя чѣмъ далѣе за Успенскимъ пріискомъ, тѣмъ болѣе лежало снѣгу по сторонамъ, но я ѣхалъ по грязи и мѣстами по камнямъ, а не по снѣгу. Какъ бы то ни было, тѣ 130 верстъ, которыя я проѣхалъ въ одинъ конецъ по Витимской и Олекминской системамъ Ленскаго горнаго округа, идетъ дорога неизмѣримо лучшая, чѣмъ въ енисейскихъ тайгахъ: я вездѣ ѣхалъ на тройкѣ и только удивлялся выносли-

вости и прочности мѣстныхъ тарантасовъ, такъ какъ везутъ, гдѣ возможно, рысью.

Пріѣхавъ ночью на Успенскій пріискъ, я осмотрѣлъ на другой день шахтовыя работы, золотопромывальную машину, казармы рабочихъ, больницу, училище, библіотеку для служащихъ, устроенную на деньги, пожертвованныя И. М. Сибиряковымъ, церковь и кухню для рабочихъ, былъ также въ архивѣ, который оказался очень обширнымъ и благоустроеннымъ, и въ тотъ же день поѣхалъ далѣе вмѣстѣ съ окружнымъ инженеромъ, который живетъ на Успенскомъ пріискѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что сопровождаетъ меня на основаніи оффиціальнаго предписанія начальника Иркутскаго горнаго округа г. Л. Карпинскаго между прочимъ для того, чтобы обратить мое вниманіе на тѣ затрудненія, съ которыми приходится бороться мѣстной золотопромышленности. Такъ по дорогѣ онъ указалъ мнѣ на канаву, глубиною въ 4 саж., которую на протяженіи $2^1/_2$ верстъ провелъ золотопромышленникъ Ѳ. И. Базилевскій и которая стоила ему 300.000 руб., для того, чтобы отвести въ другое мѣсто русло р. Бодайбо, такъ какъ безъ этого вода заливала шахты подъ русломъ этой рѣки, въ которыхъ начали добывать золотоносные пески. При каждомъ удобномъ случаѣ онъ указывалъ мнѣ на то, что по мѣстнымъ условіямъ здѣсь должна существовать только крупная золотопромышленность (хотя въ дѣйствительности въ олекминской тайгѣ есть и мелкіе золотопромышленники, и старатели-золотничники). Проведя вечеромъ нѣсколько часовъ съ главноуправляющимъ Ѳ. И. Базилевскаго и мѣстнымъ докторомъ, я выѣхалъ далѣе къ ночи одинъ и, сдѣлавъ около 70-ти верстъ, раннимъ утромъ 7-го сентября былъ уже на промыслахъ Ленскаго Т-ва, откуда проѣхалъ къ живущему по близости исправнику Олекминской системы. Такъ какъ черезъ два дня предстоялъ разсчетъ рабочихъ, и дѣла у исправника въ это время бываетъ очень много, а я торопился, чтобы успѣть возвратиться въ Иркутскъ до пріостановки навигаціи по Ленѣ и выѣхать изъ тайги вмѣстѣ съ рабочими, то пришлось лѣзть на чердакъ, гдѣ хранится архивъ горнаго исправника и съ помощью казака и рабочаго доставать нужныя мнѣ дѣла. Мнѣ все-таки удалось пересмотрѣть весь архивъ, гдѣ хранятся дѣла съ начала 50-хъ гг., и отобрать то,

что нужно было взять съ собой, а вечеромъ я возвратился на Тихоно-Задонскій пріискъ Ленскаго Т-ва. Затѣмъ я осмотрѣлъ элеваторъ (машину для промывки золотоносныхъ песковъ силою воды, поднимавшей ихъ своимъ напоромъ на извѣстную высоту), который былъ устроенъ здѣсь горнымъ инженеромъ М. Шостакомъ, но потомъ оставленъ; побывалъ въ больницѣ, казармахъ рабочихъ и въ разрѣзѣ, гдѣ производились работы, получилъ отъ главноуправляющаго К° горнаго инженера Л. Ф. Граумана нѣкоторые документы изъ архива Ленскаго Т-ва и отправился въ обратный путь. Переночевавъ на пріискѣ Ѳ. И. Базилевскаго, я осмотрѣлъ больницу, баню для рабочихъ и ихъ казармы и добылъ нѣкоторые архивные документы, а затѣмъ былъ по сосѣдству на пріискѣ Бодайбинской К°, гдѣ также осмотрѣлъ больницу, казармы и кухню рабочихъ и прихватилъ нѣкоторыя дѣла. Вечеромъ я былъ уже на Успенскомъ пріискѣ, и на другой день работалъ въ обширномъ архивѣ двухъ соединенныхъ КК° Промышленности и Прибрежно-Витимской. Здѣсь я между прочимъ встрѣтилъ весьма оригинальную личность: это мѣстный конторщикъ и въ тоже время фотографъ изъ якутовъ. Онъ имѣлъ случай познакомиться съ ссыльными изъ государственныхъ преступниковъ, вполнѣ цивилизовался, благодаря ихъ вліянію, и былъ однимъ изъ самыхъ интеллигентныхъ людей на главномъ „стану“ этихъ КК°. Онъ такъ превосходно снималъ портреты, что его работы не уступаютъ лучшимъ потербургскимъ фотографіямъ. Пріисковая цѣна (18 р. за дюжину кабинетныхъ карточекъ) не останавливаетъ многихъ рабочихъ сниматься у него. Здѣсь я присутствовалъ также при наймѣ рабочихъ, и затѣмъ вечеромъ выѣхалъ обратно на Бодайбинскую резиденцію, гдѣ поработалъ надъ дѣлами архива Витимскаго горнаго исправника (съ половины 70-хъ гг.) и захватилъ съ собою нѣкоторыя дѣла, а 12-го сентября выѣхалъ съ Бодайбо на пароходѣ „Синельниковъ“, который тащилъ за собою баржу, переполненную рабочими (см. ниже т. II, стр. 487—488).

Хотя поѣздку по Ленскому горному округу пришлось сдѣлать слишкомъ быстро, но я собралъ здѣсь массу интересныхъ документовъ, пониманіе которыхъ весьма облегчилось личными наблюденіями; особенно доволенъ былъ я тѣмъ, что удалось выѣхать съ

пріисковъ вмѣстѣ съ рабочими. Хотя непродолжительное пребываніе въ тайгѣ было куплено мѣсячнымъ путешествіемъ изъ Иркутска на пріиски и обратно, но оно было все-таки необходимо для правильнаго пониманія матеріаловъ, которые я вывезъ съ собою.

Въ Усть-Кутѣ пароходъ останавливается, и далѣе 335 верстъ пришлось ѣхать до Жигалова въ лодкѣ, но такъ какъ противъ теченія подвигаться на веслахъ было бы слишкомъ трудно, то лодку тянутъ на лошадяхъ бичевой. Для этого я и мой спутникъ нанимали тройку лошадей; ихъ прикрѣпляли къ бичевѣ длиной саж. 50, на лошадей садилось 2 — 3 верховыхъ, часто 11—12-тилѣтнихъ мальчики, а въ лодкѣ находилось еще двое ямщиковъ (на кормѣ и носу), и мы подвигались такимъ образомъ среднимъ числомъ 5—6 верстъ въ часъ. Днемъ путешествіе совершалось вполнѣ благополучно, но ночью бичева безпрестанно задѣваетъ за какой-нибудь пень или камень, раздается крикъ—„заронило“, „зарочило“, и тогда верховому приходится на лошади, а то и слѣзая въ воду доставать бичеву. Разстояніе до Жигалова мы проплыли ровно въ трое сутокъ: нѣкоторыя ночи были очень холодны, такъ что вода съ береговъ начинала замерзать, мѣстами мели очень замедляли плаваніе, такъ что однажды „станокъ“ въ 17 верстъ мы плыли 5 часовъ, но все-таки мы благополучно добрались до Жигалова, пристани на Ленѣ, гдѣ пересаживаются уже въ экипажи.

Благодаря тому, что вслѣдствіе поломки парохода пришлось простоять четверо сутокъ на Ленѣ, мы пріѣхали въ Иркутскъ только 28-го Сентября, т.-е. послѣ 17-ти дней пути. Затѣмъ начались усиленныя занятія въ архивѣ Иркутскаго Горнаго Управленія, самомъ важномъ для исторіи сибирской золотопромышленности, такъ какъ здѣсь хранится масса дѣлъ съ начала 50-хъ гг., и отчасти въ архивѣ канцеляріи Иркутскаго Генералъ-Губернатора, пользованіе которымъ разрѣшилъ мнѣ А. Д. Горемыкинъ. Нѣкоторые интересные контракты съ пріисковыми рабочими я получилъ также въ архивѣ городской думы. Занятія въ первомъ архивѣ потребовали болѣе трехъ недѣль самаго напряженнаго труда, послѣ чего я могъ оставить Иркутскъ, заказавъ массу выписокъ изъ прочитанныхъ и отмѣченныхъ мною матеріаловъ. Не буду описывать обратнаго пути, который въ Восточной Сибири пришлось дѣлать то на колесахъ,

то на саняхъ. Упомяну только, что въ Красноярскѣ мнѣ удалось поработать еще въ архивѣ Губернскаго Суда, гдѣ я нашелъ интересныя дѣла о волненіяхъ пріисковыхъ рабочихъ, и, получивъ нѣкоторые документы изъ архива золотопромышленника А. П. Кузнецова, я отправилъ въ Петербургъ еще нѣсколько пудовъ архивныхъ матеріаловъ. Въ Томскѣ пришлось вновь позаняться въ архивѣ Горнаго Управленія. Возвратился я черезъ Тюмень, Екатеринбургъ и Златоустъ, гдѣ сѣлъ на Самаро-Уфимскую ж. д. Все путешествіе въ Сибирь продолжалось шесть съ половиною мѣсяцевъ.

Такимъ образомъ мое историческое изслѣдованіе быта рабочихъ на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ основано преимущественно на неизданныхъ документахъ архивовъ слѣдующихъ учрежденій: Государственнаго Совѣта, Комитета Министровъ (дѣла Сибирскаго Комитета), Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, Горнаго Департамента, Томскаго Горнаго Управленія, Общаго Томскаго Губернскаго Архива, Томской Полиціи, Главнаго Управленія Алтайскаго Горнаго Округа (въ Барнаулѣ), конторъ и коммиссіи военнаго суда въ Салаирскомъ рудникѣ (на Алтаѣ), Енисейскаго Губернскаго Суда, Енисейской Полиціи, Красноярской Городской Думы, Иркутскаго Горнаго Управленія, Канцеляріи Иркутскаго Генералъ-Губернатора, Иркутской Городской Думы, горныхъ исправниковъ: кузнецкаго, сѣверно-енисейскаго, южно-енисейскаго, Витимской и Олекминской системъ Ленскаго горнаго округа, волостныхъ правленій Дмитріевскаго (въ селѣ Тисулѣ) и въ Банмѣ (Маріинскаго округа) и архивовъ золотопромышленниковъ А. П. Кузнецова (въ Красноярскѣ), В. И. Базилевскаго (въ Енисейскѣ), И. П. Кытманова (на Гавриловскомъ пріискѣ сѣверо-енисейскаго округа), Удерейской К^{0} (на Воскресенскомъ пріискѣ, арендуемомъ А. А. Саввиныхъ), Асташевыхъ (на Дополнительномъ участкѣ Прокопьевскаго пріиска), КК^{0} Промышленности и Прибрежно-Витимской (на Успенскомъ пріискѣ Бодайбинской К^{0} Витимской системы Ленскаго горнаго округа), Ѳ. И. Базилевскаго и Ленскаго золотопромышленнаго т-ва (въ Олекминской системѣ) и Южно-Алтайской К^{0} (Кузнецкаго округа), всего—32 архивовъ.

Хотя изученіе документовъ этихъ архивовъ дало мнѣ возможность собрать массу данныхъ относительно быта рабочихъ на всѣхъ

сибирскихъ золотыхъ промыслахъ, но во II-мъ т. моего труда я не нашелъ нужнымъ, во избѣжаніе излишняго повторенія однородныхъ фактовъ, описывать бытъ общеконтрактныхъ рабочихъ на всѣхъ горныхъ системахъ (я не говорю, напримѣръ, о промыслахъ Ачинскаго, Минусинскаго, Красноярскаго, Канскаго и Нижнеудинскаго округовъ и промыслахъ Забайкальской области), но относительно быта старателей-золотничниковъ и волненій рабочихъ я воспользовался всѣми имѣвшимися у меня матеріалами.

Въ предѣлахъ поставленной себѣ задачи я старался, кромѣ неизданныхъ матеріаловъ, разработать возможно полнѣе и печатные источники и пособія, розысканіе которыхъ было облегчено „Сибирскою библіографіею“ В. И. Межова (3 т.) и указателемъ статей о золотопромышленности въ сибирскихъ повременныхъ изданіяхъ Д. М. Головачева. Ссылки на книги и статьи сдѣланы вездѣ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, изъ болѣе же выдающихся трудовъ нашихъ предшественниковъ по изученію быта рабочихъ на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ слѣдуетъ упомянуть о сочиненіяхъ Кривошапкина „Енисейскій округъ и его жизнь“ (1865 г.), Уманьскаго „Очерки золотопромышленности въ Енисейской тайгѣ“ и статьяхъ неизвѣстнаго автора о рабочихъ на промыслахъ Олекминскаго округа въ „Сибирскомъ Сборникѣ“ (прилож. къ „Восточному Обозрѣнію“ 1889 г. кн. 1-я и 2-я, 1890 г., кн. 1-я).

Въ числѣ многихъ, весьма крупныхъ, пробѣловъ нашей исторической литературы не послѣднее мѣсто занимаетъ почти совершенное отсутствіе изслѣдованій по исторіи фабричнаго и заводскаго, вообще промышленнаго труда. Правда, мы имѣемъ нѣсколько работъ о прошлой жизни крѣпостныхъ, приписныхъ и поссессіонныхъ рабочихъ и мастеровыхъ на фабрикахъ и заводахъ, но исторія фабричнаго и заводскаго труда въ Россіи во всемъ его объемѣ еще составляетъ одну изъ серьезныхъ задачъ науки. Для этого необходимо изучить подробно исторію крѣпостного труда на помѣщичьихъ фабрикахъ и заводахъ, поссессіонныхъ мастеровыхъ (особенно въ эпоху крестьянской реформы) и, наконецъ, свободныхъ рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ, каменноугольныхъ копяхъ, золотыхъ промыслахъ на Уралѣ и т. п. Дѣло это нелегкое, такъ какъ собираніе подобнаго матеріала представляетъ едва-ли не боль-

шія трудности, чѣмъ его разработка. Часть неизданныхъ источниковъ по этому предмету найдется и въ столичныхъ архивахъ, но большинство ихъ разсѣяно въ архивахъ различныхъ казенныхъ провинціальныхъ учрежденій или частныхъ имѣній, фабрикъ, заводовъ и т. п., а провинціальныя частныя и казенныя хранилища рукописей обыкновенно весьма мало доступны. Большую услугу при разработкѣ хранящихся въ нихъ матеріаловъ могли бы оказать мѣстные изслѣдователи, но, къ сожалѣнію, проникнуть въ архивы родного города сплошь и рядомъ оказывается для нихъ болѣе затруднительнымъ, чѣмъ для наѣзжаго ученаго, нерасполагающаго ни такимъ количествомъ времени, какъ мѣстные работники, ни такимъ знаніемъ особенностей даннаго края.

Какъ это ни странно, у насъ оказывается еще нужнымъ доказывать пользу историческихъ изслѣдованій внутренняго быта, основанныхъ на неизданныхъ матеріалахъ, и иногда приходится слышать нападенія на „архивную науку“ со стороны людей, повидимому, развитыхъ и образованныхъ. Мы полагаемъ, что избыткомъ любви къ наукѣ мы вообще не особенно грѣшимъ; что же касается научной обработки громаднаго запаса неизданныхъ историческихъ матеріаловъ, то въ этомъ отношеніи сдѣлано поразительно мало. Мы не имѣемъ еще, напримѣръ, полной исторіи крестьянъ и городского сословія, исторіи податей и натуральныхъ повинностей, исторіи сельскаго хозяйства, цѣнъ, рабочей платы и т. п., а научная разработка всего этого невозможна безъ архивныхъ разысканій.

Наше историческое изслѣдованіе быта рабочихъ на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ послужитъ современемъ лишь однимъ изъ пособій для созданія вполнѣ научной исторіи промышленнаго труда въ Россіи. Такую исторію мы будемъ имѣть вѣроятно не скоро, судя по тому, что у насъ нѣтъ до сихъ поръ еще болѣе необходимой для насъ исторіи крестьянъ, хотя научное изслѣдованіе ихъ прошлой жизни началось уже 40 лѣтъ тому назадъ. Нужно замѣтить, впрочемъ, что полной исторіи промышленнаго труда нѣтъ еще и въ западно-европейской литературѣ, несмотря на то, что промышленные рабочіе имѣли неизмѣримо болѣе важное значеніе въ жизни западной Европы, чѣмъ въ нашей, по преимуществу земледѣльческой странѣ.

Въ заключеніе мнѣ остается принести глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, такъ или иначе оказавшимъ содѣйствіе моему труду, въ томъ числѣ и тѣмъ представителямъ золотопромышленности, которые во время моей поѣздки по Сибири снабдили меня массою неизданныхъ матеріаловъ. За ихъ любезность и гостепріимство я могу отплатить только однимъ: правдивымъ изображеніемъ жизни рабочихъ.

Не могу не выразить также своей признательности библіотекарямъ Публичной библіотеки В. П. Ламбину, П. А. Соколовскому и А. И. Браудо, библіотекарямъ библіотеки Академіи Наукъ Э. А. Вольтеру, А. Д. Орлову и А. Б. Ламбиной и завѣдующему архивомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ имуществъ П. А. Шафранову. Сообщеніемъ нѣкоторыхъ матеріаловъ и полезными указаніями я обязанъ также Л. Ѳ. Пантелѣеву.

Нѣкоторые отдѣлы моего труда уже были напечатаны въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ: „Русскомъ Богатствѣ“, „Русской Мысли“, „Вѣстникѣ Европы“, „Сибирскомъ Сборникѣ“, „Восточномъ Обозрѣніи“, „Степномъ Краѣ“, „Сибири“ и „Русскихъ Вѣдомостяхъ“.

ВВЕДЕНІЕ.

Золотопромышленность въ Америкѣ приняла первоначально иныя формы, чѣмъ въ Сибири, благодаря отсутствію тѣхъ стѣсненій, которыя въ большей или меньшей степени до сихъ поръ существуютъ у насъ относительно этого промысла. Въ Калифорніи (послѣ открытія золота въ 1848 г.) каждый явившійся туда, если только онъ принадлежалъ къ расѣ бѣлыхъ, могъ завладѣть частью розсыпей, которая еще не разрабатывалась или оставалась безъ разработки въ теченіе извѣстнаго срока. При вступленіи во владѣніе какимъ либо участкомъ соблюдались лишь самыя ничтожныя формальности: къ дереву или къ воткнутому въ землю столбику прикрѣплялось письменное заявленіе, что отъ этой точки до другого соотвѣтствующаго знака на извѣстномъ пространствѣ [1]) такое-то лицо предположило приступить къ разработкѣ золота. Если въ теченіе трехъ дней никто не предъявитъ спора на заявленный такимъ образомъ участокъ, работа немедленно начиналась, но должна была идти безостановочно подъ опасеніемъ лишенія права на сдѣланную заявку. Хотя, особенно въ первое время послѣ открытія золотыхъ пріисковъ въ Калифорніи, постоянные споры изъ за участковъ доходили до кровавыхъ битвъ между враждебными партіями [2])

[1]) Въ округѣ Маріпоза—150 или 300 шаговъ, смотря по тому, о чемъ идетъ дѣло: о розсыпи или о рудникѣ.

[2]) См. *Del Mar.* A history of the precious metals. L. 1880, p. 304—307.

но тѣмъ не менѣе простота правилъ и отсутствіе излишнихъ стѣсненій вызвали здѣсь громадную разработку розсыпей, и Калифорнія въ короткое время сдѣлалась страною спокойною подъ защитою свободныхъ учрежденій [1]). Въ Австраліи въ первые годы по открытіи золота (въ 1851 г. въ Новомъ Южномъ Валлисѣ) на мѣста нахожденія его собирались десятки тысячъ „диггеровъ", которые въ сравнительно короткое время вырабатывали свои маленькіе отводы (имъ давалось по 30 фут. вдоль по жилѣ) и разбогатѣвъ покидали мѣстность или бросали работу, какъ только добыча руды дѣлалась труднѣе при углубленіи выработокъ, предпочитая искать счастія во вновь открытыхъ округахъ; впослѣдствіи изъ этихъ диггеровъ стали образовываться мѣстныя компаніи [2]).

Въ противоположность такой полной свободѣ золотого промысла въ Америкѣ и Австраліи, въ Сибири къ золотопромышленности допущены были по закону 1838 г. только дворяне, потомственные почетные граждане и купцы 1-й и 2-й гильдіи. Въ 1870 г. эти ограниченія были уничтожены, но остались сложныя формальности по заявкѣ площадей, и полной свободы занятія этимъ промысломъ, дающей возможность каждому рабочему заниматься имъ на свой страхъ безъ посредства эксплоатирующихъ его золотопромышленниковъ и подрядчиковъ, не существуетъ и до сихъ поръ. Благодаря этому золотопромышленность въ Сибири приняла форму довольно крупныхъ предпріятій, и въ 40-хъ гг. на одинъ пріискъ частныхъ предпринимателей приходилось въ Сибири въ разныхъ мѣстностяхъ отъ 56 до 192 человѣкъ рабочихъ, въ 50-хъ гг.— въ среднемъ 131 ч., въ 60-хъ эта цифра уменьшилась почти вдвое— до 67 чел.; въ 70-хъ гг. было въ среднемъ по 59 и въ 80-хъ по 44 рабочихъ, а въ первой половинѣ 90-хъ гг. по 38 рабочихъ по разсчету на всю операцію, считая же наличныхъ рабочихъ въ среднемъ въ 1880—84 гг. было по 66 ч. на одинъ пріискъ [3]).

---

[1]) *Simonin.* „La Californie en 1860, ses progrés et sa transformation". Revue des deux Mondes, 1861, Avril, 3 livr. Извлеченіе изъ этой статьи см. въ „Трудахъ Ком. Высоч. утв. для пересм. системы податей и сборовъ". Т. VIII, ч. I.

[2]) *Л. Перрэ.* „Золотопромышленность въ Австраліи, Тасманіи и Новой Зеландіи". Спб. 1895 г., стр. 59.

[3]) Въ Африкѣ, въ Трансваалѣ, гдѣ богатое рудное золото было открыто въ 1886 г., вслѣдствіе необходимости затрачивать крупные капиталы на провс-

Частные предприниматели имѣли подъ рукою готовый контингентъ рабочихъ-пролетаріевъ въ видѣ ссыльно-поселенцевъ, которые составляли въ 1834 г. 82% всѣхъ сибирскихъ пріисковыхъ рабочихъ; правда, число ихъ постепенно уменьшалось: въ 1847 г. на промыслахъ Енисейской губерніи ихъ было 68%, въ 1850 г.— 53%, но и по перечисленіи въ крестьяне поселенцы все же сплошь и рядомъ нуждались въ заработкахъ на пріискахъ; съ своей стороны золотопромышленники предпочитали поселенцевъ, какъ болѣе сговорчивыхъ рабочихъ, людямъ полноправнымъ, да и изъ ихъ среды бездомнымъ поселенцамъ отдавалось предпочтеніе предъ людьми болѣе обезпеченными. Однако постепенно все увеличивался притокъ полноправныхъ рабочихъ изъ Европейской Россіи, и среди пріисковыхъ рабочихъ Восточной Сибири въ 1858 г. мѣщанъ и крестьянъ великороссійскихъ губерній было 21% (въ 60-хъ гг. число ихъ уменьшилось). Въ 80-хъ гг. ссыльнопоселенцы составляли уже меньшинство рабочихъ. Кромѣ русскихъ, на промыслахъ работаютъ въ Степномъ краѣ киргизы, а въ Амурской области допускаются на промыслы и китайцы и корейцы (съ 1894 г. съ тѣмъ, чтобы число ихъ не превышало половины общаго числа рабочихъ на промыслахъ Приамурскаго края [1]).

На ряду съ частными людьми крупнымъ предпринимателемъ явился съ начала 30-хъ гг. Кабинетъ Его Величества на принадлежащихъ ему промыслахъ Алтайскаго и Нерчинскаго округовъ, гдѣ до 1861 г. въ Алтайскомъ округѣ рабочими почти исключительно, а въ Нерчинскомъ на половину были мастеровые, подчиненные военной дисциплинѣ и работавшіе на промыслахъ не по

девіе глубокихъ шахтъ, золотопромышленность сразу приняла форму весьма крупныхъ промышленныхъ предпріятій. *P. Leroy-Beaulieu.* „Les nouvelles sociétés Anglo-saxonnes“, P. 1897, p. 350—351. Данныя о числѣ рабочихъ на частныхъ сибирскихъ золотыхъ пріискахъ въ разное время приведены у меня ниже см. т. I, стр. 7—8, 93, 165—166, 563, т. II, 853, 866, 877; на кабинетскихъ промыслахъ т. I, 265, 298, 301, т. II, 911, 913—914.

[1]) Въ Калифорніи китайцы были также привлечены открытіемъ золота, но въ 1893 г. имъ на 10 лѣтъ запрещено переселеніе въ Америку. *Levasseur.* „L'ouvrier américain“, P. 1898, I, 462—467. Въ золотыхъ рудникахъ Трансвааля работаетъ значительное количество негровъ; въ 1894 г. тамъ было 6500 бѣлыхъ рабочихъ и 42.000 негровъ. Въ Австраліи въ 1892 г. изъ 54.000 рабочихъ, занятыхъ золотопромышленностью, десятая часть были китайцы. *Leroy-Beaulieu*, 88, 356.

собственному желанію, а отбывавшіе тамъ обязательную службу, сначала безсрочно, а съ 1849 г. въ теченіе 35 лѣтъ; другимъ составнымъ элементомъ рабочихъ на Нерчинскихъ промыслахъ были ссыльно-каторжные. Такимъ образомъ до 1861 г. на кабинетскихъ промыслахъ золото добывалось малопроизводительнымъ несвободнымъ трудомъ; въ 1861—63 гг. мастеровые были замѣнены вольнаемными рабочими, но трудъ ссыльно-каторжныхъ продолжалъ примѣняться въ Нерчинскомъ округѣ до конца 80-хъ гг. Въ теченіе 70-хъ и первой половины 80-хъ гг. ссыльно-каторжныхъ отпускали еще для заработковъ на частные промыслы Якутской и Амурской областей; впрочемъ, въ Амурской области такіе случаи бывали еще и ранѣе—въ 60-хъ гг.

Въ первой половинѣ 60-хъ гг. на сибирскихъ промыслахъ появляются, такъ называемые, старатели - золотничники, которые составляли артели или совершено самостоятельныя, или имѣвшія дѣло съ владѣльцемъ пріиска при посредствѣ подрядчиковъ. Названіе ихъ происходитъ отъ того, что они получали вознагражденіе съ золотника золота. Съ половины 80-хъ гг. на промыслахъ Амурской и Приморской областей такими золотничными работами стало заниматься значительное количество китайцевъ и корейцевъ.

На частныхъ промыслахъ рабочіе обыкновенно нанимались на работы въ теченіе весны и лѣта, и лишь сравнительно незначительное количество — на зимнія работы; эти послѣднія получили извѣстное развитіе лишь тамъ, гдѣ, какъ напр. въ Олекминскомъ округѣ, золотоносный пластъ лежитъ настолько глубоко, что оказывается гораздо выгоднѣе разработывать его посредствомъ подземныхъ работъ. Въ прежнее время золотопромышленники нерѣдко испытывали затрудненія въ наймѣ достаточнаго количества рабочихъ, и вслѣдствіе этого въ 30-хъ и 40-хъ гг. является цѣлый рядъ проектовъ о введеніи на промыслахъ обязательнаго труда посредствомъ переселенія крестьянъ изъ Европейской Россіи и приписки къ промысламъ или составленія рабочихъ командъ изъ ссыльнопоселенцевъ и ссыльно-каторжныхъ. Мысль объ установленіи обязательнаго для поселенцевъ (по крайней мѣрѣ бездомныхъ) найма на частные золотые промыслы возникала среди золотопромышленниковъ и въ началѣ 60-хъ гг. Однако эти проекты потерпѣли

крушеніе и только обязательный трудъ ссыльно-каторжныхъ, и то въ небольшомъ количествѣ, нашелъ примѣненіе на частныхъ золотыхъ промыслахъ въ 70-хъ и первой половинѣ 80-хъ гг. Но приливъ вольныхъ рабочихъ на золотые промыслы постепенно все возросталъ и во второй половинѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ гг. сталъ даже превышать спросъ (временный отливъ рабочихъ былъ вызванъ только постройкою Сибирской ж. д.). Бывали, впрочемъ, случаи запродажи на промыслы сельскими обществами недоимщиковъ, какъ ссыльно-поселенцевъ, такъ и крестьянъ.

Наемъ рабочихъ на частные промыслы по закону 1838 г. совершался по договорамъ явочнымъ или безъ явки. Но условія, нигдѣ незаписанныя и неявленныя, въ случаѣ нарушенія ихъ, не должны были подлежать никакому разбирательству у правительственныхъ властей, а могли разсматриваться только полюбовно выбранными посредниками, приговоръ которыхъ долженъ былъ считаться окончательнымъ. Мы не встрѣтили, впрочемъ, ни одного случая такого третейскаго суда на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. По Уставу о золотопромышленности 1870 г. договоры должны были совершаться не иначе, какъ явочнымъ порядкомъ. Наконецъ и по закону 1895 г. для Сибири былъ сохраненъ явочный порядокъ договоровъ, кромѣ золотничниковъ и лицъ, нанимающихся изъ мѣстъ, лежащихъ вблизи пріисковъ, не на всю промысловую операцію. Контракты свидѣтельствовались и въ волостныхъ правленіяхъ, и въ инородческихъ управахъ, и у городскихъ маклеровъ, и у горныхъ исправниковъ, но, не смотря на нѣкоторыя административныя распоряженія, имѣющія въ виду охрану интересовъ рабочихъ, не подвергались контролю со стороны мѣстныхъ властей. Только особыя условія о дополнительныхъ, такъ называемыхъ, старательскихъ работахъ, представлялись горнымъ исправникамъ, да и то, сколько намъ извѣстно, лишь въ 50-хъ и 60-хъ годахъ въ одномъ Олекминскомъ горномъ округѣ Якутской области. Бездомные ссыльно-поселенцы и безграмотные крестьяне плохо умѣли отстаивать свои права при заключеніи договоровъ, и потому естественно, что эти послѣдніе составлялись преимущественно въ интересахъ предпринимателей. Золотопромышленники не только предоставляли себѣ въ договорахъ право разсчитывать рабочихъ по своему усмотрѣнію до

истеченія срока договора [1]), но съ теченіемъ времени стали включать въ контракты даже условіе, предоставлявшее хозяевамъ право передавать рабочихъ, хотя бы и безъ ихъ согласія, на другіе промыслы. Такого условія не встрѣчается еще вовсе въ договорахъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, въ договорахъ 50-хъ годовъ мы находимъ его крайне рѣдко, но съ 60-хъ оно составляетъ явленіе самое заурядное, несмотря на протесты противъ этого въ печати, и включеніе такого условія въ договоры было запрещено только закономъ 1895 г.

Для найма рабочихъ, въ которыхъ прежде чувствовался недостатокъ [2]), золотопромышленники или посылали своихъ приказчиковъ по волостямъ, или подряжали одно или нѣсколько лицъ за условное вознагражденіе доставить извѣстное число рабочихъ [3]). Тѣ и другіе обыкновенно обращались къ содѣйствію волостныхъ писарей и кромѣ того пускали въ ходъ спаиваніе рабочихъ. При наймѣ на самихъ промыслахъ выдача извѣстнаго количества водки также играла огромную роль [4]). Пьянство сплошь и рядомъ продолжалось и во время пути на промыслы въ сопровожденіи лица, производившаго наемку, а скупка при этомъ вещей у пьющихъ рабочихъ по дешевой цѣнѣ и выдача имъ другихъ по пріисковой таксѣ давала возможность эксплоатировать рабочихъ, которые вслѣдствіе этого являлись на пріиски съ весьма значительнымъ долгомъ. Рабочіе пропивались иногда до того, что, спустивъ всю свою одежду,

---

[1]) По закону 24 мая 1835 г. фабриканты въ Россіи имѣли право отпустить рабочаго и до срока договора „по причинѣ невыполненія“ имъ обязанностей или дурного поведенія, но должны были предупредить рабочаго объ увольненіи за 2 недѣли (2 Пол. Собр. Зак., т. X, № 8157), но Положеніе о сибирской золотопромышленности 1838 г. не давало пріисковому рабочему даже и такой гарантіи.

[2]) Въ Трансваалѣ не хватаетъ теперь отъ $^1/_6$ до $^1/_4$ необходимыхъ для золотопромышленности рабочихъ. *P. Leroy-Beaulieu*, 357.

[3]) Вознагражденіе до 25 франковъ съ человѣка получаютъ также въ Трансваалѣ вербовщики рабочихъ негровъ на золотые рудники; вербовщики эти, побуждаемые конкурренціею, прибѣгаютъ къ разнымъ незаконнымъ продѣлкамъ, напр., къ кражѣ паспорта у негровъ, который они возвращаютъ лишь въ случаѣ согласія наняться въ ту компанію, для которой они производятъ наемъ. *Leroy-Beaulieu*, 359.

[4]) Въ Сѣверной Америкѣ въ настоящее время при наймѣ на знаменитые промыслы въ Клондайкѣ (въ Канадѣ) также прибѣгаютъ къ спаиванію рабочихъ, кладутъ въ лодки пьяныхъ и увозятъ ихъ на мѣсто работъ. „Рус. Вѣд.“ 1898 г. № 90.

путешествовали на пріиски даже зимою нагіе, напяливъ на себя мѣшокъ, набитый сѣномъ, а ноги и голову обернувъ въ тряпки. При странствованіи рабочихъ на промыслы золотопромышленныя компаніи обыкновенно выдавали имъ на свой счетъ только сухари, и лишь въ болѣе позднее время нѣкоторыя изъ нихъ стали отпускать кирпичный чай и одинъ фунтъ мяса въ день. Иногда компаніи обязывали рабочихъ ѣхать на промыслы на свой счетъ на лошадяхъ, и тогда долгъ рабочихъ по прибытіи на мѣсто работъ доходилъ, какъ, напр., въ Олекминскомъ округѣ, до нѣсколькихъ сотъ рублей. Впрочемъ такіе заборы до прихода на пріискъ были исключеніемъ, наиболѣе же обыкновенными были задатки (вмѣстѣ съ заборомъ на пути вещами) въ нѣсколько десятковъ рублей. Такой задатокъ, пока онъ не былъ отработанъ, въ значительной степени гарантировалъ рабочихъ отъ досрочнаго разсчета. Но съ половины 80-хъ годовъ наплывъ рабочихъ на промыслы настолько увеличился, что извѣстная часть ихъ совсѣмъ не находила заработка, и потому они изъявляли готовность наниматься съ ничтожными задатками или и совсѣмъ безъ нихъ [1]).

Въ началѣ золотопромышленности въ Сибири количество рабочихъ, неявившихся на промыслы, было весьма значительно: такъ въ 1835 г. изъ числа нанявшихся на пріиски Томской губ., не явилось 22%, въ 1841 г. на промыслы Нижнеудинскаго и Канскаго округовъ—15%; въ послѣдующіе же годы размѣръ неявки сильно уменьшился, и неявившихся рабочихъ было отъ 1 до 5% всѣхъ нанявшихся. По закону 1870 года неявившихся на работу ссыльно-поселенцевъ, а также бѣжавшихъ съ промысловъ мѣстное начальство должно было препровождать къ золотопромышленникамъ для выполненія ихъ обязанностей по найму. Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Синельниковъ циркуляромъ 1871 г. пояснилъ, что этотъ законъ не долженъ примѣняться къ полноправнымъ

[1]) На съѣздѣ золотопромышленниковъ южно-енисейскаго горнаго округа мѣстный горный исправникъ заявилъ и присутствовавшіе подтвердили, что въ настоящее время „не мало рабочихъ идетъ совершенно безъ задатка и даже нерѣдко рабочіе сами отъ себя даютъ задатки промышленнику, лишь бы ихъ приняли на промыслы". „Вѣстн. Зол." 1898 г. № 3, стр. 65. При наймѣ въ Иркутскѣ въ мартѣ 1898 г. давали задатокъ не болѣе 10 р. и въ рѣдкихъ случаяхъ 15 руб. „Сиб. Жизнь" 1898 г. № 70.

рабочимъ, а пересылка на пріиски ссыльно-поселенцевъ должна совершаться на счетъ золотопромышленника. Но нѣсколько позднѣе высшею мѣстною властью было сдѣлано распоряженіе, что полноправные рабочіе, неявившіеся на промыслы или бѣжавшіе съ нихъ, не должны быть высылаемы этапнымъ порядкомъ, но ихъ слѣдуетъ обязывать подписками непремѣнно являться на промыслы, выдавая для этого проходные виды. Ходатайства золотопромышленниковъ Западной Сибири о дозволеніи высылки такихъ рабочихъ по этапу (какъ это вошло въ обыкновеніе вопреки закону) были оставлены безъ вниманія. Въ законѣ 1895 г. были указаны причины неявки на промыслы, которые должны считаться уважительными.

Срокъ найма на промыслы по закону 1838 г. не могъ быть долѣе одного года, срокомъ же промывки золота на пріискахъ, гдѣ не было теплыхъ промываленъ, было назначено 10 сентября. Но и до изданія этого закона, и послѣ него рабочіе нерѣдко обязывались въ контрактахъ оставаться нѣсколько позже—до 20 сентября, 1 и даже 10 и 15 октября. Однако въ дѣйствительности разсчетъ обыкновенно производился 10 сентября, и потому золотопромышленники не разъ просили объ отмѣнѣ установленнаго закономъ 1838 г. срока промывки золота, но эти ходатайства не были удовлетворяемы въ виду суровости сибирскаго климата до изданія Устава о золотопромышленности 1870 г., когда обязательность этого срока была отмѣнена, вслѣдствіе чего въ менѣе отдаленныхъ золотопромышленныхъ округахъ разсчетъ рабочихъ сталъ чаще, чѣмъ прежде, производиться позднѣе 10 сентября. По закону 1870 г. сроки найма на промыслы были опредѣлены для сибирскихъ крестьянъ и мѣщанъ не болѣе одного года, а для крестьянъ и мѣщанъ прочихъ частей имперіи не долѣе 7-ми лѣтъ (хотя по общимъ гражданскимъ законамъ наемъ долженъ былъ производиться не долѣе, чѣмъ на 5 лѣтъ). Въ 1876 г. было дозволено сибирскимъ крестьянамъ, мѣщанамъ и ссыльно-поселенцамъ наниматься на золотые промыслы Амурской и Приморской областей на сроки до двухъ лѣтъ, но въ дѣйствительности рабочіе обыкновенно нанимались не долѣе, чѣмъ на годъ. Въ настоящее время относительно сибирскихъ крестьянъ, мѣщанъ и ссыльно-поселенцевъ для областей Амурской и Приморской

и для Ленскаго горнаго округа [1]) допускается двухлѣтній срокъ найма, въ иныхъ мѣстахъ Сибири не болѣе одного года, для прочихъ же лицъ максимумъ срока былъ установленъ въ 5 лѣтъ, какъ это допускается общими гражданскими законами и Положеніемъ о сельскихъ рабочихъ.

На зиму нанималось гораздо меньшее количество рабочихъ, чѣмъ на лѣтнюю операцію. Правда, еще въ 1834 году мы встрѣчаемъ случай, что золотопромышленники Асташевъ и К⁰ Рязанова и Баландина устроили на своихъ промыслахъ Маріинскаго округа Томской губ. теплыя зимнія промывальни (такъ какъ заложили подземныя работы) и оставили у себя рабочихъ на весь годъ, но случаи зимней промывки на частныхъ промыслахъ были рѣдки [2]), и тамъ, гдѣ не было подземныхъ работъ, осенью и зимою производились лишь подготовительныя работы (вскрытіе торфа и проч.), а тамъ, гдѣ были работы подъ землею, добывались и золотоносные пески, но промывка золота производилась все-таки лѣтомъ. На зимнія работы въ первой половинѣ 50-хъ годовъ на промыслахъ Енисейской губерніи оставалось только 15—21% лѣтнихъ рабочихъ. Въ Киргизскихъ степяхъ зимнія работы вовсе не прививаются; въ Томскомъ горномъ округѣ въ 1889—90-мъ годахъ на зиму оставалось 14—19% всего лѣтняго пріисковаго населенія. Въ сѣверно-енисейскомъ округѣ въ 80-хъ годахъ число рабочихъ, оставшихся на весь годъ, было не болѣе 14%; въ южной части Енисейскаго округа въ 80-хъ годахъ оставалось на зиму гораздо болѣе рабочихъ, такъ какъ тамъ болѣе развиты подземныя работы: въ первой половинѣ 80-хъ гг. здѣсь работало весь годъ 33—35% лѣтняго населенія, а въ 1890 г. даже 50%. Въ Олекминскомъ округѣ въ первой половинѣ 80-хъ гг. оставалось на весь годъ 28—35% рабочихъ.

Уже въ 40-е годы можно было встрѣтить рабочихъ, занимавшихся пріисковымъ трудомъ болѣе 15 лѣтъ, а въ 70—90-хъ гг. бывали иногда даже такіе, которые провели на промыслахъ по нѣскольку десятковъ лѣтъ.

Подземныя работы мы встрѣчаемъ въ 50-хъ гг. преимущественно въ южной части Енисейскаго округа и на Алтайскихъ ка-

[1]) „Изв. Мин. Землед. и Госуд. Имущ." 1898 г. № 19, стр. 290.

[2]) Только на кабинетскихъ промыслахъ промывка производилась и зимою.

бинетскихъ промыслахъ; на этихъ послѣднихъ въ 1853 г. 39% всѣхъ добытыхъ песковъ было получено посредствомъ подземныхъ работъ. Въ настоящее время такія работы преимущественно развиты въ южно-енисейскомъ и Ленскомъ (Олекминскомъ) горныхъ округахъ: въ этомъ послѣднемъ въ 1892 г. 5/6 всего золота было добыто подземными работами.

Продолжительность рабочаго дня опредѣлялась въ контрактахъ извѣстнымъ количествомъ часовъ, но въ дѣйствительности на горныхъ работахъ рабочіе трудились и болѣе, и менѣе назначеннаго времени, такъ какъ на этихъ работахъ имъ задавались уроки, и они дѣлались свободными только послѣ ихъ окончанія. Такъ въ контрактахъ, заключенныхъ въ половинѣ 30-хъ гг., мы встрѣчаемъ продолжительный рабочій день отъ восхода до заката солнца лишь съ часовымъ перерывомъ, но въ дѣйствительности собственно урочныя работы оканчивались не позже 2—3-хъ часовъ пополудни. По закону 1838 г., рабочій обязанъ былъ трудиться не болѣе, какъ съ 5-ти часовъ утра до 8-ми пополудни съ промежуткомъ, опредѣленнымъ въ контрактѣ для обѣденнаго отдыха. Въ контрактахъ 40-хъ гг. продолжительность рабочаго дня опредѣлена въ $12^1/_2$—14 ч., но собственно урочная работа оканчивалась въ концѣ этого десятилѣтія обыкновенно около 5-ти ч., хотя нерѣдко кончалась и позднѣе—въ 6—8 ч. Введеніе машиннаго производства при промывкѣ золота вызвало удлиненіе рабочаго дня [1], продолжительность котораго контрактами этого времени опредѣлялась въ 12—15 ч., а въ дѣйствительности, по свидѣтельству одного золотопромышленника, работы на пріискахъ Енисейской губерніи въ это время продолжались съ 4-хъ часовъ утра до поздняго вечера [2]. Въ 60-хъ гг. рабочій день сталъ еще продолжительнѣе. Правда, на промыслахъ Киргизской степи онъ былъ не болѣе 11—12 ч. [3], а въ договорахъ сѣверной части Енисейскаго округа обыкновенно не превосходилъ $12^1/_2$—$13^1/_2$ ч. и въ южной его части—$12^1/_2$—

---

[1]) Ср. *Марксъ*. „Капиталъ", т. I, 1898 г., стр. 354, 357.

[2]) Только подростки старше 15-ти лѣтъ на Алтайскихъ кабинетскихъ промыслахъ должны были работать не болѣе 8-ми ч.

[3]) Въ контрактахъ Кабинета съ вольнонаемными рабочими на Алтаѣ въ 60-хъ гг. продолжительность рабочаго дня опредѣлялась въ 12—13 ч.

14 ч., но въ нѣкоторыхъ договорахъ южно-енисейскаго округа устанавливалось начало работъ въ 3 ч. утра и окончаніе ихъ въ 9 ч. вечера, и по свидѣтельству одного изъ золотопромышленниковъ продолжительность рабочаго дня доходила на нѣкоторыхъ промыслахъ до 17—18 ч. въ сутки [1]). По дѣйствовавшему въ то время въ Сибири закону 1838 г. рабочій долженъ былъ трудиться не болѣе, какъ съ 5-ти ч. утра до 8-ми ч. пополудни, съ опредѣленнымъ въ контрактахъ перерывомъ для обѣденнаго отдыха, но такъ какъ въ этомъ законѣ упоминалось о „старательской работѣ", какъ о „работѣ сверхъ условленнаго времени", то золотопромышленники толковали это постановленіе такимъ образомъ, что указанное въ немъ количество рабочихъ часовъ относится только къ урочнымъ работамъ; но такъ какъ въ это время старательская работа сдѣлалась уже обязательной, то на нее должно было бы распространяться правило закона 1838 г. объ ограниченіи количества ежедневнаго труда. Такъ смотрѣла на это дѣло и сибирская администрація въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда она въ 60-хъ гг. обращала вниманіе на законность контрактовъ. Золотопромышленники, очевидно, считали для себя стѣснительнымъ очень льготное для нихъ правило закона 1838 г., такъ какъ составители Устава о золотопромышленности 1870 г. отказались отъ регулированія продолжительности рабочаго дня. Въ послѣднее 25-тилѣтіе количество рабочихъ часовъ, разумѣется, не могло уже увеличиваться, такъ какъ оно достигло возможнаго максимума въ 60-хъ гг. На промыслахъ Семипалатинской области средняя продолжительность рабочаго дня въ концѣ 80-хъ гг. была нѣсколько менѣе 10-ти ч., но на половинѣ пріисковъ она равнялась 10—12 ч. Во всякомъ случаѣ продолжительность рабочаго дня въ лѣтнюю операцію была здѣсь умѣреннѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ золотопромышленныхъ системахъ Сибири. По контрактамъ 70-хъ—90-хъ гг. Маріинскаго и Алтайскаго округовъ продолжительность

[1]) Въ 30-хъ гг. рудокопы въ Англіи работали 15—16 ч. (*Held*, „Zwei Bücher zur socialen Geschichte Englands", 1881, S. 627), но въ 1842 г. дѣтямъ до 10-ти лѣтъ и женщинамъ была запрещена подземная работа, и уже въ началѣ 50-хъ гг. западно-іоркширскіе рудокопы работали по 9 ч., а въ концѣ 50-хъ гг. по 8 ч. въ сутки. *Туганъ-Барановскій*. „Промышл. кризисы въ соврем. Англіи". Спб. 1894, стр. 50, 217.

этого дня устанавливалась обыкновенно въ 13—15 ч., и въ дѣйствительности, даже въ самыхъ благоустроенныхъ компаніяхъ, была лѣтомъ не менѣе 11—13 ч. На промыслахъ Енисейскаго округа рабочій день опредѣляется контрактами въ 13—14½ ч., но въ дѣйствительности максимумъ его доходилъ до 15½—16 и даже 18 ч. въ сутки. Въ контрактахъ Олекминскаго округа продолжительность зимняго дня устанавливается въ 10½—13½ ч. (здѣсь весьма развиты подземныя работы), лѣтняго въ 12—13½ ч., въ дѣйствительности же максимумъ работъ доходилъ до 15 ч. По контрактамъ Амурской области рабочій день равнялся 13—14 ч., въ дѣйствительности же въ половинѣ 90-хъ гг. полный урокъ въ среднемъ могъ вырабатываться въ лѣтнюю операцію на одномъ промыслѣ Ниманской К° на пескахъ въ 12¾ ч., на торфахъ въ 8 ч. Ссыльно-каторжные на Нерчинскихъ кабинетскихъ промыслахъ по Рабочему Положенію 1876 года должны были работать въ разные мѣсяцы отъ 6 до 10 ч. въ день, но продолжительность рабочаго дня вольнонаемныхъ рабочихъ опредѣлялась здѣсь контрактами 80-хъ гг. въ 12 ч. Въ законѣ 1895 г. продолжительность рабочаго дня взрослыхъ рабочихъ такъ же не регулирована, какъ и въ Уставѣ о золотопромышленности 1870 г. Законъ 1897 г. установилъ продолжительность дневного труда для всѣхъ промышленныхъ рабочихъ въ 11½ ч., но онъ открываетъ возможность удлиненія рабочаго дня посредствомъ сверхурочныхъ работъ [1]).

По закону 1838 г., работа должна была продолжаться не болѣе какъ съ 3-хъ ч. утра до 8-ми ч. пополудни, такимъ образомъ воспрещалась ночная работа, по крайней мѣрѣ урочная. Тѣмъ не менѣе въ концѣ 40-хъ гг. мы находимъ на енисейскихъ промыслахъ ночную работу, продолжавшуюся, по свидѣтельству одного современника, 10 ч.; она встрѣчалась здѣсь и въ 50-хъ гг., хотя вѣроятно не часто, такъ какъ о ней не упоминается въ извѣстныхъ намъ контрактахъ. Мастеровые на Алтайскихъ кабинет-

[1]) Въ золотыхъ рудникахъ Трансвааля работа продолжается всего 8 ч. Въ Англіи средняя продолжительность труда въ угольныхъ копяхъ равняется 50-ти ч. въ недѣлю (*C. A. Schmid.* „Beiträge zur Geschichte der gewerbl. Arbeit in England". Jena 1896, S. 37), слѣдовательно 8⅓ ч. въ день, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣйствительная работа забойщиковъ въ забоѣ равняется 6-ти ч. *Nasse* u. *Krümmer.* „Bergarbeiter-Verhältnisse in Grossbritannien", 1891, S. 28).

скихъ промыслахъ работали въ 50-хъ гг. и ночью (продолжительность и дневной, и ночной смѣны, очевидно со включеніемъ временнаго отдыха, равнялась 12-ти часамъ). На Нерчинскихъ промыслахъ въ это же время мастеровые, а отчасти и ссыльно-каторжные также употреблялись и на ночныя работы. Въ 60-хъ гг. на частныхъ промыслахъ ночныя работы были явленіемъ рѣдкимъ, и бывали случаи, что горные исправники запрещали ихъ, очевидно руководствуясь закономъ 1838 г. Въ Олекминскомъ округѣ въ 70-хъ гг. бывали ночныя работы (при подземныхъ выработкахъ) въ 2 или 3 смѣны, при чемъ, въ случаѣ трехсмѣнной работы, рабочіе трудились по 8-ми ч., не сходя съ мѣста. По контрактамъ Ленскаго Т-ва Олекминскаго округа 90-хъ гг. продолжительность ночной работы равнялась 11—12 ч. О ночныхъ работахъ упоминается и въ контрактахъ Амурскаго округа. По договорамъ кабинета съ вольнонаемными рабочими на Нерчинскихъ промыслахъ 80-хъ гг., продолжительность ночной работы устанавливается въ 9 ч. По закону 1897 г. для рабочихъ, занятыхъ хотя отчасти ночью, рабочее время не должно превышать 10 ч. въ сутки.

Кромѣ опредѣленія количества рабочихъ часовъ, въ контрактахъ обыкновенно указывается относительно горныхъ работъ размѣръ уроковъ, которые рабочіе обязаны были исполнить въ теченіе дня или ночи. Первоначально этотъ размѣръ былъ весьма умѣренный, но за исполненіе урока рабочій получалъ ничтожное мѣсячное жалованье. Увеличить размѣръ заработка онъ могъ только посредствомъ сверхурочной, такъ называемой старательской работы [1]). Первоначально работы эти были не только не обязательны, но золотопромышленники предоставляли себѣ даже право давать или не давать рабочимъ „стараніе“, такъ что бывали случаи волненій изъ-за отсутствія старательскихъ работъ. Но по мѣрѣ введенія машиннаго производства при промывкѣ золота золотопромышленники стали стремиться къ добычѣ возможно бо̀льшаго количество песковъ и постепенно стали устанавливать обязательность старательскихъ работъ, иногда встрѣчая при этомъ даже противодѣйствіе со стороны рабочихъ. Старательская работа пер-

[1]) О сверхурочной работѣ въ прежнее время въ Англіи см. *Марксъ* „Капиталъ“, т. I, 476.

воначально производилась не всѣми рабочими сообща, а по одиночкѣ или небольшими артелями. Введеніе золотопромывальныхъ машинъ привело къ тому, что старательская работа постепенно превратилась въ простое продолженіе урочной и сдѣлалась также обязательною. Со введеніемъ обязательности старательскихъ работъ мы нерѣдко встрѣчаемъ систему полуторныхъ уроковъ, т.-е. къ прежнему уроку прибавлялась еще половина старательскаго, но уже обязательнаго замѣра. Когда рабочій не обязанъ былъ „стараться“, онъ могъ по желанію сократить свой рабочій день, хотя, конечно, лишаясь при этомъ повышеннаго вознагражденія, теперь же онъ долженъ былъ непремѣнно „стараться“; такимъ образомъ продолжительность обязательнаго труда увеличивалась, къ тому же сдѣлалась обязательною и работа въ праздники, въ которые прежде, по закону 1838 г, они не обязаны были трудиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ исполненіе одного и того же урока по добычѣ золотоносныхъ песковъ или покрывающаго ихъ торфа стало возлагаться съ теченіемъ времени на все меньшее количество людей, слѣдовательно, трудъ становился все напряженнѣе [1]).

Указанная эволюція совершается съ конца 40-хъ до начала 60-хъ гг. Одиночное стараніе на золотѣ постепенно замѣняется въ это время артельнымъ и наконецъ общимъ, а стараніе съ разсчетомъ по количеству добытаго золота замѣняется разсчетомъ по количеству добытыхъ золотоносныхъ песковъ, при чемъ система эта примѣняется затѣмъ и къ вскрытію торфа (незолотоносныхъ породъ). Очень важное значеніе въ этой перемѣнѣ имѣло обращеніе добровольныхъ стараній въ обязательныя. Нужно замѣтить, что перемѣны эти совершались не одновременно на различныхъ промыслахъ, такъ что во второй половинѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ гг. мѣстами на ряду съ новой системой старательскихъ работъ встрѣчалась еще и прежняя. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ контрактовъ начала 60-хъ гг. только въ трехъ работа въ праздники считалась еще не обязательною; точно также въ ничтожномъ количествѣ договоровъ не обязательною является и старательская работа въ будни.

---

[1]) Объ увеличеніи напряженности промышленнаго труда вообще ср. *Маркс*, I, 358—365; тоже въ горныхъ работахъ см. *K. A. Tolle*. „Die Lage der Berg- und Hüttenarbeiter im Oberharze“, Berl. 1892, S. 15.

Затѣмъ урочная и старательская работы окончательно сливаются и дѣлаются обязательными и въ будни, и въ праздники [1]). Такимъ образомъ размѣръ дневного урока чрезвычайно повышается. Между тѣмъ какъ въ 40-хъ гг. на добычу одной куб. саж. торфа или песковъ полагалось при работѣ на лошади три человѣка, въ новѣйшее время весьма обыкновеннымъ урокомъ считается $1^1/_2 - 1^3/_4$ куб. саж., а иногда и 2 саж. на двухъ человѣкъ. Такимъ образомъ урокъ увеличился почти въ три, а мѣстами даже въ три раза. Обязательный трудъ мастеровыхъ и ссыльно-каторжныхъ на кабинетскихъ промыслахъ былъ гораздо менѣе производителенъ. Исторія пріисковыхъ рабочихъ ясно показываетъ, какое вредное вліяніе имѣетъ допущеніе сверхурочныхъ работъ въ неограниченномъ количествѣ; къ сожалѣнію, законъ 1897 г. и изданныя на основаніи его инструкціи весьма плохо гарантируютъ рабочихъ отъ удлиненія рабочаго дня посредствомъ такихъ сверхурочныхъ работъ.

Тяжелый пріисковый трудъ очень вредно отзывался на здоровьѣ рабочихъ, и они послѣ извѣстнаго числа лѣтъ теряли силы, совершенно вырабатывались. Не даромъ генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Синельниковъ, доказывая необходимость разрѣшенія отпускать ссыльно-каторжныхъ на частные промыслы, писалъ, что подземныя работы на пріискахъ Олекминскаго округа не легче работъ въ рудникахъ; офицеръ, завѣдывавшій ссыльно-каторжными на тѣхъ же пріискахъ, вообще относилъ пріисковыя работы, по свойству земли, суровости климата и числу рабочихъ часовъ, къ весьма тяжелымъ, а на Алтаѣ кабинетскіе промыслы считались мѣстомъ каторги для мастеровыхъ.

Съ установленіемъ обязательности праздничныхъ работъ необходимо было все таки допустить какіе-нибудь отдыхи для рабочихъ, и вотъ въ контрактахъ частныхъ золотопромышленниковъ 50-хъ и 60-хъ гг. опредѣляется одинъ праздничный день въ мѣсяцъ. Въ Уставѣ о золотопромышленности 1870 г. количество празд-

[1]) Такъ какъ золотопромышленники находили для себя выгоднымъ какъ можно болѣе напрягать силы рабочихъ, чтобы получить большее количество золота, то *сверхъ обязательныхъ общихъ урочныхъ и старательскихъ работъ* въ нѣкоторыхъ договорахъ, начиная съ 60-хъ гг. мы встрѣчаемъ еще условіе о старательскихъ работахъ по взаимному соглашенію между хозяевами и рабочими,— о такъ называемыхъ „частно-старательскихъ работахъ".

никовъ не было опредѣлено. Въ слѣдующее затѣмъ 25-тилѣтіе на промыслахъ Киргизской степи въ воскресенья и большіе праздники работъ не было; въ остальныхъ округахъ рабочіе имѣли въ мѣсяцъ всего отъ одного до двухъ льготныхъ дней. По закону 1895 г. пріисковые рабочіе съ 1-го октября по 1 апрѣля „*должны быть*“ свободны отъ работъ каждое воскресенье и въ извѣстные праздники, въ лѣтнюю же операцію они только „*имѣютъ право*“ на увольненіе отъ работъ на два дня въ мѣсяцъ; такимъ образомъ лѣтомъ не установлено обязательнаго для рабочихъ празднованія даже двухъ дней въ мѣсяцъ, и Горный Совѣтъ разъяснилъ, что они могутъ и не пользоваться по своему желанію правомъ на отдыхъ. Весьма вѣроятно, что подъ давленіемъ экономической необходимости они очень часто будутъ отказываться отъ этого права, пока и на пріисковыхъ рабочихъ не будетъ распространено обязательнаго празднованія воскресеній, предоставленнаго другимъ промышленнымъ рабочимъ закономъ 1897 г., что совершенно необходимо въ виду тяжести пріисковыхъ работъ [1]).

При началѣ золотопромышленности въ Сибири рабочіе получали обыкновенно ничтожное мѣсячное жалованье (чернорабочіе на частныхъ промыслахъ отъ 8-ми до 15-ти руб. *ассигнаціями* въ мѣсяцъ [2]) и за старательскія работы отъ 2 до 4 р. асс. съ золотника добытаго золота или извѣстную плату съ сажени торфа или золотоноснаго пласта; въ 50-хъ гг. простые рабочіе получали по 3—5 руб. сер. мѣсячнаго жалованья. Въ первой половинѣ 50-хъ гг. на нѣкоторыхъ промыслахъ стало входить въ обыкновеніе давать рабочимъ не мѣсячную плату, а поурочную (за исполненіе извѣстнаго урока), при чемъ въ праздничные дни плата была гораздо болѣе, чѣмъ въ будни (праздничная поденная плата замѣняла въ такомъ случаѣ прежнее „старанье“); нерѣдко встрѣчаемъ съ этого времени и поденную плату. Въ послѣднее 25-тилѣтіе мѣсячное жалованье осталось весьма ничтожнаго размѣра на промыслахъ

---

[1]) Въ золотыхъ рудникахъ Трансвааля обязательно празднованіе воскресенья. *Китаевъ*. „Золотое дѣло въ Южно-африканской республикѣ (Трансваалѣ)“. „Горн. Журн.“ 1894 г. № 1, стр. 113.

[2]) Въ 30-хъ гг. 1 серебр. рубль=3,50—3,72 р. ассигнаціями. *Шторхъ*. „Матер. для истор. денежныхъ знаковъ въ Россіи“, Спб. 1868, стр. 59.

Киргизской степи, въ остальныхъ же мѣстностяхъ оно значительно возрасло, что́ объясняется прежде всего сліяніемъ урочныхъ работъ со старательскими; возрасла также и поденная плата [1]). Слѣдуетъ упомянуть еще о платѣ за такъ называемое подъемное золото, находимое во время работъ, самородки и пр. Не останавливаясь теперь подробно на измѣненіи отдѣльныхъ видовъ вознагражденія за трудъ, мы разсмотримъ ниже измѣненіе во времени заработка пріисковыхъ рабочихъ вообще.

Мастеровые и ссыльно-каторжные на кабинетскихъ промыслахъ за свой обязательный трудъ получали весьма ничтожное вознагражденіе, которое немного увеличивалось впрочемъ старательскими заработками въ свободное время; на частныхъ же промыслахъ они зарабатывали гораздо болѣе.

Въ началѣ сибирской золотопромышленности жилища рабочихъ строились ими самими, и такъ какъ за время, употребленное на это, они не получали никакого вознагражденія, то по большей части довольствовались нездоровыми землянками. Въ 40-хъ гг. мы встрѣчаемъ уже упоминаніе о томъ, что рабочіе жили не только въ землянкахъ, но строили себѣ и бревенчатыя курныя избушки, предпочитая ихъ общимъ казармамъ, которыя начали строить нѣкоторые золотопромышленники, вѣроятно вслѣдствіе большей свободы жизни въ отдѣльныхъ избушкахъ и большей возможности скрыть похищенное золото. Въ первой половинѣ 50-хъ гг. въ Енисейскомъ округѣ стали гораздо чаще устраивать большія казармы, впрочемъ постройка ихъ обыкновенно бывала неудовлетворительною; но семейные рабочіе сплошь и рядомъ жили въ избушкахъ или землянкахъ. Въ 60-хъ гг. на нѣкоторыхъ пріискахъ Енисейскаго округа рабочимъ давали для устройства жилищъ три дня по приходѣ на пріискъ, но болѣе обыкновенною была постройка жилищъ на счетъ хозяевъ. Киргизы, работавшіе на промыслахъ Кокбектинскаго округа, жили со своими семьями въ войлочныхъ юртахъ, но въ новѣйшее время на промыслахъ Семипалатинской области вслѣдствіе обѣднѣнія киргизъ тѣ изъ нихъ,

[1]) Въ 90-хъ гг. въ одной компаніи Ленскаго горнаго округа вмѣсто платы за исполненіе урока на горныхъ работахъ введена была задѣльная плата безъ назначенія урока.

которые работаютъ на пріискахъ, сплошь и рядомъ живутъ въ жалкихъ землянкахъ, безъ половъ и печей, похожихъ скорѣе на ямы, чѣмъ на жилыя помѣщенія. Въ послѣднее время рабочіе, нанятые по общему контракту, живутъ почти всегда въ общихъ казармахъ, далеко не всегда впрочемъ удовлетворительно построенныхъ: такъ въ 70-хъ гг. на олекминскихъ промыслахъ въ окнахъ рабочихъ казармъ не было вставлено стеколъ, и они были затянуты коленкоромъ или заклеены слюдою, крыши протекали, помѣщенія были тѣсны. Съ теченіемъ времени жилища рабочихъ стали нѣсколько улучшаться подъ вліяніемъ настоятельныхъ требованій высшей мѣстной администраціи. Напротивъ жилыя помѣщенія старателей-золотничниковъ были вездѣ неудовлетворительны, и они по большей части довольствовались шалашами или землянками. Законъ 1895 г. предоставилъ составленіе правилъ относительно жилищъ рабочихъ мѣстнымъ горнозаводскимъ присутствіемъ, и Томское присутствіе издало довольно удовлетворительныя правила по этому предмету, но они уже вызвали протесты со стороны золотопромышленниковъ.

Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ, кромѣ артелей, такъ называемыхъ, золотничниковъ (первое появленіе которыхъ относится къ началу 60-хъ гг.) получали отъ хозяевъ сверхъ денежнаго вознагражденія за трудъ еще пищевое довольствіе [1]), которое очень долго состояло изъ 1 ф. говядины въ день (со включеніемъ костей), нѣкотораго количества ячневой крупы (7—10 фунт. въ мѣсяцъ), хлѣба и соли. Съ 40-хъ гг. стали отпускать въ пищу рабочимъ небольшое количество масла, иногда давали квасъ. Въ постные дни вмѣсто мяса отпускали желающимъ горохъ и конопляное масло, а иногда и рыбу; количество говядины было увеличено на нѣкоторыхъ пріискахъ до $1^1/_4$ фунта въ день. Въ 50-хъ гг. рабочимъ давали мѣстами кислую капусту раза два въ недѣлю и кирпичный чай; послѣдній на енисейскихъ промыслахъ отпускался особенно охотно въ концѣ 50-хъ гг., такъ какъ въ это время, сравнительно съ первою половиною этого десятилѣтія, вздорожалъ хлѣбъ, и рабочіе съѣдали его меньше при употребленіи

[1]) Законъ 1838 г. не предвидитъ даже возможности найма рабочихъ безъ продовольствія отъ хозяевъ.

кирпичнаго чая. Въ 60-хъ гг. не замѣтно никакого улучшенія въ пищѣ рабочихъ сравнительно съ предшествовавшимъ десятилѣтіемъ; начавшаяся тогда выдача масла или сала производилась еще далеко не всегда и при томъ въ чрезвычайно ничтожномъ количествѣ, мясо давалось въ прежнемъ размѣрѣ. Введеніе въ пищевой паекъ капусты составляло также явленіе исключительное; кирпичный чай, мѣстами выдававшійся въ 50-хъ гг. отъ хозяевъ, теперь пріобрѣтался рабочими, нанятыми по общему контракту, и большинствомъ ремесленниковъ и мастеровыхъ на свой счетъ.

Мастеровые на Алтаѣ и въ Нерчинскомъ округѣ получали муку натурою, остальные же припасы должны были покупать на деньги, для чего имъ выдавались „порціонныя“ (на Алтаѣ по штатамъ 1849 г.—4 коп. сер. въ сутки, въ Нерчинскомъ округѣ въ 50-хъ гг. по 5 коп. кормовыхъ или суточныхъ). Ссыльно-каторжные на промыслахъ Нерчинскаго округа получали натурою провіантъ, стоимость котораго по положенію 1852 г., кромѣ 2-хъ пудовъ муки, равнялась 75 коп. въ мѣсяцъ, а въ 60-хъ гг. казна отпускала 4 фунта печенаго хлѣба и 5 коп. въ сутки.

Уставомъ о золотопромышленности 1870 г. продовольствіе рабочихъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ регулировано не было, но скоро почувствовалась необходимость обратить вниманіе на то, чтобы рабочіе, при своемъ тяжеломъ трудѣ, получали на пріискахъ болѣе достаточную пищу. Въ 1877 г. генералъ-губернаторъ Восточной Сибири баронъ Фредериксъ предписалъ горнымъ исправникамъ предложить золотопромышленникамъ, чтобы они давали рабочимъ говядины по $1^1/_2$ фунта въ день. На промыслахъ Семипалатинской области, гдѣ работали киргизы, съ 1-го мая по 1-е октября рабочіе не получали ни крупы, ни мяса, а только одинъ хлѣбъ; такіе пріиски бывали еще и въ первой половинѣ 90-хъ гг. На промыслахъ остальныхъ округовъ выдавалось въ 70—90-хъ гг., кромѣ муки и крупы, мяса $1—1^1/_2$ ф. въ день, масло и сало отпускали въ слишкомъ недостаточномъ количествѣ; мѣстами выдавали еще кирпичный чай и квашенную капусту.

По закону 1895 г. опредѣленіе размѣра пищеваго пайка на пріискахъ (и на пути туда и обратно) рабочихъ, состоящихъ на хозяйскомъ довольствіи, предоставлялось горнозаводскимъ присут-

ствіямъ, и въ 1896 г. Томское присутствіе предписало выдавать рабочимъ на подвѣдомственныхъ ему пріискахъ 1 п. 25 ф.—1 п. 35 ф. ржаной муки, пшеничной муки 10—20 ф., крупы 10—15 ф., коровьяго масла 1 ф., сала 1 ф., соли 3 ф., мяса свѣжаго или соленаго $1^1/_4$—$1^1/_2$ ф., капусты квашенной зимою по $^1/_2$ ф. въ мѣсяцъ, кирпичнаго чаю не менѣе 60 золотниковъ. Такимъ образомъ выдача жировыхъ веществъ опредѣлена въ слишкомъ незначительномъ количествѣ, тѣмъ не менѣе и эти требованія золотопромышленники считаютъ для себя обременительными и протестуютъ противъ нихъ тѣмъ, что переводятъ рабочихъ на собственное ихъ продовольствіе.

Въ противоположность общеконтрактнымъ рабочимъ старатели-золотничники были почти всегда на собственныхъ харчахъ. Въ 1892 г. одна крупная компанія Олекминскаго округа перевела и общеконтрактныхъ рабочихъ на ихъ собственное содержаніе, а въ послѣдніе годы ея примѣру послѣдовали многіе золотопромышленники Восточной Сибири, но этотъ опытъ для нѣкоторыхъ изъ нихъ оказался невыгоднымъ, такъ какъ рабочіе, сберегая заработокъ, дурно питались, и это увеличило количество заболѣваній, вслѣдствіе чего промывка золота уменьшилась, и нѣкоторыя крупныя компаніи принуждены были возвратиться къ продовольствію рабочихъ отъ хозяевъ [1]).

[1]) На южно-енисейскихъ промыслахъ въ настоящее время рабочіе переведены на собственное содержаніе („Вѣстн. Золот." 1898 г. № 3, стр. 66).—Стоимость хозяйскаго пищевого довольствія одного рабочаго на промыслахъ Томской губ. въ 1834 г. равнялась 7 р. 25 к. асс. (2 р. 2 к. сер.) въ мѣсяцъ или 24 к. асс. (около 7 к. сер.) въ день. Въ 60-хъ гг. стоимость содержанія рабочаго на пріискахъ Енисейскаго округа равнялась 5—8 р. въ мѣсяцъ, а на Алтаѣ въ 1870 г. (безъ винныхъ порцій) 4 р. 29 к. въ мѣсяцъ. На пріискахъ Киргизской степи въ началѣ 90-хъ гг. содержаніе чернорабочихъ обходилось 3—4 р. въ мѣсяцъ (10—13 к. въ день), на промыслахъ Томскаго горнаго округа въ тѣ же годы 3—6 р. въ мѣсяцъ. На пріискахъ Енисейскаго округа въ 70-хъ и 80-хъ гг. стоимость содержанія рабочаго въ мѣсяцъ равнялась 6—12 р., а на промыслахъ одной крупной компаніи сѣверно-енисейскаго округа составляла въ среднемъ за 11 лѣтъ 30, 5 к. въ день или болѣе 9 р. въ мѣсяцъ; на кабинетскихъ промыслахъ Нерчинскаго округа въ первой половинѣ 80-хъ гг. стоимость содержанія вольнонаемнаго рабочаго равнялась 24 к. въ день. На промыслахъ Олекминскаго округа, вслѣдствіе его отдаленности, содержаніе рабочихъ обходилось гораздо дороже, а именно въ 1877—90 гг. отъ 47 к. до 1 р. въ день; въ Амурской области въ 70-хъ и началѣ 80-хъ гг. 44—91 к., а въ новѣйшее время на пріискахъ одной крупной компаніи около 50 к. въ день.

Своихъ женъ и дѣтей рабочіе могли приводить на промыслы не иначе, какъ съ позволенія хозяевъ и ихъ прикащиковъ. Въ договорахъ предпринимателей съ рабочими 40-хъ гг. обыкновенно находимъ правило, что рабочіе должны продовольствовать свое семейство „на собственный счетъ“ или „собственною пищею“, а если будутъ пользоваться, съ согласія пріисковаго управленія, хозяйскою пищею, то не иначе, какъ съ вычетомъ по мѣстнымъ пріисковымъ цѣнамъ [1]). По обязательному постановленію Томскаго горнозаводскаго присутствія вычетъ за женщинъ, не исполняющихъ работъ, не долженъ превышать стоимости отпущенной муки по цѣнамъ утвержденной таксы [2]).

Сверхъ пищевого пайка хозяева промысловъ уже въ 40-хъ гг. отъ времени до времени отпускали рабочимъ вино, хотя и не вездѣ. Въ концѣ 40-хъ гг. на нѣкоторыхъ пріискахъ винная порція выдавалась каждое воскресенье, на другихъ же ее отпускали въ извѣстные дни. Въ 50-хъ гг. о выдачѣ винной порціи упоминается чаще, чѣмъ въ предшествующіе годы (на нѣкоторыхъ промыслахъ—на счетъ рабочихъ). Въ слѣдующее десятилѣтіе стали давать гораздо большее количество вина на счетъ промысловаго управленія (въ Енисейскомъ округѣ у однихъ золотопромышленниковъ одинъ разъ въ недѣлю, у другихъ три раза въ мѣсяцъ, были и такіе, что давали рабочимъ вино по три раза въ недѣлю по $^1/_{100}$ ведра), такъ что высшая администрація Восточной Сибири возбудила даже вопросъ объ обязательной выдачѣ рабочимъ еже-

[1]) Въ договорахъ первой половины 50-хъ гг. встрѣчаемъ плату за прокормленіе женъ рабочихъ однимъ хлѣбомъ въ Томской губ. 1 р., въ сѣверно-енисейскомъ округѣ по 3 р. въ мѣсяцъ. Въ 70-хъ—80-хъ гг. въ Енисейскомъ округѣ за прокормленіе неисполняющихъ хозяйскихъ работъ женщинъ (въ договорахъ иногда пояснялось—однимъ хлѣбомъ или хлѣбомъ, солью и крупою) взималось 3—5 р. (въ одномъ договорѣ 1875 г. 7 р. 50 к.) въ мѣсяцъ. Въ Олекминскомъ округѣ цѣны на жизненные припасы дороже, и потому за прокормленіе женщинъ однимъ хлѣбомъ въ договорахъ 70-хъ и 80-хъ гг. здѣсь устанавливался вычетъ по 7 р. 70 к.—12 р. въ мѣсяцъ (за дѣтей половину). Въ Амурской области въ 70-хъ и 80-хъ гг. сначала за половинное продовольствіе сравнительно съ мужчинами, а затѣмъ и за одну крупу производили вычетъ отъ 4 до 10 р. въ мѣсяцъ.

[2]) Съѣздъ южно-енисейскихъ золотопромышленниковъ въ 1897 году опредѣлилъ вычитать съ женъ рабочихъ не только за содержаніе (за $1^1/_2$ п. хлѣба 1 р. 95 к.), но и за квартиру и отопленіе 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ, хотя жены рабочихъ живутъ въ однѣхъ казармахъ съ ними и потому для нихъ особаго отопленія и помѣщенія не полагается. „Вѣстн. Золот.“ 1898 г. № 3, стр. 66.

дневно винныхъ порцій, но онъ остался нерѣшеннымъ; однако въ 1876 г. генералъ-губернаторъ Восточной Сибири бар. Фредериксъ циркуляромъ горнымъ исправникамъ предписалъ, чтобы рабочимъ отпускали достаточныя для подкрѣпленія силъ винныя порціи, особенно въ ненастное время, а непьющимъ вина рабочимъ выдавали взамѣнъ его соотвѣтственное количество масла, чаю и пр. или заносили въ разсчетные листы денежную стоимость винныхъ порцій. Въ 1883 г. генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Анучинъ, вслѣдствіе одного волненія рабочихъ, обратилъ вниманіе на перепродажу рабочими другъ другу винныхъ порцій и предписалъ, чтобы онѣ отпускались безъ права передачи другому лицу и не болѣе $^{2}/_{100}$ ведра водки (40^{0}) въ сутки каждому. Въ послѣднее двадцатипятилѣтіе на промыслахъ Томской губ. винныя порціи выдавались рабочимъ въ небольшомъ количествѣ—отъ одного до трехъ разъ въ недѣлю. Въ такомъ количествѣ винныя порціи подносились рабочимъ въ Енисейскомъ округѣ 70-хъ гг., но уже тогда при трудныхъ работахъ или въ сырую погоду ихъ отпускали ежедневно, позднѣе же ихъ давали отъ 2 до 5 разъ въ недѣлю, но обыкновенно выдача порцій служила поощреніемъ за исполненіе урока, въ случаѣ же спѣшныхъ работъ ее давали даже два-три раза въ день. На промыслахъ Олекминскаго округа отпускали послѣднее время всего чаще одну, двѣ порціи въ день, но такъ какъ и здѣсь водка служитъ главнымъ средствомъ къ чрезмѣрному напряженію силъ рабочихъ, то иногда она выдается и въ большемъ количествѣ, что, конечно, приводитъ уже къ вреднымъ для рабочихъ послѣдствіямъ. На промыслахъ нѣкоторыхъ компаній въ 80-хъ гг. выдача вина, необходимаго для поддержанія силъ рабочихъ при трудныхъ работахъ, нерѣдко въ сырыхъ мѣстахъ, далеко переходила границы дозволеннаго и превращалась въ противозаконную торговлю водкой. На крупныхъ промыслахъ Амурской области водка выдается ежедневно 1—2 раза въ день, на нѣкоторыхъ же пріискахъ гораздо рѣже, но и здѣсь эта выдача связывается обыкновенно съ отработкою уроковъ. Законъ 1895 г. возложилъ регулированіе выдачи винныхъ порцій на горнозаводскія присутствія, но Томское присутствіе по большинству голосовъ признало ненужнымъ изданіе обязательнаго постановленія по этому предмету.

Настоятельная потребность въ винѣ и недостаточность винныхъ порцій, выдаваемыхъ рабочимъ, вызвали тайную торговлю виномъ на пріискахъ (открытая продажа его запрещена). Уже въ 60-хъ гг. на енисейскихъ промыслахъ сами золотопромышленники тайно торговали водкою, промысломъ этимъ занимались также и странствующіе спиртоносы, появились наконецъ и осѣдлые продавцы спирта подъ видомъ арендаторовъ покосовъ въ тайгѣ, гдѣ находились промыслы, а въ 70-хъ гг. съ этою цѣлью заявляли пустопорожнія мѣста въ качествѣ пріисковъ, хозяева которыхъ занимались исключительно продажею спирта. Тайное пріобрѣтеніе спирта по невѣроятнымъ цѣнамъ сильно уменьшало заработки рабочихъ. Особенное развитіе промыселъ спиртоносовъ получилъ въ Олекминскомъ округѣ и Амурской области въ 80-хъ гг., но и здѣсь сильную конкуренцію имъ составляли сами золотопромышленники.

Страсть къ пьянству, кромѣ тяжести пріисковыхъ работъ, поддерживалась въ рабочихъ какъ отсутствіемъ разумныхъ развлеченій, такъ и тѣми препятствіями, которыя встрѣчало развитіе семейной жизни на пріискахъ вслѣдствіе того, что золотопромышленники дозволяли рабочимъ приводить съ собою лишь весьма ограниченное количество женщинъ. Въ 1861 г. въ лѣтнюю операцію на промыслахъ Маріинскаго округа было всего 9% женщинъ, на промыслахъ Киргизской степи 7% и въ сѣверно-енисейскомъ округѣ 5% [1]). Гораздо болѣе была развита въ послѣднее время семейная жизнь на пріискахъ Томскаго горнаго округа (въ 1890 г. число женщинъ доходило до 29% всѣхъ взрослыхъ рабочихъ), но въ первой половинѣ 80-хъ гг. женщинъ было на промыслахъ Томской губ. 8—10%, Енисейской 5—10%, въ концѣ 80-хъ гг. въ Олекминскомъ округѣ 9—13% всего количества рабочихъ. Отсутствіемъ семейной жизни въ значительной степени вызывались безобразные кутежи рабочихъ по окончаніи операціи и такія ужасныя явленія на пріискахъ, какъ обычай такъ называемыхъ „помочей“ (насилованіе одной женщины многими рабочими).

---

[1]) Во всей Калифорніи количество женщинъ въ 1850 г. равнялось всего 4%. *Del Mar.* A history of the precious metals. L. 1880, p. 313. Рабочіе въ африканскихъ золотыхъ рудникахъ также почти всегда живутъ безъ семей. *Leroy-Beaulieu*, 306.

Такъ какъ одежду пріисковые рабочіе должны были имѣть свою и такъ какъ недостаточная выдача нѣкоторыхъ пищевыхъ веществъ вызывала потребность пріобрѣтать ихъ въ счетъ заработка, то на пріискахъ являются лавки или амбары, содержаніе которыхъ составляло и составляетъ до сихъ поръ монополію золотопромышленниковъ. По закону 1838 г. золотопромышленники не должны были отпускать рабочимъ предметовъ роскоши или платья и обуви, „несвойственныхъ ихъ званію“, подъ опасеніемъ потери уплаты за нихъ при окончательномъ разсчетѣ. Этимъ закономъ не была установлена еще обязательность таксъ для пріисковыхъ лавокъ, но одинъ изъ пунктовъ установленной имъ формы конктракта требовалъ обозначенія, по какой цѣнѣ будутъ отпускать рабочимъ въ счетъ заработка вещи и товары, что и вызвало уже въ самомъ началѣ 40-хъ гг. утвержденіе таксъ администраціею въ Западной Сибири (на промыслахъ Енисейскаго округа въ 40-хъ гг. таксъ не существовало). Въ 40-хъ гг. администрація считала еще чай и сахаръ предметами роскоши, и потому мѣстами ихъ продавали въ пріисковыхъ лавкахъ тайкомъ, но все-таки употребленіе кирпичнаго чая (на счетъ рабочихъ) стало уже входить въ обыкновеніе. Однако въ 60-хъ гг. рабочіе настолько привыкли къ употребленію чая, сахара, масла и пшеничной муки, по крайней мѣрѣ на олекминскихъ промыслахъ, что въ нѣкоторыхъ договорахъ они условливались даже, чтобы эти припасы не считались предметами роскоши. Въ концѣ 50-хъ гг. высшая администрація Восточной Сибири предписала, чтобы въ пріисковыхъ лавкахъ были непремѣнно таксы, подписанныя золотопромышленниками или ихъ довѣренными, и возложила на обязанность горныхъ исправниковъ наблюденіе за тѣмъ, чтобы эти таксы не были обременительными, а въ 1861 г. горнымъ исправникамъ было предписано собирать золотопромышленниковъ въ общія собранія для установленія таксъ на товары, отпускаемые рабочимъ. Вслѣдствіе этого таксы стали подлежать утвержденію горныхъ исправниковъ. Введеніе таксъ и обязательное хозяйское продовольствіе рабочихъ сдѣлали невозможнымъ появленіе на сибирскихъ пріискахъ такихъ цѣнъ на предметы первой необходимости, какія бывали въ 1849—1854 гг. въ Калифорніи во

время золотопромышленной горячки [1]) или бываютъ въ настоящее время въ Клондайкѣ (въ Канадѣ, по близости отъ территоріи Аляска), но все-таки цѣны припасовъ и товаровъ были настолько высоки что при существованіи торговой монополіи золотопромышленниковъ пріисковыя лавки сдѣлались добавочнымъ орудіемъ эксплоатаціи рабочихъ и стали приносить хозяевамъ такіе барыши, что нѣкоторые бѣдные золотомъ пріиски даютъ доходъ только благодаря существующимъ на нихъ лавкамъ. Въ концѣ 80-хъ гг. нѣкоторыя солидныя компаніи промысловъ, подвѣдомственныхъ Томскому горному управленію, имѣли съ пріисковыхъ лавокъ 15—20 тыс. чистаго дохода на 600—700 чел. рабочей команды; такимъ образомъ средній барышъ съ лавокъ составлялъ въ этихъ компаніяхъ около 27 р. съ каждаго рабочаго [2]); эти деньги составляютъ прямой вычетъ изъ заработка рабочихъ, невольная жертва съ ихъ стороны на алтарь торговой монополіи золотопромышленниковъ [3]). По закону 1895 г. утвержденіе пріисковыхъ таксъ предоставлено не горнымъ исправникамъ, какъ прежде, а окружнымъ инженерамъ, утвержденіе же росписаній допускаемыхъ къ продажѣ предметовъ — присутствіямъ по горнозаводскимъ дѣламъ, состоящимъ при горныхъ управленіяхъ [4]).

[1]) См. *Tooke* u. *Newmarch*. „Die Geschichte und Bestimmung der Preise während der Jahre 1793—1857“, 1862, II, 752—756; *Del Mar*, A history of the precious metals. L. 1880, 310, 316, 318—319.

[2]) Ниманская К° (Амурской области) получила съ своихъ лавокъ въ операцію 1891—92 гг. дохода почти 16.000 руб.

[3]) По германскому закону 1891 г. и австрійскимъ горнымъ законамъ промышленникъ, снабжающій рабочихъ жизненными припасами, не долженъ получать отъ этого барыша. На нашихъ горныхъ заводахъ и промыслахъ, кромѣ золотыхъ, лавки для снабженія рабочихъ предметами продовольствія и потребленія могутъ быть открываемы потребительными товариществами (т.-е. съ товариществами, составляемыми изъ самихъ потребителей-рабочихъ). *Штофъ*, „Горное Право“ 1896 г. стр. 338, 370. За то лавки при фабрикахъ Московской губ. давали такой крупный доходъ фабрикантамъ, что нѣкоторые изъ нихъ ставили въ условіе найма рабочимъ обязательство брать припасы не иначе какъ отъ хозяевъ. По словамъ г. Янжула, большая доля барыша нѣкоторыхъ фабрикантовъ получалась ими съ фабричныхъ лавокъ, а не съ фабричнаго производства. „Фаб. бытъ Моск. губ“., стр. 108.

[4]) О запрещеніи даже и въ настоящее время вольнымъ торговцамъ продавать съѣстные припасы на пріискахъ Ленскаго горнаго округа, см. „Восточное Обозрѣніе“ 1898 г. № 35. Торговая монополія золотопромышленниковъ должна быть уничтожена, и прежде всего въ тѣхъ системахъ, гдѣ они перевели рабочихъ на собственное продовольствіе.

Тяжесть пріисковыхъ работъ въ открытыхъ разрѣзахъ, а еще болѣе подъ землею при весьма антигигіеническихъ условіяхъ вызываетъ частыя заболѣванія среди рабочихъ, и потому еще въ первой половинѣ 30-хъ гг. администрація понудила золотопромышленниковъ Томской губ. позаботиться объ организаціи медицинской помощи на ихъ промыслахъ, и здѣсь на многихъ пріискахъ во второй половинѣ 30-хъ гг. появились больницы, которыми завѣдывалъ докторъ. Въ концѣ 40-хъ и въ началѣ 50-хъ гг. на промыслахъ Енисейскаго округа одна больничная кровать приходилась на 24 рабочихъ, но въ большинствѣ случаевъ эти больницы содержались весьма неудовлетворительно. На промыслахъ Киргизской степи 50-хъ гг. медицинская помощь была организована все-таки лучше, чѣмъ въ послѣднее время; неудовлетворительны въ настоящее время больницы и на промыслахъ Томской губ., за исключеніемъ самыхъ крупныхъ компаній; въ Енисейскомъ округѣ благоустроенныхъ больницъ также немного, въ большинствѣ же случаевъ это лишь пріемные покои. Въ 80-хъ гг. въ южно-енисейской системѣ одна кровать приходилась на 15—22 рабочихъ, въ сѣверно-енисейской—на 20—23 рабочихъ. Въ Олекминскомъ округѣ есть превосходная больница на Успенскомъ пріискѣ КК° Промышленности и Прибрежно-Витимской, построенная въ 1884 г., и хорошія больницы на пріискахъ нѣкоторыхъ другихъ крупныхъ компаній; всего во второй половинѣ 80-хъ гг. на промыслахъ Олекминскаго округа одна кровать приходилась на 40—57 чел. Фельдшера пріисковыхъ больницъ въ большинствѣ случаевъ люди довольно невѣжественные, да и доктора не всегда стоятъ на высотѣ своего положенія; нѣкоторые изъ нихъ къ тому же позволяютъ себѣ отвлекаться отъ своихъ прямыхъ обязанностей занятіемъ золотопромышленостью. Получая жалованье отъ предпринимателей, тѣ и другіе не оказываются достаточно самостоятельными, когда приходится отстаивать интересы рабочихъ.

По закону 1838 г. свободному соглашенію рабочихъ и хозяевъ предоставлялось рѣшить, должна ли врачебная помощь быть безплатною, или дозволялось дѣлать за нее вычеты съ рабочихъ. По договорамъ 40-хъ и 50-хъ гг. безплатное лѣченіе рабочихъ далеко не являлось общимъ правиломъ, и въ нѣкоторыхъ контрак-

тахъ устанавливались извѣстные вычеты за лѣченіе и содержаніе во время болѣзни, въ другихъ безплатное лѣченіе и продовольствіе въ больницахъ допускались лишь въ теченіе трехъ сутокъ. Въ концѣ 50-хъ гг. небольшой вычетъ за лѣченіе и содержаніе больныхъ мы находимъ и на одномъ изъ Нерчинскихъ кабинетскихъ промысловъ, гдѣ работали вольнонаемные рабочіе. Въ 1865 г. высшая администрація Восточной Сибири запретила частнымъ золотопромышленникамъ дѣлать вычеты за лѣченіе рабочихъ, но за лѣченіе старателей-золотичниковъ вычеты производились и въ 60-хъ гг., и позднѣе. Встрѣчалось и въ нѣкоторыхъ договорахъ съ общеконтрактными рабочими нарушеніе предписанія 1865 г., но это было рѣдкимъ исключеніемъ; устанавливаются впрочемъ въ договорахъ вычеты за лѣченіе женщинъ, не занятыхъ на хозяйскихъ работахъ, и дѣтей, а также и рабочихъ, уклоняющихся отъ работъ подъ предлогомъ болѣзни. По закону 1895 г. медицинская помощь, регулированіе которой возложено на горнозаводскія присутствія, должна быть безплатною какъ для общеконтракныхъ рабочихъ, такъ и для золотничниковъ [1]).

Статистика заболѣваемости рабочихъ далеко не удовлетворительна, между прочимъ и потому, что въ составъ больныхъ включались обыкновенно и пускавшіе себѣ кровь (наклонность къ кровопусканіямъ вызывалась потребностью дать толчокъ мускуламъ, утомленнымъ непосильными пріисковыми работами). На всѣхъ промыслахъ Енисейской губ. въ 1851 г. считалось больныхъ 32% всѣхъ рабочихъ, умерло почти 1%; въ 1852 г. больныхъ было 34%, умерло 1,5% всѣхъ рабочихъ. Въ 1859 г. въ южно-енисейской системѣ больныхъ было 47%, умерло 1,5% всѣхъ рабочихъ [2]). На частныхъ промыслахъ всей Восточной Сибири въ 1851 г. было больныхъ 32%, умерло 1,3% всѣхъ рабочихъ, въ 1852 г. заболѣло 28%, умерло 1%, въ 1853 заболѣло 41%, умерло 2,3% всѣхъ рабочихъ; въ 1856 г. умерло отъ болѣзней

[1]) Въ Англіи хозяева угольныхъ копей обязаны отпускать рабочимъ лекарства по своей цѣнѣ. Въ Германіи тоже предписываетъ законъ 1891 г. всѣмъ промышленникамъ относительно медикаментовъ и врачебной помощи.

[2]) Въ первой половинѣ 50-хъ гг. въ одной крупной компаніи этой системы изъ всѣхъ поденщинъ было 4% больныхъ и „у открытія крови и на отдыхѣ“ 1%.

и разныхъ случаевъ 1,4%, въ 1857 г. 1,2%. Такъ какъ на промыслахъ находились почти исключительно люди взрослые, то слѣдовательно смертность здѣсь была выше нормальной, несмотря на то, что она еще нѣсколько понижалась разсчитываніемъ тяжелобольныхъ рабочихъ. Повышенная смертность замѣчается на промыслахъ Восточной Сибири и въ слѣдующее десятилѣтіе. На пріискахъ Енисейской губ. умерло въ 1865 г. 1,3% рабочихъ, въ 1866 г. 1,2%, въ 1867 г. даже 2,2%, въ 1868 г.—1%, въ 1869 г. 1,4%. Что касается числа заболѣвшихъ, то въ операцію 1865—66 гг. въ южной части Енисейскаго округа ихъ было 70% рабочихъ. По вычисленію на основаніи разсчетныхъ книгъ нѣсколькихъ кабинетскихъ промысловъ Алтайскаго округа 1864—71 гг., гдѣ въ это время работали уже вольнонаемные рабочіе, оказалось около 10% больныхъ поденщинъ. Въ послѣдніе годы количество больныхъ поденщинъ на промыслахъ Томской губ. обыкновенно колебалось отъ 3,5 до 7%, но на пріискахъ нѣкоторыхъ КК° поднималось до 10—12%. Смертность въ пріисковыхъ больницахъ этой губерніи въ первой половинѣ 70-хъ гг. колебалась отъ 0,6 до 1,4% всѣхъ рабочихъ. На пріискахъ Енисейскаго округа заболѣвало въ 70-хъ гг.—въ южной его части 18—40%, въ сѣверной—33—46%; въ 80-хъ гг. заболѣваемость увеличилась и колебалась въ южной части между 29 и 61%, въ сѣверной—между 29 и 56% (въ 1890 г. заболѣло даже 74% рабочихъ). Въ поденщинахъ заболѣваемость на промыслахъ Енисейскаго округа колебалась въ 1881—83 гг. отъ 3-хъ до 4-хъ% поденщинъ. Смертность на пріискахъ этого округа въ 70-хъ гг. колебалась между 0,4 и 1,1%, но въ 80-хъ гг. она значительно усилилась и равнялась въ 1883 г. во всемъ округѣ 1,4%, а въ южной его части въ 1888 г.—1,5%, въ 89 г.—1,7% всѣхъ рабочихъ. Смертность эту слѣдуетъ признать весьма значительною, принявъ во вниманіе, что пріисковое населеніе состоитъ почти исключительно изъ взрослыхъ рабочихъ. Въ Олекминскомъ округѣ заболѣваемость была сильнѣе: въ 1879 г. заболѣло 59%, въ 1880 г.—73%, въ 1881 г.—109% пріисковаго населенія (слѣдовательно, въ среднемъ не только всѣ рабочіе обращались за медицинскою помощью, но нѣкоторые даже по два раза); во второй половинѣ

80-хъ гг. заболѣваемость была значительно ниже: въ 1887 г.—49%, въ 1889 г.—35%. Такимъ образомъ заболѣваемость представляла здѣсь значительныя колебанія; напротивъ, смертность въ этомъ округѣ постепенно понижалась: въ 1879 г. отъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ она равнялась 1,3%, въ 1880—81 гг.—1,1%, въ 1882—83 гг.—1%, въ 1884 г.—0,9%, въ 1887 г.—0,8% пріисковаго населенія. Что касается больныхъ поденщинъ, то въ Витимской системѣ онѣ составляли въ 1881 г.—2,1% всѣхъ поденщинъ, въ 1882 г.—1,1, въ 1883 г.—1,7%; въ Олекминской системѣ больныхъ поденщинъ было гораздо болѣе: въ 1881 г.—4,2%, въ 1882 г.—3,5, въ 1883 г.—4,5%. Заболѣваемость на пріискахъ Амурской и Приморской областей была еще выше, чѣмъ въ Олекминскомъ округѣ, а именно она колебалась въ 1881—83, 85—87 гг. отъ 92 до 146% всѣхъ рабочихъ, въ среднемъ же за эти годы равнялась 118%; больныхъ поденщинъ было въ 1881—83 гг. отъ 3 до 5% всѣхъ поденщинъ, число же умершихъ равнялось 0,5—1% всѣхъ рабочихъ.

Господствующими болѣзнями на пріискахъ были цынга, ревматизмъ, перемежающіяся лихорадки, ушибы, а въ 90-хъ гг. также и инфлюэнца.

Въ Уставѣ о золотопромышленности 1870 г. было опредѣлено, что если рабочій, при производствѣ работъ, подвергнется, вслѣдствіе непринятія золотопромышленникомъ предписанныхъ въ законѣ мѣръ предосторожности, смерти или тяжкому увѣчью, сдѣлавшему его неспособнымъ къ труду, то золотопромышленникъ обязанъ вознаградить его семейство или его самого выдачею тройной за весь наемный срокъ платы. При легкомъ же увѣчьи, происшедшемъ вслѣдствіе непринятія золотопромышленникомъ узаконенныхъ мѣръ предосторожности и требующемъ врачебнаго пособія и временнаго призрѣнія, больной помѣщается въ лазаретъ до совершеннаго выздоровленія, безъ всякаго вычета изъ условленной платы. Вознагражденіе рабочихъ и ихъ семействъ въ тѣхъ случаяхъ, когда смерть или увѣчье рабочаго послѣдовали отъ вины золотопромышленника, должно было производиться по правиламъ, изложеннымъ въ законахъ гражданскихъ. На основаніи этого правила мѣстная администрація заставляла золотопромышленниковъ выдавать пособія

(на олекминскихъ промыслахъ до 900 р.) пострадавшимъ рабочимъ, на что въ болѣе раннюю эпоху (до 1870 г.) мы не встрѣчаемъ указаній. Законъ 1895 г. не измѣнилъ правилъ Устава о золотопромышленности 1870 г. о вознагражденіи за увѣчье, но теперь въ горномъ вѣдомствѣ составленъ проектъ закона государственнаго страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, болѣзней и потери способности къ труду. До сихъ поръ для „выработавшихся" пріисковыхъ рабочихъ ничего не было сдѣлано, кромѣ устройства одной маленькой богадѣльни на р. Ленѣ на средства К° Промышленности, пожертвованія И. М. Сибиряковымъ 420 тыс. р. на помощь пострадавшимъ отъ увѣчья, потерявшимъ здоровье и силы на пріискахъ ихъ и семействамъ такихъ рабочихъ, а также убитыхъ на промыслахъ Якутской области, и учрежденія благотворительнаго общества въ Томскѣ, между тѣмъ какъ даже ссыльно-каторжные, одряхлѣвшіе на Нерчинскихъ кабинетскихъ золотыхъ промыслахъ и заводахъ, содержались въ прежнее время въ богадѣльняхъ.

На сибирскихъ промыслахъ уже издавна существовало извѣстное количество походныхъ или постоянныхъ церквей, содержавшихся такъ же, какъ и ихъ причты, на счетъ золотопромышленниковъ; но рабочіе могли очень рѣдко присутствовать при богослуженіи, такъ какъ они были заняты работою и въ воскресные дни, и въ большинство праздниковъ. Нѣкоторые рабочіе лѣтъ по 15-ти не бывали въ церкви. Чаще всего они обращались къ духовнымъ лицамъ для крещенія дѣтей, свадьбы вѣнчались рѣдко, вслѣдствіе большой распространенности внѣбрачнаго сожительства, а погребеніе умершихъ рабочихъ сопровождалось далеко не всегда религіозными обрядами.

На Алтайскихъ кабинетскихъ промыслахъ школа для дѣтей мастеровыхъ была учреждена еще въ 1849 г.; школы существовали до 1861 г. и на Нерчинскихъ кабинетскихъ промыслахъ, на пріискахъ же частныхъ золотопромышленниковъ ихъ стали заводить лишь въ послѣдніе годы. Въ Томскомъ горномъ округѣ въ 1896 г. было на промыслахъ всего 5 школъ, на пріискахъ Ленскаго горнаго округа въ 1895 г. 3 школы (первая была устроена КК° Промышленности и Прибрежно-Витимскою въ 1881 г., а позднѣе на пріискахъ Бодайбинской К° и Ленскаго Т-ва), въ За-

байкальской области 4 школы [1]), на промыслахъ Амурской области также 4 школы, въ Енисейскомъ же округѣ, на пріискахъ киргизскихъ степей и въ другихъ золотопромышленныхъ системахъ школъ вовсе нѣтъ.

Съ увеличеніемъ количества праздничныхъ дней по закону 1895 г. мѣстами стали устраивать народныя чтенія и спектакли, а также и библіотеки для рабочихъ, но все это еще рѣдкія исключенія [2]).

Такъ какъ въ первое время сибирской золотопромышленности было не мало волненій и безпорядковъ среди пріисковыхъ рабочихъ, то хозяева добивались, чтобы рабочихъ за сопротивленіе не только правительственной администраціи, но даже приказчикамъ на промыслахъ судили военнымъ судомъ, но въ 1838 г. предписано было примѣнять эти суды, кромѣ дѣлъ о похищеніи золота, лишь къ вольнонаемнымъ изъ ссыльно-поселенцевъ за сопротивленіе „установленнымъ властямъ", а слѣдовательно даже и въ этомъ случаѣ полноправные рабочіе должны были судиться обыкновеннымъ судомъ. Мастеровые же на Алтайскихъ и Нерчинскихъ кабинетскихъ промыслахъ, такъ какъ они были военно-служащими, подлежали за побѣги и преступленія военному суду, который за первый побѣгъ, а иногда и за кражу приговаривалъ ихъ къ наказанію розгами, за слѣдующіе же побѣги и болѣе серьезныя преступленія къ шпицрутенамъ отъ 500 до 5.000 ударовъ, а позднѣе къ 200 и болѣе ударамъ. Подобныя ужасныя наказанія сплошь и рядомъ бывали лишь медленною и мучительною смертною казнью. Въ этомъ отношеніи положеніе рабочихъ на промыслахъ было все-таки лучше, хотя и тамъ тѣлесныя наказанія, но не въ такой ужасной формѣ, были явленіемъ самымъ заурядным, и въ первые годы сибирской золотопромышленности мы встрѣчаемъ тѣлесныя наказанія по про-

---

[1]) На Серафимовскомъ пріискѣ Шушейтановыхъ въ Баргузинскомъ округѣ (основана въ 1894 г.), на Евграфовскомъ пріискѣ Забайкальской К° Останина, Бѣлоголовой и Второва, Маломальскомъ пріискѣ Шанявскаго и К° и Дарасунскихъ пріискахъ Полутова. „Вѣст. Золот." 1894 г. № 19, стр. 308, 1897 г. № 4, стр. 83, „Амур. Газ." 1896 г. № 13, стр. 448.

[2]) Подробныя свѣдѣнія о чтеніяхъ, спектакляхъ и воскресной школѣ для рабочихъ на Неожиданномъ пріискѣ Южно-алтайской К° см. въ ст. *В. Прибытковой* въ „Вѣстн. Золот." 1898 г. №№ 7 и 8.

изволу пріисковыхъ приказчиковъ въ количествѣ до 100 ударовъ. По закону 1838 г. для сохраненія порядка между рабочими хозяину дозволялось раздѣлять ихъ на артели и въ каждую изъ нихъ назначать отъ себя старосту, а рабочіе выбирали двухъ выборныхъ. Этой артельной расправѣ съ вѣдома промышленника или приказчика разрѣшалось подвергать составляющихъ артель рабочихъ „умѣренному домашнему“ наказанію: она имѣла право лѣнивыхъ, нетрезвыхъ, виновныхъ въ запрещенной карточной или иной игрѣ, буйныхъ и пытавшихся бѣжать наказывать набавленіемъ на нихъ работы, вычетомъ въ пользу артели части ихъ платы или розгами не болѣе 100 ударовъ. Если хозяинъ и приказчикъ будутъ недовольны рѣшеніемъ артельной расправы, то они могли жаловаться мѣстной полицейской власти—отдѣльному засѣдателю частныхъ золотыхъ промысловъ (впослѣдствіи горному исправнику), а въ дѣлахъ, касающихся промысловой техники, горному ревизору. Отдѣльные засѣдатели имѣли право по золотопромышленнымъ дѣламъ за доказанное неповиновеніе, развратное поведеніе, побѣги, запрещенныя игры и другіе проступки, не представляющіе уголовнаго преступленія, подвергать рабочихъ „полицейскому исправленію“, т.-е. тѣлесному наказанію. Хозяинъ пріиска по закону 1838 г. обязанъ былъ обходиться съ рабочими безъ обиды и притѣсненія, человѣколюбиво и не долженъ былъ причинять рабочему „самовольно тяжкихъ побоевъ или какихъ-либо жестокостей, его здоровью вредныхъ“; такимъ образомъ побои вообще считались дозволительными, а разбирать, насколько они были тяжелы, не всегда считали нужнымъ. Это правило долгое время буквально повторялось и въ договорахъ. Въ дѣйствительности обращеніе съ рабочими въ 40-хъ гг. было самое варварское: розги приносили прямо на мѣсто работъ, и тутъ же производилась жестокая расправа по усмотрѣнію не только управляющаго, но и другихъ служащихъ. Въ нѣкоторыхъ контрактахъ второй половины 50-хъ гг. золотопромышленники выговаривали для себя, своихъ управляющихъ и приказчиковъ право подвергать рабочихъ тѣлесному наказанію „по своему усмотрѣнію“, хотя законъ предоставлялъ это лишь артельной расправѣ и горнымъ исправникамъ. Фактически пріисковыя управленія широко пользовались и прежде этимъ правомъ, и они стали упоминать о

немъ въ договорахъ лишь тогда, когда оно стало подвергаться отрицанію или сомнѣнію подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній въ правительственной сферѣ.

На основаніи Улож. о Наказ. 1845 г. (ст. 651) и Горн. Устава, пріисковые рабочіе по приговору артельной расправы и горныхъ исправниковъ должны были подвергаться наказанію розгами не болѣе 50 ударовъ, но ссыльно-поселенцевъ за побѣгъ съ промысловъ нѣкоторые горные исправники наказывали въ половинѣ 50-хъ гг. 20 ударами плетей; въ 1858 г. было разъяснено, что если ссыльные, оставивъ мѣсто работъ, явятся въ свое селеніе или волость, то наибольшее наказаніе должно быть 100 ударовъ розогъ съ отдачею въ работы на заводъ или въ арестантскую или поселенческую рабочую роту на время до одного года. Золотопромышленники находили это взысканіе слишкомъ слабымъ, и ослабленію репрессивныхъ мѣръ приписывали увеличеніе побѣговъ [1]). Въ 60-хъ гг., по крайней мѣрѣ на енисейскихъ промыслахъ, произошло нѣкоторое смягченіе въ обращеніи пріисковыхъ служащихъ съ рабочими.

По Уставу о золотопромышленности 1870 г. сохранены были партіонныя расправы (изъ назначаемаго золотопромышленникомъ старосты и двухъ выборныхъ, выбираемыхъ рабочими), которые могли подвергать рабочихъ денежному взысканію до 3 р., или аресту до 7 дней, или наказанію розгами до 30 ударовъ. Горный исправникъ не могъ подвергать полноправныхъ рабочихъ тѣлесному наказанію иначе, какъ по приговору партіонной расправы, ссыльно-поселенцевъ же могъ наказывать тѣлесно собственною властью. Ссыльно-поселенцы, нанявшіеся на пріиски, должны были, отправляясь на мѣсто работъ партіями, подчиняться выбираемому ими старостѣ, а за неповиновеніе ему подвергались наказанію розгами до 20 ударовъ по приговору большинства лицъ, составляющихъ партію. Офицеръ, завѣдывавшій ссыльно-каторжными на частныхъ промыслахъ, могъ подвергать ихъ за маловажные проступки между прочимъ наложенію оковъ и тѣлесному наказанію розгами до 100 ударовъ. Ссыльно-каторжные на кабинетскихъ золотыхъ про-

[1]) Около этого времени было разъяснено также, что рабочіе изъ мѣщанъ не могутъ подвергаться тѣлесному наказанію по приговору артельной расправы.

мыслахъ Нерчинскаго округа подвергались иногда жестокимъ истязаніямъ.

Въ договорахъ золотопромышленниковъ Енисейскаго округа съ рабочими 70-хъ гг., въ противоположность предшествовавшему времени, очень рѣдко встрѣчаются упоминанія о тѣлесномъ наказаніи рабочихъ, но пріисковые нравы были все таки очень суровы, и мѣстные представители полиціи, по просьбѣ золотопромышленниковъ, усердно истязали рабочихъ изъ ссыльно-поселенцевъ, противозаконно доводя иногда число ударовъ до нѣсколькихъ сотенъ. Но сами рабочіе постепенно обнаруживали все менѣе готовности истязать другъ друга, и потому очень трудно было вырвать у артельной расправы приговоръ къ тѣлесному наказанію, а безъ такого приговора нельзя было высѣчь полноправнаго рабочаго; слѣдствіемъ этого было крайнее недовольство золотопромышленниковъ артельными расправами. Въ Олекминскомъ округѣ эти расправы постепенно совершенно вывелись, но за то и урядники, и горные исправники въ угоду золотопромышленникамъ съ большимъ усердіемъ сѣкли рабочихъ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ не стѣснялись наказывать такимъ образомъ полноправныхъ рабочихъ безъ приговора артельной расправы (въ Витимской системѣ это продѣлывалось даже въ 90-хъ гг.). Грубое обращеніе пріисковыхъ служащихъ съ рабочими и кулачная расправа, хотя и въ меньшей степени, продолжали существовать на промыслахъ до самаго послѣдняго времени, но въ то же время среди рабочихъ начинаетъ уже развиваться чувство собственнаго достоинства, и бываютъ случаи, когда побои, наносимые какимъ либо управляющимъ пріиска, вызываютъ серьезное волненіе; продѣлывать то, что легко сходило съ рукъ въ 40-хъ и 50-хъ гг., теперь уже невозможно, хотя положеніе обѣихъ сторонъ очень неравное и защита рабочими своего человѣческаго достоинства обходится имъ очень дорого. Закономъ 1895 г. уничтожены артельныя расправы, и въ немъ вовсе не упоминается о тѣлесныхъ наказаніяхъ, но горные исправники сохранили право подвергать имъ ссыльно-поселенцевъ на основаніи особыхъ узаконеній объ этихъ послѣднихъ.

Нанимая рабочихъ до извѣстнаго срока, золотопромышленники всегда предоставляли себѣ въ договорахъ право разсчитать рабо-

чаго по своему усмотрѣнію (только въ немногихъ договорахъ такое право предоставлялось хозяевамъ лишь въ случаѣ прекращенія работъ на пріискахъ), и этотъ преждевременный разсчетъ являлся однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ наказаній для провинившагося въ чемъ либо рабочаго, тѣмъ болѣе, что съ 50-хъ гг. горные исправники начинаютъ высылать съ пріисковъ уволенныхъ рабочихъ. Въ 60-хъ гг. на нѣкоторыхъ пріискахъ Енисейскаго и Олекминскаго округовъ разсчитывали до срока отъ 3 до 4% рабочихъ; единственною уздою, сдерживавшею болѣе частое примѣненіе золотопромышленниками этой мѣры, служило то, что многіе изъ рабочихъ, которыхъ хозяевамъ хотѣлось бы разсчитать, еще не отработали своихъ задатковъ и заборовъ, сдѣланныхъ изъ пріисковыхъ лавокъ; тѣмъ не менѣе въ концѣ 80-хъ гг. въ Олекминскомъ округѣ досрочный разсчетъ практиковался очень часто (въ среднемъ за три года въ 1887—89 гг. было разсчитано 1489 человѣкъ въ годъ, причемъ лишь 3,5% этого количества получили разрѣшеніе разсчитаться до срока по собственному желанію). Правда, по контракту 70-хъ гг., по которому нанимались вольнонаемные рабочіе на Нерчинскіе золотые промыслы, пріисковое управленіе не могло отказать рабочему до срока безъ его согласія, если онъ не будетъ обвиненъ въ преступленіи или его лѣность и дурное поведеніе не будутъ засвидѣтельствованы артельною расправою, въ случаѣ же увольненія безъ соблюденія этихъ условій рабочему должно быть выдано содержаніе впередъ за три мѣсяца; но въ договорѣ 80-хъ гг. этотъ пунктъ измѣненъ не въ пользу рабочихъ. Въ большинствѣ случаевъ золотопромышленники предоставляли себѣ право досрочнаго разсчета по своему усмотрѣнію и относительно старателей-золотничниковъ, и только въ нѣкоторыхъ договорахъ это право предоставляется пріисковому управленію лишь въ томъ случаѣ, если артель не окажетъ содѣйствія къ прекращенію безпорядка. Закономъ 1895 г. точно установлены причины, по которымъ какъ золотопромышленникъ можетъ отказать рабочему, такъ и рабочій отказаться до срока найма.

Горные исправники присвоили себѣ право составлять на основаніи непровѣренныхъ аттестацій, даваемыхъ золотопромышленниками рабочимъ, списки людей, которыхъ не слѣдуетъ нанимать на

промыслы за ихъ дурное поведеніе; нѣкоторые исправники даже печатаютъ такіе списки и разсылаютъ ихъ золотопромышленникамъ даннаго округа къ руководству. Какъ велики бываютъ подобные списки, видно изъ того, что въ спискѣ, составленномъ горнымъ исправникомъ Томской губ. въ 1884—85 гг., названо было 719 человѣкъ. Такая мѣра совершенно противозаконна, и только составленіе списковъ бѣжавшихъ рабочихъ основывается на циркулярѣ Главнаго Управленія Восточной Сибири.

Очень частымъ наказаніемъ рабочихъ за разныя провинности, а также за недоработку уроковъ, несвоевременную явку на пріиски и проч. служатъ вычеты и штрафы. Штрафамъ подвергались и старатели-золотничники. По договорамъ Олекминскаго округа въ 80-хъ гг. штрафы съ общеконтрактныхъ рабочихъ доходили даже до 25 р. (въ этомъ послѣднемъ размѣрѣ—за уклоненіе женъ рабочихъ отъ работъ, за рытье въ забояхъ съ цѣлью отыскиванія золота, за переноску спирта). На Амурскихъ пріискахъ штрафы взимались въ 90-хъ гг. въ размѣрѣ до 10 р.

По закону 1895 г. взысканіе за отдѣльныя нарушенія порядка, налагаемыя золотопромышленникомъ, не должны превышать на промыслахъ Олекминской системы и Амурской области 5 р., а на промыслахъ прочихъ мѣстностей—2-хъ р. [1]), а сумма взысканій съ одного рабочаго не должна превосходить $^1/_3$ заработка [2]). Взысканія, наложенныя на полноправныхъ рабочихъ, поступаютъ въ капиталъ, предназначенный для вспомоществованія больнымъ и увѣчнымъ горнымъ рабочимъ, а взысканія съ рабочихъ изъ ссыльнопоселенцевъ поступаютъ въ экономическій капиталъ ссыльныхъ.

Горные исправники получали сначала ничтожное, позднѣе же небольшое по мѣстнымъ условіямъ жалованье отъ казны, но за то возна-

---

[1]) Недавно и въ Витимской системѣ дозволено взимать штрафы до 5 р. „Изв. Мин. Землед. и Госуд. Имущ.“ 1898 г., № 19, стр. 290. Размѣръ штрафовъ слишкомъ великъ; по германскому закону 1891 г. въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ штрафъ не долженъ превышать половины дневного заработка. *Іоллосъ*. „Очерки законодательства о трудѣ въ Германіи“. „Рус. Богат.“ 1898 г. № 4, стр. 190.

[2]) Относительно другихъ горныхъ рабочихъ, не пріисковыхъ, присутствіемъ по горнымъ дѣламъ при Горномъ Департаментѣ было разъяснено, что указываемая закономъ доля ($^1/_3$) относится къ суммѣ не всего заработка, а лишь той его части, которая выдается рабочему на руки, за удержаніемъ изъ заработка взысканія и долговъ. *Штофъ*, 370, 373.

граждали себя огромными субсидіями отъ золотопромышленниковъ, которые ни для кого, не исключая и высшей сибирской администраціи, не были секретомъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ и они, и ихъ помощники, и урядники на промыслахъ отдѣльныхъ компаній были вѣрными слугами золотопромышленниковъ, и рабочіе лишь въ рѣдкихъ случаяхъ могли найти у нихъ защиту отъ притѣсненій со стороны хозяевъ. По вѣрному замѣчанію генералъ-губернатора Вост. Сиб. Синельникова, внимательно относившагося къ нуждамъ пріисковыхъ рабочихъ, до высшаго начальства не доходило свѣдѣній о разныхъ злоупотребленіяхъ на пріискахъ, такъ какъ лица, обязанныя наблюдать за порядкомъ, „были широко вознаграждаемы за молчаніе". По другому, недавнему оффиціальному свидѣтельству, полицейскіе стражники на пріискахъ „въ сущности играютъ роль пріисковыхъ приказчиковъ". Поборы горныхъ исправниковъ съ золотопромышленниковъ были настолько всѣмъ извѣстны, что бывали случаи даже обращенія исправниковъ съ жалобами къ губернаторамъ въ случаѣ недостаточнаго, по мнѣнію исправника, поступленія этихъ поборовъ, или разныхъ недоразумѣній при дѣлежѣ сбора съ его помощникомъ. Въ Витимской системѣ Ленскаго горнаго округа горный исправникъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ получалъ отъ золотопромышленниковъ 18,000 р. въ годъ, а окружный инженеръ этого округа—10,000 р. Жандармскіе офицеры, въ прежнее время наблюдавшіе за пріисками, также регулярно получали дары отъ золотопромышленниковъ, но такъ какъ они были болѣе независимы по своему служебному положенію, чѣмъ горные исправники, то все-таки чаще ихъ сообщали неблагопріятные факты относительно дѣйствій того или другого пріисковаго управленія. Въ 1897 г. въ Сибири открыты новые суды, и мировые судьи на пріискахъ получаютъ добавочное содержаніе уже не непосредственно отъ золотопромышленниковъ, а по оффиціальному требованію отъ нихъ со стороны администраціи, что дѣлаетъ ихъ совершенно независимыми отъ золотопромышленныхъ компаній; очевидно необходимо примѣнить ту же систему къ горнымъ исправникамъ и окружнымъ инженерамъ.

Въ пріисковой рабочей средѣ существуетъ глухое недовольство, которое нерѣдко проявляется въ безпорядкахъ, многочисленныхъ побѣгахъ, насиліяхъ надъ служащими. Побѣги являлись наиболѣе

частою формою протеста рабочихъ противъ тяготѣвшаго надъ ними гнета. Въ половинѣ 30-хъ гг. съ разныхъ промысловъ Томской губерніи бѣжало 6—9% рабочихъ. Въ 40-хъ и 50-хъ гг. процентъ бѣжавшихъ не превышалъ на сибирскихъ промыслахъ 5, и только въ 1847 г. въ Западной Сибири бѣжало до 11% рабочихъ. Въ 60-хъ гг. лишь въ немногихъ округахъ, и то изрѣдка, количество бѣглыхъ подымалось до 6—7%, да къ тому же значительную часть, иногда четверть, бѣжавшихъ ловили. Въ Томской губерніи въ 70-хъ гг. процентъ бѣжавшихъ увеличивался иногда до 9, но за то и ловили изъ нихъ до 50%. Въ Енисейскомъ округѣ средній процентъ бѣжавшихъ равнялся въ сѣверно-енисейской системѣ въ 70-хъ гг.—3,8, въ 80-хъ—2,2%, въ южно-енисейской—въ 70-хъ гг.—6,8, въ 80-хъ—5,7%. Побѣги съ промысловъ Олекминскаго округа были менѣе значительны: въ 70-хъ гг. въ среднемъ 3,3%, въ первой половинѣ 80-хъ гг.—1,2%. Побѣги съ пріисковъ Амурской области были еще менѣе значительны, такъ что жалобы золотопромышленниковъ въ этомъ отношеніи несправедливы, и побѣги значительно усиливались только во время постройки Сибирской желѣзной дороги [1]). Напротивъ, побѣги каторжанъ съ кабинетскихъ золотыхъ промысловъ Нерчинскаго округа доходили въ 60-хъ гг. до 20—29% работавшихъ на нихъ ссыльно-каторжныхъ.

Между пріисковыми служащими и рабочими обыкновенно существовали дурныя, натянутыя отношенія; исполненіе непосильныхъ уроковъ на горныхъ работахъ и вообще ненормальныя условія ихъ жизни доводятъ рабочихъ до такого нервнаго состоянія, что какая-нибудь грубая выходка служащаго переполняетъ иной разъ чашу терпѣнія и доводитъ до убійства или вызываетъ волненіе всѣхъ рабочихъ того или другого пріиска. Въ старые годы волненій на пріискахъ было немного: довольно часты они были въ 30-хъ гг., и затѣмъ очень обширное волненіе разразилось въ Енисейскомъ округѣ въ 1842 г. Въ 60-хъ гг. они были явленіемъ весьма рѣдкимъ, но въ теченіе 25-тилѣтія съ 1870 г. они сдѣлались болѣе частыми, такъ что за это время намъ извѣстно на сибирскихъ про-

[1]) На послѣднемъ съѣздѣ золотопромышленниковъ южно-енисейскаго горнаго округа въ Красноярскѣ было признано, что теперь „съ уменьшеніемъ задатковъ“ побѣги почти прекратились. „Вѣстн. Золот.“ 1898 г. № 3, стр. 65.

мыслахъ 45 волненій и стачекъ. Были случаи волненій и послѣ изданія закона 1895 г., и это доказываетъ недостаточность этого закона и необходимость новыхъ мѣръ для улучшенія быта пріисковыхъ рабочихъ, и прежде всего распространенія и на нихъ обязательности воскреснаго отдыха и въ лѣтнее время, какъ это установлено относительно другихъ промышленныхъ рабочихъ закономъ 1897 г.

Въ нашемъ изслѣдованіи собрано очень много данныхъ относительно размѣра заработка рабочихъ въ теченіе всей операціи въ различныя эпохи существованія сибирской золотопромышленности; но такъ какъ количество рабочихъ дней извѣстно гораздо рѣже, то мы имѣемъ менѣе данныхъ о среднемъ дневномъ заработкѣ рабочихъ. Теперь мы сопоставимъ только имѣющіяся у насъ свѣдѣнія о среднемъ заработкѣ рабочихъ въ одну поденщину (*вездѣ на хозяйскомъ продовольствіи*), такъ какъ такимъ образомъ мы всего яснѣе увидимъ измѣненіе размѣра средней рабочей платы. Мы нашли, что введеніе машинъ для промывки золота, усилившееся во второй половинѣ 40-хъ гг., повело къ пониженію рабочей платы вмѣстѣ съ удлиненіемъ рабочаго дня [1]). Это ясно видно и изъ среднихъ дневныхъ заработковъ рабочихъ на промыслахъ южно-енисейскаго округа. Въ 1843 г. средній дневной заработокъ рабочихъ на Прокопьевскомъ пріискѣ Асташева равнялся 43 к. с., въ 1847 г. на Казанскомъ пріискѣ Асташева 37 к. с. и на Николаевскомъ пріискѣ Заангарской К° 27 к. с.,—въ среднемъ на этихъ трехъ пріискахъ дневной заработокъ равнялся 36 к. Въ 1852 г. на пріискѣ Удерейской К° Бенардаки, Рязановыхъ и Щеголева средній заработокъ въ теченіе года равнялся 22 к. и на Казанскомъ пріискѣ Асташева 27 к. (въ 1847 г. средній заработокъ на этомъ пріискѣ былъ 37 к.); на Манскихъ пріискахъ рабочіе поисковыхъ партій заработали въ среднемъ въ 1855 г.—37 к., въ 1856 г.—33 к. Взявъ среднюю изъ этихъ двухъ цифръ (35 к.) и присоединивъ къ ней данныя 1852 г. о двухъ пріискахъ южно-енисейскаго округа, мы получимъ средній дневной заработокъ

[1]) См. ниже т. I нашего труда, стр. 161—164. Ср. *Маркс*. „Капиталъ", изд. 1898 г. т. I, стр. 352—358, 476—478.

въ первой половинѣ 50-хъ гг.—28 к., т.-е. почти на 20% ниже средняго дневного заработка 40-хъ гг.

Мы указали въ своемъ мѣстѣ на то, что это пониженіе рабочей платы (такъ же какъ и удлиненіе рабочаго дня) связано съ введеніемъ на золотыхъ промыслахъ машиннаго производства при промывкѣ золота. Но удлиненіе рабочаго дня продолжалось и позднѣе, пониженіе же рабочей платы было особенно замѣтно въ первой половинѣ 50-хъ гг. Это заставляетъ искать еще какихъ-либо добавочныхъ причинъ для объясненія этого явленія [1]). Такою причиною временнаго пониженія рабочей платы или по крайней мѣрѣ поводомъ къ нему могло быть также значительное повышеніе въ это время подати съ золота. Положеніемъ о золотопромышленности въ Сибири 1838 г. установлена была подать съ нея въ размѣрѣ 15% валоваго сбора натурою; сверхъ того введенъ былъ особый сборъ для возмѣщенія расходовъ на содержаніе полиціи и воинскихъ командъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ: по 4 р. золотомъ съ фунта лигатурнаго золота. Черезъ 2 года процентная подать была усилена для новыхъ промышленниковъ [2]) до 24% въ мѣстности по системѣ р. Удерея (въ Енисейскомъ округѣ) и до 20% въ прочихъ мѣстахъ Восточной и Западной Сибири. Пофунтный сборъ былъ возвышенъ въ 1843 г.: 4-хъ рублевый сборъ съ фунта золота положено было сохранить только для промысловъ, добывающихъ менѣе двухъ пудовъ золота въ годъ, съ добывающихъ же большее количество взималось отъ 5-ти до 8-ми р. съ фунта. Но вскорѣ такое обложеніе было признано неуравнительнымъ и несоразмѣрнымъ съ выгодами, доставляемыми болѣе или менѣе богатыми промыслами, почему въ 1849 г. была введена прогрессивная подать. Пріиски были раздѣлены по количеству го-

---

[1]) Нельзя не отмѣтить еще, что паденіе заработковъ пріисковыхъ рабочихъ въ первой половинѣ 50-хъ гг. совпадало съ рѣзкимъ паденіемъ цѣнъ на хлѣбъ, а возвышеніе ихъ въ слѣдующее десятилѣтіе съ возвышеніемъ этихъ цѣнъ. Это можетъ между прочимъ объясняться тѣмъ, что съ увеличеніемъ цѣнъ на хлѣбъ сибирскіе крестьяне должны были увеличивать свои запашки, и такимъ образомъ болѣе рабочихъ силъ отвлекалось къ земледѣлію, и цѣны на трудъ повышались.

[2]) Получившихъ дозволеніе на поиски золота послѣ 1840 г. или отводы по истеченіи 3-хъ лѣтъ со дня обнародованія новыхъ правилъ.

довой добычи на 10 разрядовъ и обложены minimum (добывающіе 1—2 п. золота) 5% сбора и 4 р. съ фунта, а высшій разрядъ (болѣе 50 п.), считая и пофунтный сборъ,—до 43% валоваго дохода. Можно думать, что, ссылаясь на это болѣе тяжелое обложеніе добычи золота и опираясь на усиленіе машиннаго производства при его промывкѣ, золотопромышленники и попытались уменьшить свои расходы особенно замѣтнымъ уменьшеніемъ рабочей платы въ первой половинѣ 50-хъ гг. Но указанная система обложенія удержалась недолго, и уже черезъ 5 лѣтъ послѣдовало значительное уменьшеніе податей для пріисковъ высшихъ разрядовъ. Высочайшимъ повелѣніемъ 4-го августа 1854 г., введеннымъ въ дѣйствіе съ 1855 г. въ видѣ опыта на три года, пріиски въ Сибири были раздѣлены на 4 разряда (по добычѣ отъ 1 золотника до 2-хъ пудовъ, отъ 2-хъ до 5-ти п., отъ 5-ти до 10-ти и свыше 10-ти пуд.), и соотвѣтственно этимъ разрядамъ была установлена подать въ 5, 10, 15 и 20% добычи и пофунтный сборъ въ 4, 6, 8 и 10 р. золотомъ [1]). Вслѣдъ за тѣмъ заработная плата, подъ вліяніемъ причинъ, на которыя мы укажемъ ниже, начинаетъ постепенно возвышаться.

Для 60-хъ гг. есть много данныхъ относительно заработковъ въ теченіе операціи въ южной части Енисейскаго округа, но къ сожалѣнію мы не имѣемъ свѣдѣній о количествѣ рабочихъ поденщинъ на томъ или другомъ пріискѣ. Общая сумма заработковъ выше, чѣмъ въ первой половинѣ 50-хъ гг., и близка къ заработкамъ 40-хъ гг. Что касается средняго заработка въ поденщину, то на кабинетскихъ промыслахъ Алтайскаго округа вольнонаемные рабочіе зарабатывали въ 1863—70 гг. въ среднемъ 42 к. въ день. Въ сѣверно-енисейскомъ округѣ въ 1860 г. на Гавриловскомъ и Никольскомъ пріискахъ К° Рязанова, Горохова и Мошарова средній

---

[1]) Съ пріисковъ, отданныхъ по Всемилостивѣйшему пожалованію и въ качествѣ остатковъ взималась еще добавочная подать: съ 3-го разряда 2%, а съ 4-го—4% добычи.—Взиманіе податей съ золота съ самаго начала у насъ частной золотопромышленности, какъ и теперь, было связано съ обязательнымъ доставленіемъ всего добытаго металла въ петербургскій монетный дворъ, гдѣ удерживалась подать, остальное же золото возвращалось промышленникамъ въ видѣ монеты. *А. Штофъ.* „Горныя подати на западѣ Европы и у насъ". „Горн. Журн." 1889 г. № 10, стр. 137—139.

дневной заработокъ равнялся 65 к., и нужно думать, что размѣръ заработковъ въ сосѣднемъ округѣ едва-ли могъ быть значительно ниже. Въ Олекминскомъ округѣ на промыслахъ Прибрежно-Витимской К° рабочіе зарабатывали въ 1866 г. въ день въ среднемъ по 61 к. Ссыльно-каторжные (обыкновенно болѣе слабые физически, чѣмъ профессіональные пріисковые рабочіе) зарабатывали въ 1876 г. на пріискахъ К° Промышленности (Олекминскаго округа) въ среднемъ по 53 к. въ день.

Для 80-хъ гг. мы имѣемъ, по крайней мѣрѣ за извѣстное число лѣтъ, среднія данныя не относительно отдѣльныхъ промысловъ, а относительно цѣлыхъ золотоносныхъ системъ. Въ южной части Енисейскаго округа въ 1883 г. рабочіе зарабатывали въ среднемъ по 64 к., т.-е. гораздо болѣе, чѣмъ получали въ этомъ округѣ въ 40-хъ гг. (36 к.,—увеличеніе на 77%) и первой половинѣ 50-хъ гг. (28 к.,—увеличеніе 128%). Въ сѣверной части Енисейскаго округа рабочіе зарабатывали въ среднемъ въ 1881 г.—59 к., въ 1882 г.—64 к., въ 1883 г.—46 к., въ среднемъ за три года 56 к. Постепенное повышеніе заработковъ рабочихъ въ этой части Енисейскаго округа всего яснѣе изъ данныхъ за 11 лѣтъ (съ 1877 по 1887 г.) на пріискахъ В. И. Базилевскаго: въ 1877—79 гг. дневной заработокъ на всѣхъ этихъ промыслахъ равнялся въ среднемъ 55 к., въ 1881—83 гг.—61 к. и въ 1884—87 гг.—67 к. (на 22% выше, чѣмъ въ концѣ 70-хъ гг. [1]).

Въ Витимской системѣ Олекминскаго округа въ среднемъ за 1881—84 и 88 гг. дневной заработокъ равнялся 1 р., въ 1885 г. въ среднемъ за весь Олекминскій округъ 1 р. 6 к. и въ Олекминской системѣ этого округа въ среднемъ за 1883 и 84 гг.—86 к. Въ 1892 г. средній дневной заработокъ въ К° Промышленности равнялся 1 р. 6 к., Бодайбинской К° 1 р. 8 к. и Ленскаго Т-ва 1 р. 3 к., слѣдовательно въ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ гг. средній заработокъ рабочихъ Олекминскаго округа (какъ и въ другихъ мѣстностяхъ—на хозяйскихъ харчахъ) можно принять въ 1 р. Такъ какъ въ 1866 г. въ К° Промышленности рабочіе зарабаты-

[1]) Заработокъ старателей-золотничниковъ на пріискѣ К° Малевинскаго сѣверно-енисейскаго округа равнялся въ 1875 г. (за вычетомъ истраченныхъ ими на продовольствіе 36 к. въ день)—1 р. 7 к.

вали въ среднемъ 61 к., то значительное повышеніе денежныхъ заработковъ съ того времени (на 65%) несомнѣнно.

Въ Амурской области заработки рабочихъ также повысились. Въ Верхне-Амурской К° они зарабатывали въ 1880 г. въ среднемъ 1 р. 3 к., въ 1881—84 гг.—1 р. 12 к.—1 р. 29 к., въ Зейскихъ КК° въ 1882 г.—96 к., въ 90-хъ гг. въ среднемъ 1 р. 31 к. Повышеніе заработковъ особенно видно на промыслахъ Ниманской К°: въ 1877 г. средній дневной заработокъ равнялся 68 к., въ 1878—79 гг.—83 к., въ 1880—81 гг.—91 к., а затѣмъ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ уроковъ, заработокъ еще болѣе увеличился и въ 1882—86 гг. равнялся 1 р. 9 к.—1 р. 31 к. Были впрочемъ на нѣкоторыхъ амурскихъ пріискахъ заработки и менѣе значительные: въ 1885—86 гг. на пріискахъ Бутиныхъ 81 к., Тетюкова 68—69 к.

Что касается средняго дневного заработка на промыслахъ Западной Сибири, то было вычислено, что въ 1893 г. на трехъ пріискахъ Буткевича Маріинскаго округа средній заработокъ равнялся 45 к., а на 5 другихъ пріискахъ—48 к. Сопоставивъ этотъ дневной заработокъ съ общею ничтожною суммою заработковъ на промыслахъ Западной Сибири начала 40-хъ гг. мы увидимъ, что и здѣсь денежная рабочая плата повысилась.

Общая сумма заработковъ рабочихъ нѣсколько повышалась тайнымъ хищеніемъ золота, но учесть величину этой прибавки, разумѣется, невозможно.

Денежная плата несомнѣнно повысилась, но нужно обратить вниманіе на то, повысилась ли реальная плата, а для этого нужно принять во вниманіе измѣненіе цѣнъ въ Сибири, и особенно цѣнъ на предметы продовольствія.

По даннымъ, собраннымъ А. А. Кауфманомъ, за 50 лѣтъ на томскомъ рынкѣ [1]) среднія цѣны за пудъ равнялись:

---

[1]) „Матеріалы для изученія эконом. быта крестьянъ Западн. Сибири". Вып. XIV. *А. А. Кауфманъ*. „Экон. бытъ крест. восточ. ч. Томск. окр. и сѣв.-зап. ч. Мар. окр.", Спб. 1892 г., стр. 504—512, 515; „Сибирь и вел. Сиб. жел. дор.", изд. 25, Спб. 1896 г., стр. 123.

Годы.	Ржаная мука.	Пшенич-ная мука.	Овесъ.	Масло.	
	К о п ѣ й к и.			Руб.	Коп.
1840—43	45	73	40	—	—
1845—49	42	84	49	—	—
1850—54	19	31	20	—	—
1855—59	33	46	28	—	—
1860—64	43	67	36	—	—
1865—69	59	91	56	5	58
1870—74	31	66	33	7	35
1875—79	32	54	34	6	62
1880—84	58	86	43	7	88
1885—89	60	86	44	7	49

Изъ этой таблицы видно, что въ 80-хъ гг. цѣны на ржаную и пшеничную муку на томскомъ рынкѣ были выше, чѣмъ когда-либо съ начала 40-хъ гг., за исключеніемъ второй половины 60-хъ гг.; сравнительно съ первою половиною 60-хъ гг. цѣна ржаной муки во второй половинѣ 80-хъ гг. была выше на 39%, цѣна пшеничной муки—на 28%, цѣна овса—на 22%, сравнительно со второю половиною 60-хъ гг. цѣна масла повысилась на 32%.

И въ Восточной Сибири цѣны на пшеничную муку, овесъ и гречневую крупу значительно возрасли. По даннымъ интендантскаго вѣдомства [1]) четверть въ Восточно-Сиб. округѣ стоила въ среднемъ:

Годы.	Ржаная мука.		Овесъ.		Гречневая крупа.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
1865—69	10	9	5	32	12	75
1870—74	9	41	6	41	11	85
1875—79	10	90	6	1	13	57
1880—83	12	86	7	72	16	17

[1]) „Цѣны на провіантъ и фуражъ по свѣдѣніямъ интендантскаго вѣдомства". „Временникъ центр. стат. ком. М. В. Д." 1889 г., № 4, стр. 9—13.

И такъ цѣны ржаной муки и гречневой крупы въ первой половинѣ 80-хъ гг. были выше сравнительно со второю половиною 60-хъ гг. на 27%, а овса—на 45%. Въ Енисейской губ. цѣны на ржаную муку и овесъ во вторую половину 80-хъ гг. были еще выше, чѣмъ въ первую: въ 1880—85 гг. средняя цѣна пуда ржаной муки въ Красноярскѣ равнялись 71 к., а въ 1885—90 гг.—80 к., пудъ овса тамъ же въ 1880—85 гг. —65 к., въ 1885—1890 гг. — 68 к. [1]). Возвышеніе цѣнъ на хлѣба было отмѣчено статистиками и въ Иркутской губ., а именно въ концѣ 60-хъ гг. въ Балаганскомъ округѣ цѣна пуда ржи равнялась 65 к., а въ концѣ 80-хъ гг.—89 к. [2]), т.-е увеличилась на 37%.

Мы видимъ, слѣдовательно, что и сравнительно съ 40-ми годами, и сравнительно съ 60-ми цѣны названныхъ предметовъ продовольствія, если и возрасли, то въ мѣньшей степени, чѣмъ рабочая плата. Пріисковыя таксы [3]) показываютъ, что если цѣны однихъ предметовъ (черкасскій табакъ, холстъ, обувь, рукавицы) значительно повысились, то за то цѣны другихъ (сахаръ) упали. Все это заставляетъ насъ придти къ выводу, что не только денежная, но и реальная плата пріисковыхъ рабочихъ возрасла; между прочимъ это выражалось и въ улучшеніи ихъ продовольствія на пріискахъ. Но теперь, съ переводомъ во многихъ мѣстахъ рабочихъ на собственное продовольствіе, причемъ золотопромышленныя компаніи далеко не всегда достаточно вознаграждаютъ ихъ за лишеніе хозяйскихъ харчей, можно опасаться, что реальная рабочая плата понизится, тѣмъ болѣе, что понижать плату даетъ возможность наплывъ рабочихъ на промыслы. Указывая на повышеніе рабочей платы, нужно однако помнить, что размѣръ уроковъ на горныхъ работахъ постепенно возрасталъ и слѣдовательно бо̀льшее вознагражденіе получалось за трудъ болѣе напряженный, чѣмъ прежде [4]).

---

[1]) „Матеріалы по изслѣдов. землед. и хозяйств. быта сельск. нас. Енис. губ.“ т. IV, в. 6-й, стр. 51.

[2]) „Матер. по изслѣд. земледѣл. и хоз. быта сельск. нас. Иркут. и Енис. губ. Иркутск. губ.“, т. II, в. 4-й, стр. 275.

[3]) См. ниже, т. I, стр. 554—555, т. II, стр. 883, 900—903.

[4]) Исторія рабочей платы въ Европейской Россіи требуетъ еще внимательнаго, подробнаго изученія, въ Европѣ же и въ Америкѣ въ XIX вѣкѣ она

Для объясненія причинъ повышенія рабочей платы, особенно замѣтнаго на пріискахъ Восточной Сибири, укажемъ, во-первыхъ, на то, что рабочая плата повысилась и въ другихъ отрасляхъ труда, а именно въ земледѣліи. Изслѣдованіе хозяйственнаго быта крестьянъ и инородцевъ Иркутской губ., результаты котораго были опубликованы въ 1890 г., показало, что при годовомъ наймѣ плата повысилась за послѣднія 20 лѣтъ, судя по большинству показаній, процентовъ на 70, а по отдѣльнымъ мѣстностямъ отъ 40 до 100

несомнѣнно повысилась. См. объ этомъ слѣдующія сочиненія: *Bauregard*, Essai sur la théorie du salaire. La main d'oeuvre et son prix, P. 1877; *Em. Chevalier*, Les salaires au XIX siècle. P. 1887; *Levasseur*, L'ouvrier américain, P. 1898. 2 vols; *Levasseur*. La population française, t. III-me (P. 1892), p. 87—101 (здѣсь есть любопытныя картограммы повышенія рабочей платы въ связи съ измѣненіемъ цѣнъ съѣстныхъ припасовъ). О повышеніи рабочей платы въ Англіи см. *Giffen*, The progress of the working classes in the last half century, L. 1884; ср. *Шульце-Геверницъ*, „Крупное производство". Спб. 1897, стр. 178); *Leone Levi*, Wages and earnings of the working classes, 1885. Срав. любопытныя данныя объ измѣненіи рабочей платы англійскихъ углекоповъ въ связи съ измѣненіемъ стоимости продовольствія рабочаго у *R. Nasse* и *Krümmer*, Die Bergarbeiter-Verhältnisse in Grossbritannien, 1891, S. 10.

Въ Санъ-Франциско (въ Калифорніи) послѣ открытія тамъ золота въ 1853—54 гг. рабочая плата была одно время особенно высока, отъ 8 шилл. до 2 ф. стерл. въ день (но вмѣстѣ съ тѣмъ страшно поднялась и цѣна съѣстныхъ припасовъ), затѣмъ тѣ и другія цѣны сдѣлались болѣе нормальными. *Tooke* u. *Newmarch*. Die Geschichte u. Bestimmung der Preise, 1862, II Bd., 755. Въ 1880 г. въ рудникахъ драгоцѣнныхъ металловъ въ Сѣвер. Америк. Штатахъ средняя рабочая плата (на своемъ продовольствіи) равнялась 1,42 фр. въ часъ или за 10 часовъ работы—14,2 франка (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ продолжительность рабочаго дня вслѣдствіе неудобствъ работы и высокой температуры понижалась до 8 и даже до 6 часовъ). На тамошнихъ пріискахъ рабочіе получали отъ 14,6 до 21,2 фр. въ день. Въ рудникахъ знаменитой жилы Комстокъ, гдѣ работа вслѣдствіе высокой температуры рудничнаго воздуха очень затруднительна, платили еще больше: въ 1880 г. простые рабочіе и мастеровые получали тамъ отъ 18,7 до 31,8 фр. въ день; но продовольствіе здѣсь очень дорого. „Вѣст. Зол." 1894. № 4, стр. 90. Въ 1894 г. въ рудникахъ штата Монтана рабочіе получали въ день отъ 2,72 доллара до 4 и даже 5 долл. въ день. *Levasseur*. „L'ouvrier américain", I, 340. Въ Австраліи въ разныхъ мѣстахъ плата рабочимъ въ золотыхъ рудникахъ полагается въ настоящее время отъ 7 до 12 шилл. въ день. (*Перрэ*. „Золотопромышл. въ Австраліи", Спб. 1895, стр. 52, 76), а на Западѣ Австраліи отъ 14,6 до 16,6 франковъ въ день (*Leroy-Beaulieu*. „Les nouvelles sociétés Anglo-Saxonnes", p. 68). Въ золотыхъ рудникахъ Трансвааля плата бѣлымъ рабочимъ—15 шилл. (19 фр.) въ день при готовомъ помѣщеніи и даже 20—25 фр. мастеровымъ. Негры при готовомъ помѣщеніи и хозяйскихъ харчахъ получаютъ тамъ 3 ф. стерл. или 75 фр. въ мѣсяцъ. *Leroy-Beaulieu*, 307, 356, 358, 369—370.

и даже болѣе $^0/_0$ [1]). Естественно, что, имѣя возможность получить повышенную плату въ деревняхъ, рабочіе не соглашались идти на пріиски иначе, какъ за плату, также бо́льшую сравнительно съ прежнимъ временемъ. Вторую причину повышенія платы на хозяйскихъ работахъ составляетъ появленіе въ первой половинѣ 60-хъ гг. старателей - золотничниковъ, которые дѣлали конкурренцію промысламъ, разрабатывавшимся наемнымъ трудомъ, а также сильное развитіе спиртоносничества заставляло увеличивать плату за подъемное золото. Третьею причиною общаго повышенія рабочей платы на промыслахъ было паденіе нашего вексельнаго курса, т. е. повышеніе цѣны на золото, особенно замѣтное съ конца 70-хъ гг. [2]). Наконецъ причиною повышенія рабочей платы могло быть то, что среди пріисковыхъ рабочихъ все уменьшался процентъ ссыльно-поселенцевъ, которые при началѣ сибирской золотопромышленности представляли пролетаріатъ, служившій наиболѣе удобнымъ средствомъ для созданія крупной золотопромышленности. Рабочіе изъ крестьянъ являлись все-таки не такимъ сговорчивымъ элементомъ, какъ бездомные поселенцы.

Что касается барышей золотопромышленниковъ, то въ 40-хъ и 50-хъ гг. мы встрѣчаемъ доходы съ предпріятій въ 100—200%; въ 1891 г., по приблизительному вычисленію г. Герасимова, средняя прибыль золотопромышленниковъ, за вычетомъ податей натурою, равнялась на промыслахъ Забайкальской области 24%, Якутской области—29%, въ Амурской и Приморской областяхъ—49% [3]). По вычисленію г. Штофа, въ восточно-сибирскимъ округахъ, кромѣ Енисейской губ., доходъ золотопромышленниковъ равняется въ среднемъ 36%, въ Западной Сибири—26% [4]). Но въ отдѣльныхъ компаніяхъ и въ послѣднее время доходъ гораздо выше. Такъ КК° Промышленности и Прибрежно-Витимская (Ленскаго горнаго округа) получили въ 1880 г. чистаго дохода—106%, въ

[1]) „Матеріалы по изслѣдов. землепольз. и хоз. быта сельск. населенія Иркут. и Енис. губ. Иркутская губ.“, т. II, в. 4, стр. 214.

[2]) *И. Кауфманъ*. „Вексельные курсы Россіи за 50 лѣтъ. 1841—30“. „Временн. центр. стат. комит. М. Вн. Дѣлъ“, 1892 г. № 22.

[3]) „Труды Комис. Высоч. утв. для собр. свѣд. о сиб. золотопр.“, Спб. 1896 г. Зап. горн. инж. Герасимова, стр. 25—26.

[4]) „Вѣстн. Золотопр.“ 1897 г. № 13, стр. 290.

1882 г.—86%, а въ среднемъ за 14 лѣтъ около 58%. Въ Амурской области Ниманская К° въ 1881 г. имѣла 87% чистой прибыли, Верхне-Амурская К° въ 1886 г.—100% и Зейская въ томъ же году даже 171%; Зейскія КК° имѣли въ 1890—94 гг. барыша каждая въ среднемъ отъ 28 до 162%, а всѣ въ среднемъ за пять лѣтъ 90%.

Весьма значительную часть своего заработка рабочіе оставляли на промыслахъ, забирая изъ пріисковыхъ лавокъ одежду и припасы; тотъ остатокъ отъ заработка, который они получали при разсчетѣ деньгами, называется на пріискахъ „додачею". Въ 40-хъ гг. на пріискахъ Восточной Сибири наиболѣе обыкновенный размѣръ додачи равнялся 30—40 р. Въ 50-хъ гг., насколько можно судить по нѣкоторымъ разсчетнымъ книгамъ южно-енисейскихъ промысловъ, рабочіе меньшую долю заработка выносили съ пріисковъ. На Олекминскихъ пріискахъ среднею додачею въ это время считали 40 р. Въ началѣ 60-хъ гг. въ южно-енисейскомъ округѣ рабочіе еще меньшій процентъ заработка выносили съ промысловъ, чѣмъ въ два предшествовавшія десятилѣтія, и средній размѣръ додачи всѣхъ рабочихъ, ее получившихъ, колебался отъ 15 до 47 р. Вольнонаемные рабочіе на Алтайскихъ кабинетскихъ промыслахъ тратили въ 60-хъ гг. въ среднемъ 40% своего заработка на заборъ изъ пріисковыхъ лавокъ; средній размѣръ додачи равнялся тамъ почти 46 р., но ее получили лишь около 60% всѣхъ рабочихъ. Въ началѣ 90-хъ гг. средняя додача на промыслахъ Маріинскаго округа Томской губ. равнялась 30 р., а на 48 пріискахъ Алтайскаго округа въ 1894 г.—48 р. На промыслахъ Енисейскаго округа въ 80-хъ гг. рабочіе отъ 1/3 до 2/5 всего заработка тратили на пріобрѣтеніе вещей и припасовъ въ пріисковыхъ лавкахъ, а додача составляла 1/5—1/3 всего заработка. Если раздѣлить всѣ выданныя рабочимъ при разсчетѣ деньги на *всѣхъ* рабочихъ (хотя бы и не получившихъ додачи), то окажется, что такая средняя додача равнялась на промыслахъ сѣверо-енисейской системы въ 1881 г.—25 р., въ 1882 г.—29 р.; въ слѣдующіе годы додача разсчитана вмѣстѣ съ денежною выдачею во время работъ на пріискахъ „на надобности рабочихъ"; такимъ образомъ деньгами на пріискахъ и при разсчетѣ было выдано въ

1883—89 гг. отъ 33 до 41 р. (при этомъ разсчетѣ не исключались и старатели-золотничники). На промыслахъ южно-енисейской системы одной додачи было получено рабочими въ среднемъ въ 1883—85 гг. отъ 39 до 52 р., въ 1894 г. на 47 пріискахъ по 47 р. На пріискахъ до разсчета рабочіе могли получить деньгами лишь весьма небольшую часть заработка. На пріискахъ Олекминскаго округа заработокъ рабочихъ распредѣлялся въ 80-хъ гг. такимъ образомъ: въ уплату податей и своимъ семействамъ рабочіе отправляли деньгами съ промысловъ Витимской системы отъ 6,8 почти до 14% заработка, въ Олекминской системѣ отъ 6 до 8,8%; было отослано ими на сбереженіе въ „банковыя учрежденія" въ Витимской системѣ отъ 1 до 5%, въ Олекминской около 2%; выдано на пріискахъ товарами и припасами въ Витимской системѣ отъ 27 до 59%, въ Олекминской отъ 40 до 65%, при чемъ процентъ забора на пріискахъ въ концѣ 80-хъ гг. выше, чѣмъ въ первой половинѣ этого десятилѣтія. Додача составляла въ Витимской системѣ отъ 24 до 56%, въ Олекминской отъ 19 до 47%, при чемъ додача въ концѣ 80-хъ гг. была менѣе, чѣмъ въ первой половинѣ этого десятилѣтія. Средній чистый заработокъ всѣхъ рабочихъ (за исключеніемъ долговъ) составлялъ въ Витимской системѣ въ 1887 г.—87 р.; въ 1888 г.—31 р., въ 1889 г.—47 р., въ Олекминской системѣ въ 1887 г.—86 р., въ 1888 г.—30 р., въ 1889 г.—46 р. Слѣдовательно не особенно большія богатства выносили рабочіе съ этой богатой золотоносной системы. На промыслахъ Амурской области въ 1881—86, 92—93 гг. сумма, выданная въ задатокъ, составляла отъ 6 до 33% всего заработка, отосланная съ пріисковъ на подати и семействамъ рабочихъ равнялась 2—16%, выданная на руки деньгами, вещами и припасами во время работъ 24—76%, наконецъ додача составляла 10—40% заработка. Изъ этого видно, какую небольшую часть заработка составляла додача.

Въ законѣ 1822 г., на основаніи котораго первоначально производился наемъ рабочихъ на сибирскіе промыслы, было (согласно правилу общихъ законовъ, что крестьянамъ запрещается безъ разрѣшенія начальства вѣрить болѣе чѣмъ на 5 р. асс.) сказано, что если работникъ остается долженъ хозяину болѣе 5 р. асс.,

то этотъ долгъ не подлежитъ взысканію, такъ какъ онъ сдѣланъ безъ дозволенія начальства и вопреки закону. Но правило это никогда не соблюдалось на сибирскихъ пріискахъ. По закону 1838 г. деньги, выдаваемыя впередъ, не должны были превышать всей платы по договору (а задатки ссыльно-поселенцевъ—25 р. асс.), но правило это также не соблюдалось. Въ 1853 г. Главное Управленіе Восточной Сибири сдѣлало распоряженіе, чтобы рабочимъ, которые не отработали взятыхъ у промышленника денегъ (по причинѣ болѣзни, неявки на промыслы или побѣга съ нихъ), если заборъ деньгами и вещами не превышалъ ихъ годовой платы, не было даваемо дозволенія для найма къ другимъ промышленникамъ до тѣхъ поръ, пока они не отработаютъ этихъ денегъ у прежнихъ хозяевъ или не заплатятъ имъ долга. На промыслахъ южной части Енисейскаго округа въ 1862 г. 38% рабочихъ остались должниками, при чемъ средній размѣръ долга равнялся почти 25 р., и, по выраженію енисейскаго жандармскаго штабъ-офицера, рабочіе на промыслахъ „не зарабатывали деньги, а отрабатывали долги". На Алтайскихъ кабинетскихъ промыслахъ въ 1863—71 гг. около 25% рабочихъ нанимались со старымъ долгомъ, и въ среднемъ долгъ ихъ былъ около 30 р.

По Уставу о золотопромышленности 1870 г. репрессивныя мѣры относительно рабочихъ-должниковъ допускались лишь въ томъ случаѣ, если они были изъ ссыльно-поселенцевъ, а именно ссыльно-поселенцу, оставшемуся въ долгу по найму на пріискѣ, паспортъ не долженъ былъ выдаваться до уплаты имъ долга, и наняться къ другому золотопромышленнику дозволялось не иначе, какъ если этотъ послѣдній приметъ на себя долгъ прежнему хозяину. Пользуясь этою статьею закона, мѣстная администрація стала понуждать отрабатывать долги не только ссыльно-поселенцевъ, но и полноправныхъ рабочихъ. Такъ было, напримѣръ, въ 1872 г. на пріискахъ Олекминскаго округа. Въ 1874 г. Главное Управленіе Восточной Сибири предписало, чтобы въ особыхъ шнуровыхъ книгахъ волостныхъ правленій записывались долги рабочихъ и до отработки ихъ не дозволялось должникамъ наниматься въ другія компаніи, если только долги не будутъ взыскиваемы при самомъ наймѣ. При этомъ не было сдѣлано различія между ссыльно-поселенцами и полноправ-

ными рабочими, хотя такія мѣры допускались закономъ 1870 г. только относительно первыхъ. Золотопромышленники жаловались обыкновенно, что за рабочими остаются слишкомъ большія суммы, но это несправедливо. Въ началѣ 90-хъ гг. долги, остававшіеся за рабочими на пріискахъ Томской губ., составляли лишь около 1% всѣхъ пріисковыхъ расходовъ, и въ среднемъ на каждаго годового рабочаго (считая всѣхъ рабочихъ, а не однихъ должниковъ) оставалось отъ 2 р. 80 к. до 5 р. 40 к. долгу, что̀ составляло ничтожный накладной расходъ, да и то еще часть этихъ долговъ впослѣдствіи отрабатывалась. Въ Сѣверно-енисейскомъ округѣ, *считая однихъ должниковъ* (неявившихся, умершихъ, бѣжавшихъ, разсчитанныхъ до срока) въ среднемъ за каждымъ изъ нихъ (въ 1881—86, 88—89 гг.) пришлось 37 р. долгу, а въ южно-енисейскомъ округѣ (въ 1883—5 и 88 гг.) — 45 р.; если же выдѣлить должниковъ, проработавшихъ до разсчета, то средній размѣръ ихъ долга за указанные годы равнялся въ сѣверной и южной частяхъ Енисейскаго округа 29 р. На Амурскихъ промыслахъ въ первой половинѣ 80-хъ гг. оставалось въ долгу за рабочими въ разныхъ компаніяхъ отъ 1 до 4% всей суммы, выданной рабочимъ.

Разсчетъ между хозяевами и рабочими производится на пріискахъ по окончаніи операціи, и только ничтожную часть заработка удается рабочимъ получить деньгами до разсчета (и то обыкновенно не на руки). Это имѣетъ для рабочаго большія неудобства, такъ какъ, получая сразу всю додачу, онъ легче подвергается соблазну растратить ее по окончаніи утомительнаго труда [1]). Попытка ген.-губ. В. С. Синельникова, предложившаго рабочимъ отдавать на сохраненіе ихъ заработки командированнымъ чиновникамъ, была слишкомъ непрактична и не имѣла серьезныхъ результатовъ, а дозволеніе (съ тою же цѣлью охраненія заработка) выдавать рабочимъ вмѣсто денегъ квитанціи повело къ злоупотребленіямъ со

[1]) Такой порядокъ разсчета, донынѣ существующій на золотыхъ промыслахъ, встрѣчался прежде и на нѣкоторыхъ фабрикахъ центральной Россіи: въ теченіе всего года (до окончанія срока найма) деньги не выдавались рабочему на руки, а если онѣ были нужны для уплаты податей, то отсылались прямо волостнымъ старшинамъ или старостамъ (*Янжулъ.* „Фабричн. бытъ Моск. губ.“, 91). Теперь законъ предписываетъ на фабрикахъ производить разсчетъ не рѣже одного раза въ мѣсяцъ (ст. 97 Устава о Промышл. 1893).

стороны золотопромышленниковъ Восточной Сибири. Въ Маріинскомъ округѣ нѣкоторые золотопромышленники навязываютъ рабочимъ при разсчетѣ ненужные имъ товары.

Очень много говорили и писали про страшные кутежи рабочихъ осенью по окончаніи пріисковой операціи, но причиною этого были тѣ ненормальныя условія, въ которыхъ рабочіе жили на пріискахъ: переутомленные непосильнымъ трудомъ, лишенные на пріискахъ семьи (ссыльно-поселенцы часто и вовсе не имѣли ея), они бросались въ омутъ разврата, чтобы хоть на нѣсколько дней забыть о своемъ грустномъ существованіи. Въ 50-хъ гг. нѣкоторые золотопромышленники, бывшіе въ то же время и откупщиками, сами толкали рабочихъ къ пьянству и кутежамъ, назначая мѣстомъ разсчета свои кабаки, расположенные при выходѣ изъ пріисковаго раіона. Заработки могли нерѣдко пропиваться не оттого, что они были слишкомъ велики, а оттого, что были слишкомъ малы; при среднемъ размѣрѣ додачи въ три-четыре десятка рублей было не мало рабочихъ, получившихъ самую ничтожную сумму, съ которою нечего было дѣлать, какъ только пропить, чтобы затѣмъ вновь наняться на промыслы. Своими криками о кутежахъ рабочихъ золотопромышленники направили администрацію на ложный слѣдъ, и послѣдняя принимала цѣлый рядъ мѣръ, одна другой непрактичнѣе, начиная отъ сопровожденія рабочихъ подъ охраною полиціи, которая обирала опьянѣвшихъ рабочихъ, и кончая тѣмъ, что возвращавшимся рабочимъ запрещалось входить въ нѣкоторыя населенныя мѣста, какъ напр. г. Енисейскъ, потому что они могли пропить свой заработокъ, между тѣмъ какъ нужно было измѣнить положеніе рабочихъ на пріискахъ, и тогда кутежи должны были сами собою ослабѣть. Улучшеніе до нѣкоторой степени стало замѣтно лишь съ того времени, когда администрація Восточной Сибири, начиная съ 70-хъ гг., стала обнаруживать нѣкоторую заботливость объ улучшеніи быта рабочихъ. На промыслахъ Олекминскаго округа была принята очень важная мѣра: золотопромышленники были понуждены вывозить выходящихъ съ промысловъ рабочихъ на значительное разстояніе на своихъ или нанятыхъ пароходахъ, какъ они дѣлаютъ это и въ Амурской области.

Для регулированія положенія рабочихъ на сибирскихъ золо-

тыхъ промыслахъ были изданы четыре главнѣйшихъ закона: Положеніе о частной золотопромышленности въ Сибири 1838 г., Уставъ о золотопромышленности 1870 г., законъ 1895 г. о наймѣ рабочихъ на золотые промыслы и общій законъ 2-го іюня 1897 г. о продолжительности рабочаго времени въ заведеніяхъ фабрично-заводской промышленности. Положеніе о частной золотопромышленности въ Сибири 1838 г., несмотря на всѣ его недостатки, все-таки болѣе защищало рабочихъ отъ эксплоатаціи со стороны хозяевъ, чѣмъ позднѣйшій Уставъ о частной золотопромышленности 1870 г. Въ первомъ, въ виду суровости сибирскаго климата, былъ опредѣленъ срокъ осенней промывки золота (10 сентября), и дальнѣйшую промывку дозволялось производить только въ теплыхъ промывальняхъ, тогда какъ во второмъ такое ограниченіе отсутствуетъ; въ законѣ 1838 г. установленъ максимумъ количества рабочихъ часовъ (правда, только для урочныхъ работъ), котораго вовсе не указано въ Уставѣ 1870 г., запрещены урочныя работы ночью и по воскресеньямъ и большимъ праздникамъ, между тѣмъ какъ въ 1870 г. эти ограниченія также уничтожены, сдѣлана была попытка (хотя и недостигшая цѣли) охранить хотя часть заработка ссыльно-поселенцевъ отъ растраты при возвращеніи съ пріисковъ и, наконецъ, хотя и не былъ узаконенъ административный надзоръ за установленіемъ цѣнъ вещей и припасовъ, отпускаемыхъ рабочимъ изъ пріисковыхъ лавокъ, но одинъ параграфъ этого закона скоро вызвалъ утвержденіе пріисковыхъ таксъ администраціею, по крайней мѣрѣ въ Западной Сибири (въ Восточной гораздо позднѣе).

Правила о наймѣ рабочихъ Устава о золотопромышленности 1870 г. не только не представляли почти никакихъ улучшеній сравнительно съ закономъ 1838 г. въ дѣлѣ регулированія положенія рабочихъ, но, какъ было уже указано, были въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже шагомъ назадъ: мы не находимъ въ нихъ ни одного изъ указанныхъ постановленій закона 1838 г., имѣвшихъ въ виду защиту интересовъ рабочихъ. Правда, нѣкоторыя изъ прежнихъ правилъ могли быть признаны недостигающими цѣли, но новый законъ, благодаря тому, что въ составленіи его участвовали представители золотопромышленниковъ и нѣкоторые защитники теоріи невмѣшательства государства, игнорировалъ уже назрѣвшія

потребности рабочихъ: онъ не опредѣлялъ продолжительности рабочаго дня, не ограничивалъ труда женщинъ и малолѣтнихъ рабочихъ, не опредѣлялъ размѣра пищевого довольствія рабочихъ, состоявшихъ на хозяйственныхъ харчахъ и пр. Впрочемъ эти недостатки закона 1870 г. во многихъ отношеніяхъ объясняются крайнею неудовлетворительностью тогдашняго общаго фабричнаго законодательства въ Россіи. Полезнымъ нововведеніемъ въ правилахъ 1870 г. было только опредѣленіе вознагражденія за увѣчье.

Главнѣйшія измѣненія, введенныя закономъ 1895 г. о наймѣ рабочихъ на золотые промыслы, состоятъ въ слѣдующемъ: соблюденіе порядка и благоустройства на золотыхъ промыслахъ было поставлено подъ надзоръ присутствій по горнозаводскимъ дѣламъ, имъ же предоставлена охрана наиболѣе существенныхъ интересовъ рабочихъ. Были указаны уважительныя причины неявки рабочихъ на промыслы, а также расторженія договора обѣими договаривающимися сторонами. Упразднены партіонныя расправы, разбиравшія до тѣхъ поръ дѣла о маловажныхъ проступкахъ рабочихъ; взамѣнъ этого золотопромышленникамъ дано право подвергать рабочихъ денежнымъ взысканіямъ за точно-обозначенныя въ законѣ нарушенія договора. Съ другой стороны, окружнымъ инженерамъ и горнымъ исправникамъ предоставлено право налагать на завѣдующихъ промыслами денежныя взысканія въ административномъ порядкѣ въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ. Тѣ и другія взысканія поступаютъ въ капиталъ для выдачи пособій больнымъ и увѣчнымъ горнымъ рабочимъ, но взысканія съ поселенцевъ идутъ въ экономическій капиталъ ссыльныхъ. Установлено обязательное празднованіе воскресеній съ 1-го октября по 1-ое апрѣля, а въ остальные мѣсяцы рабочимъ дано право на два дня отдыха въ мѣсяцъ. Запрещено включеніе въ договоръ условія о передачѣ рабочихъ отъ одного предпринимателя другому. Отмѣнена большая часть особыхъ постановленій Горнаго устава о наймѣ ссыльно-поселенцевъ, и на нихъ распространены общія правила о наймѣ рабочихъ съ сохраненіемъ лишь немногихъ особенностей. Горнозаводскія присутствія, въ составѣ которыхъ есть два представителя золотопромышленниковъ, но нѣтъ представителей рабочихъ, должны были издать обязательныя постановленія о пищевомъ довольствіи рабочихъ, полу-

чающихъ пищу отъ нанимателя на пріискахъ на пути къ нимъ или при возвращеніи съ нихъ, о выдачѣ рабочимъ винныхъ порцій, о мѣрахъ къ охраненію жизни, здоровья и нравственности рабочихъ во время работъ и при помѣщеніи ихъ въ промысловыхъ зданіяхъ, а также относительно продовольствія больныхъ рабочихъ и оказанія имъ врачебной помощи, о доставкѣ рабочихъ по окончаніи операціи на средства промышленниковъ съ системъ промысловъ, отдаленныхъ отъ населенныхъ мѣстъ до жилыхъ пунктовъ; они должны утверждать росписанія предметовъ, допускаемыхъ въ продажу рабочимъ изъ промысловыхъ лавокъ, а также разсматривать утвержденныя окружными инженерами таксы на эти предметы, утверждать табели взысканій съ рабочихъ и проч. Такимъ образомъ важнѣйшія стороны жизни пріисковыхъ рабочихъ регулированы не закономъ, а обязательными постановленіями горнозаводскихъ присутствій. Все, что составляетъ въ этомъ законѣ улучшеніе сравнительно съ Уставомъ о золотопромышленности 1870 г., есть лишь примѣненіе къ пріисковымъ рабочимъ правилъ общаго фабричнаго законодательства, горное же вѣдомство не сдѣлало ни шагу впередъ сравнительно съ общими законами о промышленномъ трудѣ и мало считалось съ потребностями, создаваемыми особенностями быта пріисковыхъ рабочихъ, предоставивъ регулированіе этихъ особенностей горнозаводскимъ присутствіямъ. Томское присутствіе уже опубликовало составленныя имъ обязательныя постановленія; нѣкоторыя изъ нихъ, при всей ихъ умѣренности, вызвали неудовольствіе золотопромышленниковъ.

Одна изъ самыхъ неблагопріятныхъ сторонъ въ жизни пріисковыхъ рабочихъ—тяжесть уроковъ на горныхъ работахъ и сопряженная съ нею слишкомъ большая продолжительность рабочаго дня. Между тѣмъ составители закона 1895 г. отказались отъ регулированія продолжительности рабочаго дня взрослыхъ рабочихъ, и это сдѣлано было лишь въ 1897 г. общимъ закономъ о промышленныхъ рабочихъ, по которому установлена слишкомъ большая норма рабочаго времени въ $11^1/_2$ часовъ для дневныхъ работъ и въ 10 часовъ дня ночныхъ, и кромѣ того допущены въ широкомъ размѣрѣ сверхурочныя работы, которыя, какъ мы видѣли изъ исторіи пріисковыхъ рабочихъ, и повели въ прежнее

время къ чрезмѣрному увеличенію продолжительности ихъ рабочаго дня. Относительно пріисковыхъ рабочихъ законъ 1897 г. къ тому же не установилъ обязательнаго празднованія воскресеній въ лѣтнее время, какъ это предписано относительно всѣхъ остальныхъ промышленныхъ рабочихъ. Дальнѣйшее развитіе нашего фабричнаго законодательства должно прежде всего состоять въ уменьшеніи продолжительности рабочаго дня. Другою настоятельною потребностью является дозволеніе соглашеній рабочихъ съ цѣлью добиться повышенія рабочей платы, которое существуетъ уже въ зазападно-европейскихъ законодательствахъ, такъ какъ безъ этого крайне затруднено столь необходимое развитіе самодѣятельности рабочихъ.

Въ золотопромышленномъ дѣлѣ необходимо также введеніе свободы обращенія золота, такъ какъ эта реформа легализируетъ трудъ значительнаго количества рабочихъ, тайно добывающихъ теперь золото въ пріисковыхъ районахъ, дастъ возможность отдѣльнымъ рабочимъ и ихъ артелямъ сдавать золото прямо въ казну за настоящую цѣну и положитъ конецъ торговой монополіи золотопромышленниковъ.

ГЛАВА I.

Рабочіе на частныхъ золотыхъ промыслахъ до 1838 г.

Начало золотопромышленности въ Сибири. — Поисковыя партіи. — Число рабочихъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ. — Наемъ рабочихъ и договоры ихъ съ хозяевами. — Пріисковыя работы. — Рабочая плата. — Старательскія работы. — Жилища и пища рабочихъ. — Пріисковыя лавки. — Медицинская помощь. — Наказанія рабочихъ. — Побѣги и волненія.

Въ теченіе всего XVIII в. золото добывалось въ Россіи только изъ рудниковъ, а не изъ золотыхъ розсыпей; добыча эта производилась лишь казною и Кабинетомъ, такъ какъ и Колывано-Воскресенскіе (Алтайскіе) заводы были взяты у Демидова въ 1747 г. на государыню, когда въ ихъ рудникахъ были найдены слѣды золота [1]). Въ 1812 г. было дозволено всѣмъ русскимъ подданнымъ отыскивать и разрабатывать золотыя и серебряныя руды [2]), въ 1814 г. на казенныхъ Березовскихъ рудникахъ Екатеринбургскаго округа были открыты золотоносныя розсыпи, а около того же времени — и на земляхъ Нейвинскаго завода Яковлева [3]). Съ 1823 г. разработка золотыхъ розсыпей казною началась въ Богословскомъ и Гороблагодатскомъ округахъ, а черезъ годъ и въ Златоустовскомъ округѣ [4]). Разработка золота на пріискахъ владѣльческихъ и поссессіонныхъ горныхъ заводовъ была предоставлена

---

[1]) См. Дополненіе I въ концѣ этого тома.

[2]) 1-е П. С. З. т. XXXII, № 25119.

[3]) *Тарасенко-Отрышковъ.* „О золотѣ и серебрѣ“, ч. I, 1856, стр. 174. *П. Н.* „Разсказы о сибир. золот. промыслахъ“. „Отеч. Зап.“ 1847 г. т. 53, стр. 23—24.

[4]) *Боголюбскій*, „Золото“, стр. 50, 52, 54, 57.

только ихъ владѣльцамъ, другимъ же лицамъ не иначе, какъ по добровольнымъ съ ними условіямъ. Правительство не признавало еще необходимости стремиться къ возможно большему распространенію золотопромышленности, и въ журналѣ комитета финансовъ 15 іюля 1824 г. была высказана мысль, что открытіе вдругъ всѣхъ золотыхъ розсыпей не желательно и что лучше сохранить эти сокровища для казны на будущее время, не отвергая, впрочемъ, совершенно предложеній частныхъ лицъ [1]).

Имѣя въ виду это постановленіе, министерство финансовъ не рѣшалось сперва удовлетворить ходатайства нѣкоторыхъ лицъ, желавшихъ предпринять на собственный счетъ поиски золота въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ Уралу. Но когда все чаще стали отыскивать золотосодержащіе пески въ дачахъ частныхъ заводовъ, то, по докладу министра финансовъ гр. Канкрина, въ 1826 г. государь дозволилъ выдать купцамъ Рязанцеву, Рязанову, Черепанову и Верходанову особыя привилегіи на отысканіе золота въ губерніяхъ Вятской и Тобольской въ казенныхъ дачахъ, не принадлежащихъ горнымъ заводамъ [2]). Въ слѣдующемъ году разрѣшено было пріискивать золотосодержащія руды и пески купцу Андрею Попову въ сибирскихъ губерніяхъ и въ Омской области и князю Голицыну въ губерніяхъ Иркутской и Енисейской. Въ 1828 г. допущены къ поискамъ и разработкѣ золота въ Иркутской, Енисейской и Томской губерніяхъ купцы Кузнецовы и Баландинъ, а въ слѣдующемъ году дозволена была разработка золотосодержащихъ песковъ въ Сибири и въ Омской области купцу Степану Попову [3]). Въ 1835 г. разрѣшена была частная золотопромышленность въ предѣлахъ Иркутской губерніи и на рѣкахъ, впадающихъ въ Ангару, кромѣ Забайкальскаго края [4]).

Изъ названныхъ искателей золота купецъ Андрей Поповъ успѣлъ прежде всѣхъ въ 1828 г. открыть весьма важныя мѣсторожденія золота въ Томской губерніи по рѣкамъ Бирикулю и Кіѣ [5]), а въ слѣдующемъ году компанія Рязанова, Казанцева и Баландина нашла въ той же губерніи необыкновенно богатый своею золотоносностью Кундустуюльскій ключъ. Этимъ важнымъ открытіемъ было положено прочное

---

[1]) 1-е П. С. З. т. XXXIX, № 30056 (9 Сент. 1824 г.).

[2]) 2-е П. С. З. т. I, № 224, т. III, № 1712.

[3]) 2-е П. С. З. т. III, №№ 1712 и 1780. *Расселли* „Свѣдѣнія о частномъ золотомъ промыслѣ въ Россіи". Спб. 1863, изд. 2-е (въ „Трудахъ Ком. Выс. утв. для пересм. системы податей и сборовъ", т. VIII, ч. I, стр. 4—9). Въ 1835 г. министру финансовъ предоставлено было право разрѣшать и другимъ лицамъ производство руднаго промысла во внѣшнихъ округахъ Омской области. 2-е П. С. З. т. X, № 8532.

[4]) *Гагемейстеръ*. „Стат. Обозр. Сибири", I, 210.

[5]) „Горный Журналъ", 1835 г. ч. III, 377.

основаніе развитію золотопромышленности въ Томской губерніи и во всей Сибири. Въ 1830 г. Поповымъ было открыто золото въ киргизской степи въ Кокбектинскомъ округѣ [1]). Розысканіемъ золота въ Сибири занимались и не одни частныя лица: по вступленіи алтайскаго горнаго округа въ вѣдѣніе министерства финансовъ были отряжены золотоискательныя партіи, и въ 1830 г. открыта розсыпь въ Салаирскомъ кряжѣ и заложенъ пріискъ подъ названіемъ Егорьевскаго [2]). Въ 1830 г. было найдено золото частными лицами въ округахъ Красноярскомъ и Минусинскомъ, а въ 1832 — 34 гг. и въ Ачинскомъ [3]). Болѣе богатыя розсыпи въ Минусинскомъ округѣ Енисейской губерніи были открыты въ 1833 — 35 гг., а въ 1836 г. сдѣланы были открытія богатыхъ розсыпей по системѣ рѣки Бирюсы (принадлежащей къ системѣ р. Ангары) [4]). Машаровъ, получившій названіе „таежнаго Наполеона", открылъ въ 1838 г. розсыпи на р. Удерѣ (системы Верхней Тунгузки). Найдя, что тамошнія розсыпи богаче Бирюсинскихъ, сдѣлали отсюда выводъ, что по мѣрѣ удаленія на сѣверъ, пески дѣлаются все богаче золотомъ, и вслѣдствіе этого поисковыя партіи стали стремиться все далѣе къ низовьямъ Енисея. Дѣйствительно, пески, добытые, начиная съ 1840 г., Зотовымъ, а потомъ Голубковымъ и Малевинскимъ на р. Октоликѣ (системы р. Пита), а потомъ на рр. Севагликонѣ и Калами (системы р. Подкаменной Тунгузки) превзошли богатствомъ всѣ, до того открытые [5]).

Такимъ образомъ почти по всей Сибири разсѣялось множество поисковыхъ партій. Въ каждой изъ нихъ бывало отъ 7 до 10 рабочихъ, большею частью изъ ссыльно-поселенцевъ, съ прикащикомъ, штейгеромъ и вожатымъ изъ инородцевъ. Партіи совершали передвиженія верхомъ, притомъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ вьючныхъ лошадей. Участь всякой партіи была въ рукахъ вожатаго: если онъ ее оставлялъ, партія, какъ это нерѣдко и случалось, погибала. „Вожатый, —

---

[1]) *Гагемейстеръ*. I, 205—206.

[2]) „Горный Журналъ" 1831 г. ч. II, 145—146. Въ Нерчинскомъ округѣ, составлявшемъ, какъ и Алтайскій, собственность государя, добываніе золота изъ розсыпей началось съ 1832 г. Въ 1838 г. здѣсь были открыты богатыя розсыпи на р. Карѣ.

[3]) *Пестовъ*. „Записки объ Енисейской губ. 1831 г.". М. 1833, стр. 54 и 63. „Горный Журналъ" 1837 г. ч. II, 543—545, 1835 г., III, 78.

[4]) Правильная разработка золотыхъ розсыпей въ Иркутскомъ округѣ началась въ 1836 г. „Горный Журналъ", 1841 г., ч. 2, стр. 152; 2-е П. С. З. т. III, № 1780.

[5]) *Гагемейстеръ*. „Стат. Обозр. Сибири" I, 200—212; „Горн. Журн." 1837 г. II, 546—548. До 1838 г. числилось уже до 200 частныхъ лицъ, занимавшихся золотопромышленностью въ Сибири (*Расселли*, 10), несмотря на то, что въ началѣ 1837 г. была пріостановлена на годъ министромъ финансовъ выдача дозволеній на разработку золотыхъ розсыпей (Арх. Горн. Деп., по описи Минюсскаго, вяз. 24, дѣло № 674).

читаемъ мы въ одномъ современномъ описаніи, — всегда идетъ или ѣдетъ впереди отряда, съ нимъ все его имущество — трубка, табакъ, огниво и платье. Прочіе члены партіи слѣдуютъ за нимъ одинъ позади другого, имѣя на каждой лошади пару кожаныхъ сумъ съ партіоннымъ имуществомъ, харчевыми припасами и желѣзными инструментами для шурфовки" (т.-е. развѣдки, какъ велико содержаніе золота въ данномъ мѣстѣ); „съ ними всегда—вашгердъ для промывки песковъ и съемки золота..... Такъ кочуютъ искатели золота въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ сряду".

Остановившись для развѣдки по указанію вожатаго, они тотчасъ развьючивали лошадей, готовили пищу и начинали рубить лѣсъ. Люди и животныя оставались подъ открытымъ небомъ, чтобы не терять времени на постройку „балагановъ", которые ставились лишь при продолжительныхъ разъѣздахъ около одного мѣста. Съѣстные припасы поисковыхъ партій состояли изъ сухой вяленой говядины, изъ черныхъ сухарей, превратившихся въ мелкій порошокъ, крупы и соли. Все это хранилось въ сумахъ изъ сыромятной кожи, висѣвшихъ по бокамъ лошади, и часто принимало отвратительный запахъ. Приготовленіе кушанья было весьма незамысловато: на обѣдъ варили, такъ называемыя, щи изъ говядины съ небольшимъ количествомъ крупы и соли (безъ капусты); на ужинъ приготовлялась каша; лишь изрѣдка удавалось наловить рыбы. Но партіи не могли запастись припасами на все лѣто: онѣ получали ихъ по мѣрѣ надобности изъ ближайшихъ селеній или магазиновъ, которые нарочно устраивались гдѣ-нибудь въ лѣсу и въ теченіе зимы снабжались всѣмъ необходимымъ. Посланные за припасами, по болѣзни или вслѣдствіе усталости лошадей, а чаще всего отъ разлива рѣчекъ, не успѣвали прибыть во-время къ своей поисковой партіи, и тогда оставшіеся товарищи терпѣли голодъ, не имѣя никакихъ средствъ спасенія, такъ какъ вожатый обыкновенно отправлялся съ посланными за припасами. — Переправа черезъ горныя рѣки съ ихъ крутымъ паденіемъ была вообще очень опасна, и иной разъ золотоискатели при этомъ погибали. Нѣкоторыя изъ рѣкъ въ этихъ горныхъ странахъ еще въ іюнѣ мѣсяцѣ бывали покрыты льдомъ и снѣгомъ. Прибрежная почва растаивала на какой-нибудь аршинъ, и, снявъ этотъ слой, искатели золота должны были раскладывать огонь и ожидать часъ или два, чтобы опять углубиться на четверть аршина. Тѣмъ не менѣе ловкіе промышленники умѣли производить развѣдки не одной, а нѣсколькихъ рѣчекъ на пространствѣ десятковъ верстъ въ самое короткое время [1]).

Развитіе золотопромышленности въ Сибири вызвало цѣлый рядъ

---

[1]) „Искатели золота" въ „Библ. для Чтенія" 1838 г. т. XXIX, № 8.

законодательныхъ мѣръ для ея регулированія. Въ 1829 г. министру финансовъ было предоставлено право выдавать дозволительныя свидѣтельства на поискъ и разработку золота [1]). Въ 1831 г. всѣ обязанности по надзору за частными золотыми промыслами были возложены въ Восточной Сибири на тамошняго генералъ-губернатора, а въ Западной — на горное правленіе Колывано-Воскресенскихъ (алтайскихъ) заводовъ подъ наблюденіемъ ихъ главнаго начальника [2]). Площадь для золотосодержащаго пріиска при ширинѣ не менѣе 100 саженъ должна была не превышать въ длину 5 верстъ (всего не болѣе 250000 квадр. саженъ); если промышленникъ въ теченіе двухъ лѣтъ по отведеніи ему пріиска вовсе не начиналъ на немъ работъ, то отводъ признавался недѣйствительнымъ, и промышленникъ терялъ на него право [3]). Въ 1833 г. для надзора за частнымъ золотымъ промысломъ въ Томской губерніи учреждена была должность горнаго ревизора, назначаемаго горнымъ правленіемъ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ [4]). Для управленія полицейскою частью на частныхъ промыслахъ Томской губерніи назначенъ былъ особый чиновникъ въ составъ томскаго земскаго суда подъ названіемъ отдѣльнаго засѣдателя по золотымъ промысламъ (съ жалованьемъ всего въ 1000 р. асс.), который долженъ былъ во все время работъ жить на золотыхъ промыслахъ; при немъ состояли 5 казаковъ и 1 урядникъ [5]). Въ 1834 г. похитителей золота на частныхъ и казенныхъ сибирскихъ промыслахъ, скупщиковъ и всякихъ ихъ сообщниковъ безъ различія званія велѣно было судить военнымъ судомъ [6]). Въ дальнѣйшемъ изложеніи (въ первыхъ шести главахъ) мы будемъ говорить о положеніи рабочихъ исключительно на частныхъ золотыхъ промыслахъ.

Наемъ рабочихъ на частные золотые промыслы въ Сибири производился до 1838 г. на основаніи Высочайше утвержденнаго 22 іюля 1822 г. положенія о разборѣ исковъ по обязательствамъ, заключаемымъ между сибирскими обывателями разныхъ сословій. Въ положеніи этомъ были довольно подробно опредѣлены какъ порядокъ самаго найма рабочихъ, такъ и отношенія ихъ къ нанимателю, а потому многія статьи его были приняты за основаніе при составленіи особыхъ по этому предмету правилъ для частныхъ золотыхъ промысловъ, вошедшихъ въ положеніе 1838 г.

---

[1]) *Расселл*, 17.

[2]) 2-е П. С. З. т. VI, № 4793. Въ 1833 г. золотопромышленность въ Минусинскомъ и Ачинскомъ округахъ Енисейской губ. была передана въ вѣдѣніе Горнаго Правленія Колывано-Воскресенскихъ заводовъ. 2-е П. С. З. т. VIII, № 6222.

[3]) 2-е П. С. З. т. VI, № 5008.

[4]) 2-е П. С. З. т. VIII, № 5977.

[5]) 2-е П. С. З. т. VIII, № 6511 (1833 г.).

[6]) 2-е П. С. З. т. IX, № 7065, 10 мая 1834 г.

На основаніи закона 1822 г. наемъ въ работу допускался двухъ родовъ: явочный и безъ явки. Условіе явочнаго найма должно было быть написано на гербовой бумагѣ, съ означеніемъ условленной платы и размѣра выданнаго задатка, срока найма, количества пищеваго довольствія и т. п. Эти условія должны были быть явлены въ городѣ въ земскомъ судѣ, а въ селеніяхъ — въ волостномъ правленіи или инородномъ начальствѣ [1]). Не запрещалось писать на одномъ листѣ многихъ работниковъ, но въ то же время заключать условіе долженъ былъ каждый за себя; ни въ какомъ случаѣ оно не могло распространяться на дѣтей работника, родственниковъ и еще менѣе на пріемышей [2]). Срокъ найма не могъ быть болѣе одного года. Задатокъ никогда не долженъ былъ превышать всего размѣра годовой платы, считая въ томъ числѣ взносъ податей и повинностей за работника, и выдавшій рабочему задатокъ, превышавшій годовую плату, лишался своего иска. Если работникъ останется должнымъ хозяину болѣе 5 рублей, то этотъ долгъ не подлежитъ взысканію, такъ какъ онъ сдѣланъ безъ дозволенія начальства [3]) и допущенъ вопреки закону. Земскія и городскія полиціи по условіямъ, у нихъ явленнымъ, строго понуждаютъ работниковъ явиться на работу въ условленное время, и за всякое упущеніе въ этомъ отношеніи онѣ подвергаются отвѣтственности. Въ кочевьяхъ инородцевъ условія явочнаго найма могутъ быть и словесныя, но они должны быть явлены у родоваго старшины въ инородной управѣ или въ степной думѣ при двухъ свидѣтеляхъ, и, если въ управѣ введено письменное производство, то съ запискою въ особую явочную по наймамъ книгу. Въ случаѣ неустойки по явочнымъ наймамъ споры и жалобы должны были разбираться, на основаніи условій, прежде всего словесно въ полицейскомъ учрежденіи, гдѣ вѣдома та или другая сторона, въ случаѣ же неудовольствія на словесный судъ дѣло разсматривалось судомъ по закону, причемъ земскій судъ и городская полиція постановляли окончательныя рѣшенія по искамъ, не превышавшимъ 25 рублей. Не запрещалось нанимать въ работу словесно безъ письменныхъ условій и даже

---

[1]) Поселенецъ или крестьянинъ, нанимавшійся въ работу, долженъ былъ имѣть дозволеніе отъ мірского общества того селенія, въ которомъ онъ числился, при чемъ дозволеніе должно было быть явлено и записано въ волостномъ правленіи.

[2]) Малолѣтнихъ дѣтей и пріемышей (менѣе 17 лѣтъ) отцы и матери хотя и могли отдавать въ легкую работу, но не иначе, какъ съ дозволенія волостного правленія или родового начальства, и то не болѣе, какъ на одинъ годъ. Принявшій такихъ въ работу безъ соблюденія указанныхъ условій въ случаѣ неустойки терялъ искъ и право, а когда малолѣтній выросталъ, то по жалобѣ его подвергался взысканію по законамъ.

[3]) По общимъ законамъ, крестьянамъ воспрещалось безъ разрѣшенія ихъ начальства вѣрить болѣе, чѣмъ на 5 рублей.

безъ явки въ какомъ бы то ни было мѣстѣ, но такія, нигдѣ не записанныя, условія, основанныя на одномъ личномъ довѣріи, не подлежали въ случаѣ неустойки никакому судебному разбирательству ни въ инородныхъ управахъ, ни въ волостныхъ правленіяхъ, ни въ земскихъ и въ городскихъ общихъ и частныхъ судахъ. Въ случаѣ неустойки можно было разбираться полюбовно чрезъ посредниковъ, если стороны согласятся ихъ выбрать, и рѣшеніе такихъ посредниковъ не подлежало никакому обжалованію. Въ случаѣ неисполненія договоровъ найма безъ явки, полиціи строго воспрещались всякія понудительныя мѣры; при спорахъ такого рода она должна была прекращать самоуправство, а тѣмъ болѣе насиліе, но не могла входить въ разсмотрѣніе спора по существу [1]).

Въ 1830 г. рабочихъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ Томской губерніи было не болѣе 800 человѣкъ [2]), въ 1832 г.—уже болѣе 2,000 [3]), но съ развитіемъ золотопромышленности численность ихъ стала быстро возростать, и въ 1834 г. на промысла было нанято 5,927 челов., въ томъ числѣ 4,863 ссыльно-поселенца (82%) и 1,064 крестьянъ, мѣщанъ и разночинцевъ; такъ какъ 955 чел. поселенцевъ не явилось, то, слѣдовательно, дѣйствительно было въ работѣ на промыслахъ Томской губерніи 4,972 челов. Наибольшее количество рабочихъ нанято было въ этомъ году на промысла наслѣдниковъ Поповыхъ (2,460 челов.) и купцовъ Рязанова и Баландина (1,763 челов.) [4]). Въ 1835 г. на промысла 9 владѣльцевъ или компаній Томской губерніи было нанято 7,698 челов., не явилось 1,681, слѣдовательно было въ работѣ 6,017; а въ 1836 г. на томскихъ промыслахъ было 5,821 челов. [5]).—Въ Минусинскомъ округѣ въ 1837 г. находилось на промыслахъ 2,309 рабочихъ, а въ Ачинскомъ въ то же время — 3,803 челов. [6]). Слѣдовательно, всего на пріискахъ, находившихся въ завѣдываніи Алтайскаго горнаго правленія [7]) (ему въ 1833 г., какъ мы видѣли, были подчинены и промысла Минусинскаго и Ачинскаго округовъ Енисейской губерніи), находилось въ это

[1]) 1-е П. С. З. т. XXXVIII, № 29134.

[2]) Арх. Мин. Гос. Им., дѣло V Отд. Соб. Е. Вел. Канц. № 315, ч. IV, л. 194.

[3]) Арх. Том. Гор. Упр., вяз. 75, л. 13.

[4]) Отчетъ жанд. кап. Мишо въ Арх. Горн. Деп., по описи дѣлъ 1 деп. 3 ст. д-та горныхъ и соляныхъ дѣлъ, 1835 г. № 1061. *Лучшевъ.* „Частная золотопр. въ Томской губ. въ 1834 г.“. „Сибирь“, 1882 г. № 12, стр. 5.

[5]) Томск. Губерн. Арх., св. 907, дѣло 1835 г. № 40/5165, л. 11, 24; Арх. Том. Горн. Упр. вяз. 75, л. 633—634, 644.

[6]) Арх. Том. Горн. Упр., св. 75, л. 887.

[7]) Въ мартѣ 1834 г. горное правленіе Колывано-Воскресенскихъ заводовъ было переименовано въ Алтайское горное правленіе и главный начальникъ этихъ заводовъ названъ главнымъ начальникомъ Алтайскихъ заводовъ.

время около 10,000 чел. рабочихъ. На пріискахъ, состоявшихъ въ завѣдываніи генералъ-губернатора Восточной Сибири, „задолжалось“ въ 1838 г. — 3,150 чел. Главнѣйшая добыча золота производилась здѣсь въ это время по системѣ рѣки Большой Бирюсы [1]). Въ 1839 г. на Бирюсинскіе золотые промысла было нанято 2,143 чел., а въ Енисейскомъ округѣ до 200 чел. [2]). Слѣдовательно, въ концѣ 30-хъ годовъ на частныхъ сибирскихъ промыслахъ, кромѣ Киргизской степи, было 12—13 тысячъ рабочихъ [3]).

Изъ приведенныхъ данныхъ относительно 1834 г. видно, что изъ всего числа поселенцевъ (4,863 чел.), нанявшихся на частные золотые промысла Томской губерніи, не явилось 955 чел., что составляетъ почти 20%. Въ слѣдующемъ году на частные промысла той же губерніи не явилось 22% нанятыхъ рабочихъ; на промыслахъ же различныхъ владѣльцевъ количество неявившихся колебалось между 12 и 46% (послѣдняя цифра на пріискахъ купца Мыльникова; у Асташева—32%). Нѣкоторые ссыльно-поселенцы ухитрялись наниматься одновременно у нѣсколькихъ хозяевъ, забирая у каждаго задатокъ, и вовсе не являлись на работу.

По свидѣтельству жандармскаго капитана Мишо, командированнаго въ 1834 г. въ Томскую губернію, число крестьянъ-старожиловъ, нанимавшихся на золотые промысла, уменьшалось вслѣдствіе увеличенія прибыльности земледѣлія (очевидно, вслѣдствіе вызваннаго развитіемъ золотопромышленности вздорожанія хлѣба); изъ жителей сосѣднихъ волостей никто уже не шелъ на пріиски, да и вообще изъ крестьянъ нанимались одни только бѣдняки „и по большей части дѣти, которыя посылаются отцами для заработка податей; но зато,—продолжаетъ Мишо,—безчисленная, можно сказать, толпа бродящихъ посельщиковъ представляетъ легкій способъ къ найму людей на частные промысла въ Сибири“. Какъ мы видѣли, въ 1834 г. изъ всего числа нанятыхъ на частные золотые промысла Томской губерніи поселенцы составляли 82%, а крестьяне и мѣщане (Томской и Енисейской губерній) вмѣстѣ съ разночинцами—18% [4]).

Наемъ рабочихъ на промысла повѣренные золотопромышленниковъ начинали обыкновенно съ ноября мѣсяца по окончаніи лѣтнихъ

---

[1]) „Горн. Журн.“ 1839 г. ч. II, 305—306.

[2]) *А.* „Очеркъ частныхъ золотыхъ промысловъ въ Восточной Сибири“. „Иркутск. Губ. Вѣдом.“, 1864 г. № 18, часть неофф., стр. 3.

[3]) Во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ сказано, что въ 1838 г. на золотыхъ промыслахъ всей Сибири было 20000 рабочихъ, но это цифра гораздо болѣе дѣйствительной. Арх. Горн. Деп. по описи № 91, дѣло 1836, № 1.

[4]) Арх. Том. Гор. Упр. св. 75, л. 634.

работъ и производили его въ теченіе всей зимы въ деревняхъ Енисейской и Томской губерній, и между прочимъ очень часто въ селѣ Кійскомъ (нынѣшній г. Маріинскъ) и въ городахъ Красноярскѣ, Ачинскѣ, Минусинскѣ и Томскѣ. Съ рабочими заключались общіе контракты, которые свидѣтельствовались въ волостномъ правленіи, инородномъ начальствѣ или земскомъ судѣ, а относительно поселенцевъ — и поселенческимъ смотрителемъ, причемъ у рабочихъ поселенцевъ отбирались выдаваемые имъ билеты, что не мѣшало, впрочемъ, поселенцамъ иной разъ подъ чужимъ именемъ наняться и у другого золотопромышленника.

Нѣкоторые изъ контрактовъ 30-хъ годовъ между золотопромышленниками и рабочими отличались замѣчательною краткостью. Такъ, напримѣръ, въ Дмитріевскомъ волостномъ правленіи (въ селѣ Тисулѣ) 1 февраля 1834 г. былъ явленъ договоръ нѣсколькихъ „государственныхъ крестьянъ и поселенцевъ, записанныхъ послѣ въ крестьяне", съ прикащиками золотопромышленника Чоглокова. Нанявшіеся въ работу на пріиски обязывались: 1) „находиться въ полномъ послушаніи и повиновеніи", и въ поисковыхъ партіяхъ, въ случаѣ отсутствія лошадей, носить на себѣ всѣ тяжести или, если возможно, возить ихъ на нартахъ; 2) „вести себя трезво, честно и добропорядочно, какъ долгъ честнаго и вѣрнаго человѣка требуетъ; 3) порученныя отъ прикащиковъ или щегеровъ" (штейгеровъ) „работы производить прилежно и нелѣностно и данные припасы и инструменты хранить, а въ случаѣ утраты можетъ прикащикъ высчитать изъ мѣсячной платы; 4) если кто изъ насъ останется послѣ зимнихъ работъ на весенніе или лѣтніе мѣсяцы, то и тогда обязуемся служить... одинаково безъ лѣности и безотлучно; 5) буде кто изъ насъ утаитъ при шурфовкѣ въ розыскной партіи или разработкѣ найденное золото или самородки, то мы должны въ такомъ случаѣ одинъ за другимъ смотрѣть", если же кто учинитъ укрывательство, „то мы должны судиться по законамъ; 6) договорились мы получить платы по 13 рублей (ассигнаціи) въ мѣсяцъ каждому на ихъ содержаніи, въ чемъ и подписуемся" [1]). Никакихъ условій относительно количества работы, получаемой отъ хозяина пищи и проч., въ договорѣ мы не находимъ [2]). Но уже и въ это время составлялись гораздо болѣе сложные

[1]) Арх. Дмитр. волостн. правл. въ сел. Тисулѣ, книга № 148 на записку актовъ 1834 г. № 4.

[2]) Иногда дѣлалось еще проще: рабочіе, взявши задатокъ, давали подписку, что они нанялись на такомъ же условіи, какъ и другіе работники того же золотопромышленника. Такъ въ апрѣлѣ 1835 г. въ томскомъ земскомъ судѣ была явлена „подписка", данная нѣсколькими крестьянами томскаго уѣзда купцу Мыльникову въ томъ, что они „подрядились у него въ чернорабочіе на золотые пріиски срокомъ отъ сего времени" (26 апрѣля) „до 15 числа октября сего года по 10 руб. въ мѣсяцъ рабочихъ дней"

договоры. Такъ, договоръ между рабочими и золотопромышленниками Рязановымъ и Баландинымъ (1834 г.) состоялъ изъ 18 пунктовъ, договоръ съ Асташевымъ—изъ 20 пунктовъ.

Однако, по свидѣтельству томскаго земскаго исправника (1835 г.) золотопромышленники заключали съ рабочими и словесные договоры безъ всякой явки. Среди рабочихъ на пріискахъ было не мало бѣглыхъ и бродягъ, по той причинѣ, что „вообще наемъ рабочихъ производится не въ мѣстахъ ихъ жительства, какъ бы то слѣдовало, а преимущественно въ г. Томскѣ и селѣ Кійскомъ (нынѣ г. Маріинскъ), куда со всѣхъ сторонъ стекаются бродяги и бѣглые и, называя себя поселенцами ближайшихъ волостей, жестоко обманываютъ прикащиковъ, и что довѣренные промышленниковъ стремятся только нанять людей болѣе въ количествѣ, а не въ существѣ ихъ, упуская или вовсе не соблюдая правилъ по найму въ работу", установленныхъ въ 1822 г. Весьма естественно, что рабочіе, не связанные письменными условіями, если они были недовольны своимъ положеніемъ на какомъ либо пріискѣ (платою, пищею, цѣнами товаровъ въ пріисковомъ амбарѣ и т. п.), покидали пріискъ и переходили къ другому золотопромышленнику. На основаніи положенія 1822 года городская и сельская полиція не могли въ этомъ случаѣ прибѣгать къ какимъ бы то ни было мѣрамъ побужденія относительно рабочихъ, а между тѣмъ это вызывало недовольство золотопромышленниковъ [1]).

Начинались работы обыкновенно съ апрѣля или 1 мая, смотря по тому, когда стаетъ снѣгъ; срокомъ окончанія работъ назначалось 1-е, а иногда и 15 октября [2]); но работать до этого послѣдняго срока, въ виду суровости сибирской осени, оказывалось нерѣдко весьма труднымъ. Генералъ-губернаторъ Западной Сибири кн. Горчаковъ писалъ въ 1837 г.: „Срокъ продолженія работъ обыкновенно назначается до 1 октября, но такъ какъ въ гористыхъ мѣстахъ, гдѣ по большей части находятся розсыпи, въ половинѣ сентября весьма часто выпадаетъ снѣгъ и случаются приморозки, несносные для производства работъ людямъ постоянно мокрымъ, между тѣмъ какъ нѣкоторые промышленники непремѣнно требуютъ точнаго исполненія условія", то это „производитъ не токмо

(т.-е. за 30 рабочихъ дней) „на такомъ условіи во всемъ, какое у него, Мыльникова, заключено на сей годъ съ прочими рабочими. На обувь и дорогу для пищи содержаніе получили мы отъ него, Мыльникова, по 6 рублей на каждаго человѣка, въ число слѣдующей намъ за работу платы, и другъ за друга ручаемся, въ чемъ и подписуемся". „Томск. Губ. Арх.", вяз. 907, дѣло № 40/5165, 1835 г., л. 32.

[1]) Ibid. л. 21—23, 25, 30.

[2]) Арх. Том. Гор. Упр. вяз. 40, л. 479; Арх. Глав. Упр. Алт. Горн. Окр. въ Барнаулѣ, вяз. 37, дѣло № 654 (1833 г.) л. 10; Том. Губ. Арх. вяз. 491, № 1, л. 4; Арх. Дмитр. Волост. Пр. въ Тисулѣ, книга догов. 1834 г. № 148, л. 21.

болѣзни, но даже иногда между рабочими и явный бунтъ“ [1]). Дѣйствительно, мы познакомимся ниже съ волненіями рабочихъ, вызванными требованіемъ работы позднею осенью. По свидѣтельству капитана Мишо (1834 г.), работы обыкновенно оканчивались въ исходѣ сентября; по словамъ горнаго ревизора Семенова (1836 г.), онѣ продолжались до половины сентября и рѣдко до октября [2]). Бывало, что нанимали рабочихъ не только на лѣто, но и на зиму, причемъ работы начинались обыкновенно съ зимы.

Въ договорахъ рабочихъ съ золотопромышленниками мы встрѣчаемъ иной разъ крайне неопредѣленныя условія относительно срока работъ, открывавшія для хозяевъ возможность широкаго произвола. Такъ, по договору съ Асташевымъ, заключенному въ сентябрѣ 1834 г., рабочіе обязались работать на его пріискахъ Томской и Енисейской губерній „втеченіе зимы 1834 г. и въ лѣто будущаго 1835 г. по октябрь мѣсяцъ, а буде удобность позволитъ производить далѣе вышеупомянутыя работы и особенно заготовленіе песковъ и рудъ далѣе послѣдующаго времени, то и тогда обязуемся выполнять ихъ безпрекословно по волѣ г. Асташева“.

Обязывая рабочаго оставаться на промыслахъ до опредѣленнаго срока, золотопромышленники оговаривали, однако, случаи, когда они сами могли разсчитать ихъ ранѣе. Такъ, по договору Рязанова и Баландина (1833 г.), если работы по какимъ нибудь непредвидѣннымъ обстоятельствамъ прекратятся прежде назначеннаго срока, рабочіе должны были произвести съ хозяевами разсчетъ „безъ всякаго прекословія“; золотопромышленники предоставили себѣ также право удалять рабочихъ съ пріиска за нерадѣніе, ослушаніе или буйство и нанимать на ихъ мѣсто другихъ, хотя бы и по болѣе дорогой цѣнѣ, при чемъ вознагражденіе хозяевъ за убытки возлагалось на виновныхъ. Золотопромышленники предоставляли себѣ также право переводить рабочихъ съ одного изъ своихъ пріисковъ на другой или съ одной работы на другую на томъ же пріискѣ [3]). Въ нѣкоторыхъ договорахъ рабочіе ручались другъ за друга.

Въ договорѣ съ Чоглоковымъ (1834 г.) мы уже видѣли условіе относительно безпрекословнаго послушанія и трезваго поведенія рабочихъ. Въ договорѣ съ Рязановымъ и Баландинымъ (1833 г.) они обязались еще „не имѣть между собой никакихъ азартныхъ денежныхъ игръ“,

---

[1]) Арх. Госуд. Сов., дѣло Департ. Законовъ 1838 г. № 31 (по журналу).

[2]) Арх. Том. Гор. Упр. вяз. 75, л. 634.

[3]) Въ договорахъ Рязанова и Баландина (1833 г.) оговорено, что при переходѣ съ одного пріиска на другой полагалось проходить въ день по 30 верстъ.

а въ договорѣ съ Асташевымъ (1834 г.)—„никуда и ни въ какое время не отлучаться“ безъ разрѣшенія хозяина или прикащика.

Что касается размѣра задатка, то въ нѣкоторыхъ контрактахъ первой половины 30-хъ годовъ онъ опредѣленъ всего въ 5 — 6 р.; по свидѣтельству же Алтайскаго горнаго правленія (1837 г.), рабочимъ обыкновенно давали въ задатокъ отъ 20 до 35 р. ассигн. для уплаты податей и на другія ихъ нужды [1]). Въ нѣкоторыхъ договорахъ опредѣлялось, что путь на пріиски и обратно рабочіе должны были совершать на свой счетъ.

Заключивъ договоръ съ золотопромышленникомъ или его прикащикомъ, рабочіе обязаны были отправиться въ путь на пріискъ по первому требованію. По словамъ Алтайскаго горнаго правленія (1837 г.), „весною въ апрѣлѣ мѣсяцѣ промышленники отправляютъ рабочихъ на промысла партіями съ прикащиками“, а неявившихся розыскиваютъ „посредствомъ волостного и сельскаго начальства и отправляютъ за конвоемъ“, но хозяева пріисковъ жаловались, что просьбы ихъ о высылкѣ неявившихся сплошь и рядомъ не исполнялись.

По прибытіи на мѣсто работъ, рабочіе могли быть назначены или въ поисковую партію, или на пріискъ. Относительно поисковыхъ партій въ договорѣ Асташева (1834 г.) рабочіе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нельзя было проѣхать ни на лодкахъ, ни на лошадяхъ, обязывались идти пѣшкомъ и нести на себѣ всѣ необходимые инструменты и провіантъ. На пріискахъ они копали шурфы (четвероугольныя ямы для опредѣленія содержанія золота въ пескѣ; ихъ приходилось, впрочемъ, копать и поисковымъ партіямъ), работали въ отрытыхъ „разрѣзахъ“, т.-е. углубленіяхъ или корридорахъ, образовавшихся по снятіи незолотоносныхъ породъ (такъ называемаго турфа или торфа), гдѣ они добывали золотоносный песокъ и откуда въ ручныхъ тачкахъ или на лошадяхъ вывозили его для промывки, или, если турфа были очень глубоки, добывали золотоносный песокъ, проводя подземныя галлереи (такъ называемыя *орты*); другіе рабочіе занимались промывкой золота, третьи—разными ремеслами.

Первоначально добываніе песковъ производилось исключительно поверхностными разрѣзами, но въ 1834 г. Асташевъ и К° Рязанова и Баландина на своихъ богатыхъ пріискахъ по рѣкѣ Кундустуюлу (Томской губ.) заложили внутреннія горныя ортовыя работы для выемки золотыхъ розсыпей, содержавшихся подъ глубокимъ турфомъ въ пластѣ, имѣвшемъ до 12 арш. толщины. Работы эти, несмотря на то, что онѣ требовали техническихъ знаній, производились въ этомъ году подъ над-

[1]) Арх. Том. Гор. Упр. вяз. 40, л. 479, вяз. 75, л. 644.

зоромъ лишь самихъ владѣльцевъ и, по оффиціальному свидѣтельству (Мишо), только „счастіе“ предохраняло „отъ бѣдственныхъ случаевъ“, которые могли бы стоить жизни многимъ рабочимъ. Въ Восточной Сибири въ 1838 г. еще нигдѣ на золотыхъ промыслахъ не было подземныхъ работъ [1]).

Промывка песковъ на всѣхъ промыслахъ Томской губерніи производилась еще весьма первобытнымъ способомъ — на ручныхъ вашгердахъ и полустанкахъ съ рѣшетками и потому весьма медленно, сравнительно съ нынѣшними усовершенствованными машинами. Въ 1835 г. на ручныхъ вашгердахъ тамъ промывали въ день отъ 80 до 120 пудовъ песку, а на станкахъ отъ 300 до 350 пудовъ и болѣе, смотря по вязкости пласта [2]). По свидѣтельству алтайскаго горнаго правленія 1837 г. на нѣкоторыхъ промыслахъ Западной Сибири, для уменьшенія числа рабочихъ, были устроены для промывки песковъ бутары, приводимыя въ движеніе руками или лошадьми. На промыслахъ Восточной Сибири промывка песковъ производилась (въ 1838 г.) также на „мутильняхъ или бутарахъ“ и ручныхъ вашгердахъ; только на одномъ пріискѣ К° Рязановыхъ на рѣкѣ Бирюсѣ и на одномъ пріискѣ по рѣкѣ Манѣ были устроены для этой промывки болѣе усовершенствованные снаряды, такъ называемыя чаши, которыя съ этого времени и стали распространяться на промыслахъ Восточной Сибири [3]).

Какъ мы уже упоминали, на нѣкоторыхъ пріискахъ работы производились и зимою. Асташевъ и К° Рязанова и Баландина, по свидѣтельству Мишо, желая вести зимою ортовыя работы, устроили на своихъ промыслахъ по рѣкѣ Кундустуюлу теплыя зимнія промывальни и потому въ 1834 г. оставили на цѣлый годъ рабочихъ—Асташевъ до 300, а Рязановъ и Баландинъ до 250 человѣкъ [4]).

На промыслахъ Томской губерніи рабочіе получали (въ 1834 — 37 гг.) слѣдующую мѣсячную плату: чернорабочіе отъ 10 до 13 руб. ассигн. за 30 дней работы [5]), промывальщики и шурфовщики до 15 руб.,

---

[1]) „Горн. Журн.“ 1839 г. ч. II, 306.

[2]) „Горн. Журн.“ 1836 г. т. II, 207.

[3]) „Горн. Журн.“ 1839 г. ч. II, 308—309; „Иркутск. Губ. Вѣд.“ 1864 г. № 18, часть неоф., стр. 2—3.

[4]) Въ договорѣ съ Асташевымъ (1834 г.) сказано: „въ подземныхъ работахъ, которыя обязываемся производить во всякое время года, сохранять должную осторожность и ставить крѣпи“ (подпорки изъ бревенъ) „безъ упущенія, какъ приказано будетъ. За всякій же вредъ, отъ небреженія нашего происшедшій, отвѣтственность остается на самихъ насъ“.

[5]) Въ эти годы 3 р. 54 к. — 3 р. 59 к. ассигн. равнялись одному серебрян. рублю. *Шторхъ*, „Матеріалы для ист. денежн. знак. въ Россіи“. „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1868 г. т. 137, стр. 823.

ремесленники же (кузнецы, плотники и др.) отъ 15 до 35 р. ассигнаціями (штейгерамъ и смотрителямъ производилось болѣе высокое вознагражденіе).

Въ договорѣ съ Рязановымъ и Баландинымъ (1833 г.) было пояснено, что мѣсяцъ, за который рабочіе договорились получать плату, должно считать въ 30 *рабочихъ* дней, а праздничные, воскресные и вообще неприсутственные дни „*должны оставаться свободными*“, кромѣ экстренныхъ случаевъ—укрѣпленія плотинъ, ортъ, шурфовъ, устройства водопровода, отливки воды и проч.; эти послѣднія работы они обязаны были исполнять „не только во всѣ табельные дни, но и во всякое ночное и ненастное время“ безпрекословно. Напротивъ, по договору съ Асташевымъ (1834 г.), они обязывались работать „во всякое время, не выключая воскресныхъ и праздничныхъ дней“.

Что касается количества рабочихъ часовъ, то, по только что упомянутому договору съ Асташевымъ, рабочіе должны были выходить на работу поутру не позднѣе 5-го часа, т.-е. при „самомъ появленіи солнца“, и оканчивать ее „по совершенномъ закатѣ“ его; обѣдъ и ужинъ они должны были имѣть „по одному разу“. За обѣдомъ и послѣ него полагалось отдыха одинъ часъ; такъ какъ время на ужинъ не опредѣлено, то, вѣроятно, его давали по окончаніи работъ. По договору съ Рязановымъ и Баландинымъ (1833 г.) работа начиналась въ 4 часа утра, а оканчивалась послѣ заката; втеченіе дня былъ назначенъ одинъ перерывъ работы для обѣда: и на него полагалось съ 20 іюня по 1 августа не болѣе полутора часа, а въ прочее время года по одному часу. Впрочемъ, для тѣхъ рабочихъ, которые занимались добычею и промывкою золотоноснаго песку, по этому договору былъ назначенъ урокъ: „двое растиральщиковъ на рѣшеткѣ песковъ, одинъ промывальщикъ, одинъ катальщикъ (на тачкѣ) и одинъ копщикъ“ должны были промыть въ день 400 пудовъ песку на каждый станокъ такимъ порядкомъ, какъ будетъ приказано, по окончаніи же урока они могли быть свободными. 400 пудовъ песку составляетъ приблизительно около $^1/_3$ куб. саж., и это количество обязаны были поставить въ день для промывки два человѣка—одинъ „копщикъ“ (по нынѣшнему забойщикъ) и одинъ катальщикъ, слѣдовательно, уроки были гораздо менѣе нынѣшнихъ, что̀ объясняется съ одной стороны несовершенствомъ промывательныхъ машинъ, съ другой—ручною откаткою песка. По оффиціальнымъ свидѣтельствамъ (Мишо, горнаго ревизора Семенова и алтайск. горн. правленія 1837 г.) [1]), уроки, которые впрочемъ существовали не на всѣхъ промыслахъ, оканчивались рабочими не позже 2—3 часовъ пополудни.

---

[1]) Арх. Том. Горн. Управл. вяз. 75, л. 646.

По окончаніи урока, по словамъ капитана Мишо, „трудолюбивые рабочіе“ могли заняться, такъ называемою, „старательскою“ работою за особую опредѣленную плату. Но одного трудолюбія рабочихъ и желанія получить старательскую работу, какъ оказывается, было, по крайней мѣрѣ первоначально, недостаточно, такъ какъ дозволеніе этихъ работъ по праздникамъ зависѣло отъ золотопромышленниковъ. Какъ мы видѣли, Асташевъ, по договору 1834 г., обязывалъ рабочихъ трудиться и въ праздничные дни, но, вѣроятно, они не всегда исполняли въ такіе дни урочныя работы, такъ какъ въ томъ же контрактѣ мы находимъ слѣдующія условія: „если по усмотрѣнію г. Асташева, или его управляющаго, или прикащика, дозволена будетъ намъ *за усердную службу*, безъ вычета за содержаніе, свобода отъ работъ въ воскресные и праздничные дни, *чего мы сами собою отнюдь требовать и дѣлать не въ правѣ*, то въ таковые свободные дни можемъ мы, *но не иначе, какъ съ дозволенія хозяина или прикащиковъ*, производить собственнымъ нашимъ стараніемъ добычу песковъ и промывку золота, получивъ за то особую, по условію съ г. Асташевымъ, плату съ золотника, но при семъ случаѣ обязуемся не дѣлать ни малѣйшаго самовольства и довольствоваться тѣмъ, что будетъ намъ отъ хозяина дозволено, т.-е. производить добычу песковъ тамъ, гдѣ будетъ назначено безъ всякаго выбора, и въ работѣ наблюдать учрежденный порядокъ и правильность; за всякое же своевольство подвергаемъ себя законному сужденію и наказанію“. Даже въ договорѣ Рязанова и Баландина (1833 г.), по которому рабочіе были свободны въ праздничные дни, мы находимъ такое условіе: „работы подъ именемъ старательныхъ, производимыя до сего въ праздничные дни промывкой песковъ и скрышею (вскрытіемъ) торфа, оставляемъ нынѣ на *собственное распоряженіе ихъ*, Рязанова и Баландина, т.-е. *допускать ли насъ до оной, или нѣтъ*, и по какой платѣ съ вымытаго золотника или кубической сажени, *что все рѣшительно остается на собственной ихъ волѣ*, а потому ни требовать сихъ работъ, ни выбирать для того лучшихъ песковъ не должны и не имѣемъ права, а должны пользоваться тѣмъ, что будетъ отведено и назначено“. Но старательскія работы составляли главную приманку на пріискахъ: изъ-за одного жалованья въ 10 — 15 руб. *асс.* въ мѣсяцъ никто не сталъ бы забираться въ таежную глушь, и потому „стараніе“ не могло быть отмѣнено. По словамъ горнаго ревизора Семенова, „рабочимъ дозволялось“ въ 1836 г. „производить старательныя работы не токмо въ праздничные дни, но и каждодневно по окончаніи дневныхъ уроковъ“. Алтайское же правленіе выражается (въ 1837 г.) менѣе рѣшительно относительно стараній въ будни: „на всѣхъ вообще золотыхъ промыслахъ въ Томской губерніи введены старательскія работы; онѣ дозволяются *исключительно въ праздники, на нѣкоторыхъ же промыслахъ допускались во всякій день* по исполненіи уроковъ

въ работахъ". Впрочемъ и Мишо говоритъ, что старательская промывка золота производилась по воскресеньямъ и праздникамъ, а относительно будничъ дней онъ упоминаетъ только о стараніи на турфахъ, т.-е. снятіи турфа за особую повышенную плату.

Какъ дорожили пріисковые рабочіе старательскими работами, видно изъ слѣдующаго факта. Въ 1833 г. главный начальникъ Алтайскихъ заводовъ нашелъ на нѣкоторыхъ пріискахъ купца Попова безпорядочное веденіе работъ вслѣдствіе допущенія старанія на мѣстахъ, *выбираемыхъ самими рабочими*, и вслѣдствіе того старательскія работы на этихъ пріискахъ, какъ состоящихъ въ спорѣ съ казною, были вовсе запрещены. Тогда съ этихъ пріисковъ изъ 700 чел. рабочихъ бѣжало 680. Поповъ жаловался министру финансовъ, и гр. Канкринъ нашелъ это запрещеніе „несовмѣстнымъ съ общими пользами", тѣмъ болѣе, что оно вызываетъ неудовольствіе рабочихъ и побуждаетъ къ побѣгамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ мѣстному начальству употребить всѣ зависящія отъ него мѣры къ возврату рабочихъ на пріиски Попова, объявивъ имъ, что старанія имъ по прежнему дозволяются [1]). Такъ какъ это случилось въ 1833 г. и такъ какъ запрещеніе старательскихъ работъ было вызвано безпорядочнымъ веденіемъ ихъ на мѣстахъ, выбираемыхъ самими рабочими, то этимъ, вѣроятно, и объясняются приведенныя выше условія договоровъ Рязанова и Баландина (1833 г.) и Асташева (1834 г.), ставившія допущеніе старательскихъ работъ и выборъ мѣста для нихъ въ полную зависимость отъ воли пріисковаго управленія.

Рабочіе такъ стояли за старательскія работы потому, что онѣ гораздо лучше оплачивались. За снятіе кубической сажени торфа или турфа съ золотосодержащихъ песковъ они получали по 4—5 руб. ассигн., а за каждый золотникъ добытаго и промытаго ими золота—на богатыхъ промыслахъ 2—3 руб., на убогихъ—до 4 руб. ассигн. (на „убогихъ" промыслахъ плата выше, такъ какъ тамъ рабочимъ, при томъ же количествѣ труда, удавалось добыть менѣе золота). За самородки (болѣе крупные куски золота), найденные рабочими, имъ платили по 2 руб. ассиг. за золотникъ, если самородокъ вѣсилъ отъ 1 до 2 золотниковъ, и по 3 р. за золотникъ, если онъ былъ тяжелѣе 2 золотниковъ.

Генералъ-губернаторъ Западной Сибири кн. Горчаковъ въ своемъ донесеніи министру внутреннихъ дѣлъ (1837 г.) говоритъ, что бывшіе до того времени волненія на пріискахъ „по большей части получили свое начало отъ притѣсненія хозяевъ или нарушенія обѣщаній по такъ называемому старанію, коимъ при наймѣ обольщаютъ рабочихъ" и которое составляетъ „предметъ вѣчныхъ распрей" [2]). На запросъ по этому

[1]) Арх. Горн. Деп., по описи № 91, дѣло № $^{3}/_{39}$, вяз. 2, л. 183 об.

[2]) Арх. Госуд. Сов., прилож. къ дѣлу департ. зак. 1838 г. № 31 (по журналу).

предмету главнаго начальника Алтайскихъ горныхъ заводовъ, горный ревизоръ подполковникъ Семеновъ отвѣчалъ, что въ продолженіе его пятилѣтней службы горнымъ ревизоромъ частныхъ золотыхъ промысловъ онъ не только не замѣчалъ, чтобы управляющіе промыслами обвѣшивали рабочихъ при пріемѣ старательскаго золота, но „ни прямо, ни косвенно не слыхалъ отъ нихъ на это жалобъ или ропота“ и не можетъ допустить мысли, „чтобы подобное обстоятельство было хотя малѣйшимъ поводомъ къ безпокойствамъ, возникшимъ на промыслахъ“ лѣтомъ 1837 г. [1]). Но дѣло было не въ одномъ обвѣшиваньи, а также, какъ мы видѣли изъ договоровъ, въ правѣ пріисковаго управленія не допускать старанія въ спорахъ изъ-за болѣе или менѣе обильныхъ золотомъ мѣстъ и т. п.

Заработокъ на старательскихъ работахъ былъ весьма не одинаковъ: однимъ удавалось промыть и найти много золота, другимъ мало, но отдѣльные случаи крупныхъ заработковъ производили впечатлѣніе и, какъ соблазнительный выигрышъ въ лотереѣ, влекли работниковъ на пріиски. „Многіе изъ рабочихъ“,—говоритъ капитанъ Мишо,—„отъ ихъ старанія выносятъ съ пріисковъ по нѣсколько сотъ рублей“, и въ 1834 году бывали случаи, что на богатыхъ промыслахъ Асташева и Рязанова работникъ получалъ въ одинъ разъ болѣе 500 руб. асс. за найденные самородки. Но такіе отдѣльные случаи еще ничего не доказываютъ, и нужно, если возможно, опредѣлять средній заработокъ рабочаго на старательскомъ золотѣ. Всего частными золотопромышленниками Томской губерніи израсходовано въ 1834 г. на старательское золото 153,861 р. асс., а такъ какъ тогда на этихъ промыслахъ работало 4,972 чел., то, слѣдовательно каждый изъ нихъ въ среднемъ заработалъ на старанія 31 р. асс. [2]), т.-е. считая 5 мѣсяцевъ лѣтней операціи, всего по 6 руб. въ мѣсяцъ [3]). Такъ какъ это средняя цифра, и были пріиски болѣе или менѣе богатые золотомъ [4]), то слѣдовательно, хотя на нѣкоторыхъ промыслахъ рабочіе получали болѣе за старательское золото, но зато на

---

[1]) Арх. Том. Гор. Упр., вяз. 75, л. 880—881.

[2]) Отчетъ Мишо въ Арх. Горн. Деп., по описи дѣламъ 1 ст. 3 отд. д-та горн. и сол. дѣлъ 1835 г. № 1061; статья *Лучшева* въ газ. „Сибирь“ 1882 г. № 12, стр. 5.

[3]) Въ виду этого понятно, что по договору Рязанова и Баландина (1833 г.) рабочіе, назначенные на шурфовку и вовсе не пользовавшіеся стараніемъ, получали 15 р. асс. въ мѣсяцъ, а остальные чернорабочіе—вѣроятно рублей по 10, по крайней мѣрѣ такая плата назначена по договору Асташева (1834 г.).

[4]) Въ половинѣ 30-хъ гг. на различныхъ частныхъ золотыхъ пріискахъ Томской губерніи содержаніе золота колебалось между 4 долями и 3 золотниками 70 долями на 100 пудовъ песку. (Гор. Журн. 1835 г. ч. IV, 557—565). На нѣкоторыхъ пріискахъ по рѣкѣ Бирюсѣ, на границѣ Иркутской и Енисейской губерній, содержаніе золота доходило въ 1838 г. до 6 золотниковъ, а среднее содержаніе бирюсинскихъ розсыпей было около $1^3/_4$ золотника. (Гор. Журн. 1841 г., II, 148, 1839, II, 308).

другихъ зарабатывали еще менѣе. Очень естественно, что различіе въ выгодности старательскихъ работъ часто вызывало неудовольствіе рабочихъ и ихъ побѣги съ небогатыхъ золотомъ промысловъ [1]).

Жилища рабочихъ на пріискахъ строились ими самими; для этого по приходѣ на пріиски хозяева давали имъ нѣсколько свободныхъ дней, но, по словамъ Мишо, рабочіе „до того небрежны къ самимъ себѣ", что, несмотря на „избытокъ лѣса и свободнаго времени", они, „по большей части, довольствуются нездоровыми землянками". Дѣло тутъ, однако, не въ „небрежности къ самимъ себѣ", а въ томъ, что за время, употребленное рабочими для строенія себѣ жилищъ, они не получали никакого вознагражденія [2]); понятно, что нужда заставляла ихъ поскорѣе приступить къ работѣ, дающей извѣстный заработокъ. Слѣдуетъ замѣтить, что, по свѣдѣніямъ Алтайскаго горнаго правленія, „многіе рабочіе" были на промыслахъ съ семьями.

Пищу рабочіе получали отъ хозяевъ, и количество ея опредѣлялось контрактами. По договору съ Рязановымъ и Баландинымъ (1833 г.) они должны были получать въ скоромные и постные дни ржаной хлѣбъ и щи (безъ капусты) „съ малою частью ячной крупы и говядины, которой должно быть отпускаемо на каждаго человѣка каждый день по 1 фунту со включеніемъ костей", а желающіе поститься должны были довольствоваться только кашицею изъ ячной крупы безъ масла и болѣе ничего не требовать. По договору съ Асташевымъ (1834 г.) говядины свѣжей или соленой полагалось по 1 фунту, а хлѣба, крупъ и соли сколько потребуется, болѣе же ничего „по прихотямъ" требовать они не должны были [3]).

Одежду (армяки, кафтаны, полушубки и проч.) и всѣ остальныя необходимыя имъ вещи (сапоги, рукавицы, холстъ и т. п.) рабочіе получали въ счетъ платы изъ пріисковыхъ амбаровъ. Капитанъ Мишо гово-

---

[1]) Золопромышленникъ Клепаловъ въ прошеніи министру государственныхъ имуществъ Киселеву (1839 г.) говоритъ, что поселенцы, работающіе на частныхъ промыслахъ Томской губерніи, зарабатываютъ до 12 р. въ мѣсяцъ, а со старательскими работами до 35 р. асс., въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ и болѣе. Среднее мѣсячное жалованіе дѣйствительно, какъ мы видѣли, слѣдуетъ принять въ 12 руб. асс.; но едва-ли можно признать среднимъ мѣсячнымъ заработкомъ на стараніи 23 руб. на каждаго, судя, по крайней мѣрѣ, по вышеприведеннымъ даннымъ 1834 г.

[2]) Напримѣръ, въ договорѣ Рязанова и Баландина сказано: „постройку для успокоенія своего балагановъ, избушекъ, бань и прочаго должны сдѣлать собственно сами въ такое время, въ которое мы будемъ свободны отъ хозяйскихъ работъ".

[3]) Стоимость пищевого довольствія одного рабочаго, по свидѣтельству горнаго ревизора Семенова (1834 г.), равнялась 7 р. 25 к. асс. въ мѣсяцъ или около 25 к. асс. въ день. Арх. Главн. Упр. Алт. Горн. Окр. въ Барнаулѣ, связ. 47, дѣло № 815, л. 3.

ритъ: „отдаленность промысловъ отъ деревень, почти неприступность горъ, въ которыхъ они находятся, къ тому же и опасность допускать къ онымъ постороннихъ людей, принуждаютъ промышленниковъ запасаться всѣми потребными вещами для рабочихъ, въ чемъ они обязываются въ своихъ контрактахъ. Хотя не примѣчается, чтобы хозяева пользовались“ (т.-е. получали барыши) „отъ перепродажи рабочимъ необходимыхъ имъ вещей, не менѣе того можно желать, чтобы прочность сихъ предметовъ, ихъ доброта и положенныя на нихъ цѣны были подвергаемы повѣркѣ. Промышленники дозволяютъ своимъ прикащикамъ торговать разными вещами для удовлетворенія прихоти рабочихъ; когда примутся мѣры къ благоустройству людей, нанимающихся на промыслы, тогда эта торговля необходимо должна быть воспрещена, ибо неразсчетливый посельщикъ, заплативъ *двойную цѣну* за плисовый нарядъ, красную рубаху и подобныя вещи, отдаетъ все ни за что въ кабакъ, когда по выходѣ изъ работъ онъ промоталъ свои деньги“. Такимъ образомъ, хотя, по мнѣнію Мишо, золотопромышленники и не получали барышей съ пріисковыхъ амбаровъ, но въ то же время онъ признавалъ, что за товары, считавшіеся преметами роскоши, рабочіе платили двойныя цѣны, между тѣмъ какъ пріиски Томской губерніи находились не въ такомъ отдаленіи отъ городовъ, чтобы расходы по доставкѣ могли удвоивать стоимость вещей. Алтайское горное управленіе утверждало (въ 1837 г.), что одежда и обувь выдается рабочимъ „по цѣнамъ довольно умѣреннымъ“; но въ томъ же году генералъ-губернаторъ Западной Сибири, требуя установленія таксы на товары, выдаваемые рабочимъ въ счетъ платы, и записыванія ихъ въ разсчетные листы не иначе, какъ при свидѣтеляхъ, писалъ слѣдующее: „строгое соблюденіе сей мѣры безусловно необходимо для прекращенія плутовства прикащиковъ и ограниченія существующей на пріискахъ между рабочими роскоши, которой вообще золотопромышленники потворствуютъ изъ личныхъ выгодъ, продавая *за тройную цѣну* вещи безполезныя—плисы, ситцы, шелковые платки и тому подобные предметы роскоши, вовлекаютъ въ неоплатный долгъ людей легкомысленныхъ, которые, издержавъ безразсудно пріобрѣтенное въ теченіе лѣта тамъ, гдѣ обезпечены въ необходимостяхъ жизни, по прекращеніи работъ, не имѣя денегъ для возвратнаго пути, вынуждаются вступать въ новыя обязательства *на какихъ бы то ни было условіяхъ* и, возвращаясь на жительство необезпеченные въ своемъ существованіи до будущей весны, невольно должны изыскивать себѣ способы къ пропитанію воровствомъ или даже злодѣяніями“ [1]). Слѣдуетъ упомянуть, что ввозъ вина и спиртныхъ напитковъ на пріиски былъ воспрещенъ.

Когда частные золотые промыслы въ Сибири стали привлекать

[1]) Арх. Госуд. Сов.

значительное количество рабочихъ, явилась потребность въ организаціи на нихъ медицинской помощи заболѣвающимъ; золотопромышленники объ этомъ не заботились, и потому администраціи пришлось принять понудительныя мѣры. Въ 1832 г. томская врачебная управа сдѣлала слѣдующее представленіе мѣстному губернатору: „Имѣя въ виду, что на золотопромывательныхъ заводахъ“ (т.-е. промыслахъ) „Томской губерніи, принадлежащихъ разнымъ частнымъ лицамъ, находится нынѣ болѣе 2,000 чел. работниковъ, какъ изъ ссыльныхъ, такъ и изъ государственныхъ крестьянъ, которые, въ случаѣ приключившихся имъ тяжкихъ или заразительныхъ болѣзней, необходимо должны быть жертвами оныхъ, потому что владѣльцы заводовъ, пользуясь доходами не первый уже годъ, никакихъ не принимаютъ мѣръ“, чтобы подавать въ нужныхъ случаяхъ медицинскую помощь, врачебная управа считала справедливымъ, чтобы частныя лица, употребляющія для собственной пользы нѣсколько тысячъ человѣкъ въ работу, которая, безъ сомнѣнія, имѣетъ вредное вліяніе на здоровье, ревностно заботились бы объ ихъ излѣченіи, а между тѣмъ золотопромышленники не приступаютъ къ этому „добровольно и изъ собственнаго побужденія“. Въ виду этого управа считала необходимымъ устроить на счетъ золотопромышленниковъ на ихъ „заводахъ“ временныя больницы, по одной кровати на 30 чел. рабочихъ, и опредѣлить туда опытныхъ лѣкарскихъ учениковъ съ тѣмъ, чтобы разъ въ мѣсяцъ одинъ изъ членовъ управы осматривалъ эти больницы и руководилъ лѣченіемъ. Кромѣ пользы отъ этой мѣры для здоровья рабочихъ, врачебная управа находила это полезнымъ и потому, что „они тогда во всякомъ случаѣ увѣрены будутъ въ неслишкомъ строгомъ съ ними обращеніи управляющихъ“, теперь же можно предполагать противоположное, имѣя въ виду частые побѣги рабочихъ. Такой контроль надъ управляющими, при которомъ „явныя доказательства жестокости могутъ быть засвидѣтельствованы“ лѣченіемъ въ больницѣ и который, слѣдовательно, наложитъ узду на ихъ самоуправство, будетъ, по мнѣнію врачебной управы, полезенъ и для самихъ золотопромышленниковъ.

Алтайское горное правленіе, на разсмотрѣніе котораго было передано это представленіе томской врачебной управы, съ своей стороны нашло, что частные золотопромышленники, на основаніи проекта горнаго положенія (1806 г.) [1]), обязаны имѣть на своихъ промыслахъ госпитали для лѣченія больныхъ, но выборъ мѣста для больницъ, число ихъ и изысканіе на нихъ средствъ должно предоставить „общему соглашенію самихъ частныхъ промышленниковъ“. Въ заключеніе Алтайское горное правленіе сдѣлало такое замѣчаніе: „что же принадлежитъ до описываемаго“ врачебною „управою будто бы жестокаго обращенія прикащи-

[1]) 1-е П. С. З. т. XXIX, стр. 586.

ковъ съ рабочими, то какъ горному правленію не извѣстно, изъ какихъ источниковъ управа получила о семъ свѣдѣнія и какъ обстоятельство сіе до врачебной управы вовсе не относится, а есть дѣло мѣстной полиціи, то, не входя въ изслѣдованіе справедливости сего извѣщенія", горное правленіе предоставило его на благоусмотрѣніе томскаго губернатора.

Согласившись съ мнѣніемъ Алтайскаго горнаго правленія, губернаторъ предписалъ 10 октября 1832 г. томскому земскому суду предложить частнымъ золотопромышленникамъ устроить совѣщаніе по вопросу объ устройствѣ больницъ на ихъ пріискахъ, но это почему-то исполнено не было, такъ что пришлось сдѣлать земскому суду строжайшее подтвержденіе и поручить губернскому правленію наблюсти за исполненіемъ этого предписанія. „Не предполагая успѣха въ семъ дѣлѣ и со стороны губернскаго правленія, сколько по первымъ его распоряженіямъ судить можно" (?!), губернаторъ былъ вынужденъ предложить въ маѣ 1833 г. горному правленію, чтобы горный ревизоръ немедленно по прибытіи на золотые промысла предложилъ золотопромышленникамъ устроить совѣщаніе по вопросу о больницахъ. (Съ учрежденіемъ въ 1833 г. должности горнаго ревизора на него было возложено наблюденіе за внѣшнею исправностью промысловыхъ госпиталей, внутренняя же инспекція этихъ заведеній должна была производиться медицинскими чинами).

Настоянія администраціи стали обнаруживать свое дѣйствіе. Золотопромышленникъ Асташевъ и уполномоченный другого золотопромышленника, Андрея Попова, еще въ мартѣ 1833 г. обратились въ горное правленіе Колывано-Воскресенскихъ заводовъ съ просьбою прислать имъ на время производства работъ двухъ опытныхъ подлѣкарей или лѣкарскихъ учениковъ, которымъ они обязывались платить жалованье и давать содержаніе. Желаніе ихъ было исполнено, и на ихъ пріиски были отправлены подлѣкарь и лѣкарскій ученикъ съ необходимыми лѣкарствами и инструментами, съ тѣмъ, чтобы золотопромышленники платили имъ жалованье, а по минованіи надобности отправили бы ихъ обратно въ Барнаулъ. По словамъ Мишо, золотопромышленники на главныхъ промыслахъ устроили „хорошія больницы", но это показаніе едвали заслуживаетъ довѣрія, такъ какъ и въ позднѣйшее время пріисковыя больницы въ большинствѣ случаевъ были крайне плохи. Въ 1837 г. уже были „больничныя заведенія" на пріискахъ наслѣдниковъ Поповыхъ, Асташева, Рязанова, Мясникова и Пѣшкова; ими завѣдывалъ принятый на русскую службу иностранецъ д-ръ Лессингъ [1]).

[1]) Арх. Том. Горн. Упр. вяз. 52, л. 479—480; вяз. 75, л. 13—16, 27—29, 41—42, 50, 642.

При ничтожномъ мѣсячномъ жалованьѣ рабочіе принуждены были усиленно заниматься старательскими работами. Естественно, что они должны были чувствовать крайнее утомленіе и, иногда, быть можетъ, и безъ опредѣленной болѣзни являлись въ больницу для отдыха, а съ другой стороны пріисковый фельдшеръ могъ и дѣйствительно больного признать здоровымъ. Что такія недоразумѣнія между рабочими и пріисковымъ управленіемъ бывали тогда, какъ и теперь, видно изъ тогдашнихъ контрактовъ. Въ договорѣ Рязанова и Баландина (1833 г.) сказано: „поелику на золотыхъ промыслахъ... многіе изъ рабочихъ людей показываютъ себя больными притворно изъ одной только лѣности и чрезъ то не только причиняютъ имъ, Рязанову и Баландину, напрасный убытокъ харчевымъ продовольствіемъ, которымъ они довольствуются безъ всякаго вычету", но еще вынуждаютъ ихъ „приготовлять разныя лѣкарства, устраивать особыя комнаты и содержать лѣкарскихъ учениковъ", и такимъ образомъ, причиняя весьма значительныя издержки, „въ необходимость поставляютъ Рязанова и Баландина при договорѣ уменьшать у нихъ мѣсячныя платы, въ такомъ случаѣ, желая воспользоваться преимуществомъ въ сихъ мѣсячныхъ платахъ, мы предоставляемъ впредь имъ, Рязанову и Баландину, на собственную ихъ волю имѣть изъясненныя приготовленія и постройки для больныхъ". Это мѣсто контракта, очевидно, вызвано требованіями администраціи въ томъ же самомъ году устроить, какъ слѣдуетъ, врачебную помощь для рабочихъ. Далѣе рабочіе, „желая устранить напрасный убытокъ въ продовольствіи больныхъ" и трату на лѣченіе, дозволяли Рязанову и Баландину взыскивать съ нихъ за то и другое, во время прогульныхъ дней, сполна. Такимъ образомъ, хотя въ началѣ этого параграфа контракта дѣло шло лишь о притворно-больныхъ (если даже признать пріисковыхъ фельдшеровъ компетентными въ отличеніи притворной болѣзни отъ настоящей), въ цѣломъ это условіе могло давать хозяевамъ поводъ дѣлать вычеты за лѣченіе и содержаніе со всѣхъ больныхъ. По договору съ Асташевымъ (1834 г.), хозяину предоставлялось право дѣлать вычеты только съ притворно больныхъ (и то, если они проболѣютъ болѣе трехъ дней въ мѣсяцъ) по 20 коп. ассигн. въ сутки.

Хотя, какъ мы видѣли, золотопромышленники въ договорахъ съ рабочими требовали отъ нихъ безпрекословнаго послушанія, но, разумѣется, эти требованія нерѣдко не исполнялись, и потому хозяева пріисковъ выговаривали себѣ въ контрактахъ право подвергать рабочихъ извѣстнымъ штрафамъ и наказаніямъ. Такъ, въ договорѣ Рязанова и Баландина (1833 г.) было сказано: „буде кто либо изъ насъ съ пріисковъ отлучится тайно, или по лѣности, развратному и буйному поведенію своему выходить будетъ (съ работы) ранѣе назначеннаго времени, или же промывать будетъ менѣе" опредѣленнаго „количества песковъ, въ такомъ

случаѣ дозволяемъ имъ, Рязанову и Баландину, штрафовать таковыхъ вычетомъ за каждый просроченный часъ однимъ уповодомъ [1]), за уповодъ — однимъ днемъ, а за день — тремя днями". Другимъ пунктомъ того же договора опредѣленъ былъ штрафъ за преждевременное, досрочное окончаніе работъ: „такъ какъ на пріискахъ гг. Рязанова и Баландина втеченіе прошлыхъ двухъ лѣтъ рабочими людьми всѣ работы остановлены были прежде срочнаго времени, то посему, если кто либо изъ насъ потребуетъ разсчета прежде 1 числа октября и работы прекратитъ самовольно, въ такомъ случаѣ позволяемъ имъ, Рязанову и Баландину, штрафовать каждаго 9 руб." ассигн. (т. е. почти мѣсячною платою). Далѣе въ томъ же договорѣ постановлено: „если кто изъ насъ съ пріисковъ бѣжитъ или окажетъ себя къ работѣ нерадивымъ, ослушнымъ или буйнымъ и потому съ пріиска будетъ удаленъ, то вмѣсто таковыхъ имѣютъ они, Рязановъ и Баландинъ, право нанимать другихъ, хоть и съ передачею въ цѣнѣ, въ вознагражденіе же сего, взятыхъ вещей и задаточныхъ денегъ позволяемъ имъ... отбирать отъ таковыхъ обувь, одежду и все, что при немъ и въ его селеніи найдется", а если этого окажется недостаточно, то заработать, когда будетъ назначено [2]). Въ договорѣ Асташева мы находимъ по вопросу о наказаніяхъ рабочихъ два постановленія: 1) „Буде мы во время нахожденія нашего въ работникахъ куда либо отлучаться будемъ, или по лѣности уклоняться отъ работъ, или пьянствовать, то находящіеся при насъ прикащики могутъ насъ принуждать къ онымъ *полицейскими мѣрами*" (т. е. тѣлесными наказаніями); 2) „или отказывать отъ работы, чему и подвергаемся мы добровольно и, сверхъ того, за всякое ослушаніе законному сужденію". 2) За небрежную промывку песковъ пріисковая администрація могла обратить промывальщиковъ въ чернорабочихъ, получавшихъ низшую

---

[1]) Время работы въ одинъ пріемъ до ѣды или отдыха.

[2]) Наконецъ, въ томъ же договорѣ находимъ еще одно постановленіе о наказаніяхъ рабочихъ: „если кѣмъ либо изъ насъ учинено будетъ похищеніе золота или кто-либо изъ насъ къ сему похищенію кого-либо подговоритъ, или же о томъ зналъ и не доказалъ, то таковые, какъ похитители государственнаго интереса, должны подлежать суду уголовному; также кои изъ насъ поступать будутъ вопреки сего контракта или во вредъ распоряженіямъ управляющаго промыслами, или, тѣмъ паче, окажутъ ослушаніе и буйство, таковые подвергаютъ себя тому наказанію и взысканію, какое опредѣлено проектомъ горнаго положенія заводскимъ мастеровымъ". А по проекту горнаго положенія (для управленія горныхъ заводовъ хребта Уральскаго) 1806 г. мастеровые за всѣ уголовныя преступленія предаются военному суду и „по надлежащемъ и законномъ опредѣленномъ наказаніи" (всего чаще практиковалось на казенныхъ и кабинетскихъ заводахъ сѣченіе шпицрутенами) не отправляются (кромѣ самыхъ важныхъ преступленій) въ ссылку, а „употребляются въ самыя тягчайшія работы или при томъ же заводѣ, или переводятся на другой заводъ того же начальства". 2 П. Соб. Зак. т. XXIX, стр. 612—613, §§ 860 и 869.

плату. Слѣдовательно, кромѣ наказаній по суду, рабочіе подлежали на пріискахъ слѣдующимъ взысканіямъ: денежнымъ штрафамъ, переводу съ работы, лучше оплачиваемой, на худшую, отказу отъ работы, отказу отъ работы съ наймомъ на ихъ счетъ другихъ рабочихъ и, наконецъ, „полицейскимъ мѣрамъ", т. е. тѣлеснымъ наказаніямъ: недаромъ томская врачебная управа упоминала о жестокихъ наказаніяхъ рабочихъ пріисковыми управляющими. Въ 40-хъ годахъ тѣлесныя наказанія также въ самомъ широкомъ размѣрѣ практиковались на пріискахъ.

По нѣкоторымъ договорамъ рабочіе обязывались „не имѣть между собой никакихъ азартныхъ денежныхъ игръ", но подобныя обязательства плохо исполнялись. По словамъ Мишо, на промыслахъ существовало „пагубное зло, которое ни полицейскій чиновникъ, ни промышленники не въ силахъ прекратить,—это игры въ карты, кости, орлянку и т. п.". Въ 1833 г. „хозяева покушались отнять карты у рабочихъ, но они вдругъ собрались толпами съ рѣшительнымъ намѣреніемъ оставить промыслы". Эти игры, продолжаетъ Мишо, „до того усилились, что посельщики проводятъ за ними все свободное время, обыгрывая одинъ другого"; были примѣры, что выигрыши искусныхъ игроковъ доходили до 500 руб. и болѣе.

Въ договорахъ съ золотопромышленниками рабочіе обязывались не только не похищать золота, но и смотрѣть за другими и доносить о зломъ умыслѣ въ этомъ отношеніи своихъ товарищей. По словамъ горнаго ревизора Семенова (1836 г.), „рабочіе во время обыкновенныхъ работъ на промыслахъ во множествѣ похищаютъ золото", но они большею частью сдаютъ его владѣльцамъ „подъ видомъ полученнаго отъ старательскихъ работъ". По упомянутому выше указу 1834 г., похитители золота, скупщики и всякіе ихъ сообщники должны были судиться военнымъ судомъ.

Мы видѣли, что, по признанію самой мѣстной администраціи, у пріисковыхъ рабочихъ могло быть не мало серьезныхъ причинъ для недовольства: или ихъ заставляли (хотя бы и на основаніи контракта) оставаться на работѣ позднею осенью, такъ что могло явиться опасеніе, удастся ли благополучно добраться до дому, или пріискъ былъ бѣденъ золотомъ, или при отводѣ мѣстъ для старательскихъ работъ совершались несправедливости, или плохо кормили, цѣны въ пріисковомъ амбарѣ были слишкомъ высоки, или, наконецъ, управляющіе жестоко обращались съ рабочими и т. п. Недовольство рабочихъ проявлялось двумя способами: побѣгами и волненіями, причемъ побѣгъ значительнаго количества рабочихъ иной разъ переходилъ въ открытое волненіе. Еще въ договорѣ Рязанова и Баландина (1833 г.) упомянуто, что, втеченіе двухъ предшествующихъ лѣтъ, рабочіе прекратили работу на ихъ пріискахъ ранѣе срока. Такъ какъ этотъ договоръ былъ заключенъ осенью 1833 г., то,

слѣдовательно, тутъ, вѣроятно, подразумѣваются лѣтнія операціи 1832 и 1833 гг. Относительно 1832 г. намъ неизвѣстно никакихъ подробностей, но о волненіи слѣдующаго года мы имѣемъ обстоятельныя свѣдѣнія.

26 іюня 1833 г. управляющій промыслами Рязанова и Баландина донесъ горному ревизору Семенову, что рабочіе (крестьяне и поселенцы Ачинскаго округа), находившіеся на Большеникольскомъ пріискѣ его довѣрителей, въ числѣ 78 человѣкъ, взбунтовались и ушли самовольно съ пріиска въ деревню Тамбаръ, а такъ какъ большинство ихъ крестьяне, за нихъ внесено въ уплату податей по 25—35 р. за каждаго и деньги эти еще не заработаны, и такъ какъ по контракту они обязаны работать до 1 и даже до 15 октября, то управляющій промыслами просилъ Семенова вернуть рабочихъ на пріиски и привести ихъ въ должное повиновеніе. Пріѣхавъ въ деревню Тамбаръ (нынѣ Маріинскаго округа въ 115 верст. отъ города), Семеновъ уговорилъ рабочихъ возвратиться на пріиски, но они, утомившись послѣ труднаго двухдневнаго пути, просили позволенія переночевать въ деревнѣ, что̀ имъ и было дозволено. Однако, на другой день толпа ихъ (63 чел.) заявила, что они не возвратятся на промысла и пойдутъ домой, о чемъ и было дано знать Ачинскому земскому исправнику. Вслѣдъ за тѣмъ, Семеновъ получилъ извѣстіе, что 27 іюня съ Бурлевскаго пріиска Поповыхъ [1]) также самовольно ушло 160 чел., и послалъ донесеніе главному начальнику Колывано-Воскресенскихъ заводовъ, прося его предписать томскому земскому исправнику и смотрителю поселеній немедленно прибыть въ Дмитріевскую волость, вмѣстѣ съ нимъ, Семеновымъ, изслѣдовать причины побѣга рабочихъ и принять мѣры для того, чтобы они выполнили свои обязанности по контрактамъ, „ибо, въ противномъ случаѣ, начальные примѣры самовольства, оставленные безъ скораго взысканія, могутъ родить самыя вредныя послѣдствія для всѣхъ частныхъ золотопромышленниковъ“.

Дѣйствительно, волненіе не ограничилось двумя названными пріисками. 3 іюля управляющій промыслами Рязанова и Баландина послалъ донесеніе Семенову, что крестьяне и поселенцы Ачинскаго уѣзда, находящіеся на Воскресенскомъ пріискѣ [2]), „выходя время отъ времени изъ повиновенія“, постепенно усилили „буйство и мятежъ до такой степени, что сочли уже себя вправѣ производить на томъ пріискѣ въ табельные дни добычу и промывку самыхъ богатѣйшихъ песковъ самовольно, хищническимъ образомъ, вопреки заключеннаго съ ними контракта и вопреки горнымъ узаконеніямъ, такъ что при таковой добычѣ песковъ не только не принимали они въ уваженіе никакихъ распоряженій прикащиковъ и

[1]) На притокѣ р. Тайдона, впадающей въ Томь.

[2]) На р. Кундустуюлѣ; богатый пріискъ съ среднимъ содержаніемъ золота въ 2 золотника 33 доли. „Горн. Журн.“ 1835 г. ч. IV, 561.

горныхъ штейгеровъ, но даже не дозволяли имъ приближаться къ разрѣзу, устращивая ихъ ножами". Посредствомъ такой „хищнической добычи песковъ могли они усилить свою вымывку золота до 6 фун. и получить въ одинъ день болѣе 1,500 руб. за свою работу" (число рабочихъ на этомъ промыслѣ намъ неизвѣстно), при всякомъ же замедленіи выдачи денегъ или малѣйшемъ противорѣчіи приказчиковъ и штейгеровъ „возмутители дѣлали разныя устращиванія и показывали духъ совершеннаго разбоя". Наконецъ, буйствовавшіе сильнѣе другихъ 28 чел. рабочихъ (Ачинскаго округа) 1 іюля бѣжали съ пріиска, а на другой день бѣжало еще столько же. Двое приказчиковъ погнались за ними и нагнали ихъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ пріиска, но рабочіе схватились за камни, а одинъ поселенецъ хотѣлъ ударить ножомъ упавшаго съ лошади прикащика, но тотъ остановилъ его выстрѣломъ дробью, ранивъ рабочаго въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Ачинскій земскій исправникъ (описанное событіе произошло на границѣ ачинскаго уѣзда), получивъ извѣстіе о томъ отъ Семенова, далъ ему знать, что 51 челов. изъ числа бѣжавшихъ пойманы и находятся подъ присмотромъ въ г. Ачинскѣ, а объ отысканіи остальныхъ и отправкѣ подъ карауломъ на мѣсто производства работъ сдѣлано распоряженіе. Съ своей стороны томскій губернаторъ отправилъ изъ Томска ревизора экспедиціи о ссыльныхъ Миллера съ командою казаковъ для того, чтобы онъ возвратилъ рабочихъ, бѣжавшихъ съ пріиска Попова, и произвелъ слѣдствіе о причинѣ ихъ побѣга. Встрѣтивъ сопротивленіе со стороны рабочихъ, Миллеръ вызвалъ Семенова въ с. Кію (нынѣ г. Маріинскъ, Томской губ.). гдѣ находилась тогда вся толпа бѣглецовъ, но и ему не удалось уговорить рабочихъ. Однако, когда вскорѣ послѣ того 3 поселенца, руководившіе толпою, были арестованы при помощи военной команды, то остальные бѣглецы возвратились на пріискъ.

Рабочіе, ушедшіе съ Большеникольскаго пріиска Рязанова и Баландина, заявили, что главная причина ихъ побѣга — суровое обращеніе съ ними двухъ надзирателей, избранныхъ изъ ихъ же среды, что затѣмъ имъ не отпускали полнаго пайка говядины и, наконецъ, что при отводѣ мѣстъ для старательскихъ работъ надзирателямъ давали лучшія, а имъ худшія мѣста. Бѣжавшіе же съ Бурлевскаго пріиска Поповыхъ жаловались, главнымъ образомъ, на непозволеніе вынимать пески для старательскихъ работъ на мѣстахъ, приготовленныхъ ими самими, и на то, что имъ не заплатили денегъ за прежнее стараніе. Но мѣстная администрація тогда, какъ и теперь, держала гораздо болѣе сторону золотопромышленниковъ, чѣмъ рабочихъ, и потому бергмейстеръ Семеновъ, сообщая жалобы послѣднихъ горному правленію Колывано-Воскресенскихъ заводовъ, съ своей стороны замѣтилъ: „Всѣ сіи причины" побѣговъ, „*почти* съ достовѣрностью (!) могу доложить, есть едва ли не

одна только выдумка для прикрытія своего преступленія. Заключеніе свое основываю я на слѣдующемъ: 1) во время личнаго моего обзора промысловъ никто изъ рабочихъ людей, находившихся на пріискѣ Большеникольскомъ, не приносилъ мнѣ жалобы ни на суровое обращеніе съ ними нарядчиковъ, ни на содержаніе ихъ пищею, и въ семъ послѣднемъ отношеніи единогласно всѣ рабочіе, на всѣхъ вообще промыслахъ, отзывались весьма довольными. 2) Суровое обращеніе надзирателей, выбирающихся изъ среды же рабочихъ, всегда можетъ быть прекращено жалобами прикащикамъ (?!), а кольми паче самимъ управляющимъ промыслами, и даже нѣтъ причинъ къ подобному съ рабочими обращенію, ибо вскрыша и промывка песковъ на промыслахъ Рязанова и Баландина производится уроками, которые назначаются всегда съ согласія самихъ рабочихъ" (т. е. по договору, заключаемому подъ давленіемъ нужды), „а иначе и они имѣютъ полную свободу не брать работы на урокъ" (но тогда, значитъ, нужно работать цѣлый день, не пользуясь старательскими работами, которыя только однѣ и увеличивали нѣсколько ничтожный заработокъ рабочихъ); „полагаемые же нынѣ уроки", продолжаетъ Семеновъ, „какъ лично удостовѣрился я, столь не обременительны, что рабочіе оканчиваютъ ихъ въ половинѣ дня и бываютъ остальное время свободны. 3) Личныя выгоды промышленниковъ требуютъ, чтобы привлекать рабочихъ на промыслы, и они всѣ, въ чемъ совершенно я удостовѣренъ, строго придерживаются сего правила и потому стараются, сколь возможно, довольствовать рабочихъ пищею самою сытною и самою хорошею, удаляютъ отъ нихъ всякій поводъ къ притѣсненію и не токмо вполнѣ соблюдаютъ съ своей стороны условія контрактовъ, но даже и весьма нерѣдко дѣлаютъ въ пользу рабочихъ нѣкоторыя пожертвованія... и 4) Старательныя работы я считаю милостью со стороны владѣльцевъ въ пользу рабочихъ, ибо владѣльцы не обязываются въ контрактахъ дѣлать имъ сего угожденія и слѣдовательно въ семъ отношеніи претензія бѣжавшихъ... совершенно ничтожна". Семеновъ упускалъ только изъ виду, что старательскія работы уже установились обычаемъ и что безъ нихъ рабочіе не пошли бы на промыслы изъ за ничтожнаго мѣсячнаго жалованья въ 10—15 руб. ассигн.

Возвращенные съ помощью военной команды на пріиски Рязанова и Баландина рабочіе оставались въ полномъ повиновеніи до 20 сентября, но затѣмъ работать рѣшительно отказались (вѣроятно, въ виду осенняго времени) и, хотя по контракту они обязаны были оставаться на пріискахъ до 1 октября, но сами хозяева признали ихъ неповиновеніе извинительнымъ.

Въ сентябрѣ 1833 года главный начальникъ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ (бывшій въ то же время и томскимъ губернаторомъ), Е. П. Ковалевскій, отправился изъ Томска на частные золотые промысла, съ цѣлью выяснить себѣ причины частыхъ побѣговъ рабочихъ, и на пути

получилъ извѣстіе, что 500 рабочихъ съ Рождественскаго и Бурлевскаго пріисковъ Поповыхъ отправились на ихъ же Бирикульскій (или Бирикюльскій) промыселъ для разсчета подъ предлогомъ, что промысла эти „отбираютъ въ казенный присмотръ, подъ коимъ они, рабочіе, не хотятъ продолжать работъ по контракту, заключенному ими съ Поповымъ". Ковалевскій отправился на Бирикульскіе промысла [1]), гдѣ, дѣйствительно, нашелъ рабочихъ съ Рождественскаго и Бурлевскаго пріисковъ. Они единогласно заявили, что готовы были продолжать тамъ работы, но сами приказчики и особенно главноуправляющій Христоforъ Поповъ сказали имъ, что промысла поступаютъ въ казну и что если они хотятъ работать для казны, то пусть остаются, но что Поповымъ они болѣе не нужны, и для окончательнаго разсчета послали ихъ на Бирикульскіе промысла. То же самое рабочіе подтвердили при увѣщаніи ихъ священникомъ и на слѣдствіи. Убѣдившись въ томъ, что сами прикащики отказали рабочимъ и заставили ихъ отправиться на другіе пріиски, и что нѣтъ возможности возвратить ихъ на прежнее мѣсто, такъ такъ они единодушно заявили, что подъ распоряженіемъ управляющаго этими промыслами они оставаться не могутъ (да и приспособленія для промывки золота, по распоряженію прикащиковъ Поповыхъ, уже были сняты), Ковалевскій потребовалъ отъ уполномоченнаго золотопромышленниковъ, чтобы онъ или употребилъ пришедшихъ на Бирикуль рабочихъ по своему усмотрѣнію, или далъ имъ окончательный разсчетъ. Получивъ впослѣдствіи свѣдѣніе, что нѣкоторые изъ рабочихъ не вполнѣ отработали выданныя имъ деньги, Ковалевскій приказалъ отправить этихъ людей на ближайшіе пріиски Поповыхъ, вслѣдствіе чего они поступили на Бирикульскіе промысла, но 129 челов., несмотря ни на какія усилія, ушли съ пріисковъ.

Сверхъ описанныхъ происшествій на промыслахъ Поповыхъ и К° Рязановыхъ и Баландиныхъ рабочіе уходили еще съ пріисковъ Черепанова и Верходанова и К° Осипова [2]). Донося обо всѣхъ этихъ событіяхъ министру финансовъ, Е. П. Ковалевскій пояснилъ, что причиною ихъ, „кромѣ своевольства и наклонности къ бродяжничеству" рабочихъ, являются „также и *поступки съ ними*, если не хозяевъ, то *мѣстныхъ прикащиковъ*" [3]).

---

[1]) Въ 35 верстахъ къ югу-западу отъ села Тисуля (или, какъ тогда писали, Тюсюля).

[2]) Пріискъ первыхъ находился всего въ полуверстѣ отъ Большеникольскаго промысла Рязанова и Баландина, и на тамошнихъ рабочихъ, вѣроятно, повліяло волненіе ихъ сосѣдей, пріискъ же Осипова былъ очень бѣденъ золотомъ.

[3]) Арх. Томск. Горн. Управл., вяз. 40, л. 479 — 489, 505 — 506. Арх. Главн. Управл. Алтайск. Горн. Окр. (въ Барнаулѣ), вяз. 37, № 653 (1833 г.), л. 10.

Ранѣе въ донесеніи министру финансовъ (1833 г.) Е. П. Ковалевскій высказалъ, что для удержанія рабочихъ отъ побѣговъ съ частныхъ золотыхъ пріисковъ Томской губерніи онъ считаетъ необходимымъ учрежденіе особой военной стражи. Когда отъ него потребовали болѣе подробныхъ данныхъ по этому вопросу, то онъ въ свою очередь обратился къ частнымъ золопромышленникамъ, изъ отвѣтовъ которыхъ мы остановимся на одномъ.

Золотопромышленникъ, надворный совѣтникъ Асташевъ, находилъ на первый разъ достаточнымъ расположить военную стражу въ ближайшихъ къ промысламъ селеніяхъ Дмитріевской волости, что же касается учрежденія военной стражи на самихъ пріискахъ, то это можно сдѣлать лишь „постепенно и то съ крайнею осторожностью, дабы не возбудить въ рабочихъ ропота на введеніе военнаго за ними караула, тогда какъ они находятся въ работѣ по вольному найму". Впрочемъ, если содержать военную стражу по близости промысловъ, то все-таки можно будетъ подъ разными предлогами помѣстить часть ея и на самыхъ промыслахъ, но этого Асташеву казалось недостаточно. Управляющій промыслами Рязанова и Баландина, мѣщанинъ Рязановъ, въ своемъ заявленіи предлагалъ распространить на рабочихъ частныхъ золотыхъ промысловъ горныя узаконенія, такъ какъ при невыполненіи контрактовъ всякое взысканіе на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ „вовлечетъ золотопромышленниковъ въ такія тяжбы, которыя неминуемо разстроятъ промысла" и остановятъ ихъ производство. Заявленіе Асташева показываетъ, что всего болѣе изъ „горныхъ узаконеній" правилось золотопромышленникамъ. „Опытъ доказалъ уже", говоритъ Асташевъ, „что опредѣленіе отдѣльнаго засѣдателя на частные золотые промыслы въ качествѣ полиціймейстера и съ властью штрафовать буйныхъ и непокорныхъ рабочихъ изъ ссыльныхъ, по силѣ Полковничьей Инструкціи, принесло ощутительную пользу, и покорность въ нихъ видимо увеличилась; а посему, еслибъ и благоугодно было, принявъ въ соображеніе классъ и свойство людей, на частныхъ золотыхъ промыслахъ находящихся", постановить, „чтобъ они за два преступленія, наиболѣе важныя въ отношеніи общей тишины и спокойствія, т. е. за явное неповиновеніе и побѣгъ, подвергаемы были, примѣняясь къ силѣ §§ 860 и 869 Проекта Горнаго Положенія[1]) *военному суду* (!), то я убѣжденъ несомнѣнно, что полицейская часть на промыслахъ и спокойствіе жителей смежныхъ селеній никогда или по крайней мѣрѣ весьма рѣдко бѣглецами были бы нарушены, а учреждаемая военная стража положитъ рѣшительную къ тому преграду". Препровождая къ Ковалевскому отвѣты золотопромышленниковъ на сдѣланный имъ запросъ, горный ревизоръ Семеновъ рекомендовалъ его вниманію мнѣ-

[1]) Мы сообщили выше содержаніе этихъ параграфовъ.

ніе Асташева, какъ основательнѣйшее и сообразное съ тогдашнимъ состояніемъ промысловъ.

Однако, вопросъ объ учрежденіи военной стражи на частныхъ золотыхъ промыслахъ былъ рѣшенъ пока отрицательно: въ маѣ 1834 г. начальникъ штаба корпуса горныхъ инженеровъ, ген. Чевкинъ, извѣстилъ Е. П. Ковалевскаго, что главноуправляющій корпусомъ горныхъ инженеровъ (министръ финансовъ Канкринъ) не призналъ учрежденія такой стражи „необходимымъ и дѣйствительнымъ выгодамъ казны соотвѣтственнымъ, тѣмъ болѣе, что и сами промышленники доселѣ не приносили жалобъ на непослушаніе посельщиковъ, ими въ работу принимаемыхъ“ [1]).

Бѣгство рабочихъ съ промысловъ продолжалось и въ слѣдующіе годы. Въ 1834 г., по свидѣтельству кап. Мишо, съ пріисковъ Томской губерніи бѣжало 349 чел., что составляло 7% всего числа явившихся на работу (послѣднихъ было 4,972 ч.), по различнымъ же промысламъ число бѣжавшихъ колебалось между 2% (на пріискахъ Рязанова и Баландина) и 52% (на пріискахъ Мыльникова, 87 чел.). Съ промысловъ Попова бѣжало 148 чел., что составляетъ болѣе 7% явившихся на работу. Въ 1835 г. явилось на работу 6,017 чел., изъ нихъ бѣжало 344 чел. (6%); по отдѣльнымъ промысламъ число бѣжавшихъ колебалось между 2 и 43% (послѣднее на промыслахъ Мыльникова, 59 чел.). На пріискахъ Мясникова бѣжало 130 чел., что составляетъ 9% всѣхъ явившихся на работу [2]). По мнѣнію Мишо, „бѣгство рабочихъ... должно болѣе отнести къ ихъ самовольству, нежели къ дурному обращенію владѣльцевъ съ ними. Лѣнивецъ, бродяга, забравъ у своего хозяина условленную плату за мѣсяцъ впередъ, скучаетъ трудиться, ему кажется, что это онъ дѣлаетъ даромъ“ и онъ „оставляетъ работу“. Но если бѣжало, какъ это было на промыслахъ Мыльникова, около половины рабочихъ (52% въ 1834 г. и 43% въ 1835 г.), то нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что на этихъ промыслахъ были какія нибудь особенно неблагопріятныя условія въ жизни рабочихъ.

Въ виду значительныхъ побѣговъ рабочихъ въ 1834 г., по большому сибирскому тракту, отъ Томска къ границамъ Енисейской губерніи, и около золотыхъ промысловъ были расположены 5 эскадроновъ казаковъ, а въ 1835 г. одинъ эскадронъ былъ поставленъ въ селахъ Кійскомъ и Тисульскомъ; въ 1836 г. генералъ-губернаторъ Западной Сибири предписалъ, чтобы въ половинѣ мая было командировано 200 си-

---

[1]) Арх. Главн. Управл. Алтайск. Горн. Окр., вяз. 37, дѣло № 654 (1833 г.), л. 1, 4, 9—13 об., 36.

[2]) Томск. Губ. Арх., вяз. 907, дѣло №40/5165, 1835 г., л. 24.

бирскихъ казаковъ для охраненія частныхъ промысловъ Томской губерніи [1]).

Всего болѣе возможны были злоупотребленія со стороны золотопромышленниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ всего легче было и оставленіе ихъ рабочими въ томъ случаѣ, если послѣдніе были наняты не по явочнымъ договорамъ. Мы видѣли выше, что по закону 1822 г. такой наемъ былъ дозволенъ, но съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ неисполненія нигдѣ не явленныхъ договоровъ дѣло не подлежало никакому судебному разбирательству (въ томъ числѣ и въ волостныхъ правленіяхъ, и въ земскихъ судахъ). Имѣя въ виду этотъ законъ, томскій земскій исправникъ Кусенковъ 24 мая 1835 г. далъ слѣдующее предписаніе засѣдателю (тоже, что въ Европейской Россіи становой) Безрядову: „изъ поступившаго ко мнѣ отъ прикащика купца Мясникова... прошенія усмотрѣлъ я, что вы, принявъ словесную просьбу... насчетъ неявившихся на пріиски для работъ крестьянъ, давали отъ себя личныя приказанія и письменныя предписанія сельскимъ начальникамъ о побужденіи къ тому крестьянъ". Находя такія побужденія противными закону, воспрещающему „всѣ понудительныя мѣры со стороны полиціи въ случаѣ „неисполненія условій" по найму въ работу, тѣмъ болѣе, что наемъ въ работу означенныхъ людей... производимъ былъ безъ условій, а выдача задаточныхъ денегъ основана была на личномъ его и хозяина его довѣріи къ крестьянамъ, я вынужденнымъ себя нахожу предписать, чтобы вы на будущее время ни въ какомъ случаѣ не осмѣливались принимать на себя неподлежащія до должности вашей обязанности, предваряя притомъ, что если еще я замѣчу, что вы осмѣливаетесь давать подобныя предписанія, то я доведу до свѣдѣнія... томскаго гражданскаго губернатора для поступленія съ вами по законамъ". Такъ какъ по предписанію засѣдателя одно изъ волостныхъ правленій также дѣлало распоряженія о высылкѣ неявившихся на пріиски крестьянъ и поселенцевъ, то Кусенковъ послалъ всѣмъ волостнымъ правленіямъ томскаго уѣзда предписанія не только не принимать ни отъ кого просьбъ, подобныхъ просьбѣ золотопромышленника Мясникова (въ случаѣ найма по неявочнымъ условіямъ), но и не исполнять предписаній засѣдателей, данныхъ по подобнымъ дѣламъ, не представивъ ихъ предварительно на разрѣшеніе исправника.

Хотя дѣйствія Кусенкова были въ этомъ случаѣ совершенно законны, но не даромъ говорится: „съ сильнымъ не борись". Многіе частные золотопромышленники принесли томскому губернатору жалобу, будто бы Кусенковъ, вмѣсто побужденія нанимающихся у нихъ по условіямъ рабочихъ, далъ строжайшія предписанія „не принимать *никакихъ* (?)

---

[1]) Арх. Главн. Упр. Алт. Горн. Окр., вяз. 37, дѣло № 654, л. 37—40, вяз. 48, дѣло № 896, л. 1—3, 9—10, Том. Губ. арх., вяз. 907, дѣло № $^{40}/_{5165}$, л. 52.

просьбъ по сему предмету отъ частныхъ золотопромышленниковъ". Въ такой формѣ жалоба была совершенною ложью, такъ какъ предписаніе Кусенкова касалось только рабочихъ, нанятыхъ *по неявочнымъ договорамъ*. Тѣмъ не менѣе земскій исправникъ въ сентябрѣ 1835 г. получилъ предписаніе „о прекращеніи стѣснительныхъ для золотопромышленниковъ дѣйствій и о дѣятельномъ оказаніи вообще земскою полиціею всѣхъ законныхъ пособій въ побужденіи и въ высылкѣ нанимающихся у нихъ по условіямъ крестьянъ и поселенцевъ" и вслѣдствіе этого „въ дополненіе предписанія отъ 24 мая" предписалъ волостнымъ правленіямъ, „въ случаѣ предъявленія кѣмъ либо изъ золотопромышленниковъ жалобы на неявку на пріиски рабочихъ, побѣгъ ихъ съ пріисковъ и т. п.", оказывать имъ „всевозможныя пособія въ высылкѣ рабочихъ" безъ малѣйшаго промедленія, а о содержаніи жалобъ и своихъ распоряженіяхъ доносить ему, исправнику, не дѣлая предварительныхъ представленій (какъ было прежде имъ предписано) „во избѣжаніе потери времени и излишней переписки". Въ подобномъ же распоряженіи Кусенкова, посланномъ отдѣльному засѣдателю по золотымъ промысламъ, было кромѣ того предписано, чтобы золотопромышленники всѣ контракты ихъ съ рабочими послѣ того, какъ они будутъ заключены, предъявляли земскому суду, „дабы судъ, вѣдая силу условій, не затруднялся и въ удовлетвореніи требованій промышленниковъ".

Но этимъ не окончилось дѣло, возбужденное недовольствомъ золотопромышленниковъ на совершенно законное предписаніе исправника; въ него вмѣшался шефъ жандармовъ гр. Бенкендорфъ. „До свѣдѣнія моего дошло", писалъ онъ секретно 18 ноября 1835 г. генералъ-губернатору Западной Сибири Сулимѣ, „что управляющій составившагося въ С.-Петербургѣ общества золотыхъ промысловъ въ Томской губерніи коллежскій совѣтникъ Асташевъ лишенъ всякой помощи въ удержаніи на промыслахъ людей, нанятыхъ имъ для работъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ сдѣлалось извѣстно, что таковые безпорядки въ особенности поощряетъ томскій земскій исправникъ Кусенковъ", который (будто бы) предписалъ не принимать „никакихъ (!) просьбъ о понужденіи нанятыхъ въ работу людей къ исполненію ихъ обязанностей и никакого пособія въ семъ случаѣ не дѣлать... Отъ столь неблагонамѣренныхъ дѣйствій сего чиновника кол. сов. Асташевъ терпитъ величайшее затрудненіе въ своихъ распоряженіяхъ", и потому гр. Бенкендофъ просилъ генералъ-губернатора Западной Сибири „обратить начальственное вниманіе на злоупотребленіе власти (?) со стороны исправника Кусенкова и другихъ, ему подобныхъ, чиновниковъ и прекратить имъ возможность къ продолженію ихъ беззаконныхъ притѣсненій". Вмѣстѣ съ тѣмъ гр. Бенкендорфъ просилъ генералъ-губернатора принять Асташева въ свое „милостивое покровительство" и удостоить „особеннаго вниманія" предпріятіе общества, которымъ

онъ завѣдуетъ. Чѣмъ, однако объясняется такое „особенное вниманіе“ къ просьбѣ Асташева со стороны самого шефа жандармовъ? Тѣмъ, что *гр. Бенкендорфъ имѣлъ 14 паевъ въ обществѣ*, учрежденномъ въ іюлѣ того же 1835 г. и представителемъ интересовъ котораго являлся Асташевъ [1]).

Генералъ-губернаторъ Западной Сибири поспѣшилъ принять весьма рѣшительныя мѣры для прекращенія, по мнѣнію гр. Бенкендорфа, неблагонамѣренныхъ, а въ сущности весьма законныхъ, дѣйствій Кусенкова: онъ предписалъ 12 октября 1835 г. немедленно удалить его отъ должности и причислить къ губернскому совѣту впредь до усмотрѣнія. Любопытно, что всего за двѣ недѣли до написанія гр. Бенкендорфомъ письма, имѣвшаго такое рѣшительное вліяніе на судьбу бѣднаго исправника, состоялось Высочайше утвержденное постановленіе Сибирскаго Комитета (распубликованное впрочемъ 20 декабря), которымъ воспрещалось служащимъ въ Сибири заниматься рудными промысломъ. Гр. Канкринъ предложилъ эту мѣру именно въ виду того, что въ противномъ случаѣ эти чиновники могутъ быть „судьями и исполнителями въ дѣлахъ слѣдственныхъ, судныхъ и тяжебныхъ“ по золотопромышленности [2]). А въ данномъ случаѣ одинъ изъ пайщиковъ частной золотопромышленной компаніи, гр. Бенкендорфъ, благодаря громадному вліянію, доставляемому ему его оффиціальнымъ положеніемъ, лишаетъ должности исправника, непріятнаго этой компаніи, не смотря на то, что послѣдній дѣйствовалъ вполнѣ законно.

Нужно замѣтить, что еще ранѣе полученія письма гр. Бенкендорфа, генералъ-губернаторъ Западной Сибири 22 ноября препроводилъ къ исправляющему должность томскаго губернатора поданную ему частными золотопромышленниками записку противъ того же исправника [3]),

---

[1]) Другіе паи этой золотопромышленной компаніи имѣли слѣдующія лица: гр. Чернышевъ—6 паевъ, Адлербергъ—10, Брискорнъ—15, Позенъ—25, Асташевъ—20 и Якобсонъ—10. Условія, на которыхъ составилась эта К°, см. 2 П. С. З. т. X, № 8296.

[2]) П. С. З. т. X, № 8531; *Расселли*, стр. 26—27.

[3]) Въ ней, между прочимъ, было сказано: „Дерзость исправника такъ велика, что по жалобѣ на его дѣйствія губернатору, получа строгое предписаніе тотчасъ уничтожить неправильное свое распоряженіе (?), онъ и не подумалъ исполнить этого съ мая до конца августа“, дозволивъ все лѣто работникамъ промышленниковъ невозбранно бродяжничать изъ одного мѣста въ другое. По вновь поданной губернатору просьбѣ онъ далъ слово подтвердить исправнику прежнее приказаніе, но, судя, по непокорности послѣдняго, нельзя ожидать исполненія, если не будетъ употреблена особая строгость въ наблюденіи за его поступками“. Между тѣмъ изъ подлиннаго дѣла видно, что первое (а не второе) предписаніе губернатора Кусенкову по этому вопросу было дано въ сентябрѣ, послѣ чего тотъ немедленно и измѣнилъ свое прежнее распоряженіе.

вслѣдствіе чего чиновнику особыхъ порученій Болдыреву было предписано разслѣдовать это дѣло.

На запросъ Болдырева Кусенкову было не трудно отвѣтить. Онъ объяснилъ ему, что: 1) относительно найма рабочихъ золотопромышленниками по томскому округу имъ, Кусенковымъ, съ самаго вступленія его въ должность 5 мая 1835 г. не было, да и не могло быть принято никакихъ мѣръ, такъ какъ наемъ рабочихъ на этотъ годъ производился съ ноября 1834 по февраль 1835 г., а явка рабочихъ на пріиски происходила съ 1 апрѣля по 1 мая, т.-е. когда онъ еще не былъ назначенъ исправникомъ; 2) что касается будто бы непринятія имъ просьбъ золотопромышленниковъ, то онъ препроводилъ Болдыреву копіи съ своихъ предписаній засѣдателю Безрядову и волостнымъ правленіямъ, гдѣ указанъ и законъ, на основаніи котораго они даны, пояснивъ притомъ, что „распоряженіе о непринятіи волостными правленіями вообще просьбъ на бумагѣ, до обязанности ихъ не подлежащихъ", сдѣлано было и со стороны земскаго суда и затѣмъ подтверждено губернаторомъ; 3) что, по полученіи имъ предписанія управляющаго губерніею отъ 25 сентября, онъ тогда же исполнилъ его. Жалобы же на то, будто бы онъ „дозволилъ все лѣто работникамъ промышленниковъ невозбранно бродяжничать изъ одного мѣста въ другое", продолжаетъ Кусенковъ, „почитаю я сущею несправедливостью, потому что рабочіе въ то время, когда послѣдовали отъ меня вышеозначенныя предписанія, находились на пріискахъ при исполненіи обязанностей своихъ", и предписанія эти не могли быть имъ извѣстны, такъ какъ не были опубликованы, а если въ продолженіе лѣта рабочіе переходили отъ одного золотопромышленника къ другому, то это „съ достовѣрностью должно происходить отъ того, во-1-хъ, что рѣдкій изъ золотопромышленниковъ соблюдаетъ въ точности правила, предписанныя въ положеніи о разборѣ исковъ по обязательствамъ, заключаемымъ между сибирскими обывателями" (законъ 1822 г.), и во-2-хъ, что главнѣйшею причиною переходовъ рабочихъ отъ одного золотопромышленника къ другому онъ считаетъ то, что у одного продовольствіе лучше, у другого хуже, да и плата не вездѣ одинакова, — „слѣдовательно, рабочіе, не бывъ обязаны письменными условіями, а терпя, можетъ быть, отъ управителей стѣсненія отъ дурного продовольствія, высокихъ цѣнъ за разныя потребности, какъ-то чирки (обувь), холстъ, рукавицы и т. п. и будучи, какъ съ достовѣрностью полагать можно, подстрекаемы прикащиками и управителями возвышеніемъ цѣнъ за работы, весьма естественно стремятся или переходятъ туда, гдѣ выгодно". Справедливость этого, по мнѣнію Кусенкова, не трудно подтвердить разспросами нѣсколькихъ человѣкъ, бывшихъ на пріискахъ минувшимъ лѣтомъ, особенно у тѣхъ золотопромышленниковъ, которые жаловались „на бродяжничество рабочихъ, за что, впрочемъ", продолжаетъ онъ, „я ни по какимъ зако-

намъ и ни въ какомъ случаѣ не обязанъ отвѣтственностью", такъ какъ „во всемъ, что относится до полицейской части собственно на пріискахъ, обязанъ содѣйствовать золотопромышленникамъ отдѣльный засѣдатель по золотымъ промысламъ Андрюковъ", имѣющій для этого казачью команду, посредствомъ которой „долженъ прекращать всѣ своевольные переходы рабочихъ" или же требовать содѣйствія отъ земскаго исправника и земскаго суда, а между тѣмъ въ теченіе цѣлаго года отъ него получено только одно донесеніе о побѣгѣ 4 рабочихъ съ пріисковъ Коновалова, о поимкѣ которыхъ и сдѣлано распоряженіе. Далѣе Кусенковъ пояснилъ, что на основаніи его предписаній волостнымъ правленіямъ отъ 24 мая никакихъ распоряженій сдѣлано не было, такъ какъ никто изъ золотопромышленниковъ и не обращался съ просьбами въ волостныя правленія. Кусенковъ привелъ также оффиціальныя данныя о неявкѣ и побѣгахъ рабочихъ для доказательства, что 1835 г. въ этомъ отношеніи почти ничѣмъ не отличался отъ предшествующаго (мы видѣли, что въ 1834 г. неявившихся было 20% нанятыхъ рабочихъ, а въ 1835—22%, но за то количество бѣжавшихъ уменьшилось съ 7 на 6% всѣхъ явившихся на пріиски). Наконецъ, Кусенковъ указалъ на то, что значительная часть рабочихъ на частныхъ томскихъ промыслахъ живетъ не въ находившемся въ его завѣдываніи округѣ и что много рабочихъ, бывшихъ на пріискахъ въ 1831—32 гг., *считается неявившимися* потому, что за ними при разсчетѣ остались долги, не подлежащіе, на основаніи закона 1822 г., взысканію безъ дозволенія начальства[1]). Мы остановились такъ долго на этой исторіи, чтобы показать, какъ трудно было низшей мѣстной администраціи защищать рабочихъ отъ притѣсненій со стороны золотопромышленниковъ.

Въ 1836 г. были вновь нѣкоторыя волненія на частныхъ золотыхъ промыслахъ Томской губерніи. Въ іюнѣ мѣсяцѣ съ Талаюльскихъ пріисковъ Поповыхъ самовольно ушло болѣе 30 чел. на Закожухскіе пріиски тѣхъ же владѣльцевъ. Посланные за ними казаки вернули ихъ, но они, захвативъ съ собою еще 40 чел., вновь туда отправились. Ихъ опять настигли казаки, и въ это время рабочіе были встрѣчены на пути горнымъ ревизоромъ Семеновымъ и отдѣльнымъ засѣдателемъ Андрюковымъ. На вопросъ, почему они ушли съ Талаюльскихъ промысловъ, они отвѣчали: „Потому что тамъ нѣтъ старательскихъ работъ". Такъ какъ на основаніи контрактовъ причина эта признана была неуважительною,

---

[1]) Послѣ такого убѣдительнаго оправданія управляющій Томскою губерніею послалъ генералъ-губернатору Западной Сибири вполнѣ благопріятное для Кусенкова заключеніе по этому дѣлу, называлъ его чиновникомъ „отлично способнымъ, дѣятельнымъ и усернымъ" и предлагалъ опредѣлить его земскимъ исправникомъ въ Каинскій округъ. Томск. Губ. Арх., вяз. 907, дѣло № 40—5165.

то рабочихъ заставили возвратиться на Талаюльскіе промысла, причемъ двое изъ нихъ, признанныхъ зачинщиками, были, не смотря на упорное сопротивленіе, арестованы [1]).

10 сентября 1836 г. на промыслахъ наслѣдниковъ Поповыхъ, Рождественскомъ и Бурлевскомъ, рабочіе отказались долѣе ходить на работы и настоятельно потребовали разсчета. Горный ревизоръ Семеновъ послалъ 10 казаковъ къ отдѣльному засѣдателю частныхъ золотыхъ промысловъ, находившемуся въ то время на другихъ пріискахъ, и просилъ его съ помощью этого маленькаго отряда усмирить рабочихъ. Пріѣхавъ на промысла Попова въ ночь съ 12 на 13 число, засѣдатель уговаривалъ рабочихъ исполнять контрактъ, но они, собравшись толпою человѣкъ въ 300 (большею частью изъ каинскаго округа), отвѣчали, что въ виду приближенія холоднаго времени работать не пойдутъ, такъ какъ нѣкоторые родомъ изъ дальныхъ волостей и потому опасаются, что на пути ихъ застигнетъ зима, требовали разсчета и отпуска съ промысловъ. Правда, часть ихъ, изъ поселенцевъ томскаго округа, согласилась выйти на работу, но съ условіемъ работать лишь до 15 сентября. Попытка арестовать поселенца Дегтерева, который уговаривалъ остальныхъ не работать, оказалась, вслѣдствіе сопротивленія рабочихъ, неудачною. Онъ все-таки вышелъ на работу со словами: „ежели я пойду на работу, то и всѣ будутъ работать безпрекословно“. Однако 95 чел., почти всѣ изъ поселенцевъ каинскаго округа, ушли самовольно, не получивъ никакого разсчета, черезъ тайгу къ р. Томи. Дегтеревъ потомъ былъ все-таки арестованъ.

Вообще на важнѣйшихъ томскихъ частныхъ промыслахъ лѣтнія работы прекратились въ 1836 г. 12 сентября, по словамъ горнаго ревизора Семенова, „не столько по доброй волѣ владѣльцевъ, сколько по упорству рабочихъ людей не продолжать болѣе работы“, хотя онъ находилъ, что въ это время была еще благопріятная погода. Только на Воздвиженскомъ пріискѣ Коновалова (въ 6 вер. отъ дер. Чумай) небольшое количество рабочихъ оставалось до 1 октября. Во время выхода рабочихъ съ промысловъ, цѣпь линейныхъ казаковъ, окружавшихъ пріисковый раіонъ, была расположена по пути отъ с. Тисуль на главный сибирскій трактъ и по немъ до села Бирикульскаго для наблюденія за тѣмъ, чтобы рабочіе на пути „не предавались пьянству, буйству и другимъ зловреднымъ поступкамъ“, и выпроваживались бы въ мѣста ихъ причисленія. Семеновъ находилъ, что мѣра эта была полезна и что рабочіе прошли тише и спокойнѣе, чѣмъ въ прежніе годы [2]).

---

[1]) Арх. Глав. Управл. Алт. горн. окр., вяз. 48, дѣло № 896, л. 25—28.

[2]) Слѣдствіе о волненіи рабочихъ на Бурлевскомъ и Рождественскомъ промыслахъ Поповыхъ тянулось очень долго: черезъ семь лѣтъ, въ 1843 г., нужно было еще

Въ маѣ и іюнѣ 1837 г. на пріискахъ Томской губерніи опять произошли небольшія волненія. На Вознесенскомъ пріискѣ Мясникова рабочіе, собравшись большою толпою въ конторѣ, требовали, чтобы изъ 50 урочныхъ конныхъ тачекъ было убавлено 10, причемъ одинъ изъ нихъ схватилъ за воротъ управляющаго; штейгеръ оттолкнулъ рабочаго, но пятеро его товарищей бросились на штейгера, таскали его за волосы, потомъ били нарядчика и, обругавъ управляющаго, разошлись. На другой день 41 человѣкъ бѣжали съ этого пріиска (14 было поймано). Четверо изъ оставшихся, найденные при предварительномъ слѣдствіи болѣе виновными, были арестованы и отправлены въ томскій острогъ.

На Воскресенскомъ пріискѣ купцовъ Рязановыхъ, Казанцева и Баландина безпорядки произошли нѣсколько позднѣе, чѣмъ на Вознесенскомъ пріискѣ Мясникова. Никита Казанцевъ, братъ одного изъ владѣльцевъ пріиска, пожаловался засѣдателю Безрядову, что рабочіе 23 мая, въ праздничный день, ссылаясь на то, что имъ даны пески, содержащіе въ себѣ мало золота, оставили старательскую работу; при этомъ одинъ изъ нихъ, Небараковъ, бросивъ лопатку, кричалъ другимъ: „что намъ промывать турфъ, маршъ!“ и при этомъ „произносилъ дерзкія слова и брань“. Безрядовъ, прибывъ 23 мая на пріискъ, по разспросѣ о случившемся, нашелъ, кромѣ Небаракова, виновными двухъ рабочихъ, которыхъ и наказалъ розгами, а Небараковъ въ то время розысканъ не былъ. Вскорѣ послѣ того засѣдатель пріѣзжалъ вторично и требовалъ къ себѣ чрезъ казаковъ Небаракова, но онъ ихъ не послушался и, махая кайлою, кричалъ самому Безрядову: „не троньте меня, или я васъ пришибу“, при чемъ другой поселенецъ, Малявинъ, просилъ рабочихъ не выдавать его. 8 іюня Безрядовъ пріѣхалъ на пріискъ въ третій разъ, съ ревизоромъ и сотникомъ; посланные за Небараковымъ и Малявинымъ казаки перваго не нашли, а второго захватили въ его избушкѣ, но сбѣжавшаяся толпа рабочихъ вырвала его изъ рукъ казаковъ. Безрядовъ, а за нимъ ревизоръ и сотникъ съ командою поспѣшили туда, но толпа встрѣтила ихъ камнями и преслѣдовала до самой квартиры. Казаки сдѣлали четыре выстрѣла на воздухъ, и это остановило рабочихъ. Чиновники на другой день уѣхали съ пріиска. Таковы оффиціальныя свѣдѣнія о событіяхъ на Воскресенскомъ пріискѣ; при производствѣ же слѣдствія Небараковъ, Малявинъ и еще двое рабочихъ заявили,

---

опросить 280 свидѣтелей, но это оказывалось дѣломъ не легкимъ, такъ какъ одни изъ нихъ находились въ отлучкѣ, другіе работали на разныхъ золотыхъ промыслахъ, но волостныя правленія не могли сообщить свѣдѣнія, на какихъ именно промыслахъ они находятся. Только въ 1848 г. томскій окружной судъ донесъ управляющему Томскою губерніею, что дѣло это отослано для рѣшенія въ коммиссію военнаго суда. Томск. Губ. Арх., вяз. 491, дѣло 1836 г. № 1.

что 23 мая оставили старательскую работу потому, что въ отведенныхъ имъ пескахъ не было золота въ количествѣ, достаточномъ для вознагражденія ихъ за трудъ, и прибавили: первый,—что не пошелъ къ Безрядову, боясь незаслуженнаго изъ наказанія,второй, — что когда требовали Небаракова къ засѣдателю, то онъ, Малявинъ, не кричалъ рабочимъ: „не выдавайте“ [1]), а когда былъ взятъ казаками 8 іюня, то рабочіе, считая его невиннымъ, „задержали при себѣ“ и онъ, воспользовавшись этимъ, ушелъ въ лѣсъ; два другихъ рабочихъ, подвергнутые засѣдателемъ тѣлесному наказанію, заявили, что никакихъ грубостей Казанцеву они не дѣлали. Наконецъ, всѣ они утверждали, что 8 іюня въ безпорядкахъ не участвовали. Остальные рабочіе также показали, что не принимали участія въ безпорядкахъ [2]), и многіе изъ нихъ подтвердили, что оставили 23 мая старательскія работы потому, что имъ дали пески, не имѣющіе золота, и лучшихъ брать не позволяли; 9 іюня они не пошли на работу, ожидая пріѣзда на пріискъ купца Казанцева, а 10, по его прибытіи, принялись за работу и продолжали ее спокойно. Семеро изъ приказчиковъ и служителей дали на слѣдствіи такое показаніе, что Небараковъ и двое наказанныхъ розгами рабочихъ никакихъ грубостей купеческому брату Казанцеву не дѣлали.

Слѣдствіе выяснило и истинныя причины волненія. Болѣе 600 чел. рабочихъ заявило, что добываемое ими старательское золото отбирается прикащиками и свѣшивается безъ нихъ, послѣ чего и выдаются имъ ярлыки для полученія денегъ, „считая за общее золото“ (т.-е. добытое на общемъ стараніи) „по 2 р. 50 к., а за частное“ (т.-е. добытое на одиночномъ стараніи), „по 3 р. 5 к. (ассигн.) за золотникъ“, но они постоянно замѣчаютъ, что золота въ ярлыкахъ показывается менѣе, чѣмъ взято отъ нихъ. Прикащики (14 человѣкъ) пояснили, что старательское золото, добытое до обѣда, отбирается у рабочихъ, относится въ золотовѣсную, гдѣ взвѣшивается вмѣстѣ съ добытымъ послѣ обѣда, рабочіе же въ это время стоятъ у окна на дворѣ. Но въ шнуровой книгѣ, выданной горнымъ правленіемъ для записки золота, было записано, что старательскаго золота промыто: 16 мая—10 ф. 40 зол. 24 доли и съ 22 мая по 1 іюня—16 фун. 50 зол.; предписаніями же управляющаго Суетина, данными прикащику 20 мая и 1 іюня, велѣно выдать рабочимъ за первое золото 952 р. 50 к., а за второе—1791 р. 75 к., т.-е. за каждый золотникъ перваго менѣе, чѣмъ по 1 рублю, а второго, по словамъ оффиціальнаго донесенія, менѣе 1 р. 50 к. (собственно по 1 р. 13 к.),

---

[1]) Семеро приказчиковъ и служителей опровергали это показаніе Малявина.

[2]) Относительно трехъ изъ нихъ прикащики заявили, что они буйствовали 9 іюня, когда ихъ убѣждали идти на работу.

между тѣмъ какъ рабочимъ было обѣщано платить за золотникъ болѣе, чѣмъ вдвое. Прикащикъ на слѣдствіи показалъ, что болѣе денегъ за это золото онъ не выдавалъ, а Суетинъ объяснилъ, что остальныя деньги онъ выдалъ рабочимъ лично, но кому сколько—не знаетъ и документа, подтверждающаго его заявленіе, не имѣетъ. Очевидно, что заявленіе прикащика было ложно, что рабочіе получали гораздо меньшее вознагражденіе за свой трудъ, чѣмъ было назначено, а потому и раздраженіе ихъ противъ пріисковаго управленія становится вполнѣ понятнымъ. Съ однимъ рабочимъ администрація промысла продѣлала вещь, еще болѣе возмутительную. Крестьянинъ Дятловъ въ маѣ того же 1837 г. нашелъ во время работы самородокъ золота, величиною съ куриное яйцо, который и отдалъ служителю въ присутствіи двухъ крестьянъ и за который ему слѣдовало получить по 2 р. 50 к. за золотникъ, но вмѣсто того, по приказанію брата одного изъ хозяевъ пріиска Казанцева и прикащика Бутурлина, онъ былъ наказанъ 100 ударами розогъ подъ предлогомъ, будто бы онъ хотѣлъ украсть этотъ самородокъ. На слѣдствіи Казанцевъ и Бутурлинъ отрицали этотъ фактъ, но были уличены показаніями двухъ служителей, производившихъ по ихъ приказанію это сѣченіе. Двое крестьянъ, въ присутствіи которыхъ Дятловъ отдалъ самородокъ служителю, подтвердили это подъ присягою и пояснили, что за голенище онъ его не пряталъ и намѣренія украсть не имѣлъ. Управляющій Суетинъ и прикащикъ Зуевъ принуждены были сознаться, что Дятлову за найденный имъ самородокъ ничего не было заплачено.

Слѣдствіе открыло и то, какіе контракты заключала администрація Воскресенскаго пріиска съ нанимаемыми ею рабочими. Вмѣсто обыкновеннаго начала—„такого-то года, мѣсяца и числа“, контрактъ, заключенный съ рабочими Воскресенскаго пріиска, начинался такъ: „1836 и 1837 год. въ лѣтніе мѣсяцы мы нижеподписавшіеся и проч.“ 9 пунктъ былъ написанъ такимъ образомъ: „тѣ, кои опредѣлены будутъ на промывку песковъ, обязаны и должны промывать онаго каждый день на станкахъ по 100.... (пробѣлъ), а на мутильняхъ“ (бутарахъ) „по.... (пробѣлъ) тачекъ“ [1]). Вмѣсто 5 грамотныхъ на этомъ контрактѣ подписались другіе, якобы по ихъ безграмотству. Очевидно, что такой контрактъ нисколько не гарантировалъ рабочихъ отъ произвола пріисковой администраціи, и, несмотря на его полную незаконность, онъ былъ засвидѣтельствованъ смотрителемъ поселеній Быстрицкимъ въ декабрѣ 1836 г. [2]).

[1]) Пунктъ 15-й таковъ: „тѣ, кои изъ насъ поступятъ вопреки сего контракта, подвергаютъ себя наказанію и взысканію тому, какое опредѣлено Проектомъ Горнаго Положенія заводскимъ мастеровымъ“ (т.-е. „по надлежащемъ и законами опредѣленномъ наказаніи употребляются въ самыя тягчайшія работы“).

[2]) Слѣдствіе обнаружило также, что изъ 727 рабочихъ, явившихся на Воскресенскій пріискъ въ апрѣлѣ 1837 г., только 439 имѣли виды, высланные Быс-

На Митрофановскомъ пріискѣ Мясникова управляющій пріискомъ и служителя заявили, что 5 іюня того же года поселенецъ Афанасій Непомнящій не вышелъ на хозяйскую работу, а послѣ обѣда явился на старательскую; на вопросъ отставного унтеръ-шихтмейстера Гребенщикова онъ отвѣчалъ, что можетъ отдохнуть отъ хозяйской работы, когда захочетъ, и кликнулъ товарищей, вѣроятно, въ видахъ самозащиты. На зовъ его сбѣжалось до 50 рабочихъ, которые, схвативъ Гребенщикова и перебросивъ черезъ себя, избили его, втолкнули управляющаго въ контору со словами: „ступай, а то тебѣ тоже будетъ", одного нарядчика, вытащивъ изъ конторы на дворъ, били розгами и палками, били также одного штейгера, а затѣмъ черезъ нѣсколько часовъ стали вновь работать и болѣе не волновались. Впослѣдствіи Афанасій Непомнящій и еще двое рабочихъ были арестованы.

17 іюня на Бурлевскомъ пріискѣ Попова и К° 54 рабочимъ второго стана [1]) было отведено мѣсто для старательской работы, но такъ какъ пески находились глубоко подъ турфомъ и притомъ содержали мало золота, то они требовали, чтобы имъ дали другое, болѣе выгодное мѣсто. Смотритель пріиска отказалъ, и они рѣшили прекратить работу, а когда на томъ же мѣстѣ хотѣли работать 44 ч. изъ перваго стана, то тѣ не позволили, грозя ихъ избить, послѣ чего и послѣдніе оставили работу. 18 іюня рабочіе второго стана также не пошли на хозяйскую работу, желая просить разсчета, но на другой день смотритель убѣдилъ ихъ отказаться отъ этого намѣренія. Когда 20 числа пріѣхалъ губернаторъ, на пріискѣ было уже все спокойно, но тѣмъ не менѣе 12 чел. второго стана онъ подвергъ тѣлесному наказанію [2]).

Томскій губернаторъ, корпуса горныхъ инженеровъ генералъ маіоръ Шленевъ, донесъ министру финансовъ о безпорядкахъ и неповиновеніи рабочихъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ Томской и Енисейской губерній и о томъ, что они были прекращены принятыми мѣстнымъ начальствомъ мѣрами безъ особыхъ послѣдствій. Несмотря на всю мало-

---

трицкимъ, остальные же 288 челов. еще въ половинѣ августа оставались безъ нихъ; по словамъ Быстрицкаго, онъ самъ дозволилъ держать на пріискѣ 727 чел. до полученія отъ него билетовъ, для которыхъ бланокъ онъ ожидалъ изъ экспедиціи о ссыльныхъ, но положеніемъ томскаго губернскаго совѣта 25 мая 1833 г. было воспрещено держать безпаспортныхъ рабочихъ.

[1]) Станомъ называется отдѣльный пріискъ, и потому управляющій станомъ носитъ названіе станового; очевидно Бурлевскій промыселъ состоялъ изъ нѣсколькихъ пріисковъ.

[2]) На Тулуюльскомъ пріискѣ того же Попова и К° рабочіе просили-было въ іюнѣ того же года, безъ всякихъ, впрочемъ, угрозъ, прибавки платы за старательское золото (вмѣсто 3 по 4 р. асс. за золотникъ), но управляющій убѣдилъ ихъ отказаться отъ этого требованія.

важность волненій и на то, что, какъ оказалось по слѣдствію, администрація нѣкоторыхъ пріисковъ была сама въ нихъ виновата, томскій губернаторъ просилъ разрѣшенія предать арестованныхъ зачинщиковъ этихъ безпорядковъ военному суду, назначивъ судьями горнаго ревизора, отдѣльнаго засѣдателя и офицера казачьяго отряда, находящихся на частныхъ золотыхъ промыслахъ, и поступать такимъ же образомъ и на будущее время. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ по этому поводу министръ финансовъ, принимая во вниманіе, что ослушаніе и сопротивленіе начальству на частныхъ золотыхъ промыслахъ въ Сибири случилось въ одно время въ разныхъ мѣстахъ „и что зло сіе въ столь отдаленномъ краю надобно искоренить въ самомъ началѣ дѣйствительными мѣрами", испрашивалъ разрѣшенія государя, чтобы вольнонаемные рабочіе на частныхъ золотыхъ промыслахъ въ Сибири, въ случаѣ ослушанія начальству и сопротивленія воинской командѣ, были судимы военнымъ судомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ находилъ неприличнымъ поручать этотъ судъ тѣмъ лицамъ, на которыхъ указалъ томскій губернаторъ, такъ какъ эти чиновники обязаны „наблюдать за благочиніемъ и производить слѣдствія на промыслахъ, а потому неудобно было бы возлагать на нихъ же и судную власть". Въ виду этого министръ финансовъ полагалъ зачинщиковъ волненій на пріискахъ лѣтомъ 1837 г. немедленно предать военному суду, назначивъ судьями военнаго, горнаго и гражданскаго чиновниковъ, не участвовавшихъ однако же въ усмиреніи волненія и производствѣ о томъ слѣдствія, и для ускоренія наказанія виновныхъ предоставить Шленеву утвержденіе приговора военнаго суда; на будущее же время производство дѣлъ о такого рода преступникахъ возложить на постоянныя военно-судныя коммиссіи, которыя предполагается учредить въ Томской и Енисейской, а впослѣдствіи и въ Иркутской губерніяхъ. Имп. Николай на докладѣ министра финансовъ положилъ такую резолюцію: „Всѣхъ виновныхъ изъ каторжныхъ судить по полевому уголовному уложенію, прочихъ военнымъ судомъ, и генералъ-майору Шленеву приговоры приводить въ исполненіе, кромѣ одной смертной казни" [1]).

Между тѣмъ генералъ-губернаторъ Западной Сибири кн. Горчаковъ (назначенный въ 1836 г.) еще въ іюлѣ мѣсяцѣ 1837 г. сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ, что онъ считаетъ недостаточными и голословными свѣдѣнія о волненіяхъ, представленныя ему томскимъ губернаторомъ, а требованіе Шленева о преданіи виновныхъ военному суду, состоящему изъ тѣхъ самыхъ лицъ, дѣйствія которыхъ подлежали повѣркѣ, неосновательнымъ, почему онъ, генералъ-губернаторъ, и распорядился о строжайшемъ изслѣдованіи этихъ происшествій чрезъ довѣренныхъ чиновниковъ, не состоящихъ на службѣ въ Томской губерніи.

[1]) 2-е П. С. З. т. XII, № 10521, 28 Авг. 1837 г.

Кн. Горчаковъ по полученіи данныхъ слѣдствія, „вполнѣ раскрывающаго“, по его словамъ, „всѣ обстоятельства безпорядковъ и существенныя причины волненій на Воскресенскомъ пріискѣ“ (эти свѣдѣнія изложены нами выше) предалъ суду: братьевъ Казанцевыхъ и управляющаго пріискомъ мѣщанина Суетина „за лживые поступки и притѣсненія рабочихъ“, отдѣльнаго засѣдателя Безрядова—за несправедливое наказаніе двухъ поселенцевъ, „подавшее первый поводъ къ сопротивленію, безразсудное повтореніе распоряженій своихъ по тому же предмету чрезъ нѣсколько дней и непростительное потворство“, выразившееся въ нахожденіи во ввѣренномъ ему пріисковомъ округѣ нѣсколькихъ сотъ безпаспортныхъ людей, а также и причастнаго къ послѣднему злоупотребленію смотрителя поселеній Быстрицкаго. Сообщая объ этомъ 5 октября министру внутреннихъ дѣлъ и прилагая при томъ записку о слѣдствіи, произведенномъ назначенными имъ чиновниками о безпорядкахъ на золотыхъ пріискахъ, кн. Горчаковъ прибавилъ: „что же касается до рабочихъ, болѣе или менѣе виновныхъ въ приключившихся безпорядкахъ, то, согласно Высочайшей волѣ..., предоставилъ я окончательное распоряженіе начальнику Алтайскихъ горныхъ заводовъ“.

Далѣе въ своемъ донесеніи министру внутреннихъ дѣлъ кн. Горчаковъ обращалъ его вниманіе на то: „сколь предосудительно было“ въ этомъ дѣлѣ поведеніе гражданскаго губернатора, который долженъ былъ „оказать столько же справедливости, сколько и строгости, а не потворствовать явному злоупотребленію“ хозяевъ пріиска купцовъ Казанцевыхъ и управляющаго мѣщанина Суетина. Столь же неизвинительнымъ находилъ кн. Горчаковъ и „равнодушіе“ губернатора Шленева къ тому, что на пріискѣ было нѣсколько сотъ безпаспортныхъ людей, — „безпорядокъ, котораго онъ не умѣлъ или не хотѣлъ видѣть, хотя самъ не малое время находился на мѣстѣ, будто бы для водворенія нарушеннаго спокойствія“.

Что касается рабочихъ, то кн. Горчаковъ нашелъ нужнымъ замолвить за нихъ слово предъ министромъ внутреннихъ дѣлъ: „Безразсудно было бы утвердать“, писалъ онъ, „что ссыльно-поселенцы, собирающіеся для золотоискательства, строгой нравственности, и не склонны къ своевольству, однако же чувство справедливости такъ впечатлѣно въ сердцѣ каждаго человѣка, что бывшія доселѣ безпокойства по большей части получили свое начало отъ притѣсненія хозяевъ или нарушенія обѣщаній по такъ называемому старанію“. По словамъ кн. Горчакова, разборъ „вѣчныхъ распрей“, вызываемыхъ старательскими работами, тѣмъ затруднительнѣе, что не всегда золотопромышленники нанимаютъ рабочихъ на мѣстѣ ихъ постояннаго жительства, откуда они должны были бы получить законные виды и гдѣ заключаемыя условія были бы засвидѣтельствованы и объявлены нанимающимся, и слѣдовательно могли бы служить безспорнымъ актомъ, а къ сожалѣнію, при потворствѣ мѣстнаго

начальства, хозяева промысловъ разсылаютъ прикащиковъ, которые, гдѣ попало, набираютъ рабочихъ, нерѣдко безпаспортныхъ и „обязываютъ ихъ подписью на контрактахъ, заблаговременно и незаконно составленныхъ", условія которыхъ, „по дошедшимъ жалобамъ, *не всегда имъ даже вполнѣ сообщаются*". Въ заключеніе своего донесенія министру внутреннихъ дѣлъ, кн. Горчаковъ еще разъ повторяетъ, „что введеніе устройства болѣе строгаго на золотыхъ пріискахъ необходимо и что всѣ возможныя мѣры укрощенія" не будутъ имѣть „успѣха безъ справедливости и порядка, такъ что впослѣдствіи не токмо потерпитъ отъ того самый промыселъ, но что безпокойства могутъ возродиться самыя опасныя" [1].

Кн. Горчаковъ нашелъ невозможнымъ оставить безъ возраженій и то, что окончательное рѣшеніе по дѣлу о волненіяхъ пріисковыхъ рабочихъ продоставлено было тому же лицу, которое онъ считалъ во многихъ отношеніяхъ неправымъ и которое, по общимъ законамъ, должно было быть подчинено ему, генералъ-губернатору. Онъ признавалъ также несправедливымъ судить рабочихъ за всякое столкновеніе съ пріисковыми прикащиками военнымъ судомъ.

Находясь въ началѣ 1838 г. въ Петербургѣ, кн. Горчаковъ 11 января подалъ всеподданнѣйшее донесеніе, въ которомъ, приведя резолюцію государя на докладъ министра финансовъ (гдѣ между прочимъ Шленеву было предоставлено право приводить въ исполненіе приговоръ суда, „кромѣ одной смертной казни"), онъ далѣе говоритъ: „но такъ какъ по законному изслѣдованію оказалось, что дѣйствія начальника Алтайскихъ горныхъ заводовъ были пристрастны и основанное на его рапортѣ донесеніе гр. Канкрина представляло дѣло не въ настоящемъ его видѣ, то, хотя нынѣ во исполненіе воли Вашей и передалъ я безъ умедленія всѣхъ виновныхъ въ распоряженіе горнаго начальства", однако же затрудняюсь въ будущемъ, „кого именно судить военнымъ судомъ: однихъ ли сопротивляющихся мѣстной власти, или всѣхъ прочихъ, оказывающихъ буйство противъ прикащиковъ или другихъ частныхъ лицъ, и долженъ ли я при подобныхъ происшествіяхъ, согласно постановленіямъ, удержать высшій надзоръ за распоряженіемъ томскаго губернатора, или почитать его по сей части уже независимымъ". Въ первомъ случаѣ онъ предложилъ: 1) учредить въ Томскѣ, по его назначенію, постоянную коммиссію изъ благонадежныхъ чиновниковъ военнаго, горнаго и гражданскаго вѣдомства „для немедленнаго сужденія рабочихъ частныхъ золотыхъ пріисковъ въ случаѣ сопротивленія ихъ военной силѣ". 2) Для ускоренія дѣла вообще конфирмовать сентенціи этого военнаго суда и приводить въ исполненіе приговоры — томскому гражданскому

[1]) Арх. Госуд. Сов. Приложеніе къ дѣлу департамента законовъ 1838 г за № 31 (по журналу), л. 92—95.

губернатору, но съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ какого нибудь сомнѣнія въ правильности дѣлопроизводства, генералъ-губернатору Западной Сибири было бы предоставлено право требовать дѣло на его личное разсмотрѣніе. Наконецъ 3) „дабы указать различіе въ мѣрѣ преступленія и самаго наказанія между сопротивляющимися властямъ", правительствомъ „установленнымъ, и буйственными поступками сихъ вольнонаемныхъ рабочихъ противъ частныхъ лицъ, прикащиковъ и служителей пріисковъ, почти всегда изъ мѣщанскаго сословія, а даже иногда и посельщиковъ, то предоставить разсмотрѣніе сихъ послѣднихъ проступковъ и наказаніе общему ходу правосудія", т. е. судить такихъ рабочихъ не военнымъ судомъ, какъ это повелѣвалось резолюціею государя на докладѣ министра финансовъ, а обыкновеннымъ порядкомъ судопроизводства,

Комитетъ министровъ, куда, по повелѣнію имп. Николая, было внесено это донесеніе кн. Горчакова, въ засѣданіяхъ 18 и 25 января увидѣлъ изъ дѣлъ бывшаго Сибирскаго Комитета, что послѣ Высочайшаго повелѣнія, упоминаемаго въ донесеніи Горчакова, государь повелѣлъ, чтобы предположеніе министра финансовъ о преданіи вообще военному суду какъ похитителей золота, такъ и рабочихъ, оказывающихъ неповиновеніе установленнымъ властямъ на частныхъ сибирскихъ промыслахъ, было внесено въ Государственный совѣтъ, и что туда передана и записка статсъ-секретаря Мордвинова о недостаточности существующихъ мѣръ для прекращенія безпорядковъ на частныхъ промыслахъ Сибири, по поводу которой послѣдовало Высочайшее повелѣніе, сходное съ тѣмъ, о какомъ ходатайствовалъ генералъ-губернаторъ Западной Сибири. Поэтому комитетъ министровъ предложилъ внести донесеніе кн. Горчакова въ Государственный совѣтъ, что и было разрѣшено государемъ [1]).

Между тѣмъ 6 іюня 1838 г. состоялся именной указъ сенату о томъ, чтобы для суда надъ виновными въ похищеніи и переводѣ золота открыть на основаніи правилъ, изложенныхъ въ указѣ 10 мая 1834 г. [2]), двѣ постоянныя военно-судныя коммиссіи: одну въ Томскѣ для Западной Сибири и другую въ одномъ изъ городовъ Енисейской губерніи; впослѣдствіи же, если окажется нужнымъ, учредить и третью коммиссію въ Иркутской губерніи, и распоряженія по этому предмету возложить на генералъ-губернаторовъ. „Сужденію сихъ коммиссій, кромѣ похитителей и переводителей золота, подвергать и вольнонаемныхъ людей изъ *ссыльныхъ* [3]), на казенныхъ и частныхъ промыслахъ находящихся, въ случаѣ неповиновенія и сопротивленія ихъ установленнымъ властямъ, предо-

[1]) Арх. Госуд. Сов. Дѣло департамента законовъ 1838 г. № 40, л. 2—5.
[2]) П. С. З. т. IX, № 7065.
[3]) Курсивъ подлинника.

ставя утвержденіе приговоровъ" по этимъ дѣламъ мѣстнымъ гражданскимъ губернаторамъ [1]). Слѣдовательно, пріисковые рабочіе изъ крестьянъ, мѣщанъ и разночинцевъ должны были судиться въ этомъ случаѣ обыкновеннымъ судомъ, но ихъ, какъ мы знаемъ, было очень немного; еще важнѣе было то, что и ссыльные подлежали военному суду лишь въ случаѣ „неповиновенія и сопротивленія установленнымъ властямъ", а не за столкновенія съ управляющими, прикащиками и служителями частныхъ пріисковъ.

Государственный совѣтъ нашелъ, что этими новыми правилами разрѣшаются и тѣ недоумѣнія, на которыя указалъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ донесеніи генералъ-губернаторъ Западной Сибири [2]).

Въ концѣ 1836 г. генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, сообщая министру финансовъ свѣдѣнія о положеніи въ этомъ краѣ частныхъ золотыхъ промысловъ и указывая на то, что почти вся работа на нихъ производится ссыльными, собирающимися въ количествѣ „многихъ тысячъ человѣкъ", признавалъ необходимымъ „имѣть войско въ центрѣ этого сборища, для предупрежденія безпорядка и страха рабочимъ". Поэтому онъ просилъ исходатайствовать Высочайшее повелѣніе о командированіи изъ Западной Сибири казачьяго полка и двухъ орудій конной артиллеріи. Министръ финансовъ сообщилъ объ этомъ военному министру, полагая и съ своей стороны, что командированіе съ этою цѣлью до 200 казаковъ было бы весьма не излишнимъ. Весною 1837 г. требуемый отрядъ казаковъ былъ отправленъ изъ Западной Сибири въ Красноярскъ.

Волненія, бывшія лѣтомъ 1837 г., между прочимъ и на пріискахъ Енисейской губерніи, заставили мѣстныя власти ходатайствовать о томъ, чтобы этотъ отрядъ былъ оставленъ въ Енисейской губерніи на слѣдующій годъ. Енисейскій губернаторъ сообщилъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ совѣту главнаго управленія Восточной Сибири, что хотя отрядъ линейныхъ казаковъ прибылъ въ канскій округъ уже довольно поздно (около половины іюля) и потому не могъ дойти до самыхъ пріисковъ, гдѣ пребываніе его необходимо для страха и усмиренія рабочихъ, однако же польза въ немъ очевидна, „потому что часть этого отряда остановила „взбунтовавшихся" и бѣжавшихъ съ пріисковъ Меджера поселенцевъ, усмирила ихъ „безъ дальняго" съ ихъ стороны „сопротивленія" и возвратила ихъ подъ своимъ прикрытіемъ на пріиски. А такъ какъ „подобные примѣры неповиновенія рабочихъ хозяевамъ и самовольныя отлучки ихъ отъ работъ бываютъ довольно часто", то енисейскій губернаторъ признавалъ необходимымъ, чтобы отрядъ казаковъ былъ въ кан-

[1]) П. С. З. XIII, № 11279.

[2]) Арх. Госуд. Сов., Дѣло департамента зак. 1838 г. № 40, л. 8—10.

скомъ округѣ уже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда всѣ рабочіе, нанятые промышленниками, отправляются на пріиски и чтобы казаки послѣдовали туда за ними: находясь въ продолженіе всего лѣта „въ виду рабочихъ", они совершенно выполнили бы то, зачѣмъ ихъ командировали въ Восточную Сибирь. Предсѣдательствующій въ совѣтѣ главнаго управленія Восточной Сибири разрѣшилъ енисейскому губернатору оставить казачій отрядъ во ввѣренной ему губерніи до августа 1838 г. съ тѣмъ, чтобы въ это время его смѣнилъ новый отрядъ. По вступленіи въ должность, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Рупертъ объяснилъ въ ноябрѣ 1837 г. военному министру всю необходимость, по его мнѣнію, этого распоряженія, почему и состоялась соотвѣтственное Высочайшее повелѣніе. Всего въ казачьихъ отрядахъ, командированныхъ для охраненія золотыхъ пріисковъ въ Томской и Енисейской губерніяхъ было въ іюнѣ 1838 г. офицеровъ и нижнихъ чиновъ 447 чел. [1]).

Печальная картина возвращенія рабочихъ съ пріисковъ обращала на себя вниманіе уже самыхъ раннихъ наблюдателей жизни сибирскихъ пріисковыхъ рабочихъ. „Дабы имѣть полное понятіе о нравственномъ свойствѣ посельщиковъ", говоритъ капитанъ Мишо, „дабы видѣть, до чего они оставлены мѣстнымъ начальствомъ, дабы знать", какъ безполезно употребляютъ они деньги, „заработанныя въ цѣлое лѣто, надобно быть свидѣтелемъ выхода этой буйной толпы" съ частныхъ золотыхъ промысловъ. „Дошедши до первой деревни, никто уже изъ посельщиковъ не пойдетъ пѣшкомъ: они нанимаютъ во что бы то ни стало лошадей, скачутъ отъ одного кабака до другого, пока, промотавши все, принуждены разбрестись по мѣстамъ безъ денегъ, нагіе, какъ съ весны отправлялись на работы". Тогда нѣкоторые изъ этихъ поселенцевъ „проклинаютъ свое невоздержаніе" и жалѣютъ, что не принимается никакихъ мѣръ для того, чтобы остановить ихъ распутство. Подобныя же свѣдѣнія о выходѣ пріисковыхъ рабочихъ сообщалъ въ 1837 г. и генералъ-губернаторъ Западной Сибири: „Самое поверхностное наблюденіе за ихъ движеніемъ", говоритъ онъ, „указываетъ, что почти никто не отправляется прямо къ своему жительству, но что на первомъ шагу въ мѣста обитаемыя всѣ... разсыпаются въ разныя стороны, направляясь наипаче туда, гдѣ есть гласная или корчемная продажа вина, и въ волости, въ коихъ подобно Кійской и Дмитріевской" (въ нынѣшнемъ Маріинскомъ уѣздѣ Томской губерніи) „водворившіеся въ превосходномъ числѣ ссыльные въ высочайшей степени посѣяли развратъ и даютъ открытое убѣжище всякаго рода пороку, основывая на безнравственности временно наводняющей ихъ толпы столь же предосудительную, какъ и

---

[1]) Арх. Горн. Деп., по описи № 91, дѣло 1836 г. № [illegible].

выгодную для себя промышленность. Въ семъ околодкѣ не токмо безпутнымъ образомъ издерживаются въ короткое время всѣ наличныя деньги, добытыя усиленными трудами, но нерѣдко пропивается самая необходимая одежда и большая часть работавшихъ болѣе или менѣе выгодно на пріискахъ, истощивъ въ развратѣ послѣдніе свои способы, отправляясь далѣе, должны уже прибѣгать къ преступленію и производить безпорядокъ, коимъ въ то время года ознаменовывается городъ Томскъ и его окрестности". Очень естественно, что послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ страшно тяжелой работы, безъ отдыха и какихъ бы то ни было развлеченій, лишенные вина и обыкновенно разлученные съ семьями, рабочіе по выходѣ съ пріисковъ предавались отчаянному кутежу, сплошь и рядомъ истрачивая при этомъ большую часть своего заработка, который впрочемъ, какъ мы видѣли выше, въ среднемъ выводѣ и не могъ быть особенно значительнымъ.

ГЛАВА II.

Положеніе 1838 г. о частной золотопромышленности въ Сибири.

Въ первые годы существованія золотопромышленности въ Сибири были особенно часты недоразумѣнія между рабочими и золотопромышленниками, побѣги и волненія рабочихъ. Это указывало на необходимость болѣе подробнаго регулированія взаимныхъ отношеній обѣихъ сторонъ. Въ 1836 г. начальникъ штаба горныхъ инженеровъ генералъ-маіоръ Чевкинъ, осматривавшій горные заводы, представилъ свои соображенія о лучшемъ устройствѣ золотого промысла [1]). Составленный имъ проектъ правилъ министръ финансовъ поднесъ на усмотрѣніе имп. Николая, и государь повелѣлъ предварительно разсмотрѣть его въ Сибирскомъ Комитетѣ. Вслѣдъ затѣмъ въ министерствѣ финансовъ былъ выработанъ въ 1836 г. проектъ „Положенія объ устройствѣ частныхъ золотыхъ промысловъ въ Сибири", при составленіи котораго были приняты во вниманіе многія предположенія Чевкина. Сибирскій комитетъ призналъ небезполезнымъ, чтобы этотъ проектъ былъ предварительно сообщенъ сибирскимъ губернаторамъ, а затѣмъ въ ноябрѣ 1837 г., разсмотрѣвъ всѣ статьи проекта съ полученными на него замѣчаніями, комитетъ предложилъ министру финансовъ вновь переработать его для внесенія въ государственный совѣтъ. Государь въ январѣ 1838 г. согласился съ этимъ предложеніемъ, повелѣвъ привлечь къ участію въ этомъ дѣлѣ генералъ-губернатора Западной Сибири кн. Горчакова, прибывшаго тогда въ Петербургъ [2]).

---

[1]) *Расселли*, 21.

[2]) Арх. Госуд. Сов., дѣло департамента законовъ 1838 г. № 31 (по журналу) и приложеніе къ нему.

30 апрѣля 1838 г. было Высочайше утверждено „Положеніе о частной золотопромышленности на казенныхъ земляхъ въ Сибири". Мы остановимся почти исключительно на томъ отдѣлѣ его, который посвященъ „порядку найма и управленія рабочихъ".

На основаніи этого закона, безъ надлежащаго вида, билета или паспорта никто не могъ наняться къ золотопромышленнику, и если послѣдній допускалъ къ себѣ на пріискъ безпаспортнаго рабочаго, то онъ подвергался уголовному суду, какъ пристанодержатель. Ссыльно-поселенцевъ, не получившихъ еще званія крестьянъ или мѣщанъ, дозволялось отпускать на золотые промысла съ особыми печатными билетами, которые выдавались не болѣе, какъ на одинъ годъ. Если по истеченіи срока билета ссыльно-поселенецъ желалъ еще остаться на работѣ, то, по засвидѣтельствованіи земскою полиціею этого желанія, высылался къ нему, или, если онъ просилъ, прямо къ нанимателю, новый билетъ. Такимъ же образомъ перемѣнялись виды и другихъ рабочихъ, остававшихся у нанимателей долѣе сроковъ ихъ увольненія. Генералъ-губернаторъ Западной Сибири рѣшительно протествовалъ противъ допущенія условій золотопромышленниковъ съ рабочими, нигдѣ не записанныхъ и не заявленныхъ (какъ это предлагалось въ проектѣ министра финансовъ), такъ какъ такія условія вызывали серьезныя недоразумѣнія между обѣими сторонами. Тѣмъ не менѣе, согласно проекту министра финансовъ, законъ 1838 г. допустилъ договоръ найма и безъ явки. „Наймы сибирскихъ мѣщанъ, крестьянъ, инородцевъ и ссыльно-поселенцевъ въ работу или для услугъ на золотые промыслы", сказано въ этомъ законѣ, „могутъ быть явочные или безъ явки по общему положенію о наймѣ рабочихъ въ Сибири. Но какъ промышленники, такъ и рабочіе должны знать, что по тому же положенію условія, нигдѣ не записанныя и неявленныя, бывъ основаны на одномъ личномъ довѣріи, въ случаѣ неустойки, не подлежатъ никакому разбирательству со стороны правительства; обѣ стороны въ сей неустойкѣ могутъ разбираться только полюбовно черезъ посредниковъ, если обѣ выбрать ихъ согласятся и сей разборъ есть окончательный; жалобы на него нигдѣ не пріемлется".

Кн. Горчаковъ предложилъ постановить, чтобы долѣе 10 сентября промывка золота продолжалась не иначе, какъ „смотря по погодѣ и со взаимнаго согласія обѣихъ сторонъ", такъ какъ въ половинѣ сентября часто выпадаетъ снѣгъ и начинаются заморозки, при которыхъ крайне затруднительно работать людямъ, находящимся въ постоянной мокротѣ. Напротивъ, министръ финансовъ, вообще вооружавшійся противъ всякихъ стѣсненій золотопромышленниковъ, считалъ неудобнымъ опредѣлить одинъ срокъ для окончанія работъ на всѣхъ промыслахъ, „ибо на нѣкоторыхъ изъ нихъ по мѣстнымъ удобствамъ работы могутъ продолжаться круглый годъ, а на другихъ, напротивъ, только нѣсколько мѣсяцевъ: здѣсь все",

по его мнѣнію, „должно зависѣть отъ взаимнаго условія“. Къ счастью для рабочихъ, государственный совѣтъ не согласился съ мнѣніемъ министра финансовъ, и законъ 1838 г. установилъ срокомъ промывки золота на пріискахъ, гдѣ нѣтъ земскихъ промывалепъ,—10 сентября, между тѣмъ прежде, на основаніи контрактовъ, рабочіе должны были оставаться на промыслахъ до 1 и даже 15 октября. Кн. Горчаковъ предлагалъ также, чтобы мѣстное начальство ежегодно съ началомъ работъ устанавливало таксу на вещи, продаваемыя рабочимъ на промыслахъ, набавляя противъ городскихъ цѣнъ не болѣе 20%; но министръ финансовъ высказался противъ этого предложенія, и оно не получило силы закона, что не помѣшало, впрочемъ, какъ мы увидимъ ниже, скорому введенію таксъ на промыслахъ Западной Сибири.

Явочный договоръ по закону 1838 г. долженъ былъ быть написанъ на гербовой бумагѣ и заключать въ себѣ слѣдующія условія: 1) гдѣ нанявшійся долженъ работать, на одномъ ли мѣстѣ, или вездѣ, гдѣ прикажетъ промышленникъ; 2) опредѣленный срокъ, долѣе котораго наниматель не имѣлъ права требовать работъ или услугъ безъ новаго договора; хотя назначеніе этого срока предоставлялось свободному договору обѣихъ сторонъ, однакоже, по свойству сибирскаго климата принято было общимъ правиломъ, что если на промыслахъ не было устроено зимнихъ промываленъ, то промышленникъ не могъ заставлять рабочихъ производить промывку золота позже 10 сентября, и если другихъ занятій на промыслахъ не было, то долженъ былъ увольнять ихъ съ платою по разсчету съ вычетомъ за недоработанные дни; 3) число часовъ, въ теченіе которыхъ на основаніи положеній, существующихъ на горныхъ заводахъ, нанимающійся долженъ каждый день работать (однакоже, не болѣе, какъ съ 5 ч. утра до 8 ч. пополудни) съ означеніемъ, сколько изъ этого времени опредѣляется на обѣденный отдыхъ и съ исключеніемъ воскресныхъ и „торжественныхъ“ дней [1]); такимъ образомъ этотъ параграфъ закона 1838 г. воспрещалъ урочную работу по ночамъ, но мы увидимъ, что она существовала на промыслахъ; 4) во время работъ на пріискахъ обязывается или нѣтъ наниматель давать рабочему, такъ называемую, старательскую работу (сверхъ условленнаго времени), и если обязывается, то въ какихъ именно мѣстахъ или же только тамъ, гдѣ прикажетъ на-

[1]) Въ проектѣ, составленномъ въ Сибирскомъ Комитетѣ, предполагалось требовать въ условіи болѣе точнаго опредѣленія того, сколько часовъ долженъ работать нанимающійся и притомъ съ указаніемъ, какъ должна производиться работа — безсмѣнно, по смѣнамъ или же поурочно, но министръ финансовъ замѣтилъ, что хотя это постановленіе имѣетъ благую цѣль оградить рабочихъ отъ притѣсненій со стороны промышленниковъ, но подобныя подробности „могутъ быть для обѣихъ сторонъ стѣснительны“, и это мѣсто проекта было измѣнено.

ниматель; 5) обязательство рабочаго все находимое имъ, какъ во время обыкновенной, такъ и во время старательской работы, золото, самородки и другія драгоцѣнности или рѣдкости непремѣнно безъ малѣйшей утайки, подъ опасеніемъ наказанія по военному суду,—представлять, кому будетъ приказано [1]); 6) кѣмъ должно быть устроено помѣщеніе для рабочаго: имъ ли самимъ или нанимателемъ; 7) чья должна быть одежда и обувь какъ во время работъ, такъ и въ дорогѣ туда и обратно: собственная ли рабочаго, или отъ нанимателя, и въ послѣднемъ случаѣ какая именно, и сверхъ ли договорной платы, или должна быть выдаваема въ счетъ ея, по какой цѣнѣ—городской ли или съ надбавкою какихъ-либо процентовъ; 8) порядокъ отпуска этихъ вещей, который вообще долженъ состоять въ томъ, что въ разсчетномъ листѣ работника записываются всѣ отпущенныя ему вещи съ обозначеніемъ ихъ цѣны, причемъ было постановлено, чтобы никакихъ вещей, „принадлежащихъ къ роскоши“, или платья и обуви, не свойственныхъ званію рабочихъ, промышленники имъ не отпускали, подъ опасеніемъ при окончательномъ разсчетѣ потери ихъ стоимости; 9) какую рабочій долженъ получать отъ хозяина повседневную пищу во время пребыванія на мѣстѣ работы, а также обязывается ли наниматель во время путешествія рабочаго на пріиски и обратно выдавать какое либо пособіе на пищу сверхъ прочаго условленнаго вознагражденія; 10) за лѣченіе рабочаго въ случаѣ его болѣзни и за другіе противъ условія прогульные дни вправѣ ли наниматель дѣлать какіе либо вычеты; 11) сколько промышленникъ долженъ заплатить рабочему деньгами за все время найма и сколько въ счетъ этого долженъ выдать при заключеніи договора или при началѣ работы; 12) обязанъ ли наниматель платить рабочему за золото, добытое на старательскихъ работахъ; и если обязанъ, то должно быть указано, что плата за золотникъ такого золота будетъ опредѣлена на мѣстѣ особымъ письменнымъ условіемъ [2]); 13) обязательство рабочаго быть честнымъ, почтительнымъ и самовольно

---

[1]) За утайку золота въ урочную рабочую пору съ намѣреніемъ выдать его за добытое во время старательской работы Высочайше утвержденнымъ 28 іюня 1838 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта велѣно было наказывать виновныхъ въ первый разъ по приговорамъ мѣстныхъ земскихъ судовъ розгами до ста ударовъ, во второй разъ по приговорамъ военныхъ судовъ плетьми при полиціи съ оставленіемъ на мѣстѣ жительства и въ третій разъ къ ссылкѣ въ отдаленные казенные заводы въ работы отъ пяти до десяти лѣтъ съ наказаніемъ публично плетьми или шпицрутенами. 2-е П. С. З. XIII, № 11365.

[2]) Этотъ пунктъ былъ постановленъ согласно съ мнѣніемъ министра финансовъ, который находилъ, что относительно старательскихъ работъ нельзя установить положительныхъ правилъ, такъ какъ плата за старательское золото зависитъ отъ свойства золотосодержащихъ песковъ, „до неимовѣрности измѣняющихся не только на двухъ смежныхъ пріискахъ, но даже въ одной и той же площади“.

никуда не отлучаться; 14) обязательство нанимателя „обходиться съ наемникомъ безъ обиды, безъ притѣсненія, человѣколюбиво, не причинять ему самовольно *тяжкихъ* побоевъ или какихъ либо жестокостей, его здоровью вредныхъ". Въ явочномъ договорѣ должно было быть означено время и мѣсто его составленія и размѣръ выданнаго задатка; онъ долженъ быть явленъ: въ городѣ—въ земскомъ судѣ, а въ селеніи—въ волостномъ правленіи, инородческой управѣ или у смотрителя казеннаго поселенія [1]). Не только не запрещалось писать на одномъ листѣ или въ одномъ договорѣ многихъ работниковъ, если условія съ ними одни и тѣ же, но каждый промышленникъ долженъ былъ стараться нанимать къ себѣ рабочихъ артелями, если они нужны ему въ немаломъ числѣ, и особенно—съ круговою порукою другъ за друга относительно явки на работы и исполненія съ ихъ стороны другихъ условій [2]).

Чевкинъ въ своемъ проектѣ предлагалъ дозволить промышленникамъ нанимать на промыслы и малолѣтнихъ, но не иначе, какъ съ ихъ родителями, воспитателями или близкими родственниками [3]). Въ законѣ 1838 г., вопреки мнѣнію Чевкина, постановлено: „условія составляются каждымъ работникомъ лично за себя; ни въ какомъ случаѣ они не могутъ простираться на дѣтей работника или на другихъ лицъ вопреки общему положенію о наймѣ рабочихъ въ Сибири". Такимъ образомъ было вновь подтверждено правило, установленное закономъ 1822 г. [4]).

Срокъ найма по закону 1838 г. не могъ быть долѣе одного года со времени явки договора. хотя бы срокъ увольнительному акту нанимающагося былъ и болѣе года. По прошествіи условленнаго времени производился разсчетъ между рабочимъ и нанимателемъ, и если онъ удовлетворялъ обѣ стороны, то договоръ могъ быть возобновленъ при волостномъ правленіи [5]).

Чевкинъ въ своемъ проектѣ предлагалъ, чтобы задатокъ, выдаваемый рабочему при заключеніи условія, не превышалъ той суммы, какую нанимающійся могъ заработать въ продолженіе одного мѣсяца, чтобы изъ задатка промышленники удерживали съ каждаго рабочаго за половину года слѣдующія съ него подати и повинности и, наконецъ, чтобы кромѣ

---

[1]) Паспорты или виды предписывалось выдавать на руки самимъ нанимающимся или кому они довѣрятъ, но никакъ не нанимателямъ.

[2]) Этотъ параграфъ составленъ на основаніи Положенія о наймѣ рабочихъ въ Сибири п. 8 и Положенія 1836 г. о бурлакахъ. (2 П. С. З. т. XI, № 9818, § 10).

[3]) Жандармскій же капитанъ Мишо въ 1834 г. указывалъ на настоятельную необходимость отнять у родителей-крестьянъ возможность посылать своихъ дѣтей на пріисковыя работы, находя для нихъ вреднымъ общество ссыльно-поселенцевъ.

[4]) 1-е П. С. З. т. XXXVIII, № 29134, п. 9, 40—42.

[5]) Изъ Положенія о наймѣ рабочихъ въ Сибири, п. 10 и 21.

задатка дозволялось по наступленіи времени работъ выдавать рабочимъ деньги въ размѣрѣ половины задатка на путевые расходы (въ счетъ условленной платы). Въ законѣ же 1838 г. мы находимъ иное постановленіе: на основаніи его, деньги, выдаваемыя впередъ, не должны были превышать всей платы по договору [1]), считая въ томъ числѣ взносъ податей и повинностей за нанимающагося рабочаго [2]); задатки же ссыльнопоселенцевъ во всякомъ случаѣ не должны были превышать 25 р. ассигн. при выдачѣ которыхъ непремѣнно взыскивался годовой окладъ податей.

Относительно явки нанятыхъ людей на мѣсто работъ мы находимъ въ законѣ 1838 г. слѣдующія постановленія: если изъ одного селенія, волости или города нанято было нѣсколько человѣкъ, то имъ вмѣнялось въ обязанность отправляться на работу артелями, избравъ въ каждой изъ нихъ на весь путь для сохраненія порядка старосту съ двумя или болѣе помощниками и вручивъ ему свои паспорты съ круговою порукою въ томъ, что рабочіе не будутъ отлучаться отъ артели и будутъ повиноваться старостѣ [3]). Артельный староста имѣлъ право (по совѣщаніи съ помощниками) наказывать за всякое буйство рабочаго, принадлежащаго къ его артели, примѣняясь къ постановленіямъ объ артельной расправѣ на пріискахъ (см. ниже). Мѣстныя власти обязаны были строго наблюдать, чтобы нанятые люди во-время отправлялись на условленную работу и слѣдовали туда безостановочно; для этого наниматели могли препровождать къ начальству списки нанятыхъ.

По прибытіи на мѣсто работы каждый нанявшійся долженъ былъ отдать свой паспортъ промышленнику и взамѣнъ его получить разсчетный листъ на простой бумагѣ. Если съ нанимателемъ не заключено явочнаго договора, то, по крайней мѣрѣ, въ этомъ листѣ должны быть кратко означены условія его съ промышленникомъ. Для сохраненія порядка между рабочими и большаго удобства въ производствѣ хозяину дозволялось раздѣлить рабочихъ на новыя артели, причемъ въ каждую изъ нихъ онъ назначалъ отъ себя старосту, а рабочіе съ своей стороны двухъ выборныхъ [4]). Этой артельной расправѣ съ вѣдома промышленника или его прикащика предоставлялось право „умѣреннаго домашняго исправленія“ рабочихъ, составляющихъ артель: она имѣла право лѣнивыхъ, нетрезвыхъ, виновныхъ въ запрещенной карточной или иной игрѣ, буйныхъ и пытавшихся бѣжать наказывать, по словесному ея приговору, набавленіемъ на нихъ работы, удержаніемъ въ пользу артели

---

[1]) Очевидно, кромѣ вознагражденія за старательскую работу, размѣръ которой предполагалось опредѣлять на мѣстѣ особымъ условіемъ.

[2]) Изъ Положенія о наймѣ рабочихъ въ Сибири, п. 11.

[3]) Изъ положенія о бурлакахъ 183[illegible] г., § 10.

[4]) Изъ проекта министра финансовъ.

части ихъ платы и, смотря по винѣ и послѣдствіямъ проступка, розгами, однако, не болѣе ста ударовъ [1]). Если хозяинъ или его прикащикъ были недовольны рѣшеніемъ артельной расправы, то они могли жаловаться отдѣльному засѣдателю частныхъ золотыхъ промысловъ, а въ дѣлахъ, касающихся промысловой техники,—горному ревизору.

Рабочіе не должны были оставлять промысловъ до истеченія условленнаго срока безъ согласія на то хозяевъ или ихъ прикащиковъ, а равно требовать прибавки платы. Начальство, выдавшее рабочему билетъ, также не имѣло права отзывать его обратно съ промысла до истеченія условленнаго срока, кромѣ случая прикосновенности его къ уголовному дѣлу или обязанности отбывать рекрутскую повинность. Строго воспрещалось рабочимъ переходить съ одного промысла на другой, а промышленникамъ принимать ихъ безъ надлежащихъ паспортовъ или съ такими видами, которые показывали, что предъявитель его подрядился уже у другого промышленника [2]). За нарушеніе этого правила виновный промышленникъ подвергался за каждаго рабочаго штрафу въ 250 руб. въ пользу приказа общественнаго призрѣнія, взысканію убытковъ, понесенныхъ прежнимъ хозяиномъ и сверхъ того предавался суду, какъ пристанодержатель. Неповиновеніе хозяину, его повѣренному или прикащику на пріискѣ цѣлою артелью наказывалось судомъ по всей строгости законовъ [3]).

Кн. Горчаковъ считалъ очень важнымъ, чтобы записываніе выдаваемыхъ рабочимъ вещей въ разсчетные листы производилось всякій разъ при свидѣтеляхъ; онъ требовалъ также установленія правила, чтобы промышленники отпускали рабочимъ „вещи самыя простыя“ и, какъ мы уже упоминали, настаивалъ и на введеніи таксы. Это послѣднее предложеніе принято не было, но необходимость контроля со стороны рабочихъ надъ записываніемъ того, что ими было забрано, въ разсчетные листы была признана и въ законѣ 1838 г. Всякую плату рабочему деньгами или вещами, всякое особенное вознагражденіе, также, какъ и вычеты, сдѣланные на основаніи договора или по приговору артельной расправы за прогульные дни и разные проступки, законъ 1838 г.

---

[1]) Въ проектѣ министра финансовъ не было указано высшаго размѣра наказанія; приведенный въ текстѣ maximum числа ударовъ былъ предложенъ кн. Горчаковымъ, съ которымъ согласился и Сибирскій Комитетъ.

[2]) На оборотѣ вида промышленнику разрѣшалось надписывать, гдѣ и до какого срока нанятъ тотъ рабочій, которому принадлежалъ паспортъ.

[3]) Сибирскій Комитетъ въ засѣданіи 30 ноября 1837 г. предлагалъ судить въ этомъ случаѣ рабочихъ военнымъ судомъ, но это было измѣнено на основаніи позднѣйшихъ Высочайшихъ повелѣній (по именному указу 6 іюня 1838 г. военному суду рабочіе должны были подвергаться лишь за сопротивленіе правительственной администраціи, а не за неповиновеніе управляющимъ и прикащикамъ).

предписывалъ вносить своевременно въ присутствіи артели въ разсчетный листъ, выданный рабочему. Выдача рабочему денегъ при окончательномъ разсчетѣ также должна была быть отмѣчена въ разсчетномъ листѣ.

Чевкинъ въ своемъ проектѣ предлагалъ постановить, что промышленникъ не долженъ, снабжая рабочихъ разными вещами, допускать, чтобы весь ихъ долгъ превосходилъ размѣръ заработка или, въ крайнемъ случаѣ, могъ дозволить превышеніе долга надъ всею заработанною суммою не болѣе, какъ на 5 руб. Одолжившій бо́льшую сумму, по этому проекту, лишался права на искъ. Но министръ финансовъ Канкринъ, вообще, какъ мы уже замѣтили, не сочувствовшій регулированію отношеній рабочихъ къ хозяевамъ пріисковъ, не включилъ ни этого, ни какого либо подобнаго условія въ свой проектъ. Въ законѣ 1838 г. мы находимъ только неопредѣленное постановленіе, чтобы промышленники не отпускали рабочимъ вещей, „принадлежащихъ къ роскоши“, или платья и обуви, „несвойственныхъ ихъ званію“, подъ опасеніемъ потери уплаты за нихъ при окончательномъ разсчетѣ. Такое правило оказалось мало полезнымъ.

Кн. Горчаковъ предлагалъ, чтобы половина заработка рабочихъ изъ ссыльныхъ, для предупрежденія растраты на пути, выдавалась имъ только по возвращеніи домой, а до того времени хранились у артельнаго старосты. Сибирскій Комитетъ постановилъ, чтобы десятая часть наемной платы каждаго рабочаго изъ ссыльно-поселенцевъ отдавалась ему чрезъ его артельнаго старосту не прежде, какъ по возвращеніи его въ деревню или волость, къ которой приписанъ. Мѣстному начальству Комитетъ ставилъ въ обязанность принять строгія мѣры къ тому, чтобы эти деньги не растрачивались артельными старостами. Напротивъ, министръ финансовъ, указывая на то, что староста можетъ растратить ввѣренныя ему деньги, вообще считалъ эту мѣру вредною для развитія золотопромышленности: половину „всей платы“ не нашли возможнымъ удерживать, а даже пятая часть не могла составить значительной суммы; въ виду этого кн. Горчаковъ готовъ былъ при обсужденіи проекта въ государственномъ совѣтѣ отказаться отъ этой мѣры. Но департаментъ законовъ государственнаго совѣта призналъ, что это постановленіе необходимо [1]). Имѣя въ виду, что кн. Горчаковъ предлагалъ удерживать

[1]) „По дѣлу о ссыльныхъ извѣстно“, сказано въ резолюціи изъ журналовъ его засѣданій въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ 1838 г., „что возвращаясь по окончаніи работъ въ домы, они растрачиваютъ немедленно все, что, получали, и возобновляютъ свое бродяжничество, а затѣмъ пускаются и въ преступленія; слѣдовательно, цѣль предполагаемой тутъ мѣры состоитъ въ томъ, чтобы работникъ по возвращеніи что нибудь имѣлъ еще для пропитанія. Наблюденіе за симъ не можетъ быть трудно потому, что

половину заработка ссыльныхъ съ тѣмъ, чтобы выдавать ее по возвращеніи домой, департаментъ законовъ призналъ полезнымъ вмѣсто десятой назначить пятую часть для вручен!я старостѣ. Въ такомъ видѣ это правило было внесено и въ законъ 1838 г., т.-е. предписано было выдавать на руки старостѣ пятую часть „наемной платы ссыльно-поселенцевъ".

Сверхъ разсчетныхъ листовъ промышленники должны были имѣть у себя разсчетныя книжки и записывать въ нихъ все вносимое въ эти листы. По окончаніи срока работъ на пріискахъ, рабочій получалъ свой паспортъ и, если доволенъ былъ разсчетомъ хозяина, возвращалъ ему свой разсчетный листъ, что считалось доказательствомъ безспорнаго окончанія разсчета.

Кн. Горчаковъ указывалъ на необходимость окружить строгимъ надзоромъ возвращеніе рабочихъ съ пріисковъ. По его мнѣнію, слѣдовало постановить, чтобы рабочіе послѣ разсчета сдавались находящемуся на пріискахъ засѣдателю и его помощникамъ, которые, составивъ изъ нихъ партіи, должны были отправлять ихъ до перваго волостного правленія, откуда каждый долженъ былъ слѣдовать къ своему мѣсту жительства; земскимъ засѣдателямъ во все время прохожденія рабочихъ слѣдовало находиться на большой дорогѣ съ достаточнымъ числомъ казаковъ и совмѣстно съ волостными правленіями наблюдать за порядкомъ, „чтобы никто не проживалъ праздно, а паче того не сворачивалъ въ сторону для бродяжничества". Предложеніе кн. Горчакова было отчасти принято во вниманіе. По закону 1838 г. рабочимъ предписывалось послѣ разсчета „безостановочно слѣдовать въ мѣста ихъ жительства такими же артелями, какъ они обязаны отправляться на работы", а затѣмъ въ Томской и Енисейской губерніяхъ по окончаніи работъ на промыслахъ располагались казачьи команды по главнымъ путямъ слѣдованія рабочихъ для удержанія ихъ въ должномъ повиновеніи и порядкѣ. Впослѣдствіи, въ концѣ 40-хъ годовъ, какъ мы увидимъ ниже, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Муравьевъ обратилъ болѣе серьезное вниманіе на этотъ вопросъ.

Законъ 1838 года предоставлялъ отдѣльнымъ засѣдателямъ по золотопромышленнымъ дѣламъ право „за доказанное неповиновеніе, развратное поведеніе, побѣги, запрещаемыя игры и другіе проступки, не заключающіе уголовнаго преступленія, подвергать рабочихъ „полицейскому исправленію", т.-е. тѣлесному наказанію. Они должны были также преслѣдовать похищеніе съ промысловъ золота и надзирать, чтобы не

староста, растратившій или только недонесшій ввѣренной ему суммы, безъ сомнѣнія будетъ строжайше наказываемъ".

было частной продажи вина или учрежденія недозволенныхъ питейныхъ мѣстъ (питейныя „выставки“ ближе 50 верстъ къ промысламъ не дозволялись). Въ распоряженіе засѣдателя назначалось по 20 казаковъ, а въ случаѣ надобности и болѣе [1]).

Изъ особыхъ правилъ о золотопромышленности въ киргизскихъ округахъ слѣдуетъ отмѣтить, что всѣ лица, сосланныя въ Сибирь по приговорамъ, на основаніи устава о ссыльныхъ не пропускались въ киргизскіе округа ни въ качествѣ промышленниковъ, ни для работы [2]).

Таковы главнѣйшія постановленія относительно рабочихъ закона о частной золотопромышленности 1838 г. При всѣхъ его недостаткахъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, этотъ законъ все-таки болѣе защищаетъ ихъ отъ эксплуатаціи со стороны хозяевъ, чѣмъ позднѣйшій Уставъ о частной золотопромышленности 1870 г.: въ первомъ, какъ мы видѣли, опредѣленъ срокъ осеннихъ работъ (10 сентября), тогда какъ во второмъ такое ограниченіе отсутствуетъ; въ законѣ 1838 г. установленъ maximum количества рабочихъ часовъ (правда, только для урочныхъ работъ), котораго вовсе не указано въ уставѣ 1870 г., запрещены урочныя работы по ночамъ и по воскресеньямъ и праздникамъ (въ Уставѣ 1870 г. эти ограниченія также уничтожены). Такса вещамъ и припасамъ не узаконена положеніемъ 1838 г., но одинъ изъ пунктовъ установленной имъ формы контракта требуетъ обозначенія, „по какой цѣнѣ, городской ли, или съ надбавкою какихъ либо процентовъ“ будутъ отпускаться рабочимъ въ счетъ заработка вещи и товары, что и вызвало очень скоро послѣ того утвержденіе таксъ администраціею въ Западной Сибири. Весьма непріятно поражаетъ въ положеніи 1838 г. постановленіе о томъ, чтобы хозяинъ не причинялъ рабочему „самовольно тяжкихъ побоевъ или какихъ либо жестокостей, его здоровью вредныхъ“: такимъ образомъ побои вообще считались дозволительными, а разбирать, насколько они были тяжелы, не всегда находили нужнымъ. Только что цитированное правило потомъ постоянно повторялось въ договорахъ и поражало позднѣйшихъ изслѣдователей, не замѣчавшихъ, что оно прямо

[1]) Къ занятію золотопромышленностью въ Сибири допущены были: 1) дворяне потомственные и личные, исключая вообще служащихъ въ Сибири и въ Петербургѣ при главномъ управленіи горною частью (а также ихъ женъ и семействъ); 2) потомственные почетные граждане; 3) купцы 1-й и 2-й гильдіи. Отставленные отъ службы съ тѣмъ, чтобы впредь на нее не опредѣлять и изобличенные по суду въ поступкахъ предосудительныхъ не имѣли права на занятія золотопромышленностью. — Занятія этимъ промысломъ дозволялись во всей Сибири, кромѣ Верхнеудинскаго и Нерчинскаго округовъ Забайкальскаго края и Алтайскаго горнаго округа.

[2]) Арх. Горн. Деп., дѣло по описи Минюсскаго 1836 г. № 674 (вяз. 24), л. 3—5, 52—53; Арх. Госуд. Сов., дѣло департам. законовъ 1838 г. № 31 и приложеніе къ нему; 2-е П. С. З. т. XIII, № 11188, отд. I, стр. 390—405, отд. II, стр. 113—114.

подсказывалось закономъ. Норма тѣлеснаго наказанія, которому могла подвергать рабочихъ артельная расправа (100 ударовъ розгами), была, конечно, слишкомъ высока, но для николаевской эпохи, когда на кабинетскихъ промыслахъ сотнями и тысячами сыпались на спины рабочихъ удары шпицрутенами, сто ударовъ розгами признавалось совершенными пустяками. Повторяемъ, въ законѣ 1838 г. (несмотря на то вредное вліяніе, какое имѣлъ на составленіе его Канкринъ), мы замѣчаемъ стремленіе оградить интересы рабочихъ (по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ) все-таки въ большей степени чѣмъ это мы видимъ въ Уставѣ о частной золотопромышленности 1870 года, составлявшемся при участіи такого рода защитниковъ системы „laissez faire, laissez passer", какимъ былъ экономистъ Вернадскій.

ГЛАВА III.

Законодательныя и административныя мѣры относительно сибирскихъ пріисковыхъ рабочихъ съ конца 30-хъ до начала 50-хъ годовъ.

Въ первое время послѣ изданія закона 30-го апрѣля 1838 г. мѣстная сибирская администрація дѣлала иной разъ распоряженія, несогласныя съ этимъ закономъ, и подсказанныя стремленіемъ къ излишней опекѣ крестьянъ и поселенцевъ. Такъ тобольскій губернаторъ 15-го декабря 1838 года предписалъ, чтобы ни одинъ изъ неводворившихся ссыльнопоселенцевъ Тобольской губерніи не былъ увольняемъ для работъ въ прочія сибирскія губерніи. Въ Енисейской губерніи были также сдѣланы весьма важныя распоряженія, ограничивающія наемъ работниковъ на золотые пріиски.

До генерала-лейтенанта Руперта при самомъ назначеніи его генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири (въ 1837 г.) дошли слухи, что многіе крестьяне и поселенцы, увлекаемые выгодами работъ на золотыхъ промыслахъ, вовсе оставилъ занятіе хлѣбопашествомъ.

„При обозрѣніи моемъ Енисейской губерніи, — писалъ Рупертъ позднѣе (2-го Августа 1839 г.) управляющему дѣлами Комитета Министровъ,—обнаружилось, что во всѣхъ казенныхъ поселеніяхъ, гдѣ водворены ссыльные, большая часть домовъ или совершенно пусты, или живущіе въ нихъ состояли изъ малолѣтнихъ дѣтей и женщинъ; что всѣ хозяева сихъ домовъ, способные къ работамъ, прельстясь легкостью трудовъ на золотыхъ промыслахъ и большою платою, находятся на этихъ промыслахъ", что многіе крестьяне красноярскаго и канскаго округовъ, ближайшихъ къ мѣстамъ пріисковъ, увлекшись сими же выгодами, послѣдовали примѣру ссыльныхъ; что принадлежащія какъ первымъ, такъ и послѣднимъ поля остаются невоздѣланными и что даже нѣкоторые изъ зажиточныхъ хозяевъ, несмотря на желаніе поддерживать хлѣбопашество въ прежнемъ видѣ, лишаются возможности выполнить свое.. намѣреніе или потому, что не находятъ

вовсе работниковъ, бывшихъ у нихъ прежде и ушедшихъ на золотые промыслы, или же потому, что отыскиваемые сими домохозяевами работники, надѣясь на чрезмѣрно выгодную плату, которую получить они могли на золотыхъ промыслахъ, требовали отъ нихъ цѣны слишкомъ высокія".

Рупертъ нашелъ, что вслѣдствіе этого хлѣбопашество Восточной Сибири „склоняется видимо къ упадку".

Къ тому же по окончаніи пріисковыхъ работъ поселенцы на возвратномъ пути „проматываютъ если не въ первомъ, то въ слѣдующихъ селеніяхъ, гдѣ имѣются питейные дома, не только заработанныя деньги, но и самое платье и, прибывъ на мѣсто жительства въ такомъ несчастномъ положеніи и съ привычками къ роскошной или, справедливѣе сказать, распутной жизни,, впадаютъ въ новыя преступленія, чтобы имѣть средства удовлетворять своимъ страстямъ, и живутъ въ селеніяхъ болѣе полугода къ обремененію честныхъ и трудолюбивыхъ крестьянъ".

Вслѣдствіе всего этого по предписанію Руперта, данному въ декабрѣ 1838 г., енисейскій губернаторъ 19 января 1839 г. сообщилъ губернскому правленію объ установленіи слѣдующихъ правилъ относительно увольненія крестьянъ и поселенцевъ на золотые промысла: 1) Изъ семей малолюдныхъ, занимающихся хлѣбопашествомъ, гдѣ нѣтъ, по крайней мѣрѣ, двухъ человѣкъ, способныхъ къ полевымъ работамъ, не увольнять на золотые пріиски ни подъ какимъ предлогомъ ни одного крестьянина и ни одного „казеннаго поселенца". 2) Изъ семей, состоящихъ изъ двухъ или трехъ работниковъ, увольнять не болѣе одного, и то только тогда, когда будетъ дознано, что желающій идти на пріиски или самъ успѣлъ, или оставшіеся дома работники обязались за него обработать и засѣять принадлежащія ему поля, прокормить до возвращенія его оставленное имъ семейство и собрать жатву будущаго года. 3) Каждый, желающій получить увольненіе, долженъ первоначально взять письменное свидѣтельство отъ старшины своего селенія, что онъ удовлетворяетъ указаннымъ выше условіямъ и что общество согласно уволить его; затѣмъ это свидѣтельство волостное правленіе препровождаетъ на усмотрѣніе земскаго исправника или смотрителя поселеній, если желающій идти на пріиски „казенный поселенецъ"; впрочемъ, эти мѣстныя власти не могутъ не допустить желающихъ наняться на работу, если они удовлетворяютъ установленнымъ условіямъ. 4) Исправники и смотрители поселеній должны составить именные списки крестьянъ и поселенцевъ, которые прежде занимались хлѣбопашествомъ, а теперь оставили его вслѣдствіе работъ на золотыхъ пріискахъ, обозначивъ, кто изъ нихъ имѣетъ постройки, рогатый скотъ, лошадей и прочее. Произведя затѣмъ осмотръ на мѣстахъ, исправники и смотрители должны не увольнять на пріиски тѣхъ изъ нихъ, кто имѣетъ возможность возобновить запашку, а непремѣнно принудить къ этому, выдавъ имъ для посѣва достаточное количество зерна изъ запасныхъ магазиновъ. Тѣхъ, кто по неимѣнію скота и земледѣльческихъ орудій не въ состояніи сдѣлать этого, пред-

писывалось отдать въ работники зажиточнымъ крестьянамъ и поселенцамъ, преимущественно въ тѣхъ же деревняхъ и селеніяхъ, съ тѣмъ, чтобы хозяинъ, изъявившій желаніе взять работника изъ такихъ людей за плату или даже и безъ нея, во всякомъ случаѣ обязался внести за него подати и повинности, обработать и засѣять часть поля, принадлежащаго нанимаемому, или, если тотъ изъ другой дальней деревни, сдѣлать для него запашку и посѣвъ на собственной землѣ въ такомъ количествѣ, чтобы по окончаніи работы нанимающійся могъ обезпечить на всю зиму свое пропитаніе и отдѣлить сѣмена для будущаго посѣва. Количество запашки, требуемой какъ отъ этихъ лицъ, такъ и отъ увольняемыхъ на пріиски, опредѣлялось въ такомъ размѣрѣ: для холостыхъ и женатыхъ, но бездѣтныхъ по полудесятинѣ, для женатыхъ же, имѣющихъ дѣтей и семейство,—не менѣе одной десятины. [1]) Но чтобы не стѣснять золотопромышленниковъ въ наймѣ нужнаго для нихъ количества работниковъ предписывалось: 5) дѣйствіе этихъ правилъ отнюдь не распространять на тѣхъ поселенцевъ, которые, приписанные къ волостямъ, вслѣдствіе недавняго причисленія къ нимъ, „по неспособности къ осѣдлой жизни или чему-либо другому“ не имѣютъ „прочнаго домообзаводства“ и вовсе не занимаются земледѣліемъ, предоставивъ имъ полную свободу безпрепятственно получать увольненіе на золотые промысла на прежнемъ основаніи во всякое время. Наконецъ 6) въ видѣ опыта на настоящій годъ постановить, чтобы золотопромышленники выдавали пріисковымъ рабочимъ не всю договоренную сумму, а только половину, другую же половину препровождали по окончаніи работъ въ земскіе суды и къ смотрителямъ поселеній для врученія этихъ денегъ рабочимъ уже по возвращеніи ихъ домой.

Правила эти вызвали неудовольствіе золотопромышленниковъ, и одинъ изъ нихъ, Якобсонъ (какъ мы видѣли, пайщикъ вмѣстѣ съ гр. Бенкендорфомъ въ той компаніи, уполномоченнымъ которой былъ Асташевъ), въ мартѣ 1839 г. подалъ министру финансовъ прошеніе. Указывая въ немъ на то, что по закону 30-го апрѣля 1838 г. предписывалось выдавать рабочимъ весь ихъ заработокъ и только поселенцамъ вручать пятую часть его по возвращеніи домой, а также ставилось нанимателямъ въ обязанность содѣйствовать мѣстному начальству во взысканіи съ рабочихъ податей и повинностей посредствомъ условій въ договорахъ о взносѣ податей за нанимающихся, Якобсонъ спрашивалъ: должно ли считать отмѣненными эти правила и должно ли удерживать

[1]) Первоначально генералъ-губернаторъ Восточной Сибири предписалъ, чтобы на каждаго уволеннаго работника засѣвалось по двѣ десятины, но потомъ уменьшилъ свои требованія въ виду замѣчанія министра финансовъ.

половину платы у однихъ ссыльно-поселенцевъ или также и у рабочихъ изъ мѣщанъ и крестьянъ, которымъ до сихъ поръ она выдавалась сполна? „Не могу скрыть", писалъ Якобсонъ, „что каждый золотопромышленникъ, имѣющій пріиски въ Восточной Сибири, встрѣтитъ большія затрудненія въ наймѣ рабочихъ" вслѣдствіе воспрещенія выдавать заработанную ими плату на самыхъ промыслахъ и введенія енисейскимъ губернаторомъ „новыхъ обрядовъ и формъ для увольненія нанятыхъ работниковъ". Далѣе Якобсонъ указалъ на то, что распоряженія енисейскаго губернатора не согласны съ законами о ссыльныхъ, по которымъ: 1) приселяемые къ деревнямъ старожиловъ обязаны водвориться собственными трудами не болѣе, какъ черезъ пять лѣтъ, въ противномъ случаѣ взыскивать съ нихъ подушную и оброчную подать наравнѣ съ крестьянами и по 50 коп. въ экономическую сумму ссыльныхъ, оставляя ихъ въ прежнемъ положеніи, и 2) водворенные ссыльные могутъ быть увольняемы для промысловъ по всей Сибири. Якобсонъ жаловался также на то, что начальство Восточной Сибири запретило частнымъ промышленникамъ закупать хлѣбъ на пріиски [1]).

По полученіи жалобы Якобсона министръ финансовъ представилъ въ Комитетъ министровъ записку, въ которой, указавъ на развитіе золотопромышленности въ Сибири, на то, что въ 1838 г. было добыто тамъ частными лицами 165 пудовъ золота, что казна получила въ подать 25 пудовъ его стоимостью въ 1.250.000 р. асс. и что этимъ промысломъ занято до 20 тысячъ рабочихъ, обращалъ вни-

---

[1]) Въ виду сильнаго неурожая и необходимости заготовлять хлѣбъ для казны Рупертъ запретилъ золотопромышленникамъ покупать хлѣбъ въ Иркутской и Енисейской губерніяхъ безъ особаго разрѣшенія. „Правда", говоритъ г. Вагинъ въ своихъ воспоминаніяхъ, „разрѣшенія на покупку хлѣба въ видѣ исключеній давались золотопромышленникамъ довольно легко, такъ что почти обратились въ общее правило, но они, вѣроятно, стоили не дешево, и во всякомъ случаѣ общее запрещеніе оставалось въ своей силѣ". („Литер. Сборникъ, изд. редакц. „Восточнаго обозрѣнія" 1885 г., стр. 253—254). Якобсонъ жаловался, что четверть хлѣба, заготовлявшаяся осенью 1838 г. не дороже 9—10 руб., продавалась теперь вслѣдствіе запрещенія свободной торговли хлѣбомъ отъ 27 до 30 р. асс., а если къ этому присоединить издержки по перевозкѣ хлѣба весною на пріиски, то четверть обходилась до 55 руб. асс. (Якобсонъ забывалъ только, что вздорожаніе хлѣба объяснялось не однимъ только запрещеніемъ свободной торговли, но и сильнымъ неурожаемъ). „Никто не осмѣливается жаловаться на это", продолжаетъ онъ, „не зная, не получило ли начальство Восточной Сибири нынѣ особаго полномочія отмѣнить существующіе законы", но 207-я и 208-я ст. XI-го т. Св. Зак. о повсемѣстной свободной торговлѣ хлѣбомъ и распубликованное, Высочайше утвержденное 14-го іюля 1823 г. положеніе Сибирскаго Комитета, чтобы въ Сибири ни подъ какимъ видомъ при казенныхъ заготовленіяхъ не стѣснять частныхъ людей въ закупкѣ хлѣба, не имѣютъ болѣе никакой силы въ Иркутской и Енисейской губерніяхъ".

маніе Комитета министровъ и на запрещеніе продажи и покупки хлѣба въ Иркутской и Енисейской губерніяхъ, пока казна не сдѣлаетъ запасовъ, и на мѣры относительно найма рабочихъ, подрывающія золотопромышленность. „Все сіе дѣлается для того", писалъ Канкринъ, „дабы поддержать хлѣбопашество. Но оно тогда только можетъ прочно распространиться, когда есть въ виду надежные и постоянные потребители, золотые же промысла въ Сибири составляютъ вѣрнѣйшій, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже единственный источникъ потребленія хлѣба". При томъ возвышеніе цѣнности на него скорѣе всего заставитъ крестьянъ и нѣкоторыхъ ссыльно-поселенцевъ, прежде занимавшихся хлѣбопашествомъ, не оставлять земледѣлія и безъ всякаго побужденія со стороны правительства. Относительно правилъ, установленныхъ енисейскимъ губернаторомъ, о наймѣ рабочихъ на промысла министръ финансовъ замѣтилъ: 1) что они вводятъ формальности излишнія и затруднительныя; 2) что отдача оставившихъ занятіе земледѣліемъ въ работники къ другимъ крестьянамъ „есть мѣра новая, не подкрѣпленная закономъ"; 3) что дозволеніе поселенцамъ, не имѣющимъ прочнаго домообзаводства „по неспособности къ осѣдлой жизни или чему либо другому" наниматься на промысла такъ неопредѣленно, что можетъ подорвать всѣ предъидущія постановленія новыхъ правилъ, и наконецъ 4) что требованія не выдавать рабочимъ на руки половины ихъ заработка противорѣчитъ закону 30-го апрѣля 1838 г. Ввиду всего этого министръ финасовъ предлагалъ комитету министровъ: 1) запрещеніе продажи и покупки хлѣба между частными лицами немедленно отмѣнить; 2) въ распоряженіяхъ относительно найма рабочихъ, выдачи заработной платы и другихъ вопросовъ, касающихся частной золотопромышленности въ Сибири, въ точности слѣдовать изданнымъ узаконіямъ; 3) не отрицая, что золотопромышленность могла отвлечь отъ хлѣбопашества часть мѣстнаго населенія, министръ финансовъ предложилъ поручить волостному и сельскому начальству „имѣть нѣкоторое наблюденіе (?), чтобы въ семействахъ казенныхъ крестьянъ и водворенныхъ ссыльно-поселенцевъ оставались рабочіе для хлѣбопашества и чтобы поля не были запускаемы. Земскіе чиновники при разъѣздахъ своихъ должны имѣть за симъ надзоръ, не затрудняя однакожъ ни подъ какимъ видомъ найма рабочихъ представленіемъ письменныхъ удостовѣреній и т. п. и не требуя отъ ссыльно-поселенцевъ, не водворенныхъ и не имѣющихъ никакого хозяйства, чтобы они прежде увольненія на золотые промыслы засѣвали извѣстное число десятинъ". Послѣднее не предписывалось и правилами енисейскаго губернатора, требованіе же „нѣкотораго наблюденія" за хлѣбопашествомъ отъ сельскаго и волостного начальства и мѣстной полиціи, конечно, осталось бы лишь мертвою буквою.

Комитетъ министровъ согласился съ тѣмъ, что необходимо отмѣ-

нить распоряженіе генералъ-губернатора относительно закупки хлѣба, что въ вопросахъ, касающихся золотопромышленности, необходимо слѣдовать закону 30-го апрѣля 1838 г., и указалъ на то, что если нужны какія либо мѣры къ ограниченію стремленія крестьянъ и ссыльно-поселенцевъ на золотые промысла, то генералъ-губернаторъ Восточной Сибири долженъ войти объ этомъ съ представленіемъ къ министру, финансовъ, который, по соглашенію съ министромъ государственныхъ имуществъ, внесетъ свое заключеніе на дальнѣйшее разсмотрѣніе.

На этомъ положеніи Комитета министровъ императоръ Николай 7-го мая 1839 г. написалъ слѣдующее: „Съ этимъ я никакъ не могу согласиться; можно ли здѣсь рѣшить, какія причины могли побудить генералъ-губернатора принять на свою отвѣтственность подобныя мѣры. Чѣмъ выше занимаемое мѣсто, тѣмъ болѣе должно быть и довѣрія, и не выслушавъ опровергать—значило бы уничтожить всякое уваженіе къ мѣстной главной власти. Поэтому послать сейчасъ фельдъегеря съ симъ журналомъ къ г. л. Руперту и спросить, почему, не предваря въ то же время здѣсь, рѣшился принять подобныя мѣры, и буде *другою въ виду имѣлъ какъ то, что здѣсь извѣстно*, чтобы исполнилъ не медля по мнѣнію Комитета, въ противномъ случаѣ, чтобы ни къ чему не приступалъ въ отмѣну своихъ распоряженій, но подробно донесъ о *причинахъ*».

Рупертъ въ своемъ отвѣтѣ (2-го августа 1839 г.), указавъ на то, что золотопромышленность производитъ въ низшемъ классѣ народа, и въ особенности среди ссыльныхъ, „порчу нравовъ въ высшей степени“ и вмѣстѣ съ тѣмъ вызываетъ упадокъ земледѣлія, изложилъ тѣ мотивы, которые побудили его къ введенію нѣкоторыхъ новыхъ правилъ для ограниченія найма на промыслы крестьянъ и ссыльно-поселенцевъ (см. выше). Разбирая затѣмъ возраженія министра финансовъ на эти правила, Рупертъ говоритъ, что установленныя по его желанію мѣры не могутъ подорвать золотопромышленности, такъ какъ если онѣ и заставятъ часть работниковъ обратиться къ хлѣбопашеству, то послѣдніе будутъ замѣнены новыми поселенцами, ежегодно присылаемыми въ Сибирь, и тѣми жителями, которые не занимаются земледѣліемъ. Обязательство, требуемое отъ золотопромышленниковъ о невыдачѣ рабочимъ половины ихъ заработка и объ отсылкѣ ея въ земскіе суды или къ смотрителямъ поселеній, по мнѣнію Руперта, „въ существѣ своемъ не измѣняетъ силы Положенія о частной золотопромышленности въ Сибири, ибо полученіе въ томъ и другомъ случаѣ полнаго количества заработанныхъ денегъ несомнѣнно съ тою только разницею“, что при выполненіи такого обязательства деньги рабочихъ будутъ сбережены, при выдачѣ же всѣхъ денегъ имъ на руки онѣ будутъ растрачены до возвращенія рабочихъ домой. Въ заключеніи своей записки Рупертъ говоритъ: 1) что принятыя имъ мѣры относительно найма рабочихъ на золотые пріиски

дѣйствовали въ первые четыре мѣсяца этого года, т.-е. въ самое время найма; онъ не отмѣняетъ ихъ пока въ виду того, что если онѣ будутъ признаны правительствомъ вовсе неудобными или подлежащими измѣненію, то будетъ еще достаточно времени для этого до будущей операціи. 2) Принятыя имъ мѣры относительно отдачи въ работу тѣхъ, которые, занимаясь прежде хлѣбопашествомъ, покинули его и не имѣютъ ни скота, ни земледѣльческихъ орудій, оставлены имъ въ силѣ въ виду того, что всѣ, отданные по этому распоряженію, люди, вѣроятно, были употреблены при воздѣлываніи полей и что нанявшіе ихъ крестьяне будутъ имѣть въ нихъ надобность при уборкѣ хлѣба съ полей. 3) Распоряженіе, сдѣланное въ видѣ опыта относительно удержанія у рабочихъ половины выработанныхъ ими денегъ для выдачи ихъ на мѣстѣ жительства, оставлено имъ, Рупертомъ, безъ измѣненія, чтобы видѣть пользу, ожидаемую при сбереженіи заработка отъ растраты во время возвращенія рабочихъ съ пріисковъ. Наконецъ, 4) ограниченіе въ покупкѣ хлѣба золотопромышленниками по окончаніи заготовленія его на казенныя потребности тогда же отмѣнено, и съ того времени имъ предоставлена въ этомъ отношеніи полная свобода.

Комитетъ министровъ былъ совершенно не удовлетворенъ объясненіями Руперта, а относительно замѣчанія, что отдача прежде занимавшихся земледѣліемъ въ работники къ зажиточнымъ крестьянамъ не основана на законѣ, не нашелъ въ его запискѣ никакого объясненія. По мнѣнію Комитета министровъ, мѣры, принятыя Рупертомъ, не ведутъ къ предположенной цѣли. Воспрещеніе свободной продажи хлѣба и отдача людей въ заработки не могутъ поддерживать хлѣбопашества [1]). Такъ какъ изъ объясненія генералъ-губернатора не видно рѣшительно ничего, что̀ не было бы извѣстно при составленіи прежняго положенія Комитета министровъ, то по смыслу Высочайшаго повелѣнія генералъ-губернатору слѣдовало немедленно приступить къ исполненію требованій Комитета, чего онъ, однако, не сдѣлалъ.

Комитетъ министровъ (въ засѣданіи 5 сентября 1839 г.) пришелъ къ заключенію, что нужно: 1) „предоставить министру финансовъ по соображеніи обстоятельствъ, изложенныхъ въ объясненіи генералъ-губернатора, составить дополнительныя правила насчетъ найма рабочихъ и выдачи имъ платы въ видахъ огражденія отъ упадка земледѣлія и предупрежденія мотовства и развратной жизни въ рабочемъ классѣ и пра-

[1]) „Тамъ, гдѣ по необходимости стекается значительное число самаго низшаго класса людей, едва-ли можно избѣгнуть нѣкоторыхъ безпорядковъ..., но, конечно, стѣсненіе ихъ въ полученіи платы за работу и передача принадлежащихъ имъ денегъ въ руки земской полиціи не... тѣ мѣры, какія слѣдовало бы принять въ настоящемъ случаѣ“.

вила сіи, по... соглашенію съ министромъ государственныхъ имуществъ, внести куда слѣдуетъ на дальнѣйшее разсмотрѣніе"; 2) сообщить генералъ-губернатору, чтобы онъ впредь до изданія этихъ правилъ руководствовался въ точности закономъ 30 апрѣля 1838 г. и не дѣлалъ распоряженій, отмѣняющихъ предписанія этого закона. Государь императоръ утвердилъ это положеніе Комитета министровъ [1]). Такимъ образомъ попытка Руперта регулировать наемъ рабочихъ на золотые промыслы и выдачу имъ платы повела къ тому, что признана была необходимость составленія дополнительныхъ правилъ по этому предмету.

Министръ финансовъ первоначально отнесся къ порученію, возложенному на него высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Комитета министровъ, недостаточно внимательно и въ своемъ отношеніи къ министру государственныхъ имуществъ (4 декабря 1839 г.) только повторилъ то, что онъ уже предлагалъ Комитету министровъ по поводу жалобы Якобсона. Напротивъ, гр. Киселевъ пожелалъ обстоятельнѣе разсмотрѣть этотъ вопросъ, и такъ какъ въ началѣ 1840 г. были назначены особыя коммиссіи для ревизіи государственныхъ имуществъ въ Восточной и Западной Сибири, то онъ поручилъ имъ представить свои соображенія и относительно найма рабочихъ на золотые промыслы. Гр. Канкринъ изъявилъ согласіе командировать и отъ министерства финансовъ горныхъ чиновниковъ для совмѣстныхъ изслѣдованій. А пока гр. Киселевъ предложилъ министерству финансовъ принять временныя мѣры для поддержанія земледѣлія, приходящаго въ упадокъ отъ нерадѣнія крестьянъ, отвлекаемыхъ на золотые промыслы. Въ октябрѣ 1840 г. товарищъ министра финансовъ, Вронченко, отвѣчалъ Киселеву, что онъ не встрѣчаетъ препятствія къ введенію предложенныхъ послѣднимъ временныхъ правилъ относительно найма рабочихъ на золотые промыслы „впредь до составленія общаго о томъ положенія".

Въ апрѣлѣ 1841 г. Киселевъ сообщилъ генералъ-губернатору Восточной Сибири, чтобы до изданія дополнительныхъ правилъ приняты были слѣдующія „мѣры предосторожности": 1) крестьянамъ и ссыльнопоселенцамъ, не водвореннымъ и не имѣющимъ никакого хозяйства, предоставлять, на основаніи существующихъ правилъ, безусловно полную свободу наниматься къ золотопромышленникамъ и при увольненіи ихъ не требовать, чтобы они засѣвали какое-либо количество земли. 2) Крестьянъ же и ссыльно-поселенцевъ, прочно водворенныхъ въ селеніяхъ и имѣющихъ участки земли, увольнять на работы не иначе, какъ по выданнымъ отъ общества свидѣтельствамъ, въ которыхъ должно быть

---

[1]) Арх. Горн. Департ., по описи № 91, дѣло 1839 г № $^{3}/_{12}$, л. 27—163, ср. *Вагнеръ*. „Сороковые года въ Иркутскѣ". „Литературный сборникъ изд. редакц. „Восточнаго Обозрѣнія", 1885 г., стр. 254, 275—277.

удостовѣреніе, что участки ихъ будутъ обработаны и прокормленіе семействъ, остающихся дома, обезпечено. Предосторожность эта особенно необходима относительно крестьянъ и ссыльно-поселенцевъ ближайшихъ къ пріискамъ округовъ, а равно такихъ, въ семействахъ которыхъ не болѣе одного работника. О всѣхъ уволенныхъ такимъ образомъ хозяевахъ волостныя правленія должны доставлять точныя свѣденія исправникамъ и поселенческимъ смотрителямъ, которые при своихъ объѣздахъ наблюдаютъ, чтобы этими хозяевами ихъ участки были воздѣланы, а въ противномъ случаѣ приказываютъ обработать ихъ на счетъ обществъ, допустившихъ такое упущеніе. 3) Такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что въ случаѣ недостатка въ хлѣбѣ находившіеся на работахъ и, слѣдовательно, мало или вовсе не занимающіеся хлѣбопашествомъ болѣе другихъ будутъ нуждаться въ ссудѣ на продовольствіе, то изъ денегъ, которыя они въ слѣдующій затѣмъ годъ выработаютъ на промыслахъ, вычитать не только цѣнность отпущеннаго имъ хлѣба, но принять мѣры, чтобы на счетъ тѣхъ же заработковъ внесенъ былъ въ запасные магазины слѣдующій на семейство ихъ по числу душъ запасъ хлѣба.

Въ февралѣ 1841 г. коммиссія, учрежденная для ревизіи государственныхъ имуществъ Западной Сибири, окончила свои занятія по обревизованію частныхъ золотыхъ промысловъ и обсужденію вопроса о выработкѣ дополнительныхъ правилъ о частной золотопромышленности для огражденія отъ упадка земледѣлія и предупрежденія мотовства и развратной жизни въ рабочемъ классѣ. Коммиссія не пришла къ единогласному заключенію: чиновникъ особыхъ порученій Смирновъ остался при отдѣльномъ мнѣніи.

Большинство коммиссіи пришло къ заключенію, что, несмотря на значительное увеличеніе народонаселенія въ томскомъ округѣ, земледѣліе въ немъ пришло въ упадокъ вслѣдствіе того, что сосѣдніе пріиски отвлекали массу работниковъ [1]); объяснить же это неурожаями нельзя, такъ какъ въ томскомъ округѣ было менѣе неурожайныхъ лѣтъ сравнительно съ другими округами томской губерніи.

Приписку администраціею множества ссыльно-поселенцевъ именно въ томскомъ округѣ коммиссія объяснила также вліяніемъ золотопромышленности, для которой нужно имѣть „дено рабочихъ на пріиски подъ рукою“. Золотопромышленность вредитъ развитію осѣдлости среди ссыльно-поселенцевъ; вызываемое ею увеличеніе приписки ссыльныхъ въ томскомъ округѣ развращаетъ мѣстное населеніе, а повинность ловить бѣглыхъ съ пріисковъ ложится на него тяжелымъ бременемъ. Коммиссія между прочимъ обратила вниманіе на то, что не всѣ правила положенія 30 апрѣля 1838 г. точно соблюдаются: она нашла на пріискахъ работниковъ безъ паспортовъ, рабочіе идутъ на пріиски и обратно безъ всякаго надзора и порядка, не выбирая артельныхъ старостъ, и, наконецъ, предписаніе закона 1838 г. объ удержаніи у рабочихъ изъ ссыльно-поселенцевъ пятой части платы не исполняется.

---

[1]) Впрочемъ, членъ коммиссіи маркшейдеръ Мурзинъ не согласился съ мнѣніемъ объ упадкѣ земледѣлія въ томскомъ округѣ.

Большинство коммиссіи предложило ввести слѣдующія дополнительныя правила для частной золотопромышленности въ Сибири: 1) по томскому округу числится поселенцевъ, не имѣющихъ никакой осѣдлости, бездомныхъ людей 19943 чел., а на частные золотые пріиски въ томской губерніи требуется не болѣе 8000 чел. рабочихъ, слѣдовательно „исключительно одними бездомными посельщиками можетъ быть удовлетворена потребность золотопромышленности въ работникахъ, которые, какъ показываетъ восемнадцатилѣтній опытъ, къ заселенію и воздѣлыванію земель въ Сибири по доброй волѣ вовсе неспособны". Поэтому, впредь до введенія лучшаго устройства и управленія ссыльныхъ, коммиссія предложила предоставить золотопромышленникамъ право свободно нанимать незанимающихся земледѣліемъ поселенцевъ на золотые пріиски по добровольнымъ соглашеніямъ на основаніи положенія 30 апрѣля 1838 г. 2) На основаніи того же закона золотопромышленники должны непремѣнно удерживать пятую часть всей наемной платы поселенцевъ, обозначая это въ разсчетныхъ листахъ и надписывая на паспортахъ, но деньги эти не выдавать ни старостамъ, что „и нынѣ не исполняется", ни поселенцамъ, которые ихъ безпутно проматываютъ, но доставлять въ губернское правленіе, которое обязано закупать на эти деньги хлѣбъ для ссуды на продовольствіе поселенцамъ и ихъ семействамъ въ зимнее время и на сѣмена тѣмъ, которые пожелаютъ заняться земледѣліемъ. 3) „Государственные крестьяне, какъ люди свободнаго состоянія, не должны быть стѣсняемы ничѣмъ въ добровольномъ избраніи промысловъ по ихъ усмотрѣнію", а потому относительно найма на пріиски имъ слѣдуетъ предоставить полную свободу, исключая тѣхъ изъ нихъ, которые оказались „небрежными и безпутными" въ земледѣліи и вообще въ своемъ хозяйствѣ „ко вреду и разстройству собственному и въ отягощеніе своего общества по отбыванію за нихъ разныхъ общественныхъ повинностей". Для такихъ въ каждомъ селеніи, гдѣ есть не менѣе 25 домовъ крестьянъ-старожиловъ, слѣдуетъ учредить „опекунскій надзоръ, который обязанъ всякаго крестьянина, разстроившаго свое хозяйство, исправлять и обращать къ земледѣлію, ибо оно при настоящихъ высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ въ томскомъ округѣ и плодороной почвѣ", несомнѣнно принесетъ крестьянамъ болѣе выгодъ, нежели работы на золотыхъ пріискахъ, гдѣ „крестьянинъ за наемную плату въ четыре лѣтніе мѣсяца по уплатѣ податей не можетъ обезпечить продовольствіе своего семейства на годъ", если не занимается хлѣбопашествомъ. При волостныхъ правленіяхъ слѣдуетъ учредить „главное опекунское собраніе" и назначать почетныхъ опекуновъ по выбору крестьянъ также, какъ и въ деревняхъ, Волостное опекунское собраніе обязано смотрѣть за частными опеками по деревнямъ, чтобы они имѣли неослабное наблюденіе за хозяйствомъ и исправленіемъ отданныхъ подъ опекунскій надзоръ крестьянъ. Крестьянъ, оказавшихся неблагонадежными въ хозяйствѣ, слѣдуетъ отдавать подъ опеку по сельскому мірскому приговору и не увольнять ихъ на промысла безъ письменнаго разрѣшенія опекуновъ, которые отвѣчаютъ за то, чтобы земельный участокъ отпущеннаго былъ воздѣланъ, засѣянъ и хлѣбъ убранъ съ поля. 4) Такъ какъ въ семействѣ поселенцевъ всегда бываетъ по одному работнику, то всѣхъ осѣдло водворенныхъ ссыльно-поселенцевъ, занимающихся земледѣліемъ (которыхъ въ томскомъ округѣ было въ это время всего 1219 чел.), нужно отдать подъ опеку и паспорты выдавать имъ не иначе, какъ по письменнымъ разрѣшеніямъ опекуновъ. 5) Воспретить при наймѣ государственныхъ крестьянъ и поселенцевъ-земледѣльцевъ выдачу задатковъ при договорахъ впередъ до рабочаго времени, такъ какъ это представляетъ „косвенное насильственное средство золотопромышленниковъ отвлекать крестьянъ отъ земледѣлія" и является настоящею причиною упадка его въ томскомъ округѣ. Выдача задат-

ковъ, по мнѣнію коммиссіи, обращаетъ наемъ въ „искусительное вербованіе“; рабочую плату слѣдуетъ выдавать тогда, когда она будетъ заработана. Недостатка въ рабочихъ не будетъ, если плата на пріискахъ будетъ для нихъ выгодна.

Если золотопромышленники и послѣ запрещенія будутъ выдавать задатки крестьянамъ, то не слѣдуетъ принимать отъ нихъ жалобъ на неявку на работу получившихъ задатки. Каждый, отданный подъ опеку, крестьянинъ и ссыльнопоселенецъ, занимающійся хлѣбопашествомъ, долженъ заработанныя имъ деньги представить сполна своимъ опекунамъ за вычетомъ издержанныхъ на пути, и опекуны обязаны наблюдать, чтобы эти деньги не были безпутно промотаны, а обращались бы за вычетомъ податей и повинностей на улучшеніе хозяйства. Чувствуя, что вообще предлагаемое введеніе опекъ вызоветъ возраженія, коммиссія, въ оправданіе предлагаемой ею мѣры, ссылалась на то, что дворяне и купцы, проматывающіе свое имущество, отдаются подъ опеку, хотя отъ разоренія ихъ терпятъ только они и ихъ кредиторы, а разстройство хозяйства крестьянъ и упадокъ земледѣлія угрожаютъ недостаткомъ продовольствія всему народонаселенію 6) Золотопромышленники, торгуя на пріискахъ вещами, необходимыми для рабочихъ, имѣютъ возможность возвратить изъ барышей, получаемыхъ на товары, если не всю плату рабочимъ за четыре мѣсяца, то весьма значительную часть ея. По вѣдомостямъ купца Пѣшкова оказывается, что на его пріискахъ рабочимъ изъ всего ихъ заработка, за вычетомъ задатковъ, которыхъ поселенцамъ опредѣлено выдавать не болѣе 25 руб. асс., и забора товаровъ, при разсчетѣ нерѣдко не оставалось для выдачи на руки ни одной копѣйки, или оставалось очень мало. Столь же заботятся о своей выгодѣ и остальные золотопромышленники. Коммисія считала необходимымъ постановить, чтобы рабочимъ поселенцамъ и крестьянамъ не выдавалось товаровъ болѣе, чѣмъ на 7 руб., если они ничего не заработали на старательской работѣ [1]), тѣмъ же, которые на старательскихъ работахъ заработываютъ болѣе 50 руб., можно выдавать товаровъ на 20 руб. и на паспортахъ означать, сколько получено денегъ при разсчетѣ. 7) Чтобы золотопромышленники не могли брать съ рабочихъ за товары дороже дѣйствительной стоимости и не могли бы продавать предметовъ роскоши, слѣдуетъ постановить, чтобы для товаровъ, дозволенныхъ для продажи на пріискахъ, ежегодно утверждалась томскимъ губернаторомъ такса, обязательная для золотопромышленниковъ, которая должна быть прибита на стѣнѣ въ пріисковомъ магазинѣ [2]).

Чиновникъ Смирновъ, оставшійся при особомъ мнѣніи (9 января 1841 г.) утверждалъ, что золотопромышленность не только не вредна, но даже полезна для развитія земледѣлія и устройства быта поселенцевъ. По его словамъ, чѣмъ ближе волость къ пріискамъ, тѣмъ менѣе въ ней крестьянъ, не занимающихся земледѣліемъ; посѣвъ хлѣба въ томскомъ округѣ увеличивается по мѣрѣ приближенія къ пріискамъ [3]). Число поселенцевъ, имѣющихъ дома, въ волостяхъ,

---

[1]) По слѣдующему разсчету: рабочіе получаютъ отъ 8 до 12 р. асс. въ мѣсяцъ за условленную урочную работу, что составитъ въ среднемъ 40 руб. въ четыре мѣсяца, изъ которыхъ 25 выдается рабочему въ задатокъ, пятая часть — 8 руб. должна быть удержана, слѣдовательно остается къ выдачѣ на руки товарами только 7 руб.

[2]) Въ заключеніе коммиссія указала на то, что для надзора за спокойствіемъ на пріискахъ недостаточно одного засѣдателя съ 20-ю казаками.

[3]) За исключеніемъ Боготольской волости, гдѣ много „пропитанныхъ“, то есть поселенцевъ, не способныхъ ни къ какому труду, выпущенныхъ съ двухъ винокуренныхъ заводовъ.

близкихъ къ пріискамъ, гораздо значительнѣе, чѣмъ въ болѣе отдаленныхъ [1]) Въ виду этого Смирновъ предлагалъ оставить прежній порядокъ найма рабочихъ на пріиски. Учрежденіе опекунскихъ совѣтовъ, по его мнѣнію, затруднительно и едва ли полезно. Хотя коммиссія и утверждаетъ, что въ Сибири много грамотныхъ, но на самомъ дѣлѣ, говоритъ Смирновъ, есть много деревень, гдѣ нѣтъ ни одного грамотнаго. Онъ предлагаетъ также не удерживать съ поселенцевъ пятой части ихъ наемной платы, такъ какъ ничто не можетъ помѣшать желающимъ промотать эти деньги, если не во время возвращенія съ пріиска, то на мѣстѣ. Взамѣнъ этого Смирновъ предлагалъ обязать промышленниковъ за каждаго бывшаго въ работѣ поселенца вносить въ сельскіе запасные магазины по 3 или 4 пуда хлѣба зерномъ для обезпеченія продовольствія ссыльныхъ въ неурожайные годы.

Генералъ-губернаторъ Западной Сибири высказался вообще противъ заключенія коммиссіи. Предположеніе объ учрежденіи волостныхъ опекъ для удержанія крестьянъ отъ работъ на золотыхъ промыслахъ было бы противно предоставленной каждому свободѣ „избирать себѣ промышленность по усмотрѣнію“ и къ тому же безполезно, такъ какъ, по словамъ кн. Горчакова, въ теченіе десяти лѣтъ въ числѣ семи и восьми тысячъ рабочихъ никогда въ Западной Сибири на золотые промысла не нанималось болѣе 300 или 400 крестьянъ, да и то разстроившихъ свое хозяйство. Для обезпеченія бездомныхъ ссыльныхъ князь Горчаковъ предлагалъ, подобно Смирнову, вмѣсто удержанія при окончательномъ разсчетѣ пятой части „задѣльной платы“, взыскивать хлѣбъ при заключеніи контрактовъ по цѣнамъ, условленнымъ съ рабочими. Запрещеніе выдачи задатковъ при наймѣ крестьянъ и занимающихся земледѣліемъ поселенцевъ, противорѣчащее закону 30 апрѣля 1838 г., неминуемо остановило бы наемъ рабочихъ на пріиски. Предложеніе установить таксу продаваемымъ на пріискахъ товаровъ было осуществлено на промыслахъ Томской губерніи съ самаго начала 1841 г. (и подтверждено распоряженіемъ генералъ-губернатора отъ 7-го февраля 1843 г. объ установленіи таксы, ежегодно утверждаемой мѣстнымъ начальствомъ). Ограничивать отпускъ товаровъ рабочимъ, ничего не заработавшимъ на старательской работѣ, 7-ю рублями, а остальнымъ 20-ю рублями кн. Горчаковъ считалъ невозможнымъ, такъ какъ продоваемые на пріискахъ товары (одежда, обувь и табакъ) необходимы для сохраненія здоровья рабочихъ и продолженія ими работы.

Ревизіонная коммиссія по Восточной Сибири считала развитіе золотопромышленности весьма полезнымъ для ссыльно-поселенцевъ [2]), но въ тоже время она нашла, что подъ вліяніемъ золотопромышленности поднялись цѣны на трудъ, работниковъ мало и нѣкоторые земледѣльцы говорятъ, что половину полей надо

---

[1]) Такъ напримѣръ, въ Дмитріевской волости, близкой къ пріискамъ, приходится одинъ домъ на четырехъ съ небольшимъ поселенцевъ, въ Нелюбинской же, отстоящей отъ пріисковъ слишкомъ на 300 верстъ, одинъ домъ на пять слишкомъ человѣкъ поселенцевъ.

[2]) Коммиссія сообщаетъ, что какъ 62-й § закона 30 апрѣля 1838 г. объ удержаніи у поселенцевъ пятой части наемной платы, такъ и „подтвердительное“ (?) распоряженіе генералъ-губернатора отъ 1-го сентября 1839 г. объ удержаніи половины этой платы и о пересылкѣ въ мѣста жительства поселенцевъ не выполняются промышленниками изъ опасенія возмущенія рабочихъ. О томъ, что пятая часть заработка не удерживается у ссыльно-поселенцевъ, свидѣтельствовала и коммиссія по Западной Сибири.

оставить, такъ что коммиссія предлагала даже перевести въ Восточную Сибирь поселенцевъ изъ Томской и Тобольской губерній. Предложеніе этой коммиссіи весьма сходно съ тѣми правилами, которыя генералъ-губернаторъ Восточной Сибири предполагалъ ввести въ 1839 г. и которыя были признаны комитетомъ министровъ неудобными [1]). Понятно, что генералъ-губернаторъ Восточной Сибири вполнѣ согласился (въ апрѣлѣ 1841 г.) съ заключеніями коммиссіи и нашелъ предлагаемыя ею дополнительныя правила полезными.

Несмотря на то, что ревизіонныя коммиссіи и генералъ-губернаторы обѣихъ половинъ Сибири представили въ министерство государственныхъ имуществъ свои замѣчанія еще въ первой половинѣ 1841 г., гр. Киселевъ высказалъ свое мнѣніе по этому предмету лишь въ ноябрѣ 1843 г. Гр. Киселевъ нашелъ, что свѣдѣнія, доставленныя коммиссіями, по ихъ „недостаточности, противорѣчію и несогласію съ мнѣніями главнаго губернскаго начальства“, не могутъ послужить основаніемъ для окончательнаго рѣшенія вопроса о вліяніи золотопромышленности на состояніе земледѣлія въ Сибири и для принятія по этому поводу рѣшительныхъ мѣръ. Киселевъ полагалъ, что временныя правила, введенныя по распоряженію его въ 1841 г. въ Восточной Сибири, „оказываются вполнѣ достигающими предположенной цѣли, что отъ дальнѣйшаго ихъ тамъ дѣйствія можно ожидать благопріятныхъ послѣдствій и что распространеніе ихъ и на Западную Сибирь послужитъ къ огражденію замѣченнаго упадка земледѣлія въ томскомъ округѣ“, что включеніе этихъ правилъ въ видѣ дополненія въ положеніе 1838 г.,—единственная мѣра, которая можетъ быть допущена въ настоящее время при недостаткѣ мѣстныхъ свѣдѣній, и что сверхъ того въ Восточной Сибири слѣдуетъ теперь же обратить вниманіе на замѣченный тамъ недостатокъ въ работникахъ, происходящій, по удостовѣренію генералъ-губернатора, преимущественно отъ накопленія ссыльныхъ въ Западной Сибири.

Переходя къ разсмотрѣнію вопроса, какія слѣдуетъ принять мѣры и какія постановить правила для предупрежденія мотовства и развратной жизни рабочихъ, гр. Киселевъ нашелъ, что неудобно было бы принять правила, составленныя обѣими коммиссіями: во первыхъ, они во многомъ не согласны между собою, затѣмъ правила, предложенныя ревизіонною коммиссіею Западной Сибири, признаны тамошнимъ генералъ-губернаторомъ стѣснительными, а правила коммиссіи по Восточной Сибири, „почти тѣ же самыя“, которыя предполагалъ ввести тамошній генералъ-губернаторъ и которыя были признаны Комитетомъ министровъ неудобными. Ввиду всего этого, руководствуясь, съ одной стороны, положеніемъ о бурлакахъ [2]), а съ другой, имѣя въ виду, что золотопромышленники жалуются на частые побѣги рабочихъ и ссыльно-поселенцевъ и что поимка бѣглыхъ служитъ тяжелымъ бременемъ для крестьянъ-старожиловъ, гр. Киселевъ предложилъ къ положенію о частной золотопромышленности въ Сибири сдѣлать слѣдующее

---

[1]) Коммиссія по Восточной Сибири также предлагала требовать, чтобы крестьяне и поселенцы, занимавшіеся хлѣбопашествомъ, увольнялись на пріиски не иначе, какъ по удостовѣренію мѣстнаго начальства (смотрителей поселеній и земскихъ исправниковъ), что ихъ поля будутъ воздѣланы ихъ семействами или наемными рабочими съ ручательствомъ за это общества, но въ тоже время, чтобы поселенцы, не имѣющіе „прочнаго домообзаводства“, не стѣснялись въ наймѣ; также предлагала вычитать у рабочихъ половину ихъ заработка и высылать остальную половину черезъ полицію и проч.

[2]) Св. Зак. т. XII, изд. 1842 г., ст. 348—390.

дополненіе: 1) постановить, что для предупрежденія побѣга рабочихъ вся артель отвѣчаетъ другъ за друга круговою порукою, и потому хозяинъ вправѣ потребовать съ нея тѣ деньги, которыя не заработалъ бѣжавшій, если онъ получилъ задатокъ или былъ на харчахъ хозяина. 2) „При наймѣ рабочихъ на золотые промыслы допустить два рода наймовъ: гуртовой, т.-е. черезъ сдѣлку хозяина съ однимъ поставщикомъ рабочихъ, и раздробительный—черезъ личное съ хозяиномъ соглашеніе каждаго вольнорабочаго". При наймѣ «гуртовомъ» должны соблюдаться дѣйствующія нынѣ въ Восточной Сибири временныя правила, установленныя министерствомъ государственныхъ имуществъ въ апрѣлѣ 1841 г. Для опредѣленія, кому могутъ быть выданы отъ общества свидѣтельства для найма на частныя золотыя промысла, слѣдуетъ допустить разъ въ году составленіе общественныхъ мірскихъ приговоровъ. Для предупрежденія мотовства и развратной жизни рабочихъ слѣдуетъ подтвердить, чтобы исполнялись правила Положенія 30 апрѣля 1838 г. о порядкѣ слѣдованія артелей на работы и обратно, о повиновеніи старостамъ и ихъ помощникамъ и о выдачѣ одной пятой части наемной платы на руки не ссыльно-поселенцамъ, а артельнымъ старостамъ. Кромѣ того Киселевъ предлагалъ предоставить генералъ-губернаторамъ сообразить, нельзя ли удерживаемую пятую часть наемной платы поселенцевъ пересылать по окончаніи работъ прямо въ общество для выдачи по принадлежности. Дополнивъ теперь же указанными правилами положеніе 1838 г., Киселевъ предлагалъ съ открытіемъ палатъ государственныхъ имуществъ въ Сибири поручить имъ выработать правила, которыя, безъ стѣсненія золотопромышленности указали бы истинный путь развитію хлѣбопашества, скотоводства и вообще сельской промышленности въ томъ краѣ, и въ то же время, опредѣливъ правила и обязанности золотопромышленниковъ по найму рабочихъ, выдачѣ имъ заработанной платы" и проч. положили бы предѣлъ мотовству рабочихъ на золотыхъ пріискахъ [1]).

Жандармскій полковникъ Казимирскій, наблюдавшій за золотыми промыслами Восточной Сибири, въ своемъ отчетѣ за 1843 г., съ своей стороны, предложилъ принять рядъ мѣръ относительно золотопромышленности. Вѣруя во всемогущество административныхъ предписаній, онъ наивно предлагалъ постановить правиломъ на всѣхъ пріискахъ, чтобы отнюдь не исполнялись руками человѣка тѣ работы, которыя можно исполнить машинами или силою животныхъ: напримѣръ, вскрытіе торфа и подвозъ песковъ изъ разрѣзовъ къ мѣсту промывки производить на лошадяхъ, протирку песковъ на рѣшетахъ исполнять особымъ механизмомъ. Это будетъ вдвойнѣ полезно, такъ какъ съ уменьшеніемъ числа рабочихъ на пріискахъ сберегутся силы, необходимыя для потребностей края и въ которыхъ чувствуется большой недостатокъ. За исполненіемъ этого правила могутъ наблюдать горные ревизоры. Далѣе Казимирскій предлагалъ взять съ золотопромышленниковъ подписки, что они не будутъ выдавать задатка болѣе положеннаго уставомъ 1838 г. Онъ предлагалъ также постановить, чтобы контракты, заключенные рабочими съ золотопромышленниками, читались засѣдателями при собраніи всѣхъ рабочихъ:

[1]) Арх. Горн. Департ. по описи № 91, дѣло 1839 г. № 3/13.

тогда послѣдніе не будутъ имѣть возможности отговариваться незнаніемъ условій по безграмотности [1]).

Отчетъ Казимирскаго былъ представленъ гр. Бенкендорфомъ императору Николаю [2]); государь 31 января 1844 г. прочелъ его съ интересомъ, приказалъ благодарить Казимирскаго и препроводить его отчетъ къ товарищу министра финансовъ, Вронченко, съ тою цѣлью, не найдетъ ли онъ нужнымъ назначить комитетъ для разсмотрѣнія предположеній Казимирскаго. Согласно представленію Вронченко комитетъ былъ учрежденъ 18 февраля 1844 г., и членами въ него были назначены: генералъ-лейтенантъ Чевкинъ, генералъ-маіоръ Бегеръ, дѣйств. стат. сов. Ламанскій, коллежскій совѣтникъ Гофманъ, осматривавшій, по порученію министра финансовъ, золотые промыслы Восточной Сибири въ 1843 г. (печатнымъ трудомъ его мы воспользуемся ниже) и подполковникъ Казимирскій.

Комитетъ, разсмотрѣвъ предположенія Казимирскаго, нашелъ, что многіе изъ нихъ разрѣшаются уже изданными законами, по другимъ же требуется или нѣкоторое измѣненіе существующихъ правилъ, или внушеніе золотопромышленникамъ, или предварительныя соображенія мѣстнаго начальства и потому предложилъ: 1) внушить золотопромышленникамъ, что собственная ихъ польза требуетъ, чтобы они старались замѣнять на промыслахъ ручную работу лошадьми и машинами: конными вододѣйствующими или паровыми сообразно мѣстнымъ условіямъ. 2) Для болѣе успѣшной высылки на промыслы неявившихся работниковъ подтвердить мѣстному начальству о точномъ исполненіи предписаній закона по этому предмету [3]). 3) Для предупрежденія без-

---

[1]) Считая казаковъ мало пригодными для охраненія спокойствія на пріискахъ, Казимирскій предложилъ устроить на время лѣтнихъ работъ лагери изъ пѣхотныхъ солдатъ, расположивъ ихъ внѣ пріисковъ въ окрестностяхъ селеній и подчинивъ жандармскому штабъ-офицеру. Для сѣверной и южной системъ Енисейскаго округа онъ считалъ необходимыми отряды по 100 чел., а для Бирюсинской—70 чел. По его мнѣнію, эти „три небольшія пѣхотныя команды были бы достаточны для удержанія въ тишинѣ и порядкѣ всѣхъ (трехъ) системъ потому, что штыки и пули есть страшное оружіе для русскаго мужика". Въ случаѣ устройства предлагаемыхъ имъ лагерей; Казимирскій считалъ возможнымъ уменьшить число находящихся на промыслахъ казаковъ, но не желалъ удалять ихъ вовсе, такъ какъ они необходимы для ночныхъ обходовъ по избушкамъ, гдѣ живутъ рабочіе, для карауловъ въ разрѣзахъ и въ мѣстахъ храненія золота и, наконецъ, для кордоновъ и разъѣздовъ въ случаѣ надобности.

[2]) Фактическими данными изъ отчета Казимирскаго мы воспользуемся ниже.

[3]) Закономъ 1838 г. предписывалось городской полиціи, волостнымъ правленіямъ, а въ особенности сельскимъ начальникамъ наблюдать за отправленіемъ на промыслы пропавшихся рабочихъ. Кромѣ того высочайше утвержденнымъ 12 марта 1840 г. положеніемъ Комитета Министровъ было повелѣно, если золотопромышленники пожелаютъ, а главное мѣстное начальство признаетъ это нужнымъ, опредѣлять сверхъ отдѣль-

порядковъ при наймѣ рабочихъ: а) подтвердить золотопромышленникамъ, чтобы они не выдавали поселенцамъ задатковъ, болѣе установленныхъ закономъ (7 руб. 50 коп. сереб. на человѣка); в) предупредить ихъ, что жалобы на незаработку выданныхъ сверхъ этого задатковъ будутъ оставляемы безъ вниманія и с) обязать золотопромышленниковъ, чтобы они не нанимали для своихъ работъ престарѣлыхъ и увѣчныхъ рабочихъ; если же подобные люди окажутся на промыслахъ, то высылать ихъ въ мѣста жительства на счетъ золотопромышленниковъ. 4) Такъ какъ законъ 1838 г. воспрещаетъ отпускъ рабочимъ на промыслахъ предметовъ роскоши и требуетъ, чтобы они возвращались домой безостановочно,— воспретить въ селеніяхъ, лежащихъ на пути ихъ до перваго города, всякую продажу „роскошныхъ товаровъ“ во время главнаго слѣдованія рабочихъ съ промысловъ, т.-е. съ 1-го до 20-го сентября. 5) Поручить генералъ-губернатору Восточной Сибири, по надлежащемъ соображеніи съ мѣстными условіями, войти съ представленіемъ о томъ, чтобы „вмѣсто посылаемыхъ нынѣ для охраненія промысловъ командъ изъ городовыхъ казаковъ, разсѣянныхъ на значительномъ пространствѣ и находящихся во вредномъ съ рабочими сообществѣ, имѣть“ по сосѣдству съ промыслами „небольшіе лагерные отряды отъ 80 до 100 чел. каждый изъ ближайшихъ сибирскихъ линейныхъ батальоновъ, и по мѣрѣ надобности, съ однимъ орудіемъ и нѣсколькими конными казаками только для разъѣздовъ и кордоновъ“ съ подчиненіемъ этихъ командъ во время нахожденія ихъ на промыслахъ жандармскому штабъ-офицеру. 6) Отдѣльныхъ засѣдателей на промыслахъ переименовать въ горные исправники. Всѣ эти предложенія Комитета были утверждены государемъ 3 марта 1844 г. [1])

Статсъ-секретари, тайные совѣтники Брискорнъ и Позенъ, излагая въ письмѣ къ министру финансовъ отъ 9 апрѣля 1844 г. свои предположенія о введеніи новой системы пошлиннаго сбора съ добываемаго въ Сибири на казенныхъ земляхъ золота, между прочимъ писали, что „*при выходящихъ изъ предѣловъ всякой соразмѣрности выгодахъ отъ богатыхъ пріисковъ*, хозяева ихъ... стараются пріобрѣсти каждый въ свою исключительную пользу елико возможно большее число рабочихъ рукъ, продовольственныхъ припасовъ и другихъ пособій для промысловыхъ работъ... При взаимномъ соперничествѣ въ короткое время они подняли на 100% и болѣе цѣны: на поденную работу“ (вѣроятно, сравнительно съ платою

ныхъ засѣдателей еще особыхъ полицейскихъ чиновниковъ въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ промыслы преимущественно распространены, для поимки бѣглыхъ и высылки пришлыхся, но появившихся работниковъ съ тѣмъ, чтобы они состояли членами земскихъ судовъ и содержаніе имъ производилось на счетъ золотопромышленниковъ. П. С. З. т. XV № 13.253.

[1]) Арх. Горн. Департ. по описи № 90 дѣло 1844 г. № 27/23, л. 3—39, 88, 99, 105—107. О переименованіи отдѣльныхъ засѣдателей въ горные исправники, но съ оставленіемъ членами земскихъ судовъ см. П. С. З. т. XIX № 17.775.

за трудъ въ Сибири до развитія тамъ золотопромышленности), „жизненные при пасы первой необходимости и на всѣ вообще предметы мѣстной торговли и промышленности. Искуственное или насильственное возвышеніе цѣнъ обратилось не въ пользу, а во вредъ края. Цѣнами этими мѣстная промышленность во всѣхъ ея видахъ и отношеніяхъ выведена изъ естественнаго своего положенія; совратясь со свойственнаго ей пути, она приняла ходъ, направленный къ развитію роскоши и разврата въ низшихъ классахъ народа и долженствующій въ дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ своихъ произвести разстройство не только самаго промысла, но и земледѣльческой производительности какъ мѣстной, такъ и сосѣднихъ внутреннихъ губерній. Для отвращенія этихъ послѣдствій частная (золотопромышленность необходимо должна быть приведена къ большему единству въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ". Въ этихъ замѣчаніяхъ въ укоръ золотопромышленности ставилось уже то, что могло составлять лишь полезную ея сторону, т.-е. поднятіе цѣнъ на трудъ, хотя слѣдуетъ оговориться, что заработки собственно на промыслахъ, благодаря тѣмъ условіямъ, въ которыхъ находились тамъ рабочіе, плохо у нихъ сохранялись и, слѣдовательно, рѣдко содѣйствовали развитію благосостоянія пріисковыхъ рабочихъ.

По всеподданѣйшемъ докладѣ о предположеніяхъ Брискорна и Позена послѣдовало 14 апрѣля 1844 г. высочайшее повелѣніе о разсмотрѣніи этихъ предположеній въ особомъ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ герцога Лейхтенбергскаго для обсужденія предметовъ, относящихся до частной золотопромышленности. Членами комитета были назначены: генералъ-лейтенантъ Чевкинъ, корпуса горныхъ инженеровъ генералъ-маіоръ Бегеръ, полковникъ Гофманъ и сенаторъ Толстой. Въ необходимыхъ случаяхъ Комитетъ долженъ былъ приглашать также Брискорна и Позена. Однако Комитетъ былъ открытъ лишь по возвращеніи изъ Сибири сенатора Толстого 2 августа 1846 г. [1]).

Между тѣмъ министерство финансовъ все еще не окончило составленія дополнительныхъ правилъ относительно найма рабочихъ на пріиски. Было уже упомянуто о предложеніяхъ, сдѣланныхъ Киселевымъ въ ноябрѣ 1843 г. Послѣ утвержденія государемъ 3 марта 1844 г. положеній Комитета, учрежденнаго для разсмотрѣнія предположеній подполковника Казимирскаго, и высочайшаго повелѣнія 4 апрѣля того же года объ учрежденіи комитета подъ предсѣдательствомъ герцога Лейхтенбергскаго, департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ представилъ (19 іюня 1844 г.) министру финансовъ докладъ по дѣлу о составленіи правилъ о наймѣ рабочихъ на сибирскіе золотые промыслы, въ которымъ выразилъ слѣдующее мнѣніе: такъ какъ въ числѣ предположеній гр. Киселева есть такія, о которыхъ представлялъ и Казимирскій [2]) и которыя высочай-

[1]) Арх. Горн. Департ. по описи № 91 дѣло 1839 г. № 3/13, л. 346—348, дѣло 1846 г. № 3/101, вяз. 3-я, л. 4—5.

[2]) Какъ, напримѣръ, о томъ, чтобъ золотопромышленники не нанимали престарѣлыхъ и увѣчныхъ, о подтвержденіи имъ, чтобы они не выдавали рабочимъ задатковъ болѣе опредѣленныхъ закономъ, о высылкѣ на промыслы неявившихся рабочихъ о пресѣченіи между рабочими роскоши и мотовства и проч.

шимъ повелѣніемъ 3 марта 1844 г. предписаны уже къ непремѣнному и точному исполненію, а сверхъ того имѣется въ виду, что въ числѣ предположеній Брискорна и Позена, подлежащихъ разсмотрѣнію особаго комитета подъ предсѣдательствомъ принца Лейхтенбергскаго, также заключаются вопросы о наймѣ рабочихъ и предупрежденіи ихъ мотовства, то во избѣжаніе противорѣчій между рѣшеніемъ Комитета герцога Лейхтенбергскаго и предположеніями гр. Киселева, департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ предложилъ управляющему министерствомъ финансовъ, въ ожиданіи рѣшенія по предположеніямъ Брискорна и Позена, дальнѣйшее производство по присланному министромъ государственныхъ имуществъ дѣлу о наймѣ рабочихъ пріостановить. Совѣтъ Корпуса горныхъ инженеровъ, на заключеніе котораго управляющій министерствомъ финансовъ передалъ этотъ вопросъ, предложилъ 7 февраля 1845 г. предоставить дѣло о наймѣ рабочихъ разсмотрѣнію комитета подъ предсѣдательствомъ герцога Лейхтенбергскаго [1]).

Въ мартѣ 1846 г. генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, Рупертъ отправилъ министру финансовъ конфиденціальное отношеніе о частной золотопромышленности, гдѣ затронулъ вопросъ о наймѣ рабочихъ и выдачѣ имъ задатковъ.

„На промыслы въ Енисейской губерніи,—писалъ Рупертъ,—стекается до 30,000 работниковъ, между тѣмъ какъ все народонаселеніе ея съ инородцами простирается до 110 т. душъ м. п. на пространствѣ болѣе 50 т. кв. м. Изъ этого числа, за исключеніемъ класса служащихъ, нанимающихся на промыслы, малолѣтнихъ и бродячихъ тунгусовъ, остается дѣйствительныхъ производителей не болѣе 40 т. чел., на которыхъ лежитъ народное продовольствіе всей губерніи, снабженіе хлѣбомъ войска, винокуренныхъ заводовъ и золотопромышленниковъ. При такой малочисленности производителей предъ потребителями всѣ нуждаются въ рабочихъ рукахъ, земледѣлецъ же и золотопромышленникъ преимущественно. Возвышается состязаніе“ и „плата рабочимъ возвышается непомѣрно. А чтобы заохотить работника и скорѣе привлечь его къ себѣ, золотопромышленникъ выдаетъ ему задатокъ обыкновенно отъ 100 до 200 р. асс. вмѣсто 7 р. 50 к. сереб., опредѣленныхъ закономъ, и при всемъ томъ еще терпитъ отъ неявки на работы четвертой или пятой части изъ получившихъ задатки [2])...

Въ виду затруднительнаго положенія золотопромышленниковъ Рупертъ предложилъ разрѣшить при наймѣ рабочихъ выдавать имъ задатки въ размѣрѣ одной трети годовой платы, не исключая изъ этого и старательскихъ денегъ. Нанимающійся требуетъ въ задатокъ болѣе 7 р. 50 к., такъ какъ этихъ денегъ часто было бы ему недостаточно на уплату однѣхъ казенныхъ повинностей; сверхъ того рабочему предстоитъ путь до пріисковъ отъ 600 до 2000 верстъ, и ему нужно пріобрѣсти одежду для дороги и оставить средства для жизни своему семейству. Но чтобы оградить золотопромышленниковъ отъ неявки рабочихъ, Рупертъ предложилъ принять суровыя мѣры относительно взявшихъ задатки и „умышленно“ не явившихся на работу, а именно отсылать на одинъ годъ въ работы на казенные

[1]) Арх. Горн. Департ. по описи № 91 дѣло № 3/13, л. 339—349, 474—475.

[2]) Цифра эта сильно преувеличена (см. ниже).

заводы, не освобождая при томъ, отъ возвращенія задатковъ. Если же кто не явился по причинамъ, отъ него не зависѣвшимъ, то взыскивать съ него только забранныя деньги или предоставить отработать въ слѣдующемъ году, не допуская нанимаяться къ другимъ лицамъ до окончательнаго разсчета съ тѣмъ, у кого онъ взялъ задатокъ. Для развитія золотопромышленности Рупертъ находилъ нужнымъ принять еще и иныя мѣры, а именно—разрѣшить золотопромышленникамъ переселеніе изъ Европейской Россіи крѣпостныхъ и свободныхъ людей (см. ниже гл. IV-я).

По предложенію Вронченко государь повелѣлъ передать записку Руперта въ комитетъ герцога Лейхтенбергскаго, гдѣ и положено было имѣть ее въ виду при окончательномъ разсмотрѣніи найма пріисковыхъ рабочихъ [1]).

Во время ревизіи Восточной Сибири, произведенной сенаторомъ Толстымъ, три состоявшіе при немъ чиновника были командированы на Удерейскую, Питскую и Бирюсинскую системы золотыхъ пріисковъ. По словамъ Казимирскаго они „входили во всѣ подробности управленія и хозяйства промысловъ, содержанія рабочихъ и ихъ уроки, повѣряли рабочихъ по спискамъ и билетамъ“ [2]). Въ 1845 г. Толстой лично осмотрѣлъ золотые промыслы Енисейской губерніи и сообщилъ министру финансовъ свои соображенія объ охраненіи тишины и спокойствія на промыслахъ и объ удержаніи рабочихъ отъ побѣга отсылкою пойманныхъ во временную работу на солеваренные заводы и другими мѣрами. По окончаніи ревизіи Восточной Сибири Толстой во всеподданѣйшемъ рапортѣ государю сдѣлалъ обзоръ состоянія частной золотопромышленности [3]). Толстой нашелъ между прочимъ различныя опущенія въ дѣйствіяхъ находившейся въ Енисейскѣ экспедиціи о ссыльныхъ [4]).

---

[1]) Арх. Гор. Департ. по описи № 90 дѣло 1846 г., вяз. 9-я, № 84—77. л. 2—19, 53; по описи № 91, дѣло № 3—13, ч. 2-я, л. 119—120.

[2]) Арх. Гор. Департ. по описи № 90 дѣло 1844 г., № 27—23, л. 61.

[3]) Золотопромышленность, по мнѣнію Толстого, оказала „полезное вліяніе на ссыльно-поселенцевъ, составляющихъ главную массу рабочихъ на пріискахъ, удержаніемъ ихъ отъ обыкновеннаго прежде бродяжничества“, но однако она „не могла еще упрочить хозяйственный бытъ ссыльнаго“ вслѣдствіе разгула рабочихъ по окончаніи пріисковой операціи, такъ что они возвращаются домой не только безъ денегъ, но даже „часто безъ одежды“ и нанимаются вновь на слѣдующую операцію, которая оканчивается такимъ же образомъ.

[4]) Между прочимъ онъ замѣтилъ безпорядокъ въ изготовленіи, разсылкѣ и выдачѣ увольнительныхъ билетовъ поселенцамъ и недостатокъ отчетности во взыскиваемыхъ за эти билеты деньгахъ, преимущественно въ экономическій капиталъ ссыльныхъ, при наймѣ на частные золотые промыслы, по 1 р. 50 к. сереб. съ каждаго рабочаго. Подробно разсмотрѣвъ правила и порядокъ увольненія ссыльныхъ въ Сибири, Толстой нашелъ недостаточность, неполноту и неопредѣленность соотвѣтственныхъ законовъ. По его мнѣнію, необходимо: „во 1-хъ, опредѣлить власть каждаго въ увольненіи ссыльныхъ и черезъ установленіе единообразной и постоянной формы вытѣснить изъ употребленія неправильные и фальшивые билеты и по возможности пресѣчь самое бродяж-

Толстой составилъ предположеніе о дополненіи и измѣненіи существующихъ правилъ объ увольненіи ссыльныхъ и о наймѣ рабочихъ на золотые промыслы. Проектъ этотъ былъ препровожденъ министромъ финансовъ въ комитетъ герцога Лейхтенбергскаго. Разсмотрѣвъ его, комитетъ 26 марта 1848 г. нашелъ, что: 1) печатаніе въ Петербургѣ бланковъ для дозволительныхъ билетовъ можетъ послужить къ лучшему ихъ учету; 2) допущенная существующими законами выдача письменныхъ билетовъ при недостаткѣ печатныхъ можетъ подать поводъ, какъ показалъ опытъ, къ разнымъ злоупотребленіямъ; 3) взысканіе податей съ поселенцевъ, работающихъ на промыслахъ, можетъ быть поручено золотопромышленникамъ, но справедливость требуетъ, чтобы эти подати, а также полуторарублевый сборъ за билетъ были взыскиваемы съ тѣхъ только поселенцевъ, которые дѣйствительно работали на промыслахъ, и наконецъ, 4) установленное закономъ правило объ удержаніи пятой части изъ денегъ, заработанныхъ на пріискахъ ссыльно-поселенцами, съ тѣмъ, чтобы эти деньги выдавались на руки артельному старостѣ и вручались работнику по возвращеніи его домой, оказалось на дѣлѣ неудобнымъ. Толстой предлагалъ разрѣшить увольнять неводворенныхъ поселенцевъ, не получившихъ еще званія крестьянъ, не только на золотые промыслы, но и на другія работы и промыслы во всей Сибири; но комитетъ нашелъ это не удобнымъ, опасаясь, что такое разрѣшеніе уменьшитъ число пріисковыхъ рабочихъ и откроетъ имъ возможность уклоняться отъ хлѣбопашества. Предположенія Толстого объ увеличеніи пошлиннаго сбора при наймѣ рабочихъ на золотые промысла комитетъ также отклонилъ, такъ какъ въ виду предполагаемаго возвышенія подати съ золота было бы не удобно увеличивать и денежные сборы, взимаемые при наймѣ рабочихъ на золотые промыслы.

Въ маѣ 1848 г. комитетъ герцога Лейхтенбергскаго окончилъ разсмотрѣніе предположенныхъ измѣненій въ статьяхъ горнаго устава относительно найма рабочихъ и представилъ свое заключеніе министру финансовъ [1]). Министръ финансовъ внесъ проектъ о дополненіи правилъ найма рабочихъ на частные золотые промыслы съ своимъ заключеніемъ

ничество; во 2-хъ, посредствомъ устраненія смотрителей поселеній и волостныхъ правленій отъ участія въ сборахъ и правильною отчетностью обезпечить казну и экономическій капиталъ ссыльныхъ отъ утратъ, а ссыльныхъ отъ двойныхъ взысканій; въ 3-хъ, оградить золотопромышленниковъ отъ стѣсненій, которыя они встрѣчаютъ при полученіи билетовъ на рабочихъ и въ 4-хъ, возвысить казенный доходъ... чрезъ распространеніе на выдачу увольнительныхъ актовъ ссыльнымъ общихъ правилъ о паспортахъ и билетахъ и чрезъ установленіе новаго сбора за билеты для работъ на золотыхъ промыслахъ".

[1]) Арх. Гор. Департ., по описи № 91 дѣло 1839 г. № 3—13, ч. 2-я. Комитетъ повелѣно было закрыть 5 октября 1851 г.

въ государственный совѣтъ, и, по разсмотрѣніи его, онъ былъ утвержденъ государемъ 4 іюня 1851 г. Отмѣтимъ наиболѣе важные пункты этихъ новыхъ правилъ.

По закону 1838 г. паспорты или виды выдавались при наймѣ въ руки самимъ нанимающимся. Теперь было постановлено, что печатные билеты [1]), съ которыми отпускаются на золотые промыслы ссыльно-поселенцы, не получившіе еще званія крестьянъ или мѣщанъ, „выдаются по обоюдной словесной просьбѣ наемника и нанимателя, но *вручаются сему послѣднему* и должны оставаться до окончанія на пріискахъ работъ въ рукахъ его; нанявшимся же рабочимъ выдаются по наступленіи удобнаго для прохода на золотые пріиски времени особые путевые виды". Если срокъ билету истекъ, а ссыльно-поселенецъ пожелаетъ остаться на работѣ еще на годъ или менѣе, то, по засвидѣтельствованіи земскою полиціею объ этомъ желаніи, высылается *прямо къ нанимателю* [2]) новый билетъ для поселенца, если нѣтъ законнаго препятствія. Золотопромышленникамъ поставлено было въ обязанность удерживать съ работающихъ у нихъ поселенцевъ и представлять вслѣдъ за окончаніемъ на пріискахъ лѣтнихъ работъ всѣ состоящіе на поселенцахъ въ недоимкахъ подати и означенные на билетѣ сборы [3]). Вотъ и всѣ, имѣющія значеніе, постановленія высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта 4 іюня 1851 г. [4]). И къ этому закону подготовлялись съ 1839 г., т.-е. въ теченіе двѣнадцати лѣтъ! По-истинѣ гора родила мышь! Можно отмѣтить лишь отрицательное значеніе этого закона: при составленіи его была отвергнута та крайняя регламентація найма рабочихъ, на которой настаивали нѣкоторые администраторы.

9-го іюня 1851 г., т.-е. еще до распубликованія выше изложеннаго закона, министръ финансовъ обратился къ предсѣдательствовавшему въ совѣтѣ главнаго управленія Восточной Сибири съ просьбою о доставленіи заключенія относительно того, слѣдуетъ ли оставить въ силѣ или отмѣнить правила объ удержаніи у рабочихъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ изъ ссыльно-поселенцевъ пятой части наемной платы и вручение ея артельнымъ старостамъ для выдачи рабочимъ на мѣстѣ ихъ постояннаго жительства. Совѣтъ главнаго управленія Восточной Сибири въ ноябрѣ 1851 г. предложилъ отмѣнить это правило, „тѣмъ болѣе, что

---

[1]) Бланки которыхъ должны были печататься въ Петербургѣ при экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

[2]) По закону 1838 г. „къ нему" (работнику) „или, *если онъ просилъ*, прямо къ нанимателю".

[3]) Правило о невыдачѣ задатковъ болѣе 7 р. 50 к. сереб. было сохранено, также какъ и правило о выдачѣ по окончаніи работъ пятой части наемной платы поселенца не ему, а артельному старостѣ для врученія рабочему по возвращеніи домой.

[4]) П. С. З. т. XXVI № 25,254 (распубликовано 28 іюня).

цѣль сбереженія рабочими заработанной ими платы въ достаточной степени достигается принятыми г. генералъ-губернаторомъ и испытанными уже на дѣлѣ" мѣрами охраненія рабочихъ [1]). Отмѣнить это правило совѣтъ считалъ возможнымъ и потому, что въ то время, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, въ Иркутскѣ составлялся проектъ правилъ объ учрежденіи въ Сибири сберегательныхъ кассъ для простого народа и въ особенности для рабочихъ на пріискахъ и что по разсмотрѣніи и утвержденіи этихъ правилъ правительствомъ сберегательныя кассы принесутъ пользу, и, слѣдовательно, правило объ удержаніи у поселенцевъ пятой части ихъ заработка будетъ излишнимъ [2]). Но сибирскому населенію долго пришлось еще ждать сберегательныхъ кассъ, а на пріискахъ ихъ нѣтъ и до сихъ поръ.

Остановимся еще на нѣкоторыхъ изданныхъ въ 40-хъ годахъ узаконеніяхъ относительно рабочихъ на золотыхъ промыслахъ. Въ 1840 г. было постановлено взыскивать съ золотопромышленниковъ за каждаго ссыльнаго, нанимаемаго ими для работы на пріискахъ въ теченіе лѣта или цѣлаго года, въ пользу экономическаго капитала ссыльныхъ, „независимо отъ наемной платы", по 1 р. 50 коп. сереб. [3]).

Въ 1841 г. былъ возбужденъ вопросъ о дозволеніи владѣльцамъ поссессіонныхъ горныхъ заводовъ посылать въ Сибирь заводскихъ людей для производства золотого промысла. Государственный совѣтъ принялъ во вниманіе съ одной стороны затрудненія, встрѣчаемыя заводчиками въ пріисканіи надежныхъ людей изъ туземцевъ для „высшихъ занятій" по производству золотого промысла, требующихъ особеннаго искусства и опытности въ этомъ дѣлѣ, а съ другой „тѣ неудобства, съ которыми была бы сопряжена принужденная посылка въ Сибирь людей, не составляющихъ безусловной собственности владѣльцевъ", и потому положилъ: „не касаясь никакими ограниченіями пространства власти лицъ, владѣющихъ горными заводами или состоящими при нихъ людьми на *помѣщичьемъ* правѣ, относительно тѣхъ людей, которые приписаны къ симъ заводамъ на правѣ поссессіонномъ постановить, что посылка ихъ на золотые промыслы въ Сибирь западную и восточную владѣльцамъ хотя также разрѣшается, но не иначе, какъ подъ непремѣннымъ условіемъ собственнаго со стороны сихъ людей согласія, надлежащимъ образомъ заявленнаго". Императоръ Николай 17 сентября 1841 г. утвердилъ это мнѣніе государственнаго совѣта [4]).

Въ 1846 г. было дозволено отпускать мастеровыхъ и нижнихъ чиновъ съ казенныхъ уральскихъ заводовъ на частные золотые промыслы въ Сибири и другихъ мѣстахъ, не требуя зато отъ золотопромышленниковъ никакой платы въ пользу заводовъ, ни замѣны этихъ людей другими работниками, но съ соблюде-

---

[1]) Изложеніе этихъ мѣръ, принятыхъ Муравьевымъ въ 1848 г., см. ниже въ главѣ V.

[2]) Арх. Гор. Департ. по описи № 91 дѣло 1839 г. № 3—13, ч. 2-я, л. 465—472.

[3]) П. С. З. т. XV № 13657, II, п. 7. Въ источникахъ начала 50—хъ гг. есть указанія, что этотъ сборъ вычитался нанимателями изъ задатка ссыльно-поселенцевъ. Законъ 1843 г. о наказаніи ссыльно-поселенцевъ военнымъ судомъ за тяжкія преступленія (П. С. З. т. XVIII № 16611) см. ниже въ главѣ V.

[4]) П. С. З. т. XVI № 15031.

ніемъ слѣдующихъ правилъ: 1) командировки допускаются лишь при избыткѣ мастеровыхъ на заводахъ, вообще въ умѣренномъ количествѣ, не долѣе, какъ на три года для однихъ техническихъ занятій по золотому промыслу и не иначе, какъ съ разрѣшенія главнаго начальника завода. 2) Золотопромышленники, которымъ командируются казенные люди, обязаны назначить имъ со дня отбытія ихъ на промыслы по день возвращенія на заводы жалованье не менѣе, какъ въ двойномъ размѣрѣ сравнительно съ тѣмъ, какое они получали на заводахъ, и три четверти изъ него выдавать самимъ этимъ людямъ, а остальную четверть ежемѣсячно отсылать заводскому начальству для выдачи ихъ семействамъ. 3) Сверхъ того золотопромышленники должны продовольствовать командируемыхъ къ нимъ людей какъ на промыслахъ, такъ и на пути туда и обратно наравнѣ съ другими занимающими у нихъ такія же должности; при увольненіи же ихъ обратно съ промысловъ выдавать имъ годовое жалованье, какое они получали во время командировки. 4) На содержаніе ихъ семействъ при заводахъ золотопромышленники должны выплачивать деньги для пріобрѣтенія провіанта въ такомъ количествѣ, въ какомъ онъ выдавался имъ и прежде [1]).

Въ 1841 г. былъ также возбужденъ вопросъ, могутъ ли находиться евреи на золотыхъ промыслахъ. Отдѣльный засѣдатель по частнымъ золотымъ промысламъ енисейскаго округа донесъ генералъ-губернатору Восточной Сибири, что на нѣкоторыхъ промыслахъ оказались въ числѣ рабочихъ евреи изъ ссыльно-поселенцевъ. Хотя ихъ было очень немного, но такъ какъ на горныхъ заводахъ пребываніе имъ воспрещено, то онъ сообщилъ золотопромышленникамъ, чтобы на будущее время они старались евреевъ на промыслы не принимать, но такъ какъ въ положеніи о золотопромышленности 1838 г. ничего не сказано о нихъ, то отдѣльный засѣдатель представилъ объ этомъ на усмотрѣніе генералъ-губернатора Восточной Сибири, а тотъ въ своемъ представленіи министру финансовъ также высказался за воспрещеніе найма евреевъ на золотые промыслы. Министръ нашелъ, что указъ императора Александра I 19 декабря 1824 г., воспрещавшій держать евреевъ какъ на частныхъ, такъ и на казенныхъ горныхъ заводахъ, „долженъ относиться и до частныхъ золотыхъ промысловъ въ Сибири, ибо имѣетъ единственную цѣль— отвращеніе вреда, какой могутъ евреи причинять вообще горной промышленности противозаконнымъ переводомъ горныхъ металловъ [2]).

---

[1]) П. С. З. т. XXI № 20621.

[2]) Арх. Гор. Департ. по описи Минюсскаго, связ. 42-я, дѣло № 6.

ГЛАВА IV.

Проекты введенія обязательнаго труда на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ.

Въ исторіи развитія фабричной и заводской промышленности въ Европейской Россіи въ XVIII вѣкѣ весьма видную роль съигралъ трудъ рабочихъ несвободныхъ или, по крайней мѣрѣ, обязанныхъ работать въ извѣстномъ промышленномъ заведеніи. Помѣщики заставляли своихъ крѣпостныхъ отбывать барщину на фабрикахъ; купцамъ дозволено было пріобрѣтать деревни къ фабрикамъ и заводамъ съ тѣмъ, чтобы онѣ составляли ихъ неотъемлемую принадлежность, или на такія фабрики правительство отдавало нищихъ, бродягъ и т. п. (всѣ эти крестьяне и рабочіе, навсегда прикрѣпленные къ фабрикамъ, получили впослѣдствіи названіе поссессіонныхъ); наконецъ, къ горнымъ заводамъ приписывались государственные крестьяне для отработки на нихъ податей (такъ называемые приписные). Въ Сибири, какъ извѣстно, крѣпостныхъ почти вовсе не было, но за то для работъ на алтайскихъ и нерчинскихъ заводахъ вѣдомства Кабинета Е. В. было приписано не мало государственныхъ крестьянъ, которые должны были нести свой тяжелый, подневольный трудъ въ Нерчинскомъ округѣ до начала 50-хъ, а на Алтаѣ до нач. 60-хъ годовъ, между тѣмъ какъ крестьяне, приписанные къ уральскимъ горнымъ заводамъ, были избавлены отъ него еще при императорѣ Александрѣ I; было въ Сибири и нѣсколько поссессіонныхъ фабрикъ: Тальцинская фаянсовая близъ Иркутска, гдѣ работали ссыльно-поселенцы, Тельминская суконная (при впаденіи р. Тельмы въ Ангару), гдѣ работали ссыльно-поселенцы и крестьяне, и нѣкоторыя другія.

Съ самаго начала золотопромышленности въ Сибири владѣльцы промысловъ нашли въ ссыльно-поселенцахъ готовый контингентъ деше-

выхъ рабочихъ; но такъ какъ въ тридцатыхъ годахъ на пріискахъ было не мало волненій, а также весьма часты были побѣги рабочихъ [1]), то и частныя лица, и мѣстная администрація стали задумываться надъ введеніемъ на золотыхъ промыслахъ обязательнаго труда крѣпостныхъ или ссыльно-поселенцевъ, причемъ, какъ мы увидимъ, иногда подъ видомъ государственной пользы нѣкоторые предприниматели преслѣдовали свои узко-эгоистическіе интересы.

Въ 1837 г. на разсмотрѣніе сибирскаго комитета было внесено по Высочайшему повелѣнію слѣдующее предложеніе егермейстера Павла Демидова. Развитіе золотопромышленности въ Сибири подало ему мысль воспользоваться этимъ промысломъ „не только для пріобрѣтенія выгодъ личныхъ“, но и для пользы тамошняго края и особенно „для нравственнаго улучшенія состоянія ссыльно-поселенцевъ“. Онъ предполагалъ безвозвратно пожертвовать въ теченіе 5 лѣтъ на производство розысковъ капиталъ въ 20,0000 р. асс. съ тѣмъ, что если въ первые четыре года найденные пріиски окажутся невыгодными, то предпріятіе это прекращаетъ свое существованіе. Кромѣ названной суммы Демидовъ на разработку пріисковъ назначалъ капиталъ въ 300,000 р. съ возвратомъ изъ прибылей ему или его наслѣдникамъ. Если затѣмъ накопится изъ прибылей капиталъ не менѣе 500,000 руб., то онъ употребляется на производство работъ, и затѣмъ послѣдующая прибыль раздѣляется на сто равныхъ паевъ, изъ которыхъ 25 составляютъ собственность Демидова или его наслѣдниковъ, другіе 25 употребляются на развѣдки или разработку пріисковъ, а остальные 50 — на принятіе мѣръ для устройства быта ссыльно-поселенцевъ. Изъ сказаннаго видно, что очередь для этихъ послѣднихъ мѣръ должна была наступить не скоро.

Предложенныя Демидовымъ „мѣры нравственнаго устройства ссыльно-поселенцевъ“ должны были имѣть цѣлью „всегдашнимъ примѣромъ добрыхъ нравовъ, семейной жизни и постояннымъ надзоромъ обратить ихъ къ порядку и трудолюбію“. Для этого Демидовъ предлагалъ: увеличить населеніе преимущественно въ мѣстахъ золотопромышленности посредствомъ вызова въ Сибирь или *покупки и переселенія* туда земледѣльцевъ, и дѣйствіемъ обоюдныхъ выгодъ, наградъ и поощреній соединить съ ними соразмѣрное число ссыльно-поселенцевъ“. Демидовъ предлагалъ назвать переселенцевъ „*приписными къ золотымъ промысламъ*“ и употреблять ихъ въ работу на общемъ основаніи, за опредѣленную задѣльную плату. „На счетъ прибылей имъ могутъ быть предоставлены особыя облегченія отъ податей и денежныхъ повинностей“. По мѣрѣ устройства переселяемыхъ крестьянъ авторъ проекта предлагалъ присоединять къ нимъ ссыльно-поселенцевъ, которые должны были входить въ составъ

[1]) См. выше, гл. I.

ихъ семействъ и, завися отъ главы дома, работать, какъ и переселенные, „участвуя съ ними въ земледѣльческихъ занятіяхъ и выгодахъ“, получаемыхъ отъ разработки. Каждому семейству, изъ котораго будетъ добровольно выдана дочь или родственница въ замужество за ссыльнаго, предполагалось опредѣлить денежное вознагражденіе.

Сибирскій комитетъ постановилъ, что начало осуществленія этого предпріятія зависитъ отъ самого Демидова, такъ какъ онъ уже имѣетъ дозволеніе заниматься золотопромышленностью; предложенныя-же имъ мѣры для устройства быта ссыльныхъ, связанныя съ успѣшною разработкою пріисковъ и слѣдовательно не требующія немедленнаго разрѣшенія, комитетъ нашелъ болѣе удобнымъ обсудить впослѣдствіи, а пока поручилъ сибирскимъ ген.-губернаторамъ подробно разсмотрѣть эти предположенія относительно устройства быта ссыльныхъ. Заключеніе комитета было утверждено государемъ.

Генералъ-губернаторъ Западной Сибири, кн. Горчаковъ, указалъ на то, что золотыя розсыпи разбросаны небольшими участками среди неприступныхъ горъ, болотъ и дремучихъ лѣсовъ, что онѣ очень скоро истощаются и вынуждаютъ промышленниковъ искать золота въ другихъ мѣстахъ; поэтому устроить „постоянное водвореніе“ вдали отъ жилыхъ мѣстъ и при самыхъ неудобныхъ путяхъ сообщенія, „въ полосѣ возвышенной и суровой“, гдѣ невозможно ожидать успѣшнаго занятія земледѣліемъ, было-бы крайне затруднительно, сопряжено съ большими издержками и тягостью для поселяемыхъ“. Если же переселенцы будутъ заниматься только пріисковыми работами, то лѣтомъ они будутъ имѣть заработокъ, а зимою ихъ придется содержать „себѣ въ убытокъ“. Но это генералъ-губернаторъ Западной Сибири считалъ совершенно частнымъ дѣломъ и не нашелъ ничего противозаконнаго въ предположеніяхъ Демидова. Рѣшительнѣе отнесся кн. Горчаковъ къ предположеніямъ Демидова о „причисленіи ссыльно-поселенцевъ къ вновь возводимымъ собственнымъ его селеніямъ“. Онъ замѣтилъ, что хотя въ проектѣ Демидова „не объяснено, какимъ образомъ, добровольно или дѣйствіемъ власти, и на какомъ положеніи будутъ эти посельщики смѣшаны съ покупными во внутреннихъ губерніяхъ и переселяемыми сюда собственными его крестьянами, но должно подразумѣвать, что, бывъ правительствомъ причислены къ симъ послѣднимъ, должны они сдѣлаться его крѣпостными, какъ хозяина золотопромывальнаго завода,—распоряженіе, противное существующимъ узаконеніямъ, на которое, дорожа своей свободой, безъ сомнѣнія, никто изъ поселенцевъ по доброй волѣ не согласится, и не токмо не представляющее надежды на прочное ихъ водвореніе“, но весьма вѣроятно способное повлечь за собою „явное сопротивленіе или, по крайней мѣрѣ, сопряженное съ усугубленіемъ бродяжничества, разбоя и другихъ безпорядковъ около тѣхъ самыхъ мѣстъ, гдѣ наиболѣе

необходимо обратить вниманіе на сохраненіе благоустройства". Однимъ словомъ, предположенія Демидова относительно устройства быта ссыльныхъ кн. Горчаковъ нашелъ неудобоисполнимыми.

Въ Восточной Сибири проектъ Демидова былъ предварительно переданъ на заключеніе губернскихъ совѣтовъ. Иркутскій совѣтъ отнесся къ нему сочувственно, напротивъ енисейскій—нашелъ, что „въ настоящихъ обстоятельствахъ губерніи, когда для нея гораздо полезнѣе поддержаніе земледѣлія, нежели распространеніе золотопромышленности, и когда послѣ двухъ неурожайныхъ годовъ при нынѣшнемъ почти неимовѣрномъ возвышеніи цѣны на хлѣбъ [1]), мѣстное начальство не совершенно увѣрено въ свободномъ продовольствіи даже коренныхъ жителей или водворенныхъ уже здѣсь поселенцевъ, всякій новый приливъ сюда народа можетъ быть даже вреднымъ для благосостоянія Енисейской губерніи", а потому предположеніе Демидова не можетъ быть теперь исполнено безъ важныхъ безпорядковъ, затрудненія и народнаго отягощенія. Совѣтъ главнаго управленія Восточной Сибири (мнѣніе котораго было утверждено генералъ-губернаторомъ Рупертомъ въ мартѣ 1839 г.) согласился съ мнѣніемъ енисейскаго губернскаго совѣта и не нашелъ возможнымъ обсуждать правила относительно выписки людей изъ Россіи, не будучи увѣреннымъ, что составится нужный для этого капиталъ, тѣмъ болѣе, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ обстоятельства могутъ сильно измѣниться.

Въ 1839 г. Павелъ Демидовъ обратился къ министру финансовъ съ прошеніемъ, въ которомъ, ссылаясь на то, что на жертвуемый имъ капиталъ третій годъ производятся розыски въ Западной и Восточной Сибири, но до сихъ поръ почти безъ всякаго успѣха, и не желая, чтобы капиталъ его былъ затраченъ безплодно, просилъ надѣлить его двумя благонадежными золотыми пріисками изъ тѣхъ, которые по какимъ-либо причинамъ поступили или должны будутъ поступить отъ другихъ золотопромышленниковъ въ казну. Съ соизволенія государя, просьба Демидова была исполнена. Но со стороны Демидова предъявлялись и гораздо бо́льшія притязанія. Въ 1838 г. его повѣренный, купецъ Ѳ. Соловьевъ, подалъ прошеніе о предоставленіи для задуманнаго Демидовымъ предпріятія—улучшенія нравственности ссыльно-поселенцевъ — пустопорожняго мѣста (въ Колыонской волости Томскаго, нынѣ Маріинскаго округа), простирающагося въ длину отъ 30 до 35, а въ ширину отъ 25 до 30

[1]) Изъ донесенія жандармскаго генерала Фалькенберга (1839 г.) видно, что вслѣдствіе неурожая ржи цѣна его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Енисейской и Иркутской губ. доходило до 4 р. асс. за пудъ. Въ Томской губ. въ 1838 г. цѣна четверти ржи, по оффиціальному извѣстію, доходила до 9 р., а въ 1839 г., до 15 р. асс. за четверть. Арх. Горн. Деп., опись 91, дѣло № 3/13.

верстъ (!), на которомъ Соловьевымъ были найдены золотыя розсыпи съ тѣмъ, чтобы не дозволялось никому изъ частныхъ золотопромышленниковъ дѣлать поиски и давать отводы, такъ какъ на этомъ мѣстѣ удобно поселить, согласно извѣстному выше проекту, крѣпостныхъ людей его довѣрителя. Тутъ уже довольно откровенно раскрывалась настоящая подкладка филантропическихъ затѣй Демидова! Прежде, чѣмъ былъ полученъ отвѣтъ на эту просьбу, Демидовъ умеръ, и наконецъ въ іюлѣ 1841 г. товарищъ министра финансовъ приказалъ объявить Соловьеву, что пространство, которое онъ просилъ отвести для предпріятія Демидова, оказалось не пустопорожнимъ, а на немъ находится много пріисковъ другихъ промышленниковъ, и что водвореніе тамъ крѣпостныхъ людей Демидова главное начальство Западной Сибири признаетъ во многихъ отношеніяхъ неудобнымъ, да притомъ допущеніе такого водворенія было-бы несогласно съ Высочайше утвержденнымъ 12-го августа 1830 г. положеніемъ комитета министровъ, воспрещающимъ селить на земляхъ въ Сибири людей крѣпостного состоянія [1]), а потому просьба его, Соловьева, не можетъ быть удовлетворена; разработку же розсыпей, открытыхъ имъ на указанномъ пространствѣ, онъ можетъ производить по выданному уже прежде Демидову дозволительному свидѣтельству и на основаніи существующихъ правилъ о частной золотопромышленности въ Сибири.

Вскорѣ послѣ того въ августѣ 1842 года опекуны малолѣтнихъ наслѣдниковъ Демидова заявили министру финансовъ, что развѣдки, предпринятыя для осуществленія извѣстнаго предположенія Демидова, оказались неудачными, а между тѣмъ на нихъ уже затрачено 207,000 р. ассигн., и потому просили считать это предпріятіе оконченнымъ [2]).

По проекту Демидова предполагалось воспользоваться для работъ на золотыхъ промыслахъ трудомъ и крестьянъ, переселенныхъ изъ Европейской Россіи, и ссыльно-поселенцевъ. Но правительству было сдѣлано не мало предложеній и относительно приложенія къ золотопромышленности обязательнаго труда тѣхъ или другихъ отдѣльно. Въ 1839 г. одинъ помѣщикъ ходатайствовалъ о дозволеніи переселить въ Сибирь часть его крестьянъ для добыванія золота въ пользу богоугод-

---

[1]) Въ опубликованномъ въ Полн. соб. зак. указѣ 12-го августа 1830 г. нѣтъ такого запрещенія (см. 2-е П. С. З. т. V, № 3,849), а указомъ 27-го октября 1839 г. (2-е П. С. З. т. XIV, № 12,814) оно установлено лишь относительно земель, пожалованныхъ для учрежденія фабричныхъ и промышленныхъ заведеній. Правда, на докладѣ Киселева 1839 г. императоръ Николай положилъ такую резолюцію: „ни въ какомъ случаѣ поселеніе помѣщичьихъ крестьянъ допущено въ Сибири быть не можетъ“, но эта резолюція государя осталась не обнародованною. См. мою книгу „Крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка“, т. II, 546—547.

[2]) Арх. Горн. Деп., дѣло деп. горн. и соляныхъ дѣлъ, 1 разр., № 2/161.

наго заведенія, но императоръ Николай приказалъ отвѣтить, что ни въ какомъ случаѣ поселеніе помѣщичьихъ крестьянъ въ Сибири допущено быть не можетъ [1]). Послѣ изданія указа 1842 г., по которому помѣщикамъ было дозволено обращать своихъ крестьянъ въ обязанныхъ, явилась попытка воспользоваться этимъ указомъ въ интересахъ золотопромышленности. Въ 1844 г. отставной оберъ-бергмейстеръ Порѣцкій представилъ при прошеніи на имя государя проектъ устава компаніи на акціяхъ для колонизаціи Сибири обязанными крестьянами съ цѣлью улучшенія въ этомъ краѣ сельскаго хозяйства и золотопромышленности. Графъ Бенкендорфъ, самъ бывшій пайщикомъ одной золотопромышленной компаніи и потому неравнодушный ко всему, что могло быть выгодно для золотопромышленниковъ, доложилъ о содержаніи этого проекта государю, который и повелѣлъ сообщить его министрамъ финансовъ и государственныхъ имуществъ.

По проекту Порѣцкаго предполагалось учредить компанію для водворенія въ Сибири на отведенныхъ отъ казны земляхъ помѣщичьихъ крестьянъ, которые по прибытіи туда обращаются сначала въ крестьянъ обязанныхъ, а потомъ получаютъ полную свободу. Компаніи этой (капиталъ которой долженъ былъ составиться изъ 1000 акцій и акціонерами которой могли быть только дворяне) предоставляется десятилѣтняя „исключительная привилегія“. Компанія въ теченіе этого времени каждый годъ заявляетъ мѣстному начальству, какое количество земли необходимо для водворенія колонистовъ, считая по 15 десятинъ на ревизскую душу, и если въ 10 лѣтъ отмежеванное количество удобной земли не будетъ заселено, то излишнія десятины по числу ревизскихъ душъ поступаютъ обратно въ казну. „Дабы основать благосостояніе колонистовъ и устранить долговременныя ихъ отлучки отъ семействъ“, говоритъ Порѣцкій въ своемъ проектѣ, „необходимы совокупность промысловыхъ работъ и удобное размѣщеніе мастеровыхъ при самыхъ золотыхъ пріискахъ“. Для этой цѣли никому не принадлежащія золотыя розсыпи должны быть отводимы компаніи, не ограничиваясь ни пятиверстнымъ протяженіемъ ихъ въ длину, ни стосаженною шириною, какъ это требовалось правилами 1838 г., но смотря по мѣстности и средствамъ компаніи; не слѣдуетъ также ограничивать владѣніе пріисками 12-лѣтнимъ срокомъ. Компанія должна была пріобрѣтать людей или по разсчетамъ съ помѣщиками-акціонерами, или выкупомъ у постороннихъ помѣщиковъ цѣлыми селеніями. Переселеніе въ Сибирь должно было совершаться постепенно, по мѣрѣ приготовленія домовъ для колонистовъ, которыхъ предполагалось переселить въ первый годъ отъ 700 до 1000 душъ, а въ послѣдующіе годы болѣе 1000 въ каждый:

[1]) Арх. Мин. Гос. Им., дѣло V отд. Соб. Е. В. Канц. № 894/730, л. 35—37.

колонистамъ предоставляется трехлѣтняя льгота отъ платежа податей и повинностей, которыя въ это время должна была платить за нихъ компанія. Изъ крестьянъ и мастеровыхъ, пока они будутъ „обязанными“ компаніи, половина годныхъ къ труду должна была всегда находиться на пріисковой работѣ, остальные-же при сельскихъ занятіяхъ, а черезъ 35 лѣтъ по переходѣ въ вѣдѣніе компаніи они получаютъ свободу съ усадьбами, пашенною и сѣнокосною землею; техническія-же заведенія остаются собственностью компаніи. Крестьяне и мастеровые, получившіе увѣчья или болѣзни, пользуются пенсіею на основаніи горнаго устава; на средства компаніи содержатся также безродные и престарѣлые колонисты и ихъ дѣти сироты. Министерство финансовъ нашло проектъ Порѣцкаго „не заслуживающимъ уваженія“ въ виду воспрещенія селить въ Сибири крѣпостныхъ и такъ какъ предположенія объ отводѣ компаніи пріисковъ противорѣчатъ закону 1838 г. и послужили бы къ стѣсненію другихъ золотопромышленниковъ [1]); вслѣдствіе этого государь повелѣлъ отказать Порѣцкому въ его просьбѣ [2]).

Въ 1846 г. генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Рупертъ предлагалъ переселить изъ малоземельныхъ великороссійскихъ губерній отъ 100 до 150 тысячъ крестьянъ для содѣйствія развитію золотопромышленности. Кромѣ того, онъ совѣтовалъ дозволить золотопромышленникамъ переселять на свой счетъ (по предварительному разрѣшенію властей) крѣпостныхъ и вольныхъ людей, снабжая ихъ домами, скотомъ, сѣменами и другими хозяйственными принадлежностями съ тѣмъ, чтобы выведенные владѣльцемъ золотыхъ промысловъ крѣпостные, послѣ поселенія ихъ на удобныхъ казенныхъ земляхъ, должны были прослужить владѣльцу пятнадцать лѣтъ за умѣренную плату (изъ нихъ половина должна была быть на пріисковыхъ работахъ, а другая заниматься хлѣбопашествомъ). На переселеніе въ этотъ край свободныхъ людей (мѣщанъ и крестьянъ) золотопромышленники должны были заключать съ ними условія, которыя должны были представляться на разсмотрѣніе министра финансовъ и исполняться по распоряженію сената. Предположеніе Руперта, какъ и проектъ Порѣцкаго, было оставлено безъ всякихъ послѣдствій [3]).

---

[1]) Министръ государственныхъ имуществъ Киселевъ съ своей стороны замѣтилъ по поводу проекта Порѣцкаго, что поселенія для разработки частныхъ золотыхъ пріисковъ „въ мѣстахъ, большею частью неудобныхъ“ и удаленныхъ отъ жилыхъ мѣстъ, „не обезпечиваютъ быта крестьянъ на будущее время и могутъ поставить правительство въ затрудненіе на счетъ устройства поселянъ по освобожденіи ихъ отъ обязанностей относительно владѣльцевъ“.

[2]) Арх. Мин. Гос. Им., дѣло V отд. Соб. Е. В. Канц. № 894/730.

[3]) Архивъ Горн. Департам., по описи № 90, 1846 г. № 84 — 79 (вяз. 9) л. 21—23, 54—57.

Таковы предположенія о переселеніи въ Сибирь крестьянъ въ интересахъ золотопромышленниковъ. Что касается ссыльно-поселенцевъ, то мы находимъ по этому поводу предположенія въ запискѣ жандармскаго офицера Мишо (1834 г.). По его мнѣнію, частные золотые промыслы представляютъ „вспомогательный способъ для необходимаго устройства скитающихся нынѣ по Сибири жалкихъ, несчастныхъ посельщиковъ... Работникъ въ продолженіе лѣта можетъ тамъ пріобрѣсти съ большимъ избыткомъ средства на содержаніе себя", которыя „при точныхъ исполнителяхъ хорошихъ мѣръ... послужатъ къ обзаведенію, къ устройству людей, сосланныхъ на поселеніе". Съ этою послѣднею цѣлью, т.-е. для улучшенія быта ссыльно-поселенцевъ посредствомъ обязательной работы на золотыхъ промыслахъ, капитанъ Мишо предложилъ слѣдующія мѣры. Часть поселенцевъ Томской губерніи, которые не съумѣли собственными средствами создать себѣ прочную осѣдлость, онъ совѣтовалъ назначить для составленія рабочихъ командъ, по 200 человѣкъ каждая, для работъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ той же губерніи. Команды доставляются начальствомъ на работы по требованію промышленниковъ, причемъ главныя условія контрактовъ, плата рабочимъ, ихъ содержаніе, размѣръ уроковъ — должны быть опредѣлены разъ навсегда по предварительному соглашенію администраціи съ промышленниками. Рабочія команды подчиняются военной дисциплинѣ, и ихъ начальство строго наблюдаетъ какъ за поведеніемъ рабочихъ, такъ и за точнымъ исполненіемъ всѣхъ условій контрактовъ. Деньги, заработанныя поселенцами на промыслахъ, считаются ихъ собственностью, но получаются и хранятся главнымъ начальникомъ рабочихъ командъ. Во время пріисковыхъ работъ они получаютъ пищу отъ хозяевъ, въ зимнее время составляются артели для закупки припасовъ на заработанныя ими деньги; квартиры на зиму имъ можно отводить въ селеніяхъ на основаніяхъ постойной повинности. Для ихъ зимнихъ занятій Мишо предлагалъ строить мастерскія для изготовленія одежды, обуви и проч. Люди, заработавшіе на промыслахъ сумму, достаточную для ихъ полнаго обзаведенія своимъ домомъ, препровождаются для водворенія въ особыя поселенія, приготовляемыя другими рабочими командами изъ поселенцевъ, причемъ слѣдовало вычитать изъ заработанныхъ ими денегъ по установленнымъ цѣнамъ за дома, вещи и все хозяйство, которымъ они будутъ снабжены. Графъ Канкринъ, которому были сообщены предположенія Мишо, препроводивъ ихъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, съ своей стороны нашелъ ихъ неудобными [1]).

Къ той же мысли возвратился въ 1839 г. жандармскій генералъ Фалькенбергъ, который также предлагалъ составить команды чернорабо-

[1]) Арх. Гор. Деп., по описи дѣламъ 1 стола 3 отд. Д-та Горн. и Солян. Дѣлъ, 1835 г. № 1061.

чихъ на золотыхъ промыслахъ изъ ссыльно-поселенцевъ, преимущественно неженатыхъ и тѣхъ, которые уклоняются отъ заведенія своего хозяйства, съ тѣмъ, чтобы вырабатываемыя ими деньги употреблялись на ихъ одежду, пищу и уплату государственныхъ податей. Такъ какъ потребность въ рабочихъ на золотыхъ промыслахъ увеличилась, то возможно было бы, по мнѣнію Фалькенберга, допустить на нихъ и каторжныхъ, употребляя выработанныя ими деньги на ихъ одежду и прокормленіе, а частію и на содержаніе надзирающей за ними военной команды. Предположенія Фалькенберга были оставлены безъ всякихъ послѣдствій [1]); что же касается работъ ссыльно-каторжныхъ на золотыхъ промыслахъ, то эта мысль была осуществлена администраціею Восточной Сибири гораздо позднѣе, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, при генералъ-губернаторѣ Синельниковѣ, на олекминскихъ и амурскихъ промыслахъ.

Министръ государственныхъ имуществъ Киселевъ, при обсужденіи имъ въ 1844 г. проекта Порѣцкаго, замѣтилъ, что съ цѣлью обезпеченія золотопромышленниковъ рабочими имъ было бы удобнѣе позаботиться объ устройствѣ осѣдлости ссыльно-поселенцевъ съ тѣмъ, чтобы послѣдніе, послѣ извѣстнаго числа лѣтъ работы, получали бы въ собственность устроенные для нихъ дома и хозяйства и такимъ образомъ имѣли-бы побужденіе къ работѣ и хорошему поведенію. Киселевъ напомнилъ, что при Сперанскомъ было приступлено въ Сибири къ учрежденію изъ ссыльно-поселенцевъ рабочихъ ротъ для устройства дорогъ [2]). Эту мысль Киселевъ повторилъ 2 года позднѣе во всеподданнѣйшемъ докладѣ о послѣдствіяхъ ревизіи государственныхъ имуществъ въ Сибири [3]), но, тѣмъ не менѣе, она не была осуществлена [4]).

Такимъ образомъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ всѣ попытки прикрѣпленія къ сибирскимъ золотымъ промысламъ крестьянъ и ссыльно-поселенцевъ къ счастію потерпѣли крушеніе (точно также была отвергнута мысль объ отправленіи на пріисковыя работы поселенческихъ и

---

[1]) Арх. Гор. Деп., по описи № 91, № 3—13, ч. I, л 165—170.

[2]) Арх. Мин. Гос. Им., дѣло V, Отд. № 894—730, л. 37.

[3]) Арх. М. Г. И., дѣло V, отд. № 315—229, т. 5-й, л. 10.

[4]) Были и совершенно противоположныя предложенія: совершенно воспретить сибирскимъ поселенцамъ и крестьянамъ наниматься на золотые промыслы для предупрежденія упадка земледѣлія въ Сибири и дозволить наниматься туда только рабочимъ изъ европейской Россіи. Двѣ записки съ такимъ предложеніемъ были присланы изъ Красноярска и Иркутска. Комитетъ герцога Лейхтенбергскаго (см. гл. III) въ 1846 и 1847 гг. нашелъ, что осуществленіе такой мѣры было бы въ высшей степени затруднительно по отдаленности великороссійскихъ губерній отъ золотыхъ промысловъ „и по крайнему неудобству (?) поощрять свободный переходъ изъ Россіи людей въ страну, назначенную по законамъ нашимъ мѣстомъ ссылки и кары“. Арх. Горн. Департ., по описи № 91, дѣло № 3—10, 1846 г., ч. II, л. 19—20, 62—66; по описи № 90, дѣло № 95—87 (св. 11), л. 4—8.

каторжныхъ командъ); но то, чего золотопромышленники не пріобрѣли путемъ юридическаго закрѣпленія, было въ извѣстной степени достигнуто ими посредствомъ экономическаго закабаленія рабочихъ вслѣдствіе полной имущественной несостоятельности поселенцевъ. Многіе изъ этихъ послѣднихъ, разъ начавши тяжелую карьеру пріисковаго труда, не имѣли возможности покинуть ее до тѣхъ поръ, пока, истощивъ всѣ свои силы, были разсчитаны за ненадобностью, а иной разъ и умирали на пути гдѣ-нибудь въ тайгѣ; уже въ первой половинѣ 40-хъ годовъ можно было встрѣтить на сибирскихъ промыслахъ рабочихъ, которые занимались этимъ трудомъ болѣе 15-ти лѣтъ.

ГЛАВА V.

Бытъ рабочихъ съ конца 30-хъ до начала 50-хъ годовъ.

Число и составъ рабочихъ въ сороковыхъ годахъ.—Поисковыя партіи.—Наемъ рабочихъ.—Размѣръ задатка.—Контракты.—Путешествіе на пріиски.—Число неявившихся.—Количество рабочихъ часовъ.—Размѣръ уроковъ.—Рабочая плата.—Старательскія работы.—Жилища и пища.—Употребленіе вина.—Семейства рабочихъ.—Пріисковыя лавки.—Введеніе таксъ на промыслахъ Западной Сибири.—Болѣзни и врачебная помощь.—Наказаніе рабочихъ.—Пріисковая полиція.—Побѣги и волненія.—Общій размѣръ заработка.—Величина додачи, забора до разсчета и долговъ.—Похищеніе золота.—Выходъ съ пріисковъ послѣ осенняго разсчета.—Мѣры Муравьева 1848 г.—Наемъ на зимнюю операцію.

Въ 40-хъ годахъ золотопромышленность въ Сибири пошла впередъ быстрыми шагами. Въ 1840 г. была открыта сѣверная система золотыхъ промысловъ Енисейскаго округа, вскорѣ послѣ того началась частная добыча золота въ Верхнеудинскомъ округѣ (за Байкаломъ) [1]) и въ Олекминскомъ округѣ Якутской области [2]). Количество добываемаго золота постепенно все увеличивалось, и съ 216 пуд. (въ 1840 г.) оно поднялось въ 1847 г. до 1.337 пуд., послѣ чего вновь стало нѣсколько уменьшаться (въ 1849 г.—1.214 пуд.). Самыми богатыми золотомъ изъ всѣхъ золотопромышленныхъ раіоновъ были сѣверная и южная часть Енисей-

---

[1]) Въ 1843 г. было дозволено заниматься золотопромышленностью въ Верхнеудинскомъ округѣ лишь нѣкоторымъ лицамъ (П. С. З. т. XVIII, № 16877, ср. № 16883, т. XXII, № 20931) и до 1849 г. промывка золота производилась здѣсь въ довольно ничтожномъ количествѣ. *Раселли*, 11, *Боголюбскій* „Золото“, 100.

[2]) Поиски золота начались здѣсь съ 1842 г. (см. письмо *Зензинова* въ „Москвитянинѣ“ 1843 г. № 6), и въ 1844 г. на олекминскихъ пріискахъ по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ находилось уже болѣе 1000 рабочихъ (Арх. Горн. Деп., по описи № 91, дѣло № 3—13, 1839 г. ч. 2-я, л. 12); по другимъ источникамъ менѣе (ср. „Горн. Журн.„ 1845 г. № 3, стр. 430).

скаго округа (въ 1847 г. въ первой изъ нихъ было добыто 895 пуд., во второй 316 пуд. золота).

Всего рабочихъ на пріискахъ, находившихся въ завѣдываніи Алтайскаго горнаго правленія (въ томъ числѣ въ Ачинскомъ, Минусинскомъ и Красноярскомъ округахъ), числилось по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ: 1843 г.—6.181, въ 1844 г.—8.080, въ 1846 г.—6.841, въ 1847—6.059, въ 1848 г.—5.801 чел. На пріискахъ восточной Сибири числилось: въ 1846 г.—24.512, въ 1847 г.—21.665, въ 1848 г.—18.582, въ 1849 г.—19.553 чел. Такимъ образомъ во всей Сибири рабочихъ, занятыхъ добываніемъ золота на частныхъ промыслахъ, считалось: въ 1846 г.—31.353, въ 1847 г.—27.724, въ 1848 г.—24.383 чел. Но по другимъ даннымъ рабочихъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ было въ Сибири 1847 г.—32.518, въ 1848 г.—27.463, въ 1849 г.—29.208. Такимъ образомъ между двумя оффиціальными цифрами мы находимъ разницу въ 1847 г. почти въ 5.000, въ 1848 г. болѣе, чѣмъ въ 3.000 чел. [1]). Это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что меньшія цифры показываютъ число рабочихъ „по разсчету на одинъ день", причемъ общее число рабочихъ дѣлилось на все число дней операціи и, слѣдовательно, получалось число не дѣйствительныхъ, а такихъ фиктивныхъ рабочихъ, которые будтобы трудились все время безъ пропусковъ, чего на дѣлѣ, конечно, не было. Количество рабочихъ, дѣйствительно бывшихъ на пріискахъ, всегда болѣе числа подобныхъ фиктивныхъ годовыхъ работниковъ и потому изъ двухъ цифръ, показанныхъ въ оффиціальныхъ источникахъ, ближе къ дѣйствительности бо̀льшая, а не меньшая цифра.

Въ Восточной Сибири золотопромышленность приняла форму болѣе крупнаго производства, чѣмъ въ Западной: въ Киргизской степи приходилось въ 40-хъ годахъ среднимъ числомъ („по разсчету на одинъ день") по 56 чел. рабочихъ на каждый пріискъ, въ Томскомъ округѣ по 87 чел., между тѣмъ въ южной части Енисейскаго округа въ 1846—49 гг. по 156 ч., въ сѣверной части того же округа по 192 чел.

Въ числѣ пріисковыхъ рабочихъ преобладающимъ элементомъ были ссыльно-поселенцы: на томскихъ промыслахъ въ 1847—49 гг. они составляли 72—73%, на промыслахъ всей Енисейской губерніи въ 1847 г.—68%, въ 1848 г.—67%, въ 1849 г.—62%. Слухъ о большихъ заработкахъ на сибирскихъ промыслахъ привлекалъ туда рабочихъ и изъ Европейской Россіи: на пріискахъ Енисейской губерніи въ 1847—48 гг. ихъ было 12% всѣхъ рабочихъ, а въ 1849 г. уже 16% (на промыслахъ Томской губерніи менѣе 5—8% [2]).

---

[1]) См. Дополненіе II (въ концѣ тома).

[2]) Въ 1840 г. на пріискахъ Томской губерніи поселенцы составляли около 79% всѣхъ рабочихъ, въ томъ числѣ ссыльно-дряхлые около 4%, мѣстные крестьяне—5%,

Въ числѣ крестьянъ изъ Европейской Россіи были и крѣпостные. Такъ, въ Восточной Сибири работало на пріискахъ въ 1847 г.—1.722 помѣщичьихъ крестьянина, въ 1848 г.—1.437 чел. и въ 1849 г. 2.118 чел. Значительный процентъ среди великороссовъ составляли уроженцы Нижегородской губерніи, вслѣдствіе чего всѣхъ пріисковыхъ рабочихъ изъ Европейской Россіи стали называть „нижегородами". Мѣстныя власти впервые обратили вниманіе на это стремленіе нижегородскихъ крестьянъ на промыслы въ половинѣ 40-хъ годовъ. Въ 1845 г. предсѣдатель нижегородской казенной палаты нашелъ нужнымъ „секретно" донести министру финансовъ, что въ прошломъ 1844 г., вслѣдствіе разнесшихся между крестьянами Нижегородской губерніи слуховъ о выгодныхъ зароботкахъ на золотыхъ промыслахъ въ Сибири, нѣсколько крестьянъ отправились туда и по возвращеніи убѣдили и другихъ заняться этимъ промысломъ, который они нашли для себя выгоднымъ. Въ мартѣ 1845 г. отъ партіи въ 27 чел. крестьянъ, принадлежавшихъ къ одной вотчинѣ, получено было на родинѣ письмо изъ Томска, что они подрядились тамъ у золотопромышленника Бекетова заниматься на пріискахъ вскрытіемъ турфа (незолотоносной породы) по 3 р. сер. за кубическую сажень; они получили впередъ по 150 р. ассигн. (около 43 р. сер.) [1]) на каждаго и прислали своимъ семействамъ 3.765 р. ассигн., т.-е. почти весь свой задатокъ. Вслѣдъ за ними отправились и другіе [2]).

Кромѣ общихъ данныхъ о процентномъ отношеніи различныхъ категорій пріисковыхъ рабочихъ, мы имѣемъ, по крайней мѣрѣ относительно отдѣльныхъ пріисковъ, и болѣе подробныя свѣдѣнія. Въ 1843 г. сенаторъ И. Н. Толстой, производившій ревизію въ Восточной Сибири, потребовалъ отъ мѣстныхъ золотопромышленниковъ сообщенія свѣдѣній относительно рабочихъ на ихъ промыслахъ. Въ присланныхъ на этотъ запросъ вѣдомостяхъ мы находимъ данныя относительно поселенцевъ: 1) такъ называемыхъ „пропитанныхъ", т.-е. неспособныхъ къ труду и требовавшихъ призрѣнія, 2) окладныхъ и 3) льготныхъ. Изъ такихъ вѣдомостей, присланныхъ съ Прокопьевскаго пріиска К° Боровкова (южной части Енисейскаго округа), мы видимъ, что тамъ въ 1843 г. было 32 пропитанныхъ поселенца, возрастъ которыхъ колебался между 35 и 82 (!) годами, въ среднемъ же равнялся 54 годамъ. Продолжительность пребыванія ихъ на промыслахъ колебалась между 1 и 12 годами, а въ

женщины — 5%, дѣти—менѣе 3%, мѣщане и разночинцы другихъ губерній болѣе 8%. *Гагемейстеръ*, „Стат. Обозр. Сибири" II, 431, 462; Арх. Горн. Деп. по описи № 91, дѣло № 3—39 вяз. 2, л. 75—99, 239, ч. 7-я, л. 45—54; Арх. Мин. Госуд. Имущ., дѣло V отд. Соб. Е. В. Канц. № 315, т. IV, л. 194.

[1]) Считая 1 р. сер. равнымъ 3 р. 50 к. ассигн.

[2]) Арх. Горн. Деп., по описи Минюсскаго, св. 54, дѣло № 9, л. 7—9.

среднемъ составляла 4 года. Изъ нихъ 8 чел. (т.-е. 25%) имѣли „домообзаводство". „Окладныхъ" поселенцевъ (т.-е. обложенныхъ податями) на томъ же пріискѣ было 150, въ возрастѣ отъ 18 до 77 лѣтъ (въ среднемъ 43 года); продолжительность пребыванія ихъ на промыслахъ колебалась между 1 и 16 годами (въ среднемъ—6 лѣтъ!); о семейномъ и имущественномъ положеніи 144 изъ нихъ мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія: 37 чел. (26%) были женаты и 24 изъ нихъ имѣли дѣтей (у одного 7 челов.); дома имѣли только 28 чел. (19,5%), лошадей—15 чел. и коровъ—13 чел. (у большинства по одной). Льготныхъ поселенцевъ (въ первые три года по прибытіи въ Сибирь они освобождались отъ всякихъ податей) на тѣхъ же промыслахъ было 198 чел.; возрастъ ихъ колебался между 16 и 65 годами (въ среднемъ 37 лѣтъ); продолжительность пребыванія на промыслахъ отъ 1 до 10 лѣтъ (въ среднемъ менѣе 2 лѣтъ), 9% были женаты, менѣе 9% имѣли дома; еще у меньшаго количества были лошади и коровы. Естественно, что болѣе всего нанималось льготныхъ поселенцевъ: они были, во-первыхъ, моложе другихъ разрядовъ, а во-вторыхъ, сравнительно менѣе обезпечены, такъ какъ вскорѣ по приходѣ въ Сибирь еще не успѣвали найти себѣ занятій. Въ описаніи Минусинскаго округа, составленномъ въ 1841 г. чиновникомъ министерства государственныхъ имуществъ Щукинымъ, есть указаніе, что въ казенныхъ поселеніяхъ были учреждены общественныя запашки, и если поселенецъ не въ силахъ былъ обработать назначенный ему участокъ, то его посылали на золотые промыслы и взыскивали за десятину по примѣрному умолоту и существующимъ цѣнамъ [1]).

Какъ мы видѣли выше, отъ 12 до 16% рабочихъ на золотыхъ промыслахъ Енисейской губерніи (въ 1847—49 гг.) были изъ Европейской Россіи. Небольсинъ, посѣтившій не задолго передъ тѣмъ пріиски Минусинскаго округа, говоритъ въ своей статьѣ о сибирскихъ пріискахъ: „много пришло крестьянъ изъ Вятской, едва-ли не больше изъ Ярославской и Нижегородской губерній; нынѣче дошло до того, что явился новый промыселъ: явились новые барышники для снабженія золотопромышленниковъ людьми изъ нехлѣбородныхъ губерній, а все рукъ мало" [2]).

Прежде, чѣмъ перейти къ описанію быта рабочихъ на пріискахъ, мы сообщимъ свѣдѣнія о поисковыхъ партіяхъ въ Удерейской и Питской системахъ (Енисейскаго округа) на основаніи одной, весьма обстоятельной, журнальной статьи того времени.

Поисковыя партіи могли быть раздѣлены на полныя и неполныя; первыя сверхъ того—на тяжелыя и легкія конныя, тяжелыя и легкія

---

[1]) Арх. Мин. Гос. Им., дѣло V Отд. № 315, прилож. В. № 2 ж.).

[2]) *П. Н.* „Разсказы о сибирскихъ золотыхъ пріискахъ". „Отечеств. Записки" 1847 г. т. 55, стр. 107.

пѣшія. Въ тяжелыхъ партіяхъ всѣ запасы забирались въ походъ сполна на все время поисковъ; въ легкихъ—брали только нѣкоторую часть, а остальное размѣщали по избраннымъ для этого мѣстамъ; въ конныхъ партіяхъ всѣ люди совершали походъ верхами, а въ пѣшихъ—только партіонистъ, его помощникъ и вожакъ ѣхали верхомъ. Неполныя партіи большею частію бывали пѣшія, за исключеніемъ партіониста. Были еще зимнія или лыжеходныя партіи. Въ полныхъ партіяхъ обыкновенно полагалось не болѣе 13 чел., въ неполныхъ 8—10 чел. Въ тяжелыхъ партіяхъ брали до 30 вьючныхъ лошадей (кромѣ верховыхъ), въ легкихъ гораздо менѣе. Въ зимнихъ партіяхъ совсѣмъ не брали лошадей; люди ходили на лыжахъ и запасы и инструменты тащили на нартахъ, а остальной грузъ хранили въ складочныхъ мѣстахъ. Въ поисковую партію выбирали людей нестарыхъ и крѣпкаго сложенія; партіонистами и ихъ помощниками бывали крестьяне, мѣщане, купцы и бывшіе чиновники (нерѣдко партіонистами дѣлались и сами хозяева), но во всякомъ случаѣ старались ставить во главѣ партій людей грамотныхъ и умѣвшихъ различать породы, служащіе спутниками золота. Рабочими въ поисковыхъ партіяхъ бывали преимущественно ссыльно-поселенцы, а также крестьяне, мѣщане и киргизы.

Годовой окладъ партіониста обыкновенно бывалъ до 3000 р. асс., его помощника—до 1000 р. при готовомъ содержаніи; рабочіе получали жалованья отъ 40 до 60 р. асс. въ мѣсяцъ при готовомъ содержаніи (въ томъ числѣ имъ полагался кирпичный чай). Болѣе обыкновеннымъ жалованьемъ рабочихъ авторъ считаетъ 40 р. асс. въ мѣсяцъ (около 12 р. сер.) [1]). Вожаку обыкновенно платили по 70 р. асс. въ мѣсяцъ, а иногда до 100 р. и болѣе. Въ случаѣ открытія золота рабочимъ назначалась иногда награда по усмотрѣнію хозяина по 100 р. асс. и болѣе, а для поощренія къ болѣе успѣшной шурфовкѣ розсыпей давалась „старательская работа“, которою они занимались и ночью. Пища поисковыхъ партій состояла, во-первыхъ, изъ солено-вяленаго мяса домашняго приготовленія. Золотопромышленники скупали быковъ, коровъ и барановъ въ Минусинскомъ и Ачинскомъ округахъ и съ киргизской линіи, выдерживали такой скотъ на хорошемъ корму и потомъ солили и вялили мясо на открытомъ воздухѣ подъ защитою отъ непогоды. Сухари приготовляли изъ ржаного хлѣба. Брали съ собой еще ячную крупу и коровье масло или сало. Пища на походѣ преимущественно состояла изъ щей съ мясомъ и крупою и каши; щи бывали ежедневно, а каша два раза въ недѣлю. Иногда, гдѣ возможно, били на пути птицъ или ловили рыбу. Обыкновенное дневное продоволь-

---

[1]) По другой статьѣ, среднее жалованье рабочаго въ поисковыхъ партіяхъ 14—17 р. сер. въ мѣсяцъ. „Библ. для чтенія“, 1843 г. т. 58, стр. 18. Жалованье рабочимъ поисковыхъ партій въ контрактахъ 40-хъ годовъ гораздо менѣе (см. ниже).

ствіе, по словамъ автора статьи, которою мы пользуемся, было таково: ржаныхъ сухарей 3 фунта на человѣка, ячной крупы 1/4 ф. въ день для щей и 2 ф. въ мѣсяцъ для 8 кашъ, мяса 1 фунтъ, масла 1/8 ф. и соли 1/16 ф. въ день. Нужно замѣтить, однако, что данныя нѣкоторыхъ контрактовъ не вполнѣ совпадаютъ съ этою, какъ видно, нѣсколько прикрашенною нормою: такъ, въ договорѣ съ Асташевымъ 1843 г., послѣ опредѣленія количества съѣстныхъ припасовъ для рабочихъ на пріискахъ, сдѣлана такая оговорка: „а гдѣ не будетъ возможности имѣть этихъ припасовъ“ (т.-е., очевидно, прежде всего въ поисковыхъ партіяхъ), „получать на продовольствіе наше сушеной говядины или крупы по 3/4 фунта и сухарей по 2 1/4 фунта въ день на каждаго человѣка“.

Одежда и обувь у рабочихъ поисковыхъ партій была или своя, или выдавалась имъ въ счетъ жалованья и состояла изъ бродней, азямовъ, тулуповъ и рукавицъ съ варегами. Ночные холода, особенно въ Питской системѣ, въ августѣ и даже въ концѣ іюля бывали такіе, что иногда являлся иней и даже подмерзала вода. Партія везла съ собою инструменты для шурфовки—кайла, лопаты, ломы, молоты, для промывки—пробный вашгердъ, смывныя щетки, гребки, лопаточки и проч. Захватывали съ собою и нѣкоторыя простыя и врачебныя средства—винный и нашатырный спиртъ, перецъ, скипидаръ и проч. Главное условіе успѣха поисковой партіи составляли хорошія лошади. На привалахъ для ночлега обыкновенно разбивали палатку для людей, рабочіе же зимнихъ партій разгребали снѣгъ на значительномъ пространствѣ, разводили большой огонь и ночевали, не снимая верхней одежды (овчинныхъ тулуповъ и козьихъ дохъ); иногда устраивали изъ жердей и хвойныхъ вѣтвей шалаши конической формы, а иной разъ, но гораздо рѣже, ставили наскоро срубы или избушки, покрытыя берестою, вѣтвями и хвоями. Такіе шалаши бывали уже временными станами, отъ которыхъ люди отдалялись въ теченіе дня на извѣстное разстояніе, а къ ночи возвращались, и такъ бывало до тѣхъ поръ, пока не переходили въ другую мѣстность. Вожаками служили природные жители тайги—тунгусы. Кромѣ денежной платы ихъ угощали виномъ, дарили имъ бродни, рукавицы, однорядки, кушаки, шапки. За вожакомъ зорко смотрѣли, чтобы онъ не бросилъ партіи.

Поисковыя партіи безропотно подчинялись партіонисту. Случаи неповиновенія были весьма рѣдки, и тамъ, гдѣ менѣе половины людей оказывалось непослушными, большинство усмиряло ихъ, и артельный приговоръ назначалъ виновнымъ наказаніе; если же непокорные составляли большинство, то приходилось или какъ нибудь успокоить партію, или, въ случаѣ близости селенія, секретно послать извѣщеніе о присылкѣ помощи. Но примѣры неповиновенія и возмущенія бывали весьма рѣдко, а посягательствъ на жизнь партіонистовъ, кажется, даже и не было вовсе; по-

бѣги, напротивъ, случались. Въ 1843 г. въ сѣверной и южной системахъ Енисейскаго округа было около 200 поисковыхъ партій.

Шурфовальныя работы производили такимъ образомъ: осмотрѣвъ рѣчку, выбирали мѣсто недалеко отъ русла и опредѣляли смѣны работниковъ; землю выбрасывали на поверхность сначала лопатами, потомъ поднимали на веревкахъ желѣзными ведрами, воду отливали сначала ведрами, а потомъ выкачивали помпами или водоотливными машинами; чтобы земля не обваливалась, ее укрѣпляли деревянными вѣнцами, а для остановки бокового притока воды законопачивали или забивали закрѣпами, мхомъ, щебнемъ и глиною. По появленіи золотоноснаго пласта производили при постепенномъ углубленіи пробныя промывки, продолжая ихъ до самой почвы, а если притокъ воды былъ очень силенъ, такъ что нельзя было осушить шурфа никакими средствами, то его оставляли неоконченнымъ, особенно, если не оказывалось знаковъ золота, и закладывали новый шурфъ на болѣе удобномъ мѣстѣ. При рытьѣ шурфовъ рабочимъ приходилось стоять въ глубокой грязи; понятно, что это нерѣдко вело къ простудѣ и разнымъ болѣзнямъ.

Заболѣвшаго рабочаго везли, если онъ былъ въ состояніи, верхомъ на лошади, стараясь излѣчить его хорошею порціею вина и простыми врачебными средствами, или оставляли въ тайгѣ подъ надзоромъ одного изъ рабочихъ, который устраивалъ для себя и больного балаганъ или шалашъ, а не то оставляли больного въ зимовьѣ (въ избѣ, служащей для остановокъ на дорогѣ къ пріискамъ), или, наконецъ, отправляли въ ближайшую деревню. Кромѣ лихорадки и горячки, рабочіе поисковыхъ партій заболѣвали всего чаще цынгою. Сильно страдали они отъ комаровъ и мошекъ, которыя носятся въ тайгѣ цѣлыми тучами [1]).

Относительно найма рабочихъ на пріиски жандармскій полковникъ Казимирскій, состоявшій при золотыхъ промыслахъ Восточной Сибири, въ своемъ неизданномъ отчетѣ за 1843 г. говоритъ, что довѣренные или прикащики обращали все свое усердіе на то, чтобы успѣть нанять поболѣе рабочихъ и такимъ образомъ выслужиться у своего хозяина. „Не обращая вниманія ни на возрастъ, ни на здоровье нанимающихся, не прочитавъ имъ условій контракта, они спѣшатъ только получить на нихъ билеты, съ которыми и возвращались къ своему хозяину... Престарѣлые, увѣчные и малолѣтки являются на промысловую работу, гдѣ они въ тягость хозяину и даже себѣ“. Не желая кормить ихъ даромъ, „хозяинъ отпускаетъ ихъ съ пріиска, хотя и теряетъ задатокъ; они возвращаются въ самомъ жалкомъ положеніи, измученные труднымъ путемъ. Встрѣчая ихъ въ объѣздъ мой“, продолжаетъ Казимирскій, „я получалъ отъ нихъ

---

[1]) *Бороздинъ*. Сибирское золото и способы его добыванія. „Отечеств. Зап.“ 1845 г. т. 42, срав. *Гофманъ* „О золотыхъ промыслахъ Вост. Сиб.“ Спб. 1844, стр. 5—8.

объясненія, что, увлеченные приманкою выгодныхъ заработковъ, они слишкомъ надѣялись на свои силы“ [1]). Болѣе подробныя свѣдѣнія о наймѣ на пріиски сообщаетъ авторъ „Описанія частныхъ золотыхъ промысловъ Енисейскаго округа“, составленнаго въ 1848 г. По его словамъ, способъ найма былъ двоякій: черезъ прикащиковъ и подрядный. При первомъ способѣ хозяева разсылали своихъ прикащиковъ по волостямъ для наемки людей, при второмъ—подряжали одно или нѣсколько лицъ за условное вознагражденіе доставить извѣстное число рабочихъ. Этотъ послѣдній способъ найма, хотя и болѣе дешевый, сталъ малоупотребительнымъ вслѣдствіе неточнаго соблюденія условій со стороны подрядчиковъ, не имѣвшихъ побудительныхъ причинъ къ высылкѣ и отысканію скрывавшихся людей. Наемъ начинался съ октября мѣсяца и оканчивался въ январѣ. Каждый нанимавшійся долженъ былъ имѣть увольненіе отъ общества, съ которымъ и являлся къ нанимателю. Сельскіе старшины давали это увольненіе на простой бумагѣ съ приложеніемъ печати; въ нѣкоторыхъ волостяхъ эти печати бывали не казенныя, а съ какимъ нибудь вымышленнымъ знакомъ и въ этомъ случаѣ нисколько не гарантировали достовѣрности увольненія. Многіе рабочіе съ поддѣльными увольнительными свидѣтельствами являлись къ прикащикамъ разныхъ компаній, брали у нихъ задатки и потомъ скрывались. Эти злоупотребленія заставили прикащиковъ обращаться къ волостнымъ писарямъ, которые брали на себя обязанность доставить требуемое количество рабочихъ за извѣстное вознагражденіе. Этотъ способъ найма былъ сопряженъ съ большими злоупотребленіями. Волостной писарь обязывался только представить списокъ нанявшихся, контракты и билеты нанятыхъ имъ лицъ, но онъ нисколько не отвѣчалъ за то, что нанятые люди явятся. Не мудрено поэтому, что въ списокъ нанятыхъ ими писаря включали и мертвыя души давно бѣжавшихъ поселенцевъ, или старыхъ и больныхъ людей, которые, придя на пріиски, прямо поступали въ госпиталь, или же, наконецъ, подъ именемъ полносильныхъ работниковъ записывали 12—15-ти лѣтнихъ подростковъ. Такъ какъ такой способъ найма основывался на частномъ, никѣмъ не утвержденномъ уговорѣ, то въ случаѣ жалобы нанимателя, писарь, какъ главная пружина волостного управленія, всегда имѣлъ возможность скрыть свой обманъ. При наймѣ бывали также случаи, что волостной писарь, повѣренный и сидѣлецъ питейнаго откупа и разные мелочные торговцы передавали прикащикамъ въ работу крестьянъ и поселенцевъ, задолжавшихъ имъ за вино или другіе товары, подъ условіемъ возмѣщенія ихъ долга. Наемка въ волостномъ правленіи, по словамъ автора того же описанія, обходилась нанимателю до 3 руб. сер. съ каждаго человѣка за выдачу билета и засвидѣтельствованіе контракта.

[1]) Арх. Горн. Деп. по описи № 90, дѣло 1844, № 27/33.

Каждый работникъ долженъ былъ и съ своей стороны за выдачу увольненія уплатить сельскому старшинѣ отъ 30 до 75 копѣекъ, волостному писарю и его помощникамъ до 2 р. [1]). Сборъ этотъ въ волостяхъ, гдѣ нанималось до 3,000 чел., составлялъ сумму, весьма значительную [2]).

Относительно уплаты за рабочихъ, при наймѣ ихъ, податей и повинностей мы находимъ слѣдующія условія въ контрактахъ рабочихъ съ золотопромышленниками. Въ договорѣ съ Асташевымъ 1842 г. при наймѣ на его пріиски Томской и Енисейской губерніи сказано: „Въ число платы выдать намъ по заключеніи сего договора на необходимое путевое обзаведеніе каждому отъ 5 до 10 рублей и ни въ какомъ случаѣ не болѣе 25 руб. (ассигнац.), включая въ то число взносъ за насъ годовыхъ податей и повинностей, которыя онъ, господинъ Асташевъ, имѣетъ право уплачивать за насъ по требованію начальства изъ задѣльной платы". Размѣръ задатка въ 25 р. опредѣленъ здѣсь согласно закону 1838 г., установившему, впрочемъ, эту норму только для ссыльно-поселенцевъ, но мы увидимъ ниже, что въ дѣйствительности задатки были обыкновенно болѣе. Въ договорѣ съ Асташевымъ 1843 г. сказано: „Все то количество" (денегъ), „какое будетъ за насъ заплачено въ подати и повинности, принимаемъ въ счетъ наличной намъ выдачи и имѣемъ оныя заработать, но во всякомъ случаѣ платежъ податей за поселенцевъ ограничивается тѣмъ, что не долженъ превышать за податного—повинностей за одинъ годъ, а за льготнаго—50 коп. ассигн.".

Въ 30-хъ годахъ поселенцы, признанные способными къ сельскимъ работамъ, разсылались по волостямъ и послѣ трехлѣтней льготы облагались подушными и оброчными податями наравнѣ съ крестьянами и кромѣ того съ нихъ взыскивали по 50 коп. ассигн. въ экономическій капиталъ ссыльныхъ [3]). По закону 1840 г. поселенцы въ первые три года были освобождены отъ всякихъ податей, въ слѣдующіе семь лѣтъ должны были платить половинный окладъ подушныхъ и оброчныхъ денегъ съ надбавкою 15 коп. сер. для составленія экономическаго капитала ссыльныхъ, а по истеченіи 10 лѣтъ, по принятіи ихъ въ общество крестьянъ съ согласія этихъ послѣднихъ, облагались уже полными податями [4]).

---

[1]) Деньги эти распредѣлялись такимъ образомъ: земскому исправнику 1 руб., поселенческому смотрителю 50 коп. и засѣдателю 25 коп., такъ что самому писарю оставалось всего 25 коп.

[2]) Наемка рабочихъ, принимая въ разсчетъ путевыя издержки и содержаніе прикащиковъ, а также потерю задатковъ, выданныхъ по подложнымъ увольненіямъ, обходилась хозяевамъ, по свидѣтельству того же автора, отъ 7 до 9 р. сер. на каждаго человѣка. „Иркут. Губ. Вѣдом." 1858 г. №№ 21, 24, 26, 27, 32, 33.

[3]) Св. Зак. 1832 г., т. XIV, ст. 747, 749, 750.

[4]) П. С. З. т. XV, № 13657, II, п. 4 (12 іюля 1840 г.) Въ дѣйствительности взносы податей и повинностей при наймѣ рабочихъ на золотые промыслы были такой

Относительно размѣра задатковъ мы находимъ въ контрактахъ слѣдующія условія. По договору съ золотопромышленникомъ Томской губерніи Коноваловымъ 1842 г. послѣдній обязывался выдать рабочимъ „на платежъ государственныхъ податей, общественныхъ повинностей, полученіе паспортовъ и билетовъ и на необходимое путевое обзаведеніе каждому отъ 10 до 15 рублей или *сколько заблаговразсудится*“ ему выдать [1]). Какъ мы видѣли выше въ договорѣ съ Асташевымъ 1842 г. maximum задатка былъ опредѣленъ въ 25 руб. асс.; но по договору съ нимъ же 1847 г. рабочіе изъ *Нижегородской губерніи*, нанявшіеся на Прокопьевскій пріискъ для снятія торфа, выговорили себѣ задатокъ по 30 руб. *серебромъ*. По договору рабочихъ 1848 г. съ Удерейскою компаніею (Бенардаки, Рязанова и др.) рабочимъ полагалось выдать въ задатокъ всего по 5—10 руб., со включеніемъ въ это число взноса податей и повинностей [2]).

Но, какъ мы уже замѣтили, въ дѣйствительности задатки были обыкновенно выше опредѣленныхъ въ договорѣ [3]).

При наймѣ рабочихъ Удерейскою К° въ 1848 г., очевидно, для соблюденія закона, сдѣлали такимъ образомъ: сначала всѣ рабочіе росписались въ полученіи задатка по 25 руб., а затѣмъ они дали вторую подписку, въ которой значится, что, сверхъ опредѣленнаго по договору задатка, „на одежду и обувь“ получили отъ 20 до 120 руб., слѣдовательно, всего имъ было выдано отъ 45 до 150 р.

величины. Изъ книги для наемки на пріискъ Ив. Кузнецова 1839 г. видно, что подати съ окладного поселенца за одно полугодіе равнялись 5 руб. 75 коп. асс., причемъ приходилось иной разъ вносить за два и за три полугодія; за нѣсколькихъ крестьянъ пришлось заплатить податей отъ 8 до 20 руб., за мѣщанъ отъ 2 до 14 руб. (Арх. Кузнецовыхъ въ Красноярскѣ). Изъ разсчетной книги Прокопьевскаго пріиска Боровкова 1843 г. видно, что за окладныхъ поселенцевъ платили податей за полугодіе 5 р. 51 к. асс., но оказывалось нужнымъ за нѣкоторыхъ платить за 2—5, даже за 7 полугодій; за нѣсколькихъ крестьянъ внесено было податей отъ 40 до 55 руб. асс. Изъ разсчетной книги казанскаго промысла Асташева 1847 г. видно, что за поселенцевъ приходилось иногда уплачивать подати за 13 полугодій (71 руб. 70 коп. асс.). Всѣ эти деньги, разумѣется, ставились на счетъ нанятымъ рабочимъ. Изъ разсчетной книги Удерейской К° 1846 г. видно, что за нѣкоторыхъ крестьянъ уплачивали податей даже до 120 р. асс., въ среднемъ же за 65 чел. мѣщанъ, крестьянъ и поселенцевъ было внесено по 23 р. 64 коп. асс.

[1]) Арх. Дмитр. волостн. прав., книга на записку актовъ 1843 № 18, ст. № 28.

[2]) Арх. Воскрес. пріиска, аренд. А. А. Савиныхъ, въ южно-енисейской системѣ.

[3]) Такъ при наймѣ на пріискъ Коновалова въ 1842 г., хотя по договору задатокъ назначенъ былъ въ 10—15 руб., но въ дѣйствительности онъ доходилъ до 36 руб. Изъ разсчетной книги Прокопьевскаго пріиска Боровкова въ 1843 г. видно, что размѣръ задатка колебался между 5 и 75 руб. асс., а при наймѣ тою же компаніею черезъ два года онъ повышался для нѣкоторыхъ рабочихъ до 97 руб., а въ среднемъ для 49 чел. равнялся 64 р. асс. На Казанскомъ пріискѣ Асташева въ томъ же году задатокъ поднимался до 121 р., а въ среднемъ для 202 чел. равнялся 70 руб. (нѣкоторымъ засчитывался въ задатокъ прежній долгъ, который у одного рабочаго равнялся 377 р. асс). Въ 1846—47 гг. средній задатокъ на казанскомъ пріискѣ Асташева былъ значительно ниже: онъ равнялся всего 35 руб., хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ возвышался до 200 р., а въ Удерейской К° средній задатокъ въ томъ же году равнялся 50 руб. асс.

ассигн. Что это было явленіемъ обычнымъ, видно и изъ словъ Небольсина, что размѣръ задатка доходилъ иногда до 200 р. асс., причемъ излишекъ сверхъ 25 р. заносился подъ рубрику: на обувь и одежду и т. п. [1]) Въ разсчетныхъ книгахъ среди различныхъ категорій забора до начала работъ на промыслахъ мы находимъ еще выдачу: „на проходъ", или „при отправкѣ [2]). На Казанскомъ пріискѣ Асташева средній „размѣръ задатка" въ 1846 –47 гг. былъ не великъ, всего 35 р., но зато рабочіе получали тамъ еще, такъ называемую, „ссуду": въ среднемъ около 40 руб., maximum — 134 рубля; да кромѣ того эти рабочіе получали еще деньги на „проходъ" (въ среднемъ на каждаго изъ получившихъ около 14 руб.). Эти же рубрики: „задатокъ", „ссуда" и „на проходъ" мы находимъ и въ разсчетной книгѣ Удерейской К° 1846—47 гг.

Если мы соединимъ всѣ выдачи до начала работъ на пріискахъ, то получимъ, что при наймѣ на пріискъ Кузнецова (1839 г.) дано было всего (въ задатокъ, на дорогу, подати и проч.) по 24 руб. ассигн. на человѣка. По разсчетной книгѣ Прокопьевскаго пріиска (1843 г.) приходится задатка, на проходъ и при отправкѣ, за билетъ и паспортъ, на подати и экономическихъ въ среднемъ на каждаго по 40 руб.; но кромѣ того были выдачи и вещами (въ среднемъ на каждаго изъ получившихъ ихъ до начала работъ на 13 р.). Если мы весь заборъ на Прокопьевскомъ пріискѣ до начала работъ раздѣлимъ на число получившихъ задатокъ въ томъ или другомъ видѣ, то получимъ 42 руб.; но были и такіе рабочіе (болѣе 12% всѣхъ мужчинъ), которымъ не было дано никакого задатка, хотя лишь за немногими изъ нихъ числился старый долгъ. На Казанскомъ пріискѣ Асташева (1847 г.) весь средній заборъ до начала работъ составилъ на каждаго 77 руб. асс., но тѣ, за кѣмъ числился старый долгъ, никакой выдачи въ это время не получали. Въ Удерейской К° 1846—47 гг. заборъ до начала работъ былъ производимъ также почти исключительно деньгами (въ среднемъ на каждаго изъ получившихъ выдачу пришлось около 67 р.).

Генералъ-адъютантъ Анненковъ, пріѣзжавшій для ревизіи въ Западную Сибирь въ 1851 г., считалъ наиболѣе обычнымъ задаткомъ въ концѣ 40-хъ годовъ 20—30 руб., а авторъ описанія Енисейскихъ промысловъ въ 1848 г.—25—30 р. серебромъ [3]). Во всякомъ случаѣ сравнительно съ 30-ми годами размѣръ задатка значительно увеличился.

По закону 1838 г. срокъ найма на пріиски не долженъ былъ превышать одного года, и въ общихъ контрактахъ это правило всегда соблюдалось, но въ договорахъ съ отдѣльными лицами возможны были его нарушенія [4]).

---

[1]) „От. Зап." 1847 г. т. 55, стр. 107.

[2]) Изъ разсчетной книги Прокопьевскаго пріиска Боровкова 1843 г. видно, что тамъ съ этою цѣлью выдавалось многимъ рабочимъ въ добавленіе къ задатку отъ 5 до 40 руб. ассигн. (Арх. дополнит. участка Прокоп. пріиска Асташевыхъ въ южно-ен. сист.).

[3]) Мы видѣли выше, что „нижегороды" нанялись въ 1845 г. на промыслы Бекетова съ задаткомъ въ среднемъ по 43 р. сер.

[4]) Въ 1840 г. Асташевъ далъ одному крестьянину 142 р. 85 к. сер. на наемъ рекрута съ тѣмъ, чтобы два его сына поступили въ работу на промыслы съ платою въ годъ по 34 р. 28 коп. сер. каждому, слѣдовательно, для отработки этого долга нужно было болѣе двухъ лѣтъ.

При наймѣ рабочихъ съ ними обыкновенно заключались письменные договоры, въ которыхъ опредѣлялись условія о мѣстѣ и родѣ работъ, о размѣрѣ вознагражденія, о пищѣ, помѣщеніи для рабочихъ, о времени прекращенія работъ, о количествѣ рабочихъ часовъ, о старательскихъ работахъ и проч.[1]).

Закономъ 1838 г. былъ установленъ, какъ мы уже знаемъ, срокъ промывки золота (10 сентября) тамъ, гдѣ нѣтъ зимнихъ промываленъ; этотъ срокъ и назначенъ въ нѣкоторыхъ имѣющихся у насъ договорахъ, составленныхъ въ самомъ концѣ 30-хъ гг. послѣ изданія вышеупомянутаго закона, и въ 40-хъ годахъ, но въ другихъ назначалось и болѣе позднее время окончанія работъ: 15 сентября, даже 1 октября (до изданія закона 1838 г. по нѣкоторымъ контрактамъ опредѣленъ былъ срокъ работъ даже 15 октября). Въ нѣкоторыхъ договорахъ промывка золота послѣ 10 сентября обусловливалась согласіемъ рабочихъ; другія же работы они обязывались исполнять безпрекословно до октября мѣсяца; наконецъ, въ нѣкоторыхъ контрактахъ оставлялся пробѣлъ для обозначенія того числа сентября мѣсяца, до котораго рабочіе обязывались оставаться на пріискахъ. Время начала работъ при наймѣ на лѣтнюю операцію обыкновенно опредѣлялось 1 февраля или 1 марта; зимняя же операція начиналась съ 1 октября. Въ договорахъ оставлялись иногда пробѣлы не только при назначеніи срока работъ. Такъ, въ имѣющемся у насъ контрактѣ съ К° Боровкова 1845 г. оставлены подобные же пробѣлы при опредѣленіи размѣра мѣсячнаго жалованья рабочихъ, величины задатка, платы за старательскую работу и т. п. Очевидно, такой договоръ вовсе не могъ гарантировать рабочихъ отъ произвола золотопромышленника.

Хозяева обыкновенно выговаривали себѣ право не только переводить рабочихъ съ одного промысла на другой, съ одной работы на другую, но и разсчитывать ихъ по своему усмотрѣнію до срока, рабочимъ же требовать этого не разрѣшалось. Въ извѣстныхъ намъ договорахъ конца 30-хъ и всего десятилѣтія 40-хъ годовъ мы ни разу не нашли условія, дозволяющаго золотопромышленнику передавать по его усмотрѣнію нанятыхъ имъ рабочихъ на пріиски другихъ хозяевъ, между тѣмъ въ договорахъ болѣе поздняго времени такое дозволеніе встрѣчается. Правда, намъ извѣстенъ договоръ (1849 г.) о передачѣ 11 рабочихъ съ одного пріиска Томскаго уѣзда на другой по случаю излишка рабочихъ, но передача эта, какъ сказано въ контрактѣ, совершалась съ согласія передаваемыхъ.

Рабочіе обязывались безпрекословно слушаться прикащиковъ, штей-

[1]) Договоры свидѣтельствовались чаще всего въ волостныхъ правленіяхъ, а въ городахъ маклерами и въ земскомъ судѣ.

геровъ и нарядчиковъ, не играть въ азартныя игры, не пьянствовать, не грубить; они обязывались также съ пріиска не отлучаться, не принимать у себя на пріискахъ постороннихъ людей подъ опасеніемъ за несоблюденіе договора отвѣтственности по закону. Не только за скрытіе и тайную продажу золота, но и за недонесеніе объ этомъ рабочимъ грозилъ военный судъ, на что также указывалось въ договорахъ. Въ контрактѣ съ Асташевымъ 1843 г. установлена была круговая порука рабочихъ другъ за друга: если при разсчетѣ оставался за кѣмъ нибудь изъ нихъ долгъ, то они должны были или немедленно уплатить его, или «заслуживать въ будущемъ», не переходя къ другому золотопромышленнику: «въ семъ другъ по другѣ ручаемся и отвѣтствовать обязуемся; такъ равно и отвѣтствуемъ круговымъ нашимъ поручительствомъ и за всѣхъ нашихъ товарищей, въ одномъ условіи заключенныхъ, которые не явятся на промыслы, исключая смерти, или ссылки, или подсудности и другихъ случаевъ, не собственно отъ нихъ зависящихъ» [1]).

Въ контрактахъ обыкновенно опредѣляется, чтобы по требованію золотопромышленника или его прикащика рабочіе являлись изъ своихъ деревень въ извѣстный сборный пунктъ (для томской тайги въ село Тисюль, для южной енисейской въ село Усть-Тунгузское, при впаденіи Ангары въ Енисей, или въ село Рыбное, на Ангарѣ) и затѣмъ слѣдовали бы артелями на промыслы. При этомъ золотопромышленники или выговаривали, чтобы рабочіе во время всего пути кормились на свой счетъ, или съ опредѣленнаго мѣста имъ полагалось извѣстное количество сухарей [2]).

Таковы постановленія договоровъ относительно путешествія рабочихъ на пріиски; посмотримъ, какъ они совершали его въ дѣйствительности. По свидѣтельству коммиссіи, ревизовавшей государственныя имущества въ Сибири (1841 г.), требованіе закона 1838 года о выборѣ артельныхъ старостъ съ двумя помощниками во время слѣдованія рабочихъ на пріиски и обратно не исполнялось, и они шли „безъ всякаго надзора и порядка“ [3]). Нанятымъ людямъ, разсказываетъ авторъ описанія енисейскихъ промысловъ (1848 г.), для свободнаго путешествія на пріиски

---

[1]) Круговую поруку мы встрѣчаемъ также въ договорѣ Асташева съ нижегородами 1847 г.

[2]) По договору съ Асташевымъ 1843 г. рабочіе, нанятые на его енисейскіе промыслы, обязаны были на пути „до ближайшихъ къ промысламъ деревень“ кормиться на свой счетъ и не требовать никакого денежнаго пособія на проходъ или проѣздъ; на время же прохода отъ послѣдней къ промысламъ деревни до пріиска они имѣли право получать по $2^1/_2$ фунта ржаныхъ сухарей въ день на каждаго (по договору съ Боровковымъ 1845 г., отъ села Рыбнаго на Ангарѣ по 2 фунта въ день, а по другому договору съ нимъ же—всего до 15 фунтовъ).

[3]) Арх. Горн. Деп., дѣло 1839 г. № 3/13, ч. I.

давали вмѣсто билетовъ „проходныя свидѣтельства“ съ обозначеніемъ, на какой пріискъ рабочій напять и къ какому числу онъ долженъ явиться для работъ; на билетѣ же отмѣчалось, сколько дано денегъ въ задатокъ. Рабочіе рѣдко шли на пріискъ артелями, хотя правительство и находило это желательнымъ; когда же присмотръ за ними ввѣрялся прикащикамъ, то это стоило дорого и никакой пользы не приносило. Рабочіе шли разными дорогами по одному и по два; болѣе зажиточные ѣхали иногда на собственныхъ лошадяхъ, зная, что лошадь можетъ столько же заработать на пріискѣ, сколько и работникъ [1]). По дорогѣ рабочіе иногда занимали деньги у крестьянъ подъ формальныя росписки. Нѣкоторые изъ поселенцевъ до такой степени пьянствовали на пути, что оставались не только безъ денегъ, но и безъ платья; въ такомъ случаѣ крестьяне иногда подговаривали ихъ остаться и работать у нихъ на пашнѣ или косить сѣно. Поселенецъ, лишенный платья и денегъ, соглашался, крестьянинъ одѣвалъ его и угощалъ виномъ и затѣмъ отправлялъ въ самое дальнее отъ деревни поле, гдѣ тотъ и жилъ до конца лѣта; то же самое бывало и съ людьми, бѣжавшими съ пріисковъ. По окончаніи работъ хозяинъ, обсчитавъ, какъ только можно, рабочаго, выгонялъ его отъ себя. Большинство рабочихъ являлось въ резиденцію нанявшей ихъ компаніи (мѣсто, гдѣ находилась контора компаніи, склады припасовъ и матеріаловъ и т. п.) не только безъ денегъ, но часто и почти вовсе безъ одежды, и здѣсь ихъ снабжали сухарями для путешествія по тайгѣ, а также нуждающимся выдавали извѣстную сумму денегъ и платье (въ счетъ платы), которое рабочіе иной разъ вновь пропивали. Такимъ образомъ, нѣкоторые изъ рабочихъ, особенно поселенцы, входили въ большіе долги и затѣмъ вовсе не являлись на пріиски.

Въ 1841 г. на промыслы Енисейскаго, Нижнеудинскаго и Канскаго округовъ, гдѣ *работало* 7,280 чел., не явилось 1,300 чел. (15% *нанявшихся*) [2]). Въ 1842 г. на тѣ же пріиски, гдѣ *работало* до 11,000 чел., не явилось 1,680 чел. (13% *нанявшихся*) [3]). Въ 1843 г. на пріиски Енисейскаго округа и на Бирюсинскую систему (Канскаго и Нижнеудинскаго округовъ) не явилось 1,481 чел. Для избѣжанія ошибки въ разсчетахъ золотопромышленники, по словамъ Казимирскаго, прибавляли къ числу нужныхъ на лѣто рабочихъ около 8% на случай неявки; а по словамъ автора описанія енисейскихъ промысловъ (1848 г.) золотопромышленники неявку $^1/_{10}$ части рабочихъ считали умѣренною и въ такомъ

---

[1]) Впрочемъ, во многихъ договорахъ рабочимъ запрещалось держать на пріискахъ своихъ лошадей.

[2]) Горн. Журн. 1842 г. № 11, стр. 234.

[3]) Арх. Горн. Деп., по описи всеподд. докл., № 3, л. 156.

случаѣ не заявляли жалобъ мѣстной администраціи; да это, впрочемъ, было и безполезно, такъ какъ, по словамъ того же автора, „участіе земской полиціи въ высылкѣ скрывающихся людей ограничивалось только перепискою“, розысковъ же никакихъ не дѣлалось. Въ 1847 г. на пріиски Западной Сибири, т.-е. Томской губерніи и киргизскихъ округовъ не явилось 8% нанявшихся, въ 1848 г. даже 15%, въ слѣдующемъ же году не явилось только 1% нанявшихся [1]). На пріиски Восточной Сибири не явилось въ 1847 г. 6% нанявшихся, въ 1848 г.—7%, въ 1849 г. болѣе 4% [2]).

Просматривая разсчетныя книги съ рабочими, мы видимъ, что они приходили на промыслы не всѣ въ одно время. На промыслахъ, гдѣ работа велась и зимою, нѣкоторые являлись и начинали работать еще въ сентябрѣ или октябрѣ, другіе же позднѣе; нѣкоторые рабочіе и вновь нанимались на томъ же промыслѣ по окончаніи лѣтней операціи. Если же работы велись только весною и лѣтомъ, то рабочіе являлись на промыслы въ февралѣ и мартѣ и не позже апрѣля прежде, чѣмъ оттепель испортитъ дороги [3]).

По прибытіи рабочихъ на промыслы имъ давалось отъ 1 до 3 дней для устройства жилищъ (за что они не получали никакого вознагражденія), а затѣмъ начиналась настоящая работа, продолжавшаяся обыкновенно до 10-го, рѣже до 20-хъ чиселъ сентября. Въ сѣверной Енисейской системѣ работы оканчивались ранѣе, чѣмъ въ южной.

Работы на сибирскихъ промыслахъ производились почти вездѣ открытыми разрѣзами. Въ Бирюсинской системѣ ортовыхъ (подземныхъ) работъ, по словамъ Казимирскаго, въ то время вовсе не было, а въ южной части Енисейскаго округа (по рѣкамъ Удерею, Мурожной и Севагликону) на промыслахъ только 6-ти золотопромышленниковъ. Штольни рѣдко бывали глубже 20—30 арш. [4]). Какъ турфъ, такъ и пески на мѣсто промывки перевозились рабочими почти всегда въ ручныхъ тачкахъ, куда помѣщалось отъ 2 до 3 пудовъ, а иногда на конныхъ таратайкахъ (20—25 пуд.); Казимирскій свидѣтельствуетъ, что болѣе легкая и выгодная работа на лошадяхъ была введена лишь на немногихъ промыслахъ. Промывка песковъ въ началѣ 40-хъ годовъ производилась

---

[1]) По другому оффиціальному свидѣтельству (ген.-адъют. Анненкова) въ Томской губ. въ 1847—50 гг. среднее число неявившихся было около 10% нанявшихся; въ такомъ случаѣ процентъ неявившихся былъ вдвое менѣе, чѣмъ въ половинѣ 30-хъ годовъ. Арх. Горн. Деп., по описи № 91, № 3/39, ч. 2-я, л. 75—99.

[2]) Ibid. л. 239.

[3]) На промыслахъ Ачинскаго и Минусинскаго округовъ работа въ началѣ 40-хъ годовъ начиналась въ большинствѣ случаевъ въ маѣ мѣсяцѣ.

[4]) *Бар. Зедделеръ.* „Част. золот. пром. Удерейской системы“. („Сѣв. Пчела“ 1846 г. №№ 86, 88, 89, 101).

на вашгердахъ, бутарахъ, чашахъ и бочкахъ. Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири еще въ 1841 г. высказалъ въ своемъ отчетѣ предположеніе, что со временемъ войдутъ въ общее употребленіе бочки [1]), но въ теченіе 40-хъ годовъ ихъ было гораздо менѣе, чѣмъ другихъ промывальныхъ машинъ. Въ началѣ этого десятилѣтія особенно распространены были бутары, имѣющія корытообразные съ граблями вашгерды; грабли прикрѣплялись къ особымъ штангамъ, приводимымъ въ движеніе руками рабочихъ. Въ теченіе 10 часовъ на такой бутарѣ промывалось всего до 1,000 пуд. песку [2]) (между тѣмъ какъ нынѣшняя бочешная машина промываетъ въ день 25—30,000 пуд. [3]).

Относительно продолжительности рабочаго дня мы находимъ слѣдующія указанія въ контрактахъ рабочихъ съ золотопромышленниками. По договору съ Зотовымъ рабочіе, нанявшіеся осенью 1838 г. на его промыслы Томской губерніи, обязывались „выходить на работу, не смотря ни на какое холодное, дождливое и ненастное время, исправно и съ повиновеніемъ, поутру въ пять и оканчивать въ семь часовъ вечера; въ теченіе дня обѣдъ должны имѣть только разъ, полагая для сего времени съ 20 іюня по 1 августа не болѣе полутора часа, а въ прочее время года по одному часу“, слѣдовательно, продолжительность рабочаго дня равнялась $12^1/_2$—13 часамъ. По договору съ компаніею томскихъ золотопромышленниковъ Рязановыхъ, Баландина и Казанцева 1844 г. рабочіе обязывались трудиться съ 5 часовъ утра до 8 пополудни, какъ это дозволялось закономъ 1838 г., за исключеніемъ одного часа на обѣдъ (къ сожалѣнію, размѣръ отдыха не былъ опредѣленъ закономъ), слѣдовательно, продолжительность рабочаго дня въ этомъ случаѣ равнялась 14 часамъ. По договору съ томскимъ золотопромышленникомъ Коноваловымъ тѣ рабочіе, которые трудились не по урокамъ, какъ-то — плотники пильщики и проч., должны были выходить на работу „не *позже* пяти часовъ, т.-е. къ появленію солнца“, и работать до восьми. Въ договорѣ рабочихъ 1842 г. съ томскими и енисейскими золотопромышленниками Поповыми рабочіе обязывались трудиться „урокомъ по особому обоюдному согласію или безусловно на основаніи положенія на горныхъ заводахъ быть каждый день въ работѣ съ 5 часовъ утра и до 8 часовъ вечера“,

---

[1]) Горн. Журн. 1842 г. № 11, стр. 231.

[2]) Горн. Жур. 1843 г. № 10, стр. 36—37.

[3]) Если взять все количество песку, промытаго въ 1843—48 гг. на пріисках, подвѣдомственныхъ Алтайскому горному правленію и все число рабочихъ („по разсчету на одинъ день“), то окажется, что среднимъ числомъ въ годъ на одного рабочаго было промыто песку въ Киргизскихъ округахъ 6,432 пуда, въ Томскомъ округѣ 6,792 пуда, въ Ачинскомъ, Минусинскомъ и Красноярскомъ—10,051 пудъ. Въ сѣверной Енисейской системѣ въ 1846—49 гг. на одного рабочаго среднимъ числомъ промывалось 9,984 пуда въ годъ, въ южной—7,240 пудовъ.

имѣя на обѣдъ не болѣе двухъ часовъ (слѣдовательно, 13 рабочихъ часовъ въ день [1]).

По свидѣтельству автора описанія енисейскихъ промысловъ (1848 г.), наканунѣ каждаго дня дѣлали въ конторѣ разсчетъ рабочимъ и опредѣляли, сколько слѣдуетъ вскрыть саженъ турфа и сколько промыть пудовъ песку. Утромъ въ 4 часа людей вызывали къ „раскомандировкѣ": тутъ прикащикъ распредѣлялъ рабочихъ, однихъ для вскрыши торфа, другихъ для выемки золотоноснаго пласта и возки песковъ, третьихъ къ промывальнымъ машинамъ, послѣ чего они и расходились по мѣстамъ работы. Въ 11 часовъ на промывальныхъ машинахъ опускались флаги, работы прекращались и люди шли обѣдать; въ часъ пополудни снова начиналась работа, оканчивавшаяся къ 5 часамъ, послѣ чего рабочіе шли ужинать. Слѣдовательно, по словамъ этого автора, на енисейскихъ промыслахъ былъ въ обыкновеніи одиннадцатичасовой рабочій день. Но въ контрактахъ этого округа мы находимъ болѣе значительную норму продолжительности рабочаго дня. По договору 1843 г. съ Асташевымъ, рабочіе обязывались трудиться на Прокопьевскомъ пріискѣ (южной части Енисейскаго округа) съ 5 часовъ утра до 8 вечера съ отдыхомъ не *болѣе* двухъ часовъ, слѣдовательно, рабочій день былъ не менѣе 13 часовъ. По другому договору того же года съ Асташевымъ рабочіе обязывались выходить на работу въ пятомъ часу, а оканчивать ее въ 8 часовъ пополудни, причемъ на обѣдъ и отдыхъ полагался одинъ часъ; напротивъ по договору того же года съ К° Боровкова и Асташева, при началѣ работъ въ 5 часовъ и окончаніи въ 8, на отдыхъ было опредѣлено $2^1/_2$ часа, слѣдовательно, продолжительность рабочаго дня равнялась $12^1/_2$ часамъ, а по контракту съ Боровковымъ 1845 г.—13 часамъ. Въ договорѣ крестьянъ-нижегородовъ съ Асташевымъ (1847 г.), при отдыхѣ въ одинъ часъ, рабочій день равнялся 14 часамъ, точно также какъ и по договору (1848 г.) съ Удерейскою К° Бенардаки, Рязановыхъ и др. Слѣдовательно, вообще продолжительность рабочаго дня опредѣлялась контрактами въ $12^1/_2$—14 часовъ.

Но вмѣстѣ съ опредѣленіемъ числа рабочихъ часовъ во многихъ договорахъ горнорабочимъ, вскрывавшимъ торфъ и добывавшимъ и промывавшимъ золотоносный пластъ, назначались и уроки, по исполненіи которыхъ они могли быть свободны. Такъ въ договорѣ съ томскимъ золотопромышленникомъ Коноваловымъ (1842 г.), назначены были слѣдующіе уроки: растиральщики на рѣшеткахъ песковъ должны были два человѣка пропустить черезъ свои руки 250 трехпудовыхъ тачекъ; подкатывавшіе же пески изъ разрѣза на промывку обязаны были при раз-

[1]) Въ нѣкоторыхъ договорахъ, заключенныхъ въ половинѣ 30-хъ годовъ, время начала и окончанія работъ опредѣлялось восходомъ и заходомъ солнца.

стояніи не болѣе 60 саженъ вывезти 150 тачекъ (слѣдовательно, при разстояніи 60 саженъ рабочему приходилось сдѣлать въ день 36 верстъ, изъ нихъ 18 съ нагруженною тачкою) [1]); при вскрышѣ торфа 5 человѣкъ должны были выработать 1 кубич. сажень, если бы даже пришлось выгружать торфъ и на разстояніи до 80 саженъ. Назначеніе уроковъ зависѣло отъ мѣстныхъ условій и грунта земли. Наиболѣе обыкновеннымъ урокомъ Казимирскій считаетъ назначеніе на вскрышу 1 кубич. сажени торфа въ день, при отвозкѣ въ тачкахъ,—6 чел., при отвозкѣ же на лошадяхъ въ таратайкахъ 3 челов. По свидѣтельству бар. Зедделера (1846 г.) относительно южной части Енисейскаго округа столько же рабочихъ требовалось для добычи кубической сажени песку и отвозки ея на промывальную машину. По словамъ Гофмана, изслѣдовавшаго золотые промыслы Восточной Сибири въ 1843 г., количество ежедневной работы при добычѣ песку опредѣлялось числомъ тачекъ вмѣстимостью въ 3 пуда, которыя одни рабочіе нагружали, другіе перевозили, а третьи промывали. На одного человѣка, по свидѣтельству Гофмана, приходилось перевезти отъ 100 до 120 тачекъ, смотря по отдаленности промывальныхъ машинъ отъ мѣста добыванія золотоноснаго песку, т.-е. отъ 300 до 360 пудовъ (по договору съ томскимъ золотопромышленникомъ Коноваловымъ рабочіе, какъ было указано выше, должны были вывезти 150 тачекъ). Принявъ среднее разстояніе промывальныхъ машинъ отъ разрѣза въ 40 саженъ, Гофманъ вычислилъ, что подвозчикъ сдѣлаетъ въ день отъ 8,000 до 9,600 саженъ или отъ 16 до 19 верстъ, въ томъ числѣ половину съ нагруженною тачкою. Въ договорѣ Асташева 1843 г. опредѣленъ урокъ и для подземныхъ работъ, а именно, въ теченіе опредѣленнаго количества рабочихъ часовъ (съ пятаго часа утра до восьми пополудни съ обѣденнымъ отдыхомъ въ одинъ часъ), „т.-е. въ смѣну вырабатывать тремя человѣками въ каждой погонной сажени по длинѣ орта по одному аршину, съ постановкою 3 стоекъ или огнивъ, и выкатомъ песковъ на указанное мѣсто“, при чемъ на рабочихъ возлагалась отвѣтственность „за прочность крѣпленія ортъ по указаніямъ штейгеровъ и смотрителей“, и всѣ требованія по производству горныхъ работъ они обязывались выполнять безпрекословно [2]).

---

[1]) Между тѣмъ при переводѣ рабочихъ съ одного пріиска на другой обыкновенно опредѣлялось проходить не болѣе 30 верстъ.

[2]) По свѣдѣніямъ, собраннымъ ревизіонною коммиссіею министерства государственныхъ имуществъ въ 1841 г., на 15 пріискахъ Минусинскаго и Ачинскаго округовъ при добычѣ и отвозкѣ песковъ уроки были таковы: на одномъ пріискѣ 200 пудовъ въ день на человѣка, на двухъ по—225 пудовъ, на двухъ—по 250, на одномъ—300 пудовъ, на трехъ—по 360 пудовъ; на трехъ пріискахъ 5 человѣкъ рабочихъ должны были промыть въ день 800 пудовъ песку и вскрыть одну кубическую сажень торфа, на двухъ пріискахъ 13 человѣкъ должны были вывезти въ день 1,200 пудовъ песку и

Время окончанія рабочими урока зависѣло отъ мѣстныхъ условій. По словамъ Казимирскаго, „приблизительно можно положить, что на всѣхъ промыслахъ исполняется хозяйская урочная работа въ продолженіе 10 часовъ“, слѣдовательно, если принять начало работы въ 5 часовъ, то при двухчасовомъ обѣденномъ отдыхѣ она должна была оканчиваться въ 5 часовъ пополудни, а при одномъ часѣ отдыха въ 4 часа, и затѣмъ рабочимъ предоставлялось заниматься старательскою работою за особую плату [1]). По свидѣтельству автора описанія енисейскихъ промысловъ 1848 г., какъ мы видѣли, урочная работа обыкновенно оканчивалась въ 5 часовъ. Во время путешествія нашего по Сибири мы слышали въ Енисейскѣ отъ А. П. Кытманова, помнящаго сороковые годы на промыслахъ, что уроки обыкновенно оканчивались въ 6, 7 и даже 8 часовъ, а старательскія работы производились по желанію рабочихъ до поздней ночи при берестяныхъ свѣчахъ. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что вообще въ сороковыхъ годахъ урочныя работы оканчивались ранѣе и трудъ былъ менѣе интензивнымъ, чѣмъ въ пятидесятыхъ.

Изъ описанія енисейскихъ промысловъ (1848 г.) мы узнаемъ, что въ это время бывали работы въ двѣ смѣны: одна дневная, другая почная. Очевидно съ развитіемъ золотопромышленности нѣкоторые владѣльцы пріисковъ спѣшили въ короткое сибирское лѣто промыть какъ можно болѣе золотоноснаго песку. При разсчетѣ на двѣ смѣны, по свидѣтельству автора этого описанія, одна половина людей работала отъ 5 ч. пополуночи до 5 пополудни съ часовымъ отдыхомъ для обѣда (11 часовъ), а другіе послѣ ужина отъ 7 часовъ по полудни до 5 часовъ по полуночи (10 часовъ). „Ночныя работы“, по мнѣнію этого автора, „для хозяевъ неудобны по той причинѣ, что нужно усиливать надзоръ за рабочими... да и за самими прикащиками; кромѣ того работа идетъ всегда медленно“; однако нѣкоторые золотопромышленники были, очевидно, дру-

---

вскрыть одну кубическую сажень турфа. На одномъ пріискѣ дневной урокъ былъ слѣдующій: каждые 6 человѣкъ должны были вскрыть 1 кубич. сажень турфа и въ то же время каждые 25 человѣкъ (изъ тѣхъ же рабочихъ), въ добавленіе къ уроку на торфахъ, должны были вывезти и промыть 400 пудовъ песку. Арх. Мин. Гос. Им., дѣло V отд. Соб. Е. В. Канц. № 315, Прилож. В, № 5.

[1]) Въ нѣкоторыхъ другихъ источникахъ продолжительность урочной работы еще болѣе уменьшается. Такъ во всеподданѣйшемъ отчетѣ генералъ-губернатора Восточной Сибири за 1842 г. (Арх. Горн. Деп., по описи всепод. докл., № 3, 1843 г., л. 156) сказано, что на пріискахъ Енисейскаго округа рабочіе оканчивали уроки *почти всегда* къ двумъ и не позже какъ къ 3 или 4 часамъ пополудни, но такъ какъ тутъ же говорится, что рабочіе будто бы выходили на работу въ 6 часовъ утра, тогда какъ ихъ „выгоняли“ на раскомандировку въ четыре часа или въ пятомъ, то очевидно и свидѣтельство о раннемъ окончаніи уроковъ слѣдуетъ принимать не какъ общее правило. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ это сказать о свидѣтельствѣ Гофмана, что рабочіе оканчивали урокъ въ полдень или не позже 3 часовъ.

гого мнѣнія о ночныхъ работахъ, такъ какъ никто не мѣшалъ имъ прекратить ихъ, если бы они нашли ихъ невыгодными. Впрочемъ и по словамъ автора упомянутаго описанія, „ночныя работы необходимы, когда случается недостатокъ воды при устройствѣ большаго числа промывальныхъ машинъ“, но онѣ „вредно дѣйствуютъ на здоровье людей“, такъ какъ ночи „вообще бываютъ очень сыры“, а также и потому, „что на работу въ каждую смѣну назначаются постоянно одни и тѣ же люди, иначе имъ бы пришлось проработать цѣлыя сутки“. По свидѣтельству этого автора ночная смѣна работала 10 часовъ, дневная 11; напротивъ въ договорѣ рабочихъ 1844 г., съ золотопромышленною компаніею Рязановыхъ, Баландина и Казанцева (Томскаго округа) сказано: „если по распоряженію конторы или управляющаго промыслами допущены будутъ ночныя работы на пріискѣ, то мы обязуемся исполнять оныя безотговорочно съ тѣмъ, что кто изъ насъ будетъ командированъ въ таковую, тотъ долженъ находиться на работѣ... не болѣе и отнюдь не менѣе, какъ столько же часовъ, сколько назначено выше сего работать въ день“ (т.-е. 14 часовъ!) „и потомъ по окончаніи ночной смѣны быть въ продолженіе дня столько же часовъ свободнымъ отъ всѣхъ промысловыхъ работъ“. Но такъ какъ въ сутки бываетъ не 28, а только 24 часа, то слѣдовательно, количество отдыха въ сутки на пріискѣ этой компаніи по договору равнялось всего 10 часамъ.

За урочную работу рабочіе получали мѣсячное жалованье. По наблюденіямъ коммиссіи, ревизовавшей государственныя имущества въ Западной Сибири въ 1840 году, рабочіе за условленную урочную работу получали въ мѣсяцъ не болѣе 8 — 12 руб. асс. [1]) (отъ 2 р. 29 к. до 3 р. 43 к. сер.). Приведемъ еще нѣсколько указаній на мѣсячное вознагражденіе изъ договоровъ съ золотопромышленниками Западной Сибири, при чемъ увидимъ, что часть рабочихъ получали и нѣсколько большее вознагражденіе. Въ договорѣ рабочихъ съ компаніею золотопромышленника Зотова (Томской губерніи) осенью 1838 года сказано: „за работу договорились мы получать плату въ зимнее и лѣтнее время по 11 рублей (асс.) за каждый мѣсяцъ, но если кто изъ насъ избранъ будетъ въ нарядчики или мастеровые, какъ то: столяры, плотники, слесаря, кузнецы, каменьщики, сапожники, портные, повара и проч., по разряду цеховъ нужные, таковымъ плата будетъ назначена различная, смотря по искусству каждаго въ мастерствѣ и честному поведенію. Изъ сихъ мастеровыхъ въ продолженіе времени ежели не будетъ въ комъ надобности, то таковой долженъ поступить въ простые работники изъ обыкновенной платы и въ томъ никакой претензіи не дѣлать“. Такъ какъ рабочіе, назначенные въ шурфовку, лишались вслѣдствіе этого старательскихъ работъ въ

[1]) Арх. Горн. Деп. по описи № 91, дѣло № 3/13.

праздничные дни, то они должны были получать, на основаніи того же договора, по 15 р. асс. въ мѣсяцъ [1]). Крестьяне-нижегороды получали въ Западной Сибири, по свидѣтельству коммиссіи 1840 г., задѣльную плату гораздо болѣе значительную—по 3 р. сер. съ кубической сажени торфа, а такъ какъ сажень добывали въ день 5—6 человѣкъ, то, слѣдовательно, они зарабатывали въ день 50—60 коп. сер.; но ниже мы увидимъ, что въ концѣ 40-хъ годовъ на енисейскихъ промыслахъ имъ приходилось иногда довольствоваться и гораздо меньшею платою.

На промыслахъ Восточной Сибири, по свидѣтельству Казимирскаго (относительно енисейскихъ промысловъ и Бирюсинской системы) и барона Зедделера (1846 г., относительно южной части Енисейскаго округа) чернорабочіе, вскрывавшіе торфъ и пески и отвозившіе ихъ на тачкахъ, а также исполнявшіе разныя ручныя работы, получали обыкновенно отъ 10 до 11 руб. асс. въ мѣсяцъ, забойщики въ разрѣзѣ 15 руб., промывальщики перваго и второго разряда 25—20 руб., шурфовщики 30 руб., асс. Плата „цеховымъ" мастеровымъ была выше: плотники четырехъ разрядовъ получали 40—50, 30 рублей, 25 и 18 рублей; кузнецы трехъ разрядовъ—30—35 руб., 25 и 18 руб.; хлѣбопеки трехъ разрядовъ—30, 20 и 18 руб.; квасники 18 руб., повара — 18—25 руб. асс. Наконецъ, конюхи, надзиравшіе за конюшнями, употреблявшіеся для посылокъ и доставки транспортовъ жизненныхъ припасовъ и другихъ необходимыхъ вещей, получали: конюхи перваго разряда отъ 35 до 100 руб., второго—30 руб., третьяго—25 руб. По свидѣтельству коммиссіи, назначенной министерствомъ государственныхъ имуществъ для ревизіи Восточной Сибири (1841 г.), рабочіе на тамошнихъ золотыхъ пріискахъ получали мѣсячнаго жалованья 8, 10, 15 и даже до 50 руб. асс. [2]), но для того, чтобы указанные размѣры мѣсячнаго вознагражденія не ввели въ заблужденіе, нужно помнить, что большинство рабочихъ занималось простыми горными работами и, слѣдовательно, получало низшую норму

---

[1]) По контракту 1842 г. съ золотопромышленникомъ Коноваловымъ рабочіе должны были получать въ мѣсяцъ (т. е. за тридцать рабочихъ дней) взрослые (болѣе 20 лѣтъ отъ роду) по 15 руб. ас., а на серебро 4 р. 28 к., тѣ же, которымъ было отъ 12 до 20 лѣтъ по 10—12 руб., а на серебро отъ 2 р. 85 к. до 3 р. 42 к. По договору того же года съ золотопромышленниками Томской и Енисейской губерніи Поповыми за 30 рабочихъ дней горнорабочіе, караульные и возчики припасовъ должны были получать по 12 руб., при промывкѣ песковъ, а также плотники и кузнецы по 13 р., нарядчики по 15 руб. асс. По договору 1844 г. чернорабочіе на пріискѣ Рязановыхъ, Баландина и Казанцева (Томскаго округа) должны были получать за 30 рабочихъ дней съ 1 октября по 1 апрѣля по 2 р. 28 к. сереб., а съ 1 апрѣля по 1 октября по 3 р. 14 к. сер.; цеховые рабочіе—по усмотрѣнію конторы, но не менѣе 3 р. 14 коп. сер., а назначенные въ шурфовку и такимъ образомъ лишенные старательскихъ работъ 3 р. 14 к.—4 р. 28 к. въ мѣсяцъ.

[2]) Арх. Гор. Деп., по описи № 91, дѣло № 3/13.

вознагражденія. Мѣсячная плата вездѣ полагалась за 30 рабочихъ дней. Въ договорѣ съ томскимъ золотопромышленникомъ Зотовымъ (1838 г.), какъ и во многихъ другихъ договорахъ 40-хъ годовъ, сказано: „мѣсяцъ, за который договорились мы получать плату, считать 30 рабочихъ дней, почему воскресные, праздничные и табельные дни... должны оставаться свободными, кромѣ однакожъ тѣхъ случаевъ, которые требовать будутъ особенной надобности, какъ то: укрѣпленіе плотинъ, ортъ, шурфовъ, устройства водопроводовъ, отливъ воды и проч., что все должны и непремѣнно обязаны производить не только въ табельные дни, но и въ самое ночное и ненастное время безъ всякаго прекословія".

Въ контрактахъ Асташева и Боровкова 40-хъ годовъ плата чернорабочимъ, промывальщикамъ, шурфовщикамъ и цеховымъ мастеровымъ назначалась отъ 10 до 15 руб. асс. въ мѣсяцъ. Изъ разсчетной книги 1843 г. по Прокопьевскому пріиску Асташева видно, что для плотниковъ, хлѣбопековъ и кузнецовъ она равнялась 15—20 р., для нарядчиковъ 20—25 р., для конюховъ — 15—30 руб. асс. Средняя поденная плата, какъ видно изъ этой книги, равнялась на этомъ пріискѣ 40 коп. асс., слѣдовательно, за мѣсяцъ въ 30 дней рабочіе получали 12 руб. асс. По договору 1848 г. съ Удерейскою К° чернорабочіе должны были получать 2 р. 85 к. сер. или 10 р. асс. въ мѣсяцъ, промывальщики, нарядчики и мастеровые — по усмотрѣнію управляющаго, находящіеся же „въ присмотрѣ и пропускѣ песковъ на вашгердахъ"—отъ 2 р. 85 к. до 8 руб. сер. (До открытія промывки всѣ должны были получать плату наравнѣ съ чернорабочими). Въ поисковыхъ партіяхъ и при шурфовкѣ новыхъ мѣстъ по этому договору чернорабочимъ было назначено жалованье въ 3 р. 42 к., а промывальщикамъ и штейгерамъ по 6 р. 85 к. сер.

Рабочіе изъ Европейской Россіи, такъ называемые *нижегороды*, притокъ которыхъ все увеличивался, нанимались по большей части для вскрыши турфовъ; они, по свидѣтельству автора описанія енисейскихъ промысловъ (1848 г.), заключали условія о платѣ имъ съ кубической сажени (отъ 80 к. до 3 руб. сер. съ каждой). Крестьяне Нижегородской губерніи, нанявшіеся въ 1847 г. на Прокопьевскій пріискъ Асташева для вскрытія турфа, должны были получать за каждую выработанную кубическую сажень съ отвозомъ и выкаткою съ 1 апрѣля по 3 руб. 14 коп. сер. или по 11 р. асс., а въ теченіе марта должны были находиться на такой работѣ, на какую ихъ назначатъ, не исключая ортовыхъ и шахтовыхъ работъ, съ платою по 4 р. 28 к. сер. въ мѣсяцъ.

Въ минусинскомъ и ачинскомъ округахъ Енисейской губерніи по свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1841 г. ревизіонною коммиссіею министерства государственныхъ имуществъ, чернорабочіе получали жалованья на двухъ пріискахъ по 8 руб. асс. въ мѣсяцъ, на одномъ пріискѣ—по 11 р., на одномъ—по 12 р., на семи—по 13 р. и на одномъ—14 р. асс.

Какъ мы видѣли, рабочіе на золотыхъ промыслахъ нерѣдко брали въ задатокъ сумму, превосходящую ту, какую имъ слѣдовало получить за все лѣто въ видѣ мѣсячной платы; очевидно, всѣ свои дальнѣйшія надежды они возлагали на старательскія работы въ свободное отъ урочныхъ занятій время. Какъ до изданія закона 1838 г. о частной золотопромышленности въ Сибири, такъ и послѣ него, въ концѣ 30-хъ и въ теченіе 40-хъ годовъ, рабочіе во многихъ договорахъ предоставляли разрѣшеніе старательскихъ работъ въ воскресные и праздничные дни при вскрытіи торфа и промывкѣ песковъ, а также и назначеніе вознагражденія за этотъ трудъ усмотрѣнію хозяина или его управляющаго [1]). Тѣмъ не менѣе старательскія работы повсемѣстно существовали, такъ какъ безъ нихъ рабочіе не пошли бы на золотые промысла по крайней мѣрѣ за указанную выше ничтожную мѣсячную плату. Порѣцкій въ проектѣ колонизаціи Сибири обязанными крестьянами (1844 г.) писалъ, что рабочіе поселенцы на старательскихъ работахъ „преимущественно избираютъ лучшія мѣста или гнѣзда съ золотомъ. Промытый ими песокъ и пустую породу, называемую турфомъ, они сваливаютъ на смежныя съ гнѣздами и также золотосодержащія мѣста. Отвалы сіи время отъ времени увеличиваются, и всѣ тѣ мѣста послѣ будетъ уже невыгодно разработывать не только за обыкновенную подать“ (вносимую золотопромышленниками въ казну), „но даже безъ подати. Въ случаѣ настоятельнаго запрещенія хозяевами пріисковъ продолжать такіе безпорядки, *поселенцы упорствуютъ и нерѣдко въ отмщеніе за то останавливаютъ урочныя работы* до тѣхъ поръ, пока мѣстное начальство поставитъ ихъ въ предѣлы законныхъ обязанностей“. Упомянувъ о возмущеніи 1842 г. на пріискахъ К° Асташева, Рязанова, Толкачева (см. ниже), авторъ прибавляетъ: „обнаруженныя выгоды ссыльно-поселенцевъ ясно показали причины ихъ самовольства въ старательскихъ работахъ, ибо они зарабатывали на гнѣздовыхъ мѣстахъ въ старательскіе часы послѣ урочныхъ работъ отъ 4 до 10 руб. асс.“ (въ день) [2]).

На енисейскихъ промыслахъ за старательскую работу, которою рабочіе занимались по окончаніи урочной, а также въ воскресные и праздничные дни, они получали, по словамъ Гофмана (1843 г.), на бѣдныхъ золотомъ промыслахъ по 3 руб., а на богатыхъ по 2 руб. асс. за золотникъ добытаго золота; по словамъ бар. Зедделера (1846 г.), на про-

[1]) Договоры съ томскими золотопромышленниками Зотовымъ (1838 г.), Коноваловымъ (1842 г.), К°. Рязановыхъ, Баландина и Казанцева (1844 г.). Въ этомъ послѣднемъ договорѣ прибавлено: „почему никакого особеннаго условія о семъ заключать не считаемъ нужнымъ“, не смотря на то, что закономъ 1838 г. предписывалось обозначать въ договорахъ, обязывается ли хозяинъ давать рабочимъ старательскую работу, а размѣръ платы за золото долженъ былъ опредѣляться особымъ условіемъ.

[2]) Арх. Мин. Гос. Им., дѣло V Отд. Соб. Е. В. Канц. 1844 г. № 894/730.

мыслахъ южной части енисейскаго округа отъ 2 до 4 р. асс., а по свидѣльству автора описанія енисейскихъ промысловъ (1848 г.) отъ 60 коп. до 1 р. сер. „Этимъ способомъ", говоритъ Гофманъ, „наилучше отстраняется хищничество золота, ибо если кому и удастся во время урочной работы утаить что нибудь отъ надзирателя, то онъ отдаетъ это за время своей свободной работы. Каждый вечеръ являются эти люди съ своею выработкою, золото взвѣшивается тотчасъ же въ ихъ присутствіи и потомъ дѣлается разсчетъ, сколько приходится изъ того на каждаго человѣка въ артели, что и записывается въ книгу и на листокъ находящійся въ рукахъ каждаго рабочаго. Этотъ способъ работы равно выгоденъ для владѣльца и для рабочихъ: первому доставляетъ онъ чистый барышъ, отъ 8 до 10 рублей асс. на золотникъ, ибо всѣ расходы должно естественно разсчитывать только на условленную работу, а послѣднимъ доставляетъ онъ значительныя деньги по мѣрѣ ихъ усердія и счастія, ибо если попадаетъ артель на богатое мѣсто, или попадается большой самородокъ, то заработка ихъ бываетъ весьма значительна [1])... Ремесленникамъ и всѣмъ прочимъ, занятымъ цѣлый день какою либо особою работою, доставляется подобная заработка временно въ видѣ награжденія и отводится именно на богатыхъ мѣстахъ, уже вскрытыхъ. При этомъ случаѣ заработка бываетъ еще больше... Конечно это", продолжаетъ Гофманъ, „особенно счастливые случаи, показывающіе, однако, какъ велика можетъ быть иногда заработка, и это-то самое и привлекаетъ рабочихъ и удерживаетъ ихъ на промыслахъ. И какъ только эти работы пойдутъ худо, т. е. пески станутъ бѣднѣе, то и начинаютъ рабочіе бѣгать и не выходить на работу... Чтобы пособить этому неудобству, введенъ на многихъ промыслахъ еще другой способъ заработки: именно платится 25 р. асс. за каждую сажень вскрыши (торфа), которую они снимутъ и отвезутъ въ свободное время. Если при этомъ заработка и не можетъ быть столь велика, какъ при счастливыхъ случахъ промывки песка, то за то она вѣрнѣе и потому предпочитается многими рабочими" [2]). Такимъ образомъ уже въ это время начинали вводить старанія на торфахъ. Очень важно также свидѣтельство автора описанія енисейскихъ промысловъ (1848 г.) о появленіи мѣстами общихъ стараній, въ которыхъ участвовали всѣ рабочіе, занятые урочными работами. „На нѣкоторыхъ пріискахъ", говоритъ онъ, „старательскія работы бываютъ

[1]) По словамъ Гофмана, въ его присутствіи на Бирюсѣ въ одинъ вечеръ пришлось на каждаго рабочаго въ одной артели по 72 руб. асс., а въ другой, работавшей въ воскресенье, по 105 р. на каждаго.

[2]) По словамъ Казимирскаго (1843 г.), при снятіи старательскими работами пустой породы платили, смотря по богатству пріиска, отъ 10 до 25 р. асс. за кубическую сажень, а по свидѣтельству автора описанія енисейскихъ промысловъ (1848 г.)— отъ 4 до 7 руб. сер.

не артелями, а общія; промывка песковъ производится какъ въ обыкновенное время, но добытое въ то время золото записывается въ стараніе рабочимъ; иногда дѣлается съ ними условіе, чтобы они вырабатывали болѣе положеннаго урока, за что имъ дается плата по 1 р. за каждаго человѣка; впрочемъ это дѣлается только на большихъ и самыхъ богатыхъ пріискахъ". Казимирскій находилъ, что „старательскія работы положительно полезны какъ для промышленника, такъ и для рабочаго": промышленникъ съ помощью ихъ ускоряетъ выработку пріиска, а трудолюбивый работникъ зарабатываетъ больше лѣниваго [1]).

На пріискахъ минусинскаго и ачинскаго округовъ Енисейской губерніи рабочіе получали въ 1841 г. за старательское золото по 3 руб. асс., а за найденные при хозяйскихъ работахъ самородки и „крупныя золотины" по 1 руб. асс. за золотникъ [2]). Такимъ образомъ, по извѣст-

[1]) Приведемъ нѣкоторыя условія договоровъ рабочихъ съ золотопромышленниками енисейскихъ промысловъ относительно старательскихъ работъ. Въ договорѣ 1843 г. съ Асташевымъ сказано: „ежели господинъ хозяинъ или его прикащики согласны будутъ дозволить намъ въ свободное отъ своихъ постоянныхъ работъ время производить добычу и промывку песковъ, а также и вскрышу турфа... старательскими работами, но не иначе какъ только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ" хозяиномъ „приказано будетъ", то за добытое на такой работѣ золото „получать плату за каждый золотникъ по 3 руб., за вскрышу турфа для хозяйскихъ работъ по 5 руб. (асс.) за кубическую сажень или какая будетъ отъ г. хозяина или его прикащиковъ опредѣлена особымъ условіемъ на мѣстѣ промысла, но за турфъ, вскрытый для добычи песковъ старательскими работами никакой особой платы не требовать... Впрочемъ состоять будетъ въ полной власти хозяина опредѣлить плату или вовсе не дозволять старательскихъ работъ, чего мы и требовать безъ согласія его не вправѣ. Выдачу денегъ за старательскія работы производить, смотря по существенной въ нихъ рабочимъ надобности, а иначе до общаго осенняго разсчета намъ не требовать, а означать только въ разсчетныхъ листахъ" (слѣдовательно, все таки въ случаѣ „существенной" надобности рабочіе могли получать плату за старательскія работы и до разсчета). Въ другомъ контрактѣ Асташева того же 1843 г. плата за старательское золото была назначена 2 р. асс. за золотникъ, а за отвозъ турфа старательскими работами въ такихъ мѣстахъ, гдѣ промывка песковъ имъ не дозволялась, рабочіе должны были получать плату по взаимному соглашенію, но за то и другое при *окончательномъ разсчетѣ*. Въ свѣдѣніяхъ, доставленныхъ въ томъ же году о Прокопьевскомъ пріискѣ Боровкова сенатору Толстому, сказано, что за золотникъ золота, добытаго, на старательскихъ работахъ, рабочіе получали по 2 р. 50 к. асс. Въ договорѣ 1848 г. съ К° Бенардаки (южной части Енисейскаго округа) рабочіе обязывались производить добычу песковъ старательскою работою (если она будетъ имъ дозволена) *„общею артелью"* и получать плату за золотникъ старательскаго золота по 57 коп. сер., а за найденные самородки, если они менѣе фунта,—по 1 р. асс. за золотникъ, а если болѣе фунта, то вмѣсто этой платы давалась особая награда при окончательномъ разсчетѣ; за отвозъ турфа старательскими работами тамъ, гдѣ не дозволялась промывка песковъ, плата назначалась по взаимному соглашенію. Наконецъ, рабочіе-нижегородцы, нанявшіеся въ 1847 г. на Прокопьевскій пріискъ Асташева, вытоваривали себѣ плату за золотникъ старательскаго золота по 71 коп. сер.

[2]) Арх. М. Г. Им., дѣло V Отд. Соб. Е. В. Канц. № 315, прилож. В, № 5.

нымъ намъ договорамъ съ рабочими, они получали на пріискахъ Восточной Сибири по 2—3 руб. асс. за золотникъ старательскаго золота и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по 1 р. асс. съ золотн. за найденные самородки [1]). Затѣмъ нельзя не обратить вниманія на то, что по договору съ Асташевымъ (1843 г.), при стараніи на торфахъ рабочіе должны были получать за каждую вскрытую для хозяйскихъ работъ кубическую сажень торфа съ откаткою по 5 р. ассигн. „или какая плата будетъ... опредѣлена особымъ условіемъ на мѣстѣ промысла", между тѣмъ, какъ по свидѣтельству Казимирскаго въ этомъ случаѣ платили отъ 10 до 25 р., по Гофману — 25 руб. асс., а по описанію 1848 г. 4—7 р. сер. за кубическую сажень (безъ сомнѣнія также съ ручною откаткою). Что и послѣднія цифры возможны, видно какъ изъ того, что три приведенныя данныя взаимно другъ друга подтверждаютъ, такъ и изъ того, что нижегороды по контракту съ Асташевымъ (1847 г.) должны были даже не за старательскую, а за урочную работу получать при снятіи торфа по 3 р. 14 к. сер. или по 11 руб. асс. за кубическую сажень.

Отдѣльные случаи крупнаго заработка на старательскихъ работахъ и болѣе высокія нормы вознагражденія за нихъ не должны вводить однако въ заблужденіе. Мы увидимъ ниже, что общій заработокъ рабочихъ на золотыхъ промыслахъ былъ въ среднемъ размѣрѣ вовсе не такъ великъ, какъ многіе думаютъ на основаніи разсказовъ о безшабашныхъ кутежахъ рабочихъ при выходѣ съ промысловъ въ это время.

По прибытіи рабочихъ на пріискъ имъ давали нѣкоторое время (до 3 дней) для сооруженія себѣ жилищъ (если они не были уже построены въ предшествующія операціи). Въ это время, по словамъ Казимирскаго, рабочіе строили бревенчатыя избушки [2]) съ окнами, нарами и печью изъ камней и размѣщались артелями человѣкъ отъ 5 до 10 и болѣе въ каждой избушкѣ, а по другимъ свѣдѣніямъ, селились и въ землянкахъ. По словамъ одного золотопромышленника, дома рабочихъ въ южной части Енисейскаго округа, въ половинѣ 40-хъ годовъ, составляли „лѣтнія избушки низенькія, иногда съ плоскими накатами вмѣсто крышъ, величиною въ 6 и 7 аршинъ квадрата" [3]). Авторъ описанія енисейскихъ промысловъ (1848 г.) говоритъ: прикащики, конюхи, мастеровые и другіе служащіе живутъ въ избушкахъ, „хотя снаружи некрасивыхъ, но внутри очень чисто и удобно устроенныхъ. Рабочіе въ

[1]) По словамъ Казимирскаго платили отъ 2 р. до 3 р. 50 коп., по свидѣтельству генерала Анненкова отъ 2 р. 50 к. до 3 р. 50 к. асс. за золотникъ.

[2]) Одинъ рабочій утверждалъ поэтому, что избушки принадлежатъ не хозяевамъ пріисковъ, а тѣмъ, кто ихъ строилъ (рукоп. дневникъ золотопромышленника, принадлежащій Обществу изслѣдованія Алтая).

[3]) *Шмаковъ*. „Объ Удерейской золотоносной системѣ". „Сѣв. Пчела" 1844 г. № 268.

южной системѣ помѣщаются въ курныхъ избушкахъ, въ которыхъ есть нары и въ большей части полы; въ сѣверной же системѣ въ землянкахъ и курныхъ избушкахъ безъ половъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и безъ наръ. Помѣщеніе въ землянкахъ вредно; избушки же съ полами и нарами", въ которыхъ рабочіе помѣщаются по 5—9 чел., по мнѣнію автора, „весьма удовлетворительны, такъ какъ во всякомъ случаѣ онѣ могутъ быть только временнымъ мѣстопребываніемъ работниковъ". Авторъ увѣряетъ, что многіе изъ золотопромышленниковъ пробовали строить хорошія большія избы для 25 и 30 человѣкъ, но будто бы никакъ не могли заставить рабочихъ жить въ нихъ: „тѣ, которые пробовали помѣщаться въ такомъ многолюдствѣ, черезъ нѣсколько дней приходили къ хозяевамъ съ жалобами, что ихъ обокрали". Есть извѣстіе, что рабочіе предпочитали небольшія избушки, потому что туда имъ было удобнѣе приносить золотоносный песокъ и тайно промывать золото въ свою пользу [1]). По словамъ доктора Кривошапкина, „при началѣ развитія золотопромышленности" въ Енисейской тайгѣ „помѣщенія... для рабочихъ... срубались наскоро, кое-какъ. Оттого тѣснота, темнота и нечистота въ нихъ способствовали развитію болѣзней, особенно цынги". Избушки строились рабочими по приходѣ на пріиски, въ мартѣ мѣсяцѣ, такимъ образомъ: на голой землѣ, безъ пола, срубались стѣны, отъ 2 до 3 саженъ длины, отъ $1^1/_2$ до 2 ширины и не болѣе $2^1/_2$ арш. высоты. Внутри избушки складывалась черная печь, въ видѣ груды камней, безъ трубы; во время топки ея дымъ не могъ выходить весь въ отверстіе на потолкѣ, и потому большая часть избушки наполнялась дымомъ. Около стѣнъ дѣлались нары; окошки были маленькія. „Если припомнимъ грунтъ земли", продолжаетъ Кривошапкинъ, „время, когда онѣ строились, да прибавимъ, что въ каждой изъ такихъ избушекъ жило столько" человѣкъ, сколько могло „помѣститься, что тутъ же высушивали свою вымокшую на работѣ одежду и наполняли воздухъ какъ прѣлымъ отъ нея запахомъ, такъ и испареніями постоянно разгоряченнаго въ тяжелыхъ работахъ тѣла, то и можно заключить, что едва-ли эти избушки не хуже якутскихъ зимниковъ и самоѣдскихъ чумовъ: тамъ хоть свѣту Божьяго меньше, да есть, по крайней мѣрѣ, полъ, а огонь, разводимый среди чумовъ, очищаетъ воздухъ" [2]).

---

[1]) *Ячевскій.* „Очеркъ соврем. сост. енис. золотопр." Горн. Журн. 1892 №8—9.

[2]) *Кривошапкинъ.* „Енисейскій округъ и его жизнь. Спб. 1865, стр. 176—177. Въ договорахъ золотопромышленниковъ съ рабочими относительно помѣщенія послѣднихъ мы находимъ условія двухъ родовъ. Въ однихъ — въ такомъ родѣ: „постройку для помѣщенія себѣ избушекъ, бань и прочаго производить должны собственно сами въ такое время, въ которое свободны будемъ отъ хозяйскихъ работъ". Въ другихъ же контрактахъ встрѣчаемъ такое постановленіе относительно жилищъ рабочихъ: „на дѣйствующихъ постоянно промыслахъ, такъ равно и прочихъ, ежели нѣтъ достаточно

Сверхъ жалованья, рабочіе получали хозяйскую пищу. О качествѣ ея мы встрѣчаемъ почти все благопріятные отзывы. По словамъ Гофмана, рабочихъ кормили „весьма хорошо“; Казимирскій свидѣтельствуетъ, что „недостатка въ продовольствіи на пріискахъ и жалобъ не было“. Баронъ Зедделеръ также писалъ, что „не было никакихъ жалобъ“ со стороны рабочихъ относительно пищи „даже въ то время, когда неурожай, падежъ скота, засуха и другого рода бѣдствія чрезвычайно затрудняли привозъ необходимыхъ на пріискахъ“ припасовъ. По мнѣнію Небольсина, рабочій народъ на золотыхъ промыслахъ „ѣстъ не только весьма сытно, но еще очень и очень вкусно“ [1]), наконецъ, по словамъ автора описанія енисейскихъ промысловъ (1848 г.), пріисковые рабочіе получали пищу „по большей части очень хорошую“. Есть, однако, указанія и другого рода: авторъ однихъ воспоминаній о енисейской золотопромышленности въ концѣ сороковыхъ и въ пятидесятыхъ годахъ говоритъ, что рабочихъ частенько кормили испорченнымъ мясомъ [2]).

Осенью 1842 г., нѣкоторые золотопромышленники Восточной Сибири довели до свѣдѣнія министра финансовъ, что послѣ почти трехлѣтнихъ затрудненій въ продовольствіи пріисковыхъ рабочихъ хлѣбомъ, цѣна котораго доходила на мѣстахъ закупки до 5 рублей, а на самыхъ промыслахъ съ доставкою отъ 8 до 14 руб. асс. за пудъ [3]), предстоитъ не менѣе важное затрудненіе въ заготовленіи говядины, цѣна которой на промыслахъ дошла до 11 р. асс. за пудъ. Затрудненіе это происходитъ оттого, что на всѣхъ золотыхъ промыслахъ Восточной и Западной Сибири находится до 30,000 рабочихъ и, на основаніи заключаемыхъ съ ними контрактовъ, слѣдуетъ каждому давать въ день говядины по одному фунту. По словамъ золотопромышленниковъ, доставленіе скота

для жилищъ помѣщеній, то обязуемся мы устроить для себя сами на приличныхъ мѣстахъ, отведенныхъ хозяевами или прикащиками ихъ, но такія помѣщенія, какія опредѣлены будутъ отъ хозяина. По окончаніи же лѣтнихъ работъ всѣ эти помѣщенія должны остаться въ пользу хозяевъ безденежно, передавать же ихъ продажею, или уступать кому либо другому мы не вправѣ, какъ выстроенныхъ изъ казенныхъ лѣсовъ. Впрочемъ, ежели бы угодно было хозяину выстроить казармы для жилища большими артелями, то мы должны въ нихъ безпрепятственно жить. А отапливанія и освѣщенія не требовать, а приготовлять это, въ свободное послѣ работы время, самимъ намъ безъ особой платы“.

[1]) „Отечеств. Зап.“ 1847 г. т. 55, стр. 120.

[2]) „Сибирскій Сборникъ“ 1887 г., стр. 184, ср. 174.

[3]) По оффиціальному донесенію, въ Красноярскѣ въ началѣ 1841 г. цѣна хлѣба дѣйствительно доходила до 5 р. асс. за пудъ. Арх. Мин. Гос. Им. Дѣло V отд. Соб. Е. И. В. Канц. № 315, т. IV, л. 255. Въ 1845 г. К° Малевинскаго (сѣв. часть Енис. окр.) закупала хлѣбъ по 3 р. 25 к. — 4 р. асс. за пудъ, а за перевозку только отъ Енисейска и отъ деревни Назимовой до промысловъ платила по 4 р. 50 к. съ пуда. Арх. Горн. Деп. по описи № 90, дѣло № 84/77, л. 36.

изъ-за Киргизской границы на промыслы Восточной Сибири не удобно, такъ какъ въ каждое жаркое лѣто киргизскій скотъ подвергается заразительнымъ болѣзнямъ. Поэтому золотопромышленники Енисейскаго округа обратились къ генералъ-губернатору Восточной Сибири Руперту съ просьбой не только разрѣшить имъ покупку рогатаго скота въ Якутской области и прогонъ его на золотые промыслы по пролагаемой ими дорогѣ изъ Киренскаго округа въ Енисейскій, но даже, въ виду значительныхъ затратъ на проведеніе этой дороги, предоставить имъ однимъ право покупки скота въ Якутской области въ теченіе 5 лѣтъ. Рупертъ вздумалъ поддерживать предъ министромъ финансовъ это ходатайство золотопромышленниковъ и старался убѣдить его, что оно даже выгодно для жителей Якутской области, но министръ нашелъ противозаконнымъ предоставленіе такого исключительнаго права. Вслѣдъ затѣмъ Рупертъ сообщилъ министру о слѣдующемъ своемъ мудромъ распоряженіи. Ему сдѣлалось извѣстнымъ, что для пріисковъ Енисейскаго округа было заготовлено въ 1841 г. 36,000 пуд. мяса, между тѣмъ какъ всѣхъ рабочихъ на промыслахъ этого округа было въ то время до 4,000; Рупертъ вычислилъ, что, считая въ лѣтнюю операцію 150 рабочихъ дней (вмѣстѣ съ проходомъ на пріиски и обратно), на каждаго человѣка въ день приходилось по $2^1/_2$ фунта мяса, хотя не трудно было узнать изъ контрактовъ съ рабочими, что имъ обыкновенно полагалось выдавать лишь по 1 фунту въ день, слѣдовательно, цифра заготовки была преувеличена, что̀ подтверждается и заявленіемъ самихъ золотопромышленниковъ министру финансовъ. Но Рупертъ, „для отвращенія столь непомѣрно роскошнаго довольствія рабочихъ людей, которые почти всѣ (?) изъ класса ссыльно-поселенцевъ, равно для облегченія золотопромышленниковъ въ заготовленіи говядины“, предписалъ циркуляромъ въ іюлѣ 1842 г. всѣмъ управляющимъ частными золотыми промыслами, „чтобъ впредь, при заключеніи контрактовъ съ рабочими, оговариваемо было, что выдача имъ мяса будетъ не болѣе $1^1/_4$ фунта въ день, и то по воскресеньямъ, вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, въ прочіе же дни, равно въ посты, установленные православною церковью, выдаваема будетъ лишь рыба, какую кто изъ золотопромышленниковъ можетъ заготовить, или взамѣнъ оной кушанье, приправленное коноплянымъ масломъ“ [1]). Это предписаніе, какъ мы сейчасъ увидимъ, не осталось безъ вліянія на контракты рабочихъ съ золотопромышленниками.

Изъ договоровъ съ рабочими и свидѣтельствъ современниковъ видно, что каждый работникъ ежедневно получалъ по 1 фунту свѣжаго или соленаго мяса, т.-е. менѣе, чѣмъ въ большинствѣ случаевъ даютъ

[1]) Арх. Горн. Деп., по описи Минюсскаго, св. 45, № $^7/_{99}$.

на пріискахъ въ настоящее время [1]). По словамъ автора описанія енисейскихъ промысловъ (1848 г.), въ южной части этого округа съ конца іюля, а въ сѣверной—съ августа мѣсяца послѣ пригона скота солонина замѣнялась свѣжею говядиною [2]). Щи или похлебка приготовлялись съ крупой (безъ капусты); изъ контрактовъ видно, что рабочимъ давалось ячной крупы отъ $7^1/_4$ до 10 ф. въ мѣсяцъ [3]); для предупрежденія цынги въ щи клалась черемша или дикій лукъ. Изъ крупы готовилась также каша. Объ отпускѣ мяса или сала въ извѣстныхъ намъ контрактахъ вовсе нѣтъ указаній, но, по свидѣтельству нѣкоторыхъ современниковъ, того или другого отпускалось два раза въ недѣлю по 1 фунту на 10 человѣкъ [4]). Соли по нѣкоторымъ контрактамъ полагалось по 5 ф. въ мѣсяцъ, а хлѣба по нѣкоторымъ договорамъ по 3 фунта, а по одному контракту съ Асташевымъ (1843 г.) по 4 фунта въ день [5]). По свидѣтельству современниковъ, пріисковымъ рабочимъ давали и квасъ. Хлѣбъ и квасъ, по словамъ Гофмана, употреблялись „безъ всякой бережливости", такъ что на промыслахъ нанимали нѣсколькихъ ребятъ „собственно для подбиранія разбросанныхъ повсюду кусковъ хлѣба", которые и обращались потомъ въ сухари или шли на кормленіе скота. Въ постъ рабочіе, не желавшіе ѣсть скоромнаго, получали, по свидѣтельству современниковъ, по 1 фунту гороха, по $^1/_4$ фунта крупы для каши и 3 золотника постнаго коноплянаго масла на человѣка, а по словамъ Гофмана, вмѣсто мяса—такое же количество рыбы (по свидѣтельству бар. Зедделера, соленой или копченой); но контрактами постная пища рабочихъ рисуется въ болѣе непригляднымъ видѣ. Вообще мы считаемъ необходимымъ остановиться на условіяхъ нѣкоторыхъ контрактовъ относительно пищи.

Въ договорѣ съ томскимъ золотопромышленникомъ Зотовымъ (1838 г.),

---

[1]) Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири во всеподданнѣйшемъ докладѣ 1843 г. и бар. Зедделеръ принимаютъ ежедневную порцію мяса въ 1—$1^1/_2$ ф., но мы ни въ одномъ контрактѣ не встрѣтили указанія на $1^1/_2$-фунтовую порцію, а если и выдавалось у Асташева $1^1/_4$ ф., то за то всего 4 раза въ недѣлю, т.-е. въ среднемъ менѣе фунта въ день. Авторъ описанія енисейскихъ промысловъ (1848 г.) говоритъ, что чернорабочимъ даютъ говядины въ мѣсяцъ 30 фун., а мастеровымъ, „довольствуемымъ улучшенною пищею", $37^1/_2$ фун.

[2]) Скотъ били на промыслахъ; говядину солили и сохраняли въ подвалахъ въ большихъ чанахъ.

[3]) По словамъ генералъ-губернатора Восточной Сибири, крупы полагалось на каждаго работника въ день по $1^1/_2$ фун. (Арх. Гор. Деп., по описи всеподд. докл. 1843 г., № 3, л. 152 об.), но это показаніе контрактами не подтверждается.

[4]) По словамъ автора описанія Енисейскихъ промысловъ (1848 г.), полагалось масла для каши по $^1/_2$ фун. въ мѣсяцъ на человѣка.

[5]) По договору съ Зотовымъ (1838 г.) отпускалось на каждаго рабочаго по 2 п. 10 фун. ржаной муки (это выйдетъ по 4 фун. печенаго хлѣба).

между прочимъ, сказано: „если кто изъ насъ пожелаетъ употреблять въ постные дни пищу постную, то таковые должны довольствоваться жидкою только кашицею изъ одной только ячной крупы безъ масла и болѣе ничего не требовать и за это время лишаются полученія опредѣленнаго количества говядины". По договору съ томскимъ золотопромышленникомъ Коноваловымъ (1842 г.) рабочіе, кромѣ 1 фунта соленой или свѣжей говядины, получали „хлѣба или крупъ въ щи, сколько будетъ надобно, болѣе же ничего" (обязывались они) „по прихотямъ" своимъ не требовать. По договору съ томскими золотопромышленниками Рязановыми, Баландинымъ и Казанцевымъ хлѣба и квасу рабочимъ предоставлялось, „сколько будетъ нужно"; кто же не захочетъ получать въ постные дни говядины, тому отпускалось для жидкой кашицы „приличное количество ячной крупы безъ масла" и предписывалось болѣе ничего не требовать. По одному договору съ Асташевымъ 1843 г. постановлено, что каждый рабочій долженъ получать „въ сутки говядины соленой или свѣжей по 1¼ фунта, но только таковую выдачу производить по воскресеньямъ, вторникамъ, четвергамъ и субботамъ" (тутъ видно вліяніе предписанія Руперта 1842 г.), „въ прочіе же дни, равно въ посты... обязался г. хозяинъ выдавать рыбу, какая ими будетъ приготовлена, или, взамѣнъ этого кушанья, кашу, приправленную конопляным масломъ, хлѣба печенаго каждодневно по 3 фунта, крупы для щей и каши по ¼ фунта" [1]). Въ договорѣ 1843 г. съ компаніею Боровкова, Асташева и друг. есть такое постановленіе: „хлѣба не растрачивать, а кто изобличится въ этомъ, тотъ отвѣтствуетъ за то по настоящей на пріискѣ заготовительной цѣнѣ". Нельзя не признать впрочемъ, что постановленія относительно пищи контрактовъ, составленныхъ въ концѣ 30-хъ и въ теченіе 40-хъ годовъ, болѣе благопріятны для рабочихъ, чѣмъ тѣ, какія мы находимъ въ договорахъ первой половины 30-хъ годовъ [2]).

Всѣ работники на промыслахъ, по свидѣтельству Гофмана, дѣлились на нѣсколько артелей, и каждая артель выбирала отъ себя повѣреннаго, который долженъ былъ присутствовать при отвѣшиваніи говядины и вообще заботиться обо всемъ нужномъ для его артели, а та отвѣчала за него и въ случаѣ обмана сама подвергала его наказанію. Сходное съ этимъ постановленіе мы находимъ въ договорѣ (1848 г.) съ К°. Бенардаки, въ которомъ сказано: „при принятіи съѣстныхъ припасовъ для содержанія насъ пищею должны находиться староста, из-

[1]) По другому договору съ Асташевымъ (1843 г.), тамъ, гдѣ нельзя имѣть названныхъ припасовъ, рабочіе должны были получать по ¾ ф. сушеной говядины или крупы и сухарей по 2¼ ф. на каждаго въ день.

[2]) Стоимость содержанія рабочихъ на одномъ изъ крупныхъ пріисковъ равнялась 21 р. асс. въ мѣсяцъ.

бранный самимъ хозяиномъ, а со стороны нашей два выборныхъ, а когда ими получена будетъ провизія и приготовлена въ пищу, въ такомъ случаѣ рабочіе уже не вправѣ охуждать ее въ качествѣ доброты и шуму не дѣлать, подъ видомъ дурного приготовленія".

Нѣкоторые современные наблюдатели старались придать описанію обѣденной трапезы на пріискахъ нѣсколько идиллическій характеръ. „Рабочіе обѣдаютъ", разсказываетъ авторъ описанія енисейскихъ промысловъ (1848 г.), „подъ прекрасными навѣсами, устроенными близъ кухней. Во всю длину навѣсовъ стоятъ въ нѣсколько рядовъ большіе столы, а подлѣ нихъ скамейки; на Пророко-Ильинскомъ пріискѣ К°. Горохова столы покрываются даже скатертью толстаго полотна". „Къ обѣду", продолжаетъ авторъ, „кладутъ хлѣбъ на столы, говядину вынимаютъ изъ котловъ, разрѣзываютъ на мелкіе куски и накладываютъ въ деревянныя чашки, по приходѣ же рабочихъ наливается супъ въ подобнаго же рода чашки и кашу приправляютъ масломъ. Каждая чашка дается на 10 человѣкъ". Что касается масла, то выше было указано, въ какомъ ничтожномъ количествѣ оно отпускалось рабочимъ (а въ контрактахъ 40-хъ годовъ мы и вовсе не находимъ указаній о выдачѣ масла), не смотря на то, что при тяжелыхъ пріисковыхъ работахъ въ немъ чувствовалась особенная потребность.

При напряженной работѣ, къ тому же въ сырыхъ разрѣзахъ, во всякую ненастную погоду или въ мокрыхъ ортахъ, у рабочаго, естественно, являлась потребность выпить, что и побудило впослѣдствіи нѣкоторыхъ сибирскихъ администраторовъ хлопотать объ обязательной выдачѣ рабочимъ винныхъ порцій. Напротивъ въ 40-хъ годахъ заботились только о совершенномъ недопущеніи вина на пріиски, хотя на дѣлѣ этого не удавалось добиться. Какъ мы уже знаемъ, по положенію о частной золотопромышленности 1838 г., не только запрещенъ былъ ввозъ вина и продажа его на самыхъ пріискахъ, но запрещалось устраивать питейныя выставки ближе 50 верстъ къ золотымъ промысламъ. Въ 1844 г. золотопромышленники Томской губерніи сдѣлали попытку выхлопотать дозволеніе ввоза вина на ихъ пріиски „для выдачи порціи больнымъ и рабочимъ", но генералъ-губернаторъ Западной Сибири не разрѣшилъ этого, и его распоряженіе было одобрено высшею властью [1]). Это не значитъ, однако, чтобы вина вовсе не было въ употребленіи на пріискахъ. Авторъ одной газетной статьи о положеніи рабочихъ на енисейскихъ золотыхъ промыслахъ, пользовавшійся старыми разсчетными книгами и отчетами Удерейской К°. (южной части Енисейскаго округа), дѣлаетъ слѣдующее, слишкомъ поспѣшное, заключеніе: „изъ отчетныхъ документовъ той же компаніи 40-хъ и 50-хъ годовъ видно, что спирта

[1]) Арх. Горн. Деп. по описи Минюсскаго, св. 56, дѣло № 3.

или водки совсѣмъ не было на пріискахъ въ употребленіи“ [1]), но этотъ выводъ опровергается показаніями современниковъ. На вопросъ одного изъ чиновниковъ, производившихъ по порученію сенатора Толстого ревизію золотыхъ промысловъ Удерейской системы, „не производится ли гдѣ либо незаконная продажа вина на дорогахъ, ведущихъ къ ихъ промысламъ, и не провозятъ ли отправляемые въ командировку рабочіе, особливо конюхи, тайно вина“, управленіе Прокопьевскаго пріиска въ 1843 г. отвѣчало, что недозволенный ввозъ вина на промыслы лѣтомъ „отнюдь не производится, въ теченіе же зимы“ это „легко случиться можетъ при поставкѣ вольными возчиками разныхъ тяжестей“. Гофманъ въ своей книгѣ говоритъ: „вино отпускается только въ особенныхъ случаяхъ, продажа его строго воспрещена“. Небольсинъ, самъ посѣтившій въ 40-хъ годахъ золотые промыслы Енисейской губерніи, разсказываетъ слѣдующее: „вино на пріискахъ *не вездѣ бываетъ*; въ послѣдніе годы, кажется, всюду ввозъ хлѣбнаго вина на пріиски, даже для раздачи порцій рабочимъ, запрещенъ мѣстнымъ начальствомъ, съ цѣлью не подавать повода, подъ видомъ даровой раздачи порцій, продавать вино рабочимъ. Распоряженіе это, не для всѣхъ пріятное въ одномъ отношеніи, т.-е. насчетъ подкрѣпленія силъ рабочаго, изнуреннаго тягостными трудами во всегдашней сырости, имѣетъ, съ другой стороны, самыя благодѣтельныя послѣдствія; народъ рабочій всегда трезвъ и не выходитъ изъ повиновенія. Однако жъ и тутъ не обходится „безъ поползновенія къ тайному провозу вина на пріиски: въ зимовьяхъ, чрезъ которыя проходятъ рабочіе къ мѣсту назначенія, не разъ казаки... брали въ плѣнъ контрабандистовъ“ (по нынѣшнему—спиртоносовъ), „придумывавшихъ особеннаго вида желѣзныя вмѣстительныя посудины, весьма удобныя для сокрытія тайно провозимой драгоцѣнности въ шаравахъ, на груди или подъ мышками. Въ отношеніи къ простымъ рабочимъ надзоръ за этимъ очень строгъ. Что же касается до другихъ лицъ, то трудно найти хотя одинъ пріискъ, гдѣ бы въ конторѣ или амбарахъ, подъ замкомъ матеріальнаго, не хранилось нѣсколько ведеръ хлѣбнаго вина. Углядѣть трудно“ [2]). Наконецъ, другой современникъ прямо свидѣтельствуетъ, что настоятельная потребность рабочихъ въ винѣ во время тяжелой пріисковой работы оказалась сильнѣе всякихъ стѣсненій и запрещеній. „Винная порція“, говоритъ авторъ описанія енисейскихъ промысловъ 1848 г., „на нѣкоторыхъ пріискахъ раздается каждое

---

[1]) Статья А. Саввиныхъ въ „Спб. Вѣстн.“ 1890 г. № 66.

[2]) От. Зап. 1847 г. т. 55, стр. 120. Баронъ Зедделеръ также говоритъ: только владѣльцы или управляющіе пріисковъ „могутъ имѣть при себѣ, и то подъ ключомъ, извѣстное количество крѣпкихъ напитковъ, какъ для собственнаго своего употребленія и лѣченія больныхъ, такъ и для угощенія работниковъ въ особыхъ случаяхъ“.

воскресенье, на другихъ же даютъ порцію рабочимъ въ извѣстные дни. Каждый рабочій очень хорошо знаетъ, сколько онъ получитъ въ лѣто винныхъ порцій. При раздачѣ порцій прикащики выводятъ иногда на счетъ большее количество вина, чѣмъ было его выпито, а рабочіе, болѣе трезваго поведенія, взявъ въ котелокъ свою порцію вина, отдаютъ ее другимъ рабочимъ за деньги или за старательское золото".

Женъ и дѣтей рабочимъ позволялось приводить на пріиски не иначе, какъ съ разрѣшенія хозяевъ. Въ договорѣ съ томскимъ золотопромышленникомъ Зотовымъ (1838 г.) постановлено: „никто изъ насъ не имѣетъ права привести съ собой на пріиски жену и дѣтей, а также имѣть при себѣ на промыслѣ безъ дозволенія хозяевъ, но еслибъ кому и дозволено было, въ такомъ случаѣ жены и дѣти наши должны принять на себя какія либо обязанности, смотря по способностямъ и возрасту", по особому условію. Въ договорѣ съ томскимъ золотопромышленникомъ Поповымъ къ обязательству имѣть при себѣ женъ и дѣтей не иначе, какъ съ дозволенія хозяевъ и прикащиковъ, прибавлено условіе, чтобы рабочіе продовольствовали ихъ собственною пищею, а не хозяйскою. Въ договорѣ съ Асташевымъ (1842 г.) сказано: „содержаніе семействъ, у кого они будутъ, имѣть намъ на собственный счетъ, а если нѣкоторыя изъ семействъ будутъ пользоваться, по согласію г. Асташева или его довѣреннаго хозяйскимъ содержаніемъ, то не иначе, какъ съ вычетомъ за употребляемые на то припасы денегъ по стоющимъ на мѣстѣ цѣнамъ изъ платы нашей". По свидѣтельству генералъ-губернатора Восточной Сибири (1842 г.), „женщины, работающія на промыслахъ, какъ и всѣ, пришедшія съ мужьями, обѣдаютъ въ своихъ избахъ, получая всѣ нужные припасы изъ магазиновъ". Что послѣднія, какъ видно изъ указанныхъ постановленій контрактовъ, получали припасы въ счетъ заработка своихъ мужей, это несомнѣнно; женщины же, находившіяся въ постоянной работѣ, безъ сомнѣнія, получали хозяйское содержаніе. По крайней мѣрѣ, въ договорѣ съ К° Бенардаки есть постановленіе, что, если рабочимъ дозволено будетъ привести на пріискъ „женъ и дѣтей, или другихъ женщинъ", то онѣ должны были „производить всякія пріисковыя работы наравнѣ съ мужчинами, получая жалованье и содержаніе", назначенное „чернорабочимъ; ежели же нѣкоторыя изъ женщинъ вздумали бы отказаться отъ работъ", то хозяинъ можетъ немедленно выслать ихъ съ пріисковъ, „чему онѣ должны подвергнуться добровольно"; но вообще золотопромышленники старались стѣснить приливъ женщинъ на пріиски. „Тѣ изъ нанявшихся", сказано въ томъ же контрактѣ, „кто приведетъ съ собою женщинъ, не вправѣ просить у хозяина на промыслѣ за деньги или въ счетъ своей заслуги для содержанія семейства

своего припасовъ, въ особенности на тѣхъ женщинъ, которыя вздумали бы уклоняться отъ работъ“ [1]).

Одежду рабочіе носили свою, въ случаѣ надобности беря ее въ счетъ заработка изъ хозяйскихъ лавокъ на пріискахъ; тамъ же покупали они обувь, табакъ и другіе предметы для удовлетворенія своихъ самыхъ насущныхъ потребностей. Товары выдавались рабочимъ изъ магазиновъ по запискѣ изъ пріисковой конторы, и стоимость ихъ записывалась въ расчетные листы. По договору съ Зотовымъ (1838 г.), рабочіе обязывались „въ излишествѣ вещей не брать, а только то, что̀ дѣйствительно будетъ необходимо, и изъ сихъ вещей ни въ какомъ случаѣ одинъ другому не передавать ни мѣною, ни продажею“, а также не пересылать ихъ родственникамъ; виновные же въ этомъ должны были подвергаться по закону 1838 г. тѣлесному наказанію или штрафу по приговору артельной расправы. Въ договорѣ съ томскимъ золотопромышленникомъ Поповымъ упоминается о томъ, что изъ конторы должна быть выдана рабочимъ такса вещамъ на одежду и обувь, забираемую рабочими въ счетъ своего заработка, а въ контрактѣ съ К° Рязановыхъ, Баландина и Казанцева (1844 г.) говорится уже о таксѣ, утвержденной начальствомъ. Совершенно несходное съ другими контрактами постановленіе мы находимъ въ договорѣ съ К° Боровкова, Асташева и др. (1843 г.): „Одежду, обувь и разныя вещи брать намъ въ счетъ заработки изъ запасовъ компаніи за установленную имъ цѣну, *а буде чему цѣна покажется намъ несообразною съ достоинствомъ товара, то мы вольны покупать это у постороннихъ людей*“. Является только при этомъ вопросъ, можно ли было достать въ тайгѣ нужныя рабочимъ вещи гдѣ нибудь, кромѣ хозяйской лавки.

Казимирскій говоритъ о продажѣ вещей изъ пріисковыхъ амбаровъ въ весьма оптимистическомъ тонѣ: по его словамъ, товары изъ лавокъ, не принадлежащіе къ предметамъ роскоши (о недопущеніи послѣднихъ было „строгое наблюденіе“), „отпускаются рабочимъ по справочнымъ цѣнамъ съ прибавкою издержекъ“ за доставку этихъ вещей на пріиски. Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири называлъ въ своемъ отчетѣ (1842 г.) цѣны этихъ товаровъ „весьма умѣренными“; о томъ же свидѣтельствуетъ и бар. Задделеръ. Уголокъ завѣсы приподымаетъ только авторъ описанія 1848 г., который говоритъ, что „иногда сами конторы

[1]) Обыкновенно въ одномъ пунктѣ съ постановленіемъ о неприводѣ рабочими на пріиски женъ безъ согласія хозяевъ мы встрѣчаемъ ихъ обязательство не держать на пріискахъ лошадей, коровъ, свиней и вообще какого бы то ни было скота. Впрочемъ въ договорѣ съ Зотовымъ (1838 г.) при этомъ сдѣлана оговорка, что, если будетъ разрѣшено „нѣкоторымъ извѣстнымъ и благонадежнымъ людямъ“ держать лошадей, то владѣльцы ихъ должны имѣть для прокормленія ихъ свое сѣно.

умышленно увеличиваютъ долгъ" рабочихъ: „чтобы связать болѣе рабочаго, онѣ даютъ ему на значительную сумму одежду и обувь, которую неимущіе поселенцы берутъ охотно, чтобы имѣть хоть что нибудь. Конечно, этими задолженіями конторы часто безвозвратно растрачиваютъ свой капиталъ, но всегда увеличиваютъ занятія сельской и земской полицій, обязанныхъ отыскивать бѣглецовъ и высылать ихъ на пріиски". Что при продажѣ изъ этихъ лавокъ дѣло не обходилось безъ большихъ злоупотребленій, видно и изъ предложеній нѣкоторыхъ администраторовъ при обсужденіи проекта закона 1838 г. объ установленіи таксы на отпускаемые рабочимъ товары.

По словамъ Небольсина, самое значительное требованіе изъ пріисковыхъ магазиновъ бывало на бродни, чарки (обувь), рукавицы, вареги, азямы (верхніе кафтаны халатнаго покроя), полушубки, сукно, холстъ, кожи, черкасскій и русскій табакъ. „Первые пять предметовъ составляютъ главнѣйшую статью сбыта: безъ нихъ рабочему невозможно работать; но они требуютъ частой перемѣны, потому что азямы недолго служатъ и скоро ветшаютъ; рукавицы скоро избиваются отъ тренія о рукоять ломовъ и лопатокъ; обувь изнашивается въ нѣсколько дней подъ вліяніемъ всегдашней сырости и грязи, въ которой человѣкъ трудится, извлекая золото". Расхваливая честность золотопромышленниковъ, Небольсинъ признаетъ однако, что „бывали въ старые годы такіе матеріальные" (завѣдывающіе магазинами), которые, при слабомъ надзорѣ со стороны главнаго производителя работъ, пользовались его нерадѣніемъ и пристрастіемъ русскаго человѣка къ запрещеннымъ вещамъ. Они тайкомъ отъ старшихъ, торговали всѣмъ, чѣмъ угодно. Но чтобы не замѣтно было ихъ продѣлокъ, въ разсчетномъ листѣ рабочаго ставили вмѣсто восьмушки сахара—пару варегъ, вмѣсто четвертки чаю—пару броденъ и такимъ образомъ... наживались въ тихомолку на счетъ ближняго" [1]). Въ тайномъ отпускѣ сахара и чая само по себѣ не было, конечно, ничего, преступнаго; не имѣя на пріискахъ вина въ достаточномъ количествѣ, пріисковый рабочій чувствовалъ весьма естественную и настоятельную потребность согрѣться и возбудить свои утомленные мускулы хотя бы чаемъ, и впослѣдствіи эта потребность была признана вполнѣ законною [2]); въ разсматриваемое же время ея удовлетвореніе, какъ и всякое пользованіе запретнымъ товаромъ, должно было обходится рабочимъ не дешево.

Хотя при составленіи положенія о частной золотопромышленности генералъ-губернаторъ Западной Сибири кн. Горчаковъ настаивалъ на томъ, чтобы установлены были таксы на припасы, продающіеся въ пріи-

---

[1]) Отеч. Зап. 1847 г. т. 55, стр. 120—121.

[2]) О возбуждающемъ вліяніи водки и чая на мышцы см. въ статьѣ М. Манассеиной объ усталости. („Сѣверный Вѣстникъ" 1892 г. кн. 4-я).

исковыхъ лавкахъ, однако, въ законъ 1838 г. это правило включено не было. Тѣмъ не менѣе въ Западной Сибири таксы уже въ 1841 г. утверждались администраціею, быть можетъ, потому, что мѣстный генералъ-губернаторъ понималъ, что онѣ, дѣйствительно, необходимы. Уже въ этомъ году золотопромышленникамъ Томскаго округа было предложено войти въ соглашеніе между собою относительно установленія однообразной таксы на припасы и одежду, и, по разсмотрѣніи ея горнымъ ревизоромъ частныхъ золотыхъ промысловъ, она представлена была на утвержденіе управляющаго Томскою губерніею. Въ іюнѣ 1842 г., по примѣру предыдущаго года, отдѣльному засѣдателю по частнымъ золотымъ промысламъ было предписано сдѣлать золотопромышленникамъ такое же предложеніе, и если на какіе нибудь предметы будутъ выставлены цѣны выше предыдущаго года, то засѣдатель обязывался объяснить причины такого возвышенія. Когда таксы въ іюлѣ мѣсяцѣ были представлены губернатору [1]), онъ утвердилъ указанныя въ ней цѣны, кромѣ двухъ товаровъ [2]). Съ этими измѣненіями такса была напечатана, и отдѣльному засѣдателю по частнымъ золотымъ промысламъ было въ августѣ мѣсяцѣ предписано прибить ее для вѣдома рабочимъ на всѣхъ пріискахъ золотопромышленниковъ, подписавшихся подъ общимъ соглашеніемъ, при чемъ впредь ему было поставлено въ обязанность представлять таксу на утвержденіе не позже 15 апрѣля [3]).

Между тѣмъ какъ для промысловъ Томскаго округа уже въ самомъ началѣ 40-хъ годовъ такса утверждалась администраціею,—на промыслахъ Енисейскаго округа, какъ доказываетъ изученіе разсчетныхъ книгъ нѣсколькихъ компаній, ея не существовало въ теченіе всего десятилѣтія 40-хъ годовъ. Мы заключаемъ это не только изъ того, что цѣны на одинъ и тотъ же предметъ измѣнялись во время одной годовой операціи, но бывали даже случаи, когда одному рабочему какой нибудь товаръ ставился по одной цѣнѣ, а другому по иной: такъ, напр., въ Удерейской К° одному рабочему въ январѣ мѣсяцѣ 1847 г. фунтъ сахару поставленъ 2 руб., другому—въ 3 руб. асс. Отсутствіе таксъ, хотя бы и не утвержденныхъ начальствомъ, составляло нарушеніе правила закона 1838 г. о частной золотопромышленности, по которому въ договорѣ съ рабочимъ должно было быть обозначено, „по какой цѣнѣ, городской или съ надбавкою какихъ либо процентовъ“ должно было отпускать ра-

---

[1]) Въ соглашеніи участвовали золотопромышленники Поповъ, Асташевъ, управляющій промыслами Рязановыхъ и нѣкоторыхъ другихъ, всего 9 человѣкъ. (Въ 1843 г. промыслами Томской губ. владѣли 13 золотопромышленниковъ и золотопромыш. компаній).

[2]) Цѣны варегамъ онъ понизилъ до 18 коп. и линейному табаку до 7¼ коп. сер. за фунтъ.

[3]) См. Дополненіе III (въ концѣ тома).

бочимъ одежду и обувь. Затѣмъ мы находимъ, что пріисковые амбары были весьма различной полноты: на однихъ пріискахъ (напр., Удерейской К°) выдавались болѣе разнообразные предметы, на другихъ (Асташева) выдача строже ограничивалась. Во всякомъ случаѣ употребленіе кирпичнаго чая (на счетъ самихъ рабочихъ) сдѣлалось довольно обычнымъ, и мы встрѣчаемъ его и на Казанскомъ пріискѣ Асташева, и въ Удерейской К°, и на Николаевскомъ пріискѣ Заангарской К°; сахаръ былъ менѣе распространенъ: на пріискахъ Асташева его не продавали, или по крайней мѣрѣ, не записывали въ разсчетныя книги. (Изъ словъ Небольсина мы только что видѣли, что чай и сахаръ считались тогда запретными товарами, предметами роскоши, и ихъ продавали иногда тайкомъ, записывая вмѣсто нихъ въ разсчетные листы другіе предметы). Слѣдуетъ отмѣтить также, что изъ четырехъ, разсмотрѣнныхъ нами, разсчетныхъ книгъ (40-хъ годовъ) пріисковъ южной части Енисейскаго округа видно, что, не смотря на весьма ничтожное количество выдаваемаго въ пищу масла, его продавали рабочимъ только въ Удерейской К°. Какъ велики были вообще заборы рабочихъ въ пріисковыхъ лавкахъ, мы увидимъ ниже, теперь же отмѣтимъ только, что весьма значительную статью ихъ расхода составляла обувь: такъ, напр., одинъ рабочій на Прокопьевскомъ пріискѣ Асташева въ операцію 1843 г., при общемъ заборѣ вещами въ 59 р. 46 к. асс., истратилъ въ томъ числѣ на обувь 22 р. 75 к.: это нисколько не удивительно при тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ приходилось трудиться пріисковому рабочему во всякую ненастную погоду.

Относительно болѣзней рабочихъ и оказанія имъ медицинской помощи мы находимъ слѣдующія постановленія въ контрактахъ разсматриваемаго періода. По договору съ томскимъ золотопромышленникомъ Зотовымъ, за лѣченіе и содержаніе дѣйствительно больныхъ рабочихъ никакой платы не полагалось, также, какъ и по договору 1844 г. съ К° Рязановыхъ, Баландина и Казанцевыхъ; жалованье же за время болѣзни рабочихъ нигдѣ не платили, такъ какъ мѣсячную плату рабочіе вездѣ получали за 30, дѣйствительно проведенныхъ въ работѣ, дней. Но и безплатное лѣченіе рабочихъ далеко не является общимъ правиломъ. По договору съ золотопромышленниками Поповыми 1842 г., за содержаніе въ больницѣ и за лѣченіе полагалось вычитать въ сутки по 1 р. асс. съ человѣка, а по договору съ Асташевымъ—по 40 к. асс. Въ другомъ договорѣ съ нимъ же 1843 г. постановлено въ случаѣ болѣзни не долѣе 3 дней за содержаніе больныхъ не дѣлать никакого вычета, а затѣмъ они обязаны были уплачивать по 50 коп. асс. въ сутки. По договору съ К° Боровкова, Асташева и друг. (1843 г.) заболѣвшіе рабочіе обязывались вознаградить компанію за издержки на ихъ лѣченіе, причемъ въ исчисленіи этихъ издержекъ они безусловно полагались на добросовѣст-

ность тѣхъ лицъ, которымъ это будетъ поручено отъ компаніи. Въ имѣющемся у насъ договорѣ съ Боровковымъ (1845 г.) былъ назначенъ вычетъ съ рабочихъ за содержаніе и лѣченіе, но размѣръ его не указанъ, а оставленъ пробѣлъ. По договору съ Бенардаки (1848 г.) полагалось болѣть безъ вычета всего два дня, а затѣмъ за содержаніе и лѣченіе вычиталось въ день 28 коп. сер. Трудно сказать положительно, исполнялись ли эти постановленія контрактовъ въ дѣйствительности, или они оставались мертвою буквою. Въ извѣстныхъ намъ разсчетныхъ книгахъ 40-хъ годовъ мы не нашли прямо вычетовъ за лѣченіе, но, быть можетъ, золотопромышленники дѣлали такимъ образомъ, что не записывались въ активъ рабочаго не только дни, употребленные на лѣченіе, но и нѣкоторое число такихъ дней, во время которыхъ они были на работѣ. Во всякомъ случаѣ въ шестидесятыхъ годахъ на золотыхъ промыслахъ нерѣдко производились вычеты за лѣченіе больныхъ рабочихъ.

Тяжелыя условія пріисковаго труда вызывали заболѣванія рабочихъ, свѣдѣнія о которыхъ едва ли можно считать точными. Въ 1842 г. по свидѣтельству генералъ-губернатора Восточной Сибири всего больныхъ на пріискахъ Енисейскаго, Канскаго и Нижнеудинскаго округовъ было 831 (7% всего числа), изъ нихъ умерло 28. Весною этого года на нѣкоторыхъ промыслахъ Енисейскаго округа было не мало больныхъ цынгою, впрочемъ, безъ смертныхъ случаевъ. Отъ этой болѣзни сами рабочіе лѣчились настойкою и примочкою изъ пихты, а въ пищу употребляли дикій лукъ. Съ начала весны 1843 г. на золотыхъ промыслахъ Восточной Сибири, по свидѣтельству Казимирскаго, сильно свирѣпствовали горячка и цынга, хотя смертность была не велика: отъ этихъ болѣзней на сѣверной системѣ Енисейскаго округа изъ всего числа—6,610 рабочихъ умерло 37 чел., на южной изъ 8,453 рабочихъ—55 челов., на Бирюсинской системѣ изъ 4,106 чел. умерло 18. Значительную болѣзненность и нѣсколько большую смертность мы замѣчаемъ въ 1844 г. на Удерейской системѣ (южн. части Енисейск. окр.): изъ всего числа 4,389 больныхъ [1]) умерло 105 чел. (2,4%), на Бирюсинской—изъ 654 челов. умерло 29. Господствующею болѣзнью была цынга [2]).

Въ 30-хъ годахъ администраціи пришлось настоять на устройствѣ врачебной помощи на промыслахъ Западной Сибири, но и въ половинѣ слѣдующаго десятилѣтія нѣкоторые золотопромышленники слишкомъ небрежно относились къ своимъ обязанностямъ въ этомъ отношеніи. Въ 1845 г. горный исправникъ частныхъ золотыхъ промысловъ Томскаго округа довелъ до свѣдѣнія главнаго начальника Алтайскихъ горныхъ

---

[1]) Намъ неизвѣстно общее количество рабочихъ въ этомъ году на промыслахъ южной части Енисейскаго округа, но въ 1846 г. ихъ было 10,949, въ 1847—9,196 чел.

[2]) Арх. Горн. Департ., по описи № 91, дѣло № 3/13, ч. 2-я, л. 12—13.

заводовъ, что на Николаевскомъ пріискѣ купца Серебренникова нѣтъ помѣщенія для больныхъ, и потому заболѣвшіе оставались „въ своихъ закоптѣлыхъ дымныхъ избушкахъ, одежда на нихъ грязная, изношенная", принадлежавшая самимъ рабочимъ, лѣчилъ же ихъ какой то „вольнопрактикующій лѣкарь". Люди эти были ушиблены обваломъ песка въ разрѣзѣ, и двое изъ нихъ лежали съ переломленными ногами. Оказалось, что вышина разрѣза 8—9 аршинъ, и что онъ имѣетъ всего одинъ уступъ въ полъ-аршина, такъ что всегда можно ожидать несчастныхъ случаевъ. Всѣ рабочіе въ присутствіи жандармскаго полковника заявили, что они просили управляющаго сдѣлать въ разрѣзѣ, по вышинѣ забоя, отъ двухъ до трехъ уступовъ и гораздо шире, чѣмъ въ полъ-аршина, но онъ не согласился. Управляющій же отозвался, что въ законѣ нѣтъ правилъ, какъ вести разрѣзъ и сколько дѣлать уступовъ, и прибавилъ, что онъ не считаетъ себя обязаннымъ исполнять желанія рабочихъ и не отвѣчаетъ, если даже всѣ они будутъ раздавлены песками. Получивъ это донесеніе, главный начальникъ Алтайскихъ заводовъ приказалъ потребовать отъ горнаго ревизора объясненія, принималъ ли онъ законныя мѣры для устраненія указаннаго безпорядка, и также велѣлъ предписать, чтобы Николаевскій пріискъ разрабатывался по правиламъ горнаго искусства; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предложилъ томскому губернскому правленію понудить купца Серебренникова къ устройству на Николаевскомъ пріискѣ приличнаго помѣщенія для больныхъ рабочихъ и снабженію ихъ одеждою, а также разсмотрѣть отзывъ управляющаго промысломъ [1]).

Что касается Восточной Сибири, то тамъ на енисейскихъ и бирюсинской золотопромышленныхъ системахъ находился на каждой докторъ, опредѣленный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ по представленію мѣстнаго генералъ-губернатора, къ которому предварительно обратились золотопромышленники по общему соглашенію. Жалованье имъ производилось на счетъ золотопромышленниковъ въ размѣрѣ отъ 5 до 6 тысячъ руб. асс. въ годъ при готовомъ содержаніи во время пребыванія ихъ на промыслахъ съ 1 апрѣля по 10 сентября. Весною они обязаны были ежегодно отправляться на промысла и оставаться тамъ до окончанія операціи, завѣдывая всѣми пріисковыми больницами [2]); помощниками ихъ были вольнонаемные лѣкарскіе ученики, обыкновенно отличавшіеся, по свидѣтельствамъ даже болѣе поздняго времени, величайшимъ невѣжествомъ.

По словамъ генералъ-губернатора Восточной Сибири, во всеподдан-

---

[1]) Арх. Том. Горн. Упр., св. 269, л. 860—862, 872.

[2]) По словамъ бар. Зедделера, на нѣкоторыхъ большихъ пріискахъ были еще и особые врачи.

нѣйшемъ отчетѣ за 1842 г. о промыслахъ Енисейскаго, Канскаго и Нижнеудинскаго округовъ, больные помѣщались „на главныхъ промыслахъ въ лазаретахъ, а въ прочихъ мѣстахъ въ избушкахъ". По его словамъ, на всѣхъ промыслахъ, и особенно на Бирюсѣ, въ больницахъ соблюдалась „отличная чистота"; пищу больные получали назначенную врачомъ. Но далѣе генералъ-губернаторъ самъ себѣ противорѣчитъ. Указавъ на то, что „самые отличные по исправности лазареты устроены на пріискахъ Мясниковыхъ", онъ продолжаетъ: *„на прочихъ же — не соотвѣтствуютъ назначенію*, и особенно неисправностью отличаются промыслы Бунакова, несмотря на настоянія засѣдателей", такъ что генералъ-губернатору пришлось предписать золотопромышленникамъ особымъ циркуляромъ, чтобы они позаботились объ устройствѣ лазаретовъ и снабженіи ихъ всѣмъ необходимымъ [1]).

Изъ описанія енисейскихъ промысловъ 1848 г. мы видимъ, что на 22 золотыхъ промыслахъ сѣверной системы было 20 госпиталей, отъ 5 до 70 кроватей въ каждомъ, а всего на 8,650 чел. рабочихъ (8,351 мужчина и 209 женщинъ)—405 кроватей, т. е. одна кровать на 21 рабочаго; на 23 промыслахъ южной системы было только 15 госпиталей, въ томъ числѣ на четырехъ промыслахъ двухъ компаній было по одному госпиталю на два пріиска, а съ 6 пріисковъ отправляли больныхъ въ госпитали другихъ владѣльцевъ; всего на южной системѣ Енисейскаго округа на 6,825 рабочихъ (6,419 мужч. и 406 женщ.) было 242 кровати, т. е. одна кровать на 28 рабочихъ, а на обѣихъ системахъ въ среднемъ одна кровать на 24 рабочихъ.

[1]) Казимирскій, по обыкновенію, представляетъ состояніе больницъ на промыслахъ Восточной Сибири въ весьма радужномъ свѣтѣ. „Больницы", говоритъ онъ, „устроены на каждомъ дѣйствующемъ пріискѣ на число больныхъ соразмѣрно числу рабочихъ. Изъ нихъ отличаются обширностью, чистотою и порядкомъ: въ сѣверной части (Енисейскаго округа) на Дытынѣ больница купца Соловьева и на Калами—Горохова; въ южной—больницы обоихъ Мясниковыхъ, К° Кузнецова и Щеголева, и въ особенности больница почетнаго гражданина Н. Мясникова на 30 чел., которая своимъ благоустройствомъ и щеголеватостью можетъ поровняться съ лучшими больницами уѣздныхъ городовъ Россіи". Такой же хвалебный отзывъ даетъ Казимирскій и объ аптекахъ. Лучшія изъ нихъ, по его словамъ, находились „при главныхъ станахъ или пріискахъ. Онѣ выписываются хозяевами промысловъ изъ столицъ въ самомъ удовлетворительномъ и даже роскошномъ количествѣ и качествѣ медикаментовъ; ими пользуются окрестные пріиски". Бѣда только въ томъ, что, какъ это бываетъ обыкновенно и въ настоящее время, при существованіи порядочной по внѣшности аптеки, врачебный персоналъ былъ, безъ сомнѣнія, очень плохъ. Впрочемъ и затраты на лѣкарства не вездѣ были велики: такъ на промыслахъ Заангарской К° купца Коростелева въ годовую операцію 1841 г., при общемъ расходѣ на производство около 70,000 руб., на лѣкарства для больныхъ было истрачено всего 61 руб., изъ которыхъ болѣе половины на горчицу, камфару, пашатырь, перецъ, сѣру, скипидаръ, нефть, конопляное сѣмя, клюкву и бруснику, и лишь остальные 28 р. на „медикаменты". (Арх. Кузнецовыхъ въ Красноярскѣ).

Въ 1842 г. К° Голубкова и Кузнецова устроила на пріискахъ Енисейскаго округа двѣ походныя церкви: одна должна была находиться на системѣ р. Калами, другая—на системѣ р. Пита. Во второй половинѣ сороковыхъ годовъ на Святодуховскомъ пріискѣ К° Соловьева была прекрасная деревянная церковь. Священники и весь причтъ при церквахъ содержались на счетъ золотопромышленниковъ. Но все это не могло особенно поддерживать въ рабочихъ религіозное чувство, такъ какъ на пріискахъ работали обыкновенно и по праздникамъ на старательскихъ работахъ, и, слѣдовательно, некому было посѣщать богослуженіе. Впрочемъ священники обязаны были также посѣщать пріиски для исполненія разныхъ требъ.

Въ январѣ 1843 г. генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Рупертъ, указывая на то, что рабочіе изъ ссыльно-поселенцевъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ сверхъ безпрестанныхъ побѣговъ, причиняющихъ весьма ощутительный вредъ золотопромышленникамъ, часто совершаютъ убійства и другія тяжкія преступленія, ходатайствовалъ, чтобы пріисковые рабочіе изъ ссыльно-поселенцевъ за важныя преступленія, за которыя они по закону должны подвергаться торговой казни, а также за и побѣги судились военнымъ судомъ; съ тѣмъ, чтобы приговоры по такимъ дѣламъ восходили на ревизію и рѣшеніе къ генералъ-губернатору Восточной Сибири. Министръ финансовъ, также находя, что необходимо принять строжайшія мѣры къ удержанію ссыльно-поселенцевъ отъ преступленій, предлагалъ за указанныя генералъ губернаторомъ преступленія судить ихъ военнымъ судомъ въ тѣхъ же коммиссіяхъ, въ которыхъ они судились за похищеніе и переводъ золота и за сопротивленіе установленнымъ властямъ и воинскимъ командамъ, съ утвержденіемъ приговоровъ генералъ-губернаторами; что же касается отдачи ссыльно-поселенцевъ подъ военный судъ за побѣги съ пріисковъ, то министръ финансовъ нашелъ это неудобнымъ, не потому, что наказанія, налагаемыя военнымъ судомъ, едва ли соотвѣтствовали бы проступку, а лишь потому, что разсмотрѣніе многочисленныхъ дѣлъ этого рода было бы для военно-судныхъ коммиссій обременительно. Государственный совѣтъ согласился съ мнѣніемъ министра финансовъ, и заключеніе совѣта было утверждено государемъ въ мартѣ 1843 г. [1]).

По положенію о частной золотопромышленности 1838 г., для сохраненія порядка между рабочими дозволялось устраивать артельныя расправы, состоящія отъ назначаемаго золотопромышленникомъ старосты и двухъ выборныхъ изъ рабочихъ. Этой расправѣ, съ вѣдома хозяина или прикащика, предоставлялось право лѣнивыхъ, нетрезвыхъ, обличенныхъ въ запрещенной картежной или иной игрѣ, буйныхъ и порывав-

[1]) П. С. З. т. XVIII, № 16611.

шихся къ побѣгу, наказывать по словесному приговору набавленіемъ на нихъ работы, вычетомъ изъ платы *въ пользу артели* или розгами до 100 ударовъ, при чемъ, если хозяинъ или прикащикъ были недовольны приговоромъ расправы, то они могли жаловаться отдѣльному засѣдателю, а по технической части горному ревизору. Въ контрактахъ рабочіе, какъ мы уже упоминали, обыкновенно обязывались вести себя честно, быть почтительными къ хозяину и прикащикамъ, не пьянствовать, въ карты и иныя игры не играть, никуда самовольно не отлучаться, не грубить, и не прекословить [1]). Далѣе въ контрактахъ обыкновенно излагалось постановленіе закона объ артельной расправѣ [2]).

Въ контрактахъ съ рабочими обыкновенно опредѣлялся размѣръ денежнаго штрафа за уклоненіе отъ работъ подъ предлогомъ болѣзни, хотя нельзя не замѣтить, что невѣжественные пріисковые фельдшера сплошь и рядомъ могли и не отличить дѣйствительной болѣзни отъ мнимой; къ тому же при этомъ не принималось во вниманіе, что напряженная пріисковая работа могла иногда требовать отдыха, хотя, въ виду необязательности старательскихъ работъ въ воскресные и праздничные дни, положеніе рабочихъ въ 40-хъ годахъ въ этомъ отношеніи было благопріятнѣе, чѣмъ въ настоящее время. По договору съ Зотовымъ 1838 г. съ притворно больныхъ за всякій прогульный день постановлено было взыскивать по 40 коп. По контракту съ Коноваловымъ (1842 г.) за уклоненіе отъ работъ сверхъ трехъ дней въ мѣсяцъ назначенъ штрафъ 1 р. асс. въ сутки. По договору съ Поповымъ (1842 г.) опредѣлено было дѣлать вычетъ въ размѣрѣ убытковъ, причиненныхъ прогуломъ рабочаго. По контракту съ К° Рязановыхъ, Баландина и Казанцева (1844 г.) съ притворно больныхъ производился вычетъ не только за харчевое содержаніе, но и за прогульные дни по 15 коп. асс. По договору съ Асташевымъ (1842 г.) въ случаѣ притворной болѣзни болѣе 3 дней въ мѣсяцъ вычиталось за харчи по 20 коп. въ сутки; по другому договору съ Асташевымъ (1843 г.) полагалось вычитать съ самовольно уклоняющихся отъ работъ по 5 руб. асс., т.-е. почти половину мѣсячнаго жалованья чернорабочихъ, и, наконецъ, въ третьемъ договорѣ съ Асташевымъ (1843 г.) было сказано, что съ того, кто не будетъ являться къ работѣ, или будетъ исполнять ее не такъ, какъ слѣдуетъ, „по упрямству, лѣности, подъ предлогомъ праздника (но когда публичныя работы дозво-

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ договорахъ рабочіе обязывались не переходить съ одного пріиска на другой, а быть всегда, хотя бы и въ свободное время, на одномъ пріискѣ, пріѣзжающихъ изъ деревень и съ другихъ промысловъ къ себѣ не принимать и никакихъ связей съ ними не имѣть.

[2]) Въ договорѣ съ Зотовымъ 1838 г. упоминалось о журналѣ постановленій артельной расправы, который долженъ былъ вести артельный староста.

ляются), при ложномъ предлогѣ болѣзни и тому подобнымъ отзывамъ", Асташевъ могъ взыскивать по 1 руб. *серебр.* По договору съ Боровковымъ 1845 г. съ каждаго уклонившагося отъ работъ долженъ былъ производиться вычетъ въ двойномъ размѣрѣ противъ условной платы. Въ договорѣ съ Боровковымъ и К° (1843 г,) сказано: „Чтобы при отправленіи работъ дать средство къ истребленію между нами лѣности и нерадѣнія, то предоставляемъ компаніи и ея довѣреннымъ *безотвѣтное* право штрафовать провинившихся, а именно у изобличенныхъ при урочной работѣ въ подкаткѣ тачекъ съ пескомъ вѣсомъ менѣе 3 пудъ считать двѣ тачки за одну; за отлучку безъ дозволенія съ пріиска, за выходъ на работу позже и за отбытіе съ оной ранѣе опредѣленнаго времени и за уклонность (sic) отъ работы подъ предлогомъ болѣзни и прочаго *зачитать* за каждый часъ половиною рабочаго дня, за полдня двумя, за цѣлый день тремя днями, за непротирку на бутарахъ песковъ взыскивать при малѣйшемъ знакѣ золота въ откидныхъ породахъ какъ бы за золотникъ онаго по цѣнѣ, платимой за старательскую работу".

Мы должны прибавить, что въ извѣстныхъ намъ разсчетныхъ книгахъ 40-хъ годовъ не нашли штрафовъ съ рабочихъ, если только они не скрывались подъ видомъ незаписыванія исполненной работы; а что штрафы въ такой формѣ были возможны, доказываетъ только что приведенное условіе изъ договора съ Боровковымъ (1843 г.). Штрафъ могъ записываться также и подъ видомъ денегъ, выданныхъ на руки. Въ разсчетныхъ книгахъ 40-хъ годовъ мы встрѣчаемъ прямое упоминаніе о вычетахъ только за утрату хозяйскихъ вещей и инструментовъ.

Пріисковыя управленія выговаривали себѣ въ договорахъ право переводить рабочихъ съ одной работы на другую, хуже оплачиваемую, а также право разсчитывать ихъ до срока въ видѣ ли наказанія, или по другимъ причинамъ [1]).

Во многихъ договорахъ рабочіе ставили условіемъ, чтобы пріисковое начальство обходилось съ ними „безъ обиды и притѣсненія, человѣколюбиво" и не причиняло „самовольно тяжкихъ побоевъ или какихъ жестокостей, здоровью вредныхъ" (согласно тексту закона 1838 г.); въ договорѣ съ К° Бенардаки къ этому прибавлена оговорка: „однако-жъ претензіи наши о семъ должны быть предъявлены, кому слѣдуетъ, въ то же время или при первой возможности, а иначе онѣ приниматься не должны", и при томъ рабочіе не могли жаловаться на прикащиковъ, смотрителей и парядчиковъ, не принося предварительно жалобы управляющему. Условіе о человѣколюбивомъ обращеніи съ рабочими плохо выпол-

---

[1]) Одинъ золотопромышленникъ томской губ. упоминаетъ въ своемъ дневникѣ (начала 40-хъ г.) о невыдачѣ табаку и одежныхъ вещей рабочимъ за невыходъ ихъ на работу (Рукопись Общества изслѣдованія Алтая).

нялось на дѣлѣ: старики, служившіе на промыслахъ въ 40-хъ годахъ, разсказывали намъ, что, напротивъ, обращеніе въ то время съ рабочими было самое варварское: розги приносили прямо въ разрѣзъ, и тутъ же производилась жестокая расправа по усмотрѣнію не только управляющаго, но и другихъ служащихъ.

Для исполненія полицейскихъ обязанностей на пріискахъ находились казаки городовыхъ полковъ Восточной Сибири, Забайкальскаго, Иркутскаго и Енисейскаго. Каждый отрядъ былъ подъ начальствомъ одного казачьяго офицера; они располагались по системамъ и по приходѣ на промысла, поступали въ распоряженіе отдѣльнаго засѣдателя [1]). По словамъ Казимирскаго, городовой казакъ „болѣе мирный гражданинъ, чѣмъ воинъ: съ малыхъ лѣтъ онъ пріучается къ хозяйству, а не къ оружію", и болѣе готовится къ гражданской службѣ, чѣмъ къ военной, и потому „въ немъ не бываетъ ни воинской ловкости, ни строгой дисциплины регулярнаго войска". Рабочіе „поняли очень хорошо, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и почти явно смѣются надъ сей стражей, увѣренные вполнѣ въ превосходствѣ силъ своихъ". По словамъ автора описанія енисейскихъ золотыхъ промысловъ 1848 г., „казаки наблюдаютъ, чтобы рабочіе не дѣлали безпорядковъ, не производили шума, картежной игры, чтобы они исполняли все по договору, сохраняли бы чистоту въ помѣщеніяхъ. По окончаніи работъ на пріискахъ остается небольшая часть казаковъ для наблюденія за служащими и людьми, оставшимися для зимнихъ работъ, всѣ же остальные казаки, сопровождая рабочихъ, слѣдуютъ на зиму въ города Иркутскъ и Красноярскъ къ своимъ полкамъ". Авторъ описанія даетъ весьма неодобрительный отзывъ о нравственномъ состояніи этихъ казаковъ, и жизнь на пріискахъ не могла содѣйствовать улучшенію ихъ поведенія. Военная дисциплина въ этихъ отрядахъ была также весьма слаба. „Бывали случаи на пріискахъ, что отрядъ казаковъ, посланный для усмиренія взбунтовавшихся рабочихъ, не повиновался своему начальнику; казаки боялись даже обнажить сабли, и офицеръ, прежде усмиренія рабочихъ, долженъ былъ приступать къ наказанію команды, а нерѣдко самъ съ помощью служащихъ и прикащиковъ—усмирять рабочихъ. На нѣкоторыхъ пріискахъ", продолжаетъ тотъ же авторъ, „казаки допускаются къ старательскимъ работамъ, а какъ они, имѣя полное желаніе достать деньги, по обязанностямъ службы мало бываютъ свободны, то казаки вмѣсто себя нанимаютъ рабочихъ. Обстоятельство это весьма важно: оно сближаетъ казаковъ съ рабочими и, кромѣ того, стоя на часахъ при добычѣ золотоноснаго пласта, при промывкѣ песковъ на ма-

[1]) Въ 1843 г., въ сѣверной части Енисейскаго округа, казачій отрядъ состоялъ изъ 1 офицера, 12 урядниковъ и 110 казаковъ, въ южной—1 офицера, 17 урядниковъ и 144 казаковъ и на Бирюсинской системѣ—1 офицера, 12 урядниковъ и 45 казаковъ.

шинахъ и вашгердахъ, казаки могутъ не только сами похищать золото, но и допускать къ этому рабочихъ".

На каждую систему золотыхъ промысловъ опредѣлялся одинъ отдѣльный засѣдатель изъ членовъ земскаго суда. Онъ ежемѣсячно представлялъ генералъ-губернатору и губернатору вѣдомости о прибыли и убыли рабочихъ, а по окончаніи года—отчетъ о всемъ входящемъ въ кругъ его вѣдомства. Въ 1844 г. отдѣльные засѣдатели были переименованы въ горныхъ исправниковъ, съ оставленіемъ при земскомъ судѣ [1]). Какія безобразія чинили иной разъ отдѣльные засѣдатели на пріискахъ, видно изъ слѣдующаго письма къ какому-то власть имѣющему лицу. Гаврила Устюжанинъ писалъ съ Прокопьевскаго пріиска въ іюлѣ 1838 г., что наканунѣ къ нему явились съ Екатерининскаго пріиска прикащикъ Шагановъ и рабочіе-поселенцы Осиповъ, Кіянъ и Алексѣевскій и объявили, что на ихъ пріискъ пріѣзжалъ отдѣльный засѣдатель по частнымъ золотымъ промысламъ Розенбергъ съ тремя казаками и управляющимъ Вознесенскимъ пріискомъ Мясникова, Панаевымъ, „весьма въ пьяномъ видѣ", и засѣдатель безъ всякаго спроса, неизвѣстно по какой причинѣ, началъ бить по щекамъ рабочихъ Алексѣевскаго и Осипова. Когда прикащикъ Шагановъ спросилъ Розенберга: „что̀ ему нужно, и за что̀ бьетъ рабочихъ", то управляющій Панаевъ сталъ просить засѣдателя, чтобы онъ наказалъ Шаганова, и тотъ велѣлъ казакамъ отстегать его плетьми. Когда, послѣ наказанія, Шагановъ побѣжалъ въ комнату, засѣдатель поймалъ его и самъ началъ бить его. Затѣмъ, опять-таки по просьбѣ Панаева, Розенбергъ наказалъ плетьми рабочаго Кіяна и приказалъ казакамъ вести его за бороду; этого несчастнаго вели такимъ образомъ версты три, причемъ казаки и Панаевъ стегали его плетьми. Нѣсколько рабочихъ подтвердили Устюжанину этотъ разсказъ. Описанная расправа была произведена, вслѣдствіе шурфованія въ какомъ-то спорномъ мѣстѣ, и послѣ нея, какъ писалъ Устюжанинъ, рабочіе не пошли на работу, опасаясь подвергнуться такому же тѣлесному наказанію, а рабочій Кіянъ послѣ наказанія такъ заболѣлъ, что просилъ исповѣдать и причастить его.—Горный исправникъ и его помощникъ получали съ золотопромышленниковъ опредѣленную дань. Въ однихъ воспоминаніяхъ конца 40-хъ годовъ мы находимъ слѣдующее упоминаніе объ одномъ помощникѣ горнаго исправника: „и мосты могли проваливаться, и отвалы засыпать народъ, и кормить плохо рабочихъ дозволялось, и на поздній часъ работъ смотрѣлось сквозь пальцы, лишь бы ему не забывали приносить должное" [2])...

---

[1]) П. С. З., т. XIX, № 17775, 28 марта 1844 г.

[2]) *А. Б—а.* „Воспоминанія о сибирской золотопромышленности". „Сибир. Сборн." 1887 г., стр. 174.

Въ 1841 г. императоръ Николай повелѣлъ назначить особаго жандармскаго штабъ-офицера для наблюденія за порядкомъ на частныхъ золотыхъ пріискахъ въ Сибири съ тѣмъ, чтобы онъ находился тамъ постоянно во время производства работъ и „о замѣчаемыхъ имъ случаяхъ“ доносилъ генералъ-губернатору Западной Сибири и начальнику VIII округа корпуса жандармовъ [1]). Въ 1842 г. былъ назначенъ жандармскій штабъ-офицеръ и на пріиски Восточной Сибири [2]). Жандармскій штабъ-офицеръ пріисковъ Западной Сибири получилъ слѣдующую инструкцію, составленную шефомъ жандармовъ согласно съ мнѣніемъ мѣстнаго генералъ-губернатора. Съ начала работъ и до окончанія ихъ, т.-е. съ 1 мая по 1 октября, онъ долженъ былъ постоянно находиться на пріискахъ и обязанъ былъ доставлять начальству самыя безпристрастныя и вѣрныя свѣдѣнія о томъ, насколько точно исполняются Высочайше утвержденныя правила мѣстною полиціею, золотопромышленниками и рабочими. Ему дозволялось принимать жалобы какъ отъ хозяевъ промысловъ, такъ и отъ рабочихъ, но удовлетвореніе по нимъ онъ долженъ былъ предоставлять мѣстной полиціи и, лишь въ случаѣ ея медленности и невниманія къ дѣлу, доносить высшему начальству. Онъ обязанъ былъ сообщать мѣстной полиціи о всѣхъ замѣченныхъ имъ злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ, и о важнѣйшихъ изъ нихъ доносить генералъ-губернатору и окружному начальнику; объѣзжая промыслы, онъ обязанъ былъ собирать подъ рукою достовѣрныя свѣдѣнія о вознагражденіи и продовольствіи рабочихъ людей и доносить о тѣхъ хозяевахъ, которые не довольно къ нимъ внимательны, а также, въ случаѣ дошедшихъ до него жалобъ, принимать участіе въ разсчетѣ хозяевъ съ рабочими и защищать послѣднихъ отъ притѣсненій, дѣйствуя, впрочемъ, при этомъ чрезъ мѣстное начальство [3]). Несмотря на серьезность возложенныхъ на нихъ обязанностей, жандармскіе штабъ-офицеры на пріискахъ принесли мало пользы рабочимъ. По словамъ автора однихъ воспоминаній о концѣ 40-хъ и о 50-хъ годахъ, изъ наблюденія жандармскихъ офицеровъ на пріискахъ „выходило мало толку“, такъ какъ „всякій золотопромышленникъ заранѣе зналъ, когда его посѣтитъ начальство; разумѣется, въ этотъ день не кормили рабочихъ испорченнымъ мясомъ, *что зачастую случалось въ другіе дни*, кончали работы рано, давали отдыхать, т.-е. соблюдали свято всѣ правила“. Однажды ловкій управляющій Зотова показалъ жандармскому полковнику новыя казармы сосѣдняго пріиска, и тотъ не догадался, что уже видѣлъ ихъ дня четыре тому назадъ. Съ однимъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ пріѣзжали на пріиски его жена и

---

[1]) П. С. З. т. XVI, № 14537.

[2]) П. С. З. т. XVII, № 15621.

[3]) Арх. Горн. Департ. по описи Минюсскаго, св. 43, дѣло № 6.

свояченица, и тогда, вмѣсто производства инспекціи, устраивались танцы и пикники [1]). За техническою частью и правильностью работъ обязанъ былъ наблюдать горный инженеръ, носившій названіе горнаго ревизора.

Вопреки прикрашенному изображенію положенія рабочихъ на пріискахъ, какое мы находимъ въ отчетѣ Казимирскаго, въ статьяхъ Гофмана и бар. Зедделера и отчасти въ описаніи Енисейскихъ промысловъ 1848 г., тяжелое положеніе пріисковыхъ рабочихъ доказывается какъ ихъ побѣгами съ золотыхъ промысловъ, такъ и волненіями на пріискахъ.

Въ 1841 г. на пріискахъ Енисейскаго, Канскаго и Нижнеудинскаго округовъ, гдѣ работало 7,280 чел., бѣжало 350 рабочихъ (около 5%) [2]). Въ 1842 г., съ пріисковъ тѣхъ же округовъ, гдѣ находилось до 11,000 рабочихъ, бѣжало 290 человѣкъ (2,6%) [3]). Лѣтомъ 1843 г. побѣги были самые ничтожные: съ сѣверной системы Енисейскаго округа бѣжало 15, съ южной—35, съ Бирюсинской—58 ч., что, вѣроятно, объясняется тѣмъ страхомъ, какой нагнало на рабочихъ суровое усмиреніе волненій 1842 г. „Бѣжавшіе съ промысловъ,—говоритъ Казимирскій,—не доходятъ до мѣстъ водвореній своихъ, а останавливаются у жителей въ деревняхъ, нанимаясь за самую низкую плату, лишь бы имѣть только убѣжище. Житель селенія для собственной пользы не открываетъ бѣглеца, сельское же и волостное начальство не старается преслѣдовать ихъ", „извлекая тутъ свои личныя выгоды". Въ 1847 г. изъ числа находившихся на пріискахъ Восточной Сибири рабочихъ бѣжало 3,7%, въ 1848 г.—2,8%, въ 1848 г. почти 3% [4]). Въ Западной Сибири весьма значительные побѣги были въ 1847 г. (11%), но зато въ слѣдующіе два года менѣе 1% [5]). Въ общемъ процентъ бѣжавшихъ былъ менѣе значителенъ, чѣмъ въ первой половинѣ 30-хъ годовъ [6]).

Въ 1842 г. на пріискахъ Енисейскаго округа было сильное волненіе среди рабочихъ, подробныхъ свѣдѣній о которомъ, къ сожалѣнію, не сохранилось въ сибирскихъ архивахъ, такъ какъ множество старыхъ

---

[1]) „Сиб. Сборн." 1887 г., стр. 184.

[2]) „Горн. Журн." 1842 г. № 11, стр. 234.

[3]) Арх. Горн. Деп. по описи всеподд. докл. № 3, л. 256.

[4]) *Гагемейстеръ*, II, 462.

[5]) Арх. Горн. Деп., по описи № 91, дѣло 1851 г. № 3/99, ч. 7-я, л. 46—54, *Гагемейстеръ*, II, 462.

[6]) На одномъ промыслѣ Томской губ. рабочій увѣрялъ въ началѣ 40-хъ годовъ, что „по новому указу за побѣгъ съ пріисковъ не будутъ драть плетьми, если объявить земскимъ начальникамъ, что худо кормятъ, или задавили работой, или не одѣваютъ". (Рукоп. дневникъ золотопром., принадлеж. Общ. изсл. Алтая).

дѣлъ въ Иркутскѣ, Красноярскѣ и Енисейскѣ сгорѣло во время пожаровъ этихъ городовъ; дѣла этого времени въ архивахъ исправниковъ Енисейскаго округа также не сохранились. Объ этомъ обширномъ волненіи, самомъ сильномъ изъ всѣхъ волненій пріисковыхъ рабочихъ за все время существованія частной золотопромышленности въ Сибири, мы находимъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ генералъ-губернатора Восточной Сибири только слѣдующія сухія свѣдѣнія подъ рубрикою „чрезвычайныхъ происшествій“: „смертоубійства и грабежей въ 1842 г. не происходило, но общественное спокойствіе было нарушено: а) На пріискахъ Асташева и К°, 7 мая, замѣчено между рабочими своеволіе, а потомъ 27, 28 и 29 мая открылось явное неповиновеніе хозяевамъ и мѣстнымъ начальствамъ. Безпорядки были прекращены 12 и 13 іюня; зачинщики по рѣшенію военнаго суда наказаны. b) На пріискахъ Малевинскаго, Голубкова, Пашкова, К° Красильникова и Бобкова, Зотова и, наконецъ, Мясникова, 10 августа рабочіе самовольно прекратили работы и ушли съ промысловъ, многіе безъ разсчетовъ, прежде 1 сентября; но зачинщики схвачены и, по мѣрѣ вины, наказаны. c) На пріискахъ Асташева и Сосулина, по системѣ Удерея, и К° Кузина рабочіе оказали неповиновеніе, но принятыми отдѣльнымъ засѣдателемъ мѣрами спокойствіе немедленно возстановлено“ [1]). По свидѣтельству одного современника, было еще волненіе на пріискахъ Рязанова и Толкачева [2]). По словамъ Казимирскаго, въ 1842 г. „вся сѣверная часть Енисейскаго округа, заключающая пріиски, была взволнована непослушаніемъ и самовольствомъ рабочихъ“. Авторъ одного позднѣйшаго описанія Енисейскихъ промысловъ, который самъ служилъ тамъ въ это время, ничего не упоминая о майскихъ и іюньскихъ волненіяхъ, говоритъ только о событіяхъ въ августѣ; по его словамъ, „въ 1842 г. рабочіе почти на всѣхъ пріискахъ сѣверной системы потребовали разсчета въ августѣ мѣсяцѣ, причемъ, кажется, потрепали кого-то изъ управляющихъ и добились того, что ихъ почти на всѣхъ пріискахъ разсчитали. Зачинщики бунта, по опредѣленію суда, подверглись строгому взысканію“ [3]). Одинъ изъ самыхъ старыхъ пріисковыхъ служакъ, А. К. Субботинъ, разсказывалъ намъ, что волненіе 1842 г. было усмирено самымъ суровымъ образомъ. Жандармскій офицеръ окружалъ рабочихъ военнымъ отрядомъ, приказывалъ солдатамъ держать ружья на прицѣлъ и объявлялъ, что если кто нибудь изъ рабочихъ пикнетъ, то онъ велитъ стрѣлять. Затѣмъ нѣкоторыхъ арестовывали и

---

[1]) Арх. Гор. Деп., по описи всеподд. доклад. № 3, л. 155—156.

[2]) Арх. Мин. Гос. Им., дѣло V отд., № 894/730.

[3]) *А. Лопатинъ.* „Замѣтки о положеніи рабочихъ на енисейскихъ золотыхъ промыслахъ“. „Изв. Сиб. Геогр. Общ.“ 1871 т. II, № 4, стр. 41.

отвозили для отдачи подъ военный судъ съ его нещадными приговорами [1]). Усмиреніе это надолго нагнало панику на рабочихъ [2]).

Въ 1843 г. былъ такой оригинальный случай. На одномъ изъ пріисковъ на р. Нойбѣ (системы Подкаменной Тунгузки) рабочіе отказались исполнить заданную имъ работу. Управляющій далъ знать владѣльцу пріиска и просилъ о присылкѣ военнаго отряда. Казачій офицеръ съ 5 или 6 казаками и 3 жандармами, пріѣхавшіе съ полковникомъ Казимирскимъ, отправились на пріискъ. Когда этотъ маленькій отрядъ прибылъ на Нойбу, началась гроза, и въ ту минуту, когда онъ вступилъ на пріискъ, надъ толпою рабочихъ разразился сильный ударъ грома причемъ одинъ изъ зачинщиковъ, стоявшій среди нея, палъ пораженный на смерть. Это такъ подѣйствовало на рабочихъ, что они съ крикомъ: „это судъ Божій" немедленно вновь принялись за работу [3]). Казимирскій въ своемъ отчетѣ за 1843 г., указывая на слабость и ненадежность казачьихъ отрядовъ, заявляетъ, что если тѣмъ не менѣе въ этомъ году „повсемѣстно на промыслахъ сохранилась тишина и послушаніе", то причиною этого были не казачьи отряды, а главное „свѣжія воспоминанія о военномъ судѣ надъ оказавшими неповиновеніе рабочими въ прошломъ году, по распоряженію генералъ-губернатора Восточной Сибири"; онъ придаетъ также значеніе и постоянному пребыванію на пріискахъ, во время лѣтней операціи, штабъ-офицера корпуса жандармовъ: „для рабочихъ", по его словамъ, „все это было ново и грозно".

Другихъ волненій пріисковыхъ рабочихъ въ сороковыхъ годахъ, сколько намъ извѣстно, не было, да и вообще, кромѣ болѣе серьезной вспышки 1842 г., они обнаруживали большое миролюбіе.

Попробуемъ теперь опредѣлить, какъ великъ былъ заработокъ рабочихъ на золотыхъ промыслахъ.

Въ Западной Сибири, по свидѣтельству ревизовавшаго ее чиновника министерства государственныхъ имуществъ Вонлярлярскаго (1840 г.),

---

[1]) Отъ А. П. Кытманова, служившаго въ то время на Ольгинскомъ пріискѣ К° Малевинскаго, мы слышали, что въ августѣ рабочіе не работали двѣ недѣли. Многихъ арестовали при выходѣ ихъ изъ тайги, и потому нѣкоторые выходили не въ Енисейскъ, а верстъ на 200 къ сѣверу отъ этого города, и старались избѣгнуть ареста. Пойманныхъ заковывали въ кандалы и потомъ судили въ Красноярскѣ военнымъ судомъ.

[2]) Нельзя не упомянуть о томъ, что нѣкоторые золотопромышленники, по случаю волненія рабочихъ, задержали часть слѣдовавшихъ этимъ послѣднимъ денегъ и не спѣшили представить ихъ начальству и по окончаніи всего этого дѣла. Еще въ декабрѣ слѣдующаго 1843 г. Голубковъ не уплатилъ рабочимъ 2.857 р., флигель-адъютантъ Пашковъ 478 р. и К° Красильникова 1,293 р., и деньги эти были внесены лишь тогда, когда уже дано было знать въ Петербургъ о вычетѣ ихъ изъ платы за золото.

[3]) *Гофманъ*. „О золотыхъ промыслахъ Восточной Сибири". Спб. 1844 г., стр. 106.

ремесленникъ и трудолюбивый рабочій могъ заработать на промыслахъ въ это время (въ лѣтнюю операцію втеченіе 4—5 мѣсяцевъ) отъ 70 до 150 руб. асс., но счастливецъ, нашедшій самородокъ, могъ, конечно, получить значительно болѣе [1]). Что касается Восточной Сибири, то тамошній генералъ-губернаторъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1838 г. писалъ о ссыльно-поселенцахъ, нанимавшихся на пріиски и, какъ мы уже знаемъ, составлявшихъ тамъ большую часть рабочихъ, что каждый изъ нихъ въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ могъ получить мѣсячнаго жалованья отъ 40 до 60 р. асс. Старательскими работами, по его словамъ, занимались не всѣ, такъ какъ многіе, истощенные урочными работами, не находили въ себѣ для этого силъ и притомъ не всѣ пріиски обильны золотомъ, а самородки попадались рѣдко. Генералъ-губернаторъ полагаетъ, что „счастливѣйшій и усерднѣйшій" могъ заработать еще на старательскихъ работахъ до 100 р., слѣдовательно, весь заработокъ такого рабочаго былъ не болѣе 160 р. асс. [2]). Казимирскій считалъ среднимъ заработкомъ рабочаго на промыслахъ Енисейскаго округа и Бирюсинской системы—200 р. асс. По словамъ Н. Щукина, въ Минусинскомъ округѣ въ самомъ началѣ 40-хъ годовъ, многіе рабочіе вырабатывали въ мѣсяцъ 30—40 р. асс., а въ счастливое лѣто иной добывалъ и 300—400 р. асс. [3]). Коммиссія, ревизовавшая Восточную Сибирь, пришла къ заключенію, что хорошій работникъ на тамошнихъ золотыхъ промыслахъ въ началѣ 40-хъ годовъ получалъ въ лѣто до 85 р. сер. и болѣе [4]). Наконецъ, нѣкоторые современники указывали цифры весьма преувеличенныя [5]). Къ такимъ преувеличеннымъ показаніямъ уже потому слѣдуетъ относиться критически, что среднимъ числомъ одинъ работникъ въ сѣ-

---

[1]) Арх. Мин. Гос. Имущ., дѣло V Отд. Соб. Е. В. Канц. № 315, т. IV.

[2]) Арх. Гор. Деп., по описи № 91, дѣло 1838 г. № 3/13, л. 208—209.

[3]) Арх. Мин. Гос. Им., дѣло V Отд. Соб. Е. В. Канц. № 315. Прилож. В., № 2 л. 32—33.

[4]) Ibid., дѣло № 315/220, т. V.

[5]) По словамъ одного золотопромышленника, „усердный старатель" зарабатывалъ въ лѣто каждый по 200, 500 и до 800 руб. (ассигн.), причемъ послѣдніе заработки бывали только въ сѣверной части Енисейскаго округа. (*Шмаковъ*. „Объ Удерейской золотоносной системѣ", „Сѣв. Пчела" 1845 г. № 221). Есть указанія, что рабочіе зарабатывали на золотыхъ пріискахъ въ половинѣ 40-хъ годовъ отъ 500 до 1000 р., а „нерѣдко" и до 2000 р. асс. (Арх. Горн. Деп., по описи № 90, дѣло 1846 г. № 95/87, л. 5.); но послѣдней цифры мы ни разу не нашли ни въ одной изъ извѣстныхъ намъ разсчетныхъ книгъ 40-хъ годовъ. Встрѣчаются, наконецъ, не только вздорныя, но какъ видно, прямо недобросовѣстныя свидѣтельства. Такъ авторъ одной газетной статьи о золотыхъ промыслахъ Восточной Сибири, написанной по документамъ какого-то извѣстнаго золотопромышленника, говоритъ, что рабочій, проведя на пріискѣ около 3-хъ мѣсяцевъ (?), выручалъ нерѣдко (?!) въ первой половинѣ 40-хъ годовъ отъ 300 до 900 руб. сер. („Моск. Вѣд." 1854 г. №№ 65—67.). Это совершенный вздоръ.

верной части Енисейскаго округа добывалъ въ 1846 г. золота приблизительно на 900 руб., а въ южной—472 р. сер., и изъ этого валового дохода золотопромышленникъ долженъ былъ не только вознаградить рабочаго за трудъ и содержать его, но кромѣ того и платить жалованье служащимъ, пріобрѣтать и кормить рабочій скотъ, поддерживать строенія и машины, платить подать съ золота и, наконецъ, имѣть доходъ на затраченный капиталъ. Принявъ все это во вниманіе, мы поймемъ, что о „нерѣдкихъ" заработкахъ рабочихъ въ 900 руб. сер. въ годъ не можетъ быть и рѣчи.

Подъ стоимостью рабочаго на техническомъ языкѣ пріисковыхъ отчетовъ разумѣютъ частное, получаемое отъ раздѣленія всѣхъ расходовъ на пріискѣ (какъ-то: содержаніе рабочаго, т.-е. плата ему и продовольствіе, расходы на матеріалы, содержаніе служащихъ и т. п.) на среднее число рабочихъ въ теченіе всей операціи. По словамъ Казимирскаго, стоимость рабочаго въ южной части Енисейскаго округа равнялась 350—600 руб. асс. Въ сѣверной части Енисейскаго округа и на Бирюсинской системѣ (Канскаго и Нижнеудинскаго округовъ), вслѣдствіе дальности и дороговизны провоза припасовъ, стоимость рабочаго равнялась 700—900 р. асс. Баронъ Зедделеръ опредѣляетъ стоимость рабочаго въ 1846 г. въ южной части Енисейскаго округа въ 100—115 р. сер.. а въ Питской (сѣверной Енисейской системѣ)—отъ 230 до 300 р. Наконецъ, генералъ губернаторъ Восточной Сибири гр. Муравьевъ въ 1848 г. писалъ, что, по увѣренію нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ, стоимость рабочаго можно принять среднимъ числомъ въ 350 руб. сер. въ годъ, но онъ считалъ это показаніе преувеличеннымъ и находилъ, что будетъ ближе къ истинѣ принять среднюю стоимость рабочаго въ 200 руб. сер. [1]). Дѣло однако, въ томъ, что, въ виду различія стоимости рабочаго въ разныхъ золотопромышленныхъ округахъ, средняя цифра въ данномъ случаѣ имѣетъ очень мало значенія. Ревизовавшій Западную Сибирь въ 1851 г. генералъ-адъютантъ Анненковъ считалъ стоимость рабочаго въ Западной Сибири въ 100—150 руб. *сер.* въ годъ, въ Восточной Сибири въ 200—400 руб. сер.

Если мы примемъ, согласно показанію Казимирскаго, стоимость рабочаго въ сѣверной части Енисейскаго округа въ 800 руб. асс., то, такъ какъ тамъ же работникъ давалъ хозяину золота на 900 р. сер. [2]), то доходъ золотопромышленника (принявъ во вниманіе подать съ золота въ размѣрѣ 20% и горную подать съ фунта золота) равнялся 200% на затраченный въ этомъ же году капиталъ; почти то же было и въ южной части Енисейскаго округа, такъ какъ тамъ, по показанію Казимир-

[1]) Арх. Горн. Департ. по описи № 90, дѣло 1848 г. № 212/200, л. 30.

[2]) Одинъ рубль сер. равнялся $3^1/_2$ руб. ассигн.

скаго, можно принять среднюю стоимость рабочаго въ 475 руб. асс., а золота онъ добывалъ, какъ было указано выше, на 472 р. сер., то, имѣя въ виду подать съ золота (въ системѣ рѣки Удерея) въ 24%, найдемъ, что доходъ золотопромышленника равнялся 160—170% на затраченный въ этомъ году капиталъ [1]). Правда, золотопромышленники дѣлали значительныя затраты при первоначальныхъ развѣдкахъ и поискахъ золота, но тѣмъ не менѣе все-таки очевидно, что они получали громадные доходы, между тѣмъ, какъ заработки рабочихъ были весьма не велики. Кромѣ приведенныхъ выше общихъ указаній о ихъ размѣрѣ, мы сообщимъ нѣкоторыя данныя относительно отдѣльныхъ пріисковъ.

Въ концѣ 1843 г. засѣдатель частныхъ золотыхъ промысловъ Томскаго округа обратился къ мѣстнымъ золотопромышленникамъ съ запросомъ о томъ, сколько у нихъ было рабочихъ и сколько каждый изъ нихъ заработалъ; когда же ему отвѣтили, что дать свѣдѣнія о каждомъ рабочемъ за нѣсколько лѣтъ затруднительно, то онъ согласился удовольствоваться общимъ итогомъ. На этотъ запросъ контора Воскресенскаго пріиска Рязановыхъ, Баландина и Казанцева сообщила слѣдующія свѣдѣнія. На промыслахъ этой компаніи въ 1841—43 гг. зимою было отъ 557 до 604 рабочихъ, лѣтомъ 1281—1472. Зимою 1841 г. каждый рабочій въ среднемъ заработалъ по 19 руб. сер., лѣтомъ по 24 р. 50 коп., итого въ годъ въ среднемъ работникъ получилъ всего 43 р. 50 коп. сер. Въ 1842 г. средній зимній заработокъ равнялся 21 руб. 32 коп., лѣтній—30 руб. 76 коп., слѣдовательно, годовой заработокъ около 52 руб. сер. Наконецъ, въ 1843 г. зимою каждый работникъ получилъ въ среднемъ по 17 руб. 64 коп., лѣтомъ по 30 руб. 5 коп., а во весь годъ—47 руб. 69 коп. сер. Довольно важно опредѣлить, какую часть заработка составляло мѣсячное жалованье и какую—вознагражденіе за старательскую работу. По произведеннымъ вычисленіямъ оказывается, что старательскій заработокъ составлялъ гораздо бо́льшій процентъ лѣтомъ, чѣмъ зимою (зимою 16—30%, лѣтомъ 43—55%, а мѣсячное жалованье зимою 70—84%, лѣтомъ 45—57%); это и не мудрено, такъ какъ только лѣтомъ производилась промывка золота. Если взять весь годовой заработокъ, то вознагражденіе за старательскую работу въ указанные годы на Воскресенскомъ пріискѣ составляло отъ 39 до 47% всего заработка.

Въ отвѣтъ на запросъ отдѣльнаго засѣдателя Томскаго округа были также получены подробныя свѣдѣнія съ Александровскаго пріиска

---

[1]) Срав. о размѣрѣ подати съ золота *Расселя* стр. 89,91; *Гагемейстеръ* II, 434. О количествѣ фунтовъ золота, добываемыхъ однимъ рабочимъ см. *Гагемейстеръ* II, 416. О большихъ барышахъ въ прежнее время (отъ 1 р. до 2 р. на затраченный рубль) упоминаетъ и *Н. Латкинъ* въ своей книгѣ „Очеркъ сѣв. и южн., сист. золот. пром. Енис. окр.“ Спб. 1869, стр. 48.

Андрея Попова (гдѣ было гораздо менѣе рабочихъ, чѣмъ на Воскресенскомъ пріискѣ К° Рязановыхъ, Баландина и Казанцева, а именно, въ 1840—43 гг. 112—139 челов.). Въ 1840 г. (годъ открытія этихъ промысловъ) каждый изъ рабочихъ получилъ мѣсячной и старательской платы отъ 5—280 руб., въ среднемъ же болѣе 64 руб. на каждаго; въ 1841 г. отъ 1 руб. до 241 руб., въ среднемъ по 75 руб.; въ 1842 г. отъ 2 до 347 руб., въ среднемъ—119 руб., наконецъ, въ 1843 г. отъ 1 до 434 руб., въ среднемъ по 157 руб. [1]) Хотя въ вѣдомости относительно этого пріиска не сказано, идетъ ли здѣсь счетъ на ассигнаціи или на серебро, но мы полагаемъ, что тутъ указаны ассигнаціонные рубли, какъ потому, что въ эти годы такой счетъ на сибирскихъ промыслахъ былъ наиболѣе обычнымъ, такъ и въ виду приведеннаго нами показанія Вонлярлярскаго, что рабочій на промыслахъ Западной Сибири могъ получить отъ 70 до 150 руб. ассигнаціями.

Переходимъ къ промысламъ Восточной Сибири, относительно которыхъ мы приведемъ выводы, извлеченные изъ четырехъ разсчетныхъ книгъ южной части Енисейскаго округа.

Изъ разсчетной книги Прокопьевскаго пріиска Асташева 1843 г. мы имѣемъ свѣдѣнія о 274 рабочихъ муж. п., которые работали на пріискахъ различное количество времени—отъ 3 дней до цѣлаго года въ среднемъ же на каждаго приходится по 176 рабочихъ дней. Наименьшій заработокъ 1 р., наибольшій 1058 р. асс., въ среднемъ же каждый заработалъ по 264 руб. асс., въ томъ числѣ по 160 руб. (66%) старательскимъ трудомъ [2]). Весь средній заработокъ въ день равнялся 1 р. 50 к. асс., или 43 к. сер. [3]).

Изъ разсчетной книги Казанскаго пріиска Асташева 1847 г. мы располагаемъ свѣдѣніями относительно 207 рабочихъ, трудившихся отъ 3 дней до цѣлаго года, въ среднемъ же на каждаго приходится по 153 рабочихъ дня. Наименьшій ихъ заработокъ 7 руб., наибольшій 629 руб., въ среднемъ же каждый изъ нихъ получилъ по 200 руб. асс. [4]), изъ

---

[1]) Арх. Дмитр. Волостн. Правл. въ селѣ Тисулѣ, дѣла отд. засѣд. том. окр. 1844 г. № 28.

[2]) Если же принять во вниманіе только тѣхъ рабочихъ, которые пользовались „стараніемъ“ (изъ 274 челов.—237), то средній старательскій заработокъ будетъ еще болѣе, а именно 185 руб. асс. Относительно 9 рабочихъ женщинъ на этомъ пріискѣ мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія: каждая изъ нихъ работала среднимъ числомъ по 122 дня и получила въ среднемъ по 95 р. асс., въ томъ числѣ половина денегъ была добыта стараніемъ; если же принять во вниманіе, что имъ пользовалось изъ 9 женщинъ только 6, то на каждую изъ этихъ послѣднихъ получится старательскаго заработка по 72 руб.

[3]) Арх. Дополн. Уч. Прокоп. пр. Алфавитъ рабочимъ 1843 г. № 2.

[4]) 38 рабочихъ, пробывшіе весь годъ на этихъ промыслахъ, заработали въ среднемъ по 235 руб. асс. на человѣка, а 93 чел., работавшіе съ марта и апрѣля по 10 сентября, получили въ среднемъ по 166 руб. асс.

которыхъ половина приходилась на долю урочной и половина—старательской работы. Весь средній заработокъ въ день равнялся 1 р. 31 к. ас. или 37 к. сер. [1]).

На пріискѣ Удерейской К° 1846—1847 гг. мы имѣемъ данныя изъ разсчетной книги о 178 рабочихъ. Наименьшій заработокъ равнялся 9 руб., наибольшій 918 руб. асс., средній же составлялъ 267 руб. асс., въ томъ числѣ 82% приходилось на мѣсячную и задѣльную плату и только 18% на старательскую [2]).

На Николаевскомъ пріискѣ Заангарской К° мы имѣемъ разсчетную книгу *лѣтней операціи* 1847 г., гдѣ есть данныя о 106 рабочихъ. Въ среднемъ каждый изъ нихъ получилъ около 50 руб. асс., проработавъ среднимъ числомъ по 53 дня (наименьшій заработокъ 2 руб., наибольшій—253 руб. асс.). Старательскія деньги составляютъ здѣсь всего лишь около 12% заработка. Средній дневной заработокъ равнялся 94 к. ас. или 27 к. сер. [3]).

Такимъ образомъ, въ Западной Сибири на Воскресенскомъ пріискѣ Рязановыхъ и К° годовой заработокъ рабочаго въ 1841—1842 гг. равнялся 43—52 руб. (въ среднемъ 47 руб. сер.); на Александровскомъ пріискѣ Анд. Попова въ 1840 — 1843 гг. 64—157 руб. (въ среднемъ 104 руб. асс.). Въ Восточной Сибири на Прокопьевскомъ пріискѣ Асташева въ 1843 г.—264 руб. асс., на Казанскомъ пріискѣ его же въ 1847 —г. 200 руб. асс. и на пріискѣ Удерейской К° въ 1847 г. — 267 руб. асс. Считая 1 серебряный рубль равнымъ $3^1/_2$ руб. асс., можно принять, что наиболѣе обычный годовой заработокъ (на хозяйскихъ харчахъ) колебался въ 40-хъ годахъ между 100 и 350 руб. асс. (отъ 28 до 100 руб. сер.), что̀ не противорѣчитъ и приведеннымъ выше общимъ указаніямъ заслуживающихъ довѣрія современниковъ. Въ настоящее время въ пріисковыхъ отчетахъ вычисленіе годоваго заработка рабочаго производится не на дѣйствительныхъ рабочихъ, а на такихъ фиктивныхъ, которые будто бы трудятся 365 дней въ году, и такимъ образомъ получаются повышенныя цифры, вводящія въ заблужденіе лицъ, которыя не обращаютъ вниманія на то, что собственно называется въ этихъ отчетахъ годовымъ работникомъ. Мы же предпочитаемъ брать работниковъ реальныхъ. Одни изъ нихъ трудятся на пріискахъ всѣ 12 мѣсяцевъ, другіе по разнымъ причинамъ гораздо менѣе, но и послѣдніе, кромѣ собственно

---

[1]) Арх. Дополн. Уч. Прок. пр. Разсчетная книга рабочимъ Казанскаго промысла, 1847 г. ч. 1-я.

[2]) Арх. Воскресенскаго пр., арендуемаго А. А. Саввиныхъ. Разсчетная книга съ рабочими 1846—47 г. Ч. II.

[3]) Арх. Кузнецовыхъ въ Красноярскѣ. Разсчетная (книга) по пріиску Николаевскому на лѣтнее производство 1847 г.

рабочихъ дней на пріискѣ, тратятъ не мало времени на проходъ изъ своихъ деревень въ тайгу и обратно и во всякомъ случаѣ обыкновенно должны на полученный на пріискахъ заработокъ просуществовать и остальное время года. Поэтому наши среднія цифры реальныхъ заработковъ яснѣе показываютъ, что могъ въ среднемъ добыть рабочій на пріискахъ, чѣмъ вычисленія заработка фиктивнаго годоваго рабочаго. Что касается одной изъ составныхъ частей общаго заработка, т.-е. старательскихъ денегъ, то на однихъ пріискахъ вознагражденіе за стараніе было въ общей суммѣ менѣе платы за урочныя работы, на другихъ же болѣе; это могло зависѣть, съ одной стороны, отъ большей или меньшей продолжительности урочной работы, а, слѣдовательно, и количества свободнаго времени для старанія, главнымъ же образомъ, вѣроятно, отъ большаго или меньшаго обилія золота.

Опредѣливъ наиболѣе обычный размѣръ заработка рабочаго на пріискахъ, посмотримъ теперь, какую часть его онъ забиралъ деньгами или натурою до разсчета, сколько получалъ на руки послѣ него (эта послѣдняя получка называется на пріисковомъ языкѣ „додачею“) и, наконецъ, каковъ бывалъ размѣръ долга рабочихъ.

Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1838 г. писалъ, что изъ заработка въ 160 руб. асс. рабочій тратилъ на одежду, обувь и „разныя прихоти“, по крайней мѣрѣ, до 40 руб., „а заплативъ притомъ казенныя подати (которыя обыкновенно удерживаются у него изъ этой платы), выноситъ съ пріисковъ не болѣе 100 руб. асс“. Впрочемъ, по его словамъ, это бывало только съ усердными и счастливыми работниками, число же такихъ очень незначительно. У лѣнивыхъ (слѣдовало бы прибавить и у болѣе несчастныхъ) оставалось едва по 50, по 25 руб. асс., а иногда даже ровно ничего, „такъ что тамъ же на мѣстѣ многіе принуждены бываютъ выпрашивать себѣ задатки для работъ послѣдующаго года“ [1]).

Коммиссія министерства государственныхъ имуществъ, ревизовавшая Восточную Сибирь (1841 г.), полагала, что наиболѣе обычная сумма, выносимыя работникомъ съ промысловъ, составляла 150 руб. асс., а на богатыхъ пріискахъ иногда доходила у нѣкоторыхъ работниковъ до 400 руб. асс. Коммиссія поясняетъ, что эта сумма можетъ показаться весьма значительною, но, въ виду трудности пріисковыхъ работъ и дальняго путешествія на пріиски, рабочіе не пошли бы туда при менѣе благопріятныхъ условіяхъ заработка [2]). Ревизовавшій Восточную Сибирь сенаторъ Толстой говоритъ, что въ половинѣ 40-хъ годовъ рабочіе будто бы получали на пріискахъ въ одно лѣто за всѣми расхо-

[1]) Арх. Горн. Деп., по описи № 91, дѣло 1838 г. № 3/13, л. 208—209.
[2]) Ibid, л. 400—418.

дами отъ 60 до 200 руб. сереб., а иногда и болѣе [1]). Напротивъ, высшая администрація Восточной Сибири въ 1851 г. свидѣтельствовала, что „за произведенными выдачами, какъ при самомъ наймѣ рабочихъ, такъ и въ теченіе лѣта, изъ наемной платы причитается рабочему почти на всѣхъ промыслахъ, за исключеніемъ только одной Питской системы" (сѣверной части Енисейскаго округа) „отъ 30 руб. сер. и менѣе".

Въ заключеніи коммиссіи, ревизовавшей Западную Сибирь въ 1841 г., сказано, что „додачи приходится получать большей части" пріисковыхъ рабочихъ „очень мало, а многимъ и вовсе ничего, какъ видно изъ вѣдомостей купца Пѣшкова и другихъ золотопромышленниковъ" [2]).

Въ Восточной Сибири на Прокопьевскомъ пріискѣ Асташева въ 1843 г., какъ показываетъ вычисленіе на основаніи разсчетной книги этого года, весь заборъ рабочихъ деньгами и вещами до разсчета составлялъ 85 руб. асс. на каждаго (32% заработка), въ томъ числѣ

---

[1]) Ibid., ч. 2-я л. 128—130 об. срав. по описи № 90, дѣло № 45/40, связ. 5-я, ч. 1-я, л. 2—5.

[2]) Арх. Горн. Деп. по описи № 91, дѣло 1839 г., № 3/13, ч. I. Въ Западной Сибири на Александровскомъ пріискѣ Андрея Попова въ 1840 г. (первомъ по открытіи этого пріиска) выдано было деньгами и вещами до разсчета среднимъ числомъ на каждаго рабочаго по 50 руб., а додано по разсчету въ среднемъ по 22 руб. на каждаго изъ всѣхъ, получившихъ додачу; но часть рабочихъ осталась въ долгу (въ среднемъ по 36 руб. на каждаго должника). Если выразить суммы, полученныя всѣми рабочими въ процентахъ, то окажется, что изъ всей выдачи заборъ до разсчета, считая въ томъ числѣ и задатокъ, составитъ болѣе 72%, а додача болѣе 27%. Въ долгу за рабочими осталось 7% всей выданной суммы. Въ 1841 г. на томъ же пріискѣ средній заборъ рабочаго до разсчета равняется 49 руб., а средняя додача тѣхъ, кто ее получилъ, по 46 руб.; заборъ до разсчета всѣхъ рабочихъ составлялъ 60%; додача 40% выданной суммы; въ долгу осталось 8% этой суммы, въ среднемъ по 27 р. на каждаго должника. Въ 1842 г. выдача до разсчета составляетъ 49%, додача—51% всей выданной суммы (осталось въ долгу за рабочими около 5% этой суммы); выдано, было до разсчета на каждаго по 61 руб., додачи на каждаго изъ получившихъ ее пришлось по 79 руб., долгу за каждымъ должникомъ въ среднемъ—по 33 руб. Наконецъ, въ 1843 г. выдача до разсчета составляла 62%, додача 38% всей выданной суммы (въ долгу за рабочими осталось 2% этой суммы), выдано до разсчета въ среднемъ на каждаго около 100 р., додачи—по 78 р., долгу за каждымъ изъ должниковъ по 24 руб. (Какъ мы объяснили выше, счетъ на этомъ пріискѣ производился, вѣроятно, на ассигнаціи).

На Воскресенскомъ пріискѣ Рязановыхъ и К° въ 1841 году размѣръ додачи по зимнему производству былъ болѣе 4 руб. серебр. (23% всего заработка), по лѣтнему производству болѣе 10 руб. сер. (44% всего заработка), въ 1842 году по зимнему производству—5 руб. (24% всего заработка), по лѣтнему—болѣе 11 руб. (37% заработка); наконецъ, въ 1843 г. размѣръ зимней додачи былъ болѣе 2 руб. (15%), лѣтней болѣе 8 руб. (29% всего заработка). Дѣло отд. засѣдателя томск. округа 1844 г. въ Арх. Дмитріев. волостн. правл. № 28.

деньгами около 60% и вещами около 40% всего заборя. Средній размѣръ додачи составлялъ 189 руб. асс. на каждаго изъ получившихъ ее, средній размѣръ долга по 40 руб. на каждаго изъ должниковъ (оставшіеся въ долгу составляли 15% всѣхъ рабочихъ).

Въ 1844 г. на Прокопьевскомъ пріискѣ средній размѣръ додачи равнялся 133 руб.; средній размѣръ долга 37 руб. асс.; должники составляли 18% всѣхъ рабочихъ [1]) (половина всѣхъ долговъ была взыскана).

На Казанскомъ пріискѣ Асташева въ 1847 г. средній заборъ рабочаго до разсчета равнялся 126 руб. асс. (63% заработка), въ томъ числѣ деньгами 73% и вещами 27% всего забора. (Въ счетъ забора входитъ старый долгъ рабочихъ (13% всего забора); старые должники составляли почти 20% рабочихъ). Средній размѣръ додачи для получившихъ ее равнялся 115 (maximum додачи—401 руб. асс.), средній размѣръ долга 46 руб. Должниковъ было 26% всѣхъ рабочихъ, а получившихъ додачу 74%. Долгъ составлялъ болѣе 5% всей выданной рабочимъ суммы (15% долга было взыскано).

На пріискѣ Удерейской компаніи въ 1847 г. средній заборъ рабочихъ до разсчета (за исключеніемъ неявившихся) составлялъ 148 руб. асс. (55% всего заработка); въ томъ числѣ деньгами 56%, вещами 44%. Средній размѣръ додачи для получившихъ ее равнялся 197 руб. (наибольшій размѣръ ея 773 руб. асс.). Средній размѣръ долга, если исключить неявившихся, равнялся 30 руб.

Такимъ образомъ, свидѣтельство коммиссіи министерства государственныхъ имуществъ, ревизовавшей Восточную Сибирь въ 1841 г., что наиболѣе обыкновенный размѣръ додачи составляетъ 150 руб. асс. (около 43 р. с.), судя по даннымъ указанныхъ пріисковъ, близко къ истинѣ, показаніе же сенатора Толстого о додачѣ въ 60—200 руб. сер. сильно преувеличено. Мы видимъ также, что въ большинствѣ случаевъ рабочіе забирали еще до разсчета болѣе половины своего заработка.

На пріискѣ Заангарской К° въ 1847 г. 66% рабочихъ окончили лѣтнюю операцію съ долгомъ (въ среднемъ на каждаго по 49 руб.), а въ предшествующую зимнюю операцію на каждомъ должникѣ въ среднемъ остался долгъ въ 61 руб. (maximum долга—173 руб. асс.).

Относительно оставшагося за рабочими долга въ контрактахъ съ золотопромышленниками Западной Сибири мы обыкновенно встрѣчаемъ обязательство или возвратить его, или отработать въ слѣдующемъ году [2]).

---

[1]) Выводъ сдѣланъ на основаніи данныхъ о 737 рабочихъ.

[2]) Въ договорѣ 1844 г. съ Рязановыми и К° есть такой параграфъ: „Если кто изъ насъ учинитъ съ пріиска самовольный побѣгъ или по неспособности, буйству и подозрительнымъ поступкамъ будетъ съ пріиска удаленъ, или же по продолжительной болѣзни забранныхъ имъ денегъ не заработаетъ и чрезъ то останется должнымъ, то

Выше было нами указано, что въ двухъ договорахъ Асташева устанавливается круговая порука всѣхъ заключающихъ договоръ рабочихъ другъ за друга, но это условіе едва-ли примѣнялось на дѣлѣ. Мы видѣли, что часть долговъ взыскивалась тутъ же на пріискѣ, другая отрабатывалась въ слѣдующую операцію, но нѣкоторая сумма денегъ пропадала за рабочими.

Нѣкоторые рабочіе старались увеличить свои заработки похищеніемъ золота. „При небдительномъ надзорѣ прикащиковъ", говоритъ авторъ описанія енисейскихъ промысловъ (1848 г.), „люди, стоящіе въ „забоѣ" и при промывкѣ, успѣваютъ спрятать блестки золота, а въ особенности самородки, и потомъ сдаютъ ихъ подъ видомъ старательскаго золота. Иногда же они передаютъ золото тайно на другой пріискъ", съ цѣлью поскорѣе получить наличныя деньги. Количество этого добавочнаго заработка рабочихъ, разумѣется, не поддается никакому учету; весьма вѣроятно, что нѣкоторымъ изъ нихъ удавалось значительно увеличить такимъ образомъ скудныя средства, легально пріобрѣтаемыя ими на золотыхъ промыслахъ [1]), но нужно помнить, что за похищеніе золота рабочій рисковалъ подвергнуться самымъ суровымъ наказаніямъ.

По окончаніи лѣтнихъ работъ производился общій разсчетъ. Каждый рабочій получалъ приходившуюся на его долю додачу и сухари на дорогу черезъ тайгу и отправлялся въ путь. Въ нѣкоторые договоры включалось постановленіе, чтобы, согласно съ правиломъ закона 1838 г., относительно ссыльно-поселенцевъ, пятая часть „наемной платы", а по другимъ—додачи удерживалась и передавалась артельному старостѣ съ тѣмъ, чтобы онъ вручалъ деньги рабочимъ по принадлежности уже по возвращеніи ихъ на родину; но правило это никогда не исполнялось, вслѣдствіе рѣшительнаго противодѣйствія рабочихъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ и коммиссія, ревизовавшая государственныя имущества въ Сибири, и Небольсинъ въ своей статьѣ [2]).

Въ 1841 г. былъ слѣдующій несчастный случай при выходѣ рабочихъ съ пріиска К° Асташева, Бирюсинской системы, Канскаго округа Енисейской губерніи, отстоявшаго отъ жилыхъ мѣстъ на нѣсколько сотъ верстъ. Съ этой системы была проложена чрезъ тайгу дорога въ дер. Коростелеву (Канскаго округа), которая служила сборнымъ пунктомъ для рабочихъ, отправлявшихся на пріиски; но одинъ поселенецъ угово-

---

съ таковыми контора имѣетъ право въ удовлетвореніе себя поступать начально посредствомъ отобранія найденнаго имущества, а потомъ посредствомъ употребленія таковыхъ въ работу".

[1]) Быть можетъ, отдѣльные случаи такихъ крупныхъ хищеній и обыкновенно слѣдовавшіе за тѣмъ кутежи при выходѣ съ промысловъ и вызвали разсказы о „баснословныхъ" заработкахъ на пріискахъ въ 40-хъ гг.

[2]) „Отеч. Зап." 1847 г. т. 55, стр. 104—105.

рилъ болѣе 1,500 рабочихъ идти не этою, а кратчайшею дорогою, пролагавшеюся только зимою, которую онъ взялся указать за плату въ 10 коп. асс. съ души. Несмотря на уговоры управляющаго пріискомъ Асташева, рабочіе отправились за этимъ поселенцемъ, но, пройдя три дня по необитаемымъ мѣстамъ, не нашли никакой дороги, увидѣли, что вожатый ихъ обманулъ, и нѣкоторые изъ нихъ возвратились на промыслы, а изъ остальныхъ одна часть выплыла на плотахъ въ Нижнеудинскій округъ Иркутской губерніи и въ Рыбинскую волость Енисейской губерніи, другая же часть пустилась лѣсомъ къ дер. Коростелевой. Управляющій пріискомъ Асташева, предвидя гибельныя послѣдствія непослушанія рабочихъ, 19 сентября далъ знать Канскому земскому исправнику, и тотъ, немедленно пріѣхавъ въ дер. Коростелеву, отправилъ навстрѣчу заблудившимся партію крестьянъ съ жизненными припасами на 10 вьючныхъ лошадяхъ съ провожатыми, данными конторою К° Асташева. Они нашли сбившихся съ дороги рабочихъ въ ужасномъ положеніи: издержавъ бывшіе у нихъ съ собою запасы, они оставались безъ хлѣба отъ 5 до 18 дней и, уже выбившись изъ силъ, вслѣдствіе ходьбы по глубокому снѣгу, лежали совершенно истощенные, когда были найдены, и, послѣ подкрѣпленія пищею, отправлены въ дер. Коростелеву. До 21 октября, какъ видно изъ донесенія Енисейскаго прокурора министру юстиціи, изъ 1,500 человѣкъ явилось только 1,200, а въ отношеніи управляющаго III отдѣленія Собств. Его Величества Канцеляріи къ министру юстиціи (14 ноября) было сказано, что о слѣдованіи еще около 300 человѣкъ уже получено извѣстіе. Когда объ этомъ было доведено до свѣдѣнія государя, то онъ повелѣлъ подвергнуть строгому взысканію виновнаго поселенца и, кромѣ того, предписать мѣстному начальству, чтобы оно „приняло самыя строгія мѣры къ удержанію рабочихъ въ надлежащемъ повиновеніи властямъ, управляющимъ промыслами“ [1]). Этимъ послѣднимъ повелѣніемъ, вѣроятно, и объясняется особенно строгое наказаніе рабочихъ, повинныхъ въ волненіи 1842 г., а вмѣстѣ съ тѣмъ описанный фактъ—гибель многихъ рабочихъ при возвращеніи съ пріисковъ въ предыдущемъ году, былъ, какъ мы слышали отъ А. П. Кытманова, служившаго въ то время на одномъ изъ пріисковъ сѣверной части Енисейскаго округа, причиною (или одною изъ причинъ) августовскаго волненія рабочихъ 1842 г., по крайней мѣрѣ, на этомъ пріискѣ. По его словамъ, 9 августа рабочіе заявили, что не хотятъ болѣе работать и требуютъ разсчета, потому что въ прошломъ году рабочіе въ Бирюсинской тайгѣ вышли 10 августа, ихъ захватила снѣжная буря, и они погибли. Слухъ этотъ, какъ мы только что видѣли, былъ не вѣренъ:

[1]) Арх. Гор. Деп., по описи Минюсскаго, св. 44, дѣло № 110/18.

рабочіе вышли въ 1841 г. съ пріиска Асташева, Бирюсинской системы, не въ августѣ, а 10 сентября.

По выходѣ изъ тайги пріисковые рабочіе отчаяннымъ кутежомъ вознаграждали себя за продолжительный тяжелый трудъ и долгое воздержаніе. „Большая часть изъ нихъ", говоритъ Гофманъ, „проматываетъ всѣ вырученныя деньги въ первыхъ деревняхъ". По словамъ коммиссіи министерства государственныхъ имуществъ, ревизовавшей Восточную Сибирь (1841 г.), „въ первые годы съ открытія пріисковъ рабочіе..., проходя черезъ селенія, предавались величайшему пьянству... и покупали совершенно неприличныя своему званію вещи, которыя, по растратѣ послѣднихъ денегъ, промѣнивали за безцѣнокъ на вино. Противъ сихъ безпорядковъ хотя и приняты генералъ-губернаторомъ и мѣстнымъ начальствомъ мѣры, однако, торговцы постоянно выѣзжаютъ въ тѣ мѣста, которыхъ не могутъ миновать рабочіе, обольщаютъ ихъ блескомъ товаровъ и выманиваютъ почти всѣ деньги. Нерѣдко случается, что рабочій или приходитъ домой безъ всего, или, будучи не въ состояніи продолжать путь..., нанимается къ промышленникамъ на предстоящую зиму и будущій годъ и возвращается въ тайгу, претерпѣвая стужу, непогоду и всѣ неудобства пути, свойственныя тогдашнему времени" [1]). Такъ какъ безшабашный разгулъ рабочихъ при выходѣ съ пріисковъ продолжался, то жандармскій полковникъ Казимирскій сдѣлалъ представленіе о томъ енисейскому губернатору, и мѣстное начальство пыталось вновь принять мѣры къ тому, чтобы рабочіе безостановочно проходили въ свои деревни. Казимирскому казалось, что такимъ образомъ „положена была нѣкоторая преграда буйству... и безотчетной расточительности рабочихъ", но, въ дѣйствительности, прежній разгулъ продолжался, и въ послѣдующіе годы администраціи опять приходилось задумываться надъ тѣмъ, какія мѣры слѣдуетъ противъ него предпринять. Возвращаясь съ промысловъ въ 1843 г., Казимирскій замѣтилъ, что въ нѣкоторыхъ, лежавшихъ по близости къ промысламъ селеніяхъ, чрезъ которыя рабочимъ непремѣнно нужно было проходить, „были устроены временныя лавки съ товарами, принадлежащими... къ предметамъ роскоши", каковы: шалевые платки, плисовыя шапки, шелковыя матеріи, „горскія" вина и проч. Въ небольшой деревнѣ Рыбной (на Ангарѣ), состоявшей не болѣе, какъ изъ 30 избъ, Казимирскій насчиталъ до 10 импровизированныхъ лавокъ, такъ что селеніе имѣло видъ ярмарки, по его словамъ, „тѣмъ болѣе вредной, что главная цѣль торговли устремлена на мотовство рабочихъ, которые въ пьяномъ видѣ бросаютъ деньги на вовсе ненужныя для нихъ вещи". Ревизовавшій Восточную Сибирь сенаторъ Толстой во всеподданнѣйшемъ рапортѣ (1844 г.) также въ энергическихъ выраже-

[1]) Арх. Горн. Деп. по описи № 91, дѣло № 3/12, л. 418 об.

ніяхъ говоритъ о грустныхъ явленіяхъ, сопровождавшихъ выходъ рабочихъ съ пріисковъ: „въ первыхъ жилыхъ мѣстахъ... ожидаютъ ихъ торговцы, откупъ и развратъ; тамъ они съ жадностью предаются пьянству и всѣмъ неистовствамъ пагубныхъ страстей и въ нѣсколько дней безумія проматываютъ до послѣдней копѣйки" вынесенныя съ пріисковъ деньги, „не зная ни цѣны, ни счета имъ, не зная ни цѣны, ни нужды покупаемымъ вещамъ. Напослѣдокъ, пропивши все съ себя и оставшись безъ дневного пропитанія и ночлега, они снова заключаютъ договоры съ золотопромышленниками, получаютъ задатки... и съ нуждою... доживаютъ до марта, когда всѣ опять потянутся на пріиски" [1]). Бар. Зедделеръ въ своей статьѣ (1846 г.) утверждаетъ, что „вѣрное описаніе" распутства и безпорядковъ при выходѣ рабочихъ съ пріисковъ „затруднило бы даже талантъ знаменитаго Евгенія Сю". Въ послѣднее время, по его словамъ, правительство приняло мѣры къ прекращенію этихъ безпорядковъ: „возвращающимся работникамъ были указываемы этапныя дороги, разставлены посты изъ казаковъ и вооруженныхъ крестьянъ, положено, чтобы сельскія начальства и сами жители отвѣчали за безопасность путей" [2]). Но эти распоряженія, по свидѣтельству Зедделера, не могли вполнѣ достигнуть своей цѣли. Наиболѣе прославились отчаяннымъ разгуломъ пріисковыхъ рабочихъ слѣдующія мѣста: въ Томскомъ округѣ село Тисюль (или Тисуль) и Кія (нынѣ г. Маріинскъ), въ Минусинскомъ—село Каратузъ и г. Минусинскъ, въ Енисейскомъ—с. Рыбное на Ангарѣ, Стрѣлка при впаденіи Ангары въ Енисей, г. Енисейскъ и дер. Назимова по дорогѣ оттуда въ Красноярскъ [3]).

Въ 1848 г. Муравьевъ, исправлявшій тогда должность генералъ-губернатора Восточной Сибири, обратилъ вниманіе на то, что вслѣдствіе отсутствія необходимаго надзора за приходящими съ золотыхъ пріисковъ рабочими, между ними случаются иногда при участіи торговцевъ виномъ грабежи и даже убійства, часто остающіеся, особенно въ мѣстахъ необитаемымъ, безъ преслѣдованія и наказанія. Доказательствомъ совершавшихся злодѣяній служили попадавшіеся иногда по дорогамъ трупы и кости. Имѣя въ виду также непроизводительную растрату пріисковыми рабочими ихъ денегъ, „пріобрѣтенныхъ кровавымъ потомъ", Муравьевъ призналъ необходимымъ, чтобы горные исправники раздѣляли рабочихъ, возвращающихся съ золотыхъ промысловъ, на партіи и препровождали каждую подъ надзоромъ особой команды казаковъ, которые должны были слѣдовать впереди, посреди и позади партіи съ тѣмъ, чтобы за самою большою партіею слѣдовалъ и командиръ отряда. Провожать рабочихъ

---

[1]) Арх. Горн. Деп. по описи № 90, дѣло № $^{45}/_{40}$.

[2]) „Сѣв. Пчела" 1846 № 89.

[3]) От. Зап. 1847 г. т. 55, стр. 105.

предписано было не только до первыхъ деревень, но и далѣе по главнымъ путямъ ихъ слѣдованія: на западъ до границы Томской губерніи, а на востокъ—до Иркутской и въ ея предѣлахъ. Обязанность казачьихъ командъ должна была состоять въ охраненіи рабочихъ отъ убійствъ, грабежа и пьянства и въ побужденіи къ скорѣйшему выходу изъ находившихся на ихъ пути селеній; казакъ, повинный во взяткахъ, притѣсненіяхъ и дурномъ поведеніи, предавался военному суду. При проходѣ рабочихъ чрезъ Енисейскъ, Нижнеудинскъ и Троицкій солеваренный заводъ предписано было выпроваживать ихъ оттуда при помощи военной команды, давши только рабочимъ время для необходимаго отдыха. Начальникамъ Иркутской и Енисейской губерній было поручено командировать особыхъ чиновниковъ для встрѣчи рабочихъ въ округи Енисейской и Иркутской губерній и для надзора до прохода ихъ до границы губерніи; предписано было также принять мѣры, чтобы по всѣмъ округамъ при проходѣ рабочихъ отнюдь не было бы продажи вина тамъ, гдѣ этого не установлено законами и откупными условіями и не разрѣшено главнымъ мѣстнымъ начальствомъ. Жандармскому штабъ-офицеру былъ порученъ общій надзоръ за исполненіемъ всѣхъ этихъ мѣръ и съ тою же цѣлью командированы были на мѣста главнѣйшаго скопленія рабочихъ адъютанты Муравьева. Кромѣ того, было предписано напечатать извлеченія изъ законовъ противъ пьянства, еженедѣльно читать ихъ на мірскихъ сходахъ и разослать съ тою же цѣлью на всѣ пріиски, а въ волостяхъ завести особыя книги, куда вписывать имена крестьянъ, отличившихся трудолюбіемъ, воздержаніемъ и бережливостью, оказывать имъ покровительство, вниманіе и одобреніе, по окончаніи же года списки такихъ крестьянъ представлять на усмотрѣніе Муравьева, чтобы онъ могъ поощрять ихъ предоставленными ему средствами.

На запросъ министра финансовъ, какими послѣдствіями сопровождалось исполненіе этихъ мѣръ осенью 1848 г., Муравьевъ въ февралѣ слѣдующаго года отвѣчалъ, что результаты ихъ не только оправдали, но и превзошли его ожиданія. Сами „рабочіе“, кажется, успѣли убѣдиться въ полезной цѣли этого распоряженія и своею покорностью и безропотностью много способствовали тѣмъ кроткимъ и снисходительнымъ мѣрамъ, которыя были употребляемы командированными для этой цѣли лицами, дѣйствовавшими преимущественно убѣжденіемъ и внушеніемъ, но отнюдь не строгостью и угрозами... партіи рабочихъ, выходившія осенью съ пріисковъ, не походя болѣе, какъ это было до сихъ поръ, на толпы шумныя, своевольныя, неограниченныя никакими мѣрами порядка и разсудка и наводившія „страхъ на жителей тѣхъ селеній, чрезъ которыя имъ нужно было слѣдовать, совершили путь свой мирно, тихо и подобными послѣдствіями разсѣяли прежнія опасенія на ихъ счетъ... Осо-

быхъ же затрудненій при этомъ встрѣчено не было; все сдѣлано собственными пріисковыми средствами, т. е., при содѣйствіи казачьихъ отрядовъ, безъ всякаго важнаго стѣсненія и лишенія для мѣстныхъ обывателей". Въ заключеніе Муравьевъ сообщилъ, что изъ всѣхъ донесеній лицъ, наблюдавшихъ за исполненіемъ предписанныхъ имъ мѣръ, оказывается, что при возвращеніи рабочихъ съ промысловъ осенью 1848 г. „убійствъ и грабежей совершено весьма мало, преступники всѣ открыты и преданы въ руки правосудія, тогда какъ въ прежніе годы преступленій этихъ было несравненно болѣе, преступники всѣ почти оставались не открытыми и самыя преступленія неизвѣстными до тѣхъ поръ, пока тѣла и кости жертвъ не были случайно отысканы". Этотъ послѣдній результатъ,—по мнѣнію Муравьева самый важный,—„легко объясняется тѣмъ, что рабочіе расходились съ промысловъ подъ надзоромъ, да и имъ самимъ эти послѣдствія внушили довѣріе къ принятымъ мѣрамъ" [1]).

Не разъ цитированное нами описаніе енисейскихъ промысловъ неизвѣстнаго современника, составленное въ 1848 г., но уже послѣ исполненія мѣръ, предписанныхъ Муравьевымъ для охраненія рабочихъ, подтверждаетъ, что на первое время принятыя Муравьевымъ мѣры принесли нѣкоторую пользу. „10 сентября", говоритъ авторъ, „кончаются работы на обѣихъ енисейскихъ системахъ и съ людьми дѣлается разсчетъ. Выдача денегъ на южной системѣ производится на самыхъ пріискахъ, а на сѣверной—въ гор. Енисейскѣ и въ заведеніи, называемомъ „Ермакъ" (противъ деревни Назимовой на р. Енисеѣ). На южной системѣ, „гдѣ жилыя мѣста не очень отдалены отъ промысловъ, такъ что самое большое разстояніе не превышаетъ 100 верстъ, рабочимъ даются сухари на пріискахъ на все время прохода до жилого мѣста. На сѣверной же системѣ, отъ которой обитаемыя мѣста болѣе отдалены и отстоятъ на 200 верстъ и болѣе, рабочимъ объявляютъ, по какимъ именно дорогамъ они должны слѣдовать съ каждаго пріиска, и на каждомъ „зимовьѣ" (которыя устроены на разстояніи 25 и 30 верстъ одно отъ другого) рабочіе получаютъ сухари, заблаговременно приготовленные. Послѣ полученія денегъ и сухарей рабочіе, рѣшившіеся идти на Рыбную, въ нынѣшнемъ (1848 г.) собирались на Петропавловскомъ пріискѣ К° Рязановыхъ и Машарова, а идущіе на Усть-Тунгузку—на Крестовоздвиженскомъ пріискѣ К° Щеголева. Съ этихъ сборныхъ мѣстъ они слѣдовали подъ прикрытіемъ казаковъ. Каждый работникъ выходитъ съ пріисковъ съ котомкой на плечахъ, въ которой у него: нужныя для одежды и обуви вещи, сухари, кирпичный чай, а у нѣкоторыхъ и котелокъ для варенья пищи и чая. На груди подъ рубашкою виситъ мѣшечекъ, въ которомъ деньги и билетъ. Въ такомъ порядкѣ многіе изъ нихъ идутъ до

[1]) Арх. Горн. Департ., по описи № 90, дѣло 1848 г. № 212/200.

перваго кабака. Крестьяне, въ особенности ближайшихъ къ промысламъ деревень, до нынѣшняго (1848) года по большей части съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія рабочихъ, разсчитывая на то, что у пьяныхъ легко обирать деньги, а въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ кабаковъ,—продавать водку по возвышеннымъ цѣнамъ. За перевозъ черезъ рѣки брали также иногда большія деньги. Въ нынѣшнемъ году было обращено особенное вниманіе на корчемство, и оно, сколько средства дозволяли, было устраняемо безпрерывными обходами днемъ и ночью по избамъ и строгимъ наблюденіемъ за крестьянами. Для перевозовъ же черезъ рр. Енисей, Верхнюю Тунгузку и Тасѣеву съ общаго согласія крестьянъ была установлена правильная плата. Картежная игра, доходившая прежде до 200 руб. сер. въ одной партіи, въ нынѣшнемъ году была совершенно уничтожена. Отъ пьянства же, при всемъ желаніи и всей дѣятельности, удержать рабочихъ было невозможно, потому что большая часть изъ нихъ идетъ на промыслы съ цѣлью, чтобы пропить заработанныя деньги. Посѣщая пріиски и видя всю трудность земляныхъ работъ, производимыхъ иногда подъ проливнымъ дождемъ, я часто заводилъ съ рабочими рѣчь о томъ, какъ они мало цѣнятъ свой трудъ, что деньги, добываемыя такимъ усиліемъ, употребляютъ не на улучшеніе своего состоянія, а все заработанное пропиваютъ. На это я всегда получалъ одинъ отвѣтъ: „если бы пьяницъ не было въ Сибири, тогда бы некому было и работать на промыслахъ“. Въ селѣ Рыбномъ и другихъ мѣстахъ, гдѣ я встрѣчался съ возвращающимися рабочими, я безпрерывно обращался къ нимъ и убѣждалъ не пьянствовать, но также получалъ отвѣты: „что они знаютъ свою глупость, знаютъ, что много денегъ у нихъ пропадаетъ въ пьяномъ видѣ, но что вино ихъ единственное утѣшеніе въ горькой долѣ“. Вообще о рабочихъ я могу сказать, что они народъ очень умный, но преданный пьянству до невѣроятности. На пріискахъ въ свободное время въ праздники рабочіе собираются иногда въ кучку, поютъ солдатскія пѣсни и пляшутъ подъ звуки бубна или балалайки, а иногда и скрипки. Въ это время нельзя не любоваться этими людьми, большею частью стройными, преисполненными энергіи; изъ нихъ можно бы составить превосходное войско, еслибы всѣ ихъ прекрасныя чувства не терялись при видѣ кабака. Многіе изъ нихъ за штофъ вина легко рѣшаются даже на убійство.

„Въ нынѣшнемъ (1848) году казаки частями сопровождали рабочихъ“ (мѣра, принятая Муравьевымъ). „Цѣль этого конвоированія состояла въ нижеслѣдующемъ: 1) чтобъ не дозволять рабочимъ долѣе сутокъ оставаться въ одной деревнѣ: этимъ средствомъ предупреждаются болѣзни и даже самая смерть, происходящая часто отъ излишняго и долгаго употребленія водки. 2) Въ наблюденіи, чтобы крестьяне и рабочіе не грабили другъ друга. Только при этомъ многіе изъ рабочихъ

сберегаютъ свои деньги. 3) Въ наблюденіи, чтобы не было картежной игры, чѣмъ устраняются драки. 4) Въ наблюденіи, чтобы рабочіе, промотавши свои деньги, не предавались грабежамъ. Въ настоящемъ году у пятидесятника Селиванова набралось такого рода промотавшихся нищихъ до 100 чел., которымъ крестьяне, по убѣжденію Селиванова, давали изъ милости хлѣбъ, и, благодаря Бога, рабочіе прошли благополучно.

„Рабочій, придя въ деревню, тотчасъ идетъ въ кабакъ. Выпивши чарку, онъ покупаетъ съѣстного, а иногда и вещи, нужныя для одежды и обуви. Окончивъ покупку, онъ отправляется въ избу, тамъ садится съ товарищами за самоваръ и тутъ у нихъ обыкновенно рождается желаніе выпить; штофъ слѣдуетъ за штофомъ, деньги переходятъ съ груди въ карманы шароваръ и, напившись до-пьяна, они или ложатся спать, или выходятъ на улицу, гдѣ при встрѣчѣ съ обходомъ попадаютъ подъ арестъ. Проспавшагося изъ арестантской выпускаютъ, наблюдая притомъ, чтобы онъ тотчасъ взялъ свою котомку и уходилъ изъ деревни; попавшіеся въ другой разъ въ пьяномъ видѣ или производящіе шумъ, затѣявшіе картежную игру, грозившіе убійствомъ, покушавшіеся на грабительство или уличенные въ подкупѣ казаковъ для выпуска ихъ изъ крестьянской избы подвергаемы были полицейскимъ наказаніямъ. Правила, принятыя въ нынѣшнемъ году для препровожденія рабочихъ, по моему мнѣнію“, продолжаетъ тотъ же авторъ, „самыя лучшія: они не измѣняютъ порядка выдачи денегъ на промыслахъ и не принуждаютъ увеличить число казаковъ, а только измѣнить нѣсколько распредѣленіе сихъ послѣднихъ.

„Все вышеописанное относится до рабочихъ изъ поселенцевъ. Рабочіе же, пришедшіе изъ Европейской Россіи, совсѣмъ иное дѣло: они живутъ на пріискахъ тихо, очень дружны между собою, помогаютъ одинъ другому въ работѣ и большую часть заработанныхъ денегъ отправляютъ по почтѣ домой. Возвращаясь съ пріисковъ, они идутъ артелями, издержки на пищу и вино (котораго они употребляютъ очень мало) производятся у нихъ сообща, на ночлегъ они останавливаются въ полѣ, а если въ избахъ, то у извѣстныхъ имъ крестьянъ, гдѣ не ночуютъ другіе рабочіе изъ поселенцевъ. Даже между рабочими изъ поселенцевъ бываютъ такіе, которые, получивъ большія деньги и желая сберечь ихъ, употребляютъ всѣ средства, чтобы отдѣлиться отъ массы рабочихъ и дойти какъ можно скорѣе домой. Такіе преимущественно бываютъ изъ мастеровыхъ и женатые. Они нанимаютъ, а иногда и покупаютъ лошадей или плывутъ въ лодкахъ внизъ по теченію р. Верхней Тунгузки отъ сел. Рыбнаго до самой рѣки Енисея“ [1]).

---

[1]) „Иркут. Губ. Вѣдом.“ 1858 г. № 27.

Администрація Восточной Сибири, и въ послѣдующіе годы продолжала рапортовать о спокойномъ выходѣ рабочихъ и о дѣйствительности мѣръ, принятыхъ Муравьевымъ въ 1848 г. [1]), но частныя свидѣтельства не совпадаютъ съ этими оффиціальными показаніями.

Впослѣдствіи ходило не мало разсказовъ объ этомъ времени безшабашнаго разгула рабочихъ, съ которыми не могли сравниться послѣдующіе кутежи. „Рабочіе пьянствовали невѣроятно", разсказываетъ г. Скарятинъ, „требовали шампанскаго,—„вина, что̀ господа пьютъ", котораго имъ, разумѣется, не давали и нюхать, продавая по 7—8 руб. бутылку какой-нибудь бурды вмѣсто клико. Они пропивали... не только всѣ деньги, заработанныя тяжкимъ полугодовымъ трудомъ, но и азямъ, и полушубокъ, и сапоги, и шапку, и рубашку, и все, что только не отвергается жрецомъ кабацкаго прилавка. Потомъ являлись въ золотопромышленную контору, брали сто и болѣе цѣлковыхъ задатка и всю новую одежду, спѣшили пропить и деньги, и одежду, и затѣмъ, пропившись уже окончательно, или снова отправлялись на пріискъ, если требовалось, или перебиваясь кое-какъ со дня на день, ожидали марта мѣсяца, т.-е., времени открытія работъ на пріискахъ". Скарятинъ разсказываетъ нѣсколько случаевъ, которые могутъ дать „понятіе о томъ, что творилось въ первый горячій или сумасшедшій, какъ многіе называли его въ Сибири, періодъ золотопромышленности. Въ Енисейскѣ рабочій, купивъ за баснословную цѣну кусокъ шелковой матеріи, велѣлъ постлать поперекъ грязной улицы, чтобы перейти по матеріи, и затѣмъ отдалъ его, съ прибавкою послѣднихъ 10 рублей, двумъ уже пропившимся товарищамъ, которые вели его подъ руки черезъ улицу и которые, разумѣется, не замедлили броситься въ кабакъ. Другой, придя на станцію пѣшкомъ, нанялъ дѣвушекъ, запрегъ ихъ въ сани, и онѣ тащили его въ половинѣ сентября по голой землѣ 15 верстъ до слѣдующей деревни. Процессія была встрѣчена на дорогѣ засѣдателемъ, который счелъ или притворился, будто счелъ за бунтъ такое оригинальное путешествіе, но важно развалившійся въ саняхъ рабочій удовлетворилъ засѣдателя „радужною бумажкою", сказавъ:— „Не трошь, ваше благородіе. На тебѣ, заткни несытую-то глотку". А на другой день рабочему не на что было купить хлѣба и пришлось, взявъ задатокъ, вновь закабалить себя на пріиски [2]).

Если о переходѣ черезъ грязь по шелковой матеріи разсказывали, какъ о явленіи исключительномъ, то разстиланіе по грязи ситцевъ и шали было, говорятъ, дѣломъ не рѣдкимъ. Раскутившіеся рабочіе ѣзжали и не только на саняхъ, а иной разъ и въ болѣе замысловатомъ экипажѣ: очевидцы разсказывали впослѣдствіи, что имъ случалось встрѣчать такія процессіи:

---

[1]) Арх. Горн. Деп., по описи № 90, дѣло 1848 г. № 212/200, л. 98.

[2]) *Скарятинъ.* Замѣтки золотопромышленника. Спб. 1862 г., ч. I, стр. 19—23.

двое пріисковыхъ рабочихъ, съ бабами и дѣвками, ѣдутъ на двухъ связанныхъ боронахъ, обернутыхъ зубцами къ землѣ и запряженныхъ 8 или 10 лошадьми. За разрѣшеніе выкинуть подобную штуку они предлагали мѣстной полиціи по нѣскольку десятковъ и даже сотню рублей. Авторъ статьи, изъ которой мы заимствуемъ этотъ фактъ и которая была напечатана въ 1860 г., разсказываетъ, что „лѣтъ 10 тому назадъ въ городѣ, доселѣ служащемъ главнымъ пунктомъ выхода рабочихъ, квартирные надзиратели въ теченіе одного мѣсяца набивали цѣлые амбары сапогами, бродняками, азямами и другимъ хламомъ, сдираемымъ съ пьяныхъ пріисчиковъ, забираемыхъ на улицахъ и въ тѣхъ теплыхъ уголкахъ, куда идетъ усердно всякій, прилично выпившій человѣкъ“ [1]).

Въ началѣ 40-хъ годовъ, по словамъ Кривошапкина, во время кутежа рабочіе бросали подъ ноги пятирублевыя ассигнаціи, чтобы не идти по грязи, велѣли выкатывать вино бочками и угощали всѣхъ желающихъ, требовали, наконецъ, господскаго вина. Имъ подносили подъ видомъ господскаго крѣпкій спиртъ, а затѣмъ сильно опьянѣвшимъ, потребовавшимъ шампанскаго рабочимъ—либо „горское“, чтобы они могли видѣть по крайней мѣрѣ, какъ пробки летятъ въ потолокъ, либо спиртъ, настоенный какими-нибудь одуряющими снадобьями [2]).

Противъ этого безшабашнаго разгула послѣ чрезмѣрно напряженнаго труда мѣры Муравьева оказались скоро безсильными: очевидно одной полицейской распорядительности лицъ, сопровождавшихъ рабочихъ съ пріисковъ, было недостаточно. Нужно было дать возможность рабочимъ выпивать вино въ извѣстномъ количествѣ и на промыслахъ, такъ какъ въ умѣренной дозѣ оно было положительно необходимо для поддержанія ихъ силъ; нужно было подумать о томъ, чтобы самый трудъ не былъ чрезмѣрнымъ. Но, что касается вина,—администрація заботилась только о его совершенномъ недопущеніи на пріиски, относительно же регламентаціи количества труда законъ 1838 г. хотя и выше устава 1870 г. о частной золотопромышленности, но все-таки онъ недостаточно охраняетъ силы рабочаго отъ истощенія. Разгулу рабочихъ содѣйствовало и преобладаніе въ числѣ ихъ ссыльно-поселенцевъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ бездомныхъ и безсемейныхъ. Съ увеличеніемъ количества крестьянъ, работающихъ на промыслахъ, и съ болѣе частою выдачею винныхъ порцій во время работъ (уже въ 70-хъ годахъ), безшабашный кутежъ „пріискателей“ сильно ослабѣлъ.

Нѣкоторые рабочіе, какъ уже было указано, пропивъ заработанныя лѣтомъ деньги, на обратномъ пути, въ первыхъ же селеніяхъ, нанима-

---

[1]) *Цвѣтолюбовъ*. „Нѣсколько словъ о бытѣ рабочихъ на золотыхъ пріискахъ“. „Амуръ“ 1860 г. № 13.

[2]) *Кривошапкинъ*. „Енис. округъ и его жизнь“. Спб. 1865 г., стр. 180—181.

лись тутъ же на зимнія пріисковыя работы. Работы эти, на которыхъ требовалось гораздо меньше рабочихъ, чѣмъ на лѣтнія [1]), состояли въ постройкѣ и починкѣ промывальныхъ машинъ, исправленіи таратаекъ, постройкѣ различныхъ зданій, въ приготовительныхъ работахъ для лѣтней промывки, въ прорытіи канавъ, въ „разшурфовкѣ“ пріисковъ и весьма рѣдко въ промывкѣ песковъ, что допускалось при ортовыхъ (подземныхъ) работахъ и существованіи на пріискѣ теплой промывальни. Нѣкоторыхъ рабочихъ договаривали на зимнія работы на самомъ пріискѣ, при окончательномъ разсчетѣ за лѣтній сезонъ; но и тѣ, которые соглашались остаться на зимнія работы, требовали непремѣнно, чтобы имъ дозволено было выйти изъ тайги въ ближайшее селеніе, откуда, пробывъ тамъ дня два или три, они возвращались на пріискъ. Безъ этого, говоритъ авторъ описанія енисейскихъ промысловъ въ 1848 г., „рѣшительно никто не соглашается оставаться на зиму; даже тѣ, которые оставлены для зимнихъ работъ за долги, убѣгаютъ съ промысловъ“. Такъ въ 1848 г. съ Петропавловскаго пріиска К° Рязановыхъ въ одинъ день, изъ числа людей, оставленныхъ для зимнихъ работъ, бѣжало 55 человѣкъ.

---

[1]) Въ концѣ 40-хъ годовъ въ Енисейской тайгѣ оставалось на зиму всего около 4,000 человѣкъ. Арх. Горн. Деп., по описи № 91, дѣло 1851 г., № 3/39, вязка 2-я, л. 75—99 (отчетъ ген. лейт. Аппенкова).

ГЛАВА VI.

Вліяніе введенія золотопромывательныхъ машинъ на положеніе рабочихъ.

Новый періодъ сибирской золотопромышленности. — Число и составъ рабочихъ.—Наемъ и размѣръ задатковъ.—Контракты.—Усовершенствованіе золотопромышленной техники.—Огромные доходы золотопромышленниковъ.—Продолжительность рабочаго дня.—Размѣръ уроковъ.—Мѣсячное жалованье.—Измѣненіе въ системѣ старательскихъ работъ.—Удешевленіе рабочей силы.—Отрядные рабочіе.—Жилища и пища рабочихъ.—Употребленіе вина.—Семейства рабочихъ. — Пріисковыя лавки.—Болѣзненность и смертность на промыслахъ. — Пріисковыя больницы; пріисковые фельдшера и врачи.—Наказаніе рабочихъ изъ ссыльно-поселенцевъ и мѣщанъ.—Денежные штрафы.—Тѣлесныя наказанія.—Досрочный разсчетъ.—Бѣгство съ промысловъ.—Размѣръ заработковъ.—Величина додачи.—Недоразумѣніе при разсчетѣ.—Должники.—Возвращеніе рабочихъ.—Разсчетъ съ ними въ кабакахъ.—Какъ охраняли рабочихъ отъ пьянства.

Золотопромышленность въ Сибири, начало которой относится къ концу двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, нашла здѣсь благопріятныя условія для своего развитія не только въ природныхъ богатствахъ страны, но и въ томъ, что въ этой мѣстности существовалъ весьма значительный контингентъ такихъ крайне нуждающихся въ заработкахъ рабочихъ, какими были ссыльно-поселенцы; они, дѣйствительно, и составляли въ первое время сибирской золотопромышленности преобладающее большинство пріисковыхъ рабочихъ (въ 1834 г.—82%). Правда, тяжелыя условія пріисковаго труда первоначально вызывали въ нихъ особенно сильное стремленіе уклоняться отъ исполненія принятыхъ на себя обязательствъ, такъ что въ первой половинѣ 30-хъ годовъ болѣе пятой части нанявшихся рабочихъ не являлась на пріиски и значительное количество ихъ бѣжало съ промысловъ, но, тѣмъ не менѣе, экономическая необходимость приковывала большинство изъ нихъ къ вновь народивше-

муся крупному промышленному производству, и въ половинѣ 40-хъ годовъ оказалось, что нѣкоторые изъ ссыльно-поселенцевъ уже по 10, 12 и даже 16 лѣтъ провели на промыслахъ. Такимъ образомъ, рабочія руки этого поселенческаго пролетаріата содѣйствовали созданію крупныхъ богатствъ Поповыхъ, Рязановыхъ, Асташевыхъ, Бенардаки и другихъ золотопромышленниковъ.

Первое время пріисковыя работы производились исключительно ручнымъ трудомъ: не только добыча золотоносныхъ песковъ и снятіе покрывающихъ ихъ пустыхъ породъ (такъ называемаго торфа или турфа) совершались, какъ и теперь, силою человѣческихъ мускуловъ, но и перевозка турфа и песковъ возлагалась на людей, а не на лошадей. Промывка золотоноснаго песка также производилась ручнымъ способомъ при помощи самыхъ первобытныхъ снарядовъ. Однако, постепенно ручной трудъ при перевозкѣ турфа и песковъ на тачкахъ, вмѣщающихъ два-три пуда, сталъ замѣняться перевозкою лошадьми на таратайкахъ, куда можно было положить 25 и болѣе пудовъ (на нѣкоторыхъ пріискахъ, впрочемъ, въ видѣ рѣдкаго исключенія, стали класть даже рельсы, по которымъ передвигались лошадьми къ промывательнымъ машинамъ вагоны съ золотоноснымъ пескомъ). Тѣмъ не менѣе, ручной трудъ еще долго преобладалъ при перевозкѣ. Но промывка золотоносныхъ песковъ ручнымъ способомъ, слишкомъ медленная и неудовлетворительная, стала замѣняться введеніемъ болѣе или менѣе усовершенствованныхъ машинъ, приводимыхъ въ движеніе лошадьми или водою и изрѣдка силою пара. Постепенная замѣна ручнаго труда лошадиною силой видна, наприм., изъ того, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (1847—1851 г.) число лошадей на золотыхъ пріискахъ Енисейской и Иркутской губерніи удвоилось (съ 5,848 въ 1847 г. оно дошло въ 1851 г. до 11,750, хотя въ эти годы число рабочихъ на промыслахъ Восточной Сибири увеличилось всего на 23%). Вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличилось и количество механическихъ снарядовъ для промывки золота, приводимыхъ въ движеніе лошадьми или водою: въ 1847 г. на промыслахъ Западной Сибири ихъ было 46 (изъ нихъ 44 приводились въ движеніе водою и 2 лошадьми), а въ 1852 г. уже вдвое болѣе—93 (изъ нихъ 78 дѣйствовавшихъ водою и 15 конными приводами [1]). На промыслахъ Восточной Сибири количество золотопромывательныхъ машинъ (такъ называемыя бочки, чаши и бороны) къ началу 50-хъ годовъ также не только сдѣлалось весьма значительнымъ, но онѣ даже преобладали надъ первоначальными простыми снарядами (см. ниже).

---

[1]) *Гагемейстеръ*: „Историческое обозрѣніе Сибири“, I, стр. 218; II, стр. 462; срав. *Горный Журналъ* 1844 г., № 4, стр. 121—131, и 1853 г., № 2, стр. 297—312.

Такимъ образомъ, *въ концѣ сороковыхъ годовъ золотопромышленность въ Сибири переходитъ въ новый періодъ развитія*: изъ мануфакуръ золотые промыслы постепенно превращаются въ промышленныя учрежденія съ преобладающимъ *при промывкѣ золота* машиннымъ производствомъ. Хотя ручной трудъ продолжалъ играть на промыслахъ весьма важную роль уже потому, что онъ былъ единственнымъ *при добычѣ* золотоноснаго песка и снятіи турфа, тѣмъ не менѣе, введеніе машинъ при промывкѣ золота повело къ тѣмъ же послѣдствіямъ для рабочихъ, къ какимъ оно приводило и въ другихъ промышленныхъ производствахъ.

Какъ извѣстно, введеніе машинъ удлиняетъ рабочій день, вызываетъ усиленіе интенсивности труда, а удлиненіе дня сопровождается пониженіемъ рабочей платы [1]). Къ тѣмъ же выводамъ пришли и мы путемъ внимательнаго изученія исторіи быта рабочихъ на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ [2]).

Золотопромышленность въ Сибири, какъ мы уже замѣтили, нашла въ многочисленномъ классѣ ссыльно-поселенцевъ въ высшей степени благопріятное условіе для своего развитія въ формѣ крупнаго промышленнаго производства. Существованіе этого бездомнаго пролетаріата [3]) и дало возможность золотопромышленникамъ установить вознагражденіе за трудъ по системѣ „излишняго“, лучше оплачиваемаго времени [4]). При готовой пищѣ, рабочіе получали въ тридцатыхъ годахъ (въ 1834—37 гг.) на промыслахъ Томской губерніи ничтожную мѣсячную плату за 30 дней работы, а именно отъ 10 до 13 руб. ассиг. (отъ 2 руб. 80 к. до 3 руб. 65 коп. сер.), т.-е. отъ 9 до 12 к. серебр. въ день; увеличить же свой заработокъ рабочій могъ лишь добавочнымъ, такъ называемымъ, старательскимъ трудомъ за повышенное вознагражденіе. Эта старательская работа первоначально была обыкновенно необязательна и производилась не всѣми рабочими сообща, а по одиночкѣ или небольшими артелями. Введеніе машиннаго производства привело къ тому, что, какъ видно будетъ ниже, старательская работа постепенно превратилась въ простое про-

---

[1]) Срав. *Зиберъ*. „Рикардо и Марксъ“. Спб., 1885 г., стр. 451—453, 456, 459, 472, 500.

[2]) Что высота рабочей платы находится въ обратномъ отношеніи съ продолжительностью рабочаго дня, это замѣтилъ и проф. Эрисманъ при изученіи современнаго быта рабочихъ на фабрикахъ Московскаго и Клинскаго уѣздовъ. Смотри его труды: *Санитарное изслѣдованіе фабричн. завед. Московскаго уѣзда*. Москва. 1882 г., ч. I, стр. 228; *Санитарное изслѣдованіе фабричн. завед. Клинскаго уѣзда*. Москва, 1881 г., стр. 69.

[3]) Изъ числа поселенцевъ, работавшихъ въ 1843 г. на пріискахъ одной крупной золотопромышленной компаніи южной части Енисейскаго округа, какъ мы уже упоминали выше, менѣе 20% имѣли дома.

[4]) Срав. *Зиберъ*, стр. 469—470.

долженіе урочной и сдѣлалось также обязательною [1]). Прежде по окончаніи обязательнаго труда, который въ горныхъ работахъ производился по урокамъ, рабочій могъ, если хотѣлъ, приняться за старательскую работу. Въ половинѣ 30-хъ годовъ, по оффиціальнымъ свидѣтельствамъ, *обязательный* трудъ длился около десяти часовъ. Законъ о сибирской золотопромышленности 1838 года установилъ maximum продолжительности рабочаго дня въ 15 часовъ, *со включеніемъ* времени на отдыхъ, а въ 50-хъ годахъ по нѣкоторымъ контрактамъ продолжительность обязательнаго труда опредѣляется уже въ 15 часовъ *за исключеніемъ* отдыха. Правда, въ большинствѣ контрактовъ 50-хъ годовъ количество рабочихъ часовъ опредѣляется въ нѣсколько меньшемъ количествѣ, но при урочной системѣ работъ въ дѣйствительности обращали вниманіе не на ту или иную продолжительность рабочаго дня, а только наблюдали за исполненіемъ установленныхъ уроковъ; со введеніемъ же обязательности старательскихъ работъ мы нерѣдко встрѣчаемъ систему *полуторныхъ уроковъ*, то-есть къ прежнему уроку прибавлялась еще половина старательскаго, но уже обязательнаго замѣра. Когда рабочій не обязанъ былъ „стараться“, онъ могъ по желанію сократить свой рабочій день, хотя, конечно, лишаясь при этомъ повышеннаго вознагражденія,—теперь же онъ долженъ былъ непремѣнно „стараться“; такимъ образомъ, продолжительность обязательнаго труда увеличивалась, къ тому же, сдѣлалась обязательною и работа въ праздники. Мы увидимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что исполненіе одного и того же урока по добычѣ турфа или золотоносныхъ песковъ возлагается съ теченіемъ времени на меньшее количество людей, слѣдовательно, трудъ становился напряженнѣе. Наконецъ, приводимыя нами данныя относительно рабочей платы 50-хъ годовъ и сравненіе заработковъ рабочихъ съ предшествующимъ временемъ покажутъ намъ, что вознагражденіе за трудъ не возросло, а понизилось.

Въ другихъ родахъ производства, какъ извѣстно, введеніе машинъ усиливаетъ примѣненіе женскаго и дѣтскаго труда [2]). Если мы не замѣчаемъ на золотыхъ промыслахъ того же явленія въ большихъ размѣрахъ, то это объясняется тѣмъ, что по условіямъ даннаго производства женскій трудъ имѣлъ въ немъ лишь весьма ничтожное примѣненіе (хотя и теперь еще я самъ видѣлъ на сибирскихъ промыслахъ женщинъ, про-

---

[1]) Пока этотъ процессъ не закончился, „вся сила механизмовъ, все дорого стоющее устройство пропадали безъ всякой пользы, стояли неподвижно во время старательской работы, ибо рабочій промывалъ пески не на машинѣ, а каждый отдѣльно, про себя, гдѣ-нибудь на вашгердѣ или небольшою артелью на бутаркѣ“. *Скарятинъ*: „Замѣтки золопромышленника“. Спб. 1862 г., ч. II, стр. 121.

[2]) Срав. *Зиберъ*, 450—451, 479.

тирающихъ пески на бутарѣ); что же касается труда дѣтей и подростковъ, то запросъ на него могъ увеличиться съ замѣною ручной откатки песковъ и турфа отвозкою на лошадяхъ, причемъ подростки дѣлались погонщиками, точно такъ же, какъ и при отвозкѣ не уносимыхъ водою отбросовъ золотопромывательной машины (эфеля и гальки).

Такимъ образомъ, изслѣдованіе исторіи пріисковаго труда подтверждаетъ теоретическія положенія экономической науки, а это, въ свою очередь, даетъ лишній аргументъ въ пользу необходимости подобныхъ изслѣдованій, весьма важныхъ также и въ практическомъ отношеніи: для выработки болѣе совершеннаго фабричнаго законодательства.

До начала пятидесятыхъ годовъ частная золотопромышленность въ Сибири существовала въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ Киргизской степи, въ Томскомъ (а по нынѣшнему административному раздѣленію въ Маріинскомъ) округѣ, Томской губерніи, во всѣхъ округахъ Енисейской губ., въ Иркутскомъ и Нижнеудинскомъ округахъ Иркутской губ., въ Верхнеудинскомъ округѣ Забайкальской области [1]). Въ пятидесятыхъ годахъ положено было начало частной золотопромышленности и въ Баргузинскомъ округѣ Забайкальской области [2]).

На всѣхъ этихъ промыслахъ работало [3]): въ 1850 году въ Западной Сибири (въ Киргизской степи и Томскомъ округѣ) 3,551 чел., въ Восточной—28,822 чел., итого 32,373 чел.; въ 1851 г. въ Западной—3,510 ч., въ Восточной—31,920 чел., итого 35,430 чел. [4]) Относительно послѣдующихъ годовъ данныхъ о промыслахъ Западной Сибири мы не имѣемъ, а на пріискахъ Восточной Сибири работало: въ 1853 г. 33,152 чел., въ 1856 г. 38,251 чел., въ 1857 г. 38,123 чел., въ 1858 г.

---

[1]) Въ 50-хъ годахъ золотопромышленность была дозволена въ слѣдующихъ мѣстахъ. Въ 1854 г. разрѣшено было производство частнаго золотого промысла въ предѣлахъ Аягузскаго округа Киргизской степи (въ большой Киргизской ордѣ) въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде производилась разработка розсыпей китайцами. П. С. З. т. XXIX, № 28.050, ср. XXXVI, № 31.658а и 36.812. Въ 1858 г. допущена была золотопромышленность и въ Малой Киргизской ордѣ. П. С. З. т. XXXIII. № 33.043. Въ 1843 г., какъ мы видѣли, было дозволено заниматься золотопромышленностью въ Верхнеудинскомъ округѣ за Байкаломъ лишь нѣкоторымъ лицамъ; въ 1856 г. производство золотаго промысла въ этомъ округѣ было дозволено всѣмъ частнымъ лицамъ съ тѣмъ, чтобы доходы отъ этого промысла, слѣдующіе въ казну, поступали въ Кабинетъ Его Величества. П. С. З. т. XXXI, №№ 30.779, 30.789.

[2]) *Болюбскій*. Золото, стр. 102, срав. *Гагемейстеръ*, II, 425.

[3]) Изъ различныхъ оффиціальныхъ данныхъ беремъ максимальныя цифры, см. *Дополненіе IV* (въ концѣ тома).

[4]) Въ дѣйствительности рабочихъ должно было быть болѣе, такъ какъ, по крайней мѣрѣ относительно Западной Сибири, тутъ имѣются въ виду рабочіе „по разсчету на 1 день", т.-е. годовые рабочіе. Сравн. „Горн Журн." 1852 г, № 1, стр. 149—154 и № 2, стр. 311—312.

34,960 чел. Сравнительно со второю половиною сороковыхъ годовъ число рабочихъ въ Восточной Сибири значительно увеличилось.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ преобладающимъ составнымъ элементомъ пріисковой рабочей массы были ссыльно-поселенцы: они являлись тѣмъ рабочимъ пролетаріатомъ, существованіе котораго необходимо для развитія крупной промышленности; но затѣмъ золотопромышленность стала привлекать и другія рабочія силы. Генералъ-адъютантъ Анненковъ, производившій ревизію Западной Сибири въ 1851 г., обратилъ вниманіе на то, что, по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, число ссыльно-поселенцевъ, работавшихъ на пріискахъ Енисейской губерніи, стало быстро уменьшатся: въ 1847 г. они составляли тамъ 68% всѣхъ рабочихъ, въ 1848 г. 67%, въ 1849 г.—62% и въ 1850 г. менѣе 53% [1]). Другое обстоятельство, замѣченное Анненковымъ, было ежегодное увеличеніе притока на пріиски Енисейской губерніи рабочихъ изъ великороссійскихъ губерній и особенно помѣщичьихъ крестьянъ. Въ 1847 г. рабочіе изъ Великороссіи составляли тамъ 13,7% всего числа рабочихъ (въ томъ числѣ помѣщичьи крестьяне 6,5%), въ 1849 г. первые 18% (въ томъ числѣ помѣщичьи—8,8%), въ 1850 г. великороссовъ было 19% рабочихъ (въ томъ числѣ помѣщичьихъ крестьянъ—11,8%). Изъ числа великороссовъ, по свидѣтельству Анненкова, оставалось въ енисейской тайгѣ нѣсколько лѣтъ сряду до 1,600 чел. изъ одной Нижегородской губ. [2]). Анненковъ полагалъ, что „послѣдовательно уменьшающееся число ссыльно-поселенцевъ на золотыхъ промыслахъ и въ той же послѣдовательности ежегодно увеличивающееся число рабочихъ изъ крестьянъ великороссійскихъ губерній, и особенно помѣщичьихъ, показываетъ, что внутреннія губерніи непрестанно болѣе и болѣе сближаются съ Сибирью [3]) и что существовавшій прежде страхъ Сибири теряетъ въ Россіи болѣе и болѣе свою силу“ и что „современемъ крестьяне могутъ совершенно замѣнить ссыльно-поселенцевъ на золотыхъ промыслахъ“. Анненковъ признавалъ значеніе золотопромышленности въ томъ отношеніи, что она въ теченіе лѣта давала работу значительному количеству бездомныхъ ссыльно-поселенцевъ, но, въ то же время, онъ пришелъ къ выводу, что золотопромышленность не только не содѣйствуетъ устройству ссыльно-поселенцевъ, но, быть можетъ, даже препятствуетъ ему.

Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Муравьевъ въ своихъ замѣчаніяхъ на записку Анненкова по вопросу объ увеличеніе на пріи-

---

[1]) Во всей Восточной Сибири въ 1850 и 1851 гг. ссыльно-поселенцы составляли 52% изъ пріисковыхъ рабочихъ, а въ Западной Сибири въ 1847 году — 72%, въ 1851 г.—69%.

[2]) Арх. Горн. Деп. по описи № 91 дѣло 1851 г. № 3/39.

[3]) На это мѣсто доклада Анненкова обратилъ вниманіе имп. Николай.

искахъ крестьянъ великороссійскихъ губерній, составляющемъ, по словамъ Муравьева, „предметъ особыхъ опасеній генералъ-адъютанта Анненкова", высказалъ мнѣніе, что нѣтъ причинъ „преграждать крестьянамъ великороссійскихъ губерній всѣхъ наименованій временно или постоянно селиться въ Сибири" въ виду ея малонаселенности и недостатка земель въ нѣкоторыхъ мѣстахъ европейской Россіи. „Правительству едва ли полезно было бы,—продолжаетъ Муравьевъ,—отвращать жителей внутреннихъ губерній отъ Сибири, а напротивъ, должно желать, чтобы они переселялись сюда охотно и свободно, не требуя пособій отъ правительства для сего переселенія, чего достигнуть можно тогда лишь, когда во внутреннихъ губерніяхъ убѣдятся, что въ Сибири работать выгодно и жить привольно". По поводу предположенія Анненкова, что современемъ крестьяне великороссійскихъ губерній могутъ совершенно замѣнить ссыльно-поселенцевъ на золотыхъ промыслахъ, Муравьевъ замѣтилъ, что это только содѣйствовало бы „болѣе успѣшному обращенію" ссыльно-поселенцевъ къ занятіямъ хлѣбопашествомъ и ремеслами, отъ которыхъ ихъ отвлекаетъ золотопромышленность, а въ Сибири „еще долго будетъ ощутителенъ недостатокъ рукъ, а не излишекъ ихъ". Во всякомъ случаѣ, въ Сибири пока не чувствовалось, по мнѣнію Муравьева, никакого неудобства отъ постепенной замѣны на золотыхъ промыслахъ ссыльно-поселенцевъ крестьянами изъ внутреннихъ губерній, а также не замѣчено было, чтобы совмѣстная работа этихъ крестьянъ и поселенцевъ имѣла бы вредное вліяніе на первыхъ. Сибирскій комитетъ нашелъ, что „при настоящемъ положеніи дѣлъ едва ли удобно и возможно поощрять употребленіе на золотыхъ промыслахъ въ Сибири крестьянъ изъ великороссійскихъ губерній". Нѣтъ сомнѣнья, что это было бы выгодно для золотопромышленниковъ, такъ какъ давало бы имъ средства и возможность дешевле нанимать рабочихъ на промысла, „но, съ другой стороны, нельзя не обратить вниманія на то, что многіе изъ ссыльныхъ, не получивъ до сихъ поръ надлежащаго устройства на прочныхъ основаніяхъ, существуютъ и оплачиваютъ подати единственно заработками на золотыхъ промыслахъ, и что поэтому, до принятія мѣръ къ устройству ссыльныхъ на иныхъ противу теперешняго началахъ, дѣйствительно надо опасаться, что если великороссійскіе крестьяне вытѣснятъ ссыльно-поселенцевъ съ работъ на золотыхъ промыслахъ, то бродяжество сихъ послѣднихъ можетъ еще усилиться, преимущественно въ лѣтнее время, когда они могутъ быть наиболѣе вредны", а это принесетъ „вредъ всему краю". Комитетъ указалъ еще на то, что при огромномъ пространствѣ Сибири, слабости тамъ полиціи и возможности укрываться бѣглымъ и бродягамъ, трудно наблюдать за крестьянами, приходящими въ Сибирь для работъ на золотыхъ промыслахъ изъ внутреннихъ губерній. Не желая мирволить золотопромышленникамъ, сибирскій комитетъ чувствовалъ, однако, нѣкоторую сла-

бость къ великороссійскимъ помѣщикамъ: онъ считалъ „особенно вреднымъ“ то, что помѣщичьи крестьяне „бродяжничаютъ по Сибири, а помѣщики даже не знаютъ, куда и къ кому обратиться, чтобы отыскать своихъ людей“, и потому высказывался за необходимость мѣръ для ограниченія бродяжничества по Сибири великороссійскихъ крестьянъ. Муравьевъ, спрошенный по этому поводу, представилъ (въ 1853 г.) мнѣніе енисейскаго губернатора Падалки, который писалъ, что „крестьяне великороссійскихъ губерній, приходящіе для работъ на золотыхъ промыслахъ, не только не могутъ вытѣснить поселенцевъ съ промысловыхъ работъ, но, облегчивъ золотопромышленниковъ въ наймѣ на промысла рабочихъ, сохранятъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, рабочихъ и для прочихъ сословій Енисейской губерніи“. Нельзя также предполагать, что современемъ потребуется большое количество рабочихъ, „отдѣленіе которыхъ изъ числа ссыльныхъ можетъ имѣть невыгодное вліяніе и на хлѣбопашество“; даже истощеніе въ настоящее время на нѣкоторыхъ промыслахъ богатства содержанія песковъ заставляетъ золотопромышленниковъ увеличивать число рабочихъ. Наконецъ, самое намѣреніе правительства устроить бытъ поселенцевъ можетъ встрѣтить препятствіе въ несоразмѣрномъ требованіи этихъ людей на промыслы, такъ какъ „для прочнаго водворенія ссыльныхъ необходимо постоянное пребываніе ихъ на мѣстѣ причисленія“.

Ознакомившись съ полученными имъ по этому вопросу мнѣніями, сибирскій комитетъ пришелъ къ тому заключенію, что наемъ рабочихъ на частные золотые промыслы изъ крестьянъ великороссійскихъ губерній слѣдуетъ оставить „при прежнемъ порядкѣ“, но, вмѣстѣ съ тѣмъ согласно съ своимъ первоначальнымъ положеніемъ, одобреннымъ Государемъ (въ октябрѣ 1852 г.), призналъ существенно необходимыми особыя мѣры для предупрежденія бродяжничества этихъ крестьянъ въ Сибири и принялъ съ нѣкоторыми дополненіями правила, составленныя съ этою цѣлью министромъ финансовъ. Мнѣніе комитета было одобрено Государемъ 23 декабря 1853 г. [1]). Правила эти, повидимому, остались мертвою буквой.

Въ Енисейской губерніи въ 1851—54 гг. процентъ ссыльно-поселенцевъ въ общемъ числѣ пріисковыхъ рабочихъ продолжалъ постепенно уменьшаться (съ 52,6 до 47,3%), но, въ то же время, уменьшался и процентъ рабочихъ, приходившихъ на пріиски изъ Европейской Россіи (съ 17 до 11%); однако количество великороссійскихъ рабочихъ затѣмъ стало увеличиваться и дошло въ 1858 г. до 26% (въ 1859 г. 21%) [2]).

---

[1]) Арх. Горн. Деп. по описи № 91, дѣло № 3/39, ч. 7-я, л. 1—106 и дѣло Сибир. Комитета въ Арх. Комитета Министровъ 1852 г. № 116, см. *Дополненіе V* (въ концѣ тома).

[2]) Арх. Горн. Деп., по описи № 91, дѣло № 3/39, ч. 7-я, л. 45; то же дѣло вязка 2, л. 78—99; *Гагемейстеръ*, II, 431; отчеты енисейскихъ губернаторовъ за 1851—59 гг. въ дѣлахъ Сибирскаго Комитета въ Арх. Ком. Министровъ.

Точно такъ же и на промыслахъ всей Восточной Сибири мѣщане, крестьяне и ссыльно-поселенцы сибирскихъ губерній составляли еще въ 1856—1857 гг. 89—90%, а мѣщане и крестьяне великороссійскихъ губерній и разночинцы—11—10% всѣхъ рабочихъ; но въ 1858 г. притокъ рабочихъ изъ Великороссіи такъ увеличился, что мѣщане и крестьяне великороссійскихъ губерній составляли уже 21% всѣхъ пріисковыхъ рабочихъ Восточной Сибири [1]).

Отчеты енисейскаго губернатора даютъ возможность вычислить и распредѣленіе по поламъ рабочихъ, находившихся на промыслахъ этой губерніи. Оказывается, что женщинъ на пріискахъ Енисейской губ. было въ 1851—1854 гг. чрезвычайно мало: minimum—3,3%, maximum—4,8% всего числа рабочихъ, а по округамъ наименьшій процентъ женщинъ былъ на промыслахъ сѣверной части Енисейскаго округа, какъ наиболѣе отдаленной и гдѣ золотопромышленники должны были особенно стремиться ограничить количество женщинъ въ виду дороговизны пропитанія (въ 1851 г. онѣ составляли здѣсь всего 1,3% рабочихъ), а наибольшій процентъ находимъ на промыслахъ Канскаго округа [2]).

Переходя къ характеристикѣ положенія рабочихъ на золотыхъ пріискахъ въ пятидесятыхъ годахъ, мы, прежде всего, приведемъ нѣсколько свѣдѣній относительно найма рабочихъ въ Киргизской степи. Киргизкіе пріиски отличались весьма малымъ содержаніемъ золота (менѣе $^1/_2$ золотника въ 100 пудахъ песку) и золотопромышленность была тамъ возможна только вслѣдствіе дешевизны рабочихъ. „На золотыхъ пріискахъ въ степи употребляются,—по словамъ генерала Анненкова,—большею частью чернорабочіе изъ киргизъ, нанимаемыхъ на три разные срока: одни на все время годового производства, другіе до сѣнокоса, т.-е. до 15 іюля, третьи на нѣсколько дней“, во время прохода киргизъ мимо производства работъ. Нанимались киргизы безъ всякихъ формальностей, по однимъ домашнимъ, а часто и просто по словеснымъ условіямъ, однако случаи нарушенія ими договоровъ были довольно рѣдки [3]). Плата киргизамъ за все лѣто бывала, по свидѣтельству Анненкова, обыкновенно до 20 руб. сер., по другимъ же источникамъ киргизы мужчины получали по 4 руб., женщины—по 3 руб. въ мѣсяцъ. За старательское золото въ степи платили не болѣе 2 руб. 50 коп. ассигнаціями (71 коп. сер.) за золотникъ [4]).

---

[1]) Арх. Горн. Деп. по описи № 91, дѣло № 3/39, вяз. 2, л. 239; «Иркут. Губ. Вѣдом.» 1857 г. № 2, 1858 г. № 23, 1859 г. № 11. По Высоч. повелѣнію 8 авг. 1858 г. частные золотые промыслы Ачинскаго, Минусинскаго и Красноярск. окр. Енисейской губ., находившіеся до того времени подъ вѣдомствомъ Алтайскаго Горн. Правл. были подчинены съ 1859 г. генералъ-губернатору Восточной Сибири. П. С. З. т. XXXIII, 33.497.

[2]) Арх. Горн. Департ. и дѣла Сибирскаго Комит. въ Арх. Комит. Министровъ.

[3]) Арх. Том. Горн. Упр. № 420—20—14, л. 6 и № 421—21—62, л. 4—5.

[4]) *Тарасенко-Отрышковъ*. „О золотѣ и серебрѣ“, ч. I, Спб. 1856, стр. 193.

Такъ какъ главною цѣлью киргизовъ былъ заработокъ суммы, достаточной на покупку скота и лошадей, то они рѣдко нанимались на пріиски болѣе двухъ-трехъ лѣтъ сряду; однако нѣкоторые изъ нихъ оставались на пріискахъ на зиму въ своей кибиткѣ и со своимъ небольшимъ стадомъ [1]).

Въ другихъ золотопромышленныхъ округахъ Сибири владѣльцы пріисковъ жаловались на недостатокъ рабочихъ. Такъ, въ одной газетной статьѣ (1854 г.), составленной по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ одного золотопромышленника, авторъ говоритъ: „При настоящемъ развитіи золотопромышленности въ Восточной Сибири потребность въ чернорабочихъ ежегодно возрастаетъ“, а потому въ нихъ „оказывается недостатокъ по малонаселенности этого отдаленнаго края. Вслѣдствіе этого... наемъ работниковъ весьма затруднителенъ, особенно на такой пріискъ, который прослылъ въ народѣ неудобнымъ для работъ или хозяинъ котораго ведетъ дѣло неразсчетливо и недобросовѣстно. Только крайняя нужда, пьянство или обманчивая приманка большого задатка при наймѣ могутъ склонить рабочаго поступить на подобный пріискъ“ [2]).

При наймѣ рабочихъ волостные писаря производили значительные поборы, большую часть которыхъ имъ приходилось отдавать исправникамъ и другимъ представителямъ мѣстной администраціи; понятно, что, въ виду этого, различныя предписанія, воспрещавшія взиманіе ихъ, должны были оставаться мертвою буквой. По словамъ Кривошапкина, эти поборы при наймѣ доходили до 3 р. 50 к. съ каждаго, причемъ расходъ этотъ, вмѣстѣ съ платою за паспортъ, ставили на счетъ рабо-

---

[1]) Арх. Горн. Деп. по описи № 91, дѣло № 3/39, вяз. 2-я, л. 99.

[2]) *И. К-въ*, „О настоящемъ порядкѣ работъ и рабочей платы на частныхъ золотыхъ промыслахъ Вост. Сибири“. „Москов. Вѣдом.“ 1854 г. №№ 65—67, отд. отт. стр. 28. Вотъ какъ, по словамъ Кривошапкина, нанимала рабочихъ одна компанія въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Въ предъидущую операцію она очень плохо кормила рабочихъ и обидѣла ихъ при разсчетѣ, сдѣлавъ разные вычеты. Слухъ о томъ прошелъ между рабочими, и потому на новую операцію охотниковъ не явилось. „Попробовали послать нанимателя. При одномъ имени компаніи рабочіе машутъ только руками, да покачиваютъ головой... И вотъ отыскивается ловкій плутъ, пройдоха изъ поселенцевъ, получаетъ 10 цѣлковыхъ, отправляется съ ними въ кабакъ, гдѣ и показываетъ видъ богача, кутящаго отъ благодѣяній компаніи. Затѣмъ набираетъ вина и отправляется къ кому-нибудь въ домъ; угощаетъ, поитъ съ прибавленіемъ, можетъ быть, и снецій вродѣ бѣлены или дурмана, опаиваетъ и ведетъ къ нанимателю, а тамъ сидитъ уже волостной писарь съ готовымъ договоромъ, куда и вписываютъ имя приведеннаго. Тутъ же выдаютъ задатокъ, и... поселенецъ, поздравляя съ полученіемъ, проситъ отпотчивать за прежнюю его любезность; приходятъ они опять въ кабакъ, и пошла потѣха, такъ что когда мужикъ опомнится и отрезвится, денегъ прокучено довольно, взять для возврата негдѣ, договоръ подписанъ и явленъ... Словомъ, это ведется какъ при наемкѣ рекрутовъ“. *Кривошапкинъ*. „Енисейскій округъ и его жизнь“, 1865 г., стр. 169—170. Авторъ собиралъ свѣдѣнія для главы о пріисковыхъ рабочихъ въ 1859 г.

чаго, но въ южной системѣ Енисейскаго округа нѣкоторыя компаніи принимали на свой счетъ, что и выговаривалось въ контрактахъ съ ними.

По закону 1840 г. золотопромышленники должны были, „независимо отъ наемной платы", вносить за каждаго ссыльно-поселенца, нанимаего ими для работъ на пріискахъ, по 1 р. 50 к. съ человѣка въ пользу экономическаго капитала ссыльныхъ. 15 мая 1853 г. высочайше утвержденнымъ положеніемъ сибирскаго комитета, сверхъ полуторарублеваго сбора, съ золотопромышленниковъ за каждаго ссыльнаго, дѣйствительно, явившагося на пріискѣ, постановлено было еще взыскивать, также „независимо отъ наемной платы", для устройства осѣдлости ссыльно-поселенцевъ, по 1 р. сер. Сборъ этотъ золотопромышленники обязаны были вносить прямо въ подлежащее окружное казначейство вслѣдъ за окончаніемъ лѣтнихъ работъ, распредѣленіе же его предоставлялось усмотрѣнію главнаго мѣстнаго начальства. Вновь установленный съ золотопромышленниковъ сборъ по 1 р. сер. они отнюдь не должны были вычитать у ссыльно-поселенцевъ изъ задаточныхъ денегъ [1]). Въ 1857 г. енисейская экспедиція о ссыльныхъ дала знать горнымъ исправникамъ, что со всѣхъ находящихся на промыслахъ ссыльныхъ женщинъ также слѣдуетъ взыскивать въ экономическій капиталъ по 1 р. 50 к. [2]). Въ слѣдующемъ году высочайше утвержденнымъ положеніемъ сибирскаго комитета была введена, въ видѣ опыта на три года, отдача на золотые пріиски въ Сибири ссыльно-поселенцевъ, неисправныхъ въ платежѣ податей и экономическаго капитала. Отдавались они туда по распоряженію земскихъ исправниковъ, съ которыми довѣренные золотопромышленниковъ, желающихъ нанять такихъ ссыльно-поселенцевъ, заключали условія найма съ тѣмъ, чтобы плата имъ соотвѣтствовала назначаемой вольнымъ работникамъ той же мѣстности [3]).

При взысканіи съ нанимающихся рабочихъ податей волостное начальство дѣлало на нихъ громадные начеты. Въ 1851 г. шефъ жандармовъ гр. Орловъ довелъ до свѣдѣнія министра финансовъ гр. Вронченко, что на „всякомъ почти частномъ пріискѣ Западной Сибири каждый годъ поступаютъ отъ рабочихъ къ горному исправнику Томской губерніи... претензіи относительно взысканія съ нихъ волостными правленіями вдвойнѣ и втройнѣ податей и съ каждымъ годомъ претензіи эти увеличиваются, такъ что не видно ни конца имъ, ни мѣры въ удовлетворенію". Гр. Орловъ предлагалъ ввести въ волостныхъ правленіяхъ шнуро-

---

[1]) П. С. З., т. XXVIII, № 27.248.

[2]) Арх. Гавр. пріиска Кытмановыхъ, № 122/582, л. 49.

[3]) П. С. З., т. XXXIII, № 33.027. Срав. Арх. Мин. Гос. Им. дѣло I Деп. 1856 г. № 315/2997 или дѣло Спб. Комит. въ Арх. Ком. Мин. 1858 г. № 71.

выя книги съ тѣмъ, чтобы прикащики золотопромышленниковъ сами отмѣчали бы въ нихъ количество денегъ, внесенныхъ за каждаго рабочаго; однако, огромные начеты на рабочихъ продолжались, продолжаются и до сихъ поръ [1]). „Удивляться нужно, — говоритъ Кривошапкинъ,— какія плутовства и притѣсненія дѣлаютъ при перемѣнѣ посылаемыхъ старыхъ паспортовъ или видовъ, съ приложеніемъ, по примѣру прежняго года, денегъ, да и большею частью съ прибавочкой для ублаготворенія какого-нибудь писаря". Къ ожидаемому сроку паспортъ не приходитъ, приходится послать въ подарокъ еще рубля три, потомъ новый подарокъ, и лишь тогда получаютъ ожидаемый документъ. „А въ это время бѣдный поселенецъ можетъ за безписьменность и плети получить, а крестьянинъ вдоволь въ острогѣ насидѣться. Горько смотрѣть на этихъ несчастныхъ, какъ они на колѣняхъ и со слезами на глазахъ представляютъ полицейскому... почтовыя росписки въ отсылкѣ и документовъ, и денегъ, и удостовѣреніе лицъ, у которыхъ постоянно служили, въ ихъ званіи... Вздумай только пріисковая полиція схватить всѣхъ такихъ чающихъ документовъ... а пріисковые врачи пусть откажутся только удостовѣрять въ болѣзненности такихъ лицъ, то и работы на пріискахъ, пожалуй, нужно будетъ остановить" [2]).

По закону 1838 г. выдача впередъ денегъ при наймѣ рабочихъ не должна была превышать всей платы по договору, задатки же, выдаваемые ссыльно-поселенцамъ, должны быть не болѣе 25 р. асс., со включеніемъ въ это число годового оклада податей, но, въ дѣйствительности, задатки всегда превышали эту сумму и, по свидѣтельству генерала Анненкова (1851 г.), обыкновенно равнялись 20—30 р. сер. Изъ разсчетныхъ книгъ и контрактовъ съ рабочими пятидесятыхъ годовъ мы видимъ, что наиболѣе обычнымъ задаткомъ (считая въ томъ числѣ и такъ называемую ссуду) для южно-енисейской системы можно принять 30 р. сер., а для сѣверной части Енисейскаго округа—35—40 р. сер. Сравнительно съ сороковыми годами размѣръ задатковъ значительно увеличился. Кривошапкинъ, собиравшій свѣдѣнія относительно Енисейскаго округа въ 1859 г., говоритъ, что задатки выдаются не менѣе 40 р. и иногда восходятъ даже до 50—70 р. Особенною тароватостью въ этомъ отношеніи отличалась компанія Бенардаки, содержателя виннаго откупа, такъ какъ при искусныхъ, опытныхъ нанимателяхъ задатки могли очень скоро возвратиться чрезъ кабаки съ двойными барышами. Нужно замѣтить, что въ счетъ задатка рабочимъ выдавали одежду и обувь по возвышеннымъ

---

[1]) Арх. Гор. Деп. по описи № 90, дѣло № 321, 6|10, л. 1—2.

[2]) Статья Кривошапкина въ жур. „Промышленность" 1861 г., т. II, кн. 2 и 3, вошедшая въ сокращенномъ видѣ въ его книгу.

цѣнамъ и нерѣдко плохого качества [1]). Впрочемъ, нѣкоторые рабочіе нанимались совсѣмъ безъ задатка [2]).

Мѣстные наблюдатели съ различныхъ точекъ зрѣнія относились къ увеличенію размѣровъ задатка: одни считали это явленіе весьма вреднымъ для рабочихъ, такъ какъ видѣли въ немъ закабаливаніе ихъ золотопромышленникамъ, другіе, напротивъ, полагали, что деньги, получаемыя въ задатокъ, тратились производительнѣе, чѣмъ „додача", выдаваемая по окончаніи работъ. Перваго мнѣнія держится авторъ одной изъ самыхъ раннихъ статей въ печати въ защиту интересовъ пріисковыхъ рабочихъ [3]). „Наниматели,—говоритъ онъ,—зная беззаботный, разгульный характеръ и слабую сторону сибирскаго мужичка, стараются другъ передъ другомъ дать работнику побольше задатку. Они знаютъ по опыту, что едва сотый изъ нихъ устоитъ противъ такого могучаго соблазна; остальные же 99 человѣкъ, сдѣлавъ самыя необходимыя покупки на дальнюю дорогу и оставивъ немного денегъ семейству на прокормленіе, всѣ остальныя деньги вручаютъ на сохраненіо всепоглощающему сундуку услужливаго цѣловальника. Такимъ-то образомъ, гг. наниматели дѣлаютъ наемника своимъ должникомъ и, пріобрѣтая право безусловно завладѣть его личностью на все время пріисковой работы, заставляютъ его работать до совершеннаго истощенія силъ". Напротивъ, енисейскій жандармскій штабъ-офицеръ Боркъ въ отчетѣ о частной золотопромышленности въ Енисейской губерніи въ 1859 г. признаетъ, что при разсчетѣ осенью этого года большая часть рабочихъ Енисейскаго округа „вышла безъ денегъ и даже съ долгами", и что это происходитъ отъ выдачи большихъ задатковъ при наймѣ, но „обстоятельство это", по его мнѣнію, „едва ли можно назвать зломъ", такъ какъ деньги, получаемыя на мѣстахъ найма, „идутъ на уплату разныхъ повинностей и устройство домашняго хозяйства; тѣ же, которыя получаются при разсчетѣ на промыслахъ, большею частью пропиваются дорогой". Мы, съ своей стороны, добавимъ, что выдача значительныхъ задатковъ служила для рабочихъ нѣкоторою гарантіей отъ досрочнаго разсчета и еще болѣе отъ пониженія платы; нанятые же съ малыми задатками или совсѣмъ безъ нихъ находились въ гораздо большей зависимости отъ каприза золотопромышленника или его управляющаго.

При наймѣ служащихъ и рабочихъ заключались контракты, которые свидѣтельствовались въ городахъ въ окружныхъ судахъ, полицейскихъ частныхъ городовыхъ управахъ и у публичныхъ маклеровъ, въ деревняхъ

---

[1]) Статья Кривошапкина, Ibid.

[2]) О ходатайствахъ золотопромышленниковъ о дозволеніи выдавать ссыльно-поселенцамъ задатки болѣе 7 р. 50 к. см. *Дополненіе VI* (въ концѣ тома).

[3]) „Иркутскія Губернскія Вѣдомости" 1859 г., №№ 12 и 14.

въ волостныхъ правленіяхъ или инородческихъ управахъ и на пріискахъ горными исправниками. По содержанію можно различить нѣсколько типовъ договоровъ: контракты со служащими, съ разными мастеровыми, контракты при наймѣ въ поисковую партію, на вскрышу турфовъ (незолотоносной породы) и, наконецъ, общій контрактъ на всѣ пріисковыя работы. При свидѣтельствованіи контрактовъ, административныя власти Западной Сибири и Енисейской губерніи рѣдко касались ихъ содержанія [1]); напротивъ, въ Олекминскомъ округѣ Якутской области въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ горный исправникъ требовалъ, чтобы ему представлялись условія о старательскихъ и другихъ работахъ [2]), и были случаи, когда, имѣя въ виду интересы рабочихъ, онъ не утверждалъ договора. Такъ, наприм., лѣтомъ 1858 года олекминскій горный исправникъ Измайловъ не утвердилъ постановленія ленскаго золотопромышленнаго товарищества Баснина и Катышевцева о старательскихъ работахъ, на которое, впрочемъ, и рабочіе не изъявили согласія, и предложилъ оставить въ силѣ прошлогоднее постановленіе относительно этихъ работъ, такъ какъ измѣненіе его „есть только поводъ къ неудовольствію со стороны рабочихъ людей на управленіе", слѣдствіемъ чего является „нерадѣніе рабочихъ къ работѣ и даже ихъ побѣги". Однако, какъ мы увидимъ ниже, рабочіе одного изъ пріисковъ этой компаніи согласились подписать договоръ, а на другомъ, хотя и не подписали его, но стали работать на условіяхъ, предложенныхъ пріисковымъ правленіемъ [3]).

Въ общихъ контрактахъ съ рабочими или назначался опредѣленный срокъ явки на пріиски (первыя или послѣднія числа февраля, первое марта, начало апрѣля, первое мая, а при зимнихъ работахъ сентябрь или октябрь), или рабочихъ обязывали отправиться въ путь по первому требованію пріисковаго управленія. Неопредѣленный срокъ вызова на промысла былъ, конечно, крайне неудобенъ для рабочихъ, такъ какъ, связанные договоромъ, они не могли до отправки на пріиски наняться на другую работу. Для промывки золотосодержащихъ песковъ необходима вода, и потому въ годы съ раннею весной промывка начиналась съ 1 мая, а при поздней веснѣ съ 1 іюня, приготовительныя же работы—постройка

---

[1]) Впрочемъ енисейскій золотопромышленникъ М. Безобразовъ въ запискѣ, отправленной въ 1862 г. къ генералъ-губернатору Вост. Сибири жалуется, что волостные суды не утверждаютъ иногда контрактовъ подъ предлогомъ „неясныхъ выраженій, клонящихся къ угнетенію рабочихъ" до полученія „очень тягостныхъ приложеній и поясненій". Арх. Г. Деп. № 68/650, ч. II, л. 548—554.

[2]) Онъ ссылался при этомъ на Высоч. утв. положеніе сибирскаго комитета 17 апр. 1853 г. о производствѣ старательскихъ работъ (П. С. З. XXVIII, № 27.169), хотя о представленіи договоровъ съ рабочими на утвержденіе исправниковъ въ немъ ничего не было сказано.

[3]) Арх. Олекм. Горн. Исправн., дѣло № 284, л. 1, 5 и 12.

машинъ, рубка лѣса и дровъ и снятіе турфа—чаще всего начинались въ мартѣ и апрѣлѣ, иногда же производились и зимой, для чего оставляли на зиму на промыслахъ часть рабочихъ [1]).

Наиболѣе обычный срокъ окончанія работъ, установленный закономъ 1838 г. для всѣхъ промысловъ, гдѣ не было теплыхъ промываленъ, былъ 10 сентября, но на промысла Томской губерніи и южной части Енисейскаго округа нанимали иной разъ и до 1 октября. Въ дѣйствительности же, общій разсчетъ производился, какъ видно изъ разсчетныхъ книгъ, въ южной-енисейской системѣ обыкновенно къ 10 сентября, а въ сѣверно-енисейской системѣ съ конца августа по 10 сентября. Въ сѣверной части Енисейскаго округа разсчетъ начинался ранѣе, вслѣдствіе болѣе суроваго климата этой мѣстности и большей отдаленности отъ жилищъ рабочихъ.

Золотопромышленники не разъ ходатайствовали, чтобы имъ дозволено было продолжать пріисковыя работы (безъ устройства теплыхъ промываленъ) и послѣ 10 сентября, но ихъ домогательства, въ виду климатическихъ условій Сибири, всякій разъ встрѣчали отпоръ со стороны высшей мѣстной администраціи. Съ появленіемъ мѣстнаго органа печати въ Иркутскѣ—„Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, золотопромышленники попытались подѣйствовать на общественное мнѣніе и силою печатнаго слова. Въ 1858 г. въ этой газетѣ появилась статья И. Селиванова, въ которой авторъ доказываетъ необходимость продлить срокъ пріисковыхъ работъ [2]). Въ слѣдующемъ году статья эта вызвала чрезвычайно обстоятельное возраженіе въ той же газетѣ за подписью „Оппонентъ“, которая представляетъ едва-ли не первую горячую защиту въ печати интересовъ пріисковыхъ рабочихъ. Авторы статей о золотопромышленности, ранѣе напечатанныхъ въ разныхъ журналахъ и газетахъ, или очень мало говорили о положеніи рабочихъ, или разсматривали этотъ вопросъ преимущественно съ точки зрѣнія выгодъ золотопромышленниковъ; напротивъ, лицо, скрывшее свое имя подъ указаннымъ псевдонимомъ, съ большимъ вниманіемъ отнеслось къ нуждамъ рабочихъ. Авторъ статьи указываетъ на то, что если въ контрактахъ не обозначаютъ время, когда рабочіе должны явиться на пріиски, то въ этомъ виноваты сами наниматели, которые „для своихъ собственныхъ выгодъ умышленно нарушаютъ постановленія закона“, обязывающія работника непремѣнно явиться „въ означенное время и мѣсто“ къ нанимателю и, слѣдовательно

---

[1]) Ст. *И. К—ва* въ „Москов. Вѣдом.“ 1854 г. №№ 65—67. На промыслахъ Енисейской губ. на зиму 1850—1851 гг. оставалось 14,7% всѣхъ рабочихъ, бывшихъ на этихъ промыслахъ, зимой 1851—1852 гг.—17%, въ 1852—1853 гг.—почти 20%, въ 1853—1854 гг.—21%.

[2]) „Иркут. Губ. Вѣдом.“ 1858 г., част. неофф., № 45.

требующія точнаго обозначенія срока явки. Если рабочіе не успѣваютъ отработать долга, то въ этомъ опять виновны наниматели, такъ какъ по закону „деньги, впередъ выдаваемыя наемнику, никогда не должны превышать всей платы по договору", между тѣмъ какъ наниматели выдаютъ большіе задатки. „Съ перваго взгляда казалось бы, что рабочій народъ пользуется огромными поощреніями и милостями со стороны хозяевъ; но... это милость злой мачихи къ своему пасынку-ребенку, которая даетъ ему ножъ въ руки, чтобъ его потѣшить". Авторъ видитъ въ большихъ задаткахъ „существенную причину неотработыванія долга". Не говоря уже о „страшныхъ послѣдствіяхъ въ нравственномъ отношеніи, кому не извѣстно, что этихъ бѣдныхъ должниковъ не разъ увозятъ силою на пріиски съ мѣста ихъ жительства (говоря правильнѣе, изъ кабака) пьяныхъ, избитыхъ, оборванныхъ? Кому не извѣстно, сколько ихъ уходитъ ежегодно изъ пріисковъ, не видя въ настоящемъ и не находя въ будущемъ другого исхода своему бѣдственному положенію?" Возражая противъ мнѣнія Селиванова, что погода съ 10 сентября до 1 октября бываетъ лучше, чѣмъ весною, авторъ говоритъ: „Собственно пріисковыя работы (не считая приготовительныхъ) начинаются съ того времени, какъ откроется вода, т.-е. никакъ не раньше 1 мая. Въ это время испаренія уже проникаютъ до поверхности земли, которая хотя и покрыта легкимъ слоемъ снѣга, но уже значительно размягчена. Съ половины же сентября она крѣпнетъ до такой степени, что ее трудно взять заступомъ; самое же главное, что замерзшіе комки земли не размываются и уносятъ въ себѣ золото. Кажется, что это не маловажная причина для прекращенія промывки". Очень важна также разница въ теплотѣ воздуха, а также и въ ясности погоды между весною и осенью, такъ какъ рабочій обыкновенно плохо одѣтъ и обутъ и, притомъ, уже изнуренъ четырехмѣсячнымъ непрерывнымъ трудомъ.

Золотопромышленники выговаривали въ договорахъ право переводить рабочихъ съ одной работы на другую, а также отправлять ихъ на другой пріискъ; напротивъ, рабочіе не только не могли совсѣмъ оставить пріискъ до истеченія срока найма, но даже и временно не могли отлучиться съ него безъ разрѣшенія подъ опасеніемъ взысканія, какъ за побѣгъ. Относительно разсчета нанятыхъ рабочихъ прежде срока мы встрѣчаемъ въ извѣстныхъ намъ контрактахъ 50-хъ годовъ двоякаго рода постановленія: въ однихъ упоминается о такомъ разсчетѣ только въ случаѣ прекращенія работъ на пріискѣ, причемъ задолжавшіе рабочіе обязываются уплатить или отработать свои долги; въ другихъ же контрактахъ пріисковому управленію предоставляется право во всякое время по своему усмотрѣнію разсчитать рабочаго. Въ позднѣйшихъ контрактахъ золотопромышленники обыкновенно предоставляютъ себѣ право передавать рабочихъ на пріиски другихъ владѣльцевъ; но изъ всѣхъ извѣстныхъ

намъ договоровъ 50-хъ годовъ мы только въ трехъ встрѣтили подобное правило, да и то въ договорѣ Асташева 1856 г. такая передача обусловлена согласіемъ рабочихъ, а въ договорѣ съ нимъ же 1858 г. этого условія нѣтъ, но сдѣлана оговорка, что передача другому золотопромышленнику возможна лишь съ соблюденіемъ постановленій того контракта, на основаніи котораго они нанялись; наконецъ, въ договорѣ съ К° Рязанова, Горохова и Мошарова (сѣверной части Енисейскаго округа) 1859 г. сказано: „Если бы почему-либо работы на Гавриловскомъ и Никольскомъ промыслахъ прекратились *раньше срочнаго времени*, то управленіе можетъ насъ *продать* (sic!) на другой пріискъ, въ чемъ мы не должны имѣть никакой претензіи, и кто останется должнымъ, тотъ обязанъ долгъ уплатить". Пріисковые рабочіе въ заключаемыхъ ими контрактахъ обыкновенно ручались другъ за друга въ исполненіи принятыхъ ими на себя обязанностей, въ исправной явкѣ къ назначенному сроку и обязывались принять на себя убытки, причиненные неисполненіемъ контракта; по нѣкоторымъ договорамъ они должны были отвѣчать даже за долги товарищей, бѣжавшихъ или разсчитанныхъ вслѣдствіе дурного поведенія, и, притомъ, отвѣчать всею своею собственностью, находящеюся какъ на пріискахъ, такъ и въ деревняхъ. Неявившіеся по болѣзни обязывались прислать вмѣсто себя другихъ, а за неявку безъ особо важныхъ причинъ полагался въ нѣкоторыхъ договорахъ штрафъ, напримѣръ, по 1 рублю въ день, а по другимъ—рабочій обязывался отработать пропущенное время послѣ 10 сентября.

Въ Восточной Сибири не явилось на пріиски въ 1850 г. всего 2,6% нанявшихся; въ слѣдующемъ году нѣсколько болѣе—4,1% [1]). На промысла Енисейской губ. не явилось въ 1852 г. 5,1% нанявшихся, въ 1853 г.—4,3%, въ 1854 г.—3,6% [2]). Эти цифры показываютъ, что количество неявившихся было не велико; сравнительно съ сороковыми годами уклоненіе отъ явки на пріиски значительно уменьшилось.

Движеніе рабочихъ на пріиски, по словамъ одного мѣстнаго писателя, „представляло нѣчто оригинальное. Довольно удачное сравненіе, данное этому движенію, до сихъ поръ сохранилось въ народной памяти. Препровожденіе на пріиски рабочихъ обыкновенно сравнивалось у отправлявшихъ ихъ прикащиковъ и довѣренныхъ съ провозомъ стеклянной посуды. Какъ съ послѣдней необходимо осторожное обращеніе, чтобъ она не разбилась, такъ точно съ промысловыми рабочими нужно знать сноровку, посредствомъ которой благополучно можно было бы прибыть на извѣстный пріискъ. Тогда полагались особыя отъ хозяевъ награды

[1]) Арх. Горн. Департ. по описи № 91, дѣло № 3/39, вяз. 2, л. 239.

[2]) Отчеты енис. губернатора въ дѣлахъ сибирскаго Комитета въ Арх. Комит. Министровъ.

тѣмъ счастливцамъ, которымъ безъ особенныхъ казусовъ, побѣговъ и проч. удавалось доставить на пріиски большія партіи. Буйства рабочихъ партій были обыкновенными явленіями, пьянство составляло насущную потребность ихъ. Нуженъ былъ безпрерывный надзоръ для предупрежденія побѣговъ" или пропиванія одежды и обуви [1]). Нерѣдко случалось по нѣсколько разъ одѣвать рабочаго,—конечно, на его счетъ,—пока онъ дойдетъ до пріиска [2]). Такъ какъ золотопромышленники отпускали рабочимъ одежду по дорогой цѣнѣ, то ихъ пьянство могло бы приносить даже выгоду хозяевамъ, еслибъ ихъ не сдерживало опасеніе, что рабочій, слишкомъ много задолжавшій до начала работы, можетъ бѣжать съ пріиска, не заработавъ своего долга.

Дороги, по которымъ рабочимъ приходилось идти на пріиски и обратно, были по большей части въ крайне печальномъ состояніи. Енисейскій губернаторъ въ 1853 году, какъ свидѣтельствуетъ одинъ мѣстный писатель, разрѣшилъ золотопромышленикамъ проводить на промыслахъ дороги какъ кому вздумается. „На основаніи этого разрѣшенія всюду повалились вѣковыя деревья въ казенныхъ лѣсахъ, и появилась цѣлая сѣть варварски-мучительныхъ дорогъ". Напримѣръ, въ сѣверной части Енисейскаго округа было въ концѣ 50-хъ годовъ пять пріисковыхъ дорогъ, одна отъ другой въ самомъ близкомъ разстояніи. „Каждая изъ этихъ дорогъ стоитъ столько денегъ, что на общую сумму давнымъ-давно можно бы провести не только широкое шоссе, но даже желѣзноконную дорогу и выстроить по всему протяженію обширныя и удобныя казармы". Одинъ золотопромышленникъ, А. Н. Л. (Лопатинъ?), у котораго также была своя дорога, предлагалъ провести одну прямую и удобную дорогу и готовъ былъ принять на себя всѣ издержки на ея проведеніе съ условіемъ только, чтобы всѣ проходящіе по ней транспорты вносили умѣренную плату за пользованіе дорогою и чтобы на ея поддержаніе золотопромышленники отдѣляли по нѣсколько человѣкъ. Проектъ этотъ былъ единогласно принятъ, но, однако, осуществленъ не былъ. Это упорное отстаиваніе *своихъ дорогъ* авторъ объясняетъ своекорыстными разсчетами пріисковыхъ уполномоченныхъ или главныхъ управляющихъ, а, между тѣмъ, благодаря всѣмъ этимъ изворотамъ, рабочіе принуждены были пробираться на пріиски и обратно по самымъ ужаснымъ дорогамъ, которыя весною и осенью бывали страшно грязны, лѣтомъ на нихъ ломались повозки и таратайки, а зимой онѣ были такъ узки, что не было возможности разъѣхаться, и покрыты были такимъ глубокимъ снѣгомъ, что транспорты изъ Енисейска на промысла шли по нѣсколько недѣль. Зимовья далеко отстояли другъ отъ друга и были такъ тѣсны

---

[1]) „Сибирь" 1882 г. № 2, стр. 7.

[2]) „Иркут. Губ. Вѣд." 1858 г. № 26.

и неудобны, что плохо защищали отъ холода худо одѣтаго рабочаго [1]). Оффиціальные отчеты енисейскаго губернатора не даютъ правильнаго понятія о состояніи путей сообщенія и представляютъ ихъ вообще въ довольно розовомъ свѣтѣ, но и въ нихъ прорываются иногда указанія на неудовлетворительность той или другой дороги. Такъ, напримѣръ, по отчету 1855 г. дороги съ Бирюсинскихъ промысловъ Канскаго округа были въ „неудовлетворительномъ состояніи“ и требовали улучшенія; по отчету 1858 г. сообщеніе съ золотыми промыслами сѣверной системы Енисейскаго округа, Минусинскаго и Канскаго округовъ „не вполнѣ удовлетворительно“, и улучшеніе сообщеній съ пріисками двухъ послѣднихъ округовъ казалось губернатору невозможнымъ „сколько по мѣстнымъ препятствіямъ, столько же и по весьма ограниченному числу золотопромышленниковъ“, на счетъ которыхъ поддерживались дороги [2]). Для исправленія дорогъ лѣтомъ и протаптыванія ихъ зимою назначалось золотопромышленниками извѣстное количество пріисковыхъ рабочихъ. Такъ какъ изъ-за пользованія пріисковыми дорогами выходили споры между различными компаніями, то въ октябрѣ 1857 г. исправляющій должность енисейскаго губернатора предписалъ, чтобы тою или другою пріисковою дорогой пользовались лишь тѣ компаніи, которыя ее устраивали и поддерживали, а другіе золотопромышленники не иначе, какъ съ согласія владѣльцевъ.

Сравнительно съ сороковыми годами, золотыя розсыпи самыхъ богатыхъ сибирскихъ системъ, Бирюсинской и Енисейскаго округа, значительно обѣднѣли, однако выгоды золотопромышленниковъ не уменьшились въ такой же степени вслѣдствіе усовершенствованія способовъ производства работъ, а именно: 1) употребленія лучшихъ снарядовъ для промывки песковъ, 2) употребленія воды и лошадей для приведенія въ движеніе золотопромышленныхъ машинъ и 3) подвозки песку къ машинамъ не людьми, а на лошадяхъ, по дорогамъ, выстланнымъ досками или иногда даже желѣзными рельсами.

Вскрыша турфа производилась открытыми разрѣзами. „Разрѣзы,— говоритъ Скарятинъ въ своихъ „Замѣткахъ золотопромышленника“ [3]),— это широкій ровъ, въ которомъ производятся работы. Ровъ вырывается до почвы. Сначала снимаютъ верхній пустой слой земли (турфъ) во всю ширину золотоносной розсыпи, потомъ берутъ золотоносный пластъ, начиная съ одного конца, и гонятъ разрѣзъ впередъ, обыкновенно вверхъ по теченію рѣчки, пробѣгающей по площади... Бока разрѣза называются *бортами*, а отдѣленія пласта, отмѣриваемыя на артель рабочихъ, *забоями*,

[1]) „Иркут. Губ. Вѣдом.“ 1859 г. № 17.

[2]) Арх. Комит. Министровъ, дѣла Сибирскаго Комитета.

[3]) Ч. II, стр. 136—137.

отчего и люди получили названіе *забойщиковъ*... Разрѣзовъ бываетъ иногда нѣсколько на одномъ и томъ же пріискѣ и каждый называется станомъ; отсюда названіе становой, т.-е. прикащикъ, завѣдующій станомъ". Если турфъ и золотоносный пластъ очень толсты, то разрѣзъ ведется въ нѣсколько ярусовъ уступами, чтобы бока его не обваливались. Уступы бывали въ толщину до $1^1/_2$ аршина при ширинѣ отъ $1^1/_2$ до 7 аршинъ. При такомъ веденіи работы предупреждались обвалы верхнихъ слоевъ турфа на вырабатываемую площадь и при мерзлотѣ турфа скорѣе могла быть произведена его протайка. Толщина турфа на пріискахъ южно-енисейскаго округа бывала отъ $^1/_4$ арш. до 12 арш.; наиболѣе обыкновенная толщина турфа, по словамъ Скарятина, равнялась 2—5 арш. Чиновникъ Разгильдѣевъ, осматривавшій пріиски южной части Енисейскаго округа въ 1853 году, свидѣтельствуетъ, что отвозка турфа въ это время производилась уже преимущественно на лошадяхъ, а на пріискѣ Игн. Рязанова по р. Талой съ этою цѣлью была устроена желѣзная дорога. Толщина лежащаго подъ турфомъ золотоноснаго пласта бывала также весьма различна. Само собою разумѣется, что чѣмъ толще пластъ и чѣмъ тоньше турфъ, тѣмъ пріискъ лучше. „На знаменитомъ Гавриловскомъ пріискѣ К° Рязановыхъ, Горохова и Мошарова по р. Огне (сѣверной части Енисейскаго округа) толщина пласта доходила до 32 арш. и въ бытность мою въ Сибири,—говоритъ Скарятинъ [1]),—еще не было извѣстно, насколько онъ углубится еще. Поэтому пріискъ этотъ считается неисчерпаемымъ богатствомъ, несмотря на то, что по содержанію золота онъ уступаетъ многимъ прежнимъ пріискамъ... Въ Гавриловскомъ пріискѣ содержаніе золота не превышаетъ $1^1/_2$ золот. отъ 100 пуд. песку; но К° Рязановыхъ, ставя 1,000 рабочихъ и намывая ежегодно болѣе 100 пуд. золота, уходитъ по длинѣ площади очень немного, благодаря именно этой необыкновенной толщинѣ пласта; а длина пріиска около 5 верстъ". Пріискъ этотъ до сихъ поръ разрабатывается (нынѣ онъ принадлежитъ г. Кытманову), и, посѣтивъ его въ 1891 г., мы видѣли образовавшіеся въ прежнихъ разрѣзахъ пруды такой глубины, что въ нихъ иной разъ тонутъ люди.

Добыча песковъ производилась или открытыми разрѣзами, или ортовыми (подземными) работами. Послѣднія, выгодныя лишь тамъ, гдѣ слой турфа очень толстъ, производились, по свидѣтельству Разгильдѣева, преимущественно зимою и, притомъ, въ южной части Енисейскаго округа только по р. Мурожной на промыслахъ Асташева. Щеголева и Мошарова. „При этой работѣ предварительно углубляется въ розсыпи, уже прежде этого обслѣдованной шурфовкою, до самой постели (золотоноснаго) пласта шахта длиною въ 7 арш. и шириною въ 6 арш.; ее обыкновенно

[1]) Ч. II, 73—74.

раздѣляютъ" на три части: „два крайніе отдѣла оставляются для подъема песковъ, средній же служитъ для выхода рабочихъ"; шахта крѣпится срубомъ. „Углубивъ, такимъ образомъ шахту до постели, приступаютъ къ проводу съ почвы ея во всѣ стороны четырехъ крестообразныхъ ортовъ, вышиною отъ $2^1/_2$ до 3 арш., шириною въ 3 арш.", которые крѣпятся „стойками и перекладами". „Пройдя ортомъ отъ шахты не менѣе 5 саж. подъ прямымъ угломъ", отъ каждаго орта „пробиваютъ въ пескѣ штреки (поперечные ходы)", отъ соединенія которыхъ съ первыми образуются квадраты, вынимаемые постепенно, начиная съ удаленныхъ отъ шахтъ. Подъемъ песковъ изъ шахтъ производится коннымъ воротомъ въ бадьяхъ вѣсомъ до 30 пуд. каждая. „Иногда закладываютъ орта изъ самыхъ разрѣзовъ", тогда „пески изъ нихъ выкатываются въ тачкахъ". При худомъ крѣпленіи ортъ рабочіе подвергались сильной опасности, такъ какъ обрушившаяся земля могла задавить ихъ.

Откатка турфа и песка производилась или въ ручныхъ тачкахъ, вмѣщающихъ отъ $2^1/_2$ до 3 пудовъ, или на лошадяхъ въ таратайкахъ (вмѣстимостью отъ 15 до 35 пудовъ, въ среднемъ 25 пуд.), или въ вагонахъ (при подвозкѣ по желѣзной дорогѣ, какъ на пріискахъ Боровкова и Асташева по р. Мурожной и Рязанова по р. Удерею въ южной части Енисейскаго округа) вмѣстимостью отъ 60 до 90 пудовъ.

Промывка песковъ первоначально производилась на вашгердахъ и бутарахъ [1]) или деревянныхъ наклонныхъ столахъ, по которымъ стекала вода, уносившая песокъ, оставляя на доскахъ крупинки золота. Этотъ способъ еще оставался въ началѣ 50-хъ годовъ, по словамъ Гагемейстера, единственнымъ на многихъ промыслахъ; на другихъ сверхъ бутаръ употреблялись разные снаряды, вращаемые людьми, лошадьми или водою. Снаряды эти — чаша, бочка и борона [2]). Изъ составныхъ

---

[1]) Вашгердъ дѣлается для ручной промывки изъ деревянныхъ досокъ и бываетъ длиною отъ $2^1/_2$ до 5 аршинъ, шириною отъ 1 до 2 аршинъ. Бутара или полустанокъ — тотъ же вашгердъ, но съ желѣзною рѣшеткой или съ просверленнымъ дырами изъ кубоваго желѣза листомъ, который укладывается надъ верхнюю частью вашгерда; на этой рѣшеткѣ или листѣ пески протираются ручными желѣзными гребками (*Латкинъ:* „Очеркъ золотопромышленности Енисейскаго округа", стр. 143).

[2]) Увеличеніе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ количества машинъ, приводимыхъ въ движеніе лошадьми или водою, видно изъ слѣдующихъ цифръ: въ 1843 г. на промыслахъ, подвѣдомственныхъ алтайскому горному управленію (т.-е. Томскаго, Минусинскаго, Ачинскаго и Красноярскаго округовъ), было изъ 288 различныхъ „промывальныхъ устройствъ" — вашгердовъ 133 (болѣе 46%), ручныхъ мутиленъ 117 (болѣе 40%), грохотовъ 6, бутаръ 2, чашъ 1, вододѣйствующихъ машинъ 11 (менѣе 4%), коннодѣйствующихъ 9 (болѣе 3%), мутильн. лодокъ — 9 („Горн. Журн." 1844 г. № 4, стр. 121—131). Въ 1852 г. на промыслахъ, подвѣдомственныхъ алтайскому горному управленію, количество вододѣйствующихъ и коннодѣйствующихъ снарядовъ значительно увеличилось, а именно, изъ 412 „промывальныхъ устройствъ" тамъ было: ваш-

частей первой золотопромывательной машины назовемъ самую чашу, желѣзныя лапы на шарнирахъ, которыя поднимаются и опускаются и при этомъ размельчаютъ песокъ (ихъ называютъ теперь „солдатами"), чанъ для воды, прикрѣпленныя къ чану кожаными рукавами желѣзныя трубочки съ отверстіями, откуда течетъ вода для обмывки песка въ чашѣ, западня въ чашѣ для выпуска гальки [1]) въ рогъ, откуда ее вываливаютъ, наконецъ, вашгердъ, раздѣленный поперекъ плинтусами или брусками. Машина дѣйствуетъ такимъ образомъ: пускаютъ воду въ чанъ и на колесо, отъ дѣйствія котораго приводится въ движеніе чаша и желѣзныя лапы, и въ то же время въ чашу вываливается песокъ; западня тогда бываетъ закрыта. „Вываленные пески,—говоритъ Разгильдѣевъ,—при помощи воды отъ тренія гальки и желѣзныхъ лапъ и пособія людей (которые въ это время деревянными лопатами способствуютъ скорѣйшей обмывкѣ гальки) минутъ въ 10 или 15 совершенно обмываются, т.-е. раздѣляются на крупную гальку и мелкій песокъ съ мутью; первая выпускается западней въ рогъ для отвозки въ отвалъ, второй же (въ которомъ заключается и золото) стекаетъ на наклонную плоскость или такъ называемую головку, гдѣ золото осѣдаетъ и удерживается плинтусами въ значительномъ количествѣ, остальная же часть его уносится на вашгердъ, гдѣ уже по тяжести снова осѣдаетъ... По окончаніи промывки выгрузка песковъ съ плоскости вашгерда бываетъ такъ: начинаютъ промучивать песокъ деревянными гребками, приподнимая его вверхъ по плоскостямъ, послѣ чего останавливаютъ воду и начинается выгрузка песковъ или сѣрыхъ шлиховъ, которыхъ каждый отдѣлъ промывается особенно на ручныхъ вашгердахъ, гдѣ и получается золото и черный шлихъ. По отмывкѣ полученное золото сушится на желѣзной сковородкѣ и всыпается смотрителемъ машины въ желѣзную банку за

гердовъ 247 (60%), ручныхъ бутаръ 51 (болѣе 12%), ручныхъ мутиленъ 32 (менѣе 8%), вододѣйствующихъ боронъ 5, вододѣйствующихъ чашечныхъ машинъ 38 и вододѣйствующихъ бочечныхъ машинъ 26, т.-е. всего машинъ, приводимыхъ въ движеніе водою, 69 (около 17%); конподѣйствующихъ чашечныхъ машинъ 10, конподѣйствующихъ бочечныхъ машинъ 2, итого машинъ, приводимыхъ въ движеніе лошадьми, 12 (3%), наконецъ, паровая бочечная машина 1 („Горн. Журн." 1853 г. № 2, стр. 297—312). Цифры эти нѣсколько разнятся отъ тѣхъ, которыя мы привели въ началѣ этой главы, на основаніи данныхъ Гагемейстера, но изъ нихъ также видно увеличеніе вододѣйствующихъ и конподѣйствующихъ снарядовъ. На промыслахъ Восточной Сибири въ 1851 г. изъ 354 „промывальныхъ устройствъ" было вашгердовъ 9, бутаръ 44, боронъ 46, чашъ 49 и бочекъ 206 („Горн. Журн." 1852 г. № 3, стр. 463—477); о прекращеніи „ручной протирки" песковъ на промыслахъ Удерейской системы (южной части Енисейскаго округа) см. „Горн. Журн." 1853 г. № 10, стр. 127.

[1]) Галька—обломки горныхъ породъ, небольшіе кругляки и бѣгуны изъ промытаго пласта, выбрасываемые при промывкѣ изъ золотопромывальной машины. *Латкинъ.* „Очеркъ", стр. 144.

печатью управляющаго и потомъ... въ присутствіи самого управляющаго, смотрителя машины и станового прикащика промысла" производится очищеніе золота магнитомъ отъ чернаго шлиха и мелкихъ камешковъ. Машина такого устройства протирала въ смѣну до 13,500 пудовъ мясниковатыхъ песковъ", а по словамъ другого наблюдателя (Таскина въ 1859 г.), въ сутки 20—25 т. пудовъ, въ часъ до 2 т. пудовъ. Въ случаѣ недостатка воды, машина дѣйствовала коннымъ воротомъ.

Бочка представляла усѣченный конусъ въ $4^1/_2$ арш. и болѣе длины; она дѣлалась изъ котельнаго желѣза, усѣяннаго отверстіями и вращающагося на горизонтальной оси; внутри бочки дѣлали желѣзные плинтусы и зубчатыя пластинки; съ одной стороны ея—отверстіе для засыпки песку, съ другой—для выбрасыванія гальки. Подъ бочкою помѣщается вашгердъ. Воду пускаютъ не на водяное колесо, а въ бочку; при помощи воды пески по жолобу спускаются въ бочку, а такъ какъ она отъ дѣйствія водяного колеса обращается около своей оси, то пески и отъ напора воды, и вслѣдствіе вращенія бочки трутся объ ея стѣнки, крупная галька постепенно отмывается и выбрасывается въ отверстіе на рѣшето, откуда по рогу сваливается на таратайку; золото же, находящееся въ мелкомъ пескѣ съ мутью, съ эфелями (мелкими камешками) и шлихами (желѣзо въ видѣ опилокъ, всегда сопутствующее золоту) сквозь дырочки бочки проходитъ на наклонную плоскость (или шлюзъ), идущую отъ бочки до земли, гдѣ золото задерживается плинтусами; окончательное отдѣленіе золота отъ оставшейся части песковъ производится уже ручнымъ способомъ на вашгердѣ, на которомъ одинъ рабочій съ гребкомъ и щеткою въ рукахъ окончательно промываетъ пески и такимъ образомъ получается золото [1]). На бочкѣ промывали въ смѣну, по словамъ Разгильдѣева, до 10 тыс. пудовъ малоглинистыхъ песковъ, а на двухбочечной машинѣ до 30 тыс. разрушистыхъ песковъ. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ на бочкахъ промывали отъ 20 до 40 тыс. разрушистыхъ песковъ [2]). Борона, по словамъ Гагемейстера, представляла круглую наклонную плоскость, пробитую скважинами, чрезъ которыя песокъ уносится на бутару. Вода такъ быстро стекаетъ съ этой плоскости, что истребляется въ огромномъ количествѣ. Борона считалась удобною для промывки вязкихъ и полувязкихъ песковъ [3]). На трехъ промыслахъ юж-

[1]) *Скарятинъ*, II, 90—92.

[2]) При промывкѣ на бочкѣ, по словамъ Скарятина, забойщиковъ вмѣстѣ съ возчиками песковъ, галечниками и прочею прислугой приходилось по три человѣка на кубическую сажень, а такъ какъ она заключаетъ въ себѣ около 1,200 пудовъ, то на каждаго рабочаго промывалось въ день до 400 пудовъ песку, между тѣмъ какъ при началѣ сибирской золотопромышленности рабочій мылъ „далеко менѣе 100 пуд. въ день". *Скарятинъ*. „Замѣтки золотопромышленника", II, стр. 136.

[3]) Въ сѣверной части Енисейскаго округа промывка песковъ производилась большею частью въ бочечныхъ машинахъ, въ южной части въ чашахъ и также въ бочкахъ.

ной части Енисейскаго округа Разгильдѣевъ нашелъ паровыя машины; въ томъ числѣ на Прокопьевскомъ пріискѣ Асташева одна промывальная машина приводила въ движеніе двѣ растирательныя чаши [1]).

Количество золота, добываемаго однимъ рабочимъ, и количество промываемыхъ имъ песковъ было весьма различно въ разныхъ сибирскихъ округахъ. На промыслахъ сѣверной части Енисейскаго округа въ 1851 году на каждаго рабочаго было добыто золота 2 ф. 16 золот. (въ 1846 г. даже 3 фунта); въ южной части Енисейскаго округа въ 1851 г. 1 ф. 45 золот., въ Томскомъ округѣ 46 золотниковъ, въ Киргизской степи 20 золотниковъ. Количество промытыхъ песковъ на одного рабочаго колебалось отъ 6,630 пуд. (въ Киргизской степи) до 14,666 пуд. (въ сѣверной части Енисейскаго округа), причемъ въ Енисейскомъ округѣ количество промываемыхъ песковъ по разсчету на одного рабочаго въ теченіе пяти лѣтъ (съ 1846 года) увеличилось вдвое, что̀ объясняется усовершенствованіемъ техники и увеличеніемъ продолжительности рабочаго дня. „Считая золотникъ лигатурнаго золота въ 3 руб. 15 коп.,— говоритъ Гагемейстеръ,—выходитъ, что работники производятъ, смотря по богатству розсыпи и по легкости, съ которою добываются и промываются пески, отъ 60 до 900 руб.“, но зато и всѣ расходы, разсчитываемые на одного рабочаго, чрезвычайно различны [2]). Въ видѣ примѣра доходности нѣкоторыхъ промысловъ мы укажемъ слѣдующій фактъ. Въ Удерейской К° (южно-енисейской системы) въ теченіе семи лѣтъ (1849—1856 гг.) было получено золота 81 пуд. 28 фунт. 28 золот. Считая золотникъ лигатурнаго золота по 3 р. 15 к., мы найдемъ, что стоимость всего добытаго въ это время золота равнялась 988,331 руб., расходовъ же въ семь лѣтъ въ этой К° было 505,602 рубля; слѣдовательно, чистый доходъ—483,269 руб., т.-е. на затраченный капиталъ получалось въ среднемъ 95% [3]). Это вовсе не было явленіемъ исключительнымъ: Н. Латкинъ свидѣтельствуетъ, что нѣкоторые промыслы сѣверной части Енисейскаго округа давали съ половины сороковыхъ до конца пятидесятыхъ годовъ отъ 1 руб. до 2 руб. прибыли на одинъ рубль расходовъ, т.-е. отъ 100 до 200% [4]).

Продолжительность рабочаго дня, т. е. урочныхъ работъ, опредѣляется контрактами пятидесятыхъ годовъ въ 12 — 15 часовъ, причемъ

---

[1]) Арх. Иркут. Горн. Управл. кн. 1337, № 3/11, л. 72, 184—217. *Гагемейстеръ*, I, 216 — 218. *Бутовскій*. „Опис. пром. южн. части Енис. окр.“ „Горн. Журн.“ 1853 № 10.

[2]) *Гагемейстеръ*, II, 446.

[3]) Изъ бумагъ А. К. Субботина.

[4]) *Латкинъ*. „Очеркъ енис. пром.“, стр. 47—48. Объ огромныхъ барышахъ золотопромышленниковъ срав. *И. Барсукова*: „Гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій“. М. 1891 г., II, стр. 30.

наименьшее количество часовъ находимъ въ договорахъ съ такъ называемыми *отрядными* рабочими (см. ниже). Въ этомъ отношеніи не только не замѣчается прогресса сравнительно съ сороковыми годами, но въ одномъ контрактѣ, а именно съ Асташевымъ 1859 г., рабочіе обязались трудиться съ 3 час. утра до 8 час. вечера, имѣя на обѣдъ и отдыхъ два часа, т.-е. 15 часовъ въ сутки, чего въ контрактахъ прежнихъ годовъ мы никогда не встрѣчали; а по закону 1838 г. работа должна была начинаться не ранѣе 5 час. утра. Въ договорахъ 1854—1855 гг. съ К° Рязановыхъ, Горохова и Мошарова (сѣверно-енисейской системы) мы находимъ такое условіе относительно продолжительности рабочаго дня: за исключеніемъ времени на обѣдъ и отдыхъ, рабочіе должны были трудиться по $12^1/_2$ часовъ въ день, но обязывались не имѣть „ни претензій, ни ропота", если иногда работа продолжится и долѣе, такъ какъ при назначеніи въ этомъ контрактѣ платы за исполненіе извѣстнаго урока продолжительность работъ зависитъ отъ усердія рабочихъ. По показаніямъ одного золотопромышленика, въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ рабочій при вскрышѣ турфа, принимаясь за дѣло въ 3 или 4 часа утра, могъ „свободно отработать свой урокъ во второмъ часу пополудни и даже нѣсколько ранѣе" [1]), но, во-первыхъ, это показаніе слѣдуетъ принимать съ осторожностью, а, во-вторыхъ, какъ мы увидимъ ниже, въ это время за исполненіемъ урока нерѣдко слѣдовала *обязательная* старательская работа. И потому не мудрено, что Кривошапкинъ засталъ на одномъ пріискѣ неоконченныя работы еще въ одиннадцатомъ часу ночи [2]). Скарятинъ также свидѣтельствуетъ, что работы на пріискахъ продолжаются „часовъ съ 4 утра и *до поздняго вечера*; отдыхаютъ только въ завтракъ, обѣдъ и ужинъ" [3]).

Въ пріисковыхъ контрактахъ, на ряду съ опредѣленіемъ количества часовъ, мы почти всегда находимъ указаніе размѣра уроковъ (по крайней мѣрѣ, для горнорабочихъ), которые они должны были исполнить каждый день. По свидѣтельству Разгильдѣева (1853 г.), для вскрыши турфа въ южно-енисейской системѣ наиболѣе обычными были слѣдующіе уроки: на выработку одной кубической сажени въ лѣтнее время обыкновенно ставили рабочихъ отъ 4 до 6 человѣкъ при ручной откаткѣ изъ разрѣза на разстояніи отъ 20 до 40 саж.; съ лошадью же ставили 2 человѣка на сажень съ отвозкою на разстояніе отъ 25 до 80 саж. Въ зимнее время къ этому числу прибавляли по 2 и по 3 человѣка на каждую вскрываемую сажень, смотря по качеству турфа. По другому свидѣтельству этого же времени, при ручной откаткѣ на одну

[1]) Статья К—ва въ „Москов. Вѣдом." 1854 г.
[2]) „Енисейскій округъ", стр. 186—187.
[3]) „*Замѣтки золотопромышленника*". II, стр. 68.

кубическую сажень турфа въ южно-енисейской системѣ задолжалось около пяти человѣкъ [1]). По словамъ жандармскаго офицера Казимирскаго (1843 г.), наиболѣе обыкновеннымъ урокомъ въ то время на пріискахъ Енисейскаго округа и Бирюсинской системы было вскрытіе одной кубической сажени турфа въ день при отвозкѣ въ тачкахъ шестью человѣками, при отвозкѣ же на лошадяхъ въ таратайкахъ тремя человѣками. По другому свидѣтельству (1846 г.) относительно южной части Енисейскаго округа, столько же рабочихъ требовалось для добычи кубической сажени песку и отвозки его на промывальную машину. Изъ этого видно, что сравнительно съ сороковыми годами размѣръ уроковъ въ южно-енисейской системѣ въ первой половинѣ 50-хъ годовъ увеличился.

О величинѣ уроковъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ на пріискахъ сѣверной и южной системъ Енисейскаго округа весьма обстоятельныя свѣдѣнія мы находимъ въ отчетѣ капитана Севастьянова о его поѣздкѣ въ Восточную Сибирь въ 1859 году. Величина уроковъ *по вскрышѣ „пустой породы“* (турфовъ) измѣнялась и зависѣла отъ управляющаго пріискомъ, но болѣе обыкновенный урокъ, по словамъ Севастьянова, былъ слѣдующій: „При четырнадцатичасовой смѣнѣ на уборку одной кубической сажени урочной“ (и извѣстнаго количества старательской см. ниже) „задолжается: *при ручной откаткѣ*, при разстояніи 20 саж.—2 челов., при 50 саж.—3 чел., при 80 саж.—4 чел., при вѣчной мерзлотѣ—5 чел.“ (слѣдовательно, сравнительно съ первою половиною пятидесятыхъ годовъ уроки въ южно-енисейской системѣ еще увеличились). „Ручная откатка пустой породы употребляется только при недостаткѣ лошадей. *При отвозкѣ на лошадяхъ* задолжается на одну кубическую сажень урочныхъ“ (и извѣстное количество старательскихъ) „2 челов. и 1 лошадь при отвозкѣ на 90 саж. разстоянія (кромѣ того на 10 куб. саж. задолжается 1 человѣкъ на отвалъ)“ [2]). По словамъ Таскина, посѣтившаго промыслы Енисейскаго округа въ 1859 г., тамъ задолжалось на вскрышу 1 куб. саж. турфа отъ 2 до 3 человѣкъ при одной лошади, но въ другой статьѣ онъ же говоритъ, что на большей части пріисковъ этого округа задолжается 2 человѣка и 1 лошадь, при мерзлотѣ же на 1 саж. употребляется и до 5 человѣкъ [3]). Наконецъ, по словамъ Скарятина, при легкихъ турфахъ 2 человѣка съ 1 лошадью убирали даже $1^1/_2$ куб. саж. въ день [4]).

---

[1]) „Горный Журналъ“ 1853 г. № 10, стр. 122.

[2]) „Горный Журн.“ 1862 г. № 3.

[3]) „Горн. Журн.“ 1861 г. т. IV, 7; 1860 г. № 3, стр. 365.

[4]) Ч. II, стр. 158. По договору, заключенному 1 мая 1857 г. съ Ленскимъ товариществомъ Баснина и Катышевцева, Олекминскаго округа Якутской области, рабочіе обязались вскрывать турфъ съ отвозкою его въ отвалъ кубическую сажень двумя человѣками при одной лошади.

Относительно добычи и промывки песковъ, по свидѣтельству Разгильдѣева, на чашу, гдѣ промывалось въ смѣну до 13,500 пуд. мясниковатыхъ песковъ, задолжалось 35 челов. съ 6 лошадьми (забойщики, возчики, промывальщики и проч.); при водяномъ дѣйствіи чаши выходило на 1,000 п. песку—2,59 человѣка, а если промывальными машинами были бочки разныхъ устройствъ, то на 1,000 пуд. песку требовалось отъ 2,86 до 3,3 человѣка. Кубическую сажень чистаго песку принято было считать на пріискахъ въ 1,200 пудовъ,—слѣдовательно, на сажень требовалось отъ 3,1 до 3,96 чел. По словамъ Севастьянова, уроки по *добычѣ* (безъ перевозки) песковъ на пріискахъ Енисейскаго округа были двухъ родовъ при четырнадцатичасовой смѣнѣ: 1) одна только урочная сажень; 2) урочная кубическая сажень и къ ней добавляется еще излишекъ такъ называемой старательской работы—$^1/_4$ куб. саж. Въ первомъ случаѣ на 1 куб. саж. песковъ, смотря по трудности работы, задолжалось отъ $^3/_4$ челов. до $1^1/_2$ человѣка (другими словами, одинъ человѣкъ добывалъ $^2/_3$—$1^1/_3$ куб. саж.). Во второмъ случаѣ на 1 куб. саж. песковъ урочную и четверть старательской задолжалось 2 человѣка [1]). По словамъ Таскина, при добычѣ песковъ въ Енисейскомъ округѣ одинъ человѣкъ вырабатывалъ въ день отъ $^1/_2$ до 1 куб. саж. [2]).

Подземныя (ортовыя) работы, какъ мы видѣли, встрѣчались на нѣкоторыхъ пріискахъ южной части Енисейскаго округа. По словамъ Кривошапкина, подземныя ортовыя работы чрезвычайно изнурительны, и онѣ очень много способствовали развитію простуды, цынги и водянокъ. „Сырость, отсутствіе чистаго воздуха и солнечнаго свѣта сопутствовали этимъ работамъ, свѣтъ же въ ортахъ отъ сальныхъ свѣчей не только никого и ничего не оживлялъ, но... увеличивалъ только испорченность воздуха“ [3]).

Кромѣ горныхъ рабочихъ, продолжительность ежедневнаго труда которыхъ обусловливалась большею частью исполненіемъ урока и гораздо рѣже назначеніемъ опредѣленнаго количества часовъ, на промыслахъ

---

[1]) При *перевозкѣ* песковъ, по словамъ Севастьянова, по хорошо устроенной вымощенной дорогѣ на отвозку 1 куб. саж. при разстояніи отъ 45 до 400 саж. полагалось отъ $^1/_2$ до 2 лошадей, и при каждыхъ 2 лошадяхъ одинъ возчикъ.

[2]) „Горн. Журн.“ 1861 г. № 3, стр. 365. Въ Олекминскомъ округѣ Якутской области на пріискѣ Ленскаго т-ва Баснина и Катышевцева рабочіе въ 1857 г. обязались добывать и отвезти на машину въ каждый будній день по 1 куб. саж. золотосодержащихъ песковъ двумя человѣками при одной лошади; на отвозку же въ кучи гальки и эфеля на каждыя 2 куб. саж. песковъ должно было ставить по одному человѣку съ лошадью; для разравниванія отваловъ также полагалось ставить особыхъ людей по мѣрѣ надобности.

[3]) На существованіе ночныхъ работъ въ 50-е годы мы нашли весьма неопредѣленное указаніе у Кривошапкина въ его книгѣ „Енисейскій округъ“, стр. 185, и въ вышеупомянутой статьѣ Селиванова („Иркут. Губ. Вѣдом.“ 1858 г. № 45), но ни въ одномъ извѣстномъ намъ договорѣ этого времени о нихъ не упоминается.

были еще плотники, кузнецы, слесаря, столяры, печники, машинисты, кашевары и т. п., такъ называемые *поторжные* рабочіе, работа которыхъ, напротивъ, опредѣлялась не уроками, а извѣстнымъ количествомъ рабочихъ часовъ. Въ договорѣ 1851 г. съ К° Рязановыхъ (сѣв. части Енисейскаго округа) сказано: «Тѣмъ изъ насъ, кому не будетъ назначена (урочная) работа, какъ-то: находящимся въ плотничной, кузнечной и прочей, такъ называемой, *поторжной* работѣ, какой бы то ни было обязаны продолжать оную" (съ 4 час. утра) „до семи час. вечера, и ни подъ какимъ предлогомъ не должны считать окончаніе другихъ урочныхъ работъ знакомъ прекращенія своихъ". Въ договорѣ 1859 г. съ Асташевымъ (южно-енис. система) къ числу поторжныхъ работъ отнесены также выдѣлка кирпича, кошеніе сѣна и пр.

Вознагражденіе за урочную работу производилось въ видѣ мѣсячнаго жалованья. Относительно размѣра его въ Западной Сибири мы имѣемъ лишь нѣсколько указаній въ отдѣльныхъ контрактахъ [1]); гораздо болѣе свѣдѣній о мѣсячной платѣ мы имѣемъ относительно промысловъ Восточной Сибири. Въ 1858 г. Главное Управленіе Восточной Сибири потребовало отъ горныхъ исправниковъ свѣдѣній о рабочей платѣ на золотыхъ промыслахъ, изъ которыхъ видно, что въ *южно-енисейской системѣ* простые рабочіе получали по контракту жалованья зимою, т.-е. съ 10 сентября по апрѣль, около 5 руб. въ мѣс., лѣтомъ отъ 3 до 3 р. 50 коп. Лѣтомъ мѣсячная плата менѣе, очевидно, вслѣдствіе того, что есть возможность значительнаго заработка на старательской работѣ. Исправникъ *сѣверно-енисейской системы* сообщилъ, что на болѣе замѣчательныхъ по добычѣ золота промыслахъ «задѣльная плата въ мѣсяцъ» (т.-е. жалованье) „простымъ рабочимъ не опредѣляется, потому что имъ назначается заработная плата, которая зависитъ отъ старанья" (см. ниже); однимъ только поторжнымъ опредѣлена плата по 3 р. сер., но плата знающимъ ремесла гораздо выше [2]). Изъ донесенія горнаго исправ-

---

[1]) Въ договорѣ съ золотопромышленникомъ Томскаго округа Онуфровичемъ (1854 г.) рабочіе условились получать плату по 3 руб. сер. въ мѣсяцъ, считая въ немъ 30 рабочихъ дней, назначеніе же вознагражденія цеховымъ рабочимъ (мастеровымъ) зависѣло отъ усмотрѣнія управляющаго, смотря по „усердію и способности каждаго", но ни въ какомъ случаѣ оно не должно быть менѣе 4 р. 28 коп. сер. въ мѣсяцъ; откомандированные же для расшурфовки пріисковъ и, такимъ образомъ, лишенные старательскихъ работъ, „если онѣ будутъ допущены", должны были получать отъ 3 до 7 руб. въ мѣсяцъ.

[2]) По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1859 г. Севастьяновымъ на промыслахъ Енисейскаго округа, горные работники *до открытія промывки* песковъ получали контрактную плату отъ 10 до 10½ коп. сер. въ рабочій день, а на пріискахъ, гдѣ въ будни нѣтъ добавочныхъ старательскихъ работъ, 4 руб. сер. въ мѣсяцъ. Съ открытія же промывки рабочіе на этихъ послѣднихъ промыслахъ получали повышенную плату (см. ниже).

ника *Олекминскаго округа* мы узнаемъ, что жалованье чернорабочимъ обыкновенно равнялось 3 руб. въ мѣсяцъ, но на пріискахъ Прибрежно-Ленской К° забойщики и скальщики получали по 15 р. въ мѣсяцъ за 30 рабочихъ, непраздничныхъ дней, турфовщики 12 р., возчики 9 руб. Такъ называемые „цеховые" рабочіе или „разночинцы" [1]) всего чаще получали въ 1858 г. слѣдующее мѣсячное жалованье (кромѣ старательскихъ заработковъ или праздничной платы): конюхи 7—15 руб. (maximum 20, minimum 4 р.), плотники 6—18 руб. (max. 20, min. 4 р.), кузнецы 6—20 р. (min. 5 р.), хлѣбопеки 6—12 р. (max. 16 р.), повара 6—10 р. (min. 5 р., max. 20 р.), нарядчики 7—18 р. (min. 5, max. 30 р.), прислуга 3—10 р. сер. Сравнивая мѣсячное жалованье по округамъ, мы находимъ, что ниже другихъ оно было въ Верхнеудинскомъ округѣ и затѣмъ въ Бюрюсинской системѣ, всего выше въ Олекминскомъ и Енисейскомъ округахъ. Сверхъ мѣсячной платы всѣ чернорабочіе и большинство разночинцевъ могли пользоваться старательскою работой, а въ случаѣ отсутствія ея получали лѣтомъ добавочное вознагражденіе (см. ниже).

Но въ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ на нѣкоторыхъ промыслахъ стало входить въ обыкновеніе платить на мѣсячную плату по 3 р. въ мѣсяцъ за 30 рабочихъ дней, т.-е. по 10 коп. въ день, а задѣльную плату за исполненіе извѣстнаго урока, причемъ въ праздничные дни плата была гораздо болѣе, чѣмъ въ будни (праздничная поденная плата замѣняла въ такомъ случаѣ прежнее стараніе [2]).

Въ нѣкоторыхъ договорахъ указаны оба способа вознагражденія:

---

[1]) По словамъ олекминскаго исправника, въ составъ „разночинцевъ" входятъ: хлѣбопеки, кашевары, квасовары, кузнецы, молотобойцы, слесаря, плотники, столяры, бондари, конюхи, шорники, служителя при больницахъ, караульные, повара, печники, прислуга, портные, сапожники, промывальщики и пр. Другіе различали мастеровыхъ отъ собственно „разночинцевъ" (конюховъ, кашеваровъ, хлѣбопековъ, поваровъ, прислуги и пр.).

[2]) Такъ, по договору 1854 г. съ К° Голубкова, Бенардаки и Кузнецовыхъ (сѣверно-енисейской системы) рабочіе должны были получать: „за вскрышу 1 куб. саж. турфа съ отвозкою его въ отвалы *двумъ* человѣкамъ при одной компанейской лошади въ будничный день по 80 коп. (т.-е. каждому по 40 к.), а въ праздничный по 1 р. 50 к."; за добычу золотосодержащихъ песковъ, вывозку къ машинѣ и промывку ихъ съ уборкою эфеля и гальки за 1 куб. саж. въ будни 1 р. 20 к., въ праздники по 2 р. По договорамъ 1854 г. съ К° Рязановыхъ, Горохова и Мошарова (той же системы) назначено: за вскрышу 1 куб. саж. турфа съ отвозкою въ отвалы при одной компанейской лошади *двумъ* человѣкамъ въ будни 80 к., въ праздники 1 руб. 60 к.—2 р.; *четыремъ* человѣкамъ безъ лошади при отвозкѣ на тачкахъ въ будни 1 р. 50 к.—1 р. 60 к., въ праздники 3 р. 20 к.—4 р. За добычу золотосодержащихъ песковъ, вывозку къ машинѣ и промывку ихъ съ уборкою эфеля и гальки съ куб. саж. въ будни 1 р. 20 к., въ воскресные и табельные дни 2 р. 40 к.—3 руб. Такъ какъ для добычи и промывки 1 куб. саж. песку требовалось не менѣе трехъ человѣкъ, то, слѣдовательно, въ будни каждый получалъ 40 к., въ праздникъ 80 к. - 1 р. сер.

мѣсячное жалованье и задѣльная плата, и управленію предоставлялось выбрать тотъ или другой способъ. Въ 1858 г., по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ К° Рязановыхъ, Горохова и Мошарова, мѣсячная плата чернорабочимъ была отъ 3 до 7 р., а въ лѣтнее время съ открытія горныхъ работъ они получали плату съ выработки 1 куб. саж. въ будни: за турфъ по 80 к., за добычу и промывку песковъ 1 р. 40 к. Заработокъ чернорабочихъ равнялся въ будни: за турфъ 20—35 к., а за промывку песковъ: перваго разряда чернорабочихъ (забойщиковъ, промывальщиковъ, свальщиковъ, возчиковъ песковъ и конюховъ) 45—55 к. въ день, второго разряда (разборщиковъ и возчиковъ) 35—45 к. въ день.

Мѣсячное жалованье рабочихъ на золотыхъ промыслахъ было такъ ничтожно, что для нихъ имѣли огромное значеніе, такъ называемыя, старательскія работы, порядокъ веденія которыхъ подвергся очень существеннымъ измѣненіямъ въ 50-хъ годахъ. Въ виду важной роли старательскихъ работъ въ жизни пріисковыхъ рабочихъ, мы должны подробно разсмотрѣть происшедшія въ нихъ измѣненія, мѣстами начавшіяся еще въ концѣ 40-хъ годовъ и почти закончившіяся во всей Сибири въ теченіе слѣдующаго десятилѣтія.

Горный инженеръ Ковригинъ, служившій на частныхъ золотыхъ промыслахъ Восточной Сибири, въ оффиціальномъ донесеніи (1853 г.) говоритъ: „При начальной разработкѣ сибирскихъ золотоносныхъ розсыпей на частныхъ промыслахъ промывка песковъ была очень не сложна: она производилась ручною протиркой на плоскихъ и круглыхъ вашгердахъ или бутарахъ. Поэтому и стараніе на золотѣ предпочтительно допускалось одиночное, т.-е. каждый рабочій бралъ пески изъ хозяйскаго разрѣза и промывалъ ихъ на одномъ изъ вашгердовъ, установленныхъ для урочныхъ работъ. Впослѣдствіи, когда вашгерды замѣнились машинами, тачки уступили мѣсто коннымъ таратайкамъ и вагонамъ съ желѣзными дорогами, а дневная промывка песковъ при данномъ числѣ людей слишкомъ удесятерилась, рабочіе сами по себѣ принялись составлять для старанія артели, завели лошадей и, такимъ образомъ, подражая урочнымъ работамъ, стали добывать несравненно болѣе золота, чѣмъ добывали его, работая по одиночкѣ. Вмѣстѣ съ образованіемъ артелей, промысловыя управленія признали за лучшее отводить для старательскихъ работъ отдѣльныя мѣста, на которыхъ рабочіе закладывали свои разрѣзы и производили добычу золота правильными работами. Этотъ порядокъ старательскихъ работъ, сдѣлавшійся общимъ на всѣхъ промыслахъ Восточной Сибири, по мѣрѣ выемки богатыхъ пластовъ, особенно на Бирюсинской системѣ, на нѣкоторыхъ промыслахъ сталъ измѣняться: значительная часть рабочихъ, получая меньшіе сравнительно съ прежними заработки, уже не такъ охотно выходила на стараніе. Видя это, промысловыя управленія, сколько для поощренія команды, столько же

и для собственныхъ выгодъ, предложили послѣдней выработку *полуторныхъ уроковъ* съ тѣмъ, что каждый человѣкъ за лишніе полъурока получаетъ особую плату „въ повышенномъ размѣрѣ". Артельное же стараніе, какъ главное и необходимое условіе взаимныхъ выгодъ нанимателя и наемщика, осталось при полуторныхъ урокахъ только въ праздничные дни... Такимъ образомъ, въ настоящее время,—продолжаетъ Ковригинъ,—на золотыхъ промыслахъ Восточной Сибири существуетъ два рода старанія: *артельное*, при которомъ плата производится за золотникъ добытаго золота, и *общее*, когда платится не за золото, а за трудъ, употребленный сверхъ урока. *Одиночное* же стараніе дозволяется только въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ выгоды работать ни хозяевамъ, ни артелямъ, именно при окончательной очисткѣ почвы, и къ этой работѣ допускаются одни только тѣ, которымъ по роду ихъ занятій невозможно ни участвовать въ артеляхъ другихъ рабочихъ, ни составлять изъ себя артели". Ковригинъ свидѣтельствуетъ, что система полуторныхъ уроковъ *начинаетъ вводиться* на всѣхъ промыслахъ Восточной Сибири и постепенно сокращаетъ тамъ *артельное* стараніе; но онъ считалъ необходимымъ поддерживать и послѣднее, хотя бы для того, чтобы золото, похищаемое на урочныхъ работахъ, не было выносимо въ жилыя мѣста и не шло въ постороннія руки, въ подрывъ казнѣ и золотопромышленникамъ; одиночное же стараніе такъ незначительно, что „не заслуживаетъ вниманія" [1]).

Авторъ статьи въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (1854 г.) о порядкѣ работъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ Енисейскаго округа и Бирюсинской системы также отмѣчаетъ измѣненіе, происшедшее въ порядкѣ старательскихъ работъ въ связи съ общимъ усовершенствованіемъ золотопромышленной техники. Онъ указываетъ на то, что прежніе способы добычи золотосодержащаго песка были „почти исключительно основаны на силѣ рабочаго". Теперь же, по крайней мѣрѣ, на промыслахъ, наилучше устроенныхъ, перевозка турфа и пласта или розсыпи производится на лошадяхъ въ большихъ таратайкахъ, придуманныхъ золотопромышленникомъ Лопатинымъ, на которыхъ одна лошадь легко вывозитъ изъ разрѣза тяжесть отъ 25 до 50 пудовъ. Промывка производится на машинахъ, приводимыхъ въ движеніе водою, паромъ или лошадьми, почему измѣнилось распредѣленіе урочныхъ работъ, а потому и разсчетъ съ рабочими производится на иныхъ основаніяхъ, такъ какъ для той работы, на которую требовалось отъ 20 до 25 человѣкъ, теперь достаточно отъ 3 до 6. „Въ прежнее время,—говоритъ авторъ,—старательскія работы при промывкѣ были основаны единственно на одной только добычѣ золота; что касается количества промытыхъ песковъ, которымъ опредѣ-

[1]) Арх. Горн. Департ., по описи № 91, дѣло № 3/39, вязка 2-я, л. 318—332.

ляется нынѣ, почти на всѣхъ благоустроенныхъ промыслахъ, степень труда, то оно вовсе не принималось тогда въ разсчетъ. Рабочіе, промывая пески, получали плату съ золотника добытаго ими золота". При новой системѣ нужно отличать стараніе на турфахъ отъ старанія на пескахъ. При стараніи на турфахъ желающій стараться объявляетъ объ этомъ управляющему пріискомъ. „Ему отводятъ мѣсто и даютъ лошадь и таратайку. Выработавъ произвольное количество, рабочій сдаетъ смотрителю свою заработку, которая, по освидѣтельствованіи, записывается въ выдаваемомъ изъ конторы каждому рабочему разсчетномъ листѣ, гдѣ отмѣчается также, сколько денегъ причитается ему за стараніе", причемъ плата за старательскую работу гораздо выше, чѣмъ плата за урочную. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что стараніе на турфахъ было на нѣкоторыхъ промыслахъ нѣсколько позднѣе такъ же регулировано, какъ и стараніе на пескахъ, т.-е. обращено въ добавочную работу въ размѣрѣ извѣстной доли урока: по свидѣтельству Севастьянова, на нѣкоторыхъ пріискахъ Енисейской губ. въ концѣ 50-хъ годовъ сверхъ добычи урочной сажени турфа вскрывали еще „четверть сажени *добавочной* (*старательской*) пустой породы". Что касается старательскихъ работъ при промывкѣ песковъ, то, по свидѣтельству автора статьи въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" онѣ производились инымъ порядкомъ, чѣмъ при вскрытіи турфа. „Промывальщикамъ не предоставляется" на ихъ волю „исполнять послѣурочную старательскую работу, какъ они хотятъ, т.-е. они не могутъ промывать столько розсыпи, сколько имъ вздумается, а, напротивъ того, съ ними предварительно, до начатія промывки золота, уговариваются..., чтобы они, за особую условную плату, непремѣнно промывали, въ старательскіе часы, извѣстное количество песковъ [1]), обыкновенно *полъ-урка* въ день, и они уже не могутъ уклоняться отъ выполненія этого условія. При промывкѣ песковъ отсутствіе одного или двухъ рабочихъ разстраиваетъ весь ходъ работъ, а потому другого условія и быть не должно". Впрочемъ, авторъ прибавляетъ, что прежняя система старательскихъ работъ „существуетъ еще кое-гдѣ на дурно устроенныхъ пріискахъ или у отсталыхъ золотопромышленниковъ", но она „выходитъ мало-по-малу изъ употребленія".

Приведемъ еще свидѣтельство Скарятина, автора „Замѣтокъ золотопромышленника", о перемѣнѣ, совершившейся въ системѣ старательскихъ работъ на благоустроенныхъ пріискахъ, какъ видно изъ показаній Ковригина и автора статьи въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", уже въ первой половинѣ 50-хъ годовъ: „Въ первый періодъ золотопромышленности старательскія работы производились, во-первыхъ, *въ одиночку*, во-вторыхъ

[1]) Эта система начала вводиться на большихъ енисейскихъ промыслахъ еще въ концѣ сороковыхъ годовъ.

—*на золотѣ*, т.-е. по окончаніи хозяйской урочной работы всякому рабочему дозволялось выбрать себѣ мѣстечко и промывать пески отдѣльно про себя". Позднѣе „стараніе въ одиночку и на золотѣ было замѣнено платою съ выработанной кубической мѣры песковъ и турфовъ. Само собою разумѣется, что мѣра эта была введена не вдругъ и не вездѣ: сначала отмѣнили старанія въ одиночку, сохранивъ стараніе на золотѣ, т.-е. рабочіе, по окончаніи хозяйскаго урока, производили промывку песковъ не въ одиночку и не каждый про себя, а всѣ вмѣстѣ, на машинѣ. Добытое такимъ образомъ золото дѣлилось между всѣми рабочими. Потомъ пошли далѣе и вовсе отмѣнили разсчеты по количеству добытаго золота, а стали разсчитываться по количеству выработанной земли; впрочемъ,—продолжаетъ Скарятинъ,—есть и теперь еще (т.-е. около 1860 г.) пріиски, на которыхъ стараются не только на золотѣ, но и въ одиночку. Съ старыми привычками разстаются не скоро, да и, кромѣ того, нѣкоторые изъ управляющихъ не замѣняютъ старый порядокъ новымъ потому, что видятъ въ этомъ свою личную выгоду. Но на большей части пріисковъ, въ особенности же въ Енисейскомъ округѣ, который далеко опередилъ всѣ другіе, давно уже введенъ новый порядокъ" [1]).

Сопоставивъ, такимъ образомъ, показанія современниковъ, мы видимъ, что одиночное стараніе на золотѣ замѣнилось затѣмъ артельнымъ и, наконецъ, общимъ, а стараніе съ разсчетомъ по количеству добытаго золота замѣнилось разсчетомъ по количеству добытой земли, и эта послѣдняя система была введена ранѣе при добычѣ песковъ, общія же старанія на турфахъ явились позднѣе. Очень важное значеніе въ этой эволюціи имѣло обращеніе (какъ увидимъ ниже) добровольныхъ старательскихъ работъ въ обязательныя. Перемѣны эти совершались не одновременно на различныхъ промыслахъ, такъ что мѣстами наряду съ новою системой старательскихъ работъ встрѣчалась еще и прежняя.

Какое же вліяніе имѣло введеніе новой системы старательскихъ работъ на вознагражденіе за трудъ? К—въ, авторъ вышеупомянутой статьи въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" [2]), составленной по матеріаламъ, полученнымъ отъ одного золотопромышленника, восхваляетъ новую систему. По его словамъ, при прежней системѣ, если случалось рабочимъ найти богатое мѣсто, „они извлекали при промывкѣ много металла и, слѣдовательно, получали много денегъ; но тѣ, которые трудились въ бѣдной розсыпи, добывали золота немного или вовсе ничего не добывали и даромъ тратили свои силы. Нерѣдко штейгеры или смотрители, изъ видовъ корысти, назначали на „стараніе" однимъ рабочимъ мѣста бога-

[1]) *В. Скарятинъ*. „Затмѣтки золотопромышленника". Спб. 1862 г., ч. II, стр. 120, 133—135.

[2]) 1854 г. №№ 65—67.

тыя, а другимъ пустыя. Во всякомъ случаѣ, „стараніе на золото“ есть рискъ, удача, какъ лотерея или карточная игра, а не вознагражденіе за трудъ, и потому, въ основаніи своемъ, оно не годится для чернорабочихъ, ибо соединено съ нравственнымъ вредомъ“. Далѣе тотъ же авторъ говоритъ, что при новомъ порядкѣ разсчета за старательскія работы „нѣкоторые рабочіе не могутъ пріобрѣтать случайныхъ, иногда огромныхъ выгодъ, возбуждавшихъ зависть и ропотъ между остальными товарищами, трудившимися въ потѣ лица въ пустой розсыпи; за то плата за трудъ раздѣляется ровнѣе и справедливѣе, и всѣ рабочіе пріобрѣтаютъ въ сложности *едва ли* не болѣе прежняго, и, притомъ, не случайно, а за прямой и честный трудъ. Это измѣненіе въ разсчетѣ, конечно, *лишитъ многихъ рабочихъ*, любителей плутовства и риска, *возможности получать большія деньги посредствомъ* подкупа, *воровства или удачи;* за то честные и трудолюбивые работники довольнѣе прежняго, особенно тамъ, гдѣ, при строгомъ порядкѣ и справедливости, нѣтъ препятствій къ пріобрѣтенію денегъ“.

И такъ, авторъ высказываетъ предположеніе, что при новомъ порядкѣ старательскихъ работъ „всѣ рабочіе пріобрѣтаютъ въ сложности *едва ли* не болѣе прежняго“. Напротивъ, въ другомъ мѣстѣ статьи онъ самъ говоритъ: „*Рабочіе не могутъ добывать нынѣ столько денегъ, сколько пріобрѣтали прежде*“, хотя и спѣшитъ оговориться, что „за то распредѣленіе платы между ними гораздо уравнительнѣе, и на хорошо устроенныхъ промыслахъ не бываетъ обманувшихся бѣдняковъ, которые бы уходили съ пустыми руками; *если это изрѣдка случается*, то причиною неудачи могутъ быть только (?) продолжительная болѣзнь или лѣность рабочаго,—опаснѣйшее зло, отъ котораго терпитъ не одинъ рабочій, но и золотопромышленникъ“. Если принять во вниманіе, что статья эта написана по свѣдѣніямъ, доставленнымъ золотопромышленникомъ, и что конечная цѣль ея заключается въ томъ, чтобы доказать выгодность для крестьянъ Европейской Россіи работъ на промыслахъ и, такимъ образомъ, при посредствѣ помѣщиковъ, привлечь на сибирскіе промыслы новыя массы рабочихъ [1]), то признаніе автора, что „рабочіе

---

[1]) „Было бы полезно,—говоритъ К—въ,—какъ для золотопромышленниковъ, такъ и для владѣльцевъ населенныхъ имѣній и для крестьянъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, если бы они испытали, хотя въ маломъ на первое время размѣрѣ, эту промышленность, обратясь съ предложеніями въ конторы компаній Голубкова, Базилевскаго, Малевинскаго и др. Безъ сомнѣнія, каждый изъ этихъ... золотопромышленниковъ согласится принять на свои пріиски отъ 500 до 1000 рабочихъ, выдавъ имъ впередъ, смотря по условію, на проѣздъ до мѣста работъ значительныя деньги“. Въ 40-хъ годовъ золотопромышленники все хлопотали о переселеніи, при содѣйствіи правительства, въ Сибирь необходимыхъ для производства ихъ промысла рабочихъ; теперь они пытались уже дѣйствовать при посредствѣ печати на аппетиты помѣ-

не могутъ добывать нынѣ (1854 г.) столько денегъ, сколько пріобрѣтали прежде", окажется весьма знаменательнымъ.

Что и при прежней системѣ старательскихъ работъ могли быть многія злоупотребленія, это несомнѣнно [1]), но, тѣмъ не менѣе, и самъ авторъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" принужденъ, хотя и неохотно, признать, что заработки рабочихъ при новомъ порядкѣ работъ уменьшились. Кривошапкинъ, который собиралъ матеріалы для своего труда объ Енисейскомъ округѣ въ самомъ концѣ 50-хъ годовъ, свидѣтельствуя о томъ, что „старательская работа съ золотника теперь почти вывелась", высказываетъ мнѣніе, что прежнее вознагражденіе рабочихъ было „и полюбовно-правомѣрнѣе, и законнѣе" [2]).

Извѣстный редакторъ газеты „Вѣсть" В. Д. Скарятинъ въ своей книгѣ „Замѣтки золотопромышленника", подобно К—ву, выражаетъ сочувствіе новому порядку старательскихъ работъ, но и у него можно найти указанія на пониженіе размѣра заработковъ. По его словамъ, рабочій при новой системѣ этихъ работъ, *„не участвуя въ большихъ барышахъ*, не страдаетъ и при убыткахъ. Правда,—продолжаетъ онъ,—прекратились баснословные (?) заработки, но они сдѣлались равномѣрнѣе и вѣрнѣе". Еще яснѣе невыгодность новой системы для рабочихъ видна изъ слѣдующихъ словъ Скарятина: „Второй періодъ золотопромышленности можно въ его главнѣйшихъ чертахъ охарактеризовать слѣдующимъ образомъ: приложеніе къ разработкѣ золотыхъ розсыпей капитала и искусства, усиленная промывка песковъ, *удешевленіе рабочей силы* и, наконецъ, какъ слѣдствіе всего этого, *разработка бѣдныхъ розсыпей*". И такъ, новая система принесла съ собою, по свидѣтельству лица, которое само занималось золотопромышленностью, *удешевленіе рабочей силы*: послѣ такого признанія Скарятинъ могъ бы не распространяться о выгодности новой новой системы для рабочихъ; за то онъ совершенно правъ, когда указываетъ на выгодность ея для золотопромышленниковъ: „При стараніи на машинѣ,—говоритъ онъ,—всѣми вдругъ, *когда старательская работа есть только прямое и непрерывное продолженіе урочной*, нисколько не разнящаяся отъ нея въ средствахъ производства, не теряется увеличеніе производительности человѣческой руки посредствомъ машинъ и прочихъ приспособленій". Бѣда только въ томъ, что это увеличеніе производительности труда не сопровождалось, по при-

щиковъ, желая побудить ихъ запродать на пріиски трудъ сотенъ и тысячъ ихъ крѣпостныхъ".

[1]) Авторъ одной газетной статьи (1859 г.), написанной въ защиту интересовъ пріисковыхъ рабочихъ, говоритъ, что „для урочныхъ работъ назначались всегда самыя лучшія мѣста, а для старательскихъ—самыя пустыя". „Иркут. Губ. Вѣд." 1859 г. № 14, стр. 1.

[2]) „Енисейскій округъ", стр. 182.

знанію самого Скарятина, увеличеніемъ заработковъ рабочихъ, а шло на пользу лишь капиталистовъ. Другая выгода золотопромышленниковъ состояла въ томъ, что „*кража золота при общемъ стараніи на машинѣ сократилась чрезвычайно*. Теперь крадетъ лишь пріисковая аристократія, т.-е. промывальщики, иногда машинистъ и прикащики“ и еще рѣже управляющій. „Плебеямъ, толпѣ рабочихъ красть нельзя“. Такимъ образомъ, *исчезла* (или, по крайней мѣрѣ, была затруднена) *возможность для рабочаго увеличивать и незаконнымъ путемъ свой заработокъ* [1]), что, очевидно, нерѣдко случалось при прежней системѣ старательскихъ работъ, когда, по словамъ К—ва, рабочій, добывавшій золото на томъ пріискѣ, гдѣ ему выдавали за золотникъ по 85 к. с., утаивалъ его и черезъ другихъ рабочихъ передавалъ на тотъ пріискъ, гдѣ платили болѣе.

Мы указывали уже на то, что, кромѣ старанія на пескахъ, является и стараніе на турфахъ. Относительно послѣдняго Гагемейстеръ говоритъ: „Неоднократно случалось, что, при оскудѣніи песковъ и невыгодности посему старательской работы, рабочіе бѣгали съ пріисковъ, находя убыточнымъ служить за одно жалованье. Для предупрежденія сего установлена нынѣ во многихъ мѣстахъ вольная работа на турфы, съ платежомъ условной цѣны за каждую куб. сажень вынутой земли. *Выгоды, этимъ способомъ получаемыя рабочими, менѣе значительны*, чѣмъ отъ промывки золота, но онѣ вѣрны, и потому способъ этотъ предпочитается на всѣхъ убогихъ золотосодержаніемъ пріискахъ“ [2]). Такимъ образомъ, и тутъ мы находимъ указанія серьезнаго, безпристрастнаго изслѣдователя на меньшую выгодность для промысловыхъ рабочихъ новыхъ порядковъ пріисковыхъ работъ.

Изъ приведенныхъ указаній современныхъ наблюдателей видна общая тенденція въ измѣненіи способовъ вознагражденія пріисковыхъ рабочихъ за старательскія работы въ 50-е годы, но перемѣны въ порядкѣ работъ не на всѣхъ промыслахъ совершались одинаково быстро, такъ какъ выгодность ихъ зависѣла отъ многихъ мѣстныхъ условій. Знакомясь съ контрактами и другими источниками, рисующими положеніе пріисковыхъ рабочихъ въ разныхъ округахъ Сибири, мы видимъ значительное разнообразіе въ старательскихъ работахъ и способахъ вознагражденія за нихъ; но приведенныя общія указанія помогутъ намъ разобраться въ этомъ сложномъ матеріалѣ. По словамъ автора статьи въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (1854 г.), не всѣ золотопромышленники Енисейскаго округа и Бирюсинской системы одинаково распоряжались силами рабочаго и вознаграждали его за трудъ; всего правильнѣе (съ его

[1]) *Скарятинъ*, II, 135—139.

[2]) „Статист. Обозр. Сибири“, II, 454.

точки зрѣнія) распредѣляли работы и вознагражденіе за нихъ компаніи: Малевинскаго, Голубкова, Базилевскаго, Мясникова, Ив. Рязанова, Щеголева, Зотова (крупныя компаніи) и Горчакова; онъ собственно и описываетъ тотъ порядокъ, который, съ ничтожными различіями, существовалъ тогда на промыслахъ этихъ компаній. Между тѣмъ, большинство имѣющихся въ нашемъ распоряженіи матеріаловъ для разсматриваемаго въ этой главѣ времени (кромѣ общихъ указаній о цѣлыхъ системахъ и округахъ) относится къ другимъ компаніямъ, а часть ихъ и къ другимъ мѣстностямъ, а потому мы сплошь и рядомъ встрѣтимъ, особенно въ первой половинѣ 50-хъ годовъ, другой порядокъ старательскихъ работъ.

Замѣна одиночнаго старанія на золото артельнымъ должна была происходить и на основаніи закона 17 апрѣля 1853 г. [1]), по которому старательскія работы на золото, во избѣжаніе его тайнаго хищенія, должны были производиться не иначе, какъ артелями, по крайней мѣрѣ, изъ 10 человѣкъ, а это должно было облегчить и переходъ къ общимъ старательскимъ работамъ на пескахъ, которыя еще въ концѣ 40-хъ годовъ появились на большихъ и богатыхъ промыслахъ Енисейскаго округа. Отчасти изданіемъ этого закона объясняется и то, почему одиночное стараніе на турфахъ могло удержаться долѣе, чѣмъ такое же стараніе на золотѣ.

При началѣ сибирской золотопромышленности въ договорахъ съ рабочими хозяева предоставляли себѣ право дозволять или не дозволять старательской работы, хотя на практикѣ имъ почти всегда приходилось рѣшать этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ, такъ какъ безъ старательскихъ работъ рабочіе не захотѣли бы оставаться на промыслахъ [2]). Остатокъ этихъ прежнихъ формъ договоровъ мы находимъ въ контрактѣ 1854 года золотопромышленника Томскаго округа Онуфровича; а, между тѣмъ, въ этомъ же договорѣ мы встрѣчаемъ постановленіе, что по требующимся на промыслахъ „надобностямъ“ рабочіе не должны отказы-

[1]) П. С. З. т. XXVIII, № 27169.

[2]) Впрочемъ, въ одной газетной статьѣ (1860 г.) мы нашли указаніе, что „старательскія работы не вездѣ даются“ („Амуръ“ 1860 г. № 12). Жандармскій штабъ-офицеръ Енисейской губ. Боркъ, въ своемъ донесеніи въ главное управленіе Восточной Сибири (1861 г.), говоритъ: „При малыхъ заработкахъ урочная работа полагается въ размѣрѣ полныхъ силъ здороваго человѣка, старательскими работами въ будничные дни заняться почти некогда, въ праздничные дни зарабатывается немного, и это совершенно зависитъ отъ управляющихъ пріисками, которымъ ничто не воспрещаетъ не допускать старательскихъ работъ и при концѣ операціи разсчитать людей на основаніи общаго контракта тремя рублями въ мѣсяцъ,—платою, за которую ни одинъ рабочій на промысла не пошелъ бы“, такъ какъ ее едва хватитъ на одежду и обувь. Арх. Иркут. Горн. Управ. К. 1673 № 27/30, л. 6—7.

ваться отъ работъ и въ воскресные и табельные дни подъ опасеніемъ взысканія по законамъ; вѣроятно, тутъ разумѣлись экстренные случаи въ родѣ прорыва плотинъ и проч., но выражено это было настолько неопредѣленно, что хозяинъ могъ бы на основаніи этого контракта потребовать рабочихъ на всякую работу въ праздникъ, хотя въ прежнее время праздничная работа была совершенно необязательною.

Артельныя и общія старательскія работы нѣкоторые золотопромышленники Западной Сибири пытались ввести на своихъ промыслахъ еще ранѣе изданія закона 17 апрѣля 1853 г., но встрѣчали противодѣйствіе со стороны рабочихъ. Томскіе золотопромышленники маркизъ де-Траверсе и Олоровскій заявили въ 1852 г. алтайскому горному управленію, что для нихъ всего выгоднѣе общія старательскія работы или, по крайней мѣрѣ, артелями не менѣе 10 человѣкъ, но рабочіе-поселенцы не всегда соглашаются на общія старательскія работы: нѣкоторые изъ нихъ, находя, что они успѣшнѣе другихъ занимаются „стараніемъ", не хотятъ работать за лѣнивыхъ или нерасторопныхъ и получать за добытое на стараніи золото равную съ ними плату. Этимъ, вѣроятно, и объясняется, что, по заявленію (1852 г.) горнаго ревизора, на промыслахъ Томской губерніи и Минусинскаго и Ачинскаго округовъ Енисейской губ., подвѣдомственныхъ алтайскому горному начальству, производились болѣе частныя (т.-е. одиночныя) старательскія работы (на золото) на отдѣльныхъ бутарахъ или вашгердахъ, устроенныхъ самими рабочими тамъ, гдѣ они находили это выгоднѣе и удобнѣе. И вотъ рабочіе стояли за это одиночное стараніе, хотя, по свидѣтельству горнаго ревизора, и случалось часто, что рабочій, проведя цѣлый свободный день на старательской работѣ, намывалъ золота менѣе $^1/_8$ золотника, за которое и получалъ самую ничтожную плату. Но современемъ вводятся артельныя и общія старанія. Такъ въ договорѣ (1855 г.) съ золотопромышленникомъ Томскаго округа Коноваловымъ рабочіе выговорили себѣ право („должны мы") пользоваться въ праздничные дни „артельными стараніями", а именно съ осени до весны заготовлять на „общую артель" пески, „которые должны промыться съ наступленіемъ лѣтнихъ работъ, и полученное изъ нихъ золото имѣетъ быть раздѣлено по ровной части на каждаго старателя, а въ лѣтнее время добывать пески изъ открытыхъ или ортовыхъ работъ и полученное изъ нихъ золото должно быть раскладываемо на старателя по окончаніи промывки того дня, въ который будутъ добываться пески, и, сверхъ того, дозволяется намъ стараться и въ будничные дни, по окончаніи работы урочной", на томъ мѣстѣ, гдѣ будетъ дозволено, и промывать, гдѣ будетъ приказано [1]). Впрочемъ, по

[1]) За добытое старательское золото рабочіе Коновалова должны были получать по 1 руб. 20 коп. за золотникъ, а за вскрышу по праздникамъ въ лѣтнее время турфа по 3 руб. съ сажени.

этому договору рабочіе, будучи свободны отъ хозяйскихъ работъ по праздникамъ, могли по своему усмотрѣнію заниматься старательскими работами или не браться за нихъ.

Однако, постепенно въ теченіе 50-хъ годовъ старательскія работы дѣлаются *обязательными* и являются главною гарантіей отработки взятаго задатка [1]). Вообще въ договорахъ начала 50-хъ годовъ [2]) мы находимъ обыкновенно условіе, что рабочіе въ воскресные и табельные дни отъ хозяйскихъ работъ должны быть свободны и могутъ быть потребованы только на работы экстренныя и нетерпящія отлагательства, но затѣмъ постепенно праздничныя старательскія работы дѣлаются обязательными. Скарятинъ въ 1860 г. писалъ: „За 3 р. жалованья и за свое содержаніе на пріискѣ рабочій обязанъ выработать ежедневно (кромѣ праздниковъ и воскресеній) опредѣленный урокъ. Урокъ этотъ обыкновенно успѣваютъ кончить до паужина, а при дружной артели даже и къ обѣду; остальную часть дня рабочій *старается*, т.-е. работаетъ на себя. Всякій рабочій *обязанъ* стараться; хочешь не хочешь, а старайся. Такой обязательный трудъ есть крайняя необходимость какъ для рабочаго, такъ и для хозяина, и сами рабочіе понимаютъ это такъ хорошо, что спорятъ очень рѣдко, и старательская работа приходится даже во всѣ праздничные дни, кромѣ трехъ первыхъ дней праздника Христова Воскресенія, да еще праздника Ильи пророка. Въ этотъ день рабочіе боятся, чтобы ихъ не убило громомъ, если они будутъ работать; однако же, высокая старательская плата съ прибавкою стакана вина успѣваетъ разсѣять даже и этотъ страхъ. Очень рѣдко, и только въ такомъ случаѣ, если рабочіе находятся въ сильныхъ неладахъ съ пріисковымъ управленіемъ, они отказываются стараться въ праздники, и, такимъ образомъ, наносятъ страшный убытокъ и себѣ, лишаясь высокой праздничной платы, и хозяину, для котораго время дороже всего. Вѣдь капиталъ затраченъ, машины построены, лошадей и людей надо кормить, къ довершенію всего—промывка продолжается всего съ небольшимъ сто дней, и вдругъ работа стоитъ въ праздникъ!“ А „рабочіе знаютъ очень хорошо, что *по закону имѣютъ право не работать въ праздникъ*“. Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ это время, въ концѣ 50-хъ годовъ, рабочіе еще умѣли отстаивать свое право на праздничный отдыхъ, и этимъ могли вліять на обращеніе съ ними хозяевъ. Это хорошо понималъ и Скарятинъ, который, указывая на право рабочихъ не работать въ празд-

---

[1]) Такъ, рабочіе, нанявшіеся въ 1854 г. на промысла Подсосова (Томскаго округа), въ росписке на деньги, впередъ взятыя, или на одежду, обувь и уплату долговъ, обязываются отработать ихъ „старательскими работами, или какъ будетъ *приказано, безпрекословно*“.

[2]) Въ договорахъ съ Асташевымъ (южно-енисейской системы) и въ 1857 г.

ники, говоритъ: „Вотъ и еще причина, по которой надобно хорошо содержать рабочаго и вообще не обижать его“ [1]). Авторъ статьи въ одной сибирской газетѣ (1860 г.) говоритъ, что „нерѣдко“ встрѣчаются контракты „съ противозаконными условіями“. Года два тому назадъ ему случилось встрѣтить контракты, въ которыхъ рабочіе, условившись работать установленное закономъ число часовъ въ сутки, обязывались еще, „сверхъ того, какъ въ будни, такъ и въ праздничные дни выполнять старательскія работы въ теченіе такого времени, какое будетъ конторою назначено“. Такимъ образомъ, старательская работа изъ труда добровольнаго обращалась въ обязательный [2]). Не мудрено, что, по словамъ того же автора, работа, начинаясь „въ 5 ч. утра, если не раньше“, кончалась гораздо позже 8 час. вечера, съ отдыхомъ только во время обѣда, продолжающимся одинъ часъ.

Относительно старательскихъ работъ въ южно-енисейскомъ округѣ мы узнаемъ изъ донесенія командированнаго туда въ 1853 г. чиновника Разгильдѣева, что въ это время преобладали уже *артельныя* работы и, притомъ, стараніе было не только на золото, но и на турфъ. Старательскія работы на золото дозволялись, по словамъ Разгильдѣева, „съ такимъ условіемъ, чтобы рабочіе сами сняли торфъ и обнажили золотосодержащій пластъ. Гдѣ были ортовыя работы, тамъ дозволяли рабочимъ добывать пески безъ вскрыши турфа. Плата полагалась съ золотника золота отъ 85 к. до 90 к. сер. *Стараніе рабочими*,—говоритъ Разгильдѣевъ,—*производится большею частью значительными артелями*“; для промывки песковъ золотопромышленники даютъ имъ машины, лошадей съ упряжью и экипажами. Черезъ то въ праздники бываютъ въ дѣйствіи тѣ же машины, что въ будни; поэтому и полученіе золота въ праздники бываетъ не менѣе, но, случается, еще болѣе; это зависитъ отъ того, что рабочіе, добывая пески, стараются обнажить пластъ до чиста, т.-е. не оставляя знаковъ золота...“ Старательское золото, по словамъ Разгильдѣева, составляло отъ $^1/_4$ до $^1/_3$ части всего количества, добываемаго на промыслахъ южно-енисейскаго округа. За выработку 1 куб. саж. турфа старателямъ полагалась плата отъ 3 до 5 руб. сер.; эта разница въ цѣнѣ зависѣла отъ того, давались ли рабочимъ хозяйскія лошади или они отвозили торфъ на тачкахъ [3]).

Такой же размѣръ вознагражденія за старательскую работу указанъ и въ донесеніи горнаго исправника южно-енисейской системы 1858 г.: за выработку 1 куб. саж. турфа двумя человѣками съ лошадью, данною отъ компаніи, старательская плата въ праздники полагалась отъ 3 до

---

[1]) *Скарятинъ* II, 118—120.

[2]) „Амуръ“ 1860 г. № 6, стр. 89.

[3]) Арх. Иркут. Горн. Управл., кн. 1337, № 4/14, л. 198—199.

4 р., а за выработку сажени турфа ручнымъ откатомъ—отъ 4 до 5 р.; съ золотника добытаго на стараніи золота платили отъ 85 к. до 1 р.; старательская плата въ зимніе дни—40 к. Старательская плата производилась также и разночинцамъ, находившимся при вспомогательныхъ работахъ. При производствѣ старательской работы артелями плата, назначенная съ золотника золота, дѣлилась между всѣми поровну. Лѣтомъ на нѣкоторыхъ промыслахъ простымъ работникамъ, сверхъ платы, опредѣленной въ контрактѣ, „въ поощреніе трудовъ" платили ежедневно отъ 20 до 45 к. На нѣкоторыхъ промыслахъ дозволялось рабочимъ отдѣльно, сверхъ выработки извѣстнаго урока, производить работу за старательскую плату по расчисленію съ кубической сажени [1]).

Въ договорахъ съ Асташевымъ (1850, 1853 и 1857 гг.) рабочіе выговаривали себѣ *право* на старательскія работы; въ договорѣ 1856 г. Асташевъ, подобно томскому золотопромышленнику Онуфровичу, оставилъ за собою право допускать или недопускать старательскія работы; наконецъ, въ договорѣ съ этимъ же золотопромышленникомъ 1859 г. является уже *обязательное* стараніе и въ будни, и въ праздники, причемъ въ будни въ видѣ прибавки половиннаго урока; слѣдовательно, старательскія работы сдѣлались общими и составляли простое продолженіе урочной работы лишь за повышенную плату. „Тогда, когда будетъ удобное время для старанія,—сказано въ этомъ договорѣ,—*обязаны* мы стараться зарабатывать выдаваемые намъ задатки и... деньги на взносъ государственныхъ податей и повинностей и на обезпеченіе семействъ, для чего имѣютъ быть намъ задаваемы *полуторные уроки*, какъ на промыслахъ при машинахъ, такъ и при вскрышѣ турфа" [2]). Въ воскресные и праздничные дни рабочіе обязались работать не полуторный, а обыкновенный урокъ, какъ при промывкѣ золота [3]), такъ и при вскрышѣ турфа, но не воспрещалось и въ праздники вырабатывать полуторный урокъ. Этимъ, однако, еще не ограничивалось страшное напряженіе силъ рабочихъ: „если же за исполненіемъ этихъ (т.-е. полуторныхъ) уроковъ,—

---

[1]) Арх. Иркут. Горн. Управ., кн. 1491, № 17/50, л. 5—6.

[2]) За исполненіе полуторнаго урока забойщики, разборщики и свальщики должны были получать по 60 к. с. въ день, подвозчики песковъ и плотникъ при машинѣ столько же, мутильщики, отвозчики гальки и эфеля и отвальщики по 50 к., находящіеся же при вскрышѣ турфа за выполненіе полуторнаго урока должны были всѣ получать по 50 к. въ день. Такъ какъ обычная лѣтняя плата за урочную работу равнялась 3 р. за 30 рабочихъ дней, т.-е. по 10 к. въ день, слѣдовательно за добавочный половинный урокъ рабочимъ набавлялось отъ 40 до 50 к.

[3]) За такой урокъ въ праздничные дни забойщики, разборщики, свальщики подвозчики песковъ, промывальщики и плотники должны были получать по 1 р. 20 коп., если же они выработаютъ столько же, сколько въ будни, т.-е. полуторный урокъ, то имъ выдавалось по 1 руб. 80 коп.; артельщикамъ, отвозчикамъ гальки и эфеля по 1 р. 50 к., находившимся при вскрышѣ турфа по 1 р.

сказано далѣе въ томъ же договорѣ,—будемъ имѣть свободное время, то предоставляется намъ вскрывать турфъ *собственно старательскими работами* съ отвозкою на промысловыхъ лошадяхъ", съ платою по 3 р. с. за куб. сажень; „старанія же на тачкахъ не требовать, которое можетъ быть допускаемо по особому разрѣшенію управляющаго". Такимъ образомъ, по этому договору „собственно старательскими" работами назывались уже тѣ, которыя производились по окончаніи полуторныхъ уроковъ [1]).

На промыслахъ сѣверно-енисейской системы по договору съ К° Рязановыхъ (1851 г.) рабочіе *обязывались* „въ свободное время и въ праздничные дни" стараться заработать выданные имъ задатки. „Если кто изъ насъ отъ старанія будетъ уклоняться, то управляющій имѣетъ право высылать насъ въ свободное время для зарабатыванія, а въ случаѣ неисполненія приносить жалобу начальству и *подвергаемся за это полицейскому взысканію*". Такимъ образомъ, *обязательныя* старанія приходилось здѣсь вводить съ помощію розогъ; вообще, по свидѣтельству Кривошапкина, въ сѣверной части Енисейскаго округа было менѣе „человѣчности въ отношеніи къ рабочимъ", чѣмъ въ южной. Въ договорѣ (1854 г.) съ тою же К° Рязановыхъ, Горохова и Мошарова о старательскихъ работахъ сказано: „Мы для пользы компаніи и для пользы собственной своей *обязываемся* на турфахъ и на добычѣ и промывкѣ золотосодержащихъ песковъ *стараться* въ табельные и воскресные дни, *производя эти старательскія работы непремѣнно въ томъ же порядкѣ и составѣ, какъ и въ будни*, и получая въ эти праздничные дни постоянную плату... съ выработки куб. сажени турфовъ и песковъ", „затѣмъ уже отнюдь не имѣть никакого вліянія на добычу самаго золота и *никакихъ особыхъ для себя старательскихъ работъ* отъ управленія компаніи не требовать" (т.-е. не требовать *одиночнаго* старанія). „Такимъ образомъ, поставляя здѣсь правиломъ стараться непремѣнно во всѣ праздничные дни, въ которые по закону не можетъ быть хозяйскихъ работъ (впрочемъ, по усмотрѣнію управляющаго, дается въ мѣсяцъ *одинъ день праздничный* на починку одежды и обуви, и то по заработкѣ долга), мы въ противномъ случаѣ, когда будемъ уклоняться отъ этого, подлежимъ отвѣтственности компаніи платежомъ всѣхъ тѣхъ убытковъ, какіе послѣдуютъ отъ остановки работъ". По договору 1851 г. съ этою компаніей за вскрышу куб. сажени турфа на хозяйской лошади въ праздничные дни была назначена

[1]) Изъ отчета Удерейской К° (южно-енисейской системы) за 1849—1856 гг. мы узнаемъ, что за добычу золота „*главными артельными стараніями* въ рабочіе дни послѣ хозяйской промывки" платили по 20—40 к. на человѣка, а въ праздничные дни 75 к.—2 р. въ день; за добытое „*вольными* стараніями мелочными" (т.-е. одиночными) было уплачено въ среднемъ по 1 р. 6 к. за золотникъ; за вскрышу старательскаго турфа на лошадяхъ по 3 р. с. съ куб. сажени, а за вскрышу съ ручною откаткой на тачкахъ въ среднемъ по 5 р. 18 к. съ сажени.

плата 3 р. 20 к., между тѣмъ по договору съ нею же 1854 г. плата была понижена вдвое или нѣсколько менѣе, а именно до 1 р. 60 к.—2 р.; но по договору 1857 г. плата за ту же работу была опять повышена до 3 р. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ тою же компаніей горному исправнику въ 1858 г., чернорабочіе получали старательскую плату за праздничные дни (до открытія лѣтнихъ работъ) отъ 50 до 80 к., плотники отъ 1 до 3 р., столяры, слесаря и кузнецы 1 р.—2 р. 50 к., молотобойцы 70 к.—1 р.; въ лѣтнее же время, съ открытія горныхъ работъ, чернорабочіе получали за выработку куб. сажени турфа въ праздники 3 р., а за добычу и промывку песковъ въ праздничные дни полагалась особая плата, „такъ называемая поденная": чернорабочимъ 1 р.—1р. 50 к. и ремесленникамъ-разночинцамъ 1 р.—3 р. въ день каждому. По договору съ К° Голубкова, Бенардаки и наслѣдницъ Кузнецовыхъ (1854 г.) за вскрышу куб. сажени турфа въ праздничные дни рабочіе должны были получать всего 1 р. 50 к., а за добычу и промывку куб. сажени песковъ 2 р.; слѣдовательно, по этому договору была назначена еще болѣе низкая плата, чѣмъ по договору того же года съ К° Рязановыхъ, Горохова и Мошарова [1]).

По донесенію горнаго исправника сѣверно-енисейской системы (1858 г.), „вольно-старательскихъ работъ" по промывкѣ золота съ платою *съ золотника полученнаго металла* въ сѣверно-енисейскомъ округѣ въ это время уже вовсе не существовало.

Авторъ статьи въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (1854 г.) К—въ о промыслахъ Енисейскаго округа и Бирюсинской системы говоритъ, что за добавочную старательскую плату („обыкновенно полъ-урока въ день") каждый рабочій получаетъ 60—80 к. въ день, „что почти равняется платѣ за турфовое стараніе". Но въ этомъ показаніи плата преувеличена; по крайней мѣрѣ, на Бирюсинской системѣ, по свидѣтельству горнаго ревизора Ковригина, за добавочную половину урока каждый рабочій на старательскихъ работахъ на пескахъ получалъ, смотря по свойству песковъ, 30—50 и не болѣе 60 к., а по договору съ Асташевымъ 1859 г., какъ мы видѣли, плата за исполненіе всего полуторнаго урока равнялась 50—60 к. въ день [2]). Относительно промысловъ Енисейскаго ок-

[1]) Какъ относилась К° Голубкова и Бенардаки къ рабочимъ и какъ тяжелы были работы на пріискахъ этой компаніи въ 60-хъ годахъ, можно видѣть изъ книги Н. В. Латкина: „Очеркъ золотыхъ промысловъ Енисейскаго округа". 1869 г.

[2]) По словамъ К—ва, ремесленникамъ предоставлялось стараніе, но только въ праздничные дни, а въ будни они не имѣли для этого свободнаго времени: поправлять машины, чинить мосты приходилось даже послѣ окончанія рабочими урочныхъ работъ. Въ праздничные дни ремесленники получали 85 к.—1 р. с. за каждый золотникъ промытаго золота или по 1 р. с. за промывку каждой сотни пудовъ песку. По словамъ Таскина, „разночинцы" получали на промыслахъ Енисейскаго округа въ праздники за стараніе 1 р.—1 р. 50 к. въ каждый день. „Гор. Журн." 1861 г., № 3, стр. 376.

руга Севастьяновъ, посѣтившій ихъ въ 1859 г., сообщаетъ слѣдующее: „Съ открытія промывки песковъ до 10 сентября на тѣхъ пріискахъ, гдѣ задается лишняя четверть сажени по добычѣ песковъ, каждому рабочему къ контрактной платѣ (10—10½ к. въ день) прибавляется еще 50 до 70 к. въ день"; но что послѣдняя порма добавочнаго вознагражденія была исключеніемъ, видно изъ того, что въ среднемъ *всей* контрактной и старательской платы рабочіе при работѣ на пескахъ, по свидѣтельству того же Севастьянова, получали до 70 к. въ день. При вскрываніи пустой породы „каждому рабочему прибавляется къ контрактной платѣ отъ 30 до 40 к.".

Сверхъ будничныхъ старательскихъ добавочныхъ работъ были еще праздничныя работы. По свидѣтельству Севастьянова, до открытія промывки песковъ всѣмъ рабочимъ платили въ праздники 70 к.—1 р. 50 к. въ день. Съ открытія промывки песковъ онъ раздѣляетъ праздничныя работы на четыре разряда: 1) общая работа, при которой платили за каждую выработанную куб. сажень песковъ по 4 р. 80 к.; полученная сумма дѣлилась между всѣми рабочими поровну безъ различія занятій; 2) общая работа, при которой платили за полученное золото 80 к.—1 р. с. за золотникъ; полученная сумма дѣлилась между всѣми рабочими поровну безъ различія занятій; при этомъ на нѣкоторыхъ пріискахъ отдѣлялась ¼ полученной суммы въ пользу компаніи за лошадей; 3) общая поденная работа, при которой каждый рабочій, находившійся на пріискѣ, получалъ поденную праздничную плату отъ 60 к. до 1 р. 50 к. въ день; 4) частная праздничная плата, при которой каждый разрядъ рабочихъ получалъ особенную плату [1]). Въ концѣ 40-хъ годовъ за вскрышу куб. сажени турфа старательскими работами на пріискахъ Енисейскаго округа платили 4—7 р. с. Если даже принять, что это вознагражденіе было назначено при ручной откаткѣ, то все-таки очевидно пониженіе рабочей платы въ теченіе десятилѣтія, съ конца 40-хъ до конца 50-хъ годовъ (съ 4—7 р. до 3—3 р. 75 к. с.).

Мы видѣли выше, что по договору съ Асташевымъ 1859 г. рабочимъ по окончаніи полуторныхъ уроковъ предоставлялось, если они будутъ имѣть свободное время, вскрывать турфъ „*собственно старательскими работами*"; по словамъ Севастьянова, такія работы допускались

[1]) Напримѣръ, находившіеся при добычѣ, промывкѣ, перевозкѣ песковъ, эфелей и галекъ получали по 4 р. 80 к. за выработанную куб. саж. песковъ; находившіеся на вскрышѣ турфа получали при ручной откаткѣ на 20 саж. по 3 руб., при большомъ разстояніи по 3 р. 75 к., а при откаткѣ на компанейскихъ лошадяхъ по 2 р. 25 к. за каждую куб. саж. (тутъ мы опять видимъ пониженіе платы за трудъ, такъ какъ прежде за вскрышу куб. саж. турфа на хозяйскихъ лошадяхъ обыкновенно платили около 3 р.). Чернорабочіе при частной праздничной работѣ получали по 1 руб. сер. въ день.

только въ будничные дни при вскрышкѣ турфа съ платою съ кубической сажени отъ 3 до 6 р., по словамъ же Таскина, при хозяйской лошади—3 р., а на тачкахъ—4 р. [1]). Насколько напрягались вообще силы пріисковыхъ рабочихъ, видно изъ словъ Кривошапкина, что имъ приходилось спать не болѣе 5 часовъ въ сутки [2]).

Общій выводъ Севастьянова относительно платы рабочимъ на промыслахъ Енисейскаго округа таковъ: „Вообще рабочіе,—говоритъ онъ,—находящіеся на добычѣ, свалкѣ, промывкѣ песковъ, получаютъ платы контрактной, старательской (очевидно, въ среднемъ) до 70 к. въ день, а на турфахъ и возчики—до 60 к., прочіе же чернорабочіе до 40 к. въ день“ [3]).

Относительно промысловъ Олекминскаго округа упомянемъ, что въ 1858 году на Вознесенскомъ пріискѣ Трапезникова за вольно-старательскія работы по вскрышѣ турфовъ платили 6 руб. съ куб. саж. (ручнымъ откатомъ?); на золотѣ старанія не производилось, но за каждую таратайку песковъ, вывезенную на промывку сверхъ урока, платили находившимся при промывкѣ рабочимъ по 15 коп. сер. На двухъ пріискахъ Прибрежноленской компаніи за старательскую вскрышу турфовъ платили 3 руб. за куб. саж.

1 мая 1857 г. Управленіе компаніи Ленскаго товарищества Баснина и Катышевцева заключило со старостами и выборными отъ команды рабочихъ, находившихся на золотыхъ промыслахъ этого товарищества, условіе, по которому до открытія промывки песковъ въ воскресные и праздничные дни каждый находившійся въ работѣ человѣкъ долженъ былъ получать по 50 к. с. въ день. Со времени открытія промывки, сверхъ опредѣленной урочной работы (1 саж. на двухъ человѣкъ какъ турфа, такъ и песковъ), рабочіе *обязывались* „двумя человѣками при одной лошади добывать песковъ и подвозить на машину, а турфа вскрывать и отвозить въ отвалы по ¼ куб. саж.“, а если возможно, и болѣе, за что каждый, находившійся при этой работѣ, долженъ былъ получать по 25 к. с. въ день, кромѣ обыкновенной мѣсячной платы [4]). Въ воскресные и праздничные дни рабочіе обязались выполнять обычные уроки, за что каждый изъ нихъ долженъ былъ получать по 1 р. 50 к.; такую же плату должны были получать плотники, кузнецы и т. п. Если кто изъ рабочихъ по выполненіи урочной и старательской работы изъявитъ желаніе, „составя между собою небольшія артели, промывать пески

---

[1]) „Горный Журналъ“ 1861 г., № 3, стр. 377.

[2]) „Сѣверная Почта“ 1862 г., № 84.

[3]) „Горный Журналъ“ 1862 г., № 3, стр. 561—566.

[4]) Въ дѣйствительности рабочіе вывозили на двухъ пріискахъ этой компаніи по 12 таратаекъ сверхъ урока и получали за это по 30 к. въ день.

или вскрывать турфъ", то управляющій не долженъ былъ имъ въ томъ отказывать, причемъ рабочіе должны были получать за это по 60 к. за золотникъ, а за куб. саж. торфа только по 2 р.

Въ слѣдующемъ 1858 г. управленіе промысловъ Ленскаго товарищества Баснина и Катышевцева сдѣлало нѣкоторыя измѣненія въ договорѣ съ рабочими, а именно: за добавочную дневную выработку (въ $^1/_4$ и болѣе сажени) обязалось платить не по 25, а по 20 к. въ день каждому рабочему и, притомъ, прибавлена еще слѣдующая оговорка: „за выработку же турфа и добычу песковъ менѣе $1^1/_4$ саж. (т.-е. если вмѣсто $1^1/_4$ саж. мы выработаемъ только $1^1/_8$ часть сажени) добавочная плата должна уменьшиться на половину,—вмѣсто 20 к. получать намъ только 10 к. на каждаго, а за выработку только одной сажени добавочной платы намъ не производить, а получать одну мѣсячную; а разночинцамъ при постоянныхъ работахъ и мастеровымъ по 15 к. каждый день, кромѣ мѣсячной же платы" [1]). Однако, рабочіе на эти условія не согласились, а пожелали получать ту плату за старательскія работы, которая производилась въ 1857 г.

Какъ мы упоминали уже, въ Олекминскомъ округѣ договоры о старательскихъ и другихъ работахъ посылались на утвержденіе горнаго исправника, и исправникъ Измайловъ не утвердилъ условій, предложенныхъ управленіемъ Ленскаго товарищества на 1858 г., находя ихъ отяготительными для рабочихъ, и предложилъ оставить прошлогоднія условія. Въ отвѣтъ на его предписаніе управляющій промыслами товарищества, Рухловъ, прислалъ слѣдующее объясненіе: „По случаю удобной и легкой работы какъ добычи песковъ, такъ и вскрыши турфа на пріискахъ моихъ довѣрителей, я имѣлъ въ виду не уменьшеніе заработка у рабочихъ людей, а увеличеніе таковаго, но только на другихъ условіяхъ, *соблюдая при этомъ пользу моихъ довѣрителей.* Уменьшая какъ будничную, такъ и праздничную плату рабочимъ людямъ въ настоящей операціи" (но не уменьшая количества работы), Рухловъ „предложилъ имъ, сверхъ уроковъ, обозначенныхъ въ условіи, *еще вырабатывать* $^1/_7$ *часть*" урока (слѣдовательно, или количество рабочихъ часовъ должно было увеличиться, или работа должна была сдѣлаться интензивнѣе), за что имъ слѣдовало „получать уже съ причитающагося на эту часть количества золота по 60 к. с. за золотникъ" [2]). На это, — продолжаетъ

[1]) Вмѣсто платы за воскресные и праздничные дни по 1 р. 50 к., какъ было назначено по договору 1857 г., въ договорѣ слѣдующаго года опредѣлено было платить находящимся при горныхъ работахъ и мастеровымъ по 1 р. с., а разночинцамъ при постоянныхъ работахъ—нарядчикамъ, конюхамъ, хлѣбопекамъ, кашеварамъ, поварамъ, прислугѣ и пр.—по 70 к. каждому, находившемуся въ работѣ, человѣку.

[2]) Изъ статьи К—ва въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (1854 г.) видно, что на нѣкоторыхъ промыслахъ Енисейскаго округа и Бирюсинской системы существовалъ

Рухловъ, — рабочіе люди, находящіеся на Благодатно-Преображенскомъ пріискѣ, тотчасъ же согласились и подписали на старательскія работы условіе, а люди на Павловскомъ пріискѣ, хотя и не подписались къ условію, но, увидя выгодные для нихъ заработки, отъ выработки вышеозначенной седьмой части не отказывались".

Въ доказательство большей выгодности для рабочихъ новаго порядка работъ Рухловъ сравнилъ заработки рабочихъ на двухъ пріискахъ Ленскаго товарищества въ 1857 и 1858 гг. и нашелъ, что заработокъ по новому условію будетъ больше [1]). Но нужно помнить, что это возвышеніе заработка куплено значительнымъ увеличеніемъ количества труда, а безъ этого заработокъ рабочихъ съ пониженіемъ платы значительно уменьшился бы. Прибавочная $^1/_7$ часть урока дала въ день каждому рабочему на первомъ пріискѣ 42 к., а на второмъ $48^1/_2$ к., а безъ этой прибавки заработокъ рабочаго на первомъ пріискѣ уменьшился бы на $17^1/_2$ к., а на второмъ на 16 коп. въ день [2]). Слѣдовательно, и здѣсь, въ сущности, рабочая плата была значительно понижена, а увеличеніе заработка было достигнуто лишь сильнымъ увеличеніемъ интензивности труда.

По договорамъ рабочихъ съ золотопромышленниками первые обязывались подъ опасеніемъ отвѣтственности предъ военнымъ судомъ представлять пріисковому начальству находимое во время работъ (такъ называемое *подъемное*) золото, самородки и пр. За это золото имъ опредѣлялась плата, которая назначалась по усмотрѣнію управляющаго и которая на промыслахъ Енисейскаго округа въ 50-хъ годахъ равнялась 65 к.—1 р. с., а на пріискахъ Олекминскаго въ 1858 г. 60—70 к. за

подобный же разсчетъ за старательскія работы на пескахъ. По словамъ К—ва, на нѣкоторыхъ тамошнихъ промыслахъ изъ промытаго въ теченіе дня золота отдѣлялась по уговору $^1/_8$, $^1/_8$ или $^1/_{10}$ часть (смотря по богатству розсыпи), за которую и отчислялась въ пользу рабочихъ, добывавшихъ и промывавшихъ песокъ, извѣстная плата за каждый золотникъ металла; рабочимъ приходилось въ этомъ случаѣ почти такое же вознагражденіе, какъ и тѣмъ, которые получали плату по количеству промытыхъ песковъ, но этотъ послѣдній разсчетъ (т.-е. по количеству промытаго песка), по мнѣнію К—ва, гораздо основательнѣе и проще, ибо не возбуждаетъ въ рабочихъ никакихъ сомнѣній, которыя обыкновенно вызываются иными способами разсчета. Какъ мы только-что видѣли, это и случилось на промыслахъ Ленскаго товарищества, гдѣ, не довольствуясь добавочнымъ урокомъ, управленіе промысловъ потребовало еще бо́льшаго количества работы.

[1]) На Благодатно-Преображенскомъ пріискѣ съ 20 мая по 1 іюля въ 1857 году каждый рабочій заработалъ въ среднемъ въ день по $61^1/_2$ к., а всего 22 р. 10 к., а въ 1858 г. въ день по 86 к., а всего 30 р. 92 к., т.-е. на 8 р. 82 к. болѣе; на Павловскомъ пріискѣ съ 28 мая по 1 іюля въ 1857 г. въ среднемъ было заработано въ день $57^3/_4$ к., а всего 17 р. 90 к., а въ 1858 г.—по $89^3/_4$ к., а всего 27 р. 83 к. на каждаго, т.-е. на 9 р. 92 к. болѣе.

[2]) Арх. Олекм. Горн. Исправ., дѣло № 284.

золотникъ; но за большіе самородки выдавалась обыкновенно меньшая плата за золотникъ.

Отъ рабочихъ, нанимающихся по общему контракту на всѣ работы, современные наблюдатели отличаютъ, такъ называемыхъ, *отрядныхъ*. Въ статьѣ К—ва (1854 г.) о нихъ сказано: при вскрытіи турфовъ „допускается особый порядокъ работъ подъ названіемъ *отрядныхъ или вольныхъ*“: артели рабочихъ, составившіяся по добровольному соглашенію изъ, такъ называемыхъ, нижегородовъ, или крестьянъ, пришедшихъ изъ Европейской Россіи и преимущественно изъ Нижегородской губерніи, снимаютъ у золотопромышленника подрядъ вскрывать турфы съ платою по 1 р.—1 р. 20 к. с. съ сажени на хозяйскомъ продовольствіи; имъ даютъ рабочіе инструменты и нужное число лошадей. „Два человѣка съ одною лошадью снимаютъ въ день куб. сажень. Отрядную работу они обязаны исполнять ежедневно съ того времени, когда оттаетъ земля; впрочемъ, и ранѣе они снимаютъ турфы, сколько позволяетъ погода и твердость мерзлаго грунта“; въ праздники они пользуются стараніемъ наравнѣ съ другими рабочими, получая отъ 3 до 4 р. съ куб. саж. Отрядная работа выгоднѣе для рабочихъ, между прочимъ, потому, что они выбираютъ въ свою артель только способныхъ и старательныхъ товарищей; лѣнтяевъ они терпѣть не станутъ. „Рабочій, не надѣющійся на свои силы или прилежаніе, не пойдетъ никогда въ отрядную работу.... Больныхъ между обыкновенными рабочими бываетъ всегда больше, нежели между отрядными [1]), поэтому отрядные рабочіе полезнѣе для золотопромышленника и зарабатываютъ болѣе денегъ, чѣмъ рабочіе по общему контракту“.

Кривошапкинъ, собиравшій матеріалы для своей книги въ 1859 г., сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія объ отрядныхъ рабочихъ: нижегороды „являются иногда артелями на пріиски и предлагаютъ свои услуги въ работу цѣлою артелью, непремѣнно, и съ круговою порукою. Они заключаютъ особые договоры всею артелью, выпрашиваютъ, правда, значительную плату..., но зато и выполняютъ неимовѣрныя работы“, требуя только значительнаго количества пищи. „Эти рабочіе артелями, заключившіе законные и разумные договоры, не дадутъ уже себя ни въ обманъ, ни въ обиду, но они, по сознанію умныхъ управляющихъ, приносятъ дѣлу несравненно больше пользы.... Бѣглецовъ между ними не бываетъ, мнимо-больныхъ и растравляющихъ язвы—тоже, а за настоящихъ

[1]) Но, въ то же время, авторъ отмѣчаетъ готовность членовъ артели помочь дѣйствительно больному товарищу: если кто-либо изъ артели заболѣетъ, остальные безпрекословно исполняютъ за него урокъ, и больной не лишается вслѣдствіе этого заработка, а получаетъ его наравнѣ съ прочими: „Чѣмъ же онъ виноватъ?—говорятъ его товарищи,—душа хочетъ, да силу Богъ отнялъ“.

больныхъ или умершихъ артель или зарабатываетъ, или платитъ ту часть задатка, которая отъ него остается не заработанною". Впрочемъ, размѣръ урока, указываемый Кривошапкинымъ для отрядныхъ рабочихъ,— вскрыша 1 саж. турфа въ сутки двумя человѣками при помощи одной лошади — довольно обыченъ и для общеконтрактныхъ рабочихъ, а указываемая имъ плата за исполненіе этого урока отъ 70 к. до 1 р. ниже того, что̀ мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ контрактахъ съ отрядными рабочими. За старательскую работу въ будни и въ праздники отрядные рабочіе получали, по словамъ Кривошапкина, по 3 р. за вскрышу куб. сажени. „Такимъ образомъ, — продолжаетъ Кривошапкинъ, — не будучи подъ гнетомъ мысли, что они обмануты, обижены, они работаютъ не какъ-нибудь, лишь бы день за днемъ коротать, а, напротивъ, со всевозможнымъ усердіемъ, вырабатываютъ всегда болѣе противу данной сажени, потому и зарабатываютъ каждодневно болѣе другихъ. Послѣ операціи, въ итогѣ цѣнность ихъ заработковъ бываетъ всегда вдвое противу прочихъ рабочихъ. Зато они уже не дозволяютъ ни поздно сгонять себя съ работы, ни рано выгонять, ни умышленно увеличивать отводимыя мѣста, ни передергивать мѣтки и пр." [1]).

Изъ договора съ компаніей Асташева и Боровковыхъ (южно-енисейской системы) (1853 г.) мы видимъ, что отрядные рабочіе, вскрывая турфъ лѣтомъ двумя человѣками на одной лошади куб. сажень, получали плату 1 р. 15 к., а за старательскую работу 4 р.; за недоработку урока зимою болѣе извѣстнаго количества полагался вычетъ въ размѣрѣ старательской платы. По договору съ Асташевымъ 1858 г. плата нѣсколько понижена: по 1 р. за урочную сажень и по 3 р. за старательскую съ вычетомъ за недоработку по старательскому разсчету, но при мерзломъ турфѣ вычета не дѣлать. Изъ договора отрядныхъ рабочихъ съ компаніей Рязановыхъ (сѣверной части Енисейскаго округа 1851 г.) видно, что при мѣсячномъ вознагражденіи (до 1 апрѣля) они получали болѣе значительную плату, чѣмъ общеконтрактные рабочіе, а именно, отъ 6 до 10 р. въ мѣсяцъ. Эту цифру генералъ Анненковъ считалъ вообще обычною мѣсячною платой для рабочихъ изъ Великороссіи на сибирскихъ промыслахъ. На промыслахъ компаніи Рязановыхъ общеконтрактные чернорабочіе получали зимою въ 1852—1853 гг. по 5 р. въ мѣсяцъ, а отрядные нижегороды въ 1852 г. по 7 р., въ 1853 г. по 12 р. Задѣльная плата общеконтрактнымъ была на промыслахъ этой компаніи также менѣе, чѣмъ отряднымъ нижегородамъ: по контракту, заключенному въ мартѣ 1851 г., общеконтрактные должны были получать за вскрышу куб. саж. турфа, „какого бы свойства они ни были", по 60 к., между тѣмъ какъ отрядные получали въ этомъ же году по 1 р. Къ концу 50-хъ го-

[1]) *Кривошапкинъ.* „Енисейскій округъ и его жизнь", стр. 174.

довъ на Гавриловскомъ и Никольскомъ пріискахъ компаніи Рязанова, Горохова и Мошарова мы замѣчаемъ пониженіе платы отряднымъ рабочимъ: по договору 1859 г. съ артелью въ 10 человѣкъ рабочихъ при томъ же урокѣ на вскрышу торфа (куб. саж. на двухъ человѣкъ съ хозяйскою лошадью) полагалась плата въ будни по 80 к., въ праздничные дни и за старательскую работу въ будни по 1 р. 80 к. съ куб. саж., между тѣмъ какъ въ первой половинѣ 50-хъ годовъ плата равнялась 1 р.—1 р. 15 к. въ будни и 3 р. 50 к.—4 р. въ праздники за ту же работу. Отрядные рабочіе всегда получали, какъ и общеконтрактные, готовое содержаніе отъ хозяина.

Отрядными работами прозводилась не только вскрыша торфа, а также рубка и распилка лѣса, приготовленіе смолы, угля, кирпича, кошеніе сѣна и т. п.; всѣ эти работы назывались иначе „подрядными".

Въ первый періодъ сибирской золотопромышленности пріисковымъ рабочимъ нерѣдко приходилось жить на промыслахъ не только въ курныхъ избушкахъ безъ пола, но и просто въ землянкахъ, но постепенно жилища ихъ улучшались. По словамъ К—ва, для жилья рабочихъ строились „улицею избы, почти квадратныя, имѣющія въ длину и ширину отъ 9 до 10 аршинъ. Въ каждой избѣ есть русская печь и нары и въ каждой помѣщается отъ 10 до 15 рабочихъ". По словамъ Разгильдѣева (1853 г.), для помѣщенія рабочихъ на промыслахъ южно-енисейской системы „устроены казармы, но они большею частью, особенно семейные, живутъ въ избушкахъ или землянкахъ". Для нерасположенія рабочихъ къ казарменныхъ помѣщеніямъ могли быть серьезныя причины. Разсказываютъ, что при возникновеніи золотопромышленности въ сѣверно-енисейской тайгѣ каждый домикъ рабочаго представлялъ промывальню, куда тайно приносились пески и гдѣ извлекалось изъ нихъ золото; такимъ образомъ, помѣщаясь въ отдѣльныхъ избушкахъ, рабочіе могло легче, посредствомъ хищенія золота, дополнять свои небольшіе заработки [1]). Но вотъ, по словамъ Кривошапкина, съ 1852 г. стараніемъ горнаго исправника сѣверной системы Сорокина стали устраивать, вмѣсто избушекъ, постоянныя большія казармы. Въ санитарномъ отношеніи онѣ были лучше избушекъ своею обширностью, но устройство ихъ было незавидно: сберегая лѣтнее время для работъ, казармы строили зимой либо весной на мерзлой землѣ, а такъ какъ полъ въ нихъ сглали только на серединѣ, а у стѣнъ подъ нарами его не было, то въ теплое время земля оттаивала и испаренія наполняли казармы. Кромѣ того, несмотря на обширность казармы, воздухъ портился и отъ значительнаго количества помѣщавшихся въ ней рабочихъ: нары дѣлались въ два ряда и

[1]) *Ячевскій.* Очеркъ современнаго состоянія енисейской золотопромышленности. „Горный Жур." 1892 г. № 8—9, отд. от., стр. 27.

жило въ ней до 200 человѣкъ. „Какъ бы то ни было, между казармами и прежними избушками большая разница, и заведеніе ихъ нельзя не считать въ числѣ обстоятельствъ, ослабившихъ развитіе цынги и другихъ болѣзней. Впрочемъ, на южной системѣ,—продолжаетъ Кривошапкинъ,—мнѣ пришлось видѣть оба устройства, но.., въ лучшемъ видѣ: тамъ есть мелкія избушки, но и съ поломъ, и съ хорошею русскою печью; тамъ и казармы не такъ громадны, съ однимъ только рядомъ наръ, да съ поломъ и подъ ними“ [1]).

Сверхъ задѣльной платы или мѣсячнаго жалованья, рабочіе получали также хозяйскую пищу. На промыслахъ южно-енисейской системы, по свидѣтельству Разгильдѣева (1853 г.), на содержаніе рабочаго полагалось въ мѣсяцъ говядины отъ 30 до $37^1/_2$ ф., крупы $7^1/_2$ ф., соли $3^1/_2$ ф. Сверхъ этого, выдавалась въ праздничные дни для каши ячневая или гречневая крупа и нужное для нея количество сала или масла. Хлѣбъ отпускался рабочимъ безъ вѣсу, но вообще полагалось на одного человѣка до $2^1/_2$ пуд. муки: этого хватало и на квасъ, и на продовольствіе семействъ рабочихъ, питавшихся этимъ же хлѣбомъ, и, кромѣ того, ежедневно подбирали на разрѣзахъ куски хлѣба, которые отдавали въ кормъ лошадямъ. Южно-енисейскій горный исправникъ указываетъ (въ 1858 г.) почти такое же количество припасовъ, выдаваемыхъ одному рабочему: говядины 30 ф., муки 2 пуда, сала или масла $^3/_4$ ф., не считая крупы и соли. Иногда на нѣкоторыхъ пріискахъ мастеровые и рабочіе, находившіеся при вспомогательныхъ работахъ, получали въ полтора раза большее количество припасовъ сравнительно съ простыми рабочими, но зато на другихъ рабочихъ выдавалось вообще меньшее количество говядины [2]).

---

[1]) „Енис. окр.“, стр. 177. Въ договорахъ съ рабочими 50-хъ годовъ обыкновенно сказано, что постройку избушекъ, балагановъ или казармъ, бань и пр. рабочіе должны производить въ свободное отъ хозяйскихъ работъ время (иногда для этого опредѣлялось 3 дня), и по прошествіи лѣта помѣщенія эти должны были принадлежать хозяину промысла.

[2]) Арх. Иркут. Гор. Управл. кн. 1491, № 17/50, л. 7. По общимъ контрактамъ съ Асташевымъ 1850, 1853 и 1857 гг., рабочіе должны были получать печенаго ржаного хлѣба по 4 ф. въ день, затѣмъ „въ скоромные дни, а именно по воскресеньямъ, вторникамъ, четвергамъ и субботамъ“ (понедѣльникъ почему-то оказался постнымъ днемъ) мяса „свѣжаго или *соленаго не болѣе* 1 ф.“ (т.-е. менѣе, чѣмъ въ подобномъ же договорѣ съ Асташевымъ 1842 г., гдѣ было назначено въ эти дни по $1^1/_4$ ф.) „и крупы по $^1/_4$ ф. на каждаго человѣка, а въ прочіе дни и въ посты довольствоваться кашею, приправленною коноплянымъ масломъ, а гдѣ не будетъ возможности имѣть этихъ припасовъ, получать на продовольствіе наше сушеной говядины или крупы по $^3/_4$ ф. и сухарей по $2^1/_4$ ф. въ день на каждаго человѣка. По договору съ Асташевымъ, печеный хлѣбъ выдавался въ неограниченномъ количествѣ, но если кто будетъ его растрачивать, тотъ долженъ былъ подвергаться штрафу по 1 р. 50 к. с. и, сверхъ

Такой же размѣръ пайка для пріисковыхъ рабочихъ существовалъ и въ сѣверной части Енисейскаго округа, гдѣ въ 1858 г. отпускалось каждому изъ нихъ въ мѣсяцъ ржаной муки 2 п. 20 ф., ячной крупы—$7^1/_2$ ф., соли—3 ф., сала—$^1/_2$—1 ф., мяса—30 ф., ремесленникамъ же и забойщикамъ въ трудныхъ работахъ $37^1/_2$ ф. Сверхъ того, ежедневно давали на всю команду рабочихъ на счетъ компаніи кирпичный чай и два раза въ недѣлю кислую капусту. Послѣднее очень важно, такъ какъ это вносило нѣкоторое разнообразіе въ прѣсную и постоянно одинаковую пищу рабочихъ [1]).

Кривошапкинъ, вообще рисующій въ своемъ трудѣ весьма мрачную картину быта пріисковыхъ рабочихъ, одобрительно отзывается объ ихъ пропитаніи: „обидѣть рабочихъ пищею,—говоритъ онъ,—не въ модѣ, не принято“. На нѣкоторыхъ пріискахъ, какъ это было достовѣрно извѣстно Кривошапкину, давали рабочимъ чай, хотя пріисковое управленіе не было обязано къ тому договорами. Два раза въ сутки (въ 7 час. утра и въ 4 ч. пополудни) варили въ котлѣ чай, конечно, кирпичный или, по сибирскому названію, карымскій, полагая на человѣка по $1^1/_2$ зол. „Прежде чай рабочіе готовили свой, не получая для него отъ хозяевъ по положенію хлѣба, почему и таскали отъ обѣда и ужина по цѣлой ковригѣ, прятали, портили и на половину бросали не съѣвши. Теперь же компаніи, приготовляющія свой чай, даютъ по $^1/_4$ ковриги хлѣба на человѣка за каждый изъ четырехъ „присѣстовъ“ (чай, обѣдъ, чай и ужинъ); рабочій чувствуетъ себя довольнымъ, сытымъ и не имѣетъ ни малѣйшей надобности таскать, попрежнему, хлѣбъ. Впрочемъ,—продолжаетъ Кривошапкинъ,—говоря откровенно, на такую милость... для рабочихъ компанія подвинута собственнымъ разсчетомъ: хлѣбъ съ 1857 г. страшно вздорожалъ [2]), а чай остался въ той же цѣнѣ, и потому для компаніи гораздо выгоднѣе удѣлять рабочимъ по 3 зол. чая на человѣка, чѣмъ терять много хлѣба“ [3]). Таскинъ, посѣтившій промыслы Енисейскаго округа въ

того, „наказанію, какъ за умышленное уничтоженіе чужой собственности“. Отрядные рабочіе выговаривали себѣ большее количество мяса: по договору съ Асташевымъ 1853 года, они должны были получать говядины свѣжей или соленой по $1^1/_2$ ф. въ день.

[1]) По общему контракту съ К° Рязановыхъ, Горохова и Мошарова 1851 г., въ постные дни полагалось по $^1/_4$ ф. крупы на человѣка и постное масло, „сколько будетъ выдано“. Въ поисковыхъ партіяхъ выдавалось сушеной говядины *или* крупы по $^3/_4$ ф. въ день и сухарей по $2^1/_4$ ф. на человѣка. Отрядные, по договору 1854 г., выговорили себѣ по $1^1/_2$ ф. говядины, но безъ сала.

[2]) Въ началѣ 50-хъ годовъ (1850 — 53) среднія цѣны *четверти* ржи въ енисейской губ. равнялись 1 р. 92 к.—2 р. 18 к., а въ операцію 1858—59 гг. *пудъ* ржаной муки покупался на промысла южной системы по 1 р. 30 к.—1 р. 50 к. *Елуновъ*. „О цѣнахъ на хлѣбъ въ Россіи“, табл. VII, *Кривошапкинъ*. „Енис. окр.“, стр. 189.

[3]) „Енис. окр.“, стр. 188—190.

1859 г., опредѣляетъ въ гораздо меньшемъ размѣрѣ ежедневную выдачу чая, а именно по 1/4 зол. въ день на человѣка или 40—50 к. въ мѣсяцъ. Говядина, по его словамъ, давалась все время соленая, исключая августъ мѣсяцъ, когда на пріиски пригоняютъ скотъ для убоя и заготовленія мяса. На пріискахъ К° Зотовыхъ (гдѣ былъ введенъ американскій способъ промывки песковъ) лѣтомъ 1859 года давали рабочимъ около 2 ф. говядины въ день и замѣтили, что при этомъ они никогда не съѣдали положеннаго количества хлѣба и были весьма довольны. Чай на пріискахъ этой компаніи варили для сбереженія времени тутъ же въ разрѣзѣ [1]). По словамъ Севастьянова, содержаніе рабочаго на енисейскихъ пріискахъ стоило въ 1859 г. отъ 20 до 50 к. въ день. Такая значительная разница въ стоимости содержанія рабочаго зависѣла отъ разности разстоянія пріисковъ отъ мѣста доставки припасовъ и неодновременнаго ихъ заготовленія [2]).

На разныхъ промыслахъ Олекминскаго округа въ операцію 1857—58 г. выдавалось слѣдующее мѣсячное продовольствіе: ржаной муки чернорабочимъ и разночинцамъ 2 пуд. 10 фун., крупы ячной или гречневой чернорабочимъ—$7^1/_2$—$8^1/_2$ ф., разночинцамъ до 10 ф., мяса, соленаго или свѣжаго, чернорабочимъ—30 ф., разночинцамъ—30 ф.—1 п. 5 ф., скоромнаго масла или сала чернорабочимъ—$^1/_2$—1 ф., разночинцамъ—$^1/_2$ до $2^1/_2$ ф., соли $2^1/_2$ до 5 ф., чаю кирпичнаго конюхамъ на нѣкоторыхъ промыслахъ по $^1/_2$ ф. [3]).

Въ общемъ сравнительно съ 40-ми годами, въ пищѣ пріисковыхъ рабочихъ замѣтно нѣкоторое улучшеніе; между тѣмъ какъ въ 40-хъ годахъ, при ежедневной выдачѣ мяса, давали его въ день не болѣе фунта, въ 50-хъ годахъ мѣстами начинаютъ давать по $1^1/_4$ ф. (отрядным и до $1^1/_2$ ф.), въ контрактахъ кое-гдѣ появляются уже условія о выдачѣ сала или масла, которыхъ вовсе нѣтъ въ договорахъ 40-хъ годовъ, а также постепенно, хотя и далеко не вездѣ, начинаетъ входить въ употребленіе кирпичный чай. Попрежнему, пища пріисковыхъ рабочихъ отличалась крайнимъ однообразіемъ, но и тутъ мѣстами была сдѣлана попытка введенія въ паекъ рабочихъ кислой капусты.

Нѣсколько чаще, чѣмъ въ 40-хъ годахъ, упоминается и о выдачѣ рабочимъ на пріискахъ вина, необходимаго при тяжелыхъ условіяхъ промысловыхъ работъ и при привычкѣ къ нему рабочихъ. Правда, Гаге-

---

[1]) „Горн. Журн.“ 1861 г., № 3, стр. 376.

[2]) „Горный Журн.“ 1862 г. № 3 стр. 567. За пищею и чистотою въ казармахъ наблюдалъ выбранный рабочими староста; онъ же служилъ посредникомъ между управляющимъ и рабочими при старательскихъ работахъ и при сдачѣ золота.

[3]) На промыслахъ Соловьева въ операцію 1856—57 г. давали еще гороху чернорабочимъ 1 пудъ 20 ф., разночинцамъ—2 п. 10 ф.

мейстеръ едва-ли справедливо утверждаетъ, что рабочимъ „большею частью“ отпускается „винная порція болѣе или менѣе, значительная“, но тѣмъ не менѣе упоминанія о выдачѣ вина, все-таки, встрѣчаются. Разгильдѣевъ въ своемъ отчетѣ о положеніи рабочихъ въ южно-енисейской системѣ говоритъ, что „въ торжественные дни, раза 4 въ годъ, дается рабочимъ порція, т.-е. чарка хлѣбнаго вина. Въ общемъ контрактѣ 1854 г. съ К° Рязановыхъ, Горохова и Мошарова, вслѣдъ за опредѣленіемъ размѣра продовольствія рабочихъ, сказано: „кромѣ того, компанія въ награду нашего усердія въ теченіе лѣта обѣщаетъ намъ отпустить нѣсколько винныхъ порцій въ дни праздничные“. Это, конечно, очень неопредѣленно, но все-таки, мы видимъ, что рабочіе начинаютъ уже предъявлять требованія о выдачѣ имъ вина отъ хозяевъ. Дѣйствительно, потребность въ винѣ настолько настоятельна при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ производится работа на золотыхъ промыслахъ, что въ одномъ контрактѣ мы встрѣтили даже обязательство выдавать рабочимъ опредѣленное количество вина, но на ихъ собственный счетъ: „сверхъ опредѣленнаго намъ продовольствія,—сказано въ общемъ контрактѣ К° Голубкова, Бенардаки и наслѣдницъ Кузнецовыхъ (сѣверно-енисейской системы),—мы, въ видахъ предупрежденія въ насъ цинготной и ревматической болѣзни и для подкрѣпленія нашихъ силъ, просимъ управленіе компаніи, если оно сочтетъ нужнымъ и получитъ разрѣшеніе начальства, имѣть на пріискахъ на счетъ нашъ по три четверти ведра вина на человѣка съ тѣмъ, чтобы К°, вычтя съ каждаго изъ насъ изъ заработка по 3 р. 75 к. и раздѣля означенное количество вина на 50 порцій (считая по полторы сотыхъ ведра), выдавало оныя по два раза въ будніе дни недѣли, кромѣ той, какая по усмотрѣнію К°, можетъ быть отпущена намъ собственно на счетъ пріиска, также въ награду нашего усердія въ праздничные и табельные дни. (Напомнимъ, что Бенардаки былъ виннымъ откупщикомъ и потому ему было выгодно отпускать рабочимъ вино *на ихъ счетъ*). Такимъ образомъ, утвержденіе г. Саввиныхъ, что водка будто бы вовсе не употреблялась въ это время на пріискахъ, несправедливо. „Изъ отчетныхъ документовъ одной богатой компаніи 40-хъ и 50-годовъ,—говоритъ этотъ авторъ,—видно, что спирта или водки совсѣмъ не было на пріискахъ въ употребленіи“ [1]). Компанія эта Удерейская (Бенардаки и Рязановыхъ), и документами ея пользовался для составленія своей статьи г. Саввиныхъ. Но вотъ что мы читаемъ въ неизданномъ отчетѣ этой Удерейской К° за 1849—1856 гг., который мы получили изъ архива пріиска, арендуемаго г. Саввиныхъ съ его любезнаго разрѣшенія: „За семь указанныхъ лѣтъ на промыслахъ этой компаніи было куплено и *употреблено на порціи*—хлѣбнаго вина 267 ведеръ (по 6 р. 22 к. за

[1]) „Сибирскій Вѣстникъ“ 1890 г., № 66.

ведро) и хлѣбнаго спирта 198 ведеръ (по 13 р. 3 к.) [1]). Скарятинъ, хорошо знавшій пріиски Енисейскаго округа (въ концѣ 50-хъ годовъ), говоритъ, что рабочему „даютъ иногда стаканъ вина“ [2]). Въ росписаніи 1856 г. о выдачѣ припасовъ рабочимъ на двухъ пріискахъ Соловьева Олекминскаго округа также предписывается отпускать рабочимъ каждое воскресенье по одной сотой ведра вина [3]). Наконецъ о раздачѣ винныхъ порцій на пріискахъ говорится уже въ одномъ циркулярѣ горнаго исправника южной части Енисейскаго округа какъ объ обычномъ явленіи. Когда генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Муравьевъ, обративъ вниманіе на усиленное пьянство среди пріисковыхъ рабочихъ, предложилъ енисейскому губернатору принять мѣры противъ этого зла, южно-енисейскій горный исправникъ въ сдѣланномъ имъ по этому поводу циркулярномъ распоряженіи (1859 г.), между прочимъ, писалъ: „Во всякое время, когда бываетъ выдача рабочимъ порціи вина, полезно объявить имъ, что взамѣнъ порціи, кто отъ нея откажется изъ добрыхъ побужденій не употреблять вина, записываема будетъ въ разсчетные листы равносильная денежная награда. Отъ исполненія сего, конечно, не откажутся гг. управляющіе“ [4]). Рабочимъ удавалось пріобрѣтать вино на промыслахъ и тайкомъ. „На сѣверныхъ промыслахъ,—писалъ енисейскій жандармскій штабъ-офицеръ въ 1859 г.,—въ нынѣшнемъ году въ особенности замѣтенъ былъ тайный провозъ спирта и недозволенная продажа его рабочимъ какъ на промыслахъ, такъ и по дорогамъ по выходѣ рабочихъ. Спиртъ тайно продается на промыслахъ рублей 5 за бутылку“ [5]). (Питейные дома по закону могли быть не ближе 50 верстъ отъ пріисковъ).

Какъ и въ сороковыхъ годахъ, рабочіе обыкновенно могли приводить на пріиски женъ и дѣтей лишь съ разрѣшенія пріисковаго управленія; такъ было и въ первый періодъ сибирской золотопромышленности. Въ договорѣ съ томскимъ золотопромышленникомъ Коноваловымъ (1855 г.) къ этому условію контракта прибавлено: „если же кто и будетъ женъ и дѣтей имѣть съ позволенія хозяина“, никто на нихъ „содержанія требовать не долженъ, кромѣ одного хлѣба“. Тутъ, очевидно, хлѣбъ семействамъ рабочихъ выдавался безплатно, но по договору съ томскимъ золотопромышленникомъ Онуфровичемъ (1854 г.) рабочіе, если они привели съ собою семейство и по особому разрѣшенію, должны были продовольствовать его на свой счетъ, причемъ за прокормленіе однимъ

---

[1]) Для провоза вина на пріиски губернаторомъ выдавались особыя свидѣтельства.

[2]) „Замѣтки золопромышленника“ ч. II, 218.

[3]) Арх. Горн. Испр. Олекм. окр. дѣло 1857 г. № 229, л. 207 об.

[4]) Арх. Дополн. участка къ Прокоп. пр. Асташева.

[5]) Арх. Иркутск. Гор. Управ., кн. 1356, № 36/131, л. 142 об.

хлѣбомъ каждаго члена семьи старше 13 лѣтъ взималось по 1 руб. въ мѣсяцъ. Въ случаѣ же привода семьи безъ разрѣшенія пріискового управленія, на нѣкоторыхъ пріискахъ была положена весьма значительная плата за ихъ содержаніе. Такъ, въ договорѣ съ Асташевымъ (1859 г.) постановлено, что если кто изъ рабочихъ явится на пріискъ съ женою и дѣтьми безъ разрѣшенія довѣреннаго золотопромышленника, то пріисковое управленіе можетъ вычитать за содержаніе жены и дѣтей по 5 руб. въ мѣсяцъ за каждаго или же тотчасъ отправлять обратно съ пріисковъ. Въ случаѣ привода семьи съ разрѣшенія пріисковыхъ властей, вѣроятно, въ большинствѣ случаевъ, на промыслахъ южно-енисейскаго округа платы за хлѣбъ для нея не взималось, такъ какъ Разгильдѣевъ въ своемъ донесеніи (1853 г.) объ этомъ округѣ, упомянувъ, что на каждаго рабочаго полагалось тамъ по $2^1/_2$ пуда муки, говоритъ, что „семейства рабочихъ (которыхъ по числу душъ онъ считаетъ до $^1/_6$ части своего рабочаго населенія) питаются этимъ же хлѣбомъ“. На промыслахъ К° Рязанова, Горохова и Мошарова (сѣверно-енисейской системы), по договору 1854 г., семьи рабочихъ вовсе не допускались безъ разрѣшенія управляющаго; въ договорѣ же 1856 г. прибавлено, что въ случаѣ дозволенія привести на пріиски женъ, онѣ должны заниматься какою-либо работой: приготовленіемъ пищи, чисткою бѣлья, мытьемъ половъ и проч., а въ противномъ случаѣ рабочіе обязывались за отпускаемый ихъ женамъ хлѣбъ платить компаніи по 3 руб. въ мѣсяцъ.

Одежду, обувь и все для нихъ необходимое, за исключеніемъ предметовъ роскоши, пріисковые рабочіе могли получать изъ хозяйскихъ амбаровъ за установленную цѣну въ счетъ заработка. Какъ заработокъ, такъ и заборъ записывались въ концѣ каждаго мѣсяца въ выданные рабочимъ разсчетные листы. Въ нѣкоторыхъ контрактахъ, какъ и въ 40-хъ годахъ, встрѣчается обязательство полученныя въ счетъ мѣсячной платы вещи ни въ какомъ случаѣ не передавать „въ свои селенія или въ другія мѣста“ подъ опасеніемъ наказанія (договоръ съ Онуфровичемъ 1854 г.), а въ контрактѣ съ К° Рязанова и Мошарова 1854 г. (сѣверо-енисейской системы) воспрещалось передавать вещи одинъ другому подъ опасеніемъ законнаго взысканія. Въ договорѣ съ томскимъ золотопромышленникомъ Коноваловымъ (1855 г.) сказано, что одежда и обувь должны отпускаться рабочимъ по цѣнамъ, назначеннымъ хозяиномъ или управляющимъ, причемъ умалчивалось, что въ Западной Сибири золотопромышленникамъ не дозволялось назначать цѣнъ по своему усмотрѣнію, а они должны были руководствоваться утвержденною администраціею таксой. По договору съ К° Рязанова и Мошарова (1854 г.), вещи должно было отпускать „по цѣнамъ, стоющимъ компаніи“, по контракту съ нею же 1856 г. „по цѣнамъ, стоющимъ компаніи, съ наложеніемъ процентовъ на задолженный капиталъ“: въ договорахъ съ Аста-

шевымъ (1850, 1853 и 1857 гг.) по тѣмъ цѣнамъ, „какія будутъ объявлены по таксѣ", причемъ оговорено, что „предметовъ, къ роскоши относящихся и званію рабочихъ неприличныхъ, отнюдь требовать они не должны" (въ числѣ же вещей, приличныхъ для нихъ, названы бродни, чарки, армяки, рукавицы и т. п.); по договору съ Асташевымъ 1856 г. опредѣлено выдавать вещи „по стоющимъ въ Красноярскѣ цѣнамъ, съ наложеніемъ всѣхъ путевыхъ расходовъ". Напротивъ, по контракту съ томскимъ золотопромышленникомъ Онуфровичемъ (1854 г.), вещи отпускались „по цѣнамъ, *утвержденнымъ правительствомъ*, съ наложеніемъ всѣхъ путевыхъ и прочихъ хозяйскихъ расходовъ" (какъ будто дозволялась такая надбавка сверхъ таксы). Мы видимъ, во всякомъ случаѣ, что на промыслахъ Томской губерніи таксы утверждались администраціею, а на енисейскихъ промыслахъ составлялись пріисковымъ управленіемъ и объявлялись рабочимъ, но утвержденію не подлежали. Однако, въ 1857 г. высшая администрація Восточной Сибири поставила тамошнимъ горнымъ исправникамъ въ обязанность наблюдать, чтобы цѣны припасовъ и вещей, отпускаемыхъ рабочимъ, не были обременительны.

Къ запретнымъ на пріискахъ предметамъ роскоши въ сороковыхъ годахъ относились чай и сахаръ, но въ пятидесятыхъ годахъ они стали дѣлаться все болѣе настоятельною потребностью рабочихъ, что и понятно въ виду возбуждающаго дѣйствія чая, и, наконецъ, нѣкоторыя компаніи стали отпускать рабочимъ на свой счетъ кирпичный чай. Это отразилось и на ослабленіи надзора за ввозомъ этихъ предметовъ, для котораго требовалась выдача разрѣшительныхъ „ярлыковъ" горнымъ исправникомъ [1]).

Въ сороковыхъ годахъ, какъ видно изъ разсчетныхъ книгъ, таксъ на енисейскихъ промыслахъ еще не существовало, между тѣмъ какъ на томскихъ мы находимъ ихъ еще въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ, въ пятидесятыхъ же годахъ мы встрѣчаемъ уже таксы и на промыслахъ Восточной Сибири. Относительно пріисковъ Томскаго округа мы имѣемъ печатный указъ томскаго губернскаго правленія (въ октябрѣ 1852 г.), изъ котораго видно слѣдующее. Губернское правленіе сдѣлало въ августѣ мѣсяцѣ представленіе губернатору, что „хотя цѣны на нѣкоторыя вещи", выдаваемыя пріисковымъ рабочимъ, „въ настоящемъ году и выше утвержденныхъ въ прошломъ 1851 году, но онѣ не превышаютъ среднесправочныхъ цѣнъ, утвержденныхъ городскою думой", и потому губернаторъ утвердилъ доставленную ему губернскимъ правленіемъ таксу, съ тѣмъ,

---

1) Въ 1857 г. исправникъ сѣверно-енисейской системы сдѣлалъ циркулярное распоряженіе по кордонамъ всѣхъ пріисковыхъ дорогъ, чтобы казаки пропускали слѣдующіе на пріиски вещи и припасы (исключая спиртъ) по предъявленіи транспортныхъ фактуръ, не домогаясь ярлыковъ.

чтобы, по отпечатаніи ея въ необходимомъ количествѣ экземпляровъ, она была отправлена къ томскому горному исправнику и прибита на всѣхъ пріискахъ, вмѣнивъ исправнику въ обязанность, чтобы вещи отпускались рабочимъ хорошаго качества отнюдь не дороже утвержденныхъ цѣнъ [1]). Изученіе разсчетныхъ книгъ промысловъ Енисейскаго округа подтверждаетъ, что тамъ въ это время несомнѣнно были уже росписанія цѣнъ, установленныя пріисковымъ управленіемъ на всю операцію, но только въ Томскомъ округѣ была одна такса, обезательная для всѣхъ промысловъ, а въ Енисейскомъ были особыя цѣны на каждомъ пріискѣ. Потребности пріисковыхъ рабочихъ, очевидно, возросли, такъ какъ заборъ нѣкоторыхъ предметовъ, рѣдкихъ въ сороковыхъ годахъ, сталъ явленіемъ гораздо болѣе обычнымъ, по крайней мѣрѣ въ южно-енисейской системѣ; масло и пшеничная мука стали продаваться на большемъ числѣ промысловъ; явился запросъ на такія вещи, какъ, напримѣръ, кожанныя шаровары. Напротивъ, въ сѣверно-енисейской системѣ, на Гавриловскомъ и Никольскомъ пріискахъ К° Рязановыхъ въ 1851 г. продавалось въ пріисковыхъ лавкахъ еще весьма ограниченное количество товаровъ. Сравнивая цѣны на различныхъ промыслахъ Енисейскаго округа, мы видимъ, что всего выше онѣ были на пріискахъ Удерейской К° (южно-енисейской системы), причемъ разница съ другими промыслами была иной разъ весьма значительна [2]). Сахаръ и чай продавались открыто какъ въ Енисейскомъ округѣ, такъ и на олекминскихъ промыслахъ.

„Чтобы вынести какую нибудь-копѣйку съ мучительныхъ работъ,— говоритъ Кривошапкинъ,— а не все отдавать компаніи“, рабочіе старались брать въ пріисковыхъ лавкахъ какъ можно менѣе одежды и обуви [3]). Поэтому они носили по нѣскольку недѣль одну и ту же рубашку, которая успѣвала такъ загрязниться, что уподоблялась плотной, непромыкаемой матеріи. Нѣкоторые изъ управляющихъ пріисками пускались на такую спекуляцію: ввозъ предметовъ роскоши на пріиски былъ запрещенъ, а отпускать холстъ на бѣлье имъ казалось невыгоднымъ; поэтому они скупали для рабочихъ гнилой ситецъ, рубашки изъ котораго скоро распадались, такъ что приходилось вновь покупать его [4]).

Въ маѣ 1857 г. генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Муравьевъ разослалъ горнымъ исправникамъ циркуляры, въ которыхъ, указывая на свою заботливость о положеніи рабочихъ на частныхъ золотыхъ промыс-

---

[1]) См. *Дополненіе VII* (въ концѣ этого тома).

[2]) Коровье масло, одинъ изъ самыхъ необходимыхъ припасовъ, стоило на Казанскомъ пріискѣ Асташева 15 к. ф., а въ Удерейской К°—25 к.

[3]) „Нижегороды“ обыкновенно изъ дому запасались одеждою, или, какъ ее называютъ въ Сибири, „лопатью“.

[4]) „Енис. округъ“, 186—187.

лахъ, обращалъ вниманіе исправниковъ на то, что „нѣкоторыя товарныя вещи отпускаются рабочимъ за слишкомъ высокую цѣну и, притомъ, нерѣдко одна и та же вещь на всѣхъ пріискахъ въ разной цѣнѣ и на одномъ изъ нихъ гораздо дороже, чѣмъ на другихъ". Не менѣе значительна разница и въ цѣнахъ припасовъ. „Вообще же рѣдко замѣтно, чтобы одинъ и тотъ же товаръ былъ одинаковой стоимости, хотя и не на всѣхъ пріискахъ, но, по крайней мѣрѣ, на нѣсколькихъ". Муравьевъ приказалъ: 1) представить ему реестръ товарныхъ вещей и припасовъ, отпускаемыхъ рабочимъ съ обозначеніемъ цѣнъ; 2) „объявить золотопромышленникамъ, что при снабженіи рабочихъ на частныхъ пріискахъ одежными вещами должно имѣть въ виду не тѣ выгоды, которыя дозволяютъ себѣ занимающіеся исключительно торговлей изъ барышей, часто весьма значительныхъ, а, напротивъ, по долгу человѣколюбія и добросовѣстности слѣдуетъ заботиться о положеніи рабочаго, приходящаго изъ отдаленнаго мѣста и жертвующаго для золотопромышленниковъ самыми усиленными трудами и *сокращеніемъ жизни*"; 3) „предложить золотопромышленникамъ, чтобы они имѣли строгое наблюденіе за дѣйствіями своихъ конторъ, управляющихъ и прикащиковъ", и 4) „смотрѣть безъ всякаго послабленія, чтобы въ магазинахъ, гдѣ продаются одежныя вещи и припасы, *были непремѣнно таксы, подписанныя золотопромышленниками или уполномоченными отъ нихъ довѣренными*" (однако, объ утвержденіи этихъ таксъ правительственною администраціей не упоминается) [1]). Но уже въ 1862 г. золотопромышленникъ Безобразовъ въ запискѣ, поданной генералъ-губернатору Восточной Сибири, жаловался, что горный исправникъ сѣверной части енисейскаго округа требуетъ отъ промысловыхъ управленій составленія по данной имъ формѣ таксъ на всѣ вещи и припасы и утверждаетъ ихъ своею подписью [2]).

Вслѣдствіе предписанія Муравьева 1857 г., горный исправникъ Олекминскаго и Киренскаго округовъ, Измайловъ, отправилъ въ декабрѣ того же года въ совѣтъ главнаго управленія Восточной Сибири сводную таблицу цѣнъ на промыслахъ этихъ округовъ [3]) и, притомъ, пояснилъ,

---

[1]) Въ томъ изъ этихъ циркуляровъ 1857 г., который былъ отправленъ къ олекминскому горному исправнику, въ примѣръ разницы цѣнъ на товары, было указано на то, что цѣна армяковъ перваго сорта на разныхъ олекминскихъ пріискахъ колебалась между 4 руб. (на Преображенскомъ пріискѣ К° Баснина и Катышевцева) и 6 р. 50 коп. (на Анненскомъ пріискѣ Персина по р. Молво), такъ что разница въ цѣнѣ на армякъ доходила до 2 руб. 50 коп. Цѣна на овчинныя шубы колебалась между 5 и 8 руб.; стоимость припасовъ была столь же различна: ржаная мука отъ 80 коп. до 1 руб. 80 коп., пшеничная—отъ 1 руб. 20 коп. до 2 руб. 50 коп. за пудъ. Арх. Гавр. пріиска Кытмановыхъ № 122/582, л. 41; Арх. Ирк. Горн. Упр., кн. 2519, № 1/36, л. 256—258.

[2]) Арх. Горн. Деп., Отд. частн. золотопр. дѣло 1857 г., № 68/650, ч. III.

[3]) См. Дополненіе VIII (въ концѣ этого тома).

что „разительная разность въ цѣнахъ на вещи“ на различныхъ пріискахъ происходитъ отъ разнаго качества товаровъ и условій ихъ заготовки, т.-е. самъ ли владѣлецъ закупаетъ товары изъ первыхъ рукъ или по коммиссіи, и на наличныя ли деньги или въ кредитъ, почему уравнять цѣны не предстоитъ почти никакой возможности. Судя же по добротѣ товаровъ въ магазинахъ пріисковъ Олекминскаго и Киренскаго округовъ и беря въ разсчетъ дальность края отъ мѣста покупки, какъ, напримѣръ, отъ Тюмени, Екатеринбурга и Томска, гдѣ большая часть товаровъ золотопромышленниками заготовляется, существующія въ настоящее время цѣны почти равны цѣнамъ на таковые же товары г. Иркутска и цѣнамъ товаровъ, отпускаемыхъ на промыслахъ Енисейскаго округа, изъ чего заключаю, что пріисковыя управленія Олекминскаго округа въ отпускѣ товаровъ поступаютъ еще довольно добросовѣстно. Впрочемъ, были случаи, что нѣкоторыя управленія возвышали цѣны на товары, выставляя причиною этого „поспѣшную обстановку дѣла и оттого несвоевременное заготовленіе товарныхъ вещей“. „но,—продолжаетъ Измайловъ,—*по настоянію моему сбавляли цѣну*, уравнивая съ прочими, смотря по качеству товаровъ, не заставляя меня объ этомъ дѣлать представленія высшему начальству“. Изъ этого видно, что въ Олекминскомъ округѣ таксы на пріискахъ подлежали нѣкоторому контролю мѣстной администраціи (быть можетъ, послѣ циркуляра Муравьева 1857 г.).

Сопоставивъ цѣны на пріискахъ Олекминскаго округа съ цѣнами товаровъ и припасовъ на енисейскихъ промыслахъ, мы, пожалуй, можемъ согласиться, что, *сравнительно съ этими послѣдними*, ихъ вообще (за исключеніемъ нѣкоторыхъ предметовъ) можно признать довольно умѣренными въ виду отдаленности Олекминскаго округа, но нельзя не видѣть справедливости словъ Муравьева о страшной разницѣ между стоимостью нѣкоторыхъ припасовъ на различныхъ промыслахъ одного и того же округа: такъ, цѣна пшеничной муки, попрежнему, колебалась между 1 р. 20 к. и 2 р. 50 к. за пудъ; страшная разница въ цѣнѣ сахара (50—80 коп. за фунтъ) никакъ не можетъ оправдываться разницею въ условіяхъ пріобрѣтенія и доставки, да и такая цѣна его, какъ 80 коп. за фунтъ, уже никакъ не можетъ почитаться умѣренною. Но, въ общемъ, олекминскія цѣны не особенно выше, а на нѣкоторыхъ промыслахъ и ниже енисейскихъ; если олекминскіе золотопромышленники,—конечно, не безъ выгоды для себя,—продавали рабочимъ товары по этой цѣнѣ, то какіе же, значитъ, огромные барыши получали енисейскіе, особенно Удерейская К°? На запросъ о томъ, по какой цѣнѣ закупаются товары на олекминскіе пріиски и во что обходится перевозка, лишь немногіе представители тамошнихъ золотопромышленныхъ компаній сообщили свѣдѣнія горному исправнику; другіе же ссылались на то, что не они производятъ эти закупки, или отдѣлались общею фразой, что

товары куплены у подрячиковъ съ доставкой на промыслы и отпускаются служащимъ и рабочимъ „безъ взиманія процентовъ по стоющей компаніи цѣнѣ". Но четыре компаніи сообщили довольно подробныя свѣдѣнія (насколько вѣрныя, это—другой вопросъ) о томъ, по какой цѣнѣ были закуплены припасы и товары и во что обошлась перевозка. Изъ этихъ свѣдѣній видно, что Желтуктинская К° Каратаева брала подъ видомъ „траты" или на коммиссію весьма значительные проценты, размѣръ которыхъ чаще всего, по собственному показанію пріисковаго управленія, колебался между 6 и 10, но иногда былъ и гораздо значительнѣе: такъ, на кирпичный чай налагалось 11%, крестьянское сукно — 15%, табакъ—21%, пшеничную муку—28% и на ржаную муку даже 33% покупной цѣны. При этомъ мы принимали въ разсчетъ только то, что сама компанія указывала, какъ вознагражденіе за трату или коммиссію, но, сверхъ того, она нерѣдко назначала себѣ еще совершенно произвольно громадное вознагражденіе подъ видомъ издержекъ на перевозку. Такъ, за провозъ *одного аршина* крестьянскаго сукна, покупная цѣна котораго равнялась 20 коп., назначена плата 7 коп., т.-е. 35% покупной цѣны, кромѣ 3 коп. за „трату" или коммиссію; такимъ образомъ, накладные расходы на крестьянское сукно равнялись въ суммѣ 50% первоначальной стоимости. Очевидно, компанія наживала на продажѣ товаровъ хорошенькіе барыши, и, притомъ, вполнѣ вѣрные, такъ какъ золотопромышленники пользовались правомъ монопольной торговли на своихъ пріискахъ. А, между тѣмъ, были пріиски, хозяева которыхъ назначали еще высшія цѣны, чѣмъ Желтуктинское товарищество Каратаева: такъ, на пріискахъ этого послѣдняго пшеничная мука стоила 1 р. 80 к., а на Вознесенскомъ пріискѣ Трапезникова—2 р. 40 к., на пріискахъ Соловьева—2 р. 50 к., на пріискахъ Желтуктинскаго товарищества пудъ сахара продавался по 22 р., а по фунтамъ по 60 к., у Соловьева же—по 80 к. [1]).

Что торговля въ пріисковыхъ лавкахъ была весьма значительною статьей дохода золотопромышленниковъ, видно и изъ того, что заборъ въ пріисковыхъ лавкахъ составлялъ весьма значительный процентъ заработка рабочихъ. Такъ, на пріискахъ Удерейской К° въ 1850 г. рабочіе почти 37% своего заработка получили вещами и съѣстными припасами (въ томъ числѣ „аммуничными" вещами 24%, припасами болѣе 12%); въ 1858 г. въ этой же компаніи вещами и съѣстными припасами выдано было около 30%. Въ К° Щеголева и Кузнецова (южно-енисейской системы) болѣе 22% заработка забрано было рабочими въ видѣ вещей и съѣстныхъ припасовъ (въ томъ числѣ 17% первыхъ и болѣе 5% вторыхъ).

Когда главное управленіе Восточной Сибири получило къ началу

[1]) Арх. Олекм. Горн. Испр., дѣло о таксахъ на промыслахъ 1857 г. № 229.

1858 г. всѣ донесенія горныхъ исправниковъ о пріисковыхъ таксахъ предъидущаго года, то предсѣдатель этого управленія, генералъ Венцель, разослалъ горнымъ исправникамъ циркуляръ, въ которомъ говоритъ: „Я нахожу, что цѣны на припасы и матеріалы весьма различны не только на промыслахъ разныхъ округовъ, но даже въ одномъ и томъ же округѣ. Принимая въ соображеніе, что нѣтъ никакой возможности къ достиженію установленія одинаковыхъ цѣнъ на одни и тѣ же припасы и матеріалы не только на промыслахъ разныхъ, но даже одного и того же округа, ибо заготовленіе подобныхъ вещей зависитъ отъ различныхъ мѣстныхъ обстоятельствъ и другихъ условій, какъ-то: мѣстности, гдѣ они пріобрѣтаются, цѣнъ, зависящихъ отъ времени и подвозовъ, средствъ самихъ золотопромышленниковъ, способовъ заготовленія и доставки на промыслы на наличныя деньги или въ долгъ и проч., и проч.; но, желая, въ то же время, чтобы цѣны на припасы и матеріалы по всѣмъ частнымъ промысламъ Восточной Сибири не были обременительны для рабочаго класса, трудящагося на этихъ промыслахъ", Венцель, согласно съ предписаніемъ Муравьева отъ 11 мая 1857 г., просилъ горныхъ исправниковъ „имѣть тщательнѣйше наблюденіе", „чтобы на каждомъ изъ дѣйствующихъ промысловъ существовали таксы на всѣ безъ исключенія припасы и матеріалы, отпускаемые рабочимъ, чтобы они не были для нихъ обременительны, чтобы на пріискахъ не были допускаемы предметы роскоши и, наконецъ, чтобы сами хозяева, по чувству человѣколюбія къ рабочимъ, для пользы ихъ трудящимся, зорко смотрѣли" за своими довѣренными и не допускали назначенія произвольныхъ цѣнъ на припасы и товары [1]).

Относительно болѣзней рабочихъ и ихъ лѣченія въ пріисковыхъ больницахъ во многихъ контрактахъ 50-хъ годовъ постановлено, что за время пребыванія въ больницѣ рабочіе не могутъ себѣ требовать платы съ хозяевъ, въ другихъ же договорахъ это подразумѣвается; затѣмъ по однимъ контрактамъ хозяева за расходы на лѣченіе въ больницахъ ничего не взыскивали съ рабочихъ; другіе, напротивъ, устанавливали за это извѣстную плату [2]). Въ извѣстныхъ намъ разсчетныхъ книгахъ

---

[1]) Арх. Икрут. Горн. Управл. К. 2519 № 1/36, л. 298—299.

[2]) По договору съ Онуфровичемъ, за лѣченіе и содержаніе въ лазаретахъ никакого вычета съ рабочихъ не установлено. По договору съ Асташевымъ (1850, 1853, 1857 и 1858 гг.) не должно было дѣлать вычетовъ только за пребываніе въ больницѣ въ теченіе трехъ дней, а затѣмъ „въ возмѣщеніе расходовъ на содержаніе" должно было взыскивать съ нихъ за каждый день по 50 коп. асс., а по договору съ нимъ же 1856 г. никакого вычета не назначено. Въ договорѣ Асташева съ отрядными рабочими (1858 г.) установлено безплатное лѣченіе въ пріисковой больницѣ и, кромѣ того, сдѣлана оговорка, что здоровые не обязаны отрабатывать уроковъ больного. По договорамъ съ К° Голубкова, Бенардаки и Кузнецовыхъ (1854 г.) и съ К° Рязановыхъ

50-хъ годовъ, такъ же, какъ и въ книгахъ предшествовавшаго времени, нигдѣ прямо вычетовъ за лѣченіе мы не нашли, но, быть можетъ, вычетъ состоялъ въ томъ, что сверхъ извѣстнаго числа нерабочихъ дней *не записывалось* еще нѣкоторое количество дней рабочихъ или вычетъ записывался подъ видомъ выдачи денегъ (см. о вычетахъ ниже).

На частныхъ золотыхъ пріискахъ Томскаго округа въ теченіе года (1855—56 гг.) было 1,778 больныхъ, изъ которыхъ умерло 22 человѣка [1]). Если принять во вниманіе, что въ первой половинѣ 50-хъ годовъ въ Томскомъ округѣ было всего 3—3½ тысячи пріисковыхъ рабочихъ, то мы увидимъ, что процентъ заболѣвшихъ среди нихъ очень великъ (болѣе половины). На всѣхъ пріискахъ Енисейской губерніи въ 1851 г. было больныхъ 32% рабочихъ, умерло 3,1% заболѣвшихъ; въ 1852 г. было больныхъ 34% рабочихъ, умерло 4,5% заболѣвшихъ. По отчету енисейскаго жандармскаго штабсъ-офицера Борка за 1859 г., на промыслахъ сѣверной системы Енисейскаго округа заболѣло 16,7% явившихся рабочихъ, умерло 7,5% заболѣвшихъ; въ южной системѣ того же округа было больныхъ гораздо болѣе—почти 47% явившихся на пріиски, изъ нихъ умерло 3,2% заболѣвшихъ. Впрочемъ, Боркъ оговаривается, что „значительная часть больныхъ, показанная на южной системѣ Енисейскаго округа, состоитъ изъ тѣхъ рабочихъ, которые по маловажнымъ недугамъ ограничивались только *открытіемъ крови*. Они вошли въ общую цифру потому, что промысловыя управленія въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ медикъ признаетъ необходимымъ открыть кровь рабочему, даютъ ему сутки отдыха, въ теченіе которыхъ онъ свободенъ отъ занятій и числится больнымъ для вѣрнаго учета рабочихъ дней“ [2]). Въ семилѣтнемъ разсчетѣ работъ Удерейской К° (1849—1856 гг.) больные отдѣлены отъ открывающихъ себѣ кровь: изъ всего числа поденщинъ за это время больныхъ. поденщинъ было болѣе 4% и „у открытія крови и на отдыхѣ“ болѣе 1% Нужно замѣтить, что кровопусканіе и теперь очень распространено на сибирскихъ промыслахъ, что́ объясняется, по новѣйшимъ научнымъ изслѣдованіямъ, возбуждающимъ (на нѣкоторое время) вліяніемъ кровопусканія на переутомленные мускулы рабочихъ [3]), хотя, конечно, въ концѣ-концовъ, такія частыя кровопусканія очень вредны. Въ томъ же разсчетѣ

(1851 г.), сѣверной части Енисейскаго округа, рабочіе обязаны были уплатить издержки, употребленныя на ихъ лѣченіе, а по договорамъ съ К° Рязановыхъ (1854 и 1856 гг.), съ дѣйствительно больныхъ за содержаніе и лѣченіе вычета не производилось.

[1]) Арх. Глав. Управл. Алт. Горн. окр. въ Барнаулѣ, св. 175, дѣло № 6,487, л. 34—35.

[2]) Арх. Иркут. Горн. Управ., кн. 1356, № 36/131, л. 138, 140.

[3]) См. *М. Манассеина*: „Объ усталости вообще и объ условіяхъ ея развитія“. Спб., 1893 г., стр. 16 (или въ „Сѣвер. Вѣсти.“ 1892 г. № 4).

работъ Удерейской К° [1]) мы находимъ за семь лѣтъ „не въ работѣ праздничныхъ“ поденщинъ болѣе 8% всего ихъ числа, что составляетъ болѣе $2^1/_2$ праздничныхъ дней въ мѣсяцъ, а вмѣстѣ съ днями „у открытія крови и на отдыхѣ“ составитъ болѣе трехъ дней отдыха въ мѣсяцъ.

Г. Саввиныхъ въ своей статьѣ „Положеніе рабочихъ на енисейскихъ золотыхъ пріискахъ“ говоритъ: „Нельзя не поражаться страшнымъ процентомъ больныхъ въ то время (въ пятидесятыхъ годахъ). У рѣдкихъ рабочихъ доходило въ мѣсяцъ до 24—26 дней въ работѣ, что даже составляло исключеніе; у большинства же меньше 20 дней, а много есть такихъ, у которыхъ въ мѣсяцъ обходилось по 5 и по 7 дней на работѣ, *а остальное все время значились больными*“ [2]). Этотъ выводъ г. Саввиныхъ основывается на разсчетныхъ книгахъ Удерейской компаніи; познакомившись съ нѣкоторыми изъ нихъ, мы можемъ подтвердить, что, дѣйствительно, въ активъ рабочаго обыкновенно записано въ нихъ гораздо меньшее количество рабочихъ дней, чѣмъ можно ожидать, но предположеніе г. Саввиныхъ, что всѣ остальные рабочіе дни являются „больными поденщинами“, не только не на чемъ не основано, но даже прямо опровергается приведенными данными семилѣтняго отчета Удерейской компаніи, гдѣ процентъ больныхъ поденщинъ лишь нѣсколько болѣе 4, а если къ этому прибавить еще одинъ слишкомъ процентъ у „открытія крови на и отдыхѣ“, то всего больныхъ поденщинъ окажется 5—6%, а съ прибавкою праздничныхъ дней—до 14%, т.-е. въ мѣсяцъ болѣе 4 нерабочихъ дней. Это заставляетъ предполагать, что извѣстная часть рабочихъ поденщинъ не записывалась въ видѣ штрафа за какіе-либо проступки или въ видѣ вычета за лѣченье. Къ вопросу о штрафахъ, мы, впрочемъ, вернемся ниже.

Какъ свидѣтельствуетъ енисейскій врачъ Кривошапкинъ, промысловыя управленія весьма не рѣдко разсчитывали тяжело-больныхъ рабочихъ и „всѣ эти несчастные, разсчитанные и изгнанные страдальцы, кончающіе жизнь свою гдѣ-нибудь недалеко отъ вытолкнувшаго ихъ пріиска, означаются въ больничномъ спискѣ и вѣдомостяхъ выздоровѣвшими“ [3]). „При каждомъ хроническомъ случаѣ: цынги, хроническаго ревматизма, водянки, завала, хроническаго слизистаго катарра, чахотки и т. п.,—говоритъ докторъ Кривошапкинъ,—рабочихъ разсчитываютъ, съ означеніемъ въ разсчетныхъ листахъ: „разсчитанъ за болѣзнію; остался долженъ столько-то рублей, почему по выздоровленіи и долженъ быть высланъ на операцію будущаго года“. Безъ всякаго призрѣнія, безъ подводы от-

[1]) Сообщ. А. К. Субботинымъ.

[2]) „Сибирскій Вѣстникъ“ 1890 г., № 66.

[3]) Статья Кривошапкина въ журн. „Промышленность“ 1861 г. т. II, кн. 2 и 3, стр. 210.

правляется себѣ больной пѣшкомъ по таежной глуши, подвергается всѣмъ перемѣнамъ суровой погоды... Вѣтры пронизываютъ насквозь его дырявую одежонку, жуетъ онъ кое-какъ данные ему на дорогу ржаные сухари. И вотъ, смотрите: одинъ въ конвульсіяхъ умираетъ на дорогѣ, еще въ границахъ пріисковъ, и предается землѣ съ вѣдома пріисковой полиціи жильцами сосѣдняго зимовья. Другого смерть застаетъ гдѣ-нибудь на зимовьѣ... Третій протащится всю тайгу, умретъ гдѣ-нибудь вблизи дороги у разведеннаго огонька, разогрѣвая себѣ на сошкахъ въ котелочкѣ воду для питья... и составитъ предметъ судебно-врачебнаго осмотра [1])... Четвертый дотаскивается до Енисейска и, не успѣвъ явиться ни въ полицію, ни на квартиру, засыпаетъ тихимъ и вѣчнымъ сномъ отъ чахотки гдѣ-нибудь въ уютномъ уголку у забора... Пятый препровождается въ городскую больницу—оборванный, безъ преувеличенія, до лоскутьевъ, замаранный грязью, пылью даже до того, что нельзя узнать лица человѣческаго, особенно при потухшемъ, почти безжизненномъ взглядѣ, и только бѣлки глазъ, поворачивающихся то одною, то другою стороной, обличаютъ въ немъ живого человѣка... Другіе уже не говорятъ ни слова отъ муки и отчаянія, только поводятъ глазами, умоляя оставить ихъ въ покоѣ, и засыпаютъ на вѣки черезъ часъ, два и три по прибытіи въ больницу. Вотъ такими-то больными наполняется енисейская больница, и число больныхъ въ ней бываетъ втрое противу комплекта... Что же дѣлать врачу..., если нѣтъ ни богадѣльни, ни дома неизлѣчимыхъ, если компаніи не хотятъ давать пріютъ и на сутки на своихъ подворьяхъ [2]), если у самихъ больныхъ нѣтъ ни копѣйки за душой, и никакой домохозяинъ не пуститъ ихъ переночевать, если имъ остается лежать на улицахъ, и полиція, поднимая ихъ, руководится однимъ правиломъ: „свозить къ больницѣ, выкладывать тамъ на крыльцо и уѣзжать...?“ Принимать—и по совѣсти, и чтобы не подвергнуться отвѣтственности за смерть людей на крыльцѣ больницы, безъ пріюта и помощи [3])... Пробо-

---

[1]) Въ губернаторскихъ отчетахъ мы можемъ найти этихъ несчастныхъ въ отдѣлѣ „происшествій на промыслахъ“ подъ рубрикою замерзшихъ, найденныхъ мертвыхъ тѣлъ, скоропостижно умершихъ.

[2]) Исключеніе, по словамъ Кривошапкина, составляла К° Зотовыхъ. „Промышленность“, 1861 г. т. II, кн. 2 и 3.

[3]) „По крайней мѣрѣ, такъ дѣлалъ я,—продолжаетъ Кривошапкинъ,—подвергая себя отвѣтственности и за недослугу бѣлья, которое при двойномъ и тройномъ комплектѣ больныхъ должно было служить безсмѣнно, и за большую цифру умиравшихъ въ больницѣ приказа противу выздоровѣвшихъ, и за недостаточность сохраненія порядка и чистоты, когда и число кроватей, и прислуга, и посуда положены были сперва на 25, а потомъ... на 30 больныхъ, а случалось ихъ и по 85 человѣкъ... Въ числѣ умершихъ было много и калѣкъ, для которыхъ у насъ нѣтъ богадѣльни, и неизлѣчимо-хворыхъ, для которыхъ учрежденія существуютъ только по своду законовъ. Нѣ-

вано было и чувство человѣколюбія въ золотопромышленникахъ, но оно оказалось прикрытымъ непроницаемою броней, и отвѣтомъ на оффиціальное предложеніе помочь выходу изъ этого состоянія была ссылка на взносъ, дѣлающійся въ поселенческій капиталъ, хотя большая часть (?) изуродованныхъ—вовсе не поселенцы. А вѣдь ничего бы не стоило для всѣхъ компаній сѣверной системы давать ежегодно копѣйки по двѣ съ каждаго фунта золота" [1]).

Оффиціальные документы подтверждаютъ слова Кривошапкина. Енисейскій губернаторъ въ предписаніи 30 мая 1856 г. горнымъ исправникамъ Енисейскаго округа указываетъ на то, что одинъ поселенецъ, присланный въ енисейскую городскую больницу, принятъ не былъ, такъ какъ всѣ кровати были заняты. По словамъ енисейскаго окружнаго начальника, „подобные случаи повторялись неоднократно, въ особенности при выходѣ съ пріисковъ рабочихъ, которые по непринятіи ихъ въ больницу, не могутъ имѣть въ городѣ никакого призрѣнія". Поэтому губернаторъ предписалъ горнымъ исправникамъ „наблюдать, чтобы заболѣвающіе на промыслахъ рабочіе не были отправляемы въ путь въ болѣзненномъ состояніи, сколько для отвращенія встрѣченныхъ затрудненій въ помѣщеніи ихъ въ енисейскую гражданскую больницу, а не менѣе того и для избѣжанія несчастныхъ послѣдствій, за которыя виновные будутъ отвѣчать предъ Богомъ и правительствомъ".

Горные исправники довели объ этомъ предписаніи до свѣдѣнія золотопромышленниковъ [2]), но послѣдніе мало обратили на него вниманія, и въ августѣ 1858 г. горному исправнику южно-енисейской системы Чайковскому пришлось обратиться къ пріисковымъ управленіямъ своего округа съ циркуляромъ, въ которомъ онъ указываетъ на то, что они, „разсчитывая рабочихъ, оказавшихся неспособными къ работѣ по медицинскому освидѣтельствованію, отправляютъ ихъ съ пріисковъ, предоставляя слѣдовать до жилыхъ мѣстъ произвольно, не обращая вниманія на слабое ихъ состояніе", вслѣдствіе чего „немощные остаются на дорогахъ безъ призрѣнія и съ трудомъ доходятъ до жилыхъ мѣстъ, а нѣкоторые даже въ пути умираютъ". Исправникъ потребовалъ отъ золотопромышленниковъ, уполномоченныхъ и управляющихъ пріисками, чтобы рабочіе, „оказавшіеся неспособными къ работамъ и не имѣющіе достаточно силъ къ слѣдованію, отнюдь не были увольняемы съ пріиска, а помѣщались въ пріисковыхъ больницахъ впредь до возстановленія ихъ

которые изъ подобныхъ были изъ поселенцевъ, тогда какъ до сихъ поръ нѣтъ для нихъ домовъ призрѣнія, что есть въ сводѣ законовъ и на что составился уже огромный экономическій поселенческій капиталъ".

[1]) *Кривошапкинъ.* „Енис. округъ", стр. 191—194.

[2]) Арх. Горн. Испр. южно-енис. сист., дѣло 1856 г. № 1, л. 316—318.

силъ; если же управленіе будетъ считать это для себя обременительнымъ, то обязано такихъ людей отправлять подъ надзоромъ при подводахъ" и не иначе, какъ препроводивъ въ канцелярію исправника, откуда они должны были отправляться партіями черезъ каждыя двѣ недѣли [1]).

Другія показанія Кривошапкина также подверждаются оффиціальными документами. Такъ, изъ одного циркуляра южно-енисейской системы 1857 г. видно, что въ общемъ губернскомъ управленіи Енисейской губерніи возникла переписка „объ устройствѣ въ Енисейскѣ собственно для призрѣнія пріисковыхъ рабочихъ особаго заведенія". Эта переписка вмѣстѣ съ доставленными Кривошапкинымъ соображеніями о расширеніи круга дѣйствій тамошней больницы „для удобнаго призрѣнія дряхлыхъ и увѣчныхъ" была передана енисейскомъ губернаторамъ на разсмотрѣніе приказа общественнаго призрѣнія, который увѣдомилъ, что на устройство новаго зданія, необходимаго для увеличенія помѣщенія больницы, приказъ не имѣетъ рѣшительно никакихъ средствъ. Тогда енисейскій губернаторъ, принимая во вниманіе, что потребность въ расширеніи больницы вызывается настоятельною надобностью „дать призрѣніе людямъ, возвращающимся съ золотыхъ промысловъ, часто увѣчнымъ и одержимымъ неизлѣчимыми болѣзнями вслѣдствіе промысловыхъ работъ", пришелъ къ мысли, что гораздо справедливѣе устроить если не въ Енисейскѣ, то на дорогѣ изъ него къ промысламъ особое заведеніе для призрѣнія увѣчныхъ и неизлѣчимыхъ больныхъ *на счетъ золотопромышленниковъ*, „подобно тому, какъ были устроены ими же на пути къ золотымъ промысламъ больничныя заведенія". По порученію губернатора, горные исправники Енисейскаго округа предложили золотопромышленникамъ представить губернскому начальству свои соображенія по этому предмету [2]), но они сослались на то, что уже вносятъ деньги въ поселенческій капаталъ.

Въ 1859 г. мѣстной администраціи вновь пришлось возвратиться къ вопросу объ обремененіи енисейской городской больницы больными рабочими, разсчитанными съ промысловъ. Въ это время въ енисейской больницѣ, по ходатайству завѣдующаго ею врача, т.-е. Кривошапкина, вмѣсто прежнихъ 25 кроватей, устроено было 30 и, кромѣ того, 10 запасныхъ. Для дальнѣйшаго увеличенія больницы не было средствъ, а, между тѣмъ, скопленіе больныхъ достигало тамъ до 55 человѣкъ, такъ что не хватало ни кроватей, ни прислуги. Такъ какъ накопленіе больныхъ обусловливалось присылкою рабочихъ съ золотыхъ промысловъ, то приказъ нашелъ необходимымъ предложить исправникамъ Енисейскаго округа, чтобы они „не допускали разсчета и высылки съ пріисковъ ра-

[1]) Арх. Гавриловскаго пріиска Кытмановыхъ, дѣло 1858 г. № 114, л. 115—116.
[2]) Ibid., л. 11—12.

бочихъ, не освѣдомясь предварительно, есть ли въ енисейской больницѣ свободныя кровати. Рабочіе, идущіе на пріиски, заболѣвающіе на пути и присылаемые городскою и земскою полиціями во множествѣ безъ предварительнаго освѣдомленія, также увеличиваютъ число больныхъ сверхъ комплекта". По мнѣнію приказа общественнаго призрѣнія, горные исправники Енисейскаго округа и общая полиція, освѣдомившись о неимѣніи свободныхъ кроватей въ больницахъ, „могли бы и даже обязаны" были „распорядиться, чтобы въ этой крайности заболѣвающіе пріисковые рабочіе помѣщались въ пріисковыя больницы, нарочно для того устроенныя, а въ городѣ—при конторахъ каждой компаніи". Вмѣстѣ съ тѣмъ, приказъ предписалъ, чтобъ енисейская городская больница не принимала неизлѣчимо-больныхъ пріисковыхъ рабочихъ. Кромѣ этого распоряженія приказа, енисейскій земскій судъ получилъ и отношеніе енисейскаго городского врача Кривошапкина, въ которомъ тотъ говоритъ, что онъ „неоднократно доносилъ высшему начальству о безпорядкахъ, происходящихъ въ больницѣ и увеличивающихъ цифру умершихъ отъ того, что съ пріисковъ выпускаютъ больныхъ людей и выпускаютъ безъ призрѣнія. Приказъ общественнаго призрѣнія строго предписалъ конторѣ больницы не принимать сверхъ комплекта и не подлежащихъ пріему по роду болѣзней", между тѣмъ, въ августѣ 1859 г. отъ земскаго суда былъ присланъ въ больницу „такой чахоточный больной, которому остается жить лишь нѣсколько дней и который могъ умереть на дорогѣ, а изъ разсчетнаго листа видно, что онъ разсчитанъ по болѣзни и затѣмъ не препровожденъ попечительно, какъ бы слѣдовало, а выпущенъ просто". Кривошапкинъ просилъ земскій судъ сдѣлать распоряженіе о прекращеніи подобныхъ случаевъ, „могущихъ во множествѣ повториться при общемъ выходѣ рабочихъ съ пріисковъ". Земскій судъ призналъ, что, дѣйствительно, иногда волостными правленіями представляются въ судъ для помѣщенія въ городскую больницу рабочіе съ золотыхъ промысловъ, разсчитанные тамъ по болѣзни безъ всякаго пособія отъ золотопромышленныхъ компаній, и которые, не имѣя силъ для путешествія, остаются въ какой-либо деревнѣ или на дорогѣ, „гдѣ или служатъ къ обремененію жителей, или же окончательно гибнутъ безъ всякаго призрѣнія и помощи"; онъ призналъ также, что эти случаи особенно часто повторялись въ прошедшемъ году передъ временемъ общаго выхода рабочихъ съ золотыхъ промысловъ, и потому, въ виду приближенія времени осенняго разсчета, земскій судъ „поручилъ" горнымъ исправникамъ Енисейскаго округа „убѣдить (?!) золотопромышленниковъ, чтобъ они не разсчитывали людей, одержимыхъ болѣзнями, а помѣщали бы ихъ въ пріисковыя больницы для излѣченія"; хронически же больныхъ, какъ, напримѣръ, чахоточныхъ, не отсылали бы съ промысловъ безъ всякаго призрѣнія, а для облегченія ихъ участи отправляли на свой счетъ до

мѣста жительства [1]). Горные исправники написали промысловымъ управленіямъ новые циркуляры и затѣмъ, конечно, все осталось по-старому [2]).

Возвращаемся къ статистикѣ больныхъ и умершихъ на промыслахъ. На промыслахъ всей Восточной Сибири въ 1851 году было больныхъ 32% рабочихъ, умерло 1,3% всѣхъ рабочихъ (или 5% заболѣвшихъ); въ 1852 году заболѣло 28%, изъ нихъ умерло почти 1% всѣхъ раб. (или 3,4%) заболѣвшихъ; въ 1853 году заболѣло 41%, умерло 2,3% всѣхъ рабочихъ (или 5% заболѣвшихъ); въ 1856 г. умершихъ отъ болѣзней и разныхъ случаевъ было 1,4% рабочихъ и въ 1857 г. 1,2% [3]). Такъ какъ на промыслахъ находились почти исключительно люди въ возрастѣ 15—50, то, значитъ, смертность была выше нормальной для этого возраста [4]).

Лѣтомъ 1854 года горный ревизоръ частныхъ золотыхъ промысловъ поставилъ на видъ управляющимъ промыслами, чтобъ они, для предупрежденія частныхъ случаевъ убійствъ и сильныхъ ушибовъ рабочихъ, вслѣдствіе неправильнаго веденія работъ въ разрѣзахъ, вели бы ихъ, какъ слѣдуетъ, ибо иначе „всякій смертный случай и увѣчье, происшедшіе отъ завала землею, повлекутъ къ отвѣтственности самихъ управляющихъ“. Несмотря на то, въ 1856 г. до августа мѣсяца уже было 4 смертныхъ случая на разныхъ промыслахъ этого округа. Главное управленіе Восточной Сибири предписало горному ревизору принять мѣры къ устраненію подобныхъ несчастій, и въ изданномъ имъ циркулярѣ онъ „просилъ“ управляющихъ промыслами „работы въ разрѣзахъ вести по правиламъ горнаго искусства, уступами“, какъ при вскрышѣ турфа, такъ и при добычѣ золотосодержащихъ песковъ, причемъ каждый уступъ долженъ быть отъ 1½ до 2 арш. вышины и не ближе аршина одинъ отъ другого. Въ случаѣ смерти отъ ушиба или членовредительства, управляющій пріискомъ долженъ былъ доносить горному исправнику и оставлять мѣсто, гдѣ произошелъ несчастный случай, безъ обработки, въ томъ самомъ видѣ, до освидѣтельствованія горнымъ исправникомъ, а иначе горный ревизоръ грозилъ ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ о преданіи виновныхъ суду [5]).

---

[1]) Арх. Горн. Исправ. южно-енис. сист., дѣло 1859 г. № 1, л. 112—117.

[2]) Какое значительное количество рабочихъ разсчитывали на нѣкоторыхъ промыслахъ по болѣзни, видно изъ книгъ Удерейской компаніи 1852 г., гдѣ изъ 440 рабочихъ было уволено по болѣзни 37. *А. Саввиныхъ.* „Полож. рабочихъ на енис. золот. пром.“ „Сибир. Вѣстникъ“, 1890 г. № 66.

[3]) Дѣла Сибир. Комит. въ Арх. Комит. Министр.; „Иркут. Губ. Вѣд.“ 1857 г. № 2, 1858 г. № 23, 1859 г. № 11. Несчастныхъ случаевъ на промыслахъ енис. губ., окончившихся смертію, (въ 1851—54 г.) показано всего 24; на промыслахъ Восточной Сибири въ 1856 г.—14, въ 1857 г.—13.

[4]) Срав. *Эрисманъ.* „Курсъ гигіены“, т. II, прилож. стр. 61, 75.

[5]) Арх. Горн. Испр. южно-енис. сист. дѣло 1856 г. № 1, л. 474—475.

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, на промыслахъ Семипалатинской области въ 1855 г. были больницы лишь на трехъ пріискахъ, а въ 1857 г., повидимому, на всѣхъ дѣйствовавшихъ тамъ промыслахъ. Въ Томскомъ золотопромышленномъ округѣ въ 1856 г. было 11 лазаретовъ [1]). На большей части промысловъ Енисейскаго округа были устроены больницы, но на 11-ти промыслахъ въ 1851 г. и на 4-хъ въ 1852 г. ихъ не было вовсе. Въ больницахъ всѣхъ промысловъ Енисейскаго округа было въ 1851 г.—1,262 кровати (одна кровать на 24 рабочихъ) и въ 1852 г.—1,328 кроватей (одна кровать на 23 рабочихъ).

Оффиціальные отчеты не даютъ истиннаго понятія о состояніи больницъ [2]). На золотыхъ промыслахъ Енисейскаго округа въ 1856 г. для завѣдыванія больницами было пять врачей, въ Минусинскомъ одинъ, а бирюсинскіе пріиски посѣщалъ нижнеудинскій окружной врачъ; на чикойскихъ промыслахъ Верхнеудинскаго округа былъ одинъ врачъ, но тамъ чувствовался недостатокъ въ фельдшерахъ. Больницы олекминскихъ промысловъ, по заявленію горнаго исправника Измайлова, требовали „непремѣннаго улучшенія“ и необходимо было пригласить на эти промыслы двухъ медиковъ, такъ какъ на нихъ не было въ то время ни одного врача, а только лѣкарскіе ученики и одинъ помощникъ [3]). Вслѣдствіе этого, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Муравьевъ въ мартѣ 1857 г., указавъ на равнодушіе владѣльцевъ пріисковъ къ облегченію участи больныхъ рабочихъ, просилъ золотопромышленниковъ и ихъ уполномоченныхъ принять мѣры къ надлежащему устройству госпиталей на олекминскихъ промыслахъ и пригласить для завѣдыванія ими двухъ врачей. Находившіеся въ Иркутскѣ ленскіе золотопромышленники въ отзывѣ на это предписаніе, поданномъ черезъ нѣсколько дней Муравьеву, отвѣчали, что, несмотря на все желаніе, они не могутъ найти врачей, которые согласились бы ѣхать къ нимъ на промыслы, такъ какъ при этомъ они лишаются выгодъ коронной службы, и потому просили назначить трехъ медиковъ отъ правительства съ правами, присвоенными служащимъ на коронныхъ заводахъ, съ тѣмъ, чтобы всѣ издержки на нихъ и жалованье имъ падали на счетъ золотопромышленниковъ [4]). Ходатайство

[1]) Арх. Том. Гор. Управл. дѣло № 420—20—14, л. 6, № 421—21—62, л. 5; Арх. Глав. Управл. Алт. Гор. Окр. въ Барнаулѣ, вяз. 175, дѣло № 6487, л. 34.

[2]) По отчету о золотыхъ промыслахъ Семипалатинской области (1857 г.), больницы на всѣхъ дѣйствовавшихъ промыслахъ были „въ порядкѣ и достаточно снабжены медикаментами, но киргизы неохотно идутъ туда лѣчиться; они предпочитаютъ свои средства европейской медицинѣ и только при особой настойчивости управляющихъ лѣчатся въ промысловыхъ больницахъ. Къ счастію болѣзни на промыслахъ очень рѣдки, чему много способствуютъ здоровый климатъ и хорошая пища рабочихъ“.

[3]) „Иркут. Губ. Вѣд.“ 1857 г. № 2.

[4]) Въ составленномъ ими при этомъ постановленіи они назначили каждому доктору (съ обязательствомъ для него жить безвыѣздно на промыслахъ и зимою) по

ихъ было исполнено, и въ Олекминскій округъ было назначено правительствомъ три врача [1]).

Каково было дѣйствительное состояніе пріисковыхъ больницъ, насколько могли находить въ нихъ врачебную помощь рабочіе, видно изъ свидѣтельства такого компетентнаго лица, какъ докторъ Кривошапкинъ. „Пріисковыя больницы,—говоритъ онъ,—имѣютъ весьма хорошій видъ, а для тайги и лѣчащихся въ больницѣ рабочихъ нѣкоторыя даже слишкомъ роскошны (?): хорошій домикъ, построенный правильно, съ корридоромъ; на окнахъ шторы, на кроватяхъ чистыя принадлежности; въ аптекѣ много медикаментовъ, такъ что фельдшера воруютъ, не будучи замѣчены; можетъ быть порядочная и пища [2]). Но этимъ все и кончается. Такъ какъ больницы пріисковыя не поручены мѣстному врачебному надзору, то для чиновъ немедицинскихъ онѣ прекрасны. Въ какой же степени выполняютъ цѣль, беру смѣлость судить я, какъ очевидецъ, на служебной дѣятельности котораго это очень отзывалось... Больница есть такого рода заведеніе, гдѣ лѣчатъ больныхъ съ цѣлью выздоровленія ихъ... Золотопромышленники же и ихъ управляющіе, особенно сѣверной системы, смотрятъ на больницы съ коммерческой точки зрѣнія: они говорятъ, что наши пріисковыя больницы основываются только для первоначальнаго пособія и для легкихъ или экстренныхъ случаевъ. Положимъ, что это отчасти справедливо. Но, вѣдь, изъ этого не слѣдуетъ, что можно выгонять на просторъ тайги всѣхъ трудно и затяжно больныхъ". Сообщивъ далѣе уже извѣстные намъ факты объ изгнаніи съ промысловъ серьезно заболѣвшихъ рабочихъ, Кривошапкинъ продолжаетъ: „При больницахъ имѣется по фельдшеру и имѣются врачи, которые завѣдуютъ обыкновенно множествомъ больницъ, разбросанныхъ на большомъ пространствѣ на разныхъ пріискахъ и у разныхъ хозяевъ... Они же вскрываютъ трупы въ судебно-медицинскихъ случаяхъ и такимъ образомъ дѣлаются судьями тѣхъ хозяевъ, у которыхъ сами нанялись слу-

---

2,000 руб., съ готовою квартирой, освѣщеніемъ, отопленіемъ и съ готовымъ продовольствіемъ по числу членовъ его семейства; уволить доктора золотопромышленники могли не иначе, какъ съ разрѣшенія генералъ-губернатора, причемъ они должны были дать врачу средства для выѣзда съ промысловъ.

[1]) Арх. Иркут. Горн. Управ. К. 2520, № 6/62, л. 6—8, 32—36, 52. Въ 1858 году на енисейскихъ промыслахъ было уже семь врачей, на минусинскихъ и ачинскихъ 1, на олекминскихъ—3, на канскихъ и нижнеудинскихъ—1 и въ Забайкальской области—1; на верхнеудинскихъ промыслахъ, попрежнему, чувствовался недостатокъ въ лекарскихъ ученикахъ. Сверхъ того, на промыслахъ Енисейскаго округа была одна акушерка. „Иркут. Губ. Вѣдом." 1859 г. № 11.

[2]) Больнымъ давали супъ съ мясомъ или съ пшеннымъ хлѣбомъ, какую-нибудь жидкую кашицу изъ гречневыхъ или ячменныхъ крупъ, или кисель.

жить. Это и неестественно, и смѣшно [1]). Пора бы назначить врача отъ правительства для дѣлъ судебно-медицинскихъ на пріискахъ... А что за фельдшера, которымъ поручаются пріисковыя больницы? Одинъ... сосланный за кражу и т. п. и объявившій себя годнымъ въ фельдшера за знаніе нѣсколькихъ латинскихъ словъ и умѣнье читать по латыни. Другой хотя и изъ отставныхъ дѣльныхъ фельдшеровъ, но тянетъ горькую и выпиваетъ всѣ спирты и тинктуры. Третій изъ аптекарскихъ помощниковъ, и если знаетъ пріемъ лѣкарствъ, то ему темны анатомія, наука о переломахъ, перевязкахъ и т. п., что особенно нужно на пріискахъ. А четвертый не только этихъ наукъ, но и пріема лѣкарствъ знать не можетъ, какъ зубной врачъ, но за слово „врачъ“ онъ даже можетъ предпочитаться другимъ. Пятый... ну, да большею частью все въ этомъ же родѣ [2]). „Врачи же пріисковые, — говоритъ Кривошапкинъ въ другомъ мѣстѣ,—поставлены большею частью такъ, что видятъ, да не видятъ, и все зависитъ отъ управляющихъ. Если врачъ и видитъ негодность лица быть фельдшеромъ, а того хочетъ управляющій на томъ основаніи, что онъ не бѣлоручка—берется и воду, и дрова носить, т.-е. прислуги не нужно, — или что можетъ управляющему поучить грамотѣ дѣтей, перебѣлить бумагу и т. п.“, или землякъ ему и родственникъ,— „нужно кусокъ хлѣба дать“, или ловкій пройдоха и можетъ быть „на всякій случай“ правою рукой. А врачъ? — онъ только и существовать можетъ у мѣста при безмолвіи, потому что панимаютъ его, какъ и всякаго служащаго, на лѣтнюю операцію копѣекъ по 80 съ человѣка, по числу команды; кончилась операція, врачъ и свободенъ, а не угодилъ, такъ и не возьмутъ на слѣдующую операцію“ [3]). Изъ всего сказаннаго выше видно,—продолжаетъ Кривошапкинъ,—„что внутреннее достоинство пріисковыхъ больницъ и самое лѣченіе далеко не идутъ въ уровень съ наружнымъ видомъ больницъ“ [4]).

Въ 1856 г. въ Восточной Сибири былъ возбужденъ вопросъ о томъ, какимъ наказаніямъ слѣдуетъ подвергать ссыльно-поселенцевъ, работающихъ на золотыхъ промыслахъ. Пріисковые рабочіе за лѣность, пьянство, запрещенную картежную игру, побѣги и другіе маловажные проступки подвергались, по словесному приговору артельной расправы или горныхъ исправниковъ, удержанію нѣкоторой части слѣдующей имъ платы въ

---

[1]) Такой же неестественный порядокъ продолжается и до сихъ поръ на сибирскихъ промыслахъ.

[2]) „Енис. округъ“, стр. 191, 194—195.

[3]) Какъ мы видѣли выше, въ Олекминскій округъ врачи были назначены Муравьевымъ на иныхъ основаніяхъ, но въ настоящее время они и здѣсь находятся въ такой же зависимости отъ золотопромышленниковъ, какъ и въ остальныхъ промысловыхъ округахъ.

[4]) *Кривошапкинъ*. „Взглядъ на состояніе золотопромышленности въ Енис. округѣ“. „Промышленность“, 1861 г., т. II, кн. 2 и 3, стр. 212—213.

пользу артели или, смотря по винѣ и по слѣдствіямъ проступка, наказанію розгами не болѣе 50 ударовъ [1]). Но такъ какъ въ числѣ рабочихъ на промыслахъ было много ссыльно-поселенцевъ, которые, въ случаѣ совершенія ими преступленія и проступковъ до перечисленія въ званіе государственныхъ крестьянъ, должны были подлежать сужденію и наказанію не по общему уголовному закону, а по особымъ, собственно для нихъ изданнымъ, правиламъ [2]), то въ виду этого мѣстныя власти Восточной Сибири возбудили вопросъ, въ какой мѣрѣ 651 ст. улож. (15 августа 1845 г.) можетъ быть примѣняема къ рабочимъ изъ ссыльныхъ? Нѣкоторыя изъ этихъ властей указывали на необходимость усилить строгость взысканія собственно за побѣги съ пріисковъ рабочихъ изъ ссыльныхъ; находя недостаточнымъ подвергать ихъ за отлучки съ промысловъ дисциплинарному наказанію по 651 ст. улож., подобно рабочимъ изъ сибирскихъ мѣщанъ и крестьянъ, онѣ предлагали распространить на эти случаи тѣ строгія карательныя мѣры, какія опредѣлены ссыльнымъ за побѣги ихъ съ мѣстожительства [3]).

Вопросъ этотъ былъ представленъ на усмотрѣніе и разрѣшеніе министра финансовъ, а тотъ вошелъ въ сношеніе съ управляющимъ вторымъ отдѣленіемъ Собствен. Е. В. канцеляріи гр. Блудовымъ. Этотъ

---

[1]) На основаніи 651 ст. улож. о наказ. и 2396-й и 2420-й горнаго устава, по продолж., т. XV, ч. 2-я.

[2]) Новая редакція VIII главы устава о ссыльныхъ 18 мая 1855 года. П. С. З. т. XXX, № 29330.

[3]) Горный исправникъ Верхнеудинскаго и Иркутскаго округовъ Поротовъ находилъ необходимымъ распространить на поселенцевъ за побѣги съ пріисковъ наказанія сообразно съ назначенными для нихъ въ 1791 ст. устава о ссыльныхъ (изд. 1842 г.) за самовольную отлучку изъ мѣстожительства въ слѣдующемъ размѣрѣ: за первый побѣгъ наказанія розгами 100 ударами съ возвращеніемъ на пріиски; за второй—наказаніе 25 ударами плетьми, также съ возвращеніемъ на пріиски; за третій — отъ 35 до 40 ударовъ плетьми и отсылка въ ближайшій заводъ въ каторжную работу на 1 годъ (за всѣ эти три побѣга наказанія назначались полицейскою властью) и, наконецъ, за четвертый побѣгъ опредѣлять наказанія по судебному приговору на основаніи 1799 ст. устава о ссыльныхъ (40 ударами плетьми и съ отдачею въ каторжную работу). Горный исправникъ Канскаго и Минусинскаго округовъ донесъ енисейскому губернскому правленію, что въ 1856 году, при поимкѣ бѣжавшихъ съ промысловъ рабочихъ, онъ на основ. 1791 ст. новой редакціи наказывалъ, по своему постановленію, за первый побѣгъ 20 ударами плетьми, послѣ чего „вторичныхъ побѣговъ“ они „уже не дѣлали“. Совѣтъ главнаго управленія Восточной Сибири, при разсмотрѣніи вопроса о наказаніи ссыльныхъ за побѣги, также высказалъ мнѣніе, что если ихъ подвергать наказанію наравнѣ съ другими рабочими на промыслахъ по 651 ст. улож., то это поведетъ къ увеличенію ихъ побѣговъ, такъ какъ они „за побѣгъ съ пріисковъ понесутъ болѣе слабое наказаніе, нежели за побѣгъ съ мѣста причисленія или жительства“, и что потому горные исправники должны наказывать рабочихъ и ссыльныхъ за побѣги съ промысловъ и другіе проступки на основаніи новой редакціи устава о ссыльныхъ.

послѣдній (1858 г.), прежде всего, разсмотрѣлъ вопросъ о примѣненіи къ поселенцамъ вообще постановленій 651 ст. улож. и высказалъ такое мнѣніе: что касается преступленій и проступковъ, за которые по уложенію виновные подвергаются наказанію, не восходящему до заключенія въ рабочемъ домѣ и лишенію особенныхъ правъ состоянія, то за нихъ въ новой редакціи устава о ссыльныхъ (18 мая 1855 г.) вовсе не положено особыхъ мѣръ наказанія и назначеніе ихъ предоставлено самимъ начальствамъ виновныхъ поселенцевъ и дозволено имъ возвышать наказаніе до 100 ударовъ розгами съ отдачею въ работу на заводъ или же въ арестантскую, или въ поселенческую рабочую роту на время до одного года (ст. 1769). Находя, что виновные поселенцы должны быть наказываемы на основаніи этого постановленія, гр. Блудовъ замѣчаетъ: „кажется, что упомянутый выше крайній размѣръ наказанія... не долженъ казаться слишкомъ слабымъ въ сравненіи съ тою мѣрой, которая положена для рабочихъ изъ свободныхъ состояній". Далѣе гр. Блудовъ высказался за то, чтобы артельнымъ расправамъ и горнымъ исправникамъ было дозволено подвергать ссыльныхъ наказанію до 50 ударовъ розгами и заключенію не болѣе, какъ на недѣлю, при опредѣленіи же наказаній, превышающихъ эту мѣру, они должны испрашивать разрѣшеніе высшаго начальства. Переходя, наконецъ, къ разсмотрѣнію вопроса о мѣрѣ наказанія ссыльныхъ собственно за побѣги съ промысловъ, гр. Блудовъ высказалъ мнѣніе, что для правильнаго его разрѣшенія „необходимо обратить вниманіе на различіе въ самомъ родѣ и, такъ сказать, въ характерѣ отлучки рабочаго съ промысловъ", на которые онъ нанятъ. Если ссыльный, оставивъ хотя и своевольно работы, отправился къ мѣсту своего постояннаго жительства и явился въ свое селеніе или волость (какъ это большею частью и бываетъ), то едва ли есть основаніе признавать его бѣглецомъ, такъ какъ рабочіе изъ сибирскихъ мѣщанъ и крестьянъ, отлучающіеся такимъ образомъ съ промысловъ, не подлежатъ дѣйствію правилъ о бродяжествѣ. „Въ подобныхъ случаяхъ достаточно подвергнуть виновнаго поселенца за своевольство и нарушеніе заключеннаго въ установленномъ порядкѣ контракта, примѣняясь къ постановленіямъ 651 ст. улож., одному лишь дисциплинарному наказанію, опредѣленному въ ст. 1769 и 1770 устава о ссыльныхъ, VIII гл. нов. ред. (maximum наказанія, опредѣленный статьею 1769 г., указанъ выше). Но если, отлучившись съ промысловой работы, бѣглецъ не явится въ свое селеніе или, будучи пойманъ на дорогѣ, не въ состояніи будетъ доказать, что онъ шелъ къ мѣсту своего жительства, то справедливо, кажется, приговорить его къ наказанію по общимъ правиламъ о бѣглыхъ ссыльныхъ" [1]).

---

[1]) Сибирскія власти предлагали, кромѣ того, взыскивать съ волостныхъ и сельскихъ начальниковъ за невысылку на пріиски бѣглыхъ рабочихъ (на основ. 1201 ст.

Министръ финансовъ согласился съ мнѣніемъ гр. Блудова, точно также, какъ и министръ государственныхъ имуществъ гр. Муравьевъ, послѣдній съ тою оговоркой, чтобы взысканіе съ волостного и сельскаго начальства производилось лишь въ томъ случаѣ, когда его виновность въ „передержательствѣ“ бѣглыхъ будетъ обнаружена слѣдствіемъ и чтобы пойманные сельскими властями бѣглые рабочіе были передаваемы мѣстному земскому начальству для высылки ихъ на промысла [1]). Золотопромышленники были очень недовольны распоряженіемъ, сдѣланнымъ по этому поводу министерствомъ государственныхъ имуществъ въ 1858 г., и находили, что вслѣдствіе слабости взысканія, опредѣленнаго въ немъ за побѣги, эти послѣдніе очень усилились.

Въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ возникъ также вопросъ, могутъ ли мѣщане, нанимающіеся на золотые промыслы, подвергаться за побѣги и прочіе проступки полицейской расправѣ. Правительствующій сенатъ нашелъ, что на основаніи законовъ о мѣщанахъ тѣ изъ нихъ, которые нанимались на пріиски, не могутъ быть подвергаемы за проступки тѣлесному наказанію наравнѣ съ крестьянами и ссыльно-поселенцами по приговору артельной расправы, но могутъ быть исправляемы другими мѣрами, постановленными на тѣ же случаи въ 651 ст. уложенія о наказаніяхъ, а именно удержаніемъ у нихъ части изъ платы въ пользу артели [2]).

Переходимъ къ разсмотрѣнію тѣхъ взысканій и наказаній, которымъ рабочіе подвергались на промыслахъ на основаніи ихъ договоровъ съ золотопромышленниками, причемъ мы увидимъ, что въ контрактахъ 50-хъ годовъ артельная расправа не играетъ уже той видной роли, какъ прежде, и чувствуется усиленіе произвола пріисковыхъ управленій.

Мы видѣли, что и за лѣченіе дѣйствительно больныхъ нѣкоторыя компаніи дѣлали съ рабочихъ извѣстные вычеты, уклоняющіеся же отъ работъ подъ предлогомъ болѣзни вездѣ подвергались тѣмъ или другимъ штрафамъ, хотя фельдшера, о которыхъ намъ далъ хорошее понятіе Кривошапкинъ, конечно, были и не въ состояніи отличить притворяющагося отъ дѣйствительно больного [3]). Въ договорѣ 1859 г. съ Асташе-

---

уложенія) по два рубля за каждаго (за каждый день промедленія, срав. *В. Латкинъ* „Золотопромышленность въ Сибири“, 23). Это предложеніе гр. Блудовъ нашелъ основательнымъ.

[1]) Арх. Горн. Департ., по описи № 90, дѣло № 395/603, л. 2—30.

[2]) Арх. Горн. Департ., по описи № 90, дѣло № 291/502, л. 4—5.

[3]) По договору съ Онуфровичемъ 1854 г., съ рабочихъ, притворно объявившихъ себя больными, пріисковому управленію предоставлялось право вычитать не только стоимость продовольствія, но и за употребленныя (на лѣченіе здоровыхъ?) лѣкарства каждый день по 15 коп. По договору съ Коноваловымъ (1855 г.), съ тѣхъ, „кто не явится къ работѣ въ назначенное время по лѣности или упрямству“, пріисковое

вымъ рабочіе предоставляли пріисковому управленію право „взыскивать съ безусловно провинившихся, а именно: изобличенныхъ при урочной работѣ въ подвозкѣ таратаекъ съ пескомъ вѣсомъ менѣе опредѣленнаго считать двѣ таратайки за одну; за отлучку безъ позволенія съ пріиска, за невыходъ на работу чрезъ лѣность и нерадѣніе подъ предлогомъ болѣзни, за отбытіе съ работъ ранѣе опредѣленнаго времени взыскивается и *записывается въ плату* въ разсчетный листъ по 1 р. 50 к. въ каждый день или подвергать себя полицейскому исправленію (т.-е. тѣлесному наказанію) горнымъ исправникамъ *или* артельною расправой". Тутъ, прежде всего, обращаютъ вниманіе слова: вычеты „записываются въ плату", т.-е., вѣроятно, заносятся какъ бы выданные деньгами, „со счета кассы" по пріисковой терминологіи. Изъ договоровъ съ К° Рязановыхъ, Горохова и Мошарова (сѣверно-енисейской системы) мы также видимъ, что размѣръ вычетовъ съ теченіемъ времени все увеличивается. Это заставляетъ думать, что условія о штрафахъ не оставались пустою формальностью, иначе ихъ незачѣмъ было бы увеличивать [1]).

Въ договорахъ съ рабочими назначались вычеты не только за уклоненіе отъ работы, но и за недоработку урока [2]). Силы рабочаго напрягались для исполненія урока, такъ какъ за недоработку въ будни ему грозилъ вычетъ по старательской оцѣнкѣ, хотя вознагражденіе за трудъ полагалось по будничной, гораздо болѣе дешевой нормѣ.

Различныя наказанія грозили рабочимъ за неповиновеніе пріисковымъ властямъ [3]). По договору съ Коноваловымъ 1855 г. за неповино-

управленіе имѣло право взыскивать по 1 р. с. за каждый прогульный день, между тѣмъ какъ по договору съ тѣмъ же Коноваловымъ 1842 г. полагалось взыскивать за уклоненіе отъ работъ по 1 руб. *асс.*, и то лишь въ случаѣ прогула болѣе трехъ дней. По общимъ контрактамъ съ Асташевымъ (1850, 1853 и 1857 гг.), за уклоненіе отъ работъ, какъ и по договору 1843 г., назначался вычетъ въ размѣрѣ 1 руб. за каждый день, проведенный безъ работы, а по договору 1859 г., за пребываніе въ лазаретѣ съ притворною болѣзнью опредѣлено уже взыскивать по 1 р. 50 к.

[1]) По договору съ К° Рязановыхъ 1851 г. за уклоненіе отъ работъ и требованіе разсчета прежде срока компаніи предоставлялось за каждый прогульный день вычитать по 1 р. 50 к. По договору съ тою же К° 1854 г., пріисковое управленіе за самовольную отлучку, несвоевременный выходъ на работу, преждевременный уходъ съ нея и за уклоненіе отъ работы подъ предлогомъ болѣзни имѣло право вычитать съ виновнаго за каждый недоработанный часъ 50 к., за полдня 2 руб. и за цѣлый день 3 р., а въ договорѣ 1855 г. еще прибавлено: „за непротирку песковъ взыскивать при малѣйшемъ знакѣ золота въ откидныхъ отвалахъ, какъ бы за золотникъ онаго, по 4 р.".

[2]) По договору Асташева 1853 г. съ рабочими, нанявшимися для снятія турфа, хозяинъ выговорилъ себѣ право дѣлать вычетъ за каждую недоработанную сажень въ размѣрѣ старательской платы, за исключеніемъ того случая, если встрѣтится мерзлота. По нѣкоторымъ договорамъ, вычетъ назначался лишь за недоработку, превышающую $^1/_4$ или $^1/_3$ сажени.

[3]) Въ договорѣ съ Онуфровичемъ 1854 г. была почти дословно повторена статья закона 30 апрѣля 1838 года, по которой рабочіе подвергались за различные про-

веніе, непослушаніе и непочтительность рабочихъ „имѣли право хозяинъ, управляющіе и старшіе прикащики *взыскивать*“ съ нихъ „*по усмотрѣнію сами* или отдавать на расправу артели“. Тутъ уже, очевидно, пріисковому управленію предоставлялась возможность самому подвергать рабочихъ тѣлесному наказанію, хотя по закону это право принадлежало только артельной расправѣ и горнымъ исправникамъ. По договорамъ съ Асташевымъ (1850, 1853 и 1857 гг.), „въ случаѣ прекращенія работъ ранѣе означеннаго въ контрактѣ срока всею артелью, на промыслѣ находящеюся, или скопищами изъ нѣсколькихъ человѣкъ, а въ особенности... съ намѣреніемъ препятствовать продолженію работъ другими артелями виновные“, сверхъ денежнаго взысканія за нерабочіе дни въ пользу Асташева, „за нарушеніе порядка и условія подвергаются отвѣтственности предъ судомъ“. Наконецъ, по договору 1858 г., рабочіе, нанявшіеся къ Асташеву для вскрыши турфа, прямо предоставляли промысловому управленію дѣлать съ нихъ „*полицейское* взысканіе“ въ случаѣ лѣности, неповиновенія и грубости. Такимъ образомъ, не предоставленное закономъ пріисковымъ управленіямъ право подвергать рабочихъ по собственному усмотрѣнію (безъ посредства артельной расправы) тѣлесному наказанію теперь уже откровенно выговаривалось золотопромышленниками въ договорахъ найма. Нужно, впрочемъ, думать, что и прежде золотопромышленники пользовались этимъ правомъ безъ всякихъ договоровъ и стали упоминать о немъ въ контрактахъ лишь тогда, когда оно стало подвергаться отрицанію или сомнѣнію подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній въ правительственныхъ сферахъ.

Рабочіе въ договорахъ пытались оградить себя отъ крайней жестокости со стороны промысловаго управленія, но самая форма подобныхъ оговорокъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ мало была защищена ихъ личность отъ суроваго произвола. Въ договорѣ съ Коноваловымъ (1855 г.) сказано: „Въ огражденіе себя поставляемъ въ непремѣнное наше требованіе, чтобы не было причиняемо намъ самовольно безъ вѣдѣнія управляющаго промысломъ *служителями тяжкихъ* побоевъ и *другихъ жестокостей*, вредныхъ здоровью, а поступлено было бы за всякіе противные проступки съ нами согласно уложенія о частной золотопромышленности въ Сибири §§ 51 и 55“ (т.-е. по постановленію артельной расправы). Самая необходимость подобной оговорки свидѣтельствуетъ, что кулаки и розги пускали въ ходъ даже и низшіе промысловые служащіе, а что тѣлесное наказаніе производилось по усмотрѣнію самой

ступки наказанію по приговору артельной расправы прибавкою работы, вычетомъ въ пользу артели и розгами до 100 ударовъ или „полицейскому исправленію“ чрезъ горнаго исправника.

пріисковой администраціи, это видно и изъ текста приведенныхъ выше договоровъ [1]).

Такимъ образомъ, и безъ свидѣтельства очевидцевъ мы могли бы не сомнѣваться въ томъ, что пріисковые служащіе часто пускали въ ходъ розги и кулаки, но мы можемъ сослаться и на показаніе Кривошапкина, по словамъ котораго были „извѣстны случаи", что довѣренные сѣкли рабочихъ, когда они „либо не заслуживали никакого наказанія, либо подлежали уже судебнымъ разбирательствамъ" [2]). По словамъ г. Саввиныхъ, въ „страшное и темное время сороковыхъ, пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ" золотопромышленники „не знали себѣ границъ въ жестокостяхъ и деспотизмѣ къ рабочимъ. Сейчасъ хотя и рѣдко,—продолжаетъ онъ,—но встрѣчаются на пріискахъ дряхлые старики, всю жизнь свою пробывшіе на пріискахъ,—эти могикане, служащіе намъ живою лѣтописью давно минувшихъ дней, вынесшіе на своихъ плечахъ весь ужасъ того страшнаго времени, когда *на бортахъ разрѣзовъ лежали вороха приготовленныхъ розогъ*, когда рабочій не могъ пикнуть безнаказанно даже въ томъ случаѣ, когда онъ въ изнеможеніи не могъ работать" [3]). Впрочемъ въ половинѣ 60-хъ годовъ, какъ увидимъ ниже, произошло въ этомъ отношеніи весьма замѣтное смягченіе нравовъ.

По нѣкоторымъ контрактамъ рабочимъ за дурное поведеніе грозилъ переводъ на хуже оплачиваемую работу, какъ, напримѣръ, изъ „цеховыхъ" въ чернорабочіе. Во многихъ договорахъ пріисковыя управленія предоставляли себѣ право разсчитывать во всякое время по своему усмотрѣнію рабочихъ, для которыхъ такой досрочный разсчетъ былъ однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ наказаній, тѣмъ болѣе, что мѣстная администрація начинаетъ въ 50-хъ годахъ принимать мѣры для высылки съ пріисковъ уволенныхъ рабочихъ. Горный исправникъ южно-енисейской системы Чайковскій обративъ вниманіе на то, что разсчитанные рабочіе „шатаются по пустымъ зимовьямъ и могутъ допустить себя до преступленій", въ циркулярѣ отъ 8 августа 1858 г. просилъ пріисковое управленіе всѣхъ разсчитанныхъ рабочихъ представлять къ нему „для отправленія ихъ партіями при старостахъ" [4]). Въ нѣкоторыхъ договорахъ хозяева вы-

[1]) Въ договорахъ съ Асташевымъ рабочіе также ставили условіемъ не причинять имъ „самовольно тяжкихъ побоевъ и жестокостей, здоровью вредныхъ", какъ это подсказывалось и текстомъ закона 1838 года, однако же, претензіи по этому поводу они должны были предъявлять или немедленно, или при первой возможности, иначе онѣ не принимались во вниманіе.

[2]) „Енис. Округъ", стр. 174.

[3]) „Сибирскій Вѣстникъ" 1890 г., № 64. Къ приведеннымъ словамъ автора редакція сдѣлала слѣдующее примѣчаніе: „Ужасы эти дѣйствительно были. Теперь, слава Богу, они рѣдки, но не совсѣмъ немыслимы, и нѣчто подобное происходитъ на пріискахъ иногда и нынѣ".

[4]) Арх. Гаврил. пріиска Кытмановыхъ, дѣло 1858 г. № 114, л. 115—116.

говаривали себѣ еще болѣе важное право нанять на счетъ разсчитаннаго другого рабочаго, „хотя и съ передачею въ цѣнѣ“, причемъ разсчитанные должны были отвѣчать всею своею собственностью, какая найдется не только при нихъ, но и на мѣстѣ ихъ причисленія. Впрочемъ, это постановленіе едва-ли когда либо примѣнялось.

Высшею полицейскою властью въ промысловыхъ округахъ были горные исправники (переименованные изъ особыхъ засѣдателей земскаго суда). Завѣдываніе техническою частью находилось въ рукахъ горныхъ ревизоровъ (изъ числа горныхъ инженеровъ). Казачьи команды, находившіяся на промыслахъ для охраненія порядка, подчинялись горнымъ исправникамъ [1]).

Бѣгство рабочихъ съ промысловъ происходило не въ особенно значительныхъ размѣрахъ, волненій же ихъ въ 50-хъ годахъ, сколько намъ извѣстно, не было. Въ пятидесятыхъ годахъ бѣжало съ промысловъ всей Восточной Сибири отъ 2,6% (въ 1857 г.) до 4,1% рабочихъ (въ 1851 и 1856 гг.); изъ числа бѣжавшихъ ловили въ 1856—58 гг. отъ 29 до 38% [2]). Съ промысловъ Енисейской губ. въ этотъ же періодъ времени бѣжало отъ 2 до 4,8% рабочихъ, причемъ процентъ бѣжавшихъ къ концу этого десятилѣтія сталъ видимо уменьшаться; изъ числа бѣжавшихъ ловили отъ 19 до 41% [3]). Относительно южно-енисейской системы мы имѣемъ данныя (1856—59 гг.), которыя показываютъ, что бѣжали преимущественно поселенцы, а именно, въ 1856 г. поселенцы составляли 83% бѣжавшихъ, въ 1857 г.—80%, въ 1858 г.—79% и, наконецъ, въ 1859 г.—71% [4]). Постепенное уменьшеніе процента бѣглыхъ изъ ссыльно-поселенцевъ объясняется и вообще уменьшеніемъ процента поселенцевъ въ числѣ пріисковыхъ рабочихъ.

Что приходилось выносить рабочему, рѣшившемуся бѣжать съ пріиска, хорошо рисуется въ воспоминаніяхъ одного ссыльно-поселенца, нанявшагося на пріиски Енисейскаго округа въ 1857 г. и вскорѣ бѣжавшаго съ нихъ.

Съ мѣста причисленія онъ шелъ съ своею партіей до г. Енисейска въ мартѣ мѣсяцѣ 18 дней. Прожившіи здѣсь одни сутки, они получили по полпуда

---

[1]) На промыслахъ Восточной Сибири въ 1856—58 гг. было отъ 310 до 324 казаковъ.

[2]) Отчеты ген.-губ. Вост. Сиб. за 1851—53 г. въ дѣлахъ Сибир. Комит. въ Арх. Комит. Министровъ. Иркут. Губ. Вѣд. 1857 г. № 2, 1858 г. № 23 1859 г. № 11.

[3]) Отчеты енис. губ. въ дѣлахъ Сибир. Комит. въ Арх. Ком. Мин. На нѣкоторыхъ промыслахъ процентъ бѣжавшихъ значительно выше: такъ, съ пріисковъ Удерейской К° въ 1852 г. бѣжало почти 16%; это объясняется небольшими заработками рабочихъ этой компаніи, что въ свою очередь могло зависѣть отъ страшной дороговизны вещей и припасовъ въ пріисковыхъ магазинахъ. „Сиб. Вѣст.“ 1890 г. № 66.

[4]) *Кривошапкинъ*. „Енис. округъ“, стр. 195.

сухарей и отправились въ тайгу за 270 верстъ, куда шли 10 сутокъ. По прибытіи на пріискъ имъ дали отдохнуть одни сутки, а затѣмъ пошла ежедневная работа, и начинавшаяся, и кончавшаяся по колокольчику; послѣ звонка подрядчики и козаки гнали всѣхъ на „раскомандировку". „Какъ другіе, такъ и я началъ отваливать мерзлую землю, вывозить ее на лошадяхъ или на себѣ въ тачкѣ... Къ сѣверу отъ Енисейска климатъ холодный и очень непостоянный... Какъ во время дождя или послѣ снѣга придется возить одноколесную тачку, такъ и бѣда. Колесо... не имѣетъ ходу, самому также нѣтъ возможности идти; нога скользитъ, спотыкаешься, падаешь... а тутъ еще руки опухли отъ работы, ослабъ весь, но нѣтъ тебѣ никакой поддержки въ болѣзненномъ положеніи, никакого облегченія... Пища худая, лѣчить не думаютъ [1])... Наконецъ, прекратилось наше терпѣніе... коренные хорошіе работники не въ состояніи стали выносить тягости работъ и разбѣжалось около 70 человѣкъ". Бѣжалъ и авторъ воспоминаній съ своимъ пріятелемъ. Цѣлую ночь бѣжали они, не останавливаясь, по лѣсу, выбрались на енисейскую дорогу и стали пробираться лѣсомъ неподалеку отъ нея. Однако на третьи сутки безъ пищи они стали ослабѣвать, но проѣзжающій старикъ далъ имъ маленькій хлѣбецъ. Вдругъ около берега широкой и быстрой рѣчки, пересѣкающей дорогу, они увидѣли огонь. „Два козака побѣжали за нами, и мы, не разсчитывая тогда на жизнь и не дорожа ею, бросились въ рѣчку, кое-какъ переплыли ее, поднялись на берегъ и ударились прямо въ гору. Бѣжали мы тутъ безъ души—долго, очень долго и остановились тогда только, когда не могли уже бѣжать дальше. Мокрое платье стало застывать на тѣлѣ; мы начали мерзнуть и принуждены были развести огонь, чтобы высушиться и отогрѣться. Утромъ на разсвѣтѣ слышимъ началась переправа черезъ рѣчку для нашей поимки: повелительные крики козаковъ и лай собакъ раздавались гдѣ-то не очень далеко. Видимъ, нечего намъ тутъ охать и мѣшкать, схватили мы свои котомки и бросились въ путь. Голодъ уже порядочно истощилъ насъ, мы были слабы, а потому и бѣгство наше было нелегкое. Мы часто спотыкались и падали, пробираясь по сухому лѣсу, но не думали ни разу остановиться, хоть для небольшого отдыха, и все бѣжали впередъ и впередъ... А какое гористое было это мѣсто! Только и и знали мы, что подниматься въ гору, да спускаться съ горы". Наконецъ, они заблудились. „Обезсиленные и голодные, рѣшились мы ночевать на горѣ, покрытой мохомъ, разложили огонь и сварили чаю... Чай и котелокъ мы захватили еще съ пріиска". Настали, наконецъ, девятыя сутки со времени ихъ бѣгства; а они не употребляли „никакой пищи, кромѣ маленькаго хлѣба, подареннаго проѣзжимъ старикомъ. Голодъ сильно насъ мучилъ, мы теряли почти послѣднія силы", когда, наконецъ, напали на тропинку, но были не въ силахъ двигаться далѣе и расположились на ночлегъ. На десятыя сутки голода они стали уже прощаться другъ съ другомъ и готовиться къ смерти, какъ вдругъ увидѣли полевой лукъ, поѣли его немного, захватили съ собою про запасъ и, освѣжившись, двинулись впередъ. Скоро тропинка по берегу рѣки вывела ихъ на мѣсто, гдѣ они спаслись бѣгствомъ отъ козаковъ. Переправившись вплавь черезъ рѣчку и чуть не утонувъ при этомъ, бѣглецы, высушивъ одежду на разведенномъ огнѣ, отправились дальше въ путь. „Шатаясь, какъ полумертвые, послѣ каждыхъ 10 шаговъ мы опускались на землю для отдыха и, разсматривая при этомъ другъ друга, не могли надивиться постнымъ, блѣднымъ и страшнымъ нашимъ лицамъ. Въ двѣнадцатыя сутки вышли мы на дорогу", легли совершенно обезсиленные и стали

[1]) Дѣло идетъ, судя по нѣкоторымъ признакамъ, о пріискахъ Голубкова и Бенардаки.

вновь прощаться другъ съ другомъ. Но тутъ ихъ нашли „золотопромышленники“, т.-е. пріисковые рабочіе, шедшіе съ одного дальняго пріиска, которые и насыпали имъ въ шапку сухарей. Размочивъ часть ихъ въ ручейкѣ, бѣглецы подкрѣпились.

На слѣдующій день они подошли къ какому-то зимовью, и такъ какъ у нихъ было съ собою немного денегъ, то захотѣли купить у зимовщика сухарей, но не успѣли ихъ взять, какъ увидѣли спускающихся съ горы всадниковъ. Зимовщикъ указалъ имъ мѣсто въ лѣсу, гдѣ можно было скрыться, но тутъ авторъ воспоминаній наткнулся на собакъ зимовщика и, спасаясь отъ нихъ, потерялъ своего товарища. На другой день Кузнецовъ [1]) былъ арестованъ козакомъ, который поѣхалъ съ нимъ обратно къ зимовью. На встрѣчу имъ попался товарищъ Кузнецова, который на вопросъ козака о видѣ не потерялся и досталъ изъ котомки пріисковый разсчетный листъ. Безграмотный козакъ удовлетворился этимъ, но потомъ, подслушавъ разговоръ Кузнецова съ зимовщикомъ, арестовалъ его товарища. Козакъ препроводилъ ихъ на Алиндахское зимовье и сдалъ другому козаку, но тотъ надѣлилъ каждаго изъ нихъ четырьмя фунтами сухарей и отпустилъ, указавъ путь, идя по которому они могли встрѣтить двухъ рыболововъ и спокойно тамъ отдохнуть. Когда они уже скрылись, добрый козакъ поднялъ тревогу, но направилъ ее въ противоположную сторону. Они легко добрались до рыболововъ; тутъ, вслѣдствіе фальшивой тревоги, товарищъ Кузнецова бросился въ лѣсъ и не возвратился, но младшій изъ рыболововъ, какъ оказалось, тайно служившій по найму на рыбномъ промыслѣ, рѣшился замѣнить Кузнецову его товарища и пустился съ нимъ въ путь. Хозяинъ, вмѣсто денежной платы, далъ ему мѣшокъ сухарей. За ночь они изготовили себѣ плотъ и по р. Алиндахѣ выплыли къ р. Питъ. Тутъ холодный сѣверный вѣтеръ заставилъ ихъ пристать къ берегу, чтобы развести огонь и отогрѣться. Когда стемнѣло, Кузнецовъ вдругъ увидѣлъ медвѣдя, который поднялся на заднія лапы и съ страшнымъ ревомъ бросился на него. „Не имѣя въ рукахъ ни малѣйшей обороны, я успѣлъ только сложить на груди руки и сталъ ожидать смерти. Но вдругъ, стремясь ко мнѣ, медвѣдь наткнулся на спящаго... моего спутника... и остановился надъ нимъ. Онъ раскрылъ у него сперва одежду, какъ человѣкъ, приподнялъ за плеча, а потомъ сразу запустилъ ему въ тѣло когти и началъ немилосердно рвать лапами и грызть зубами... Скоро все смокло—и ревъ медвѣдя, и вопли несчастнаго“... Когда начало свѣтать, Кузнецовъ прыгнулъ на плотъ и поплылъ внизъ по рѣкѣ, но тотчасъ услышалъ умоляющій голосъ товарища, который просилъ не покинуть его и взять съ собою. Оказалось, что на головѣ у него клочьями болталась кожа и страшно нависла надъ глазами, а самъ онъ весь былъ мокрый“. Кузнецовъ усадилъ его на плотъ, доплылъ съ нимъ до Питскаго зимовья и, оставивъ тамъ по его просьбѣ на берегу, поплылъ далѣе. „Чаще и чаще пошли такія быстрыя мѣста, что я несся по нимъ подобно птицѣ. Между тѣмъ, начали еще встрѣчаться среди рѣки огромные камни; сильный вѣтеръ сталъ крѣпчать больше и больше, я выбился изъ силъ. Править потомъ мнѣ стало рѣшительно невозможно, я легъ на него и... отдался на волю Божію. Смотрю, плотъ мой то здѣсь, то тамъ началъ ударяться о камни, валы по временамъ чуть не ставили его ребромъ, и скоро почувствовалъ я, что мнѣ приходится довольно круто въ такомъ положеніи. А тутъ еще и быстрота рѣки при поворотѣ теченія въ южную сторону оказалась неимовѣрною; пороги пошли большіе и опасные; валы усилились еще больше, и мой плотикъ, какъ щепку, начало побрасывать изъ стороны въ сторону, отъ

[1]) Этимъ именемъ подписаны воспоминанія.

камня къ камню... Вдругъ плотъ мой ударился со всего розмаху о такъ называемый косой камень и разлетѣлся въ разныя стороны. Самъ я едва успѣлъ ухватиться за два бревешка, которыя какъ-то удержались на тонкой связи, и поплылъ съ ними весь въ водѣ, только придерживаясь руками и налегая грудью на нихъ, чтобы не утонуть окончательно... Меня несло почти по самой срединѣ рѣки и, вѣроятно, я проплылъ такимъ образомъ уже верстъ 15, какъ послѣднія силы стали окончательно оставлять меня. Вода въ р. Питъ, какъ и вообще въ здѣшнихъ рѣкахъ, чрезвычайно холодная, и потому, пробывши въ ней, можетъ быть, около часу, я закоченѣлъ. Ноги мои уже перестали двигаться, руки также потеряли всякую силу... Вдругъ увидѣлъ я на берегу строенія зимовья Сухой Питъ, и подплывая къ нему, началъ звать на помощь... Быстро выбѣжали оттуда... два козака, бросились въ лодку, подплыли ко мнѣ и спасли меня". Черезъ два дня послѣ того „на рѣкѣ показались 6 плотовъ съ людьми, и козаки, завидя ихъ, сейчасъ же рѣшили, что это бѣглые рабочіе съ пріисковъ, и пустились за ними въ лодкахъ. Пять плотовъ успѣли, однако, пристать къ противуположному берегу, и люди съ нихъ разбѣжались по тайгѣ, но шестой плотъ остался на рѣкѣ, и козаки бросились на него. Рабочіе долго отбивались шестами отъ преслѣдованія, но, наконецъ, козаки осилили ихъ, схватили и привели бѣглыхъ на зимовье". Среди нихъ оказался и первый товарищъ Кузнецова, вмѣстѣ съ которымъ онъ и былъ отправленъ подъ карауломъ казаковъ обратно въ тайгу въ распоряженіе исправника. Въ канцеляріи его онъ встрѣтилъ своего знакомаго, какого-то разжалованнаго капитана, и по просьбѣ его получилъ по возвращеніи на пріискъ болѣе легкую работу, а именно, его опредѣлили ночнымъ караульнымъ въ разрѣзѣ. При разсчетѣ 10 сентября его, какъ должника, хотѣли-было оставить на пріискахъ и на зиму, но кое-какъ онъ получилъ увольнительный видъ и 10 фунтовъ сухарей и отправился обратно въ Енисейскъ [1]).

Изъ этого разсказа видно, что бѣглецамъ не легко было выбраться благополучно изъ тайги и, какъ было указано выше, около трети ихъ и болѣе обыкновенно ловили, а пойманному поселенцу грозили первоначально плети (за второй побѣгъ), а за третій и каторжная работа, позднѣе же, со второй половины 50-хъ годовъ, розги, тюремное заключеніе и отдача въ арестантскую или поселенческую роту. При такихъ условіяхъ нужны были серьезныя причины, чтобы рѣшиться на побѣгъ. „Тогда были сильные кордоны,—говоритъ г. Саввиныхъ въ своей статьѣ о времени сороковыхъ, пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ,—устраивались летучіе отряды изъ козаковъ и служащихъ для поимки бѣглыхъ, а золотопромышленныя компаніи были настолько сильны, что для нихъ ничего не значило доставать бѣжавшихъ живыми или полуживыми. Это было время жестокаго деспотизма и произвола. Рабочіе, находясь на частныхъ золотыхъ промыслахъ, были въ условіяхъ, можетъ быть, болѣе тяжелыхъ, чѣмъ крѣпостные у нѣкоторыхъ помѣщиковъ" [2]).

Волненій на пріискахъ въ 50-хъ годахъ, сколько намъ извѣстно, не было. Скарятинъ (въ 1860 году) писалъ: „Бунты бываютъ очень

---

[1]) „Томск. Губ. Вѣд." 1863 г., часть неофф. №№ 45, 47 и 48.

[2]) „Положеніе рабочихъ на енис. золотыхъ пріискахъ". „Сибир. Вѣст." 1890 г. № 64.

рѣдко, въ теченіе 10 лѣтъ я не слыхалъ ни объ одномъ: да и кромѣ того бунты эти вовсе не такого свойства, чтобы нужны были военныя средства,— вѣдь, весь бунтъ заключается обыкновенно въ томъ, что рабочіе отказываются работать. Въ прежнее время въ Бирюсѣ *взбунтовались*, такимъ образомъ, нѣсколько тысячъ рабочихъ изъ-за какихъ-то неладовъ съ управляющимъ. Впрочемъ, на этотъ разъ, кромѣ отказа работать, прибили еще кого-то. На пріиски пріѣхалъ адъютантъ генералъ-губернатора и сразу усмирилъ бунтъ. Теперь пусть читатель вообразитъ себѣ: съ одной стороны адъютанта со шпагой и нѣсколько козаковъ съ тѣмъ жалчайшимъ оружіемъ, какое имѣли сибирскіе козаки въ то время, а съ другой—тысячи раздраженныхъ рабочихъ съ ломами, топорами, кайлами и т. п., пусть прибавитъ еще къ этому, что дѣло происходило въ пустынной тайгѣ за сотни верстъ бездорожья отъ тѣхъ мѣстъ, откуда можно было получить вооруженную силу, и затѣмъ спроситъ себя, нуженъ ли военный судъ? Тутъ, какъ это случается очень часто, рабочіе сопротивлялись до тѣхъ только поръ, пока думали, что право и высшая мѣстная власть на ихъ сторонѣ, а затѣмъ покорились адъютанту“ [1]).

Показанія современниковъ значительно расходятся относительно того, сколько рабочіе зарабатывали на промыслахъ въ разсматриваемое время. К—въ, авторъ уже извѣстной намъ статьи [2]) о рабочей платѣ на промыслахъ Енисейскаго округа и Бирюсинской системы, приходитъ къ выводу, что въ теченіе лѣтней операціи, т.-е. 5 мѣсяцевъ, рабочіе могли тамъ заработать около ста рублей [3]), но разсчетъ нашего автора, по его словамъ, относится только къ промысламъ наиболѣе благоустроеннымъ. „Если нѣтъ остановки въ дѣйствіяхъ машины,—говоритъ онъ,—если лошади исправны и перевозка песковъ недалека и удобна, въ такомъ случаѣ ра-

[1]) *Скарятинъ*. „Замѣтки золотопромышленника“. Спб. 1862 г., II, 218—220.

[2]) Напечат. въ „Москов. Вѣдом.“ 1854 г.

[3]) По его разсчету рабочій, въ будній день на урочной и старательской работѣ, могъ получить 60 коп. (что для будняго дня слишкомъ много). Беря въ разсчетъ 5 лѣтнихъ мѣсяцевъ и считая въ каждомъ изъ нихъ 25 рабочихъ дней, онъ получаетъ всего 125 такихъ дней, но считаетъ необходимымъ исключить изъ нихъ 10—15 дней, во время которыхъ рабочій увольняется отъ урочныхъ занятій на отдыхъ, для кровопусканія или подъ предлогомъ именинъ и нездоровья. Такимъ образомъ, за 110 рабочихъ дней работникъ долженъ получить 66 рублей. Затѣмъ въ теченіе этого же времени авторъ насчитываетъ 28 праздничныхъ дней; выключивъ 8 праздниковъ на отдыхъ, онъ полагаетъ, что въ остальные 20 праздничныхъ дней каждый рабочій можетъ получить на „старанія“ при снятіи турфа или промывки песковъ, считая ежедневно по ½ сажени или по 1 р. 75 к., всего 35 р. с. Итого, за будничныя и праздничныя работы придется за 5 лѣтнихъ мѣсяцевъ 101 рубль или по 20 р. въ мѣсяцъ. „Надобно замѣтить,—прибавляетъ авторъ,—что есть много рабочихъ, которые въ праздникъ зарабатываютъ вдвое болѣе“.

бота идетъ скоро, и часто одинъ рабочій успѣваетъ за двухъ въ сравненіи съ тѣми промыслами, гдѣ менѣе порядка или удобства... Тамъ, гдѣ соблюдается строгій порядокъ, рабочій, исполнивъ хозяйскій урокъ, имѣетъ довольно времени для „старанія“ и для отдыха, но гдѣ машина не исправна и лошади плохи или голодны, тамъ рабочіе *не только почти не имѣютъ времени на „стараніе“, но даже не всегда успѣваютъ исполнять хозяйскіе уроки.* Отсюда происходитъ то, что рабочіе, находящіеся на небогатыхъ, но исправныхъ промыслахъ, получаютъ гораздо болѣе тѣхъ, которые работаютъ на пріискахъ богатыхъ по достойнству розсыпей, но дурно устроенныхъ“.

Въ другомъ мѣстѣ статьи авторъ вновь возвращается къ этому вопросу. „Къ сожалѣнію,—говоритъ онъ,—не всѣ золотопромышленники ведутъ дѣла свои правильно и благонамѣренно; многіе, не понимая дѣла или имѣя въ виду свои разсчеты, дѣйствуютъ такъ, что рабочій, явившійся на пріискъ получить вознагражденіе за трудъ, по справедливости тяжелый, *удаляется изъ тайги съ пустымъ карманомъ, а иногда и въ долгу.* Это происходитъ сколько отъ распоряженія золотопромышленника, на пріискѣ котораго находится рабочій, столько и отъ различныхъ удобствъ самаго пріиска. На это послѣднее, весьма важное, обстоятельство рабочій обращаетъ особенное вниманіе. При встрѣчѣ съ работниками, вышедшими изъ другихъ пріисковъ, рабочіе обыкновенно освѣдомляются другъ у друга и передаютъ подробныя свѣдѣнія о томъ, какъ ведутся дѣла у того и у другого хозяина, каковы условія, распоряженія, удобства и неудобства мѣстности, добросовѣстно ли разсчитываются съ рабочими, тяжелы или легки уроки?... Рабочіе очень хорошо знакомы съ состояніемъ промысловъ и, соображаясь съ обстоятельствами, стараются поступать, разумѣется, туда, гдѣ имъ лучше. Часто они охотно нанимаются на пріискъ, хотя и бѣдный по добычѣ золота, но гдѣ существуетъ правильное устройство, удобства жизни, хорошее содержаніе, гдѣ обращеніе съ рабочими благоразумно, гдѣ справедливо и скоро разсчитываются и гдѣ даютъ средства къ заработкѣ“ [1]).

Такимъ образомъ, К—въ не могъ не признать, что на нѣкоторыхъ пріискахъ рабочіе не только не имѣли времени на „стараніе“, но даже не всегда успѣвали исполнить хозяйскіе уроки, что имъ случалось уходить съ пріисковъ не только съ пустымъ карманомъ, но и въ долгу; однако, эти признанія лишь мимоходомъ срываются у него съ пера, самъ же онъ рисуетъ положеніе рабочихъ въ весьма прикрашенномъ видѣ.

Ближе къ истинѣ выводъ Севастьянова (1859 г.), тѣмъ болѣе, что онъ принимаетъ во вниманіе разность заработка различныхъ разрядовъ рабочихъ. По его словамъ, рабочіе, занимающіеся добычею, свалкою и

[1]) Отдѣльный оттискъ ст. И. К—ва, стр. 16—17, 20—21, 25—26.

промывкою песковъ, получали контрактной, старательской и праздничной платы въ среднемъ 70 к. въ день, рабочіе, вскрывавшіе турфъ, и возчики, 60 к., прочіе чернорабочіе до 40 к. [1]). Если мы примемъ, какъ и К—въ, въ лѣтнюю операцію 130 рабочихъ дней, то первый разрядъ рабочихъ могъ заработать въ лѣто 91 рубль, второй 78 рублей и третій 52 рубля.

По разсчету автора статьи, напечатанной въ „Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" 1859 г. за подписью „Оппонентъ", пріисковые рабочіе въ 4 1/3 лѣтніе мѣсяца могли заработать отъ 72 до 77 руб. [2]), но и онъ указываетъ на то, что, вслѣдствіе полученія значительнаго задатка, рабочему сплошь и рядомъ приходится уходить съ промысловъ съ пустымъ карманомъ или даже оставаясь въ долгу.

Что касается заработка въ зимнюю операцію, то, по словамъ К—ва, рабочимъ платили тогда отъ 5 до 15 руб. въ мѣсяцъ (мы видѣли, что послѣднее вознагражденіе получали только немногіе мастеровые и конюхи). Принявъ средній размѣръ жалованья 7 р. 50 к. въ мѣсяцъ (?), онъ вычисляетъ, что за семь мѣсяцевъ рабочій получитъ 52 руб. 50 к., что составитъ, по его разсчету, вмѣстѣ съ лѣтнимъ заработкомъ около 150 р. с. въ годъ на хозяйскомъ продовольствіи. „Эта цифра,—увѣряетъ К—въ, можетъ служить мѣрою самаго меньшаго (??) заработка простого работника, не знающаго никакого мастерства, а плотники, кузнецы, конюхи и другіе ремесленники легко могутъ пріобрѣтать до 200 р. с. и даже болѣе. На каждаго годоваго работника, по валовому разсчету пріисковой конторы, приходится обыкновенно въ выдачу отъ 160 до 180р.с." [3]). Но мы увидимъ, что этого отнюдь нельзя принять не только за средній, но даже за болѣе или менѣе частый заработокъ.

Выводы К—ва о заработкѣ рабочихъ относятся къ Енисейскому округу и Бирюсинской системѣ, Севастьянова—также къ Енисейскому округу; къ южной части этого округа относится и новѣйшая статья г. Саввиныхъ „Положеніе рабочихъ на енисейскихъ золотыхъ пріискахъ" [4]) въ которой онъ сравниваетъ бытъ рабочихъ въ началѣ 50-хъ и въ концѣ 80-хъ годовъ. Выводы этого автора основаны на документахъ Удерейской компаніи (южно-енисейской системы). Изъ разсчетной книги компаніи Бенардаки, Рязановыхъ и Щеголева 1852 г. авторъ беретъ данныя о заработкѣ рабочихъ и указываетъ на то, что заработокъ 3 годо-

---

[1]) „Горн. Журн." 1862. № 3, стр. 566.

[2]) К—въ принимаетъ для своего разчета 5 рабочихъ мѣсяцевъ лѣтней операціи, а „Оппонентъ" 4 1/3 (съ 1 мая по 10 сентября), но зато К—въ, кромѣ 8 праздниковъ, допускаетъ 15 прогульныхъ дней.

[3]) *И. К—въ.* „О настоящемъ порядкѣ работъ" (отд. отт., стр. 21).

[4]) „Сибирскій Вѣстникъ" 1890 г., №№ 64 и 66.

выхъ рабочихъ колеблется между 40 и 77 рублями (въ среднемъ 59 руб.), а заработокъ 7 лѣтнихъ рабочихъ колеблется между 27 и 42 руб. (въ среднемъ безъ малаго 34 р.). Общій выводъ автора изъ данныхъ о 10 рабочихъ тотъ, что средній ихъ заработокъ равнялся 41 руб. На основаніи отчета 1854 г. той же компаніи авторъ вычисляетъ, что рабочіе (379 человѣкъ) за урочную работу и старательскую работу въ будни и праздники получили въ среднемъ въ теченіе всей операціи около 37 руб. на человѣка, слѣдовательно, плата была не болѣе, чѣмъ въ 1852 году. Между тѣмъ, „добыча золота по отношенію къ расходамъ была настолько блестящая, что было изъ чего улучшать вознагражденіе рабочихъ".

Выводъ г. Саввиныхъ относительно 1852 г. могъ бы возбуждать сомнѣнія, такъ какъ онъ основанъ на данныхъ о слишкомъ небольшомъ количествѣ, если бы онъ не подтверждался выводомъ о 1854 годѣ, основанномъ на свѣдѣніяхъ о всѣхъ рабочихъ Удерейской компаніи. Но, кромѣ того, благодаря любезности А. А. Саввиныхъ, мы могли провѣрить и его первый выводъ, такъ какъ въ нашихъ рукахъ находится первая часть той же самой разсчетной книги компаніи Бенардаки, Рязановыхъ и Щеголева, изъ которой онъ заимствовалъ данныя для своей статьи; съ этою цѣлью мы взяли свѣдѣнія о гораздо болѣе значительномъ количествѣ рабочихъ, а именно о 45 годовыхъ и 39 лѣтнихъ (всего 84 человѣка). Мы брали тѣхъ рабочихъ, которые работали все время, т.-е. не бѣжали, не умерли и не были разсчитаны прежде срока какимъ-либо причинамъ. При такихъ условіяхъ мы получаемъ даже наибольшіе, а не собственно средніе заработки, какіе мы будемъ имѣть, если возьмемъ всѣхъ находившихся на пріискѣ рабочихъ.

Прежде всего, мы должны отмѣтить, что въ среднемъ на каждаго изъ 45 годовыхъ рабочихъ приходится около 280 рабочихъ дней. Если принять во вниманіе, что нѣкоторые начали работу лишь въ первыхъ числахъ октября, то это вовсе не мало; впрочемъ, это и естественно, такъ какъ мы взяли для разсчета людей, остававшихся на промыслахъ весь годъ, т.-е. наиболѣе постоянныхъ и усердныхъ рабочихъ [1]). Весь средній годовой заработокъ на каждаго изъ 45 рабочихъ (т.-е. мѣсячная плата, вознагражденіе за подрядныя работы, за праздничную работу и за стараніе на золотѣ и турфахъ) окажется всего по 60 руб. 80 коп. (maximum заработка 150 руб., minimum—20 руб.), т.-е. въ среднемъ по 22 к. за каждый рабочій день, и это не такъ называемая „додача", т.-е. чистая получка въ концѣ операціи за вычетомъ задатка и забора на промыслахъ, а весь валовой заработокъ. Мы видимъ, слѣдовательно, что

[1]) Пищиковъ въ своей статьѣ о пріисковыхъ рабочихъ („Сынъ Отечества" 1861 г.) говоритъ, что, считая мѣсяцъ въ 30 рабочихъ дней, на пріискахъ „въ году рабочихъ мѣсяцевъ насчитываютъ меньше 9".

хотя выводъ г. Саввиныхъ о годовомъ заработкѣ сдѣланъ на основаніи данныхъ всего о 3 рабочихъ, но онъ весьма близокъ къ нашему: очевидно, г. Саввиныхъ удачно выбралъ дѣйствительно типичныхъ рабочихъ. Менѣе удачно онъ опредѣлилъ средній заработокъ лѣтнихъ рабочихъ на основаніи данныхъ о 7 человѣкахъ: по нашему разсчету, 39 лѣтнихъ рабочихъ, начавшіе работать въ апрѣлѣ и маѣ и кончившіе 6—9 сентября 1852 г., проработавъ среднимъ числомъ по 94 дня, заработали въ среднемъ по 43 р. 40 к. (maximum заработка 64 р., minimum—13 руб.) [1]), но главная характерная черта, поразившая г. Саввиныхъ, т.-е. сравнительная незначительность заработка подтверждается.

Относительно Митрофановскаго промысла той же компаніи Бенардаки мы имѣемъ еще „разсчетъ съ рабочими жалованья и старательскаго разнаго рода работъ“ 1850 г., изъ котораго видно, что въ эту операцію средній заработокъ всѣхъ 284 рабочихъ равняется 155 руб. асс. или 44 р. сер. (maximum 615 руб. асс., minimum 5 р. асс.). Въ 1846—1847 г. средній заработокъ рабочихъ той же Удерейской компаніи равнялся 267 руб. асс. (76 р. с.), слѣдовательно, былъ значительно болѣе.

Наконецъ, въ 1858 г. заработокъ 354 рабочихъ Митрофановскаго и Воскресенскаго пріисковъ Удерейской компаніи былъ нѣсколько выше 1850 г., а именно около 71 р. сер. (maximum 380 р., minimum 1 р. с.) [2]), т.-е., все-таки, средній заработокъ 1858 г. нѣсколько менѣе заработка 1846—1847 г. (считая 1 р. сер. равнымъ $3^1/_2$ р. асс.).

На промыслахъ компаніи Щеголева и Кузнецова (южно-енисейской системы) въ 1858 г. 312 рабочихъ *получили* въ среднемъ по 59 руб. сер. (*заработали* же менѣе, по 50 р.: тутъ за рабочими остался значительный долгъ) [3]).

На Казанскомъ промыслѣ Асташева въ операцію 1851—52 г. 44 рабочихъ, работая въ среднемъ приблизительно по 246 дней, заработали среднимъ числомъ по 67 руб. сер. (высшій заработокъ 140 руб., низшій 38 коп.), т.-е. въ среднемъ по 27 к. въ день [4]). Въ 1847 году средній заработокъ 207 рабочихъ Казанскаго промысла былъ нѣсколько ниже (200 рублей асс., около 57 руб. сер.), но нужно замѣтить, что въ числѣ 44 рабочихъ этого пріиска въ 1851 — 1852 г. [5]) намъ пришлось взять преимущественно цеховыхъ рабочихъ, вознагражденіе которыхъ выше.

Слѣдовательно, на промыслахъ южной части Енисейскаго округа средній заработокъ рабочихъ въ 50-хъ годахъ колебался между 44 и

---

[1]) У г. Саввиныхъ средній лѣтній заработокъ 33 р. 76 к.

[2]) Арх. Воскресен. пріиска, арендуемаго г. Саввиныхъ.

[3]) Арх. Кузнецовыхъ въ Красноярскѣ („Разсчетъ съ рабочими за 1858 г.“).

[4]) Арх. Асташевыхъ. Разсчетн. книга съ рабочими Каз. пром. 1851—52 гг.

[5]) Годовая операція на золотыхъ промыслахъ считается отъ осени до осени.

71 р. с., а въ 40-хъ годахъ средній заработокъ въ этой же системѣ промысловъ колебался между 57 и 76 руб. сер. (въ среднемъ около 70 р.). Если мы на основаніи данныхъ относительно пріисковъ Удерейской компаніи (1850, 1852 и 1858 гг.) сдѣлаемъ выводъ за 3 года, то окажется, что средній заработокъ за это время равнялся 56 р., на промыслахъ Щеголева и Кузнецова въ 1858 г. — 59 р. и на Казанскомъ промыслѣ Асташева—67 р.; слѣдовательно, заработокъ 50-хъ годовъ на разныхъ промыслахъ колебался между 56 и 67 р. Такъ какъ по объясненнымъ причинамъ заработокъ рабочихъ Асташева выше нормальнаго, то можно признать, что абсолютная величина среднихъ заработковъ въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ въ южно-енисейской системѣ почти одинакова, причемъ, однако, заработки первой половины 50-хъ годовъ на нѣкоторыхъ промыслахъ значительно менѣе заработковъ 40-хъ годовъ. Но нужно при этомъ замѣтить, что количество рабочихъ дней въ 50-хъ годахъ весьма увеличилось сравнительно съ сороковыми. На Прокопьевскомъ пріискѣ въ 1843 г. въ среднемъ на каждаго рабочаго приходилось всего 176 рабочихъ дней, на Казанскомъ пріискѣ Асташева въ 1847 г. на каждаго рабочаго въ среднемъ—153 рабочихъ дней, между тѣмъ, на томъ же Казанскомъ промыслѣ въ 1851—52 году мы считаемъ приблизительно по 246 рабочихъ дней, на пріискѣ Удерейской компаніи въ 1852 г. по 280 дней [1]). Если принять это во вниманіе, то нельзя не признать, что въ дѣйствительности вознагражденіе за трудъ въ 50-хъ годахъ вообще значительно уменьшилось сравнительно съ сороковыми годами [2]).

На Гавриловскомъ и Никольскомъ пріискахъ компаніи Рязановыхъ (сѣверно-енисейской системы) въ операцію 1851 г. заработокъ рабочихъ былъ значительно выше, чѣмъ на извѣстныхъ намъ промыслахъ южно-енисейской системы: несмотря на то, что большинство рабочихъ начало работать въ мартѣ и апрѣлѣ и лишь весьма немногіе въ январѣ и февралѣ, такъ что здѣсь была собственно лишь лѣтняя операція, каждый

[1]) Средній поденный заработокъ на Казанскомъ промыслѣ въ 1847 г. равнялся 37 к. сер., а въ 1851—52 г.—27 к. сер.

[2]) Въ 1858 г. исправникъ южной части Енисейскаго округа въ своемъ донесеніи совѣту главнаго управленія Восточной Сибири утверждалъ, что „общая сложность заработка каждаго рабочаго въ продолженіе всей годичной операціи простирается до 100 р. с. и болѣе“, но неизвѣстно, какъ онъ пришелъ къ этому выводу: быть можетъ, онъ сдѣлалъ вычисленіе относительно рабочаго, трудящагося чуть ли не 365 дней въ году, чего, какъ мы видѣли, въ дѣйствительности не бывало. (Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 1491, № 17/50, л. 6). Но этому свидѣтельству горнаго исправника южно енисейской системы можно противупоставить показаніе енисейскаго жандармскаго офицера, что въ 1859 г. „большое количество рабочихъ“ вышло съ промысловъ „безъ денегъ и даже съ долгами“. Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 1536, № 36/131, л. 142 об.

изъ 126 рабочихъ, принятыхъ нами въ разсчетъ, заработалъ по 108 р. с. (наибольшій заработокъ 230 р. с., наименьшій 80 к., кромѣ задатка [1]). Значительные заработки на Гавриловскомъ и Никольскомъ промыслахъ объясняются, во-первыхъ, тѣмъ, что тамъ было много отрядныхъ рабочихъ для вскрыши турфа, а отрядные, какъ мы видѣли, получали болѣе значительное вознагражденіе, и, во-вторыхъ, большимъ богатствомъ золота на пріискахъ этой компаніи [2]).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что указанный К—вымъ средній заработокъ въ 100 р. сер. въ лѣтнюю операцію оказался возможнымъ лишь на Гавриловскомъ и Никольскомъ промыслахъ компаніи Рязановыхъ (сѣверной части Енисейскаго округа), на другихъ же промыслахъ онъ былъ гораздо менѣе, а именно въ разные годы колебался между 44 и 71 руб. средняго заработка въ годовую операцію.

Мы указали размѣръ всего заработка; теперь посмотримъ, какъ велика была одна изъ его составныхъ частей—заработокъ на старательскихъ работахъ.

Старательскія работы на промыслахъ Удерейской компаніи, а именно вознагражденіе за старательскую добычу турфа, песку и праздничные дни доставили въ 1852 г. годовымъ рабочимъ 28% заработка, а лѣтнимъ—70%; при общемъ выводѣ относительно *всѣхъ* рабочихъ въ 1850 и 1858 гг.—46%, между тѣмъ какъ въ 1846—47 гг. на пріискѣ той же компаніи старательская работа доставила всего 18% заработка.

На промыслахъ Щеголева и Кузнецова въ 1858 году старательская плата (вмѣстѣ съ вознагражденіемъ за золото) составляла 53% всего заработка [3]).

На Гавриловскомъ и Никольскомъ пріискахъ компаніи Рязановыхъ (1851 г.) вознагражденіе за старательскія работы (распредѣленное на слѣдующія рубрики: „за общественное золото", т.-е. общія старанія на пескахъ, „за почвенное золото", т.-е. подъемное, „за вскрышу турфа" —

---

[1]) Арх. Гаврил. пр. Кытмановыхъ, „Разсчетная книга Гавр. и Ник. промысловъ" 1851 г., № 1/139.

[2]) Въ архивѣ А. П. Кузнецова, въ Красноярскѣ, мы нашли два реестра *поисковой партіи* (1855 и 1856 гг.), манскихъ пріисковъ (рѣка Мана, притокъ Енисея выше Красноярска); въ 1855 г. каждый изъ 50 рабочихъ, проработавъ въ среднемъ 149 дней, получилъ среднимъ числомъ 54 р., а въ 1856 г., проработавъ 120 дней, получилъ 40 р., т.-е. весь средній ежедневный заработокъ равнялся 33—37 коп. Въ поисковыхъ развѣдкахъ зимняя плата была нѣсколько выше обыкновенной.

[3]) На Казанскомъ промыслѣ Асташева въ 1851—52 г. вознагражденіе за старательскую работу составляло всего 24% заработка. Но этотъ процентъ, выведенный изъ данныхъ о 44 рабочихъ, вѣроятно ниже дѣйствительнаго, вслѣдствіе того, что значительная часть этихъ рабочихъ принадлежала къ числу цеховыхъ, имѣющихъ менѣе времени для старанія; въ 1847 г. на этомъ пріискѣ старательская плата составляла половину заработка.

общее стараніе на турфахъ, „за выработку песка“, быть можетъ, артелями или въ одиночку и „поденныхъ“) вмѣстѣ съ небольшою суммой „наградныхъ“ составляли 55% заработка.

Слѣдовательно, если не считать Казанскаго пріиска, процентъ старательскаго заработка въ общемъ заработкѣ на енисейскихъ промыслахъ въ 50-хъ годахъ колебался между 43 и 55, между тѣмъ какъ въ 40-хъ годахъ на промыслахъ южно-енисейской системы составлялъ въ среднемъ отъ 12 до 66%.

Если мы обратимъ теперь вниманіе на то, какую часть своего заработка рабочій забиралъ до разсчета деньгами и натурою и какую часть вознагражденія онъ получалъ деньгами и какую натурою, то мы увидимъ, что въ 50-хъ годахъ на двухъ промыслахъ южно-енисейской системы заборъ *до разсчета* составлялъ 68 и 87% всего заработка, а въ 40-хъ годахъ 32 — 63% всего заработка. Изъ всего забора *до разсчета* заборъ вещами и припасами составлялъ въ 50-хъ годахъ 46 — 62%, а въ 40-хъ годахъ 27 — 44%. Такимъ образомъ, въ 50-хъ годахъ рабочіе меньшую долю заработка выносили съ промысловъ, слѣдовательно и въ этомъ отношеніи увеличилась эксплотація рабочихъ.

Такъ какъ продовольствіе рабочій получалъ готовое, то естественно, что, какъ оказывается, на одежду шла большая часть заработка, чѣмъ на съѣстные припасы. Если принять для южно-енисейской системы, что годовой заработокъ равнялся 60 руб. и что заборъ вещами вдвое превосходилъ заборъ припасами [1]), то окажется, что вещами на разныхъ пріискахъ этой системы рабочій бралъ въ среднемъ на сумму отъ 8 до 15 руб., а припасами отъ 4 до 7 руб. въ теченіе цѣлаго года. Если затѣмъ навести справку въ разсчетныхъ книжкахъ о цѣнахъ на промыслахъ Енисейскаго округа, то мы убѣдимся, что на указанныя маленькія суммы средній рабочій не могъ много раскутиться, такъ какъ одна пара бродней стоила отъ 1 р. 25 к. до 1 р. 80 к., пара кунгурскихъ сапоговъ отъ 2 до 3 р., армякъ или азямъ второго сорта отъ 3 р. до 4 р. 50 к., полушубокъ отъ 2 р. 43 к. до 3 р. 50 к., гарусные кушаки, которые любятъ носить рабочіе, 50—60 к., рукавицы 30 и 40 к., табакъ черкасскій 20—25 к., фунтъ сахара 42—50 к., кирпичъ чернаго кирпичнаго чая 1 р. 15 к.—1 р. 80 к.

Законъ предписываетъ изъ заработка ссыльно-поселенцевъ удер-

---

[1]) Въ 1850 г. на промыслахъ Удерейской компаніи заборъ припасами и вещами составлялъ около 37% всего заработка (въ томъ числѣ „аммуничными“ и другими вещами 24% и съѣстными припасами болѣе 12%); на промыслахъ Кузнецова и Щеголева въ 1858 г. заборъ вещами и припасами 22% всего заработка (вещами 17%, припасами 5%).

живать 1/5 часть наемной платы и передавать ее для сохраненія артельному старостѣ, но это правило никогда не соблюдалось, такъ какъ оно совершенно противорѣчило желаніямъ рабочихъ. Вѣроятно вслѣдствіе этого въ сводѣ Законовъ 1857 г. оно было исключено [1]).

Въ 1850 г. администраціи Восточной Сибири пришлось обратить вниманіе на неисправность нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ въ уплатѣ денегъ рабочимъ: въ этомъ году комп. Зотовыхъ и комп. Красильникова, Бобковыхъ и Ярлыкова поставили въ крайнее положеніе рабочихъ, нанятыхъ ими для работъ на пріискахъ, вслѣдствіе невысылки денегъ, нужныхъ для разсчета съ рабочими. Подобныя же обстоятельства обнаружились у комп. Горохова и комп. Лерхе и Мошарова. Вышедшіе осенью съ пріисковъ рабочіе цѣлыми тысячами стекались въ промысловое управленіе, обращались и къ мѣстному начальству, требуя заработанныхъ денегъ. Такъ какъ неудовлетвореніе ихъ совершенно законныхъ требованій могло вызвать безпорядки [2]), то енисейскій губернаторъ прибѣгнулъ къ займу (подъ обезпеченіе золота, добытаго на пріискахъ вышеупомянутыхъ компаній) въ приказѣ общественнаго призрѣнія, въ красноярской и енисейской городскихъ думахъ и другихъ учрежденіяхъ. Въ виду подобныхъ фактовъ, Муравьевъ считалъ необходимымъ принять мѣры для того, чтобы рабочіе не ставились впредь въ столь затруднительное положеніе [3]). 14 января 1852 г. состоялось высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта о порядкѣ удовлетворенія денежныхъ взысканій, предъявляемыхъ на золотопромышленниковъ, которымъ было постановлено слѣдующее: состоящіе на золотопромышленникахъ частные долги должно было предъявлять ко взысканію въ присутственныя мѣста тѣхъ губерній, гдѣ находятся пріиски этихъ промышленниковъ. Эти учрежденія, немедленно истребовавъ отъ мѣстной промысловой конторы должника разсчетъ того, сколько нужно денегъ для дальнѣйшаго производства работъ, сносятся съ департаментомъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ о высылкѣ ихъ въ означенную контору, остальная же часть денегъ за обезпеченіемъ работъ обращается на удовлетвореніе предъявленныхъ исковъ [4]).

---

[1]) Срав. Св. Зак. т. VII, изд. 1842 г. ст. 2403, прим. и изд. 1857 г. ст. 2508. Срав. Иркут. Губ. Вѣд. 1859 г., № 21, стр. 1—2.

[2]) Енисейскій земскій судъ донесъ губернатору, что рабочіе комп. Красильникова, въ числѣ 700 человѣкъ, вслѣдствіе неполученія слѣдующихъ имъ денегъ, проживая въ тайгѣ около пріиска Красильникова и близъ деревни Нифантьевой, приходятъ партіями въ эту деревню, пьянствуютъ и производятъ разныя буйства.

[3]) Арх. Горн. Деп., по описи 94, дѣло 1851 г. № 113—395—582.

[4]) Если же остающейся суммы не достанетъ на уплату всѣхъ долговъ и кредиторы на ихъ разсрочку не изъявятъ согласія, то надъ пріискомъ должника или принадлежащей ему части учреждается опека. П. С. З. т. XXVII, № 25900.

Въ сентябрѣ 1852 г. оказался на частныхъ промыслахъ Енисейской губерніи недостатокъ денегъ въ количествѣ 86,427 р. для разсчета съ рабочими и служащими. Такъ какъ вслѣдствіе этого рабочіе должны были выйти съ промысловъ безъ всякихъ средствъ, то енисейскій губернаторъ опять принужденъ былъ занять эту сумму изъ учрежденій различныхъ вѣдомствъ съ обезпеченіемъ займа золотомъ, добытымъ на тѣхъ промыслахъ, гдѣ оказался недостатокъ денегъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, енисейскій губернаторъ, „убѣдившись изъ трехлѣтняго опыта", что недостатокъ денегъ для разсчета съ рабочими „увеличивается съ каждымъ годомъ", представилъ въ декабрѣ 1852 г. свое мнѣніе о необходимости принятія мѣръ къ отвращенію недостатка въ деньгахъ для разсчета съ рабочими и могущихъ произойти вслѣдствіе этого безпорядковъ со стороны рабочихъ [1]), а пока, 5 августа того же 1852 года, енисейскій губернаторъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы управляющіе промыслами доводили своевременно до свѣдѣнія горнаго исправника, если они предвидятъ недостатокъ денегъ, съ тѣмъ, чтобы не исполнившіе этого предписанія „подвергались отвѣтственности, установленной за ослушаніе въ исполненіи законныхъ требованій начальства". Объ исполненіи этого циркуляра пришлось напомнить и въ 1858 г. [2]).

При разсчетѣ рабочихъ дѣло не обходилось иной разъ безъ серьезныхъ недоразумѣній. Осенью 1859 г. ачинскій *земскій* исправникъ донесъ предсѣдательствующему въ совѣтѣ главнаго управленія Восточной Сибири, что рабочіе на ачинскихъ промыслахъ, въ особенности Цыбульскаго и Озерова, „обращались съ жалобами на разныя стѣсненія по разсчету". Кромѣ того, было сообщено, что изъ числа рабочихъ, находившихся на промыслахъ Цыбульскаго по общему контракту, 9 человѣкъ „насильственно оставлены были" Цыбульскимъ для зимнихъ работъ и что при этомъ Цыбульскій „произвольно наказалъ (рабочихъ) розгами не менѣе 500 ударовъ каждаго и содержалъ въ ножныхъ и ручныхъ кандалахъ съ 11 до 25 сентября, т.-е. до того времени, когда прибылъ горный исправникъ Михайловъ и освободилъ ихъ". На запросъ по этому поводу енисейскаго губернатора *горный* исправникъ ачинскихъ и минусинскихъ промысловъ отвѣчалъ, что на Ѳедоровскомъ промыслѣ купца Цыбульскаго дѣйствительно были арестованы 9 сентября 8 крестьянъ Каинскаго округа по слѣдующему поводу. Наканунѣ Цыбульскій узналъ, что рабочіе въ количествѣ 50 человѣкъ, обязанные по контракту находиться въ работѣ по 1 декабря, намѣреваются просить себѣ разсчета вмѣстѣ со всѣми другими 10 сентября и рѣшили, во всякомъ случаѣ, уйти съ

---

[1]) Отчетъ енис. губ. за 1852 г., дѣло Сиб. Ком. 1853 г. № 73, л. 22 въ Арх. Ком. Министр.

[2]) Арх. Гаврилов. пр. Кытмановыхъ, дѣло 1858 г. № 114, л. 45.

пріиска. Тогда хозяинъ прочелъ имъ контрактъ, причемъ „дѣлались должныя внушенія“; 42 рабочихъ подчинились требованію золотопромышленника, а 8 „остались при своемъ убѣжденіи, что они по условію обязывались работать до общаго разсчета (10 сентября)“, и потому оставаться на пріискѣ долѣе не желаютъ. Тогда, чтобы дѣло не дошло до „общаго волненія въ рабочей командѣ“, 9 сентября, козакъ, представляющій собою полицейскую власть на пріискѣ, и купецъ Цыбульскій арестовали 8 рабочихъ, заковали ихъ въ ножныя кандалы и послали донесеніе горному исправнику. По прибытіи послѣдняго на пріискъ арестованные настаивали на томъ, что въ работу они нанимались до 10 сентября, а почему въ контрактѣ назначенъ срокъ 1 декабря, не знаютъ, „и на всѣ улики нанимателей остались неуличенными“. Тогда Цыбульскій выразилъ желаніе этихъ 8 человѣкъ, „какъ негодныхъ работниковъ въ продолженіе всего лѣта, прежде условленнаго срока уволить съ пріиска“. Горный исправникъ Михайловъ, по его собственнымъ словамъ, „сдѣлалъ съ виновныхъ за упомянутый поступокъ надлежащее взысканіе“, а именно наказалъ розгами „главнаго зачинщика“ 70-ю, а прочихъ отъ 25 до 50 ударовъ и приказалъ уволить ихъ. При этомъ никто, по словамъ исправника, не наказывалъ рабочихъ 500 ударами розогъ и не заковывалъ ихъ въ ручные кандалы [1]).

Но если даже признать, что писавшій по слухамъ ачинскій земскій исправникъ былъ введенъ въ заблужденіе, то, все-таки, едва ли слѣдуетъ признать вполнѣ правильными и дѣйствія горнаго исправника. Дѣло въ томъ, что 10 сентября былъ общепринятый срокъ разсчета; правда, встрѣчаются договоры съ *отрядными* рабочими, гдѣ срокъ работъ назначенъ 20 ноября или 1 декабря, но за то по договорамъ этимъ и работа начиналась съ 10 сентября того же года, т.-е. послѣ общаго разсчета; къ тому же, это отрядные рабочіе, во всѣхъ же извѣстныхъ намъ *общихъ* контрактахъ 50-хъ годовъ срокъ назначенъ былъ 10 сентября и лишь въ немногихъ 1 октября, но не далѣе. Если принять во вниманіе, какъ производилась наемка на сибирскіе золотые промыслы, то весьма вѣроятно, что рабочимъ не былъ прочитанъ контрактъ и что они были дѣйствительно введены въ заблужденіе, полагая, что нанимаются на обычныхъ условіяхъ.

Случались также недоразумѣнія при разсчетѣ и относительно выдачи рабочимъ денегъ [2]).

---

[1]) Арх. Иркут. Горн. Управл. кн. 1356, № 36/1311, л. 47—49, 203—208.

[2]) Такъ въ 1856—57 гг. на пріискахъ компаніи Рязановыхъ, Горохова и Мошарова была почему-то задержана выдача денегъ, заработанныхъ однимъ поселенцемъ (51 р.), и тотъ жаловался енисейскому губернатору Падалкѣ. Объясненія, данныя по этому дѣлу пріисковымъ управленіемъ, были признаны неудовлетворительными и гор-

Имѣя въ виду небольшіе заработки пріисковыхъ рабочихъ и разныя злоупотребленія золотопромышленниковъ, авторъ статьи въ „Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ за подписью „Оппонентъ“, считалъ совершенно естественнымъ, что „бытъ крестьянъ и поселянъ не только не улучшается отъ развитія золотопромышленности, но еще годъ отъ году клонится къ упадку“, и потому онъ выразилъ надежду, что правительство „въ скоромъ времени обратитъ особенное вниманіе на „этотъ предметъ и приметъ рѣшительныя и благотворныя мѣры“. Авторъ желаетъ, чтобы, „сообразно мѣстнымъ условіямъ и времени года“, правительство „съ точностью“ опредѣлило бы „норму посильной работы, а также норму для совершенія найма (т.-е., вѣроятно, образецъ контракта), чтобы разъ навсегда оградить рабочихъ отъ произвола нанимателей, недобросовѣстно пользующихся крайнею нуждой наемника, заставляющей его соглашаться на всѣ условія. Если условія договора будутъ съ точностью обозначены въ наемномъ явочномъ листкѣ, то наемникъ будетъ положительно знать свои обязанности, а мѣстная полиція будетъ имѣть возможность на положительныхъ данныхъ защищать наемника отъ притѣсненій и несправедливости. Нынѣ эти условія договора, — продолжаетъ авторъ, — такъ разнородны, неопредѣленны и сбивчивы (*весьма часто ихъ вовсе не бываетъ*), что, я полагаю, и самимъ золотопромышленникамъ весьма трудно опредѣлить, гдѣ именно начинается нарушеніе договора и гдѣ оканчивается его исполненіе“. Авторъ требуетъ на будущее время увеличенія платы за урочныя работы или же уменьшенія уроковъ, чтобы оставить рабочему болѣе времени на старательскія работы [1]).

Многіе рабочіе (на промыслѣ Кузнецова и Щеголева въ 1858 г. даже 64%) оставались должными золотопромышленникамъ. Средній размѣръ долга на разныхъ пріискахъ колебался между 7 и 15 руб. на каждаго изъ должниковъ и только на Гавриловскомъ и Никольскомъ промыслахъ комп. Рязановыхъ дошелъ до 30 р. Главное управленіе Восточной Сибири сдѣлало въ 1853 г. распоряженіе, чтобы рабочимъ, которые не отработали взятыхъ у промышленника денегъ (по причинѣ болѣзни, неявки на промыслы или побѣга съ нихъ), *если заборъ деньгами и вещами не превышалъ ихъ годовой платы*, не было даваемо дозволенія для найма къ другимъ промышленникамъ до тѣхъ поръ, пока они не отработаютъ этихъ денегъ у прежнихъ хозяевъ или не заплатятъ имъ долга [2]).

Въ контрактахъ съ рабочими золотопромышленники старались огово-

---

ному исправнику велѣно было витребовать эти деньги и выслать по принадлежности, что тотъ и исполнилъ. Арх. Гаврил. пр. Кытмановыхъ дѣло 1857 № 122/582, л. 22—24.

[1]) „Иркут. Губ. Вѣд.“ 1859 г. №№ 12 и 14.

[2]) П. С. З. т. XXXVI, № 37786.

рить всевозможные способы возвращенія долга [1]). Иногда пріисковое управленіе брало съ рабочихъ долговую росписку, формально засвидѣтельствованную, съ обязательствомъ уплатить долгъ по первому требованію.

Въ нѣкоторыхъ разсчетныхъ книгахъ отмѣчается, взысканъ или нѣтъ долгъ, оставшійся за рабочимъ, причемъ не взысканное немедленно записывалось на счетъ „неблагонадежныхъ долговъ“ [2]). У должниковъ, остающихся на работахъ на томъ же промыслѣ или поступившихъ на него и позднѣе, вычитался изъ заработка старый долгъ. Нѣкоторымъ рабочимъ бывали должны и пріисковыя управленія: это были обыкновенно такіе, которые оставались и на слѣдующую операцію и для большей сохранности не брали у хозяевъ своей додачи [3]).

Генералъ-губернаторъ Западной Сибири въ 1852 г. предписалъ, чтобы по возвращеніи ссыльно-поселенцевъ съ пріисковъ въ село Кію (нынѣ г. Маріинскъ, Томской губ.), гдѣ обыкновенно золотопромышленники нанимали ихъ для работъ на будущій годъ, находящійся въ немъ ревизоръ немедленно высылалъ оттуда всѣхъ окончившихъ разсчеты съ золотопромышленниками ссыльно-поселенцевъ, не дозволяя жить имъ въ этомъ селѣ безъ всякой пользы и пропивать заработанныя деньги и выдаваемые имъ задатки [4]). Въ Восточной Сибири мѣры для охраненія рабочихъ при выходѣ ихъ съ пріисковъ были установлены Муравьевымъ, какъ мы видѣли, еще въ 1848 году. Горный исправникъ сѣверно-енисейской системы далъ въ 1858 г. циркулярное предписаніе промысловымъ управленіямъ, чтобы рабочіе были окончательно разсчитаны и удовлетворены деньгами къ 11 сентября и продовольствовались до самаго

---

[1]) Въ контрактѣ съ Онуфровичемъ 1854 г. сказано: „Кто изъ насъ учинитъ съ пріиска самовольный побѣгъ, или по неспособности, буйству и подозрительности будетъ съ пріиска удаленъ, или по продолжительной болѣзни забранныхъ имъ денегъ и вещей не отработаетъ и чрезъ то останется должнымъ, то съ таковымъ хозяинъ или управляющій имѣютъ право въ удостовѣреніе себя поступить начально посредствомъ отобранія найденнаго имущества, а потомъ посредствомъ употребленія таковыхъ въ другія работы“. По договору съ Асташевымъ (1853 г.), должникъ обязывался безъ всякихъ отговорокъ остаться для отработки долга на новую операцію. По контракту съ комп. Рязановыхъ (1856 г.), ей предоставлялось право требовать высылки должниковъ для отработки долга чрезъ начальство или просить объ описи ихъ имущества; по договору съ нею же 1851 г., устанавливалась круговая за долги порука, а по контракту 1854 г. рабочіе-должники обязывались уплатить долгъ даже въ томъ случаѣ, если работы на пріискѣ будутъ прекращены самимъ промысловымъ управленіемъ по какимъ-либо непредвидѣннымъ обстоятельствамъ.

[2]) На Митрофановскомъ пріискѣ комп. Бенардаки (1850 г.) такіе „неблагонадежные долги“ составляли болѣе 6% всей выданной въ эту операцію суммы; на промыслахъ Кузнецова и Щеголева въ 1858 г. за рабочими осталось въ долгу даже 16% этой суммы.

[3]) Въ 1851 г. компанія Рязановыхъ осталась должна 6 рабочимъ на Гавриловскомъ и Никольскомъ пріискахъ 281 р., т.-е. почти по 47 руб.

[4]) Арх. Горн. Деп., по описи № 91, дѣло № 3/39, вяз. 2-я, л. 306—307.

выхода съ пріисковъ на счетъ компаніи. Для надзора за рабочими при ихъ возвращеніи при партіи до 300 человѣкъ долженъ быть 1 староста, а при большемъ количествѣ онъ выбиралъ себѣ и помощниковъ. Къ этому времени должны быть разсчитаны и казаки (значитъ, они, какъ и теперь, получали жалованье отъ пріисковыхъ управленій). Рабочихъ старыхъ и слабыхъ предписывалось выслать на пріиски подъ особымъ надзоромъ, снабдивъ ихъ, если они не могутъ идти, лошадью [1]). Принимались при этомъ нѣкоторыя мѣры и для медицинской помощи рабочимъ. По словамъ енисейскаго губернатора въ его отчетѣ за 1855 годъ, съ этою цѣлью при возвращеніи рабочихъ съ промысловъ Енисейскаго округа командированы были фельдшера и медики; но Кривошапкинъ говоритъ о сопровожденіи партіи рабочихъ лишь фельдшерами, да и то только до пріисковой границы [2]).

Раздавалось очень много жалобъ на повальное пьянство рабочихъ по выходѣ ихъ съ промысловъ, но не малая доля отвѣтственности за это печальное явленіе должна пасть на самихъ золотопромышленниковъ, такъ какъ золотопромышленное и откупное дѣло нерѣдко соединялись въ однѣхъ рукахъ. Противъ этого зла старался бороться генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Муравьевъ, и мѣры, установленныя имъ въ 1848 г. для недопущенія чрезмѣрнаго разгула рабочихъ и излишней траты ими денегъ, принимались и въ пятидесятыхъ годахъ, но, какъ видно, онѣ не достигали цѣли. Однако, въ виду небольшихъ размѣровъ заработка рабочихъ и особенно получаемой ими додачи [3]), слѣдуетъ признать легендами разсказы о прокучиваніи сотенъ рублей чуть не большинствомъ рабочихъ. Такихъ денегъ они вовсе не получали: весь заработокъ на енисейскихъ промыслахъ обыкновенно ограничивался нѣсколькими десятками рублей, а додачу получали даже не всѣ рабочіе. Тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что откупщикамъ-золотопромышленникамъ удавалось значительную часть додачи пріисковыхъ рабочихъ возвращать опять въ свои карманы, какъ это указывалось и въ мѣстной печати.

---

[1]) Енисейскій жандармскій штабъ-офицеръ Боркъ въ своемъ отчетѣ за 1859 г. сообщаетъ, что „для продовольствія рабочихъ, выходящихъ послѣ разсчета съ промысловъ, на каждомъ зимовьѣ устроенъ запасъ сухарей“. До того времени сухари выдавались на промыслахъ; это крайне обременяло рабочихъ, увеличивая ихъ ноши, и дѣлало неразсчетливыми; случалось нерѣдко, что, истративъ продовольственные запасы въ началѣ пути, они въ послѣдніе дни оставались вовсе безъ хлѣба, и пособить этому было невозможно. Новымъ распоряженіемъ неудобство это было устранено. Арх. Иркут. Горн. Упр. кн. 1356, № 36/131, л. 141 об.

[2]) „Енис. окр.“, стр. 200.

[3]) Среднія додачи на разныхъ промыслахъ колебались въ 50-хъ годахъ между 8 и 58 руб., а самая большая изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ додачъ этого времени равнялась 115 руб.; выносимыя съ пріисковъ суммы могли, впрочемъ, нѣсколько увеличиваться тайнымъ хищеніемъ золота.

Авторъ одной корреспонденціи, появившейся въ „Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ [1]), прежде всего, обращаетъ вниманіе на то, что рабочіе лишь малую часть своего заработка приносятъ домой, а большую часть оставляютъ въ кабакахъ, „расположенныхъ съ стратегическимъ знаніемъ дѣла у всѣхъ выходовъ изъ тайги. Ближайшій къ пріиску кабакъ является для нихъ раемъ обѣтованнымъ, мѣстомъ, съ котораго начинается ихъ ежегодный періодическій запой, продолжающійся до пропитія ими всего заработаннаго въ лѣто или до возвращенія на мѣсто постояннаго ихъ жительства. Немногіе счастливцы доходятъ трезвыми домой и приносятъ въ семейства часть заработка, нѣкоторые же, пропивъ все въ первомъ кабакѣ, возвращаются на оставленный ими пріискъ и обзадачиваются снова у хозяевъ, которые не упускаютъ случая воспользоваться такимъ ихъ бѣдственнымъ положеніемъ. Сильному пьянству рабочихъ, возвращающихся съ пріисковъ, весьма можетъ способствовать соединеніе содержанія откупа съ занятіемъ разработкою золотыхъ промысловъ въ рукахъ одного лица или въ лицѣ компаніи-пайщицы во множествѣ такихъ пріисковъ. При такой двойной монополіи, кабаки, расположенные на пути пріисковыхъ рабочихъ при возвращеніи ихъ домой, вслѣдствіе „тождества интересовъ откупщиковъ съ интересами золотопромышленниковъ, *превращаются для рабочихъ въ разсчетныя конторы или кассы*. При посредствѣ ихъ и при учетѣ въ деньгахъ, производимомъ цѣловальниками разныхъ наименованій, рабочимъ весьма трудно хоть сколько-нибудь денегъ принести домой“.

Авторъ указываетъ любопытный обращикъ разсчета съ рабочими подобныхъ хозяевъ, общеизвѣстный между золотопромышленниками, такъ какъ онъ былъ сдѣланъ въ большомъ размѣрѣ. Одному богатому золотопромышленнику и, вмѣстѣ съ тѣмъ, откупщику однажды осенью предстояло уплатить рабочимъ его пріиска „чуть ли не болѣе 100 тысячъ руб. сер.“, а въ кассѣ у него было едва 10 тысячъ рублей. Распорядитель на промыслахъ убѣдилъ рабочихъ удовольствоваться, пока, полученіемъ малой части денегъ на руки. „Всѣ попутные кабаки были объявлены для нихъ мѣстами разсчета, послѣдній же кабакъ, въ томъ пунктѣ пути, гдѣ должны были расходиться рабочіе, назначенъ былъ мѣстомъ окончательнаго разсчета“, причемъ вино меньшей крѣпости, чѣмъ опредѣлено, продавалось по возвышеннымъ цѣнамъ, даже выше 10 р. с. за ведро. Такимъ образомъ, „нашъ откупщикъ-золотопромышленникъ не только расплатился съ рабочими, но даже успѣлъ не малое число ихъ обзадачить на будущій годъ и, что особенно замѣчательно, наличная сумма, выданная на эту двойную операцію, осталась почти нетронутою“ [2]).

[1]) 1859 г., № 12.

[2]) Для предотвращенія пьянства рабочихъ авторъ статьи предлагаетъ немедленно принять слѣдующія мѣры: 1) воспретить кабаки и вообще всякія питейныя заведенія

Справедливость показаній корреспондента „Иркутскихъ Вѣдомостей“ подтверждается циркуляромъ южно-енисейскаго горнаго исправника, вызваннаго новымъ распоряженіемъ Муравьева о принятіи мѣръ къ охранѣ отъ растраты пріисковыми рабочими ихъ трудовыхъ денегъ. Въ маѣ 1859 г. исправникъ южно-енисейской системы разослалъ по промысламъ своего округа циркуляръ, въ которомъ говоритъ: до свѣдѣнія генералъ-губернатора дошло, что „пьянство въ народѣ усиливается, чернорабочіе тратятъ на вино послѣднія трудовыя деньги, нисколько не заботясь о сбереженіи ихъ, и разительнѣе всего это высказывается между рабочими, находящимися на золотыхъ промыслахъ...“ Много способствуютъ „этому злу недобросовѣстныя дѣйствія откупщиковъ. Извѣстно, что лица, имѣющія золотые промысла и, вмѣстѣ съ тѣмъ, содержащія винные откупа въ Сибири, при разсчетахъ съ рабочими на промыслахъ, часто не выдаютъ на мѣстѣ всей заработанной платы, назначая окончательную выдачу денегъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ, предпочтительно же въ питейныхъ домахъ. Само собою разумѣется, что при таковомъ разсчетѣ большая часть рабочихъ, если не всѣ, денегъ не получаютъ нисколько, по невоздержанности пропивая ихъ въ разсчетныхъ пунктахъ, и откупщики и золотопромышленники, сберегая этимъ огромныя суммы, подлежавшія къ выдачѣ, находятъ съ тѣмъ вмѣстѣ незатруднительный сбыть вину въ разореніе и развращеніе простого народа. Такая система дѣйствій не можетъ быть терпима, а потому... генералъ-губернаторъ проситъ гражданскаго губернатора обратить на означенное обстоятельство вниманіе и принять участіе къ неотложному устраненію слабаго надзора и недобросовѣстныхъ дѣйствій, отъ коихъ поддерживается и увеличивается зло“.

Горный исправникъ просилъ поэтому золотопромышленниковъ исполнить слѣдующее: 1) Отслужить на каждомъ пріискѣ обѣдню или молебенъ въ присутствіи всѣхъ рабочихъ, причемъ онъ просилъ промысловыхъ священниковъ принять участіе въ распространеніи трезвости „посредствомъ назидательнаго слова“. Исправникъ выразилъ желаніе присутствовать на каждомъ богослуженіи и „лично убѣдиться чрезъ спросъ рабочихъ въ пользѣ общаго нашего въ ихъ дѣлѣ участія. 2) Хотя разъ въ недѣлю при раскомандировкѣ или послѣ окончанія работъ въ казар-

превращать въ разсчетныя конторы; 2) предложить золотопромышленникамъ, вмѣсто выдачи всѣхъ денегъ на руки рабочимъ, посылать ихъ на мѣста жительства рабочихъ, гдѣ они по разсчетнымъ листамъ, подписаннымъ хозяевами или управляющими пріисковъ, и могутъ получить ихъ отъ сельскихъ или земскихъ властей; на путевые же расходы рабочимъ нужно весьма немного денегъ. Къ сожалѣнію, авторъ не разработалъ своего предложенія подробнѣе и не указалъ на то, какимъ образомъ возможно гарантировать при предложенномъ имъ способѣ исправное полученіе рабочими ихъ заработка и предупредить возможность растратъ и присвоенія его тѣми представителями земской и сельской власти, черезъ руки которыхъ должны были бы при такомъ порядкѣ проходить эти деньги.

махъ прочитывать рабочимъ изъ газетъ, напримѣръ, изъ „Московскихъ Вѣдомостей“, случаи развитія трезвости въ Россіи, а также постановленія и приговоры о томъ сельскихъ обществъ“. 3) Полезно было бы предложить рабочимъ, оставивъ при себѣ необходимую для дороги часть денегъ, остальное „передавать въ конторы для пересылки чрезъ почту по назначенію рабочихъ или прямо на имя ихъ родныхъ, или же на имя волостного правленія для выдачи имъ по прибытіи на мѣсто жительства [1]). Если же которыя изъ промысловыхъ конторъ не согласятся оказать въ этомъ дѣлѣ пособіе рабочимъ, то прошу объяснить имъ, что онѣ могутъ отсылать деньги чрезъ мою канцелярію и что за всякое злоупотребленіе въ волостныхъ правленіяхъ при выдачѣ имъ посланныхъ денегъ они могутъ обращаться ко мнѣ съ жалобами, и я буду входить съ представленіями къ начальнику губерніи объ удовлетвореніи ихъ жалобъ и о наложеніи строгаго взысканія на виновныхъ. Этою мѣрой многіе изъ рабочихъ предохранятъ свои заработки отъ неизбѣжныхъ всегда почти или растраты въ кабакахъ, или отъ покражи злыми товарищами,—это послѣднее обстоятельство сдѣлалось зломъ, развившимся въ высшей степени между рабочими. Тѣ изъ рабочихъ, которые послѣ разсчета выходятъ въ жилыя мѣста только для кратковременнаго отдыха и послѣ найма возвращаются на промыслы, могутъ ввѣрить всѣ свои заработанныя деньги или часть ихъ для храненія во время ихъ отлучки гг. управляющимъ лично подъ собственныя ихъ росписки или кому они пожелаютъ, но, во всякомъ случаѣ, съ вѣдома гг. управляющихъ; чтобы отстранить впослѣдствіи всякій поводъ къ сомнѣнію и претензіямъ со стороны рабочихъ, полезно получаемыя отъ нихъ для храненія деньги записывать въ особыя памятныя тетради и выдавать имъ въ полученіи росписки за подписью управляющихъ и печатью конторъ“. 4) При выдачѣ рабочимъ порціи вина замѣнять ее для желающихъ соотвѣтственною денежною наградой. „Въ промысловые праздники устраивать для рабочихъ качели, пріохочивать ихъ къ разнаго рода играмъ и увеселеніямъ въ замѣнъ одного грубаго удовольствія опохмѣленіями, ссорами и драками“. Въ заключеніе исправникъ просилъ объявить это всѣмъ рабочимъ [2]).

Но увѣщанія, разумѣется, не дѣйствовали, о разумныхъ увеселеніяхъ рабочихъ золотопромышленники не заботились, и все оставалось по старому. Мы полагаемъ, что рабочіе не потому пропивали свои заработки, что они были слишкомъ велики, а наоборотъ потому, что они были очень

[1]) Мѣра эта, очевидно, навѣяна вышеупомянутою корреспонденціей „Иркутскихъ Вѣдомостей“ 1859 г., № 12.

[2]) Арх. Асташевыхъ, дѣло 1859 г. № 18. Кривошапкинъ упоминаетъ о томъ, что въ 1859 г. въ южно-енисейской системѣ священникъ произносилъ проповѣди противъ пьянства и исправникъ бесѣдовалъ о томъ же съ рабочими. „Енис. Окр.“, 198.

малы: что дѣлать было съ додачею въ 8—12 руб., какъ не пропить ее? Золотопромышленники много кричали о пьянствѣ рабочихъ и тѣмъ надолго направили вниманіе высшей мѣстной администраціи на ложный путь. Нужно было, прежде всего, улучшить положеніе рабочихъ на промыслахъ, дать имъ возможность увеличить свои заработки регулированіемъ ихъ отношеній къ хозяевамъ, и тогда они сами стали бы бережливѣе. Мы видѣли, что уже въ мѣстной печати въ 1859 г. раздался голосъ, требовавшій принятія правительствомъ мѣръ для увеличенія платы за урочныя работы или же уменьшенія этихъ работъ, но онъ остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Вотъ какъ описываетъ возвращеніе рабочихъ съ енисейскихъ промысловъ въ пятидесятыхъ годахъ одинъ мѣстный писатель: „Когда ополченіе рабочихъ распускалось съ промысловъ, то при обратномъ движеніи его край какъ бы находился на военномъ положеніи. Мало того, что все городское и сельское населеніе вооружалось ночью трещетками, дубинами, перекликались между собою патрули, но верховые казаки и вооруженные винтовками и „дробовиками“ сельскіе обыватели разъѣзжали денно и нощно, пока эта „стеклянная посуда“ не „проваливала“ за черту извѣстной мѣстности. Тогда нельзя было хорошенько распознать, для кого и для чего вооружались мѣстныя силы, какого непріятеля они готовились встрѣтить. Обыкновенно, какъ теперь, такъ и тогда, возвращавшіеся съ промысловъ рабочіе *пробирались* (въ полномъ смыслѣ этого слова) на родину безъ особенныхъ скандаловъ, далеко скромнѣе, чѣмъ въ передній путь. Такъ какъ почти каждый изъ нихъ выносилъ съ промысловъ деньжонки, которыхъ въ передній путь у него не было, то они старались скорѣе проѣхать черезъ очень ужъ гостепріимныя мѣста. Собственно вооруженныя силы обязаны были имѣть охранительный характеръ по отношенію къ проходящимъ рабочимъ“, но на дѣлѣ „выходило совершенно иначе: онѣ представляли изъ себя что-то оборонительное. Простому мужику или полицейскому солдату никогда въ голову не приходило, по его взглядамъ на вещи, чтобы „варнака“ слѣдовало охранять; напротивъ, эта охранительная сила понимала, что она вооружается для того, чтобы ихъ бить; такъ на самомъ дѣлѣ по большей части и было. Идутъ обнявшись трое подгулявшихъ рабочихъ; на нихъ плисовыя поддевки, такіе же шаровары; шапки котиковыя, опушенныя и всенепременнѣйшія шали; одинъ изъ товарищей охмѣлѣвшій падаетъ, тѣ его поднимаютъ и силятся дотащить до квартиры. Вдругъ „охранители“ подхватываютъ опьянѣвшаго подъ руки и... въ охранную. Товарищи по прежнему опыту очень хорошо знаютъ, какія послѣдствія ждутъ павшую жертву. Мало того, что онъ въ „клоповникѣ“ окажется переодѣтымъ и избитымъ, но еще „вспрыснутъ“ его за нетрезвость; поэтому они не выдаютъ злополучнаго, завязывается споръ „варнаковъ“ съ „охранителями“: одни тащутъ жертву къ

себѣ, другіе противятся. Кончается тѣмъ, что всѣхъ трехъ варнаковъ забираютъ въ кутузку, по выходѣ изъ которой на утро узнать нельзя вошедшихъ въ нее промысловыхъ щеголей. Въ изодранныхъ азямишкахъ или армячишкахъ, въ такихъ же поношенныхъ дабовыхъ штанахъ и въ дырявой шапченкѣ выпускаются злополучные золотари. Протестовать на это некуда и не для чего, ибо всякіе въ этомъ родѣ протесты безполезны въ силу установившагося мнѣнія о репутаціи промысловыхъ рабочихъ. Кто жъ ему, „варнаку", повѣритъ, что онъ не пропилъ все съ себя въ первомъ попавшемся кабакѣ? Неудивительно послѣ этого, если, освободившись изъ-подъ охраны, плѣненный безъ оглядки улепетывалъ поскорѣе, куда глаза глядятъ" [1]).

Вотъ во что на дѣлѣ превратились муравьевскія мѣры объ охранѣ рабочихъ, о благотворномъ вліяніи которыхъ и тщательномъ ихъ исполненіи ежегодно посылались донесенія въ Петербургъ. Изъ этого разсказа мы видимъ также, дѣйствительно ли рабочій всегда пропивалъ остатки своего небольшого заработка, или часть его перепадала и въ руки тѣхъ или другихъ „охранителей".

Относительно выхода рабочихъ съ пріисковъ Олекминскаго округа въ Мачинское селеніе на Ленѣ (Витимской волости, Киренскаго округа) мы имѣемъ свѣдѣнія въ одной газетной корреспонденціи [2]). Киренскіе купцы привозили въ это селеніе ко времени выхода рабочихъ большой запасъ товаровъ, такъ называемыхъ на „крестьянскую руку", особенно готовое платье—теплое и холодное, рубашки и прочее, все—это приготовленное въ Киренскѣ „изъ самыхъ низкосортныхъ товаровъ, изъ залежавшихся и даже подгнившихъ, которые уже непригодны къ аршинной продажѣ". Рабочихъ выходило на Мачу, по словамъ автора, тысячъ до трехъ, если не болѣе [3]). „Этотъ народъ, измученный работою, обносившійся, полунагой, получивъ осенью свободу, первою обязанностью по приходѣ на Мачу считаетъ—пріобрѣсти по полъ-осьминѣ вина на брата и имъ залить все минувшее горе. Послѣ выпивки идутъ покупать все необходимое. Купцы давно уже на-сторожѣ: они радушно встрѣчаютъ первыхъ покупателей, зазываютъ ихъ въ лавку, ласкаютъ, угощаютъ и этимъ все продаютъ почти по своей цѣнѣ безъ барыша, прося ихъ только посылать къ нимъ и другихъ покупателей. Рабочіе, разгоряченные виномъ и довольные выгодною покупкой, кричатъ въ одинъ голосъ: „Эй, ребята, сюда! Вали валомъ, здѣсь товары дешевле"! Ну, и дѣйствительно, валятъ валомъ, человѣкъ по 50 въ разъ, народъ все подъ хмѣлькомъ, требуютъ

[1]) „Сибирь" 1882 г. № 7, стр. 7.

[2]) „Иркут. Губ. Вѣдом." 1858 г. № 46.

[3]) На промыслахъ Олекминскаго и Киренскаго округовъ было служащихъ и рабочихъ въ 1856 году 3,515, въ 1857 г.—4,708.

всего: и нужное, и ненужное; увидятъ сигары и папиросы,—подавай имъ сигаръ и папиросъ и т. д.; три и четыре прикащика едва успѣваютъ удовлетворить требованіе каждаго изъ покупателей. Гдѣ тутъ ужъ торговаться! Купецъ напѣваетъ: „Не торгуйтесь! лишняго не возьмемъ-съ! что вамъ только угодно-съ"—а, между тѣмъ, самъ все соображаетъ, сколько у рабочаго денегъ, когда остановиться. Затѣмъ, купецъ сводитъ счеты и забираетъ у рабочихъ наличныя денежки... Назидательно узнать, какую цѣну тутъ берутъ купцы за свой товаръ: казанскій полушубокъ, купленный, напримѣръ, на Киренской ярмаркѣ не дороже 5 р. 50 к., продается здѣсь отъ 8 до 15 руб. сер., киргизскій, стоившій на ярмаркѣ 3 р. и 3 р. 50 к., здѣсь продается отъ 7 до 10 р. с., и въ такомъ же точно размѣрѣ берется за все". Иные рабочіе, прокутивъ въ Мачѣ весь свой заработокъ, принуждены были возвращаться на пріиски и вновь наниматься на работы. Зато киренскіе купцы сильно наживались: авторъ полагаетъ, что рабочій выносилъ въ среднемъ съ Олекминскихъ промысловъ до 40 р.,—слѣдовательно, у всѣхъ ихъ на рукахъ въ это время бывало до 120,000 руб. сер. Изъ послѣднихъ словъ видно, что мѣстные наблюдатели находили и у рабочихъ Олекминскихъ пріисковъ не особенно крупныя додачи.

ГЛАВА VII.

Мастеровые на кабинетскихъ золотыхъ промыслахъ на Алтаѣ въ 1830—1861 гг.

Военный строй мастеровыхъ на кабинетскихъ золотыхъ промыслахъ.—Число мастеровыхъ.—Подростки.—Вознагражденіе за трудъ.—Кормовыя деньги.—Старательскія работы.—Безплатная выдача провіанта.—Жилища.—Болѣзни и врачебная помощь.—Назначеніе срока работъ.—Пенсіи и богадѣльни.—Школа.—Тѣлесныя наказанія: розги и шпицрутены.—Исправительная казарма.—Побѣги.—Убійство съ цѣлью избавленія отъ работъ.—Невыгодность обязательнаго горнаго труда.

Горныя работы на Алтайскихъ заводахъ производились не вольнонаемными рабочими, а мастеровыми, которые еще съ 1761 г., съ освобожденіемъ отъ подушнаго оклада, были приравнены къ лицамъ, состоящимъ на военной службѣ, и подчинены военной дисциплинѣ. По учрежденію объ управленіи Колывано-Воскресенскихъ горныхъ заводовъ (16-го апрѣля 1828 г.) мастеровые эти составляли „особенное состояніе людей, обязанныхъ исправлять горныя заводскія работы". Заводы пополнялись мастеровыми посредствомъ набора рекрутъ съ крестьянъ, приписанныхъ къ заводамъ; кромѣ того мастеровыми дѣлались дѣти „мастеровыхъ и рабочихъ людей всѣхъ нижнихъ чиновъ", состоящихъ на заводской службѣ и находящихся въ отставкѣ, а также незаконнорожденныхъ отъ ихъ вдовъ и дочерей. Никто изъ мастеровыхъ и нижнихъ чиновъ и ихъ дѣтей не могъ быть уволенъ ни въ какое другое состояніе безъ разрѣшенія Кабинета [1]). Мастеровые раздѣлялись на команды, изъ которыхъ каждая находилась въ завѣдываніи горнаго офицера; они содержались „въ порядкѣ и повиновеніи" по Воинскому Уставу Петра Великаго, и за разные проступки и преступленія мастеровые и всѣ

[1]) Съ переходомъ же этихъ заводовъ (въ 1830 г.) въ вѣдомство министерства финансовъ—безъ согласія министра финансовъ.

нижніе чины, состоящіе на заводской службѣ, судились военнымъ судомъ [1]).

Въ виду всего этого Кабинетъ въ своей запискѣ 1858 г., когда поднятъ былъ вопросъ о преобразованіи быта горнорабочихъ на сибирскихъ кабинетскихъ заводахъ, выразился, что горнозаводскихъ мастеровыхъ на Алтаѣ и въ Нерчинскомъ Округѣ (послѣдніе находились въ такомъ же положеніи, какъ и алтайскіе) „слѣдуетъ разсматривать какъ осѣдлыхъ военнослужащихъ". Министръ Императорскаго Двора не согласился съ этимъ взглядомъ кабинета и высказалъ, что „мастеровыхъ Алтайскаго и Нерчинскаго горныхъ округовъ... нельзя разсматривать какъ рабочихъ военнослужащихъ... или какъ военнорабочихъ. Хотя они подлежатъ рекрутскимъ правиламъ набора, служатъ опредѣленные сроки и, для большей дисциплины въ ихъ трудномъ ремеслѣ, подчинены строгостямъ воинскаго устава, тѣмъ же менѣе... по самому роду занятій, по осѣдлости и праву имѣть свои дома и хозяйства въ селеніяхъ" они „не имѣютъ характера солдатъ... Рабочіе подвергнуты были строгости военныхъ законоположеній, дабы при такой работѣ сильнѣе поддержать между ними повиновеніе и страхъ, но всѣ эти мѣры, почитавшіяся наиболѣе простыми для учрежденія заводовъ и фабрикъ посредствомъ принудительнаго труда въ то время, когда болѣе имѣлось въ виду созданіе усиленными способами извѣстныхъ отраслей производительности, нежели внутренній экономическій бытъ народоноселенія,... не могутъ быть нынѣ разсматриваемы съ той же точки зрѣнія и не даютъ достаточнаго основанія считать помянутыхъ рабочихъ, употребленныхъ въ дѣлѣ хозяйственномъ и промышленномъ, наравнѣ съ людьми военными, ибо военная служба не имѣетъ ничего общаго съ горнозаводскимъ или другимъ промышленнымъ предпріятіемъ" [2]). Но это была уже новая точка зрѣнія, навѣянная эпохою реформъ и желаніемъ одновременно съ освобожденіемъ крестьянъ преобразовать и бытъ заводскихъ мастеровыхъ, а въ дѣйствительности алтайскихъ и нерчинскихъ мастеровыхъ пожалуй и можно было назвать „осѣдлыми военнослужащими" (какъ это сдѣлалъ Кабинетъ), на подобіе военныхъ поселянъ, отъ которыхъ они отличались тѣмъ, что занимались не земледѣліемъ, а горнымъ дѣломъ [3]). Съ дру-

[1]) 2-е П. С. З. т. III, № 1960, стр. 434.

[2]) Арх. Госуд. Сов., дѣла Комитета о крестьянахъ казенныхъ, т. 91, л. 46; срав. *Влахопуловъ* „Сводъ законоположеній и распоряженій, относящихся до поземельнаго устройства приписныхъ крестьянъ, мастеровыхъ и урочниковъ Алтайскаго и Нерчинскаго округовъ. 1858—1882", стр. 13—14.

[3]) По словамъ г. Зобнина, „до 1861—63 г. положеніе горнозаводскаго населенія было чѣмъ-то среднимъ между крѣпостнымъ состояніемъ и бытомъ военныхъ поселеній". „Алтай. Историко-статист. сборникъ, изд. подъ редакціей Голубева". Томскъ 1890 г., стр. 154.

гой стороны въ ихъ положеніи есть извѣстныя черты сходства съ посессіонными мастеровыми уральскихъ горныхъ заводовъ.

Тридцатые и сороковые и пятидесятые годы были крайне тяжелымъ временемъ въ жизни алтайскихъ мастеровыхъ, когда именно болѣе заботились о томъ, чтобы создать „усиленными способами извѣстныя отрасли производства", хотя бы это и отражалось вредно на экономическомъ бытѣ населенія. Такою новою отраслью производства въ разсматриваемое время была добыча разсыпного золота.

При добычѣ на Колывано-Воскресенскихъ (Алтайскихъ) заводахъ въ XVIII вѣкѣ изъ рудъ серебра попутно добывалось и золото: такого руднаго золота въ 1751—1784 г. было получено болѣе 17 пудовъ, но затѣмъ добываніе его прекратилось до 1830 г. [1]), когда были открыты на Алтаѣ золотоносныя розсыпи.

Въ 1830 г. былъ устроенъ Егорьевскій пріискъ (почти на границѣ Барнаульскаго и Кузнецкаго округовъ), разрабатывающійся и понынѣ; въ 1831 г. открытъ былъ Урскій золотой промыселъ (въ Кузнецкомъ округѣ), а затѣмъ и другіе, такъ что въ 1842 г. дѣйствовали уже десять промысловъ [2]).

Что касается числа мастеровыхъ, то въ 1834 г. на золотыхъ промыслахъ здѣсь работало уже 1592 чел., а въ 1845 г. 3002 чел. Къ началу 1856 г. на золотыхъ промыслахъ числилось „нижнихъ чиновъ" 3639 чел., дѣйствительно же употреблялось въ работы въ 1856 г. 3092, въ 1860 г.—2816 чел. однихъ рабочихъ, не считая ихъ семействъ.

Главный контингентъ рабочихъ на золотыхъ промыслахъ состоялъ изъ мастеровыхъ, переведенныхъ туда съ горныхъ заводововъ и рудниковъ Алтайскаго округа. Такъ, напримѣръ, въ 1834 г. горный начальникъ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ предписалъ Салаирской горной конторѣ немедленно выбрать изъ ея команды 120 рабочихъ и отправить на Успенскій золотой промыселъ. При этомъ было предписано выбрать преимущественно неимѣющихъ своихъ домовъ и хозяйства здоровыхъ и крѣпкаго сложенія и отнюдь не посылать стариковъ или хворыхъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ 1835 г., было вновь предписано той же конторѣ отправить 112 чел. въ поисковыя партіи для розысковъ золота и 288 чел. на Успенскій золотой промыселъ [3]). Въ 1834 г. маіоръ Кулибинъ назначенъ былъ управляющимъ казенными (т.-е. кабинетскими) промыслами Колывановоскресенскаго округа [4]).

---

[1]) „Алтай", изд. подъ редакц. Голубева, стр. 382.

[2]) См. Дополненіе IX (въ концѣ этого тома).

[3]) Архивъ въ Салаирѣ, дѣла Салаир. Горн. Конт., ст. 617, л. 768—769, дѣла Томск. Горн. Конт. столпъ 484, л. 297.

[4]) Дѣла Салаирск. Горн. Конт., столпъ 617, л. 484—489.

Контингентъ заводскихъ мастеровыхъ, какъ уже было упомянуто, пополнялся посредствомъ рекрутскихъ наборовъ, производимыхъ съ приписанныхъ къ заводамъ крестьянъ. Иногда эти рекруты прямо отправлялись на золотые промысла. Такъ какъ работа на нихъ была особенно тяжелая, то сюда ссылали также мастеровыхъ за разныя провинности съ алтайскихъ заводовъ и рудниковъ [1]). До 1855 г. мастеровые переводились съ мѣста на мѣсто только по предписаніямъ горнаго правленія, но въ этомъ году оно дозволило мѣстнымъ управляющимъ *обмѣниваться* мастеровыми, не спрашивая позволенія у высшаго начальства и требовать недостающихъ по штату мастеровыхъ отъ другихъ горныхъ конторъ, которыя и посылали, кого хотѣли. Съ этого времени ни одинъ рабочій не былъ обезпеченъ отъ ссылки на золотые промысла [2]).

Въ 1831 г. главный начальникъ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ, Е. Ковалевскій, бывшій въ то же время томскимъ губернаторомъ, выразилъ желаніе отправлять на кабинетскіе золотые промысла для отработки недоимки инородцевъ Кузнецкаго округа и кузнецкихъ мѣщанъ. Горный начальникъ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ, Бегеръ, сочувственно отнесся къ этой мысли и готовъ былъ принять на золотые промысла 300 и болѣе человѣкъ, но опасался, что эти недоимщики разбѣгутся какъ по малочисленности военнаго караула, такъ и потому, что онъ могъ бы быть полезенъ лишь въ томъ случаѣ, еслибы недоимщиковъ „можно было содержать въ казармахъ въ видѣ арестантовъ, чего, по неимѣнію помѣщенія, исполнить невозможно“, и потому считалъ нужнымъ, чтобы они находились подъ присмотромъ особыхъ старшинъ гражданскаго вѣдомства. Но высшія власти отнеслись къ мысли Ковалевскаго, какъ сейчасъ увидимъ, несочувственно. Главноуправляющій корпусомъ горныхъ инженеровъ предписалъ (въ концѣ 1834 г.) Ковалевскому стараться увеличивать число рабочихъ на алтайскихъ золотыхъ розсыпяхъ, нанимая для этого, если возможно, вольныхъ работниковъ изъ ссыльнопоселенцевъ за умѣренную плату. Ковалевскій, высказавшись противъ этого, между прочимъ предложилъ въ 1835 г. отправлять на казенные промыслы для заработка всѣхъ недоимщиковъ изъ крестьянъ, инородцевъ и ссыльнопоселенцевъ Томской губерніи, по крайней мѣрѣ изъ ближайшихъ ея округовъ, съ тѣмъ, чтобы за работы на промыслахъ платить имъ вдвое сравнительно съ мастеровыми. Главноуправляющій корпусомъ горныхъ

---

[1]) Служащимъ на Алтайскихъ заводахъ иногда разрѣшалось также отправлять на время на золотые промысла своихъ крѣпостныхъ въ видѣ наказанія съ правомъ требовать ихъ обратно. Арх. Глав. Упр. Алт. Горн. Окр. (въ Барнаулѣ), по описи о каз. зол. пром., столпъ № 21, л. 457—460.

[2]) *Зобнинъ*. „Мастеровые Алтайскихъ горныхъ заводовъ до освобожденія“. „Сибирскій сборникъ“. Приложеніе къ „Восточн. Обозрѣнію“. 1891 г. кн. II, стр. 35.

инженеровъ (онъ же и министръ финансовъ), гр. Канкринъ, отвѣчалъ, что отдача на золотые промысла недоимщиковъ для заработка податей и повинностей должна производиться на общихъ основаніяхъ. Не принято было также, къ счастію, министромъ финансовъ и предложеніе Ковалевскаго о томъ, чтобы контингентъ мастеровыхъ на золотыхъ промыслахъ пополнялся не только, наравнѣ съ Алтайскими заводами и рудниками, наборомъ изъ приписныхъ крестьянъ, но также и рекрутами изъ ближайшихъ сибирскихъ губерній [1]).

По мѣрѣ надобности мастеровыхъ переводили съ одного промысла на другой, для новыхъ же промысловъ набиралась команда изъ разныхъ мѣстъ и преимущественно изъ людей, не имѣющихъ собственныхъ домовъ [2]). Хотя на промысла старались посылать одинокихъ рабочихъ, но такихъ не всегда находилось достаточное количество, и уже въ первые годы кабинетской золотопромышленности на Алтаѣ на золотыхъ промыслахъ оказывалось не мало семейныхъ рабочихъ [3]). Впрочемъ, всетаки ихъ было менѣе, чѣмъ холостыхъ, и распространеніе сифилиса въ Успенскомъ промыслѣ инспекторъ медицинской части объяснялъ въ 1835 г. именно недостаточнымъ количествомъ женщинъ [4]) Бывало и такъ, что семья рабочаго оставалась на заводѣ, а самъ онъ работалъ на далекомъ золотомъ промыслѣ. Иногда рабочимъ приходилось для свиданія съ семьями, жившими въ селеніяхъ, проходить по нѣсколько десятковъ и болѣе верстъ.

Среди рабочихъ на золотыхъ промыслахъ были и подростки съ 12 лѣтъ. Въ положеніи 1828 г. о мастеровыхъ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ сказано: „Дѣти причисляются къ командамъ мастеровыхъ не прежде, какъ по прошествіи 12 лѣтъ, но дотолѣ, пока достигнутъ совершеннаго возраста и укрѣпленія силъ, употребляются только къ разбору рудъ и другимъ легкимъ занятіямъ“; съ семилѣтняго возраста (а съ 1849 г. съ восьмилѣтняго) они опредѣлялись въ заводскія школы, если только отецъ до 12 лѣтъ не пожелаетъ обучать ихъ дома на собственный счетъ. Въ 1838 г. было постановлено въ разрядъ полныхъ работниковъ перечислять въ 18 лѣтъ,—такимъ образомъ подростками назывались имѣвшіе возрастъ 12—18 лѣтъ. Въ 1849 г. было положено

---

[1]) Арх. Глав. Упр. Алт. Горн. Окр., дѣла о золот. пром., ст. № 10, л. 410—413, ст. 21, л. 511—512, вяз. 47, дѣло № 815, л. 12, 19.

[2]) Ibid., ст. № 2, л. 402—403, ст. 21, л. 469.

[3]) Къ 1 авг. 1834 г. на Урскомъ золотомъ промыслѣ было мастеровыхъ и рудоразборщиковъ 296, при нихъ было: женъ 178, сыновей 45, дочерей 99. На другихъ промыслахъ бывало и менѣе женщинъ: такъ, напр., на Успенскомъ промыслѣ къ 31 іюлю 1834 г. было рабочихъ м. п. 317, при нихъ женъ 117, сыновей 34, дочерей 69. Арх. въ Салаирѣ, дѣла Салаир. Горн. Конт., ст. 617, л. 182, 185, 186.

[4]) Арх. Глав. Упр. Алт. Горн. Окр., дѣла по каз. золот. пром., ст № 21, л. 468 об.

дѣтей, оказавшихъ въ школѣ лучшіе успѣхи, опредѣлять къ занятіямъ по письменной и искусственной части, а прочіе по достиженіи 15 лѣтъ употреблялись въ легкую дневную работу, не болѣе 8 ч. въ сутки. Въ 1852 г. было повелѣно, чтобы подросткамъ, не поступившимъ по окончаніи школы къ занятіямъ по письменной и искусственной части, разрѣшалось помогать семействамъ въ домашнемъ хозяйствѣ и лишь въ случаѣ нужды ихъ употребляли въ работы [1]). Но и послѣ 12 лѣтъ подростки не всегда могли вынести тяжелыя пріисковыя работы [2]). Управляющій казенными промыслами при обзорѣ ихъ въ началѣ 1859 г. нашелъ до 120 стариковъ, малосильныхъ подростковъ и ослабѣвшихъ послѣ болѣзни рабочихъ, которымъ принужденъ былъ дать отдыхъ отъ 1 до 3 мѣсяцевъ, такъ какъ, „оставшись въ работѣ на открытомъ воздухѣ въ морозы, они неминуемо увеличили бы собою число больныхъ или... поплатились бы окончательнымъ разстройствомъ здоровья, а можетъ быть и жизнью“ [3]). Но такое, болѣе гуманное, отношеніе къ рабочимъ мы встрѣчаемъ уже въ послѣдніе годы военно-крѣпостного режима.

Работы на кабинетскихъ золотыхъ промыслахъ производились зимою и лѣтомъ. На Урскомъ промыслѣ въ 1832 г. золото промывали на 10 станкахъ лѣтомъ въ одну смѣну, т.-е. работали всѣ, а зимою съ 15 ноября по 1-е января—въ двѣ смѣны, т.-е. одну недѣлю работали одни рабочіе, а другую — другіе [4]). Въ 1840 г. Горный Совѣтъ Алтайскихъ заводовъ нашелъ полезнымъ допустить въ этомъ году, въ видѣ опыта, на промывкѣ и добычѣ золотосодержащихъ песковъ трехсмѣнныя работы, т.-е., чтобы рабочіе двѣ недѣли работали, а третью отдыхали (на заводахъ при трехсмѣнныхъ работахъ—одну недѣлю работали днемъ, другую—ночью, а третью, „гульную“, отдыхали). По мнѣнію Горнаго Совѣта, введеніемъ трехсмѣнныхъ работъ „увеличится вольная добыча золота работами и сверхъ того представится средство къ упроченію ихъ благосостоянія“. Послѣднее обстоятельство Совѣтъ призналъ въ особенности полезнымъ для людей, которые должны были прибыть на отдаленные промысла, такъ какъ въ свободныя недѣли они будутъ имѣть возможность лучше устроить свои жилища, отъ чего уменьшатся болѣзни [5]). Предложеніе Горнаго Совѣта было вѣроятно принято начальникомъ заводовъ, такъ какъ въ 1842 г. на Терсинскомъ золотомъ промыслѣ существовала уже трехсмѣнная работа.

---

[1]) 2 П. С. З. т. III, № 1960, XIII, № 11335, XXIV, отд. II, штаты, стр. 127, т. XXVII, № 26050, п. 1. По штату 1849 г. на Алтайскихъ золотыхъ промыслахъ полагалось 234 подростка, изъ нихъ 111 до 15 лѣтъ. 2 П. С. З. т. XXIV, отд. II, № 23263, стр. 108; ср. „Алтай“, 397.

[2]) Дѣла Салаир. Горн. Конт., ст. 617, л. 446.

[3]) Арх. Глав. Упр. Алт. Горн. Окр., Журн. Горн. Сов. 1859, л. 58.

[4]) Ibid., Вѣдомости Горн. Сов. 1838 г., л. 142.

[5]) Арх. Главн. Упр. Алт. Окр., Журн. Горн. Совѣта, 1840 г.

и при ней рабочіе допускались въ старательскія работы за особую плату, которая немедленно выдавалась [1]). Въ оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ объ алтайскихъ промыслахъ 1852 г. упоминается о трехсмѣнной работѣ, какъ объ общемъ правилѣ [2]).

При ортовой (подземной) разработкѣ золотыхъ розсыпей, очень распространенной на Алтаѣ [3]), работали и ночью [4]). Смѣна происходила въ 4 ч. утра или вечера, слѣдовательно, продолжительность рабочаго дня (а также и ночи) равнялась 12 часамъ, очевидно *со включеніемъ* времени на принятіе пищи и на отдыхъ [5]).

На Успенскомъ золотомъ промыслѣ въ 1837 г. полагалось для выемки 1 куб. саж. на торфахъ 5 чел. въ день, при добычѣ песка — 6 чел. [6]). По штатамъ 1849 г. полагалось на золотыхъ промыслахъ одному работнику добыть и откатать (на разстояніи въ среднемъ 15-и саженъ) одну кубическую сажень песка или торфа лѣтомъ въ 5, а зимою въ 7 рабочихъ смѣнъ [7]). Окончившіе урокъ всетаки не могли уйти съ мѣста работъ, недоработавшіе же его должны были окончить урокъ въ гульную недѣлю или подвергались наказанію розгами и палкою [8]). На Алтайскихъ кабинетскихъ промыслахъ на каждаго рабочаго добывалось меньшее количество песку, чѣмъ на частныхъ сибирскихъ промыслахъ [9]), несмотря на то, что на этихъ послѣднихъ работа обыкновенно продолжалась лишь $7^1/_2$ мѣсяцевъ, а на первыхъ—весь годъ. Это объясняется многими причинами: вопервыхъ рабочій день на казенныхъ Алтайскихъ промыслахъ былъ короче, чѣмъ на частныхъ пріискахъ Западной и Восточной Сибири; затѣмъ здѣсь были болѣе распространены ортовыя (подземныя) работы, при которыхъ нужно значительно большее время для добычи того же количества песку, и откатка торфа и песку производились преимущественно ручнымъ трудомъ (который на частныхъ промыслахъ постепенно все болѣе замѣнялся отвозкою на лошадяхъ [10]) и, нако-

[1]) Арх. въ Салаирѣ. Дѣла Салаир. Ком. Воен. Суда, 1842 г. ст. 125, л. 1464—1465.

[2]) Арх. Комит. Министровъ, дѣла Сибир. Ком. 1852 г. № 77.

[3]) 39% всѣхъ добытыхъ песковъ получалось здѣсь въ 1853 г. посредствомъ ортовыхъ работъ. Арх. Глав. Упр. Алт. Горн. Окр., Жур. Гор. Сов. 1853 г., л. 14.

[4]) Въ 1838 г. на Петропавловскомъ пріискѣ (на Мрасѣ) были ночныя работы въ шахтахъ. Дѣла Салаир. Ком. Воен. Суда, 1839 г., ст. 115, л. 362.

[5]) *Зобнинъ*, стр. 14—15.

[6]) Арх. Алт. Горн. Упр., дѣла золотопр., ст. 30, л. 802.

[7]) 2 П. С. З., т. XXIV, отд. 2, № 23263, стр. 121. На частныхъ золотыхъ промысла Енисейскаго округа наиболѣе обычнымъ урокомъ 1843—46 гг. при вскрытіи торфа и добычѣ песку съ отвозкой ихъ на тачкахъ была 1 кубическая сажень на 5—6 человѣкъ. (см. выше, гл. V).

[8]) *Зобнинъ*, 15.

[9]) См. *Дополненіе* X (въ концѣ этого тома).

[10]) Въ 1851 г. на Алтайскихъ заводахъ на каждые 100 чел. приходилось 10 лошадей, а на частныхъ промыслахъ отъ 20 до 50. Арх. Глав. Упр. Алт. Горн. Окр., Бѣловые журн. Горн. Сов. 1853 г., л. 141 об.

нецъ, вообще обязательный трудъ былъ менѣе производителенъ, чѣмъ вольнонаемный.

Работы на золотыхъ промыслахъ считались гораздо болѣе тяжелыми, чѣмъ на горныхъ заводахъ и даже въ рудникахъ: не даромъ пріиски служили каторгою для всѣхъ алтайскихъ мастеровыхъ. „Военно-судныя коммиссіи въ своихъ приговорахъ,—говоритъ г. Зобнинъ,—стращали обвиняемыхъ съ заводовъ и рудниковъ отдачей на золотые пріиски, и дѣйствительно отправляли туда, когда всѣ другія мѣры наказанія (розги и тысячи шпицрутеновъ) оказывались, по мнѣнію коммиссіи, недѣйствительными". „Казарменная жизнь, холодъ и постоянный дымъ во время зимнихъ работъ (замерзшую землю постоянно должны были оттаивать костромъ), затѣмъ работа по колѣна въ водѣ" въ дождливое время года, наконецъ, плохая пища—все это вызывало громадную заболѣваемость и смертность преимущественно отъ цынги и ревматизма. Какъ велико было отвращеніе къ пріисковымъ работамъ, видно изъ слѣдующаго. Четверо рабочихъ бѣжали въ 1840 г. съ Царево-Николаевскаго пріиска. Одинъ изъ нихъ обѣщалъ довести товарищей до берега рѣки Томи, но не нашелъ дороги, а воротиться на промыселъ отказался, сказавъ, что предпочитаетъ умереть въ лѣсу. Тогда одинъ изъ товарищей убилъ этого рабочаго, а два другіе просили оговорить ихъ въ убійствѣ, чтобы избавиться отъ работы на золотыхъ промыслахъ [1]). (Нѣсколько другихъ примѣровъ см. ниже).

По воскресеньямъ и праздникамъ обязательной работы на промыслахъ не производилось [2]). Въ 1832 г. на Егорьевскомъ промыслѣ промывка шла и лѣтомъ, и зимою въ теченіе 265 рабочихъ дней; на Урскомъ промыслѣ въ томъ же году—лѣтомъ въ одну смѣну, а зимою въ двѣ. Въ 1837 г. на Успенскомъ промыслѣ полагалось въ мѣсяцъ 22 рабочихъ дня, т.-е. въ годъ всего 264. Изъ журнала Горнаго Совѣта 1853 г. видно, что тогда на Алтайскихъ промыслахъ общимъ правиломъ была трехсмѣнная работа: „мастеровые, работая круглый годъ, пользуются гульными недѣлями, т.-е., проработавъ 2 недѣли, третью остаются свободными" [3]). По свѣдѣніямъ 1852 г., мастеровые при трехсмѣнныхъ работахъ работали отъ 242 до 248 дней въ году (изъ свободныхъ дней около 20 они употребляли на кошеніе сѣна для себя) [4]). Но въ это время въ свободные дни производились уже, какъ увидимъ

---

[1]) Дѣла Салаир. Ком. Воен. Суда, ст. 120, л. 599—663.

[2]) Арх. Глав. Упр. Алт. Горн. Окр., дѣла по золот., ст. № 21, л. 459 (дѣло 1835 года).

[3]) Ibid., Вѣдомости Горн. Сов. 1832 г., л. 137, 142; дѣла о казен. золот., ст. 30, л. 808 об., Журн. Горн. Сов. 1853, л. 141.

[4]) Арх. Комит. Министр., дѣла Сибир. Комит. 1852 г. № 77.

ниже, горныя старательскія работы за возвышенную плату, которыя должны были бы быть добровольными, но не всегда были таковыми въ дѣйствительности.

Мы видѣли, что на кабинетскихъ промыслахъ, въ отличіе отъ частныхъ, не только работы вообще, но даже и промывка золота производились и зимою. Въ 1859 г. управляющій казенными промыслами, Ястржембскій, предлагалъ увольнять на зиму мастеровыхъ, не выдавая имъ провіанта и жалованья [1]). Но Горный Совѣтъ не принялъ этого предложенія изъ опасенія, что вслѣдствіе этого уменьшится годовая промывка золота [2]).

Мастеровые на кабинетскихъ золотыхъ промыслахъ, какъ и на заводахъ, получали годовое жалованье [3]). За найденные самородки выдавались награды, но въ самомъ ничтожномъ размѣрѣ [4]). По штатамъ 1849 г. на золотыхъ промыслахъ и въ развѣдочныхъ партіяхъ назначено было слѣдующее *годовое* жалованье, считая на *серебро*: уставщикамъ 90 — 180 руб., нарядчикамъ по 12 руб., работникамъ при промывкѣ песковъ 6 руб. 70 коп.—10 руб., при добычѣ песковъ и торфа, подъемѣ песковъ изъ шахтъ и при доставкѣ ихъ на мѣсто промывки—6 руб. 70 к.—7 руб. 50 к., подросткамъ 3 руб. 50 к.—5 руб. сер. *въ годъ* [5]).

Кромѣ жалованья и, какъ увидимъ, готоваго провіанта, „казенные“ рабочіе на кабинетскихъ золотыхъ промыслахъ, на основаніи положенія

---

[1]) Въ своемъ рапортѣ Горному Совѣту онъ доказываетъ, что казна немного потеряетъ отъ отпуска людей въ зимнее время. „Соразмѣрное увольненіе по мѣрѣ трудовъ и лишеній по службѣ произведетъ благодѣтельное нравственное послѣдствіе: не будутъ уклоняться отъ службы на дальнихъ промыслахъ, гдѣ много невыгодъ для жизни; не будутъ стараться избѣгать трудной работы, ничѣмъ теперь невознаграждаемой; истребится упадокъ духа отъ безвыходнаго тяжелаго положенія, а это будетъ причиною если не совершеннаго прекращенія побѣговъ и преступленій на промыслахъ, то по крайней мѣрѣ значительнаго уменьшенія ихъ.... Зимою задолжатся люди на съемку торфа и предъуготовительныя работы, а въ теплое время будутъ производить промывку болѣе на машинахъ безъ устройства теплыхъ фабрикъ, отопленія ихъ, трудной чистки канавъ.... и прочихъ расходовъ“.

[2]) Арх. Глав. Упр. Алт. Горн. Окр., Журналы Горн. Сов. 1859 г., л. 55—56, 59—60.

[3]) Въ 1831—35 гг. на золотыхъ промыслахъ получали штейгеръ 225 руб. въ годъ, унтеръ-штейгеръ—60—225 руб., штейгерскій ученикъ 36—120 руб., бергайеры 60—120 руб., рабочіе разнаго званія по 36 руб., рудоразборщики или промывальщики по 24 руб., караульщики по 20 руб. *ассигнаціями* въ годъ. Ibid., вяз. 47, дѣло № 815, л. 5; Вѣдом. Горн. Сов. 1832 г., л. 137—143.

[4]) На Успенскомъ промыслѣ промывальщикамъ въ награду за найденные самородки было выдано въ 1834 г. *всего* въ апрѣлѣ 1 р., въ іюнѣ 1 р., въ іюлѣ 2 р. 40 к., въ августѣ 2 р. 80 к. Дѣло Салаир. Горн. Конт., ст. 336, л. 236.

[5]) По штатамъ 1849 г. въ награду за найденные самородки было назначено на всѣхъ промыслахъ 500 р. въ годъ.

комитета министровъ 1826 г., получали кормовыя, „порцовыя“ или „порціонныя“ деньги: въ 1835 г. штейгеръ получалъ 20 к. ассигн. въ сутки, унтеръ-штейгеръ 10—20 к., а остальные рабочіе по 10 к. Въ поисковыхъ партіяхъ получавшимъ одиночное жалованье выдавались въ 30-хъ годахъ кормовыя деньги по 30 к. ассигн. въ день на каждаго человѣка какъ въ рабочіе, такъ въ праздничные дни за все то время, которое они будутъ находиться въ партіяхъ [1]).—По штатамъ 1849 г. рабочимъ на золотыхъ промыслахъ выдавались порціонныя деньги по 4 к. сереб. въ сутки.

Изыскивая средства къ увеличенію добычи золота на кабинетскихъ промыслахъ, главный начальникъ Алтайскихъ горныхъ заводовъ, Е. Ковалевскій, въ январѣ 1835 г. предложилъ министру финансовъ, бывшему въ то же время главноуправляющимъ корпусомъ горныхъ инженеровъ [2]), позволить мастеровымъ, находящимся на золотыхъ промыслахъ, производить вмѣстѣ съ ихъ семействами работы въ праздники и въ свободное отъ казенныхъ занятій время съ двойною за это платою сверхъ обыкновеннаго ихъ содержанія. Министръ финансовъ, гр. Канкринъ, одобрилъ эту мѣру, и Ковалевскій приказалъ извѣстить о томъ управляющаго золотыми промыслами, маіора Кулибина, съ тѣмъ, чтобы эти работы за двойную плату въ свободное отъ обязательныхъ занятій время производились лишь съ согласія рабочихъ. 1-го декабря 1835 г. главный начальникъ Алтайскихъ горныхъ заводовъ, полковникъ Бегеръ, донесъ начальнику штаба корпуса горныхъ инженеровъ, что такъ какъ рабочіе получаютъ 36 руб. (ассигн.) въ годъ и кормовыхъ по 10 к. въ день, то двойная плата рабочимъ съ кормовыми деньгами составляетъ по 40 к. (ассигн.) въ сутки, вольнымъ же рабочимъ изъ крестьянъ (которыхъ старались заманить на промыслы, но которые, по словамъ Бегера, не являлись туда вслѣдствіе отдаленности работъ отъ населенныхъ мѣстъ) была положена плата съ кубической сажени. Вслѣдствіе этого рабочіе изъ мастеровыхъ на золотыхъ промыслахъ отказались работать за свою удвоенную плату, считая ее недостаточною, и Бегеръ просилъ разрѣшить ему производить мастеровымъ за вольныя работы на промыслахъ плату съ кубической сажени, равную той, которая назначена крестьянамъ и другимъ вольнымъ рабочимъ. Министръ финансовъ нашелъ, что, если взять въ разсчетъ всѣ издержки полнаго содержанія мастерового и разложить ихъ на одно рабочее, за исключеніемъ праздниковъ, время, то на работы, производимыя казенными мастеровыми, причтется почти столько же расходовъ,

---

[1]) Арх. Глав. Упр. Алт. Гор. Окр., вяз. 47, дѣло № 805; л. 5; Вѣдом. Горн. Сов. 1832 г., л. 229; Арх. въ Салаирѣ, дѣла Салаир. горн. конт. ст. 336, л. 17—28.

[2]) Съ 1830 по 1855 г. Алтайскіе заводы состояли въ вѣдѣніи министерства финансовъ, а затѣмъ опять переданы въ вѣдѣніе Кабинета.

какъ на работы по цѣнамъ, назначеннымъ для вольныхъ людей. Поэтому онъ разрѣшилъ Бегеру производить мастеровымъ за вольныя ихъ работы въ праздники и другое свободное время, а также за работы ихъ женъ и семействъ плату, „несполна соотвѣтственную той, которая назначена для людей вольныхъ (см. ниже), но соразмѣрную дѣйствительной стоимости казенной работы", а именно, въ среднемъ за выработку 1 кубической сажени торфа или песку по 3 руб., а за промывку 1 пуда песку по $1^1/_4$ к. ассигн. [1]). Мастеровые стали тогда производить эти старательскія работы въ „гульныя" недѣли, но все-таки, несмотря на то, что въ 1840 г. плата мастеровымъ была повышена (въ виду возвышенія цѣнъ на жизненныя потребности) до 4 руб. ассигн. съ кубической сажени въ среднемъ [2]), на кабинетскихъ промыслахъ не удалось привлечь ихъ къ работамъ въ свободное время въ такой степени, какъ это произошло на частныхъ промыслахъ. По штатамъ 1849 г. полагалось при добычѣ „казенною" работою 31 пуда золота добыть вольнымъ трудомъ 5 пуд., т.-е. около $14^0/_0$ всего количества, въ 1851 г. старательскою работою было добыто тоже 5 пуд. ($^1/_8$ всего количества), между тѣмъ на частныхъ сибирскихъ промыслахъ старательскими работами добывалось почти $^1/_4$ всего получаемаго золота [3]). Въ виду того, что мастеровые не особенно стремились къ старательскимъ работамъ, на которыя, какъ мы видѣли, должно было посылать ихъ лишь съ ихъ согласія, дѣло не обошлось безъ насилія со стороны начальства, и это насиліе доводило нѣкоторыхъ рабочихъ даже до преступленія, чтобы избавиться отъ ненавистныхъ промысловыхъ работъ. Такъ одинъ рабочій Царево-Николаевскаго золотого промысла въ коммиссіи военнаго суда въ 1841 г. показалъ: послѣ наказанія розгами за уходъ со старательской работы, „я, не надѣясь избавиться назначенной намъ работы, въ которую мы хотя и не каждую.... гульную недѣлю употреблялись, но все же доводилось иногда находиться въ оной *противъ желанія нашего*", въ тотъ же день сговорился съ другимъ рабочимъ убить кого нибудь. Показаніе это подтверждается и оффиціальною справкою, изъ которой видно, что 13 сентября 1841 г. трое рабочихъ *„посланы были* съ прочими изъ казармы въ гульную недѣлю на старательскую работу къ съемкѣ торфа за плату съ кубической сажени по 1 руб. 20 к. серебр..., гдѣ пробыли до обѣда

---

[1]) Арх. Главн. Упр. Алт. Горн. Окр., дѣла о каз. зол. пром., ст. № 21, л. 511, 513, 531—532; вяз. 47, дѣло № 815, л. 12, 19, 27—30, 35.

[2]) По штатамъ 1849 г. на вольной работѣ положено было платить за каждую кубическую сажень песковъ или торфа съ откаткою на разстояніе 15 саженъ 1 руб. 14 к. *серебромъ* въ среднемъ, а за промывку 100 пуд. песка съ подкаткою его къ мѣсту промывки по 50 к. въ среднемъ.

[3]) Арх. Глав. Упр. Алт. Горн. Окр., Журн. Горн. Сов. 1840 г., бѣлов. Журн. Горн. Сов. 1853 г., л. 140—141.

и, отговариваясь только трудностью работы, ничего не сдѣлали, между тѣмъ какъ, работая наравнѣ съ прочими, могли бы получить въ день каждый по 30 к. серебр. (что послужило бы имъ къ заведенію перемѣннаго бѣлья и теплой одежды). За таковую лѣность и упрямство наказаны по мѣрѣ вины лозами" [1]). Все это было совершенно противозаконно, такъ какъ старательскія работы, какъ мы видѣли, должны были производиться *съ согласія* мастеровыхъ.

Плата за старательскую работу немедленно выдавалась мастеровымъ [2]).

Кромѣ мастеровыхъ, обязанныхъ работать на кабинетскихъ золотыхъ промыслахъ, на нихъ находилось, съ первыхъ годовъ золотопромышленности, нѣкоторое количество вольнонаемныхъ рабочихъ, преимущественно изъ крестьянъ, приписанныхъ къ заводамъ. 23 мая 1831 г. бѣлоярскій (барнаульскаго уѣзда) земскій управитель Олоровскій донесъ горному начальнику Колывано-Воскресенскихъ заводовъ, что, по приказанію послѣдняго на Егорьевскіе золотые промыслы къ 1 іюня „вольнорабочихъ крестьянъ" будетъ выслано до 50 чел., а нѣсколько позднѣе, продолжалъ онъ, „вѣдѣніемъ своимъ надѣюсь высылку усилить". Однако вольные работники не охотно шли на промыслы: къ іюлю 1831 г. на Егорьевскомъ золотомъ промыслѣ вольныхъ рабочихъ, трудившихся за трехрублевую плату съ кубической сажени, „разнаго званія людей" было 70 чел., къ 15 ч. іюля—30, а къ 15 ч. августа осталось всего 15 чел. Въ 1832 г. на Егорьевскомъ промыслѣ вольныхъ возчиковъ не хватило, и пришлось прибѣгнуть къ содѣйствію „урочныхъ служителей" т.-е. мастеровыхъ — „урочниковъ", въ число обязанностей которыхъ входила возка дровъ, руды и проч. за задѣльную плату [3]).

Въ ноябрѣ 1834 г. министръ финансовъ Канкринъ предложилъ главному начальнику Алтайскихъ заводовъ разсмотрѣть, нельзя ли для увеличенія добычи золота сверхъ опредѣленныхъ казенныхъ служителей употребить за умѣренную плату вольныхъ работниковъ, по примѣру частныхъ золотопромышленниковъ, изъ числа ссыльно-поселенцевъ. На это главный начальникъ Алтайскихъ заводовъ Е. Ковалевскій отвѣчалъ министру финансовъ подробнымъ донесеніемъ, которое наглядно показываетъ, что мастеровые, обязанные работать на кабинетскихъ золотыхъ промыслахъ, были въ экономическомъ отношеніи въ гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ ссыльнопоселенцы и другіе рабочіе на частныхъ золотыхъ промыслахъ, а далѣе мы увидимъ, что положеніе это еще болѣе ухуд-

[1]) Дѣла Салавр. Ком. Воен. Суда, ст. 125 л. 1157, 1160.

[2]) Ibid., ст. 125, л. 1464—1465.

[3]) Арх. Главн. Упр. Алт. Горн. Окр., ст. 10, л. 143, 152, 169, 387; Вѣдом. Горн. Сов., 1832 г., л. 142.

шалось суровою военною дисциплиною и самыми жестокими тѣлесными наказаніями. „Крестьяне", писалъ Е. Ковалевскій, „выступаютъ весьма неохотно и въ самомъ незначительномъ числѣ въ работы на золотые промыслы, и то тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ ближайшихъ къ онымъ селеніяхъ; между тѣмъ важнѣйшіе казенные пріиски находятся въ мѣстахъ необитаемыхъ и весьма отдаленныхъ отъ деревень. Остаются, такъ называемые, посельщики или ссыльные, которые наполняютъ частные золотые промыслы". Но употреблять и ихъ на казенныя промысловыя работы оказывалось неудобнымъ: „1) среднее содержаніе мастероваго на казенныхъ золотыхъ промыслахъ жалованьемъ, порціонами и провіантомъ, по сложности нѣсколькихъ лѣтъ, обходится казнѣ въ годъ 81 руб. 74 к., а въ мѣсяцъ 6 руб. 81 к. На частныхъ золотыхъ промыслахъ вольные работники, большею частью изъ ссыльныхъ, получаютъ среднимъ числомъ денежной платы 12 руб. 50 к., да содержаніе ихъ пищею стоитъ около 7 руб. 25 к., что составитъ въ мѣсяцъ 19 руб. 75 к. (ассигн.). Сверхъ того они имѣютъ, такъ называемыя, старательскія работы, производимыя въ праздники и вообще въ свободное время, при которыхъ получаютъ за золотникъ добытаго золота и за снятіе . . . . турфа съ куб. сажени по 4 руб. (ассигн.). Сіе доставляетъ имъ почти столько же, если не болѣе, какъ плата съ цѣною пищи вмѣстѣ взятая. Принимая же только половину такового расхода, содержаніе рабочаго изъ ссыльныхъ на частныхъ промыслахъ будетъ простираться въ мѣсяцъ болѣе 30 руб., т.-е. почти въ $4^1/_2$ раза болѣе противъ содержанія мастерового на казенныхъ промыслахъ". Золотопромышленники теряютъ еще задатки неявившихся и неотработанныя деньги бѣжавшихъ рабочихъ.—„Если розсыпи богаты содержаніемъ золота, то всѣ сіи расходы . . . . не составятъ большаго разсчета, и промышленники, не смотря на то, получаютъ огромныя прибыли. Но при маломъ содержаніи золота они должны довольствоваться самыми небольшими, такъ сказать, купеческими процентами. Колывано-Воскресенскіе же заводы при нынѣшнихъ обстоятельствахъ лаютъ отъ золотого промысла (не смотря на бывшую до сего времени убогость розсыпей) на 1 руб. до 2 руб., а вообще отъ всего валового производства на 1 руб. почти 4 руб. чистой прибыли. 2) Но сколько ни значительны были бы расходы казны на наемъ вольныхъ работниковъ изъ ссыльныхъ", продолжаетъ Ковалевскій, „нравственное неудобство, отъ сего произойти долженствующее, еще гораздо важнѣе. Въ одно и то же время за одну и ту же работу честный и безпорочный мастеровой долженъ бы былъ получать вчетверо меньше, чѣмъ ссыльный, заклейменный преступленіемъ и изгнанный изъ своей отчизны. Наполнять отдѣльно какіе либо казенные золотые промыслы одними работниками изъ ссыльныхъ невозможно, потому что при нихъ должны быть по крайней мѣрѣ главные промывальщики, нарядчики, унтеръ-штейгеры и проч. изъ сословія мастеро-

выхъ. Содержаніе рабочихъ изъ ссыльныхъ далеко будетъ превосходить жалованье сихъ приставниковъ, непосредственныхъ ихъ начальниковъ, а иногда можетъ даже равняться съ окладами командующихъ офицеровъ (если они не изъ горныхъ инженеровъ)". — Вслѣдствіе всего этого Ковалевскій считалъ неудобнымъ нанимать рабочихъ изъ ссыльныхъ на казенные промыслы и вмѣсто того предлагалъ: „1) пріохочивать, сколько возможно, приписныхъ (къ заводамъ) крестьянъ къ производству хотя на близкихъ промыслахъ (Егорьевскомъ, Касминскомъ и Урскомъ) работъ, сообразныхъ съ ихъ бытомъ, какъ то: съемки турфа, перевозки песковъ къ фабрикѣ и проч. по вольной платѣ"; 2) отправлять на казенные золотые промыслы для отработки всѣхъ недоимщиковъ-крестьянъ, инородцевъ и ссыльнопоселенцевъ по крайней мѣрѣ изъ ближайшихъ округовъ Томской губерніи и 3) позволить мастеровымъ казенныхъ промысловъ работать въ праздничное и свободное время за двойную плату. Второе предложеніе, какъ мы уже знаемъ, было отклонено министромъ финансовъ, а первое и третье — приняты. О старательскихъ работахъ мастеровыхъ мы уже говорили, что же касается попытки привлечь на золотые промысла вольныхъ рабочихъ изъ приписныхъ крестьянъ, то она не увѣнчалась успѣхомъ.

Въ маѣ 1835 г. Алтайское горное правленіе составило положеніе о платѣ на казенныхъ промыслахъ вольнымъ рабочимъ, которое было затѣмъ утверждено и главнымъ начальникомъ Алтайскихъ заводовъ. При этомъ найдено было всего удобнѣе назначить плату съ куб. сажени, принимая во вниманіе глубину, на которой залегаютъ золотоносные пески [1]). — Пристава кабинетскихъ золотыхъ промысловъ должны были оповѣстить крестьянъ ближайшихъ селеній, мѣщанъ г. Кузнецка и инородцевъ, не пожелаютъ ли они производить работы на золотыхъ промыслахъ по вольному найму. Но до 1 декабря 1835 г. желающихъ работать на казенныхъ промыслахъ не оказалось [2]), что безъ сомнѣнія объясняется невыгодностью этихъ работъ, различными злоупотребленіями и вообще неблагопріятными условіями, въ которыхъ находились даже и вольные рабочіе на этихъ промыслахъ. Надо полагать, что и позднѣе вольнонаемныхъ рабочихъ не находилось или было очень мало, и если по штатамъ 1849 г. изъ 36 п. золота 5 добывалось „вольною работою", то это была старательская, хотя и не всегда, какъ мы видѣли, добро-

[1]) За выработку куб. сажени торфа и рыхлаго песку съ относкою на носилкахъ и откаткою на тачкахъ назначена была плата отъ 2 р. 50 к. до 5 р. ассигн.; при работѣ ортами отъ 3 р. до 4 р. съ куб. сажени. За добычу торфа безъ относки на мѣсто по 2 р. съ сажени.

[2]) Арх. Главн. Упр. Алт. Горн. Окр., дѣла золот. пром., ст. 21, л. 511—526, вяз. 47, дѣло № 815, л. 1—3, 9—12, 19—30.

вольная работа мастеровыхъ [1]). Только въ 1858 г. въ связи съ предстоящимъ уничтоженіемъ обязательнаго горнаго труда стали обсуждать вопросъ о добычѣ золота вольнонаемными рабочими [2]).

Мастеровымъ на заводахъ и рудникахъ выдавался безплатно по положенію 1828 г. провіантъ всѣмъ находившимся въ работахъ: взрослому 2 пуда, подростку 1—1½ п. въ мѣсяцъ [3]). Въ имѣющихся у насъ свѣдѣніяхъ о снабженіи мастеровыхъ провіантомъ на золотыхъ промыслахъ въ 1832 и 1835 гг. упоминается о выдачѣ провіанта на всѣхъ по 2 пуда: такъ въ 1835 г. на 1592 чел. выдавалось провіанту по 24 п. въ годъ [4]). Съ 1849 г. безплатная выдача провіанта всѣмъ мастеровымъ Алтайскихъ заводовъ (и золотыхъ промысловъ) распространена и на семейства рабочихъ: жены стали получать 2 п., подростки 1½—2 п., всѣ дѣти мальчики (неработающіе) по 1 п., столько же получали и дочери до 18 лѣтъ, когда дача провіанта имъ прекращалась. Провіантъ выдавался нерѣдко въ весьма неудовлетворительномъ видѣ: по словамъ г. Зобнина, „заготовляемая на три года впередъ мука отъ сырости превращалась въ глыбы, которыя поддавались только лому и кайлѣ“ [5]).

Отъ казны выдавалась только мука, остальные же припасы, а также одежду, рабочіе должны были покупать на деньги. При открытіи Петропавловскаго пріиска главный начальникъ Алтайскихъ заводовъ въ 1835 г. предписалъ до времени не дѣлать вычетовъ изъ жалованья мастеровыхъ за выдаваемые имъ съѣстные припасы и вещи, а считать плату за нихъ въ долгу до особаго распоряженія [6]). Вслѣдствіе этого въ 1837 г. за нѣкоторыми мастеровыми Петропавловскаго пріиска числилось долговъ до 25 р. ассигн. Въ 1842 г. Алтайское горное правленіе увѣряло, что на казенныхъ пріискахъ всѣ жизненные припасы, обувь и платье заготовляется и отпускается рабочимъ по умѣреннымъ цѣнамъ. Но такъ какъ тутъ же это правленіе утверждало, будто бы работы на промыслахъ легче, чѣмъ на заводахъ, то и къ показанію о дешевизнѣ цѣнъ на вещи и жизненные припасы приходится отнестись скептически [7]). Въ 1859 г. въ виду того, что Царево-Александровскій промы-

[1]) Поэтому въ штатахъ и сказано было, что „на плату *казеннымъ работникамъ* за вольную работу“ назначено 20.759 р. 51 к. и не ассигновано никакой другой суммы на вознагражденіе вольнонаемнымъ рабочимъ.

[2]) Арх. Главн. Упр. Алт. Горн. Окр., „Изложеніе“ (о Горномъ Совѣтѣ), 1858 г., л. 139—141, „Изложеніе“ 1859 г., л. 98—102.

[3]) *Зобнинъ*, 19.

[4]) Арх. Главн. Упр. Алт. Горн. Окр., вяз. 47, дѣло № 815, л. 6; срав. „Вѣдом. Горн. Сов.“ на 1832 г., л. 139—143.

[5]) П. С. З. т. XXIV, отд. II, Штаты, стр. 127.

[6]) Арх. Алт. Горн. Упр. ст. 10, л. 393.

[7]) Арх. въ Салаирѣ, дѣла Томск. Горн. Конт., ст. 257, л. 153—154, дѣла Салаир. Комм. Военн. Суда, ст. 125, л. 1464—1465. Въ 1837 г. на Петропавловскомъ

селъ, еще новый, мѣсто „не обжилось, не отопталось, кругомъ лѣсъ и горы, вездѣ сырость", инспекторъ алтайскихъ госпиталей призналъ не безполезнымъ мастеровымъ, работающимъ въ промывальной фабрикѣ и другихъ сырыхъ мѣстахъ этого пріиска, для предупрежденія развитія цынги, выдавать передъ обѣдомъ по чаркѣ вина и противоцынготную окрошку для закуски *на счетъ рабочихъ* [1]).

Получая только жалованье, кормовыя деньги и провіантъ, мастеровые на золотыхъ промыслахъ, безъ сомнѣнія, также стремились обзавестись своимъ хозяйствомъ, какъ это удавалось весьма многимъ, жившимъ на заводахъ. Однако на промыслахъ было очень много людей безъ своихъ хозяйствъ [2]). На Алтайскихъ заводахъ на каждаго рабочаго, имѣющаго лошадь или корову, отводилось по 2 десятины покосовъ, но на отдаленныхъ золотыхъ промыслахъ, лежащихъ въ мѣстахъ каменистыхъ и лѣсистыхъ, безъ сомнѣнія рѣдко надѣляли покосами въ такомъ количествѣ [3]).

На новыхъ золотыхъ промыслахъ мастеровымъ самимъ приходилось строить себѣ жилища [4]). Въ ноябрѣ 1831 г. рабочей командѣ, прибывшей на Сухаринскую золотую розсыпь, приходилось жить въ землянкахъ, пока не выстроена была сначала офицерская, а потомъ служительская казарма [5]). Въ 1835 г. инспекторъ медицинской части объяснялъ сильное развитіе гнилой горячки и цынги на золотыхъ промыслахъ „первоначальною тѣснотою и сыростью въ выстроенныхъ на скорую руку изъ сырого лѣса избушкахъ, не имѣющихъ сначала часто ни крышъ, ни половъ". Онъ предлагалъ весною и въ началѣ лѣта давать рабочимъ достаточно свободнаго времени для постройки порядочныхъ жилищъ, которыя могли бы высушиться въ продолженіе лѣта и осени и не были бы вредны для здоровья зимою, а „для безпечныхъ или не имѣющихъ способовъ завести свои дома и не помѣщающихся съ удобностью въ

пріискѣ пара чирковъ (обувь) стоила 1 р. 40 к., пара рукавицъ 1 р. ассигн. Ibid., дѣла том. горн. конт. ст. 257, *л.* 111, 153—154.

[1]) Арх. Главн. Упр. Алт. Горн. Окр., вяз. 5360, дѣло № 380.

[2]) Въ 1833 г. на одномъ золотомъ промыслѣ у мастеровыхъ было всего 85 лошадей и 68 коровъ на 125 домовъ, т. е. по крайней мѣрѣ 40 домовъ было безлошадныхъ и еще болѣе безкоровныхъ, а въ среднемъ выводѣ приходилось 0,7 лошадей и 0,6 коровъ на одинъ дворъ. Въ томъ же году на другомъ промыслѣ было 40 дворовъ, а скота всего 2 коровы, лошади ни одной. *Н. Зобнинъ* „Приписные крестьяне на Алтаѣ". „Алтайскій сборникъ" 1895 г., т. I, стр. 57.

[3]) *Гагемейстеръ*. „Стат. обозр. Сибири", т. II, стр. 397. На Егорьевскомъ промыслѣ съ 22 іюля по 22 сентября 1831 г. еженедѣльно отпускали по 30 чел. для поставки собственнаго сѣна. Арх. Главн. Упр. Алт. Горн. Окр., ст. 10, *л.* 158—195.

[4]) Такъ на Егорьевскомъ пріискѣ въ апрѣлѣ 1831 г. изъ 641 чел. рабочихъ — 300 были заняты постройкою для себя избушекъ.

[5]) Арх. Главн. Упр. Алт. Горн. Окр., дѣла по золот. пром. ст. 10, *л.* 103, 585.

частныхъ квартирахъ" построить казенныя казармы [1]). По донесенію 1859 г. инспектора Алтайскихъ госпиталей, Преображенскаго, послѣ посѣщенія Царево-Александровскаго, Спасо-Александровскаго и нѣкоторыхъ другихъ промысловъ, во многихъ жилищахъ мастеровыхъ, не смотря на то, что они построены уже болѣе двухъ лѣтъ и что ихъ просушивали чугунными печами, „до сихъ поръ замѣтна значительная сырость". Это объясняется, по его мнѣнію, тѣмъ, что „жилища эти строены изъ тонкаго пихтоваго лѣса, который чрезвычайно пористъ, удобно всасываетъ влажность и при большихъ морозахъ промерзаетъ насквозь, при оттепели совершенно отсырѣваетъ такъ, что по стѣнамъ" видны капли. Для уничтоженія сырости въ избахъ сдѣлано было распоряженіе о заготовленіи негашеной извести [2]).

На золотыхъ промыслахъ болѣзненность рабочихъ была очень велика, при чемъ всего болѣе свирѣпствовали горячки, цынга и сифилисъ. Инспекторъ медицинской части Колывано-Воскресенскихъ заводовъ въ 1835 г. писалъ: „Четырехлѣтній опытъ доказалъ, что на вновь открытыхъ золотыхъ промыслахъ заводскаго вѣдомства въ первую зиму и весну свирѣпствуютъ гнилыя горячки въ сильной степени и со значительною смертностью и, уменьшаясь лѣтомъ и осенью, на второй годъ въ то же время вновь усиливаются, но въ меньшей степени; но за то оказуется тогда цынготная болѣзнь, хотя не столь смертоносная, но распространяющаяся на большее число рабочихъ и дѣлающая ихъ на долгое время неспособными къ тяжелымъ работамъ". Главныя причины этихъ болѣзней „сырое и суровое мѣстоположеніе золотоносныхъ розсыпей, глубокіе снѣга и позднее наступленіе теплой погоды въ тѣхъ мѣстахъ, работы, хотя и не очень тяжелыя (?), но почти во всегдашней сырости", а особенно тѣснота и сырость въ наскоро выстроенныхъ избушкахъ „въ лазаретахъ, въ которыхъ вдругъ накопляется неожиданно большое число больныхъ. Современемъ всѣ эти причины болѣзней . . . . устраняются, такъ что число больныхъ и въ опасное время значительно уменьшается, какъ доказываютъ промыслы Егорьевскій и Касменскій" [3]). Мѣстныя власти считали въ началѣ 50-хъ годовъ, что во время зимнихъ работъ число больныхъ доходило до 17% и болѣе, а въ лѣтніе мѣсяцы бывало въ 3—4 раза менѣе. Въ 1856 г. на всѣхъ золотыхъ промыслахъ къ 1 января 1856 г. больные составляли 2,5%, къ 1 февраля до 4%, къ

---

[1]) Ibid., ст. 21, л. 469—470.

[2]) Ibid., вяз. 5360, дѣло № 380.

[3]) Ibid., дѣла о каз. пром., ст. 21, л. 468—469. На Егорьевскомъ промыслѣ въ 1831 г. больныхъ въ разные мѣсяцы было отъ 5 до 19% рабочихъ, а въ среднемъ за весь годъ 12%. На Успенскомъ промыслѣ больныхъ въ мартѣ 1835 г. было 20%. Ibid., ст. 10, л. 8—277, ст. 21, л. 418, 468.

1 іюня 3%, къ 1 іюля 2,5%. Такимъ образомъ съ тѣхъ поръ, какъ стали гуманнѣе обращаться съ мастеровыми и болѣе заботиться о нихъ, ихъ болѣзненность уменьшилась [1]).

Изъ болѣзней всего болѣе распространены были, какъ мы уже упоминали, цынга, горячка и сифилисъ [2]). Цынга свирѣпствовала не только въ 30-хъ годахъ, но на нѣкоторыхъ промыслахъ и въ концѣ 50-хъ годовъ, въ 1858 и въ 1859. Опасаясь вновь развитія цынги, а главное недомывки золота, какъ въ 1858 г., управляющій золотыми промыслами, Ястржембскій, въ январѣ 1859 г. просилъ прислать лѣкарствъ и особаго лекаря. Инспекторъ Алтайскихъ госпиталей, Преображенскій, приказалъ тяжело больныхъ цынгою на Царево-Александровскомъ пріискѣ содержать въ госпиталѣ, больныхъ въ меньшей степени, которые могутъ перенести дорогу, перевозить на Спасо-Александровскій промыселъ подъ присмотромъ фельдшера, снабдивъ ихъ на дорогу теплою одеждою и обувью и необходимыми припасами, такъ чтобы ихъ два раза въ сутки кормили щами съ говядиною и крупою, а остальныхъ помѣстить въ казармѣ подъ медицинскимъ надзоромъ и употреблять на легкія работы.

Когда въ кабинетѣ Е. В. было получено донесеніе о развитіи скорбута на Царево-Александровскомъ золотомъ промыслѣ, предсѣдатель кабинета, баронъ Мейендорфъ, разрѣшилъ употреблять ежегодно до 2000 руб. для выдачи заболѣвшимъ рабочимъ мясныхъ и винныхъ порцій *на счетъ заводовъ* и вообще на улучшеніе ихъ содержанія впредь до прекращенія болѣзни, съ тѣмъ, чтобы расходъ этотъ производить, когда это признано будетъ необходимымъ для сохраненія здоровья рабочихъ [3]).

По донесенію инспектора медицинской части Геблера (1835 г.), главными болѣзнями на Успенскомъ промыслѣ оказались венерическая, гнилыя горячки и цынга. Распространеніе первой вызывалось малочисленностью женщинъ на промыслахъ. Для уничтоженія ея онъ нашелъ нужнымъ, чтобы „служащій при лазаретѣ медицинскій чиновникъ“ освидѣтельствовалъ всѣхъ рабочихъ и затѣмъ зараженные, въ виду „неустройства“ мѣстнаго лазарета, были отправлены для лѣченія въ Салаирскій

---

[1]) Ibid. Бѣлов. Журн. Горн. Сов., 1853 г., л. 140; вяз. 175, дѣло № 6487, л. 4—5.

[2]) Арх. Главн. Упр. Алт. Горн. Окр., ст. 21, л. 467 об., Арх. въ Салаирѣ, дѣла Салаир. Горн. Конт., ст. 796, л. 109, 184—185.

[3]) Арх. Главн. Упр. Алт. Горн. Окр. Врачъ Алтайскихъ золотыхъ промысловъ, Феоктистовъ, въ статьѣ о цынгѣ на этихъ промыслахъ („Томскія Губернскія Вѣдомости“, 1859 г. № 23) указываетъ между прочимъ слѣдующія причины этой болѣзни: „холодныя и сырыя жилища мастеровыхъ, какія постоянно бываютъ на вновь открываемыхъ золотыхъ промыслахъ“, продолжительное пребываніе ихъ въ мокрой одеждѣ во время ненастной весны и недостатокъ весною свѣжей говядины и въ продолженіи большей части года свѣжихъ овощей.

госпиталь; онъ считалъ также необходимымъ освидѣтельствовать „женъ зараженныхъ женатыхъ и любовницъ зараженныхъ холостыхъ служителей“ и если среди нихъ окажутся больные этою болѣзнью, то отправлять ихъ для лѣченія на казенный счетъ въ Салаиръ. Вслѣдствіе этого Алтайское горное правленіе командировало лѣкаря съ заводовъ на Успенскій промыселъ для того, чтобы онъ освидѣтельствовалъ сначала мужчинъ, а затѣмъ тѣхъ женщинъ и дѣвушекъ, на которыхъ будетъ указано зараженными мужчинами. При опросѣ рабочихъ, лѣчившихся въ Салаирскомъ госпиталѣ, только одинъ изъ заразившихся заявилъ, что считаетъ виновною въ томъ свою жену, остальные же не назвали именъ женщинъ, а высказали предположеніе, что заразились отъ товарищей [1]).

Въ какомъ неудовлетворительномъ состояніи находились иногда промысловые лазареты, видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго донесенія инспектора медицинской части Геблера, о лазаретѣ на Успенскомъ промыслѣ въ 1835 г. По его словамъ, лазаретъ этотъ „по неожиданно большому числу больныхъ терпитъ нынѣ во всемъ большой недостатокъ: въ помѣщеніи, въ бѣльѣ, одеждѣ, обуви, посудѣ и проч. Самое большое изъ двухъ отдѣленій его сыро и имѣетъ нары вмѣсто коекъ, а въ другомъ послѣднія, какъ и столы, самой грубой работы; для бѣлья и для аптеки никакихъ ящиковъ или шкафовъ не имѣется и даже въ лѣкарствахъ“ онъ нашелъ „чувствительный недостатокъ“. Геблеръ, на основаніи четырехлѣтняго опыта алтайской золотопромышленности, говоритъ вообще о „тѣснотѣ и сырости“ въ промысловыхъ лазаретахъ, „въ которыхъ вдругъ накопляется неожиданно большое число больныхъ“. Впрочемъ, въ 1835 г. лазареты на Касминскомъ и Егорьевскомъ промыслахъ Геблеръ нашелъ гораздо болѣе исправными, чѣмъ на Успенскомъ [2]).

По штатамъ 1849 г. на казенныхъ золотыхъ промыслахъ полагалось два лѣкаря, 12 фельдшеровъ и 12 фельдшерскихъ учениковъ. На содержаніе 150 больныхъ и на лѣченіе было назначено по 30 руб. сер. въ годъ на каждаго. — По тѣмъ же штатамъ мастеровые во время нахожденія въ госпиталѣ получали половинное жалованье.

Инспекторъ медицинской части, Геблеръ, въ 1835 г. предложилъ при отправленіи мастеровыхъ на золотые промыслы съ рудниковъ и заводовъ подвергать ихъ медицинскому осмотру и отправлять только способныхъ къ тамошнимъ работамъ и не страдающихъ хроническими болѣзнями. Предложеніе это было одобрено Алтайскимъ горнымъ правленіемъ.

---

[1]) Арх. Главн. Управ. Алт. Горн. Окр., дѣла о золотопр., ст. 21, л. 468, 479, 481, 483.

[2]) Ibid. л. 468, 469, 470 об.

Мастеровые Алтайскихъ заводовъ первоначально производили работы безсрочно до потери способности къ труду. По положенію 1828 г. никто изъ мастеровыхъ не освобождался „отъ непремѣнной обязанности производства работъ, какъ токмо полученіемъ отставки, данной отъ горнаго правленія“; основательною же причиною отставки считалась только „неспособность къ работѣ по болѣзнямъ, увѣчью или старости“ [1]). Съ 1849 г. мастеровые, *безпорочно* прослужившіе 35 лѣтъ (съ 18-лѣтняго возраста) стали получать отставку; если же они предпочитали оставаться на службѣ и мѣстное начальство признавало это полезнымъ, то имъ производилось полуторное, противъ прежняго, жалованье. По положенію комитета министровъ 11 марта 1852 г., вслѣдствіе замѣчаній ревизовавшаго западную Сибирь генералъ-адъютанта Анненкова, Высочайше повелѣно было мастеровыхъ, взятыхъ посредствомъ рекрутскаго набора изъ крестьянъ, увольнять въ отставку по истеченіи 25 лѣтъ безпорочной службы. Такъ какъ случаи такой службы были не особенно часты, то многіе находились на обязательныхъ работахъ до дряхлаго возраста [2]). По Высочайшему повелѣнію 1853 г. предписано было не увольнять ни въ отставку, ни въ отпускъ не только штрафованныхъ мастеровыхъ, но и тѣхъ изъ нихъ, кто будетъ оставленъ въ подозрѣніи и затѣмъ будетъ „не вполнѣ одобрительно“ вести себя.

Отставнымъ выдавалась пенсія по положенію 1797 г. въ слѣдующемъ размѣрѣ: рабочимъ унтеръ-офицерскаго званія 20 руб. и рядовымъ 10 руб.; вдовы получали 5 руб., сироты по 3 руб. въ годъ. Съ 1836 г. низшій размѣръ пенсіи опредѣленъ въ 6 руб. ассигн., а съ 1840 г., съ переводомъ на серебро, въ 1 руб. 72 к. *въ годъ!* Съ 1828 г. пенсіонеры получали безплатно провіантъ по 2 пуд. въ мѣсяцъ [3]). Земли, отведенныя мастеровымъ, оставлялись въ ихъ пользованіи по выходѣ въ въ отставку [4]). Въ положеніи о мастеровыхъ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ 1828 г. сказано: „мастеровой, по отставкѣ, если пожелаетъ, принимается въ заводскую богадѣльню“; въ такомъ случаѣ пенсія ему уже не выдавалась [5]). Въ 1851 г. въ заводскихъ богадѣльняхъ Алтайскаго округа призрѣвалось *всего* 33 мужчины и 2 женщины [6]), что очень немного на всѣхъ мастеровыхъ, работавшихъ на алтайскихъ заводахъ, рудникахъ и промыслахъ.

По штатамъ 1849 г. на золотыхъ промыслахъ учреждена была школа на 100 учениковъ, въ которой было три учителя съ жалованьемъ

---

[1]) 2-е П. С. З. т. III, № 1960.

[2]) Арх. Ком. Мин., дѣло 1852 г. № 77, сводъ зак. изд. 1857 г., т. VII, ст. 1728.

[3]) *Зобнинъ* въ „Сибир. Сбор.“ 1891 г., кн. II, стр. 11—12.

[4]) *Гагемейстеръ*, II, 397.

[5]) 2 П. С. З. т. XXIV, Отд. II, Прилож. стр. 129.

[6]) Арх. Ком. Мин., дѣла Сибир. Комит. 1852 № 77.

отъ 36 до 54 руб. серебр. въ годъ. Ученикамъ выдавалось въ годъ жалованья по 1 руб. 8 к. серебр. На учебныя пособія школы опредѣлено было 30 руб.

Жизнь рабочихъ на Алтайскихъ золотыхъ промыслахъ была вообще очень тяжела, но она дѣлалась особенно ужасною вслѣдствіе тѣхъ суровыхъ тѣлесныхъ наказаній, какія здѣсь существовали. Наказанія розгами налагались или административно—мѣстною властью на промыслѣ (приставомъ) и по предписанію горнаго управленія, или военнымъ судомъ; первыя бывали со внесеніемъ и безъ внесенія въ формуляръ рабочаго, вторыя всегда со внесеніемъ. За неисполненіе урока наказывали розгами и палками; за первый побѣгъ, особенно если бѣжавшій самъ возвращался, обыкновенно наказывали розгами отъ 50 до 150 ударовъ, причемъ иногда ихъ переводили на работу въ рудники, но чаще отсылали на тотъ же золотой промыселъ. Наказаніе розгами налагалось иногда и за кражу. Виновныхъ въ первомъ побѣгѣ военный судъ, кромѣ наказанія розгами, предписывалъ еще иногда употреблять въ работу (очевидно изъ „гульныхъ“ недѣль) столько времени, сколько они были въ бѣгахъ, или записывать въ формуляръ какъ это время, такъ и проведенное подъ слѣдствіемъ для того, чтобы оно было затѣмъ исключено изъ дѣйствительной службы [1]).

За второй, третій и слѣдующіе побѣги, а иногда и за первый, если онъ осложнялся какими либо другими провинностями, а также за взведеніе на себя уголовнаго преступленія, чтобы избавиться отъ работы на золотыхъ промыслахъ, рабочіе подвергались наказанію шпицрутенами. Обыкновенно коммиссія военнаго суда приговаривала мастеровыхъ къ особенно ужаснымъ наказаніямъ; Алтайское горное правленіе, а затѣмъ и главный начальникъ заводовъ или утверждали приговоръ, или смягчали его. Въ концѣ концовъ обвиненные приговаривались къ наказанію шпицрутенами черезъ 500 человѣкъ одинъ, два, три раза, черезъ 1000 человѣкъ два, три раза. Кромѣ наказанія шпицрутенами военный судъ приговаривалъ еще иногда къ содержанію въ исправительной казармѣ въ теченіе 3, 6, 12 мѣсяцевъ, откуда посылали отработывать время, проведенное въ бѣгахъ [2]), и къ обриванію волосъ съ половины головы. Съ средины 50-хъ годовъ наказанія смягчаются, и наименьшею единицею наказанія шпицрутенами становятся уже не 500, а 200 человѣкъ, т.-е. за побѣгъ наказываютъ черезъ 200 человѣкъ одинъ, два, три раза и такъ далѣе [3]). За убійство виновные приговаривались и къ наказанію кну-

[1]) Арх. въ Салаирѣ, дѣла Конторъ и Ком. Воен Суда; Арх. Главн. Управ. Алт. Гор. и. Окр., Военносудныя дѣла; ст. *Зобнина* въ „Сиб. Сборн.“ 1891, т. II, 15.

[2]) Въ исправительную казарму сажали и за намѣреніе бѣжать.

[3]) Чтобы показать, какъ много шпицрутеновъ приходилось вынести въ свою жизнь одному рабочему, приведемъ свѣдѣнія о мастеровомъ Зыряновскаго рудника,

томъ со ссылкою въ каторжную работу, но кнутъ главный начальникъ Алтайскихъ заводовъ замѣнялъ иногда двумя-тремя тысячами шпицрутеновъ со ссылкою на каторгу.

О наказаніи шпицрутенами вообще кн. Н. А. Орловъ въ своей запискѣ (1861 г.) „объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній“ говоритъ: „При вскрытіи тѣлъ наказанныхъ шпицрутенами постоянно оказываются продольныя кровоизліянія въ легкихъ, соотвѣтствующія если не всѣмъ, то большей части полученныхъ ударовъ. Сердце содрогается при мысли, что, по буквѣ закона, если преступникъ лишится силъ идти по фронту, то его должно вести вдоль онаго, и если онъ испустилъ духъ, то тѣло его должно еще получить опредѣленное приговоромъ число ударовъ. На дѣлѣ этого, кажется, нынѣ не исполняютъ. Солдатамъ давно стала отвратительна роль палачей, и при каждой экзекуціи начальство вынуждено повторять офицерамъ: „Господа, смотрите, чтобъ люди били крѣпче“ [1]). Извѣстный ученый Д. А. Ровинскій, бывшій въ 50-хъ годахъ московскимъ губернскимъ прокуроромъ, такъ описываетъ наказаніе шпицрутенами, очевидно, по собственнымъ наблюденіямъ: „Съ аракчеевской „манерой“ „проводка сквозь строй въ гарнизонѣ“ свышѣ 500 ударовъ часто равнялась смертному приговору; въ Москвѣ, напримѣръ, въ 50-хъ годахъ „гарнизонные“ гоняли сквозь строй мѣщанина Васильева, который былъ судимъ военнымъ судомъ (по особому повелѣнію); ему дали всего 400 ударовъ, и онъ померъ на третьи сутки. А что сказать о шпицрутенахъ *„сквозь тысячу двѣнадцать разъ, безъ медика“*. Надо видѣть однажды эту ужасную пытку, чтобы никогда не забыть ея. Выстраивается тысяча бравыхъ русскихъ солдатъ въ двѣ шпалеры, лицомъ къ лицу; каждому дается въ руку хлыстъ — шпицрутенъ; живая *„зеленая улица“*, только безъ листьевъ, весело движется и помахиваетъ въ воздухѣ. Выводятъ преступника, обнаженнаго до пояса и привязаннаго за руки къ двумъ ружейнымъ прикладамъ; впереди двое солдатъ, которые позволяютъ ему подвигаться впередъ только медленно, такъ чтобы каждый шпицрутенъ имѣлъ время оставить слѣдъ свой на *„солдатской шкурѣ“*; сзади вы-

---

Кузнецовѣ, который уже на тридцатипятилѣтнемъ возрастѣ судился за пятый побѣгъ. Въ 1849 г., за первый побѣгъ, онъ былъ наказанъ шпицрутенами чрезъ 500 человѣкъ одинъ разъ, въ 1851 г., за второй побѣгъ, чрезъ 1000 человѣкъ одинъ разъ, въ 1852 г. за третій побѣгъ, чрезъ 500 человѣкъ три раза, въ 1853 г., „за ложное показаніе на себя смертоубійства“ (что дѣлалось для избавленія отъ работъ), чрезъ 500 человѣкъ два раза; въ 1854 г., за четвертый побѣгъ также чрезъ 500 человѣкъ два раза; въ 1856 г., за пятый побѣгъ, чрезъ 200 чел. три раза съ опредѣленіемъ на службу на Царево-Николаевскій золотой промыселъ. Такимъ образомъ въ теченіе 7 лѣтъ онъ вынесъ 5600 шпицрутеновъ. Арх. Главн. Управл. Алт. Горн. Окр., дѣла Военносудныя, вяз. 6, дѣло № 109, л. 7—10.

[1]) „Русская Старина“ 1881 г. № 5, стр. 101.

возится на дровняхъ гробъ. Приговоръ прочтенъ; раздается зловѣщая трескотня барабановъ; разъ, два.... и пошла хлестать *зеленая улица* справа и слѣва. Въ нѣсколько минутъ солдатское тѣло покрывается, сзади и спереди, широкими рубцами, краснѣетъ, багровѣетъ; летятъ кровяныя брызги.... „Братцы, пощадите“!.... прорывается сквозь глухую трескотню барабана; но вѣдь щадить — значитъ самому тутъ же быть пороту, и еще усерднѣе хлещетъ березовая улица. Скоро бока и спина представляютъ одну сплошную рану, мѣстами кожа сваливается клочьями,— и медленно движется на прикладахъ живой мертвецъ, обвѣшанный мясными лоскутьями, безумно выкативъ оловянные глаза свои..... Вотъ онъ свалился, а бить еще осталось много,—живой трупъ кладутъ на дровни и снова возятъ взадъ и впередъ, промежъ шпалеръ, съ которыхъ сыплются удары шпицрутеновъ, и *рубятъ* кровавую кашу. Смолкли стоны; слышно только какое-то шлепанье, точно кто по грязи палкой шалитъ, да трещатъ зловѣщіе барабаны“ [1]).

Когда я проѣзжалъ въ 1891 г. чрезъ Салаиръ, мнѣ показывали площадь, на которой производилось наказаніе шпицрутенами. Два ряда наказывающихъ, тянущіеся черезъ площадь, примыкали къ больницѣ, куда и вносили подвергнутаго истязанію, иногда уже мертваго. Наказывали по 500, 1000, 1500 шпицрутеновъ, но иногда производилось наказаніе и 5000-ми ударовъ,—такъ называемый „полнякъ“. Докторъ, присутствовавшій при наказаніяхъ, разсказывалъ, что ему приходилось, идя за наказываемымъ, уговаривать его вытерпѣть наказаніе до конца, такъ какъ иначе окончаніе наказанія въ другой разъ по только что поджившему мѣсту было особенно мучительно. Одинъ изъ жителей Салаира говорилъ мнѣ, что если мастеровые наказывали легко, то на спинѣ повиннаго въ потворствѣ ставили знакъ мѣломъ, и тутъ же подвергали его наказанію. Онъ помнитъ еще, какъ ихъ, маленькихъ мальчиковъ, выводили изъ школы смотрѣть на наказаніе шпицрутенами, которое, по его наблюденіямъ, ужаснѣе, чѣмъ наказаніе плетьми: дѣло доходило до того, что просто летѣли клочья мяса. Мнѣ разсказывали также, что, въ случаѣ побѣга изъ заключенія, при наказаніи пойманнаго, просились иногда наказывать солдаты, товарищей которыхъ бѣжавшій подвелъ своимъ побѣгомъ подъ отвѣтственность, и тогда уже наказаніе производилось самымъ безпощаднымъ образомъ. И теперь еще на Алтаѣ можно встрѣтить пожилыхъ интеллигентныхъ людей, отцы или родственники которыхъ еще подвергались жестокимъ наказаніямъ.

Положеннаго наказанія многіе сразу не выдерживали, и тогда оно производилось въ два или нѣсколько пріемовъ, черезъ извѣстные про-

---

[1]) *Д. Ровинскій.* „Русскія народныя картинки“, кн. V, „Сборникъ отдѣленія русск. яз. и слов. Имп. Академіи Наукъ“, т. XXVII, Спб. 1881 г., стр. 323—324.

межутки. Хотя и рѣдко, но иногда врачъ давалъ заключеніе, что приговоренный къ шпицрутенамъ вовсе не можетъ вынести этого наказанія [1]).

Жестокая система наказаній, какъ мы видимъ изъ постояннаго повторенія побѣговъ, не могла до такой степени устрашить мастеровыхъ, чтобы удержать ихъ отъ попытокъ избавиться отъ каторжной жизни, которую имъ приходилось выносить на золотыхъ промыслахъ. Но въ этой атмосферѣ розогъ и шпицрутеновъ воспитывались мѣстные представители власти, о которыхъ вспоминаютъ съ ужасомъ и отвращеніемъ: таковъ былъ Бекманъ, главный начальникъ Алтайскихъ заводовъ въ 1851—57 гг. По свидѣтельству одного современника, „это былъ тиранъ, какихъ Европа не знаетъ уже со временъ инквизиціи. Онъ нерѣдко пыталъ людей; и даже находилъ въ этомъ наслажденіе. Обыкновенный его пріемъ состоялъ въ засовываніи несчастному допрашиваемому мокраго платка въ ротъ, пока не начиналъ человѣкъ задыхаться и кровь не показывалась изъ горла. Но бывали пріемы и лучше. Нѣкоторыхъ онъ раздѣвалъ и приказывалъ бить перышкомъ по такимъ частямъ тѣла, которыя быстро у того распухали, производя ощущеніе невыносимой боли“ [2]).

Тяжелую жизнь свою на заводахъ, рудникахъ и золотыхъ промыслахъ, рабочіе изображали въ слагаемыхъ ими безыскусственныхъ пѣсняхъ, вродѣ слѣдующей ненапечатанной пѣсни подростковъ:

„На разборъ насъ посылаютъ, шибко насъ деруть и маютъ, а сами за что не знаютъ, въ отдаленны края посылаютъ. Поѣдемъ въ Бельмесову [3]), запоемъ пѣсню веселу; пріѣдемъ въ Шадрину [4]), растеребимъ старшину; пріѣдемъ въ Саушку [5]), попросимъ бабушку напоить-накормить и спать положить. Утромъ встанемъ, кошельки свои достанемъ, сухариковъ поѣдимъ и вдаль поглядимъ. Видимъ на горкѣ на горѣ, на высокой на крутой, надъ плотиной надъ водой стоитъ рудникъ Змѣевъ золотой, да намъ противный онъ какой. Наши горныя работы даютъ

---

[1]) Такъ въ 1856 г. одинъ мастеровой Александровскаго золотого промысла (20-ти лѣтъ) за побѣгъ и другія провинности въ 1856 г., т.-е., когда уже началось смягченіе наказаній, былъ приговоренъ къ 1000 ударовъ шпицрутеновъ. Такъ какъ по болѣзни, удостовѣренной врачемъ, онъ не могъ перенести этого наказанія, то горное правленіе приказало выдержать его подъ арестомъ одну недѣлю на хлѣбѣ и водѣ и потомъ оставить на работѣ въ Барнаульскомъ заводѣ. Арх. Глав. Упр. Алт. Горн. Окр., вяз. 3605, дѣло № 911; вяз. 3603, дѣла №№ 868, 869 и 888; дѣла военносудныя, вяз. 1, №№ 21, 23, 25, 27, 29, 33, 41, 43, 47, 53, 55, 56, 61; вяз. 6, № 109; вяз. 8, № 146, 153; вяз. 533, № 130. Арх. въ Салаирѣ, дѣла Салаирской Конторы и Салаир. Комм. Воен. Суда.

[2]) „Сибирь“. Лейпц., 1879 г. стр. 29. Нерѣдко подвергаясь сами истязаніямъ, мастеровые, чрезъ посредство начальства, могли подвергать тѣлесному наказанію и своихъ женъ.

[3]) Деревня въ 12 верстахъ отъ Барнаула.

[4]) Деревня въ 24 верстахъ отъ Барнаула.

[5]) Деревня Саушка, Бійскаго округа, въ 12 верстахъ отъ Змѣиногорскаго рудника.

намъ заботы. На промывкѣ на ручной есть нарядчикъ некошной (чортъ, лѣшій) [1]). Онъ идетъ, шары (глаза) уставитъ, работать насъ заставитъ, ходитъ — насъ розгами деретъ и волоса на головѣ рветъ; въ праздникъ робить оставляетъ и самъ за что не знаетъ. Жаловаться не знаемъ кому, — только Богу одному; до Его высоко, до Царя далеко, и говоримъ охо-хо, житье намъ плохо: въ казармѣ мы живемъ, хлѣбъ съ водой только жуемъ; съ работы убѣжимъ, по цѣлымъ днямъ въ кустахъ лежимъ; насъ поймаютъ и тогда до смерти задираютъ и замаютъ".

А вотъ и другія пѣсни Алтайскихъ мастеровыхъ:

„Наши горныя работы
Всѣмъ чертямъ даютъ заботы:
Всякъ стараться очень радъ,
Чтобъ подрудокъ былъ богатъ..
А забота наша въ томъ,
Чтобъ раздѣлаться съ уркомъ,
Чтобъ нарядчики на насъ
Не косили своихъ глазъ,
Своихъ глазъ бы не косили,
У насъ денегъ не просили,
Не грозили бы рукой,
Не махали бы лозой,
Чтобъ не выдрали пять разъ,
Пока выробишь наказъ....
Не успѣешь, значитъ, лечь,
Какъ валится кожа съ плечъ....
Да оттудова валится,
О чемъ пѣть намъ негодится".

„Какъ ударитъ часовъ пять—
На работу мы опять,
Частный кличетъ и кричитъ,
Своей палочкой грозитъ:
Кто не явится на зовъ,
Тому ею сто лозовъ....
На бергамтѣ въ перекличку
Всѣ сбираются въ отличку,
Перекличку отведутъ—
По работамъ поведутъ:
Того въ шахту, того въ гору,
А того къ зелену бору—
Иль деревья ожигать,
Или воду отливать.
Какъ урокъ мы кончимъ свой,
Всѣхъ отпустятъ насъ домой;
Мы по улицѣ пойдемъ,
Громко пѣсню запоемъ:
Какъ начальство любитъ насъ,
Какъ начальство дуетъ насъ" [2]).

---

[1]) „Опытъ областн. великорус. словаря, изд. II, отд. Акад. Наукъ" 1852 г., стр. 127.
[2]) *Блюммеръ*. „На Алтаѣ", стр. 105, 123—124.

Болѣе зажиточные мастеровые откупались иногда хоть на время отъ тяжелыхъ промысловыхъ работъ: есть указанія, что съ отдаленныхъ промысловъ управляющіе отпускали нѣкоторыхъ мастеровыхъ за 140 р. ассигн. (40 руб. серебр. въ годъ). Но тѣмъ тяжелѣе становилось положеніе остальныхъ, которые не могли дать взятки начальству: они должны были работать и за себя, и за уволенныхъ товарищей, такъ какъ нужно было добыть не менѣе опредѣленнаго по смѣтѣ количества золота. Бѣгали рабочіе съ золотыхъ промысловъ цѣлыми партіями до 10 человѣкъ, несмотря на угрожавшія имъ за это суровыя наказанія [1]). Такъ напримѣръ, въ 1836—37 гг. въ Салаирской слѣдственной коммиссіи военнаго суда разсматривалось дѣло сразу о десяти рабочихъ, бѣжавшихъ съ золотыхъ промысловъ. Одни изъ нихъ показали, что бѣжали для того, чтобы „сколько ни есть отбыть отъ казенной работы"; вторые, кромѣ этой причины, еще болѣе для того, чтобы повидаться съ родными, и, наконецъ, третьи хотѣли „явиться въ Салаирскій рудникъ въ команду, чтобы тамъ остаться на службѣ". Другіе рабочіе также показывали на допросахъ, что желали пройти въ Барнаулъ къ главному начальнику заводовъ и „во избѣжаніе тяжкой работы испросить куда нибудь перевода въ другое мѣсто". На Касминскомъ промыслѣ въ октябрѣ 1834 г. бѣжавшіе составляли 8,8% всѣхъ рабочихъ.

Для избавленія отъ работъ на золотыхъ промыслахъ рабочіе не отступали и предъ убійствомъ или покушеніемъ на убійство своихъ товарищей, иногда даже безъ всякой ссоры съ ними. Такъ, напримѣръ, въ 1840 г. на Мунгашскомъ золотомъ промыслѣ работникъ Калачиковъ, получившій ушибы на работѣ, трижды отпрашивался въ лазаретъ, но не добился исполненія своей просьбы. Потомъ, работая съ своимъ товарищемъ, онъ ударилъ его камнемъ. На слѣдствіи онъ показалъ, что ссоры съ товарищемъ у него не было, а сдѣлалъ онъ это, чтобы „сколько можно отбыть отъ казенной работы". Онъ собирался нанести ударъ даже совершенно другому лицу, приходившему въ казарму инвалиду за то, что тотъ называлъ его „одногривымъ" (Калачиковъ содержался въ исправительной тюрьмѣ, и у него была обрита половина головы). Послѣ нанесенія удара онъ былъ въ такомъ возбужденномъ состояніи, что просилъ нарядчика отправить его, куда слѣдуетъ, чтобы онъ не убилъ кого нибудь [2]). Бывали случаи убійства одного изъ товарищей во время побѣга съ промысла; мотивомъ также обыкновенно служило, по словамъ виновныхъ, желаніе окончательно отдѣлаться отъ промысловыхъ работъ [3]). Иногда мастеровые подговаривали другъ друга убить „*кого-нибудь*", все

[1]) *Зобнинъ*, стр. 43.

[2]) Дѣла Салаирск. Комм. Воен. Суда, ст. 120, л. 285—286.

[3]) Ibid., лл. 446—529, 599—603.

съ тою же завѣтною цѣлью. Такъ въ 1842 г. трое рабочихъ Царево-Николаевскаго золотого промысла: Черепановъ, Слободчиковъ и Тимофеевъ, обвинялись „въ намѣреніи лишить кого нибудь жизни". Черепановъ на слѣдствіи показалъ, что работникъ Тимофеевъ подговаривалъ его къ лишенію „кого нибудь" жизни единственно съ тою цѣлью, чтобы попасть въ тюрьму. Тимофеевъ сознался и показалъ слѣдующее: „Чтобы не платить хозяину квартиры платы, я, по недостаточному состоянію, содержался въ исправительной казармѣ; эта жизнь и тамошнія работы... показались мнѣ первая—скучною, а послѣднія—тягостными; пожелавъ отъ того и другого избавиться, я думалъ что еслибы заключиться по какому нибудь дѣлу, то, вѣроятно, меня съ Царево-Николаевскаго золотого промысла удалятъ". Не имѣя прямого намѣренія лишить кого нибудь жизни, онъ подговаривалъ Черепанова въ надеждѣ, что тотъ, не согласившись на его предложеніе, донесетъ на него. Черепановъ въ свою очередь говорилъ Слободчикову: „Мишанка, сегодня убьемъ кого нибудь, и тѣмъ избавимся отъ здѣшней работы". Эти академическіе разговоры окончились тѣмъ, что Черепановъ и Тимофеевъ, по приговору военнаго суда, были наказаны шпицрутенами по одному разу чрезъ 500 человѣкъ, а Слободчиковъ, отрицавшій свое участіе въ этихъ намѣреніяхъ, былъ освобожденъ отъ кары по суду, такъ какъ его уже наказалъ розгами промысловый приставъ [1]).—Служитель Тумашевъ оговорилъ себя въ убійствѣ человѣка, вовсе не существовавшаго (и при этомъ подробно нарисовалъ картину убійства) для того только, чтобы хоть на время избавиться отъ казенной работы на Успенскомъ промыслѣ. Онъ былъ наказанъ шпицрутенами чрезъ 500 человѣкъ два раза [2]). Бывали и другіе подобные случаи. Однако, подговоривъ друга друга, рабочіе иногда и дѣйствительно убивали ни въ чемъ неповиннаго товарища: вознамѣрившись убить одного, они умерщвляли другого, такъ какъ для убійства перваго не представлялось удобнаго случая [3]).

Въ 1842 г. одинъ рабочій Терсинскаго золотого промысла, Хабаровъ, обвинялся въ намѣреніи задавить свою жену, „чтобы только не служить на промыслѣ". Онъ даже дѣйствительно продѣлалъ комедію покушенія. Повальный обыскъ подтвердилъ, что мужъ и жена жили вполнѣ согласно. По приговору коммиссіи военнаго суда Хабаровъ былъ наказанъ шпицрутенами чрезъ 500 человѣкъ одинъ разъ и возвращенъ на тотъ же Терсинскій промыселъ, отъ работы на которомъ онъ хотѣлъ избавиться [4]).

---

[1]) Ibid., ст. 125, л. 738—772.
[2]) Ibid., ст. 84, л. 461—501.
[3]) Ibid., ст. 125, л. 769—815, 1842 г.
[4]) Ibid., ст. 125, л. 1464—1507.

Тяжелыя работы и разныя притѣсненія доводили иногда мастеровыхъ и до убійства своихъ начальниковъ: извѣстны два случая убійства приставовъ золотыхъ промысловъ. Рабочій Печенкинъ зарѣзалъ пристава (управляющаго золотого промысла на рѣкѣ Терси). Поводомъ къ убійству было требованіе начальства, чтобы всѣ жены рабочихъ поочередно мыли полы въ казенныхъ домахъ, въ томъ числѣ и въ квартирѣ управляющаго, а эта работа сплошь и рядомъ соединялась съ тою совершенно особою повинностью, которую иногда устанавливали помѣщики относительно своихъ крѣпостныхъ женщинъ. Жена Печенкина, по просьбѣ мужа, отказалась „мыть полы“. Призванный къ отвѣту Печенкинъ захватилъ съ собою ножъ и убилъ управляющаго-ловеласа. На Царево-Николаевскомъ промыслѣ рабочій Пальниковъ въ 1858 г. застрѣлилъ пристава Пирожкова. Есть извѣстіе, что причиною убійства были приставанья пристава къ родственницѣ Пальникова [1]); я же слышалъ во время пребыванія на Алтаѣ, что Пирожковъ потребовалъ къ себѣ для мытья половъ жену Пальникова, что тотъ готовъ былъ нанять за нее другую женщину и, встрѣтивъ отказъ, покончилъ съ Пирожковымъ выстрѣломъ изъ окна. Изъ подлиннаго дѣла видно, что Пальниковъ на слѣдствіи поводомъ къ преступленію объявилъ свое личное неудовольствіе на Пирожкова по службѣ и подговоръ его, Пальникова, къ убійству служанкою Пирожкова, чтобы воспользоваться деньгами этого послѣдняго, и потомъ показалъ, что убилъ Пирожкова въ безпамятствѣ, но врачъ нашелъ убійцу въ нормальномъ состояніи, а служанка отвергла сдѣланное на нее указаніе; команда же рабочихъ объявила, что была довольна Пирожковымъ. Горный аудиторіатъ постановилъ наказать Пальникова шпицрутенами черезъ 100 человѣкъ 20 разъ и затѣмъ сослать въ каторжную работу въ рудникахъ безъ срока. Министръ финансовъ докладывалъ объ этомъ дѣлѣ императору Александру II-му, который утвердилъ приговоръ горнаго аудиторіата. Пальниковъ въ два пріема выдержалъ наказаніе шпицрутенами черезъ 100 человѣкъ 16 разъ и затѣмъ содержался въ барнаульскомъ госпиталѣ, такъ какъ, по свидѣтельству мѣстныхъ врачей, онъ „одержимъ кровохарканіемъ“ и „при общемъ изнуреніи имѣетъ органическое разстройство печени, а потому не можетъ быть подвергнутъ неоконченному наказанію шпицрутенами черезъ 100 человѣкъ 4 раза“. Въ виду этого государь, по докладу гр. Адлерберга, повелѣлъ отмѣнить оставшееся Пальникову наказаніе шпицрутенами и сослать его по конфирмаціи въ каторжную работу, что было исполнено уже въ 1863 г. [2]).

---

[1]) *Зобнинъ*, стр. 43—44.

[2]) Арх. Глав. Упр. Алт. Горн. Окр., вяз. 15, дѣло № 175, л. 132—137. Мастеровые старики, какъ говорятъ, до сихъ поръ съ уваженіемъ вспоминаютъ о Печенкинѣ и Пальниковѣ и, съ жаромъ разсказывая о нихъ, всегда называютъ ихъ по имени

Въ январѣ 1838 г. служители Курносенковъ и трое его товарищей ночью убили на Петропавловскомъ золотомъ промыслѣ (на Мрасѣ) нарядчика Бутина, нанеся ему удары кайлой и гребкомъ (всѣ они, послѣ недавняго побѣга, были на работѣ, какъ арестанты, но особаго караула при нихъ не было). Оказалось, что приставъ приказалъ не отпускать арестантовъ до тѣхъ поръ, пока они не выполнятъ заданнаго урока. Курносенковъ подговорилъ товарищей убить Бутина, если онъ не отпуститъ ихъ съ работы, но тотъ отвѣчалъ, что не смѣетъ этого сдѣлать и стегнулъ Курносенкова по спинѣ прутомъ. Послѣдній ударилъ нарядчика кайлою въ затылокъ, а товарищи добили его гребкомъ, камнемъ и полѣномъ, хотя прежде обидъ и притѣсненій, по ихъ собственнымъ словамъ, не имѣли, и убійство было совершено, чтобы избавиться отъ работъ на промыслѣ. Курносенковъ и его товарищи выдержали наказаніе, къ которому они были приговорены, въ нѣсколько пріемовъ [1]).

Въ 1855 г. команда рабочихъ, посланная для развѣдокъ въ киргизскую степь, отказалась повиноваться своему начальнику, поручику Порѣцкому. Чѣмъ кончилось это дѣло, неизвѣстно [2]).

Обязательный трудъ на алтайскихъ золотыхъ промыслахъ несмотря на всѣ строгости наказаній при военно-крѣпостномъ строѣ мастеровыхъ, оказывался невыгоднымъ сравнительно съ вольнонаемнымъ трудомъ, которымъ пользовались частные золотопромышленники. Въ мартѣ 1853 г. главный начальникъ Алтайскихъ заводовъ предложилъ горному совѣту разсмотрѣть отчеты и „сдѣлать заключеніе, почему обработка песковъ невыгодна въ сравненіи съ уральскою и частною золотопромышленностью въ Сибири и при этомъ обратить вниманіе, не задолжается ли излишней команды на . . . приготовительныя работы“. Изъ журнала горнаго совѣта (1853 г.), которымъ произведено было это сравненіе, видно, что, если мы возьмемъ данныя о среднемъ содержаніи золота на частныхъ промыслахъ разныхъ округовъ, гдѣ добывалось его болѣе 5 пуд., и о количествѣ золота, полученнаго на одного человѣка въ день, то окажется, что оба ряда цифръ идутъ почти безъ исключенія параллельно, т.-е., чѣмъ болѣе содержаніе золота, тѣмъ большее количество его въ день добывалъ рабочій. Казенные пріиски Алтайскаго округа по содержанію золота занимали мѣсто между частными промыслами Томскаго и Канскаго—Нижнеудинскаго округовъ и содержали въ себѣ въ среднемъ 67 долей золота въ 100 пуд. песку. При тѣхъ же условіяхъ труда, какъ и на частныхъ промыслахъ, въ нихъ должно было бы добываться однимъ

и отчеству. Характерный разсказъ о наказаніи Печенкина кнутомъ см. у *Зобнина*, стр. 44.

[1]) Дѣла Салаир. Ком. Воен. Суда, ст. 115, л. 312—448.

[2]) *Зобнинъ*, 47.

рабочимъ въ день minimum 19 долей (какъ на частныхъ промыслахъ Томскаго округа) и maximum 34 доли (какъ въ Канскомъ и Нижнеудинскомъ округахъ) или 30 долей (какъ въ Верхнеудинскомъ); между тѣмъ на Алтайскихъ казенныхъ промыслахъ добывалось однимъ рабочимъ всего $16^1/_8$ доли въ день. Въ объясненіе такого явленія, горный совѣтъ привелъ слѣдующее соображеніе. Частные золотопромышленники производятъ зимою только подготовительныя работы, а лѣтомъ „обращаютъ всѣхъ своихъ людей почти исключительно (?) на добычу и промывку песковъ и потому въ состояніи вполнѣ воспользоваться и обиліемъ лѣтней воды въ рѣчкахъ для дѣйствія золотопромывательныхъ машинъ, и всѣми другими удобствами лѣтней промывки“, между тѣмъ золотые промыслы алтайскіе (очевидно благодаря постоянному жительству на нихъ мастеровыхъ) „принуждены на большей части пріисковъ своихъ производить промывку въ продолженіе зимы, по недостатку протока воды въ рѣчкахъ, на ручныхъ полустанкахъ, дѣйствіе которыхъ весьма невыгодно какъ въ отношеніи чистоты промывки, такъ по большему задолженію въ нихъ рабочихъ“. Мы видѣли, что управляющій золотыми промыслами нѣсколько лѣтъ позднѣе предлагалъ увольнять мастеровыхъ на зиму, не выдавая имъ въ это время провіанта и жалованья; онъ доказывалъ, что это будетъ выгодно для промысловаго управленія, но горный совѣтъ не согласился на это изъ опасенія недомывки золота. Между тѣмъ въ журналѣ 1853 г. горный совѣтъ справедливо указываетъ на то, что „частные золотопромышленники, производя работы вольнымъ наймомъ, нанимаютъ только здоровыхъ людей, которые легко выносятъ лѣтнія работы, почему и число больныхъ ихъ весьма незначительно, а на казенныхъ промыслахъ одни и тѣ же рабочіе задолжаются въ работахъ круглый годъ въ теченіе многихъ лѣтъ, и потому весьма естественно, что на казенныхъ промыслахъ число больныхъ гораздо значительнѣе“. Затѣмъ всѣ припасы и вещи, необходимые для дѣйствія промысловъ,— сѣно, деготь, смолу, таратайки, колеса для нихъ и проч. частные золотопромышленники пріобрѣтаютъ покупкою и даже устанавливаютъ машины вольнымъ наймомъ, между тѣмъ казенные промысла заготовляютъ все это посредствомъ своихъ людей, для чего и назначено штатами Алтайскихъ золотыхъ промысловъ 360 человѣкъ, и большую часть припасовъ заготовляютъ въ лѣтнее время, такъ что въ теченіе лѣта приходится употреблять для этой цѣли болѣе 500 человѣкъ. Вслѣдствіе этого, а также и вслѣдствіе отдѣленія до 300 человѣкъ въ партіи для поисковъ золота, въ самое лучшее время для производства работъ оказывается весьма значительный недостатокъ въ людяхъ, а зимою въ три и четыре раза сравнительно съ лѣтомъ увеличивается количество больныхъ, доходящее „часто“ до 500 человѣкъ, что влечетъ за собою необходимость держать больше служителей при госпиталяхъ. Вслѣдствіе всего этого на казенныхъ промыслахъ при

вспомогательныхъ цехахъ приходится держать гораздо болѣе людей, нежели на частныхъ промыслахъ [1]).

Изъ всего этого, казалось бы, не трудно было сдѣлать выводъ, что для управленія алтайскимя промыслами было выгоднѣе освободить мастеровыхъ отъ обязательнаго труда и замѣнить ихъ вольнонаемными рабочими, но горный совѣтъ не пришелъ къ этому выводу, и попытку введенія вольнонаемнаго труда было рѣшено произвести на одномъ изъ алтайскихъ промысловъ лишь въ 1860 г.

Въ 1858 г., когда въ Петербургѣ уже дѣятельно разсматривался вопросъ объ упраздненіи во всей Россіи крѣпостного права, главный начальникъ Алтайскихъ заводовъ сдѣлалъ мѣстному горному совѣту слѣдующее предложеніе: „имѣя въ виду, что въ округѣ Алтайскихъ заводовъ считаются золотоносныя розсыпи въ значительномъ количествѣ и большая часть ихъ въ настоящее время не разрабатываются, съ одной стороны по недостатку въ рабочей силѣ, съ другой—по убогости содержанія золотоносныхъ песковъ, не дозволяющей приготовлять золотникъ золота по штатной цѣнѣ, горный совѣтъ въ видахъ возвышенія доходовъ Кабинета Е. И. В. имѣетъ обсудить: не возможно ли нѣкоторыя изъ розсыпей разработывать вольнонаемными рабочими, хотя бы при этомъ цѣнность вымытаго золотника золота превышала штатную“. Горный совѣтъ рѣшилъ собрать свѣдѣнія отъ частныхъ золотопромышленниковъ объ условіяхъ, на которыхъ они нанимаютъ рабочихъ, въ принципѣ же высказался за введеніе вольнонаемнаго труда [2]).

Въ сентябрѣ 1859 г. горный совѣтъ слушалъ донесеніе управляющаго золотыми промыслами, подполковника Версилова о разработкѣ въ слѣдующемъ году розсыпей по рѣкѣ Яковлевкѣ (системы рѣки Усы) вольнонаемнымъ трудомъ. Въ своемъ донесеніи Версиловъ объяснилъ,

---

[1]) Горный совѣтъ указалъ также на то, что на алтайскихъ промыслахъ очень значительную часть песковъ (именно 39%) приходится добывать ортовыми работами, тогда какъ на частныхъ промыслахъ такія работы мало распространены, что на казенныхъ промыслахъ содержится сравнительно незначительное число лошадей, что пріиски эти очень удалены отъ селеній и другъ отъ друга (такъ что ближайшіе между собою промысла Егорьевскій и Успенскій находятся на разстояніи 170 верстъ), вслѣдствіе чего на каждомъ промыслѣ приходится содержать отдѣльные вспомогательные цехи. Арх. Главн. Упр. Алт. Горн. Окр., Бѣловые журналы 1853 г., л. 137—164.

[2]) По его мнѣнію, „работая розсыпи только лѣтомъ, безъ сомнѣнія съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ зимою, мѣстное управленіе, не будучи стѣснено ни числомъ рабочихъ рукъ, ни штатной цѣною золотника золота, можетъ допустить добычу его изъ мѣсторожденій менѣе богатыхъ при менѣе выгодныхъ условіяхъ. Хотя при этихъ данныхъ и при возвышенной платѣ рабочимъ безъ сомнѣнія возвысится цѣнность добытаго золотника золота, но съ другой стороны эта мѣра при извѣстной цифрѣ оборотнаго капитала дастъ возможность развить кругъ дѣйствія золотыхъ промысловъ и, увеличивъ массу производимаго металла, возвыситъ доходы Кабинета Е. И. В.“.

что дѣйствующіе уже промысла терпятъ недостатокъ въ людяхъ и потому не могутъ отдѣлить необходимое ихъ число на вновь открытую золотоносную мѣстность по рѣчкѣ Усѣ. Кромѣ того, если бы и была возможность выдѣлить людей, то неудобно водворить ихъ въ новомъ краѣ, удаленномъ отъ жилыхъ мѣстъ болѣе, чѣмъ на 200 верстъ, и безъ увѣренности, что тамъ можетъ быть основанъ долголѣтній и прочный промыселъ. Горный совѣтъ согласился, чтобы работа производилась только лѣтомъ (съ 1 марта по 15 сентября), зимою же дѣлались бы самыя необходимыя приготовленія незначительнымъ числомъ людей. Для всѣхъ работъ рѣшено было нанимать крестьянъ какъ приписанныхъ къ заводамъ, такъ и другихъ и поселенцевъ Томской губерніи (на лѣто 250, на зиму 25 человѣкъ) и начать работы, если, по утвержденіи этой мѣры Кабинетомъ можно будетъ успѣть нанять рабочихъ, въ 1860, а не то въ 1861 г. [1]).

Но въ 1861 г. на Алтайскихъ заводахъ вообще, а слѣдовательно и на золотыхъ промыслахъ Алтайскаго округа была произведена гораздо болѣе крупная реформа.

---

[1]) Арх. Главн. Упр. Алт. Горн. Окр., „Изложеніе“ (о горномъ совѣтѣ) 1858 г., л. 139—141 об., „Изложеніе“ 1859 г., л. 98—102.

ГЛАВА VIII.

Мастеровые и ссыльно-каторжные на Нерчинскихъ золотыхъ промыслахъ съ начала 30-хъ гг. до 1861 г.

Мастеровые.—Ссыльно-каторжные.—Урочники.—Вознагражденіе за трудъ.—Продовольствіе.—Одежда.—Жилища.—Управленіе Разгильдѣева.—Болѣзни.—Долги рабочихъ.—Побѣги.—Убійства надзирателей.—Лихоимство начальства.—Жестокія наказанія.—Вольнонаемные рабочіе на Бальджинскомъ промыслѣ.

До тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія золото въ Нерчинскомъ округѣ не добывалось отдѣльно отъ другихъ металловъ, такъ какъ двукратныя открытія руднаго золота (въ 1777 и 1825 гг.), вслѣдствіе бѣдности содержанія драгоцѣннаго металла оставлены были безъ обработки, но нѣсколько десятковъ пудовъ его было получено въ XVIII вѣкѣ и двухъ первыхъ десятилѣтіяхъ XIX столѣтія попутно при выплавкѣ серебра [1]). Съ 1830 г., т.-е. со времени передачи Нерчинскихъ заводовъ вмѣстѣ съ Алтайскими изъ вѣдомства Кабинета (при главномъ наблюденіи на мѣстѣ генералъ-губернатора Восточной Сибири) въ вѣдѣніе министерства финансовъ начались розысканія розсыпного золота, которыя и увѣнчались успѣхомъ, но первыя найденныя розсыпи имѣли весьма скудное содержаніе, такъ что съ 1832 по 1838 г. въ округѣ было добыто изъ нихъ золота всего немногимъ болѣе двухъ пудовъ. Наконецъ, въ 1838 г. было открыто болѣе богатое золото въ долинѣ рѣки Кары, впадающей въ Шилку, и съ тѣхъ поръ добыча его увеличивается: въ 1845 г. она достигла уже 21 пуда, въ 1849 г. поднялась до 25 пудовъ.

---

[1]) *Озерскій.* Очеркъ геологіи, минеральныхъ богатствъ и горнаго промысла Забайкалья. Спб. 1867 г., стр. 48—49, 64. *Эйхвальдъ.* Краткій очеркъ золотого производства Нерчинскаго округа. „Горн. Журн.“ 1868 г. № 11, стр. 165—166. *И. Богомюбскій.* „Историко-стат. очеркъ производства Нерчинскаго горн. округа съ 1703 по 1871“. Спб. 1872 г., стр. 8, 16—17.

Это привело къ рѣшенію, по предложенію генералъ-губернатора Восточной Сибири Муравьева, уменьшить добычу серебра и направить главныя усилія на добычу золота съ тѣмъ, чтобы съ 1850 г. ежегодно добывать по 100 пудовъ лигатурнаго или 95 пудовъ чистаго золота. Усерднаго, даже слишкомъ усерднаго исполнителя своихъ предположеній Муравьевъ нашелъ въ управляющемъ Карійскими промыслами Разгильдѣевѣ, который въ 1852 г. сдѣланъ былъ горнымъ начальникомъ Нерчинскихъ заводовъ (объ его управленіи печальной памяти см. ниже). Первые годы, однако, не удалось исполнить смѣтное назначеніе, т.-е. добыть 100 пуд. шлихового золота [1]). Но въ 1853 г. была развѣдана Шахтаминская розсыпь, которая мѣстами обнаружила небывалое содержаніе—до 1 фунта золота въ 100 пудахъ песку, среднее же содержаніе въ значительной части развѣдки было принято въ 5 золотниковъ [2]). Въ 1853 г. Муравьевъ съ торжествомъ доложилъ государю, что на Нерчинскихъ кабинетскихъ промыслахъ было добыто болѣе 171 пуда золота [3]). Но поднявшись до этого количества, добыча золота стала быстро падать [4]).

До 1858 г. Нерчинскія золотыя розсыпи раздѣлялись на два главныхъ округа: южный или Александровскій, ближайшій къ рудникамъ и заводамъ, и сѣверный или Шилкинскій, болѣе удаленный отъ заводскихъ селеній. Въ первомъ округѣ считалось въ 1858 г. 13 золотыхъ розсыпей, въ сѣверномъ округѣ 16 пріисковъ [5]).

Рабочіе на кабинетскихъ золотыхъ промыслахъ Нерчинскаго округа, какъ и на тамошнихъ заводахъ, состояли изъ двухъ главныхъ составныхъ элементовъ: мастеровыхъ и ссыльно-каторжныхъ. Юридическое положеніе нерчинскихъ мастеровыхъ было совершенно такое же, какъ и алтайскихъ [6]): точно также они были подчинены суровой дисциплинѣ. точно также ихъ контингентъ пополнялся наборомъ рекрутъ изъ крестьянъ, приписанныхъ къ мѣстнымъ горнымъ заводамъ (до тѣхъ поръ, пока эти крестьяне не были освобождены въ 1851 г. отъ заводскихъ работъ и обращены въ казаки), а также дѣтьми мастеровыхъ, которыя должны были наслѣдовать профессію своихъ отцовъ. Сыновья рабочихъ изъ ссыль-

---

[1]) Въ 1850 г. изъ всѣхъ розсыпей Нерчинскаго округа было получено 73 п. 31 ф. золота, въ 1851 г.—67 п. 38 ф., въ 1852 г.—72 п. 19 ф.

[2]) *Озерскій*, 49—52.

[3]) *И. Барсуковъ*. „Гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій“, I, 341. Среднее содержаніе золота *во всемъ округѣ* также достигло въ этомъ году максимальной цифры—2 зол. 36 д. *Боголюбскій*, „Золото“, стр. XIII.

[4]) Въ 1854 г. шлихового золота было получено 142 п. 5 ф., въ 1855 г.—98 п. 9 ф., въ 1856—60 гг. добыча золота колебалась между 60 и 70 пудами. *И. Боголюбскій*. „Золото“, стр. XIII—XIV.

[5]) Арх. Ком. Министр., дѣло Сибирск. Комит. 1858 г. № 255. У *Гагемейстера* (II, 417) сѣверный округъ названъ Николаевскимъ.

[6]) Св. зак. т. VII, изд. 1842 г., ст. 2039; изд. 1857 г. ст. 2142.

ныхъ также поступали по достиженіи надлежащихъ лѣтъ въ заводскіе мастеровые [1]).

Мастеровые частію были переселены съ заводовъ на золотые промысла, частію ходили на лѣтнія работы на пріиски, а на зиму опять возвращались на заводы. „Болѣе десяти лѣтъ", до освобожденія Нерчинскихъ горнозаводскихъ служителей въ 1861 г., говоритъ одинъ мѣстный наблюдатель, совершался обязательный перегонъ людей сотнями, въ видѣ „рабочей команды", по промысламъ и на зимовку домой. Поэтому лучшія рабочія силы совершенно отвыкли отъ осѣдлости и домохозяйства [2]). Какъ на главнѣйшую причину разстройства хозяйства „семейныхъ служителей". Озерскій, въ донесеніи Муравьеву, указывалъ на частыя передвиженія рабочей команды съ Кары въ Шахтаму, на заводы и обратно [3]). Не лучше было положеніе и тѣхъ мастеровыхъ, которыхъ переселяли съ заводовъ на золотые промысла, тѣмъ болѣе, что при этомъ, въ большинствѣ случаевъ, семейныхъ разлучали съ ихъ семьями. Оффиціальная коммиссія, назначенная для изслѣдованія рудниковъ и пріисковъ Нерчинскаго округа въ первой половинѣ 50-хъ годовъ, въ своемъ заключеніи говоритъ: „Усиленное дѣйствіе золотыхъ промысловъ, требуя передвиженія рабочихъ изъ мѣстъ прежняго, постояннаго ихъ жительства на серебро-свинцовыхъ рудникахъ и въ заводахъ плавильныхъ, разстроивало ихъ хозяйство и вредило семейнымъ отношеніямъ. Изъ 1300 рабочихъ, переведенныхъ на золотые промысла до 1853 г., *только 560 перешли съ семействами*, а 740 оставили ихъ на прежнемъ мѣстѣ жительства". По словамъ той же коммиссіи, „команда малая, здоровая обыкновенно переводилась на золотые промысла и оставалась тамъ до тѣхъ поръ, пока отъ болѣзни или изнуренія не дѣлалась малоспособною къ промысловымъ работамъ, и въ этомъ видѣ обращалась снова къ серебро-свинцовому производству" [4]). Сибирскій комитетъ въ Высочайше одобренномъ положеніи 3 февраля 1859 г. свидѣтельствуетъ, что „положеніе рабочихъ Нерчинскихъ заводовъ въ прежнее время было несравненно лучше нынѣшняго. Разстройство ихъ состоянія и нравственный ихъ упадокъ начались съ того времени, когда былъ усиленно развитъ въ Нерчинскихъ заводахъ золотой промыселъ. Посылка рабочихъ на промысла, удаленіе ихъ отъ жилищъ и оставленіе ихъ въ продолженіе долгаго времени безъ достаточнаго призрѣнія и даже наблюденія не можетъ не разстроить ихъ состоянія вообще". И Кабинетъ въ это время признавалъ

---

[1]) Ibid., изд. 1842 г., ст. 2042, изд. 1857 г. ст. 2144.

[2]) *Багашевъ.* „Письма изъ Приаргунья". Сборн. Газ. „Сибирь", т. I, Спб. изд. редакц. газ. „Сибирь", 1876 г., стр. 248.

[3]) Арх. Ирк. Горн. Управ. к. 1337, № 3/11, л. 47.

[4]) Арх. Ком. Министр., дѣло Сибирск. Ком. 1858 г. № 225, л. 330—336.

переселеніе семейныхъ рабочихъ на отдаленные золотые промысла для нихъ „разорительнымъ“ [1]). Въ извѣстной пѣснѣ о дѣяніяхъ Разгильдѣева на Карѣ въ 1850 г. сказано:

„И съ весны того же лѣта
Начался походъ.
Со всѣхъ рудниковъ, заводовъ
Какъ на Турцію походы
Партіями шли.
Изъ Петровскаго завода
Пришло разнаго народа
Сотъ пять человѣкъ.
Съ Кутомары, съ Акатуя,
Лишь бѣду эту почуя,
Много разбѣглось.
Съ Алгачей, Клички, Дучару
Пили ту же горьку чару—
Всѣ шли на Кару,
Съ Благодатскаго и Горной—
Тамъ народъ власти покорный—
Плакали да шли.
Опустѣлъ заводъ Нерчинскій
И промыселъ Култуминскій,—
Народъ былъ въ Карѣ“ [2]).

Къ 1 январю 1859 г. на Нерчинскихъ золотыхъ промыслахъ было учениковъ разныхъ мастерствъ 26, мастеровъ и подмастерьевъ 56, служителей 1674, подростковъ, употреблявшихся въ работы 149 [3]).

Другимъ составнымъ элементомъ рабочихъ на Нерчинскихъ золотыхъ промыслахъ были ссыльно-каторжные. Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, Муравьевъ, въ запискѣ отъ 15 мая 1849 г., представленной государю, обсуждая вопросъ объ уничтоженіи невыгоднаго серебро-плавильнаго производства, ежегодные дефициты котораго въ это время стала покрывать лишь добыча золота, говоритъ: „Куда же дѣвать каторжныхъ, если работу эту прекратить? На этотъ старинный вопросъ я имѣю теперь право отвѣчать, что всѣхъ каторжныхъ должно обратить къ добыванію золота въ Нерчинскомъ округѣ“ [4]).

Нужно замѣтить, впрочемъ, что въ запискѣ 15 ноября 1849 г. Муравьевъ предлагалъ не только всѣхъ ссыльно-каторжныхъ, но и всѣхъ заводскихъ рабочихъ, занятыхъ безвыгоднымъ серебро-плавильнымъ

---

[1]) Ibid., л. 242—244, 248—253.

[2]) „Владивостокъ“ 1893 г. № 37. (Мѣстами мы исправляемъ по рукописи, сообщенной намъ Л. Ѳ. Пантелѣевымъ).

[3]) Арх. Иркут. Горн. Управ. к. 1343, № 61/42, л. 127 об.

[4]) *Б. Струве.* „Воспоминанія о Сибири, 1848—1854 г.“ Спб. 1889 г., стр. 61.

производствомъ, обратить на добычу золота изъ золотыхъ промысловъ Нерчинскаго округа. 1-го ноября 1850 г. имп. Николай повелѣлъ, для разсмотрѣнія предположеній Муравьева о Нерчинскихъ заводахъ (въ числѣ этихъ предположеній было и обращеніе приписныхъ къ заводамъ крестьянъ въ казаки), учредить особый комитетъ, въ составъ котораго входили слѣдующія лица: кн. Волконскій, кн. А. Чернышевъ, гр. Блудовъ, гр. Вронченко и Муравьевъ. Комитетъ этотъ призналъ необходимымъ предварительно потребовать отъ Муравьева представленія составленныхъ имъ проектовъ о преобразованіи Нерчинскихъ горныхъ промысловъ и о ссыльно-каторжныхъ Восточной Сибири. Въ февралѣ 1851 г. Муравьевъ представилъ проектъ положенія объ управленіи Нерчинскими горными промыслами, въ которомъ заключались и правила о тюремно-казарменномъ помѣщеніи для ссыльно-каторжныхъ; при этомъ онъ уже предлагалъ не прекращать вовсе выплавку серебра и свинца, а ограничить добычу серебра всего 50-ю пудами и свинца 6000 пудовъ. Предположеніе Муравьева объ обращеніи всѣхъ каторжныхъ на работы въ золотыхъ промыслахъ вызвало сомнѣніе въ членахъ особаго комитета, такъ какъ оно „тѣсно связано съ основными началами нашего уголовнаго законодательства". По мнѣнію главноуправляющаго II-го Отдѣленія Е. В. канцеляріи, если будетъ признано нужнымъ измѣнить или дополнить дѣйствующія постановленія о ссылкѣ на каторгу вслѣдствіе уменьшенія работъ въ рудникахъ и расширенія промысловыхъ работъ, то слѣдовало бы ясно и подробно опредѣлить: а) какими работами или какимъ инымъ родомъ наказанія предполагается замѣнить работы въ рудникахъ, составляющія по нашимъ законамъ высшій родъ уголовныхъ наказаній; б) могутъ ли для этого быть назначены работы на золотыхъ промыслахъ; в) какому надзору будутъ подвергнуты каторжные на этихъ работахъ; г) „достаточны ли онѣ, по свойству своему, какъ для того, чтобы спасительнымъ ужасомъ сего высшаго уголовнаго наказанія удерживать людей отъ преступленій, такъ и для занятій осужденныхъ въ теченіе всего года" и „не умножатся ли отъ сего случаи къ побѣгамъ и не отъ обращенія ли каторжныхъ на золотые промыслы (что по дѣйствующимъ нынѣ законамъ не было допущено) считается теперь въ бѣгахъ до двухъ тысячъ каторжныхъ, т.-е. почти половина всего числа ихъ, и не будетъ ли вредныхъ отъ того послѣдствій для самаго общественнаго спокойствія и безопасности".

Муравьевъ на это отвѣчалъ, что „работы на золотыхъ пріискахъ не только соотвѣтствуютъ по тяжести своей работамъ въ рудникахъ, но даже болѣе тяжки и, слѣдовательно, ими можетъ быть такъ же или и лучше достигнута цѣль уголовнаго закона, какъ работами въ рудникахъ". Работы эти продолжаются на пріискахъ непрерывно и въ теченіе всей зимы; надзоръ за каторжными на золотыхъ промыслахъ гораздо удобнѣе;

наконецъ, нѣтъ возможности употреблять въ подземныя работы всѣхъ, ссылаемыхъ въ рудники Нерчинскаго округа, вслѣдствіе ихъ многочисленности. Особый комитетъ нашелъ, что „сравненіе работъ въ Нерчинскихъ рудникахъ съ работами на золотыхъ пріискахъ совершенно новое, до сихъ поръ, сколько извѣстно, никѣмъ еще сдѣлано не было и никакими доказательствами не подкрѣплено“, и потому прежде, чѣмъ установить правило объ обращеніи каторжныхъ на эти промыслы, необходимо подвергнуть этотъ вопросъ разсмотрѣнію нѣсколькихъ спеціалистовъ, такъ какъ только они могутъ дать заключеніе о томъ: точно ли возможно производить въ Нерчинскомъ краѣ работы на золотыхъ пріискахъ въ теченіе всей зимы. Поэтому особый комитетъ возложилъ на Муравьева обязанность удостовѣриться, на основаніи мнѣнія лицъ, управлявшихъ горными заводами и золотыми пріисками, въ какой степени работы въ рудникахъ могутъ быть замѣнены для каторжныхъ работами на промыслахъ, и, если такая замѣна окажется возможною, составить подробный проектъ, сообразуясь съ дополнительными постановленіями, Высочайше утвержденными 15 августа 1845 г. Государь согласился съ мнѣніемъ комитета 27 апрѣля 1851 г. [1]).

Однако вопросъ этотъ не былъ разрѣшенъ еще и въ 1858 г. [2]). Послѣ того, какъ Нерчинскіе промысла вмѣстѣ съ заводами были переданы въ 1855 г. опять въ вѣдѣніе Кабинета, послѣдній нашелъ невыгоднымъ принять на себя всѣ расходы по содержанію ссыльно-каторжныхъ По поводу записки Муравьева 1858 г. о необходимости преобразованія устройства и управленія Нерчинскихъ заводовъ, Кабинетъ въ своихъ „соображеніяхъ“, между прочимъ, считалъ необходимымъ, чтобы генералъ-губернаторъ Восточной Сибири немедленно вошелъ въ разсмотрѣніе положенія ссыльно-каторжныхъ на Нерчинскихъ заводахъ и изыскалъ средства, „чтобы расходы на содержаніе ссыльно-каторжныхъ падали на счетъ Кабинета Е. В. только въ мѣрѣ дѣйствительной пользы, трудомъ ихъ горному промыслу приносимой, такъ какъ Комитетъ пришелъ къ убѣжденію, что не мастеровые нерчинскіе въ тягость заводамъ, но ссыльно-каторжные, трудъ которыхъ по неискусству, непривычкѣ и нерадѣнію ихъ къ техническимъ занятіямъ, *а также по требованіямъ, закономъ установленнымъ въ отношеніи обращенія съ преступниками*, не можетъ сравниться съ работою первыхъ“. Муравьевъ въ запискѣ 1859 г. предлагалъ попрежнему употреблять ссыльно-каторжныхъ на заводахъ, рудни-

[1]) Арх. Комит. Министр., дѣло Сиб. Комит. 1852 г. № 157, л. 15—30.

[2]) Ibid., дѣло Сиб. Ком. 1858 г. № 102. По поводу предложенія Муравьева объ употребленіи каторжныхъ исключительно на золотыхъ промыслахъ министръ финансовъ гр. Вронченко выразилъ опасеніе, что вслѣдствіе того увеличатся похищеніе золота и побѣги каторжныхъ съ промысловъ, лежащихъ большею частью въ мѣстахъ пустынныхъ. Ibid., дѣло № 255.

кахъ и золотыхъ промыслахъ, но изъять ихъ изъ заводскаго вѣдомства, передать въ непосредственное вѣдѣніе мѣстнаго областного начальства и предоставить ему назначать на работы въ Нерчинскомъ округѣ и *преимущественно на золотые промысла* съ производствомъ содержанія соразмѣрно ихъ труду и занятіямъ [1]). Впослѣдствіи, уже при генералъ-губернаторѣ Корсаковѣ, въ шестидесятыхъ годахъ, ссыльно-каторжные были сосредоточены на Карійскихъ золотыхъ промыслахъ, и содержаніе ихъ отнесено на счетъ казны, за исключеніемъ той суммы, какую они могли заработать за счетъ Кабинета Е. В. [2]).

Къ 1 января 1859 г. на золотыхъ промыслахъ Нерчинскаго округа было ссыльныхъ 2059 чел. (слѣдовательно, болѣе, чѣмъ мастеровыхъ) и „ссыльныхъ женокъ“ 146.

Всѣхъ работниковъ, безъ различія званія, къ 1 января 1859 г. на Нерчинскихъ золотыхъ промыслахъ было 4110 челов., въ томъ числѣ полносильныхъ 3651, слабосильныхъ 459 [3]).

Работы на Нерчинскихъ, какъ и на Алтайскихъ, золотыхъ промыслахъ производились зимою и лѣтомъ, распредѣляясь такимъ образомъ. Съ начала весны, въ маѣ мѣсяцѣ, приготовляли много песку, потому что съ мая до половины іюня идутъ дожди и воды для промывки достаточно. Затѣмъ до конца іюля или начала августа бывала совершенная засуха, не дававшая возможности заниматься промывкою золота, между тѣмъ какъ отъ сильныхъ жаровъ земля въ это время совершенно растаиваетъ, и такимъ образомъ легко добывать пески. Съ августа снова наступаютъ дожди, и вслѣдствіе этого промывка золота можетъ продолжаться даже въ сентябрѣ, отличающемся ясною и сухою погодою. Несмотря на наступающіе въ октябрѣ холода, почва до декабря замерзаетъ только сверху, и это время можетъ быть употреблено для приготовленія песку, въ сильные же морозы зимою добывался только торфъ;

---

[1]) Арх. Ком. Министр., дѣло Сиб. Комит. № 255.

[2]) *В. Толстой.* „Гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій въ 1848—61 гг.“. „Рус. Стар.“ 1890 г. т. 65. стр. 128. *Фойницкій.* Ученіе о наказаніи, стр. 296.

[3]) Всего населенія золотыхъ промысловъ въ это время числилось 6037 чел., въ томъ числѣ пѣшаго и коннаго казачьяго войска 709 чел., урядниковъ 65, писцовъ и кандидатовъ 49, лѣкарскихъ, аптекарскихъ и ветеринарныхъ учениковъ 32, богадѣльщиковъ 36, малолѣтнихъ мальчиковъ 936. Арх. Иркут. Гор. Управ. кн. 1343 № 64/42, л. 127 об. Число рабочихъ, „задолжавшихся по разсчету на одинъ день“, т. е. фиктивныхъ годовыхъ рабочихъ, было въ 1842 г.—718, въ 1844 г.—1413, въ 1845 г.—1297, въ 1847 г.—1623, въ 1849 г.—1496, въ 1851 г.—3236. „Горн. Журн.“ 1843 г. № 9, стр. 459, 1845 № 6, стр. 389, 1846 г. т. II, стр. 451—452, 1848 г. № 3, стр. 363, 1850 г. № 6, стр. 465, 1852 г. № 5, стр. 335. По другому источнику въ 1850 г. считалось 4560 годовыхъ рабочихъ. Арх. Иркут. Горн. Управ. к. 1688, № 8, л. 3—4.

въ мартѣ и апрѣлѣ, кромѣ дровъ при снятіи торфа и отчасти песковъ, разогрѣванію земли содѣйствовало уже и солнце [1]).

Мы видѣли, что на Алтайскихъ казенныхъ промыслахъ съ 1840 г. стали вводить трехсмѣнныя работы (при которыхъ мастеровой двѣ недѣли работалъ, а третью отдыхалъ или трудился на старательскихъ работахъ), и въ началѣ 50-хъ годовъ такая работа на Алтайскихъ промыслахъ была уже общимъ правиломъ. Муравьевъ въ январѣ 1851 г., во время пребыванія своего въ Петербургѣ, приказалъ Разгильдѣеву, управляющему Нерчинскими золотыми промыслами, по пріѣздѣ на промысла, внимательно разсмотрѣть, какая изъ работъ болѣе полезна для выгодъ правительства, двухсмѣнная (когда рабочіе работаютъ постоянно въ двѣ смѣны днемъ или ночью) или трехсмѣнная, когда послѣ двухъ рабочихъ недѣль они имѣютъ одну недѣлю отдыха. Возвратясь изъ Петербурга на Карійскіе промысла, Разгильдѣевъ нашелъ, что рабочая команда во время зимы 1850—51 гг. сильно уменьшилась отъ эпидеміи тифа (см. ниже), и потому, чтобы наверстать недостатокъ рабочихъ рукъ, вмѣсто трехсмѣнной работы, которая, какъ мы увидимъ ниже, была введена въ видѣ опыта въ 1850 г., приказалъ ввести двухсмѣнную. Донося объ этомъ Муравьеву (23 апрѣля 1851 г.), Разгильдѣевъ писалъ, что „при объявленіи этого распоряженія команда приняла его безъ малѣйшаго ропота. Хотя ослабленные въ численности рукъ, при двухсмѣнной работѣ золотые промысла будутъ еще довольно сильны..., а при трехсмѣнной работѣ, гдѣ одна треть команды постоянно должна быть въ отгулѣ, нѣтъ средствъ вдругъ побороть рудничное и фабричное дѣло“ (т.-е. добычу и промывку песковъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ Разгильдѣевъ сообщилъ Муравьеву, что на представленіе его Нерчинскому горному правленію о недостаткѣ рабочихъ на промыслахъ, оно отвѣчало, что въ заводахъ и рудникахъ нѣтъ лишнихъ людей. Черезъ два года, въ іюнѣ 1853 г., предсѣдательствующій въ совѣтѣ главнаго управленія Восточной Сибири, генералъ-маіоръ Венцель, обратился къ Разгильдѣеву, который въ это время уже исправлялъ должность горнаго начальника Нерчинскихъ заводовъ, съ запросомъ относительно двухъ- и трехсмѣнныхъ работъ. Указавъ на то, что, въ донесеніи Муравьеву отъ 23 апрѣля 1851 г., Разгильдѣевъ не представилъ по этому вопросу „рѣшительнаго заключенія“ и что въ теченіе двухъ лѣтъ онъ имѣлъ возможность выполнить предложеніе Муравьева, Венцель продолжаетъ, что, еслибы „благодѣтельное“ распоряженіе Муравьева, основанное на 1620-й статьѣ горнаго

---

[1]) *Гагемейстеръ* II, 419, срав. Арх. Ирк. Горн. Управл. к. 1337, № 3/11, л. 18—20. Въ 1850—52 гг. на Карійскихъ золотыхъ промыслахъ употреблялось при техническихъ работахъ 43% рабочихъ, на подворныхъ вспомогательныхъ до 20% и не употреблялось въ работы 37 %.

устава [1]), по какимъ бы то ни было причинамъ не было приведено въ исполненіе, то онъ, съ своей стороны, полагалъ бы постепенно вводить трехсмѣнныя работы. Разгильдѣевъ на это отвѣчалъ: 1) трехсмѣнная работа на золотыхъ промыслахъ была введена въ 1850 г. въ видѣ опыта, но, вслѣдствіе необходимости имѣть большее число рукъ во время лѣта, найдена неудобною. 2) При отпускѣ людей въ „отгулъ" встрѣчены большія затрудненія въ разсчетахъ и повѣркѣ команды. 3) По, смыслу закона, каторжные, неодобрительнаго поведенія и безпрестанно дѣлавшіе побѣги, не должны пользоваться трехсмѣнною работою. Но чтобы исполнить волю генералъ-губернатора Муравьева, рѣшено теперь допустить на золотыхъ промыслахъ учрежденіе „земляныхъ урочниковъ" изъ людей хорошаго поведенія и семейныхъ. Они работаютъ на своихъ лошадяхъ и при помощи работниковъ только во время лѣта и сдаютъ назначенный имъ годовой урокъ, а зимою совершенно свободны; остальная же бездомная команда употребляется на золотыхъ промыслахъ въ двухсмѣнныя работы, что признается „болѣе удобнымъ и полезнымъ" [2]). Такимъ образомъ въ это время на Нерчинскихъ золотыхъ промыслахъ существовали или двухсмѣнныя работы, или работы урочниковъ, но, повидимому, позднѣе распространились и работы трехсмѣнныя [3]).

Урочники на Алтайскихъ заводахъ занимались перевозкою дровъ, бревенъ, руды, камней, изготовленіемъ кирпича, поставкою дегтя, смолы и сѣры. Они, какъ и остальные мастеровые, пользовались льготою отъ податей и государственныхъ повинностей, но, какъ они же, были подчинены военному суду. Жалованья и провіанта имъ не шло, но, по выполненіи урока или по частямъ, они получали задѣльную плату. Исполнивши положенное, урочникъ освобождался отъ всякихъ работъ до слѣдующаго года. На Алтаѣ такихъ урочниковъ мы не встрѣчаемъ на золотыхъ промыслахъ, на Нерчинскихъ же промыслахъ, какъ мы видѣли изъ только что приведеннаго донесенія Разгильдѣева (1853 г.), для облегченія мастеровыхъ хорошаго поведенія и семейныхъ имъ дозволено было переходить въ урочники, при чемъ ихъ положеніе здѣсь нѣсколько иное, чѣмъ на Алтаѣ. Вотъ что сообщаетъ о нихъ прот. Боголюбскій въ своемъ описаніи Шахтаминскихъ золотыхъ промысловъ. По его словамъ, въ урочники выпускались изъ семейныхъ и имѣющихъ хозяйство людей, преимущественно далеко живущіе отъ промысловъ. Они обязывались разработать лѣтомъ розсыпь и выполнить урокъ въ 50 куб. саж.

---

[1]) „Нижніе чины и рабочіе, назначенные къ работамъ горнымъ въ рудникахъ и плавильнымъ, въ заводахъ, продолжаютъ оныя двѣ недѣли сряду, не исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней, а на третью недѣлю отъ всякихъ работахъ освобождаются" Св. Зак. изд. 1842 г., т. VII.

[2]) Арх. Иркут. Горн. Управл. к. 1638, № 8, л. 3—9, 16.

[3]) Срав. *Максимовъ*, „Сибирь и Каторга", I, 161.

съ отвозкою торфа на своихъ лошадяхъ на мѣста отваловъ; эту выработку старательный урочникъ съ однимъ работникомъ и двумя лошадьми можетъ произвести въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, и затѣмъ на все остальное время года онъ оставался свободнымъ отъ работъ, получая отъ казны содержаніе деньгами и хлѣбомъ на себя и свое семейство [1]). На Алтаѣ урочники не получали жалованья и провіанта, но за то нерчинскимъ урочникамъ не производилось задѣльной платы за исполненіе урока. За вскрытый нерчинскими „казенными земляными урочниками“ торфъ *сверхъ урока* они получали, по крайней мѣрѣ въ концѣ 50-хъ годовъ, задѣльную плату наравнѣ съ вольнонаемными, а именно по 1 руб. 50 к. за куб. сажень торфа, съ маленькимъ вычетомъ за инструменты [2]).

На Нерчинскихъ промыслахъ были еще половинные урочники: такъ назывались люди, находившіеся въ услуженіи у мѣстныхъ служащихъ (смотрителей, урядниковъ, уставщиковъ, писцовъ, штейгеровъ, унтеръ-штейгеровъ, подмастеровъ, лѣкарскихъ учениковъ), которые обязаны были сдать за этихъ, находящихся у нихъ въ отпуску людей, половинный урокъ. Озерскій предлагалъ въ 1852 г. принять за правило не увольнять на одно лицо болѣе одного половиннаго урочника [3]).

Работы производились на Нерчинскихъ промыслахъ и днемъ, и ночью. На Шахтаминскихъ промыслахъ (а вѣроятно и на другихъ) *днемъ* работали ссыльно-каторжные, содержавшіеся въ тюрьмѣ и оковахъ, и частью ссыльные, а *ночью заводскіе служители* и частью ссыльные, уволенные за хорошее поведеніе отъ содержанія въ тюрьмѣ. На ночь промывательныя машины освѣщались фонарями, а разрѣзы розсыпей—пылающими кострами [4]). Видъ огней ночью и кипучая дѣятельность рабочихъ представляли интересную картину, но нельзя не отмѣтить ту аномалію, что мастеровые „честнаго имени“ исполняли работы ночью, что конечно тяжелѣе, а ссыльно-каторжные работали днемъ [5]).

Въ началѣ 50-хъ год. вскрытіе торфовъ производилось зимою при искусственной протайкѣ дровами, но эта работа оказалась невыгодной [6]). Во время пребыванія на Карѣ Озерскаго (зимою 1852—53 гг.) торфъ убирался рабочими на носилкахъ, лѣтомъ же настилались дороги, по которымъ его откатывали въ тачкахъ и отвозили на таратайкахъ. Озерскій считалъ необходимымъ употреблять для отвозки тяжестей круглый годъ

---

[1]) „Записки Сибир. отдѣла Геогр. Общ.“ 1856 г., кн. II.

[2]) Арх. Ирк. Горн. Управл. кн. 1343, № 64/142, л. 87.

[3]) Ibid., кн. 1337, № 3/11, л. 30.

[4]) „Записки Сибир. Отд. Геогр. Общ.“ 1856 г., кн. II.

[5]) Въ концѣ 50-хъ годовъ мастеровые на Нерчинскихъ промыслахъ работали 240—250 дней въ году. Арх. Ком. Министр., дѣло Сибир. Ком. 1858 г. № 255, л. 247—254.

[6]) „Горный Журн.“ 1868 г. № 11, стр. 195.

лошадей съ таратайками или санями [1]). Однако тачки и даже носилки употреблялись здѣсь для уборки торфовъ и доставки песковъ на промывальную машину еще въ 1861 г. Успѣшность работы ссыльно-каторжныхъ уменьшалась еще тѣмъ, что часть ихъ трудилась въ кандалахъ [2]).

Въ 1856 г. былъ составленъ проектъ урочнаго положенія, по которому, между прочимъ, на добычу 1 куб. сажени положено было употреблять 4 челов. въ день. Въ слѣдующіе за тѣмъ годы, при примѣненіи правилъ этого проекта, исполнить этотъ урокъ нерѣдко оказывалось весьма труднымъ въ виду различія свойствъ золотоноснаго пласта на разныхъ промыслахъ, и потому въ ноябрѣ 1859 г. горный совѣтъ [3]) раздѣлилъ розсыпи Нерчинскихъ промысловъ на четыре разряда и назначилъ на *выработку* 1 куб. саж. песку отъ $2^3/_4$ до $4^1/_2$ поденщинъ, на съемку мерзлаго торфа 6 поденщинъ, кромѣ особыхъ рабочихъ для откатки [4]).

Что въ началѣ 50-хъ годовъ уроки были очень тяжелы, видно изъ слѣдующихъ словъ пѣсни, воспѣвающей дѣйствія на Карѣ Разгильдѣева въ 1850 г.:

„На разрѣзѣ соберутся,
Слезой горькою зальются,
Лишь примутъ урокъ.
Попадетъ сажень, другая
Одна галька лишь сливная,
А урокъ отдай.
Не беретъ ни клинъ, ни молотъ,
Да къ тому жъ всеобщій голодъ
Сдѣлалъ всѣхъ безъ силъ“ [5]).

Техника первоначально была въ очень несовершенномъ видѣ на Нерчинскихъ промыслахъ. „Принявъ въ соображеніе достоинство и степень богатства золотоносныхъ розсыпей Нерчинскихъ“, говоритъ г. Озерскій, „число людей, употреблявшихся для ихъ разработки и количество ежегодно извлеченнаго металла, удивляться должно слабому развитію этого дѣла. Съ самаго начала введенія его, т.-е. съ 1830 по 1850 г., постоянно употреблялась въ дѣйствіе одна человѣческая сила безъ пособія механики; вода шла только на промывку. Съ 1850 г.“, продолжаетъ Озерскій, „данъ техническому вопросу этому другой оборотъ и... по вве-

[1]) Арх. Иркут. Горн. Управл., к. 1337, № 3/11, л. 30.
[2]) Ibid., к. 1648, № 29/183, л. 18.
[3]) Горнымъ начальникомъ въ это время былъ О. А. Дейхманъ.
[4]) Арх. Иркут. Горн. Управ. к. 1489, № 127/370, л. 1—16.
[5]) „Владивостокъ“ 1893 г. № 37.

деніи Разгильдѣевымъ приличныхъ устройствъ, правильнаго водяного хозяйства, распредѣленія работъ, вѣрно приноровленныхъ къ мѣстнымъ условіямъ геологическимъ и климатическимъ, золотое производство сдѣлало таки блестящіе успѣхи“ [1]). Но, при посѣщеніи Нерчинскихъ промысловъ въ 1852 г., Озерскій нашелъ промывальныя машины часто еще въ весьма несовершенномъ видѣ [2]), и даже позднѣе (въ 1861 г.) въ нихъ чувствовался недостатокъ [3]).

Благодаря всѣмъ техническимъ несовершенствамъ—носкѣ торфа и песковъ на носилкахъ, плохимъ промывальнымъ машинамъ, а также и непроизводительности обязательнаго труда мастеровыхъ и ссыльно-каторжныхъ, на Нерчинскихъ промыслахъ обрабатывалось меньшее, чѣмъ гдѣ либо, количество песковъ на одного человѣка въ день, а именно въ 1851 г. всего по 12 пуд. 1 ф. ,тогда какъ даже на Алтайскихъ кабинетскихъ промыслахъ обрабатывалось по 25 пуд. 9 ф., а на частныхъ промыслахъ Иркутскаго округа это количество доходило до 84 пуд 16 ф. въ день [4]). Тѣмъ не менѣе работы на золотыхъ промыслахъ были крайне тяжелы: онѣ считались высшею мѣрою наказаній для каторжныхъ [5]). Но это были по крайней мѣрѣ преступники, мастеровые же, не совершившіе никакого преступленія, исполняли тѣ же работы (каторжанъ не назначали только на промывку золота), и даже ихъ положеніе было хуже, такъ какъ при двухсмѣнныхъ работахъ каторжные работали днемъ, а мастеровые ночью; наконецъ, сосланные за самыя тяжкія преступленія назначались на работу не болѣе, какъ на 20 лѣтъ [6]), мастеровые же, какъ ихъ тамъ называли, „честнаго имени“, трудились первоначально безсрочно, до потери способности къ труду, а затѣмъ съ 1849 г.—въ теченіе 35 лѣтъ, и послѣ того увольнялись въ отставку съ ничтожною пенсіею. Кромѣ того, часть мастеровыхъ, работавшихъ на золотыхъ промыслахъ, переводили съ заводовъ на пріиски и обратно, такъ что они

---

[1]) *Озерскій.* „Очеркъ геологіи, минеральныхъ богатствъ и горнаго промысла Забайкалья“, 1867 г., стр. 52. Дѣйствительно въ 1851 г. количество промывальныхъ машинъ значительно увеличилось. „Горн. Журн.“ 1852 г. № 5, стр. 335., срав. 1843 г., № 9, стр. 459, 1845 г. № 6, стр. 389, 1846 г. т. II, 451, 1848 г. № 3, стр. 362, 1850 г. № 6, стр. 465.

[2]) Такъ что по его разсчету на промывку 1 к. с. песку требовалось 4,4 чел., тогда какъ на частныхъ промыслахъ Вост. Сиб. для этого было достаточно всего 1,5 чел. Арх. Ирк. Горн. Управ. к. 1337, № 3/11, л. 22—23; *Гагемейстеръ* II, 418.

[3]) Арх. Ирк. Горн. Упр. к. 1640, № 29/183, л. 18.

[4]) Арх. Главн. Упр. Алт. Горн. Окр., бѣлов. Журн. Горн. Сов., 1853 г., л. 163—164.

[5]) *Максимовъ.* „Сиб. и Кат.“ I, 90/163.

[6]) Св. Зак. изд. 1842 г. т. XIV, ст. 1552. *Фойницкій.* Ученіе о наказаніи, стр. 280, 292.

вели бродячую жизнь, и это мѣшало имъ обзавестись, какъ слѣдуетъ, своимъ хозяйствомъ [1]).

Мы видѣли, что на Алтайскихъ заводахъ по штатамъ 1849 г. жалованье простымъ казеннымъ рабочимъ на золотыхъ промыслахъ равнялось 6 руб. 70 к.—10 руб. *въ годъ*. Въ Нерчинскомъ округѣ оно бывало и менѣе [2]): въ 1858 г. на Бальджинскомъ золотомъ промыслѣ казенные рабочіе получали собственно жалованья *во весь годъ* 3 руб. 57 к. [3]). На Шахтаминскомъ пріискѣ въ первой половинѣ 50-хъ годовъ заводскіе служители получали жалованья 6 руб. 90 к. серебр. въ годъ. По смѣтѣ на 1861 г. чернорабочимъ на Нерчинскихъ золотыхъ промыслахъ, кромѣ кормовыхъ денегъ и провіанта, было назначено жалованье 9 руб. въ *годъ* (кромѣ хлѣбнаго пайка) [4]). Спеціалисты горнаго дѣла (уставщики, надсмотрщики за работами и разные мастера) получали жалованья отъ 36 до 90 руб. въ годъ. Конечно всѣ они при удобномъ случаѣ старались вознаграждать себя похищеніемъ золота, и услѣдить за ними было почти невозможно [5]).

Ссыльно-каторжные въ первой половинѣ 50 годовъ получали на Шахтаминскихъ золотыхъ промыслахъ жалованья, также какъ и заводскіе служители, по 6 руб. 90 к. серебр. въ годъ; въ 1861 г. жалованье ссыльно-каторжныхъ, также какъ и мастеровыхъ, было нѣсколько выше [6]).

На Нерчинскихъ заводахъ мастеровымъ полагалось годовое жалованье и провіантъ, на золотыхъ же промыслахъ мастеровые, а наравнѣ съ ними и ссыльно-каторжные, получали еще кормовыхъ или суточныхъ по 5 к. въ день, т. е. 18 руб. 25 к. въ годъ [7]). Въ извѣстной намъ пѣснѣ о происшествіяхъ на Карѣ въ 1850 г. прибавка рабочимъ на золотыхъ промыслахъ кормовыхъ суточныхъ денегъ объяснена хлопотами о томъ Разгильдѣева:

„Прежде не было кормовыхъ
Для семействъ, сиротъ и вдовыхъ,—
Онъ исхлопоталъ".

---

[1]) Срав. *Влахопулов*. „Сводъ законоположеній, относящихся до поземельнаго устройства приписныхъ крестьянъ, мастеровыхъ и урочниковъ Алтайскаго и Нерчинскаго округовъ въ 1858—82 гг.", стр. 2.

[2]) Въ началѣ 50-хъ годовъ нерчинскіе заводскіе мастеровые получали жалованья по 56½ к. въ мѣсяцъ (въ годъ 6 руб. 84 к.), а на золотыхъ промыслахъ, какъ увидимъ ниже, имъ выдавались еще суточныя кормовыя деньги. *Гагемейстеръ*. II, 415.

[3]) Арх. Ирк. Горн. Управ., к. 1343, № 64/142, л. 11.

[4]) Арх. Ирк. Горн. Упр. к. 1639, № 21/35, л. 57.

[5]) *В. Толстой*. „Гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій", „Рус. Стар.", 1890 г., т. 65, стр. 129.

[6]) Арх. Горн. Деп. № 68/650, ч. II, л. 286 об.

[7]) Статья прот. *Боголюбскаго; Гагемейстеръ* II, 415; Арх. Ком. Мин., дѣло Сиб. Ком. 1858 г. № 255, л. 330—335; Арх. Ирк. Горн. Упр., к. 1639, № 21/35, л. 57. На Алтайскихъ заводахъ по штатамъ 1849 г. назначены были порціонныя деньги по 4 к.

Полковникъ Озерскій, послѣ осмотра Карійскихъ золотыхъ промысловъ въ 1851 г. предложилъ, при переселеніи семейныхъ заводскихъ служителей на золотые промыслы не по собственной ихъ просьбѣ, а по распоряженію начальства, выдавать единовременное пособіе по 15 руб. на душу мужскаго пола, примѣнительно къ тому, что такія пособія выдаются забайкальскимъ казакамъ, переселяемымъ на новыя мѣста [1]), а при передвиженіи съ мѣста на мѣсто служителей хорошаго поведенія далѣе 50 верстъ выдавать имъ за время прохода по разсчету двойныя кормовыя деньги. Генералъ-губернаторъ Муравьевъ нашелъ и то, и другое полезнымъ и просилъ министра финансовъ сдѣлать о томъ распоряженіе [2]), но была ли удовлетворена его просьба, мы не знаемъ.

На Нерчинскихъ золотыхъ промыслахъ, какъ и на Алтайскихъ, были, по крайней мѣрѣ въ 50 годахъ, вольностарательскія работы за особую плату [3]). Въ 1858 г. за выработку торфовъ и промывку золота „вольностарателямъ", за исключеніемъ вычета за инструменты, заплачено болѣе 5000 руб. При раздѣленіи этой суммы на все число рабочихъ, этотъ добавочный заработокъ оказывается ничтожнымъ [4]).

Кромѣ жалованья и кормовыхъ, мастеровые на Нерчинскихъ промыслахъ, какъ и на Алтайскихъ, получали отъ казны провіантъ: въ 50-хъ годахъ выдавалось 2 пуд. въ мѣсяцъ рабочимъ мужскаго пола, кромѣ того семейные получали еще въ мѣсяцъ 2 пуд. на жену и по 1 пуд. въ мѣсяцъ на малолѣтнихъ дѣтей (мужскаго пола до 12 лѣтъ и женскаго—до 16 лѣтъ). Такой же провіантъ получали и ссыльно-каторжные. Вдовамъ и сиротамъ какъ заводскихъ служителей, такъ и ссыльно-каторжныхъ, а также и незаконно-рожденнымъ ихъ дѣтямъ безъ различія пола выдавался отъ казны провіантъ въ выше указанномъ размѣрѣ [5]). Холостые заводскіе служители, жившіе въ общемъ казенномъ помѣщеніи, имѣли общую артель, которою завѣдывалъ артельный староста; онъ принималъ изъ казны нужные для артели вещи и припасы, а также кормовыя деньги, на которыя покупалъ изъ казны, такъ называемый, приварокъ, т. е. говядину для щей, масло для каши и проч. Женатые получали жалованье и провіантъ на руки и жили въ собственныхъ домахъ [6]). Провіантъ выдавался иногда въ крайне неудовлетворительномъ

---

[1]) Положеніе о Забайкальскомъ казачьемъ войскѣ, Выс. утв. 17 марта 1851 г. § 79. П. С. З. т. XXVI, № 25039.

[2]) Арх. Ирк. Горн. Упр. к. 1482, № 3/11, л. 269, 272.

[3]) Объ нихъ упоминаетъ еще Озерскій въ 1852 г., к 1337, № 3/11, л. 30, 53.

[4]) Арх. Ирк. Горн. Упр., к. 1343, № 64/142, л. 87.

[5]) Статья прот. *Боголюбскаго*; *Максимова* I, 161; Арх. Ирк. Горн. Упр. к. 1639, № 21/135, л. 57.

[6]) Ст. прот. *Боголюбскаго*.

видѣ. Въ извѣстной пѣснѣ о дѣяніяхъ Разгильдѣева, составленной Мокѣевымъ, сказано:

„А къ тому-жъ всеобщій голодъ
Сдѣлалъ всѣхъ безъ силъ.
Отчего же голодали?
Провіантъ имъ выдавали,—
Спросите меня.
Ѣли правда, но чего—
Цѣликомъ кругло зерно,
Только лишь свиститъ.
И еще скажу причину:
Ѣли камень половину,
Данный въ провіантъ“ [1]).

Вслѣдствіе нераспорядительности мѣстнаго начальства случались иногда сильныя затрудненія въ прокормленіи рабочихъ на промыслахъ. По словамъ Д. И. Завалишина, зимою 1852 г. нечѣмъ было прокормить рабочихъ на Карійскихъ золотыхъ пріискахъ, и генералъ-губернаторъ въ декабрѣ мѣсяцѣ прискакалъ кругомъ Байкала въ Читу послѣ того, какъ и гражданское, и казачье начальство въ Забайкальѣ отказалось достать провіантъ. Если вѣрить Завалишину, только благодаря ему удалось пріобрѣсти 45,000 пуд. муки у скрывавшихъ ее изъ опасенія, чтобы она не была отнята у нихъ, и доставить ее изъ Верхнеудинска на Кару [2]). Кабинетъ, въ одной запискѣ 1858 г., утверждалъ, что, хотя по принятымъ на заводѣ правиламъ запасы провіанта должны равняться двухгодичной потребности въ немъ, „въ Нерчинскомъ округѣ наличные запасы хлѣба едва составляютъ полугодовую пропорцію, и были примѣры, что дѣйствія нѣкоторыхъ золотыхъ промысловъ должно было ограничивать по неимѣнію запасовъ для продовольствія рабочихъ“ [3]). Въ началѣ декабря 1852 г. на Карійскихъ промыслахъ было такое затрудненіе въ продовольствіи, что мѣстное начальство принуждено было у всей рабочей команды, „вольной и въ артеляхъ“, удерживать по $^1/_2$ пуд. провіанта въ мѣсяцъ и взамѣнъ его давать лишнихъ по $^3/_4$ ф. говядины, „чтобы въ сутки человѣкъ имѣлъ $1^1/_2$ ф. говядины въ приварокъ“.

При осмотрѣ Озерскимъ въ 1852 г., по порученію Муравьева, золотыхъ промысловъ Нерчинскаго округа, онъ нашелъ, что продовольствіе ссыльно-каторжныхъ неудовлетворительно, „хотя выдаваемое колодникамъ мясо доброкачественно, хлѣбъ хорошо выпеченъ . . . . На Шахтаминскомъ промыслѣ они довольствуются кирпичнымъ чаемъ, тѣмъ же коли-

---

[1]) „Владивостокъ“, 1893 г., № 37.

[2]) „Амурское дѣло и вліяніе его на Восточную Сибирь и государство“. „Русская Старина“, 1881 г., т. XXXII, 82.

[3]) Арх. Ком. Мин., дѣло Сиб. Комит. 1858 г., № 102.

чествомъ хлѣба и фунтомъ мяса съ приваркомъ кислой капусты и крупъ. Въ тюрьмахъ же Карійскихъ выдача кирпичнаго чая съ іюля 1852 г. отмѣнена частію по дороговизнѣ и невозможности покрыть издержки, сопряженныя съ улучшеннымъ содержаніемъ ссыльныхъ изъ назначенныхъ имъ окладовъ, частію по настоянію врача, приписывающаго усиленіе больныхъ, одержимыхъ поносомъ, употребленію чая въ жаркое время года. По встрѣтившемуся затрудненію въ приготовленіи капусты, въ ноябрѣ выдавалось колодникамъ карійскимъ ежедневно по $^3/_4$ ф. сырого мяса, вѣсъ котораго послѣ варки уменьшается до 32 золотниковъ и не доходитъ свыше 39 золотн., по 4 ф. хорошо испеченнаго хлѣба, по 1 ф. крупъ ячныхъ и по $9^1/_2$ золотн. соли. Сравнивая содержаніе на Шахтамѣ и Карѣ, оказывается", что на Карѣ „арестанты, по крайней мѣрѣ во время осмотра, находились въ худшемъ положеніи и ѣли безъ перемѣнъ однообразную и при томъ пресную пищу". Озабочиваясь улучшеніемъ продовольствія ссыльно-каторжныхъ на выдаваемую имъ плату (кормовыя деньги и жалованье), Озерскій составилъ проектъ положенія о ихъ содержаніи въ тюрьмахъ при Карійскихъ промыслахъ по справочнымъ мѣстнымъ цѣнамъ зимы 1852 г.; онъ предполагалъ выдавать въ день: мяса $^3/_4$ ф., крупы $^1/_8$ ф., чаю кирпичнаго около 1 золотн., соли 8 золотн. [1]), муки-затирань $6^1/_3$ золотн., жиру на $^1/_6$ коп. Стоимость такого продовольствія равнялась въ день $2^1/_2$ коп., а въ мѣсяцъ 75 к. Лѣтомъ, вслѣдствіе большой дороговизны мяса, продовольствіе обойдется на $10^3/_4$ к. дороже, вслѣдствіе чего предполагалось лѣтомъ уменьшить выдачу чая, затирана и жира. Если имѣлась квашеная капуста и лукъ, то для разнообразія пищи ихъ выдавали на $3^3/_4$ к. въ мѣсяцъ съ уменьшеніемъ на это время на половину выдачи крупы. Изъ 2 пуд. провіанта положено было ежемѣсячно выдѣлять по $^1/_2$ ф. муки на вареніе кваса для артели. Отпускъ кирпичнаго чая, особенно зимою, Озерскій призналъ весьма полезнымъ и питательнымъ. Мнимое зловредное вліяніе его, предрасполагавшее, какъ думали, къ разстройству желудка, по произведенному разслѣдованію, объяснилось прибавленіемъ въ котлы сырой воды и питьемъ чая, недостаточно вскипяченнаго. Въ 1850 г. при каторжныхъ тюрьмахъ были разведены первые огороды; черезъ два года засѣяно было 3 десятины картофелемъ и кромѣ того 15 десятинъ рожью при Усть-Карѣ; предполагалось рожь, собранную и обмолоченную ссыльно-каторжными женщинами, продать и вырученныя деньги обратить въ пользу артелей. Озерскій находилъ полезнымъ увеличить учрежденные при тюрьмахъ огороды и разводить въ нихъ лукъ, капусту, картофель, свеклу, для обработки же огородовъ употреблять преимущественно жен-

[1]) Т. е. $2^1/_2$ ф. въ мѣсяцъ; прежде выдавалось по 3 ф., но соль выходила не вся, и мѣстный врачъ одобрилъ уменьшеніе ея количества.

щинъ. Всѣ эти предположенія Озерскаго были сообщены исправляющему должность начальника Нерчинскихъ заводовъ, Разгильдѣеву, съ порученіемъ подвергнуть ихъ строгому разсмотрѣнію и, если они окажутся удобоисполнимыми, принять ихъ въ руководство.

Оказалось, что проектъ положенія о продовольствіи, составленный Озерскимъ, могъ быть примѣненъ немедленно, безъ затрудненій: въ промысловыхъ магазинахъ нашлись запасы чая и необходимая для варенія его посуда, а также и другіе припасы, кромѣ квашеной капусты, взамѣнъ которой можно было употреблять лукъ, привезенный въ бытность Озерскаго на Карѣ. Со введеніемъ въ дѣйствіе новаго положенія, содержаніе ссыльно-каторжныхъ должно было быть распредѣлено такъ: по утру, до выхода на работу, завтракъ сухимъ хлѣбомъ; въ 11 час. утра выносятся на разрѣзы котлы съ горячимъ чаемъ, вслѣдствіе чего отмѣняется раскладываніе на работахъ въ зимнее время костровъ, около которыхъ грѣются „кандальники", такъ какъ быстрый переходъ на стужу вредилъ ихъ здоровью. По возвращеніи съ работъ — обѣдъ и для питья квасъ. Разгильдѣевъ предписалъ управляющему золотыми промыслами принять это положеніе въ руководство [1]). Такъ какъ провіантъ отпускался ссыльно-каторжнымъ, находящимся въ тюрьмахъ и казармахъ, въ видѣ муки, а семейнымъ въ видѣ зерна (по 2 пуд. на душу), между тѣмъ какъ назначено отпускать по 2 пуд. муки, то Озерскій предложилъ въ ожиданіи поставки муки, продолжать отпускъ зерна, но съ установленною прибавкою „на примолъ", которое и взимать съ поставщиковъ при сдачѣ ими зерноваго хлѣба. Семейные обязаны были ходить за провіантомъ на Усть-Кару за 15 верстъ два раза въ мѣсяцъ, 15 и 25 числа, такъ какъ, по неимѣнію рабочаго скота, полнаго количества хлѣба на Кару не переводили. По мнѣнію Озерскаго, неудобство это должно было быть устранено при увеличеніи на Карѣ скота. Предположенія Озерскаго были одобрены Муравьевымъ, и ихъ предписано было исполнить [2]).

Въ ноябрѣ 1852 г. на Карійскихъ промыслахъ артельная сумма арестантовъ составляла 3697 руб. [3]). Къ началу 1859 г. при Карійскихъ и Лунжакинскихъ промыслахъ были артели, имѣющія 2613 р. денегъ, 16 быковъ, разныя огородныя овощи и припасы и проч., такъ что все ихъ имущество оцѣнивалось въ 3123 р.; при промыслахъ же Александровскаго округа артельныхъ суммъ не имѣлось, и арестанты довольство-

[1]) Озерскій предложилъ не дозволять мѣстному начальству измѣнять положеніе о пищѣ и одеждѣ (см. ниже) по своему произволу, а о вынуждаемыхъ обстоятельствами перемѣнахъ доносить горному начальнику и ежегодно составлять новую табель на основаніи справочныхъ цѣнъ и представлять ее на утвержденіе генералъ-губернатора Восточной Сибири.

[2]) Арх. Ирк. Горн. Упр., к. 1337, № 3/11, л. 30, 48, 51—52, 54—56, 58—59.

[3]) Ibid., л. 34—50.

вались заготовленными отъ казны припасами въ такомъ размѣрѣ: 3/4 ф. мяса, 1/4 ф. крупы и 1/8 ф. луку въ сутки съ прибавленіемъ овощей, разводимыхъ въ огородахъ [1]).

Что касается одежды ссыльно-каторжныхъ, то Озерскій, при осмотрѣ промысловъ зимою 1852 г., нашелъ, что, хотя она и „приличная", но „не совсѣмъ соотвѣтствующая суровому времени года"; такъ какъ, по его мнѣнію, „по дороговизнѣ овчинъ затруднительно снабжать команду полушубками", то онъ предлагалъ, нельзя ли замѣнить ихъ тарбоганными тулупами, доставляемыми изъ окрестностей Акши, и цѣна которыхъ, 2 руб. 40 к. за штуку, немногимъ превосходитъ цѣну суконныхъ шинелей (2 руб. 16 к.). По положенію, установленному Озерскимъ въ 1852 г., ссыльно-каторжнымъ полагалось: одна рубаха холщевая на 2 1/2 мѣсяца, одни холщевые порты на 2 1/2 мѣсяца, три пары (юфтевыхъ) чирковъ на 2 1/2 мѣсяца, одна пара рукавицъ кожаныхъ на 3 мѣсяца, двѣ пары рукавицъ суконныхъ на зиму, одна шинель сермяжнаго сукна на годъ съ четвертью, т. е. на 15 мѣсяцевъ, одни онучи суконныя на зиму, одинъ куртъ (sic) суконный на 8 мѣсяцевъ. По разсчету на одинъ мѣсяцъ одежда эта обходилась 1 руб. 30 к., а пища арестантовъ 75 к., что вмѣстѣ въ мѣсяцъ изъ 30 дней составляло 2 руб. 5 к., а въ мѣсяцъ изъ 31 дня 2 руб. 11 5/6 к. По положенію Озерскаго опредѣлено было такимъ образомъ расходовать на каждаго въ годъ 25 руб. 1 к. По расчисленію, писалъ Озерскій, „плата, выдаваемая каждому ссыльно-каторжному отдѣльно, достаточна безъ остатка, не обременяя казну новыми долгами на покрытіе расходовъ", указанныхъ въ табели. Плата эта состояла изъ кормовыхъ по 5 к. въ день, что составляетъ въ годъ 18 руб. 25 к., и мѣсячнаго жалованья [2]). Мы не знаемъ сроковъ носки вещей до 1852 г., но, очевидно вещи носились скорѣе, чѣмъ это было опредѣлено по казенной табели, такъ какъ Озерскій объясняетъ весьма неравномѣрное распредѣленіе долговъ на ссыльно-каторжныхъ „болѣе или менѣе хозяйственною носкою одежныхъ вещей". Муравьевъ, одобрившій вообще предположенія Озерскаго относительно одежды, приказалъ между прочимъ озаботиться и заготовленіемъ тарбоганныхъ тулуповъ, если это можетъ быть полезно для рабочихъ и не безвыгодно для казны [3]). Прот. Боголюбскій относительно ссыльно-каторжныхъ на Шахтаминскихъ промыслахъ говоритъ: „Одежда и обувь какъ для зимы, такъ и для лѣта, у каждаго есть, а въ случаѣ

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр., к. 1343, № 64/42, л. 129 об.—130.

[2]) Въ отчетѣ о Нерчинскихъ промыслахъ за 1858 г. сказано, что ссыльно-каторжнымъ „выдается казною необходимая одежда, и за все, что изъ казны въ артели отпускается, возмѣщаются въ оную деньги изъ платы, получаемой арестантами". Арх. Ирк. Горн. Упр., к. 1343, № 64/42, л. 130.

[3]) Арх. Ирк. Горн. Упр., к. 1343, № 64/42, л. 130.

износа отпускаются изъ казны по таксѣ потребные матеріалы .... или даже готовая одежда и обувь". Но какова была эта одежда ссыльно-каторжныхъ, видно изъ слѣдующихъ словъ записки одного частнаго золотопромышленника Восточной Сибири (1861 г.): „одежда ссыльно-каторжныхъ извѣстна; иногда ее нельзя назвать даже лохмотьями, потому что они довольствуются всѣмъ тѣмъ бракомъ, который остается вслѣдствіе совершенной негодности для какого бы то ни было сбыта, да и на такую одежду полагается срокъ, который не можетъ выдержать товаръ самаго лучшаго качества, изъ своего же, такъ называемаго, жалованья .... ни одинъ рабочій ничего купить для себя не въ состояніи" [1]).

На Шахтаминскихъ промыслахъ въ первой половинѣ 50-хъ годовъ холостые заводскіе служители жили на казенной квартирѣ въ особомъ зданіи съ помѣщеніями на 500 чел., женатые же жили въ собственныхъ домахъ, построенныхъ по большей части съ пособіемъ отъ казны.

Ссыльно-каторжные, по закону 1845 г., причислялись къ разряду испытуемыхъ и содержались въ острогахъ, безсрочные каторжные содержались въ ручныхъ и ножныхъ оковахъ, прочіе же каторжные въ однихъ ножныхъ. Время испытанія для каторжныхъ разныхъ разрядовъ продолжалось отъ одного года до восьми лѣтъ, послѣ чего хорошо ведшіе себя въ это время перечислялись въ разрядъ исправляющихся, содержались безъ оковъ и, если возможно, помѣщались отдѣльно отъ испытуемыхъ. Черезъ извѣстное время (отъ одного года до трехъ лѣтъ для разныхъ разрядовъ) каторжные могли съ разрѣшенія горнаго правленія получать дозволеніе жить не въ острогѣ, а въ жилищахъ заводскихъ мастеровыхъ или построить для себя домъ на землѣ, принадлежащей заводу, и вступать въ бракъ, при чемъ имъ выдавалось пособіе деньгами и натурою изъ заработанныхъ ими денегъ [2]).

Ссыльно-каторжные, работавшіе на Шахтаминскихъ промыслахъ, по словамъ прот. Боголюбскаго, раздѣлялись на три разряда: 1) испытуемыхъ, которые содержались въ тюрьмѣ и въ оковахъ за постояннымъ военнымъ карауломъ; 2) исправляющихся, свободныхъ отъ тюрьмы и оковъ, но находящихся подъ строгимъ надзоромъ мѣстной полиціи и большею частью живущихъ въ самомъ зданіи полиціи своею артелью и 3) испытанныхъ, семейныхъ, имѣющихъ свои дома и хозяйства, пользующихся своей свободой наравнѣ съ заводскими служителями, а впослѣдствіи, по выслугѣ въ работахъ урочныхъ лѣтъ, поступавшихъ въ разрядъ поселенцевъ и становившихся постоянными жителями края. Тюрьма, въ которой жили каторжные перваго разряда на Шахтаминскихъ промыслахъ, было огромное двухъэтажное деревянное зданіе въ 30 саж.

---

[1]) Арх. Горн. Деп., дѣло № 68/650, ч. II, л. 286 об

[2]) П. С. З., т. XX, № 19284, п. 9, 10, 24, 26, 31.

въ длину и 15 въ ширину, раздѣленное корридоромъ во всю длину; по обѣимъ сторонамъ корридора устроены были палаты или жилыя комнаты съ антресолями, которыя освѣщались окнами, такъ что въ каждой палатѣ можно было помѣщаться и вверху на антресоляхъ, и внизу на нарахъ. Передъ главнымъ входомъ въ тюрьму выстроена была гауптвахта для военнаго караула, а съ правой стороны находилась кухня и баня. Каждая сотня ссыльно-каторжныхъ, содержимыхъ въ тюрьмѣ, имѣла своего артельнаго старосту подъ главнымъ начальствомъ тюремнаго смотрителя, который выдавалъ старостѣ въ артель какъ провіантъ, такъ и прочіе припасы и вещи, нужные рабочимъ, по установленнымъ цѣнамъ въ счетъ ихъ жалованья и кормовыхъ денегъ.—Тюремные смотрители допускали различныя злоупотребленія, и потому Озерскій потребовалъ, чтобы ихъ выбирали изъ людей отличнаго поведенія и до увольненія ихъ отъ должностей собирали справки чрезъ разспросы команды, не ставили ли они на счетъ каторжныхъ что-либо лишнее [1]).

Семейные заводскіе мастеровые могли имѣть не только дома, но и землю, но Озерскій нашелъ ихъ экономическій бытъ мало удовлетворительнымъ. Онъ объяснилъ это отчасти мѣстными условіями,—тѣмъ, что почва камениста, климатъ суровъ, выгонныхъ мѣстъ мало, травы худосочны, и это препятствовало заведенію домашняго скота; но главною причиною разстройства ихъ быта Озерскій, какъ онъ убѣдился изъ разспросовъ многихъ мастеровыхъ, были частыя передвиженія рабочей команды съ Кары въ Шахтаму, въ заводы и обратно [2]).

Самое ужасное время пережили мастеровые и каторжные на Карѣ зимою 1850—51 г., когда Разгильдѣевъ хотѣлъ въ угоду Муравьеву довести добычу золота на Нерчинскихъ промыслахъ до 100 пуд. въ годъ. Мы уже упоминали имя этого дѣятеля, оставившаго по себѣ самую печальную память; нужно познакомиться съ нимъ нѣсколько подробнѣе.

Горный инженеръ Разгильдѣевъ, какъ мы слышали, служилъ прежде на Уралѣ, но его начальникъ пожелалъ отъ него отдѣлаться. Разгильдѣевъ пріѣхалъ въ Петербургъ и, какъ видно изъ оффиціальныхъ источниковъ, представилъ проектъ объ усовершенствованіи золотопромышленности въ Россіи въ техническомъ и хозяйственномъ отношеніяхъ. Ученый комитетъ корпуса горныхъ инженеровъ нашелъ заслуживающими особаго вниманія изобрѣтенную имъ золотопромывальную машину, разнаго рода снаряды, облегчающіе добычу и перевозку песковъ и проч. и постановилъ поручить ему испытать ихъ въ какомъ либо изъ горныхъ округовъ, напр., въ Нерчинскомъ, гдѣ золотое производство начинало развиваться и гдѣ, по мнѣнію комитета, всего удобнѣе примѣнить на дѣлѣ тѣ изъ

[1]) Арх. Ирк. Гор. Упр., к. 1337, № 3/11, л. 57.

[2]) *Максимовъ* I, 161. Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 1337, № 3/11, л. 47.

предположеній, которыя окажутся полезными [1]). Министръ финансовъ согласился съ этимъ предложеніемъ и рѣшилъ отправить Разгильдѣева на службу въ Нерчинскій округъ.

Въ началѣ февраля 1849 г. онъ пріѣхалъ въ Иркутскъ и очень понравился Муравьеву, который, по его словамъ въ оффиціальномъ донесеніи министру финансовъ, тѣмъ болѣе обрадовался пріѣзду Разгильдѣева, что „со времени личнаго обзора Нерчинскаго горнаго округа въ августѣ и сентябрѣ“ 1848 года „получилъ самъ твердое убѣжденіе въ возможности развитія тамъ золотого производства несравненно въ большемъ противу нынѣшняго размѣрѣ“. Муравьевъ немедленно отправилъ Разгильдѣева въ Нерчинскій округъ съ приказаніемъ осмотрѣть розсыпи, открытыя по рѣчкамъ Карѣ и Багачѣ, текущимъ въ р. Шилку, по долинѣ Лопатихѣ, находящейся близъ Дучарскаго завода и по рѣчкѣ Тайнѣ, изливающейся въ Газимуръ. Въ концѣ марта того же года Разгильдѣевъ донесъ, что мѣстность по ту сторону Яблоннаго хребта богата золотомъ, что мѣсторожденія осмотрѣнной имъ Карійской системы мощны и обильны золотомъ, водою и лѣсомъ и сулятъ Забайкальскому краю великую будущность, что весь лѣвый берегъ р. Шилки отъ слободы Куенгской до рѣчки Горбицы, на протяженіи 210 верстъ, золотоносенъ, и что въ первый же годъ своей службы, если ему будетъ дано достаточное количество людей, лошадей, машинъ и всего необходимаго для горныхъ работъ, онъ надѣется добыть отъ 100 до 125 пудовъ золота. Нужно замѣтить, что Муравьеву это обѣщаніе было особенно кстати, такъ какъ казна не могла дать въ то время достаточно средствъ для его предпріятій на Амурѣ.

По желанію Муравьева, Разгильдѣевъ въ іюнѣ 1849 г. былъ назначенъ управляющимъ Нерчинскими золотыми промыслами и непосредственно подчиненъ ему, а не начальнику Нерчинскихъ заводовъ [2]). Разгильдѣевъ объявилъ, что ему нужно 3000 мастеровыхъ. Объѣзжая разныя горныя селенія Нерчинскаго округа, онъ произносилъ рѣчи, возбудилъ охоту работать на Карійскихъ промыслахъ и, кромѣ того, потребовалъ, чтобы ему дали болѣе 600 каторжныхъ. Къ осени 1850 г., по словамъ Ю. И. Эйхвальда, разсказывавшаго намъ это, было намыто около 60 пуд. золота. Разгильдѣевъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ тогда находился Муравьевъ, приказавъ продолжать работы. Между тѣмъ теплыхъ жилищъ не было, мастеровые не имѣли и зимняго платья. Наскоро построили теплыя промывальни; такъ какъ онѣ переполнялись паромъ, то

---

[1]) Описаніе Разгильдѣевской промывальной машины см. *Максимовъ* „Сибирь и каторга“, III, 357—359.

[2]) Общій Архивъ Министр. Двора, по описи № 478, связ. № 2506, дѣло № 21, л. 1—8, 16—31.

работать въ нихъ было очень тяжело. Начались болѣзни, тифъ все болѣе усиливался. Лазареты были такъ тѣсны, что больные лежали не только на кроватяхъ, но на полу между кроватями и подъ кроватями. Стѣны больницъ такъ плохо защищали отъ холода, что волоса больныхъ примерзали къ подоконнику. Эйхвальдъ совѣтовалъ помощнику Разгильдѣева распустить команду, но тотъ не рѣшился. Дали знать въ Иркутскъ; пріѣхалъ врачебный инспекторъ, пробѣжалъ по лазаретамъ и опять уѣхалъ. Смертность стала до того усиливаться, что едва успѣвали хоронить. Надъ изготовленіемъ гробовъ постоянно работало 12 плотниковъ; зарывать приходилось не особенно глубоко (и отъ этого впослѣдствіи началась сибирская язва). Трупы сваливали до похоронъ безъ разбора, но солдаты изъявили желаніе хоронить своихъ съ барабаннымъ боемъ; приходилось вытаскивать наудачу любой трупъ и хоронить по военному. На промыслахъ, по словамъ Эйхвальда, умерло отъ тифа около 1000 чел.; сколько погибло на пути, когда распустили команду, неизвѣстно [1]).

По словамъ Д. И. Завалишина, „лишенные собственнаго крова, пригнанные въ суровое время года туда, гдѣ для нихъ ничего не было приготовлено, вынужденные жить въ землянкахъ, вырытыхъ въ мерзлой землѣ, люди подвергались всѣмъ послѣдствіямъ голода и холода: развился сильный повальный тифъ, унесшій слишкомъ 1000 чел. изъ самаго лучшаго здороваго населенія“ [2]). По словамъ С. В. Максимова, на Карѣ погибло въ 1850 г. болѣе 1000 чел. въ одинъ годъ [3]).

Въ пѣснѣ о дѣяніяхъ Разгильдѣева, сочиненной ссыльнымъ Мокѣевымъ [4]) и которую до сихъ поръ поютъ ссыльно-каторжные [5]), такъ говорится о смертности рабочихъ:

„Сильно машины гудѣли,
А толпы людей рѣдѣли,
Мерли на повалъ.
За работою слѣдили,
А въ Ключевкѣ положили
Тысячи больши:
Кто съ печали, кто съ заботы,
Больше съ тягостной работы,—
Вѣчный имъ покой!
Положенья не намыли,
До трехъ тысячъ (?) схоронили—
Вотъ были года“.

[1]) Б. А. Милютинъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Муравьевѣ также говоритъ, что быстрое увеличеніе добычи золота „достигалось цѣною тысячи жизней, погибшихъ отъ жара и истощенія“. „Ист. Вѣст.“ 1888, т. XXXIV, 317.

[2]) „Русск. Стар.“ 1881, т. XXXII, 82.

[3]) „Сибирь и каторга“, III, 359.

[4]) *Багашевъ*. „Письма изъ Приаргунья“. Сбор. газ. „Сибирь“, т. I, Спб. 1876, стр. 247.

[5]) „Русск. Жизнь“ 1893, № 338.

На Верхне-Карійскомъ промыслѣ, по словамъ пѣсни:

„Тѣ-жъ работы работали,—
Зарывать не успѣвали
Мертвыя тѣла.....
Трупы тѣлъ въ амбаръ таскали
И въ полѣнницы тамъ клали
На обѣдъ мышамъ.
Мыши такъ ихъ объѣдали,
Что родня не узнавали,
Кого провожать.
Да и мертвыхъ уже клали
Не въ гроба, а зарывали
Просто безъ гробовъ".

Разгильдѣевъ съумѣлъ обратить въ свою пользу даже эту смертность, сославшись на нее, какъ на причину недомывки золота:

„И винилъ въ промывкѣ Бога,
Что отнялъ народу много,
А самъ въ сторонѣ".

Мокѣевъ довольно вѣрно передалъ тонъ донесеній Разгильдѣева, въ одномъ изъ которыхъ (отъ 23 апрѣля 1851 г.) сказано: „возвратясь изъ Петербурга на Карійскіе золотые промыслы", писалъ онъ Муравьеву, „я къ сожалѣнію нашелъ, что рабочая команда на здѣшнихъ промыслахъ, постигнутая во время зимы эпидемическою тифозною горячкою, потеряла много силъ, вслѣдствіе чего и зимнія промысловыя работы были значительно ослаблены". По смѣтѣ на 1851 г. на добычу 110 пуд. золота исчислено рабочихъ съ присматривающими за ними—4560 чел., „*съ задолженіемъ ихъ въ круглый годъ*. Въ настоящее время считается на промыслахъ до 3478 чел.". Слѣдовательно убыло 1082 годовыхъ работниковъ [1]).

Д. Завалишинъ говоритъ, что тифъ на Карійскихъ золотыхъ промыслахъ „сдѣлался, по показанію самого Забайкальскаго военнаго губернатора, почти постояннымъ явленіемъ" [2]). Другою болѣзнью, свирѣпствовавшею на Нерчинскихъ промыслахъ, была цынга. Въ іюлѣ 1850 г. Муравьевъ

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 1638, № 1/8, л. 3—4, 6 об. По оффиціальнымъ вѣдомостямъ о числѣ больныхъ и умершихъ, съ сентября 1850 и по май 1851 г. включительно умерло здѣсь всего 473 чел., а по „вѣдомостямъ о чрезвычайныхъ происшествіяхъ" съ октября 1850 г. по мартъ 1851 г. включительно 650 человѣкъ. Первая, меньшая цифра представляетъ, какъ видно, число умершихъ мастеровыхъ („нижнихъ чиновъ"), а второе общее число умершихъ на Карѣ. Судя по показаніямъ очевидцевъ, цифра эта вѣроятно менѣе дѣйствительной. Общ. Арх. Мин. Двора, по описи № 478, св. 2507, дѣла № 28 и 32, св. 2508, дѣла № 53 и 56. Петербургскія оффиціальныя сферы отнеслись къ этой страшной смертности довольно равнодушно: директоръ департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ министерства финансовъ потребовалъ только свѣдѣній о томъ, „какія мѣры предприняты для сокращенія болѣзни".

[2]) „Русск. Стар." 1881 г. т. XXXII, 100.

писалъ одному лицу: „я понимаю, что васъ должна была тронуть картина цынги на Карѣ, но вы были именно въ то время, когда она наиболѣе развилась; въ іюлѣ обыкновенно свирѣпство ея прекращается и начинается опять съ ранней весны; примемъ противъ нея рѣшительныя мѣры“ [1]). Но, какъ видно, мѣры были недостаточно энергичны, такъ какъ 23 апрѣля 1851 г. Разгильдѣевъ писалъ Муравьеву, что „каждогодно господствуетъ на Карійскихъ промыслахъ съ наступленіемъ весны скорбутъ, который хотя и обнаружился здѣсь въ настоящее время, но къ счастію число одержимыхъ цынготною болѣзнью нынѣ гораздо менѣе противъ прошедшаго года“ [2]).

Въ началѣ лѣта 1851 г. Нерчинскіе заводы посѣтилъ Муравьевъ [3]), и Разгильдѣевъ умѣлъ показать товаръ лицомъ: не даромъ знавшіе его люди называютъ его фокусникомъ и шарлатаномъ. На стрѣчу Муравьеву на Шилку въ селеніе Шилкинское онъ выслалъ г. Эйхвальда. Муравьевъ принялъ его на баркѣ въ сооруженномъ на ней домикѣ, подробно разспрашивалъ его и сказалъ, что на другой день утромъ будетъ въ Усть-Карѣ. Разгильдѣевъ выѣхалъ на встрѣчу генералъ-губернатору въ полной парадной формѣ и, завидѣвъ судно, на которомъ Муравьевъ еще спалъ (было около 6 час. утра), въѣхалъ верхомъ въ воду, какъ бы горя нетерпѣніемъ и усердіемъ, и совершенно промокъ, пока не подали съ барки лодку. Муравьеву это очень понравилось. Къ пріѣзду его были построены и выкрашены огромныя зданія казармъ и лазаретовъ, подлѣ которыхъ въ ночь наканунѣ пріѣзда были воткнуты срубленныя березки. Муравьевъ, нуждавшійся въ деньгахъ на амурское дѣло, говаривалъ впослѣдствіи о Разгильдѣевѣ: „а все-таки онъ поддерживалъ меня“.

Въ апрѣлѣ 1853 г. Муравьевъ писалъ, что „при полномъ населеніи Карійскихъ промысловъ, состоящемъ изъ 3 тысячъ человѣкъ, на попеченіи одного врача находится постоянно до 300 больныхъ“ [4]). Въ 1858 г. на всѣхъ Нерчинскихъ промыслахъ при населеніи въ 6037 чел. (въ томъ числѣ 4110 чел. собственно рабочей команды) въ теченіе года состояло среднимъ числомъ больныхъ до 249 чел. [5]).

Посѣтивъ Нерчинскіе золотые промыслы зимою 1852—53 г., Озерскій нашелъ, что въ Верхне-Карійскомъ госпиталѣ одержимые накожными болѣзнями, умалишенные и женщины содержатся въ одной палатѣ съ другими больными. Для цынготныхъ считали болѣе полезною молочную

---

[1]) „Русск. Стар.“ 1883 г. т. XXXVIII, стр. 637.

[2]) Арх. Иркут. Горн. Управ. К. 1638, № 1/8, л. 6 об.

[3]) Во время этой поѣздки приписаннымъ къ горнымъ заводамъ крестьянамъ объявляли освобожденіе отъ заводскихъ работъ и обращеніе ихъ въ казаки. *И. Барсуковъ*, I, 290.

[4]) Арх. Ирк. Горн. Управ., кн. 1482, т. I, № 3/11, л. 269.

[5]) Арх. Ирк. Горн. Управ. кн. 1343, № 14/42, л. 127 об., 130.

пищу, но въ исходѣ зимы, когда развивается цынга, молоко не всегда могли заготовить. Озерскій считалъ полезнымъ попробовать замѣнить его сердцемъ, т.-е. квашенымъ молокомъ, которое въ большомъ количествѣ приготовлялось бурятами [1]). Озерскій обратилъ также особенное вниманіе мѣстнаго начальства на то, что тамошній край, производящій дикорастующій лукъ и мангиръ или черемшу, а также голубицу и бруснику, доставляетъ весьма сильныя естественныя средства для борьбы съ цынгою, обыкновенно развивающеюся въ февралѣ и мартѣ, и потому нужно стараться заготовить ихъ какъ можно болѣе для употребленія въ тюрьмахъ и госпиталяхъ. Озерскій поставилъ мѣстному начальству на видъ, что неудобство, вызванное неурожаемъ въ то время капусты, легко было до нѣкоторой степени устранить этими дешевыми средствами, „для сбора которыхъ можно было бы послать женщинъ и подростковъ". Муравьевъ предписалъ исполнить всѣ эти указанія Озерскаго, а на Верхне-Карійскомъ промыслѣ отдѣлить больныхъ накожными болѣзнями отъ умалишенныхъ, женщинъ же содержать совершенно отдѣльно отъ мужчинъ въ особой палатѣ [2]).

Озерскій нашелъ также, что одного врача на Карійскихъ промыслахъ недостаточно и что нужно содержать тамъ по крайней мѣрѣ двухъ медиковъ, изъ которыхъ одному завѣдывать Нижне-Карійскими и Усть-Карійскими госпиталями и отдѣленіями, а другому подчинить госпитали на Верхне-Карійскомъ промыслѣ и надзоръ за отдѣленіями въ Лунжанкинскомъ и Багачинскомъ промыслахъ. Муравьевъ вслѣдствіе этого приказалъ отправить на Нерчинскіе заводы трехъ медиковъ [3]).

Въ какомъ неудовлетворительномъ состояніи находились нѣкоторые карійскіе госпитали, видно изъ слѣдующаго предписанія отъ 7 сентября 1853 г.: оказалось что на Усть-Карѣ „больные тамошняго госпиталя помѣщены были подъ непокрытымъ кровлею зданіемъ, отъ чего отъ бывшаго въ тотъ день дождя не только полы, но и самыя постели были пропитаны водою до того, что люди при всемъ слабомъ ихъ положеніи не въ состояніи были болѣе тамъ оставаться и въ сырое позднее время принуждены были находиться на крыльцѣ госпиталя". За это исправляющему должность начальника Нерчинскихъ заводовъ, Разгильдѣеву, было сдѣлано строгое замѣчаніе и предписано принять безотлагательно мѣры къ устраненію подобнаго безпорядка, подвергнувъ виновныхъ законному взысканію.

---

[1]) „Вещество это,—говоритъ Озерскій,—похоже на творогъ, удобопереваримо и, разведенное въ водѣ и принимаемое внутрь, какъ увѣряютъ, производитъ спасительное дѣйствіе". Пріобрѣтеніе серца и доставка на Кару „не обременятъ госпитальнаго хозяйства".

[2]) Арх. Ирк. Горн. Управ., кн. 1337, № 3/11, л. 54, 55, 57, 58, 59.

[3]) Арх. Ирк. Горн. Управ., кн. 1482, т. I, 269—270, 272.

Относительно школьнаго дѣла на золотыхъ промыслахъ мы знаемъ только, что въ 1853 г. Муравьевъ приказалъ перенести карійскую школу на Екатерино-Николаевскій промыселъ и снабдить ее учебными пособіями [1]).

При посѣщеніи Нерчинскихъ промысловъ въ 1852 г. Озерскій обратилъ вниманіе на накопленіе долговъ за мастеровыми и ссыльно-каторжными. Онъ нашелъ, что допущеніе новыхъ выдачъ въ долгъ за выдаемые вещи и припасы и въ то же время вычеты для покрытія прежнихъ долговъ „составляютъ источникъ многочисленной переписки, злонамѣренныхъ и неумышленныхъ ошибокъ". Но онъ полагалъ, что было бы правильнѣе расходовать на содержаніе команды все на нее отпускаемое, воспретивъ допущеніе новыхъ долговъ, кромѣ случаевъ крайней необходимости, напр., снабженіе одеждою привозимыхъ или возвращающихся бѣглецовъ, которые являлись назадъ на промыслы нерѣдко нагими. Долги ссыльно-каторжныхъ распредѣлялись весьма неравномѣрно: при одинаковой продолжительности пребыванія въ тюрьмѣ, одни совсѣмъ не имѣли ихъ, другіе были ими обременены, что̀ Озерскій ставилъ въ зависимость отъ болѣе или менѣе бережливаго ношенія одежды. Порядокъ полученія одежды былъ такой: заключенные заявляли о своихъ желаніяхъ тюремному смотрителю, который забиралъ вещи у коммиссара для раздачи ихъ на руки. Со вступленія въ должность Разгильдѣева были заведены печатные ярлыки, выдававшіеся на руки каждому арестанту, и въ нихъ отмѣчались взятыя вещи и стоимость ихъ [2]). Для покрытія нѣкоторыхъ долговъ Озерскій предложилъ высылать артелями задолжавшихъ ссыльно-каторжныхъ и заводскихъ служителей два раза въ мѣсяцъ по воскресеньямъ и праздникамъ на старательскія земляныя работы съ платою, назначенною за вольныя работы, и удерживать это вознагражденіе въ счетъ долга. Онъ полагалъ, что занятія работами въ два праздничныхъ дня въ мѣсяцъ не будетъ для нихъ изнурительно. При разборѣ частныхъ жалобъ Озерскій нашелъ, что наростаніе долговъ не подчинено строгому контролю и допускается до произвольныхъ размѣровъ, при чемъ бываютъ и злоупотребленія: такъ на нѣкоторыхъ арестантовъ записываютъ въ счетъ долга вмѣсто одной нѣсколько шинелей или до 70 арш. холста на рубашки, выдаютъ дабу (родъ холста) цѣлыми кусками, отпускаютъ несоразмѣрное число рукавицъ, чирковъ и проч. Для

---

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр., кн. 1337, № 3/11, л. 58.

[2]) Введеніе ярлыковъ, по свидѣтельству Озерскаго, уничтожило много „безпорядковъ и злоупотребленій", но онъ нашелъ, что было бы полезно приказать коммиссарамъ выдавать тюремнымъ надзирателямъ вещи для раздачи колодникамъ не иначе, какъ съ разрѣшенія промысловыхъ смотрителей, а тѣ должны были удостовѣряться, дѣйствительно ли нужны эти вещи и строго наблюдать, чтобы онѣ не имѣли какого либо иного употребленія.

уничтоженія злоупотребленій Озерскій нашелъ нужнымъ въ первый рабочій день послѣ начала каждаго мѣсяца, по окончаніи денежнаго разсчета, объявлять вольной командѣ черезъ надзирателей, а заключеннымъ въ тюрьмахъ черезъ старостъ о состоящемъ на каждомъ долгѣ, и смотрителя должны были разбирать предъявляемыя при этомъ жалобы. Изъявивъ неудовольствіе на допущеніе долговъ за ссыльно-каторжными, Муравьевъ одобрилъ предложенія Озерскаго (между прочимъ и принудительную посылку рабочихъ на старательскія работы) и приказалъ Разгильдѣеву исполнить ихъ [1]).

Тяжесть работъ на золотыхъ промыслахъ вызывала побѣги съ нихъ, особенно ссыльно-каторжныхъ. Такъ въ теченіе 1858 г. со всѣхъ золотыхъ промысловъ Нерчинскаго округа бѣжало заводскихъ служителей 77 (4,6% всего ихъ числа), ссыльно-каторжныхъ 488 (до 24%) и „ссыльныхъ женокъ“ 14 (10%) [2]). Изъ всѣхъ бѣжавшихъ поймано было 28%. Въ пѣснѣ Мокѣева сказано, что какъ только Разгильдѣевъ сталъ переводить мастеровыхъ на Кару:

„Съ Кутомары, Акатуя
Лишь бѣду эту почуя,
Много разбѣглось“.

А на Карѣ жестокости одного надзирателя, часто наказывавшаго рабочихъ плетьми, приводили къ тому, что

„Отъ такой его ухватки
Бѣжалъ въ сопку безъ оглядки
Рабочій народъ“.

Побѣги бывали очень часто, несмотря на то, что за три дня вторичной и послѣдующихъ отлучекъ казенные мастеровые предавались военному суду и подвергались наказанію, которое вносилось въ формуляръ. Разъ наказанный шпицрутеномъ, замаравшій такимъ образомъ свой послужной списокъ, навсегда лишался права на увольненіе отъ работъ, когда же былъ назначенъ срокъ службы, и по выслугѣ лѣтъ не получалъ пенсіона. Озерскій нашелъ, что „побѣговъ, достойныхъ военнаго суда по продолжительности времени, по дальней отлучкѣ, по имѣнію фальшивыхъ видовъ и по другимъ преступленіямъ, весьма немного; они часты между ссыльно-каторжными, между служителями они рѣдки, цѣль побѣга послѣднихъ—отдыхъ и бродяжество“. Озерскій предложилъ смягчить наказаніе и въ видѣ опыта дозволить за недѣльную отлучку

[1]) Арх. Ирк. Горн. Управ., кн. 1337, № 3/11, л. 47 об., 48—50, 52—53, 56, 58—59.

[2]) Арх. Ирк. Горн. Упр., кн. 1343, № 64/42, л. 128.

мастеровыхъ не отдавать ихъ подъ судъ, а приказывать имъ заработывать прогульные дни въ праздники съ содержаніемъ до отработки подъ арестомъ; если же срокъ отлучки не выше трехъ недѣль, „сажать виновнаго безъ суда подъ арестъ, заставить вознаградить время прогула праздничной отработкой и производить въ примѣръ другимъ „полицейское взысканіе“ (т.-е. тѣлесное наказаніе) по уставу. Въ числѣ другихъ предложеній Озерскаго Муравьевъ въ доношеніи министру финансовъ призналъ и это полезнымъ, но повидимому не нашелъ возможнымъ прямо просить о его принятіи: очевидно онъ полагалъ, что такая мѣра должна быть принята не административнымъ, а законодательнымъ путемъ, а быть можетъ онъ руководился при этомъ и тѣмъ соображеніемъ, что не задолго до того представилъ проектъ положенія для управленія Нерчинскими заводами, гдѣ такіе случаи могли быть предусмотрѣны [1]).

Не ограничиваясь пассивнымъ протестомъ въ формѣ бѣгства, рабочіе на золотыхъ промыслахъ не отступали иногда и предъ убійствомъ лицъ особенно имъ ненавистныхъ. Такъ въ пѣснѣ Мокѣева послѣ описанія тяжелыхъ работъ, разныхъ злоупотребленій и жестокостей сказано:

„Штейгеръ отставки добился,
Но отъ мщенья не укрылся
Общаго судьи.
Ему молотомъ въ расквасъ
По затылку до трехъ [2]) разъ
Ссыльный отхватилъ.
А Терентью той порой
Продолбили лобъ кайлой,
Выбрали зубки“ [3]).

Да и не мудрено: пріисковые порядки могли довести до раздраженія самыхъ терпѣливыхъ людей. Горные чины составили себѣ такую репутацію, что, по словамъ Б. А. Милютина, Муравьевъ „съ особеннымъ недовѣріемъ относился къ горному вѣдомству вообще, а къ кабинетскому въ особенности... Горный офицеръ или чиновникъ, въ какомъ бы чинѣ онъ ни былъ, не имѣлъ права подойти къ вашгерду и взглянуть на пробное золото, чтобы его не сопровождалъ казачій урядникъ, на лицѣ коего ясно выражалось: „хоть ты и офицеръ, а все-таки причастенъ извѣстной заповѣди“ [4]). По примѣру высшихъ чиновъ не клали охулки

---

[1]) Арх. Ирк. Горн. Управ., кн. 1842, т. I, № 3/11, л. 268, 272.

[2]) Варіантъ: „восемь разъ“.

[3]) „Владивостокъ“, 1893 г., № 43.

[4]) „Генералъ-губернаторъ Н. Н. Муравьевъ въ Сибири (изъ воспоминаній Б. А. Милютина)“. „Истор. Вѣстн.“, 1888 г., т. XXXIV, 353.

на руку и низшіе. По словамъ пѣсни Мокѣева, „съ кого рубль—полтину взяли“, тѣмъ „задавали работу въ половину“.

„Но хоть паръ сейчасъ изъ тѣла,
Имъ какъ будто нѣтъ и дѣла,
Если кто не дастъ“.

„Канальи-коммиссары“ пользовались также смертностью рабочихъ и записывали выдачу дабы на мертвыхъ, какъ на живыхъ. Рабочіе, какъ видно изъ пѣсни Мокѣева, думали, что только съ помощью „маза“ (взятки?) удалось оправдаться и Разгильдѣеву, такъ что „генералъ“ (Муравьевъ) „вмѣсто презрѣнья, объ немъ сдѣлалъ донесенье

„Батюшкѣ царю.
Подполковника чинъ дали
И начальникомъ избрали,
Снова зажилъ онъ...
На базарѣ, средь завода
Онъ собралъ толпу народа,
Избранныхъ своихъ.
„Я цѣнилъ заслуги ваши,
Далъ вамъ пить изъ полной чаши“, —
Онъ имъ говорилъ.
Вы упившися забыли
Кто вамъ жизнь далъ, кѣмъ вы жили,
Стройтесь же въ ряды“.
Тутъ огнища раскладали
И цирульники срывали
Съ бѣдныхъ галуны“ [1]).

Можетъ быть эта расправа съ повинными въ разныхъ злоупотребленіяхъ была произведена по приказанію Муравьева, какъ результатъ его собственныхъ наблюденій или дѣйствій слѣдственной коммиссіи, учрежденной на Нерчинскомъ заводѣ. Это, впрочемъ, вполнѣ соотвѣтствовало суровой дисциплинѣ, не спасавшей, однако, рабочихъ отъ злоупотребленій начальства. На Нерчинскихъ заводахъ и промыслахъ „не въ рѣдкость“ было „штрафованіе розгами надзирателей рудниковъ, нарядчиковъ изъ унтеръ-шихтмейстеровъ и столоначальниковъ горныхъ конторъ; а служащіе и урядники (нынѣ канцелярскіе служители) посылались трудиться въ разрѣзахъ наравнѣ съ рабочими. Мало того, при публичномъ сборѣ чиновниковъ и служащихъ въ Нерчинскомъ заводѣ объявлялась однимъ благодарность, а другимъ наказаніе съ такою обстановкою, что опальныхъ лицъ цирюльники тутъ же садили на барабанъ и обрывали у нихъ галуны, которые бросались въ нарочно разло-

[1]) „Владивостокъ“, 1893 г., № 44.

женный костеръ“ [1]). Это свидѣтельство показываетъ, что картинка, нарисованная въ пѣснѣ Мокѣева, могла быть вѣрнымъ отраженіемъ дѣйствительности.

Если такъ мало церемонились съ разными чиновниками и надзирателями, то и мастеровые подвергались тѣмъ же суровымъ наказаніямъ, какъ на Алтаѣ, а ссыльно-каторжные, клейменные по тогдашнему закону буквами: *С*—(на одной щекѣ), *О*—(на лбу), *К*—(на другой щекѣ), что означало—„ссыльно-каторжный“, разумѣется выносили еще болѣе ужасныя кары, и эта, особенно суровая, атмосфера каторжныхъ тюремъ должна была вредно отражаться и на, такъ называемыхъ, рабочихъ „честнаго имени“.

Разгильдѣевъ былъ очень жестокъ: случалось, что въ видѣ простой административной расправы, онъ приказывалъ давать по 300 розогъ въ двѣ руки. Грозно карая виновныхъ, онъ для пущаго эффекта хотѣлъ въ тоже время казаться иной разъ и милостивымъ. Вотъ что разсказывалъ намъ Ю. И. Эйхвальдъ. Однажды былъ заданъ непосильный урокъ, такъ что каторжные возмутились. Смотритель работъ наказалъ плетьми троихъ собственною властью, но этимъ дѣло не кончилось. На другой день были выведены всѣ каторжные, окружены войсками, призванъ палачъ и трое наказанныхъ были еще разъ жестоко высѣчены плетьми, закованы кругомъ, т. е. не только по рукамъ и ногамъ, но еще руки и ноги были соединены желѣзными перекладинами, такъ что они не могли повернуться, и отправлены въ другое мѣсто. Но тутъ же по списку, предварительно составленному надзирателемъ, Разгильдѣевъ выкликнулъ каторжныхъ примѣрнаго поведенія и выдалъ имъ награду въ 25 руб.

Не даромъ пѣсня подъ заглавіемъ „Дѣйствія на Карѣ въ бытность Разгильдѣева въ 1850 г.“, сочиненная Мокѣевымъ, начинается такъ:

„Какъ въ недавнихъ то годахъ,
На Карійскихъ промыслахъ
Царствовалъ Иванъ!
Не Иванъ Васильичъ Грозный
Инженеръ-отъ былъ онъ горный
Разгильдѣевъ самъ!
Въ наказанье сего края
Его сбросило съ Алтая [2])
Видно за грѣхи“ и т. д.

Примѣру начальника слѣдовали и подчиненные: такъ на Нижне-Карійскомъ промыслѣ былъ надзиратель Морозовъ, который имѣлъ „та-

---

[1]) *Багашевъ*. „Письма изъ Приаргунья“. „Сборникъ газеты Сибирь“, т. I. Спб. 1876 г., стр. 248.

[2]) Т. е. съ Урала?

кую ухватку: кажду зорю изъ десятка подчивать плетьми", за то, „что поздно встали", или „мало сработали", или „не такъ стоятъ". На Верхне-Карійскомъ промыслѣ въ коллекціи смотрителей и уставщиковъ, изображенныхъ Мокѣевымъ, былъ нѣкій Шабанка, для котораго въ пѣснѣ естественною риѳмою служитъ „*вязанка* батоговъ". На Нижне-Карійскомъ промыслѣ

Барковъ штейгеромъ считался
И не хуже отличался
Пашки палача.
Да и промысла смотритель
Превосходный былъ мучитель,
Варваръ, право, былъ.
Онъ съ бичемъ всегда ходилъ,
Безъ пощады имъ лупилъ,
До кого дойдетъ".

Этотъ „мертвый домъ" для казенныхъ мастеровыхъ продержался до 1861 г., а для ссыльно-каторжныхъ и долѣе.

Въ 1855 г. была открыта золотая розсыпь въ глухомъ необитаемомъ юго-западномъ углу Нерчинскаго округа, близъ восточной подошвы Яблоноваго хребта, на рѣкѣ Бальджѣ. Отдаленность этой розсыпи (на 700 верстъ) отъ другихъ горныхъ промысловъ, опасенія подвергнуть рабочую команду, въ случаѣ ея переселенія, всѣмъ опасностямъ отъ болѣзней, столь легко развивающихся на новомъ промыслѣ, ожиданіе побѣговъ рабочихъ въ мѣстахъ удобныхъ для укрывательства и желаніе сохранить для другихъ Нерчинскихъ золотыхъ промысловъ и безъ того ограниченныя рабочія силы побудили мѣстное начальство ходатайствовать о дозволеніи разработывать Бальджинскую розсыпь только небольшимъ числомъ казенныхъ людей, крайне необходимомъ для надзора за работами и для занятій, требующихъ нѣкотораго искусства и навыка, для обыкновенныхъ же работъ нанять вольныхъ людей. Предсѣдательствующій въ совѣтѣ главнаго управленія Восточной Сибири, генералъ-лейтенантъ Венцель, препроводилъ объясненіе по этому поводу исправляющаго должность горнаго начальника Нерчинскихъ заводовъ на усмотрѣніе Кабинета. Принимая въ соображеніе затрудненія въ разработкѣ отдаленнаго промысла обыкновеннымъ способомъ и отзывъ генералъ-губернатора, что онъ не находитъ для этого другихъ средствъ, кромѣ вольныхъ работъ, Кабинетъ 15 марта 1858 г. испросилъ высочайшее разрѣшеніе генералъ-адъютанту Муравьеву исполнить это предположеніе въ текущемъ году въ видѣ опыта [1]).

Въ числѣ рабочихъ Бальджинскаго промысла въ 1858 г. было нанято 91 чел. (явилось на работу 85, изъ нихъ бѣжавшихъ не было), казенныхъ служителей 38, „ссыльно-каторжныхъ вольныхъ" (т. е. пере-

[1]) Арх. Ком. Мин., дѣло Сиб. Ком. 1858 г., № 102.

веденныхъ въ вольную команду) было 57 (изъ нихъ бѣжало 2). Вольнонаемнымъ рабочимъ платили жалованье по 4 р. 28½ к. въ мѣсяцъ, кромѣ четырехъ рабочихъ, получавшихъ по 6 руб., и то не во все время года; казенные же рабочіе получали жалованье во весь годъ по 3 р. 57 к. Кромѣ того на плату за вольностарательскія работы, по вскрытію торфовъ, за промывку золота и за найденные самородки всего было истрачено 1655 руб. [1]). На каждаго рабочаго было добыто золота около 1½ ф., тогда какъ на другихъ промыслахъ причиталось на каждаго по 48 золотниковъ. Правда тутъ было болѣе богатое содержаніе золота, но за то значительная часть рабочихъ занималась обстройкою промысла и подготовительными работами. Не смотря на отдаленность промысла, дороговизну закупокъ и перевозки, а также произведенныя постройки, каждый рабочій въ первый годъ разработки обошелся въ 147 руб., включая сюда и расходы на мѣстное управленіе [2]).

Въ 1859 г. вольнонаемныхъ рабочихъ на Бальджинскомъ промыслѣ было нѣсколько болѣе, чѣмъ въ предъидущемъ, а именно 117 чел. Наняты они были по общему контракту, вообще сходному съ тѣми, по которымъ въ это время и частные золотопромышленники нанимали рабочихъ, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ менѣе выгодному для рабочихъ. Срокъ работъ былъ назначенъ по этому контракту съ 1 мая по 1 октября; рабочіе „твердо обязывались проработать полныхъ лѣтнихъ пять мѣсяцевъ“, между тѣмъ какъ управленіе всегда могло уволить по своему усмотрѣнію, кого пожелаетъ. Работать они должны были ежедневно, кромѣ табельныхъ дней (ниже увидимъ, что приходилось трудиться и въ табельные дни) съ четырехъ часовъ утра (хотя по закону 1838 г., начало работъ назначено было въ 5 час.) до 8 час. вечера съ отдыхомъ пополудни не болѣе 1½ часа, слѣдовательно, рабочій день равнялся 14½ часамъ. Мѣсячное жалованье, какъ и въ предъидущемъ году, равнялось 4 руб. 28½ к., конечно на готовой пищѣ, для приготовленія которой отпускалось въ мѣсяцъ 30 ф. мяса, 7½ ф. крупы, 3½ ф. соли, ¼ ф. кирпичнаго чая, 1 ф. сала и печенаго хлѣба безъ вѣсу (впрочемъ хлѣбъ выдавался только въ общей столовой, при сборѣ всѣхъ рабочихъ [3]). Рабочіе обязывались исполнять старательскія работы во всѣ воскресные и табельные дни, за исключеніемъ „высокоторжественныхъ“ и особо чтимыхъ церковныхъ праздниковъ, которыхъ во все лѣто насчи-

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр., кн. 1343, № 64/142, л. 11—14.

[2]) Арх. Ком. Мин., дѣло Сиб. Ком. 1858 г., № 255.

[3]) Рабочіе обязывались исполнять слѣдующіе уроки. На торфахъ 5 человѣкъ и 2 лошади должны были „отдать“ въ день или въ одну смѣну 3 куб. саж., причемъ третья кубическая сажень считалась старательскою работою. Если свыше двухъ сажень эти рабочіе выработаютъ полную сажень, то промысловое управленіе обязывалось платить за нее 3 р., а если менѣе или полъ-сажени сверхъ „хозяйскихъ саженей“, вырабатываемыхъ за мѣсячное жалованье, то только по разсчету изъ 2 р. 50 к. На пе-

тывалось не болѣе 6. За старательскую работу полагалась особая плата съ сажени [1]). Рабочіе обязывались, въ случаѣ надобности, трудиться и ночью, а также и доставлять пески на тачкахъ, т. е. ручною откаткою. Жили рабочіе на промыслѣ въ землянкахъ, которыя должны были приготовить сами, не требуя за то никакой платы (въ контрактахъ частныхъ золотопромышленниковъ для этого обыкновенно назначалось время по приходѣ рабочихъ на пріискъ). На пути на пріискъ и обратно рабочимъ не полагалось никакого продовольствія (частные золотопромышленники на проходъ ненаселенныхъ мѣстъ выдавали по крайней мѣрѣ сухари). Заболѣвшіе рабочіе за лѣченіе и пищу въ больницѣ должны были платить по 10 к. въ сутки (плату за лѣченіе мы встрѣчаемъ у очень немногихъ золотопромышленниковъ, и въ началѣ 60 годовъ на частныхъ промыслахъ Восточной Сибири взиманіе такой платы было запрещено). За самовольныя отлучки съ промысла, за оставленіе работы до окончанія казенныхъ и старательскихъ уроковъ, за уклоненіе отъ работъ подъ предлогомъ болѣзни, а также за побѣги рабочіе предоставляли какъ распорядителю работъ, штабсъ-капитану Лебедкину, такъ и другимъ чиновникамъ, служащимъ на промыслѣ и имѣющимъ за ними надзоръ, полное право налагать наказаніе „соотвѣтственно званію каждаго“ рабочаго; за другіе проступки рабочіе могли быть подвергнуты штрафу [2]).

Уже этотъ контрактъ производитъ тяжелое впечатлѣніе, а что и дѣйствительность была не хороша, видно изъ слѣдующаго мѣста письма изъ Читы (18 января 1861 г.) декабриста Завалишина къ предсѣдателю коммиссіи о преобразованіи системы податей и сборовъ статсъ-секретарю Гагемейстеру, автору извѣстнаго „Статистическаго Обозрѣнія Сибири“.

скахъ 3 человѣка на одной лошади обязывались выработать и „подать на машину“ при всякомъ разстояніи забоя отъ машины 1 куб. саж. За всякую недоработку, т. е. если 5 человѣкъ сработаютъ менѣе 2 саж. торфовъ и 3 человѣка менѣе одной сажени песковъ, съ рабочихъ можно было дѣлать вычеты по разсчету на торфахъ изъ 3 р. съ сажени, а на пескахъ изъ 7 р. съ сажени, причемъ кубическая сажень назначена была нѣсколько большаго размѣра, чѣмъ обыкновенно, а именно 1300 п., не принимая въ разсчетъ валуновъ. (На Карійскихъ промыслахъ нѣсъ 1 куб. сажени по опытамъ, произведеннымъ Озерскимъ въ 1852 г., равнялся *съ валунами* въ среднемъ 1200 п. „Горн. Журн.“ 1868 г., № 11, стр. 199). Урокъ на пескахъ былъ не великъ, но такъ какъ исполненіе его оплачивалось лишь ничтожнымъ мѣсячнымъ жаловальемъ, то рабочіе принуждены были выработывать болѣе въ разсчетѣ на повышенное старательское вознагражденіе.

[1]) За каждую старательскую сажень торфовъ назначено было 3 р., за добычу и промывку 1 куб. саж. песковъ—7 р., а за самородки, найденные при старательской промывкѣ песковъ, по 60 к. съ золотника. Каждый находимый при добычѣ песковъ самородокъ долженъ былъ дѣлиться между 6 рабочими.

[2]) Арх. Ирк. Горн. Упр., кн. 1492, № 32/72, л. 40—43 об. Въ мартѣ 1860 г. было приказано не выдавать *мѣсячной* платы (т. е. по разсчету изъ 4 р. 28½ к.) въ праздничные дни находящимся на отдыхѣ и не выходящимъ на работу, а также находящимся въ госпиталѣ (на частныхъ промыслахъ мѣсяцъ считался въ 30 рабочихъ дней) Ibid. л. 172—173.

„Для того, чтобы *доказать*, что управленіе Корсакова будто бы лучше, чѣмъ управленіе горнаго начальства, что оно будто бы доставляетъ болѣе дохода кабинету, вольный трудъ сдѣлали только вывѣскою, а на дѣлѣ во всемъ ввели. самые гнусные обманъ и насиліе, и всѣ тѣ злоупотребленія, о которыхъ сами кричатъ, что будто бы они возстаютъ противъ нихъ и хотятъ ихъ искоренить. Въ наймѣ рабочихъ (чтобы привлечь ихъ меньшими расходами) допустили тѣ же воспрещаемыя закономъ злоупотребленія, что и вездѣ, отчего у нихъ при свободномъ трудѣ не явилось больше вольныхъ рабочихъ, чѣмъ сколько бѣгаютъ ссыльно-каторжныхъ (?); для закупки продовольствія тѣ же раскладки и реквизиціи, какъ и во всемъ; для проложенія дороги къ пріиску, состоящему на частной отчетности, три года насильственно сгоняютъ за самовольно назначенную плату (да и ту еще Богъ знаетъ, когда выдадутъ!) тунгусовъ и бурятъ; вслѣдствіе чего на пріискѣ образцовомъ, гдѣ будто бы введенъ свободный трудъ, *вольные* (soi-disant) рабочіе разбѣгаются [1]). Дозволяютъ, чтобы дешевле обошлось сѣно (не успѣвъ вымыть положеннаго количества золота, (желаютъ) по крайней мѣрѣ выказать расходъ меньше, чтобы тѣмъ возвысить чистую прибыль), дозволяютъ, говорю, горному управляющему пріискомъ захватить казачьи покосы. Наконецъ опять таки, чтобы выказать расходъ меньше, прибѣгаютъ къ натяжкамъ, къ фальшивымъ выкладкамъ, относя на другія мѣста тѣ расходы, которые должны быть отнесены на Бальджу; со всѣмъ тѣмъ, прошлый 1860 годъ, вмѣсто положенныхъ 35 п., добыли кажется только 15! — А между тѣмъ, всѣ эти свои безнравственныя и возмутительныя дѣйствія осмѣлились прикрывать тѣмъ, что это будто бы дѣлается для *личной* выгоды государя, такъ какъ-де пріискъ составляетъ его личную собственность, будучи принадлежностью Кабинета его“..... и потому народъ „гонятъ насильно на работу.... Вотъ они! вѣрные-то слуги царя, Муравьевы, Корсаковы, и т. п.! вотъ вамъ и вольный трудъ, который, однако, вездѣ дастъ иной результатъ! вотъ введеніе новаго начала! Вотъ и послѣдствія измѣненія въ постановленіяхъ! А кто же виноватъ? Развѣ вы вправѣ были ожидать чего либо отъ одного измѣненія слова, названія? не принявъ никакихъ мѣръ, чтобы слова были дѣломъ, даже подавляя стремленія и старанія частныхъ лицъ уничтожить противорѣчіе между ними хотя общественнымъ, если не правительственнымъ дѣйствіемъ, заставя обличеніемъ исполнять законъ прежде всего тѣхъ, кто служитъ его представителемъ. А развѣ какое либо государство было въ состояніи вынести подобное противорѣчіе между возникшимъ уже общественнымъ сознаніемъ и дѣлами; а вы, объявивъ общее сознаніе своимъ собственнымъ, и въ то же время продолжая допускать безнаказанно прежнія дѣла и даже подавляя ихъ обличеніе, развѣ не усилили еще чрезъ мѣру это противорѣчіе между словами и дѣломъ?“ [2])

Кое что въ этомъ письмѣ не совсѣмъ точно, но, откинувъ преувеличенія автора, все такъ очевидно, что не все было ладно въ этомъ первомъ опытѣ примѣненія вольнаго труда на Нерчинскихъ кабинетскихъ промыслахъ.

---

[1]) Въ 1858 г., какъ мы видѣли, изъ вольныхъ рабочихъ не было ни одного бѣжавшаго.

[2]) Арх. Горн. Деп. № 68/650, ч. II,л. 147 — 152. Срав. письма къ Завалишину въ „Русск. Стар.“ 1881 г. № 10.

ГЛАВА IX.

Измельчаніе частной золотопромышленности и появленіе старателей-золотничниковъ.

Число и составъ рабочихъ.—Наемъ рабочихъ и размѣръ задатковъ.—Путешествіе на пріиски.—Контракты.—Право передавать рабочихъ на промыслы другихъ компаній.—Попытка выработать нормальный контрактъ.—Американскій способъ.—Продолжительность рабочаго дня.—Ночныя работы.—Урочная система.—Вознагражденіе за трудъ.—Мѣсячное жалованье.—Урочная и поденная плата.—Старательскія работы.—Жилища рабочихъ.—Семьи рабочихъ.—Пища.—Винныя порціи.—Хозяйскія лавки.—Таксы и совѣщанія о нихъ енисейскихъ золотопромышленниковъ.—Тайная продажа вина.—Болѣзни, лѣченіе и смертность рабочихъ.—Тѣлесныя наказанія.—Денежные штрафы.—Похищеніе золота.—Пріисковая администрація.—Побѣги и волненія.—Заработки.—Заборъ до разсчета, додача и долги.—Отработка долга.—Разсчетъ.—Старатели-золотничники.

Частная сибирская золотопромышленность въ шестидесятыхъ годахъ, если судить по количеству добытаго золота, мало развилась сравнительно съ предшествующимъ десятилѣтіемъ, несмотря на открытіе новыхъ мѣстностей для золотого промысла [1]). Изъ этихъ мѣстностей золотопромышленность стала развиваться въ Алтайскомъ округѣ (въ 1869 году здѣсь уже было добыто 57 п.), въ Нерчинскомъ округѣ (въ 1869 г.—138 п.) и въ Амурской области (въ томъ же году—почти 102 п.). Что же касается прежнихъ золотопромышленныхъ системъ, то въ Маріин-

[1]) Въ 1862 г. частная золотопромышленность была дозволена въ той части Алтайскаго горнаго округа, которая лежитъ по правую сторону р. Томи, въ 1863 г.—въ юго-западной половинѣ Нерчинскаго горнаго округа, въ 1865 г.—въ обѣихъ областяхъ Амурскаго края, за исключеніемъ участка, пригранченнаго къ Нерчинскому округу; въ 1866 году расширены предѣлы частной золотопромышленности въ Алтайскомъ округѣ. Въ 1861 г. частная горнозаводская промышленность вообще была дозволена въ прибрежныхъ мѣстахъ Восточнаго океана близъ Амурскаго лимана. П. С. З. т. XXXVI. № 37231, XXXVII, № 38055, XXXVIII, № 40188, XL, № 42328, XLI, № 42976.

скомъ округѣ, Томской губерніи, въ Семипалатинской области и въ Ачинскомъ округѣ, Енисейской губерніи, добыча золота на частныхъ промыслахъ въ теченіе шестидесятыхъ годовъ стояла почти на одномъ уровнѣ, а въ остальныхъ округахъ Енисейской губерніи начала падать въ большей или меньшей степени. Въ Верхнеудинскомъ округѣ, Забайкальской области, въ концѣ первой половины шестидесятыхъ годовъ золото стали промывать въ меньшемъ количествѣ, а въ Баргузинскомъ округѣ добыча его претерпѣвала значительныя колебанія, но къ концу шестидесятыхъ годовъ также стала быстро уменьшаться. Изъ прежнихъ системъ быстрое возрастаніе золотопромышленности мы находимъ только въ Олекминскомъ округѣ Якутской области (съ 199 п. въ 1860 году до 565 п. въ 1869 году).

Несмотря на нѣкоторое увеличеніе количества добытаго золота на частныхъ сибирскихъ золотыхъ промыслахъ [1]), число рабочихъ нѣсколько уменьшилось: *по даннымъ горнаго вѣдомства, среднее* количество рабочихъ въ 50-хъ годахъ (въ 1850 — 57 и 59 гг.) равнялось въ годъ 31,200 чел. [2]), а въ 60-хъ годахъ болѣе 30,000 чел. (это уменьшеніе можетъ объясняться дальнѣйшимъ улучшеніемъ техники промывки золота). Но, во всякомъ случаѣ, и увеличеніе количества добытаго золота, и уменьшеніе числа рабочихъ на сибирскихъ промыслахъ весьма ничтожно, и не въ этомъ характерное отличіе двухъ десятилѣтій въ исторіи золотопромышленности, т.-е. 50-хъ и 60-хъ годовъ. Оригинальнымъ явленіемъ 60-хъ годовъ сравнительно съ предшествующею эпохой является *измельчаніе промысла* на большинствѣ золотоносныхъ системъ: между тѣмъ какъ въ 50-хъ годахъ (по даннымъ 1850—57 и 59 гг.) на одинъ промыселъ приходилось въ среднемъ 131 человѣкъ рабочихъ, въ 60-хъ годахъ эта средняя цифра равнялась всего 67 чел., т.-е. была ровно вдвое менѣе. Правда, въ нѣкоторыхъ богатыхъ системахъ, какъ, напримѣръ, въ Олекминскомъ округѣ, Якутской области, на одинъ пріискъ приходилось въ 60-хъ годахъ среднимъ числомъ по 140 рабочихъ, въ Нерчинскомъ округѣ, Забайкальской области, во второй половинѣ 60-хъ годовъ по 217 чел. (не говоря уже объ Амурской области, гдѣ въ 1868 году былъ всего одинъ пріискъ съ 755 чел., а въ 1869 году—два пріиска съ 789 рабочими на обоихъ вмѣстѣ), но зато на промыслахъ Западной Сибири (Маріинскаго и Алтайскаго округовъ и Семипалатинской области) въ среднемъ въ это же десятилѣтіе на одинъ пріискъ приходилось по 36 рабочихъ и въ южной части Енисейскаго округа по 65 чел. (въ

---

[1]) Въ 50-хъ годахъ было добыто 10,758 пуд., въ шестидесятыхъ — 11,054 пуда.

[2]) *Раселли.* „Свѣдѣнія о частномъ золотомъ промыслѣ въ Россіи". Изд. 2. Спб., 1863 г. (*Труды коммиссіи для пересмотра системы податей и сборовъ*, т. VIII, ч. I). Данную о 1853 годѣ опускаемъ, такъ какъ тутъ явная опечатка.

сѣверной части Енисейскаго округа нѣсколько болѣе — 82 чел.). Въ 50-хъ годахъ золотые промыслы изъ мануфактуръ превратились въ промышленныя учрежденія съ преобладающимъ *при промывкѣ золота* машиннымъ производствомъ. Казалось бы, золотопромышленность должна была идти далѣе по пути капитализаціи, но препятствіе явилось въ ограниченномъ количествѣ добываемаго металла: на очень многихъ системахъ, и особенно въ славившемся прежде своимъ богатствомъ Енисейскомъ округѣ, „содержаніе" золота въ золотоносномъ пескѣ стало быстро оскудѣвать и потому, вмѣсто дальнѣйшей капитализаціи, на промыслахъ Маріинскаго и Енисейскаго округовъ (а быть можетъ и нѣкоторыхъ другихъ) пришлось въ значительной степени перейти къ иной системѣ, а именно — вмѣсто хозяйскихъ работъ съ такъ называемыми общеконтрактными и отрядными рабочими, состоящими на хозяйскомъ содержаніи, являются на многихъ промыслахъ артели старателей-золотничниковъ на своемъ содержаніи и получающія вознагражденіе съ золотника золота. Въ техническомъ отношеніи ихъ работы представляли несомнѣнный регрессъ, но безъ этихъ артелей на многихъ промыслахъ пришлось бы совсѣмъ бросить работы. Что число такихъ старателей-золотничниковъ было довольно значительно, видно изъ того, что въ 1869 году они составляли въ Енисейскомъ округѣ почти 15% всѣхъ рабочихъ.

Общее число рабочихъ на промыслахъ Западной Сибири увеличивалось въ теченіе 60-хъ годовъ, но въ среднемъ за все десятилѣтіе было нѣсколько болѣе 3,000 человѣкъ въ годъ. На промыслахъ Восточной Сибири средняя цифра за все десятилѣтіе превосходитъ въ годъ 26,000 рабочихъ (по даннымъ горнаго вѣдомства) [1]).

Въ предшествующія десятилѣтія преобладающимъ элементомъ среди пріисковыхъ рабочихъ были ссыльно-поселенцы; но постепенно число ихъ стало уменьшаться. Въ 1834 г. ссыльно-поселенцы составляли 82% всѣхъ пріисковыхъ рабочихъ; въ 1847 г. на промыслахъ въ Енисейской губерніи ихъ было уже 68%, а въ 1850 г. даже 53%; но въ 60-хъ годахъ ихъ относительное число вновь нѣсколько увеличилось, а именно въ 1850—54 гг. ссыльно-поселенцы составляли на промыслахъ Енисейской губ. въ среднемъ за эти пять лѣтъ—50,5% всѣхъ рабочихъ, а въ 1863—68 гг.—52%. Быть можетъ, это увеличеніе числа ссыльно-поселенцевъ объясняется тѣмъ, что нѣкоторыя компаніи стали нанимать ихъ преимущественно предъ другими рабочими, вѣроятно, находя, что съ людьми, лишенными правъ, легче расправляться, чѣмъ съ полноправными рабочими.

Количество рабочихъ, пришедшихъ изъ Европейской Россіи, составляло на промыслахъ Маріинскаго округа въ 1860 г.—5%, а на пріи-

[1]) См. Дополненіе XI (въ концѣ этого тома).

искахъ киргизскихъ округовъ — около 2% всѣхъ рабочихъ. На промыслахъ Енисейской губ. количество рабочихъ, пришлыхъ изъ Великороссіи, сильно увеличилось къ концу 50-хъ годовъ (въ 1858 г. оно равнялось 26%, въ 1859 г. — 21% всѣхъ рабочихъ); въ 1860 г. оно опять возросло (26,3%), но потомъ стало быстро падать, затѣмъ вновь подниматься (въ 1867 г.—14%), а въ среднемъ за 8 лѣтъ (1860—67 гг.) на промыслахъ Енисейской губерніи составляло 13,3%, т.-е. нѣсколько менѣе, чѣмъ въ 50-хъ годахъ, когда оно равнялось 16,1%.

На промыслы старались нанимать рабочихъ въ полномъ цвѣтѣ силъ: такъ, по инструкціи К° Малевинскаго 1868 г. (сѣв. ч. Енис. окр.), предписывалось нанимать людей совершеннолѣтнихъ и не старѣе 40 лѣтъ, и изъ документовъ этой компаніи за предшествующій годъ видно, что дѣйствительно на ея промыслахъ были рабочіе не моложе 19 и не старѣе 45 лѣтъ; но, вѣроятно, на другихъ промыслахъ были и несовершеннолѣтніе работники, по крайней мѣрѣ, въ Киргизской степи на пріискахъ Кокбектинскаго округа употреблялись и мальчики отъ 12 до 14 лѣтъ, которые служили качальщиками на бутарахъ, а при машинной промывкѣ употреблялись для подчистки почвы въ забояхъ [1]).

Для найма рабочихъ на пріиски золотопромышленники или подговаривали особаго агента, заключая съ нимъ формальный договоръ, или посылали одного изъ служащихъ, снабжая его подробною инструкціей. Такъ, наприм., по договору, заключенному въ ноябрѣ 1868 года однимъ мѣщаниномъ съ уполномоченнымъ К° Малевинскаго (въ сѣверной части Енисейскаго округа), первый обязался нанять въ Енисейской губерніи на промыслы этой компаніи 150 человѣкъ, причемъ долженъ былъ нанимать людей съ узаконенными видами и на годовой срокъ, совершенно здоровыхъ, не моложе 18 и не старше 45 лѣтъ: онъ не долженъ былъ нанимать рабочихъ съ „наружными болѣзнями, какъ-то: грыжею, скорбутомъ, сифилисомъ и одержимыхъ падучими болѣзнями“, въ противномъ случаѣ компанія можетъ ихъ не принять и весь расходъ по найму такихъ людей падаетъ на счетъ нанимателя; онъ не долженъ былъ также нанимать разночинцевъ и отставныхъ солдатъ, „какъ положительно неспособныхъ къ горнымъ работамъ и, вообще, всѣхъ тѣхъ людей, которые прежде не занимались черною работой“. Наниматель долженъ былъ дозволять женамъ рабочихъ слѣдовать за мужьями на промыслы лишь въ извѣстномъ количествѣ, а именно не болѣе 5 на 100 работниковъ мужского пола, и, притомъ, „женщинъ не старыхъ и не больныхъ, но исключительно способныхъ и годныхъ къ разнымъ хозяйственнымъ занятіямъ“. Если рабочіе предоставятъ нанимателю полученіе ихъ видовъ, то всѣ издержки по этому предмету онъ долженъ отнести на счетъ рабочихъ. „Выдача

[1]) „Рус. Слово“ 1860 г. № 6, ст. Гр. П—на (Гр. Н. Потанина).

рабочимъ задатковъ при наймѣ и отправкѣ на промыслы, полагая въ томъ числѣ уплату за нихъ податей и другихъ повинностей, одежду, обувь и путевыя издержки до г. Енисейска, не должна превышать въ сложности на всѣхъ до 35 р., а въ частности до 40 р. на человѣка", причемъ наниматель обязывался всѣми мѣрами стараться уменьшить и эту цифру. Всѣхъ нанятыхъ рабочихъ онъ обязался доставить въ Енисейскъ къ 25 марта и долженъ былъ отправить ихъ туда партіями не менѣе 50 человѣкъ въ каждой. Что касается неявки рабочихъ вслѣдствіе побѣговъ или безъ всякихъ законныхъ причинъ, то потерю выданныхъ имъ задатковъ компанія принимала не болѣе какъ 3 человѣкъ на 100, всѣ же прочіе неявившіеся ставились на счетъ нанимателя. За каждаго нанятаго, годнаго къ работамъ и доставленнаго въ срокъ, человѣка компанія Малевинскаго платила нанимателю по 5 руб. сер. [1]).

Компанія Родственной, арендовавшей пріиски К° Рязановыхъ въ южно-енисейской системѣ, поручила своему довѣренному въ январѣ 1869 г. нанять 200 человѣкъ, причемъ въ данной ему инструкціи было предписано въ задатокъ рабочимъ на покупку одежды и обуви и на взносъ податей выдавать не болѣе 50 р. на человѣка, нанимать *преимущественно ссыльно-поселенцевъ*, рабочимъ, желающимъ взять съ собою на пріиски женъ, объявлять, что за женщинъ, не работающихъ на промыслахъ, будетъ вычитаться изъ платы ихъ мужьямъ за хлѣбъ, соль и помѣщеніе по 5 руб. въ мѣсяцъ, и нанятыхъ рабочихъ отправлять не пѣшкомъ, а партіями, на подводахъ, подъ присмотромъ прикащиковъ [2]).

О томъ, какъ производилась наемка, мы встрѣчаемъ не мало указаній въ тогдашней печати. „Рабочихъ заставляютъ наниматься большею частью пьяныхъ и, пользуясь этою слабостью, обманываютъ ихъ, обольщаютъ, наконецъ, въ число денегъ выдаютъ имъ гнилые товары, которые волей-неволей долженъ брать рабочій" [3]). Покойный О. А. Дейхманъ, долго служившій въ Сибири и заслуживающій полнаго довѣрія, говоритъ о „наемкѣ подъ пьяную руку", какъ о явленіи обычномъ [4]). „Безобразный способъ наемки людей при посредствѣ сельскихъ и волостныхъ писарей,—читаемъ въ третьей статьѣ,—спаиваніе и привлеченіе людей почти силой къ наемкѣ на работы,—все это факты, извѣстные каждому и не подлежащіе сомнѣнію" [5]).

Печатныя свидѣтельства подтверждаются и заявленіями составителей записокъ, присланныхъ, по вызову министра, въ министерство финансовъ.

---

[1]) Архивъ В. И. Базилевскаго въ Енисейскѣ, операція 1868—69 г., № 25/199.
[2]) Сообщ. А. К. Субботинымъ.
[3]) „Амуръ" 1861 г., № 37, стр. 291.
[4]) „Горный Журналъ" 1871 г., № 5, стр. 296
[5]) „Амуръ" 1861 г., № 65, стр. 569.

Въ запискѣ, обратившей на себя особенное вниманіе этого министерства и посланной на разсмотрѣніе сибирской администраціи, сказано, что цифры казенныхъ и общественныхъ сборовъ, взыскиваемыхъ съ поселенцевъ волостнымъ начальствомъ, „бываютъ изумительны, потому что никто ихъ не контролируетъ, все зависитъ отъ волостного писаря". Золотопромышленникъ Пестуновъ упоминаетъ въ своей запискѣ (1863 г.) о разныхъ темныхъ поборахъ въ размѣрѣ отъ 5 до 10 р., кромѣ трехрублеваго сбора за выдачу паспорта, въ счетъ задатка рабочаго [1]). Золотопромышленникъ Латкинъ указываетъ на случай платежа податей, волостныхъ повинностей и поборовъ до 40 руб., а Асташевъ въ своей запискѣ говоритъ, что за одного рабочаго приходится уплачивать до 50 р. И изъ одного предписанія предсѣдателя совѣта главнаго управленія Восточной Сибири (1869 г.) мы узнаемъ, что въ волостяхъ при наймѣ съ рабочихъ удерживали иногда по 45 руб. съ человѣка, въ томъ числѣ по 10 руб. „подъ предлогомъ исправленія дорогъ" [2]). Такія же жалобы раздавались въ 50-хъ годахъ, раздаются и въ настоящее время.

Рабочіе изъ ссыльно-поселенцевъ, по словамъ корреспонденціи изъ Красноярска [3]), присылаются „на пріиски, какъ слышно, при содѣйствіи волостныхъ писарей"; къ посредничеству этихъ писарей прибѣгали при наймѣ рабочихъ еще въ 40-хъ годахъ, а для первой половины 60-хъ годовъ этотъ фактъ подтверждается запиской золотопромышленника Пестунова [4]).

О наймѣ рабочихъ на пріиски маріинской системы мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія въ статьѣ Гр. П—на (Гр. Н. Потанина): „Наемка

---

[1]) Арх. Горн. Деп., дѣло отд. частн. золот., № 68/650, ч. III.

[2]) Арх. Енис. Окруж. Полиц. Упр., дѣло 1870 г. № 472.

[3]) „С.-Петерб. Вѣдом." 1865 г. № 137.

[4]) „Писаря волостные,—говоритъ онъ,—стараются какъ можно болѣе выпроводить на промыслы людей. Нѣкоторые могли бы обойтись безъ пріисковъ, особенно крестьяне, но ихъ торопятъ головы и старшины по приказанію засѣдателя и волостного писаря податьми. Писаря спрашиваютъ довѣренные: есть ли къ найму люди; если нѣтъ, то поѣдутъ въ другую волость. Писарь проситъ подождать: когда будетъ сборъ податей, тогда поневолѣ пойдутъ на промыслы, а ранѣе принудить нельзя. Всѣми этими собранными деньгами писарь дѣлится съ земскимъ исправникомъ, засѣдателемъ и прочими земскими чинами. Головы, старосты и старшины... тоже имѣютъ свою пользу. Имъ кажется завиднымъ, если которая волость выпуститъ болѣе народу на пріиски. Когда бываетъ много народу нанято въ волости, это время они считаютъ самымъ выгоднымъ для нихъ, а когда мало—тужатъ, что плохая пожива. И сотеннымъ писарямъ, и старшинамъ за выдачу увольненія отъ общества для найма тоже есть своя польза. Поселенцевъ также притѣсняютъ выдачею билетовъ на промыслы... Случается, что пріѣзжаютъ на судахъ и баркахъ со сплавомъ и хотятъ наняться на промыслы, но ихъ не нанимаютъ, потомъ что у него билетъ вольный, а не пріисковый, т.-е. волость не получаетъ своихъ трехъ рублей и лишаетъ человѣка заработка". Арх. Горн. Департ., дѣло отд. частн. золот. № 68/650, ч. III.

рабочихъ на пріиски производится тотчасъ послѣ разсчета и даже во время разсчета между тѣми же самыми людьми, которые въ это время работали на пріискѣ; также нанимаются рабочіе и съ чужихъ пріисковъ, потому что въ это время начинаются переходы отъ одного хозяина къ другому: это время—здѣшній „Юрьевъ день". Получивъ задатки и отдавъ паспорта въ пріисковую контору, рабочіе уходятъ отдохнуть на недѣлю, на двѣ въ деревни, лежащія у окраины тайги, а нѣкоторые съ самаго начала наемки остаются на пріискѣ; какъ тѣ, такъ и другіе очень скоро растрачиваютъ свои деньги на вино, а изъ вышедшихъ въ деревни многіе возвращаются почти голыми и съ долгами на шеѣ; для „выгона" ихъ (мѣстное выраженіе) высылаются на пріиски служащіе, которые выкупаютъ и отправляютъ на пріискъ. Послѣ этой предварительной наемки бываетъ другая, главная; для этого сами хозяева или ихъ управляющіе выѣзжаютъ въ извѣстныя сборныя мѣста: деревни Баннова, Кедровка, Танбаръ и Тисуль. Если и здѣсь рабочихъ недостаетъ по заранѣе составленной смѣтѣ, то посылаются особые довѣренные въ Томскъ, въ разные округи Томской губерніи, на Иртышъ, Семипалатинскъ и даже въ Тобольскую губернію, въ которой они доѣзжаютъ до Тюмени" [1]).

Въ Томской губерніи, на основаніи предписанія генералъ-губернатора Западной Сибири (1854 г.), ежегодно командировался чиновникъ казенной палаты для наблюденія за правильностью найма рабочихъ на золотые промыслы и прекращенія при этомъ всевозможныхъ злоупотребленій. Но эти чиновники были сами не прочь отъ лихоимства: въ 1860 г. до свѣдѣнія генералъ-губернатора Западной Сибири дошло, что чиновникъ, командированный для наблюденія за наймомъ рабочихъ, производитъ незаконные и крайне обременительные поборы съ ссыльно-поселенцевъ при наймѣ ихъ на золотые промыслы и вообще позволяетъ себѣ противозаконныя дѣйствія [2]). Томскій губернаторъ напечаталъ въ 1862 году объявленіе, въ которомъ, указавъ на незаконные поборы писарей, оповѣщалъ, чтобы крестьяне платили за паспортный бланкъ лишь 1 р. 40 к., а ссыльно-поселенцы—20 к. [3]).

На промыслахъ Киргизской степи, Кокбектинскаго округа, рабочими

---

[1]) „Русское Слово" 1861 г., № 6, стр. 11. Есть указанія, что нѣкоторые томскіе золотопромышленники-аферисты нанимали безпаспортныхъ рабочихъ и заставляли ихъ работать на пріискахъ, а потомъ прогоняли, причемъ рабочій не имѣлъ возможности жаловаться. А. Ш. „Уголки золотопромышленнаго міра" („Дѣло" 1870 г., № 7, стр. 52).

[2]) Арх. Том. Горн. Упр., т. 1134, № 280—257—2268, л. 3, 11—12.

[3]) Том. Губ. „Вѣдом." 1862 г. № 24, часть неоф. Здѣсь упомянуто, что съ нанимающихся сверхъ денегъ, слѣдующихъ въ казну, взыскиваютъ отъ 1 р. 50 к. до 2 р., и деньги эти довѣренные золотопромышленниковъ вычитаютъ изъ задатковъ, а между тѣмъ въ разсчетныхъ листахъ записываютъ полные задатки.

были почти исключительно киргизы. Наемъ рабочихъ здѣсь начинался не по окончаніи работъ, а съ половины іюля, иногда съ первыхъ чиселъ августа. Сначала наемъ производился изъ числа тѣхъ людей, которые въ то время уже находились на пріискѣ; вѣсть о началѣ найма разносилась по степи, и тогда на пріискъ наѣзжали толпами желающіе наняться киргизы, такъ что къ 1 октября, т.-е. къ разсчету, большинство рабочихъ уже было нанято, а остальная часть пополнялась въ теченіе зимы. „При наймѣ рабочихъ,—говоритъ П—нъ,—вмѣсто контрактовъ, здѣсь служитъ порука. Поручитель обязывается, если рабочій не явится на пріискъ къ сроку, уплатить золотопромышленнику данный рабочему задатокъ. Если и поручитель, и рабочій оба остаются должниками золотопромышленника, то послѣдній обращается къ волостному начальнику, чтобы тотъ или доставилъ ихъ на работу на будущее лѣто, или взыскалъ съ нихъ скотомъ, при чемъ золотопромышленникъ принимаетъ скотъ не иначе, какъ за половинную цѣну“ [1]). По другимъ свѣдѣніямъ, наемъ на пріиски рабочихъ-киргизъ производился при помощи волостныхъ управителей, начальниковъ киргизскихъ волостей, состоящихъ обыкновенно въ дружбѣ съ пріисковымъ начальствомъ [2]).

Наемъ рабочихъ-киргизъ отличался нѣкоторыми особенностями, порядки же найма русскихъ рабочихъ были во всей Сибири болѣе или менѣе одинаковы. Относительно Витимской системы Забайкальской области есть извѣстіе, что большинство рабочихъ на тамошнихъ промыслахъ были поселенцы, которыхъ золотопромышленники считали лучшими рабочими. Старались нанимать преимущественно бездомныхъ и холостыхъ поселенцевъ, такъ какъ они требовали меньше задатка. Наемъ сопровождался, какъ вездѣ, безшабашною гулянкой и пропиваньемъ забранныхъ впередъ денегъ, а иной разъ и одежды и обуви [3]).

Начать отработывать полученный имъ задатокъ рабочій могъ только по приходѣ на пріискъ, между тѣмъ, его обязывали со дня найма не отлучаться съ мѣста жительства и быть готовымъ къ отправкѣ въ тайгу по первому требованію. Такимъ образомъ, у рабочаго, нанятаго лишь на лѣтнюю операцію (а такихъ было большинство), иногда пропадало даромъ мѣсяца три.

Мы видѣли, какія большія суммы взыскивали съ нанимающихся рабочихъ въ волостныхъ правленіяхъ для уплаты податей и недоимокъ. Въ виду этого, въ нѣкоторыхъ контрактахъ, какъ и въ 50-хъ годахъ, рабочіе оговариваются, что принимаютъ въ счетъ задатка то количество податей и повинностей, какое будетъ за нихъ уплачено, „но, во вся-

[1]) „Рус. Слово“ 1861 г. № 6, стр. 17, 19.
[2]) „Сѣвер. Почта“, 1866 г. № 169.
[3]) „Медицинскій Вѣстникъ“ 1866 г. № 7.

комъ случаѣ, платежъ податей за поселенцевъ ограничивается тѣмъ, что не долженъ превышать за податного повинностей за 1 годъ, а за льготнаго по 15 коп. сер.".

Размѣръ задатка далеко превышалъ норму, установленную закономъ для ссыльно-поселенцевъ (7 руб. 50 коп.). «Золотопромышленники, — говоритъ авторъ одной газетной статьи, — вынуждены обходить законъ подъ разными предлогами и выдавать поселенцамъ наравнѣ съ крестьянами и мѣщанами задатковъ отъ 30 до 50 рублей. Обыкновенно такое количество денегъ расписывается по разнымъ предметамъ, какъ-то: на одежду и обувь, на проходъ или содержаніе въ дорогѣ, ставится уплатою долга, а цифра задатка остается неизмѣнною въ 7 руб. 50 коп." [1]). По словамъ другихъ авторовъ, задатки бываютъ отъ 30 до 70 руб. [2]). Золотопромышленники въ своихъ запискахъ (1860—61 гг.) чаще всего говорятъ о задаткахъ въ 50—60 руб. Они жалуются также на пьянство рабочихъ, на пути и на промыслахъ: «дорогой требуютъ насильно денегъ, точно своихъ собственныхъ, ими уже заработанныхъ, говорятъ: моя шея будетъ отвѣчать» [3]).

Въ 1862 г., по окончаніи лѣтнихъ работъ, нѣкоторые енисейскіе золотопромышленники и ихъ уполномоченные предполагали войти между собою въ соглашеніе о невыдачѣ задатковъ болѣе 30 руб. и о томъ, чтобы не нанимать впредь рабочихъ, не явившихся на работу; однако, это предположеніе, вслѣдствіе возникшихъ разногласій, не осуществилось. Въ слѣдующемъ 1863 году большинство золотопромышленниковъ южной части Енисейскаго округа составили объ этомъ обязательное постановленіе; однако, и на этотъ разъ общаго соглашенія достигнуть не удалось. Въ ноябрѣ 1863 г. мѣстному горному исправнику уполномоченные К° Зотовыхъ подали заявленіе, въ которомъ они говорятъ, что уполномоченный этой компаніи подписалъ заявленіе золотопромышленниковъ и ихъ представителей объ уменьшеніи задатка до 30 руб. на человѣка, такъ какъ «имѣлось въ виду», что на эту мѣру согласятся не только золотопромышленники сѣверной части Енисейскаго округа, но и другихъ системъ, «потому что тогда только и могла быть достигнута цѣль постановленія; между тѣмъ, даже въ южной системѣ... нѣкоторые вовсе не подписали постановленія, какъ, наприм., компаніи Лопатина и Асташева, а другіе, и подписавши, отказались отъ него». На этомъ основаніи, — продолжаетъ уполномоченный К° Зотовыхъ, — «и мы, имѣвшіе въ виду при сокращеніи задатковъ пользу другихъ компаній..., отказываемся совершенно отъ означеннаго постановленія, считая его вовсе не состоявъ-

---

[1]) „Амуръ", 1861 г., № 54.
[2]) „Амуръ", 1860 г., № 12; „Сынъ Отечества", 1862 г., № 123.
[3]) Арх. Горн. Деп., дѣло отд. частн. зол., № 68/650, ч. II и III.

шимся, *точно также какъ отказались отъ постановленія золотопромышленниковъ сѣверной системы*». Изъ послѣднихъ словъ видно, что было соглашеніе и въ сѣверной части Енисейскаго округа, но также не единогласное. Авторъ одной статьи въ „Енисейскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ поясняетъ, что «немногія лица, не участвовавшія въ соглашеніи, продолжая выдавать при наймѣ большіе задатки, выбирали людей наиболѣе сильныхъ и способныхъ къ работамъ“. Это заставило и остальныхъ золотопромышленниковъ держаться прежняго порядка [1]).

А затѣмъ начались новыя жалобы золотопромышленниковъ на слишкомъ большіе задатки. Такъ, В. Латкинъ въ брошюрѣ «О золотопромышленности въ Сибири» (1864 г.) говоритъ: «Задатку выдаютъ отъ 50 до 70 руб., да на проходъ ему дай, да обуй и одѣнь его, когда придетъ на пріискъ, и выйдетъ всего самое меньшее 70 или 85 р. с... Когда же онъ отработаетъ эту сумму?» Авторъ одной статьи въ «Енис. Губ. Вѣдом.», въ виду неудачи частнаго соглашенія золотопромышленниковъ, предлагалъ правительству регулировать размѣръ задатковъ. Напротивъ, другіе требовали отмѣны ограниченія размѣра задатковъ, выдаваемыхъ ссыльно-поселенцамъ, и предоставленія вообще выдачи задатковъ добровольному соглашенію [2]).

Авторъ одной статьи, написанной въ защиту золотопромышленниковъ, К. Ч—въ, говоритъ: не всѣ «изъ этихъ денегъ выдаются на руки, а часть удерживается на уплату податей и повинностей и на паспортъ... Если довѣренному приходится платить податей и повинностей по 50 р. за государственныхъ крестьянъ [3]), то это, конечно, не его вина». Въ счетъ задатка, «по настоятельному требованію нанимающихся», выдаются деньги на обувь и одежду, а часть также и на уплату долговъ. Золотопромышленникъ Тарасовъ откровеннѣе: онъ не скрываетъ, что не только обувь и одежду рабочіе получаютъ въ счетъ задатка натурою, а не деньгами, но что и для уплаты долговъ поселенцы забираютъ вещи, съ тѣмъ, чтобъ обратить ихъ въ деньги, конечно, съ значительною для себя потерей. «Въ настоящее время, — продолжаетъ К. Ч—въ,—дѣло найма рабочихъ находится въ такомъ положеніи, что если бы кто-нибудь рѣшился выдавать задатки, не доходящіе до 35 руб., то онъ рисковалъ бы остаться безъ рабочихъ. Сами золотопромышленники очень

---

[1]) Арх. Испр. южн. части Енис. окр., дѣло 1864 г., № 7, л. 298—301, 1863 г., № 36, л. 10—11; „Енис. Губ. Вѣдом.“, 1865 г., № 37.

[2]) *Шелковниковъ* въ газетѣ „Амуръ“ 1861 г., № 54, и кап. *Бѣлоносовъ* въ „Горномъ Журналѣ“ 1862 г., т. II, стр. 407.

[3]) По словамъ *Н. Латкина*, въ его книгѣ „Очеркъ сѣв. и южн. сист. золот. промысл. Енис. окр., 1869 г., наиболѣе обыкновенною цифрою податей и повинностей было 20—30 слишкомъ рублей.

были бы рады избавиться отъ необходимости затрачивать такія деньги на задатки. .» [1]). Укоры золотопромышленникамъ за выдачу «огромныхъ» задатковъ мы встрѣчаемъ и послѣ того и въ печати, и со стороны администраціи. Посмотримъ, однако, такъ ли велики въ дѣйствительности были задатки рабочихъ, какъ это утверждали и золотопромышленники, и нѣкоторые писатели, и представители администраціи.

Г. Н. Потанинъ въ своей статьѣ о положеніи рабочихъ въ Маріинской тайгѣ говоритъ: «Задатки бываютъ различные: для нанятыхъ на пріискѣ» и въ ближайшихъ деревняхъ «отъ 7 до 25 руб., для нанятыхъ въ округахъ Томской и Тобольской губ. и на Иртышѣ и въ городахъ Семипалатинскѣ и Усть-Каменогорскѣ—25—30 руб., но изрѣдка они достигаютъ здѣсь и до 40 руб.» [2]). Это свидѣтельство совершенно справедливо: изъ имѣющихся у насъ контрактовъ Маріинскаго и Алтайскаго округовъ 60-хъ годовъ мы видимъ, что наиболѣе обычными задатками можно считать 10—30 руб. и только въ двухъ контрактахъ задатокъ доходитъ до 50 руб., а въ одномъ равняется 67 руб.

Отмѣтимъ еще слѣдующую мысль г. Потанина: указавъ на то, что рабочіе сплошь и рядомъ выносятъ съ промысловъ ничтожныя додачи или даже остаются въ долгу вслѣдствіе эксплуатаціи ихъ въ пріисковыхъ лавкахъ и тайной продажи вина на промыслахъ, онъ говоритъ: «Зная это, рабочій и старается въ задатокъ вогнать все свое жалованье». Противъ ограниченія задатковъ ссыльно-поселенцевъ „золотопромышленники протестовали, потому что безъ большихъ задатковъ они рисковали вовсе остаться безъ рабочихъ. Рабочіе не хотѣли идти за пятирублевые задатки; *для нихъ это было все равно, что за 5 руб. работать цѣлое лѣто*». Это замѣчаніе даетъ, по нашему мнѣнію, болѣе правильное освѣщеніе вопроса о размѣрѣ задатковъ, чѣмъ жалобы прессы на то, что большими задатками хотѣли закабалить рабочихъ. Весьма многіе изъ нихъ, дѣйствительно, оказывались промысловыми кабальными, такъ какъ, въ виду небольшихъ заработковъ, а не то и долговъ, они вновь принуждены были наниматься на пріиски; но эта кабальность обусловливалась не величиною задатковъ, а всѣмъ строемъ золотопромышленности. Во время поѣздки въ Сибирь въ 1891 г. я видѣлъ, что даже въ Олекминскомъ округѣ рабочіе нерѣдко нанимаются съ ничтожными задатками или вовсе безъ нихъ, но едва ли можно считать это выгоднымъ для рабочихъ. Нужно помнить, что пока рабочій долженъ хозяину, послѣдній безъ крайней надобности не разсчитаетъ его; при ничтожныхъ же

---

[1]) *К. Ч—въ.* „Замѣчаніе на письмо изъ Красноярска о золотомъ промыслѣ“ („Журн. Мануф. и Торг., издав. при минист. финансовъ“, 1866 г., т. VI).

[2]) *Гр. П—а—нъ.* „О рабочемъ классѣ въ ближней тайгѣ“ („Русское Слово“ 1861 г., № 6, стр. 12).

задаткахъ золотопромышленники могутъ безъ церемоніи прогонять рабочихъ [1]).

На промыслахъ Киргизской степи, въ Кокбектинскомъ округѣ, по словамъ г. Потанина, задатки при наймѣ лѣтнихъ рабочихъ выдавались за 3 мѣсяца впередъ: за полтора мѣсяца деньгами и за полтора мѣсяца товаромъ; слѣдовательно, при мѣсячномъ окладѣ жалованья въ 5 руб., задатокъ состоялъ изъ 7 руб. 50 коп. деньгами и изъ товаровъ на такую же сумму. Рабочіе, нанимавшіеся на одинъ мѣсяцъ, задатка деньгами вовсе не получали,—имъ отпускался только товаръ.

Изъ общихъ контрактовъ шестидесятыхъ годовъ южной части Енисейскаго округа (мы имѣемъ ихъ 37) видно, что и здѣсь задатки въ 50 и болѣе рублей выдавались сравнительно рѣдко (они встрѣчаются только въ 6 договорахъ), чаще же всего задатки равняются 5—30 рублямъ. Не крупнѣе, а еще мельче задатки такъ называемыхъ отрядныхъ рабочихъ, нанимающихся на вскрышу турфа или торфа, т.-е. незолотоноснаго пласта, причемъ обыкновенно всѣ такіе рабочіе на одномъ пріискѣ получали одинаковые задатки. Въ сѣверной части Енисейскаго округа задатки всего чаще колебались между 5 и 45 рублями; они нѣсколько крупнѣе, чѣмъ въ южно-енисейской системѣ и для отрядныхъ рабочихъ: это объясняется большею дальностью сѣверной системы отъ населенныхъ мѣстностей. Нерѣдко отрядные рабочіе изъ Европейской Россіи, такъ называемые „нижегороды“, и вовсе не брали задатковъ. Въ Олекминскомъ округѣ при наймѣ рабочихъ осенью 1867 г. на пріискахъ К° Промышленности задатки ихъ колебались между 3 и 40 рублями, а въ Прибрежно-Витимскомъ товариществѣ нѣкоторые рабочіе были наняты на операцію $186^{7}/_{8}$ года вовсе безъ задатка; наибольшій же задатокъ равнялся 74 рублямъ; но что большинство рабочихъ получили впередъ незначительныя суммы, видно изъ того, что средній задатокъ 322 рабочихъ равнялся 19 руб. 60 коп., а другихъ 258 рабочихъ—почти 17 руб. Что касается амурскихъ пріисковъ, то относительно ихъ есть указаніе, что размѣръ задатка доходилъ тамъ иногда до 100 руб. [2]), но, не имѣя контрактовъ амурскихъ пріисковъ этого времени, мы не можемъ опредѣлить наиболѣе обычнаго размѣра задатка.

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что свидѣтельство о громадныхъ размѣрахъ задатковъ промысловыхъ рабочихъ несправедливо. Но тутъ мы указали только размѣръ задатковъ, полученныхъ при подписаніи контрактовъ или назначенныхъ по контракту, а были еще путевые рас-

[1]) По характерному выраженію Л. Ѳ. Пантелѣева, habeas corpus рабочихъ составляли: 1) задатокъ, 2) сравнительная легкость побѣга (для поселенцевъ) и 3) недоработки уроковъ.

[2]) *О. Дейхманъ.* „Горная промышленность на Амурѣ“. „Горный Журналъ“ 1871 г., № 5, стр. 289.

ходы, увеличивавшіе размѣръ забора до начала работы. Рабочихъ отправляли на пріиски то пѣшкомъ, то на подводахъ, причемъ въ обоихъ случаяхъ всѣ путевыя издержки падали на ихъ счетъ, и только для прохода по ненаселенной тайгѣ отпускалось на счетъ золотопромышленниковъ извѣстное количество сухарей. «Нерѣдко наниматели», по словамъ одного оффиціальнаго доклада совѣта главнаго управленія Восточной Сибири (1862 г.), «желая избѣжать и неявки, и несвоевременной явки на промыслы рабочихъ, отправляютъ ихъ до промысловъ на подводахъ, относя этотъ довольно значительный расходъ на ихъ счетъ». Обязанность рабочихъ, если они будутъ отправлены на подводахъ, принять на свой счетъ путевые расходы опредѣлялась и нѣкоторыми контрактами. Въ 1862 году горный исправникъ южной части Енисейскаго округа, вѣроятно, по предписанію высшаго начальства, разослалъ циркуляръ съ запросомъ, въ какихъ округахъ производится наемъ рабочихъ и во что обошлась доставка каждаго человѣка на промыслы. Изъ донесеній 16 пріисковыхъ управленій этого округа видно, что наемъ рабочихъ чаще всего производился въ Красноярскомъ и Ачинскомъ округахъ Енисейской губ., въ Томскомъ и Маріинскомъ—Томской губ., рѣже въ Каинскомъ—Томской губ., Канскомъ—Енисейской губ. и Нижне-Удинскомъ—Иркутской губ. Доставка рабочихъ отъ сборнаго мѣста до Климовскаго заведенія (резиденціи) [1]), села Усть-Тунгускаго [2]) или Стрѣлки [3]) почти всегда производилась на лошадяхъ, а оттуда до пріисковъ обыкновенно пѣшкомъ; путешествіе продолжалось отъ 5 до 23 дней; стоимость доставки (продовольствіе, прогоны, а иногда и выдача разныхъ вещей) въ среднемъ на каждаго рабочаго колебалась между 3 и 20 рублями. Если прибавить указанные путевые расходы къ приведеннымъ выше размѣрамъ задатка въ Южно-Енисейскомъ округѣ, то, все-таки, мы не получимъ такихъ громадныхъ суммъ, какія любили называть нѣкоторые золотопромышленники.

Что касается сѣверной части Енисейскаго округа, то мы видимъ, что въ 1867 г. при наймѣ для компаніи Малевинскаго задатокъ колебался между 21 и 54 рублями (лишь въ одномъ случаѣ онъ поднялся до 81 рубля), въ среднемъ же равнялся почти 38 рублямъ; дорожные расходы (за провозъ до Енисейска на подводахъ, содержаніе въ дорогѣ и въ Енисейскѣ и выдача товарныхъ вещей) обошлись отъ 2 до 25 р., въ среднемъ 17—18 р., слѣдовательно, рабочій являлся на пріиски съ долгомъ въ среднемъ 55—56 руб. При наймѣ на операцію 1869 г. ра-

---

[1]) На р. Енисеѣ, въ 70 верст. отъ г. Енисейска, противъ с. Усть-Тунгусскаго, на правомъ берегу Енисея.

[2]) При впаденіи Ангары въ Енисей, въ 68 в. отъ Енисейска.

[3]) Въ 75 в. отъ Енисейска, также при впаденіи Ангары въ Енисей.

бочій приходилъ на пріиски съ долгомъ въ среднемъ 41—44 р., а въ другомъ случаѣ въ ту же операцію съ долгомъ въ 38 руб. Такимъ образомъ, съ путевыми расходами задатки рабочихъ въ сѣверно-енисейской системѣ принимаютъ уже довольно значительные размѣры.

Въ показаніяхъ современниковъ мы встрѣчаемъ не мало жалкихъ словъ о пьянствѣ рабочихъ на пути на промыслы; изъ приведенныхъ выше цифръ *всѣхъ* путевыхъ расходовъ (со включеніемъ прогоновъ, пропитанія и проч.) видно, что пропивать приходилось не особенно-то много.

При наймѣ рабочихъ, какъ и въ прежніе годы, заключались контракты. Кромѣ прежнихъ общихъ контрактовъ (на всѣ работы), контрактовъ на вскрытіе турфа и, наконецъ, договоровъ съ разными служащими и ремесленниками, въ 60-хъ годахъ впервые появляются еще контракты съ золотничниками (см. ниже) въ двухъ видахъ: или съ цѣлою артелью золотничниковъ, или съ подрядчикомъ, обязавшимся поставить отъ себя золотничныхъ рабочихъ. Въ 50-хъ годахъ договоры съ рабочими утверждались горнымъ исправникомъ только въ Олекминскомъ округѣ; то же мы видимъ и въ 60-хъ годахъ, по крайней мѣрѣ, относительно старательскихъ работъ общеконтрактныхъ рабочихъ. Условія относительно этихъ работъ представлялись на утвержденіе олекминскому горному исправнику Измайлову, и онъ дѣлалъ на нихъ такія надписи: „Найдя настоящее условіе вполнѣ удовлетворительнымъ для рабочаго класса людей, утверждаю таковое подписомъ съ приложеніемъ казенной печати“; или: „Находя настоящее условіе для рабочихъ людей не обременительнымъ, а сопряженнымъ съ пользою, утверждаю“. Въ 1862 году Измайловъ написалъ управляющему Прибрежно-Ленской компаніи слѣдующее: „Найдя съ своей стороны представленное вами условіе съ рабочими людьми на старательскія работы не безъ выгоды для послѣдней стороны, я, таковое утвердивъ своимъ подписомъ, при семъ для должнаго руководства препровождаю. Причемъ не могу не высказать моего мнѣнія о неуравненіи на мой глазъ платы: въ будничные дни, наприм., за 45 таратаекъ урка (т.-е. урочныхъ) 25 коп. и 25 же коп. за 15 таратаекъ старательскихъ; не лучше ли было бы назначить прямо 50 коп. за 60 таратаекъ и, въ случаѣ недовоза кѣмъ-нибудь, по разсчету дѣлать вычетъ. Управленіе отъ этого ничего не потерпитъ и имѣетъ ту выгоду, что даетъ возможность большей части работниковъ заработать денегъ и тѣмъ самымъ избѣжитъ должниковъ“. Предложеніе Измайлова было вполнѣ справедливо, но пріисковыя управленія держались другой системы: низкой платы за урочную работу и гораздо болѣе повышеннаго вознагражденія за старательскую, съ тою цѣлью, чтобы приманкою повышенной платы за старательскій трудъ побудить рабочаго возможно болѣе напрягать свои силы и исполнять такую работу, какую едва ли они стали бы вы-пол-

при равномѣрномъ вознагражденіи за весь трудъ и пропорціональномъ вычетѣ за недоработку. Въ 50-хъ годахъ замѣчанія Измайлова не всегда отличались такимъ академическимъ характеромъ: иной разъ онъ прямо не утверждалъ условій, которыя находилъ несправедливыми, и требовалъ ихъ измѣненія. И теперь онъ обращалъ вниманіе на такіе случаи, когда рабочіе не согласились на условія, предложенныя имъ пріисковымъ управленіемъ. Такъ, въ іюнѣ 1862 г. „отрядной командиръ олекминскихъ промысловъ“ (т.-е. находящихся на нихъ козаковъ) донесъ Измайлову, что вслѣдствіе его предписанія онъ спрашивалъ рабочихъ на Ленскомъ пріискѣ Катышевцева, почему они не подписали составленнаго управленіемъ условія о лѣтнихъ старательскихъ работахъ. Рабочіе единогласно отвѣчали, что они желаютъ исполнять лѣтнія работы безъ письменнаго условія, какъ и въ предшествующіе годы, и предложенныя имъ управленіемъ урочныя работы находятъ соотвѣтствующими ихъ силамъ, а также назначенную за нихъ плату достаточною, но не рѣшаются подписать условіе потому, что хотя они и исполняютъ въ настоящее время при удобныхъ мѣстныхъ условіяхъ назначенныя договоромъ урочныя работы, но опасаются, что эти мѣстныя условія „при почвенной подчисткѣ каменистаго пласта“ легко могутъ измѣниться, и въ такомъ случаѣ, хотя бы и при всегдашнемъ ихъ усердіи, они едва ли и въ половину могутъ исполнить назначенный урокъ, а между тѣмъ, если они подпишутъ условіе, то управленіе можетъ не принять во вниманіе этихъ обстоятельствъ, сочтетъ невыполненіе уроковъ даже на неудобной мѣстности „предлогомъ лѣности къ работамъ“ и „прибѣгнетъ къ мѣрамъ болѣе побудительнымъ“, что „и дѣлалось съ нѣкоторыми изъ нихъ на Ленскомъ пріискѣ“ минувшимъ лѣтомъ. Изъ дѣла не видно, какъ отнесся Измайловъ къ этому разногласію рабочихъ съ пріисковымъ управленіемъ [1]).

Въ Енисейскомъ округѣ или, по крайней мѣрѣ, въ южной его части (дѣла 60-хъ годовъ въ архивѣ исправника сѣверно-енисейской системы, какъ мы уже упоминали, не сохранились) мы не встрѣтили ни одного случая вмѣшательства исправника въ составленіе контрактовъ золотопромышленниковъ съ рабочими, хотя нашли тамъ сотни договоровъ, засвидѣтельствованныхъ имъ въ разсматриваемый періодъ времени. Относительно Ачинскаго и Минусинскаго округовъ мы знаемъ только одинъ случай, когда горный исправникъ желалъ заставить золотопромышленника перемѣнить контрактъ. Въ іюлѣ 1862 года енисейскій жандармскій штабъ-офицеръ Боркъ обратилъ вниманіе высшей администраціи Восточной Сибири на контрактъ, заключенный въ этомъ году съ рабочими золотопромышленниками Минусинскаго и Ачинскаго округовъ

[1]) Арх. Олекм. Горн. Исправ., дѣла 1862 г. № 543 и 1863 г. № 599.

братьями Озеровыми. По словамъ Борка въ письмѣ М. С. Корсакову, изъ этого договора можно видѣть, „до какой степени нашъ рабочій классъ, нанимаемый въ одиночку, повидимому, покорно и безсознательно подписываетъ всякіе договоры, какъ бы ни были они тягостны и даже невыносимы для него". Въ виду этого „неумѣнья" рабочихъ „оградить себя", Боркъ полагалъ, что „правительственная, самая внимательная опека" для нихъ „и до настоящаго времени составляетъ полную необходимость", и былъ, конечно, гораздо правѣе тѣхъ членовъ коммиссіи, вырабатывавшей новый золотопромышленный уставъ, которые, подобно проф. Вернадскому, содѣйствовали составленію правилъ объ отношеніяхъ рабочихъ къ хозяевамъ въ духѣ либерально-буржуазной политической экономіи. Впрочемъ, Боркъ признавалъ желательность и возможность нѣкоторой самодѣятельности рабочихъ, но при поддержкѣ со стороны законодательства: онъ высказывалъ мысль, что, „только группируясь въ артели", рабочіе могутъ „постепенно пріучиться заботится сами о себѣ". „Прилагаемый контрактъ,—продолжаетъ Боркъ,—свидѣтельствуетъ самымъ положительнымъ образомъ о возможности подчинить рабочій классъ самому широкому произволу. Въ немъ сказано все для этого и ничего для огражденія правъ рабочихъ"; естественнымъ результатомъ „подобныхъ договоровъ бываютъ безконечныя жалобы, *остающіяся безъ послѣдствій*". По мнѣнію Борка, контрактъ Озеровыхъ составляетъ исключеніе, однако, такой случай оказывается, все-таки, возможнымъ. „Золотопромышленникъ Василій Озеровъ,—продолжаетъ Боркъ,—есть довольно замѣчательное явленіе: владѣя, за исключеніемъ уже многихъ, отошедшихъ въ казну, нѣсколькими десятками промысловъ, заявленныхъ на разныя имена, и не имѣя достаточно средствъ обстановить надлежащимъ образомъ для разработки даже одного пріиска, онъ прибѣгаетъ къ разнымъ уловкамъ и выдумкамъ, лишь бы удержать ихъ за собой, нанимая рабочихъ по образцу прилагаемаго контракта. Несчастные рабочіе не всегда сполна получаютъ и ничтожную трёхрублевую въ мѣсяцъ плату; Озеровъ или уклоняется подъ разными предлогами, или заставляетъ ихъ брать, вмѣсто денегъ, гнилой товаръ собственнаго издѣлія и пріобрѣтенный имъ какъ бракъ". Далѣе Боркъ разсказываетъ, что въ прошломъ году горный исправникъ формально доносилъ енисейскому губернатору о неисполненіи Озеровымъ его законныхъ требованій и распоряженій, но губернаторъ передалъ этотъ рапортъ «на распоряженіе губернскаго правленія, которое, сдѣлавъ выговоръ исправнику за то, что онъ безпокоитъ начальство (!!), приказало ему дѣйствовать на основаніи законовъ. Въ нынѣшнемъ году горный исправникъ, получивъ списокъ съ контракта, съ марта мѣсяца разыскиваетъ Озерова, чтобы заставить его перемѣнить контрактъ; поиски его даже съ помощью земской полиціи остаются до сихъ поръ тщетными, а, между тѣмъ, онъ (Озеровъ) не выѣзжаетъ изъ Минусинскаго и

Ачинскаго округовъ". Это свидѣтельство жандармскаго офицера Борка многое объясняетъ въ бездѣятельности исправниковъ. Находясь при своемъ тогдашнемъ ничтожномъ жалованьѣ въ полной экономической зависимости отъ золотопромышленниковъ, даяніями которыхъ они, главнымъ образомъ, существовали, горные исправники и сами не особенно хлопотали о раскрытіи злоупотребленій пріисковыхъ управленій, но, разумѣется, они стали еще менѣе заботиться объ этомъ, узнавъ, что не слѣдуетъ „безпокоить начальство" донесеніями о совершаемыхъ золотопромышленниками безобразіяхъ [1]).

Какъ мы видѣли, олекминскій горный исправникъ внимательнѣе другихъ исправниковъ относился къ договорамъ, заключаемымъ рабочими съ золотопромышленниками, но и въ Олекминскомъ округѣ встрѣчались контракты, обращавшіе вниманіе высшей администраціи нѣкоторыми незаконными постановленіями. Нужно замѣтить, что олекминскому горному исправнику представлялись на утвержденіе лишь заключаемые весною на промыслахъ договоры относительно старательскихъ работъ [2]). Намъ не извѣстно ни одного замѣчанія исправника относительно общихъ контрактовъ, а, между тѣмъ они иной разъ заслуживали не меньшаго вниманія.

Послѣ того, какъ въ 1860 году, по случаю значительныхъ побѣговъ рабочихъ съ пріисковъ въ Олекминскомъ округѣ и другихъ безпорядковъ, было произведено на мѣстѣ дознаніе, совѣтъ главнаго управленія Восточной Сибири, разсматривая это дѣло въ слѣдующемъ году, замѣтилъ, что контрактъ Рукавишникова составленъ съ большими отступленіями отъ установленныхъ въ законѣ правилъ и явно стѣснителенъ для рабочихъ: въ немъ было, напримѣръ, сказано, что пріисковое управленіе можетъ оставлять рабочихъ на промыслѣ и послѣ 10 сентября по личному своему усмотрѣнію, безъ ихъ согласія; время работъ назначено съ 4 час. утра до 8 час. вечера, тогда какъ по закону работа должна была начинаться съ 5 час.; плата за старательскую работу и вознагражденіе за самородки производится по назначенію и разсчету Рукавишникова;

[1]) Для того, чтобы дать понятіе о контрактѣ, заключенномъ Озеровыми съ рабочими, мы приведемъ только два параграфа: 1) Относительно старательскихъ работъ было сказано, что ихъ „свойство, составъ и *плата за нихъ* опредѣляются управляющимъ, чему мы (рабочіе) подчиняемся безпрекословно и съ непремѣннымъ тѣмъ условіемъ, что никто изъ насъ и никогда не въ правѣ не выйти въ праздникъ на такія работы, а кто это допуститъ себѣ изъ лѣности, такого предоставляемъ высылать (и побуждать) другими болѣе строгими мѣрами". 2) „Уроки, задаваемые намъ въ работахъ, должны выполнить тѣ, *какіе будутъ опредѣлены управляющимъ и его прикащиками безпрекословно*" (размѣръ ихъ въ контрактѣ не опредѣленъ). „Арх. Иркут. Горн. Управ.". К. 1673 № 27/30, л. 201—207.

[2]) Заключеніе особыхъ условій о старательскихъ работахъ предписывалось закономъ 1838 г.

въ контрактѣ постановлено, чтобы рабочіе не требовали кваса, хотя жажда во время горныхъ работъ очень велика; условленную плату за особыя подрядныя работы они могли требовать только тогда, если будутъ вырабатывать каждый день заданные имъ уроки, въ противномъ случаѣ плата назначается по усмотрѣнію хозяина, и проч. Совѣтъ по этому поводу постановилъ подтвердить, кому слѣдуетъ, чтобы рабочіе не были обременены большими уроками, чтобы работы производились не долѣе указаннаго въ законѣ времени, чтобы не было допускаемо жестокаго обращенія съ рабочими и заболѣвшіе не принуждались бы работать, чтобы плата за старательское золото и другія старательскія работы выдавалась по особымъ, заключеннымъ на мѣстѣ, условіямъ, а не по произволу хозяевъ или управляющихъ. Имѣя въ виду ст. 2484 горнаго устава (изд. 1857 г.), гдѣ указано, что должно быть обозначаемо въ договорѣ съ рабочими, совѣтъ главнаго управленія Восточной Сибири высказалъ убѣжденіе, что если бы городская и земская полиціи, свидѣтельствующія договоры съ рабочими, и пріисковая полиція, наблюдающая за исполненіемъ ихъ, точно держались установленныхъ закономъ правилъ, то не могло бы случиться ни недоразумѣній, ни отягощенія рабочихъ. Журналъ совѣта былъ утвержденъ Корсаковымъ [1]) и затѣмъ въ напечатанномъ по этому поводу въ „Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ [2]) оффиціальномъ объявленіи было сообщено постановленіе совѣта и въ заключеніе сказано, что исправляющій должность генералъ-губернатора предписалъ подтвердить подлежащимъ властямъ, чтобъ онѣ не свидѣтельствовали контрактовъ, составленныхъ съ отступленіями отъ требованій закона и наблюдали за исполненіемъ договоровъ [3]).

Такимъ образомъ, на основаніи этого распоряженія, мѣстныя власти имѣли полную возможность не свидѣтельствовать контрактовъ, не соотвѣтствующихъ требованіямъ закона, а между тѣмъ, даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда, какъ въ дѣлѣ Озерова, горный исправникъ желалъ ограничить самоуправство золотопромышленника, онъ могъ встрѣтить сопротивленіе съ его стороны и отсутствіе поддержки въ губернской администраціи.

Въ контрактахъ 60-хъ годовъ, какъ и въ прежнее время, сплошь и рядомъ не обозначалось срока явки рабочихъ на пріиски, и они обязывались быть „всегда готовыми, по первому извѣщенію“, отправиться на промысла. Въ нѣкоторыхъ договорахъ прибавлялось, что рабочіе не должны

---

[1]) Арх. Горн. Деп., дѣло отд. частн. зол. 1857 г. № 68/650, ч. III, л. 192 и слѣд.

[2]) 1861 г. № 40.

[3]) 30 сентября 1861 г. исправникъ южной части Енисейскаго округа предписалъ пріисковымъ управленіямъ вывѣсить въ казармахъ рабочихъ выписки главныхъ пунктовъ изъ контрактовъ относительно срока работъ, долговъ, пищи, количества рабочихъ часовъ и проч.

уклоняться отъ явки на пріиски, если бы даже ихъ потребовали въ теченіе зимы. Быть можетъ, потому, что въ печати (какъ, наприм., въ статьяхъ Вагина и Кривошапкина) было обращено вниманіе на серьезныя неудобства для рабочихъ отъ того, что они не знаютъ времени, когда ихъ потребуютъ на промыслы, въ проектѣ общей формы контракта, составленной золотопромышленникомъ Крутовскимъ (см. ниже), была попытка установить болѣе удобный для рабочихъ порядокъ, и вліяніе этой попытки мы видимъ въ слѣдующемъ постановленіи договора съ Асташевымъ 1867 г.: „Къ отправкѣ на пріиски мы должны быть къ 1 января готовы, если кто изъ насъ будетъ раньше того нанятъ, а до того времени" имѣемъ „полное право производить частныя работы въ жилыхъ мѣстахъ: съ 1 же января обязываемся не отлучаться изъ мѣстъ причисленія, по повѣсткѣ же, не уклоняясь ни подъ какимъ предлогомъ, должны немедленно являться на сборныя мѣста и артелями должны слѣдовать на пріиски на собственный нашъ счетъ". Однако, въ данномъ случаѣ предоставленіе рабочимъ свободы по 1 января не имѣло смысла, такъ какъ контрактъ былъ заключенъ 5 января. Въ другихъ договорахъ болѣе или менѣе точно назначенъ срокъ явки на пріиски, обыкновенно въ февралѣ или мартѣ. Самое тяжелое время работъ въ енисейскомъ округѣ по изнурительности и недостаточности вознагражденія — это мартъ и первая половина апрѣля (а иногда и весь апрѣль); между тѣмъ многіе золотопромышленники, соблазненные дешевизной зимней платы, начинали работы съ конца января.

Напротивъ, срокъ окончанія работъ обыкновенно точно обозначался, какъ это и требовалось закономъ. Хотя горный уставъ требовалъ прекращенія промывки золота 10 сентября вездѣ, гдѣ не было устроено теплыхъ зимнихъ промываленъ, однако, изъ 11 извѣстныхъ намъ общихъ контрактовъ 60-хъ годовъ Маріинскаго и Алтайскаго округовъ въ восьми срокомъ окончанія договора назначено 1 октября, въ двухъ—20 сентября и лишь въ одномъ—10 сентября. На промыслахъ Киргизской степи разсчетъ съ рабочими производился 1 октября. Напротивъ, въ Южно-Енисейскомъ округѣ наиболѣе обычнымъ срокомъ найма на лѣтнюю операцію было 10 или 11 сентября; впрочемъ, нѣкоторые золотопромышленники предоставляли себѣ право продолжить работы до 20 сентября, а нѣкоторые прямо назначали днемъ разсчета 1 октября. Почти во всѣхъ извѣстныхъ намъ общихъ контрактахъ сѣверно-енисейской системы, а также и во всѣхъ договорахъ Олекминскаго округа срокъ работы, въ виду болѣе суроваго климата этихъ мѣстностей, назначенъ 10—11 сентября.

Совершенно противорѣчитъ закону договоръ 4 крестьянъ съ Асташевымъ (1863 г.), по которому они обязались быть у него на промыслахъ въ работѣ, какую имъ назначатъ, 4 года за 800 руб., получен-

ныхъ ими для найма рекрута [1]). Здѣсь, такимъ образомъ, годовой заработокъ рабочаго на готовой пищѣ оцѣнивался въ 50 руб. Хотя при выдачѣ денегъ впередъ трудъ рабочихъ могъ быть оцѣненъ и дешевле обычнаго, но все-таки, этотъ договоръ показываетъ, что заработки пріисковыхъ, рабочихъ не считались особенно значительными.

Требуя отъ рабочаго, чтобъ онъ не оставлялъ пріисковъ, даже на время, до истеченія срока контракта, безъ разрѣшенія пріисковаго управленія, золотопромышленники предоставляли себѣ право разсчитывать рабочихъ, когда имъ вздумается, причемъ оставшіеся въ долгу обязывались уплатить его или отработать (въ нѣкоторыхъ контрактахъ прибавлено: „во всякое время года, гдѣ управленіе укажетъ"). Золотопромышленники предоставляли себѣ право увольнять до срока и нанявшихся для вскрыши турфа отрядныхъ рабочихъ, притомъ какъ „всю артель", такъ и часть ея; за оставшіеся при этомъ долги обыкновенно отвѣчала вся артель [2]).

Золотопромышленники предоставляли себѣ также право переводить нанятыхъ рабочихъ на другіе свои пріиски; въ нѣкоторыхъ договорахъ дозволялось отправлять рабочихъ изъ сборнаго пункта даже на другую систему промысловъ; въ другихъ контрактахъ сдѣлана только оговорка, что при переводѣ съ одного пріиска на другой рабочимъ даются хозяйскіе харчи (т.-е. сухари); въ третьихъ — что на проходъ съ пріиска на пріискъ полагалось на каждыя 30 верстъ по одному дню въ счетъ мѣсячной платы и рабочіе обязывались ничего болѣе за это не требовать.

Въ контрактахъ хозяевамъ предоставлялось также право передавать нанятыхъ рабочихъ другимъ золотопромышленникамъ, иногда безъ всякихъ оговорокъ, въ иныхъ же договорахъ прибавлялось условіе, чтобы у новыхъ хозяевъ они имѣли бы тѣ же права и несли тѣ же обязанности, какія указаны въ договорѣ. Напротивъ, въ контрактахъ съ золотопромышленникомъ Флягинымъ (1865 г.) и съ Цыбульскимъ (1865 г., Маріинскаго округа) было прямо сказано, что при передачѣ другимъ хозяевамъ рабочіе должны будутъ у нихъ „разсчитываться по тѣмъ же условіямъ, какими будутъ обязаны тамъ другіе работники",— слѣдовательно, рабочіе могли оказаться въ необходимости исполнять такія обязательства и за такую плату, какихъ они не предвидѣли при

---

[1]) Арх. исправ. южн. ч. енис. окр., книга на записку договоровъ 1863 г., л. 6—8.

[2]) Въ операцію 1869—70 г. на Гавриловскомъ пріискѣ К° Рязановыхъ и др. (сѣверной части Енисейскаго округа) изъ 412 рабочихъ было разсчитано до срока 14, т.-е. около 3%. На промыслахъ и резиденціяхъ Прибрежно-Витимской К° (Олекминскаго округа) въ операцію 1865—66 г. изъ 1,308 рабочихъ было разсчитано до срока 51 (около 4%). На олекминскихъ промыслахъ И. Базилевскаго въ операцію 1869—70 г. изъ 502 рабочихъ разсчитано до срока 20 человѣкъ (4%).

своемъ наймѣ [1]). Между тѣмъ, въ контрактахъ 50-хъ годовъ такая передача на промыслы другихъ владѣльцевъ обусловливалась согласіемъ рабочихъ.

Вагинъ, въ своей статьѣ [2]), справедливо возмущается тѣмъ, что золотопромышленники присвоили себѣ право передавать рабочихъ на пріиски другихъ хозяевъ. „Правда,— говоритъ онъ, — законъ не запрещаетъ подобнаго дѣйствія, но не очевидно ли, что онъ отдаетъ въ распоряженіе компаніи не только трудъ, но и личность рабочаго, которою хозяинъ распоряжается по своему произволу, что онъ нѣкоторымъ образомъ вводитъ особый родъ торга людьми?... Это право и на дѣлѣ превращается въ торгъ людьми. Намъ извѣстны, — продолжаетъ г. Вагинъ, — случаи, что одна компанія передавала рабочихъ другой, получивъ съ послѣдней ту сумму, какую, по ея разсчетамъ, рабочіе оставались ей должны. Рабочіе въ такихъ случаяхъ прямо говорятъ, что компанія продала ихъ“ [3]). „Законъ, очевидно, не предвидѣлъ такого случая: онъ старался предупредить только самовольные переходы рабочихъ отъ одного хозяина къ другому (Уставъ Горный, ст. 2505). По общимъ законамъ, переходъ позволяется только по взаимному согласію рабочаго съ прежнимъ хозяиномъ, и въ такомъ случаѣ должно составиться *новое условіе* (Зак. Гражд., ст. 2262). Но при наймѣ рекрутъ строжайше запрещены не только передача наемниковъ, но и какое бы то ни было посредство при наймѣ“.

Золотопромышленникъ А. Лопатинъ старается доказать въ своей статьѣ, что условія о передачѣ рабочихъ другой компаніи полезны не только золотопромышленникамъ, но и рабочимъ [4]). Что такія условія

---

[1]) Въ договорѣ съ Прибрежно-Витимскою К° Олекминскаго округа (1867 г.) дозволялось передавать рабочихъ другому золотопромышленнику на промыслы или въ поисковыя партіи, но не иначе, какъ въ томъ же округѣ и на тѣхъ же условіяхъ.

[2]) „Амуръ“ 1860 г. №№ 30—34.

[3]) Въ нѣкоторыхъ договорахъ прямо указано, что долги рабочихъ обязано уплатить то лицо, которому они будутъ переданы.

[4]) „Такое условіе не можетъ назваться торгомъ людьми,—говоритъ онъ,....—оно вводится въ контрактъ для обоюдной пользы золотопромышленника и рабочихъ. Часто случается, что на томъ пріискѣ, который разработывается, неожиданно бѣднѣетъ содержаніе золота или вовсе прекращается золотоносная розсыпь, или же во время половодья разрушаются, а иногда и вовсе уничтожаются водою канавы, машины и даже разрѣзы. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ остановка работъ, а иногда и совершенное прекращеніе ихъ на все лѣто необходимо. Тогда золотопромышленнику приходится перевесть рабочихъ на другой свой пріискъ, если у него есть таковой въ запасѣ, или передать ихъ въ другую компанію; иначе онъ долженъ разсчитать рабочихъ. Въ послѣднемъ случаѣ, сверхъ тѣхъ убытковъ, которые неизбѣжны при остановкѣ работъ, золотопромышленникъ потерпитъ еще и отъ пропажи долговъ за рабочими, а рабочіе, возвратясь за нѣсколько сотъ и тысячъ верстъ съ долгомъ на шеѣ, потеряютъ и время, и заработокъ, какой надѣялись получить“. „Извѣстія Сибир. Отд. Геогр. Общ.“ т. II, № 4, Иркут. 1872.

выгодны для золотопромышленниковъ, этого нечего и объяснять, если же они полезны и для рабочихъ, то почему бы не обусловливать передачу этихъ послѣднихъ другой компаніи ихъ согласіемъ, какъ это было въ 50-хъ годахъ, иначе все сказанное Лопатинымъ не опровергаетъ замѣчанія Кривошапкина, что, благодаря этому условію, рабочіе могутъ попасть на пріиски такой компаніи, къ которой они ни за какія деньги не нанялись бы добровольно. О возвращеніи рабочихъ „съ долгомъ на шеѣ“ въ томъ случаѣ, если работы были прерваны не по ихъ винѣ, по настоящему не должно бы быть и рѣчи, такъ какъ слѣдовало бы вознаградить рабочихъ за понесенные ими убытки отъ потери возможности заработка, ради котораго они пришли за нѣсколько сотъ и тысячъ верстъ.

Рабочіе, опоздавшіе явиться на промыслы къ назначенному сроку, обыкновенно обязывались въ контрактахъ отработать всѣ просроченные дни послѣ разсчета иногда въ двойномъ размѣрѣ, хотя бы и не были у хозяина въ долгу, а въ иныхъ договорахъ золотопромышленнику предоставлялось право сдѣлать за просроченное время вычетъ изъ заработка (по 50 к. и по 1 р. за день, а по договору съ золотопромышленникомъ южно-енисейской системы Лопатинымъ, авторомъ только что цитированной статьи, и по 2 р. въ день) [1]).

Во многихъ договорахъ пріисковому управленію предоставляется право, въ случаѣ неявки рабочаго (иногда сказано, по первому извѣщенію въ назначенное мѣсто), нанять на ихъ счетъ другихъ, хотя бы и за большую плату [2]).

Изъ общаго числа рабочихъ, нанятыхъ на пріиски Енисейской губ., не являлось въ 60-хъ годахъ отъ 1,2 до 2% [3]). Сравнительно съ первою половиною 50-годовъ процентъ неявившихся въ Енисейской губерніи гораздо ниже. Въ другихъ горныхъ округахъ Восточной Сибири процентъ неявившихся бывалъ иногда больше. Такъ, напр., въ 1864 г. въ Верхнеудинскомъ и Баргузинскомъ округахъ Забайкальской области не явилось 3,6% нанятыхъ рабочихъ [4]), но въ 1869 г. только 1,9%. Въ Олекминскомъ округѣ не явилось въ 1869 г. даже 5,6%. Въ Нерчинскомъ—4,2%, но во всей Восточной Сибири, со включеніемъ Енисейскаго округа, не явилось въ этомъ году лишь 2,4% всѣхъ нанятыхъ рабочихъ [5]).

---

[1]) По договорамъ съ отрядными рабочими, нанявшимися для вскрыши торфа, назначался за просрочку штрафъ и по 3 р. въ день.

[2]) Въ договорѣ съ золотопромышленникомъ южно-енисейской системы Григоровымъ (1869 г.) ему предоставлялось право просить о высылкѣ неявившихся рабочихъ „чрезъ сельскую стражу“ со взысканіемъ съ виновныхъ расходовъ по пересылкѣ.

[3]) Ст. *Лопатина* въ „Изв. Сиб. Отд. Геогр. Общ.“.

[4]) Арх. Иркут. Горн. Управ. К. 1686, № 64/69, л. 81.

[5]) Арх. Енис. Окружн. Полиц. Управ., дѣло № 472.

Изъ всего сказаннаго видно, что контракты, заключаемые золотопромышленниками съ рабочими, не только не обезпечивали правъ этихъ послѣднихъ, но во многихъ отношеніяхъ предоставляли ихъ полному произволу хозяевъ [1]). Совѣтъ главнаго управленія Восточной Сибири пришелъ въ 1862 году къ слѣдующему заключенію: „Принявъ во вниманіе, что со стороны золотопромышленниковъ при заключеніи контрактовъ съ рабочими, въ изложеніи взаимныхъ ихъ условій, иногда допускались выраженія не ясныя... или двусмысленныя, или, наконецъ, и произвольныя, которыя обращались къ непредвидѣнной рабочими невыгодѣ ихъ, Совѣтъ главнаго управленія Восточной Сибири полагаетъ, что для отвращенія подобныхъ случаевъ будетъ полезно введеніе формы, по которой бы всѣ взаимныя условія золотопромышленниковъ съ рабочими излагались въ контрактахъ и ясно, и подробно. Составленіе подобной формы слѣдуетъ возложить на горныхъ исправниковъ, обязавъ ихъ дѣйствовать въ этомъ отношеніи по соглашенію съ золотопромышленниками и подъ наблюденіемъ горныхъ ревизоровъ"; окончательное же утвержденіе формы контрактовъ должно зависѣть отъ высшей администраціи Восточной Сибири.

Послѣ того, какъ заключеніе совѣта было утверждено Корсаковымъ [2]), ему были представлены до марта 1865 года формы контрактовъ отъ двухъ горныхъ исправниковъ: сѣверной части Енисейскаго округа и Забайкальской области. Поэтому главное управленіе Восточной Сибири разослало къ остальнымъ горнымъ исправникамъ, и, между прочимъ, къ исправнику южной части Енисейскаго округа, циркуляры, въ которыхъ настаивало на немедленномъ составленіи формы контрактовъ.

Но еще ранѣе этого, 29 іюня 1864 года, у исправника южной части Енисейскаго округа состоялось совѣщаніе золотопромышленниковъ и ихъ довѣренныхъ, на которомъ они постановили, чтобы копіи съ контрактовъ всѣхъ промысловыхъ управленій съ рабочими были доставлены къ золотопромышленнику и управляющему промыслами К° Рязановыхъ Мих. Андр. Крутовскому, который и долженъ былъ составить общую для всѣхъ форму контракта; затѣмъ она должна быть сообщена на разсмотрѣніе по всѣмъ промысламъ, а окончательное совѣщаніе предположено было созвать не позже второй половины августа. Потребовалось, однако, нѣсколько совѣщаній, прежде чѣмъ составленная на нихъ форма контракта была отправлена въ горное отдѣленіе главнаго управленія Восточной Сибири (въ апрѣлѣ 1865 г.).

Въ архивѣ горнаго исправника южной части Енисейскаго округа

---

[1]) Выводы Вагина относительно контрактовъ см. въ его статьѣ въ „Амурѣ" 1860 г. № 34, стр. 505.

[2]) Оно было напечатано въ „Енисейскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" 1863 г., № 42.

сохранился проектъ формы контракта въ двухъ редакціяхъ: первоначальной, вѣроятно, составленной Крутовскимъ, и окончательной, принятой на совѣщаніи золотопромышленниковъ. Любопытно сравнить нѣкоторые параграфы обѣихъ редакцій, такъ какъ это наглядно покажетъ отношеніе золотопромышленниковъ къ рабочимъ. Какъ мы видѣли, въ контракты обыкновенно включалось условіе, что рабочіе должны быть готовы къ отправкѣ на промыслы по первому требованію, безъ точнаго обозначенія срока отправки, что мѣшало имъ наниматься въ еще свободное время на другія работы (на это неудобство указывалось и въ печати). Поэтому Крутовскій внесъ въ свой проектъ слѣдующее условіе: „Къ отправкѣ на пріиски мы должны быть готовы къ 1 числу января мѣсяца (если кто изъ насъ раньше нанятъ), *а до того времени имѣемъ право производить частныя работы въ жилыхъ мѣстахъ*; съ 1 же января обязываемся ожидать повѣстки со стороны управленія въ мѣстахъ причисленія“ и проч. Между тѣмъ, въ окончательной редакціи этотъ пунктъ изложенъ въ томъ видѣ, какъ обыкновенно устанавливалось въ контрактахъ: „Къ отправкѣ на пріиски мы должны быть готовы *по первому требованію*, не уклоняясь отъ сего ни подъ какимъ предлогомъ“, и проч. Напротивъ относительно осенняго срока работъ общее собраніе золотопромышленниковъ оказалось милостивѣе: Крутовскій желалъ продлить его до 1 октября, а золотопромышленники назначили 20 сентября. Въ окончательной редакціи сказано, что пріисковое управленіе даетъ рабочимъ, если они пожелаютъ, по одному льготному дню въ мѣсяцъ. Жилища рабочихъ на вновь разрабатывающихся пріискахъ должны были по первой редакціи строиться рабочими въ свободное время безплатно, а по второй редакціи „изъ поденной платы“. При опредѣленіи пищевого пайка рабочаго въ первоначальной редакціи назначено каждому по 1 ф. говядины, а по окончательной „не менѣе 1 ф.“. За леченіе въ больницѣ платы не полагалось [1]). Въ окончательной редакціи было прибавлено, что за прогульные дни управленіе можетъ дѣлать вычеты съ каждаго по 2 р. 50 к. за каждый день. Такимъ образомъ, измѣненія, сдѣланныя общимъ собраніемъ золотопромышленниковъ въ первоначальной редакціи, хотя иногда и клонились въ пользу рабочихъ, но нерѣдко были для нихъ и невыгодны. Впрочемъ намъ придется еще возвращаться

[1]) Впрочемъ, съ такою многозначительною оговоркой: „но если бы кто изъ насъ скрылъ при наемкѣ какія-либо застарѣлыя болѣзни или подъ предлогомъ болѣзни находился на излеченіи въ пріисковой больницѣ съ цѣлью уклоненія отъ работъ, то компанія имѣетъ полное право не только дѣлать вычетъ за всѣ употребленные во время леченія медикаменты, но и заставить отработать всѣ дни нахожденія въ больницѣ и послѣ срока работъ“; въ окончательной редакціи еще прибавлено: „если же этого кто изъ насъ не исполнитъ, то платитъ за каждый неотработанный день штрафу по 1 р. с.“.

къ этому проекту при разсмотрѣніи нѣкоторыхъ сторонъ жизни пріисковыхъ рабочихъ.

Подлинный экземпляръ окончательной редакціи былъ подписанъ, по предложенію горнаго исправника, управляющими и довѣренными золотопромышленныхъ компаній. При этомъ большинство подписывалось, что принимаетъ эту форму контракта „къ руководству“ или „къ исполненію“, нѣкоторые же приняли ее только „къ свѣдѣнію“ [1]).

Проекты формы контракта, составленные въ другихъ округахъ Восточной Сибири, намъ не извѣстны: мы знаемъ только, что въ 1866 г. генералъ-губернаторъ Корсаковъ представилъ въ министерство финансовъ форму контрактовъ для найма рабочихъ на частные золотые промыслы, проектированную совѣтомъ главнаго управленія Восточной Сибири, но правительство отвергло мысль о составленіи такихъ формъ [2]).

Въ назначенное время рабочіе являлись на сборный пунктъ и оттуда пѣшкомъ или на подводахъ отправлялись на промыслы [3]). По неоффиціальнымъ свѣдѣніямъ, даже и въ енисейской тайгѣ дороги были не вездѣ удовлетворительны. На сѣверно-енисейскую систему вело 6 дорогъ, но, по словамъ Н. Латкина, не было „ни одной хорошей“; въ южной же системѣ, по его показанію, „дороги устроены довольно порядочно“, однако, для экипажей лѣтомъ была доступна только одна дорога (изъ д. Мотыгиной) [4]).

Кромѣ обычнаго способа горныхъ работъ на золотыхъ промыслахъ, уже описаннаго выше [5]), въ концѣ 50-хъ годовъ былъ заимствованъ изъ Америки новый способъ снятія турфа и промывки песковъ. Вывезъ его изъ Америки Пакулевъ, а впервые онъ былъ примѣненъ въ 1858 г. на промыслахъ К° Зотовыхъ. Золото по этому способу промывалось такимъ образомъ, что золотосодержащіе пески бросали въ длинные, большею частью 5-ти-аршинные деревянные желоба или ящики, установленные

---

[1]) Арх. Горн. Испр. южн. ч. енис. окр., дѣло 1864 г. № 7, л. 308 — 316, дѣло 1864/5 г., № 11, л. 49—70.

[2]) „Справочная книга для золотопромышленниковъ“, вып. II, подъ редакціею *И. Сурина*, Иркут. 1871 г., стр. 484—492. См. ниже, главу XI.

[3]) Относительно пріисковыхъ дорогъ въ оффиціальномъ отчетѣ о золотопромышленности въ Восточной Сибири мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія: „Къ золотымъ промысламъ Енисейскаго округа дороги находятся въ удовлетворительномъ состояніи, какъ равно и къ пріискамъ Ачинскаго и Минусинскаго округовъ; къ пріискамъ же Олекминскаго округа онѣ улучшаются съ каждымъ годомъ; наконецъ, къ пріискамъ витимской системы и къ верховьямъ Чикоя, Верхнеудинскаго округа, дороги *едва только возможны для верховой ѣзды*, особенно во время или послѣ дождей. Къ пріискамъ Канскаго и Нижнеудинскаго округовъ дороги возможны только для верховой ѣзды“. „Горн. Журн.“ 1863 г., № 5, стр. 350; „Иркут. Губ. Вѣд.“ 1864 г., № 17.

[4]) „Очеркъ зол. пром. енис. окр.“, стр. 55, 123—124.

[5]) См. главу VI.

наклонно на деревянныхъ подставкахъ и вставленные одинъ въ другой, въ которые пускали сильную струю воды. Землистыя части песковъ, а также и мелкіе камешки уносились по желобамъ въ канаву или подставленную деревянную колоду, золото должно было осаждаться на днѣ желоба въ укрѣпленныхъ тамъ рѣшеткахъ или деревянныхъ доскахъ съ просверленными или выдолбленными въ нихъ отверстіями, крупные же камни отбрасывались изъ желобовъ желѣзными вилками или рогульками въ сторону. Почти такимъ же образомъ снимались и торфа или пустые наносы, лежащіе на золотоносномъ пласту [1]).

Уже первые опыты примѣненія американскаго способа показали, что онъ несравненно дешевле добычи золота по обыкновенной системѣ, но, требуя извѣстныхъ условій мѣстности, не можетъ быть введенъ вездѣ. Опыты примѣненія этого способа въ большомъ размѣрѣ на промыслахъ К° Зотовыхъ, а затѣмъ К° Григорова, были неудачны, и обѣ компаніи понесли значительные убытки, но опытъ на одномъ пріискѣ Латкина былъ успѣшенъ. Послѣдній горячо защищаетъ этотъ способъ въ своей книгѣ, главнымъ образомъ, въ виду его дешевизны. Скарятинъ полагалъ, что этому способу предстоитъ большое будущее, такъ какъ онъ можетъ содѣйствовать измѣненію всего строя золотопромышленности въ Сибири; при немъ, по мнѣнію Скарятина, „могутъ работать хоть 10 человѣкъ, и работать если не съ большею, то ужъ никакъ не съ меньшею выгодою, какъ и сотня рабочихъ. Такимъ образомъ, золотой промыселъ дѣлается доступнымъ самымъ мелкимъ капиталистамъ, а, можетъ быть, современемъ *сдѣлается доступнымъ даже и простымъ артелямъ рабочихъ*“. Онъ выражалъ надежду, что, благодаря этому способу, „произойдетъ устраненіе монополіи большого капитала. Промыселъ пойдетъ въ разбродъ“. Онъ считалъ даже возможнымъ, что современемъ „*хозяиномъ сдѣлается рабочая артель* (какъ было въ Калифорніи)“ [2]). Пакулевскій способъ почти нигдѣ не привился [3]), но что потребность въ примѣненіи къ золотопромышленности артельнаго труда дѣйствительно назрѣла, показываетъ появленіе въ половинѣ 60-хъ годовъ въ горныхъ округахъ Томской и Енисейской губерній артелей старателей-золотничниковъ, о которыхъ мы скажемъ ниже. Къ сожалѣнію, вторая мысль Скарятина, что современемъ *хозяиномъ* промысла сдѣлается рабочая артель, до сихъ поръ еще не осуществлена, но эта мысль живая и плодотворная, и объ осуществленіи ея должна позаботиться высшая горная администрація.

---

[1]) *Н. Латкинъ*. „Очеркъ сѣверной и южной системы золотыхъ промысловъ Енисейскаго округа“. Спб., 1869 г., стр. 150 — 171. *Таскинъ*. „Объ американскомъ способѣ промывки золото-содержащихъ песковъ“ („Горный Журналъ“ 1860 г., т. IV).

[2]) *Скарятинъ* II, 152—169.

[3]) „Горн. Журн.“ 1862 г., т. II, 401.

Въ контрактахъ съ рабочими 60-хъ годовъ, какъ и прежде, болѣе или менѣе точно обозначалось количество рабочихъ часовъ, хотя иной разъ при этомъ дѣлались такія оговорки, которыя показывали, что учетъ работы количествомъ часовъ не имѣетъ никакого значенія для горныхъ рабочихъ. По контрактамъ самое раннее начало работъ (по крайней мѣрѣ, когда оно точно обозначалось)—3 ч. утра, между тѣмъ какъ по закону (Св. Зак. т. VII, ст. 2484), рабочій долженъ былъ трудиться каждый день „не болѣе, какъ съ 5 ч. утра до 8 пополудни, съ означеніемъ, сколько изъ того дается на обѣденный отдыхъ, и съ исключеніемъ воскресныхъ и торжественныхъ дней"; но такъ какъ далѣе упоминалось о „старательской работѣ", какъ о „работѣ сверхъ условленнаго времени", то золотопромышленники, вродѣ г. Безобразова, и толковали это постановленіе такимъ образомъ, что указанное количество рабочихъ часовъ относится только къ урочнымъ работамъ, упуская изъ вида, что если старательская работа превратилась уже въ обязательную, то на нее должно распространяться правило объ ограниченіи количества ежедневнаго труда. Такъ это дѣло понималъ и совѣтъ главнаго управленія Восточной Сибири, когда въ своемъ оффиціальномъ, напечатанномъ въ газетахъ, постановленіи (1861 г.) указывалъ на то, что „время работъ назначается съ 4 ч. утра до 8 ч. вечера, а на нѣкоторыхъ пріискахъ работаютъ и до $8^1/_2$ ч. вечера" [1]). Въ оффиціальномъ докладѣ одного изъ отдѣленій главнаго управленія Восточной Сибири (1862 г.), какъ на одну изъ причинъ побѣговъ рабочихъ, указывалось на *„непомѣрныя работы съ 4 ч. утра до 11 ч. вечера*, что̀ при маломъ отдыхѣ совершенно обезсиливаетъ рабочаго" [2]). Въ печати мы встрѣтили даже указаніе, что работы продолжались иногда отъ 2 ч. утра до 10 ч. вечера, т.-е., если принять отдыхъ въ 2 ч., продолжались 18 часовъ [3]). Что такіе случаи дѣйствительно бывали, это засвидѣтельствуетъ намъ одинъ золотопромышленникъ, вовсе не склонный рисовать бытъ рабочихъ въ особенно мрачномъ свѣтѣ (см. ниже).

Въ общихъ контрактахъ 60-хъ годовъ съ золотопромышленниками Маріинскаго и Алтайскаго округовъ обыкновенное количество рабочихъ часовъ въ день 13—$14^1/_2$, но условія объ этомъ сопровождаются нерѣдко такими оговорками, которыя давали возможность заставить работать и болѣе, а въ договорѣ съ Лавровскою (Мар. окр. 1864 г.) при обозначеніи времени начала и окончанія работъ оставлено даже бѣлое мѣсто, и въ такомъ видѣ контрактъ и былъ вписанъ въ книгу дмитріевскаго волостнаго правленія въ с. Тисулѣ. Въ контрактѣ съ Петровымъ (Мар.

[1]) „Амуръ" 1861 г., № 81.

[2]) Арх. Ирк. Горн. Управл., кн. 1673, № 27/30, *л.* 42.

[3]) Статья *Пишикова* въ „Сынѣ Отечества" 1861 г., № 50.

окр. 1864 г.) количество рабочихъ часовъ обозначено такимъ образомъ: „на работу выходить, не исключая и праздниковъ, каждое число *не позже* 5 ч. утра, а сходить *не ранѣе* 8 ч. пополудни безъ всякихъ отговорокъ на неудобство времени. На обѣдъ же намъ вмѣстѣ съ отдыхомъ въ половинѣ дня полагается *не болѣе* $1^1/_2$ ч.". Понятно, что подобный контрактъ нисколько не гарантировалъ рабочихъ отъ чрезмѣрнаго напряженія ихъ силъ пріисковымъ управленіемъ [1]). По словамъ автора одной статьи о золотопромышленности южной части Томской губ., рабочіе должны были трудиться „отъ 4 ч. утра до окончанія урока, съ отдыхомъ по получасу утромъ и вечеромъ для чая и по часу въ полдень для обѣда [2]).

На промыслахъ Кокбетинскаго округа въ Семипалатинской области работа начиналась съ пятаго часа утра и продолжалась до 12; затѣмъ рабочіе обѣдали и отдыхали до третьяго часа пополудни, а потомъ работали до седьмого или восьмого часа вечера [3]),—слѣдовательно, рабочій день продолжался 11—12 часовъ. И въ настоящее время рабочій день здѣсь короче, чѣмъ въ другихъ округахъ Сибири.

Въ общихъ контрактахъ Южно-Енисейскаго округа количество рабочихъ часовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оно точно обозначено, бывало отъ $12^1/_2$ до 14 часовъ. Въ договорѣ съ Асташевымъ 1861 г. рабочіе обязываются работать съ 5 до 8 часовъ, за исключеніемъ $2^1/_2$ часовъ на обѣдъ и отдыхъ, «но мы не будемъ,—сказано далѣе,—имѣть ни претензій, ни ропота на управленіе промысла, если иногда занятіе наше работами и продолжится болѣе вышеозначенныхъ часовъ, ибо при такомъ условіи, какое поставлено ниже... относительно производимой намъ платы (за старательскую работу) продолженіе работъ будетъ зависѣть отъ собственной воли нашей, дабы болѣе сдѣлать выработки, а потому болѣе получить и платы». Въ договорѣ же съ Асташевымъ 1862 г., послѣ опредѣленія времени горныхъ и плотничныхъ работъ (съ 5 до 8 час., съ отдыхомъ въ 1 часъ, т.-е. 14 рабочихъ часовъ), далѣе прибавлено: «а съ 8 до 10 часовъ для себя за особую плату по обоюдному съ управляющимъ промысла согласію» съ золотника добываемаго золота, «для чего

---

[1]) По договору съ К° Рязановой и Триполитова (Мар. окр.) работа должна была продолжаться съ 4 ч. утра до 8 ч. вечера, за исключеніемъ на обѣдъ и отдыхъ $1^1/_2$ часовъ, слѣдовательно, всего $14^1/_2$ часовъ. Въ договорѣ съ Цыбульскимъ, золотопромышленникомъ Маріинскаго и Ачинскаго округовъ, не были точно обозначены начало и конецъ работъ („не позже 5 ч. утра, не ранѣе 8 ч. пополудни") и, кромѣ того, вовсе не опредѣлена продолжительность отдыха, который названъ только „небольшимъ".

[2]) *А. Ш.* „Уголки золотопромышленнаго міра". „Дѣло", 1870 г., № 6, стр. 54.

[3]) См. ст. *Н. Абрамова* о золотопромышленности въ этомъ округѣ въ 1867 г. въ „Тобольск. Губерн. Вѣдом." 1870 г., № 1.

намъ и будетъ къ заданному уроку примѣриваться на стараніе излишекъ песковъ по усмотрѣнію управляющаго». Слѣдовательно, въ случаѣ согласія рабочихъ на эту добавочную работу, ихъ рабочій день доходилъ уже до *16 часовъ*. Въ договорѣ съ М. Крутовскимъ (1868 г.) опредѣлено было работать съ 5 ч. утра до 8 ч. вечера, причемъ времени на отдыхъ не было вовсе назначено. Это не значитъ, конечно, чтобы рабочихъ заставляли трудиться безъ перерыва 15 часовъ, но слѣдовательно, продолжительность отдыха вполнѣ зависѣла отъ произвола пріисковаго управленія [1]). Такъ какъ при существованіи опредѣленныхъ размѣровъ урока постановленія контрактовъ о продолжительности рабочаго дня не соблюдались и рабочіе не отпускались съ работъ до окончанія урока, то нѣкоторые золотопромышленники и не скрывали этого въ своихъ договорахъ, вовсе не стѣсняясь предписаніемъ закона. Такъ, въ договорѣ съ К° Рязановыхъ (1861 г.) рабочіе обязывались начинать работу съ 4 ч. утра (въ договорѣ съ Завадскимъ 1869 г. даже съ 3 часовъ утра) и оканчивать ее не прежде, какъ по окончаніи урока [2]).

Въ контрактѣ на вскрышу турфа съ Баландинымъ (1865 г.) [3]) опредѣлена продолжительность рабочаго дня *съ 3 ч. утра до 9 ч. вечера*, причемъ не обозначено даже время для отдыха, т.-е. если принять часъ на отдыхъ, то рабочій день могъ быть доведенъ до 17 часовъ. Это бывало и въ дѣйствительности, какъ показываетъ свидѣтельство золотопромышленника Н. Латкина (см. ниже). Между тѣмъ, въ 50-хъ годахъ наибольшая продолжительность рабочаго дня, опредѣляемая контрактомъ, равнялась 15 час. Любопытно, что наибольшую продолжительность рабочаго дня мы встрѣчаемъ на нѣкоторыхъ промыслахъ сравнительно крупныхъ золотопромышленниковъ: тутъ, безъ сомнѣнія, сказывалось вліяніе введенія машиннаго производства при промывкѣ золота, какъ и

---

[1]) Тоже самое въ договорѣ съ г-жею Бевадъ.

[2]) Въ договорѣ съ К° Зотовыхъ (1860 г.) сказано: „Хотя на основаніи горныхъ положеній опредѣлено время съ 5 ч. утра до 8 вечера, но мы, зная по опыту, что здоровый и усердный работникъ заданную ему работу можетъ окончить и скорѣе этого времени и, слѣдовательно, выработаетъ болѣе другого, желаемъ для собственной пользы своей производить работу, не стѣсняясь временемъ, поурочно, и за выработку уроковъ получать и самую плату на особыхъ условіяхъ; на этомъ основаніи, если бы уроковъ своихъ къ 8 часамъ не окончили, то обязываемся продолжать ихъ и далѣе этого времени; но если успѣемъ окончить уроки свои и ранѣе, то ранѣе можемъ быть отъ работъ уволены". Въ договорѣ съ золотопромышленникомъ Поповымъ (1868 г.) опредѣлено было: „на работу выходить по усмотрѣнію управляющаго" и оканчивать ее „не иначе, какъ по совершенной выработкѣ своего урока, для обѣда полагая полтора часа съ 10 мая по 10 августа, а въ остальные мѣсяцы *менѣе часа*, такъ какъ дни короче".

[3]) Книга горн. исправ. южн. ч. Енис. окр. на записку контрактовъ и договоровъ на 1865 г., л. 58 об.

въ 50-хъ годахъ. Крупнымъ компаніямъ, къ тому же, вѣроятно, болѣе мирволили и исправники, допуская нарушеніе закона о продолжительности рабочаго дня. Что дѣйствительность была въ этомъ отношеніи не лучше контрактовъ, видно, между прочимъ, изъ словъ золотопромышленника Безобразова: въ своемъ возраженіи на печатное оффиціальное объявленіе (1861 г.) о различныхъ злоупотребленіяхъ на промыслахъ, Безобразовъ писалъ въ слѣдующемъ году М. С. Корсакову, что работа на пріискахъ, т.-е., конечно, въ лѣтнюю операцію, всегда начиналась въ 3 ч. утра [1]). На недостаточность времени, даваемаго рабочимъ для ночного отдыха, обратила вниманіе и мѣстная администрація. Въ іюнѣ 1865 г. горный исправникъ южной части Енисейскаго округа разослалъ слѣдующій циркуляръ: „Я замѣтилъ, что на нѣкоторыхъ промыслахъ будятъ рабочихъ людей иногда часа за два до выгонки ихъ на работу. Это изнуряетъ людей, такъ какъ при усиленномъ физическомъ трудѣ лишній часъ отдыха могъ бы въ возстановленіи ихъ силъ принести значительную пользу, а между тѣмъ, этотъ часъ, проводимый въ докучныхъ тяжелыхъ сборахъ или ожиданіяхъ раскомандировки, ослабляетъ людей, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ихъ охоту къ дѣятельности". „Признавая это вреднымъ и тяжелымъ порядкомъ", горный исправникъ просилъ промысловыя управленія „сейчасъ же принять мѣры къ устраненію его и для сего распорядиться: будить рабочихъ всѣхъ вообще въ одно время, напримѣръ, часомъ позже, безъ замедленія группировать ихъ на раскомандировку, раскомандировывать и ставить на работу сейчасъ же безъ всякой потери времени. Я увѣренъ, что эта мѣра будетъ полезна и для рабочихъ, и въ промысловомъ дѣлѣ". Распоряженіе это исправникъ просилъ „объявить рабочимъ и служащимъ къ исполненію".

Въ извѣстныхъ намъ договорахъ сѣверной части Енисейскаго округа продолжительность рабочаго дня опредѣлена въ $12^1/_2$—$13^1/_2$ часовъ, но иногда съ оговоркою, что „для собственной пользы" рабочіе желаютъ трудиться, „не стѣсняясь временемъ, а поурочно".

Что продолжительность рабочаго дня бывала въ дѣйствительности и болѣе обычной нормы контрактовъ, видно изъ указаній самихъ золотопромышленниковъ: такъ, Н. Латкинъ, въ статьѣ „О причинахъ побѣговъ рабочихъ съ золотыхъ промысловъ Восточной Сибири", указываетъ на „тяжелыя, утомительныя работы, *иногда продолжающіяся на нѣкоторыхъ промыслахъ до 17 часовъ въ сутки*" (!) [2]). Далѣе въ этой статьѣ авторъ говоритъ: „Усиленная работа по 16—17 часовъ въ сутки должна быть

---

[1]) Арх. Горн. Деп., дѣло отд. част. з-сти 1857 г., № 68/650, ч. II, л. 548—554.

[2]) „Содѣйствіе русской промышленности и торговлѣ" 1862 г., прибавл. къ № 3. Статья эта подписана: Ив. Латкинъ, но мы получили извѣщеніе отъ Н. В. Латкина, что имя его искажено опечаткою и что статья принадлежитъ ему.

положительно запрещена, чтобы нигдѣ работы не производились долѣе 9 ч. вечера (!) и не начинались бы ранѣе 5 ч. утра и притомъ съ извѣстнымъ двухчасовымъ отдыхомъ на обѣдъ и на ужинъ", слѣдовательно, авторъ предлагалъ не дозволять работать болѣе 14 часовъ въ сутки. Въ своей книгѣ, вышедшей въ концѣ 60-хъ годовъ, Н. В. Латкинъ говоритъ, что „работы начинаются лѣтомъ *обыкновенно въ 4 ч. утра*"; на завтракъ, обѣдъ и ужинъ давалось $2^1/_2$ часа, и затѣмъ продолжаются работы „обыкновенно до 8 или 9 ч. вечера; но есть промыслы, гдѣ работы заканчиваютъ *въ 10 ч. и позднѣе*; впрочемъ такихъ немного". Слѣдовательно, по словамъ Н. Латкина, обычная продолжительность рабочаго дня $13^1/_2$—$14^1/_2$ часовъ, но бываетъ и $15^1/_2$ *и даже болѣе*. Относительно промысловъ сѣверной части Енисейскаго округа онъ говоритъ: „Въ прежнее время, лѣтъ 6—7 тому назадъ, во многихъ компаніяхъ обращались съ рабочими не совсѣмъ гуманно". Относительно „отягощенія работами славилась одна почтенная (!) и сильная К° Г. и Б. (Голубкова и Бенардаки), и надо правду сказать, что нигдѣ не было столько больныхъ, бѣглыхъ и изнуренныхъ рабочихъ, какъ на ея промыслахъ... Я самъ былъ очевидцемъ, — говоритъ Н. Латкинъ, — какъ работы продолжались на нѣкоторыхъ ея промыслахъ *до 11 или даже 12 ч. ночи*, а начинались онѣ въ четвертомъ часу утра", т.-е. если принять въ день $2^1/_2$ часа отдыха, то, все-таки, получимъ 18 рабочихъ часовъ, именно столько, сколько указывалъ Пищиковъ въ цитированной выше статьѣ. „Утомленные люди нерѣдко не уходили ужинать и засыпали на забояхъ на сырой землѣ. Благодаря Бога и нынѣшняго взгляда начальства и общества,— продолжаетъ Латкинъ,—нынѣ этого уже не дѣлается [1]) и въ этой компаніи, но все же воспоминаніе о возмутительности дѣйствій управленія этой К° не скоро изгладится; при этомъ надо замѣтить, что управленіе этой К° считалось образцовымъ, и лицо, руководившее имъ, было въ свое время великимъ авторитетомъ" [2]).

На промыслахъ Олекминскаго округа, какъ мы видѣли, въ 1861 году контрактъ Рукавишникова вызвалъ замѣчаніе со стороны главнаго управленія Восточной Сибири, что на основаніи этого договора работы начинались съ 4 ч. утра и кончались въ 8 ч. вечера. Безъ сомнѣнія, вслѣдствіе оффиціальнаго выговора, въ договорѣ съ Рукавишниковымъ слѣдующаго года начало работъ назначено было въ 5 часовъ, а окончаніе даже въ 7 ч., но зато неизвѣстно, какъ продолжителенъ былъ отдыхъ. Въ другихъ договорахъ Олекминскаго округа продолжительность рабо-

[1]) Рецензентъ книги Латкина въ журналѣ „Дѣло" (1869 г., № 11) выражаетъ относительно этого сомнѣніе: „говорятъ, что на нѣкоторыхъ пріискахъ работы начинаются въ 2 ч. ночи и продолжаются до 11 и 12 ч. слѣдующей ночи".

[2]) *Н. Латкинъ*. „Очеркъ сѣверной и южн. сист. пром. Енис. окр.", стр. 55, 123—124.

чаго дня опредѣляется въ 13½—14 часовъ, а въ договорѣ съ Ленскимъ товариществомъ (1863 г.) рабочіе обязываются трудиться въ лѣтнее время не менѣе 14 часовъ.

При обозначеніи количества рабочихъ часовъ всегда дѣлается оговорка, что въ экстренныхъ случаяхъ при укрѣпленіи плотинъ, устройствѣ водопроводныхъ канавъ, укрѣпленіи ортъ и шурфовъ, въ случаѣ пожара и т. п., рабочіе обязаны безпрекословно и усердно работать во всякое время и во всякую погоду; иногда прибавлено даже: подъ опасеніемъ взысканія за убытки. Ни о какомъ особомъ вознагражденіи за эти труды нѣтъ и рѣчи [1]).

Въ началѣ 60-хъ годовъ работы на нѣкоторыхъ золотыхъ промыслахъ производились въ двѣ смѣны, такъ что одни работали днемъ, другіе ночью [2]). Но, по словамъ Лопатина, это бываетъ „только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ“, и такія работы „бываютъ непроизводительны“ [3]). Что, дѣйствительно, ночныя работы были весьма рѣдкимъ явленіемъ, видно и изъ того, что изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ контрактовъ съ пріисковыми рабочими мы встрѣтили упоминаніе о нихъ въ договорахъ всего двухъ золотопромышленныхъ компаній: одномъ—Томской губерніи и одномъ Олекминскаго округа [4]). Но все таки при усиленной промывкѣ ночныя работы бывали иногда и въ открытыхъ разрѣзахъ. „Ортовыя“ (подземныя) работы упоминаются въ контрактахъ также весьма рѣдко [5]).

Относительно поисковыхъ партій, занятыхъ пріисканіемъ новыхъ золотоносныхъ мѣстъ, въ общихъ контрактахъ нерѣдко встрѣчается обязательство рабочихъ тамъ, гдѣ нельзя проѣхать ни на лошадяхъ, ни на лодкахъ, переносить на себѣ припасы и необходимые для работъ инструменты, иногда подъ страхомъ (въ случаѣ уклоненія отъ этого) возмѣщенія всѣхъ убытковъ отъ происшедшей остановки работъ [6]).

---

[1]) Только въ одномъ договорѣ съ Ленскимъ товариществомъ Баснина и Катышевцева (1863 г.) сказано: „Отъ экстренной необходимой работы отказываться мы, рабочіе, не должны ни въ какое время, съ тѣмъ, однакожъ, чтобъ управляющій платилъ намъ каждому въ будничные дни обыкновенную плату изъ 3 р. с. оклада въ мѣсяцъ (т.-е. по 10 коп. въ день), и въ воскресные и праздничные дни каждому задолжающемуся въ работѣ человѣку по 50 к. с. въ день“.

[2]) Арх. Горн. Деп., дѣло отд. части. зол., № 68/650, ч. II, л. 43.

[3]) „Изв. Сиб. Отд. Геогр. Общ.“, т. II, № 4 (1871 г.), стр. 34.

[4]) Въ договорѣ съ Прибрежно-Витимскою К° Олекминскаго округа (1867 г.) сказано: „если встрѣтится надобность на производство, вмѣсто дня, въ ночное время работъ, то отъ таковыхъ отказываться мы не должны и выполнять ихъ въ точности, какъ бы и днемъ“.

[5]) Изъ многихъ извѣстныхъ намъ договоровъ южной части Енисейскаго округа ортовыя работы упоминаются только въ двухъ: съ Асташевымъ и Логиновымъ.

[6]) Въ договорѣ съ золотопромышленникомъ Маріинскаго и Ачинскаго округовъ

Уже въ 50-хъ годахъ стали, вмѣсто извѣстнаго количества часовъ работы, назначать опредѣленные уроки, и въ дѣйствительности урочная система работъ была общепринятою. Въ 60-хъ годахъ размѣръ уроковъ сталъ указываться во всѣхъ кочтрактахъ, хотя и весьма возможно, что опредѣленіе контракта въ этомъ отношеніи не всегда соотвѣтствовало дѣйствительности. Дѣло въ томъ, что, какъ видно изъ показаній свѣдущихъ людей, въ 50-хъ годахъ начала распространяться система такъ называемыхъ полуторныхъ уроковъ, т.-е. *обязательныя* прибавки половины или хотя бы и меньшей доли къ нормальному уроку на условіяхъ старательской работы (при работѣ на пескахъ ранѣе, чѣмъ на турфахъ). между тѣмъ, въ контрактахъ такой порядокъ сказывается лишь въ концѣ этого десятилѣтія. Быть можетъ, контракты потому отставали отъ жизни, что золотопромышленники стѣснялись постановленіями закона, требовавшаго точнаго обозначенія въ договорахъ количества рабочихъ часовъ. Пока существовало такое точное обозначеніе, въ рамки опредѣленнаго рабочаго дня трудно было умѣстить извѣстный размѣръ урока съ *опредѣленною* прибавкою; поэтому на бумагѣ все еще оставался и старый порядокъ распредѣленія работъ, между тѣмъ какъ свѣдущіе люди еще въ первой половинѣ 50-хъ годовъ свидѣтельствовали о началѣ распространенія системы полуторныхъ уроковъ. Но, во всякомъ случаѣ, въ 60-хъ годахъ на огромномъ большинствѣ пріисковъ стараніе въ праздники было обязательно и производилось въ томъ же порядкѣ и обыкновенно съ тѣми же уроками, какъ и въ будни, а въ будни работа сверхъ урока, было или нѣтъ нормировано контрактомъ ея количество, обыкновенно также составляла прямое продолженіе урочной работы, т.-е. была общимъ стараніемъ на торфахъ или пескахъ.

Изъ контрактовъ съ промысловыми управленіями Западной Сибири наиболѣе типичнымъ для первой половины 60-хъ годовъ является договоръ съ золотопромышленницею Маріинскаго округа Лавровскою (1864 г.), въ которомъ размѣръ урока опредѣленъ такимъ образомъ: „Вскрышу каждый куб. сажени торфа производить при мерзлой землѣ такимъ числомъ рабочихъ, какое, по усмотрѣнію промысловаго управленія, необ-

---

Цыбульскимъ (1864 г.) мы встрѣтили слѣдующее странное условіе: „Если будемъ мы въ командировкѣ для развѣдки мѣстъ шурфовкою или по другимъ занятіямъ внѣ промысла, то въ этихъ случаяхъ должны имѣть повиновеніе, *не требуя за то время вознагражденія или особой платы* (?!) и старанія, если этого не дастъ намъ самъ хозяинъ или его довѣренный". Быть можетъ, это означаетъ, что рабочіе не должны въ подобныхъ обстоятельствахъ требовать прибавки къ обычной мѣсячной платѣ, но и въ такомъ случаѣ это мѣсто любопытно для характеристики и контрактовъ вообще, и золотопромышленника Цыбульскаго въ особенности, въ договорахъ котораго и при опредѣленіи количества рабочихъ часовъ мы находимъ подобныя же, весьма опасныя для рабочихъ, неточность и неопредѣленность.

ходимо будетъ нужно, при талой же землѣ безъ лошадей, т.-е. съ откаткою на тачкахъ, четырьмя человѣками, а при одной хозяйской лошади *двумя* человѣками. Добычу каждой куб. сажени золотосодержащихъ песковъ, вывозку къ машинѣ и промывку ихъ съ уборкою эфеля въ указанное мѣсто производить не болѣе какъ тремя человѣками съ потребнымъ количествомъ лошадей". Точно такое же опредѣленіе урока мы находимъ и въ нѣсколькихъ контрактахъ южной части Енисейскаго округа въ первой половинѣ 60-хъ годовъ. По свидѣтельству Разгильдѣева, въ 1853 г. въ южной части Енисейскаго округа при работѣ съ лошадью ставилось при добычѣ торфа также два человѣка на куб. сажень, а при ручной откаткѣ отъ 4 до 6 человѣкъ; что же касается добычи и промывки песковъ, то при вододѣйствующей чашѣ на кубическую сажень песку (считая въ ней 1200 пудовъ) требовалось отъ 3 до 4 человѣкъ. Такимъ образомъ уроки Лавровской, по крайней мѣрѣ, при ручной откаткѣ торфа и при добычѣ и промывкѣ золота, совпадали съ максимальными, а не съ минимальными уроками 50-хъ годовъ. Но въ другихъ извѣстныхъ намъ контрактахъ съ золотопромышленниками Маріинскаго округа въ 60-хъ годахъ уроки были болѣе [1]). Такимъ образомъ, напряженность труда все болѣе и болѣе увеличивалась.

Въ нѣсколькихъ договорахъ южной части Енисейскаго округа (1860—63 гг.) опредѣленіе размѣра уроковъ на торфахъ и пескахъ точно такое же, какъ и въ контрактѣ съ маріинскою золотопромышленницей Лавровской (1864 г.), но и здѣсь уроки современемъ возросли [2]).

---

[1]) Такъ, въ договорѣ съ К° Рязановой и Триполитова (1863 г.) урокъ при вскрытіи турфовъ до 1 марта былъ назначенъ по 1 куб. саж. на 2 человѣка съ лошадью (между тѣмъ какъ, по оффиціальному свидѣтельству 1853 г., въ зимнее время прибавлялось по 2—3 чел. на сажень, смотря по качеству турфа), а съ 1 марта до окончанія срока полагалось добывать и отвозить торфовъ и песковъ по $1^1/_4$ саж. на 2 человѣка. Въ контрактѣ съ маріинскимъ и ачинскимъ золотопромышленникомъ Цыбульскимъ 4 человѣка съ 2 лошадьми должны были лѣтомъ добывать и отвозить *3 саж.* торфа (т.-е. болѣе чѣмъ въ К° Рязановой и Триполитова, гдѣ 4 человѣка вскрывали $2^1/_2$ саж.); размѣръ же уроковъ при добычѣ и промывкѣ песковъ былъ вовсе не опредѣленъ въ контрактѣ и назначеніе его предоставлялось усмотрѣнію промысловаго управленія. По договору съ золотопромышленникомъ Шитиковымъ, при добычѣ и промывкѣ песковъ 2 человѣка должны были промывать не менѣе 1 куб. саж. съ добычей и вывозкой песку и отвозомъ эфеля и гальки, между тѣмъ какъ, по договору съ Лавровскою, это количество добывалось и промывалось *тремя* человѣками.

[2]) По договору съ Асташевымъ 1867 г. при добычѣ турфа (при талой землѣ и ручномъ откатѣ) на куб. сажень ставилось уже не 4, а 3 чел., а при 1 хозяйской лошади считалось $1^1/_2$ чел., вмѣсто 2, т.-е. 3 чел. на 2 куб. сажени; добывать 4 саж. золотосодержащихъ песковъ должны были 5 чел. (т.-е. на добычу 1 сажени считался $1^1/_4$ чел.), а добыть 1 куб. саж. песку, промыть на машинѣ и отвезти гальку и эфель въ отвалы должны были не болѣе $2^1/_2$ человѣкъ (вмѣсто прежнихъ 3), т.-е. 5 чел.— 2 куб. сажени съ необходимымъ количествомъ хозяйскихъ лошадей. Подобное же увели-

Въ трехъ договорахъ южной части Енисейскаго округа (съ Удерейскою К° 1861 г., съ Зубовою 1863 г. и съ Асташевымъ 1868 г.) мы встрѣтили при опредѣленіи урока на торфахъ и пескахъ обязательное соединеніе урочныхъ и старательскихъ работъ, а именно, прибавку $^1/_4$ старательской сажени. По договору съ А. Лопатинымъ (1862 г.) „на выработку 1 куб. сажени какъ золотоноснаго песка съ отвозкою на машину или къ механическому подъему, такъ и турфа въ отвалы или тоже къ механическому подъему", ставилось по 2 чел. на сажень, причемъ отмѣрялось въ старапіе уже не $^1/_4$, а $^1/_2$ сажени, такъ что при таломъ грунтѣ они должны были вырабатывать каждый день золотоноснаго пласта или турфа по $1^1/_2$ саж., не требуя особыхъ возчиковъ [1]). По договору съ К° Хотинскаго и Макарова (1868 г.) урокъ былъ назначенъ при вскрышкѣ турфа и добычѣ песковъ—1 куб. саж. двумя человѣками съ 1 лошадью; сверхъ того, для увеличенія своей „заработки" рабочіе обязались сверхъ кубической сажени двумя человѣками съ лошадью вырабатывать „со вступленія въ работы на пріискъ по 10 мая еще $^1/_4$ сажени", а съ мая, т.-е. съ начала промывки песковъ, опредѣленные на вскрышу турфа должны были, сверхъ указаннаго „хозяйскаго урока, безпрепятственно принимать себѣ въ замѣръ торфа въ каждый день для старанія на 2 чел. и 1 лошадь по $^1/_2$ куб. саж.", а назначенные на добычу песковъ, подвозку ихъ на машину, отвозку гальки и эфеля и др. работы обязывались забойщикъ и возчикъ въ „хозяйскій урокъ" добыть и свезти на машину 1 куб. саж. песковъ и сверхъ этого урока „принимать себѣ каждый день въ стараніе на 1 забойщика и возчика по $^1/_4$ саж.", если же, сказано далѣе, «кто-либо изъ насъ подъ разными предлогами захотѣлъ бы уклониться и не принимать... старательскаго замѣра торфовъ и песковъ, то изъ насъ никто этого сдѣлать не можетъ и съ работъ самовольно отлучаться не долженъ, а если кто это учинитъ, то управленіе, при содѣйствіи мѣстнаго начальства, имѣетъ взыскать по всей строгости закона за неповиновеніе и ослушаніе". Эти слова показываютъ, что введеніе прибавочной старательской четверти или половины

ченіе напряженности труда произошло и на промыслахъ Исаева, по договору съ которымъ (1865 г.) количество промываемыхъ песковъ еще болѣе увеличено (на 1 куб. саж. полагалось уже не $2^1/_2$, а только $2^1/_4$ чел.). Въ договорѣ съ К° Мясникова на 1861—62 годъ мы находимъ огромный урокъ на торфахъ: при талой землѣ *съ ручною откаткой на тачкахъ* должно было добыть и вывезти 1 куб. саж. *двумя* человѣками (во всѣхъ другихъ договорахъ тремя или четырьмя чел.), а при одной хозяйской лошади $1^1/_2$ чел., т.е. тремя человѣками 2 саж.

[1]) При вскрышѣ торфа ручнымъ откатомъ на тачкахъ ставилось по этому договору на выработку 1 куб. саж. при откаткѣ на разстояніи до 15 саж. по 2 чел. на сажень, при разстояніи до 25 саж. — 3 чел. и т. д., при мерзломъ же грунтѣ прибавлялось людей по усмотрѣнію промысловаго управленія.

сажени было сдѣлано не безъ нѣкоторой борьбы: очевидно, рабочимъ болѣе нравился тотъ порядокъ, когда старательская работа въ будни не была обязательною, а предоставлялась ихъ собственному желанію и усмотрѣнію. Наконецъ, этотъ процессъ сліянія урочныхъ и старательскихъ работъ завершился тѣмъ, что о немъ стало упоминаться въ нѣкоторыхъ договорахъ въ видѣ особаго заявленія, какъ, наприм., въ договорѣ съ Григоровымъ 1869 г. [1]). Не касаясь пока размѣра платы, мы укажемъ только величину уроковъ. На турфахъ талыхъ конною отвозкой рабочіе обязались по этому договору вырабатывать каждый день двумя человѣками отъ *одной* до *двухъ* (!) куб. саж. [2]), а ручнымъ откатомъ *двумя* (!), тремя и никакъ не болѣе четырьмя человѣками [3]), смотря по свойству турфа и близости откатки въ отвалы. При добычѣ и отвозкѣ песковъ на машину они должны были вырабатывать 3—4 куб. саж. тремя или четырьмя человѣками при 2 лошадяхъ. Сравнивъ это количество работъ съ тѣмъ, какое было опредѣлено въ договорѣ съ Лавровскою и другими золотопромышленниками начала 60-хъ годовъ, мы, если даже и примемъ во вниманіе нѣкоторую прибавку въ то время на стараніе (около $^1/_4$ урока), все-таки увидимъ, какъ сильно увеличилась напряженность труда. При промывкѣ песка это отчасти еще можетъ объясняться усовершенствованіемъ промывальныхъ машинъ, хотя собственно работа забойщиковъ осталась въ столь же первобытномъ видѣ, какъ и прежде, относительно же вскрытія торфа мы не видимъ и этого, и лишь изрѣдка въ договорахъ упоминается объ искусственныхъ приспособленіяхъ для подъема торфа. Различіе въ размѣрѣ уроковъ на разныхъ промыслахъ можетъ объясняться различіемъ въ свойствѣ почвы и разстоянія отвозки, а иногда давностью или новостью разработки, но все-таки увеличеніе уроковъ съ теченіемъ времени несомнѣнно.

Въ Олекминскомъ округѣ, какъ мы уже упоминали, весною заключались съ рабочими особые договоры на старательскія работы. Въ договорѣ 1 мая 1863 г. съ ленскимъ товариществомъ Баснина и Катышевцева рабочіе съ начала промывки песковъ обязались „въ каждый ра-

---

[1]) „За каждый рабочій день на пріискахъ,—сказано здѣсь,—опредѣляется плата по 10 коп. каждому рабочему. Сверхъ того, дозволяются золотопромышленниками и ихъ управляющими старательскія работы на золотѣ и на турфѣ въ будни и въ праздники, за которыя, по усмотрѣнію ихъ, и производится еще особая плата. Но такъ какъ неопредѣлительность старательскихъ работъ и самое вознагражденіе за оныя не обезпечиваютъ... заработокъ нашихъ, а равно золотопромышленники и ихъ управляющіе безъ опредѣлительности работъ нашихъ не могутъ основать на нихъ своихъ соображеній, то, во избѣжаніе сего, по взаимному согласію между нанимателемъ и нами, признали для себя нужнымъ и полезнымъ соединить урочныя работы вмѣстѣ со старательскими и получать за тѣ и другія нераздѣльную плату".

[2]) Въ договорѣ съ К° Григорова и Семенова (1870 г.) отъ $1^1/_2$ до 2 саж.

[3]) Въ договорѣ 1870 года двумя или тремя чел.

бочій будничный день вскрыть торфа и отвезти его въ отвалы или добыть и отвезти на машину золотосодержащихъ песковъ двумя человѣками при 1 лошади по 1 куб. сажени за обыкновенную мѣсячную плату, на отвозку же въ кучу гальки и эфеля на каждыя 3 куб. сажени песковъ должны становиться по 2 лошади" [1]). Сверхъ только что указанной урочной работы, рабочіе обязались за особую ежедневную плату „двумя человѣками при одной лошади добывать песковъ и подвозить на машину, а торфа вскрыть и отвозить въ отвалы по 1/4 куб. саж., а смотря по удобству добычи песковъ и вскрыши торфа—и болѣе" [2]). Въ праздничный день полагались такіе же уроки для урочныхъ и старательскихъ работъ. Если же кто изъ рабочихъ „сверхъ выполненія урочной и старательской работы изъявитъ желаніе, составя между собою небольшія артели, промывать пески или вскрывать торфа", то управляющій не долженъ былъ имъ въ томъ отказывать, а обязанъ былъ указать имъ мѣсто для работъ. Такимъ образомъ, по этому договору, такъ называемая, частно-старательская работа (сверхъ урочной въ размѣрѣ 1 саж. и старательской—1/4 саж. на указанное количество людей) была не обязательна. Но вслѣдъ за тѣмъ, въ тотъ же день особымъ дополнительнымъ условіемъ рабочіе и эту работу превратили въ обязательную [3]), и, такимъ образомъ, по этому добавочному условію 2 рабочихъ съ 1 лошадью должны были обязательно вырабатывать въ день уже не 1 1/4, а 1 1/2 куб. саж. [4]). Въ договорѣ Прибрежно-Витимской компаніи (1867 г.) мы также встрѣчаемъ полуторные уроки, т.-е. обязательную прибавку половины урока въ видѣ старанія.

Пищиковъ въ своей статьѣ говоритъ, что обременительность урочныхъ промысловыхъ работъ „выходитъ изъ всякаго вѣроятія": „Напримѣръ, есть ли какая-либо возможность на разстояніи отъ 200 до 300 саж. отъ мѣста добычи песковъ до промывальной машины перевезти на 1 лош. и 2 чел. рабочихъ 1 1/2 куб. саж., составляющихъ тяжести до двухъ тысячъ пудовъ, и этотъ урокъ отъ того только такъ малъ, что лошадь не въ состояніи больше вывезти; еслибы лошадь могла вывозить 2 саж. въ смѣну,

---

[1]) Для разравниванія отваловъ гальки, эфеля и торфа пріисковое управленіе должно было поставить особыхъ людей. Разстояніе отваловъ отъ мѣста работъ не должно было ни въ какомъ случаѣ превышать 150 саженъ.

[2]) Но для отвоза гальки, эфеля и торфа въ отвалы особыхъ людей они не должны были требовать.

[3]) Въ этой дополнительной „подпискѣ" сказано: „Каждые изъ насъ 2 человѣка рабочихъ при одной лошади должны, кромѣ 1 саж. за мѣсячную плату и 1/4 саж. изъ поденной платы, вырабатывать еще 1/4 саж. частно-старательской работы или же, считая въ каждой куб. сажени 40 таратаекъ песковъ", рабочіе обязывались „вывозить на машину по 10 таратаекъ по частно-старательской работѣ", получая добавочную плату за пески съ каждой таратайки, а за турфъ съ сажени.

[4]) Арх. Олекм. Горн. Исправ., дѣла 1862 и 1863 гг., №№ 543 и 599.

двѣ положили бы на урокъ, т.-е. на каждаго человѣка сажень". Какъ мы видѣли, къ концу 60-хъ годовъ дѣло дошло и до этого. „Обыкновенно,—продолжаетъ Пищиковъ,—2 чел. съ лошадью и на вышеозначенномъ разстояніи могутъ добыть и вывезти кубическую сажень безъ большого труда, и этотъ урокъ достаточенъ для хозяина и не обременителенъ для рабочихъ". „Бо́льшіе уроки ведутъ свою родословную,— говоритъ Пищиковъ въ другомъ мѣстѣ,—отъ громадныхъ выработокъ отрядными рабочими, потому что уполномоченные, видя постоянно у отрядныхъ большія выработки... вообразили себѣ, что рабочіе, нанятые по такъ называемому общему контракту... могутъ выработать такіе же уроки", и „приняли себѣ за правило задавать на 2 чел. и 1 лош. $1^1/_2$ куб. саж., не соображая того, что эти уроки почти никогда не вырабатываются", и „если иногда показываютъ" ихъ „выработанными", то „только тогда, когда рабочіе воровски сами или съ согласія служащаго, находящагося при смотрѣніи за рабочими, передвигаютъ на $^1/_4$ или $^1/_2$ аршина ближе къ началу работъ... шнуръ, означающій окончаніе заданнаго урока" [1]). Но часто уменьшать, такимъ образомъ, урокъ оказывалось, разумѣется, невозможнымъ, а что неотработка урока не проходила рабочему даромъ, это мы увидимъ ниже. Лопатинъ въ своей статьѣ (1871 г.) говоритъ: „Назначеніе уроковъ при всѣхъ земляныхъ работахъ не одинаково и зависитъ отъ различныхъ условій. Если торфа мерзлые или мясниковатые (глинистые) и отвозка ихъ отдалена, то на выработку одной куб. сажени ставится отъ 7 до 15 человѣкъ; если же грунтъ состоитъ изъ сыпучаго песку съ мелкимъ камнемъ (галькою) и не мерзлый, то 1 сажень вырабатываютъ 2 человѣка при 1 лошади" [2]). Но если таковъ былъ урокъ въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ, то 10 лѣтъ позднѣе, когда писалъ Лопатинъ, уроки были уже гораздо болѣе, и у самого Лопатина еще въ 1862 году 2 человѣка (вмѣстѣ съ обязательнымъ стараніемъ) должны были выработать каждый день пласта или торфа по полторы сажени. Увѣряя въ своей статьѣ, что „урочную работу хорошіе рабочіе зачастую кончаютъ въ 5—6 часовъ вечера", Лопатинъ не упоминаетъ, что кромѣ урочной сажени у него была еще обязательная добавка въ видѣ лишней старательской половины сажени на 2 рабочихъ. Люди, жившіе въ это время на промыслахъ, говорили намъ, что дѣйствительно уроки нерѣдко отрабатывались къ указанному времени и сверхъурочной прибавкой, но какъ велико должно было быть для этого напряженіе силъ рабочаго! Корреспондентъ одной петербургской газеты утверждалъ даже, что пріиски были „страшнѣе каторги" [3]).

---

[1]) „Сынъ Отечества" 1861 г., №№ 31 и 50.

[2]) Изв. Сиб. Отд. Геогр. Общ. 1871 г. т. II, № 4, стр. 34—35.

[3]) Въ доказательство своихъ словъ онъ приводитъ слѣдующій примѣръ: „Въ 1861 году ссылался на заводы Енисейской губерніи бѣглый каторжникъ Черниковъ.

Въ то время, какъ общіе контракты представляютъ большое разнообразіе въ размѣрѣ уроковъ, контракты съ отрядными рабочими на вскрышу торфа гораздо менѣе отличаются въ этомъ отношеніи другъ отъ друга, что, по всей вѣроятности, объясняется задѣльною платой отрядныхъ рабочихъ, при которой они сами старались наработать какъ можно болѣе и выше нормы, установленной въ контрактѣ; усердіе къ труду поддерживалось въ нихъ и тѣмъ, что они нанимались на пріисковыя работы артелями. Въ огромномъ большинствѣ контрактовъ и Маріинскаго, и Енисейскаго округовъ, въ теченіе всего десятилѣтія 60-хъ годовъ, отрядные рабочіе обязывались вскрывать 1 куб. саж. (иногда не менѣе 1 куб. саж.) двумя человѣками на хозяйской лошади; въ нѣкоторыхъ контрактахъ къ этому прибавлено, что сработанное сверхъ урока зачисляется въ стараніе, т.-е. оплачивается по повышенной платѣ [1]). Въ договорѣ съ компаніей Квятковской и Королева (южной част. Енис. окр. 1865 г.) постановлено, чтобы въ будни лишняя старательская выработка была не болѣе 1/4 саж., а въ праздники полагалось выработать 1 1/4 куб. сажени; въ договорѣ же съ Поротовымъ (южн. част. Енисейск. окр. 1865 г.), при такомъ же условіи относительно будней, въ праздники назначено вырабатывать по 1 1/2 куб. сажени. Въ договорѣ съ компаніей Малевинскаго (сѣв. част. Енис. окр. 1865 г.) выработка 1 куб. саж. съ ручною отвозкой на тачкахъ должна была производиться тремя человѣками при разстояніи отваловъ отъ 3 до 50 саж., а въ договорѣ съ компаніей Голубкова и Кузнецова (сѣв. част. Енис. окр. 1867 г.) на тачкахъ—четырьмя человѣками, на лошадяхъ—двумя человѣками. Что и этотъ послѣдній урокъ былъ не малъ, видно изъ слѣдующаго письма довѣреннаго компаніи Голубкова: „О платѣ за излишнюю сверхъ урока выра-

---

Дорогою онъ сошелся съ поселенцемъ Ѳедоровымъ, пересылавшимся по этапу на пріискъ компаніи Рязановыхъ. Черниковъ и Ѳедоровъ помѣнялись между собою званіемъ, именами и фамиліями. Черниковъ ушелъ на пріиски, а Ѳедоровъ — на мѣсто Черникова въ каторгу. На пріискахъ Черниковъ пробылъ только до 15 апрѣля и, испытавъ пріисковыя работы, чистосердечно самъ объявилъ о себѣ, что онъ каторжникъ“ („С.-Петерб. Вѣдом.“ 1865 г. № 137). Авторъ опроверженія на эту корреспонденцію пытался объяснить приведенный случай тѣмъ, будто бы бѣжать съ каторги удобнѣе, чѣмъ съ пріиска (?), вслѣдствіе его отдаленности отъ жилыхъ мѣстъ („Журн. Мануфакт. и Торг.“, изд. при Мин. Финансовъ, 1866 г. т. VI), забывая, что не мало народа бѣжало, однако, съ пріисковъ и что бѣглому каторжнику также приходилось обыкновенно пробираться по лѣснымъ трущобамъ въ малонаселенныхъ мѣстностяхъ.

[1]) По договору съ Лопатинымъ (1862 г.) пріисковому правленію предоставлено право заставить рабочихъ вскрывать турфы съ отвозомъ на тачкахъ, но съ тѣмъ, чтобы ручная откатка продолжалась не долѣе 10 сентября. Болѣе частая ручная откатка турфа въ сѣверно-енисейской системѣ объясняется тѣмъ, что стоимость содержанія тамъ лошадей была очень дорога, вдвое дороже содержанія человѣка („Гор. Журн.“ 1860 г., т. IV, стр. 15—16).

ботку турфовъ въ будни въ условіи не было слова, потому что *я не предполагалъ, чтобы они могли вырабатывать лишнее*", и затѣмъ слѣдуетъ дозволеніе назначить праздничную плату за излишнюю старательскую выработку сверхъ назначеннаго урока. Мы видимъ, слѣдовательно, что если большіе уроки, какъ думалъ Пищиковъ, „ведутъ свою родословную" отъ уроковъ отрядныхъ рабочихъ, то послѣдніе умѣли, по крайней мѣрѣ, мѣшать ихъ дальнѣйшему увеличенію въ контрактахъ, и уроки въ $1^1/_2$ саж. на 2 человѣкъ съ лошадью очень рѣдки, хотя, можетъ быть, въ дѣйствительности они иной разъ и вырабатывали болѣе назначеннаго.

Въ случаѣ недоработки назначеннаго урока, рабочіе должны были или отработать его на другой день сверхъ урочнаго назначенія, лишаясь, тѣмъ не менѣе, платы за эту недоработку, или подвергались особому вычету (по одному договору отъ 50 коп. до 3 р., смотря по количеству недоработаннаго урока) [1]). Въ договорахъ съ отрядными рабочими, нанявшимися на вскрытіе турфа, мы встрѣчаемъ, въ случаѣ недоработки урока, или отработку его на другой день, или отработку въ праздничные дни по будничной платѣ, или вычетъ изъ праздничнаго или вообще старательскаго заработка, соотвѣтственно количеству недоработаннаго. Иногда же отрядные рабочіе выговариваютъ въ контрактахъ, чтобы вычета за недоработку съ нихъ не дѣлали.

При началѣ золотопромышленности въ Сибири вознагражденіе за трудъ на промыслахъ было гораздо однообразнѣе и состояло изъ ничтожнаго мѣсячнаго жалованья и болѣе значительной платы за старательскій трудъ. И въ позднѣйшее время въ основѣ вознагражденія за трудъ горнорабочихъ лежитъ та же система, но когда старательская работа сдѣлалась обязательною и превратилась въ простое продолженіе урочной работы, вознагражденіе за трудъ горнорабочихъ приняло нѣсколько болѣе разнообразныя формы.

Мѣсячное жалованье для горнорабочихъ продолжало существовать и, притомъ, въ прежнемъ ничтожномъ размѣрѣ, хотя обыкновенно оно примѣнялось лишь въ тѣ мѣсяцы, когда не было промывки золота. Мѣсячное вознагражденіе ремесленниковъ и, такъ называемыхъ, „разночинцевъ" было попрежнему значительно выше жалованья чернорабочихъ. Пищиковъ въ своей статьѣ говоритъ: „Чернорабочій, зарабатывающій хозяину всѣ расходы, потому что золото добывается его руками, этотъ

---

[1]) По договору съ Даниловымъ (южн. част. Енис. окр. 1863 г.), въ случаѣ недоработки,—*или* лишеніе платы за невыработанное количество, *или* отработка на другой день. По договорамъ Олекминскаго округа съ Рукавишниковымъ (1862 г.) и Марковымъ (1862 г.) за недоработку полагался денежный вычетъ, въ первомъ пропорціонально количеству, недостающему до урока, во второмъ—по 15—25 к. въ день.

человѣкъ, находящійся постоянно на трудной земляной работѣ подъ вліяніемъ всѣхъ перемѣнъ въ воздухѣ, всегда грязный, оборванный, измученный, обиженный продовольствіемъ, живущій иногда въ тѣсныхъ, сырыхъ, душныхъ лачугахъ или землянкахъ, получаетъ жалованья только 3 р. 15 коп. въ мѣсяцъ, *состоящій изъ 30 рабочихъ дней*, или просто $10^1/_2$ коп. с. въ день, а въ праздники, не получая и этого жалованья", пользуется лишь вознагражденіемъ за стараніе. Напротивъ, „конюхъ, хлѣбопекъ, плотникъ или одинъ изъ такъ называемыхъ на пріискахъ разночинцевъ [1]), пользующійся хорошею квартирой, полуторнымъ продовольствіемъ, всегда разодѣтый, какъ на праздникъ, не отягощенный работой, получаетъ жалованья отъ 10 до 15 р. въ мѣсяцъ или отъ 35 до 50 коп. въ день, не исключая и праздниковъ" [2]). Н. Латкинъ, разсматривая вопросъ объ улучшеніи быта рабочихъ и увеличеніи ихъ заработковъ, говоритъ: „Прежде всего, должна быть уничтожена обязательная трехрублевая мѣсячная плата, которая до сихъ поръ еще помѣщается почти что въ каждомъ условіи съ рабочими и даетъ мѣсто широкому произволу. Замѣна ея болѣе раціональнымъ и справедливымъ разсчетомъ много помогла бы дѣлу... Въ нѣкоторыхъ компаніяхъ, какъ это мнѣ хорошо извѣстно, въ особенности начиная съ прихода рабочихъ на промысла, въ февралѣ и мартѣ, до начала промывки, а также зимою и лѣтомъ, рабочимъ, работающимъ въ такъ называемыхъ поторжныхъ работахъ, существуетъ подобная трехрублевая плата". Однако, „у многихъ благоразумныхъ хозяевъ,—продолжаетъ Латкинъ,—подобной низкой мѣсячной платы не существуетъ, а если и разсчитываются рабочіе изъ поденной платы, то таковая бываетъ отнюдь не ниже 25, 30 или 40 коп. въ сутки" [3]).

Въ дѣйствительности вознагражденіе было не одинаково не только у разныхъ золотопромышленниковъ, но и у одного и того же хозяина въ разные годы. Такъ, наприм., рабочіе, нанявшіеся въ 1864 году на лѣтнюю операцію къ золотопромышленницѣ Лавровской (Маріинск. округа), должны были получать мѣсячную плату въ 3 р. въ мѣсяцъ и, кромѣ того, особую старательскую плату. Напротивъ, по договору съ нею же, заключенному въ ноябрѣ того же года, рабочіе должны были получать трехрублевую мѣсячную плату только съ поступленіемъ на пріискъ до начала промывки (а въ праздничные дни въ это время особую повышенную плату), съ начала же промывки поденную плату за исполненіе извѣстнаго урока. Въ договорѣ съ золотопромышленникомъ Алтайскаго округа Колчинымъ (въ мартѣ 1865 г.) мѣсячное жалованье назначено

---

[1]) Скарятинъ называетъ разночинцами промывальщиковъ, кузнецовъ, плотниковъ, хлѣбопековъ, кашеваровъ, конюховъ и т. п. „Замѣтки золотопр." II, 69.

[2]) „Сынъ Отечества" 1861 г. № 50.

[3]) „Содѣйствіе русской промышленности и торговлѣ", 1862 г. Прибав. къ № 3.

выше обычнаго, а именно отъ 6 до 9 р. въ мѣсяцъ за 30 рабочихъ дней (а въ праздники плата съ золотника добытаго золота), но съ тѣмъ, что если они не будутъ выполнять назначенныхъ имъ уроковъ, то, вмѣсто 6—9 р., они должны были получать по 5 р. въ мѣсяцъ. Изъ числа горнорабочихъ возвышенную мѣсячную плату получали рабочіе, опредѣленные на шурфовку. По договору съ золотопромышленникомъ Флягинымъ (1865 г.) они должны были получать по 12—15 р. въ мѣсяцъ, но если не будутъ выполнять назначеннаго имъ урока, то, кромѣ общей мѣсячной платы въ 3 р. 50 коп., такіе рабочіе должны были „разсчитываться по усмотрѣнію управленія".

На золотыхъ промыслахъ въ Киргизской степи, въ Кокбектинскомъ округѣ, мѣсячная плата была отъ 2 до 5 р.: первая полагалась мальчикамъ отъ 12 до 14 лѣтъ; остальные рабочіе получали увеличенное жалованье, смотря по силѣ и проворству, но не болѣе 5 р. Жены киргизъ часто нанимались въ работу съ мѣсячною платой въ 3—4 р. и большею частью употреблялись для ручного отвоза въ тачкахъ вскрываемаго торфа [1]).

На промыслахъ Восточной Сибири наиболѣе обычнымъ мѣсячнымъ жалованьемъ для чернорабочихъ,—по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ оно существовало,—было также 3 рубля. Жандармскій штабъ-офицеръ Енисейской губ. Боркъ писалъ (1861 г.) о трехрублевой мѣсячной платѣ, какъ объ общераспространенномъ явленіи. Скарятинъ въ своей книгѣ, написанной въ 1860 году [2]), свидѣтельствуетъ, что собственно „жалованье рабочему, по контракту, какъ было опредѣлено съ самаго начала золотопромышленности по 3 р. въ мѣсяцъ, такъ и осталось до сихъ поръ". Но постепенно,—по крайней мѣрѣ, для лѣтняго времени,—мѣсячная плата вытѣснялась платою въ день за исполненіе назначеннаго урока. Кромѣ того, и мѣсячная плата бывала иногда въ дѣйствительности выше назначенной по контракту [3]). По договору 1865 г. съ Окуловымъ было постановлено, что „такъ какъ въ зимнее время старательскихъ работъ не бываетъ, то рабочіе должны были получать съ 11 сент. по 1 апр. 1866 г. отъ 6 до 15 р. на человѣка въ мѣсяцъ", смотря по трудамъ каждаго, въ лѣтнее же время было иное вознагражденіе. По договору съ Крутовскимъ чернорабочіе должны были получать съ 10 сент. 1868 г. по 1 мая 1869 г. за вскрытіе торфа 4 р. 50 коп. до 6 р. въ мѣсяцъ,

[1]) „Рус. Слово" 1861 г. № 6, стр. 17—18; „Тоб. Губ. Вѣд." 1870 г. № 1.

[2]) Ч. II, 217.

[3]) Такъ, наприм., по общему контракту К° Бевадъ, на операцію 1861—62 г. чернорабочіе должны были получать по 3 р. 43 коп. въ мѣсяцъ, въ донесеніи же горному исправнику о размѣрѣ вознагражденія рабочимъ на этихъ промыслахъ въ 1862 г. сказано, что чернорабочіе получали зимою отъ 6 до 8 р. въ мѣсяцъ, а лѣтомъ вознагражденіе было поденное за исполненіе извѣстнаго урока.

а находящіеся въ разныхъ поторжныхъ работахъ, кромѣ мастеровыхъ, 4—5 р., а съ 1 мая до 10 сент. повышенную поденную плату.

Такія же различія при опредѣленіи мѣсячной платы мы встрѣчаемъ и въ общихъ контрактахъ сѣверной части Енисейскаго округа [1]), а также и въ Олекминскомъ округѣ [2]).

Мѣсячное жалованье рабочимъ на шурфовкахъ въ поисковыхъ партіяхъ на промыслахъ южной части Енисейскаго округа колебалась между 5 и 20 руб. Въ Олекминскомъ округѣ, по договору съ Ленскимъ товариществомъ (1863 г.), рабочіе въ поисковыхъ партіяхъ должны были получать по 6 р. въ мѣсяцъ, если имъ будетъ положена старательская плата, какъ чернорабочимъ на пріискахъ; въ противномъ же случаѣ отъ 10 до 12 р. въ мѣсяцъ, смотря по усердію въ работѣ.

Что касается мѣсячнаго жалованья разнымъ мастеровымъ, ремесленникамъ и т. п., то въ контрактахъ, въ различныхъ документахъ пріисковыхъ архивовъ и въ донесеніяхъ пріисковыхъ управленій горному исправнику мы встрѣчаемъ плату въ южной части Енисейскаго округа въ слѣдующемъ размѣрѣ: кузнецамъ 8—33 р., хлѣбопекамъ, поварамъ и плотникамъ 6—20 р., столярамъ 7—20 р., конюхамъ 6—25 р., дровопиламъ 6—12 р., квасоварамъ и кашеварамъ 4—15 р. въ мѣсяцъ, причемъ въ лѣтнюю операцію жалованье было всегда больше, чѣмъ въ зимнюю. Женщины (стряпки, коровницы, прачки) получали 3—5 р. въ мѣсяцъ [3]). Въ Олекминскомъ округѣ мы встрѣтили слѣдующія данныя относительно жалованья мастеровымъ: кузнецамъ 9—30 р., хлѣбопекамъ и поварамъ 6—15 р., конюхамъ 10—30 р., плотникамъ 7—30 р. Сравнивая мѣсячное жалованье мастеровымъ и разночинцамъ въ 60-хъ

---

[1]) По договору съ К° Толкачева (1869 г.) рабочіе должны были получать до начала промывки песковъ по 3 р. 15 коп. въ мѣсяцъ, а съ начала промывки, сверхъ 10 коп., въ будни еще старательскую плату. Напротивъ, по договору на всѣ работы съ К° Малевинскаго съ 11 сент. 1868 по 1 марта 1869 г. рабочіе должны были получать жалованье по 10 р. въ мѣсяцъ. По словамъ Л. Ѳ. Пантелѣева, подобную же плату (или немного менѣе) получали въ это время рабочіе зимою въ большинствѣ компаній сѣверно-енисейской системы.

[2]) Въ договорѣ съ Ленскимъ товариществомъ (1863 г.) упоминается объ „обыкновенной платѣ изъ трехрублеваго оклада въ мѣсяцъ", а по общему контракту съ Прибрежно-Витимскою К° (1867 г.) рабочіе должны были получать весь годъ въ будни плату, считая по 4 р. 50 коп. въ мѣсяцъ (лѣтомъ къ этому прибавлялась старательская плата).

[3]) Наиболѣе обычное жалованье мастеровымъ въ южной части Енисейскаго округа (во второй половинѣ 60-хъ годовъ), по словамъ Н. Латкина, было слѣдующее: кузнецы получали 10—20 р. въ мѣсяцъ, хлѣбопеки и повара—10—15 р., промывальщики—15—20 р., конюхи—10—15 р., быководы, дровопилы, квасовары, кашевары и другіе второстепенные мастеровые—8—12 р., плотники и столяры—10—15 р., машинисты и старшіе плотники—20—25 р. „Очеркъ зол. пром. енис. окр.". Спб. 1869 г., стр. 122.

годахъ съ вознагражденіемъ въ предшествующее десятилѣтіе, мы не находимъ въ немъ существенныхъ измѣненій, и если произошло нѣкоторое повышеніе, то развѣ только для времени промывки золота. Въ нѣкоторыхъ общихъ контрактахъ назначеніе платы мастеровымъ предоставлялось усмотрѣнію пріисковаго управленія.

Еще въ первой половинѣ 50-хъ годовъ на нѣкоторыхъ промыслахъ стало входить въ обыкновеніе платить не мѣсячную плату по 3 руб. въ мѣсяцъ за 30 рабочихъ дней, а урочную плату (за исполненіе извѣстнаго урока), причемъ въ праздничные дни плата была гораздо болѣе, чѣмъ въ будни, такъ какъ она соотвѣтствовала прежней праздничной старательской платѣ. Эта система была довольно развита и въ 60-хъ годахъ, причемъ на нѣкоторыхъ промыслахъ до начала промывки существовала мѣсячная плата, а во время лѣтней операціи—урочная. По словамъ Н. Латкина, „обыкновенно на хорошо устроенныхъ промыслахъ (Енисейскаго округа), гдѣ желаютъ привязать къ себѣ хорошихъ работниковъ и избѣжать ихъ побѣговъ, тамъ плата назначается съ выработки куб. саж. пласта и турфа, избѣгая произвольной поденной или помѣсячной платы, а если и даютъ таковую, то соображаясь съ прочею задѣльною платой, чтобъ она была съ нею, по возможности, соразмѣрна. Къ сожалѣнію,—продолжаетъ Латкинъ,—до сихъ поръ есть промыслы, гдѣ на это мало обращаютъ вниманія и, руководствуясь рутиной, стараются, вопреки мѣстнымъ условіямъ и контрактамъ съ рабочими, давать рабочимъ плату, не соотвѣтственную работѣ и низшую противъ другихъ промысловъ, отчего на такихъ промыслахъ рабочіе бываютъ недовольны, и частые побѣги ихъ бываютъ послѣдствіемъ таковыхъ неблагоразумныхъ распоряженій и достойнымъ за это наказаніемъ“ [1]).

По договору 1864 г. съ Лавровскою (Маріинскій округъ) назначено было слѣдующее вознагражденіе: до начала промывки въ будни по 10 коп., т. е. 3 руб. за 30 дней, а въ праздники и табельные дни—по 50 коп. въ день; съ начала же промывки за вскрышу 1 куб. саж. торфа съ отвозкою его въ отвалы двумъ человѣкамъ, при одной хозяйской лошади, въ будни—80 коп. (по 40 коп. каждому), а въ праздники—1 руб. 60 коп.; за добычу золотоносныхъ песковъ, вывозку на машину и промывку ихъ, съ уборкою эфеля и гальки, за каждую выработанную и промытую на машинѣ куб. сажень въ будни — 1 руб. 20 коп., въ праздники — 2 руб. 40 коп. Въ договорѣ было указано, какъ должно было распредѣляться вознагражденіе за добычу и промывку песковъ между рабочими: изъ только что указанной платы (1 руб. 20 коп. въ будни и 2 руб. 40 коп. въ праздники съ выработанной и промытой куб. сажени) промывальщики должны были получать постоянно съ на-

[1]) Ibid., стр. 121.

чала промывки золота на пріискѣ въ будни по 70 коп. и въ праздники по 1 руб. 40 коп., остальная же затѣмъ плата за выработку и промывку песковъ распредѣлялась между забойщиками, отвальщиками гальки и эфеля и другими, находившимися при добычѣ и промывкѣ песковъ рабочими (кромѣ машинистовъ, получавшихъ особую плату отъ управленія), изъ которыхъ каждый забойщикъ получалъ въ будни на 10 коп., а въ праздники на 20 коп. въ день *болѣе, чѣмъ каждый изъ остальныхъ рабочихъ;* оставшаяся сумма должна была дѣлиться между этими послѣдними или поровну, или сообразно трудамъ каждаго, по усмотрѣнію пріисковаго управленія.

Изъ общихъ контрактовъ и донесеній исправнику мы узнаемъ, что въ Маріинскомъ и Енисейскомъ округахъ существовала въ 60-хъ годахъ слѣдующая урочная плата: при вскрышѣ торфа съ конною отвозкой за куб. сажень двумя человѣками въ будни всего чаще 60—80 коп. и только за мерзлый торфъ 1 руб. (слѣдовательно, на каждаго работника по 30—50 коп. въ день), а въ праздники за сажень—1 руб. 20 коп.—2 руб. (за мерзлый торфъ 2 руб. 40 коп.); ручнымъ откатомъ 3—4-мя работниками всего чаще въ будни 1 руб. 20 коп.—1 руб. 60 коп. (въ К° Бенардаки и Латкина „не менѣе 75 коп."), въ праздники 2 руб. 80 коп.—3 руб. 20 коп. (у К° Бенардаки и Латкина—2 руб., у Поповыхъ—2 руб. 40 коп., у Мясниковыхъ—4 руб. 20 коп.). За добычу и вывозку куб. сажени песковъ въ будни—70 коп.—1 руб., въ праздники—1 руб. 40 коп.—2 руб.; за добычу, вывозку и промывку песковъ съ куб. сажени въ будни—1 руб.—1 руб. 20 коп., въ праздники—2 руб.—2 р. 40 коп.; плата эта дѣлилась между всѣми, участвовавшими въ работѣ, но обыкновенно, какъ мы видѣли изъ договора съ Лавровскою, не поровну [1]).

Въ Олекминскомъ округѣ, по одному договору, рабочіе за выработку 1 куб. саж. при вскрышѣ талаго торфа 2-мя человѣками, а мерзлаго—сколькими потребуется, должны были получать съ 10 сентября по 1 мая по 15 к. въ будни и по 50 к. въ праздники; съ 1 же мая они обязывались вырабатывать еще по $^1/_2$ куб. саж. старательскою работой и должны были получать за урочную куб. сажень по 50 коп. [2]),

---

[1]) На Гавриловскомъ пріискѣ К° Рязановыхъ и др. (сѣверная часть Енисейскаго округа) въ операцію 1869—70 гг., при добычѣ торфа общеконтрактными рабочими, оказалось, что при вознагражденіи мѣсячною платой, одна поденщина обошлась въ 40 коп. въ день, а добыча сажени—1 руб. 71 коп.; урочными работами одна поденщина обошлась въ 45 коп. и добыча сажени въ 1 руб.; старательскими работами—одна поденщина около 90 коп., добыча сажени — болѣе 2 руб. При промывкѣ песковъ поденщина обошлась въ 52 коп., а добыча и промывка куб. сажени песковъ—1 р. 35 к., старательскими работами—поденщина около 1 руб. 5 коп., а сажень—2 руб. 80 коп.

[2]) Изъ этого видно, какъ введеніе обязательныхъ полуторныхъ уроковъ понизило плату за урочную работу.

а за старательскую работу, какъ въ будни, такъ и въ праздники, по 1 руб. 40 коп. съ сажени. При ручномъ откатѣ 4 человѣка должны были получать за урочную выработку 1 руб. 50 к., за старательскую—3 руб. за сажень. При работѣ на пескахъ полагалась поденная плата.

Выше, чѣмъ общеконтрактныхъ, было вознагражденіе рабочихъ, нанимавшихся артелями исключительно на выработку торфа или на плотничныя работы, такъ называемыхъ отрядныхъ или подрядныхъ рабочихъ. Хотя еще въ концѣ 50-хъ годовъ вознагражденіе этихъ рабочихъ понизилось сравнительно съ первою половиной 50-хъ годовъ и на этомъ болѣе низкомъ уровнѣ оно стояло въ теченіе всего десятилѣтія 60-хъ годовъ, но, все-таки, вознагражденіе, получаемое ими, было выше платы общеконтрактныхъ. Въ запискѣ комитета, учрежденнаго въ Иркутскѣ Корсаковымъ въ октябрѣ 1861 г., сказано объ отрядныхъ рабочихъ слѣдующее: „Рабочіе изъ Великороссійскихъ губерній обыкновенно нанимаются на промысла въ отрядныя работы артелями. Обезпеченные въ матеріальномъ отношеніи несравненно болѣе поселенцевъ, нравственнѣе и воздержнѣе сихъ послѣднихъ, а потому независимѣе отъ нуждъ и свободнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, они получаютъ за свою работу болѣе возвышенную плату, чѣмъ сибирскіе рабочіе, нанимающіеся въ такія же работы одиночно, по такъ называемымъ общимъ контрактамъ... Золотопромышленники... соглашаются на уплату возвышенныхъ цѣнъ, потому что труды этихъ рабочихъ находятъ для себя и необходимыми, и производительными. Между артельными рабочими не случается ни побѣговъ, ни уклончивости отъ работъ, ни болѣзненности въ такихъ размѣрахъ", какъ „между общеконтрактными; задатковъ они требуютъ самыхъ ничтожныхъ, а иногда нанимаются въ работу и вовсе безъ задатковъ" [1]). Изъ 38 извѣстныхъ намъ контрактовъ на вскрытіе торфа (60-хъ годовъ) южной части Енисейскаго округа въ 35 говорится о вскрытіи торфа исключительно на лошадяхъ, въ одномъ—на лошадяхъ и ручнымъ откатомъ и въ двухъ—только ручнымъ откатомъ. При конной отвозкѣ торфа наиболѣе обычнымъ урокомъ была выработка 1 куб. сажени въ день на 1 лошади для 2 человѣкъ (К° Квятковскаго и Королева увеличила праздничный урокъ въ одномъ договорѣ до $1^1/_4$, а въ другомъ—до $1^1/_2$ куб. саж., хотя праздничное вознагражденіе по этимъ договорамъ было не выше, а ниже средняго уровня: въ первомъ—1 руб. 80 коп., во второмъ—2 руб. съ сажени). Вознагражденіе за исполненіе урока въ будни, т.-е. за добычу сажени 2-мя рабочими, при отвозкѣ торфа на лошадяхъ, колебалось между 70-ю коп. и 1 рублемъ за исполненіе урока въ будни, если же взять среднюю цифру изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ договоровъ, то получимъ 86 коп. (на двоихъ) за урочную сажень. Воз-

[1]) Арх. Горн. Деп., дѣло № 68/650, ч. III.

награжденіе за исполненіе урока на турфахъ въ праздничный день колебалось между 1 руб. 70 коп. и 3 руб. за сажень (на двоихъ), а въ среднемъ получаемъ 2 руб. 18 коп. [1]); слѣдовательно, на каждаго рабочаго въ среднемъ (если они не вырабатывали болѣе урока) приходилось на торфахъ въ будни по 43 коп., въ праздники—по 1 руб. 9 к. Объ отвозкѣ турфа ручнымъ откатомъ упоминается, какъ мы уже говорили, только въ 3 договорахъ съ отрядными рабочими южной части Енисейскаго округа [2]). При обозначеніи платы въ праздничные дни обыкновенно прибавляется, что по такой же нормѣ производится вознагражденіе рабочихъ и за сверхъурочную (старательскую) работу въ будни. Слѣдовательно, если отрядные рабочіе вырабатывали въ день болѣе, чѣмъ назначено въ контрактѣ, то они получали и бо́льшую плату, но въ нѣкоторыхъ контрактахъ встрѣчается при этомъ оговорка, что такая сверхъурочная работа не должна превышать $^1/_4$ куб. саж., и, слѣдовательно, на каждаго рабочаго въ такомъ случаѣ приходилось по $^1/_8$ к. с. Если взять среднее праздничное вознагражденіе за сажень (2 р. 18 к.), то это составитъ прибавку къ будничному заработку въ 27 коп.

Въ сѣверной части Енисейскаго округа, безъ сомнѣнія вслѣдствіе большой дороговизны содержанія лошадей, было гораздо болѣе распространено добываніе торфа съ ручною откаткой. Изъ 13 извѣстныхъ намъ договоровъ этого округа отрядныхъ рабочихъ (на вскрышу турфа) въ 6-ти дѣло идетъ объ отвозкѣ исключительно на лошадяхъ, въ 2 исключительно о ручной откаткѣ и въ 5—о томъ и другомъ способѣ отвоза торфа. При конной отвозкѣ плата за выполненіе урока колебалась въ будни между 60 к. и 1 р. 50 к., въ среднемъ двое получали 94 к. или 47 к. на каждаго (за исполненіе урока). При ручномъ откатѣ 3-мя человѣками (а въ одномъ договорѣ 4-мя) за исполненіе урока платили въ будни отъ 80 коп. (на троихъ—въ договорѣ К° Малевинскаго 1868 г.) до 1 р. 50 к., т.-е. 27—50 к. въ день на каждаго, а въ среднемъ 1 р. 14 к. за сажень; въ праздники отъ 1 р. 80 к. (въ томъ же договорѣ К° Малевинскаго) до 2 р. 70 к. (60—90 к. въ день на каждаго), а въ среднемъ за сажень 2 р. 40 к. [3]).

---

[1]) Общеконтрактные рабочіе получали, какъ мы видѣли, за урочную сажень въ будни обыкновенно 60—80 коп., въ праздники—1 руб. 20 коп.—2 руб.

[2]) Въ контрактѣ съ Сидоровымъ (1863 г.) 3 рабочихъ за добычу и откатку на тачкахъ 1 куб. с. получали вмѣстѣ въ будни 1 р. 30 к. (по 43 к. на каждаго), въ праздники 3 р. (по 1 р. на каждаго); въ договорѣ съ К° Зотовыхъ (1863 г.) также 3 рабочихъ получали въ будни за сажень 1 р. 60 к. (53 к. на каждаго), въ праздники 3 р. 20 к. (1 р. 7 к. на каждаго) и, наконецъ, въ договорѣ съ Лопатинымъ (1862 г.) за вскрышку и откатку 1 куб. с. торфа 4-мя человѣками въ будни получали 2 р. (по 50 к. на каждаго), въ праздники 4 р. 50 к. (по 1 р. 12 к.).

[3]) При вскрышѣ торфа по особому условію на Гавриловскомъ пріискѣ Рязановыхъ и К° въ операцію 1869—70 гг. урочными работами поденщина обошлась въ

Н. Латкинъ, сходно съ показаніями контрактовъ, утверждаетъ, что подрядные рабочіе или нижегороды получали въ Енисейскомъ округѣ за вскрышу торфа (очевидно, при конной отвозкѣ) отъ 80 к. до 1 р. 20 к. и даже 1 р. 50 к. за сажень, смотря по свойству торфа. Въ воскресные и табельные дни и за старательскую перевыработку въ будни отъ 1 р. 60 к. до 2 р. 50 к. за сажень (какъ мы видѣли, бывало вознагражденіе и въ 3 руб.).

Жандармскій штабъ-офицеръ Боркъ свидѣтельствуетъ, что „нижегороды всегда остаются довольными, зарабатываютъ хорошія деньги, никогда не бѣгаютъ и почти никогда не жалуются"; онъ же говоритъ, что нижегороды нерѣдко являлись на промысла даже съ собственными лошадьми. Н. Латкинъ также говоритъ: „Вообще подрядные рабочіе значительно отличаются въ работѣ отъ неподрядныхъ; они всегда старательны, никогда не бѣгаютъ съ промысловъ, а потому ихъ нанимаютъ охотно" (стр. 123).

Оригинальный договоръ былъ заключенъ съ рабочими компаніею Бенардаки (южной части Енисейскаго округа) въ маѣ 1861 г.: рабочіе нанимались на *всѣ* работы (слѣдовательно, это были общеконтрактные) до 10 сентября, „а въ случаѣ надобности и до 1 октября 1861 г. за постоянную плату по 25 руб. каждый мѣсяцъ, заключающій въ себѣ 30 дней будничныхъ и *праздничныхъ*", въ которые они „должны быть неуклонно каждый день на работѣ *безъ всякой особой за стараніе платы*",—слѣдовательно, было уничтожено всякое различіе между урочными и старательскими работами. Въ каждый мѣсяцъ по очереди или по усмотрѣнію управляющаго имъ полагался *1 день отдыха* безъ всякой платы за него. За дни перехода при шурфовкѣ изъ одной мѣстности въ другую рабочимъ полагалась обычная плата. По договору съ К° Бенардаки (1870 г. южной части Енисейскаго округа) „за всякую промысловую работу" рабочіе должны были получать въ мѣсяцъ по 30 р. Мы встрѣтили и еще въ южной части Енисейскаго округа нѣсколько болѣе или менѣе сходныхъ съ этимъ договоровъ во второй половинѣ 60-хъ годовъ. Такъ, по договору съ Завадскимъ (1869 г.) чернорабочіе должны были получать въ зимніе мѣсяцы до 1 мая 4 руб. 50 к. — 6 руб., а съ перваго мая или съ открытія промывки: забойщики 18 — 21 р. въ мѣсяцъ, т.-е. въ будни и праздники, по 60—70 к. въ день, возчики— 15 р. или по 50 к. въ день, хвостовые и поторжные — 10 р. 50 к. —

60 к., а вскрыша 1 к. с. торфа 1 р., старательскими работами — поденщина 2 руб. 32 к., а сажень—2 р. (по договорамъ на турфы этой компаніи 1865—67 гг. вскрытіе производилось только съ конною отвозкой). Слѣдовательно, здѣсь при урочныхъ работахъ отрядныхъ рабочихъ сажень (при конной вывозкѣ) вырабатывалась менѣе, чѣмъ двумя человѣками, а при старательскомъ вознагражденіи даже одинъ человѣкъ вырабатывалъ болѣе сажени.

12 руб. въ мѣсяцъ или 35—40 въ день [1]). По контракту съ Вилямовскимъ (1870 г.) вознагражденіе въ лѣтніе мѣсяцы назначено было „по степени работъ" и способностямъ каждаго—отъ 25 р. въ мѣсяцъ". Слѣдовательно, въ 60-хъ годахъ мы встрѣчаемъ уже на нѣкоторыхъ промыслахъ мѣсячное вознагражденіе болѣе значительнаго размѣра, но за то съ уничтоженіемъ всякаго различія между урочною и старательскою работой, между буднями и праздниками и съ огромнымы уроками.

На нѣкоторыхъ промыслахъ для всѣхъ рабочихъ, на другихъ лишь для части ихъ существовала, вмѣсто урочной, поденная плата. Н. В. Латкинъ относительно поденной платы говоритъ: „Рабочіе при промывкѣ песковъ у машинъ, возчики песковъ, отвозчики эфеля и гальки получаютъ поденную плату отъ 40 до 50 к. с. въ будни и отъ 80 к. до 1 р. въ воскресные и табельные дни; прочіе поденщики, обыкновенно рабочіе средней руки, получаютъ отъ 20, 30 до 35 к. с. въ будни, а въ воскресные и табельные дни по 70 и 80 к. с." (стр. 122). Мы видѣли выше, что при добычѣ и промывкѣ золота въ нѣкоторыхъ договорахъ назначалась плата съ каждой сажени промытаго песку и, вмѣстѣ съ тѣмъ, указывалось, какъ поденно должно было распредѣляться вознагражденіе между рабочими [2]).

До начала промывки въ будни горнорабочимъ выдавалась обыкновенно мѣсячная плата, а въ праздники иногда поденная (50 к.—1 р.), на другихъ же промыслахъ въ зимнюю операцію особой праздничной платы не было. Поденная плата иногда назначалась и мастеровымъ. Если, на основаніи поденной платы мастеровыхъ и разночинцевъ, мы вычислимъ мѣсячное жалованье, то увидимъ, что при поденномъ вознагражденіи они получали столько же, сколько и при мѣсячномъ.

---

[1]) За такую плату забойщики и возчики должны были вырабатывать огромные уроки, а именно торфа съ отвозкою въ отвалы на 1 лошадь 2-мя человѣками не менѣе *2 куб. саж.*, а при мерзлотѣ не менѣе $1^1/_2$ к. с., песковъ добыть и подвезти на машину на 2 лошади 4-мя рабочими, полагая въ томъ числѣ и возчика—$2^3/_4$ и не менѣе $2^1/_2$ куб. с., а 5-ю рабочими тоже на 2 лошади $3^1/_2$ и не менѣе 3 куб. с. Въ случаѣ ненастья, управленіе обязывалось сбавлять урокъ, но не болѣе, какъ на $^1/_4$ куб. саж.

[2]) По договорамъ съ К° Бенардаки и Сидорова 1860—61 гг. (южной части Енисейскаго округа) промывальщикъ получалъ въ будни 50—60 коп., въ праздники 1 р.—1 р. 20 к. На пріискѣ г-жи Бевадъ (1862 г., южно-енисейская система) полагалась поденная плата не только при промывкѣ, но и при добычѣ песковъ, а именно забойщики получали по 50 к., возчики гальки, эфеля и песковъ по 30 к., свальщики по 40 к., а въ праздники старательскихъ 1 р.—2 р. На промыслахъ Олекминскаго округа К° Катышевцева при добычѣ и промывкѣ песковъ полагалось (1862 г.) слѣдующее поденное вознагражденіе: забойщикамъ, свальщикамъ и промывальщикамъ въ будни по 50 к., въ праздники по 1 р. 50 к., пробщики, разборщики, возчики песковъ и гальки, а также шурфовщики и за вскрышу турфовъ и прочія горныя работы по 35 к. въ будни и по 1 р. 20 к. въ праздники.

Въ шестидесятыхъ годахъ старательскія работы были почти всегда обязательны для рабочихъ; такъ какъ вслѣдствіе этого трудно говорить объ урочныхъ работахъ отдѣльно отъ старательскихъ, то намъ и пришлось уже сообщать свѣдѣнія о старательскомъ вознагражденіи на тѣхъ промыслахъ, гдѣ мѣсячное жалованье замѣнилось урочнымъ или поденнымъ вознагражденіемъ. Въ печати уже встрѣчаются въ это время протесты противъ самой системы старательскихъ работъ: вмѣсто того, чтобъ установить равномѣрное и соотвѣтственное труду вознагражденіе, золотопромышленники предпочитали оплачивать по низкой нормѣ урочную или хозяйскую работу и по масштабу вдвое-втрое большему праздничный трудъ или добавочный трудъ въ будни. Такимъ образомъ, высокая старательская плата какъ будто скрашивала ничтожность вознагражденія за урочный трудъ и притомъ заставляла рабочихъ такъ напрягать свои силы, какъ они не стали бы этого дѣлать при равномѣрномъ вознагражденіи. Авторы нѣкоторыхъ статей о положеніи пріисковыхъ рабочихъ [1]) съ негодованіемъ говорятъ о системѣ старательскихъ работъ или, какъ выражается одинъ изъ нихъ, „хитрообдуманнаго, убійственнаго старанія". Насколько важную роль играли въ золотопромышленности старательскія работы, видно изъ словъ Пищикова, что у многихъ посредствомъ старанія добывается треть, у нѣкоторыхъ—четверть и лишь у немногихъ—пятая часть золота.

Объ обязательности старательскихъ работъ въ праздники мы находимъ, во-первыхъ, указанія въ современной печати. Пищиковъ говоритъ: „Если рабочій, выбившійся изъ силъ, проситъ отдыха хотя въ праздничный день (жертвуя для этого старательской платой), ему не даютъ этого отдыха" [2]). Въ одной газетной корреспонденціи сказано, что „законъ исключаетъ изъ обязательной работы табельные и праздничные дни и дозволяетъ въ эти дни только добровольную старательную работу. Но золотопромышленники *давно уже* превратили эти старательныя работы въ обязательныя" [3]). Авторъ возраженія на эту корреспонденцію, признавая, что *будничныя* старательскія работы сдѣлались для рабочихъ обязательными, утверждаетъ, что работа въ праздники вполнѣ зависитъ отъ желанія рабочихъ [4]). Но это опровергается показаніями самихъ золотопромышленниковъ. Н. Латкинъ какъ будто и не представляетъ себѣ возможности прекращать въ праздники работу на золотыхъ промыслахъ: „По краткости лѣта, — говоритъ онъ, — работы на промыслахъ про-

---

[1]) См., напримѣръ, „Амуръ" 1861 г., № 61, стр. 530

[2]) „Сынъ Отечества" 1861 г., № 50, стр. 1503.

[3]) „С.-Петербургскія Вѣдомости" 1865 г., № 137.

[4]) „Журн. Мануф. и Торгов." 1866 г., т. VI, *К. Ч—въ*: „Замѣч. на письмо изъ Красноярска о золотомъ промыслѣ".

изводятся во всѣ воскресные и табельные дни" (стр. 122). Лопатинъ говоритъ совершенно категорично: „Въ воскресные и праздничные дни ведутся однѣ старательскія работы... за особую, условную, возвышенную плату, съ тѣмъ, *чтобы стараніе это было общее, обязательное*... Промывка золота требуетъ общности въ работѣ; нежеланіе нѣсколькихъ человѣкъ принять участіе въ такой работѣ можетъ остановить все дѣло... поэтому, чтобы не было уклоненія со стороны лѣнивыхъ, признана она обязательною для всѣхъ" (стр. 34).

Это подтверждаютъ и договоры золотопромышленниковъ съ рабочими. Авторъ одной статьи о золотыхъ промыслахъ Томской губерніи говоритъ о включеніи въ контракты обязательства работать по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, какъ объ общераспространенномъ явленіи [1]).

Въ общихъ контрактахъ южной части Енисейскаго округа мы почти всегда находимъ обязательство рабочихъ трудиться во всѣ праздники, причемъ въ нѣкоторыхъ договорахъ прибавлено: „чтобы послѣ не роптать на малость заработка" (ясное свидѣтельство о недостаточности платы за урочныя работы). Но такъ какъ работать безпрерывно было невозможно, то въ нѣкоторыхъ договорахъ встрѣчаются указанія о дняхъ отдыха, предоставляемыхъ рабочимъ (см. ниже) [2]).

Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ общихъ контрактовъ 60-хъ годовъ необязательными старательскія работы въ праздники оказались для горнорабочихъ только въ контрактахъ съ Безобразовымъ (1861 г.) и съ К° Ще-

---

[1]) *А. Ш.* „Уголки золотопромышленнаго міра" („Дѣло" 1870 г., № 7, стр. 53). Укажемъ нѣкоторые отдѣльные примѣры. Въ договорѣ съ Лавровскою (Мар. окр., 1864 г.) сказано: „Чтобы отработать выданные намъ управляющимъ задатки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заработать деньги на взносъ государственныхъ податей и повинностей, равно какъ и на содержаніе своихъ семействъ, обязаны мы, для пользы управленія и своей собственной, особенно стараться по вскрытіи турфовъ и добычѣ и промывкѣ золотосодержащихъ песковъ въ табельные и воскресные дни, производя эти старательскія работы, гдѣ будутъ указаны, и непремѣнно въ томъ же порядкѣ и составѣ, какъ въ будніе дни". Далѣе еще разъ подтверждается, что рабочіе должны „стараться непремѣнно всѣ праздничные дни". По договору съ золотопромышленникомъ Маріинскаго и Ачинскаго округовъ Цыбульскимъ (1864 г.) рабочіе обязывались „въ воскресные и табельные дни непремѣнно выходить на такъ называемыя старательскія работы полною командой... Всѣ старательскія работы — вскрышу торфа кубическими саженями съ отвозкою въ отвалъ, добычу и подвозку песковъ на машины таратайками и все прочее" они должны были „исполнять тѣми же уроками, какіе установлены по буднямъ".

[2]) Обязательность старательскихъ работъ въ праздничные дни устанавливается и въ извѣстныхъ намъ общихъ контрактахъ сѣверной части Енисейскаго округа. Въ договорѣ съ золотопромышленникомъ Ачинскаго и Минусинскаго округовъ Озеровымъ (1864 г.) уклоняющихся отъ старательскихъ работъ въ праздники пріисковому управленію предоставлялось понуждать „строгими мѣрами". Объ обязательности старанія въ праздники упоминается и въ договорахъ на вскрытіе турфа, а также въ особыхъ условіяхъ съ мастеровыми и ремесленниками.

голевыхъ, Кузнецова и Бунаковыхъ (1860 г.), а также въ договорѣ съ Асташевымъ (1862 г.). Въ этомъ послѣднемъ контрактѣ сказано, что рабочіе освобождаются отъ работъ въ праздничные дни, но имъ *дозволялись* старательскія работы, которыя они, однако, должны были производить въ томъ же размѣрѣ на хозяйскихъ машинахъ и снявъ предварительно торфъ съ отведеннаго имъ мѣста [1]). Въ контрактѣ съ Безобразовымъ (1861 г., южн. ч. Енисейск. окр.) сказано: „Въ работѣ находиться намъ каждодневно, *въ воскресные же, праздничные и табельные дни отъ работы хотя увольняемся*, но необходимыя работы и занятія, какъ-то: хлѣбопековъ, конюховъ и прочія исполнять, а равно и въ случаяхъ экстренныхъ“ (пожары, устройство и поправка плотинъ и т. п.) они должны были являться во всякое время „безъ малѣйшаго ослушанія“. Относительно старательскихъ работъ въ этомъ договорѣ было сказано: „Старательскія работы за особое вознагражденіе и производимыя въ свободное время“ могутъ быть „дозволены“ и „предоставлены“ рабочимъ „не иначе, какъ по произволу управленія“, но объ обязательности этихъ работъ нѣтъ ни слова. Такъ же и по договору съ К° Щеголевыхъ, Кузнецова и Бунаковыхъ (1860 г.) старательская работа въ праздники и будни „дозволялась“ рабочимъ, но не сказано, чтобы она была для нихъ обязательною. Нельзя не замѣтить, что всѣ эти три договора относятся къ самому началу 60-хъ годовъ, и въ позднѣйшихъ контрактахъ мы не встрѣчаемъ уже подобныхъ условій относительно необязательности старательскихъ работъ. Возможно, однако, что такія редакціи этихъ контрактовъ были для даннаго времени уже не имѣющимъ дѣйствительнаго значенія переживаніемъ и, быть можетъ, на дѣлѣ старательскія работы были уже и тогда обязательны на пріискахъ названныхъ компаній, какъ и на другихъ золотыхъ промыслахъ [2])

Необязательными старательскія работы въ праздники (а также и въ будни) были лишь на промыслахъ Киргизской степи, Кокбектинскаго округа. Тамъ не соблюдалось никакихъ другихъ праздниковъ, кромѣ воскресеній: въ эти послѣдніе дни рабочіе не были обязаны исполнять старательскія работы. Въ эти дни киргизы отдыхали, но нѣкоторые, особенно семейные, работали, вскрывая торфъ или промывая золото [3]).

Мы видѣли, что авторъ возраженія на корреспонденцію о положеніи пріисковыхъ рабочихъ въ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ (1865 г.),

---

[1]) Далѣе въ договорѣ было указано вознагражденіе за старательское золото съ золотника и за вскрышу торфа старательскими работами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будетъ дозволена рабочимъ промывка песковъ.

[2]) Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ договоровъ на вскрытіе турфа прямо обусловлена согласіемъ рабочихъ старательская работа въ праздники лишь въ одномъ договорѣ съ К° Рязановыхъ, Горохова и Мошарова (1865 г., сѣв. часть Енис. окр.).

[3]) „Рус. Слово“ 1861 г., № 6; „Тоб. Губ. Вѣд.“ 1870 г., № 1.

пытаясь утверждать, что старательскія работы въ праздники не обязательны для рабочихъ, считалъ, однако, безспорною обязательность старательскихъ работъ въ будни [1]). В. Латкинъ, въ своей брошюрѣ „О золотопромышленности въ Сибири“ (1864 г.), также говоритъ объ общей старательской работѣ въ будни, какъ о вполнѣ обычномъ явленіи. Есть указанія и 50-хъ годовъ о томъ, что общая старательская работа въ будни сдѣлалась еще въ то время обязательною. Наконецъ, разсматривая размѣръ дневного урока горныхъ работъ въ 60-хъ годахъ, мы привели не мало свидѣтельствъ объ обязательной прибавкѣ къ урочной сажени еще $^1/_4$ или $^1/_2$ сажени въ видѣ старательской работы. Къ фактамъ, уже приведеннымъ, прибавимъ свидѣтельство Н. Латкина въ его книгѣ объ енисейскихъ промыслахъ (1869 г.): „Старательская перевыработка опредѣляется условіемъ отъ $^1/_4$ до 1 куб. саж. [2]) и ежедневный рабочій урокъ задается обыкновенно съ этою перевыработкой, которую, впрочемъ, — по словамъ Латкина, — иногда рабочіе не вырабатываютъ, особенно въ дождливое время“, но, какъ мы уже знаемъ, эта недоработка не проходила имъ даромъ. Такимъ образомъ, весьма не рѣдко въ договорахъ опредѣлялось количество ежедневной старательской прибавки къ уроку, но иногда размѣръ старательской работы не былъ точно указанъ въ контрактѣ [3]).

Впрочемъ по нѣкоторымъ, весьма немногимъ, договорамъ старательская работа въ будни была не обязательна; такъ мы уже упоминали, что по договору К° Щеголевыхъ, Кузнецова и Бунаковыхъ (1860 г.) какъ праздничная, такъ и будничная старательская работа на торфахъ и пескахъ „дозволялась“ рабочимъ, но не сдѣлана была для нихъ обязательною. По договору съ К° Бенардаки, Щеголева и Кузнецова (1862 г.) также лишь „дозволялась“ старательская работа въ будни на торфахъ и пескахъ, между тѣмъ какъ по праздникамъ была установлена ея обязательность. Наконецъ, мы имѣемъ два договора съ рабочими К° Логинова (1862 г., южн. части Енисейскаго округа), изъ которыхъ въ первомъ сказано: „Тѣмъ изъ насъ, на которыхъ будетъ возложена урочная работа, по окончаніи оной, если это будетъ прежде срока, положеннаго... для вседневной работы (т.-е. ранѣе 8 час. вечера), *предоставляется*

---

[1]) „Журн. Ман. и Торг.“ 1866 г., т. VI.

[2]) Въ концѣ 50-хъ годовъ добавочная старательская работа въ Енисейскомъ округѣ равнялась $^1/_4$ куб. саж. („Горный Журналъ“ 1862 г., № 3, стр. 562), но по договору съ Асташевымъ 1859 г. установлены были полуторные уроки.

[3]) Такъ, въ договорѣ 1863 г. съ Даниловымъ (южн. ч. Енисейск. окр.) рабочіе обязывались для пользы хозяина „и своей собственной особенно стараться на вскрышѣ торфа и добычѣ и промывкѣ золотосодержащихъ песковъ *послѣ уроковъ* и въ старательскіе дни производить работы, гдѣ будетъ указано, непремѣнно въ томъ же порядкѣ и составѣ, какъ и урочныя, только за особую плату“.

быть свободными и заниматься старательскою работой, а въ воскресные и табельные дни таковая старательская работа *предоставляется* намъ всѣмъ. Впрочемъ, никто изъ насъ старательскихъ работъ ни требовать, ни избирать не долженъ, а предоставляемъ это усмотрѣнію хозяина". Въ другомъ договорѣ съ Логиновымъ того же года будничныя старательскія работы также остаются не обязательными [1]),—напротивъ того, „въ табельные дни" рабочіе условились „работать безпрекословно, тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ будничные дни". Мы считали необходимымъ отмѣтить эти переживанія прежнихъ отношеній въ нѣсколькихъ контрактахъ, но вовсе не увѣрены въ томъ, чтобы въ дѣйствительности работы въ будни и на этихъ пріискахъ не были для всѣхъ обязательными; этому могла содѣйствовать самая неясность выраженій въ контрактѣ: съ одной стороны, рабочимъ *предоставляется* старательская работа, съ другой—никто изъ рабочихъ *требовать* ея не долженъ, и отъ пріисковаго управленія какъ будто зависитъ не только установленіе той или другой формы старательской работы, но и самое разрѣшеніе ея. Между тѣмъ, если старательскія работы были необходимы для пріисковаго управленія, то онѣ были не менѣе необходимы и для рабочихъ, по крайней мѣрѣ, при той системѣ вознагражденія, какая была введена на всѣхъ пріискахъ, и при которой урочныя работы обыкновенно оплачивались такою ничтожною платой, что только старательскія работы, какъ это признавалось и во многихъ договорахъ, давали возможность рабочимъ отработать задатки и кое-что вынести съ пріисковъ. Впрочемъ, при всемъ томъ, мы считаемъ весьма важнымъ для рабочихъ право, прежде имъ принадлежавшее, соглашаться на старательскія работы или отказываться отъ нихъ, такъ какъ это должно было заставлять пріисковое управленіе не раздражать ихъ жестокимъ обращеніемъ, не притѣснять тяжелыми уроками, не вызывать неудовольствія дурною пищей. Но еслибъ управленіе вздумало вовсе отказать рабочимъ въ старательской работѣ, не назначая имъ иной повышенной платы, то они просто разбѣжались бы съ пріисковъ, какъ это и бывало въ Западной Сибири при началѣ золотопромышленности. Однимъ словомъ, при томъ строѣ отношеній между хозяевами и рабочими, при той системѣ вознагражденія, какіе установились на золотыхъ пріискахъ въ Сибири въ 60-хъ годахъ, и на тѣхъ немногихъ пріискахъ, гдѣ введеніе старательскихъ работъ было какъ бы необязательно для управленія, а исполненіе ихъ—для рабочихъ, по всей вѣроятности, на дѣлѣ онѣ исполнялись всѣми рабочими, были общими старательскими работами и въ будни, и въ праздники.

[1]) „Тѣмъ изъ насъ, которые пожелаютъ послѣ окончанія работы урочной въ будничное время работать ту же работу по старательской платѣ, въ томъ *не отказывать* намъ, но это зависѣть будетъ отъ воли хозяина".

Впрочемъ обязательнаго старанія въ будни дѣйствительно не было на промыслахъ Киргизской степи, гдѣ вольныя старательскія работы исполнялись артелями въ свободное отъ урочныхъ работъ время и въ воскресные дни.

Пищиковъ, указывая въ своей статьѣ на громадную разницу въ положеніи простого горнорабочаго на пріискахъ и мастерового или разночинца, говоритъ о праздничныхъ старательскихъ работахъ и распредѣленіи заработанныхъ такимъ образомъ денегъ слѣдующее: „Закономъ для прекращенія хищничества золота воспрещено одиночное стараніе, а введено общее или артельное"; но это не значитъ, что всѣ находящіеся на пріискахъ должны быть на этомъ стараніи. „Нѣтъ, идутъ на работу одни и тѣ же бѣдные труженики-чернорабочіе, потому что разночинцамъ идти некогда: они всѣ находятся при своихъ ежедневныхъ занятіяхъ... Стараніе распредѣляется такъ: съ песковъ, которые должны быть промыты въ этотъ день, по количеству ихъ, торфа снимаются тѣми же старателями, слѣдовательно, люди такъ и разставляются: одни на вскрышку торфовъ, другіе на добычу и отвозку песковъ на машину, при машинѣ вся прислуга, т.-е. промывальщики, мутильщики, машинисты, свальщики, галешники, эфельные и отвальные". Но „плата за старательское золото, добытое въ этотъ день, одними чернорабочими, расписывается на всѣхъ наличныхъ людей, находящихся на пріискѣ и по зимовьямъ, по равной части, какъ на работавшихъ, такъ и на небывшихъ совершенно въ этомъ стараніи". „Разночинцы за этотъ день получили жалованье, которое за то только, чтобы они въ праздники исполняли свои каждодневныя обязанности безотговорочно, дается не 3 р. 15 к., а 10 или 15 р. сер. въ мѣсяцъ сполна, безъ вычета и въ праздники; тогда какъ чернорабочіе въ праздники пользуются только однимъ стараніемъ, не получая своего жалованья $10^1/_2$ к. въ день, да еще должны подѣлиться равною съ собою частью изъ своего праздничнаго старанія со всѣми не бывшими съ ними на этомъ стараніи" [1]). Авторъ другой статьи говоритъ, что пріисковаго рабочаго „въ праздничные и торжественные дни, подъ видомъ добровольнаго старанія, заставляютъ работать, а, между тѣмъ, деньги за стараніе выдаютъ тѣмъ, которые и не старались" [2]). Въ договорѣ съ г-жею Бевадъ (1861 г., южн. част. Енисейск. окр.) такъ и сказано: „Раскладка старанія должна быть общая изъ всей суммы на всякаго изъ насъ, кто бы и гдѣ бы ни находился въ работѣ, или назначается намъ постоянная праздничная плата". Но въ такой формѣ правило о распредѣленіи старательскихъ денегъ мы только и встрѣтили въ этомъ договорѣ. Напротивъ, въ дого-

[1]) „Сынъ Отечества" 1861 г. № 50, стр. 1503.
[2]) „Амуръ" 1861 г., № 37.

ворѣ съ К° Хотимскаго и Макарова (1868 г.), при опредѣленіи вознагражденія за старательскую вскрышу торфовъ до 10 мая, сказано: „Общую сумму (заработанную на вскрышѣ торфовъ) управленіе должно раздѣлить по равной части на тѣхъ, кто только находились въ работѣ въ работѣ въ тотъ день, и если кто-либо изъ насъ въ эти же дни особо будетъ управленіемъ отряженъ на другія работы, какъ-то: подвозку разнаго лѣса и другія поторжныя работы, то эти люди должны за каждый старательскій день получать таковую же плату, какая будетъ причитаться на каждаго человѣка при вскрышѣ торфа, *но не изъ нашей заработанной на старательскомъ торфѣ суммы, а собственно особо отъ управленія*“. Съ 10 мая по 10 сентября за праздничную работу на торфахъ и пескахъ и была назначена праздничная плата по 1 руб. каждому, *не исключая и разночинцевъ*. Какъ мы видѣли и по только что цитированному договору съ Бевадъ (1861 г.), раскладка на всѣхъ вознагражденія за стараніе могла быть замѣнена назначеніемъ для всѣхъ или части рабочихъ постоянной праздничной платы. Очевидно, эта замѣна и совершилась въ теченіе 60-хъ годовъ. Раздѣленіе на всѣхъ рабочихъ суммы, полученной за стараніе, быть можетъ, было болѣе удобно при стараніи на золотѣ, при замѣнѣ же этого послѣдняго стараніемъ на торфахъ и пескахъ съ повышенною платой признана была болѣе удобною уплата праздничнаго вознагражденія изъ суммъ пріисковаго управленія [1]).

Изъ всего сказаннаго видно, что общія старательскія работы въ будни и праздники сдѣлались обязательными для рабочихъ. Но такъ какъ золотопромышленники находили выгоднымъ для себя какъ можно болѣе напрягать силы рабочихъ, чтобы получить бо̀льшее количество золота, то *сверхъ урочной и обязательной старательской работы* въ нѣкоторыхъ договорахъ встрѣчаемъ еще условіе о старательскихъ работахъ по взаимному соглашенію между хозяевами и рабочими о такъ называемыхъ „частно-старательскихъ“ работахъ, обыкновенно отдѣльными артелями [2]). Мы указывали выше, какъ рабочіе Ленскаго товарищества

---

[1]) По договору съ Соловьевымъ (1862 г., Олекминск. окр.) вознагражденіе за стараніе на пескахъ должно было раздѣляться лишь между участвовавшими въ горныхъ работахъ.

[2]) По договору съ Марковымъ (Олекминск. окр., 1862 г.) при вскрышѣ торфа полагалось вывезти 75 паръ таратаекъ (въ числѣ которыхъ полагалось 10 паръ старательскихъ), за „старательскую“ же „вскрышу торфовъ, сверхъ опредѣленнаго срока“ (т-е. сверхъ 75 таратаекъ) назначена была плата по 4 р. за куб. сажень, „какимъ бы количествомъ людей она ни была выработана“. По договору съ Прибрежно-Ленскою К° (1862 г.) къ урочной сажени на торфахъ обязательно прибавлялось ¼ саж. старательскихъ; за „старательскую“ же вскрышу торфа сверхъ опредѣленнаго на двухъ рабочихъ количества (1¼ саж.) полагалась, какъ и въ договорѣ съ Марковымъ, плата по 4 р. за сажень и также „какимъ бы количествомъ людей она ни была вскрыта“.

Баснина и Катышевцева (1 мая 1863 г.) выговорили себѣ право сверхъ добычи урочной куб. сажени торфа или песку и $^1/_4$ сажени старательской, „составя между собою небольшія артели, промывать пески или вскрывать торфа“ вольно-старательскими работами (причемъ артель полагалась не менѣе 10 человѣкъ и плата за золото назначена въ 60 коп. съ золотника), и какъ затѣмъ въ дополнительномъ условіи, составленномъ въ тотъ же день, эти рабочіе Ленскаго товарищества *обязались* каждые 2 человѣка при 1 лошади, кромѣ 1 саж. за мѣсячную плату и $^1/_4$ саж. за поденную, вырабатывать еще $^1/_4$ саж. „частно-старательской“ работы или же 10 таратаекъ (считая по 40 таратаекъ въ сажени), причемъ за каждую сажень, выработанную частно-старательскими работами, назначена была плата: за сажень золотодержащихъ песковъ по 4 р. или по 10 коп. за таратайку, а за каждую выработанную сажень торфа по 2 р. Такимъ образомъ, вмѣсто прежнихъ $1^1/_4$ куб. сажени, то же количество людей должны были вырабатывать $1^1/_2$ к. саж., но напряженіе силъ рабочихъ шло и далѣе. Въ договорѣ съ Прибрежно-Витимскою К° (1867 г.) сказано: „Если, по выполненіи нами урочной и старательской работы (полуторнаго урока), кто изъявитъ желаніе стараться на золотѣ, то управленіе не должно намъ отказывать, а предоставлять“ такое стараніе на указанныхъ мѣстахъ съ платою съ золотника добываемаго золота.

До сихъ поръ мы говорили только о стараніи на торфахъ и пескахъ; это объясняется тѣмъ, что общее стараніе на золотѣ почти совершенно вывелось и обыкновенно только при частномъ или вольномъ стараніи плата разсчитывалась съ золотника этого металла. Н. Латкинъ, въ статьѣ о побѣгахъ рабочихъ, называетъ „ложною методой“ вознагражденіе старательскихъ работъ по количеству добываемаго золота. „Теперь стараніе на золото,—говоритъ онъ, преимущественно имѣя въ виду Енисейскій округъ,—по всеобщему почти убожеству розсыпей, уже не приноситъ такихъ выгодъ рабочему, какія приносило прежде, и на тѣхъ промыслахъ, гдѣ оно еще употребляется, рабочимъ въ праздники и въ воскресные дни за ихъ трудъ достается весьма немного. При этой методѣ вознагражденія рабочій рискуетъ своимъ трудомъ и конечно, не видя въ немъ выгоды, не старается работать, тогда какъ получая, двойную посаженную и поденную плату противъ будничной, онъ съ охотою [1]) идетъ на работу въ праздники и знаетъ, что онъ получаетъ вѣрную, вполнѣ зависящую отъ него самого заработку. Впрочемъ, надо отдать справедливость хозяевамъ промысловъ, что теперь очень рѣдко можно встрѣтить пріиски, гдѣ существуетъ подобная ложная система вознагражденія за старательскія работы въ праздничные и воскресные

[1]) Не съ охотою, а поневолѣ, потому что вознагражденіе за урочныя работы слишкомъ ничтожно, да и старательскія работы сдѣлались уже обязательными.

дни, и что если иногда и дается стараніе на золото, то это дѣлается въ видѣ награды и поощренія хорошимъ мастеровымъ или другимъ работникамъ, которые стараются большею частью въ старыхъ выработкахъ, въ бортахъ разносовъ или на почвѣ". По мнѣнію Н Латкина, было необходимо „уничтоженіе старанія на золото, *столь выгоднаго въ прежнее время рабочимъ*, и повсемѣстная замѣна его увеличенною платой за самую работу" [1]). Какъ мы видѣли, это и совершилось въ теченіе 60-хъ годовъ, такъ что Н. Латкинъ въ своей книгѣ, изданной въ концѣ этого десятилѣтія, могъ уже сказать: „Въ нынѣшнее время рѣдко случается, что рабочимъ даютъ стараться на золотѣ, какъ это дѣлали прежде: хотя это и случается, но какъ исключеніе для хорошихъ мастеровыхъ" [2]). Но вознагражденіе съ золотника золота вновь появилось въ 60-хъ годахъ и, притомъ, какъ единственный видъ платы, замѣняющей не только вознагражденіе за урочную и старательскую работу, но и пищевое довольствіе рабочихъ, въ артеляхъ старателей-золотничниковъ, о которыхъ мы будемъ говорить ниже.

Наиболѣе обычною платой за старательское золото Пищиковъ считалъ 70 к.—1 р. за золотникъ. По словамъ автора одной записки, присланной въ началѣ 60-хъ годовъ въ министерство финансовъ, за золото, добытое во время добровольнаго старанія въ праздничные дни, рабочіе получали по 1 руб. за золотникъ, „и то товаромъ, который ставится имъ втридорога", такъ что они получаютъ за золотникъ золота не болѣе 75 коп. [3]).

На промыслахъ Томской губерніи хозяева въ 1860 году платили рабочимъ за старательское золото 80 к. — 1 р. 20 к. за золотникъ; въ концѣ этого десятилѣтія плата немного повысилась и равнялась 1 р.— 1 р. 50 к. [4]). На промыслахъ Кокбектинскаго округа плата за золотникъ старательскаго золота равнялась въ 60-хъ годахъ 80 к.—1 р. 20 коп., причемъ нерѣдко она выдавалась товаромъ. На промыслахъ Енисейскаго округа за золотникъ старательскаго золота въ началѣ 60-хъ годовъ платили 70 коп.—1 руб. и только въ одномъ договорѣ въ концѣ этого десятилѣтія мы нашли плату по 1 р. 50 к. за золотникъ. На промыслахъ Олекминскаго округа плата за старательское золото была ниже, въ виду большого обилія драгоцѣннаго металла на пріискахъ этой мѣстности: въ извѣстныхъ намъ договорахъ она равнялась 60—80 к. за золотникъ.

За подъемное золото, т.-е. находимое во время работъ и которое

---

[1]) „Содѣйствіе русской промышленности и торговлѣ" 1862 г. Приб. къ № 3.

[2]) „Очеркъ золот. пром. енис. окр.", 1869 г., стр. 123.

[3]) Арх. Горн. Деп., дѣло отд. частн. зол. № 68/650, ч. II.

[4]) Арх. Том. Горн. Упр. вяз. 1134, дѣло 288 — 264 — 2275, л. 1—3, „Дѣло" 1870 г., №[illegible]7, стр. 53.

рабочіе обязаны были представлять пріисковому управленію, подъ страхомъ строгаго наказанія за утайку, и за самородки назначалась плата съ каждаго золотника, обыкновенно тѣмъ менѣе, чѣмъ больше былъ самородокъ. По извѣстнымъ намъ контрактамъ Маріинскаго и Енисейскаго округовъ 60-хъ годовъ, эта плата колебалась между 48 к. и 1 р. 50 к.; но всего чаще она не превышала 1 р. Въ Олекминскомъ округѣ плата за подъемное золото, такъ же какъ и за старательское, была ниже, чѣмъ въ Енисейскомъ (55—70 к.). Въ 1869 г. Главное Управленіе Восточной Сибири поставило на видъ золотопромышленникамъ Забайкальской области, что для предотвращенія кражи золота „полезно" платить за золотникъ подъемнаго золота не менѣе 2 руб. Въ слѣдующемъ году эта мѣра была предложена и золотопромышленникамъ Иркутской и Якутской областей [1]).

Что касается вознагражденія рабочимъ по новому американскому способу, который, впрочемъ, былъ мало распространенъ, то въ нѣкоторыхъ договорахъ сказано, что рабочіе въ этомъ случаѣ должны получать плату не менѣе того, какъ при обыкновенномъ способѣ. На пріискѣ компаніи бар. Корфа и Базилевскаго (южн. част. Енис. окр. въ 1862 г.), при американскомъ способѣ добычи золота, забойщикъ получалъ по 50 к. въ будни и по 1 р. 30 к. въ праздники за исполненіе всего урока, а простой рабочій или отвальный по 45 к. въ будни и по 1 р. 20 к. въ праздники. На пріискахъ Латкиныхъ (Енис. окр.) сильный и ловкій забойщикъ, по свидѣтельству Н. В. Латкина, могъ заработать до 1 р. 20 к. въ день, но они вырабатывали и менѣе. Рабочіе, находившіеся на, такъ называемой, хвостовой канавѣ, куда стекаетъ вода съ самаго нижняго сплотка, зарабатывали менѣе, — не болѣе 50 к. въ будни и 80 к. въ праздники. Н. Латкинъ говоритъ, что за то ихъ работа, сравнительно съ забойщиками, легче и проще, но они должны были постоянно находиться въ сырости и мокротѣ и потому работали въ сшитой изъ сырой, невыдѣланной кожи обуви, надѣваемой на ноги сверхъ бродней [2]). Изслѣдователи, менѣе, чѣмъ Латкинъ, пристрастные къ американскому способу, указываютъ на неблагопріятное вліяніе его на здоровье рабочихъ. По словамъ Таскина, при работѣ по американскому способу рабочій „находится постоянно въ водѣ, особенно при вскрышѣ турфовъ, и не имѣетъ почти никакого во время работы отдыха". Это очень вліяетъ на здоровье рабочаго и утомляетъ его. „Сгребальщику гальки достается всего болѣе, особенно при проворномъ забойщикѣ. Послѣдній набросаетъ сразу нѣсколько лопатъ въ ящикъ и можетъ минуты 2—3 отдохнуть, пока вода успѣетъ промыть заброшенную массу песковъ,

[1]) Арх. Полиц. Упр. г. Енисейска, № 472 (сообщено г. Бакаемъ).
[2]) „Очеркъ золот. пром. Енис. окр.", стр. 165—166.

между тѣмъ какъ сгребальщикъ долженъ постоянно сгребать гальку, чтобы не запруживалась вода. При старомъ способѣ работа легче: тамъ забойщики, наполнивъ таратайку и накайливъ еще для одной, отдыхаютъ до возвращенія ея. Возчики песковъ, гальки и эфеля отдыхаютъ во время самой возки, когда они только сопровождаютъ лошадей“ [1]). Кривошапкинъ также указываетъ на то, что при американскомъ способѣ „рабочіе обрызгиваются водою и почти всегда бродятъ въ грязи и водѣ, да, кромѣ того, при большихъ работахъ накопляются по обѣ стороны горы отваловъ и образуютъ родъ ортъ, заслоняя притокъ и свѣжаго воздуха, и солнечнаго свѣта“. Не мудрено поэтому, что, по свидѣтельству Кривошапкина, съ примѣненіемъ американскаго способа, увеличивались побѣги рабочихъ. Въ виду такихъ условій работы, нельзя не радоваться, что при настоящемъ строѣ золотопромышленности американскій способъ не получилъ распространенія [2]).

Относительно помѣщеній рабочихъ на промыслахъ въ большинствѣ контрактовъ сохранилось старинное условіе, что рабочіе должны строить ихъ въ свободное отъ работы время, не требуя никакой платы. На дѣлѣ же,—говоритъ Кривошапкинъ,—бываетъ два случая: либо пріискъ уже старый, работающійся нѣсколько лѣтъ, гдѣ есть достаточно помѣщенія и хозяину, и всѣмъ рабочимъ; либо пріискъ совершенно новый, и тогда надобно все строить. „Въ первомъ случаѣ такъ бы и сказать (въ договорѣ), что всякое помѣщеніе уже готово; во второмъ случаѣ — строить „въ свободное время отъ пріисковыхъ работъ“ положительно невозможно, и потому Кривошапкинъ требовалъ, чтобы за время, которое рабочіе потратятъ на постройку для себя жилищъ, ови получали бы вознагражденіе отъ хозяевъ [3]). По контракту съ Асташевымъ (1863 г.) рабочимъ на постройку жилищъ, если они не будутъ готовы, полагалось дать три льготныхъ дня, по приходѣ ихъ на пріискъ. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ договоровъ 60-хъ годовъ только въ трехъ безусловно постановлено, что помѣщеніе должно быть отъ хозяевъ.

На золотыхъ промыслахъ Маріинскаго округа, въ большинствѣ случаевъ, избы были заготовлены въ прежніе годы, и въ нихъ помѣщались артели холостыхъ работниковъ; семейные же рабочіе тотчасъ по приходѣ на пріискъ выстраивали для себя отдѣльныя избушки. Нѣкоторые холостяки жили не въ артеляхъ, а у женатыхъ. На золотыхъ промыслахъ Киргизской степи въ Кокбектинскомъ округѣ въ сторонѣ отъ работъ были разсѣяны войлочныя юрты, въ которыхъ жили киргизскія

---

[1]) „Горный Журналъ“ 1860 г., т. IV, стр. 19.

[2]) *М. Кривошапкинъ.* „О состояніи медицинской части на золотыхъ промыслахъ Сибири“. „Сѣв. Почта“, 1862 г., № 84. Его же „Енис. окр.“, стр. 185, 187, 195.

[3]) „Енис. окр.“, стр. 176.

семьи, такъ что пріискъ представлялъ видъ большого аула. Другихъ помѣщеній для рабочихъ не строилось; только для служащихъ на лѣтнее время сооружались домики изъ дерна и камня; зимою всѣ служащіе выѣзжали въ городъ Усть-Каменогорскъ, а киргизы откочевывали, и пріиски до 1 апрѣля оставались почти совершенно пустыми [1]).

На промыслахъ Енисейскаго округа рабочіе помѣщались въ такъ называемыхъ казармахъ; „прежде, во времена оны,—говоритъ Н. Латкинъ,—они сами строили избушки, но нынѣ, слава Богу, это совершенно вывелось, и казармы много сберегли здоровья и жизни рабочихъ. Казармы дѣлаются внутри отъ 4 до 5 арш. вышины; въ нихъ устроивается деревянный полъ, нары и желѣзныя печки. Обыкновенно казармы бываютъ построены на 25, на 40 и на 50 человѣкъ, хотя нельзя не желать, чтобы въ устройствѣ казармъ произошла перемѣна къ лучшему", такъ какъ на иныхъ промыслахъ рабочіе „помѣщены довольно тѣсно" (стр. 120). Авторъ одной газетной корреспонденціи изъ Красноярска [2]) упоминаетъ о сырости и тѣснотѣ жилищъ рабочихъ на промыслахъ.

Жандармскій штабъ-офицеръ, наблюдавшій за промыслами Чикойской и Витимской системъ Забайкальской области и Олекминской системы, донесъ въ 1861 г. въ Главное Управленіе Восточной Сибири, что во ввѣренныхъ ему системахъ промысловъ помѣщенія рабочихъ съ каждымъ годомъ улучшаются, особенно въ Олекминской системѣ, „гдѣ казармы большія, свѣтлыя и сухія; это вводится и на Витимской системѣ". Черезъ три года то же лицо писало: «Большею частью нынѣ на пріискахъ обращено вниманіе на помѣщеніе рабочихъ, въ особенности на Нигряхъ у Баснина, гдѣ работы шли всего второй годъ, но помѣщеніе выстроено превосходное; несмотря на то, что лѣто было дождливое, *рабочіе могли обсушиться* и спокойно отдыхать". Послѣднія слова показываютъ, какъ не великъ былъ уровень требованій жандармскаго офицера относительно рабочихъ казармъ, но и эти требованія оказались слишкомъ высоки. На Спасскомъ пріискѣ Олекминской системы, арендуемомъ Базилевскимъ, „рабочіе приносили жалобу, что крыши скверно крыты" и что при продолжительныхъ дождяхъ они „не могли обсушиться", вслѣдствіе чего работы шли плохо и было много больныхъ. Жандармскій офицеръ потребовалъ отъ пріисковаго управленія исправленія крышъ [3]). Очень можетъ быть, что помѣщенія рабочихъ нѣсколько улучшились, сравнительно съ прежнимъ, но вообще они не могли быть особенно удовле-

[1]) „Рус. Слово" 1861 г., № 6. По свидѣтельству Л. Ѳ. Пантелѣева, постройка казармъ во второй половинѣ 60-хъ гг. въ сѣверной системѣ Енисейскаго округа производилась на счетъ хозяевъ.

[2]) „С.-Петерб. Вѣд." 1865 г., № 137.

[3]) Арх. Иркут. Горн. Управ., кн. 1358, № 52/185, л. 151, кн. 1686, № 64/69, л. 15.

творительными; при посѣщеніи Олекминскаго округа въ 1891 г. я могъ убѣдиться, что всѣ старыя казармы отличались большими недостатками: низкими потолками, тѣснотою помѣщенія и проч.

Въ контрактахъ съ рабочими 60-хъ годовъ, какъ и въ предъидущее десятилѣтіе, имъ воспрещалось приводить на промысла своихъ женъ и дѣтей безъ разрѣшенія пріисковаго управленія; иногда разрѣшалось привести жену лишь подъ условіемъ, чтобъ она исполняла всѣ тѣ работы, какія прикажутъ, напримѣръ, мыла полы (что нерѣдко означало обязанности другого рода относительно служащихъ), а женъ, пришедшихъ съ мужьями безъ разрѣшенія, пріисковое управленіе могло выслать вонъ или потребовать за содержаніе ихъ ежемѣсячной платы. Въ нѣкоторыхъ контрактахъ ставилось условіемъ, чтобы женщины были вполнѣ здоровыя. По договору съ Лавровскою (Мар. окр. 1864 г.) за содержаніе женъ и дѣтей, приведенныхъ безъ разрѣшенія довѣреннаго, пріисковое управленіе могло вычитать по 5 руб. въ мѣсяцъ или же выслать ихъ съ промысла во всякое время. Въ договорѣ съ Цыбульскимъ (Мар. и Ачин. окр. 1864 г.), весь контрактъ котораго принадлежитъ къ числу наиболѣе невыгодныхъ для рабочихъ, размѣръ платы за содержаніе семейства рабочаго не опредѣленъ, а предоставляется усмотрѣнію хозяина. Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ немногихъ, договорахъ нѣтъ прямого запрещенія приводить на промысла свои семейства, причемъ рабочіе обязывались или содержать ихъ на свой счетъ, или платить за хозяйскіе припасы по назначеннымъ цѣнамъ. Въ южной части Енисейскаго округа, по договору съ К° Рязановыхъ (1861 г.), женъ, дѣтей и родственниковъ рабочіе не должны были имѣть при себѣ, „развѣ по особому какому уваженію“, но „во всякомъ случаѣ“ они обязывались сами прокармливать на промыслахъ свои семейства, за „продовольствіе же *однимъ хлѣбомъ*“ должны были „платить конторѣ наличными деньгами“ или подвергаться вычету изъ заработка. По договору съ К° Зотовыхъ (1862 г.), если кому будетъ дозволено привести съ собою жену, то она должна была безплатно исполнять возлагаемыя на нее обязанности „въ домашнемъ быту“, иначе содержаніе ея ставится на счетъ мужа. Требованіе относительно обязательныхъ работъ женщинъ подробнѣе развито въ договорѣ съ Асташевымъ (1867 г.): если кому „будетъ дозволено брать съ собою законныхъ женъ“, то онѣ „должны на пріискахъ въ помѣщеніяхъ мыть полы, бѣлье на служащихъ[1]), не требуя за это платы, кромѣ продовольствія хлѣбомъ; ослушницъ управленіе имѣетъ

[1]) По договору съ Завадскимъ (1869 г.), женщины должны были еще лѣтомъ собирать траву-колбу для цынготныхъ рабочихъ, приготовлять вѣники, собирать грибы и ягоды, и все-таки съ нихъ полагался вычетъ за хлѣбъ не менѣе 3 рублей въ мѣсяцъ.

полное право тотчасъ же отправлять съ промысловъ, а тѣ, которыя помѣщены будутъ, по усмотрѣнію управленія, въ какія-либо работы, назначеніе платы имъ зависѣть будетъ отъ управленія". Въ договорѣ съ Поповымъ (1869 г.) не упоминается о необходимости разрѣшенія управленія для привода женъ, если же онѣ не будутъ заниматься женскими работами, то за содержаніе ихъ положено вычитать по 3 рубля [1]). Въ договорѣ съ золотопромышленникомъ Ачинскаго и Минусинскаго округовъ Озеровымъ (1861 г.) сказано: „если кто изъ насъ поступитъ на пріискъ съ женами, то послѣднія въ вознагражденіе за содержаніе ихъ *хлѣбомъ* должны исполнять всѣ женскія работы или тѣ наряды, куда будутъ посылаться".

Въ лѣтнюю операцію женщинъ на пріискахъ бывало весьма немного. Въ 1861 г. на промыслахъ Маріинскаго округа, Томской губерніи, находилось рабочихъ 91% мужчинъ и 9% женщинъ, на промыслахъ въ Киргизскихъ округахъ 93% мужчинъ и 7% женщинъ, въ сѣверной части Енисейскаго округа было рабочихъ 95% мужчинъ и 5% женщинъ (именно столько женщинъ допускала при наймѣ на свои промысла К° Малевинскаго по договору съ своимъ довѣреннымъ 1861 г.), а въ южной части Енисейскаго округа мужчинъ около 94%, женщинъ около 6%. Но обыкновенно въ статистическихъ свѣдѣніяхъ о пріисковыхъ рабочихъ ихъ жены обозначались вмѣстѣ съ дѣтьми, и потому нельзя точно опредѣлить процентнаго отношенія одного пола къ другому. Гораздо большій процентъ составляли женщины на промыслахъ зимою: такъ, въ декабрѣ 1863 г. на промыслахъ Енисейской губерніи было 4,137 мужчинъ и 1,712 женщинъ, т.-е. женщины составляли почти 30% всѣхъ рабочихъ, между тѣмъ, лѣтомъ 1864 г. женщины вмѣстѣ съ дѣтьми *обоего пола* составляли тамъ же менѣе 9% [2]).

Общеконтрактные рабочіе получали отъ хозяевъ пищу, о качествѣ которой мы встрѣчаемъ въ печати совершенно противуположные отзывы. „Въ вознагражденіе потери силъ рабочаго, изнуренныхъ чрезмѣрною работой,—говоритъ Пищиковъ,—даютъ ему въ пищу одинъ фунтъ мяса, въ коемъ половина костей, тогда какъ въ то же время и на томъ же пріискѣ какой-нибудь конюхъ, плотникъ или караульный у амбаровъ (такъ называемые на пріискахъ разночинцы) и вообще всѣ люди трудящіеся на легкихъ работахъ, получаютъ того же мяса 1½ фунта" [3]). Цвѣтолюбовъ также неодобрительно отзывается о пищѣ рабочихъ: „Обѣдъ

[1]) На Гавриловскомъ пріискѣ К° Рязановыхъ, Горохова и друг. (сѣв. ч. Енис. окр.) въ операцію 1864 г. женщины, находившіяся на пріискѣ безъ занятій и получавшія на свое содержаніе ржаной муки по 2½ пуда въ мѣсяцъ, платили за него по 4 р. 20 к.—5 р. ежемѣсячно.

[2]) „Горный Журналъ" 1865 г., т. IV, 141.

[3]) „Сынъ Отечества" 1861 г. № 31.

заключается въ одномъ фунтѣ говядины, большею частью солонины, сваренной въ какой-то жиденькой кашицѣ водянистой, да въ хлѣбѣ, котораго, впрочемъ, дается работнику столько, сколько онъ можетъ съѣсть" [1]). Напротивъ, золотопромышленники даютъ благопріятные отзывы о пропитаніи рабочихъ. В. Латкинъ въ своей брошюрѣ „О золотопромышленности въ Сибири" говоритъ, что на пріискахъ „пища сытная, хлѣба дается безъ учету, мясныя щи да каша, да квасъ; почти всѣ рабочіе, кромѣ однихъ лѣнтяевъ, пьютъ кирпичный чай и съ сахаромъ еще, утромъ, вмѣсто завтрака, послѣ обѣда, вмѣсто паужина" (стр. 42). Чай, какъ видно изъ словъ самого Латкина, а также и изъ контрактовъ, рабочіе пили на свой счетъ; что же касается щей, то авторъ напрасно умалчиваетъ, что они были почти всегда безъ капусты, а лишь съ крупою, почему въ контрактахъ сплошь и рядомъ говорится не просто о щахъ, а о „такъ называемыхъ щахъ". Составители записокъ, представленныхъ въ министерство финансовъ въ началѣ 60-хъ годовъ, также несогласны между собою въ оцѣнкѣ пищи пріисковыхъ рабочихъ. Одинъ изъ нихъ, мѣщанинъ Федченко, говоритъ: „Пища дается рабочимъ чрезвычайно скудная и въ малой пропорціи", напротивъ, уполномоченные по управленію дѣлами К° Зотовыхъ, старающіеся вообще представить положеніе рабочихъ въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ, утверждаютъ, что пищевой паекъ рабочихъ составляетъ „ежедневная порція мяса среднимъ числомъ для каждаго рабочаго $1^1/_4$ ф. (?), коровье масло для каши три раза въ недѣлю, кирпичъ чаю въ мѣсяцъ (?), а хлѣбъ и квасъ—безъ мѣры и вѣсу" [2]). Мы увидимъ, что среднее количество мяса было меньше, кирпичнаго чая не полагалось, а иной разъ рабочіе терпѣли стѣсненіе даже и въ квасѣ [3]).

Восхваленію пріисковой пищи золотопромышленниками мы можемъ противопоставить свидѣтельство одного изъ нихъ—Н. Латкина. Указывая на необходимость многихъ измѣненій въ жизни пріисковыхъ рабочихъ, онъ говоритъ: „Самая пища рабочихъ при этихъ трудныхъ работахъ, хотя и не скудная, потребуетъ необходимаго улучшенія". Въ другомъ мѣстѣ статьи онъ разъясняетъ это подробнѣе. Утверждая, что „содержаніе рабочихъ вездѣ довольно удовлетворительное", Н. Латкинъ опять повторяетъ, что „желательно было бы еще *хоть нѣсколько* улучшить его въ виду трудности работъ и многихъ неудобствъ въ таежной жизни". При всей скромности желаній нашего автора, изъ его дальнѣйшихъ словъ—и для лицъ, совершенно незнакомыхъ съ жизнью пріисковыхъ рабочихъ,—будетъ ясно несоотвѣтствіе ихъ питанія съ условіями тяжелаго,

[1]) „Амуръ" 1860 г., № 12.
[2]) Арх. Горн. Деп., дѣло отд. частн. золотопр. № 68/650, ч. II.
[3]) „Иркут. Губ. Вѣд." 1861 г. № 40.

каторжнаго труда: „Рабочимъ,—говоритъ Латкинъ,—слѣдовало бы давать... мяса нѣсколько болѣе, чѣмъ они получаютъ теперь; надобно отпускать имъ, вмѣсто одного фунта, по крайней мѣрѣ, 1¼ ф. въ сутки, выдачу крупъ увеличить, вмѣсто 8, до 12 ф. въ мѣсяцъ. Наконецъ, весною, въ апрѣлѣ и маѣ, полезно было бы выдавать рабочимъ кислую капусту, лукъ и чеснокъ для предупрежденія развитія цынги. Увеличеніе содержанія не будетъ стоить дорого, а послужитъ къ лучшему сохраненію здоровья рабочихъ и уменьшитъ число больныхъ и хилыхъ“ [1]). Эта программа улучшенія пріисковой пищи болѣе чѣмъ скромна, да иной и не могъ бы предложить золотопромышленникъ, который, для ограниченія непомѣрной тяжести пріисковаго труда, совѣтовалъ запретить работу лишь позже 9-ти часовъ вечера, тогда какъ даже по закону 1838 г. не дозволялось работать долѣе 8 часовъ, и, тѣмъ не менѣе, эти пожеланія, какъ мы увидимъ изъ контрактовъ съ рабочими и показаній современниковъ, почти нигдѣ не были выполнены въ теченіе 60-хъ годовъ.

Въ Западной Сибири (Маріинскомъ и Алтайскомъ округахъ) мяса свѣжаго *или соленаго* вездѣ назначено по 1 ф. въ день для каждаго рабочаго, крупъ (обыкновенно ячныхъ) 7—7½ ф. въ мѣсяцъ; хлѣбъ выдавался, или ржаною мукой въ количествѣ 2 п. 10 ф. въ мѣсяцъ (изъ которой по одному договору долженъ приготовляться и квасъ), или въ видѣ печенаго хлѣба; количество послѣдняго опредѣлено въ одномъ договорѣ (3¼ ф.), но чаще его выдавалось сколько понадобится, такъ же, какъ и соль. О выдачѣ масла или сала упоминается рѣдко [2]). Въ договорѣ съ Цыбульскимъ (Мар. и Ачин. округ. 1864 г.) есть оговорка, что необходимые для приготовленія пищи припасы рабочіе должны получать „со времени прихода на пріиска или, лучше сказать, со времени дѣйствительнаго вступленія въ работу“; здѣсь мы находимъ условіе и относительно постной пищи: а именно желающіе поститься должны были въ постные дни получать, вмѣсто говядины, 1 ф. муки или гороху въ сутки и болѣе этого ничего не требовать. По договору съ Лавровскою (1864 г.) 1 ф. говядины замѣнялся въ такомъ случаѣ даже ¼ ф. крупы. Въ поисковыхъ партіяхъ по этому договору полагалось сушеной говядины ¾ ф. или столько же крупы, одно взамѣнъ другого, и затѣмъ никакой другой пищи рабочіе обязались не требовать. Въ договорахъ, гдѣ количество выдаваемаго хлѣба не было ограничено, мы встрѣчаемъ еще

---

[1]) „Содѣйств. рус. промышл. и торгов.“ 1862 г. Приб. къ № 3.

[2]) Въ договорѣ съ Лавровскою (1864 г.) сказано, что сверхъ ежедневной выдачи ¼ ф. крупы по воскресеньямъ и четвергамъ должно давать рабочимъ кашу съ масломъ или саломъ: не менѣе ¼ ф. крупъ и 3 золотниковъ масла или сала на каждаго человѣка“. О выдачѣ топленаго сала и коровьяго масла упоминается, какъ о явленіи обычномъ, и въ договорѣ К° Рязановой и Триполитова (1863 г.).

постановленіе относительно вычета или наказанія за его растрату [1]). По свидѣтельству Г. П—на (1861 г.), сала или масла выдавалось на промыслахъ Маріинскаго округа въ мѣсяцъ по $^3/_4$ ф. на каждаго; „хлѣба прежде давали безъ ограниченія, нынѣ же опредѣлено по 4 ф. въ день".

На пріискѣ Мезенцева давали мяса по $1^1/_2$ ф. на человѣка, но за то не полагалось крупъ. Тѣ изъ холостыхъ рабочихъ, которые жили не въ артеляхъ, а на квартирахъ у женатыхъ, платили за приготовленіе завтрака, обѣда и ужина по 30 коп. въ лѣто и столько же за зиму; сверхъ того, они обязывались въ свободное время помогать хозяину избы въ заготовленіи дровъ. Впрочемъ, по другому свидѣтельству, рабочіе на промыслахъ Томской губерніи не были обязаны готовить для себя кушанье: для этого хозяинъ долженъ былъ имѣть кашевара, хлѣбопека и т. д., которыхъ рабочимъ предоставлялось выбирать изъ своей среды [2]).

Пропитаніе рабочихъ киргизъ на промыслахъ Кокбектинскаго округа обходилось золотопромышленникамъ гораздо дешевле: они получали отъ хозяина только по 4 ф. хлѣба въ день; мяса, крупъ и соли не давали, потому что киргизы прикочевывали къ пріиску со всѣми своими семьями, имуществомъ и скотомъ и, кромѣ хлѣба, питались своимъ айраномъ (кислымъ молокомъ) [3]).

Въ южной части Енисейскаго округа почти вездѣ рабочимъ назначено въ контрактахъ по 1 ф. свѣжей или соленой говядины; только въ договорѣ съ К° Бенардаки и Н. Латкина полагается $1^1/_8$ ф., по договорамъ съ Безобразовымъ (1864 г.), Поповымъ (1868 г.) и Черныхъ (1869 г.) опредѣлено по $1^1/_4$ ф. и, наконецъ, по договору съ Вилямовскимъ (1870 г.) по $1^1/_2$ ф. мяса (часть рабочихъ по этому послѣднему контракту выговорила себѣ по 1 ф. сахару и 1 кирпичу чаю). Въ оригинальномъ общемъ контрактѣ К° Бенардаки (1861 г.), по которому рабочіе за исполненіе огромныхъ уроковъ, вмѣсто обычныхъ условій вознагражденія, получали мѣсячное жалованье въ 25 руб., имъ полагалось по $1^1/_2$ ф. свѣжей или соленой говядины, но за то, кромѣ печенаго хлѣба или сухарей, они должны были ничего не требовать отъ К° [4]), причемъ было особо оговорено, что кирпичный чай они обязаны были имѣть на свой счетъ. Крупы ячной

---

[1]) Всего чаще рабочіе за такую растрату должны были уплатить „по стоющей цѣнѣ", но иногда этимъ не ограничивается: такъ, по договору съ Лавровскою (1864 г.) каждый разъ за такую растрату въ разсчетный листъ рабочаго должно было записывать по 1 р. 50 к. и сверхъ того ему грозили наказаніемъ, „какъ за умышленное уничтоженіе чужой собственности".

[2]) „Дѣло" 1870 г. № 7, стр. 53—54.

[3]) „Рус. Слово" 1861 г. № 6, стр. 17—18; „Тоб. Губ. Вѣдомост." 1870 г. № 1.

[4]) По другому, подобному же договору съ Бенардаки (1870 г.) при мѣсячномъ жалованіи въ 30 р. рабочіе должны были получать по $1^1/_2$ ф. мяса въ день и по 8 ф. крупы и $3^1/_2$ ф. сала въ мѣсяцъ.

для щей („такъ называемыхъ щей“) или для щей и каши въ праздники назначалось обыкновенно по $7^1/_2$—8 ф. въ мѣсяцъ, но иногда бывало и менѣе, и болѣе. О маслѣ или салѣ упоминается лишь въ немногихъ договорахъ (отъ $^1/_2$ ф. до $3^3/_4$ ф. въ мѣсяцъ). Соль обыкновенно выдавалась въ неограниченномъ количествѣ, но иногда назначается ея отъ $^1/_2$ до 4 ф. въ мѣсяцъ на каждаго: о квасѣ говорится также въ немногихъ договорахъ. Количество хлѣба, если оно опредѣлялось, выдавалось въ количествѣ 3—4 ф. печенаго хлѣба въ день или въ мѣсяцъ $2^1/_4$—$2^1/_2$ п. муки [1]). Въ договорѣ съ К° Бенардаки и Н. Латкина (1861 г.), по которому вообще пища была лучше, чѣмъ у другихъ золотопромышленниковъ, съ 1 апрѣля до 20 мая полагалось до $^1/_3$ ведра капусты на каждаго. За растрату хлѣба въ контрактахъ полагался штрафъ по 1 р. 50 к.—3 р., или по усмотрѣнію пріискового управленія, а по нѣкоторымъ договорамъ вдвое и даже вчетверо болѣе стоимости, и кромѣ того по многимъ договорамъ грозило еще наказаніе, какъ за умышленное уничтоженіе чужой собственности. Въ постные дни фунтъ говядины замѣнялся $^1/_2$ ф. или 1 ф. крупы, или 1 ф. гороха безъ масла; по одному договору фунтъ мяса замѣнялся $^1/_{20}$ ф. постнаго масла. Въ поисковыхъ партіяхъ обыкновенно полагалось по $^3/_4$—1 ф. сушеной говядины (которая иногда замѣнялась крупою) и, кромѣ того, извѣстное количество сухарей, а иногда и крупы [2]). Относительно распредѣленія времени ѣды мы встрѣчаемъ постановленія лишь въ немногихъ договорахъ въ южной части Енисейскаго округа. Въ договорѣ съ Логиновымъ (1862 г.) сказано: „обѣдъ и ужинъ имѣть намъ по одному разу въ день, не требуя завтраковъ и паужиновъ“. По двумъ договорамъ 1869 г. рабочіе обязывались работать съ 5 ч. утра до 8 ч. веч.. „за исключеніемъ времени, обыкновенно даваемаго на чай утромъ и на обѣдъ пополудни съ отдыхомъ“. Такъ какъ чая отъ хозяевъ не полагалось, то рабочіе могли пить его лишь на свой счетъ, но упоминаніе о времени для чая указываетъ, что употребленіе его сдѣлалось уже въ концѣ 60-хъ годовъ явленіемъ весьма обычнымъ [3]).

Въ Олекминскомъ округѣ по договору съ Прибрежно-Витимскою К°

---

[1]) При установленіи нормы расхода муки хозяева, кромѣ огражденія рабочихъ, имѣли въ виду и учетъ, такъ называемыхъ, матеріальныхъ (прикащиковъ, завѣдующихъ вещами и припасами).

[2]) Укажемъ на нѣкоторую разницу между договоромъ Шепетковскаго на операцію 1861—62 г. и „положеніемъ“ на Сергіевскомъ пріискѣ его же съ 1 апрѣля 1862 г.: по договору о выдачѣ капусты не упоминалось, по „положенію“ же она выдавалась.

[3]) Въ 1865 г. высшая администрація Восточной Сибири предписала, чтобы не допускалось вычета съ рабочихъ за кашеваровъ и артельныхъ старостъ и чтобы не свидѣтельствовали договоровъ, гдѣ говорится о такихъ вычетахъ. До этого подобный вычетъ производился на пріискахъ К° Бенардаки, Сидорова и Латкина. Арх. Горн. Исправ. южн. ч. Енис. окр., дѣло 1865 г. № 11, л. 511, 513, 517—518.

(1867 г.) рабочіе должны были получать ржаного печенаго хлѣба сколько потребуется, говядины по 1 ф. и крупы по $^1/_4$ ф. ежедневно. Если вѣрить оффиціальнымъ свидѣтельствамъ, продовольствіе было весьма удовлетворительно. „На всѣхъ промыслахъ Олекминской и обѣихъ системъ Забайкальской области,—по словамъ жандармскаго офицера (1861 г.),—продовольствіе весьма хорошее; рабочіе получаютъ въ обѣдъ и ужинъ по $^1/_2$ ф. мяса, прекрасныя щи и два-три раза въ недѣлю кашу". Въ 1864 г. подрядчики несвоевременно доставили скотъ на пріиски и потому въ августѣ мѣсяцѣ варили солонину [1]).

Пища отрядныхъ рабочихъ была вообще лучше, чѣмъ общеконтрактныхъ: въ большинствѣ контрактовъ имъ полагалось по $1^1/_2$ ф., рѣже по $1^1/_4$ ф. мяса. Кромѣ большаго количества мяса, отряднымъ почти постоянно выдавалось масло или сало, хотя обыкновенно и въ незначительномъ количествѣ [2]). Впрочемъ, въ сѣверной части Енисейскаго округа, если судить по имѣющимся у насъ 12 договорамъ, содержаніе отрядныхъ рабочихъ было нѣсколько хуже, чѣмъ въ южной части того же округа; во-первыхъ, сравнительно чаще назначалось $1^1/_4$ ф. мяса, вмѣсто $1^1/_2$ ф., а затѣмъ остальное содержаніе выдавалось наравнѣ съ общеконтрактными чернорабочими.

Въ особыхъ договорахъ съ ремесленниками и разночинцами почти всегда назначено по $1^1/_2$ ф. мяса и затѣмъ нѣкоторые выговаривали себѣ улучшенное содержаніе: такъ, по одному договору поваръ выговорилъ себѣ 1 кирпичъ чаю и 1 ф. сахару въ мѣсяцъ, а по другому контракту кузнецъ и плотникъ выговорили себѣ содержаніе по положенію служащихъ, а не рабочихъ. Ремесленники и разночинцы, нанявшіеся по общему контракту, обыкновенно получали нѣсколько улучшенное содержаніе, какъ, наприм., конюхамъ давался кирпичный чай.

Н. Латкинъ въ своей книгѣ о промыслахъ Енисейскаго округа (1869 г.) сообщаетъ о пищѣ рабочихъ свѣдѣнія, весьма сходныя съ тѣми, какія мы находимъ въ контрактахъ. По его словамъ, печеный хлѣбъ выдавался рабочимъ безъ ограниченія, лѣтомъ они получали квасъ, мяса мастеровые и подрядные турфовщики—до $1^1/_2$ ф., а остальные рабочіе $1—1^1/_4$ ф.; крупы ячной и гречневой для каши и щей 8—10 ф., сала или масла 1—2 ф., соли 3 ф. въ мѣсяцъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, что дѣйствительная выдача вполнѣ соотвѣтствовала тому, что мы встрѣчаемъ и въ контрактахъ, и, слѣдовательно, если изрѣдка на дѣлѣ содержаніе рабочаго было лучше назначеннаго въ договорѣ, то, въ большинствѣ случаевъ, контракты, все-таки, вѣрно рисуютъ пищевое довольствіе на пріискахъ.

[1]) Арх. Иркут. Горн. Управ., К. 1358 № 52/185, л. 151 и № 57/207, л. 119—120, К. 1686 № 64/69, л. 15.

[2]) Масла отъ $^1/_4$ до 1 ф. или сала отъ $^1/_4$ до $1^1/_2$ ф. въ мѣсяцъ.

Сравнительно съ пятидесятыми годами въ пищѣ рабочихъ незамѣтно никакого улучшенія; начавшаяся въ то время выдача масла или сала производится еще далеко не всегда и, притомъ, въ чрезвычайно ничтожномъ количествѣ. Мяса общеконтрактнымъ рабочимъ выдается обыкновенно по 1 ф. и лишь весьма рѣдко въ количествѣ $1^1/_4$ ф. Введеніе въ пищевой паекъ капусты составляетъ также явленіе исключительное; кирпичный чай, выдававшійся мѣстами въ 50-хъ годахъ отъ хозяевъ, теперь пріобрѣтается общеконтрактными рабочими и большинствомъ ремесленниковъ и разночинцевъ на свой счетъ (напомнимъ, что Кривошапкинъ объяснялъ выдачу кирпичнаго чая на счетъ хозяевъ въ концѣ 50-хъ годовъ дороговизною хлѣба). Однимъ словомъ, золотопромышленниками не были исполнены въ то время даже весьма скромныя предложенія Н. Латкина.

Тотъ же Н. Латкинъ указывалъ еще на одно настоятельно необходимое улучшеніе въ содержаніи рабочихъ: „Винная порція,—говоритъ онъ,—въ особенности весною, должна была бы выдаваться имъ, по крайней мѣрѣ, 2 или 3 раза въ недѣлю; конечно, эта порція должна ограничиться одною чаркой“, которая „въ сырую погоду приноситъ гораздо больше пользы, чѣмъ стаканъ, подаваемый однажды или два раза въ мѣсяцъ, который, кромѣ опьяненія и разслабленія рабочаго, не ведетъ ни къ чему другому [1]). Въ контрактахъ о выдачѣ винной порціи упоминается крайне рѣдко, и то обыкновенно въ такой формѣ, которая ни къ чему не обязываетъ пріисковое управленіе. Такъ, наприм., въ контрактѣ съ Асташевымъ (1861 г., Енисейскаго округа) сказано: «Промысловое управленіе въ награду нашего усердія въ теченіе лѣта обѣщаетъ намъ отпустить нѣсколько винныхъ порцій въ дни праздничные» [2]). Въ договорѣ, предложенномъ рабочимъ Катышевцевымъ весною 1862 г. (Олекм. окр.), сказано, что „первый окончившій урокъ получаетъ винную порцію по $^1/_{100}$ ведра“. Въ дѣйствительности же, по донесенію жандармскаго офицера (1861 г.), на пріискахъ Олекминской системы Соловьева винная порція подавалась рабочимъ каждый день, а на прочихъ пріискахъ этого округа по „торжественнымъ днямъ“ [3]). В. Латкинъ въ своей брошюрѣ о золотопромышленности (1864 г.) говоритъ: „На нѣкоторыхъ пріискахъ водку давали прежде въ каждое воскресенье, и нынѣ многіе даютъ, особенно весной, когда работа труднѣе, черезъ день“.

Въ октябрѣ 1863 г. главное управленіе Восточной Сибири разо-

---

[1]) „Содѣйствіе рус. пром. и торг.“ 1862 г. Приб. къ № 3.

[2]) И дѣйствительно, изъ счетовъ Прокопьевскаго пріиска Асташева видно, что въ операцію 1861 г. на винныя порціи было употреблено 27 ведеръ спирту и въ 1863 г. 30 ведеръ (по 13 р. ведро).

[3]) Арх. Иркут. Горн. Управл. К. 1358, № 52/185, л. 151.

слало горнымъ исправникамъ циркуляръ, которымъ, по желанію исп. должн. ген.-губ. Вост. Сиб. М. С. Корсакова, предписывало, въ видахъ уменьшенія пьянства при выходѣ рабочихъ съ промысловъ, „войти въ совѣщаніе съ золотопромышленниками: не лучше ли употребленіе вина ввести ежедневными порціями во все время отправленія работъ на частныхъ промыслахъ съ постановленіемъ нормальной порціи вина и на чей счетъ, въ томъ предположеніи, что когда умѣренное употребленіе вина войдетъ въ обыкновеніе, то рабочіе не будутъ предаваться пьянству въ жилыхъ мѣстахъ, по выходѣ съ золотыхъ промысловъ, какъ это дѣлается нынѣ“. О результатахъ этого предписанія мы имѣемъ свѣдѣнія лишь относительно южной части Енисейскаго округа.

На созванномъ горнымъ исправникомъ совѣщаніи по этому вопросу золотопромышленниковъ и управляющихъ 14 ноября 1863 г. было постановлено: „Ежедневное употребленіе рабочими ограниченныхъ порцій вина на промыслахъ, безъ всякаго сомнѣнія, во многихъ отношеніяхъ полезно, но привести въ исполненіе эту мѣру можно *на счетъ рабочихъ* тогда только, когда выдаваемые задатки, при наймѣ рабочихъ, не будутъ превышать на каждаго, съ обмундировычными и доставкой на мѣсто работъ 45 р., а при настоящемъ наймѣ людей съ огромными задатками выдача каждодневной винной порціи будетъ служить надбавкою къ увеличенію долговъ, остающихся неотработанными, въ видимый ущербъ капитала промысловыхъ владѣльцевъ“. Постановленіе это было разослано по всѣмъ промысламъ южной части Енисейскаго округа для утвержденія его подписями „съ оговорками или безъ нихъ, смотря по тому, какое будетъ мнѣніе объ этомъ вопросѣ“ [1]).

Горный исправникъ южной части Енисейскаго округа, сообщивъ въ декабрѣ 1863 г. главному управленію Восточной Сибири постановленіе мѣстныхъ золотопромышленниковъ о выдачѣ винныхъ порцій, въ своемъ донесеніи говоритъ: „Кромѣ этого бывшія на совѣщаніи лица...

---

[1]) Управляющій пріисками К° Мясниковыхъ, выражая свою солидарность съ упомянутымъ постановленіемъ, сдѣлалъ оговорку, что на промыслахъ этой компаніи „принято за обыкновеніе подавать порціи вина рабочимъ во время, трудное для работъ, какъ-то: весною и осенью, въ остальное же время порціи вина даются всѣмъ рабочимъ, окончившимъ заданный урокъ“. Шепетковскій заявилъ, что на его пріискахъ заведено въ ненастное время давать порціи вина всѣмъ рабочимъ и, кромѣ того, ежедневно тѣмъ изъ нихъ, которые работаютъ въ сырыхъ мѣстахъ. Управляющій промыслами К° Рязановой, выражая согласіе съ приведеннымъ постановленіемъ, заявилъ, что на промыслахъ этой К° порціи подавались рабочимъ въ ненастные дни, въ особенности весною и осенью, на компанейскій счетъ. На промыслахъ К° Зотовыхъ, по заявленію управляющаго, вино подавалось рабочимъ въ большомъ количествѣ „безъ всякаго обязательства и смотря по времени года, а также постоянно оно употребляется и въ больницахъ для тѣхъ, кои страждутъ скорбутомъ“, а потому онъ выразилъ желаніе предоставить подачу винныхъ порцій усмотрѣнію пріисковыхъ управленій.

присовокупили..., что подача рабочимъ винныхъ порцій безплатно производится на нѣкоторыхъ промыслахъ и въ настоящее время, но только не постоянно, а смотря по надобности, именно: въ ненастные дни и въ такихъ случаяхъ, когда работа требуетъ или усиленнаго труда, или успѣшнаго исполненія. Въ послѣднихъ случаяхъ винная порція играетъ роль или мѣры поощрительной, или награды. Она служитъ для промысловыхъ управленій средствомъ, заохочивающимъ рабочихъ къ дѣятельности и усердному исполненію требуемыхъ отъ нихъ услугъ, иногда экстренныхъ и важныхъ; поэтому нѣкоторые полагаютъ, что винная порція, со введеніемъ выдачи оной ежедневно, не будетъ уже имѣть того вліятельнаго свойства, какое имѣетъ нынѣ[1]). Но въ томъ-то и дѣло, что выдача винной порціи, по усмотрѣнію пріисковаго управленія, являлась въ его рукахъ орудіемъ для крайняго напряженія силъ рабочихъ, и введеніе обязательной выдачи вина положило бы этому предѣлъ.

Въ іюнѣ 1865 г. совѣтъ главнаго управленія Восточной Сибири разослалъ новый циркуляръ горнымъ исправникамъ, которымъ предписывалось, „для представленія соображенія въ С.-Петербургъ", сообщить свѣдѣніе, въ какомъ видѣ и размѣрѣ выдаются винныя порціи рабочимъ, какой порядокъ наблюдается при этомъ, какъ великъ расходъ на порцію каждому рабочему въ теченіе года и на чей счетъ относится этотъ расходъ.

На запросъ горнаго исправника сообщены были свѣдѣнія о выдачѣ вина, изъ которыхъ видно, что на разныхъ промыслахъ въ теченіе времени съ начала апрѣля до конца іюля рабочіе получили отъ 14 до 48 порцій по $^1/_{100}$ ведра (а на пріискѣ Шепетковскаго и по $^2/_{100}$) на счетъ пріисковаго управленія. Напротивъ, на Пріютинскомъ пріискѣ Данилова порціи выдавались постоянно, *по желанію рабочихъ*, въ ненастное время, но на ихъ счетъ, по $^1/_{100}$ ведра по 5 к. с. за порцію. Такимъ образомъ, управленіе Данилова избавлялось отъ расхода, который дѣлали нѣкоторые другіе золотопромышленники; впрочемъ, назначенная имъ плата за вино была умѣренная, такъ какъ, по донесенію мѣстнаго горнаго исправника въ 1863 г., ведро полугара обходилось въ 4—7 р.

6 августа 1865 г. горный исправникъ донесъ главному управленію Восточной Сибири, что, по его наблюденіямъ, винныя порціи „подаются цѣлымъ командамъ рабочихъ по годовымъ праздникамъ, и то необязательно, а по усмотрѣнію промысловыхъ управленій; подача же порцій ежедневныхъ нѣкоторымъ рабочимъ производится... за особенно какіе-либо усиленные труды или за услугу въ экстренныхъ надобностяхъ. Ежедневная подача порцій всѣмъ рабочимъ" на счетъ золотопромышленниковъ „до сихъ поръ еще не вводилась", и вопросъ объ этомъ,

[1]) Арх. горн. исправ. южн. ч. Енис. окр. 1863 г. № 36.

„несмотря на всѣ убѣжденія въ выгодности этой мѣры, до сихъ поръ поръ подвигается очень медленно, и едва ли можно ожидать, чтобы онъ разрѣшился удовлетворительно“ [1]). Въ 70-хъ годахъ высшая администрація Восточной Сибири еще болѣе настойчиво рекомендовала пріисковымъ управленіямъ увеличить выдачу вина на промыслахъ, а по закону 1895 г. горнозаводскимъ присутствіямъ предоставляется установить обязательную выдачу вина на золотыхъ промыслахъ по своему усмотрѣнію.

Такимъ образомъ, въ 60-хъ годахъ вопросъ объ обязательной выдачѣ рабочимъ ежедневныхъ винныхъ порцій не былъ рѣшенъ, но, судя по свѣдѣніямъ, доставленнымъ пріисковыми управленіями южной части Енисейскаго округа, въ первой половинѣ 60-хъ годовъ стали давать рабочимъ гораздо большее количество вина на счетъ промысловаго управленія, сравнительно съ предшествующимъ временемъ. Н. В. Латкинъ въ своей книгѣ объ Енисейскомъ округѣ говоритъ, что винная порція у однихъ промышленниковъ подается еженедѣльно, у другихъ 3 раза въ мѣсяцъ и, кромѣ того, при всякой экстренной работѣ, а хорошимъ мастеровымъ подавали ее по 2 или по 3 раза въ недѣлю (стр. 120).

Стоимость пропитанія рабочаго обходилась, по словамъ Лопатина, (1871 г.), въ Енисейскомъ округѣ 7 — 8 р. въ мѣсяцъ, а въ началѣ 60-хъ годовъ и нѣсколько менѣе [2]).

Одежду и обувь рабочіе пріобрѣтали, также какъ и необходимые для нихъ припасы, сверхъ получаемыхъ ими отъ хозяевъ, изъ пріисковыхъ складовъ въ счетъ своего заработка, причемъ въ контрактахъ съ рабочими устанавливаются иногда въ этомъ отношеніи нѣкоторыя ограниченія, именно предписывалось „въ излишествѣ“ вещей не требовать и никому не перепродавать, а также предоставлялось пріисковому управленію право продолжать или прекратить отпускъ вещей рабочему, смотря по его заработку. По договору съ Асташевымъ (1862 г.), они могли получать бродни, чарки (обувь), армяки, рукавицы, а вещей, „рабочимъ неприличныхъ“, требовать не имѣли права. Относительно цѣны вещей въ контрактахъ обыкновенно говорится такъ: „по установленнымъ К° цѣнамъ“, „по цѣнамъ, стоющимъ К° съ доставкою на пріискъ“, „за установленную отъ управленія общую по таксѣ цѣну“. Въ договорѣ Олекминскаго округа, напечатанномъ Аврамовымъ [3]), было сказано, что рабочіе могли получать вещи „по стоимости ихъ на пріискѣ и съ наложеніемъ процентовъ по утвержденной таксѣ“; при этомъ, хотя они

---

[1]) Арх. исправ. южн. ч. Енис. округа. 1865 г. № 32.

[2]) На Покровскомъ пріискѣ Бенкендорфа (южн. ч. Енис. окр.) въ 1862 г. содержаніе рабочаго обходилось по 5 р. 75 к. въ мѣсяцъ, а на Прокопьевскомъ пріискѣ Асташева въ 1861 г. 6 р. 60 к., въ 1863 г.—менѣе 5 р.

[3]) „Очеркъ золотопромышленной Олекмы“, приложеніе, стр. 12—15.

обязывались не требовать предметовъ роскоши, не свойственныхъ ихъ званію, но таковыми поставлено было „не считать припасовъ, полезныхъ для поддержанія силъ и здоровья, каковы: чай, сахаръ, масло и мука пшеничная". Еще болѣе важное и рѣдкое условіе находимъ мы въ договорѣ съ Прибрежно-Витимскою К° (1867 г.), гдѣ было сказано, что если рабочимъ установленная цѣна „покажется несообразною съ достоинствомъ товара", то они были „вольны" покупать ихъ „у посторонникъ людей". Хотя, въ виду отдаленности промысловъ Олекминскаго округа отъ жилыхъ мѣстъ, это условіе было едва ли осуществимо, но, все-таки, оно представляетъ любопытное отступленіе отъ общаго правила.

Въ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ 60-хъ годовъ мы встрѣчаемъ не мало указаній на эксплуатацію пріисковыхъ рабочихъ, вслѣдствіе торговой монополіи хозяевъ на промыслахъ. При существованіи хозяйскихъ лавокъ,—говоритъ о промыслахъ Томской губ. г. П—нъ,—работникъ „немедленно попадаетъ въ совершенную кабалу... Золотопромышленникъ можетъ назначить самыя высокія цѣны, высокія при начетѣ на работника и низкія при скидкѣ съ него". Съ рабочими сплошь и рядомъ бываетъ такъ: „Понадобится ему ситецъ на рубашку, ему выдадутъ изъ хозяйской лавки и запишутъ въ счетъ жалованья, но потомъ онъ раздумаетъ и промѣняетъ ситецъ на что-нибудь другое, на чай или на водку... Ситецъ, полученный отъ рабочаго обратно, вписывается назадъ въ книгу золотопромышленника, но по цѣнѣ уже ниже той, которая была выставлена при выдачѣ его; такимъ образомъ, рабочій, не сдѣлавъ дѣйствительнаго займа, посредствомъ одного передвиженія товара изъ хозяйскихъ рукъ въ свои и обратно можетъ образовать громадный долгъ" [1]). По словамъ автора другой статьи о промыслахъ Томской губерніи, написанной девять лѣтъ позднѣе, золотопромышленники, „рѣдко имѣя наличныя деньги", забираютъ всѣ необходимые матеріалы въ лавкахъ и магазинахъ подъ векселя съ расплатою по окончаніи промывки и сдачи золота. „Вся тяжесть лишнихъ процентовъ (за кредитъ) падаетъ не на самого золотопромышленника, а на трудъ его рабочихъ... Хозяинъ, гарантированный своимъ правомъ" монопольной продажи „и вполнѣ убѣжденный въ невозможности внѣшней конкуренціи", назначаетъ самыя высокія цѣны. „Подобная эксплуатація рабочихъ силъ существуетъ, конечно, не на всѣхъ пріискахъ и *бываетъ сильнѣе тамъ, гдѣ бѣднѣе хозяинъ*. Вотъ одинъ изъ обращиковъ произвольно накладываемыхъ процентовъ: наприм., бродни стоятъ въ лавкахъ въ городѣ отъ 1 р. до 1 р. 20 к. за пару, а золотопромышленникъ беретъ ихъ въ кредитъ по 1 р. 50 к. и продаетъ рабочему по 1 р. 80 к. и даже дороже,—

[1]) „Русское Слово" 1861 г. № 6.

стало быть, 50% лишнихъ падаетъ на потребителя; то же можно сказать про сахаръ, чай и т. п.“ [1]).

На золотыхъ промыслахъ Киргизской степи, Кокбектинскаго округа, золотопромышленники, также какъ и въ тайгѣ, имѣли свои лавки для снабженія рабочихъ товарами. Выдавая ихъ въ задатокъ и въ счетъ заработка, хозяева назначали высокія цѣны, да и товаръ привозился туда самаго послѣдняго сорта и такой гнилой, что онъ рвался при отмѣриваніи аршиномъ, вслѣдствіе чего его мѣрили „по зарѣзкамъ, сдѣланнымъ на прилавкѣ“. Хотя и здѣсь золотопромышленники обязаны были продавать товары по установленной таксѣ [2]), но она не исполнялась [3]). Киргизы забирали въ счетъ заработка ситцы и другія бумажныя матеріи, платки, кожи на обувь, кирпичный чай, табакъ, чугунные и мѣдные котлы, фаянсовые чайники, чайную посуду и разныя желѣзныя издѣлія [4]). Относительно золотопромышленниковъ Енисейскаго округа мы также встрѣчаемъ указанія о заготовленіи вещей и товаровъ въ кредитъ, что, конечно, повышало ихъ цѣну [5]). Несмотря на запрещеніе по закону продажи пріисковымъ рабочимъ предметовъ роскоши, о чемъ иногда упоминалось и въ контрактахъ, они, все-таки, нерѣдко сбывались рабочимъ, разумѣется, по выгоднымъ для продавцевъ цѣнамъ. По свидѣтельству Пищикова, для обхода закона, эти товары записывались въ разсчетные листы рабочихъ подъ видомъ выдачи денегъ, которыхъ, прибавляетъ онъ, „во время лѣтняго производства почти ни на одномъ пріискѣ не бываетъ“ [6]).

Въ Западной Сибири для золотыхъ промысловъ еще въ началѣ 40-хъ годовъ стали ежегодно составляться и утверждаться администраціею таксы отпускаемыхъ рабочимъ изъ пріисковыхъ лавокъ вещей и товаровъ (насколько онѣ соблюдались, это—другой вопросъ). Что касается Восточной Сибири, то, какъ мы уже упоминали, въ 1858 г. главнымъ управленіемъ Восточной Сибири былъ разосланъ циркуляръ, предписывавшій горнымъ исправникамъ „имѣть тщательнѣйшее наблюденіе... чтобы на каждомъ изъ дѣйствующихъ промысловъ существовали таксы

---

[1]) „Дѣло“ 1870 г. № 7, стр. 54—55.

[2]) Такса составлялась на каждое лѣто горнымъ ревизоромъ и утверждалась военнымъ губернаторомъ.

[3]) Въ примѣръ того, какъ возвышались здѣсь цѣны, г. П—нъ приводитъ слѣдующій фактъ: „Грѣховъ вымѣнялъ въ Тюмени за два сурковые мѣха 700 чашекъ, которыя обошлись такимъ образомъ по 10 и 20 к. *ассиг.*, но рабочимъ ставились они по 10 и 30 к. *серебр.*, а самый большой сортъ въ цѣну барана, т.-е. въ рубль *серебр.* Также неумѣренно возвышается цѣна линейному табаку, который осенью покупается на линіи по 80 к. пудъ, а рабочимъ выдается по 4 р. с.“.

[4]) „Тоб. Губ. Вѣд.“ 1870 г. № 1.

[5]) Арх. Иркут. Горн. Управ. к. 1673, № 127/30, л. 16.

[6]) „Сынъ Отеч.“ 1861 г. № 50, стр. 1502.

на всѣ безъ исключенія припасы и матеріалы, отпускаемые рабочимъ", и „чтобы онѣ не были для нихъ обременительными". Затѣмъ 10 августа 1861 г. совѣтъ главнаго управленія, принявъ въ соображеніе, что стоимость товаровъ и припасовъ не можетъ быть одинакова по всѣмъ пріискамъ, вслѣдствіе разницы условій ихъ заготовленія и доставки, постановилъ, что для предотвращенія назначенія высокихъ произвольныхъ цѣнъ на вещи и припасы горные исправники должны приглашать золотопромышленниковъ или ихъ управляющихъ въ общее собраніе въ своемъ присутствіи для установленія на пріискахъ таксъ на товары, отпускаемые рабочимъ.

Енисейское губернское управленіе въ октябрѣ 1861 г. предписало, чтобы таксы отпускаемыхъ рабочимъ товаровъ, по составленіи ихъ на каждомъ промыслѣ предъ началомъ работъ, свидѣтельствовались бы мѣстнымъ горнымъ исправникомъ и затѣмъ прибивались на дверяхъ магазиновъ [1]). Еще и ранѣе, лѣтомъ, 1861 г., таксы въ южной части Енисейскаго округа присылались горному исправнику для свѣдѣнія, теперь же, послѣ указа енисейскаго губернскаго управленія, онѣ стали представляться съ 1862 г. для „утвержденія", причемъ горный исправникъ Бакшевичъ дѣлалъ иногда на представляемыхъ ему донесеніяхъ различныя замѣчанія [2]). Управляющій Николаевскимъ пріискомъ М. А. Безобразова представилъ копію съ таксы, утвержденной его хозяиномъ, а также и съ предписанія, даннаго Безобразовымъ по этому предмету пріисковому управленію. На донесеніи управляющаго исправникъ написалъ: „Копію съ таксы оставить при дѣлахъ, а другую, какъ ненужную, возвратить: я не вмѣшиваюсь въ хозяйственныя распоряженія, и мнѣ хорошо извѣстно, что̀ такое право собственности, и потому теорію собственности изучать изъ предписаній конторъ я не считаю для себя полезнымъ". Нужно полагать, что въ предписаніи своему пріисковому

---

[1]) Арх. Горн. Испр. Южн. ч. енис. окр., дѣло 1861 г. № 30, л. 68—71. Такую же мѣру предполагалось ввести въ 1862 г. и на промыслахъ Том. губ. и киргизской степи. Ibid., дѣло 1862 г. № 35, л. 88—90.

[2]) Такъ, на донесеніи управляющаго пріискомъ Калинина-Шушляева онъ написалъ: „Почему мука пшеничная дорога?" (самой таксы не сохранилось); на донесеніи Логинова: Кому для продажи имѣются табаки высшихъ сортовъ, сигары, папиросы и проч. предметы роскоши и съ чьего дозволенія?" Управленіе промыслами Асташева выставило въ представленной таксѣ прошлогднія цѣны, вслѣдствіе неполученія свѣдѣнія отъ главной конторы, отъ которой зависѣло заготовленіе припасовъ и товаровъ. Исправникъ потребовалъ присылки новой таксы, „такъ какъ промедленіе, можетъ статься, обращается во вредъ рабочихъ, ибо припасы и товарныя вещи нынѣшняго заготовленія могутъ быть дешевле прошлогднихъ цѣнъ". И дѣйствительно, само пріисковое управленіе въ представленной таксѣ отмѣтило, что пшеничная мука вмѣсто 2 р. 10 к. за пудъ, какъ было въ 1861 г., въ операцію 1862 г. будетъ не дороже 1 р. 60 к., а ржаная мука, вмѣсто 1 р. 50 к., не дороже 1 р.

управленію Безобразовъ написалъ нѣчто подобное тому, что онъ говоритъ въ запискѣ, посланной Корсакову въ августѣ того же 1862 г., гдѣ онъ предлагалъ отбросить слово такса „потому, что на хозяйственную собственность никакихъ таксъ не допускается и на пріискахъ торговли вовсе нѣтъ и быть не можетъ, но заготовляются вещи только для снабженія рабочихъ". Управляющій пріискомъ Безобразова отвѣчалъ горному исправнику, что копію съ предписанія своего хозяина онъ представилъ „не для изученія по ней теоріи собственности золотопромышленниковъ", а для указанія на то, чѣмъ онъ руководствовался, представляя копію съ таксы, вмѣсто подлинной. У Безобразова, очевидно, произошло столкновеніе съ исправникомъ сѣверной части Енисейскаго округа, такъ какъ въ своей запискѣ, посланной Корсакову, онъ жаловался, что исправникъ требуетъ составленія таксы по данной формѣ на всѣ вещи и припасы и утверждаетъ ее своею подписью, т.-е. дѣлается хозяиномъ, вопреки закону и распоряженіямъ начальства.

Горный исправникъ южной части Енисейскаго округа, по полученіи таксъ, представилъ ихъ енисейскому губернатору съ поясненіемъ, что помѣщаемые въ нихъ „предметы роскоши, выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ потребностей людей рабочаго класса, имѣются въ магазинахъ для служащихъ, рабочимъ же ничего подобнаго не отпускается" [1]).

Такимъ образомъ, таксы стали представлять въ Енисейскомъ округѣ на утвержденіе горнаго исправника, но собраній золотопромышленниковъ для соглашеній по этому вопросу подъ предсѣдательствомъ горнаго исправника, необходимость которыхъ была признана совѣтомъ главнаго управленія Восточной Сибири въ 1861 г., очевидно, не происходило. Совѣтъ въ 1863 г. вспомнилъ объ этомъ постановленіи и подтвердилъ объ исполненіи этой мѣры съ тѣмъ, чтобы росписи вещей съ обозначеніемъ цѣнъ вывѣшивались въ магазинахъ для вѣдома рабочихъ.

Въ іюнѣ 1864 г. горный исправникъ южной части Енисейскаго округа собралъ въ своей квартирѣ совѣщаніе золотопромышленниковъ и ихъ довѣренныхъ по вопросу о таксахъ и къ этому времени подготовилъ сводную таблицу о цѣнахъ, по которымъ товары и припасы отпускались въ этомъ году рабочимъ изъ пріисковыхъ амбаровъ 24 промысловъ [2]). Сравнивая эту таблицу съ данными о цѣнахъ на товары и припасы въ началѣ 50-хъ годовъ, мы находимъ общее и значительное увеличеніе цѣнъ, за исключеніемъ чая. По разсмотрѣніи сводной таблицы,—сказано въ протоколѣ совѣщанія,—„оказывается, что цѣны вообще на товарныя вещи и припасы немного разнятся между собою и только на нѣсколь-

[1]) Арх. Горн. Исправ. Южн. части Енис. округа, дѣло 1862 г. № 35. Арх. Горн. Деп., дѣло № 68/650, ч. III.

[2]) См. Дополненіе XII (въ концѣ этого тома).

кихъ промыслахъ значительно возвышены", и, притомъ, „на такіе предметы, которые составляютъ необходимую потребность рабочаго класса, а, между тѣмъ, покупаются съ самою небольшою разницей въ цѣнахъ, напр., сахаръ, чай кирпичный, табакъ черкасскій, холстъ, даба, вареги, рукавицы. Цѣны на эти предметы замѣтно произвольны и простираются до слѣдующихъ размѣровъ: сахаръ отъ 50 [1]) до 70 коп. за фунтъ, чай кирпичный отъ 90 [2]) к. до 1 р. 20 к. за кирпичъ, табакъ 23—35 к. ф., холстъ 1-го сорта 10—16 к. арш., даба 2 р. 10 к.—3 р. 10 к. за конецъ, вареги 20—30 к. за пару, рукавицы 40—60 к., полушубки простые 2 р. 75 к.—5 р., бродни 1 р. 80 к.—2 р. 30 к. за пару и сукно крестьянское 18—35 к. арш., на остальные же предметы, отпускаемые рабочимъ, хотя цѣны и составляютъ значительную разницу, но оцѣнить таковые, даже приблизительно, безъ оцѣнщиковъ невозможно, потому что эти предметы въ покупкѣ бываютъ разныхъ сортовъ, разныхъ фабрикъ, а слѣдовательно и разныхъ цѣнъ, наприм., армяки, начиная отъ 4 р. 75 к., доходятъ постепенно до 10 р. 20 к. за штуку,—послѣдніе, видимо, составляютъ уже предметъ роскоши. Такимъ образомъ, разсматривая цѣны, выбранныя изъ таксъ, существующія здѣсь на промыслахъ на самые необходимые предметы, отпускаемые въ плату рабочимъ, и разсуждая о причинахъ несходства цѣнъ, на нѣкоторыхъ промыслахъ весьма возвышенныхъ, мы приходимъ къ заключенію, что неразительная разница вещамъ неизбѣжна, потому что самая покупка товаровъ производится съ разницею въ цѣнѣ: одинъ покупаетъ своевременно и за наличныя деньги, поэтому и дешевле, другой опоздаетъ въ покупкѣ или покупаетъ въ долгъ и оттого дороже. Что касается значительно возвышенныхъ цѣнъ на необходимые для рабочихъ предметы, то мы находимъ, что *повышеніе это есть произволъ, неумѣстный въ дѣлѣ золотопромышленности и весьма непростительный*, ибо повышеніе цѣны допущено въ видахъ полученія съ рабочихъ значительныхъ, повидимому, на затраченный капиталъ процентовъ, и поэтому признаемъ необходимымъ назначить высшія цѣны, какъ предѣлъ, до котораго можетъ достигать цѣнность товарныхъ вещей, отпускаемыхъ рабочимъ, и симъ своимъ совѣщательнымъ актомъ устанавливаемъ на предметы вышеозначенные слѣдующія цѣны: сахаръ до 50 к. за фунтъ, чаю кирпичъ до 1 р., табакъ черкасскій до 25 к. за фунтъ, холстъ 1-го сорта до 12 к., 2-го до 10 к. за аршинъ, даба, какъ обыкновенно, до 2 р. 50 к. конецъ, вареги до 25 к., рукавицы до 50 к., бродни до 2 р. за пару, полушубки простые до 3 р. 50 к. и сукно крестьянское до 25 к. за арш. Цѣны эти должны быть приняты въ руководство на всѣхъ тѣхъ промыслахъ, гдѣ онѣ были

---

[1]) Однако, на одномъ пріискѣ онъ стоилъ 46 к.

[2]) Правильнѣе было бы сказать—отъ 80 к.

выше сейчасъ опредѣленныхъ, и всѣ сдѣланные ранѣе на тѣхъ промыслахъ рабочимъ отпуски должны быть усчитаны по сей цѣнѣ, о чемъ мы просимъ г. горнаго исправника настоять и съ своей стороны наблюсти, чтобы заключеніе наше было выполнено... Для совѣщанія по сему же предмету собираться ежегодно въ апрѣлѣ мѣсяцѣ“ [1]). Постановленіе это было разослано при циркулярѣ исправника по всѣмъ промысламъ южной части Енисейскаго округа для подписи всѣмъ золотопромышленникамъ и ихъ управляющимъ.

Нельзя не признать, что постановленіе это, еслибъ оно строго исполнялось, дѣйствительно до нѣкоторой степени ограничило бы произволъ золотопромышленниковъ въ назначеніи цѣнъ,—по крайней мѣрѣ, на наиболѣе нужные рабочимъ припасы и товары. Сравнивъ норму, принятую этимъ постановленіемъ, съ данными сводной таблицы, составленной горнымъ исправникомъ [2]), мы увидимъ, что назначенные maximum'ы цѣнъ принадлежатъ къ разряду среднихъ изъ существовавшихъ въ то время. Нельзя не замѣтить, что слѣдовало бы назначить также maximum цѣны топленаго сала (которое колебалось между 12 и 25 коп.) и коровьяго масла (20—35 к.), такъ какъ эти припасы составляли одну изъ самыхъ

---

[1]) Подъ этимъ постановленіемъ мы находимъ 10 подписей: золотопромышленниковъ А. Лопатина, А. Шепетковскаго и А. Ягунова, золотопромышленника и довѣреннаго Асташева, А. Квятковскаго и др. Управляющій промыслами К° Бенардаки, Рязановыхъ и друг. А. Субботинъ сдѣлалъ слѣдующую надпись: „Не касаясь правъ чужой собственности, симъ удостовѣряю, что выше требуемыхъ этимъ совѣщаніемъ цѣнъ на сахаръ и проч. указанные предметы на управляемыхъ мною промыслахъ въ производство текущаго промысловаго 1864 г. не будетъ“. Напротивъ, управляющій Герасимовъ сдѣлалъ надпись, не налагающую на него никакого точнаго обязательства, а именно: „На промыслахъ г. Герасимова отпускъ рабочимъ людямъ нужныхъ предметовъ производиться будетъ согласно рыночныхъ цѣнъ, съ наложеніемъ провозной и расходной суммы отъ доставки таковыхъ на промыслы съ мѣстъ заготовленія“.

[2]) Сахаръ былъ дороже назначеннаго постановленіемъ maximum'а (50-ти коп.) на 8-ми пріискахъ (55—70 к.; на Ефимовскомъ пріискѣ Крутовскаго 65 к., на Пріютинскомъ пріискѣ Данилова 70 к. ф.), дешевле только на Анненскомъ пріискѣ Зотовыхъ (46 к.); кирпичъ чаю стоилъ дороже назначеннаго maximum'а (1 р.) на 7-ми пріискахъ (1 р. 10 к.—1 р. 20 к.; послѣдняя цѣна на пріискахъ Данилова, Мясниковыхъ и Родственной); дешевле только на 3-хъ пріискахъ (80—90 к.); черкасскій табакъ дороже 25 к. на 9-ти пріискахъ (28—35 к.) и немного дешевле на 4-хъ промыслахъ. Холстъ 1-го сорта 1 арш. стоилъ дороже 12 коп. на 10-ти пріискахъ (на пріискѣ Лопатина 16 к.), дешевле на 7-ми (10—11 к.); 2-й сортъ дороже 10 к. на 5-ти пріискахъ, дешевле на 7-ми пріискахъ (7—9 к.); даба дороже 2 р. 50 к. на 8-ми пріискахъ (у Шепетковскаго 3 р. 10 к.), дешевле также на 8-ми пріискахъ; вареги дороже 25 к. на 2-хъ и дешевле на 7-ми пріискахъ; рукавицы дороже 50 к. на 5-ти и дешевле на 10-ти пріискахъ; пара бродней дороже 2 руб. на 13-ти и дешевле на 8-ми пріискахъ; простые полушубки дороже 3 р. 50 к. на 13-ти и дешевле на 6-ти пріискахъ; наконецъ, крестьянское сукно дороже 25 к. на 3-хъ пріискахъ (у Рязановыхъ 35 к.) и дешевле на 10-ти пріискахъ (низшая цѣна 18 к.).

насущныхъ потребностей рабочихъ; цѣны пшеничной и ржаной муки вовсе не были выставлены въ таблицѣ горнаго исправника.

30 августа 1864 г. горный исправникъ южной части Енисейскаго округа Бакшевичъ далъ своему помощнику Поротову предписаніе: „при посѣщеніи промысловъ непремѣнно ранѣе общаго разсчета удостовѣриться“ какъ изъ таксъ, „которыя должны быть выставлены при амбарахъ или магазинахъ“, такъ и „изъ разсчетныхъ листиковъ рабочихъ, не превышала ли значущаяся тамъ цѣна на предметы, упомянутые въ постановленіи, той нормы, которая опредѣлена“ постановленіемъ 29 іюля. 10 сентября Поротовъ донесъ, что, какъ оказалось изъ произведенной имъ провѣрки, припасы и вещи выдавались рабочимъ „по тѣмъ самымъ цѣнамъ, какія значатся въ вывѣшенныхъ на амбарахъ таксахъ и которыя вполнѣ согласуются“ съ сдѣланною исправникомъ выборкой, „а не съ совѣщательнымъ актомъ, составленнымъ золотопромышленниками и довѣренными 29 іюля“. Поэтому Поротовъ вмѣнилъ въ обязанность всѣмъ пріисковымъ управленіямъ, чтобы они сбавили цѣны на выданные ими рабочимъ вещи и припасы до той цифры, какая значится въ совѣщательномъ актѣ, и причитающуюся рабочимъ послѣ этой сбавки сумму присчитали бы къ ихъ заработку. 6 октября горный исправникъ разослалъ по промысламъ своего округа циркуляръ, въ которомъ требовалъ объясненія, „почему осталось безъ исполненія постановленіе объ уменьшеніи цѣнъ на товарныя вещи и припасы, если же оно исполнено, то въ чемъ именно“ [1]).

Въ донесеніи главному управленію Восточной Сибири (30 октября

[1]) На этомъ циркулярѣ большинство управляющихъ сдѣлало надпись, что на ихъ пріискахъ товары и припасы продаются по цѣнамъ не выше опредѣленныхъ въ совѣщательномъ актѣ 29 іюля. На Крестовоздвиженскомъ пріискѣ К° Щеголева и Кузнецова дали отвѣтъ, что цѣны вещей и припасовъ не только не превышали нормы, опредѣленной въ постановленіи, но нѣкоторыя вещи продавались и дешевле, а на Сергіевскомъ пріискѣ Латкина „товарныя вещи отпускались по цѣнамъ низшимъ противъ постановленія“. Управляющій пріискомъ Герасимова писалъ, что, какъ онъ заявилъ и на совѣщаніи, установленныя на немъ цѣны онъ не можетъ признать для себя обязательными. (Резолюція: „исправника. справиться съ таксами и разъяснить Герасимову“). Управляющій Степановскаго и Станиславскаго пріисковъ Шубинъ расписался только въ чтеніи циркуляра, такъ что горный исправникъ потребовалъ отъ него объясненія, почему онъ сдѣлалъ надпись, „неотносящуюся къ дѣлу“, и почему сахаръ продавалъ по 60 к. въ то время, когда на другихъ промыслахъ Асташева онъ стоилъ 50 к., т. е. не выше нормы, установленной на совѣщаніи. Горный исправникъ послалъ также запросъ на пріиски—Пріютинскій Данилова и Петропавловскій Родственной, приведено ли тамъ въ исполненіе постановленіе 29 іюля (на этихъ промыслахъ цѣны были прежде однѣ изъ наиболѣе высокихъ). Управленіе Данилова отвѣтило на этотъ вопросъ утвердительно, а управленіе Родственной—что теперь постановленіе исполняется, но что неизвѣстно, возможно ли это будетъ при тѣхъ цѣнахъ, по которымъ будетъ сдѣлана закупка въ февралѣ мѣсяцѣ. Арх. Горн. Испр. Южн. ч. Енис. окр., дѣло 1864 г. № 38.

1864 года) горный исправникъ говоритъ: „По вытребованіи къ себѣ подлинныхъ разсчетныхъ листовъ, я нашелъ, что дѣйствительно цѣны, утвержденныя совѣщаніемъ, къ руководству не приняты и поэтому о причинахъ неисполненія совѣщательнаго акта я спрашивалъ промысловыя управленія. Нѣкоторыя изъ нихъ объяснили мнѣ, что хотя въ разсчетныхъ листахъ цѣны не убавлены до опредѣленной нормы, но это допущено собственно для того, чтобы не поправлять разсчета въ листахъ, ежемѣсячно балансируемаго; взамѣнъ же излишнихъ денегъ, записанныхъ въ листкахъ рабочихъ за товарныя вещи и припасы, имъ сдѣлана соотвѣтственная надбавка задѣльной платы. Точный контроль этого почти невозможенъ, потому что заработная плата рабочимъ контрактами съ точностью не обозначается и заработка поэтому бываетъ въ разное время весьма различна. Я бы думалъ, что для больше-успѣшнаго достиженія цѣли, кромѣ установленія на совѣщаніяхъ таксъ, было бы полезно таксы, какъ существующія отъ управленій, такъ и установляемыя на совѣщаніяхъ, публиковать въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ: я полагаю, что публикованіе это стѣснитъ нѣсколько произволъ, допускаемый въ назначеніи высокихъ цѣнъ“. Кромѣ того, исправникъ предлагалъ „установить какое-нибудь обязательное правило о явкѣ по приглашенію на совѣщанія, ибо многіе, какъ это показалъ нынѣшній опытъ, отъ этого уклонялись; необходимо было бы имѣть въ руководство какое-нибудь узаконеніе или распоряженіе высшаго начальства, по которому актъ совѣщательный, при извѣстныхъ условіяхъ, имѣлъ бы значеніе обязательное, даже и для не явившихся на совѣщанія“. Впрочемъ, исправникъ оговаривался, что опытъ нынѣшняго года не даетъ еще возможности сдѣлать окончательнаго заключенія о цѣлесообразности предпринятой мѣры [1]).

Въ слѣдующемъ 1865 г., 18 апрѣля, состоялось, по приглашенію горнаго исправника южной части Енисейскаго округа, новое совѣщаніе золотопромышленниковъ и ихъ довѣренныхъ для установленія таксъ на операцію этого года. Разсмотрѣвъ представленныя таксы, совѣщаніе постановило оставить для большинства припасовъ и товаровъ прежнія цѣны, за исключеніемъ холста и дабы, цѣны которыхъ были повышены: холста 1-го сорта до 15 к. арш. (вмѣсто 12), 2-го сорта до 12 к. (вмѣсто 10) и дабы до 3 р. (вмѣсто 2 р. 50 к.) [2]).

Какъ видно изъ дѣла о таксахъ 1865 г., исправникъ южной части Енисейскаго округа утверждалъ ихъ лишь въ такомъ случаѣ, если цѣны были не выше установленныхъ совѣщаніемъ, а въ противномъ случаѣ понижалъ ихъ до условленной нормы [3]).

---

[1]) Арх. Иркут. Горн. Управл. К. 1673, № 27/30, л. 280—28'.
[2]) Арх. Горн. Исправ. южн. ч. Енис. окр., дѣло 1864—65 г., № 11, л. 134.
[3]) Арх. Горн. Испр. южн. ч. Енис. окр., дѣло 1865 г., № 37.

Въ апрѣлѣ 1866 г. вновь состоялось собраніе золотопромышленниковъ съ тою же цѣлью, и исправникъ при утвержденіи таксъ дѣлалъ иногда оговорку, что онѣ должны быть согласны съ принятою на совѣщаніи нормой. Но, повидимому, онъ относился къ этому дѣлу недостаточно внимательно: намъ неизвѣстенъ совѣщательный актъ о таксахъ этого года, но мы видимъ, что въ таксахъ, присланныхъ золотопромышленниками, цѣны значительно разнятся: такъ, наприм., въ утвержденныхъ исправникомъ таксахъ цѣна сахара колеблется между 45 и 60 к. На Сергіевскомъ пріискѣ Шепетковскаго цѣна сахара назначена была даже 70 к. за фунтъ, и не видно, чтобы это встрѣтило возраженіе со стороны исправника; напротивъ, на пріискахъ Латкиныхъ фунтъ сахара стоилъ 45 к.[1]).

Въ Олекминскомъ округѣ горный исправникъ Измайловъ въ предписаніи управленію Ленскаго т-ва Баснина и Катышевцева въ ноябрѣ 1860 г. указалъ на то, что цѣны въ его таксѣ „на все несравненно выше цѣнъ, положенныхъ на промыслахъ прочихъ золотопромышленниковъ и даже тѣхъ, которые, по своей отдаленности, имѣли бы на это болѣе причинъ“, и требовалъ пониженія цѣнъ до нормы хотя бы этихъ послѣднихъ промысловъ. Исправникъ замѣтилъ также, что и количество заготовленныхъ пріисковымъ управленіемъ товарныхъ вещей менѣе, чѣмъ на другихъ промыслахъ.

Изъ таксы этого товарищества приведемъ цѣны тѣхъ предметовъ, которые были регулированы въ южной части Енисейскаго округа въ въ 1864 г.: 1 ф. сахара стоилъ рабочимъ К° Баснина и Катышевцева 55 коп., чай кирпичный 70 к. (въ южн. ч. Енис. окр. назначено 1 р.), табакъ черкасскій 30 к., холстъ 8—12 к., даба 1-го сорта конецъ 2 р. 30 к. (въ Енис. окр. 2 р. 50 к.), вареги 26 к., рукавицы барановыя 45—55 к., бродни 2 р.—2 р. 30 к., полушубки киргизскіе 4 р. Такимъ образомъ, если нѣкоторые товары немного дороже таксы, установленной совѣщаніемъ енисейскихъ золотопромышленниковъ, то за то другіе дешевле, и, однако, Измайловъ потребовалъ пониженія этихъ цѣнъ (до регулированія, какъ мы знаемъ, цѣны на многихъ промыслахъ южной части Енисейскаго округа были выше установленной совѣщаніемъ 1864 г. таксы). Однако, эта мѣра Измайлова могла бы порадовать насъ лишь

[1]) Арх. Горн. Испр. южн. ч. Енис. окр., дѣло 1866 г., № 21. На промыслахъ Бирюсинской системы, Канскаго и Нижнеудинскаго округовъ, по донесенію горнаго исправника, въ 1864 г. были слѣдующія (очевидно, среднія) цѣны: кирпичъ чая 1 р. 12 к., табакъ черкасскій 12 р. 74 к. пудъ, слѣдовательно, фунтъ около 32 к., холстъ 1-го сорта $12^1/_2$ к., 2-го сорта $9^4/_7$ к., даба 1-го сорта 2 р. 85 к. конецъ, вареги 23 к., бродни 1-го сорта 2 р. 12 к., полушубки киргизскіе 2 р. 66 к., сукно крестьянское 26 к. арш.; почти всѣ цѣны нѣсколько выше установленныхъ въ этомъ году совѣщаніемъ золотопромышленниковъ южной части Енисейскаго округа. Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 1673 г., № 27/30, л. 286—287.

въ томъ случаѣ, еслибъ она не была совершенно единичною. Если мы сравнимъ цѣны Ленскаго т-ва съ цѣнами 4-хъ другихъ золотопромышленниковъ того же 1860 г.[1]), то окажется, что цѣны не всѣхъ названныхъ товаровъ на этихъ пріискахъ были ниже, чѣмъ на промыслахъ Ленскаго т-ва[2]), и не совсѣмъ понятно, почему замѣчаніе было сдѣлано лишь этому управленію. Но, какъ бы то ни было, при сравненіи цѣнъ Олекминскаго и южной части Енисейскаго округа мы убѣждаемся, что въ началѣ 60-хъ годовъ (какъ это было и въ предшествующемъ десятилѣтіи) цѣны на олекминскихъ промыслахъ, если принять во вниманіе отдаленность доставки, были *сравнительно* умѣреннѣе, чѣмъ въ Енисейскомъ округѣ. Это можетъ отчасти объясняться болѣе крупными размѣрами производства въ Олекминскомъ округѣ и возможностью закупать припасы въ большемъ количествѣ, а, слѣдовательно, по болѣе дешевой цѣнѣ, отчасти большимъ богатствомъ олекминскихъ промысловъ, при которомъ мѣстныя компаніи менѣе стремились къ наживѣ на пріисковыхъ товарахъ.

Что замѣчаніе, сдѣланное Ленскому т-ву, было мѣрою случайною, видно и изъ того, что изъ дѣлъ о таксахъ, присылаемыхъ къ олекминскому исправнику за 1861—1863 гг. „къ свѣдѣнію", не видно никакихъ мѣръ его для пониженія цѣнъ, хотя для этого были поводы; такъ, напримѣръ, въ таксѣ Бенардаки на 1862—63 г. фунтъ сахару на пріискахъ назначенъ въ 70 к., а на промыслахъ Ленскаго т-ва Катышевцева цѣны или остались тѣ же, какъ и въ 1860 г., или даже повысились, такъ что, наприм., сахаръ былъ назначенъ уже по 60 к. ф.[3]).

Изъ дѣла о таксахъ Олекминскаго округа 1864 г. не видно, чтобы здѣсь въ этомъ году происходило какое-либо собраніе золотопромышленниковъ для регулированія цѣнъ; но, тѣмъ не менѣе, вниманіе къ этому вопросу Главнаго Управленія Восточной Сибири отразилось до нѣкоторой степени и здѣсь. Мы находимъ, что мѣстная администрація относится какъ будто нѣсколько внимательнѣе къ составленію таксъ и требуетъ свѣдѣній о томъ, по какой цѣнѣ была сдѣлана заготовка товаровъ и припасовъ[4]).

---

[1]) Сахаръ на пр. Желтуктинскаго т-ва и Рукавишникова былъ дешевле (50 к.), на пр. Соловьева и Спаскомъ пр. Базилевскаго дороже (60 к.), чай кирпичный вездѣ былъ дороже (75 к. — 1 р. 20 к.), табакъ черкасскій на двухъ промыслахъ былъ дешевле (25 к.), на двухъ—столько же (30 к.), холстъ или столько же или дороже (8 — 12 к.), даба на одномъ промыслѣ дешевле, на другомъ дороже (2 р. 50 к.), рукавицы барановыя дешевле (40—42 к.), бродни на трехъ пром. дешевле (1 р. 80 к.—2 р.), на одномъ—2 р. 10 к., полушубки киргизскіе дешевле (3 руб. 50 коп.—3 р. 80 к.).

[2]) Арх. Олекм. Горн. Испр. № 380.

[3]) Ibid. дѣло № 595.

[4]) На одномъ изъ двухъ сохранившихся экземплярахъ таксы И. Ѳ. Базилевскаго мы находимъ такую надпись горнаго исправника: „настоящая такса съ документами конторы свѣрена и *утверждается*". См. *Дополн. XIII* (въ концѣ этого тома).

Изъ данныхъ о цѣнахъ на олекминскихъ промыслахъ въ 1864 году видно, что цѣны эти были почти совершенно тѣ же, что и въ южной части Енисейскаго округа въ этомъ году *до ихъ регулированія* [1]); но если принять во вниманіе бо́льшую дороговизну доставки, то, повторяемъ, нельзя не считать эти цѣны *сравнительно* болѣе дешевыми. Правда, на совѣщаніяхъ 1864 — 65 гг. цѣны на многихъ промыслахъ Енисейскаго округа были значительно понижены, но, какъ мы видѣли, постановленія эти плохо исполнялись.

Олекминскіе золотопромышленники сами заявляли, что они продаютъ припасы и товары не по той цѣнѣ, во что они обошлись имъ съ доставкою на пріиски, а съ наложеніемъ значительнаго процента. Такъ, Трапезниковы заявили въ 1864 г. горному исправнику, что они налагаютъ по 20 к. на каждый затраченный рубль, а расходы по доставкѣ опредѣлили въ 70 к. за пудъ. Сохранился также подробный реестръ управленія пріисковъ И. Ѳ. Базилевскаго, въ которомъ обозначено количество закупленныхъ товаровъ, расходъ по содержанію служащихъ, закупавшихъ товары, стоимость провоза этихъ послѣднихъ и прогоны служащихъ и, наконецъ, цѣны, по которымъ товары будутъ продаваться, и въ результатѣ разсчета оказывалось, что предполагается получить барыша 17 к. на рубль. Тамъ, гдѣ указаны вмѣстѣ процентъ на капиталъ и плата за провозъ, мы видимъ, что эта прибавка къ первоначальной стоимости была весьма значительна: такъ, наприм., на 1 арш. крестьянскаго сукна она составляла отъ 3 до 9 к. (у Базилевскаго 66% первоначальной стоимости сукна) [2]). А такъ какъ мы знаемъ, что весьма значительную часть вознагражденія рабочіе получали натурою, то большіе барыши золотопромышленниковъ составляли прямой вычетъ изъ заработка рабочихъ, чѣмъ отчасти и объясняется ничтожное количество наличныхъ денегъ, выносимыхъ ими съ пріисковъ. Золотопромышленникъ Лопатинъ въ своей статьѣ объ енисейскихъ промыслахъ (1871 г.) увѣрялъ, что въ пріисковыхъ складахъ этого округа товары продавались рабочимъ всего на 10% дороже того, во что они обошлись хозяину, но редакція „Извѣстій Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества“, гдѣ

[1]) Фунтъ сахара 52—65 к. (Енис. окр. 46—70 к.), кирпичъ чая 67 к.—1 р. 20 к. (Енис. окр. 80 к.—1 р. 20 к.), 1 фунтъ черкасскаго табаку 25 — 35 к. (Енис. округа 23—35 к.), аршинъ холста 11—15 к. (Енис. окр. 7—15 к.), даба 2 р. 10 к.—2 р. 80 к. конецъ (Енис. окр. 2 р. 10 к.—3 р. 10 к.), вареги 20—32 коп. (Енис. округа 20—30 к.), рукавицы 35—67 коп. (Енис. окр. 40—60 коп.), бродни 2 р.—2 р. 40 к. (Енис. окр. 1 р. 80 к.—2 р. 30 к.), киргизскіе полушубки 3 р. 10 к.—4 р 50 к. (въ Енис. окр. простые полушубки 2 р. 75 к. — 5 руб.), крестьянское сукно 23—33 коп. аршинъ (южн. ч. Енис. окр. 18 — 35 к.). Въ 1867 г. цѣны на промыслахъ Олекминскаго округа были почти тѣ же, что и въ 1864 г. Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 1673, 27/30, л. 325—332.

[2]) Арх. Олекм. Горн. Испр., дѣло 1864 г., № 656.

была напечатана его статья, отнеслась съ большимъ недовѣріемъ къ этому заявленію. Мы видѣли, что, по собственному показанію Трапезникова и Базилевскаго, барышъ хозяина по операціи съ товарами равнялся въ Олекминскомъ округѣ 17 — 20%, а въ Енисейскомъ округѣ, какъ мы полагаемъ, на основаніи почти совершеннаго равенства цѣнъ съ Олекминскимъ округомъ, при большей дешевизнѣ доставки, барышъ, по крайней мѣрѣ, крупныхъ К°, долженъ былъ быть еще болѣе.

Кромѣ узаконенной эксплуатаціи рабочихъ посредствомъ монопольной продажи изъ пріисковыхъ лавокъ, нѣкоторые золотопромышленники еще тайно эксплуатировали рабочихъ посредствомъ запрещенной продажи вина. По словамъ автора корреспонденціи изъ Енисейской губ., хозяева пріисковъ „торгуютъ, вопреки строгому запрещенію закона, и виномъ, получая 1 р. с. за стаканчикъ водки и рублей по 5 за бутылку ея“ [1]). По словамъ другого автора, продажа вина устраивалась иногда такимъ образомъ: „На многихъ пріискахъ,—говоритъ Цвѣтолюбовъ,—есть, такъ называемыя, харчевки, въ которыхъ избранные отъ хозяевъ и управляющихъ люди тайно торгуютъ запретнымъ на пріискахъ плодомъ—водкою. Тутъ любитель сильныхъ ощущеній можетъ выпить за рубль сер. стаканчикъ водки, а подчасъ приволокнуться за смазливою хозяйкой харчевки. Разумѣется, на эти ухаживанья мужъ-спекулянтъ смотритъ хладнокровно и глазами разсчета. Содержатель пріисковой харчевки заработаетъ въ годъ отъ 200 до 300 и 500 р. сер., доставитъ огромный барышъ патрону и пріобрѣтетъ его милость и расположеніе и на будущее время. Кромѣ того есть и другой промыселъ у харчевки: сюда еще стекается украденное рабочими на своемъ и на сосѣднихъ пріискахъ золото и скупается содержателями харчевки для ихъ покровителей“ [2]). На всѣхъ промыслахъ Маріинскаго округа водка, несмотря на запрещеніе, по словамъ г. П—на, продавалась, тайкомъ, и, притомъ, на половину разбавленная водою [3]). Водку продавали и не одни золотопромышленники: козаки, обязанные наблюдать за тѣмъ, чтобы не было тайной торговли на промыслахъ, сами сплошь и рядомъ привозили вино (козака обыскать никто не смѣлъ), и такъ какъ у рабочихъ наличныхъ денегъ на пріискахъ не бывало, то обмѣнивали вино на разныя, забираемыя ими въ хозяйской лавкѣ, вещи.

По положенію о частной золотопромышленности (1838 г.), питейныя выставки не дозволялось устраивать около промысловъ ближе 50 верстъ, но въ 1863 г. это разстояніе было сокращено до 20 верстъ [4]). Въ де-

---

[1]) „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1865 г. № 137.

[2]) „Амуръ“ 1860 г., № 12.

[3]) „Рус. Слово“ 1861 г., № 6.

[4]) Общ. Прод. 1863 г. въ 2538 ст. Горн. Уст.

кабрѣ того же года исправл. должн. генералъ-губернатора Восточной Сибири далъ слѣдующее предписаніе енисейскому губернатору: „Нѣкоторыя изъ мѣстныхъ начальствъ, донося мнѣ, что, при дозволеніи питейной продажи въ 20-ти-верстномъ разстояніи отъ золотыхъ промысловъ, находящіеся на нихъ рабочіе люди находятъ возможность покупать вино, отчего происходятъ пьянство между рабочими, кражи и другіе безпорядки на промыслахъ, ходатайствуетъ о возстановленіи закона, воспрещающаго продажу вина ближе 50 верстъ отъ пріисковъ; кромѣ того, золотопромышленники Олекминской системы просятъ отдалить по тѣмъ же причинамъ продажу вина отъ резиденціи на 30 верстъ въ ту и другую сторону". Въ виду этого Корсаковъ просилъ енисейскаго губернатора представить свои соображенія относительно продажи вина на резиденціяхъ и вблизи ихъ, а также есть ли надобность въ возстановленіи прежняго закона о продажѣ вина не ближе 50 верстъ отъ золотыхъ промысловъ, и нельзя ли найти другія средства къ устраненію пьянства среди пріисковыхъ рабочихъ. Енисейскій губернаторъ далъ секретное предписаніе горнымъ исправникамъ, въ которомъ, указывая на то, что „весьма многія лица занимаются тайною торговлей виномъ не только на золотыхъ промыслахъ дѣйствующихъ, но и по близости ихъ въ таежныхъ мѣстахъ", просилъ горныхъ исправниковъ представить свои мнѣнія о мѣрахъ къ устраненію этого злоупотребленія. Намъ извѣстенъ отвѣтъ только исправника южной части Енисейскаго округа въ февралѣ 1864 г. Въ этомъ отвѣтѣ горный исправникъ сообщаетъ, что на трехъ дорогахъ, ведущихъ на пріиски его округа, находятся кордоны изъ 2 или 3 козаковъ, которымъ вмѣняется въ обязанность преслѣдовать тайный ввозъ вина, но мѣра это недостаточна, во-первыхъ, потому, что нѣтъ возможности контролировать козаковъ, а, во-вторыхъ, они и не могутъ исполнить возлагаемыя на нихъ обязанности.

„Въ зимнее время, когда производится усиленное движеніе транспортовъ съ тяжестями, доставляемыми на промыслы, транспорты эти, заключающіе въ себѣ каждый отъ 10 и до 50 и болѣе возовъ, по большей части группируются по нѣскольку вмѣстѣ для ночлеговъ на зимовьяхъ и на кордонахъ и, такимъ образомъ, составляется иногда до 200 и болѣе возовъ. Воза обыкновенно увязываются плотно и тщательно, какъ этого требуетъ перевозка ихъ по таежной дорогѣ. Чтобы при обыскѣ на кордонахъ воза развязывать, во-первыхъ, нужно много времени, много трудовъ, а, во-вторыхъ, пришлось бы стѣснять возчиковъ тяжестей, дорого оцѣнивающихъ сохранность клади, защищенной на всю поѣздку старательною упаковкой. Такимъ образомъ, осмотръ возовъ и въ особенности съ сѣномъ козаки успѣваютъ произвести только поверхностно съ помощью желѣзныхъ щуповъ. Въ зимнее время собственно торговцы, занимающіеся тайнымъ ввозомъ на промыслы вина для распродажи, появляются лишь изрѣдка. Главный ввозъ вина производится по пути съ ввозомъ какого-нибудь сорта тяжести. Лѣтомъ виноторговцы появляются чаще... Сбытъ вина производится по большей части рабочимъ. Изъ нихъ болѣе склонные къ пьянству платятъ до 3 руб. за бу-

тылку водки и отъ 2 до 5 руб. за бутылку спирту. Случается, что за вино безденежные рабочіе отдаютъ одежду, обувь и товарныя вещи. Существующее между рабочими общее правило скрывать виноторговцевъ служитъ весьма большимъ препятствіемъ къ ихъ преслѣдованію".

По мнѣнію горнаго исправника, слѣдующія мѣры могутъ повести къ искорененію продажи вина на промыслахъ: 1) ввести подачу винныхъ порцій рабочимъ, хотя бы на ихъ собственный счетъ, если не всякій день, то, по крайней мѣрѣ, 2 или 3 раза въ недѣлю, а для облегченія пріисковымъ управленіямъ пріобрѣтенія вина устроить въ центрѣ промысловъ винный складъ въ 2,000 ведеръ; 2) слѣдуетъ возстановить прежній законъ о томъ, чтобы не было питейныхъ домовъ ближе къ промысламъ 50 верстъ; 3) „необходимо установить законъ, по которому занимающійся тайнымъ ввозомъ и продажею вина на промыслахъ подвергался бы отвѣтственности, подходящей къ отвѣтственности контрабандистовъ или корчемниковъ" [1]). Но мѣры эти приняты не были.

Тайная продажа вина продолжалась въ большихъ размѣрахъ и во второй половинѣ 60-хъ годовъ. „Въ послѣднее время",—говоритъ Латкинъ (1869 г.),—на сѣверной системѣ Енисейскаго округа „расплодилось очень много спиртовозовъ, т. е. торговцевъ спиртомъ и водкой; обширность системы и множество дорогъ, въ особенности нынѣ заброшенныхъ, на которыхъ не существуетъ кордоновъ, даютъ большую свободу этой запрещенной торговлѣ, которая приноситъ занимающимся ею значительныя выгоды, почему на промыслахъ пьянство нынѣ" усилилось, „хотя далеко не можетъ сравниться съ тѣмъ, что происходитъ въ жилыхъ мѣстахъ" [2]).

Кромѣ странствующихъ спиртовозовъ или спиртоносовъ, къ концу 60-хъ годовъ появились и осѣдлые продавцы спирта подъ видомъ арендаторовъ покосовъ въ тайгѣ, гдѣ находятся промыслы. По оффиціальному свидѣтельству (1870 г.), „хищничеству золота способствуетъ отдача съ торговъ оброчныхъ статей подъ покосы: аферисты снимаютъ эти покосы за такія цѣны, которыхъ они никогда не въ состояніи выручить отъ продажи сѣна: высокія цѣны даются за мѣста, расположенныя около богатыхъ пріисковъ съ большимъ числомъ рабочихъ. Эти съемщики луговъ, подъ предлогомъ выдачи винныхъ порцій своимъ рабочимъ, имѣютъ всегда спиртъ и сбываютъ его рабочимъ; были случаи, что рабочіе входили въ помѣщенія вышеозначенныхъ лицъ совершенно трезвые, а вы-

[1]) Арх. Горн. Испр. южн. ч. Енис. окр., дѣло 1863 г., № 36, л. 19—28.

[2]) „Очеркъ зол. пром. Енис. окр.", стр. 54. Рецензентъ книги Латкина по этому поводу говоритъ: „Какъ во времена откупа золотопромышленники спаивали рабочихъ своею водкой, такъ и теперь многіе" изъ нихъ, „въ то же время, винокуры; не ихъ ли агентовъ подразумѣваетъ г. Латкинъ", говоря о спиртовозахъ? „Дѣло" 1869 г., № 11.

ходили мертвецки пьяные; но уликъ къ обвиненію нѣтъ...; кромѣ вреда отъ пьянства, продажа спирта сопряжена со скупомъ золота, потому что рабочій никогда не имѣетъ при себѣ денегъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ К°, гдѣ за старательское золото, представляемое въ промысловую контору, имъ немедленно уплачиваютъ наличными деньгами) и, слѣдовательно, не имѣетъ чѣмъ расплатиться, кромѣ добытаго имъ золота [1]). Въ 70-хъ годахъ появились, такъ называемые, придорожные пріиски. Въ спорѣ между золотопромышленниками и посторонними лицами о томъ, кому должны отдаваться въ аренду оброчныя статьи, собственно говоря, шелъ вопросъ лишь о томъ, какъ говорятъ на промыслахъ, чтобы „мыть золото на деревянной бочкѣ", т. е. заниматься тайнымъ скупомъ золота.

Съ больныхъ рабочихъ, по однимъ договорамъ, золотопромышленники не брали никакой платы за леченіе, по другимъ—дѣлали вычетъ за ихъ содержаніе и лѣкарства [2]). По договору съ Цыбульскимъ (Маріинск. и Ачин. окр. 1864 г.), хворать безплатно дозволялось лишь нѣсколько дней; по другимъ контрактамъ, за время болѣзни рабочіе должны были платить отъ 30 до 50 к. въ день. Въ договорахъ Асташева съ общеконтрактными рабочими 60-хъ годовъ то устанавливаются вычеты съ рабочихъ за леченіе, то это условіе отпускается, въ договорахъ же съ отрядными рабочими, вскрывавшими торфъ, вычетовъ не полагалось (и иногда еще воспрещалось понуждать артель выполнять работу, падающую на больного). Плату за леченіе назначали въ договорахъ и нѣкоторые другіе золотопромышленники южной части Енисейскаго округа, наприм., К° Бенардаки и Латкина, Логиновъ (1862 г.), К° Щеголевыхъ, Кузнецова и Бунаковыхъ (1860 г.), но по многимъ другимъ контрактамъ за леченіе не взималось никакой платы.

Въ мартѣ 1865 г. предсѣдательствующій въ совѣтѣ главнаго управленія Восточной Сибири сообщилъ енисейскому губернатору, что „леченіе рабочихъ по золотымъ промысламъ... производится во всѣхъ промысловыхъ больницахъ безвозмездно, за исключеніемъ 7 пріисковъ южной системы Енисейскаго округа К° Бенардаки, Сидорова и Латкина (состоящихъ подъ управленіемъ почетнаго гражданина Николая Латкина), которая вычитаетъ деньги съ рабочихъ за медикаменты". (Мы видѣли выше, что по общимъ контрактамъ съ рабочими ни одна эта К° имѣла право дѣлать такіе вычеты, но, быть можетъ, было въ не обычаѣ пользоваться этимъ правомъ). „Хотя по силѣ 2484 ст. горнаго устава изд. 1857 г. леченіе нанимающихся на частные золотые промыслы рабочихъ

[1]) Арх. Енис. окружн. полиц. упр., дѣло № 472.

[2]) Во всякомъ случаѣ, жалованья или платы рабочему въ дни болѣзни не полагалось.

людей должно быть ясно обусловливаемо въ договорахъ, т.-е. съ вычетомъ ли изъ платы наемниковъ за пользованіе ихъ въ промысловыхъ больницахъ, или же безъ вычета, но такъ какъ, во-первыхъ, подобнаго вычета на частныхъ золотыхъ промыслахъ Восточной Сибири никѣмъ изъ гг. золотопромышленниковъ, кромѣ Николая Латкина, дѣлаемо не было; во-вторыхъ, по 1987 и 1992 ст. горнаго же устава, служащія на казенныхъ заводахъ, а также и рабочіе принимаются для излеченія въ госпитали, содержимые на счетъ заводовъ, и пользуются лѣкарствами безденежно и, въ-третьихъ, по § 60 Высочайше утвержд. въ 31-й день марта 1861 г. временныхъ правилъ о наймѣ рабочихъ вообще [1]), подрядчикъ обязанъ содержать больного, требующаго врачебнаго пособія и временнаго призрѣнія въ лазаретѣ *безъ всякаго вычета изъ условной платы*, то по изложеннымъ основаніямъ слѣдуетъ нынѣ же со стороны начальниковъ губерній и областей Восточной Сибири сдѣлать строгое внушеніе горнымъ исправникамъ, чтобъ устранили безъ всякаго отлагательства вычеты съ рабочихъ за медикаменты..., а городскимъ и земскимъ полиціямъ, чтобы не свидѣтельствовали подобныхъ договоровъ, заключенныхъ съ рабочими".

На запросъ горнаго исправника южной части Енисейскаго округа управленіе Второпавловскаго пріиска К° Бенардаки и Латкина донесло, что „вычетъ съ рабочихъ *сдѣланъ* за больницу" на основаніи контрактовъ 1862—64 гг.; „въ настоящемъ же году подобнаго вычета не производится, также какъ и на будущее время производиться не будетъ". По объясненію управленія, вычетъ за лѣкарства и больницу производился потому, что это допускалось горнымъ уставомъ, и къ тому же, условія съ рабочими заключались по взаимному согласію и претензіи съ ихъ стороны на это не было. „Условія, на основаніи которыхъ сдѣланъ вычетъ, засвидѣтельствованныя" въ волостномъ правленіи, „имѣли законную силу и не должны подлежать отмѣнѣ..." „А такъ какъ разсчеты съ возвращеніемъ разсчетныхъ листовъ рабочими послѣ 10 сентября считаются законченными, то управленіе и не находитъ себя обязаннымъ выслать вычтенныя законно, по условіямъ, деньги", какъ этого, очевидно, требовалъ горный исправникъ [2]). Лопатинъ въ своей статьѣ [3]) утверждаетъ, что только на пріискахъ, состоявшихъ подъ управленіемъ Латкина, вычитались изъ платы рабочихъ расходы на лѣкарства и стоимость содержанія фельдшеровъ, хотя мы видѣли,что такой вычетъ устанавливался договорами со многими золотопромышленниками. „Но теперь,—продолжаетъ Лопатинъ,—и у г. Латкина вездѣ леченіе производится безвозмездно". Не

[1]) Ср. и ст. 58 и 59.

[2]) Арх. Горн. Испр. Южн. ч. Енис. окр., дѣло 1865 г. № 11, л. 511, 513, 517—518.

[3]) „Извѣст. Сибир. Отд. Геогр. Общ" т. II, № 4, Иркут. 1872 г., стр. 39.

знаемъ, было ли такъ въ дѣйствительности, но, по крайней мѣрѣ, въ договорахъ съ К° Малевинскаго (въ сѣв. части Енисейск. окр.) и послѣ приведеннаго распоряженія Корсакова назначался вычетъ за лѣченіе [1]).

Однимъ изъ главныхъ антигигіеническихъ условій въ жизни рабочихъ на золотыхъ промыслахъ былъ чрезмѣрный трудъ. Въ контрактахъ обыкновенно различается дѣйствительная болѣзнь отъ уклоненія отъ работы; за послѣднее, какъ мы увидимъ ниже, грозили штрафы и другія кары. Отдыхать нельзя было и въ праздники (еслибы даже рабочій пожелалъ пожертвовать возвышеннымъ старательскимъ заработкомъ), такъ какъ старательскій трудъ сдѣлался обязательнымъ. Рабочій, по словамъ Пищикова, „прибѣгаетъ къ другому способу отдыха: говоритъ, что онъ боленъ; спросятъ промысловаго фельдшера (почти всегда какого-нибудь поселенца, нанятаго по общему контракту въ число рабочихъ, и очень нерѣдко даже безграмотнаго), тотъ, согласно приказанію хозяина, находитъ его здоровымъ, и бѣднаго рабочаго, вдобавокъ къ его изнуренію, колотятъ хуже, чѣмъ скота“ [2]). Послѣ того, какъ старанiе въ праздники сдѣлалось обязательнымъ, являлась настоятельная необходимость установить льготные дни отдыха, но упоминаній о нихъ мы почти не встрѣчаемъ въ договорахъ съ рабочими. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ контрактовъ 60-хъ годовъ мы встрѣтили всего въ четырехъ установленіе льготныхъ дней, въ большинствѣ случаевъ, по одному дню въ мѣсяцъ, и лишь въ одномъ договорѣ [3]) по 2 дня.

Трудиться на золотыхъ промыслахъ рабочимъ приходилось въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. „Рабочіе,—говоритъ д-ръ Кривошапкинъ,—вдыхая постоянно воздухъ, наполненный твердыми, рѣжущими частицами минеральной пыли, стоятъ постоянно въ мокротѣ, въ дырявой обуви и одеждѣ, потому что, одѣваясь на свой счетъ, они поневолѣ стараются экономить“, хотя бы „въ ущербъ здоровью“... „Рабочіе нерѣдко не раздѣваются не только дни, но и цѣлыя недѣли; непросыхающая обувь... и бѣлье, пропитанное потомъ и грязью, до невозможности разобрать, изъ чего оно сдѣлано“, крайне вредны для здоровья. Суровый, негосте-

---

[1]) По договору съ этою К°, заключенному въ ноябрѣ 1866 г., рабочіе обязывались „заплатить К—іи за медикаменты, какіе будутъ употреблены на леченіе“. Правда этотъ договоръ былъ засвидѣтельствованъ въ одномъ изъ волостныхъ правленій Томской губ., на которую распоряженіе Корсакова распространяться не могло, но и по договору съ тою же К° 1869 г., заключенному ея уполномоченнымъ В. И. Базилевскимъ и засвидѣтельствованному въ Енисейскѣ, сказано было: „за лѣченіе въ больницѣ ... доктору и (за) лѣкарства обязанъ всякій изъ нихъ заплатить К° по 1 р. с.“

[2]) Нанимались на пріиски и такіе, которые, по слабости и болѣзненности, совсѣмъ плохо работали; нерѣдко оказывалось, что ихъ заставило наняться волостное правленіе.

[3]) Прибрежно-Витимской К° Олекминскаго округа 1867 г.

пріимный климатъ тайги также содѣйствуетъ заболѣваніямъ. „Въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ — страданія катарральныя и лихорадки; люди, пришедшіе на пріискъ, въ мартѣ больны уже цынгой, въ апрѣлѣ начинаются чаще ревматизмы, а съ началомъ работъ отъ вдыхаемой минеральной пыли—воспаленіе въ легкихъ и эмфизема. Дожди, если начинаются въ апрѣлѣ, бываютъ особенно холодны...; когда же хорошъ апрѣль, то для работъ гибельны майскіе дожди; также и осенью, если хорошъ августъ, дождливъ сентябрь, и наоборотъ. Цынга, начавшаяся въ февралѣ и мартѣ, при апрѣльскихъ дождяхъ крайне усиливается. Усиленная работа вызываетъ огромный аппетитъ; наѣвшись съ жадностью, и особенно чернаго хлѣба, рабочій лѣтомъ хочетъ безпрерывно пить, и воду употребляютъ, конечно, самую холодную, прямо изъ ключа, отчего нерѣдки воспаленія желудка; въ обѣденный отдыхъ онъ, усталый, радъ лечь безъ разбору на сырую, мокрую землю, отчего получаетъ лихорадки, поносы и даже кровавые“ [1]).

Быть можетъ, рабочіе на промыслахъ Витимской системы Забайкальской области находились въ нѣсколько лучшихъ климатическихъ условіяхъ, но крайней мѣрѣ въ спеціально-медицинскомъ органѣ мы находимъ указаніе (1866 г.), что „больныхъ на пріискахъ“ этого округа „много не бываетъ [2]); иногда скорбутъ навѣщаетъ пріиски, но это бываетъ весьма рѣдко“. Авторъ статьи сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о ходѣ и леченіи этой болѣзни:

„Рабочіе, заболѣвшіе скорбутомъ, „стараются достать пихты, дѣлаютъ отваръ и этимъ отваромъ на ночь обертываютъ себѣ ноги и пьютъ его; отъ страданія десенъ они избавляются дикимъ лукомъ, который ѣдятъ въ огромномъ количествѣ. Къ обѣду, въ свободное отъ работъ время, они набираютъ себѣ стебли и корни дикаго ревеня, который, будучи сваренъ съ мясомъ, даетъ щамъ пріятный, кисловато-горькій и пряный вкусъ. Въ больницу онъ идетъ уже тогда, когда скорбутъ окончательно не даетъ ему возможности работать. Язвъ скорбутныхъ бываетъ очень мало; большею частью показываются сначала прыщи сухіе и весьма часто насаженные на передней части голени; мало-по-малу прыщи эти соединяются въ пятно сине-багроваго цвѣта, и тогда начинается стягиваніе ноги въ колѣнномъ суставѣ; боль въ деснахъ и опухоль появляются уже послѣ. Очень рѣдко на сказанныхъ пятнахъ ногъ начинаетъ приподниматься кожица, образуя какъ бы водяной пузырь, который лопается, и вотъ начало цынготной язвы; она быстро растетъ въ ширину и въ вышину, если не остановить ея хода приличнымъ леченіемъ... Съ появленіемъ язвъ замѣтно появляется истощеніе силъ больного, водянка здѣсь рѣдко сопровождаетъ скорбутъ... Большею частью скорбутъ бываетъ сопряженъ съ поносомъ, который очень рѣдко уступаетъ леченію, тѣмъ болѣе,

---

[1]) *М. Кривошапкинъ.* „О состояніи медицинской части на золотыхъ пріискахъ Сибири“. „Сѣв. Почта“ 1862 г., № 84.

[2]) Однако, изъ этой же статьи видно, что опухоль въ суставахъ и въ подмышечныхъ железахъ, вслѣдствіе чрезмѣрно утомительной работы, составляетъ явленіе весьма нерѣдкое.

что чрезвычайно быстро ослабляетъ организмъ... Ушибы и ушибленныя раны весьма частая вещь на пріискахъ"; число такихъ больныхъ „тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе непривычныхъ къ работѣ людей, такъ называемыхъ первогодковъ" [1]).

Современная наука доказала, что при сильномъ утомленіи можно посредствомъ кровопусканія временно усилить мышечную дѣятельность: этимъ и объясняется сильное развитіе кровопусканія на пріискахъ, поддерживаемое также и обычаемъ давать послѣ него день отдыха, въ которомъ такъ нуждались рабочіе. Любопытно, что мѣстами пріисковые рабочіе прививали любовь къ кровопусканію и крестьянамъ, съ которыми они входили въ соприкосновеніе на пути, и даже иногда сами превращались въ кровопускателей, если къ тому побуждало ихъ безденежье по возвращеніи съ пріисковъ. „Болѣе энергическій изъ промотавшихся рабочихъ,—говоритъ Ангерманъ, авторъ статьи о Витимскихъ промыслахъ Забайкальской области,—отточитъ какой-нибудь ножичекъ и начинаетъ практику свою между крестьянами съ кровопусканія, необходимаго, по его увѣренію, осенью для крестьянъ послѣ лѣтнихъ тяжелыхъ работъ. Такъ онъ пускаетъ кровь, смотря по вознагражденію: пускаетъ на 50 к. с., на 25 к., на 12½ к. и на 7 к. крови, но никакъ не менѣе, или, переводя это на крестьянскій общепонятный языкъ, пускаетъ за штофъ, полуштофъ, косушку и шкаликъ водки,—менѣе мѣры нѣтъ, и онъ не можетъ пустить менѣе; болѣе чѣмъ за штофъ онъ тоже не пускаетъ изъ одной руки, потому что для него и этого достаточно на одинъ пріемъ, даже слишкомъ; да и паціентъ едва ли черезъ мѣсяцъ оправится силами послѣ такой операціи. Отъ этого по тракту, ведущему къ промысламъ, можно встрѣтить гораздо болѣе" крестьянъ обоего пола, „страдающихъ анеміей, чѣмъ въ мѣстахъ, лежащихъ поодаль. Мнѣ случалось видѣть,—продолжаетъ авторъ,—очень много печальныхъ случаевъ этого неистоваго кровопусканія изъ-за водки. Такой импровизированный врачъ пускаетъ кровь откуда угодно: изъ руки, по всему ея протяженію, начиная отъ локтевого сустава и кончая кистью руки; точно такъ же онъ поступаетъ и съ ногою. Онъ нисколько не затрудняется метать кровь изъ шеи, висковъ и темени, вслѣдствіе чего очень часто случаются поврежденіе нервовъ лица и сведеніе рукъ и ногъ". Эта картинка вызываетъ на серьезныя размышленія. Этотъ импровизированный кровопускатель является какъ бы олицетвореніемъ золотопромышленности, которая и въ буквальномъ смыслѣ вызывала обильную потерю крови рабочихъ при частыхъ кровопусканіяхъ подъ вліяніемъ чрезмѣрнаго труда, и эксплуатировала ихъ, не только не давая имъ возможности вынести съ промысловъ значительный заработокъ, но очень

[1]) *И. Ангерманъ.* „Замѣтки о золотыхъ промыслахъ Витимской системы". „Медицинскій Вѣстникъ" 1866 г., № 7.

часто обременяя ихъ долгами, заставлявшими вновь закабаливать себя, или дѣлая увѣчными, навсегда потерявшими здоровье.

Медицинская часть на пріискахъ была болѣе, чѣмъ въ неудовлетворительномъ положеніи. Извѣстно авторитетное свидѣтельство д-ра Кривошапкина о состояніи енисейскихъ больницъ [1]), въ виду котораго мы можемъ не придавать значенія показаніямъ енисейскихъ губернаторовъ во всеподданнѣйшихъ отчетахъ начала 60-хъ годовъ, что все обстоитъ благополучно. Отмѣтимъ только слѣдующія слова въ отчетѣ за 1863 г.: „больные содержатся исправно, за исключеніемъ больницы, находящейся на Николаевскомъ пріискѣ Безобразова; о приведеніи ея въ удовлетворительное состояніе сдѣлано надлежащее распоряженіе“ [2]). А, между тѣмъ, этотъ же самый Безобразовъ въ запискѣ, поданной въ 1862 г. Корсакову, выражая негодованіе на то, что въ своемъ оффиціальномъ объявленіи [3]) горное отдѣленіе главнаго управленія Восточной Сибири требовало (1861 г.), чтобы больныхъ не принуждали на золотыхъ промыслахъ къ работѣ, развязно заявлялъ: „На пріискахъ южной и сѣверной системы Енисейскаго округа больницы содержатся прекрасно; онѣ снабжены всѣми медицинскими пособіями и за больными хорошій уходъ“ [4]). Хороша же должна была быть больница самого Безобразова, если на нее обратила вниманіе даже снисходительная сибирская администрація. Впрочемъ, въ отчетѣ за 1865 г. енисейскій губернаторъ нарисовалъ и вообще печальную картину состояніи больницъ на пріискахъ. „Съ постояннымъ упадкомъ золотопромышленности, — говоритъ онъ, — видимо падаютъ и промысловыя больницы; въ нихъ нѣтъ уже той обстановки, какою онѣ отличались во время процвѣтанія промысла; теперь нерѣдко встрѣчаются въ больницахъ неопрятность, полное отсутствіе бѣлья и недостатокъ самыхъ необходимыхъ принадлежностей. Причина подобнаго явленія та, что въ настоящее время значительныхъ золотопромышленныхъ дѣлъ въ Енисейской губ. почти не осталось, преобладающая же масса мелкихъ золотопромышленниковъ, при совершенномъ недостаткѣ оборотныхъ капиталовъ и веденіи дѣлъ лишь однимъ кредитомъ, поставлена въ необходимость сокращать расходъ до послѣдней крайности“. Гораздо печальнѣе то, что и богатыя К° не исполняли, какъ слѣдуетъ, своихъ обязанностей относительно рабочихъ въ дѣлѣ медицинской помощи. „Почетный гражданинъ Николай Латкинъ,—продолжаетъ енисейскій губернаторъ,—вынужденный прекратить введенные имъ на состоящихъ въ его распоряженіи нѣсколькихъ промыслахъ К° Бенардаки

---

[1]) Срав. также въ его статьѣ въ „Сѣв. Почтѣ“ 1862 г., № 84.
[2]) Арх. Комит. Министр., дѣло Сибир. Комит. 1864 г., № 56.
[3]) „Иркут. Губ. Вѣдом.“ 1861 г., № 40.
[4]) Арх. Горн. Деп. дѣло отд. части. зол. № 68/650, ч. II, л. 548 и сл.

и на собственномъ пріискѣ вычеты съ рабочихъ за медикаменты..., признавъ излишнимъ приглашать въ истекшемъ году медика для завѣдыванія промысловыми больницами, которыя и оставались безъ должнаго врачебнаго пособія и надзора, несмотря на то, что на промыслахъ сѣверной системы Енисейскаго округа было 4 врача, между тѣмъ, во всѣ предшествующіе годы при другихъ распоряжителяхъ К° Бенардаки постоянно имѣла особаго промысловаго медика, болѣе необходимаго, чѣмъ въ другихъ К°, такъ какъ главная группа ея промысловъ расположена по р. Нойбѣ, мѣстности нездоровой и весьма отдаленной, гдѣ въ прошломъ году былъ развитъ въ значительной степени между рабочими тифъ" [1]). Послѣ такого оффиціальнаго свидѣтельства о томъ, какъ относился Н. Латкинъ къ дѣлу медицинской помощи рабочимъ, мы не можемъ придавать значенія его одобрительному отзыву о пріисковыхъ больницахъ Енисейскаго округа. И Латкинъ, и Лопатинъ очень одобряютъ внѣшнюю обстановку больницъ, которую хвалитъ и Кривошапкинъ, но, къ сожалѣнію, только внѣшностью дѣло и ограничивалось, какъ это видно, между прочимъ, и изъ свидѣтельства врачей 70-хъ годовъ.

Большую пользу, по словамъ Лопатина, принесло разрѣшеніе поступать фельдшерами пріисковой больницы сосланнымъ по политическимъ преступленіямъ полякамъ [2]): „многіе изъ нихъ оказались очень хорошими медиками и фельдшерами" и „занимались очень внимательно", но фельдшера изъ политическихъ ссыльныхъ составляли, все-таки, незначительное меньшинство, а остальные вообще были очень плохи. О врачахъ Кривошапкинъ говоритъ: „Врачи пріисковые завѣдуютъ разомъ множествомъ больницъ и многихъ хозяевъ. Они не назначаются правительствомъ, а нанимаются золотопромышленниками и ихъ управляющими, какъ и всякій другой служащій. Плату получаютъ они не общимъ жалованьемъ, а по числу рабочихъ людей, по 80 к. съ каждаго. По окончаніи рабочаго сезона, врачъ свободенъ отъ службы и снова надобно хлопотать ему, чтобы наняться на слѣдующую операцію. Судите изъ этого: можетъ ли врачъ имѣть значеніе, выражать свое мнѣніе" и предъявлять „разныя полезныя для рабочихъ требованія? Очевидно, нѣтъ. За свободомысліе нигдѣ не получишь мѣста" [3]).

---

[1]) Арх. Канц. Иркут. Ген.-губ., кн. 1898, № 611/36, л. 11—12.

[2]) Бывали при этомъ и курьезы: въ 1867 г. одному доктору поляку изъ политическихъ ссыльныхъ было разрѣшено въ Енисейскомъ округѣ завѣдывать пріисковою больницею безъ права лечить.

[3]) „Сѣверная Почта" 1862 г., № 84. Лазареты промысловъ Маріинскаго окр. находились въ 1861 г. въ завѣдываніи окружнаго врача. Въ Семипалатинской области главный надзоръ за промысловыми больницами имѣлъ медикъ кокбетинскаго военнаго госпиталя. На промыслахъ Енисейскаго округа 1860 г. состояло 7 лекарей, дантистъ и акушерка, а въ 1870 г. было уже только 3 врача (2 въ сѣверной и одинъ въ южной

Фельдшера въ контрактахъ, заключаемыхъ ими съ золотопромышленниками, обыкновенно обязывались быть въ безусловномъ послушаніи пріисковому управленію, которое могло смѣнить ихъ всегда по своему желанію, фельдшера же не могли оставить мѣста до истеченія срока контракта.

Въ Западной Сибири смертность не превышала въ 1861 г. нормальной для всей Россіи, а именно умерло отъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ 20 чел. (0,7% рабочихъ об. п.) [1]). Напротивъ, въ Восточной Сибири смертность была значительно выше той, какая бываетъ въ Россіи для возраста отъ 15 до 50 л. [2]). Въ 1865 г. умерло на пріискахъ Енисейской губ. 1,3% рабочихъ, въ 1866 г. 1,2%, въ 1867 г. даже 2,2%, въ 1868 г. 1%, въ 1869 г. 1,4% [3]). На промыслахъ всей Восточной Сибири въ 1860 г. умерло отъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ 1,2%, въ 1861 г. 0,9%, въ 1862 г. 1%, въ 1863 г. 1,1% [4]).

О количествѣ заболѣвшихъ и процентѣ смертности изъ числа заболѣвшихъ мы свѣдѣній не имѣемъ; только изъ отчета горнаго исправника южной части Енисейскаго окр. за операцію 1865—1866 г. мы знаемъ, что изъ 5,465 чел. об. пола, бывшихъ на пріискахъ, было больныхъ 3,841 чел. (70% рабочихъ); быть можетъ, впрочемъ, въ число заболѣвшихъ включены и пускавшіе себѣ кровь. Изъ числа заболѣвшихъ умерло 2,7% [5]).

Процентъ смертности на пріискахъ понижался еще тѣмъ, что больныхъ рабочихъ нерѣдко разсчитывали до срока. „Если больной рабочій ненадеженъ къ скорому излеченію,—говоритъ авторъ корреспонденціи изъ Красноярска,—то нерѣдко его разсчитываютъ и выгоняютъ съ пріиска съ однимъ проходнымъ видомъ, не только безъ денегъ, необходимыхъ на путевое продовольствіе, но еще съ значительнымъ задолжа-

---

системѣ). Въ Минусинскомъ и Ачинскомъ округахъ въ 1860 г. было 2 врача; въ Канскомъ и Нижнеудинскомъ (Бирюсинская система) былъ въ 1860 г. временный врачъ, посланный иркутскимъ губернаторомъ, и только въ 1863 г. былъ приглашенъ постоянный врачъ. Въ Олекминскомъ округѣ въ 1860 г. было 3 медика; въ Забайкальской области въ Витимской системѣ въ 1863 г. также 3 врача. Число кроватей въ больницахъ намъ извѣстно лишь на промыслахъ южн. ч. Енис. окр. въ 1865—1866 г.: ихъ было 350 на 6,465 рабочихъ об. п., т.-е. по одной кровати на 18 ч. *Расселли*, 236, 237; „Иркут. Губ. Вѣд.“ 1861 г., № 7 и 1864 г., № 17, часть неоф.; „Горн. Журн.“ 1863 г., № 5, стр. 350—351; „Арх. Горн. Испр. Южн. ч. Енис. окр., дѣло 1866 г., № 26, л. 419, 422.

[1]) *Расселли*, 234.

[2]) Срав. *Эрисманъ*. „Курсъ гигіены“, т. II, прилож., стр. 61—75.

[3]) *Лопатинъ*, стр. 45.

[4]) „Иркут. Губ. Вѣд.“, 1861 г. № 7 и 1864 г. № 17 ч. неоф.; *Расселли*, 234; „Горн. Журн.“, 1863 г. № 5, стр. 348.

[5]) Арх. Горн. Испр. южн. ч. Енис. окр., дѣло 1866 г. № 26, л. 422.

ніемъ золотопромышленной конторѣ“ [1]). Правда, Лопатинъ увѣряетъ, что „разсчитываютъ съ пріисковъ больныхъ съ застарѣлыми хроническими недугами, требующими особаго рода леченія и ухода, и не такихъ, которые заболѣли на пріискѣ, а которые нанялись обманомъ, скрывъ отъ нанимателя свои недуги“; но изъ показаній Кривошапкина и оффиціальныхъ распоряженій 50-хъ годовъ видно, что слова красноярскаго корреспондента совершенно справедливы. „Ихъ высылаютъ,—продолжаетъ Лопатинъ,—потому, во-первыхъ, что невозможно требовать, чтобы пріискъ обратился въ общественную богадѣльню (!), а, во-вторыхъ, потому, что больнымъ легче выбраться изъ тайги въ теплое лѣтнее время, нежели осенью“ (стр. 40). Напротивъ, Кривошапкинъ требовалъ, чтобы золотопромышленникамъ не было дозволено „разсчитывать съ пріисковъ всякаго, заболѣвшаго хроническою болѣзнью, и пускать на произволъ судьбы“ [2]).

Золотопромышленники старались въ контрактахъ сложить съ себя отвѣтственность за несчастные случаи съ рабочими. Корсаковъ, исправлявшій должность генералъ-губернатора Восточной Сибири, замѣтивъ изъ отчетовъ горныхъ исправниковъ Енисейскаго округа за 1860 г., что, несмотря на многія подтвержденія о принятіи мѣръ къ предупрежденію несчастныхъ случаевъ при веденіи работъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ, случаи эти, часто стоющіе жизни рабочимъ людямъ, не прекращаются, поручилъ горному ревизору этого округа составить правила о производствѣ работъ съ изложеніемъ необходимыхъ предосторожностей. Правила эти были имъ составлены, и слѣдить за ихъ исполненіемъ было поручено горнымъ исправникамъ, которые должны были о результатахъ слѣдствія немедленно представлять въ судебныя мѣста, а эти послѣднія—назначать законныя взысканія съ виновныхъ въ слабомъ надзорѣ за производствомъ работъ [3]).

Какъ мало человѣколюбія обнаруживали золотопромышленники относительно увѣчныхъ рабочихъ, видно изъ слѣдующихъ словъ есаула Озерова въ донесеніи (1861 г.) Корсакову: „Замѣчено мною, что нѣкоторыя К° (Енис. окр.) не только не обезпечиваютъ рабочихъ, совершенно потерявшихъ здоровье и получившихъ увѣчье на пріискахъ, всѣмъ необходимымъ для существованія или хотя бы для прибытія къ мѣсту жительства, но часто даже записываютъ долги въ ихъ паспорты“ [4]). Без-

[1]) „С.-Петерб. Вѣд.“ 1865 г. № 137.

[2]) „Енис. Окр.“, стр. 11—12.

[3]) Арх. Горн. Испр. южн. ч. Енис. окр., дѣло 1861 г. № 21, л. 1—2.

[4]) Арх. Иркут. Горн. Упр. к. 1673, № 27/30, л. 19. Въ дѣлахъ богатой компаніи Малевинскаго мы нашли нѣсколько подписокъ, данныхъ въ началѣ сентября 1868 г., гдѣ рабочіе заявляютъ, что, находясь на излеченіи въ промысловой больницѣ, вслѣдствіе полученнаго по несчастному случаю перелома той или другой ноги, въ на-

помощность такихъ рабочихъ видна и изъ слѣдующихъ словъ Н. Латкина: „Желательно и даже совершенно необходимо золотопромышленникамъ основать хотя небольшой денежный фондъ для вспомоществованія впавшимъ по какимъ-либо причинамъ въ безпомощное состояніе рабочимъ, какъ-то вслѣдствіе значительныхъ ушибовъ и искалѣченія во время работъ“ [1]).

Въ контрактахъ 60-хъ годовъ рабочіе, какъ и въ прежніе годы, обязывались вести себя „добропорядочно“, „благопристойно“, слушаться управляющихъ, прикащиковъ, смотрителей, штейгеровъ и нарядчиковъ, не пьянствовать, въ карты, кости, орлянку и другія азартныя игры не играть, не грубить, не упрямствовать, не вступать въ драку, самовольно (или безъ письменнаго дозволенія) съ пріиска никуда не отлучаться, съ ворами и подозрительными людьми связи не имѣть, постороннихъ людей безъ вѣдома управляющаго и особенно безъ письменныхъ видовъ къ себѣ не принимать и въ своемъ помѣщеніи не держать, а также они обязывались наблюдать другъ за другомъ и о всемъ недозволенномъ доводить до свѣдѣнія управляющаго. Въ нѣкоторыхъ договорахъ, за несоблюденіе ихъ, рабочимъ грозила отвѣтственность по суду, а за причиненные этимъ убытки они должны были отвѣчать своею собственностью; въ другихъ упоминалось объ исправительномъ наказаніи.

Впрочемъ, сами золотопромышленники даютъ одобрительные отзывы о поведеніи рабочихъ: по словамъ Скарятина, они „ведутъ себя на пріискѣ не только не хуже, но, напротивъ, лучше, чѣмъ въ деревняхъ и городахъ. Случается, конечно, что рабочій успѣвалъ достать водки и на пріискѣ, но это рѣшительное исключеніе, нисколько не относящееся до массы рабочихъ... Понятно, что они на пріискѣ гораздо смирнѣе, чѣмъ вблизи кабаковъ“ [2]).

Переходя къ вопросу о наказаніяхъ рабочихъ на пріискахъ въ 60-хъ годахъ, мы, прежде всего, остановимся на тѣлесныхъ наказаніяхъ. Несмотря на несомнѣнное существованіе жестокихъ расправъ съ рабочими, мы имѣемъ о нихъ мало современныхъ свидѣтельствъ. Обыкновенно

стоящее время сросшагося, они продолжать леченія не хотятъ, „добровольно“ желаютъ отправиться на свое мѣстожительство, и такъ какъ увѣчье получено ими по ихъ неосторожности, то „никакой претензіи“ къ компаніи Малевинскаго они не имѣютъ. Ни о какомъ вознагражденіи рабочимъ въ этихъ подпискахъ нѣтъ и рѣчи. (Арх. В. И. Базилевскаго въ Енисейскѣ).

[1]) „Содѣйств. рус. пром. и торг.“ 1862 г., приб. къ № 3. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ умершихъ отъ несчастныхъ случаевъ во время работъ, какъ-то: ушибовъ, полученныхъ при дѣйствіи машинъ, отъ обваловъ торфа, отъ паденія камней, лѣса и т. п. было на промыслахъ Западной Сибири въ 1861 г.—2, Восточной Сибири въ 1860—12, въ 1861—8, въ 1862 г.—9, 1863 г.—5, въ 1869 г.—6 чел.

[2]) „Зам. Золотопр.“, ч. II, 218—219.

мы узнаемъ о нихъ, такъ сказать, заднимъ числомъ изъ болѣе позднихъ показаній, когда объ этихъ жестокостяхъ говорятъ уже, какъ о явленіяхъ, если не вполнѣ исчезнувшихъ, то, по крайней мѣрѣ, въ значительной степени потерявшихъ свою прежнюю интензивность. То же повторяется и въ 60-е годы, когда писатели конца этого десятилѣтія говорятъ о крутыхъ нравахъ самаго недавняго прошлаго, несомнѣнно свидѣтельствуя такимъ образомъ о томъ, что, по крайней мѣрѣ, въ началѣ 60-хъ годовъ суровыя традиціи предшествующей эпохи еще сохраняли, особенно на промыслахъ нѣкоторыхъ К°, свою силу и значеніе. Обратимъ, прежде всего, вниманіе на упоминаніе о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ договорахъ съ рабочими этой эпохи.

По контракту съ Лавровскою (Мар. окр. 1864 г.), за уклоненіе отъ работы и самовольную отлучку съ пріиска рабочему, сверхъ вычета за прогульные дни, грозило „полицейское исправленіе при артели"; за дурное поведеніе, пьянство, грубость и проч. управленіе имѣло право подвергать виновныхъ „законнымъ исправительнымъ наказаніямъ". Когда въ договорѣ не упоминается объ артельной расправѣ, очевидно, предпочитали обращаться къ горному исправнику. И дѣйствительно, по договору съ Лавровскою того же года, вовсе не упоминается объ артельной расправѣ, а за уклоненіе отъ работы и небрежность грозитъ штрафъ или „полицейское исправленіе", на основаніи 2502 и 2538 ст. горнаго устава [1]). По договору съ томскимъ золотопромышленникомъ Шитиковымъ (1868 г.), за сношенія съ жителями селъ и деревень безъ разрѣшенія хозяина рабочіе „подвергали себя" полицейскому исправленію или вычету изъ жалованья.

Въ контрактахъ южной части Енисейскаго округа также нерѣдко встрѣчаемъ упоминанія о тѣлесныхъ наказаніяхъ, а именно въ общихъ контрактахъ съ К° Бенардаки и Сидорова (1860 г.) за уклоненіе отъ работъ и небрежность въ нихъ (также въ договорахъ съ Лопатинымъ 1862 г., Даниловымъ 1863 г. и Асташевымъ 1862 г.), по договору съ Логиновымъ (1862 г.)—за дурное поведеніе, игру въ карты и кости, наконецъ, за неповиновеніе въ работѣ—по договорамъ съ Безобразовымъ (1862 и 1864 гг.), съ Бенардаки (1870 г.), съ Поповымъ (1868 г.): во всѣхъ этихъ договорахъ опредѣлялось или „исправительное наказаніе", „домашнее исправленіе" по приговору артельной расправы, или полицейское исправленіе, подъ которымъ разумѣлось наказаніе иногда по усмотрѣнію горнаго исправника, а иногда по приговору артельной расправы.

---

[1]) Второю изъ этихъ статей предоставляется исправнику право подвергать рабочихъ „полицейскому исправленію" за дурное поведеніе и друг. проступки, а 2502 ст. хозяину, недовольному рѣшеніемъ артельной расправы, разрѣшается жаловаться на ея рѣшеніе горному исправнику.

Гораздо рѣже встрѣчается упоминаніе о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ договорахъ съ отрядными рабочими.

Въ договорѣ съ Цыбульскимъ (Ачин. и Минус. окр. 1864 г.) сказано: „Согласно 2397 ст. VII тома Горнаго устава“ (изд. 1842 г.) [1]), должны мы составлять артели, выбрать въ каждой по 2 выборныхъ, а со стороны управляющихъ и становыхъ прикащиковъ имѣетъ быть назначенъ артельный староста, который (sic!) по силѣ 2396 ст. за проступки наши, лѣность и вообще дурное поведеніе можетъ насъ наказывать. Но если предоставленныя мѣры на исправленіе не будутъ достигать цѣли или будутъ превышать его власть, то о таковыхъ долженъ вести свой журналъ, на случай представленія его горному исправнику на зависящее распоряженіе“. Г. Вагинъ въ своей извѣстной статьѣ приводитъ подобное же условіе изъ болѣе ранняго договора Цыбульскаго, но въ нѣсколько иномъ видѣ. По этому послѣднему договору старостѣ (со ссылкою на 2396 ст.) предоставлялось наказывать рабочихъ за проступки, лѣность и дурное поведеніе, выборные же должны были завѣдывать артелями, производить разбирательство, а въ случаѣ понировки своимъ артельщикамъ, староста, „если предоставленная ему мѣра исправленія не будетъ достигать цѣли или превышаетъ его власть“, обязанъ вести о таковыхъ свой журналъ и представлять его горному исправнику на зависящее распоряженіе. По поводу этого условія Вагинъ говоритъ:

„К° Ц. (Цыбульскаго), включивъ въ свой договоръ правила объ артеляхъ, сдѣлала ссылку на ст. свода законовъ—и очень не кстати. Въ этихъ статьяхъ... дѣйствительно говорится объ учрежденіи артели, но совсѣмъ противное тому, что сказано въ договорѣ. По точному смыслу ихъ, староста и выборные должны составлять артельную расправу, и этой расправѣ, коллегіальному учрежденію, предоставлено разбирать поступки рабочихъ и подвергать ихъ взысканіямъ. Это—ничто иное, какъ сельскія расправы государственныхъ крестьянъ во внутреннихъ губерніяхъ. Законъ придаетъ этому правильно организованному суду такую важность, что совершенно освобождаетъ его отъ вліянія хозяина. Послѣдній, въ случаѣ неудовольствія на рѣшеніе расправы, можетъ, какъ и рабочіе, жаловаться горному исправнику или ревизору (смотря по роду дѣлъ), но не имѣетъ права самъ отмѣнять рѣшенія (ст. 2502). По договору (Цыбульскаго) значеніе расправы совершенно уничтожено. Право разбирать проступки предоставлено не всей расправѣ, а каждому изъ выборныхъ особо, право наказывать за проступки—опять не всей расправѣ, а лично старостѣ. Отдѣливъ разбирательство отъ наказанія, договоръ, однакожъ, не поставляетъ точныхъ границъ между ними и запутывается во фразахъ. Такимъ образомъ, на мѣсто правильнаго коллегіальнаго суда, предписаннаго закономъ, договоръ ставитъ личный произволъ старосты или выборныхъ (въ редакціи 1864 г. этого договора—одного старосты). Кромѣ того, неизвѣстно, на чемъ основано условіе, что артельный староста обязанъ записывать въ книгу и представлять горному исправнику о проступкахъ тѣхъ рабочихъ, надъ которыми недѣйствительны исправительныя мѣры, или проступки которыхъ превы-

[1]) Соотвѣтственныя ст. въ изд. 1857 г.: 2500—2502.

шаютъ власть старость (т.-е. расправы). Проступки, подлежащіе вѣдѣнію артельной расправы, всегда разбираются ею, а до прочихъ проступковъ ей, а слѣдовательно и старостѣ нѣтъ никакого дѣла" [1]).

Что постановленія контрактовъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ не оставались мертвою буквой, видно изъ современныхъ свидѣтельствъ. „Необходимо обратить вниманіе,—писалъ Н. Латкинъ въ 1862 г.,— и на нравственную сторону быта рабочихъ, такъ какъ обращеніе съ рабочими на промыслахъ должно было бы смягчиться, что уже въ послѣднее время значительно подвинулось впередъ, и *столь частыя въ прежнее время потасовки, побои и тѣлесное наказаніе* уступили теперь мѣсто болѣе кроткому и человѣколюбивому обращенію". Однако, Н. Латкинъ не скрываетъ, что „всѣ эти грустныя сцены экзекуціи рабочихъ повторяются изрѣдка", выражая при этомъ желаніе, чтобы „онѣ вовсе вывелись изъ употребленія, а въ особенности, чтобы промысловые прикащики какъ можно меньше давали бы волю своему языку, столь щедрому на крѣпкія выраженія, и своимъ рукамъ, столь нѣкогда щедрымъ на расправу, а болѣе входили бы въ нужды и интересы рабочаго" [2]). Впрочемъ, авторъ одной статьи о сибирскихъ золотыхъ промыслахъ, напечатанной годомъ позже замѣтки Н. Латкина, говоритъ о зуботычинахъ и ударахъ нагайкою на нѣкоторыхъ пріискахъ не въ прошломъ, а въ настоящемъ времени [3]).

Одна изъ экзекуцій, произведенная, къ тому же, надъ несовершеннолѣтнимъ рабочимъ на пріискѣ Безобразова (сѣв. ч. Енис. окр. въ 1862 г.), возмутила даже мѣстнаго горнаго исправника. 16-тилѣтній крестьянскій мальчикъ Быдаевъ бѣжалъ съ пріиска Безобразова съ другимъ рабочимъ, вслѣдствіе „тяжкихъ изнурительныхъ работъ" (слова исправника). Оба бѣжавшіе были пойманы и присланы къ исправнику съ пріисковымъ козакомъ „опухшими, въ болѣзненномъ состояніи". Исправникъ распорядился отправить ихъ къ управляющему золотыми пріисками Безобразова, инженеръ-технологу Степанову, съ приказаніемъ помѣстить ихъ въ пріисковую больницу, а по выздоровленіи наказать розгами не болѣе 50-ти ударовъ. При этомъ исправникъ приказалъ Степанову справиться, дѣйствительно ли Быдаевъ несовершеннолѣтній, какъ онъ заявилъ при разспросѣ, и если это окажется справедливымъ, то освободить его отъ опредѣленнаго закономъ наказанія и, какъ несовершеннолѣтняго, разсчитать, такъ какъ, на основаніи законовъ гражданскихъ (ст. 228 и 2285) [4]), онъ не имѣлъ права заключать контракта для по-

---

[1]) „Амуръ" 1860 г., № 34.

[2]) „Содѣйств. русск. промышл. и торгов." 1862 г. Прибл. къ № 3.

[3]) *К. Золотиловъ.* „Сибир. тайга". „Рус. Вѣстн." 1863 г. № 1, стр. 339, 340.

[4]) „Дѣтей малолѣтнихъ (ниже 17 лѣтъ) хотя и могутъ отцы и матери отдавать въ легкую работу, какъ-то: въ пастушество и тому подобное, и составлять за нихъ

ступленія въ промысловыя работы. Между тѣмъ, Степановъ велѣлъ, въ присутствіи козака, вытащить этихъ двухъ рабочихъ изъ телѣги и затѣмъ (очевидно, безъ всякаго участія артельной расправы) одного изъ нихъ „наказалъ до такой степени, что этотъ послѣдній самъ не въ силахъ былъ подняться, и его унесли на рукахъ въ больницу"; Степановъ не исполнилъ и другого требованія исправника: не разсчиталъ малолѣтняго и продержалъ его на работахъ до ихъ окончанія [1]).

По словамъ Н. Латкина (1862 г.), „грустныя сцены экзекуціи рабочихъ" сдѣлались рѣдкими на пріискахъ [2]), но повѣрить этому намъ мѣшаетъ свидѣтельство того же лица, такъ какъ въ своей книгѣ о промыслахъ Енисейскаго округа 1869 г. Н. Латкинъ говоритъ: „Въ прежнее время, лѣтъ 6—7 тому назадъ (слѣдовательно, именно въ началѣ 60-хъ годовъ), *во многихъ К° обращались съ рабочими не совсѣмъ гуманно, чтобы не сказать болѣе, и наказывали ихъ часто и иногда даже жестоко*, но нынѣ, благодаря Бога и уничтоженію тѣлеснаго наказанія, все это повывелось, хотя кое-гдѣ и обращаются *еще съ рабочими не совсѣмъ ласково* (?!), но теперь, кажется, всѣ уже сознали, что рабочій, хотя и поселенецъ, все же человѣкъ" (стр. 54—55). Однако, въ другомъ мѣстѣ авторъ долженъ былъ выразиться точнѣе, а именно, что тѣлесныя наказанія не вывелись (къ концу 60-хъ годовъ), а только „выводятся изъ употребленія", рабочіе подвергаются имъ, но *„не иначе*, какъ по распоряженію исправника или по суду артельной расправы, но это случается не часто" (стр. 124). Изъ этихъ словъ ясно, что прежде пріисковыя управленія не находили нужнымъ всегда обращаться къ артельной расправѣ или содѣйствію горнаго исправника, а считали возможнымъ расправляться съ рабочими такъ, какъ, наприм., инженеръ-технологъ Степановъ, управляющій Безобразова, въ 1862 г. Рецензентъ книги Латкина, по поводу его словъ о тѣлесномъ наказаніи, замѣчаетъ: „напрасно г. Латкинъ ссылается на указъ объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія... поселенцы... до сихъ поръ подлежатъ тѣлесному наказанію". „Заболѣвшему рабочему рѣдко повѣрятъ съ перваго разу; бывали случаи, что больныхъ сѣкли за мнимую лѣность" [3]). Енисейскій золотопромышленникъ

условія, но не иначе, какъ съ дозволенія у сибирскихъ обывателей волостного правленія... и то не болѣе, какъ на одинъ годъ... Кто приметъ таковыхъ въ работу безъ дозволенія начальства, тотъ въ случаѣ неустойки теряетъ искъ и право, а по возрастѣ малолѣтняго подвергается, по жалобѣ его, и взысканію по законамъ" (Св. Зак. изд. 1857 г., т. X, ч. I, стр. 2285).

[1]) Несмотря на то, что фактъ этотъ, благодаря донесенію исправника Чайковскаго, дошелъ до свѣдѣнія совѣта главнаго управленія Восточной Сибири, изъ дѣла не видно, чтобы онъ вызвалъ какія-нибудь непріятныя послѣдствія для Степанова. Арх. Иркут. Горн. Управ. К. 2530, № 16/72, л. 7—8.

[2]) „Содѣйств. рус. пром. и торг." 1862, прил. къ № 3.

[3]) „Дѣло" 1869 г. № 11.

Лопатинъ въ своемъ возраженіи на эту рецензію говоритъ: „сѣкли ли больныхъ за мнимую лѣность? Мы слыхали, что сѣкли лѣнтяевъ за мнимую болѣзнь,—впрочемъ, мало ли что бывало въ давно прошедшее время". Такъ какъ различеніе больныхъ и уклоняющихся отъ работъ производилось какимъ-нибудь невѣжественнымъ фельдшеромъ, то слова Лопатина лишь подтверждаютъ показанія рецензента книги Латкина, а этотъ послѣдній свидѣтельствуетъ, что тѣлесныя наказанія практиковались еще въ концѣ 60-хъ годовъ, а не въ „давно прошедшее время"; слышать же о тѣлесныхъ наказаніяхъ Лопатину было тѣмъ легче, что онъ не только бывалъ на своихъ промыслахъ въ южной части Енисейскаго округа, но и въ его собственномъ договорѣ съ рабочими (1862 г.), и, притомъ, не съ общеконтрактными, положеніе которыхъ было вообще хуже, а съ плотниками, упоминается о томъ, что за уклоненіе отъ работъ и оставленіе ихъ ранѣе срока рабочіе, сверхъ вычета, должны были подвергаться „полицейскому исправленію или артельной расправѣ" [1]).

Кромѣ тѣлесныхъ наказаній, были и другія исправительныя мѣры: такъ, на промыслахъ Маріинскаго округа — „козачья", т.-е. землянка, служила тюрьмою для пріисковыхъ рабочихъ. Кромѣ того, на золотыхъ промыслахъ Маріинскаго округа существовалъ обычай, въ предупрежденіе побѣга, сбривать подозрительному человѣку волосы съ половины головы, чтобы легче было поймать его, если онъ уйдетъ [2]).

Отъ кулачной расправы и разныхъ истязаній плохо защищали тѣ пункты контрактовъ, которые включались въ нихъ съ этою цѣлью и которыми золотопромышленники обыкновенно обязывались обходиться съ рабочими „безъ обиды и притѣсненія, человѣколюбиво", не причиняя имъ „самовольно тяжкихъ побоевъ или какихъ-либо жестокостей, здоровью вредныхъ". Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ договорахъ это обязательство выражалось формулой, указывающей уже не на столь суровые нравы, когда не допускались лишь тяжкіе побои и вредныя для здоровья жестокости. Нѣкоторыя пріисковыя управленія обязывались обходиться съ рабочими человѣколюбиво и добросовѣстно или „безъ обиды и притѣсненія, не подвергая ихъ никакимъ несправедливымъ взысканіямъ".

Если не во всякомъ общемъ контрактѣ 60-хъ годовъ мы находимъ упоминаніе о „домашнемъ" или „полицейскомъ исправленіи", т.-е. тѣлесномъ наказаніи, то непремѣнно въ каждомъ устанавливаются штрафы или вычеты за какія-либо провинности рабочихъ, почти всегда за укло-

---

[1]) По словамъ Л. Ѳ. Пантелѣева, золотопромышленникъ сѣверно-енисейской системы Ильинъ въ первой половинѣ 60-хъ годовъ засѣкъ рабочаго и посидѣлъ за это въ тюрьмѣ. Послѣ этого управляющіе стали побаиваться сѣчь рабочихъ по своему усмотрѣнію и начали отправлять ихъ къ исправнику.

[2]) Статья Г. Н. Потанина въ „Рус. Словѣ" 1861 г., № 6.

неніе отъ работы, а иной разъ за неявку, разбрасываніе хлѣба и т. п. По договору съ Лавровскою (Мар. окр. 1864 г.), за несвоевременную явку на работу, за уклоненіе отъ нея подъ предлогомъ болѣзни и въ особенности за самовольную отлучку съ пріиска пріисковое управленіе могло *сверхъ* „полицейскаго исправленія при артели" вычитать съ рабочихъ по 2 р. за каждый прогульный день. По другому договору съ тою же золотопромышленницей, за несвоевременный выходъ на работу и оставленіе ея виновные подвергались штрафу—за каждый недоработанный часъ по 50 к., за полдня — 2 р. и за цѣлый день — 3 р., а „за непротирку песковъ при малѣйшемъ знакѣ золота въ отвозѣ, какъ бы за золотникъ" — по 4 руб. *или* виновные подвергаются полицейскому исправленію. Размѣръ штрафа съ общеконтрактныхъ рабочихъ за прогульные дни — отъ 50 коп. до 3 руб. въ день. Вычеты или штрафы назначались и по договорамъ съ отрядными рабочими. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ вычеты производились не деньгами, а убавленіемъ изъ счета рабочихъ дней [1]). Такой вычетъ, разумѣется, въ разсчетныхъ книгахъ и листахъ замѣтить невозможно; денежные штрафы также могли записываться подъ видомъ выдачи рабочимъ денегъ, но иной разъ они прямо записывались на приходъ [2]).

Въ нѣкоторыхъ договорахъ упоминается еще о переводѣ виновныхъ въ видѣ наказанія на другую работу съ уменьшенной платой. Такъ, наприм., мастеровымъ грозилъ переводъ на горную работу или пріисковому управленію предоставлялось право перевести нерадивыхъ рабочихъ на другую работу съ выдачею одной мѣсячной платы (3 руб. 15 коп.). Иногда пріисковому управленію предоставлялось нанять на счетъ виновныхъ другихъ рабочихъ, причемъ рабочіе отвѣчали даже всѣмъ своимъ имуществомъ. Самымъ тяжелымъ для рабочаго наказаніемъ былъ разсчетъ его до срока, такъ какъ онъ могъ и не найти тогда мѣста на другихъ пріискахъ и сплошь и рядомъ долженъ былъ возвращаться домой совершенно безъ денегъ. Въ нѣкоторыхъ контрактахъ упоминается объ отвѣтственности рабочихъ и по суду, въ случаѣ самовольнаго прекращенія работъ ранѣе условленнаго срока по общему сговору.

Въ числѣ преступленій на золотыхъ промыслахъ, особенно сурово караемыхъ закономъ, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ кража золота рабочими, причемъ сплошь и рядомъ истинные виновники такихъ кражъ, —хозяева, торгующіе виномъ и обмѣнивающіе его на золото,—безнака-

---

[1]) Напр. по договорамъ съ Логиновымъ (1862 г., южн. ч. Енис. окр.) и съ Прибрежно-Витимской К° (1867 г., Олекм. окр.).

[2]) Такъ, напр., въ „Счетѣ платы рабочимъ по Гавриловскому пріиску 1869—70 г." сказано: „взыскано съ рабочихъ за буйные поступки и за самовольныя отлучки съ промысла штрафу" 19 р.

занно продолжали свой промыселъ, между тѣмъ какъ уличенные въ немъ рабочіе подвергались за него тяжелому наказанію. „Я лично зналъ,— говоритъ г. Цвѣтолюбовъ, — одного управляющаго, который виномъ (по 5 р. бутылка) до того увлекалъ рабочихъ къ воровству золота, что сосѣдніе пріиски были кругомъ обворованы. Знали это и мѣстныя власти, но, задобренныя плутомъ, молчали, были слѣпы и глухи. По милости этого управляющаго три или четыре человѣка въ теченіе года были наказаны шпицрутенами и сосланы на каторжную работу. Говорятъ, дерзость его доходила до того, что онъ свободно записывалъ краденое золото въ книги въ число добытаго на старательскихъ работахъ въ праздники“ [1]). О томъ, что сами золотопромышленники покровительствовали кражѣ золота, свидѣтельствуютъ и другія лица какъ въ печати [2]), такъ и въ запискахъ, представленныхъ въ министерство финансовъ. По уложенію о наказаніяхъ, за кражу золота при добываніи и промывкѣ песковъ, а также за участіе подговоромъ или содѣйствіемъ въ похищеніи этихъ металловъ виновные подвергались лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири; если же они по закону не изъяты отъ тѣлесныхъ наказаній, то и наказанію плетьми отъ 20 до 30 ударовъ (Св. Зак. т. XV изд. 1857 г., ст. 22, 642, 652). Съ уничтоженіемъ плетей для лишенныхъ правъ состоянія наказаніе смягчилось, но ссыльные поселенцы должны были подлежать ему попрежнему. За утайку золота въ урочную рабочую пору, съ намѣреніемъ выдать его за добытое во время старательской работы, виновные подвергаются: въ первый разъ (по приговорамъ мѣстныхъ земскихъ судовъ) наказанію розгами отъ 20 до 30 ударовъ; во второй (по приговорамъ военныхъ судовъ) отъ 30 до 40 ударовъ съ оставленіемъ на мѣстѣ жительства; въ третій разъ они приговаривались къ наказанію какъ за кражу золота (ст. 659). Къ счастью для рабочихъ, похищеніе золота рѣдко раскрывалось [3]).

Между тѣмъ, въ дѣйствительности, похищеніе золота было сильно развито и нѣсколько дополняло скудный заработокъ рабочихъ. Авторъ статьи о промыслахъ Томской губ. (1870 г.) говоритъ: „Воруетъ золото всякій, кто можетъ: воруетъ рабочій, если онъ настолько зорокъ, что увидитъ крупную золотину на лопатѣ при накладываніи песку въ тараташку; воруетъ машинистъ при осмотрѣ хода машины во время промывки; воруетъ приказчикъ при... съемкѣ съ машины золота; воруетъ промывальщикъ при пусканіи шлиховыхъ песковъ, и нужно имѣть самую тщательную наблюдательность, навыкъ и знаніе всевозможныхъ утон-

[1]) „Амуръ“ 1860 г. № 12.
[2]) „Амуръ“ 1861 г. № 37, *Скарятинъ* II, 122—124.
[3]) *Расселли*, 236.

ченныхъ способовъ воровства, чтобы слѣдить за похитителями и ловить ихъ на мѣстѣ преступленія. Иногда случается, что рабочаго поймаютъ въ моментъ воровства; не видя другого выхода, онъ проглатываетъ золотину, если она не очень велика. Тогда его запираютъ въ отдѣльную комнату и возвращаютъ потерю" [1]).

Рабочіе Маріинской тайги сбывали краденое золото въ селѣ Тисюлѣ, а стремленіе продавать его на сторону поддерживалось тою низкою платой, которую золотопромышленники давали рабочимъ за старательское и подъемное золото. Скупщики золота въ свою очередь также всячески старались надуть рабочихъ [2]).

Похищеніе золота производилось въ немалыхъ размѣрахъ и на енисейскихъ промыслахъ. Въ 1869 г. въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ" (№ 191) помѣщены были замѣтки объ этихъ промыслахъ, и въ нихъ указывалось, что тамъ почти открыто производится торговля виномъ, а вслѣдствіе этого усилилась и кража золота. На запросъ генералъ-губернатора Восточной Сибири Корсакова, обратившаго вниманіе на эту корреспонденцію, исправникъ южной части Енисейскаго округа отвѣчалъ, что „тотъ, кто захочетъ украсть золото, всегда можетъ это сдѣлать", такъ какъ усмотрѣть за рабочими „нѣтъ никакой возможности" [3]). Въ томъ же году енисейскій жандармскій штабъ-офицеръ замѣтилъ, что хищничеству золота способствуетъ отдача съ торговъ оброчныхъ статей подъ покосы. Латкинъ также свидѣтельствуетъ, что тайная торговля золотомъ на енисейскихъ промыслахъ была очень развита. Одну изъ причинъ этого онъ видитъ въ усиленіи работъ такъ называемыхъ „вольно-старателей" или „золотничниковъ". Впрочемъ, по словамъ Латкина, въ старые годы тайная торговля золотомъ была еще сильнѣе (этимъ, быть можетъ, и объясняются разсказы о громадныхъ заработкахъ рабочихъ въ прежнее время); уменьшеніе же ея произошло отъ обѣднѣнія промысловъ. „Золото провозится и проносится рабочими, спиртовозами и сбывается татарамъ или евреямъ по выходѣ рабочихъ изъ тайги; не безгрѣшны въ этомъ отношеніи и русскіе торговцы въ жилыхъ мѣстахъ и въ самомъ г. Енисейскѣ" (стр. 54). О роли въ этомъ дѣлѣ нѣкоторыхъ хозяевъ пріисковъ Латкинъ умалчиваетъ [4]).

Какое значительное количество золота рабочіе могли иногда выносить съ промысловъ, видно изъ того, что въ 1869 г. у находившагося въ работѣ на пріискахъ Прибрежно-Витимской К° поселенца, при обыскѣ

---

[1]) *А. Ш.* «Уголки золотопр. міра», «Дѣло» 1870 г., № 7, стр. 56—58.

[2]) Том. Губ. Архивъ, вяз. 1134, дѣло № 268—264—2275, л. 1—3.

[3]) Арх. Иркут. Гор. Управ. К. 1703 № 16/168, л. 5, 18.

[4]) О кражѣ золота рабочими см. также въ ст. *Золотилова.* «Сиб. тайга» («Рус. Вѣстн.» 1863 г. № 1, ст. 344—346).

на Бодайбинской резиденціи, во время выхода рабочихъ было найдено золото въ самородкахъ до 3 ф. 20 золотн. Въ этомъ же году урядникъ, сопровождая рабочихъ съ витимскихъ промысловъ, нашелъ дорогою свертокъ съ шлиховымъ золотомъ, вѣсомъ въ 2 ф. 4 зол. Подобные случаи были, вѣроятно, весьма рѣдки, но вынести съ пріисковъ извѣстное количество золотниковъ могли многіе рабочіе. Такъ, наприм., въ 1869 г. у одного рабочаго уже обѣднѣвшей въ то время енисейской тайги (южной ея части) нашли 45 золотн. золота [1]). Въ 40-е годы такіе случаи въ енисейской тайгѣ должны были быть гораздо чаще, чѣмъ вѣроятно и объясняются преданія о громадныхъ заработкахъ рабочихъ въ это время, которыхъ мы вовсе не находимъ при изученіи разсчетныхъ книгъ.

Относительно представителей пріисковой правительственной администраціи и въ печати, и въ запискахъ, присланныхъ въ министерство финансовъ, мы встрѣчаемъ очень много неблагопріятныхъ отзывовъ. По словамъ Цвѣтолюбова, они почти ничего не дѣлаютъ, а только „пьютъ, ѣдятъ и проч.; имъ платятъ усердно, кормятъ и доставляютъ все необходимое для жизни, — они знать ничего не хотятъ“, не заботятся о нуждахъ рабочихъ [2]). Скарятинъ также съ большимъ раздраженіемъ говоритъ о дѣйствіяхъ пріисковой администраціи, о „поголовной подати“, о „разъѣздахъ съ пріиска на пріискъ на 20 — 30 лошадяхъ (въ самое горячее время работъ), не только съ семьей“, но даже и съ оркестромъ музыкантовъ, о крупныхъ взяткахъ. Многіе указывали на ненадобность для пріисковъ жандармскихъ штабъ-офицеровъ, находя, что они только увеличиваютъ, такъ называемые, экстраординарные расходы золотопромышленниковъ [3]). „Да и можно ли требовать чего-либо отъ этихъ офицеровъ,—говоритъ Пищиковъ,—они на пріиски пріѣзжаютъ одинъ разъ въ годъ, и то на какихъ-нибудь полчаса: у него окру́га его разъѣздовъ простирается на нѣсколько тысячъ верстъ (какъ въ Енисейской губ.), доступныхъ къ проѣзду только въ 3 лѣтнихъ мѣсяца. Что представили эти господа правительству къ усовершенствованію управленія промыслами? Вглядѣлись ли они въ дѣйствія золотопромышленниковъ? Дознали ли они, отчего побѣги увеличились и кто тутъ виноватъ? Разсмотрѣли ли они пріисковыя работы, выходящія изъ всякаго вѣроятія тяжести?“ [4]). Разумѣется, жандармскіе офицеры совершенно не отвѣчали этимъ серьезнымъ требованіямъ, но, благодаря тому, что они были болѣе независимы отъ золотопромышленниковъ, чѣмъ горные исправники, они, все-таки, чаще, чѣмъ эти послѣдніе, сообщали неблагопріятные факты относительно

[1]) Арх. Енис. Окруж. Полиц. упр., дѣло № 472.
[2]) „Амуръ“ 1860 г. № 12.
[3]) Ч. II, 95—97, 124—125.
[4]) „Сынъ Отечества“ 1861 г. № 31.

дѣйствій того или другого пріискового управленія. О горныхъ исправникахъ авторъ записки, представленной въ министерство финансовъ въ 1861 г., говоритъ, что права ихъ необходимо ограничить, а, главное, слѣдуетъ ограничить тотъ произволъ, который теперь господствуетъ во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ. «По настоящему положенію, лицо это самовластно въ своихъ распоряженіяхъ. Онъ самъ собою творитъ судъ и расправу, самъ назначаетъ, по своему усмотрѣнію, слѣдствія" [1]).

Эти свидѣтельства показываютъ, что отъ мѣстной администраціи рабочимъ трудно было ждать защиты, и если какой-либо исправникъ и начиналъ за нихъ вступаться, то иной разъ это могло дѣлаться въ пику не угодившему ему золотопромышленнику.

Такъ, канскій купецъ Пестуновъ въ поданной въ министерство финансовъ запискѣ, между прочимъ, жаловался, что горный исправникъ и его помощникъ „очень тяжелы нынѣшнимъ золотопромышленникамъ". Горный исправникъ Б. и его помощникъ, которыхъ золотопромышленники содержали на свой счетъ, „сами назначаютъ себѣ, кому и сколько чего нужно: расписываютъ всѣ припасы и продукты по числу народа", находящагося на промыслахъ. „Во-первыхъ, подаютъ на промыслы раскладку жалованья и содержанія людямъ, находящимся у нихъ въ прислугахъ и тоже данныхъ имъ отъ промысловъ, а у каждаго изъ нихъ бываетъ прислугъ отъ 12 до 15 чел., какъ-то: кучера, дроворубы, садовники, караульные, лакеи, кормилицы, горничныя, няньки, стряпки, прачки, повара, птичницы, коровницы и проч., и каждому изъ прислугъ назначаютъ по 15 руб. сер. въ мѣсяцъ,—разумѣется, все это на счетъ К°, а имъ платятъ не болѣе, какъ по 7 руб. Потомъ точно такая же раскладка начинается на припасы: у кого 250 чел., то (золотопромышленникъ) долженъ доставить: мяса 20 пуд., муки 30 п., овса 30 п., сахару 1 п., чаю фамильнаго 3 ф., кирпичнаго 3 кирпича, масла скоромнаго 1 п., свѣчъ сальныхъ $1^1/_2$ п., крупы, муки пшеничной, соли, мыла, сѣна—80 п., для дровъ по 100 бревенъ и деньгами отъ 1 р. до $1^1/_2$ р. съ человѣка, и это все должно доставлять непремѣнно, чтобъ избѣжать непріятностей и притѣсненія... Случилось на одномъ пріискѣ, что почему-то не было доставлено припасовъ, когда исправникъ находился въ отпуску". Возвратившись, онъ, если вѣрить Пестунову, „началъ притѣснять пріискъ и управляющаго въ работахъ и распоряженіяхъ, принимать несправедливыя жалобы, назначалъ выписку вещей изъ амбара, не справляясь о томъ, долженъ ли рабочій, или нѣтъ, даже не вѣрилъ словамъ своего помощника, урядника изъ казаковъ, который находится на пріискѣ, назначалъ часы для работъ рабочихъ, несмотря на то, что они всѣ находятся на урокахъ, а оканчивать велѣлъ въ 7 час.,—это было въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1862 г. Изъ такого его распоряженія, наконецъ, вышло то, что рабочіе стали слишкомъ худо и лѣниво работать: до пріѣзда его къ 8 час. вечера недоработки оставалось у рабочихъ не болѣе, какъ 2 урока изъ 10-ти [2]), а послѣ... его распоряженія изъ 80 чел. урочниковъ на 10 уркахъ недоработки оставалось по 8 уроковъ, даже часто рабочіе самовольно уходили съ работъ", не слушая приказчика, „а если онъ начиналъ что говорить, то его начинали ругать, замахиваться на него

[1]) Арх. Горн. Деп. Отд. частн. з-сти, дѣло № 68/650, ч. II, л. 354—356.

[2]) Значитъ, 20% рабочихъ не кончали урока въ 8 час. Это доказываетъ, какъ тяжелы были уроки.

и даже драться, и это все было“ (будто бы) „исправникомъ допущено, съ угрозою каждому приказчику, съ удаленіемъ съ пріиска и съ запрещеніемъ принимать на другіе пріиски. Заставилъ фельдшера принимать ихъ въ больницу, несмотря на то, боленъ ли онъ, или нѣтъ, а если пришелъ въ больницу, то значитъ боленъ, и ихъ оказывалось каждый день изъ 100 ч. по 20 больныхъ... Хотя исправникъ,—продолжаетъ Пестуновъ,—и получилъ по раскладкѣ своей всѣ припасы за прошедшій и настоящій годъ, но дѣла отъ этого не поправились, и онъ, все-таки, продолжаетъ дѣлать свое“.

Каковы бы ни были побужденія описываемаго исправника, защита имъ рабочихъ была, во всякомъ случаѣ, явленіемъ исключительнымъ. Это признаетъ и Пестуновъ, утверждая, что „и на прочихъ системахъ частныхъ промысловъ происходитъ то же самое“ (т.-е. взимаются исправникомъ тѣ же поборы), „исключая только тѣхъ вредныхъ безпорядковъ, которые производитъ горный исправникъ Б. въ отношеніи... рабочихъ“ [1]). Вообще рабочимъ нечего было и думать жаловаться на золотопромышленниковъ, во-первыхъ, потому, что пріисковая администрація была ими закуплена, а, во-вторыхъ, потому, что многіе пріиски, лежащіе вдали отъ большого пріисковаго тракта, по цѣлымъ годамъ не посѣщались начальствомъ [2]).

Вѣроятно, въ виду сознанія своей безпомощности, рабочіе рѣдко рѣшались на протестъ, и почти единственнымъ средствомъ выразить свое неудовольствіе пріисковыми порядками были побѣги съ пріисковъ. Печать начала 60-хъ годовъ старалась разъяснить истинныя причины этого явленія. Пищиковъ въ своей статьѣ указывалъ на то, что причинами побѣговъ являются изнурительная работа и „вѣчно не зарабатываемый долгъ рабочихъ“. Даже Скарятинъ признавалъ, что „если рабочій не обиженъ, содержится хорошо, „стараніе“ положено удовлетворительное, такъ что у рабочаго есть надежда скоро отработать долгъ и получить деньги на руки, то онъ не бѣжитъ; напротивъ того, если всѣ эти условія не соблюдены..., то никакіе Юпитеры съ синими околышами, никакія цѣпи казаковъ не помогаютъ [3]). Скарятинъ поясняетъ, въ какое время года бываютъ рѣже и когда чаще побѣги. „Побѣги рѣдки весною, когда обнаженный лѣсъ и еще покрытыя снѣгомъ горы не даютъ надежнаго убѣжища бродягѣ, а скованныя льдомъ рѣки не помогаютъ бѣгству; тогда легко настичь бѣглаго на лыжахъ, да и видно кругомъ, слѣдъ остается, а по снѣгу безъ дороги, безъ лыжъ далеко

[1]) Арх. Горн. Деп., дѣло отд. частн. золот. пром., № 68/650, ч. III, л. 115 и слѣд.

[2]) Срав. *А. Ш.* „Уголки золотопр. міра“. „Дѣло“ 1870 г., № 7, стр. 55.

[3]) „Я знаю случай,—говоритъ Скарятинъ,—что изъ 300 рабочихъ бѣжало въ какія нибудь 2 недѣли 80. И бѣжали у такого золотопромышленника, съ которымъ таежные чиновники были въ самыхъ пандружественнѣйшихъ отношеніяхъ, а, слѣдовательно, готовы были принять самыя *рѣшительныя* мѣры къ прекращенію побѣговъ“.

не уйдешь". „Побѣги сильны въ первой половинѣ лѣта, когда рабочій еще не отработалъ денегъ, забранныхъ въ задатокъ, когда онъ состоитъ еще въ долгу золотопромышленнику"; но они „почти вовсе прекращаются во второй половинѣ лѣта; тутъ бѣжать ужъ не разсчетъ, бѣжитъ развѣ какой шальной или такой, которому бродяжество .., вслѣдствіе долголѣтней привычки, вошло въ плоть и кровь...; бѣжитъ иногда еще и такой, который по болѣзни или другимъ причинамъ не умѣлъ отработать долга. Во второй половинѣ лѣта большинство рабочихъ уже отработали не только задатокъ, полученный при наемкѣ, но и заборъ одежды, табаку, чаю и проч., и, слѣдовательно, рабочій видитъ заманчивое полученіе денегъ на руки къ 10 сентября, когда кончаются работы на всѣхъ пріискахъ". Нужно замѣтить, что даже Скарятинъ протестовалъ противъ слишкомъ суровыхъ мѣръ для прекращенія побѣговъ. „Находятся и такіе господа,—говоритъ онъ,—которые предлагаютъ судить военнымъ судомъ за побѣги съ пріиска. Побѣги эти дѣйствительно наносятъ золотому промыслу весьма значительный ущербъ, но противъ этого зла надо искать спасенія не въ военномъ судѣ надъ бѣглецами, а въ такихъ мѣрахъ, которыя устранятъ общіе недостатки нашего законодательства по исполненію договоровъ и обязательствъ" [1]) Съ послѣднимъ указаніемъ Скарятина согласиться нельзя: дѣло, конечно, не въ законахъ, гарантирующихъ исполненіе договоровъ и обязательствъ, а въ общемъ строѣ пріисковыхъ работъ.

Н. Латкинъ въ своей статьѣ о причинахъ побѣговъ съ промысловъ Восточной Сибири приписываетъ ихъ частью желанію рабочихъ уклониться отъ исполненія договора и ихъ страсти къ бродяжничеству, частью же недостаткомъ пріисковаго строя, въ числѣ которыхъ онъ называетъ „чрезмѣрное увеличеніе задатковъ" (?), „значительное уменьшеніе заработковъ на нѣкоторыхъ пріискахъ (авторъ, главнымъ образомъ, имѣетъ въ виду Енисейскій округъ), не вполнѣ удовлетворительную пищу, наемъ хилыхъ, увѣчныхъ и пожилыхъ рабочихъ и, наконецъ, тяжелыя, утомительныя работы, иногда продолжающіяся на нѣкоторыхъ промыслахъ до 17 час. въ сутки". Наконецъ, авторъ жалуется и на бездѣйствіе полицейскихъ и волостныхъ властей [2]). По мнѣнію того же автора, въ книгѣ, изданной въ 1869 г., „побѣги рабочихъ бываютъ *чаще всего* или отъ дурного обращенія съ ними, или отъ ничтожности вознагражденія за работу, въ особенности при трудныхъ работахъ"; и лишь въ числѣ другихъ причинъ онъ указываетъ на „нравственныя свойства самихъ рабочихъ" и на бездѣйствіе волостныхъ правленій [3]).

---

[1]) „Замѣтка золотопр.", ч. I, 141—143, II, 17—23, 221.

[2]) „Содѣйств. рус. промышл. и торгов." 1862 г., приб. къ № 3

[3]) „Очеркъ золот. промысл. Енис. окр.", стр. 125.

А, между тѣмъ, тотъ же Н. Латкинъ въ запискѣ, поданной въ министерство финансовъ въ 1861 г., указывалъ, какъ на главную причину побѣговъ, на „лѣность, привычку къ бродячей и беззаботной жизни и тунеядство рабочихъ“ (а отчасти и на огромныя подати, взимаемыя съ рабочихъ волостными правленіями и доходящими до 40 руб. съ работника [1]). Такимъ образомъ, въ печати золотопромышленники стѣснялись бранить рабочихъ такъ, какъ это они дѣлали въ запискахъ, подаваемыхъ въ правительственныя учрежденія, а должны были указывать и на печальныя стороны въ ихъ жизни.

Золотопромышленники были очень недовольны установленіемъ болѣе легкихъ взысканій за побѣги по распоряженію министра государственныхъ имуществъ и нерѣдко доводили свои претензіи по этому поводу до свѣдѣнія начальства. Главное управленіе Восточной Сибири лѣтомъ 1861 года постановило: „подвергнуть внимательному разсмотрѣнію“ вопросъ „объ устраненіи или пресѣченіи побѣговъ съ пріисковъ рабочихъ, такъ какъ эти побѣги значительно увеличились въ послѣднее время“ [2]), по объясненію золотопромышленниковъ, „отъ слабости дисциплинарнаго взысканія“, опредѣленнаго за побѣги министерствомъ государственныхъ имуществъ въ концѣ 1858 г. Въ докладѣ, представленномъ вслѣдствіе этого Корсакову въ январѣ 1862 г. II-мъ отдѣленіемъ главнаго управленія Восточной Сибири, мы находимъ весьма гуманныя воззрѣнія: „Въ послѣднее время доказано, что тѣлесное наказаніе ни къ чему не служитъ и не согласно съ человѣческимъ достоинствомъ. Въ побѣгахъ рабочихъ съ пріисковъ, если въ этомъ нѣтъ бродяжества, является только гражданскій проступокъ, нарушеніе самовольно договора, а за подобное преступленіе справедливымъ представляется только понужденіе къ исполненію договора, а отнюдь не наказаніе тѣлесное, ведущее еще къ большему нарушенію“. Далѣе въ докладѣ указывалось на то, что жалобы золотопромышленниковъ на увеличеніе побѣговъ, вслѣдствіе смягченія наказаній за нихъ, не подтверждены никакими убѣдительными доказательствами, а между тѣмъ, наказаніе „вовсе не такъ слабо, какъ кажется: оно восходитъ для крестьянина до 50 ударовъ, а для ссыльнаго до 100 ударовъ розгами“. Въ докладѣ указывались далѣе слѣдующія причины побѣговъ: „а) большіе задатки при наймѣ, соединенномъ, притомъ, съ разными пакостями, и покупка, по произвольнымъ цѣнамъ, одежды рабочими на пріискахъ у хозяевъ при началѣ работъ“; забравъ, такимъ образомъ, плату почти за все время работъ, рабочіе весьма тяготятся ими; б) непомѣрныя работы съ 4 час. утра до 11 вечера, что при маломъ отдыхѣ совершенно обезсиливаетъ рабочаго; в) не-

[1]) Арх. Горн. Деп., дѣло отд. частн. золотопр., ч. II, л. 411 и слѣд.

[2]) Мы увидимъ ниже, въ какой степени это справедливо.

рѣдко строгость хозяевъ, управляющихъ и приказчиковъ съ рабочими; г) нерѣдко скудость пищи и д) невозможность, при договорѣ, перехода рабочаго на другой пріискъ, въ случаѣ нежеланія его остаться почему-либо у прежняго своего хозяина", вслѣдствіе чего хозяева „совершенно не обращаютъ вниманія на положеніе рабочихъ. Изъ любви же и привычки къ бродяжеству... едва ли рабочіе бѣгутъ: это одна общая всѣхъ золотопромышленниковъ отговорка, ни на чемъ не основанная. Ужели бѣглецъ не знаетъ, что его ожидаетъ наказаніе; бѣжать же по привычкѣ къ розгамъ или плетямъ, коихъ безъ побѣга нельзя получить, едва ли мыслимо и вѣроятно сколько-нибудь". По резолюціи Корсакова, докладъ этотъ былъ препровожденъ въ горное отдѣленіе главнаго управленія Восточной Сибири [1]), и, вѣроятно, результатомъ его было собираніе въ 1862 г. свѣдѣній о числѣ бѣжавшихъ рабочихъ и количествѣ оставшихся за ними долговъ, которыми (относительно южной части Енисейскаго округа) мы воспользуемся ниже.

Такимъ образомъ, въ началѣ 60-хъ годовъ, при обсужденіи вопроса о побѣгахъ пріисковыхъ рабочихъ, была высказана мысль, что побѣгъ есть только „гражданскій проступокъ"; отсюда естественно было сдѣлать выводъ, что нарушеніе рабочими договора съ нанимателемъ должно влечь за собою лишь гражданскую отвѣтственность: такое мнѣніе и высказывалось иногда въ печати; мы встрѣчаемъ его также въ постановленіи совѣта общаго губернскаго управленія Енисейской губ. въ 1862 г., по поводу представленія красноярскаго земскаго суда о высылкѣ пойманныхъ бѣглыхъ рабочихъ на пріиски, въ которомъ совѣтъ призналъ побѣгъ рабочихъ вопросомъ гражданскаго права и (на основаніи 2228 ст., I ч., X т.) постановилъ, что обратная высылка рабочихъ на пріиски можетъ быть допускаема лишь въ томъ случаѣ, когда условіе объ этомъ будетъ включено въ договоръ и когда исполненія этого пункта контракта потребуетъ наниматель [2]). Это постановленіе очень взволновало енисейскихъ золотопромышленниковъ, и въ январѣ 1863 г. они подали губернатору докладную записку, въ которой старались доказать, что распоряженіе енисейскаго губернскаго совѣта противно законамъ и грозитъ весьма опасными послѣдствіями. Но, „прежде чѣмъ обжаловать превышеніе власти и вредъ, наносимый мнѣніемъ совѣта общаго губернскаго управленія", енисейскіе золотопромышленники обращались къ губерна-

[1]) Арх. Иркут. Гор. Упр. К. 1673. № 27/30, л. 35—42.

[2]) *В. Латкинъ.* „О золотопромышленности въ Сибири". Спб. 1864 г., стр. 24—25. Подобное же мнѣніе высказано было О. Квистомъ и Е. Энгельгардтомъ въ 1869 г. въ коммиссіи по разсмотрѣнію проекта устава о частной золотопромышленности. (см. ниже, гл. XI).

тору въ надеждѣ, что онъ „отстранитъ гибельныя послѣдствія сдѣланнаго распоряженія“ [1]).

Нѣсколько ранѣе представленія этой записки енисейскому губернатору, а именно, въ августѣ 1862 года, управляющій пріисками Безобразовыхъ (сѣв. ч. Енис. окр.) Степановъ послалъ ему же жалобу на то, что мѣстный горный исправникъ отказывается принимать явки о бѣглыхъ, дѣлая на нихъ надписи, что, вслѣдствіе непредставленія промысловымъ управленіемъ кормовыхъ денегъ на продовольствіе при пересылкѣ бѣжавшихъ, какъ этого, по словамъ исправника, требовалъ указъ енисейскаго губернскаго правленія 23 марта 1862 г., донесенія возвращаются промысловому управленію безъ исполненія. Степановъ выражалъ сомнѣніе, правильно ли понялъ исправникъ указъ губернскаго правленія [2]). Въ 1866 г. предсѣдательствующій въ совѣтѣ главнаго управленія Восточной Сибири сообщилъ, что проектированныя енисейскимъ губернскимъ совѣтомъ правила о кормовыхъ деньгахъ при пересылкѣ бѣжавшихъ съ промысловъ могутъ быть введены не иначе, какъ по утвержденіи ихъ законодательнымъ порядкомъ. Горный исправникъ сѣверной части Енисейскаго округа Трапезниковъ предлагалъ, чтобы волостныя правленія отдавали бѣжавшихъ съ промысловъ и явившихся въ мѣста жительства на общественныя работы и затѣмъ спрашивали золотопромышленниковъ, желаютъ ли они возвращенія имъ бѣжавшихъ или же полученія выданныхъ въ задатокъ денегъ изъ заработка на общественныхъ работахъ. Наконецъ, енисейскій губернскій совѣтъ предлагалъ предоставить золотопромышленникамъ право требовать высылки бѣжавшихъ рабочихъ на ту же или слѣдующую операцію и вошелъ объ этомъ съ представленіемъ къ генералъ-губернатору Восточной Сибири [3]).

Толкованіе побѣга рабочихъ, какъ нарушенія лишь гражданскаго договора, къ сожалѣнію, не было осуществлено тогда на практикѣ, и рабочихъ не только попрежнему возвращали на пріискъ, но еще и подвергали за побѣгъ тѣлесному наказанію. „Прежде за побѣги съ промысловъ,—говоритъ Н. Латкинъ, — наказывали жестоко, доходило дѣло до плетей; нынѣ же это отмѣнено, и дѣло ограничивается высылкою рабочаго обратно на промыслы, для отработки компаніи долга, и полицейскимъ взысканіемъ [4]). Впрочемъ, нѣсколько позднѣе, если вѣрить Лопатину, тѣлесное наказаніе рабочихъ за побѣгъ (на енисейскихъ про-

[1]) Въ числѣ золотопромышленниковъ, подписавшихъ эту записку, мы находимъ Петра Кузнецова, Григорова, А. Шепетковскаго, М. Сидорова, П. Родственнаго и др. Арх. Иркут. Гор. Упр. К. 1673. № 27/30, л. 211—214., извлеч. у *В. Латкина* „О золотопр. въ Сибири“. 1864 г., стр. 25—29.

[2]) Арх. Горн. Департ., дѣло отд. частн. золот. № 68/650, ч. III, л. 84—85.

[3]) Арх. Горн. Испр. Южн. ч. енис. окр., дѣло 1866 г. № 4, л. 144 и слѣд.

[4]) „Очеркъ зол. пром. енис. окр.“ 1869 г., стр. 125.

мыслахъ) прекратилось. „Теперь,—писалъ этотъ золотопромышленникъ въ началѣ 70-хъ годовъ,—рабочаго за побѣги съ пріиска даже не наказываютъ, а высылаютъ обратно или ограничиваются взысканіемъ оставшагося за нимъ долга. Судъ признаетъ въ побѣгѣ одно только неисполненіе контракта, но,—продолжаетъ Лопатинъ,—подобный взглядъ мы находимъ не вполнѣ справедливымъ, потому что каждый бѣжавшій уноситъ съ собою забранныя у хозяина и неотработанныя деньги и вещи, слѣдовательно, кромѣ неисполненія контракта, совершаетъ обманъ и захватъ (?) чужой собственности“ [1]).

Мы видѣли, что въ началѣ 60-хъ годовъ золотопромышленники Восточной Сибири нерѣдко жаловались на увеличеніе побѣговъ, вслѣдствіе смягченія за нихъ наказанія. Изъ ниже приведенныхъ цифръ видно, что увеличеніе побѣговъ въ Восточной Сибири было вовсе не настолько значительно, какъ можно было бы думать на основаніи жалобъ владѣльцевъ промысловъ.

Съ промысловъ всей Восточной Сибири въ 1860 г. бѣжало 5,8% рабочихъ, изъ нихъ поймано 25%; въ 1861 г. бѣжало 4,9%, поймано 29% бѣжавшихъ; въ 1862 и 1863 гг. бѣжало 3,8%, изъ нихъ поймано 29 и 31%; въ 1864 г. бѣжало 4,3%, поймано 17% бѣжавшихъ; въ 1869 г. бѣжало 4,9%, изъ нихъ поймано 19% [2]). Въ 50-хъ годахъ съ промысловъ Восточной Сибири обыкновенно бѣжало отъ 3,5 до 4% рабочихъ, слѣдовательно, количество побѣговъ увеличилось, но весьма немного. Если мы возьмемъ данныя промысловъ одной Енисейской губерніи, то окажется, что количество бѣжавшихъ съ промысловъ въ 60-хъ годахъ колебалось между 3,4 и 4,9%, а въ 50-хъ годахъ между 2 и 4,8%; средній процентъ бѣжавшихъ съ енисейскихъ промысловъ въ 50-хъ годахъ за 9 лѣтъ равняется 2,9%, а въ 60-хъ годахъ за 7 лѣтъ—4,2% [3]). Съ пріисковъ Олекминскаго и Киренскаго округовъ и съ промысловъ Забайкальской области бѣжало въ 1860 г. съ первыхъ 5,8%, со вторыхъ 7%; въ 1861 г. съ тѣхъ и другихъ 6,8 %; но затѣмъ побѣги съ Олекминскаго округа значительно уменьшаются: въ 1862 г съ этихъ промысловъ бѣжало 2,2%, а съ забайкальскихъ 5,5%, въ 1869 г. съ первыхъ 3,7%, со вторыхъ 6%. На нѣкоторыхъ отдѣльныхъ промыслахъ число бѣжавшихъ значительно превышало среднюю норму. Въ 1861 г. самое

[1]) „Изв. Сиб. отд. геогр. общ.“ т. II, № 4, Ирк. 1872.

[2]) „Иркут. Губ. Вѣд.“ 1861 г. № 7, 1864 г. № 17; *Расселл* I, 233, „Горн. Журн.“ 1863 г. № 5, стр. 349; ст. *Лопатина*, стр. 44; Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 1686. № 64—69, л. 81. О золотопромышленникѣ Ачинскаго и Маріинскаго округовъ, Цибульскомъ, мы слышали, что у него было соглашеніе съ живущими по близости промысловъ татарами, чтобы они ловили бѣглыхъ.

[3]) Арх. Ком. Министровъ, дѣло Сиб. Ком. 1861 г. № 100; ст. *Лопатина*, стр. 45, 46.

большое число бѣжавшихъ въ Олекминскомъ округѣ было на пріискахъ Прибрежно-Ленской К° (почти 27%), что, по словамъ мѣстнаго жандармскаго офицера, объясняется „невниманіемъ къ рабочимъ со стороны управленія"; напротивъ, у Базилевскаго на пріискахъ Спасскомъ и Нижне-Иннокентіевскомъ не было за этотъ годъ ни одного бѣжавшаго. Въ слѣдующемъ году болѣе всего бѣжало съ Ленскаго пріиска, арендуемаго Катышевцевымъ и Шмотинымъ (почти 7%); жандармскій офицеръ объясняетъ это „тяжелыми работами по каменному грунту". Въ 1861 г. въ Забайкальской области въ Чикойской системѣ съ пріисковъ К° Кандинскаго бѣжало 19% и на Витимской системѣ на пріискѣ Герасимовой—23%, что жандармскій офицеръ объяснилъ недостаткомъ внимательности къ рабочимъ и отчасти близкимъ разстояніемъ пріисковъ отъ жилыхъ мѣстъ. Въ слѣдующемъ году въ Чикойской системѣ болѣе всего бѣжало съ Иннокентьевскаго пріиска Нѣмчинова (12% рабочихъ) [1]).

Въ Енисейскомъ округѣ побѣги съ разныхъ промысловъ были, разумѣется, также неодинаковы. Н. Латкинъ въ своей статьѣ (1862 г.) говоритъ: „Въ настоящее время есть много пріисковъ, откуда рабочіе не бѣгаютъ и куда на работы они нанимаются изъ года въ годъ каждое лѣто. Такъ, на пріискахъ Лопатина, Родственнаго, Зотовыхъ, Григорова, Шепетковскаго и друг., сколько мнѣ извѣстно, за послѣдніе 3—4 года процентъ побѣговъ не достигалъ и 2% всей команды, а въ этихъ К° работали и работаютъ ежегодно болѣе 4,500 чел. Но нельзя умолчать, что, въ то же время, въ нѣкоторыхъ К° побѣги достигали отъ 7 до 10% [2]). Эти К° по большей части, кромѣ одной, принадлежали къ болѣе мелкимъ фирмамъ и несутъ сами первое наказаніе за свое неразуміе и безтактность, лишившись въ нужное время значительнаго числа рукъ, и принуждены были нанимать болѣе дорогихъ рабочихъ, а вдобавокъ еще потеряли значительныя суммы за бѣжавшими, которыя они уже не вернутъ ни въ какомъ случаѣ" [3]). Тотъ же авторъ въ книгѣ (составленной имъ въ 1867 г. и напечатанной въ 1869 г.) говоритъ, что „побѣги рабочихъ съ промысловъ сѣверной системы въ настоящее время, сравнительно съ предъидущими недавними годами, уменьшились, въ особенности, когда въ К° Б. (Бенардаки) обращеніе сдѣлалось гуманнѣе. Въ прежнее, даже недавнее время они были довольно сильны. Такъ, въ 1864 г. въ К° Б. бѣжало чуть не 1/8 часть всей рабочей команды изъ

[1]) Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 1358, № 52/185, л. 150, № 57/207, л. 19

[2]) Изъ донесеній пріисковыхъ управленій видно, что въ операцію 1861—62 г. въ южной части Енисейскаго округа на Николаевскомъ и Модестовскомъ пріискахъ барона Корфа и Базилевскаго бѣжало болѣе 9% рабочихъ, на Иннокентіе-Громовскомъ Акимова 11% и на промыслахъ Логинова 12%. Арх. Горн. Испр. южн. ч. Енис. окр., дѣло 1862 г., № 38, л. 21—26, 93—97, 234—254.

[3]) „Сод. рус. промышл и торг." 1862 г. Приб. къ № 3.

800 челов.; немного менѣе они были и въ нѣкоторыхъ другихъ К°; вообще можно принять цифру побѣговъ въ прежнее время до 5%, но съ улучшеніемъ быта рабочихъ за послѣднее время они стали замѣтно уменьшаться и теперь врядъ ли достигаютъ болѣе 2% всей рабочей команды въ общей сложности". Напротивъ, въ южной системѣ Латкинъ находитъ увеличеніе побѣговъ; онъ говоритъ, что они были тамъ особенно „поразительно велики" въ 1866 г. „и доходили до небывалой цифры 300 ч., т.-е. 7%". Но изъ отчета горнаго исправника южной части Енисейскаго округа за операцію 1865—66 г. оказывается, что тогда бѣжало даже 406 рабочихъ, а такъ какъ всѣхъ рабочихъ обоего пола исправникъ считалъ тамъ 6,465, то бѣжавшихъ было 6,3% всего числа. Н. Латкинъ, и въ своей книгѣ указываетъ на незначительность (до 2%) побѣговъ въ К° Лопатина, Шепетковскаго и Родственнаго (умалчивая о Григоровѣ и Зотовыхъ); „за то,—по его словамъ,—съ промысловъ Герасимова, Крутовскаго, Поротова, Исаева и др. бѣжало отъ 10 до 12%" [1]). Мы не имѣемъ отдѣльныхъ данныхъ о числѣ бѣжавшихъ съ сѣверной и южн. системъ Енисейскаго округа съ 1864 г., но общій процентъ бѣжавшихъ съ промысловъ всей Енисейской губерніи мало измѣняется въ теченіе 60-хъ годовъ.

Если побѣги съ пріисковъ не были явленіемъ рѣдкимъ, то, наоборотъ, волненій рабочихъ на промыслахъ, какъ и въ предъидущее десятилѣтіе, почти не было: какъ мы уже знаемъ, долготерпѣніе и добродушіе рабочихъ было весьма велико. Вотъ какой былъ случай въ Маріинскомъ округѣ. Одинъ золотопромышленникъ поручилъ управленіе своими промыслами знающему пріисковое дѣло мѣщанину. Среди рабочихъ уже давно былъ ропотъ противъ этого управляющаго, деспотически распоряжавшагося какъ простымъ народомъ, такъ и мелкими служащими, между тѣмъ хозяинъ полагалъ, что на пріискѣ существуютъ самые гуманные порядки. Выраженія неудовольствія противъ управляющаго немедленно подавлялись, а, между тѣмъ, онъ до 70 чел. отвлекалъ отъ пріисковыхъ работъ на свои собственныя и вообще съ полнымъ произволомъ распоряжался средствами хозяина; кончилось тѣмъ, что золота было намыто менѣе, чѣмъ предполагалось по смѣтѣ, и не достало денегъ на расплату съ рабочими. Еще за мѣсяцъ, предвидя это, рабочіе оставили разрѣзы, пришли толпой къ конторѣ, сложили инструменты и объявили, что болѣе работать не будутъ. Хозяинъ и управляющій заперлись и выслали къ толпѣ конторщика, который указывалъ имъ на контрактъ и на обязательство работать до 10 сентября; но толпа не слушала и требовала разсчета или выдачи головой управляющаго. Офицеръ,

[1]) *Н. Латкинъ.* „Очеркъ зол. пром. Енис. окр.", стр. 56, 125. Арх. Горн. Испр. южн. ч. Енис. окр., дѣло 1866 г., № 26, л. 419.

находившійся въ это время въ гостяхъ у хозяина, зазвалъ въ комнату вожаковъ рабочихъ и ударилъ одного изъ нихъ; тотъ пожаловался товарищамъ, и толпа двинулась къ дому, требуя выдачи управляющаго и грозя раскатать по бревну домъ золотопромышленника. Снова вышелъ офицеръ и предложилъ рабочимъ составить списокъ ихъ претензій на хозяина, обѣщая отвезти его въ городъ и представить губернатору. Рабочіе согласились, отмѣтили въ спискѣ противъ каждаго имени, сколько считаютъ долгу за хозяиномъ, и разошлись. Разрѣзы опустѣли, шумъ промывальныхъ машинъ затихъ, и рабочіе лежали у своихъ избушекъ. Черезъ нѣсколько дней они рѣшили не дожидаться расплаты, махнули рукой на пропажу денегъ и ушли съ пріиска, на которомъ осталось, однако, около 50 рабочихъ: это были люди, работавшіе у хозяина до 10 лѣтъ сряду и не желавшіе оставить его; они даже собрали въ складчину 100 р. и принесли золотопромышленнику, полагая въ простотѣ души, что у него нѣтъ денегъ, чтобы выѣхать въ Томскъ и хлопотать тамъ о поправленіи своего дѣла [1]).

Лопатинъ въ своей статьѣ о рабочихъ на енисейскихъ промыслахъ утверждаетъ, что, кромѣ волненія 1842 г., никто не слыхалъ тамъ ни о какихъ бунтахъ; если вѣрить ему, не было даже коллективныхъ протестовъ, а только „случаи упорства или непослушанія отдѣльныхъ рабочихъ“ [2]).

Относительно забайкальскихъ пріисковъ намъ извѣстенъ случай коллективнаго протеста 45 рабочихъ на золотыхъ промыслахъ Переяславцевой, Витимскаго округа, осенью 1868 г. При производствѣ слѣдствія 30 рабочихъ, задержанныхъ въ Тарбогатайской волости, которыхъ пріисковое управленіе считало наиболѣе виновными, показали слѣдующее. Работая на промыслахъ Переяславцевой лѣтомъ 1868 г., они разсчитывали, что наняты до 10 сентября, какъ обыкновенно нанимались прежде всѣ рабочіе на витимскіе промыслы (довѣренный, нанимавшій ихъ на работу, контрактовъ имъ не прочелъ). 10 сентября всѣ рабочіе (526 чел.) были собраны управляющимъ Горстомъ и уволены съ пріиска, а 45 человѣкамъ велѣно было оставаться на работахъ до 1 ноября, и только тутъ они узнали, что этотъ срокъ назначенъ въ ихъ контрактѣ. Командиръ витимскаго козачьяго отряда уговаривалъ ихъ остаться, а управляющій пріискомъ Горстъ обѣщалъ, что послѣ 1 ноября, когда они будутъ возвращаться домой, для продовольствія ихъ при проходѣ тайгою приготовятъ сухари въ двухъ мѣстахъ, а въ случаѣ ненастной и холодной погоды, ихъ имущество и больныхъ отвезутъ на пріисковыхъ лошадяхъ, и, кому будетъ нужно, дадутъ теплую одежду до резиденціи въ деревнѣ Попе-

---

[1]) „Русское Слово“ 1861 г., № 6, стр. 6—7, ст. *Г. Н. Потанина*.

[2]) „Изв. Сиб. Отд. Геогр. Общ.“ т. II, № 4, Ирк. 1872.

речной (на большой дорогѣ изъ Верхнеудинска въ Читу). Рабочіе соглашались остаться на этихъ условіяхъ до 1 ноября, но требовали, чтобы управляющій далъ имъ въ томъ письменное обязательство, а Горстъ отъ этого отказался. Тогда рабочіе, не надѣясь на исполненіе обязательства, зная, какъ далекъ и труденъ путь тайгою до жилого мѣста и особенно опасаясь холодной и ненастной погоды, не согласились долѣе остаться на пріискѣ и, получивъ отъ промысловаго управленія сухари, ушли, не производя никакихъ безпорядковъ. Урядникъ и двое козаковъ, бывшіе на пріискѣ Переяславцевой, подтвердили это показаніе рабочихъ; они прибавили только, что, когда отрядный командиръ, послѣ ихъ отказа остаться на пріискѣ, арестовалъ двоихъ изъ нихъ, болѣе другихъ говорившихъ, то они вырвались, ушли въ казармы, и остальные рабочіе, загородивъ входъ, „угрожали отбиваться стягами“. Доводя объ этомъ до свѣдѣнія предсѣдательствующаго въ совѣтѣ главнаго управленія Восточной Сибири, производившій слѣдствіе чиновникъ Ѳедоровъ прибавилъ, что состоявшіе подъ надзоромъ въ Тарбогатайской волости 30 чел. жили тамъ у разныхъ крестьянъ безплатно, въ надеждѣ получить заработокъ съ пріиска Переяславцевой, но, по сношенію съ горнымъ исправникомъ Витимской системы, выяснилось, что эти рабочіе не только не получатъ денегъ съ управленія пріисковъ Переяславцевой, но еще на нихъ „можетъ пасть взысканіе убытковъ, понесенныхъ пріискомъ чрезъ самовольную ихъ отлучку“ (значитъ, условія въ контрактахъ о взысканіи убытковъ съ рабочихъ въ случаѣ оставленія ими работы не оставались вовсе безъ примѣненія). По полученіи этого отвѣта, Ѳедоровъ и мѣстный засѣдатель совѣтовали рабочимъ папяться на винокуренный заводъ, гдѣ имъ предлагали плату по 15 р. въ мѣсяцъ, а плотникамъ по 25 р., но они отказались, заявивъ, что у нихъ нѣтъ теплой одежды. Между тѣмъ, мѣстные крестьяне не соглашались долѣе безплатно кормить ихъ, и рабочимъ приказано было пропитываться сельскими работами, но тѣ и отъ этого отказались, заявивъ, что если ихъ считаютъ виновными въ самовольной отлучкѣ, то они предпочитаютъ сидѣть въ острогѣ, чѣмъ заниматься мѣстными работами (нужно помнить, что у нихъ не было теплой одежды). Мы не знаемъ дальнѣйшаго хода этого дѣла, но оно должно было тянуться еще долго послѣ донесенія Ѳедорова (3 дек. 1868 г.) о вышеизложенномъ, такъ какъ предстоялъ допросъ нанимавшихъ рабочихъ довѣренныхъ, мѣсто жительства которыхъ было неизвѣстно пріисковому управленію [1]).

Вотъ одно изъ весьма скромныхъ столкновеній рабочихъ съ пріисковымъ управленіемъ: тутъ нѣтъ бунта, нѣтъ усмиренія военною силой, но 45 человѣкъ, введенные въ заблужденіе довѣреннымъ, или нанявшіеся,

[1]) Арх. Иркут. Горн. Управ., кн. 1700, № 183/143, л. 10—11.

не читая контракта, лишаются заработка за все лѣто и принуждены томиться въ чужомъ мѣстѣ, быть можетъ, далеко отъ родины, безъ копѣйки денегъ и даже безъ теплой одежды.

Заработки пріисковыхъ рабочихъ въ 50-хъ годахъ уменьшились сравнительно съ 40-ми годами; въ 60-хъ годахъ мы встрѣчаемъ указанія на то же явленіе относительно енисейскихъ промысловъ. Н. Латкинъ говоритъ о промыслахъ Енисейскаго округа, что заработки рабочихъ „значительно противъ прежняго уменьшилась“ [1]). Жандармскій офицеръ Енисейской губерніи въ 1861 г. замѣтилъ, что „съ постепеннымъ упадкомъ золотопромышленности, вслѣдствіе выработки богатыхъ промысловъ и бѣднаго содержанія новѣйшихъ розсыпей, заработки стали сравнительно незначительны“ [2]). Наконецъ, Н. Латкинъ въ своей книгѣ изд. въ 1869 г. говоритъ: „Положеніе рабочихъ на промыслахъ въ послѣднее десятилѣтіе значительно улучшилось, *хотя теперь и нѣтъ такихъ огромныхъ заработковъ*, какъ это было въ доброе старое время, когда рабочіе, стараясь на богатомъ золотѣ, выносили сотни рублей“ (стр. 118). Мы видѣли, что обычные заработки рабочихъ (помимо хищеній золота, размѣръ которыхъ не подлежитъ никакому учету), вовсе не были велики даже въ 40-хъ годахъ, во время расцвѣта енисейской золотопромышленности, а мѣстные наблюдатели, какъ видно изъ словъ Латкина, полагали, что заработки въ 60-хъ годахъ были еще меньше. Посмотримъ, можно ли это считать общимъ правиломъ.

Относительно размѣра заработковъ въ южной части Енисейскаго округа въ первой половинѣ 60-хъ годовъ мы имѣемъ не мало вполнѣ точныхъ данныхъ. Въ 1862 г. горный исправникъ южной части Енисейскаго округа, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе предписанія высшаго начальства, потребовалъ отъ пріисковыхъ управленій свѣдѣній о размѣрѣ додачи и долговъ, оставшихся за рабочими; сообщая эти свѣдѣнія, нѣкоторыя управленія присоединили данныя и объ общемъ размѣрѣ заработка [3]).

---

[1]) „Сод. рус. пром. и торгов.“ 1862 г., Приб. къ № 3, ср. ст. *Цвѣтолюбова* въ газетѣ „Амуръ“ 1860 г., № 13.

[2]) Арх. Иркут. Горн. Управ., кн. 1673, № 27/30, л. 6. ср. л. 16.

[3]) На Прокопьевскомъ пріискѣ Асташева средній заработокъ — 74 р. (копѣйки отбрасываемъ), на Спасо-Преображенскомъ его же — 84 р., на Казанскомъ—57 р., на промыслахъ Логинова — 76 р., на Успенскомъ и Рождественскомъ П. Н. Латкина — 93 р., на Успенскомъ и Дмитріевскомъ Ш. Э. Латкиной — 87 р., на Алексѣевскомъ Латкиныхъ—83 р. (Арх. южн. Енис. горн. испр. 1862 г., № 138). По другимъ свѣдѣніямъ, на промыслахъ Удерейской К° Бенардаки, Рязановыхъ и друг. въ 1860 и 62 гг. средній заработокъ—79 р., въ 1863 г.—67 р. (Арх. Воскрес. пр., аренд. Савиныхъ), на Преображенскомъ промыслѣ Бенардаки, Щеголева и Кузнецова—96 р. (Арх. Кузнецовыхъ въ Красноярскѣ). *Максимумъ* заработка на названныхъ промыслахъ, кромѣ К° Латкиныхъ) колебался отъ 181 до 557 р.

Средній размѣръ заработка на указанныхъ промыслахъ южной части Енисейскаго округа равнялся minimum 57 р. и maximum 96 р.; если же мы возьмемъ всю сумму заработка на названныхъ промыслахъ за эти годы и раздѣлимъ на все число рабочихъ, то получимъ средній заработокъ—80 р. [1]).

Сравнимъ теперь данныя 60-хъ годовъ съ данными предшествующаго времени на Прокопьевскомъ пріискѣ Асташева. Въ 1843 г. средній заработокъ мы высчитали въ 75 р., а въ 1862 г. онъ равнялся 74 руб., т.-е. остался безъ измѣненія. На Казанскомъ пріискѣ Асташева въ 1847 г. средній заработокъ былъ 57 руб., въ 1852 г.—67 руб. (но тутъ пришлось взять преимущественно мастеровыхъ), въ 1862 г.—57 руб. Такъ какъ по указанной причинѣ заработокъ 1852 г. нѣсколько выше нормальнаго, то можно принять, что и тутъ вообще за 25 лѣтъ средній заработокъ не измѣнился. На пріискѣ Удерейской К° въ 1847 г. средній заработокъ равнялся 76 руб., въ 1850 г. на Митрофановскомъ пріискѣ ея же—44 руб., въ 1854 г. на пріискахъ Удерейской К° около 37 руб., въ 1858 г. на Митрофановскомъ и Воскресенскомъ промыслахъ той же К°—71 р., въ 1860—63 гг. на пріискахъ этой К°—74 р. Такимъ образомъ, въ первой половинѣ 50-хъ годовъ заработокъ Удерейской К° сильно понизился и даже въ 1858 г. былъ менѣе, чѣмъ въ 1847 г., но въ началѣ 60-хъ годовъ былъ почти такой же, какъ въ 1847 г. На промыслахъ К° Щеголева и П. Кузнецова въ 1858 г. средній заработокъ равнялся 59 р., а въ 1861 г. на Преображенскомъ пріискѣ той же К°—96 р. Изъ всѣхъ приведенныхъ данныхъ мы можемъ сдѣлать выводъ, что средніе заработки 40-хъ и первой половины 60-хъ годовъ на промыслахъ южной части Енисейскаго округа близки между собою, а заработки 50-хъ годовъ менѣе и тѣхъ, и другихъ [2]).

---

[1]) По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ управленіемъ промысловъ Анны Рязановой и наслѣдниковъ Игн. Рязанова въ операцію 1862/3 г. чернорабочіе заработали отъ 59 до 85 р., на торфахъ 60—100 р., на пескахъ 70—90 р., разночинцы 85—188 р. (Арх. Гор. Исп. Южн. ч. Енис. окр., дѣло 1863 г., № 34, л. 79).

Вознагражденіе за старательскія работы составляли на промыслахъ Удерейской К° въ 1860 и 1862 г. и на Преображенскомъ пріискѣ К° Бенардаки, Щеголева и Кузнецова въ 1861 г.—44%, а на промыслахъ Удерейской К° въ 1863 г.—41% всего заработка. Въ 1850 и 1858 г. на пріискахъ Удерейской К° вознагражденіе за старательскія работы составляло 46%, а на промыслахъ Щеголева и Кузнецова въ 1858 г.—53%. Слѣдовательно въ первой половинѣ 60-хъ г. заработокъ на старательскихъ работахъ составлялъ здѣсь меньшій процентъ всего заработка, чѣмъ въ 50-хъ годахъ.

[2]) Въ 1863 г. горный исправникъ южной ч. Енис. округа потребовалъ отъ пріисковыхъ управленій свѣдѣній о томъ, сколько *хорошій* рабочій на пріискахъ зарабатывалъ въ мѣсяцъ. Изъ полученныхъ въ отвѣтъ на это свѣдѣній видно, что забойщики на пескахъ зарабатывали въ мѣсяцъ 15—25 р., въ среднемъ около 20 р., на торфахъ 12—29 р., въ среднемъ около 17 р. (зимою на Преображенскомъ пріискѣ

Повышеніе заработковъ рабочихъ сравнительно съ 50 годами, не смотря на сравнительный упадокъ енисейской золотопромышленности можетъ объясняться съ одной стороны возвышеніемъ цѣнъ на хлѣбъ. Въ Енисейской губ. рыночныя цѣны четверти ржи равнялись: въ 1847 г.— 8 р. 22 к. сер., въ 1848 г.—6 р. 48 к., въ 1849 г.—3 р. 69 к., въ 1850 г.— 2 р. 18 к., въ 1851 г.—1 р. 92 к., въ 1852 и 1853 гг.— 2 р. 13 к. (Въ Иркутской губ. средняя цѣна за эти годы была даже немного ниже) [1]). Между тѣмъ, во второй половинѣ 60-хъ гг. заготовительныя цѣны за четверть ржаной муки по даннымъ интендантскаго вѣдомства въ Восточно-Сибирскомъ военномъ округѣ равнялись: въ 1865 г.—9 р. 63 к., въ 1866 г.—10 р. 33 к., въ 1867 г.—10 р. 61 к., въ 1868 г.—11 р. 34 к., въ 1869 г.—8 р. 53 к. [2]). Даже и признавъ, что цѣны интендантскаго вѣдомства выше дѣйствительныхъ, мы все-таки видимъ значительное возвышеніе цѣнъ на хлѣбъ сравнительно съ первою половиною 50-хъ годовъ. Съ другой стороны золотопромышленники могли давать рабочимъ вознагражденіе большее, чѣмъ въ 50-хъ годахъ, потому что вексельный курсъ нашъ въ 60-хъ годахъ сильно упалъ сравнительно съ предшествующимъ десятилѣтіемъ, а слѣдовательно цѣна золота возвысилась [3]).

Гораздо менѣе свѣдѣній имѣемъ мы относительно рабочихъ сѣв. части Енисейскаго округа. На Ольгинскомъ пріискѣ Малевинскаго средній заработокъ рабочихъ м. п. (въ числѣ которыхъ были и годовые, но большинство работало лишь по нѣсколько мѣсяцевъ осенью или лѣтомъ) равнялся 78 руб. (max. 275 р.); если же взять 93 рабочихъ только лѣтней операціи, то ихъ средній заработокъ равнялся 90 руб. [4]). На Гавриловскомъ и Никольскомъ пріискахъ и Усть-Питской резиденціи К° Рязановыхъ, Горохова и Мошарова въ операцію 1860 г. средній заработокъ равнялся 80 руб. (max. заработка 201 р., выдано же въ среднемъ деньгами и вещами по 88 руб.). Такъ какъ въ среднемъ они работали по 114 дней, то это составляетъ заработокъ по 65 коп. въ день (старатель-

---

Асташева 7—9 р.), разночинцы 10—26 р., въ среднемъ около 16 р. (зимою на Преображенскомъ пріискѣ Асташева 6–25 р.). Арх. Испр. Южн. ч. Енис. окр., дѣло 1863 г., № 9, л. 1—2, дѣло № 34, л. 39, 62—87.

[1]) *А. Егуновъ.* „О цѣнахъ на хлѣбъ въ Россіи". М. 1855, табл. VII.

[2]) *И. Кауфманъ.* „Цѣны на провіантъ и фуражъ по даннымъ интендантскаго вѣдомства". „Времен. центр. стат. комит." 1889 г., № 4, стр. 46.

[3]) *И. Кауфманъ.* „Вексельные курсы въ Россіи за 50 лѣтъ. 1841—90 гг." „Врем. центр. стат. ком." 1892 г., № 22, стр. 3.

[4]) Семь женщинъ, служившихъ въ лѣтнюю операцію въ должности прислуги—стряпки, мукосѣйки и кусочницы заработали въ среднемъ по 24 р. (Разсчетн. книга съ рабочими Ольгинскаго пр. Малевинскаго на операц. 1866 г., ч. I. Арх. В. И. Базилевскаго въ Енисейскѣ).

ская плата — поденная, въ праздники за вскрышу торфа и за добычу золота—составляла 49% всего заработка) [1]). На Гавриловскомъ пріискѣ той же К° въ операцію 1869—1870 гг. средній заработокъ равнялся 84 руб. [2]). Слѣдовательно, средніе заработки на промыслахъ этихъ двухъ К° сѣв. части Енисейскаго округа были не выше заработковъ въ Южно-Енисейской системѣ. Но Н. В. Латкинъ утверждаетъ, что вообще заработки здѣсь были немного выше, благодаря нѣсколько большей высотѣ рабочей платы сравнительно съ южною частью Енисейскаго округа. Въ операцію 1851 г. средній заработокъ на Гавриловскомъ пріискѣ былъ нѣсколько выше, а именно по 108 руб.; это заставляетъ думать, что тогда золото было обильнѣе.

По словамъ Н. В. Латкина (1869 г.), общій годовой заработокъ мастеровыхъ равнялся 120—250 руб., а прочихъ рабочихъ, работающихъ обыкновенно съ половины марта или съ половины февраля по 10 сентября, отъ 80 до 120 и 150 руб. на человѣка. По имѣющимся у насъ матеріаламъ, максимальныя цифры заработка были даже гораздо выше и колебались на всѣхъ названныхъ промыслахъ между 180 и 557 руб., но среднимъ заработкомъ является, какъ мы видѣли, только низшая изъ цифръ, указанныхъ Латкинымъ, да и ему самому пришлось сдѣлать слѣдующую оговорку: „Конечно, бываетъ, что на величину заработка имѣютъ вліяніе нездоровье работника [3]), поздній его приходъ на пріискъ, мѣстныя обстоятельства, неблагопріятная погода лѣтомъ", свойство розсыпи и другія побочныя причины.

Въ Олекминскомъ округѣ заработки рабочихъ были выше, чѣмъ въ Енисейскомъ; такъ, на промыслахъ Прибрежно-Витимскаго т-ва въ операцію 1865—66 гг. 1,291 чел. рабочихъ заработали въ среднемъ по 122 руб. [4]); на промыслахъ И. Ѳ. Базилевскаго въ операцію 1869—70 гг. средній заработокъ рабочихъ равнялся 123 руб. [5]) и, наконецъ, на промыслахъ Ленскаго т-ва Баснина и Катышевцева въ операцію 1868—69 гг. 1,103 рабочихъ заработали въ среднемъ по 119 руб. [6]) Но если заработокъ на олекминскихъ промыслахъ былъ выше, то нужно помнить, что рабочіе на проходъ туда тратили болѣе времени, чѣмъ на промыслахъ Енисейскаго округа, да и среднее количество рабочихъ дней, вслѣдствіе

---

[1]) Архивъ Гаврилов. пр. Кытмановыхъ, Разсчетная кн. 1860 г., № 27 (съ № 1218—1401).

[2]) „Экстрактъ рабочимъ по Гаврил. пріиску за опер. 1869—70 г." (Арх. Кытмановыхъ).

[3]) По словамъ *Н. Латкина* (стр. 119), плохому работнику „съ трудомъ бываетъ отработать задатокъ въ 35 руб.".

[4]) Арх. К° Промышл., разсчетъ операціи 1865—66 г. (къ № 58).

[5]) Арх. Базилевскаго на Надеждинскомъ пр. Олекм. окр.

[6]) Арх. Ленскаго Т-ва.

существованія тамъ шахтовыхъ работъ, могъ быть значительно выше, чѣмъ на большинствѣ промысловъ Енисейскаго округа. Дѣйствительно, оказывается, что рабочіе на промыслахъ Прибрежно-Витимскаго т-ва въ операцію 1865—66 гг. работали въ среднемъ по 201 дню, а такъ какъ весь ихъ средній заработокъ равнялся 123 рублямъ, то, слѣдовательно, среднимъ числомъ они получали за поденщину по 61 коп., т.-е. даже немного менѣе, чѣмъ на промыслахъ К° Рязановыхъ, Горохова и Мошарова сѣв. части Енисейскаго округа.

Посмотримъ теперь, какую часть заработка рабочіе забирали до разсчета (деньгами и припасами, въ видѣ задатка при наемкѣ и на самыхъ промыслахъ). Оказывается, что на промыслахъ Асташева и Латкиныхъ южн. ч. Енис. окр. весь заборъ до разсчета составлялъ 67—87% заработка, а на 2 промыслахъ Асташева превосходилъ даже весь заработокъ [1]).

Сравнимъ заборъ *до разсчета* въ 60-хъ годахъ съ заборомъ въ предшествующее время. Въ 1843 г. заборъ до разсчета на Прокопьевскомъ пріискѣ Асташева составлялъ 32% и на Казанскомъ пріискѣ, его же, въ 1847 г.—63% и въ 1851—52 гг.—68%, а въ 1862 г. онъ превосходилъ весь заработокъ. На пріискахъ Удерейской К°. заборъ до разсчета составлялъ въ 1847 г. 55% всего заработка. Слѣдовательно, въ 60-хъ годахъ рабочіе значительно меньшій процентъ заработка выносили съ промысловъ, чѣмъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, а иногда, въ среднемъ, не только ничего не выносили, а даже оставались въ долгу [2]).

На Ольгинскомъ пріискѣ Малевинскаго (сѣв. части Енисейскаго округа) въ операцію 1866 г. заборъ до разсчета составлялъ 74% всего заработка. На Гавриловскомъ и Никольскомъ промыслахъ и Усть-Питской резиденціи К° Рязановыхъ, Горохова и Мошарова въ операцію 1860 г. заборъ до разсчета составлялъ 84% ихъ заработка.

Относительно размѣра додачи [3]) и долговъ въ южной части Ени-

---

[1]) Арх. Горн. Испр. Южн. ч. Енис. окр., дѣло 1862 г., № 38.

[2]) Относительно нѣкоторыхъ другихъ золотыхъ промысловъ южной части Енисейскаго округа мы имѣемъ данныя о процентномъ отношеніи забора деньгами и вещами не до разсчета, а *относительно всего заработка*. Такъ на промыслахъ Удерейской К° Бенардаки и Рязановыхъ въ операцію 1860 г. рабочіе получали деньгами 69%, вещами 21% всего заработка; въ операцію 1862 г. деньгами 76%, вещами 24%, въ операцію 1863 г. деньгами 77%, вещами 23%, въ операцію 1867 г. деньгами 57%, вещами 43%. (Въ пятидесятыхъ годахъ въ той же К° было выдано: въ 1850 г. деньгами 63%, вещами и припасами 37%, въ 1858 г. деньгами 70%, вещами 30%).—На Преображенскомъ пріискѣ Бенардаки, Щеголева и Кузнецова въ операцію 1861 г. выдача деньгами составляла 78%, вещами 22% всего заработка (тоже и въ 1858 г.).

[3]) Т.-е. денегъ, получаемыхъ рабочими при разсчетѣ.

сейскаго округа мы имѣемъ много данныхъ, благодаря тому, что они были собраны мѣстнымъ горнымъ исправникомъ въ 1862 г. [1]). На основаніи свѣдѣній болѣе чѣмъ о 4,000 рабочихъ мы можемъ сказать, что въ операцію 1861—62 гг. на промыслахъ южн. части Енисейскаго округа только 60% рабочихъ получили додачу (на разныхъ промыслахъ процентъ получившихъ додачу колебался между 27 и 99); maximum додачи на всѣхъ промыслахъ, о которыхъ мы имѣемъ свѣдѣнія, равнялся 364 руб., но это былъ крайне рѣдкій случай, средній же размѣръ додачи всѣхъ рабочихъ, ее получившихъ (2,594 чел.), равнялся 28 руб. 60 коп., на различныхъ же промыслахъ средній размѣръ додачи колебался между 15 и 47 руб. [2]).

Изъ промысловъ сѣв. части Енисейскаго округа на Ольгинскомъ пріискѣ Малевинскаго въ операцію 1866 г. средній размѣръ додачи для всѣхъ получившихъ ее равнялся 32 руб. (maximum 188 руб.) [3]). На Гавриловскомъ и Никольскомъ промыслахъ и Усть-Питской резиденціи К° Рязановыхъ, Горохова и Мошарова въ операцію 1860 г. получили додачу лишь 62% рабочихъ, причемъ средняя додача равнялась 33 руб. (maximum 101 руб.) [4]). Такимъ образомъ, и въ сѣв. части Енисейскаго округа средній размѣръ додачъ былъ не великъ.

В. Латкинъ въ брошюрѣ о золотопромышленности Сибири (1864 г.) говоритъ: „Рабочимъ недурно на золотыхъ промыслахъ; несмотря на большой задатокъ, на заборъ въ магазинѣ, усердные рабочіе выносятъ порядочныя деньги. Круговая выдача при разсчетѣ бываетъ до 40 и болѣе рублей на каждаго: иные получаютъ меньше, другіе—больше, есть и такіе, которые ничего не получаютъ“ (стр. 43). Имѣющіяся у насъ данныя относительно пріисковъ южн. части Енисейскаго округа не подтверждаютъ словъ Латкина: 38% рабочихъ не только ничего не получали при разсчетѣ, но даже оставались должными, а тѣ 60% рабочихъ, которымъ выдавалась додача, получили ее, въ среднемъ, въ размѣрѣ всего 28 р. 60 к. Гораздо вѣрнѣе взглянулъ на дѣло учрежденный въ 1861 г. въ Иркутскѣ комитетъ для разсмотрѣнія условій найма на золотые промыслы, который пришелъ къ такому выводу: „Значительная часть рабочихъ, особенно ссыльно-поселенцевъ, при выходѣ по окончаніи лѣтнихъ работъ съ промысловъ, не только не имѣютъ нужнаго количества денегъ на проходъ до мѣста жительства, но нерѣдко остаются еще должными тѣмъ золотопромышленникамъ, у которыхъ находились

---

[1]) См. *Дополненіе XIV* (въ концѣ этого тома).

[2]) Арх. Горн. Испр. южн. ч. Енис. окр., дѣло 1862 г., № 38.

[3]) На основаніи свѣдѣній о 143 рабочихъ изъ разсчетной книги за операцію 1866 г. Арх. В. И. Базилевскаго въ Енисейскѣ.

[4]) На основаніи свѣдѣній о 181 рабочемъ.

въ работѣ. Это обстоятельство и есть главная причина жалобъ рабочихъ на оскудѣніе заработковъ и на неправильность ихъ разсчетовъ съ золотопромышленниками, управленіями и конторами“ [1]).

На промыслахъ южн. части Енисейскаго округа въ 1862 г. не получило додачи, но и не осталось въ долгу 2% рабочихъ, а 38% рабочихъ остались должниками, причемъ средній размѣръ долга равнялся почти 25 руб. (maximum 101 руб.) [2]). Въ сѣверной части Енисейскаго округа, на Ольгинскомъ пріискѣ Малевинскаго, въ 1866 г. 9% рабочихъ не получили додачи, но и не остались въ долгу, а 8% остались должниками, причемъ средній размѣръ долга равнялся почти 24 руб. На Гавриловскомъ и Никольскомъ промыслахъ К° Рязановыхъ и др. въ 1860 г. должниковъ было 28%, средній размѣръ долга почти 29 руб., а на Гавриловскомъ пріискѣ той же К° въ операцію 1869—70 гг. должники составляли 41% всѣхъ рабочихъ, со среднимъ размѣромъ долга почти въ 23 руб. [3]).

Въ Олекминскомъ округѣ, на пріискѣ Прибрежно-Витимскаго т-ва, въ операцію 1865—66 г. изъ числа явившихся рабочихъ должники составляли 11%, съ среднимъ долгомъ въ 30 руб. [4]). На промыслахъ Ленскаго т-ва Баснина и Катышевцева въ операцію 1868—69 гг. изъ числа явившихся рабочихъ осталось должниками 6%, съ среднимъ долгомъ въ 21 руб. (maximum долга 105 руб.).

Немало указаній на задолженность пріисковыхъ рабочихъ мы находимъ и въ тогдашней прессѣ. Авторъ статьи въ газетѣ „Амуръ“ (1861 г.) говоритъ, что рабочій сплошь и рядомъ „выходитъ съ пріиска безъ копѣйки въ карманѣ“ и, „чтобы дойти до родного селенія, долженъ закабалить себя на слѣдующій годъ“. По свидѣтельству Пищикова (1861 г.), долги рабочихъ составляютъ одну изъ главныхъ причинъ ихъ побѣговъ. Положеніе пріисковыхъ рабочихъ, по словамъ того же автора, такъ печально, что они сами называютъ себя „вольно-каторжными“.

Въ контрактахъ мы обыкновенно встрѣчаемъ условіе, что оставшіеся должными обязаны или внести долгъ немедленно, или остаться на зимнія работы, или явиться въ слѣдующую лѣтнюю операцію; пріисковыя управленія предоставляли себѣ право взысканія долговъ даже съ тѣхъ рабочихъ, которые будутъ разсчитаны противъ своего желанія [5]).

---

[1]) Арх. Горн. Деп., дѣло отд. частн. золот. 1857 г., № 68/650, ч. 3-я.

[2]) Арх. Горн. Испр. южн. ч. Енис. окр., дѣло 1862 г., № 38.

[3]) Арх. Гавр. пр. Кытмановыхъ, дѣло по описи № 81.

[4]) Арх. К° Промышленности, разсчеты съ рабоч. Прибреж. Вит. Т-ва 1865/6 г., къ дѣлу № 88.

[5]) По контракту съ томскимъ золотопромышленникомъ Шитиковымъ (1868 г.), оставшіеся въ долгу рабочіе обязывались отрабатывать его, не переходя къ другому хозяину, „хотя бы этотъ долгъ не былъ въ два или три года заработанъ“.

Въ очень многихъ общихъ контрактахъ, а также въ договорахъ на вскрытіе турфа и артелей плотниковъ, мы находимъ круговую поруку рабочихъ другъ за друга или, вообще, въ соблюденіи договора, или въ отработкѣ взятыхъ задатковъ, или въ уплатѣ долговъ.

Вагинъ въ своей статьѣ „Договоры найма на золотые пріиски“ [1]) доказываетъ, что „обязательство рабочихъ зарабатывать или уплачивать должныя ими деньги послѣ срока—совершенно противозаконно. Во-первыхъ, имъ уничтожается правило, чтобы въ договорахъ былъ поставленъ рѣшительный срокъ, долѣе котораго наниматель не имѣетъ права требовать работы“; затѣмъ, „оно прямо противорѣчитъ какъ 2488 ст. уст. горн., по которой срокъ найма не можетъ простираться долѣе одного года со времени явки договора, такъ и 2489 ст., по которой деньги, впередъ выдаваемыя, не должны превышать всей платы по договору, а а также 2256 ст. зак. гражд., что хозяинъ, выдавшій рабочимъ деньги впередъ болѣе годовой платы, лишается всего иска, и 2268 ст., что если работникъ по разсчету останется должнымъ хозяину болѣе 1 руб. 50 к., то долгъ этотъ не подлежитъ никакому иску. „Рабочій, — продолжаетъ г. Вагинъ,—оставаясь для отработки долга, снова должаетъ К°, потомъ опять, на тѣхъ же основаніяхъ, оставляется для отработки и т. д., на неопредѣленное время. Образуется что-то похожее на пожизненное рабство,—кабала, которую правительство старается истребить всѣми силами и отъ которой особенно стремился избавить рабочихъ Сперанскій, составляя свои правила объ отношеніи ихъ къ хозяевамъ... Именно противъ кабалы придуманы правила о наймѣ не долѣе года... и о недѣйствительности долговъ рабочихъ. Золотопромышленники ввели кабалу снова и, какъ видно, очень дорожатъ этимъ видомъ крѣпостного состоянія, потому что условіе о немъ повторяется во всѣхъ договорахъ“.

Золотопромышленники всегда представляли дѣло въ такомъ видѣ, что всѣ долги, оставшіеся за рабочими, пропадали; извѣстную сумму, дѣйствительно, приходилось заносить въ графу невозвратныхъ долговъ, но далеко не всѣ, такъ какъ часть ихъ отрабатывалась должниками въ слѣдующія операціи. На промыслахъ Киргизской степи задолжавшаго рабочаго оставляли на другой годъ; если онъ самъ не являлся, то его высылалъ родовой начальникъ, который постоянно получалъ пособія отъ золотопромышленника. Рабочіе также, какъ и на другихъ системахъ пріисковъ, входили въ большіе долги, изъ которыхъ уже не могли выпутаться. На пріискѣ Грѣхова работалъ киргизъ, который послѣ 8 лѣтъ службы, все-таки, еще долженъ былъ хозяину 70 руб. Авторъ одной газетной статьи говоритъ: „Нерѣдко при разсчетѣ К° насчитываетъ на рабочаго долгъ, котораго онъ не признаетъ или не хочетъ отработать,

[1]) „Амуръ“ 1860 г., № 30—34.

и К° задерживаетъ у него паспортъ [1]); онъ уходитъ безъ вида, попадается гдѣ-нибудь какъ бродяга, заключается въ острогъ и тамъ остается нѣсколько мѣсяцевъ, пока не будутъ собраны справки". Наконецъ, рабочаго „или высылаютъ въ мѣсто жительство, или посылаютъ на пріиски отрабатывать долгъ, хотя бы по закону этого, по окончаніи срока контракта, и не слѣдовало" [2]). Подтвержденіемъ этихъ словъ служитъ донесеніе есаула Озерова Корсакову осенью 1861 г. относительно промысловъ Енисейскаго окр.: „Почти всѣ должники по большей части безъ разсчетныхъ листовъ и безъ билетовъ ушли съ пріисковъ въ г. Енисейскъ [3]), гдѣ обращались съ просьбами своими къ каждому оффиціальному лицу; ихъ отправляли къ горному исправнику, который въ городѣ не всегда могъ разобрать ихъ жалобы (ибо многія К° имѣютъ свои конторы на промыслахъ и при разборкѣ промышленники, основываясь на общемъ контрактѣ, остаются вполнѣ правыми) и долженъ былъ высылать ихъ обратно на пріиски". Впрочемъ, помощникъ горнаго исправника южной системы убѣдилъ „промышленниковъ дозволить рабочимъ наняться въ другія К° съ тѣмъ, чтобы послѣднія уплатили за должниковъ состоявшіе на нихъ долги". О томъ же доносилъ и енисейскій жандармскій штабъ-офицеръ: по его словамъ, „самовольно" ушедшіе съ промысловъ и явившіеся въ Енисейскъ должники „нѣсколько дней сряду массами ходили по городу, останавливая почти каждое оффиціальное лицо съ предъявленіемъ своихъ жалобъ"; его квартира была „буквально осаждена", и каждое появленіе на улицѣ привлекало цѣлыя толпы съ безконечными жалобами. Въ слѣдующемъ году то же лицо писало еще рѣшительнѣе: „Въ настоящее время, когда въ цѣлой Россіи уничтожается обязательный и крѣпостной трудъ, на промыслахъ онъ существуетъ въ полной силѣ: иначе нельзя назвать работъ, на которыя привлечены люди *не зарабатывать деньги, а отрабатывать долги*" [4]). Напрасно, слѣдовательно, Лопатинъ увѣрялъ въ своей статьѣ, что „на дѣлѣ никакой *кабалы рабочихъ* не существуетъ".

Иногда не рабочіе оставались должны золотопромышленнику, а пріисковое управленіе рабочимъ; вѣроятно, это бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда, нанимаясь работать на томъ же пріискѣ на слѣдующую опера-

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ договорахъ находимъ правило, что должники не могутъ требовать отъ пріисковаго управленія своихъ паспортовъ.

[2]) „Амуръ" 1861 г., № 14.

[3]) Озеровъ насчитываетъ около 5,000 человѣкъ, а такъ какъ въ этомъ году на пріискахъ всего Енисейскаго округа находилось 16,094 рабочихъ, то это составляетъ около 31% всѣхъ рабочихъ.

[4]) Арх. Иркут. Горн. Управ., кн. 1673, № 27—30, л. 8, 18, 39. Тѣ же слова повторяетъ въ своей запискѣ и комитетъ, учрежденный въ Иркутскѣ въ 1861 г. Арх. Горн. Деп. № 68—650, ч. III.

цію, рабочіе оставляли свои деньги на сохраненіе въ пріисковой конторѣ. Довольно частымъ такое явленіе было на пром. Ленскаго т-ва Баснина и Катышевцева: по крайней мѣрѣ, въ операцію 1868—69 г. т-во оставалось должнымъ 263 рабочимъ (24% всѣхъ явившихся рабочихъ), причемъ въ среднемъ на каждаго изъ нихъ приходилось 52 р. [1]).

Относительно разсчета съ рабочими въ контрактахъ всего чаще встрѣчается правило, чтобы разсчетъ производился на самыхъ промыслахъ или въ первомъ жиломъ мѣстѣ. Въ нѣкоторыхъ контрактахъ было постановлено, что рабочіе не должны были требовать денегъ на промыслахъ до окончательнаго разсчета; иногда дѣлалась еще оговорка, что плата за старательскія работы производится также при окончательномъ разсчетѣ; но нѣкоторыя К° въ концѣ 60-хъ годовъ расплачивались за старательское золото наличными деньгами немедленно по представленіи его въ контору [2]). Общій разсчетъ производился обыкновенно около 10 сентября: такъ, въ 1866 г. въ южной части Енисейскаго округа разсчетъ былъ начатъ 8 и конченъ 13 сентября.

Додачи рабочихъ, какъ мы видѣли, были весьма не велики, но и ихъ они не всегда получали безъ задержки. Енисейскій жандармскій штабъ-офицеръ Боркъ осенью 1861 г. писалъ:

„Въ настоящемъ году отъ невысылки во-время въ алтайское горное управленіе и въ енисейскій приказъ общественнаго призрѣнія обѣщанныхъ правительствомъ авансовъ для выдачи подъ залогъ золота, *большая часть золотопромышленниковъ оказалась безъ денегъ* и въ невозможности послѣ окончанія осеннихъ работъ разсчитать рабочихъ. Большія массы послѣднихъ изъ сѣверныхъ промысловъ явились въ г. Енисейскъ и, не имѣя ни пріюта, ни продовольствія, обращались съ просьбами приказать разсчитать ихъ и отпустить по домамъ или, по крайней мѣрѣ, дать пристанище и продовольствіе до полученія разсчета. Жалобы эти за всеобщимъ недостаткомъ денегъ не могли быть удовлетворены своевременно“. Нѣкоторые изъ золотопромышленниковъ, „въ ожиданіи съ часу на часъ привоза денегъ изъ Барнаула, куда давно было отправлено золото и гдѣ ожидали довѣренные, наняли своимъ рабочимъ въ городѣ временныя квартиры съ продовольствіемъ, другіе уклонялись и отъ этого, и между рабочими продолжались неудовольствія и жалобы [3]). Неудобство это новыми мѣрами правительства, уже выславшаго въ енисейскій приказъ общественнаго призрѣнія 5 м. руб. для выдачи подъ залогъ золота, на будущее время, вѣроятно, устранится. Теперь же почти все золото уже отправлено въ сдачу въ алтайское горное управленіе въ Барнаулъ. Есть и въ настоящее время золотопромышленныя конторы, которыя, имѣя на своихъ промыслахъ даже тысячи рабочихъ, умѣютъ вести дѣла такъ, что люди выходятъ безъ долговъ и никогда не жалуются. Но встрѣчаются и такіе золотопромышленники, которые, не имѣя ни денегъ, ни кредита, ставятъ работы коекакъ, въ надеждѣ на будущее, обманываются сами, обманываютъ рабочихъ, ставя

[1]) „Краткій счетъ съ рабочими за операцію 1868/9 г.“ (Арх. Ленскаго Т-ва).

[2]) Арх. Енис. Окруж. Полиц. Управ., дѣло № 472, 1869 г.

[3]) Тѣмъ не менѣе, рабочіе вели себя весьма скромно, никакихъ буйствъ не было, и число пьяныхъ было весьма незначительно.

себя и ихъ въ критическое положеніе". Со стороны рабочихъ въ этомъ году предъявлялось „множество жалобъ на ничтожность платы, хотя она, за весьма рѣдкими исключеніями, превышаетъ вообще норму контракта; разборъ этихъ претензій дѣлается крайне затруднительнымъ, и управляющіе, ссылаясь на общій контрактъ, оказываются почти всегда правыми" [1]).

Въ первой половинѣ 60-хъ годовъ золотопромышленники сѣв. части Енисейскаго окр. весьма часто разсчитывали рабочихъ не на промыслахъ, а въ Енисейскѣ, но въ 1866 г. енисейское губернское начальство заявило генералъ-губернатору Восточной Сибири, что разсчетъ рабочихъ въ этомъ городѣ вызываетъ скопленіе въ немъ „разнаго званія людей, отчего происходятъ безпорядки, развратъ и мотовство выходящихъ съ пріисковъ рабочихъ, и что переносъ разсчетовъ въ городъ служитъ только предлогомъ нѣсколькимъ тысячамъ празднаго народа бывать и оставаться безъ нужды въ городѣ, причемъ рабочіе удобнѣе всего могутъ проматывать" выданную за труды плату „и затѣмъ рѣшаться на всякія преступленія". Вслѣдствіе этого совѣтъ главнаго управленія Восточной Сибири въ декабрѣ 1866 г. постановилъ, чтобы золотопромышленныя К° разсчитывали рабочихъ не въ городахъ, а на самомъ мѣстѣ работъ, въ пріисковыхъ конторахъ [2]).

Мы приводили оффиціальное свидѣтельство 1859 г. высшей администраціи Восточной Сибири, что нѣкоторые золотопромышленники-откупщики производили разсчетъ съ рабочими въ кабакахъ и такимъ образомъ умѣли возвратить въ свои карманы выданную рабочимъ плату (см. гл. VI). Въ 1869 г. напечатана была [3]) замѣтка о разныхъ злоупотребленіяхъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ Енисейскаго окр. и, между прочимъ, объ открытой торговлѣ виномъ и о томъ, что нѣкоторые золотопромышленники даже разсчитывались съ рабочими виномъ, а не деньгами: у одной К° въ 1868 г., за неимѣніемъ денегъ, предоставлено было рабочимъ получить всю задѣльную плату водкою. На эту корреспонденцію обратилъ вниманіе генералъ-губернаторъ Корсаковъ. Мѣстный горный ревизоръ рѣшительно отрицалъ фактъ, сообщенный въ корреспонденціи, указывая на невозможность его въ виду того, что разсчетъ рабочихъ производится подъ непосредственнымъ наблюденіемъ

---

[1]) Арх. Иркут. Горн. Упр., кн. 1673, № 27 30, л. 7, 10, 12.

[2]) Арх. Горн. Деп., отд. част. зол., дѣло 1871 г., № 58. Скарятинъ сообщаетъ что одно время мѣстное начальство, заботясь о томъ, чтобы рабочіе изъ ссыльныхъ не пропивали заработанныхъ денегъ по выходѣ съ пріисковъ, распорядилось, чтобы пріисковыя конторы не выдавали денегъ на руки рабочимъ, а отсылали ихъ въ волостныя правленія. Золотопромышленники сдѣлали все возможное, чтобъ уклониться отъ исполненія этого требованія, такъ какъ это вызвало бы совершенно основательное неудовольствіе рабочихъ („Зам. Зол." II, 22).

[3]) „Биржев. Вѣдом." № 191.

горнаго исправника, его помощника и казачьяго командира [1]). Однако, въ концѣ 50-хъ годовъ этотъ надзоръ не помѣшалъ производить иногда разсчетъ рабочихъ въ кабакахъ.

По выходѣ съ пріисковъ, рабочіе, по крайней мѣрѣ, получившіе додачу, старались вознаградить себя за тяжелый трудъ и долгое воздержаніе. Къ мѣстамъ выхода ватагъ наѣзжали въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ повѣренные откупа съ огромными запасами вина и купцы сосѣднихъ городовъ съ залежалымъ товаромъ. Въ домахъ крестьянъ устраивались лавки. Поселенцы и крестьяне, наполнивъ баклаги 2—3 ведрами вина, спѣшили въ тайгу на встрѣчу рабочимъ, зная, что тѣ будутъ платить имъ по 50—60 к. за чайную чашку отвратительной бурды. Вотъ, наконецъ, голодные и усталые рабочіе входятъ въ первыя селенія, кабаки немедленно наполняются, и начинается кутежъ.

„Выходя съ пріисковъ, — разсказываетъ Цвѣтолюбовъ, — счастливый и не совсѣмъ ободранный и обсчитанный рабочій несетъ 50, а иногда и болѣе руб., другіе отъ 5 до 20 р... и не жаль ему этихъ денегъ, не мучитъ его мысль, что онѣ „не на одинъ годъ укоротили его жизнь. Все оставляется въ кабакѣ и другихъ пріятныхъ мѣстахъ. Немногіе несутъ деньги домой, помня, что у нихъ есть домъ, жена и дѣти“. Цѣдовальники нагло обсчитываютъ рабочихъ. „Толпы рабочихъ быстро прибываютъ. Въ одно мгновеніе переряжаются они изъ оборванныхъ полушубковъ, распоротыхъ и продырявленныхъ шароваръ съ жалкими подобіями шапокъ и сапоговъ, въ суконные и верблюжьи азямы, красныя рубахи, плисовыя шаровары, заправленныя въ новые кунгурскіе сапоги. На головахъ новыя, заломленныя на бекрень или, смотря по степени опьяненія, заброшенныя на затылокъ шапки всѣхъ возможныхъ матерій и формъ. На груди красуются крестообразно расположенныя и завязанныя за спиной бумажныя и шерстяныя крестьянскія шали, а у другихъ, несмотря на теплую осеннюю пору, вѣроятно, для пущей важности, шеи обвязаны такими шалями, закрывающими лицо почти до самыхъ глазъ. У рѣдкаго не увидите подъ мышкой разнаго яркаго товара, накупленнаго по высокимъ цѣнамъ“. Одни наигрываютъ на гармоникѣ, другіе пляшутъ, выкидывая невообразимыя колѣна. „Въ городахъ, ближайшихъ къ пріискамъ, повторяется все это, съ тою только разницей, что къ числу удовольствій пьяной публики принадлежатъ неизбѣжныя шарманки съ маленькими плясуньями и пѣвицами и безпрерывная ѣзда изъ одного кабака въ другой на извощикахъ, да вмѣсто простыхъ деревенскихъ шалей покупаются городскія“. Вечеромъ изъ кабаковъ отправляются въ квартиры. „Тамъ начинается разгулъ другого рода, и сцены грязныя, отвратительныя, съ ихъ безчисленными послѣдствіями: болѣзнями, кражами изъ кармановъ, дѣтопродавствомъ и проч. и проч.“ На другой день, опохмѣлившись, отправляются дальше, „повторяя тѣ же сцены вездѣ, гдѣ есть кабаки. Накупленныя обновы пропиваются и раздариваются и затѣмъ, если путь длиненъ, нужно идти, прося подаянія“ [2]).

Этотъ разсказъ подтверждается и свидѣтельствомъ золотопромышленника Пестунова, который сообщаетъ еще, что непьющихъ рабочихъ

[1]) Арх. Иркут. Горн. Упр., кн. 1703, № 162—168.
[2]) „Амуръ“ 1860 г., № 13.

крестьяне окармливаютъ въ кушаньяхъ дурманомъ и обираютъ. Если въ лавкѣ или кабакѣ „рабочій дастъ 25 р. и требуетъ сдачи, ему не даютъ, увѣряютъ, что онъ далъ цѣлковый; десятники и старшины нарочно его затрогиваютъ, чтобъ онъ ругался или даже подрался, и его, несчастнаго, берутъ подъ арестъ, обираютъ все, что найдутъ при немъ". Если у рабочаго осталось что нибудь, то крестьяне иной разъ отбираютъ и послѣднее, увѣряя, что онъ задолжалъ за квартиру: защиты искать негдѣ, потому что крестьяне дѣйствуютъ заодно съ мѣстными и волостными властями. До засѣдателя же бѣдному рабочему далеко [1]). Кутежъ рабочихъ, при выходѣ съ промысловъ, повторялся изъ году въ годъ. Отчасти бо́льшая строгость надзора, но, главное, уменьшеніе заработковъ привели къ тому, что, по словамъ Цвѣтолюбова, въ это время уже не ѣздили на боронахъ или не ходили по грязи, устланной ситцами и платками, а также меньше находили пріисковыхъ рабочихъ „съ раздробленными черепами или удавками на шеяхъ".

Въ началѣ 40-хъ годовъ былъ случай, что сотни рабочихъ, желая выбраться изъ тайги сокращеннымъ путемъ, сбились съ дороги. „Хотя рѣдко и не въ большихъ размѣрахъ,—разсказываетъ Цвѣтолюбовъ,—но, къ несчастію, подобные случаи повторяются, несмотря на всѣ мѣры, принимаемыя начальствомъ. Рабочіе, какъ сорвавшіеся съ цѣпи, спѣшатъ съ пріисковъ, не ожидая проводниковъ..., сбиваются съ пути... и гибнутъ или отъ холода, или отъ недостатка въ хлѣбѣ" [2]).

Пріисковымъ рабочимъ предстояли при возвращеніи домой и другія опасности. Такъ какъ многіе изъ нихъ несли съ собою заработанныя деньжонки, то иной разъ и товарищи, польстясь на заработокъ болѣе счастливаго и бережливаго работника, могли убить его, а не то можно было попасть подъ пулю и профессіональнаго охотника за „горбачами" (какъ называли пріисковыхъ рабочихъ), охотившагося за людьми, какъ другой охотился за звѣрями [3]).

Часть рабочихъ оставалась на промыслахъ на зимнюю операцію. Нѣкоторые нанимались, по свидѣтельству Н. Латкина (1869 г.), на промыслахъ Енисейскаго округа до 1 марта, когда бывалъ „малый разсчетъ", но онъ оговаривается, что это обыкновеніе установилось недавно и что обыкновенно рабочіе или разсчитавшись вовсе уходили изъ тайги, или снова нанимались до главнаго разсчета, т.-е. до 10 сентября. Зимою

---

[1]) Арх. Горн. Деп., дѣло отд. част. зол., № 68/650, ч. III.

[2]) Верхне-Амурская К° вывозила рабочихъ на своемъ пароходѣ въ Горбицу, а при высокой водѣ Шилки до Срѣтенска. „Горн. Журн." 1871 г., № 5, стр. 288.

[3]) См. разсказъ о такомъ охотникѣ за „горбачами", у котораго нашли въ половинѣ 60-хъ годовъ до 50 прострѣленныхъ армяковъ и полушубковъ, въ газетѣ „Сибирь" 1873 г., № 15, стр. 4.

на промыслахъ бывало всегда гораздо менѣе рабочихъ, чѣмъ лѣтомъ: наприм., лѣтомъ 1864 г. на промыслахъ Енисейской губ. было 20.027 рабочихъ, а въ декабрѣ 1863 г.—4,137 мужчинъ и 1,712 женщинъ [1]).

Мы описывали до сихъ поръ положеніе рабочихъ общеконтрактныхъ, а также нанявшихся для вскрыши торфа и такъ называемыхъ цеховыхъ рабочихъ. Но въ половинѣ 60-хъ годовъ на промыслахъ Западной Сибири и Енисейскаго округа мы замѣчаемъ появленіе новаго вида рабочихъ артелей, такъ называемыхъ „золотничниковъ".

Золотопромышленники въ пятидесятыхъ годахъ доказывали, что прежняя система вознагражденія за старательскія работы, — по количеству добытаго золота, — невыгодна для рабочихъ вслѣдствіе своей неравномѣрности. Справедливость ихъ показаній опровергается тѣмъ, что въ половинѣ 60-хъ годовъ эта система возродилась въ другой формѣ, въ видѣ особыхъ артелей „золотничниковъ", въ которыхъ обыкновенно вознагражденіе за весь трудъ производилось съ золотника, т.-е. по количеству добытаго золота. „Кромѣ урочной и старательской работъ,— говоритъ Лопатинъ,—завелась въ послѣднее время еще артельная работа. Тутъ плата производится не по количеству снятыхъ торфовъ и промытыхъ песковъ, а за добытое золото отъ 1 р. 20 к. до 2 и болѣе (?) руб. за золотникъ. Такою добычею занимаются и отдѣльно подрядчики, которые набираютъ артель, дѣлятъ съ нею барыши или выдавая условную помѣсячную плату. Эта система особенно нравится рабочимъ и полезна на выработанныхъ пріискахъ, гдѣ въ бортахъ разрѣзовъ такъ называемые „золотничники" добываютъ оставшееся золото"... Эти „артельныя работы,—продолжаетъ Лопатинъ,—составляютъ начало ассоціацій рабочихъ въ золотопромышленности" (стр. 35). Въ 1868 году, по свидѣтельству мѣстнаго горнаго ревизора, на пріискахъ всего Енисейскаго округа было 1,800 чел. „золотничниковъ", т.-е. почти 15% всѣхъ рабочихъ [2]).

Для характеристики положенія „золотничниковъ" въ шестидесятыхъ годахъ мы располагаемъ коллекціею договоровъ (числомъ 31) съ пріисковыми управленіями или непосредственно самихъ артелей, или подрядчиковъ, набирающихъ артель для золотничныхъ работъ въ округахъ Алтайскомъ и Маріинскомъ и южной части Енисейскаго округа. Самые ранніе изъ этихъ договоровъ относятся къ 1864 г. и были заключены съ золотопромышленниками Алтайскаго и Маріинскаго округовъ; въ книгахъ 1862, 1863 и 1865 гг. горнаго исправника южн. части Енисейскаго окр. для записки договоровъ между золотопромышленниками и рабочими мы не нашли еще ни одного контракта съ зо-

[1]) „Енис. Губ. Вѣд." 1865 г., № 34.

[2]) Арх. Иркут. Горн. Управ., кн. 1703, № 162/168, л. 11.

лотничниками [1]), между тѣмъ какъ въ книгу 1869 г. внесено уже нѣсколько такихъ контрактовъ, слѣдовательно, артели золотничниковъ къ концу 60-хъ годовъ становятся болѣе частымъ явленіемъ. Но что и въ Енисейскомъ окр. они встрѣчались уже въ половинѣ 60-хъ годовъ, доказываетъ, кромѣ приведеннаго газетнаго свидѣтельства, найденный нами въ архивѣ Асташевыхъ договоръ мѣстнаго пріисковаго управленія съ золотничниками (1865 г.). Изъ всѣхъ имѣющихся у насъ договоровъ 21 (1864 — 70 гг.) заключены съ артелями золотничниковъ и 10 съ подрядчиками [2]).

Въ двухъ договорахъ Прокопьевскаго пр. Асташева (южн. ч. Енисейскаго округа) съ артелями золотничниковъ назначенъ годовой срокъ, въ остальныхъ же наемъ производился почти всегда лишь на лѣтнюю операцію (съ апрѣля или мая), причемъ въ договорахъ наиболѣе обычный срокъ 10—11 сентября; впрочемъ, въ 2 договорахъ онъ могъ быть продолженъ до 21 сентября, а въ контрактахъ Маріинскаго окр. срокъ обыкновенно 1 октября, въ договорѣ же 1866 г. Ильина съ подрядчикомъ окончаніе работъ назначено 1 ноября или ранѣе, но не прежде 1 октября.

Артели золотничниковъ нанимались иной разъ безъ всякаго задатка, въ тѣхъ же случаяхъ, когда онѣ получали его, размѣръ задатка колебался между 5 и 60 р., но наиболѣе обыкновенными были задатки въ 5—15 р. Подрядчики рѣже брали задатки по числу рабочихъ: только въ одномъ договорѣ подрядчикъ выговорилъ задатокъ по 15 р. на каждаго рабочаго, въ другихъ же случаяхъ назначалась опредѣленная сумма (50—180 руб.), выдаваемая подрядчику впередъ на предварительные расходы („на обстановку дѣла“).

Артели золотничниковъ нанимались съ круговою другъ за друга порукою, какъ въ исполненіи договора, такъ и въ уплатѣ или отработкѣ долга за каждаго изъ нихъ. По договору съ Асташевымъ (1865 г.) такая отработка должна была производиться на положеніи общеконтрактныхъ рабочихъ.

Золотничныя артели обязывались работать не только въ будни,

---

[1]) Впрочемъ, въ одной корреспонденціи изъ Енисейска (1873 г.) сказано: „десятокъ лѣтъ тому назадъ среди енисейской золотопромышленности появились артели золотничниковъ“. „Камско-Волжская газета“ 1873 г., № 73, стр. 289.

[2]) Первые по годамъ располагаются такъ: одинъ договоръ 1864 г., 3 договора 1865 г., 2—1866 г., 8—1869 г. и 7—въ первой половинѣ 1870 г. (до новаго устава о золотопромышленности); изъ числа вторыхъ: 1 договоръ 1864 г., 4—1865 г., 1—1866 г., 1—1868 г., 2—1869 г. и 1—1870 г. По мѣсту работъ эти договоры располагаются такъ: изъ числа договоровъ съ артелями золотничниковъ 5 Маріинскаго округа и 16 южно-енисейской системы; изъ числа договоровъ съ подрядчиками: 1 Алтайскаго округа, 6 Маріинскаго и 3 южной части Енисейскаго округа.

но и въ праздники „на общемъ пріисковомъ основаніи“; въ одномъ договорѣ къ этому прибавлено: „въ чемъ должна быть наша существенная польза“, а въ другомъ обязательная работа въ праздники оказывалась нужною для того, чтобы не вовлечь К° въ убытки. Только въ 2 договорахъ съ Асташевымъ (1869 г.) рабочіе выговорили себѣ по 1 льготному дню въ мѣсяцъ [1]).

Начало работъ назначалось обыкновенно въ 5 часовъ или „не позже 5 час.“ [2]), а окончаніе въ 8 час. или не ранѣе 8 час., хотя въ нѣкоторыхъ договорахъ время начала и конца работъ вовсе не обозначено. *Продолжительность отдыха чаще всего не опредѣлена вовсе* (впрочемъ, въ договорѣ съ К° Зотовыхъ 1869 г. южн. ч. Енис. окр. она опредѣлена въ $2^1/_2$ час.: для завтрака и паужина 1 час. и для обѣда $1^1/_2$ час., такъ что продолжительность рабочаго дня установлена въ $12^1/_2$ час.). Между тѣмъ, въ общихъ контрактахъ продолжительность рабочаго дня всегда точно указана; но за то въ договорахъ съ золотничниками не назначается начала работъ въ 3 час. и окончанія ихъ въ 9 час., какъ въ нѣкоторыхъ общихъ контрактахъ. Въ договорѣ съ Н. Латкинымъ (1870 г.) продолжительность отдыха не только не опредѣлена, но сказано, что съ работъ золотничники самовольно не должны были отлучаться, „еслибы къ этому и предстояла надобность, а должны спрашиваться“. Въ договорѣ съ Вилямовскимъ (1870 г. южн. ч. Енис. окр.) назначено только время начала работъ („не позже 5 час.“), время окончанія ихъ не указано, но поставлено въ условіе намывать въ день не менѣе $^3/_4$ золотн. золота на каждаго рабочаго.

Иногда артель золотничниковъ обязывалась произвести всѣ подготовительныя работы. Такъ по контракту съ Вилямовскимъ (1870 г.) они обязались укрѣпить плотину, принять воду, устроить необходимыя для работъ бутары или американскіе желоба и вашгерды на свой счетъ, не требуя за это никакой особой платы, а довольствуясь лишь платою съ золотника золота. Напротивъ, по договорамъ съ управленіемъ Прокопьевскаго пр. Асташева (1866 и 1869 гг.) рабочіе-золотничники условились, что промывательная машина со всѣми къ ней принадлежностями должна быть отъ владѣльца промысла. Нужные для работы инструменты по однимъ договорамъ золотничники должны были получать безплатно, а по другимъ (съ Родственною и Зотовыми) за пользованіе инструмен-

[1]) Въ договорѣ съ Н. В. Латкинымъ (1870 г. южн. части Енис. окр.) сказано: „если въ какой-нибудь изъ праздниковъ артель вздумала бы отдохнуть и не работать, то на это должна спрашивать разрѣшеніе пріисковаго управленія“.

[2]) Одинъ подрядчикъ, взявши въ южн. части Енис. окр. пріискъ, арендуемый Саламатовымъ (1870 г.), обязался „выгонять“ рабочихъ на работу не позже $4^1/_2$ час.

тами и „посудою“ полагался вычетъ въ размѣрѣ 50% ихъ стоимости [1]). Въ договорахъ съ подрядчиками обозначалось иногда количество рабочихъ, которыхъ они должны были поставить: по однимъ не менѣе 10—15, по другимъ—40—50 чел.

Относительно порядка работъ въ договорахъ съ Асташевымъ (1869 г.) золотничники выговорили слѣдующія условія: „добычу песковъ мы можемъ производить какъ ортовыми (подземными), такъ и отрядными работами во всѣхъ мѣстахъ на площади, гдѣ найдемъ для себя удобнымъ и выгоднымъ, кромѣ тѣхъ, на которыхъ ведутся капитальныя работы, и на розысканныя нами мѣста промысловое управленіе не должно допускать къ работамъ другую артель рабочихъ, если только мы въ состояніи это мѣсто выработать съ 10 сентября, а въ противномъ случаѣ можетъ усилить работы своими рабочими, не удаляя и насъ. Также можемъ работать галечные и эфельные отвалы“. Между тѣмъ, въ нынѣшнее время, пріисковое управленіе нерѣдко удаляетъ золотничниковъ съ розысканнаго ими богатаго золотомъ мѣста и ставитъ тутъ общеконтрактныхъ рабочихъ. Менѣе самостоятельности въ веденіи работъ предоставлено золотничникамъ договоромъ ихъ съ г-жею Родственною (1869 г. южн. ч. Енис. окр.): безъ вѣдома управляющаго, они не должны были приступать ни къ какимъ работамъ и вести ихъ обязывались согласно указаніямъ управляющаго, причемъ на каждую артель, во избѣжаніе споровъ между ними, управляющій отводитъ не болѣе 30 кв. саж. [2]). Подрядчики въ нѣкоторыхъ договорахъ съ золотопромышленниками выговаривали, чтобы пріисковое управленіе не ставило на открытыя ими мѣста своихъ рабочихъ, а въ одномъ договорѣ пріисковое управленіе и подрядчикъ условились не ставить рабочихъ ближе 20 саж. къ работамъ другой договаривающейся стороны.

Въ нѣкоторыхъ договорахъ золотничники обязывались участвовать въ извѣстной степени и въ общихъ хозяйскихъ работахъ [3]). Въ особенно

---

[1]) По договору съ Родственною (1870 г.), если золотничники будутъ пользоваться бутарами и другими необходимыми снарядами, а также пиленымъ и инымъ лѣсомъ, то изъ слѣдующей имъ платы долженъ былъ производиться вычетъ по 15 р. съ человѣка.

[2]) При работахъ въ ортахъ золотничники обязывались вести ихъ правильно и принимали на себя необходимыя поправки и починки.

[3]) Такъ, въ договорѣ съ Родственною (1869 г.) сказано: „если управленію потребуются рабочіе для заработки другихъ пріисковъ, то мы на сей предметъ обязуемся изъ своей артели удѣлить не менѣе 1 чел. на 1 мѣсяцъ, получая на нихъ содержаніе отъ управленія. Равно мы обязуемся по требованію управляющаго давать рабочихъ и на пріиски, гдѣ будемъ работать, для разныхъ хозяйскихъ работъ, за что получать намъ ту же плату, какую будутъ зарабатывать прочіе нашей артели люди“. По договору съ Зотовымъ (1869 г.), „если управленію потребуются рабочіе для раз-

значительныхъ размѣрахъ участіе золотничниковъ въ хозяйскихъ работахъ было выговорено въ договорѣ съ Ѳедоровымъ (1869 г., Маріинск. окр.), а именно, если хозяину „потребуются люди для заработки и развѣдки промысловъ", то золотничники обязывались „отработать каждый въ теченіе лѣта 25 дней или поденно, получая плату отъ Ѳедорова по 40 к. въ день на человѣка".

Относительно сдачи золота въ договорахъ золотничниковъ съ Родственной и Зотовыми (1869 г.) установлено было слѣдующее правило: „все добываемое нами золото ежедневно въ обѣдъ и вечеромъ обязуемся сдавать въ конторѣ управляющему пріискомъ, золото при сдачѣ должно взвѣшиваться въ присутствіи не менѣе 3 челов. отъ артели и тутъ же записываться въ выданную артельному старостѣ шнуровую тетрадь съ означеніемъ точнаго количества золота и промытыхъ песковъ, и каждая такая статья должна быть подписана управляющимъ и артельнымъ старостой или вмѣсто него другимъ грамотнымъ изъ артели".

Артели „золотничниковъ" потому и назывались такъ, что обыкновенно получали плату съ золотника золота. Плата эта въ южной части Енисейскаго округа въ 1865—70 гг. колебалась между 1 р. 20 к. и 1 р. 50 к. Въ Маріинскомъ округѣ, по договору съ Никифоровымъ (1869 г.), золотничники должны были получать по 1 р. 40 к. за золотникъ и по договору съ нимъ же (1866 г.)—по 1 р. 50 к.; но если рабочій намоетъ болѣе 1 ф. золота на человѣка, то за каждый золотникъ другого фунта золота онъ долженъ получать по 1 р. 70 к. По договору съ Петровымъ, заключенному 20 декабря 1864 г. и на основаніи котораго рабочіе должны были отправиться на промысла по подписаніи контракта, когда имъ будетъ приказано, и находиться тамъ до 20 сентября 1865 г., постановленіе относительно платы формулировано условно (что собственно противорѣчило закону 1838 г.), такимъ образомъ: „за работу мы договорились получать по 3 р. 50 к. въ мѣсяцъ" (а, между тѣмъ, далѣе нѣтъ никакого условія относительно сверхурочныхъ старательскихъ работъ, безъ которыхъ никто не согласился бы работать за 3 р. 50 к. въ мѣсяцъ, по крайней мѣрѣ лѣтомъ, и пищу рабочіе обязываются имѣть свою), а если хозяину угодно будетъ плату намъ назначить съ золотника, то мы за каждый вымытый и добытый золотникъ золота получаемъ по 1 р. 30 к. и тогда за исполненіе другихъ какихъ либо работъ, какъ-то: устройство машинъ для промывки песковъ, проводъ канавъ, за шурфовку для работъ мѣстности и т. п. обязуемся уже никакой особой платы не требовать, а исполнять все это, по распоряженію и указанію хозяина или его прикащика, безпрекословно... За вскрышу

ныхъ хозяйскихъ работъ", золотничники обязывались „давать отъ артели не болѣе 2 человѣкъ", за что получать по 50 к. с. за поденщину.

торфа, если намъ будетъ положена плата съ золотника, обязуемся мы особой платы отнюдь не вымогать и не выпрашивать самовольно... а исполнять это за условленную плату". Нужно полагать, что по этому договору рабочіе въ зимніе мѣсяцы производили подготовительныя работы и довольствовались мѣсячнымъ жалованьемъ въ 3 р. 50 к. на хозяйскихъ харчахъ, а со времени начала промывки золота получали плату съ золотника на своей пищѣ.

Подрядчики Маріинскаго округа выговаривали себѣ нѣсколько бо́льшую плату съ золотника, чѣмъ самостоятельныя артели золотничниковъ, а именно, по договорамъ первыхъ съ пріисковыми управляющими (1864—69 г.) назначалась плата отъ 1 р. 50 к. до 1 р. 80 к. съ золотника [1]). Подрядчики южной части Енисейскаго округа по извѣстнымъ намъ договорамъ (1868—70 гг.) должны были получать за золотникъ золота по 1 руб. 50 к.—2 р. Такимъ образомъ, вопреки приведенному выше свидѣтельству Лопатина, ни въ одномъ договорѣ, ни съ самостоятельными артелями золотничниковъ, ни съ подрядчиками мы не нашли платы болѣе 2 р. за золотникъ.

Въ одномъ изъ договоровъ съ Асташевымъ (1869 г.) золотничники сдѣлали оговорку, что еслибы для нихъ „оказалось невыгоднымъ быть на золотничной работѣ", то они обязывались вскрывать торфъ на хозяйскомъ содержаніи, наравнѣ съ общеконтрактными, но мяса въ такомъ случаѣ они выговорили себѣ по $1^1/_2$ ф. въ день.

Если золотничники брали отъ пріисковаго управленія для своихъ работъ лошадей и людей, то изъ получаемой ими платы производился извѣстный вычетъ, а именно, по договору съ Асташевымъ (1865 г.), по 1 золотнику за каждую лошадь и рабочаго, а по договору съ нимъ же слѣдующаго года, до открытія промывки золота, за каждаго человѣка и лошадь по 70 к. въ сутки, съ открытія же промывки — по 1 р. 50 к. или по золотнику золота. По договору съ Родственною (1869 г.) золотничники должны были нужныхъ для работъ лошадей имѣть своихъ.

За леченіе золотничниковъ по нѣкоторымъ договорамъ также производились значительные вычеты. Такъ, по договору золотничниковъ съ Родственною (1869 г.) изъ платы за добытое ими золото должно было

---

[1]) По одному договору подрядчика съ Цибульскимъ (1865 г.), первый долженъ былъ получать за золотникъ золота по 1 р. 80 к.; но если въ теченіе условленнаго срока (лѣта 1866 г.) онъ добудетъ менѣе фунта золота на каждаго рабочаго, то Цибульскій можетъ понизить плату съ золотника до 1 р. 50 к. Въ договорѣ подрядчика съ золотопромышленникомъ Алтайскаго округа Колчинымъ, первый обязался намыть золота по 1 ф. на каждаго изъ 10 рабочихъ и въ такомъ случаѣ долженъ былъ получить плату по 1 р. 75 к. съ золотника. Если же онъ всего намоетъ золота болѣе 10 ф., то за каждый, сверхъ этого добытый, золотникъ онъ долженъ былъ получать по 2 р.

вычитать „съ каждаго человѣка по 5 р. на содержаніе медика, дороги и проч.“: Такое же условіе установлено было и въ другомъ договорѣ съ Родственною (1870 г.), который и былъ подписанъ нѣсколькими рабочими, но остальные при подписаніи контракта сдѣлали оговорку, въ которой отказывались отъ обязательства платить по 4 р. за пріисковаго врача и другіе расходы. По договору съ Зотовымъ (1869 г.) съ тою же цѣлью производился вычетъ по 3 р., а по договору съ Хотимскимъ (1870 г., южной части Енисейскаго округа) рабочіе предоставили пріисковому управленію право *при выдачѣ имъ задатковъ записать въ разсчетъ* по 3 р. на каждаго на случай болѣзни и непредвидѣнныхъ расходовъ [1]).

Въ нѣкоторыхъ договорахъ на золотничниковъ возлагалась обязанность выбрать артельнаго старосту или артельщика, на обязанности котораго должны были лежать всѣ разсчеты и заботы о нуждахъ артели; ему же должны были быть выданы двѣ прошнурованныя тетради: одну для записыванія ими вещей, припасовъ, товаровъ и матеріаловъ, а другую для записыванія сдаваемаго золота.

Продовольствоваться золотничники на пріискахъ должны были сами, забирая припасы въ счетъ заработка изъ пріисковаго амбара. Въ договорахъ съ Ѳедоровымъ (1869 г., Маріинскаго округа) и К° Зотовыхъ (южн. части Енисейской системы) они обязывались сами печь хлѣбъ и приготовлять пищу, не требуя отъ пріисковаго управленія ни дровъ, ни хлѣбопека, ни стряпки. Въ нѣкоторыхъ договорахъ было опредѣлено, не болѣе какого количества припасовъ могли забирать золотничники изъ пріисковой лавки, обыкновенно ржаной муки 2 п. 20 ф. въ мѣсяцъ и мяса по $1^1/_2$ ф. въ день [2]). Въ нѣкоторыхъ контрактахъ установлены цѣны, по которымъ золотничники могли забирать припасы въ пріисковыхъ амбарахъ.

Подрядчики въ договорахъ съ золотничниками выговаривали себѣ право брать для себя и рабочихъ припасы и отчасти товары изъ пріисковыхъ лавокъ или по „стоющей“ пріисковому управленію цѣнѣ, или по утвержденной таксѣ, по которой они отпускаются рабочимъ. Иногда въ договорѣ приводятся и самыя цѣны. Въ нѣкоторыхъ договорахъ подрядчикъ принималъ содержаніе артели рабочихъ „на собственное свое по-

---

[1]) По договору съ Латкинымъ (1870 г.) Саломатовъ, „въ распоряженіи“ котораго находился арендуемый Латкинымъ пріискъ, принималъ на свой счетъ леченіе „дѣйствительно больныхъ рабочихъ“, причемъ предварительнаго вычета съ нихъ по этому договору не устанавливалось.

[2]) Въ договорахъ съ маріинскими золотопромышленниками Вавиловымъ (1865 г.) и Ѳедоровымъ (1869 г.) дозволялось забирать муки 2 п. 10 ф. въ мѣсяцъ, мяса по 1 ф. въ день; количество крупы ($7^1/_2$ ф.) и соли (по 2 ф.) въ мѣсяцъ опредѣлено лишь въ немногихъ договорахъ.

печеніе", предоставляя, однако, себѣ право дѣлать заборы изъ пріисковыхъ амбаровъ въ счетъ слѣдуемой ему платы.

По договорамъ артели золотничниковъ съ Родственною и Зотовымъ (1869 г.) рабочіе брали на себя исправленіе своихъ жилищъ, отопленіе и освѣщеніе ихъ.

Золотничники всегда обязывались хорошо вести себя на пріискѣ и иногда ручались въ этомъ другъ за друга [1]). Подрядчики въ своихъ договорахъ съ пріисковыми управленіями давали обязательства относительно хорошаго поведенія не только за своихъ рабочихъ, но и за себя самихъ.

За отлучку съ работъ, просрочку и неповиновеніе рабочіе подлежали по договорамъ штрафамъ отъ 50 к. до 5 р.

Въ числѣ наказаній, устанавливаемыхъ договорами старателей съ пріисковыми управленіями, мы встрѣчаемъ еще обращеніе золотничниковъ въ общеконтрактные. Въ договорахъ золотничниковъ съ Асташевымъ (1865—66 гг.) сказано: „если кто изъ насъ будетъ дѣлать грубости и непослушанія приставникамъ или будетъ уклоняться отъ работъ, то въ наказаніе за это лишается нашей артели и обязанъ поступить въ общій контрактъ въ число чернорабочихъ". По договору съ Асташевымъ (1869 г.) та же мѣра примѣнялась къ рабочему и за буйство, пьянство, картежныя игры и другіе „противозаконные поступки". Обращенію въ общеконтрактные золотничники подвергались также за похищеніе золота и продажу вина и даже за недонесеніе объ этомъ. Въ договорѣ съ Асташевымъ (1865 г.) пояснено, что въ такомъ случаѣ золото, которое должно было приходиться во все время промывки до 10 сентября на пай виновнаго въ этихъ преступленіяхъ, поступаетъ въ пользу управленія. Въ договорѣ съ Латкинымъ (1870 г.) мы встрѣчаемъ постановленіе, что совершенно удалить кого либо изъ своей артели въ теченіе операціи золотничники могли лишь съ согласія пріисковаго управленія. Напротивъ, пріисковыя управленія въ нѣсколькихъ договорахъ предоставляли себѣ право досрочнаго разсчета отдѣльныхъ рабочихъ золотничниковъ съ тѣмъ, что лежащій на нихъ долгъ обязаны были принять на себя его товарищи. Въ договорѣ съ Н. Латкинымъ (1870 г.) мы встрѣчаемъ еще такое условіе: „если на разработкѣ Второпавловскаго пріиска" (на которомъ рабочіе порядились производить золотничныя работы) „по предварительной и тщательной развѣдкѣ добыча золота не будетъ приносить той и другой сторонѣ пользы", то пріисковое управленіе можетъ уво-

[1]) Такъ, по договору съ Асташевымъ (1869 г.) они обязывались „на пріискѣ во все условленное время находиться въ полномъ повиновеніи у управляющаго и приставниковъ, въ той же степени, какъ и общеконтрактные рабочіе, безъ разрѣшенія съ промысла не отлучаться, а равно и къ себѣ никого изъ постороннихъ не принимать".

лить ихъ и ранѣе назначеннаго срока, причемъ они обязуются внести оставшіеся за ними долги.

По договорамъ золотничниковъ съ Асташевымъ, при несчастныхъ случаяхъ, происшедшихъ отъ ихъ недосмотра или ошибки, рабочіе принимали отвѣтственность на себя, также какъ въ нѣкоторыхъ договорахъ и подрядчики.

Разсчетъ съ артелями золотничниковъ производился при окончаніи операціи, подрядчики же выговаривали себѣ право полученія денегъ въ два или нѣсколько сроковъ, а не то и по мѣрѣ надобности, смотря по количеству сданнаго золота.

Если кто-либо изъ золотничниковъ оставался въ долгу, то они обязывались уплатить долгъ или отработать его немедленно послѣ срока или въ качествѣ общеконтрактныхъ рабочихъ въ слѣдующую операцію. То же обязательство приняла на себя и артель, нанявшаяся въ 1869 г. къ Асташеву, за которую послѣдній уплатилъ К° Грязнова и Пастухова до 600 р. „или сколько будетъ причитаться“ (артель состояла изъ 11 чел.).

Такимъ образомъ, на основаніи разобранныхъ контрактовъ, можно думать, что положеніе золотничниковъ было весьма незавидно; но мы не имѣемъ права предполагать, чтобы ихъ положеніе было во всѣхъ отношеніяхъ хуже, чѣмъ общеконтрактныхъ, такъ какъ переводъ въ общеконтрактные считается наказаніемъ. Хуже общеконтрактныхъ могло быть развѣ положеніе тѣхъ золотничниковъ, которые нанимались подрядчиками безъ всякихъ письменныхъ договоровъ и, слѣдовательно, были ничѣмъ не гарантированы отъ разныхъ притѣсненій; но, съ другой стороны, такой подрядчикъ долженъ былъ находиться до извѣстной степени въ зависимости отъ своей артели, такъ какъ въ случаѣ какой-нибудь несправедливости рабочіе могли оставить его.

ГЛАВА X.

Введеніе свободнаго труда на кабинетскихъ золотыхъ промыслахъ на Алтаѣ.

Положеніе 8 марта 1861 г. и его примѣненіе на кабинетскихъ золотыхъ промыслахъ.—Вольнонаемные общеконтрактные рабочіе въ 1861—1873 гг.—Уменьшеніе добычи золота и количества рабочихъ.—Контракты.—Продолжительность рабочаго дня и размѣръ уроковъ и старательскихъ работъ.—Вознагражденіе за трудъ.—Пища. — Размѣръ заработковъ.—Прекращеніе золотопромышленности на средства заводовъ.

Старый крѣпостническій строй жизни алтайскихъ и нерчинскихъ мастеровыхъ съ его военной дисциплиной, сковывавшей всю ихъ жизнь, не могъ устоять противъ новыхъ, освободительныхъ вѣяній, сказавшихся вскорѣ по вступленіи на престолъ императора Александра II-го. 31-го декабря 1857 г. государь повелѣлъ учредить особый комитетъ для обсужденія мѣропріятій по устройству быта крестьянъ удѣльныхъ, дворцовыхъ, государственныхъ и горнозаводскихъ. Въ составъ этого комитета, между прочимъ, вошли министръ двора и удѣловъ графъ Адлербергъ, предсѣдатель кабинета баронъ Мейендорфъ и хорошо знакомый по прежней своей службѣ съ положеніемъ горнозаводскихъ крестьянъ главноуправляющій путями сообщеній Чевкинъ [1]). Коснувшись положенія крестьянъ, приписанныхъ къ заводамъ, этотъ комитетъ не могъ, конечно, оставить безъ вниманія и заводскихъ мастеровыхъ.

Планъ нашего труда не позволяетъ намъ излагать исторію вопроса объ освобожденіи горнозаводскихъ крестьянъ и мастеровыхъ, и даже однихъ мастеровыхъ, въ составъ которыхъ входили и работавшіе на кабинетскихъ золотыхъ промыслахъ Алтайскаго и Нерчинскаго округовъ.

---

[1]) Арх. Гос. Совѣта; Главн. Комитетъ по крестьянск. дѣлу, дѣла Комитета о крестьянахъ казенныхъ, 1857—60 г., т. 91-й, л. 1—2.

Черезъ три съ небольшимъ года послѣ того, какъ вопросъ этотъ былъ поставленъ, а именно 8 марта 1861 г., было издано Положеніе, по которому всѣ горнозаводскіе мастеровые Алтайскихъ и Нерчинскихъ заводовъ освобождались отъ обязательныхъ работъ и повинностей: въ 1861 г. должны были получить свободу всѣ прослужившіе не менѣе 20 лѣтъ, въ 1862 г. прослужившіе 15 лѣтъ и, наконецъ, 8 марта 1863 г. остальные. Горнозаводскіе мастеровые получили въ собственность только усадебныя земли (ст. 18); остальныхъ угодій поступало въ ихъ пользованіе и то лишь тамъ, гдѣ мастеровымъ уже были даны покосы) не болѣе 1 десятины на ревизскую душу (ст. 20—24) [1]). Въ виду опасенія, что для заводскихъ, рудничныхъ и промысловыхъ работъ будетъ мало рабочихъ, законъ предоставилъ нѣкоторыя льготы тѣмъ мастеровымъ, которые на нихъ наймутся; всякій, непрерывно прослужившій по контракту 3 года на заводскихъ работахъ, могъ откупиться отъ воинской повинности за 300 р., а прослужившій въ первое десятилѣтіе 6 лѣтъ избавлялся совсѣмъ отъ этой повинности; за контрактныхъ рабочихъ заводоуправленіе должно было исполнять натуральныя общественныя повинности (ст. 39) и выдавать имъ безплатно каждый годъ нѣкоторое количество дровъ (ст. 26) [2]).

Мы не имѣемъ возможности говорить здѣсь о томъ, какъ примѣнялось Положеніе 8 марта 1861 г. во всемъ его объемѣ къ мастеровымъ Алтайскаго округа и будемъ разсматривать этотъ вопросъ лишь по стольку, по скольку это необходимо для пониманія измѣненія быта мастеровыхъ на кабинетскихъ золотыхъ промыслахъ на Алтаѣ.

При открытіи мѣстнаго Горнаго Совѣта (въ Барнаулѣ), въ засѣданіи 6 апрѣля 1861 г. было выслушано предложеніе исправляющаго должность главнаго начальника Алтайскихъ заводовъ (съ приложеніемъ предложенія Кабинета Е. В. по высочайшему повелѣнію), въ которомъ онъ между прочимъ просилъ Совѣтъ „обсудить, какіе изъ золотыхъ промысловъ выгодно оставить на этотъ годъ, по увольненіи рабочей команды и невозможности, по позднему времени, подрядить вольнонаемныхъ работниковъ... Оставшихся людей, если нѣтъ по близости дѣйствующихъ промысловъ, куда“ можно было бы „перевести ихъ для сосредоточенной и усиленной работы“, предписывалось „распредѣлить на развѣдку лучшихъ площадей оставленной розсыпи“, отчислить въ поисковыя партіи, а на такихъ промыслахъ, дѣйствіе которыхъ можетъ быть скоро возстановлено вольнымъ трудомъ, употребить на съемку торфа и другія подготовительныя работы. Горному Совѣту предписано было также обсудить,

---

[1]) Поземельный оброкъ равнялся 21¾ к. съ ревизской души. „Алтай“, стр. 405.

[2]) П. С. З., т. XXXVI, № 36717, 36719. Нанявшимся рабочимъ отводили по 2 десят. покосовъ на каждаго. „Алтай“, стр. 405.

какое число мастеровыхъ нужно для полнаго дѣйствія заводовъ и рудниковъ (а слѣдовательно и золотыхъ промысловъ) и озаботиться составленіемъ проекта правилъ и „коренныхъ условій", требуемыхъ Положеніемъ 8 марта 1861 г. (ст. 43 и 46). Опредѣлить добычу золота слѣдовало въ размѣрѣ меньшемъ сравнительно съ предшествовавшими годами.

Въ упомянутомъ выше предложеніи Кабинета было предписано главному начальству Алтайскихъ заводовъ принять для исполненія Положенія 8 марта 1861 г. слѣдующія мѣры: 1) По объявленіи Положенія на мѣстѣ должно было немедленно составить по каждому заводу, руднику и промыслу списки „нижнимъ и рабочимъ чинамъ", подлежащимъ увольненію за выслугу 20 лѣтъ, и представить горному начальнику, который по мѣрѣ полученія списковъ утверждаетъ увольненіе людей въ отставку съ выдачею имъ увольнительныхъ свидѣтельствъ, „не допуская никакого незаконнаго повода къ задержанію людей на обязательной службѣ". 2) При этомъ управляющіе заводами и прочіе, имѣющіе команду офицеры должны были „объяснять увольняемому рабочему, что, сдѣлавшись свободнымъ и съ тѣмъ вмѣстѣ лишась жалованья и даровой провіанта, онъ можетъ продолжать горнозаводскія занятія по добровольному найму" для пропитанія себя и своей семьи и для уплаты денежныхъ повинностей, что заводъ, предоставляя ему выгодный заработокъ на мѣстѣ жительства, „обезпечиваетъ его въ болѣзняхъ, нуждахъ и старости" и что такимъ образомъ собственная выгода должна побуждать его не уклоняться отъ постояннаго горнаго труда въ званіи мастеровыхъ или рабочихъ, изъ которыхъ будутъ учреждены горнозаводскія товарищества, дающія членамъ его „особыя льготы и преимущества" (ст. 55 Положенія 8 марта 1861 г.). 3) При наймѣ, впредь до утвержденія подробныхъ правилъ и коренныхъ условій, опредѣляющихъ обязанности вольнонаемыхъ рабочихъ, должно было руководствоваться общими основаніями, изложенными въ ст. 37—50 новаго Положенія. Согласно съ этимъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, назначенныхъ для окончательнаго увольненія прослужившихъ 20 лѣтъ мастеровыхъ, главный начальникъ заводовъ, по соглашенію съ управляющими заводами и приставами отдѣльныхъ рудниковъ и промысловъ, обязаны были составить проекты условій для тѣхъ изъ уволенныхъ людей, которымъ будетъ предложено наняться на работы. При этомъ слѣдовало обратить главное вниманіе на рабочую плату и принять въ разсчетъ при опредѣленіи ея размѣра, между прочимъ, цѣнность всего содержанія натурою, которое получали уволенные въ послѣднее время, и дѣйствительныя потребности рабочаго для безбѣднаго существованія и уплаты денежныхъ повинностей. Составленныя такимъ образомъ условія, съ обозначеніемъ нормальной платы за трудъ, послѣ того, какъ на нихъ согласятся нанимающіеся, утверждаются главнымъ начальникомъ заводовъ, которому въ этомъ отношеніи

Кабинетъ рекомендовалъ въ первое время особенную осторожность, „дабы съ одной стороны не подать на будущее время примѣра тяжелыхъ и убыточныхъ для казны требованій отъ вольнонаемныхъ людей, а съ другой не лишить заводовъ способныхъ мастеровыхъ и рабочихъ и тѣмъ не поставить заводы въ крайнее затрудненіе по исполненію лежащихъ на нихъ нарядовъ". Для предупрежденія требованія вольнонаемными рабочими непомѣрной платы, дозволялось пріостановить хотя на время часть заводскихъ работъ, не составляющихъ существенной необходимости.

Обсуждая предложенія, сдѣланныя испр. должн. главнаго начальника Алтайскихъ заводовъ, Горный Совѣтъ, между прочимъ, рѣшилъ остановить дѣйствія Пезасскаго золотого промысла, если не будетъ новыхъ открытій, по неимѣнію тамъ запасовъ золотоносныхъ розсыпей, заслуживающихъ разработки. „За увольненіемъ по силѣ Высочайшаго манифеста", сказано въ журналѣ Горнаго Совѣта (15-го іюля 1861 г.), „въ мартѣ мѣсяцѣ 1862 г. мастеровыхъ, выслужившихъ 15 и болѣе лѣтъ на Алтайскихъ казенныхъ промыслахъ остается 1962 ч. мастеровыхъ, расположенныхъ въ 9 селеніяхъ 5 промысловъ: Царево-Николаевскаго, Царево-Александровскаго, Спасскаго, Пезасскаго и Егорьевскаго. Только одинъ послѣдній, въ двухъ его селеніяхъ (собственно Егорьевскій и Касминскій) представляетъ всѣ выгоды для осѣдлаго жительства, а слѣдовательно и возможность образовать горныя общины. Остальные промысла, разбросанные по пустымъ и удаленные отъ жилыхъ мѣстъ безъ всякаго сомнѣнія не удержатъ нынѣшнихъ ихъ жителей и по окончательномъ увольненіи мастеровыхъ по силѣ Высочайшаго манифеста будутъ ими покинуты. Въ мартѣ будущаго 1862 г., т.-е. въ началѣ послѣдняго заводскаго года съ обязательными работниками, этихъ послѣднихъ останется 1962 ч. и слѣдовательно недостаточно для годичнаго дѣйствія промысловъ [1]). Эта команда распредѣлится на 1862 г. на тѣ промысла, которые по непрочности запасовъ, какъ Егорьевскій промыселъ, или особенно неблагопріятнымъ условіямъ, какъ Царево-Александровскій, не представляютъ возможности ввести на нихъ въ настоящее время вольный трудъ, но даютъ возможность для окончательно уволенныхъ въ мартѣ 1863 г. поселиться или на Егорьевскомъ, или избрать, по удобнымъ путямъ сообщенія, для выхода въ жилыя мѣста временное годичное пребываніе въ Царево-Александровскомъ промыслѣ. Остальные (золотые) промысла Алтайскихъ заводовъ [2]) должны будутъ дѣйствовать вольнонаемными людьми, кромѣ Пезасскаго, который необходимо... остановить въ 1862 г.".

---

[1]) Въ 1860 г. работа производилась на только что названныхъ 5 промыслахъ, и на нихъ употреблялось 2816 рабочихъ.

[2]) Царево-Маріинскій, Царево-Николаевскій и Спасскій.

Въ предложеніи главнаго начальника Алтайскихъ заводовъ Горному Совѣту (17 іюля 1861 г.) было между прочимъ сказано, что при выработкѣ проекта объ устройствѣ обществъ и управленія горнозаводскихъ людей „золотые промысла, кромѣ Егорьевскаго и Касминскаго, вовсе не слѣдуетъ принимать въ соображеніе, ибо работы на нихъ“ производятся „кочевымъ населеніемъ, которое по отмѣнѣ обязательнаго труда и по введеніи на всѣхъ промыслахъ работъ вольнонаемныхъ, по всей вѣроятности, переселится въ мѣста осѣдлаго и постояннаго жительства“ [1]). „Опытъ увольненія мастеровыхъ, выслужившихъ съ правами отставныхъ 20-и лѣтній срокъ, показалъ“, по мнѣнію главнаго начальника заводовъ, „что вслѣдъ за полученіемъ паспортовъ или свидѣтельствъ многіе изъ нихъ или продали дома свои за безцѣнокъ, или покинули ихъ и разъѣхались по деревнямъ, выдавъ подписки о причисленія сыновей своихъ въ податное состояніе“. Составленіе смѣтъ на добычу золота вольнымъ трудомъ (сказано въ журналѣ Горнаго Совѣта 26 іюля 1861 г.) должно было быть основано на тѣхъ же началахъ, на которыхъ существуетъ частная золотопромышленность въ Россіи. Изъ того же журнала видно, что впредь до утвержденія правилъ и „коренныхъ условій“, опредѣляющихъ обязанности вольнонаемныхъ людей, представлены были въ Алтайское Горное Правленіе образцы временныхъ условій, заключенныхъ конторами съ лицами, которыя были уволены за 20-и лѣтнюю и болѣе продолжительную службу. Условія эти были по возможности примѣнены къ ст. 37—50 Положенія 8 марта 1861 г., одобрены Алтайскимъ Горнымъ Правленіемъ и получили обязательную силу до утвержденія подробныхъ правилъ и коренныхъ условій.

Прежніе мастеровые вообще не охотно нанимались на заводскія работы. Въ журналѣ засѣданія Горнаго Совѣта 19 декабря 1861 г. по этому вопросу сказано слѣдующее: „Въ настоящее время въ рудникахъ и заводахъ не изъявляетъ никто желанія наниматься въ горнозаводскія работы по контракту не только на 3 года, но даже на нѣсколько мѣсяцевъ, исключая рѣдкихъ случаевъ найма на одинъ годъ нижнихъ чиновъ и караульщиковъ. Являются работать на нѣкоторое время только изъ задѣльной платы и понедѣльно. Причины уклоненія мастеровыхъ отъ заключенія контрактовъ на продолжительные сроки слѣдующія: освобожденные весьма недавно отъ обязательной службы мастеровые считаютъ заключеніе контрактовъ равносильнымъ прежней обязательной работѣ, и всѣ старанія управляющихъ заводами и приставовъ рудниковъ убѣдить

[1]) „О золотыхъ промыслахъ Егорьевскомъ и Касминскомъ“, по свидѣтельству журнала Горнаго Совѣта 26 іюля 1861 г., „въ настоящее время сказать съ увѣренностью нельзя, могутъ ли образоваться тамъ общества до тѣхъ поръ, пока совершится окончательное освобожденіе“.

ихъ въ различіи того и другого рода найма, относительно пріобрѣтенія правъ, остаются до сихъ поръ напрасными. Самая существенная льгота, даруемая 39 ст. Положенія, утвержденнаго 8 марта 1861 г.,—избавленіе отъ рекрутской повинности за прослуженіе въ заводахъ или рудникахъ 6 лѣтъ,—не заключаетъ для мастеровыхъ въ настоящее время ничего важнаго, потому что уволенные нынѣ работники за выслугу 20 и болѣе лѣтъ, получивъ права отставныхъ, и безъ того уволены отъ этой повинности" [1]).

Въ 1861 г. работы производились на 5 промыслахъ [2]). Кромѣ добычи золота обязательнымъ трудомъ на Алтайскихъ кабинетскихъ промыслахъ Горный Совѣтъ еще въ 1859 г. постановилъ (какъ мы видѣли въ главѣ VII) разработать въ 1861 г. вольнонаемными рабочими вновь открытыя золотоносныя розсыпи по рѣчкамъ Яковлевкѣ и Сабакѣ, названныя Царево-Маріинскимъ промысломъ [3]).

Въ предложеніи главнаго начальника Алтайскихъ заводовъ, прочитанномъ въ засѣданіи Горнаго Совѣта 27 марта 1862 г., было между прочимъ указано на то, что „наемъ людей въ заводскія работы по контрактамъ идетъ неуспѣшно".—„Вслѣдствіе повелѣнія. даннаго въ 8 день марта 1861 г." (сказано въ опредѣленіи Совѣта по этому поводу) „всѣ обязательные мастеровые Алтайскихъ заводовъ должны быть съ 8 марта 1863 г. уволены изъ заводской работы, такъ что заводы, рудники и золотые промысла съ этого дня, лишась послѣдней части обязательныхъ мастеровыхъ, перейдутъ вполнѣ на вольнонаемный трудъ". Къ предупрежденію могущихъ встрѣтиться затрудненій въ заводахъ, рудникахъ и золотыхъ промыслахъ при наймѣ рабочихъ по контрактамъ, послѣ освобожденія всѣхъ мастеровыхъ, Горный Совѣтъ считалъ „единственною и весьма надежною мѣрою" для привлеченія вольнонаемныхъ рабочихъ въ заводскія работы, выдачу имъ, при заключеніи годовыхъ контрактовъ, задатковъ отъ 20 до 40 р. на человѣка по примѣру частныхъ золотопромышленниковъ. „Подобный наемъ рабочихъ людей уже былъ начатъ въ Алтайскомъ округѣ для золотыхъ промысловъ, дѣйствующихъ на вольномъ трудѣ, куда преимущественно нанимались крестьяне, инородцы и

---

[1]) Арх. Глав. Управл. Алтайскаго Горнаго Округа. „Изложеніе Горнаго Совѣта 1861 г.", л. 1—19, 34, 276, 286, 292, 295, 301, 307; Журналы Горнаго Совѣта 1861, л. 222—223.

[2]) На нихъ работало 2349 ч. и добыто было шлихового золота 22 п. 37 ф. 18 з., такъ что золотникъ обошелся въ 2 р. 65 к.

[3]) Въ 1861 г. на немъ работало 208 ч. вольнонаемныхъ рабочихъ; получено было шлиховаго золота 2 п. 29 ф. 55 з., и 1 золотникъ обошелся въ 3 рубля. Изъ одного позднѣйшаго оффиціальнаго свидѣтельства видно, что въ 1861—62 гг. Царево-Маріинскій пріискъ былъ въ затруднительномъ положеніи вслѣдствіе недостатка рабочихъ.

часть мастеровыхъ, служившихъ на промыслахъ; только одинъ недостатокъ наличныхъ денегъ въ заводской суммѣ не позволилъ на нынѣшній годъ нанять полнаго комплекта рабочихъ для промысловъ“ [1]).

Въ 1862 г. на 5 промыслахъ работало 1684 ч. обязанныхъ рабочихъ [2]). Кромѣ того, на промыслахъ Царево-Маріинскомъ и Суетинскомъ промывка золота производилась вольнонаемными рабочими [3]):

Къ 8 марта 1863 г. мастеровые были окончательно уволены отъ обязательной службы [4]). Въ тоже время для продолженія работъ въ рудникахъ, заводахъ и на золотыхъ промыслахъ были наняты вольнонаемные рабочіе съ выдачею имъ впередъ задатковъ. Такимъ образомъ, по выраженію мѣстнаго начальства, была „поддержана неразрывная связь дѣйствія заводовъ при переходѣ отъ обязательнаго къ свободному труду“. Большая часть рабочихъ явилась на промыслы къ 15 февраля и приступила къ работамъ [5]).

Однако первые опыты примѣненія вольнонаемнаго труда не обошлись безъ затрудненій. Приставъ Царево-Маріинскаго золотого промысла въ своемъ донесеніи въ Алтайское Горное Правленіе (27 августа 1865 г.) сообщаетъ слѣдующее. Такъ какъ въ предшествовавшіе годы на этомъ промыслѣ рабочіе, взятые изъ горнаго вѣдомства, были не въ состояніи выполнить работъ, приходящихся по смѣтѣ на каждую рабочую единицу, то при наймѣ осенью 1862 г. горное управленіе принуждено было разрѣшить наемку рабочихъ людей во всѣхъ классахъ народонаселенія. Чиновники, командированные для этого, съ первыхъ же шаговъ встрѣтили въ частныхъ золотопромышленникахъ конкурентовъ тѣмъ болѣе опасныхъ, что они въ этихъ мѣстахъ были уже „давнишними хозяевами“, а горные чиновники должны были еще знакомиться, съ людьми, „по нраву и характеру совершенно не похожими на рабочихъ“, къ которымъ они привыкли. Такъ какъ въ тотъ годъ понадобилось много

---

[1]) Арх. Главн. Управл. Алтайск. Горн. Округа, „Изложеніе Горнаго Совѣта 1862 г.“, л. 2, 12—14, 16—17, 33—34.

[2]) Вымыто было шлиховаго золота 15 п. 7 ф. 53 з., и золотникъ обошелся въ 3 руб.

[3]) На нихъ работало 543 ч., получено было шлиховаго золота 4 п. 32 ф. 35 з., и золотникъ обошелся въ 4 р. 47 к.

[4]) Приставъ Царево-Александровскаго золотого промысла донесъ въ Алтайское Горное Правленіе 27 іюня 1863 г., что такъ какъ мастеровые, находившіеся прежде на этомъ промыслѣ, „были временно командированы съ заводовъ, рудниковъ и большею частью поступили изъ рекрутовъ“, то они были уволены 8 марта въ прежнія мѣста ихъ жительства съ тѣмъ, что каждый мастеровой по истеченіи года или ранѣе долженъ приписаться въ податное состояніе и избрать мѣстомъ жительства одинъ изъ рудниковъ, промысловъ или заводовъ. Арх. Глав. Управ. Алтайск. гор. окр. вяз. 1368, л. 460.

[5]) Арх. Глав. Упр. Алтайск. гор. окр., „Изложеніе Горнаго Совѣта 1863 г.“ л. 1—2, 14, 32.

рабочихъ (до 1000 чел.), то эти послѣдніе потребовали увеличенія задатковъ. „Наемка производилась въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ, сборъ же команды на промысла былъ къ 1 числу февраля; въ этотъ продолжительный промежутокъ времени многіе изъ рабочихъ укрылись въ отдаленныя мѣста, другіе нанялись по фальшивымъ свидѣтельствамъ въ иныя компаніи, наконецъ, остальные пропились окончательно, и многіе являлись на назначенные сборные пункты чуть не въ однѣхъ рубашкахъ, такъ что приходилось одѣвать ихъ съ ногъ до головы"; на пути многіе изъ рабочихъ успѣвали проматывать данную имъ одежду и по прибытіи на промыселъ приходилось вновь снабжать ихъ ею. Такимъ образомъ, рабочій, взявши 30 или 40 р. задатку, приходилъ на промыселъ съ 50-ю или 60-ю и болѣе рублями долгу. При освидѣтельствованіи на промыслѣ у нѣкоторыхъ изъ нихъ оказались заразительныя дурныя болѣзни, вслѣдствіе чего ихъ тотчасъ же отправляли въ госпиталь; другіе же заболѣвали во время самыхъ работъ или получали увѣчья и къ концу операціи оставались въ большомъ долгу [1]).

Нѣкоторое количество „казенныхъ" мастеровыхъ все-таки нанималось на золотые промыслы. Это видно изъ слѣдующаго. Мастеровымъ на время законтрактованія ихъ въ горнозаводскія работы производились добавочные отводы покосовъ безоброчно или за пониженную плату. Изъ данныхъ 1867 г. видно, что на золотыхъ промыслахъ Егорьевскомъ, Урскомъ и Касминскомъ потребовалось для надѣла служащихъ 20 десят. и отдано было въ аренду 270 дес. покосовъ [2]).

Послѣ реформы 1861 г. на Алтайскихъ промыслахъ стали получать золота менѣе, чѣмъ прежде, и количество его все уменьшалось, такъ что въ 1861 г. было добыто болѣе 25 п., а въ 1872 г. лишь 13 слишкомъ пудовъ [3]). Такимъ образомъ, добыча золота значительно упала сравнительно съ 50-ми годами.

Въ 1863 г. на 4 разрабатывавшихся промыслахъ было 1003 вольнонаемныхъ рабочихъ [4]), въ 1864 г.—809 чел., въ 1865 г.—704 ч., въ 1866 г.—800 ч. и въ 1867 г.—682 ч. вольнонаемныхъ [5]).

Въ 1862 г. сибирскій комитетъ, выслушавъ отношенія предсѣдателя кабинета Е. В. и генералъ-губернатора Западной Сибири о дозволеніи въ видѣ опыта на 3 года нанимать ссыльно-поселенцевъ для работъ на казенныхъ золотыхъ промыслахъ Алтайскаго горнаго округа, не встрѣтилъ къ тому препятствій, но съ тѣмъ, чтобы употребленіе ссыльно-по-

---

[1]) Арх. Глав. Управ. Алтайск. гор. окр., по описи № 32, дѣло № 6582—5, л. 427.

[2]) Арх. Глав. Управ. Алтайск. горн. окр., „Изложеніе Горнаго Совѣта" 1867 г., л. 115, 121.

[3]) См. *Дополненіе XV* въ концѣ этого тома.

[4]) „Изложеніе Горнаго Совѣта", 1864 г., л. 41.

[5]) Тоже, на 1865 г., л. 22,—на 1866 г., л. 23, на 1867 г. л. 27., на 1868 г. л. 27.

селенцевъ на работы ограничивалось тѣми мѣстностями, которыя находятся не въ близкомъ разстояніи отъ болѣе населенныхъ пунктовъ горнозаводскаго района, во избѣжаніе вреднаго вліянія поселенцевъ на прочихъ заводскихъ рабочихъ [1]).

Въ числѣ рабочихъ, нанимавшихся въ 1863—72 гг. на кабинетскіе золотые промысла Алтайскаго округа, были поселенцы и водворяемые рабочіе, уволенные и отставные мастеровые, крестьяне, мѣщане, инородцы и проч.; болѣе всего было крестьянъ, поселенцевъ, инородцевъ и мѣщанъ, а прежнихъ мастеровыхъ самое ничтожное количество [2]).

При наймѣ рабочихъ кабинетское управленіе заключало съ ними контракты, какъ и частные золотопромышленники. Мы имѣемъ образцы такихъ контрактовъ 1862, 1864 и 1867 гг. Наемъ производился осенью или зимою, по контракту 1862 г.—на годовой срокъ, по слѣдующимъ договорамъ до 1 октября. Явиться на промыселъ рабочіе должны были по контракту 1862 г. по первому требованію, по договору же 1867 г.—къ сроку, который будетъ назначенъ при наймѣ и вписанъ въ разсчетный листъ. Главная масса рабочихъ являлась на промысла въ январѣ [3]). Рабочіе должны были оставаться на пріискѣ до назначеннаго въ контрактѣ срока, промысловое же управленіе предоставляло себѣ право разсчитывать ихъ, по какимъ бы то ни было причинамъ, когда ему вздумается. Въ исполненіи договора рабочіе ручались другъ за друга круговою порукою.

При наймѣ рабочихъ немедленно сказалась невозможность исполненія закона, предписывавшаго выдавать поселенцамъ задатки не болѣе 7 рублей. Управляющій казенными золотыми промыслами подполковникъ Корженевскій въ своемъ донесеніи въ Алтайское горное правленіе 14 апрѣля 1865 г. указывалъ на то, что частные золотопромышленники обыкновенно выдаютъ задатки отъ 40 до 60 руб., и при задаткахъ въ $7^1/_2$ р. невозможно нанять ни одного поселенца, „которые вездѣ считаются лучшими работниками на промыслахъ“. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ вновь возвращается къ этому вопросу по поводу предписанія Горнаго Правленія, возлагающаго отвѣтственность за долги рабочихъ на пріисковыя власти. „Только увѣренность рабочихъ въ правильности разсчета на казенныхъ промыслахъ“, говоритъ онъ, „дала возможность уменьшить задатки до размѣра отъ 30 до 50 руб. на чело-

[1]) П. С. З. т. XXXVII, № 38062.

[2]) Нанимались на кабинетскіе промысла и безпаспортные: такъ изъ 87 человѣкъ, нанятыхъ на Коммисаровскій золотой промыселъ зимою 1866—67 г., 27 человѣкъ не имѣло паспортовъ; изъ нанятыхъ въ то же время на Царево-Маріинскій промыселъ 247 чел. было 30 ч. безспаспортныхъ. Арх. Главн Упр. Алт. горнаго округа, по описи № 420, вяз. 33.

[3]) Ibid., по описи № 32, дѣло 3582—5, л. 415.

вѣка и произвести наемку нынѣшняго года при среднихъ задаткахъ немного менѣе 40 р. По его словамъ, законность выдачи задатковъ до 40 руб. на человѣка была признана Горнымъ Совѣтомъ въ 1862 г. и самимъ Горнымъ Правленіемъ. Поэтому онъ просилъ дозволить выдачу задатковъ среднимъ числомъ по 40 р. на каждаго нанятаго рабочаго [1]).

Дѣйствительная величина задатковъ видна изъ разсчетныхъ книгъ. Мы имѣемъ свѣдѣнія о размѣрѣ задатковъ 612 человѣкъ, выбранныя изъ разсчетныхъ книгъ Суетинскаго промысла 1863 г., Царево-Маріинскаго 1864 и 1865 г. и Царево-Николаевскаго 1870 и 1872 гг. Изъ этихъ данныхъ видно, что средній размѣръ задатковъ въ первой половинѣ 60-хъ годовъ (31—39 руб.) былъ выше, чѣмъ въ началѣ 70-хъ годовъ (22—23 р.), въ среднемъ же относительно всѣхъ рабочихъ равнялся 32 руб. 62 коп. (minimum задатка—50 к., maximum—100 р.). 80% всѣхъ нанятыхъ рабочихъ получили задатокъ; почти всѣ остальные были въ долгу по прежнимъ операціямъ, впрочемъ 2% не получили задатка и не имѣли долга [2]).—Изъ данныхъ объ этихъ 612 рабочихъ видно, что въ среднемъ задатокъ составлялъ 26% всего заработка.

О путешествіи на промысла въ контрактахъ съ рабочими говорилось слѣдующее: „Если нанимателю угодно будетъ отправить насъ съ мѣстъ наемки до промысловъ, или докуда это возможно, на перемѣнныхъ лошадяхъ, то мы употребленныя на провозъ насъ и харчи въ дорогѣ деньги принимаемъ на свой счетъ, для чего выбранныя изъ среды нашей старосты должны выдаваемымъ деньгамъ вести счетъ, но требовать непремѣнно, чтобы насъ везли на лошадяхъ не имѣемъ права, и если наниматель не пожелаетъ отправить насъ на лошадяхъ, то обязаны идти на пріискъ къ означенному времени". О выдачѣ сухарей въ мѣстахъ ненаселенныхъ въ контрактахъ не упоминается.

Управляющій казенными золотыми промыслами въ донесеніи отъ 10 сентября 1865 г. о путешествіи рабочихъ на промысла говоритъ: „Между наймомъ рабочаго и явкою его на промысла проходитъ отъ трехъ до четырехъ мѣсяцевъ. Въ это время рабочій успѣваетъ пропить не только задаточныя деньги, но и всю одежду съ себя, и, не имѣя въ чемъ отправиться на промыселъ, оказывается съ перваго шага несостоятельнымъ къ исполненію контракта.. Вслѣдствіе этого наниматель находится вынужденнымъ собирать рабочихъ въ извѣстныхъ пунктахъ, лежащихъ на дорогѣ въ тайгу, одѣвать ихъ и отправлять на прогонахъ или по найму. Подобная отправка стоитъ обыкновенно отъ 5 до 20 руб. на человѣка и совершенно необходима, потому что въ противномъ случаѣ не только затянулось бы начало работъ (что болѣе убыточно, нежели потеря извѣстной части долговъ), но многіе рабочіе вовсе не явились бы на промысла (по непмѣнію средствъ къ тому), а это могло бы совершенно измѣнить промысловое хозяйство и повести

[1]) Ibid., л. 182, 413—415, 420—423.

[2]) Если вычислить средній задатокъ на всѣхъ рабочихъ (и не получившихъ его), то онъ будетъ равенъ 26 р. 27 к.

къ значительнымъ убыткамъ. Отправивъ рабочаго и выдавъ ему кормовыя, наниматель еще не избавляется отъ расходовъ. Каждый кабакъ въ проѣзжаемыхъ деревняхъ привлекаетъ рабочихъ, и многіе тутъ же продаютъ за безцѣнокъ полученную въ дорогу отъ нанимателя одежду, а вырученныя деньги пропиваютъ, вслѣдствіе чего приходится снова одѣвать пропившихся. Наниматель не имѣетъ никакихъ средствъ воспрепятствовать пьянству рабочихъ, а также не можетъ оставлять ихъ безъ одежды, потому что въ послѣднемъ случаѣ онъ можетъ привести ихъ на промыселъ съ отмороженными членами и неспособными къ работѣ, чрезъ что потеряетъ всякую возможность къ возмѣщенію прежде израсходованныхъ денегъ. Расходы по доставкѣ увеличиваются еще отъ того, что во время, проходящее между наемкой и отправкой, рабочіе успѣваютъ не только пропить съ себя все, но и значительно задолжать хозяевамъ и другимъ лицамъ, которыя предъявляютъ свои иски нанимателю. До 1864 г. въ подобныхъ случаяхъ выдавались квитанціи отъ имени должниковъ съ означеніемъ, что деньги будутъ взысканы по заработкѣ ими казеннаго долга. Но въ прошедшемъ году была произведена выдача денегъ домохозяевамъ, и я опасаюсь, чтобы подобная расплата не вошла въ силу, какъ укоренившійся обычай, несмотря на то, что она по закону вовсе не обязательна для нанимателя, который къ тому же не можетъ провѣрить правильности этихъ долговъ, такъ какъ рабочіе часто входятъ въ сдѣлку съ домохозяевами, чтобы тѣмъ выманить денегъ отъ нанимателя. Въ прошедшемъ году выдавалось домохозяевамъ до 20 р. на одного рабочаго [1]).

Въ апрѣлѣ 1864 г. Алтайское горное правленіе довело до свѣдѣнія Кабинета, что въ 1863 г. изъ нанятыхъ рабочихъ многіе не явились на работу, а мѣстныя волостныя правленія не оказываютъ содѣйствія въ понужденіи рабочихъ къ исполненію заключенныхъ ими условій. Кабинетъ обратилъ на это вниманіе томскаго губернатора [2]).

По контракту 1862 г. рабочіе должны были выходить на работу не позже 5 час. утра и сходить съ нея не ранѣе 8 час. пополудни, каковы бы ни были холодъ и ненастье; въ продолженіе дня имъ давалось время для обѣда и послѣобѣденнаго отдыха, всего же ежедневно въ дѣйствительной работѣ они должны были находиться около 12 час. Въ договорахъ 1864 и 1867 гг. было сказано, что рабочіе должны „находиться въ обязательной работѣ каждый день, исключая воскресныхъ и табельныхъ дней, а въ праздники и табельные дни работать на стараніи“ (слѣдовательно и праздничное стараніе было обязательно). Время работы на основаніи положеній, существовавшихъ на горныхъ заводахъ, было назначено съ 5 час. утра до 8 час. вечера, исключая 2 часа на завтракъ, обѣдъ и отдыхъ, слѣдовательно, продолжительность рабочаго дня опредѣлена въ 13 часовъ.

---

[1]) Арх. Главн. Управ. Алт. горнаго округа, по описи № 32, дѣло № 6582—6, л. 415—417. Въ случаѣ надобности рабочіе обязывались перейти и на другой пріискъ, и по договору 1862 г. должны были дѣлать при этомъ 30 верстъ въ день; на дорогу имъ выдавались только сухари, а за время, употребленное на проходъ, они получали только поденную плату по разсчету изъ мѣсячнаго жалованія.

[2]) Арх. Главн. Упр. Алт. горнаго округа по архивной описи № 32, л. 21.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ договорахъ обозначался и размѣръ уроковъ. По договору 1862 г. на вскрышу 1 куб. сажени торфа и ручную откатку его на разстояніи 15 саженъ должно было ставить на талыхъ торфахъ не болѣе трехъ человѣкъ, а если даны будутъ казенныя лошади, то артель изъ 4 человѣхъ при двухъ лошадяхъ должна была вскрывать и отвозить въ отвалъ 2 куб. сажени; прочія же урочныя работы, какъ то: добычу, подвозку, пробойку и промывку песковъ и ортовую подземную работу рабочіе предоставляли пріисковымъ властямъ назначать „по своему усмотрѣнію, соображаясь въ томъ со временемъ года, мѣстностью и по опыту, сколько въ продолженіе 12 рабочихъ часовъ безъ лѣности и безъ большого отягощенія сработать можно; во всякомъ случаѣ однако на двухъ рабочихъ съ лошадью добыть и подвезти не менѣе 1 сажени песковъ или 35 таратаекъ“. Недоработку они обязывались пополнять въ праздничные дни. Въ договорахъ 1864 и 1867 гг. размѣръ уроковъ былъ обозначенъ подробнѣе и количество работы нѣсколько увеличено. Одну кубич. сажень талаго торфа трое рабочихъ должны были вскрывать не только при откаткѣ, но и при относкѣ его на разстояніе до 20 саженъ. „При мерзломъ же торфѣ (мерзлымъ торфомъ называется тотъ, который промерзъ съ поверхности на $^3/_4$ и болѣе глубины) и при большемъ разстояніи откатки или относки урокъ разсчитывается сообразно положенію и опыту“. Выработка торфа съ лошадьми оставлена въ томъ же размѣрѣ, „не смотря на разстояніе“. При добычѣ песковъ 2 рабочихъ съ одною лошадью должны были добыть и отвезти на машину уже не 1, а отъ 1 до $1^1/_3$ кб. саж., причемъ меньшій урокъ, т.-е. одна сажень полагается только при подвозкѣ далѣе 120 саженъ и толщинѣ пласта менѣе $^1/_2$ сажени. „Вообще же“ рабочіе „должны“ были „отдавать такое количество работы, какое назначено особыми положеніями, имѣющимися на каждомъ промыслѣ“ [1]). По донесенію управляющаго кабинетскими золотыми промыслами (1865 г.), каждый человѣкъ, находясь на земляной работѣ, долженъ былъ отдать ежемѣсячно 12 куб. саж. *хозяйскихъ*, т.-е. работою въ будни. При этомъ управляющій считалъ обычнымъ урокомъ $^1/_2$ куб. саж. въ будни на человѣка [2]).

Но этимъ, какъ и на частныхъ промыслахъ, не ограничивалась работа: за исполненіемъ урока слѣдовало обязательное стараніе въ опредѣленномъ размѣрѣ; старательскія работы были обязательны и въ праздники. Въ договорѣ 1862 года было сказано: „по окончаніи назначеннаго и выполненнаго дневного урока, мы въ каждый рабочій день обя-

---

[1]) Объ отработкѣ въ праздники урока, недоработаннаго въ будни, въ договорахъ 1864 и 1867 гг. не упоминается.

[2]) Арх. Главн. Управ. Алт. горнаго округа, по описи № 32, дѣло № 6582-5, л. 418.

зуемся добыть и вывезти каждый при добычѣ песковъ или на торфахъ находящіеся люди не менѣе 5 таратаекъ песковъ на промывку въ видѣ старанія" (въ каждой таратайкѣ по 30 пудовъ) „или же на мѣру—$^1/_4$ сажени". „Въ праздничные и табельные дни" (когда не бывало урочныхъ работъ) „мы должны выходить на такъ называемыя старательскія работы, либо на добычу золота золотниками, либо на пески, либо на торфа". По договорамъ 1864 и 1867 гг. сверхурочная старательская работа была нѣсколько увеличена, а именно ежедневно сверхъ урока съ 1-го апрѣля по 1 ноября [1]) набавлялась $^1/_3$ куб. саж. на торфахъ и пескахъ, „а зимою по мѣрѣ силъ и мѣстнымъ обстоятельствамъ". Въ праздничные и табельные дни рабочіе должны были „выходить на старательскія работы, на пески и промывку ихъ, либо на торфа, работая въ день не менѣе 1 куб. саж. торфа на каждыхъ 2 человѣкъ и отъ 1 до $1^1/_3$ куб. саж. песковъ сообразно съ будничнымъ урокомъ". Управляющій казенными промыслами въ донесеніи (1865 г.) въ Алтайское горное правленіе опредѣляетъ нѣсколько иначе размѣръ старательской работы, а именно, каждый рабочій „обязывается отдавать стараніе въ каждый праздникъ не менѣе $^1/_2$ сажени и въ каждыя лѣтнія будни не менѣе $^1/_2$ аршина песковъ и торфовъ" [2]).

Вычисливъ среднюю продолжительность операціи по названнымъ выше пяти разсчетнымъ книгамъ, мы получили, что она равнялась minimum 6 мѣсяцамъ 15 днямъ, maximum—8 мѣс. 28 днямъ, а въ среднемъ—7 мѣс. 24 днямъ. Въ контрактахъ не упоминалось о назначеніи рабочимъ какихъ либо праздничныхъ дней, въ разсчетныхъ же книгахъ изрѣдка встрѣчаются на нихъ указанія. Но, разумѣется, рабочіе были не въ состояніи трудиться безъ отдыха, и число дней, во время которыхъ рабочій освобождался почему либо (кромѣ болѣзни) отъ работы, такъ называемыхъ здѣсь „уволенныхъ дней" (въ числѣ которыхъ значились иногда и дни, проведенные подъ арестомъ), равнялось на Царево-Николаевскомъ пріискѣ въ среднемъ на каждаго рабочаго за всю операцію въ 1870 г.—11,2 дня, въ 1872 г.—7,4, а въ одинъ мѣсяцъ въ 1870 г.—1,5 дня, а въ 1872 г. 1,1 дня. За такіе „уволенные" дни вознагражденія рабочіе не получали, такъ какъ за нихъ дѣлался соотвѣтственный вычетъ изъ мѣсячнаго жалованія.

За работу въ каждый мѣсяцъ, считая его въ 30 рабочихъ дней, полагалось по контракту 1862 г. съ ноября по 1 апрѣля мѣсячное жалованье по 4 руб., въ прочіе мѣсяцы по 3 руб. 15 коп., а если кто будетъ избранъ плотникомъ, кузнецомъ, хлѣбопекомъ, кашеваромъ, служащимъ, конюхомъ или другимъ какимъ либо рабочимъ, то плата должна быть назначена дру-

[1]) По договору 1867 г.—до 1 октября.

[2]) Арх. Главн. Упр. Алт. горн. окр., по описи № 32, дѣло № 6582—5, л. 418.

гам, сообразно ремеслу и заслугѣ его по усмотрѣнію управляющаго или пристава. Въ договорѣ 1864 г. всѣмъ рабочимъ назначено вышеуказанное жалованье, только кузнецы должны были получать зимою и лѣтомъ отъ 12 до 20 руб. въ мѣсяцъ[1]). По договору 1867 г. чернорабочимъ назначено то же жалованье, какъ и въ договорѣ 1862 года; мастеровые же получали повышенную плату, напримѣръ, кузнецы въ теченіе всего года отъ 12 до 20 р. въ мѣсяцъ, коновалъ, староста конюшенный и промывальщикъ 12 руб., артельный староста, хлѣбопекъ, шорникъ, столяръ, плотникъ машинный и колесникъ 10 руб., кашеваръ 9 р., конюхъ и простой плотникъ получали зимою 8, лѣтомъ 10 руб., молотобоецъ зимою 8, лѣтомъ 12 руб., свальщикъ, протирщикъ и машинистъ лѣтомъ 10 руб., галешникъ лѣтомъ 8 руб., дроворубъ, дрововозъ и углевозъ зимою 6, лѣтомъ 7 рублей.

Плата за сверхурочную работу въ будни по договору 1862 г. была назначена по 10 коп. за каждую таратайку, а за старательскія работы въ праздники за 1 куб. саж. песковъ—3 руб., за 1 саж. торфа 2 руб. По договору 1864 г. горнорабочіе получали за торфъ ту же плату, а за сажень песку 2 р. 50 к. или по 10 к. съ таратайки. За стараніе мастеровымъ производилась въ праздникъ поденная плата, бо́льшая или меньшая, сообразно жалованью рабочихъ, а именно, зимою отъ 20 до 70 коп., лѣтомъ отъ 30 к. до 1 р. 25 к., причемъ было пояснено, что назначеніе наибольшей или наименьшей платы зависѣло отъ усмотрѣнія пристава, смотря по усердію рабочаго [2]).

Въ будни на мастеровыхъ отписывалось отъ рабочихъ, добывавшихъ пески, по 1 коп. съ каждой старательской таратайки.

За золото, находимое во время старательскихъ праздничныхъ работъ, по договору 1862 г., назначена плата по 1 р. 20 к. за золотникъ (плата же за самородки зависѣла отъ усмотрѣнія управляющаго); по договорамъ 1864 и 1867 гг. за золото, находимое во время обыкновенныхъ и старательскихъ работъ, платили 75 к.—1 р. 25 за золотникъ. Въ дѣйствительности, какъ видно изъ разсчетной книги, въ 1867 г. платили на Яковлевскомъ промыслѣ за старательское золото по 1 р. 50 к. съ золотника, и здѣсь плата эта выдавалась на руки немедленно. Въ 1870 г. была вездѣ назначена плата по 1 р. 50 к. съ золотника золота.

---

[1]) Въ случаѣ командировокъ для развѣдки не далѣе 15 верстъ, рабочіе не должны были требовать повышеннаго вознагражденія или особой платы и старанія, а предоставляли это усмотрѣнію пристава. Если же шурфовка будетъ производиться далѣе 15 верстъ, то рабочіе должны были получать 12—15 руб. за 30 рабочихъ дней (безъ различія будней и праздниковъ).

[2]) По договору 1867 г. назначена такая же старательская плата за 1 куб. саж. песковъ, причемъ изъ платы за пески удерживалось по 10 к. съ рубля въ пользу галечниковъ и рабочихъ при промывкѣ песковъ „и у смотрѣнія за добычею ихъ“.

Со дня вступленія въ дѣйствительную работу рабочіе должны были получать по договору 1862 г. пищевой паекъ въ слѣдующемъ размѣрѣ: говядины, свѣжей или соленой, по 1 пуду въ мѣсяцъ (слѣдовательно около $1^1/_3$ фун. въ день), муки ржаной (въ томъ числѣ и на квасъ) по 2 п. 20 фун. въ мѣсяцъ, ячной крупы по $^1/_4$ фун. въ сутки. Если нѣкоторые рабочіе въ постные дни не пожелаютъ ѣсть скоромнаго, то они должны были довольствоваться вмѣсто говядины — 1 фун. крупы или 1 фун. гороху въ сутки и болѣе ничего не могли требовать. Обѣдать и ужинать рабочіе должны были за общимъ столомъ, кромѣ семейныхъ людей, если они того не пожелаютъ. Въ слѣдующихъ договорахъ пищевой паекъ рабочихъ былъ нѣсколько улучшенъ. Въ договорахъ 1864 и 1867 гг. было упомянуто еще о выдачѣ 3—4 фунт. соли и $^1/_2$ фун. масла или 1 фун. сала въ мѣсяцъ; сверхъ того по большимъ праздникамъ назначена винная порція, постящимся же прибавлено по $^1/_2$ фун. коноплянаго масла въ мѣсяцъ. Получившіе дозволеніе держать на промыслѣ семью должны были уплачивать, сколько слѣдуетъ, за ихъ пропитаніе. По смѣтѣ на 1870 г. стоимость продовольствія одного рабочаго, кромѣ винныхъ порцій, равнялась 4 р. 29 коп. [1]).

О жилищахъ рабочихъ упоминается только въ договорѣ 1862 г., гдѣ сказано: „помѣщеніе для жилища своего должны мы приготовлять въ свободное отъ работы время“.

Нужные имъ одежду, обувь и разные припасы рабочіе могли получать по установленной таксѣ изъ пріисковыхъ магазиновъ, какъ и у частныхъ золотопромышленниковъ, въ счетъ заработка.

Больныхъ рабочихъ промысловое управленіе по договорамъ 1862 и 1864 гг. обязывалось лечить въ больницахъ безъ всякаго вычета за содержаніе и лекарство въ теченіе трехъ недѣль, за болѣе же продолжительное время болѣзни они должны были отработать или уплатить стоимость содержанія и леченія.

За дни, въ которые рабочіе по болѣзни не были на работѣ, въ большинствѣ случаевъ производился соотвѣтственный вычетъ изъ жалованья: такъ изъ разсчетныхъ книгъ Царево-Маріинскаго пріиска 1864, 1869, 1870 и 1872 гг., Коммисаровскаго 1868 и 1869 гг. и Яковлевскаго 1864 г. видно, что вычетъ изъ жалованья по разсчету мѣсячнаго оклада производился даже и въ томъ случаѣ, когда рабочій былъ боленъ всего одинъ или два дня. Напротивъ, на Суетинскомъ пріискѣ въ 1863 г. за „больные дни“, если ихъ было въ теченіе мѣсяца не болѣе 21, вычета не дѣлалось и рабочій получалъ полностью мѣсячное жалованье, если же онъ былъ боленъ въ теченіе мѣсяца болѣе 21 дня, то вычетъ изъ жалованья производился только за лишніе, сверхъ 21-го, дни бо-

[1]) Арх. Главн. Упр. Алт. горн. окр. „Журналы Горн. Сов.“ 1869 г. л. 113—118.

лѣзни. Но если рабочій былъ боленъ весь мѣсяцъ, то онъ ничего не получалъ за него, такъ что прохворавшій, напримѣръ, въ іюлѣ 29 дней получалъ 2 р. 33 коп., а проболѣвшій 31 день, т.-е. всего на 2 дня больше, не получалъ ничего. Опредѣляя число больныхъ дней на основаніи разсчетныхъ книгъ [1]), мы получили относительно 612 рабочихъ, что число дней болѣзни въ теченіе всей операціи колебалось на каждаго рабочаго отъ 17 до 29, а въ среднемъ равнялось 23 днямъ; на каждые же 100 дней пребыванія на промыслахъ приходилась 7—12 дней, а въ среднемъ 10 дней, слѣдовательно, 10% времени, проведеннаго на промыслахъ, рабочіе хворали.

Рабочіе обязывались, какъ и на частныхъ промыслахъ, хорошо вести себя, не играть въ карты и орлянку, не грубить, самовольно не отлучаться, а пріисковое управленіе должно было обходиться съ ними человѣколюбиво, безъ обидъ и притѣсненій.

Кары, которымъ подвергались рабочіе, были денежные штрафы, арестъ и тѣлесное наказаніе.

Въ случаѣ неявки на промысла въ срокъ рабочіе должны были платить за каждый просроченный день по договору 1862 г. по 1 руб., по договорамъ же 1864 и 1867 гг. по 50 коп., въ томъ случаѣ, если не будетъ представлено свидѣтельствъ о болѣзни. За прогульные дни и уклоненіе отъ работъ подъ предлогомъ болѣзни по договору 1862 г. былъ назначенъ вычетъ по 20 коп. По договору 1864 г., если кто не выйдетъ на старательскую работу въ праздники или не исполнитъ сверхурочной работы въ лѣтній рабочій день, то съ такихъ взыскивается приставомъ штрафъ по 1 р. за сажень торфа и по 1 р. 25 к. за сажень песковъ. По договору 1867 г. съ уклоняющихся вообще отъ работъ предоставлялось вычитать по старательской оцѣнкѣ столько, сколько будетъ причитаться на одного человѣка урока за все пропущенное время и за всякую недоработку урока, „подвергаясь кромѣ того взысканію по разбирательствѣ дѣла артельнымъ старостой“.

По договору 1862 г. рабочіе на основаніи 2397 ст. VII т. Св. Зак., (изд. 1842 г.) должны были составлять артели и выбрать въ каждой по два выборныхъ, а управляющій или приставъ назначаетъ артельнаго старосту, „*который* по 2396 ст.“ того же тома Св. Зак. [2]) можетъ наказывать рабочихъ за лѣность и дурное поведеніе, „выборный же долженъ завѣдывать артелями, дѣлая разбирательство, а въ случаѣ пономровки своимъ артельщикамъ—избранный староста; если же предоставлен-

[1]) Суетинскаго промысла 1863 г., Царево-Маріинскаго 1864 и 1865 гг., Царево-Николаевскаго 1870 и 1872 гг.

[2]) По этой статьѣ къ наказанію долженъ былъ приговаривать рабочихъ не староста, а артельная расправа.

ная мѣра не будетъ достигать цѣли или превышаетъ его власть, то долженъ объ ослушникахъ и другихъ поступкахъ, кто ихъ сдѣлаетъ, вести объ этомъ свой журналъ, который долженъ представлять господину управляющему". По договорамъ 1864 и 1867 гг. рабочіе „согласно 2501 ст. VII т. Св., Зак. Устава Горнаго изд. 1857 г., должны были составлять артели, выбирая отъ себя для управленія" ими „старосту, который... [1]) за проступки, лѣность и дурное поведеніе можетъ наказывать и штрафовать и производить всѣ разбирательства между рабочими". „Если со стороны старосты замѣчено будетъ поноровка своимъ артельщикамъ, то промысловое управленіе вправѣ смѣнить его и заставить" рабочихъ „избрать другого". „Артельная расправа могла и оштрафовать рабочаго, и подвергнуть его тѣлесному наказанію.

Заработокъ рабочихъ на кабинетскихъ, какъ и на частныхъ, промыслахъ складывался изъ двухъ частей: жалованья и платы за старательскія работы. Вычисливъ на основаніи названныхъ выше пяти разсчетныхъ книгъ 1863 по 1872 гг. средній заработокъ рабочихъ, мы получили, что среднее жалованье въ это время на всѣхъ этихъ промыслахъ (выводъ сдѣланъ на основаніи данныхъ о 612 рабочихъ) равнялось 25 р. 4 к. (maximum жалованья—56 р. 35 к., minimum—12 к., средняя получка въ видѣ жалованья въ мѣсяцъ 3 р. 20 к.), средній заработокъ на старательскихъ работахъ — 75 р. 97 к. (maximum 202 р., minimum 30 к., средній мѣсячный заработокъ на стараніи 9 р. 71 к.), *весь* средній заработокъ (т. е. жалованье вмѣстѣ со стараніемъ) — 101 р. 3 к., причемъ жалованье составляетъ въ томъ числѣ 25%, а стараніе 75%, (maximum всего заработка 207 р., minimum 40 к.), весь средній мѣсячный заработокъ 12 р. 92 к. Такъ какъ весь средній заработокъ составляетъ 101 р. 3 к., а средняя продолжительность операціи равна 238 днямъ, то, слѣдовательно, средній дневной заработокъ равняется 42 к.

Заработокъ рабочаго могъ частію идти на покрытіе стараго долга, на путевые расходы, а затѣмъ получался въ видѣ задатка, забора до разсчета деньгами и припасами въ видѣ податей (отдѣльно отъ задатка). По вычисленію на основаніи пяти разсчетныхъ книгъ трехъ названныхъ промысловъ за 1863 — 1872 г. оказывается, что весьма значительная часть рабочихъ (а именно 25%) нанималась со старымъ долгомъ. Средній долгъ на одного должника равнялся 31 р. 52 к. (maximum долга 137 р.). Если даже раздѣлить сумму долга не на однихъ должниковъ, а на *всѣхъ* рабочихъ, о которыхъ мы извлекли данныя изъ названныхъ разсчетныхъ книгъ, т. е. о 612 человѣкахъ (которые составляютъ 60% изъ всѣхъ 1018 рабочихъ, числящихся въ этихъ разсчетныхъ книгахъ),

[1]) И по 2501 ст. VII т. изд. 1857 г. къ наказанію приговариваетъ не староста, а артельная расправа.

то окажется, что на каждаго изъ этихъ рабочихъ пришлось бы по 7 р. 98 к. долгу. Въ среднемъ выводѣ относительно всѣхъ рабочихъ старый долгъ составлялъ 7,9% всего заработка.

Средній задатокъ, какъ мы уже упоминали, равнялся 32 р. 62 к., но такъ какъ задатокъ получили только 80% рабочихъ, то въ среднемъ на всѣхъ рабочихъ задатокъ равнялся 26 р. 27 к. Рабочихъ же, нанявшихся безъ стараго долга и въ то же время не получившихъ задатка, было всего 2%. Задатокъ составлялъ въ среднемъ 26% всего заработка.

Путевыхъ расходовъ въ среднемъ на одного, получившаго деньги (въ счетъ заработка) на эти расходы, было 10 р. 22 к. (minimum 41 к., maximum 37 р. 83 к.), но такъ какъ путевые расходы были лишь у 77% всѣхъ рабочихъ, то въ среднемъ при раздѣленіи на всѣхъ рабочихъ, на каждаго придется 7 р. 91 к. путевыхъ расходовъ. Путевые расходы поглощали въ среднемъ 7,8% всего заработка.

Средній заборъ деньгами въ счетъ заработка до разсчета на одного, бравшаго деньги на промыслахъ, равняется 22 р. 77 к., но такъ какъ получившихъ деньги на промыслахъ до разсчета было всего 3%, то при дѣленіи на всѣхъ рабочихъ въ среднемъ выводѣ это составляетъ 71 к. на каждаго. Этотъ заборъ деньгами составляетъ всего только 0,7% всего заработка.

Уплачено въ подати въ среднемъ на одного изъ тѣхъ, за кого была произведена такая уплата 8 р. 63 к. (maximum 47 р. 22 к.); такъ какъ уплачены были подати лишь за треть рабочихъ (34%), то при дѣленіи на всѣхъ рабочихъ окажется, что за каждаго въ среднемъ было уплачено 2 р. 96 к. Уплата податей составляетъ 2,9% всего заработка.

Самая большая часть заработка, а именно въ среднемъ 40% его, поглощалась заборомъ припасовъ на промыслахъ. Брали припасы почти всѣ рабочіе (99,3%); средній заборъ на одного, бравшаго припасы, равнялся 41 р. 7 к. (наибольшій—135 р.), при разсчетѣ же на всѣхъ рабочихъ придется на каждаго 40 р. 80 к.

При окончательномъ разсчетѣ получившіе деньги на руки (додачу) составляли 61,3% всѣхъ рабочихъ, должниковъ было 37,7%, неполучившихъ и недолжныхъ 1%.

Средній размѣръ додачи на одного, получившаго ее, равнялся 45 р. 92 к. (maximum — 141 р.), въ среднемъ же на всѣхъ рабочихъ додача составляла 26 р. 50 к. [1]). Въ среднемъ выводѣ додача составляетъ 14,2% всего заработка.

---

[1]) Изъ пяти разсчетныхъ книгъ по разсчету относительно рабочихъ Царево-Николаевскаго пріиска 1872 г. получается въ среднемъ выводѣ, что общая сумма забора не покрываетъ заработка, и, слѣдовательно, рабочіе остаются въ долгу. Это объясняется слишкомъ большимъ заборомъ вещей и припасовъ (76% всего заработка).

Изъ всѣхъ, кому приходилась додача, получили менѣе 1 р.—6,6% всѣхъ 612 рабочихъ, отъ 1 до 10 р.—8,8%, отъ 10 до 50 р.—46,7%, болѣе 50 руб.—38,9%.

Средній размѣръ долга на одного должника—32 р. 33 к. (maximum 137 р.), при разсчетѣ же на всѣхъ рабочихъ это составило бы въ среднемъ долгъ въ 12 р. 20 к. на каждаго. Остались должными менѣе 1 р.—0,9% должниковъ, отъ 1 до 10 р.—14,7%, отъ 10 до 50 р.—66,2%, болѣе 50 р.—18,2%. Изъ этого видно, какъ велика была задолженность рабочихъ на кабинетскихъ промыслахъ.

Въ договорѣ рабочихъ съ промысловымъ управленіемъ 1862 г. относительно отработки долга сказано, что должники не имѣютъ права требовать разсчета наравнѣ съ другими и обязываются оставаться на промыслахъ до отработки долговъ, а приставъ обязанъ испросить для нихъ новые увольнительные листы. Въ договорахъ 1864 и 1867 гг. къ этому прибавлено: „Впрочемъ, если г. приставъ найдетъ нужнымъ разсчитать насъ, несмотря на остающіяся за нами деньги, то можетъ это сдѣлать и выдать намъ при этомъ виды, съ отмѣткою на нихъ, сколько за нами состоитъ долгу и къ какому сроку мы должны явиться на промыселъ для заработка причитающихся на насъ денегъ, и объ этомъ увѣдомить мѣста нашего причисленія". Это послѣднее правило, о надписяхъ на паспортахъ должниковъ, какъ видно изъ донесенія управляющаго кабинетскими золотыми промыслами въ 1865 г., дѣйствительно исполнялось [1]).

Значительную часть долговъ рабочіе отработывали на промыслахъ, но все-таки постепенно къ 1865 г. за рабочими накопилось долгу 30,589 руб. Въ іюнѣ 1865 г. Алтайское горное правленіе предписало управляющему и приставамъ казенныхъ золотыхъ промысловъ, „что такъ какъ несоразмѣрное одолженіе рабочихъ въ долгъ деньгами производится приставами не только въ противность надлежащихъ узаконеній и неоднократныхъ распоряженій горнаго правленія и вообще съ отступленіемъ установленныхъ на то въ законѣ правилъ и даже безъ всякихъ обезпеченій, то горное правленіе, хотя и принимаетъ въ настоящее время на себя обязанность о взысканіи означенныхъ долговъ..., но не можетъ однакожъ ручаться въ полномъ взысканіи ихъ, и потому, въ случаѣ потраты этихъ долговъ..., правленіе вынуждено будетъ возмѣстить ихъ съ виновныхъ, допустившихъ такое непомѣрное одолженіе рабочихъ... Что же касается до долговъ, могущихъ образоваться на рабочихъ на будущее время... то горное правленіе предоставляетъ уже самому промысловому управленію о взысканіи этихъ долговъ..., а потому вся отвѣтственность въ исправномъ возмѣщеніи... таковыхъ значительныхъ одолженій на одно

[1]) Арх. Главн. Упр. Алт. горн. окр., по описи № 32, дѣло № 6582—5, л. 178.

лицо, и при томъ безъ всякаго обезпеченія, должна уже упадать единственно на управляющаго промыслами или на господъ приставовъ".

Это предписаніе заставило управляющаго промыслами описать весь порядокъ найма и доказывать, что отвѣтственность за непокрытіе долговъ рабочими не можетъ быть отнесена на приставовъ и управляющаго [1]).

Мы видѣли, что кабинетская золотопромышленность на Алтаѣ все болѣе и болѣе приходила въ упадокъ, количество добываемаго золота все уменьшалось и дошло въ 1872 г. до 13 пудовъ. 4 апрѣля 1873 г. состоялось распоряженіе кабинета о прекращеніи въ Алтайскомъ округѣ добычи золота на средства заводовъ: добычу золота на отдаленныхъ промыслахъ по рѣкамъ Мрасѣ и Кондомѣ и другимъ предписано было прекратить и поисковыхъ партій въ эти мѣстности не посылать, а на Егорьевскомъ и другихъ ближнихъ промыслахъ продолжать добычу золота только посредствомъ старателей-золотничниковъ въ видѣ временной мѣры по правиламъ, утвержденнымъ кабинетомъ [2]).

Въ 1862 г. была дозволена частная золотопромышленность въ той части Алтайскаго округа, которая лежитъ по правую сторону рѣки Томи въ границахъ, точно опредѣленныхъ [3]). Въ 1873 г. вмѣстѣ съ прекращеніемъ золотопромышленности въ Алтайскомъ округѣ на средства заводовъ была увеличена территорія, открытая въ немъ для частной золотопромышленности [4]).

---

[1]) Ibid., л. 177—182, 276—283, 412—423.

[2]) Арх. Главн. Управ. Алт. горн. окр., дѣло № 6,109—39, л. 102, 147. О старателяхъ-золотничникахъ на Алтайскихъ кабинетскихъ промыслахъ см. во II т. нашего труда.

[3]) П. С. З. т. XXXVII, № 38055.

[4]) Арх. Главн. Упр. Алт. горн. окр., дѣло № 6109-39, л. 102, 147—152.

ГЛАВА XI.

Выработка правилъ о наймѣ рабочихъ 1870 г.

Записки золотопромышленниковъ, присланныя въ министерство финансовъ.—Предложенія администраціи Западной и Восточной Сибири.—Труды коммиссіи для пересмотра системы податей и сборовъ.—Узаконенія о пріисковыхъ рабочихъ, изданныя въ 60-хъ годахъ.—Вопросъ о трудѣ несовершеннолѣтнихъ рабочихъ.—Проектъ контракта для найма рабочихъ 1866 г.—Пересмотръ проекта правилъ о наймѣ рабочихъ.

Несмотря на разныя облегченія, предоставленныя частной золотопромышленности съ 1854 г. [1]), добыча золота въ Сибири во второй половинѣ 50-хъ годовъ не усиливалась, сравнительно со второю половиною 40-хъ годовъ. Въ виду этого Министръ Финансовъ въ декабрѣ 1860 г. пригласилъ, посредствомъ публикацій, напечатанныхъ въ газетахъ, всѣхъ лицъ, знакомыхъ съ золотымъ промысломъ, сообщить письменно свои замѣчанія о причинахъ его медленнаго развитія, а также свои соображенія о томъ, какія мѣры могли бы быть приняты правительствомъ для его поощренія. Вслѣдствіе этого многія изъ частныхъ лицъ, преимущественно занимающіяся золотопромышленностью, доставили въ Министерство Финансовъ свои замѣчанія и предположенія, другія же помѣстили въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ статьи по этому предмету.

Всего въ министерство финансовъ было доставлено около 30 записокъ, но не всѣ онѣ касаются частной золотопромышленности въ Сибири; этой послѣдней посвящены записки: Пермикина, В. Д. Скарятина (извѣстнаго впослѣдствіи редактора газеты „Вѣсть“ и автора книги „Замѣтки золотопромышленника“), извѣстнаго декабриста Д. И. Завалишина (прислана изъ Читы), записка, подписанная 8 лицами [2]), записки: Асташева,

[1]) См. *Расселли*, 98—105.

[2]) Тайн. сов. Ив. Якобсономъ, извѣстнымъ уже намъ по своему протесту въ 1839 г. противъ распоряженій ген. губ. Вост. Сибири Руперта, поруч. Дм. Бенардаки,

С. Шелковникова, А. Шепетковскаго (изъ Красноярска), Ив. Персина (изъ Иркутска), уполномоченныхъ К° Зотовыхъ (Двинянинова и Эрна), Г. Чернышева (изъ Минусинска), золотопромышленника А. Розщектаева, Н. В. Латкина, издавшаго нѣсколько позднѣе книгу „Очеркъ сѣверной и южной системъ золотыхъ промысловъ Енисейскаго Округа“ (1869 г.), барнаульскаго мѣщанина А. Федченко, С. Ф. Соловьева и нѣсколькихъ неизвѣстныхъ лицъ. Кромѣ того золотопромышленники сѣверной системы Енисейскаго Округа, „находящіеся на лицо въ городѣ“ (Енисейскѣ?) „и уполномоченные отъ отсутствующихъ“ сообщили свое постановленіе, состоявшееся 17 марта 1861 г., по поводу вызова министра финансовъ [1]). Кромѣ того 16 и 23 мая 1861 г. были собранія золотопромышленниковъ въ Иркутскѣ; замѣчанія и мысли, высказанныя здѣсь, были сгруппированы въ газетѣ „Амуръ“ (1861 г., № 45). Всѣ эти записки и постановленія были отправлены въ министерство финансовъ, начиная съ декабря 1860 г. до осени 1861 г. Позднѣе былъ присланъ „проектъ о частной золотопрошленности вообще“, составленный канскимъ 3-ей гильдіи купцомъ Пестуновымъ въ 1863 г. [2]).

На основаніи присланныхъ въ министерство записокъ былъ составленъ и напечатанъ въ 1862 г. „Сводъ замѣчаній, представленныхъ частными лицами на нѣкоторыя статьи устава о частной золотопромышленности и предположеній ихъ по предмету развитія сего промысла въ Россіи“ [3]). Сводъ этотъ впрочемъ недостаточно полонъ [4]), и это заставляетъ насъ, принимая его къ свѣдѣнію, какъ оффиціальный выводъ изъ заявленій частныхъ лицъ, преимущественно золотопромышленниковъ,

---

ст. сов. Ив. Базилевскимъ, купцомъ 1-ой гильдіи И. Иконниковымъ, И. и А. Мясниковыми и двумя Ненюковыми.

[1]) Постановленіе это подписано 14 лицами, въ томъ числѣ: уполномоченными: К° Зотовыхъ—Эрномъ, К° Рязановыхъ—Триполитовымъ, уполномоченнымъ Базилевскаго, главноуправляющимъ К° Красильникова П. Шумахеромъ и другими.

[2]) Эти записки и постановленія см. въ Арх. Горн. Деп., дѣло отдѣленія частн. зол. промысловъ № 68—650, ч. II и III.

[3]) „Труды коммиссіи, Высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборовъ, т. VIII. О государственномъ доходѣ съ золотыхъ промысловъ“. Ч. I. Спб. 1863 г.

[4]) При составленіи этого свода имѣлись въ виду и нѣкоторыя газетныя статьи о золотопромышленности,—въ отдѣлѣ о рабочихъ, впрочемъ, только одна статья Пищикова („Сынъ Отечества“ 1861 г. № 31), быть можетъ потому, что она, какъ показываетъ ея заглавіе, была прямо вызвана объявленіемъ министра финансовъ. Составитель „Свода“ не воспользовался ни замѣчательною статьею В—на (Вагина) „Договоры найма на золотые пріиски“, напечатанною въ газетѣ „Амуръ“ (1860 г. №№ 30—32, 34), ни важною работою Кривошапкина „Взглядъ на состояніе золотопромышленности въ Енисейскомъ Округѣ“ (въ журналѣ „Промышленность“ 1861 г. кн. 2 и 3), ни нѣсколькими статьями въ газетѣ „Амуръ“. Постановленія, принятыя на собраніи золотопромышленниковъ 16 и 23 мая 1861 г., перепечатаны въ концѣ „Свода“.

обратиться къ подлиннымъ ихъ заявленіямъ, хранящимся въ Архивѣ Горнаго Департамента.

Въ печатномъ „Сводѣ замѣчаній“ въ особомъ отдѣлѣ приведены мнѣнія о „порядкѣ найма рабочихъ на золотые промыслы“. Отдѣлъ этотъ раздѣленъ на слѣдующіе параграфы: 1) порядокъ найма ссыльно-поселенцевъ и другихъ рабочихъ податного состоянія; 2) объ установленіи правилъ относительно поимки бѣглыхъ и взысканія числящихся на рабочихъ долговъ и 3) о взаимныхъ отношеніяхъ хозяевъ и рабочихъ. Въ этомъ порядкѣ мы и будемъ излагать замѣчанія частныхъ лицъ, отмѣчая, разумѣется, лишь тѣ, которыя имѣютъ наибольшее значеніе для нашей цѣли.

Говоря о порядкѣ найма рабочихъ, всего болѣе вниманія составители записокъ посвятили паспортной системѣ и вопросу о задаткахъ. При составленіи устава о частной золотопромышленности 1838 г. было принято за общее правило, что срокъ найма не долженъ простираться долѣе года. Безъ сомнѣнія, правительство, устанавливая годовой срокъ найма, желало предупредить закабаленіе рабочихъ золотопромышленниками, что вызывало неудовольствіе этихъ послѣднихъ. Въ своей обширной запискѣ золотопромышленникъ С. Ф. Соловьевъ, настаивая на выдачѣ рабочимъ двухгодичныхъ паспортовъ, предлагаетъ однако сохранить постановленіе о годовомъ срокѣ договоровъ, но съ тѣмъ, чтобы они могли возобновляться по желанію обѣихъ сторонъ и чтобы для этого было достаточно засвидѣтельствованной подписи нанимающагося, что онъ остается еще на годъ. Очевидно, что порядокъ, предлагаемый Соловьевымъ, облегчилъ бы болѣе продолжительное задерживаніе рабочихъ, оставшихся въ долгу предпринимателю, и тогда годичный срокъ найма обыкновенно не соблюдался бы.

Мы видѣли выше, что золотопромышленники неоднократно заявляли о неудобствѣ для нихъ постановленія, ограничивающаго размѣръ задатка ссыльно-поселенцевъ, и о неудобоисполнимости этого правила; это не разъ признавала и администрація. Особенно огорчало золотопромышленниковъ то, что излишекъ задатка, сверхъ установленнаго закономъ размѣра, не подлежалъ взысканію, если его не отработывалъ нанявшійся. По поводу этого правила золотопромышленникъ, отставной полковникъ Шепетковскій (изъ Красноярска) писалъ: „Наемъ рабочихъ на пріиски производится съ октября мѣсяца, а отправка ихъ начинается съ января, слѣдовательно, три-четыре мѣсяца нанятые рабочіе остаются въ мѣстахъ жительства,—и какъ въ зимнюю пору здѣсь почти нѣтъ по деревнямъ работъ, то они проживаютъ безъ всякихъ занятій на квартирахъ. Исключивъ изъ назначенныхъ закономъ 7 р. 50 коп. задаточныхъ денегъ около 2 руб. въ подати (не говоря о ссыльно-поселенцахъ, обложенныхъ крестьянскими податями), остается 5 р. 50 коп. на прокормленіе въ те-

ченіе 4-хъ мѣсяцевъ; между тѣмъ въ деревняхъ самая меньшая плата за содержаніе человѣка въ сутки 15 коп., что составляетъ въ 4 мѣсяца 18 р. сер. Сверхъ того, отправляя рабочаго зимой на пріискъ, золотопромышленникъ обязанъ одѣть и обуть его въ счетъ будущей платы, иначе дорогою онъ замерзнетъ. Изъ всего этого ясно видно, что существующій законъ не выполнимъ". Поэтому Шепетковскій предлагалъ предоставить хозяевамъ и рабочимъ полную свободу относительно выдачи задатковъ и вообще платы за работу съ тѣмъ, чтобы не отработавшій забранныя деньги обязанъ былъ или отработать долгъ на слѣдующій годъ, или уплатить его деньгами, въ противномъ случаѣ не могъ бы получить паспорта для поступленія къ другому предпринимателю. Соловьевъ въ своей запискѣ также подробно говоритъ о неисполнимости правила относительно задатковъ ссыльнопоселенцевъ, въ виду недостатка рабочихъ рукъ въ Сибири, и требуетъ его отмѣны. На то же указывали и другіе золотопромышленники, напримѣръ, Якобсонъ, Базилевскій, Бенардаки и проч. въ своей общей запискѣ, С. Шелковниковъ въ своей статьѣ [1]). Кривошапкинъ предлагалъ уничтожить ограниченіе размѣра задатка ссыльно-поселенцевъ, такъ какъ для обхода этого правила имъ поневолѣ приходится брать вещи вмѣсто денегъ, не рядясь въ цѣнѣ, и разрѣшить выдачу задатковъ, по крайней мѣрѣ, до 25 руб. [2]). Купецъ Пестуновъ также предлагалъ опредѣлить maximum задатковъ въ 25 или 30 руб Напротивъ, Пищиковъ высказался въ печати противъ дозволенія давать рабочимъ при наймѣ значительныя суммы [3]).

Золотопромышленники жаловались на дорогизну и недостатокъ рабочихъ рукъ. На собраніяхъ въ Иркутскѣ 1861 г. было высказано, что дороговизна рабочихъ началась особенно „въ послѣднее время, когда всѣ свободныя руки устремились на Амуръ". По словамъ одного золотопромышленника, недостатокъ рабочихъ объясняется малочисленностью и разбросанностью населенія Сибири, которое, и не нанимаясь на пріиски, живетъ безъ нужды, особенно съ того времени, когда золотопромышленность вызвала продажу и перевозку различныхъ припасовъ; что же касается поселенцевъ, то они предпочитаютъ болѣе легкія работы. Мы видѣли однако, что все-таки множество поселенцевъ нанималось на пріиски, и потому возможно болѣе удобное утилизированіе ихъ рабочей силы входило въ разсчеты золотопромышленниковъ. И дѣйствительно, ихъ

---

[1]) „Амуръ", 1861 г., № 51.

[2]) „Промышленность", 1861 г. т. II, кн. 2 и 3, стр. 173—174.

[3]) „Къ чему рабочіе берутъ эти большіе задатки?" спрашиваетъ онъ: „собственно для того, чтобы пропить; значитъ, золотопромышленники хлопочутъ объ увеличеніи въ Сибири пьянства...., потому что большая часть ихъ — питейные откупщики или участвующіе въ откупахъ". „Сынъ Отечества" 1861 г. № 31.

собраніе въ маѣ 1861 г. нашло весьма желательнымъ, чтобы, „согласно прежнему порядку", ссыльно-поселенцевъ „приселяли" въ округа, смежные съ золотыми пріисками. Въ виду того, что такіе „опороченные" люди „должны бы для пользы общества быть, какъ можно болѣе, на виду" и находиться по возможности подъ надзоромъ и присмотромъ, а не пользоваться немедленно по прибытіи въ Сибирь полною свободою, какъ теперь, одинъ золотопромышленникъ предлагалъ, чтобы всѣ, вновь прибывающіе ссыльные, приписывались къ волостямъ, ближайшимъ къ золотопромышленнымъ округамъ, и имъ вмѣнялось бы „*въ непремѣнную обязанность*" [1]) или немедленно обзаводиться домомъ и хозяйствомъ, или, если они не имѣютъ для этого возможности, послѣ приписки къ волости, паниматься у перваго же приказчика, прибывшаго для найма людей на пріиски, и притомъ „*не менѣе, какъ на три года или три лѣта*" [2]). Можно даже, по мнѣнію автора записки, опредѣлить размѣръ рабочей платы „такъ, чтобы она была не отяготительна для золотопромышленниковъ и между тѣмъ достаточна и для рабочихъ" [3]). „Однако слѣдуемыя имъ деньги", продолжаетъ авторъ, „за исключеніемъ проходныхъ на пріиски и обратно, какъ заработанныя, такъ и задаточныя, лучше оставлять на храненіи въ волостномъ правленіи", на руки же рабочимъ выдавать лишь по истеченіи срока найма и по возвращеніи въ волость съ одобрительными на ихъ видахъ надписями, сдѣланными золотопромышленниками или управляющими пріисками. Если же такого одобренія не будетъ, то на деньги, причитающіяся рабочему по условію, волостное правленіе, по полученіи ихъ, обязано купить, что будетъ нужно „такому неблагонадежному члену общества" [4]).

Другіе золотопромышленники считали желательною выписку рабочихъ изъ Европейской Россіи, по мнѣнію собравшихся въ маѣ 1861 г.— преимущественно изъ Финляндіи [5]). Нѣкоторые мечтали и о содѣйствіи правительства въ этомъ отношеніи; такъ золотопромышленникъ Персинъ въ своей запискѣ говоритъ: „Новый и значительный приливъ народа въ Восточную Сибирь болѣе нежели необходимъ при будущемъ вѣроятномъ развитіи золотого промысла, которое безъ этой мѣры невозможно. Безъ

---

[1]) На поляхъ этой записки написано карандашемъ: „Хлопоча о свободѣ капитала, авторъ не хочетъ знать *свободы труда*. Не ошибается ли онъ въ своихъ предположеніяхъ?"

[2]) На поляхъ написано карандашемъ: „т.-е. поступить въ кабалу".

[3]) На поляхъ: „вотъ тебѣ и свобода дѣйствій!"

[4]) Противъ всего этого мѣста на поляхъ написано: „нелѣпо".

[5]) Другіе въ этомъ собраніи желали выписать на пріиски китайцевъ. С. Шелковниковъ въ своей статьѣ („Амуръ" 1861 г., № 54) предлагалъ дозволить нанимать работниковъ на пріиски не только въ Японіи и Китаѣ, но даже на островахъ Тихаго океана.

сомнѣнія", продолжаетъ онъ, „иниціатива добровольнаго вызова рабочей силы изъ Россіи должна идти отъ казны съ подробнымъ и яснымъ изложеніемъ всѣхъ выгодъ и льготъ даже для временнаго переселенія, т.-е. на извѣстное число лѣтъ. Малоземельныхъ мѣстъ и, слѣдовательно, мѣстъ бѣдныхъ въ Россіи весьма много. Уничтоженіе крѣпостного права даетъ неисчерпаемый рудникъ для пріобрѣтенія рабочихъ силъ; безсрочноотпускные солдаты, безполезные для земледѣлія, составятъ также немаловажное число рукъ, — слѣдовательно надъ этимъ задумываться нечего, тѣмъ болѣе, что золотопромышленники охотно помогутъ правительству въ передвиженіи людей, необходимыхъ имъ во всякомъ случаѣ, а при взаимной и вѣрной пользѣ казны, рабочихъ и золотопромышленниковъ въ успѣхѣ этой мѣры сомнѣнія быть не должно".

Нѣкоторые золотопромышленники шли далѣе временнаго вызова рабочихъ изъ Европейской Россіи,—именно указывали на необходимость колонизаціи Сибири въ видахъ развитія золотопромышленности, при чемъ одни предоставляли это усиліямъ частныхъ лицъ, другіе же взывали къ содѣйствію казны. Къ числу первыхъ принадлежитъ С. Шелковниковъ, который въ своей запискѣ говоритъ: „не мѣшало бы разрѣшить золотопромышленникамъ производить колонизацію изъ многолюдныхъ губерній въ тѣ пріисковыя мѣстности, которыя соотвѣтствуютъ удобствамъ переселенія". Къ числу вторыхъ относится неизвѣстный золотопромышленникъ, который въ своей запискѣ (№ 23) говоритъ: „желательно, чтобы изъ Россіи приходило большее число работниковъ, и въ особенности теперь, при освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости... Но великороссійскаго крестьянина останавливаютъ дальность пути и дороговизна перехода. Правда люди, бывалые въ Сибири, находятъ возможность совершать этотъ пятитысячный переходъ за 25 руб. сер. съ человѣка, если они отправляются артелью и въ удобное для сообщенія время; но все же это не легко сдѣлать для крестьянина". Совѣтуя облегчить имъ этотъ переходъ, авторъ замѣчаетъ, что „золотопромышленность не можетъ быть вполнѣ обезпечена такими временными приходами людей изъ Россіи", да и самимъ рабочимъ „неудобно, оставляя семью, ходить на работу въ такой отдаленный край"; поэтому онъ желаетъ совершеннаго переселенія ихъ въ Сибирь, въ особенности изъ губерній малоземельныхъ и бѣдныхъ, „что было бы въ видахъ самого правительства". Этимъ переселеніемъ, по мнѣнію автора, одновременно „достигались бы двѣ цѣли... и развитіе въ Сибири золотопромышленности, и устройство быта крестьянъ" [1]).

---

[1]) Для увеличенія количества рабочихъ Шелковниковъ предложилъ также отмѣнить различныя ограниченія, установленныя закономъ, относительно найма великороссійскихъ крестьянъ, такъ какъ эти ограниченія только усложняютъ переписку, не

Между тѣмъ, какъ золотопромышленники все плакались на недостатокъ рабочихъ и требовали содѣйствія имъ въ этомъ отношеніи со стороны правительства, въ печати мы встрѣчаемъ разъясненія, почему нѣкоторые владѣльцы золотыхъ промысловъ не находили достаточнаго количества рабочихъ рукъ. „Многіе золотопромышленники жалуются на недостатокъ въ Сибири людей и на трудность наемки рабочихъ на промыслы", говоритъ въ своей статьѣ Пищиковъ, „предполагаютъ испрашивать позволенія производить наемку изъ Европейской Россіи (какъ будто это запрещено), или изъ Китая". Взглянувъ на цифру народонаселенія Восточной и Западной Сибири (безъ Якутской и Амурской областей), надо удивляться, какъ изъ 2½ милліоновъ жителей и нѣсколькихъ десятковъ тысячъ людей, пришедшихъ для работъ изъ Россіи, не наберется какихъ нибудь тридцати тысячъ рабочихъ. Когда же вглядишься хорошенько, то увидишь, что дѣйствительно нѣтъ людей, и отчего? Оттого, что изъ каждой тысячи наличныхъ работниковъ, которые ходили или могли бы ходить на пріиски, не насбираешь и 300,—остальныхъ набирать нельзя: каждый изъ нихъ долженъ нѣсколькимъ золотопромышленникамъ отъ 50 до 200 руб. сер., а многіе изъ этихъ еще трехсотъ человѣкъ, побывавъ однажды на пріискахъ и проработавъ безвыходно три или четыре года за взятый ими задатокъ отъ 15 до 20 руб., потому что не знаютъ пріисковаго порядка, въ каждомъ году къ разсчету оставались должны; ежели же имъ удавалось выйти изъ этого долга (отказывая себѣ на пріискахъ во всемъ необходимомъ), то они не возьмутъ въ задатокъ ста рублей, не пойдутъ и безъ задатка, въ особенности на извѣстные знаменитые пріиски, на коихъ можно отдѣлаться отъ долга только двумя способами — побѣгомъ или смертью, — къ этимъ-то знаменитостямъ и наемка бываетъ трудна". У добрыхъ же и разсудительныхъ хозяевъ „наемка бываетъ легка и безъ большихъ задатковъ; они не жалуются на недостатокъ въ Сибири людей" [1]).

Въ запискѣ, подписанной Якобсономъ, Бенардаки, Ив. Базилевскимъ и др., находимъ предложеніе отмѣнить сборъ съ рабочихъ ссыльно-поселенцевъ, явившихся на пріискъ, по 1 р. 50 коп. въ экономическій капиталъ ссыльныхъ и по 1 р. для устройства осѣдлости ссыльно-поселенцевъ. „Собранныя уже такимъ образомъ деньги", по словамъ составителей записки, „остаются безъ всякой пользы для ссыльно-поселенцевъ, между тѣмъ каждый золотопромышленникъ, хотя и не вычитаетъ эти 2 р. 50 коп. изъ жалованья ссыльно-поселенца" (это было запрещено

принося „истинной" пользы. Шелковниковъ находилъ необходимымъ дозволить золотопромышленникамъ свободно нанимать рабочихъ повсемѣстно въ Европейской Россіи.

[1]) „Сынъ Отечества" 1861 г., № 50.

закономъ), „но разсчитываетъ ихъ, при наймѣ рабочаго, который, такимъ образомъ, лишается ихъ, безъ всякой для него пользы...“ Золотопромышленники желали избавиться отъ сбора, съ нихъ взимавшагося въ казну, но въ дѣйствительности они сплошь и рядомъ вычитали его изъ задатка нанимаемыхъ рабочихъ. Шелковниковъ, повидимому, хотѣлъ избавиться отъ взысканія этихъ денегъ за рабочихъ; правда, не упоминая прямо объ отмѣнѣ указаннаго сбора, онъ говоритъ: „Для лучшаго устройства быта ссыльно-поселенцевъ, преимущественно составляющихъ классъ рабочихъ на пріискахъ Сибири, и для обезпеченія ихъ будущности необходимо образовать особый сборъ изъ заработанной ихъ платы по 10% съ рубля. Сборъ этотъ, нисколько не отягощая рабочихъ, могъ бы составить въ обществахъ ихъ вспомогательный капиталъ, который послужилъ бы предохраненіемъ отъ нищенства одряхлѣвшихъ и увѣченныхъ и большимъ пособіемъ для тѣхъ, которые думали бы упрочить свою осѣдлую жизнь“. Взиманіе этого сбора съ рабочихъ онъ предлагаетъ возложить на золотопромышленниковъ, а распоряженіе капиталомъ подъ контролемъ мѣстной власти ввѣрить самому (поселенческому) обществу, которое лучше знаетъ потребности свои вообще и нужду каждаго изъ своихъ членовъ въ отдѣльности“.

Многіе золотопромышленники ходатайствовали о продленіи установленнаго закономъ срока окончанія лѣтнихъ работъ, о чемъ уже не разъ они хлопотали безуспѣшно. Въ „Сводѣ замѣчаній“ ихъ положенія формулированы такимъ образомъ: разрѣшить нанимателямъ „заключать условія съ рабочими (изъ ссыльнопоселенцевъ и изъ другихъ сословій) не по 10 сентября, какъ это предписано въ Горномъ Уставѣ, а по личному соображенію золотопромышленника, безъ чего нѣтъ возможности удержать рабочихъ никакими выгодными предложеніями. Мѣра эта полезна была бы въ томъ отношеніи, что по окончаніи промывки золота можно еще, и даже необходимо, производить пріуготовительныя для слѣдующей операціи работы, какъ, напримѣръ, по вскрытіи турфовъ и тому подобное, дабы съ наступленіемъ весны избавить рабочихъ отъ этихъ чрезвычайно утомительныхъ занятій, которыя осенью менѣе тягостны для нихъ, вслѣдствіе сдѣланной ими привычки къ труду въ теченіе лѣта“ (?). Что же касается возвращенія людей съ промысловъ позднею осенью, то, вопреки справедливымъ показаніямъ администраціи объ опасности такого путешествія рабочихъ, золотопромышленники старались увѣрить, что „въ этомъ отношеніи настоящее положеніе края, имѣющаго уже удобныя дороги и станціи съ теплымъ помѣщеніемъ, не представляетъ никакихъ затрудненій“. Золотопромышленники, собравшіеся въ маѣ 1861 г., высказались за то, чтобы назначеніе срока найма было предоставлено соглашенію обѣихъ сторонъ, и полагали, что работы мо-

гутъ быть продолжены до 1 октября и даже болѣе „по ближайшему усмотрѣнію хозяевъ“ [1]).

Золотопромышленникъ Соловьевъ указалъ на то, что по 2484 ст. Горнаго Устава, если на промыслахъ не устроено зимнихъ промывалень, промышленникъ не можетъ заставить рабочихъ трудиться позже 10 сентября и долженъ увольнять ихъ, если нѣтъ другихъ занятій на пріискахъ. „Изъ статьи этой ясно“, говоритъ Соловьевъ, что лѣтняя промывка золота должна быть закончена 10 сентября, и золотопромышленникъ можетъ 11 сентября уволить часть рабочихъ, „а другую часть имѣетъ право оставить для необходимыхъ занятій на пріискахъ“, а между тѣмъ въ дѣйствительности 10 сентября „всѣ рабочіе, какіе есть на пріискахъ, настоятельно требуютъ себѣ разсчета и увольненія, и не только никто изъ нихъ не хочетъ оставаться“ ни для какихъ работъ, но весьма трудно кого-либо изъ нихъ оставить для охраненія пріисковаго имущества [2]). Однако далѣе авторъ записки самъ признаетъ, что находятся желающіе остаться, но только имъ нужно платить больше жалованья и давать одиночныя старательскія работы. Соловьевъ предлагалъ: 1) назначить срокъ окончанія лѣтней промывки золота 13—17 сентября въ разныхъ мѣстностяхъ Сибири; 2) яснѣе указать, что затѣмъ золотопромышленникъ имѣетъ право часть рабочихъ, на основаніи контракта, оставить для осеннихъ и зимнихъ работъ, но не долѣе, какъ до 1 Января слѣдующаго года, и 3) постановить, что рабочіе, оставшіеся на пріискѣ съ предшествовавшій осени или зашедшія туда въ зимнее время (ранѣе 15 марта), не могутъ быть оставляемы на осеннія и зимнія работы безъ ихъ согласія, а рабочіе, явившіеся на пріиски послѣ 15 марта и особенно съ мая мѣсяца, ни подъ какимъ видомъ не могутъ, по окончаніи лѣтней промывки, требовать увольненія и разсчета, и, если промышленникъ пожелаетъ, должны оставаться на осеннія и зимнія работы, но не позже 1 января. При этомъ онъ совершенно не принимаетъ во вниманіе, какъ неудобенъ выходъ рабочихъ съ промысловъ зимою, при крайней суровости сибирскаго климата. В. Латкинъ справедливо говоритъ, что допустить продленіе работъ на пріискахъ до 1 или 10 октября нельзя, что поздній выходъ рабочихъ опасенъ. „Въ первые годы золотопромы-

---

[1]) Необходимость отмѣнить установленный срокъ окончанія промывки золота старался доказать также Скарятинъ въ своей книгѣ „Замѣтки золотопромышленника“, при чемъ, чтобы сдѣлать безопаснымъ выходъ рабочихъ въ болѣе позднее время, онъ предлагалъ высылать ихъ артелями, въ сопровожденіи вьючныхъ лошадей, съ припасами и еще запасными лошадьми, которыя могли бы довести до мѣста заболѣвшихъ или изнурившихся въ пути рабочихъ (ч. II, 208—210).

[2]) Мы видѣли однако, что въ началѣ 50-хъ годовъ на промыслахъ въ Енисейской губерніи для зимнихъ работъ оставалось 15—21% рабочихъ, нанявшихся на лѣтнюю операцію.

шленности", по его словамъ, „бывали такіе случаи, что сотни „рабочихъ" не находили дороги при выходѣ съ промысловъ и погибали съ голоду [1]).

Сильно озабочивали золотопромышленниковъ неявка рабочихъ на пріиски и побѣги съ промысловъ. Въ большинствѣ записокъ золотопромышленниковъ предлагалась та или другая мѣра по этому вопросу, и въ оффиціальномъ „Сводѣ замѣчаній" эти предложенія сгруппированы такимъ образомъ: 1) Не выдавать неявившимся на пріискъ или бѣжавшимъ съ него рабочимъ билетовъ ни имъ самимъ, ни другимъ нанимателямъ, а высылать ихъ къ прежнему на нимателю, у котораго они состоятъ въ долгу. 2) Согласно съ этимъ всякій рабочій не можетъ получить новаго вида, не представивъ стараго. 3) Получившіе свои паспорты отъ прежнихъ хозяевъ могутъ безпрепятственно наниматься у другихъ золотопромышленниковъ на томъ основаніи, что паспорты возвращаются рабочимъ не прежде, какъ по окончательномъ съ ними разсчетѣ. 4) Волостныя правленія и другія мѣста и лица, отъ которыхъ зависитъ выдача видовъ, должны заботиться о точномъ и буквальномъ выполненіи всѣхъ условій найма. За выдачу бѣжавшимъ (о которыхъ волостныя правленія получатъ извѣщеніе отъ промысловыхъ конторъ или отъ самихъ золотопромышленниковъ) новыхъ видовъ для найма къ другимъ промышленникамъ, виновные должны быть подвергнуты такому же наказанію, какъ за фальшиво выданный видъ, и сверхъ того взысканію въ пользу золотопромышленника всѣхъ должныхъ ему бѣжавшими денегъ. 5) Объяснять въ паспортахъ, состоятъ ли рабочіе на очереди для выполненія какихъ-либо общественныхъ повинностей для того, чтобы золотопромышленники были увѣрены, что рабочіе, ранѣе извѣстнаго срока, не будутъ вытребованы съ промысловъ. 6) Ввести на каждомъ пріискѣ списки хворымъ и слабымъ рабочимъ и такихъ впредь на промысла не принимать.

Вообще золотопромышленники жаловались на чрезмѣрную, по ихъ мнѣнію, мягкость новыхъ правилъ о наказаніи бѣглыхъ (1858 г.). Одинъ золотопромышленникъ писалъ (1860 г.): „Съ изданіемъ новаго закона о бѣглыхъ.... побѣги стали вновь возрастать, такъ что нынѣшнимъ лѣтомъ рабочіе уходили съ пріисковъ не по одиночкѣ, а цѣлыми артелями, и я самъ былъ очевидцемъ, какъ артель въ 12 человѣкъ днемъ проходила по дорогѣ въ деревню безъ паспортовъ и билетовъ, говоря, что они законъ знаютъ и что теперь имъ побѣгать можно. Къ счастію еще... сельскія власти по возможности старались ловить и цѣлыми артелями высылали бѣглецовъ обратно на пріиски, желая избавиться отъ непрошенныхъ гостей". Авторъ записки предлагалъ: 1) возстановить прежнія, болѣе

[1]) „О золотопромышленности въ Сибири". 1864 г., стр. 35.

строгія, правила; приказать земскому начальству возвращать бѣглыхъ на промысла, съ платою имъ за каждаго пойманнаго и представленнаго бѣглаго по 5 руб. сер.; взыскивать долги съ должниковъ или, въ случаѣ неплатежа ими, высылать для отработки на пріискъ, а самое лучшее—внушить рабочимъ чрезъ горнаго исправника, что всякій, оставшійся должнымъ, рабочій обязанъ остаться на пріискѣ и послѣ 10 сентября для отработки долга: „теперь, хотя это постановленіе и есть, но положительно не исполняется, и послѣ 10 сентябри, хотя бы эта статья была помѣщена въ условіи съ рабочими", низачто „не удастся удержать должниковъ: они уйдутъ съ пріисковъ, даже безъ всякаго вида". Золотопромышленникъ Пермикинъ также просилъ отмѣнить „законъ" (т.-е. правила, составленныя министерствомъ государственныхъ имуществъ по соглашенію съ министерствомъ финансовъ и II Отдѣленіемъ Соб. Е. В. канцеляріи), „въ силу котораго, бѣжавшіе съ пріисковъ рабочіе, если они бѣжали въ мѣста своей осѣдлости (домой), не подлежатъ суду, какъ бѣглые. Съ введеніемъ въ дѣйствіе этого законоположенія въ 1860 г.", продолжаетъ Пермикинъ, „рабочіе цѣлыми сотнями бѣжали съ пріисковъ". По мнѣнію Пермикина, слѣдуетъ „закономъ постановить взысканіе, какъ съ нанявшихся, такъ и съ бѣжавшихъ съ пріисковъ" не деньгами, а работою, и притомъ за всякій день просрочки или проведенный въ бѣгахъ штрафовать двумя днями работы. Золотопромышленникъ Н. Латкинъ также указывалъ въ своей запискѣ на невыгодныя для золотопромышленниковъ послѣдствія отмѣны прежняго закона, по которому бѣжавшіе съ промысловъ подвергались наказанію плетьми отъ 15 до 30 ударовъ и за третій побѣгъ ссылались въ отдаленныя мѣста Сибири [1]). „Не защищая" тѣлеснаго наказанія и не считая его универсальнымъ средствомъ къ прекращенію побѣговъ, „потому что и теперь наказаніе розгами очень мало дѣйствуетъ, если не сказать, что даже вовсе не дѣйствуетъ", Н. Латкинъ считалъ однако „необходимымъ принять очень строгія мѣры для прекращенія зла" и предлагалъ уже за второй побѣгъ наказывать, какъ за уголовное преступленіе. „Денежные штрафы за побѣгъ", по его мнѣнію, „принесутъ мало пользы: рабочіе наши, пропивающіе въ первомъ кабакѣ заработокъ, мало дорожатъ деньгами"; небольшіе штрафы „не будутъ имѣть никакого значенія, большіе—поведутъ

[1]) Побѣги съ промысловъ дѣйствительно увеличились: съ пріисковъ Енисейской губерніи въ 1857 г. бѣжало 2,2%, въ 1858 г.—2%, въ 1859 г.—2,4%, въ 1860 же году 3,4%, въ 1863 и 64 гг.—4,5%, но, во-первыхъ, процентъ бѣжавшихъ былъ все-таки не великъ, а во-вторыхъ увеличеніе побѣговъ вѣроятно объясняется не ослабленіемъ взысканій за нихъ, а крайнимъ увеличеніемъ напряженности пріисковаго труда Нужно кромѣ того не забывать, что значительную часть бѣжавшихъ ловили и возвращали на промысла (въ 1857 г.—41%, въ 1858 г.—38%, въ 1859—19%, въ 1860—23%, въ 1863—39% бѣжавшихъ съ промысловъ Енисейской губерніи).

къ злоупотребленіямъ и послужатъ закабаленію рабочихъ". Латкинъ считалъ самыми дѣйствительными такія мѣры: за первый побѣгъ, за каждый день, проведенный въ бѣгахъ, требовать съ виновнаго два дня работы сверхъ того времени, какое онъ обязался по условію; за второй разъ тюремное заключеніе на мѣсяцъ и тѣ же два штрафные дня работы; за третій—тюремное заключеніе на два мѣсяца и запрещеніе наниматься въ теченіе трехъ лѣтъ на промысла, а за слѣдующій послѣ того побѣгъ—тюремное заключеніе на три мѣсяца и совершенное запрещеніе когда-либо наниматься на пріиски.

Золотопромышленникъ Соловьевъ предлагалъ, чтобы правительство за извѣстную сумму взяло на себя охраненіе промысловъ отъ неявки и побѣга рабочихъ; онъ доказывалъ, что вслѣдствіе этого казна, и при нынѣшнемъ размѣрѣ неявки и побѣговъ, получила бы значительныя выгоды, но онѣ быстро возрастутъ, такъ какъ при такомъ порядкѣ будутъ смотрѣть на неявку и побѣгъ рабочихъ уже не какъ на частное зло, а какъ на ущербъ казнѣ, т.-е. онъ желалъ отожествить интересы казны и частныхъ золотопромышленниковъ. Сверхъ того, для прекращенія неявки и побѣговъ Соловьевъ предлагалъ правительству принять слѣдующія мѣры: За первую неявку или первый побѣгъ рабочій штрафуется тѣмъ, что на слѣдующій годъ не увольняется для работъ на частные пріиски и препровождается на казенные (т.-е. кабинетскіе) золотые промысла, гдѣ въ теченіе года и отрабатываетъ свой долгъ, послѣ чего вновь получаетъ право наниматься къ частнымъ золотопромышленникамъ, если же отработаетъ только часть долга, то для отработки остального отсылается на тотъ пріискъ, на который не явился или съ котораго бѣжалъ. Второй разъ онъ отправляется такимъ же порядкомъ на казенные промысла на два года. За третью такую же вину рабочій окончательно лишается права наниматься на частные промысла и послѣ отработки долга золотопромышленнику на казенныхъ промыслахъ отсылается на годъ въ арестантскія роты (!). За увольненіе неявившагося или бѣжавшаго рабочаго волостное правленіе штрафуется 20 рублями въ пользу казны и сверхъ того обязано возвратить золотопромышленнику долгъ, числящійся за такимъ рабочимъ. Если неявившіеся или бѣжавшіе рабочіе будутъ доставлены на пріискъ мѣстнымъ начальствомъ, то они подвергаются наказанію по приговору артельной расправы, обязаны отработать свой долгъ золотопромышленнику и до отработки могутъ быть неувольняемы съ пріиска. Золотопромышленники просили также рабочихъ, неотработавшихъ къ сроку контракта своего долга, оставлять на пріискѣ до полной отработки.

Золотопромышленники Сѣверной системы Енисейскаго округа высказали мысль, что никакой надзоръ со стороны хозяевъ и никакая полиція не въ состояніи остановить побѣги рабочихъ, что это можетъ быть

достигнуто лишь составленіемъ изъ рабочихъ артелей съ круговою порукою другъ за друга, но съ тѣмъ, чтобы она не оставалась пустымъ звукомъ. За широкое развитіе артелей высказался также мѣщанинъ Гладышевъ въ своемъ прошеніи Наслѣднику Цесаревичу (1861 г.)[1]. Къ этому вопросу мы еще вернемся ниже.

Сильно жалуясь на побѣги рабочихъ и предлагая для прекращенія ихъ самыя суровыя мѣры, золотопромышленники не упоминали о томъ, какими причинами вызываются эти побѣги. Поэтому составитель оффиціальнаго „Свода замѣчаній" очень кстати воспользовался статьею золотопромышленника Пищикова (въ „Сынѣ Отечества" 1861 г., № 50), сокращенно изложивъ такимъ образомъ главные поводы къ побѣгамъ рабочихъ: „Несоразмѣрность въ назначеніи горнорабочимъ относительно такъ называемыхъ разночинцевъ (хлѣбопековъ и т. п.) мѣсячнаго жалованья, неправомѣрное раздѣленіе вознагражденія за старательное золото между всѣми наличными людьми, находящимися на пріискѣ, и тѣми, кто дѣйствительно участвовалъ въ добываніи старательскаго золота, и наконецъ торговля, со стороны служащихъ на пріискѣ лицъ, предметами роскоши, которые пріобрѣтаются рабочими въ долгъ,—все это, независимо отъ дурного нерѣдко обращенія съ людьми, по мнѣнію автора, ведетъ къ тому, что рабочіе, будучи обременены долгами, не имѣютъ возможности честнымъ трудомъ освободиться въ скоромъ времени отъ этого долга, а потому вынуждены бываютъ прибѣгать къ различнаго рода обманамъ и даже къ побѣгамъ, чтобы избавиться отъ кабалы, этого тягостнаго и безвыходнаго положенія".

Что касается урегулированія взаимныхъ отношеній хозяевъ и рабочихъ, то по этому вопросу были высказаны слѣдующія предложенія. Относительно урочныхъ работъ Пищиковъ въ своей статьѣ[2] предложилъ установить maximum для выработки торфовъ и золотоносныхъ песковъ въ хозяйскіе дни, а именно не болѣе 1 куб. сажени на двухъ человѣкъ и одну лошадь въ смѣну (мы видѣли, что сверхъ урочной сажени въ 50-хъ годахъ стали задавать еще добавочные уроки). Шелковниковъ говоритъ: „чтобы золотопромышленники, пользуясь покровительствомъ закона, не могли злоупотреблять предоставляемыми имъ правами" относительно рабочихъ, необходимо опредѣлить размѣръ работъ и ясно обозначить его въ контрактахъ. Шелковниковъ предлагалъ на выработку кубической сажени твердыхъ или мерзлыхъ породъ, при работахъ въ открытыхъ разрѣзахъ, назначать 7 человѣкъ при ручной откаткѣ или 4 человѣка и лошадь при конной отвозкѣ. На выработку талыхъ, мяг-

[1]) Въ этомъ прошеніи Гладышевъ представляетъ цѣлый проектъ прекращенія злоупотребленій въ золотопромышленномъ дѣлѣ.

[2]) „Сынъ Отечества" 1861 г. № 31.

кихъ и разрушистыхъ породъ, не отягащая силъ рабочихъ, онъ предлагаетъ ставить на двѣ сажени 9 человѣкъ при ручномъ откатѣ [1]) и 5 человѣкъ съ $1^1/_2$ лошадью при конной отвозкѣ, но отнюдь не менѣе, къ подземнымъ же работамъ примѣнять этой нормы невозможно, такъ какъ онѣ производятся при совершенно другихъ условіяхъ. Шелковниковъ предлагаетъ вовсе не допускать на золотыхъ пріискахъ ортовыхъ подземныхъ работъ, потому что онѣ требуютъ большой осторожности, весьма тяжелы для рабочихъ и при производствѣ ихъ всегда теряется много золотоноснаго пласта, слѣдовательно вмѣстѣ съ тѣмъ теряется и золото; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ Олекминскомъ округѣ, это требованіе было бы совершенно невыполнимо. На собраніяхъ золотопромышленниковъ въ маѣ 1861 г. одинъ изъ присутствующихъ также указалъ на необходимость составленія нормальнаго урочнаго положенія для работъ на пріискахъ. Пищиковъ въ своей статьѣ предложилъ опредѣлить даже размѣръ вознагражденія за урочную работу и именно назначить рабочимъ: въ зимніе мѣсяцы—5 руб., въ лѣтніе—4 руб. сер. вмѣсто 3 р. 15 к., считая каждый мѣсяцъ отъ 1 до 30 или 31 чиселъ, а не въ 30 рабочихъ дней, „какъ всегда полагается на пріискахъ, такъ что въ году рабочихъ мѣсяцевъ насчитываютъ менѣе 9“. Послѣднія слова Пищикова подтверждаются приведенными нами данными изъ расчетныхъ книгъ 50-хъ годовъ.

Относительно старательскихъ работъ одинъ изъ золотопромышленниковъ въ своей запискѣ говоритъ: „Чтобы не было рабочимъ притѣсненія со стороны пріисковаго управленія“, необходимо въ контрактахъ стараніе на золото замѣнить стараніемъ съ кубической сажени. „Нынѣ уже нѣтъ богатыхъ пріисковъ, гдѣ стараніе на золото доставляло выгоды рабочимъ, а потому рабочіе при этомъ всегда теряютъ и, сравнительно съ тѣми, которые получаютъ старательскую плату съ работы, зарабатываютъ менѣе“. Недавно „на одномъ пріискѣ золото шло не совсѣмъ хорошо,—рабочіе, получая стараніе съ золота, большею частью остались должниками“. Нужно замѣтить, что отдѣльные случаи ничего не доказываютъ, вообще же, какъ мы видѣли въ главѣ VI, со введеніемъ общихъ старательскихъ работъ съ кубической сажени вознагражденіе рабочихъ понизилось, особенно, если принять во вниманіе увеличеніе продолжительности и напряженности труда. Напротивъ, Шелковниковъ, по вопросу о томъ, допускать ли одиночное стараніе на золото или только артелями, высказалъ въ своей запискѣ мнѣніе, что это необходимо предоставить усмотрѣнію золотопромышленниковъ; онъ находилъ, что предписаніе закона допускать къ старанію на золото артелью не менѣе 10 человѣкъ—лишаетъ рабочихъ полезнаго заработка, а вла-

[1]) Обыкновенно при ручномъ откатѣ на сажень и назначалось 4—5 человѣкъ.

дѣльцамъ пріисковъ наноситъ убытокъ отъ утраты золота въ почвѣ, „гдѣ нерѣдко оно можетъ быть извлечено только тщательнымъ разысканіемъ въ разбивку рабочими золотоносныхъ углубленій,... а при общихъ валовыхъ работахъ золото это или ускользаетъ отъ вниманія, или не окупаетъ затратъ на выработку его цѣлою артелью". Къ тому же, продолжаетъ Шелковниковъ, „ограниченіе закономъ одиночнаго старанія, въ видахъ прекращенія хищничества золота съ пріисковъ, не достигаетъ своей цѣли, а пожалуй еще болѣе увеличиваетъ это зло", такъ какъ „рабочій, не имѣя возможности представить похищенное имъ золото въ пріисковую контору въ видѣ отдѣльнаго старанія, поневолѣ или отбрасываетъ его куда нибудь, или, разъ искусившись и жалѣя потерять пріобрѣтенное, уноситъ съ собою золото" и, попадаясь съ нимъ, „судится, какъ преступникъ". Пищиковъ въ своей статьѣ предложилъ одинаковый размѣръ старательской платы за праздничную работу и сверхъурочную въ будни [1]). Купецъ Пестуновъ предложилъ „рабочимъ назначить заработки: лѣтнимъ, т.-е. на шесть мѣсяцевъ, не менѣе 100 р. сер." (тутъ очевидно плата и за урочную, и за старательскую работу), а зимнимъ съ сентября до марта не по 3 р., а по 5 или 6 р. въ мѣсяцъ, въ праздничные же дни отъ 50 до 70 коп.

Параграфъ о „взаимныхъ отношеніяхъ хозяевъ и рабочихъ" въ печатномъ „Сводѣ" начинается такимъ образомъ: „Вопросъ объ отношеніи рабочихъ къ хозяевамъ по своему совершенно *частному* [2]) характеру (?) удобнѣе было бы, по мнѣнію нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, обсудить на общемъ съѣздѣ самимъ золотопромышленникамъ, которые, зная по опыту всю важность привлеченія къ золотому промыслу вѣрныхъ и честныхъ работниковъ, ближе всего могли бы изыскать средства къ обезпеченію благосостоянія сихъ послѣднихъ, безъ особеннаго ущерба хозяйственныхъ своихъ интересовъ. Но какъ независимо отъ этой стороны настоящаго вопроса отношеніе хозяевъ къ рабочимъ во многихъ случаяхъ, несмотря на взаимную связь ихъ личныхъ выгодъ, бываютъ подчинены внѣшнему вліянію мѣстной административной власти, вліянію, выходящему нерѣдко изъ круга прямыхъ ея обязанностей, а главное препятствующему успѣшному ходу промысловыхъ операцій, то, въ видахъ устраненія этихъ препятствій, предоставляются слѣдующія, на усмотрѣніе правительства, замѣчанія. Производство работъ на промыслахъ по закону предоставлено непосредственному распоряженію каждаго золотопромышленника, между тѣмъ горные исправники часто, безъ всякой

[1]) За выемку турфовъ 2 р., за промывку песковъ—2 р. 50 коп. съ кубической сажени (но въ дѣйствительности, какъ мы видѣли, рабочіе нерѣдко получали и болѣе); на прочихъ же работахъ назначить въ праздники поденную плату: зимой 60—70 коп., а лѣтомъ до 1 р. сер., считая зимніе мѣсяцы отъ 1 октября до 1 апрѣля.

[2]) Курсивъ подлинника.

основательной къ тому причины, *воспрещаютъ ночныя работы*, собственно отъ того, что о нихъ не было донесено имъ заранѣе. Такое вмѣшательство въ частное хозяйское распоряженіе очевидно стѣснительно для золотопромышленности" и должно быть устранено. Слѣдующее затѣмъ замѣчаніе состоитъ въ предложеніи отмѣнить опросы рабочихъ, производившіеся исправниками, ревизорами и другими властями, въ отсутствіе золотопромышленника или управляющаго пріискомъ, о томъ, довольны ли они содержаніемъ, не обременяютъ ли ихъ работами и проч., такъ какъ, по мнѣнію составителя записки, это ведетъ только къ неосновательнымъ жалобамъ и притѣсненіямъ золотопромышленниковъ со стороны начальства. Каждый рабочій, въ случаѣ дѣйствительной обиды, можетъ подавать жалобу безъ всякихъ предварительныхъ опросовъ. Но насколько осуществимо было предложеніе подавать жалобы оффиціальнымъ порядкомъ, видно изъ слѣдующихъ словъ барнаульскаго мѣщанина Федченко о пріисковыхъ рабочихъ въ его запискѣ министру финансовъ: „Этотъ несчастный народъ не смѣетъ... приносить, кому слѣдуетъ, жалобы; да, впрочемъ, еслибы кто изъ рабочихъ и рѣшился пожаловаться на пріискателя или его управляющаго на противузаконныя, безчеловѣчныя ихъ дѣйствія, то его же сочтутъ бунтовщикомъ и сами собой жестоко накажутъ, и тогда уже горе, горе ему будетъ, по русской пословицѣ „до Бога высоко, до Царя далеко" или „пока солнце взойдетъ, роса глаза выѣстъ", и потому, продолжаетъ Федченко, „многіе изъ рабочихъ отправляются на тотъ свѣтъ для подачи апелляціи Богу. За что же такое рабство, угнетеніе и безчеловѣчіе? Развѣ за то, что бѣдный человѣкъ трудится до кроваваго пота все лѣто богачу, безъ малѣйшаго вознагражденія за его труды".

Относительно пищи рабочихъ Шелковниковъ предлагалъ постановить, чтобы на каждаго рабочаго отпускалось ежедневно хорошо выпеченнаго хлѣба и соли, сколько онъ можетъ съѣсть, безъ вѣсу, крупы по $^1/_4$ фунта, масла по 8 золотниковъ и мяса по одному фунту [1]), также доброкачественныхъ. „За исполненіемъ всего этого долженъ наблюдать мѣстный горный исправникъ". Пищиковъ же въ своей статьѣ [2]) предлагалъ давать мяса въ день не менѣе $1^1/_2$ фунта, а хлѣба—по желанію, но однако не болѣе 2 п. 10 фун. въ мѣсяцъ, т.-е. 3 фун. въ день. Пестуновъ предлагалъ давать мяса $1^1/_4$ фунта и кашу варить не два раза въ недѣлю, а каждый день. Шелковниковъ въ запискѣ и въ печатной статьѣ [3]) предложилъ, въ виду того, что вино полезно рабочимъ „въ гигіеническомъ отношеніи", вмѣнить въ обязанность золотопромыш-

---

[1]) Мы видѣли, что въ концѣ 50-хъ годовъ мѣстами стали давать и по $1^1/_4$ фунта.

[2]) „Сынъ Отечества" 1861 г. № 31.

[3]) „Амуръ" 1861 г. № 55.

ленникамъ давать рабочимъ порцію вина разъ въ недѣлю „для поддержанія ихъ силъ и здоровья". Обыкновенная порція на человѣка составляла $^1/_{100}$ ведра, и потому, по мнѣнію Шелковникова, это не можетъ быть обременительно для владѣльцевъ пріисковъ. Пестуновъ предлагалъ давать винную порцію два раза въ недѣлю.

Шелковниковъ въ своей статьѣ выражаетъ мнѣніе, что управленіе рабочими на пріискахъ должно зависѣть отъ золотопромышленника „безъ всякаго вмѣшательства сторонней власти" (!), если между рабочими не произойдетъ уголовнаго преступленія или не случится ропота на хозяина цѣлой артели, „когда неизбѣжно присутствіе административной полицейской власти".

Соловьевъ предлагалъ разрѣшить каждому золотопромышленнику ходатайствовать (хоть одинъ разъ въ 5 лѣтъ) предъ главнымъ мѣстнымъ начальствомъ, чтобы рабочимъ ссыльно-поселенцамъ, которые по нѣскольку лѣтъ сряду служатъ у одного и того же золотопромышленника и отличаются усердіемъ и безукоризненною нравственностью, были возвращены потерянныя ими званіе и права. Соловьевъ трогательно расписываетъ, что правосудіе должно „не только карать, но и миловать", умалчивая конечно о томъ, какъ могло бы содѣйствовать прикрѣпленію рабочихъ къ одному пріиску такое право, предоставленное золотопромышленникамъ.

Мы не встрѣтили въ предыдущіе періоды исторіи золотопромышленности никакихъ указаній относительно вознагражденія рабочихъ, потерпѣвшихъ увѣчье на пріискахъ. По этому вопросу Соловьевъ сдѣлалъ слѣдующее предложеніе въ своей запискѣ. Выдача вознагражденія рабочимъ, потерпѣвшимъ какое либо увѣчье на пріискахъ, и семействамъ тѣхъ рабочихъ, которые погибли на пріисковыхъ работахъ, говоритъ Соловьевъ, „оставалась на доброй волѣ золотопромышленниковъ"; но „одной доброй воли недостаточно и необходимы положительныя правила". По мнѣнію Соловьева, весьма полезно было бы примѣнить къ частнымъ золотымъ промысламъ слѣдующія правила, уже установленныя правительствомъ 31 марта 1861 г. для подрядчиковъ: „1) Если рабочій при производствѣ работъ подвергнется тяжкому увѣчью и останется калѣкою, то подрядчикъ обязанъ вознаградить его выдачею двойной за весь наемный срокъ платы; при легкомъ увѣчьи, требующемъ врачебнаго пособія и временнаго призрѣнія, подрядчикъ оставляетъ больного въ лазаретѣ до совершеннаго выздоровленія, безъ всякаго вычета изъ условной платы". 2) „Если рабочій убьется до смерти, умретъ отъ ушиба или полученной раны, то его семейству, въ видѣ вознагражденія, выдается удвоенная наемная плата" [1]). 3) Къ этимъ правиламъ нужно, по мнѣнію

[1]) П. С. З. т. XXXVI, № 36793, §§ 60 и 61.

Соловьева (согласному съ замѣчаніемъ газеты „Амуръ"), присоединить слѣдующее: если указанныя выше несчастія произошли отъ неудовлетворительности механизмовъ, употребляемыхъ на работахъ, или же отъ крайней невнимательности и неосторожности самихъ золотопромышленниковъ", то въ такомъ случаѣ слѣдуетъ увеличить вознагражденіе, а именно, справедливо было бы, по мнѣнію Соловьева, выдавать пострадавшимъ *ежемѣсячныя пенсіи отъ 3-хъ до 6, 9 и даже 12 руб. сер.*, соразмѣряя ихъ со степенью причиненнаго вреда или съ величиною семейства пострадавшаго. 4) Наблюденія за исполненіемъ этихъ правилъ вмѣнить въ обязанность горнымъ исправникамъ [1]).

Одинъ золотопромышленникъ предложилъ для призрѣнія получившихъ увѣчья на пріискахъ учредить въ ближайшихъ къ промысловымъ районамъ городахъ особыя богадѣльни при городскихъ больницахъ. „Устройство этихъ помѣщеній, примѣрно въ Енисейскѣ, на 50 человѣкъ не будетъ стоить дорого: три—четыре тысячи рублей. Расходы по содержанію увѣчныхъ авторъ предлагаетъ взыскивать съ хозяевъ тѣхъ промысловъ, гдѣ случилось несчастіе, если же оно произошло при проходѣ на промысла или по выходѣ оттуда, то на общій счетъ; „содержаніе это никакъ не будетъ стоить дороже 60—100 рублей на человѣка въ годъ". Предложенія о пенсіяхъ и богадѣльняхъ для пострадавшихъ рабочихъ и пенсіяхъ для ихъ семействъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не осуществлены.

Для оказанія медицинской помощи рабочимъ Шелковниковъ предложилъ постановить, чтобы владѣлецъ пріиска, на которомъ болѣе 200 рабочихъ, имѣлъ бы доктора и больницу, если же рабочихъ менѣе, то по крайней мѣрѣ опытнаго лѣкарскаго ученика, на случай подачи скорой помощи заболѣвшимъ и раненымъ.

Пищиковъ предложилъ въ своей статьѣ выдавать рабочимъ товары изъ пріисковыхъ лавокъ въ счетъ платы не иначе, какъ по таксѣ, утверждаемой каждый годъ мѣстнымъ губернаторомъ, назначивъ цѣны, согласно тому, во что обошлись вещи хозяевамъ съ доставкою на промысла безъ всякихъ барышей [2]). Пестуновъ предложилъ дозволить свободно пріѣзжать на пріискъ торговцамъ съ разными товарами и припасами: чаемъ, сахаромъ, матеріями, пшеничною мукою, разною рыбою и проч. Онъ выражалъ надежду, что вслѣдствіе этого всѣ вещи будутъ продаваться по цѣнѣ, доступной каждому, какъ въ жилыхъ мѣстахъ [3]).

---

[1]) Предложеніе Соловьева кратко изложено и въ печатномъ „Сводѣ замѣчаній" (стр. 54—55).

[2]) Мы видѣли, что на пріискахъ Енисейскаго округа золотопромышленники въ 50-хъ годахъ еще устанавливали цѣны по своему произволу.

[3]) Желаніе это и до сихъ поръ еще не осуществлено.

Торговля эта запрещена для охраненія рабочихъ отъ роскоши, а по выходѣ съ пріисковъ ихъ обираютъ въ одинъ день, и они остаются голодными и неодѣтыми, пока опять не наймутся на пріискъ; слѣдовательно, охраненіе оказывается безполезнымъ.

На собраніи золотопромышленниковъ въ маѣ 1861 г. нѣкоторыми лицами былъ возбужденъ вопросъ: не способствуютъ ли побѣгамъ злоупотребленія со стороны хозяевъ? Присутствующіе, не отвергая возможности этого, высказали однако мнѣніе, что злоупотребленія прекратятся, когда будетъ дано болѣе свободы при наймѣ людей, „а лучшимъ средствомъ къ предупрежденію взаимныхъ неудовольствій и злоупотребленій, какъ со стороны хозяевъ, такъ и со стороны рабочихъ, было бы артельное устройство, которому слѣдовало бы дать по закону полнѣйшее развитіе. Каждая жалоба на промышленника должна быть принимаема въ уваженіе, когда она подтвердится артелью. Кромѣ того, артели должно быть предоставлено право разбора не только взаимныхъ неудовольствій, но въ извѣстной степени право суда и расправы надъ рабочими“ [1]).

Мысль о необходимости артели на пріискахъ горячо доказывалъ также жившій въ Томскѣ мѣщанинъ Гладышевъ въ своемъ прошеніи Наслѣднику. По его мнѣнію, нужно, чтобы всѣ рабочіе на пріискѣ заключали, какъ теперь, одинъ контрактъ, но съ ручательствомъ другъ за друга; артели должны избирать изъ своей среды старостъ и десятниковъ. Съ начала промывки слѣдуетъ назначить плату съ золотника добытаго золота, записывая его и въ казенныя, и въ артельныя книги. „Это будетъ общій трудъ“, продолжаетъ Гладышевъ, „общій и капиталъ, и общія ихъ пользы; тогда не нужно и набавлять поденную плату“ (очевидно въ праздники) „и старательскую, равно и за подъемное золото, а должны быть всѣ прибыли общія; тогда ни одинъ не пробудетъ праздно, не пролежитъ и не прошляется, а главное не можетъ быть хищничества золота: они будутъ за этимъ наблюдать и смотрѣть лучше всякаго военнаго караула“, въ случаѣ же похищенія кѣмъ либо золота, артель должна платить значительный штрафъ хозяину; не будетъ и побѣговъ, такъ какъ, въ виду круговой поруки, будутъ смотрѣть другъ за другомъ. „Тогда могутъ быть общій трудъ и общія пользы, уменьшатся зло и преступленія; артель—основной камень... пользъ народныхъ“. Это предложеніе Гладышева отчасти осуществилось: съ 60-хъ годовъ начинаютъ появляться, какъ мы видѣли, на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ артели старателей-золотничниковъ.

Многіе изъ золотопромышленниковъ жаловались на отяготительность правительственной пріисковой администраціи, а одинъ изъ нихъ

---

[1]) „Сводъ замѣчаній“, стр. 92.

предложилъ изъять пріиски изъ вѣдѣнія жандармскихъ штабъ-офицеровъ [1]), упразднить горныхъ ревизоровъ и горныхъ исправниковъ и образовать взамѣнъ ихъ мировые суды изъ мировыхъ посредниковъ, *избираемыхъ изъ среды золотопромышленниковъ* (!), а также изъ двухъ депутатовъ отъ золотопромышленниковъ и двухъ отъ рабочихъ, назначить для производства слѣдствій судебныхъ слѣдователей, а для наказанія рабочихъ и объявленія распоряженій начальства сохранить отрядныхъ казацкихъ офицеровъ съ ихъ командою [2]).

Отмѣтимъ еще слѣдующее замѣчаніе В. Скарятина: „За преступленія, совершенныя на пріискѣ, судятъ во многихъ случаяхъ военнымъ судомъ. Нѣкоторые золотопромышленники считаютъ такой порядокъ весьма полезнымъ для большей острастки рабочихъ. Я рѣшительно не раздѣляю такого страннаго, чтобы не сказать больше, воззрѣнія. Ни въ какой особенной острасткѣ пріисковые рабочіе не нуждаются, да и плохо вѣрится въ могущество такихъ острастокъ“ [3]).

Изъ всего сказаннаго по вопросу о пріисковыхъ рабочихъ въ запискахъ, которыя были доставлены въ министерство финансовъ, наибольшее вниманіе министерства обратила на себя записка, подъ заглавіемъ „О рабочихъ на золотыхъ промыслахъ“, несмотря на то, что она вовсе не выдвигается изъ ряда другихъ трудовъ какими либо особенными достоинствами [4]). Министерство финансовъ въ іюнѣ 1861 г. разослало копіи съ нея главнымъ начальникамъ алтайскихъ и уральскихъ заводовъ и генералъ-губернаторамъ Восточной и Западной Сибири, съ требованіемъ доставить о ней свои заключенія. Замѣчанія эти любопытны для насъ, такъ какъ они являются отзывомъ на пожеланія, высказанныя не однимъ неизвѣстнымъ авторомъ обратившей на себя вниманіе министерства финансовъ записки, но повторявшіяся и во многихъ другихъ запискахъ золотопромышленниковъ.

Прежде всего авторъ разсматриваемой записки жалуется на не-

---

[1]) Пищиковъ въ своей статьѣ указывалъ на безполезность надзора жандармскихъ офицеровъ и для самихъ рабочихъ.

[2]) Золотопромышленникъ М. Безобразовъ шелъ еще далѣе; онъ предлагалъ дозволить хозяевамъ каждой системы выбрать и содержать на свой счетъ по одному совѣтнику въ Главномъ Управленіи Восточной Сибири. Напомнимъ, что наше изложеніе предложеній золотопромышленниковъ основано на ихъ запискахъ, хранящихся въ Архивѣ Горнаго Департамента, дѣло отд. частныхъ золот. пром. № 68—650, ч. II и III.

[3]) „Замѣтки золотопромышленника“, II, 217. Цвѣтолюбовъ, авторъ любопытной статьи „Нѣсколько словъ о бытѣ рабочихъ на золотыхъ промыслахъ“, стремится хотя ограничить подсудность рабочихъ военнымъ судамъ за кражу золота. „Амуръ“ 1860 г. № 12.

[4]) Составитель печатнаго „Свода замѣчаній“ въ своемъ изложеніи не разу ею не воспользовался.

удобство запрещенія промывать золото послѣ 10 сентября, иначе какъ въ теплыхъ промывальняхъ. Убытки происходятъ также отъ несвоевременной явки рабочихъ на промысла, отъ явки не въ полномъ количествѣ, „отъ несоразмѣрно увеличивающихся съ каждымъ годомъ задатковъ, требуемыхъ рабочими“ и отъ ихъ неотработки. Задатки эти часто доходятъ до 70 руб. на каждаго рабочаго, а его потомъ приходится еще снабдить одеждою—во-первыхъ, при выходѣ на работы съ мѣста, затѣмъ, послѣ того, какъ эти вещи пропьютъ на дорогѣ, ихъ приходится выдать вторично и наконецъ въ третій разъ въ Енисейскѣ при отправкѣ на промысла. „Все это составляетъ иногда сумму болѣе 100 руб. на человѣка“ [1]). Находясь на пріискахъ, рабочіе не отказываютъ себѣ и въ нѣкоторыхъ прихотяхъ, напримѣръ, въ болѣе щеголеватой одеждѣ, въ питьѣ чая, въ куреніи табаку, что также увеличиваетъ сумму забора и „только самый лучшій рабочій въ состояніи отработать весь заборъ, большая же часть (?) съ прекращеніемъ 10 сентября работы остаются должниками, и долги эти составляютъ у каждаго золотопромышленника значительныя суммы, ко взысканію которыхъ нѣтъ никакихъ средствъ, потому что за исполненіемъ со стороны рабочихъ условій контракта никто не наблюдаетъ и никто ихъ къ тому не принуждаетъ“. Авторъ жалуется и на бѣгство рабочихъ съ промысловъ. Затѣмъ онъ обращаетъ вниманіе на то, что при выдачѣ поселенцу билета на промыслы, волостное начальство требуетъ уплаты казенныхъ и общественныхъ сборовъ въ изумительномъ размѣрѣ, такъ какъ никто его не контролируетъ, и все зависитъ отъ волостного писаря. „Въ Сибири никогда, можно сказать, не было обращаемо надлежащаго вниманія на классъ ссыльно-поселенцевъ. А сколько тысячъ ихъ переселено и исчезло безслѣдно“. „Мѣстное начальство не воспользовалось“ и „средствами золотого промысла“ для устройства ихъ благосостоянія. Авторъ предлагаетъ начать съ того, чтобы при наймѣ рабочихъ на золотые промысла, въ особенности изъ ссыльно-поселенцевъ, волостное начальство не взимало съ нихъ никакихъ сборовъ, кромѣ 15 коп. за бланкъ билета; сумму же казенныхъ податей означало бы на билетахъ, съ тѣмъ, чтобы эти деньги золотопромышленники обязаны были вносить по окончаніи работъ. Это „разомъ сократитъ цифру задатковъ и не одинъ рубль сбережетъ въ карманѣ рабочаго. Для охраненія золотопромышленниковъ отъ обмановъ со стороны рабочихъ, авторъ предлагаетъ постановить: 1), чтобы рабочій, не отработавшій своего забора, не могъ уходить съ пріиска безъ согласія хозяина даже по окончаніи лѣтнихъ работъ; 2) чтобы за бѣжавшихъ отвѣчала артель; 3)

[1]) Имѣя въ виду, что заработки въ среднемъ были невелики, можно съ увѣренностью сказать, что такіе задатки и заборы до начала работъ могли быть лишь очень рѣдко. (См. главу VI).

чтобы условіе въ контрактахъ о круговой порукѣ не оставалось мертвою буквою. Эти мѣры, по мнѣнію автора, сразу прекратятъ побѣги [1]).

На запросъ министра финансовъ о доставленіи заключенія относительно изложенной записки, Корсаковъ, исправлявшій должность генералъ-губернатора Восточной Сибири, отвѣчалъ 7 августа 1861 г. Препровождая утвержденный имъ журналъ Совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири съ разборомъ этой записки, Корсаковъ съ своей стороны нашелъ нужнымъ возразить противъ упрека, что мѣстное начальство въ Сибири не обращаетъ никакого вниманія на бытъ ссыльно-поселенцевъ. Онъ указалъ на извѣстныя мѣры Муравьева объ охраненіи отъ пьянства выходящихъ съ пріисковъ рабочихъ и на распоряженіе его же (1859 г.), сдѣланое черезъ начальниковъ губерній, „вообще о пресѣченіи между простымъ народомъ пьянства и безпорядковъ“ [2]). Въ заключеніе Корсаковъ замѣтилъ, что пьянство въ Сибири, какъ вездѣ, можетъ уменьшиться не прежде измѣненія откупной системы и распространенія народнаго образованія, а до того всякія мѣстныя мѣры будутъ мало дѣйствительны. Всѣ эти указанія Корсакова не подрывали силы замѣчанія, что для улучшенія быта ссыльно-поселенцевъ не принималось никакихъ серьезныхъ мѣръ, несмотря на то, что съ этою цѣлью производился особый сборъ по числу рабочихъ на промыслахъ.

Совѣтъ Главнаго Управленія Восточной Сибири подробно разобралъ записку неизвѣстнаго автора. Относительно ходатайства золотопромышленниковъ о продленіи срока работъ послѣ 10 сентября Совѣтъ напомнилъ, что такія ходатайства были уже отклонены съ согласія министра финансовъ въ 1855 г., и прибавилъ къ этому, что оставлять рабочихъ для промывки песку на промыслахъ послѣ 10 сентября неудобно не только изъ опасенія, что рабочимъ будетъ затруднительно возвращаться домой, но и въ интересахъ самихъ золотопромышленниковъ, такъ какъ продленіе срока работъ можетъ отнять у рабочихъ желаніе наниматься на золотые промысла. Что касается другихъ предположеній автора записки, то, по мнѣнію Совѣта, они за немногими исключеніями, уже осуществлены или въ Горномъ Уставѣ, или въ распоряженіяхъ Главнаго Управленія Восточной Сибири. Такъ на пріискахъ воспрещено продавать рабочимъ предметы роскоши, но къ нимъ „едвали можно относить чай и табакъ“, такъ какъ

---

[1]) Арх. Горн. Деп. № 68/650, ч. II, л. 324—334. Предложеніе, дѣлаемое авторомъ этой записки, объ устройствѣ богадѣленъ при городскихъ больницахъ для увѣчныхъ рабочихъ было приведено нами выше.

[2]) Корсаковъ упомянулъ также, что при иркутскомъ приказѣ общественнаго призрѣнія открыта въ 1860 г. сберегательная касса, и еще въ 1859 г. Главное Управленіе Восточной Сибири представило въ министерство внутреннихъ дѣлъ свои соображенія о распространеніи дѣйствія этой кассы на пріисковыхъ рабочихъ, но отвѣта еще не получено.

ъ питьемъ чая и куреніемъ табаку населеніе Сибири „свыкается съ молодыхъ лѣтъ и отстать отъ нихъ будетъ не въ состояніи". Относительно долговъ на рабочихъ, остающихся за ними по окончаніи лѣтнихъ работъ, еще въ 1853 г. Главнымъ Управленіемъ Восточной Сибири сдѣлано распоряженіе, чтобы рабочимъ, которые не отработали забранныхъ ими денегъ и вещей, если этотъ заборъ не превышаетъ ихъ годовой платы, не давали дозволенія наниматься къ другимъ промышленникамъ до тѣхъ поръ, пока они не отработаютъ или не заплатятъ долга прежнимъ хозяевамъ. Далѣе Совѣтъ заявилъ, что вслѣдствіе жалобъ золотопромышленниковъ на слабость взысканія, опредѣленнаго за побѣги правилами 1858 г., вопросъ этотъ будетъ имъ внимательно разсмотрѣнъ. Совѣтъ считалъ возможнымъ допустить, чтобы артели пріисковыхъ рабочихъ уплачивали за бѣжавшихъ забранныя ими деньги, но подобная отвѣтственность возможна лишь въ томъ случаѣ, если артели будутъ составлены самими рабочими. Призрѣніе рабочихъ, получившихъ увѣчья на пріискахъ, въ богадѣльняхъ при городскихъ больницахъ на счетъ золотопромышленниковъ, какъ это предлагалъ авторъ записки, Совѣтъ нашелъ неосуществимымъ (?!), „потому что могутъ встрѣтиться большія къ тому затрудненія (?) какъ по устройству и наблюденію больницъ, такъ и по взысканію съ промышленниковъ на содержаніе увѣчныхъ необходимой суммы"; Совѣтъ полагалъ, что будетъ проще и полезнѣе распространить на работающихъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ 60 и 61 §§ Выс. Утв. 31 марта 1861 г. временныхъ правилъ о наймѣ рабочихъ, „имѣя въ виду, что неизлечимые поселенцы поступаютъ въ больницы указовъ общественнаго призрѣнія, въ пользу которыхъ съ этою цѣлью и взыскивается по 1 р. 50 коп. съ рабочаго ссыльнаго" [1]). Такъ какъ это послѣднее ходатайство не имѣло никакихъ результатовъ, то 15 мая 1864 г. генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Корсаковъ напомнилъ о немъ министру финансовъ и просилъ о возможно скорѣйшемъ разрѣшеніи предположенія Совѣта Главнаго Управленія, въ виду того, что „при производствѣ земляныхъ и другихъ работъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ Восточной Сибири, рабочіе люди часто подвергаются увѣчьямъ, а иногда и самой смерти вслѣдствіе недостатка предусмотрительности наблюдающихъ за работами прикащиковъ или же и отъ непредвидѣнныхъ причинъ; нерѣдко", продолжаетъ Корсаковъ, „рабочіе подвергались переломамъ руки или ноги и, пролежавъ долгое время въ больницахъ, высылаются съ пріисковъ уже неспособные работать, не

[1]) Въ заключеніе Совѣтъ упомянулъ, что объ увеличеніи задатка рабочимъ при наймѣ ихъ на золотые пріиски до 30 рублей, недавно Главное Управленіе Восточной Сибири сдѣлало представленіе министерству финансовъ (см. ниже).

только безъ всякаго со стороны промышленника пособія, но часто даже безъ средствъ на путевыя издержки“ [1]).

Генералъ-губернаторъ Западной Сибири, Дюгамель, въ своемъ отвѣтѣ на запросъ министерства финансовъ, по поводу той же записки о пріисковыхъ рабочихъ, сообщилъ, что, имѣя въ виду предполагаемый министерствомъ пересмотръ Горнаго Устава, онъ учредилъ въ Омскѣ особый комитетъ изъ товарища военнаго губернатора области сибирскихъ киргизовъ, горнаго ревизора этой области и члена совѣта главнаго управленія въ Западной Сибири для разсмотрѣнія возбужденныхъ вопросовъ и поступившихъ къ нему, вслѣдствіе вызова министерства финансовъ, соображеній частныхъ лицъ. Доставленная изъ министерства записка была также разсмотрѣна въ этомъ комитетѣ и съ его заключеніемъ согласился генералъ-губернаторъ.

Относительно увеличенія задатковъ представленіе генералъ-губернатора Гасфорда не было уважено министерствомъ финансовъ; теперь изъ присланной министерствомъ записки видно, что размѣръ задатковъ возросъ до 70 руб. и это, по мнѣнію комитета, доказываетъ, что „всякое новое постановленіе для опредѣленія мѣры задатковъ будетъ нарушено самими золотопромышленниками. Большіе задатки обольщаютъ бѣдняковъ, нанимающихся въ работу, служатъ къ соглашенію ихъ на меньшую годовую плату, и наемка на пріиски рабочихъ очень часто похожа на вербовку, въ которой разгулъ и пьянство употребляются какъ средство для выгоднаго найма“. Комитетъ нашелъ, что золотопромышленники нарушаютъ существующіе законы болѣе безнаказанно, чѣмъ рабочіе. Если хозяева промысловъ, несмотря на запрещеніе, отпускаютъ рабочимъ вещи, „не свойственныя ихъ званію“ и „принадлежащія къ роскоши“, то такіе заборы по закону не подлежатъ уплатѣ, тѣмъ болѣе, что можетъ быть въ разсчеты промышленниковъ входитъ снабженіе рабочихъ „прихотливыми вещами“, „или въ видахъ бо́льшаго задолженія рабочаго для удобнѣйшаго найма его на слѣдующее лѣто, или для извлеченія выгодъ отъ самой продажи такихъ вещей по цѣнамъ произвольнымъ, потому что онѣ, какъ недопускаемыя закономъ къ отпуску на пріискахъ рабочимъ, не могутъ показываться въ утверждаемыхъ губернскимъ начальствомъ таксахъ“. Артельное устройство допускается закономъ, и если золотопромышленники не пользуются въ этомъ случаѣ своимъ правомъ, то напрасно жаловаться, подобно автору записки, что это учрежденіе мало извѣстно на сибирскихъ промыслахъ. Что касается круговой поруки членовъ артели, то слѣдовало бы пояснить, что это ручательство распространяется только на дозволенный закономъ задатокъ и на тѣ заборы каждаго члена артели, которые сдѣланы съ ея согласія.

[1]) Арх. Горн. Деп., дѣло отд. част. золот. № 68/650, ч. III, л. 252.

Обязывать артель отвѣчать за всѣ заборы, сдѣланные безъ общаго согласія, было бы несправедливо. По поводу предложенія разрѣшить золотопромышленникамъ удерживать у себя на промыслахъ задолжившихъ рабочихъ долѣе срока найма, комитетъ пришелъ къ заключенію, что нѣтъ основанія предоставлять хозяевамъ такое право, такъ какъ оно противорѣчило бы „коренному сибирскому закону, что срокъ найма не долженъ простираться долѣе одного года (2255 ст. т. X, ч. I Зак. Гражд.)“ и дало бы возможность промышленникамъ оставлять у себя рабочихъ на неопредѣленное время; устранить это невозможно, какія бы ограниченія ни были сдѣланы относительно долговъ рабочихъ, такъ какъ на промыслахъ весьма трудно услѣдить за исполненіемъ этихъ правилъ. Къ предложенію автора записки продлить срокъ промывки золота позже 10 сентября комитетъ отнесся отрицательно въ виду суровости сибирскаго климата. Наконецъ комитетъ рѣшительно отвергъ мнѣніе автора записки о благодѣтельномъ вліяніи золотопромышленности на нравственность и благосостояніе рабочаго населенія: „опытъ доказалъ“, по словамъ комитета, „что самое напряженное развитіе золотого промысла въ 1840-хъ годахъ не токмо не послужило къ устройству домообзаводства поселенцевъ, но и разстроило сельское хозяйство тысячи крестьянъ, обольщенныхъ“ заработками на пріискахъ, съ которыхъ „они внесли въ свои семейства одно лишь пьянство, нравственное развращеніе и нищету“. Въ заключеніе комитетъ призналъ заслуживающимъ уваженія лишь указанія на недостаточное значеніе круговой поруки артелей рабочихъ и потому считалъ полезнымъ постановить, чтобы при круговой порукѣ артелей это ручательство распространялось какъ на узаконенный задатокъ, такъ и на тотъ заборъ, который каждый членъ артели дѣлалъ съ ея согласія [1]).

Въ ноябрѣ 1860 г. золотопромышленники Якутской и Забайкальской областей подали генералъ-губернатору Восточной Сибири записку объ измѣненіи нѣкоторыхъ постановленій о частной золотопромышленности. Они между прочимъ указывали на недостаточность высшаго размѣра задатка (7 р. 50 к.), которые разрѣшено было выдавать ссыльнопоселенцамъ, и просили дозволить повысить maximum такого задатка до 36 р. Совѣтъ Главнаго Управленія Восточной Сибири нашелъ необходимымъ увеличить задатокъ до 30 р., о чемъ и предложилъ представить на разрѣшеніе министра финансовъ [2]).

---

[1]) Главный начальникъ Алтайскихъ заводовъ напротивъ отнесся сочувственно къ запискѣ, доставленной министерствомъ финансовъ, и нашелъ, что предложенныя въ ней мѣры заслуживаютъ полнаго одобренія. Арх. Горн. Деп., дѣло № 68/650, ч. III, л. 25—43, 54—65.

[2]) Горный исправникъ Чайковскій въ своей запискѣ предложилъ, сообразно мѣстнымъ условіямъ почвы и времени года, ежегодно съ точностью опредѣлять: 1)

Помощникъ генералъ-губернатора Восточной Сибири, генералъ-маіоръ Корсаковъ, которому за отсутствіемъ Муравьева пришлось высказать свое мнѣніе по вышеуказаннымъ вопросамъ, препровождая въ февралѣ 1861 г. министру финансовъ журналъ совѣта Главнаго Управленія, призналъ съ своей стороны необходимымъ: 1) при наймѣ изъ ссыльно-поселенцевъ чернорабочихъ допускать задатки не болѣе 30 р., а мастеровымъ, получающимъ высшую плату, дозволить выдавать впередъ и бо́льшія суммы, но не болѣе всей наемной платы съ тѣмъ, чтобы подати за нанимающагося были взыскиваемы впередъ изъ задатка, согласно 2489 ст. Горнаго Устава, и 2) не подвергая золотопромышленниковъ штрафу за выдачу противузаконнаго задатка, „держаться коренного правила, изложеннаго въ 2256 ст. X т. Свода Зак. Гражд., на основаніи которой хозяинъ, давшій впередъ работнику болѣе всей годовой платы, лишается своего иска“ [1]). Однако ходатайство это не было уважено высшею администраціей. Мы видѣли выше, что разсматривая сообщенную министромъ финансовъ въ 1861 г. записку о пріисковыхъ рабочихъ, совѣтъ главнаго управленія Восточной Сибири, въ виду жалобъ золотопромышленниковъ на слабость взысканія, опредѣленнаго за побѣги въ 1858 году, рѣшилъ вновь разсмотрѣть этотъ вопросъ, но второе отдѣленіе главнаго управленія, которому поручено было это дѣло, не нашло основаній для увеличенія наказаній рабочимъ за побѣги съ пріисковъ [2]). Въ докладѣ этомъ была высказана справедливая мысль, что побѣги съ промысловъ есть лишь „гражданскій поступокъ“, который можетъ вызывать только побужденіе къ исполненію приговора, а не тѣлесное наказаніе.

Мы видѣли, что генералъ-губернаторъ Западной Сибири, въ виду предполагаемаго пересмотра Горнаго Устава, образовалъ въ Омскѣ особый комитетъ для разсмотрѣнія возбуждаемыхъ по этому предмету вопросовъ. Подобно тому и Корсаковъ призналъ необходимымъ въ октябрѣ 1861 г. для разсмотрѣнія мѣстныхъ обстоятельствъ по найму пріисковыхъ рабочихъ, образовать особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ горнаго инженера генералъ-маіора Клейменова изъ полковниковъ Таски-

---

норму посильной, задѣльной и урочной работы; 2) размѣръ платы съ кубической сажени, какъ за урочныя, такъ и за старательскія работы и 3) форму контракта подъ строжайшею отвѣтственностью и угрозою болѣе или менѣе значительнаго штрафа. Горные ревизоры съ своей стороны считали совершенно невозможнымъ „опредѣлить урокъ задѣльной работы на пріискахъ“ въ виду различія мѣстныхъ условій, а вмѣстѣ съ тѣмъ не находили возможнымъ и опредѣленіе размѣра задѣльной платы; но они предлагали поручить золотопромышленникамъ представить начальству проектъ контракта съ рабочими. Совѣтъ Главнаго Управленія, отнесся отрицательно ко всѣмъ предложеніямъ Чайковскаго.

[1]) Арх. Гор. Деп., дѣло № 68/650, ч. III, л. 1—13.

[2]) Докладъ по этому вопросу II Отд. Глави. Упр. В. С. см. въ главѣ IX.

на и Фитингофа, подполковника Таскина и горнаго исправника южной части Енисейскаго округа Бакшевича.

Обсудивъ имѣвшіеся въ его распоряженіи матеріалы, комитетъ, какъ сказано въ запискѣ, представленной имъ Корсакову, „пришелъ къ убѣжденію, что ненормальное положеніе рабочихъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ и неправильность ихъ отношенія къ промышленникамъ выражается слѣдующими явленіями: А) со стороны рабочихъ: 1) значительной неявкой на промысла изъ числа нанявшихся, составляющей отъ 5 до 10% [1]); 2) еще болѣе значительными побѣгами, усилившимися въ послѣдніе два года“ (на нѣкоторыхъ промыслахъ до 15% рабочихъ) [2]) и 3) „безденежьемъ рабочихъ, простирающимся до того, что значительная часть ихъ, особенно ссыльно-поселенцевъ, при выходѣ по окончаніи лѣтнихъ работъ съ промысловъ, не только не имѣютъ нужнаго количества денегъ на проходъ до мѣста жительства, но нерѣдко остаются еще должными тѣмъ золотопромышленникамъ, у которыхъ находились въ работѣ. Это послѣднее обстоятельство и есть главная причина неудовольствій и жалобъ рабочихъ на оскудѣніе заработокъ и на неправильность ихъ разсчетовъ золотопромышленными управленіями и конторами. В) Со стороны золотопромышленниковъ: 1) выдачей рабочимъ подъ разными наименованіями задатковъ въ размѣрахъ, превышающихъ нерѣдко условленную плату за все время найма; 2) невозможностью сдѣлать вѣрный учетъ предполагаемымъ работамъ, потому что неявка и побѣги значительно измѣняютъ весь разсчетъ; 3) потерей значительнаго количества задатковъ и неотработанныхъ долговъ; 4) желаніемъ всѣ эти убытки и недочеты покрыть хотя отчасти возвышеніемъ цѣны на товарныя вещи, выдаваемыя рабочимъ вмѣсто платы и уменьшеніемъ платы за трудъ... На нѣкоторыхъ промыслахъ, гдѣ плата назначается съ количества добытаго золота, заработка (sic) въ лѣтніе мѣсяцы едва доходитъ до 12—13 р. сер. [3]), между тѣмъ какъ осеннія и зимнія работы производятся изъ платы только 3 руб. въ мѣсяцъ, считая послѣдній въ 30 дней; иногда къ ней прибавляютъ еще праздничныя старанія, но съ окончанія лѣтнихъ работъ до открытія промывки они бываютъ малоцѣнны».

Для доказательства, что и при существовавшихъ тогда правилахъ

---

[1]) Эти цифры сильно преувеличены: въ 1860-хъ годахъ на промыслахъ Енисейской губерніи не явилось всего 1,2—2% нанятыхъ рабочихъ (если считать всѣхъ рабочихъ, а не нанятыхъ только внѣ промысловъ).

[2]) Приведемъ болѣе точныя данныя по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ: въ 1858 г. съ промысловъ Восточной Сибири бѣжало 3,5% рабочихъ (изъ нихъ поймано 38% бѣжавшихъ); въ 1861 г. бѣжало 4,9% рабочихъ, находившихся на промыслахъ (изъ нихъ поймано 29%); въ 1862 г. бѣжало 3,8% (изъ нихъ поймано 29%). Изъ этого видно, что побѣги были вовсе незначительны.

[3]) Мы видѣли, что это совершенно справедливо.

о наймѣ была возможность рабочимъ войти въ правильныя отношенія къ золотопромышленникамъ, „если только они сами объ этомъ позаботятся", комитетъ считалъ нужнымъ привести въ примѣръ рабочихъ изъ великороссійскихъ губерній. „Они обыкновенно нанимаются на промысла въ отрядныя работы артелями. Обезпеченные въ матеріальномъ отношеніи несравненно болѣе поселенцевъ, нравственнѣе и воздержаннѣе сихъ послѣднихъ, а потому независимѣе отъ нуждъ и свободнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, они получаютъ за свою работу болѣе возвышенную плату, чѣмъ сибирскіе рабочіе, нанимающіеся въ такія же работы одиночно, по, такъ называемымъ, общимъ контрактамъ; контракты ихъ опредѣлены ясно, потому что артель съ своей стороны включаетъ въ нихъ условія, ограждающія ея интересы. Не предоставляя ничего произволу случайности, не полагаясь на чужую опеку, рабочіе эти сами защищаютъ свои выгоды, они охотно поступаютъ въ работы, потому что работу на сознательно заключенныхъ условіяхъ считаютъ для себя выгодной; золотопромышленники въ свою очередь соглашаются на уплату возвышенныхъ цѣнъ, потому что труды этихъ рабочихъ находятъ для себя и необходимыми, и производительными. Между артельными рабочими не случается ни побѣговъ, ни уклончивости отъ работъ, ни болѣзненности въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ она встрѣчается между общеконтрактными; задатковъ они требуютъ самыхъ ничтожныхъ, а иногда нанимаются въ работу и вовсе безъ задатковъ".

Во всемъ этомъ введеніи очень много справедливаго, но его заключенія, проникнутыя принципомъ laissez faire, laissez aller заставляло ожидать мало полезнаго отъ предложеній комитета. Комитетъ находилъ возможнымъ сформулировать всю сущность дѣла въ слѣдующемъ положеніи: „Рабочій классъ на промыслахъ, предвидя возможность уклоняться отъ исполненія заключенныхъ имъ добровольно съ золотопромышленниками контрактовъ, не вникаетъ въ сущность послѣднихъ; жалуясь на уменьшеніе заработокъ, онъ въ то же время не принимаетъ никакихъ мѣръ ни къ настоящей оцѣнкѣ своего труда, ни къ сбереженію заработокъ, — съ его стороны не видно никакой иниціативы въ его собственномъ дѣлѣ; онъ находится въ какомъ-то апатическомъ состояніи и какъ будто ждетъ попеченія о себѣ извнѣ. При такомъ состояніи дѣла положеніе комитета становится затруднительнымъ. Невозможно, не поколебавъ начало свободнаго соглашенія и добровольной сдѣлки, предлагать насильственныя мѣры: заставлять одну сторону вознаграждать за труды другой платой болѣе возвышенной; иниціатива въ этомъ должна исходить отъ самихъ рабочихъ путемъ запроса; правительство можетъ только поставить рабочій классъ въ такое положеніе, чтобы онъ имѣлъ возможность заключать контракты съ полнымъ сознаніемъ; оно можетъ установить норму, выше которой не должны быть выдаваемы задатки, оно мо-

жетъ мѣрами и законодательными, и административными гарантировать ненарушимость добровольно и сознательно заключенныхъ условій. Въ этой-то гарантіи и лежитъ начало правильнаго устройства между золотопромышленниками и рабочимъ классомъ. Остальную мѣру, какъ-то наемку артелями, оно можетъ только предлагать, не дѣлая ее отнюдь обязательною".

Предположенія комитета для регулированія найма рабочихъ на золотые промыслы были сообщены начальникамъ Иркутской и Енисейской губерній и Якутской и Забайкальской областей для разсмотрѣнія въ губернскихъ совѣтахъ и общихъ присутствіяхъ областныхъ управленій, съ тѣмъ, чтобы губернаторы вмѣстѣ со своими соображеніями и заключеніями представили ихъ въ Главное Управленіе Восточной Сибири.

Разсмотрѣвъ весь полученный вслѣдствіе этого матеріалъ, совѣтъ Главнаго Управленія Восточной Сибири 20 іюня 1863 г. [1]) пришелъ къ слѣдующему заключенію: 1) еще въ февралѣ и августѣ 1861 г. совѣтъ представилъ на усмотрѣніе министра финансовъ свои соображенія объ увеличеніи задатковъ при наймѣ рабочихъ на золотые пріиски и вознагражденіи какъ изувѣченныхъ на промысловыхъ работахъ, такъ и ихъ семействъ и наконецъ о продленіи срока работъ на пріискахъ долѣе 10 сентября [2]). Поэтому и нѣтъ надобности дѣлать заключенія по тѣмъ пунктамъ предложеній особаго комитета, которые касаются этихъ вопросовъ. 2) Вопросъ о формѣ контрактовъ съ рабочими, необходимость которой признавалъ комитетъ, также разсматривался въ 1861 г. въ совѣтѣ главнаго управленія, но тогда не была признана необходимою такая форма, потому что всѣ условія, которыя должны быть включаемы въ этого рода контракты, указаны въ Горномъ Уставѣ, и слѣдуетъ только наблюдать за исполненіемъ соотвѣтственныхъ узаконеній. Теперь же, принявъ во вниманіе, что золотопромышленники при заключеніи контрактовъ съ рабочими иногда допускаютъ выраженія „неясныя, двусмысленныя и произвольныя, которыя обращались къ непредвидѣнной рабочими невыгодѣ ихъ", совѣтъ Главнаго Управленія Восточной Сибири нашелъ, что для предупрежденія подобныхъ случаевъ будетъ полезно введеніе указанной формы, составленіе которой слѣдуетъ возложить на горныхъ исправниковъ по соглашенію съ золотопромышленниками и подъ наблюденіемъ горныхъ ревизоровъ; окончательное же утвержденіе формы

[1]) Подписанъ журналъ 16 августа 1863 г.

[2]) Какъ мы видѣли выше, Совѣтъ Главнаго Управленія высказался противъ дозволенія промывки золота долѣе 10 сентября, но въ томъ же 1861 г. объявлено было распоряженіе, которымъ золотопромышленникамъ предоставлялось право производить другія работы, напримѣръ, съемку турфовъ и послѣ 10 сентября, если онѣ будутъ обусловлены въ договорахъ. „Труды Ком. Выс. утверж. для пересм. сист. под. и сбор." т. VIII, ч. II, докладъ III отд. коммиссіи, № 28, стр. 8.

контрактовъ и введеніе ея будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія генералъ-губернатора Восточной Сибири. Предлагая привести эту мѣру въ исполненіе, совѣтъ считалъ полезнымъ, чтобы копіи съ контрактовъ печатались въ разсчетныхъ листахъ и чтобы подробности отправленія работъ и плата за нихъ обозначались въ пробѣлахъ печатныхъ экземпляровъ. Что же касается урочнаго положенія на промысловыя работы, то, имѣя въ виду различія климатическихъ и другихъ мѣстныхъ условій, а также зависимость размѣра работъ отъ взаимнаго соглашенія между нанимателями и наемниками, совѣтъ призналъ составленіе такого урочнаго положенія неудобоисполнимымъ. 3) На разсмотрѣніи совѣта уже находился вопросъ о снабженіи рабочихъ на промыслахъ одеждою и разными припасами. Совѣтъ въ журналѣ 10 августа 1861 г. (по дѣлу Рукавишникова), принявъ въ соображеніе, что стоимость заготовленія промышленниками вещей и припасовъ не можетъ быть одинаковою по всѣмъ пріискамъ, вслѣдствіе различія времени и способа ихъ заготовленія, доставки на пріиски и проч., пришелъ къ заключенію, что для предупрежденія назначенія высокихъ произвольныхъ цѣнъ, горные исправники должны приглашать золотопромышленниковъ или ихъ управляющихъ въ общее собраніе въ своемъ присутствіи для установленія по пріискамъ таксъ на товары, отпускаемые рабочимъ. Заключеніе это исправляющимъ должность генералъ-губернатора приведено уже въ исполненіе чрезъ начальниковъ губерній и областей. Совѣтъ предложилъ напомнить объ исполненіи этой мѣры съ тѣмъ, чтобы росписи съ обозначеніемъ цѣнъ вещей вывѣшивались въ магазинахъ для вѣдома рабочихъ. Допущеніе же на золотыхъ промыслахъ вольной продажи припасами и вещами для рабочихъ, какъ это предлагалъ енисейскій губернаторъ Замятинъ, несмотря на нѣкоторую пользу для нихъ отъ конкуренціи торговцевъ, совѣтъ нашелъ неумѣстнымъ, такъ какъ это можетъ повлечь за собою большіе безпорядки и злоупотребленія, какъ, напримѣръ, скупъ золота, недозволенную торговлю виномъ, столкновеніе золотопромышленниковъ и торговцевъ и проч. 4) Совѣтъ нашелъ, что возложеніе на волостныя правленія веденія списковъ всѣхъ бѣжавшихъ съ золотыхъ промысловъ и неспособныхъ къ работамъ отъ увѣчья или хроническихъ болѣзней, какъ это предлагалъ комитетъ, можетъ вызвать обременительную для этихъ правленій переписку. Къ тому же подобные списки едва ли бы могли принести какую-нибудь пользу, еслибы даже они велись аккуратно, такъ какъ засвидѣтельствованіе контрактовъ совершается по закону не въ однихъ волостныхъ правленіяхъ, но и въ земскихъ судахъ, у смотрителей поселеній и въ инородческихъ управахъ, и наемъ людей производится не только тамъ, гдѣ есть волостныя правленія, а вообще по городамъ и селеніямъ, гдѣ, при конкуренціи нанимателей, некогда будетъ справляться въ волости, быть можетъ за нѣсколько десятковъ верстъ, о

бѣглыхъ или неспособныхъ, тѣмъ болѣе, что изъ поселенцевъ вѣроятно весьма немногіе окажутся недѣлавшими побѣговъ съ пріисковъ. Поэтому совѣтъ Главнаго Управленія, согласно предложенію иркутскаго губернскаго совѣта, полагалъ ограничиться тѣмъ, чтобы волостныя правленія предъ засвидѣтельствованіемъ контрактовъ предупреждали нанимателей, что такіе-то изъ рабочихъ дѣлали побѣги, не являлись на пріиски или были высланы съ нихъ по неспособности къ работамъ. 5) Наемъ рабочихъ артелями, а также (какъ предложилъ иркутскій губернаторъ въ своемъ заключеніи на мнѣнія губернскаго совѣта) увеличеніе найма работниковъ изъ великороссійскихъ губерній, по мнѣнію совѣта, были бы дѣйствительно полезны, но то и другое зависитъ отъ доброй воли золотопромышленниковъ и частію рабочихъ. Изданіе особой брошюры о наймѣ артелями, какъ это предлагалъ особый комитетъ, едва ли, по мнѣнію совѣта, поможетъ дѣлу, такъ какъ сами промышленники и рабочіе видятъ на опытѣ пользу работъ артелями, но все же остаются при прежнемъ порядкѣ, несмотря на то, что Горный Уставъ возлагаетъ на промышленника обязанность стараться нанимать рабочихъ артелями съ круговою другъ за друга порукою. Относительно же найма рабочихъ въ великороссійскихъ губерніяхъ совѣтъ, имѣя въ виду увольненіе на работы въ Амурскій края ссыльно-поселенцевъ на 3 года, а также 2214 ст. X т. Св. Зак. объ обязательствахъ по договорамъ (по которой срокъ найма въ 7 лѣтъ допускался лишь для Американской компаніи), призналъ весьма полезнымъ, чтобы мѣщане, крестьяне и вообще лица свободныхъ состояній великороссійскихъ губерній отпускались для работъ въ Восточную Сибирь на срокъ до 7 лѣтъ, но съ тѣмъ, чтобы условія объ исполненіи работъ по частнымъ золотымъ промысламъ совершались, на основаніи существующихъ на то правилъ, не болѣе, какъ на одинъ годъ. Объ этой мѣрѣ совѣтъ предлагалъ представить на усмотрѣніе министра финансовъ. 6) Предположенія комитета объ обязательномъ увеличеніи мѣсячной платы (такъ какъ трехрублевая плата очень низка), совѣтъ предложилъ оставить безъ послѣдствій: по его мнѣнію, оно не можетъ быть соглашено съ буквою закона, по которому наемъ зависитъ отъ добровольнаго соглашенія нанимателя съ наемщикомъ, а, слѣдовательно, такимъ образомъ устанавливаются и плата за трудъ, и другія условія контракта, не противныя законамъ. 7) Относительно засвидѣтельствованія контрактовъ и высылки на промысла нанявшихся и бѣжавшихъ совѣтъ предложилъ подтвердить, кому слѣдуетъ, о неупустительномъ исполненіи закона и распоряженій Главнаго Управленія Восточной Сибири подъ опасеніемъ отвѣтственности по закону—какъ за преступленіе по должности, но безъ взысканія съ виновныхъ въ пользу промышленника долговъ бѣжавшихъ и неявившихся рабочихъ, такъ какъ подобная мѣра въ законѣ не указана, а къ ходатайству о принятіи ея совѣтъ не

видитъ основанія, такъ какъ большая часть долговъ происходитъ отъ выдачи непомѣрныхъ задатковъ самими нанимателями, найма ими стариковъ и слабосильныхъ и проч. При томъ совѣтъ Главнаго Управленія считалъ необходимымъ обязать мѣста и лица, свидѣтельствующія контракты, прочитывать ихъ ранѣе засвидѣтельствованія нанимающимся рабочимъ [1]).

Изложенное заключеніе совѣта Главнаго Управленія было представлено на утвержденіе Корсакова, который въ сентябрѣ 1863 г. положилъ на него слѣдующую резолюцію: „Исполнить съ тѣмъ, чтобы о мѣрахъ къ прекращенію пьянства между рабочими при выходѣ ихъ съ промысловъ особо составить предположеніе по собраніи необходимыхъ по тому свѣдѣній". Затѣмъ Корсаковъ, препроводивъ министру финансовъ списокъ съ журнала совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири, ходатайствовалъ предъ нимъ „въ виду увеличивающейся потребности въ рабочихъ людяхъ" на пріискахъ „и непомѣрнаго возвышенія платы за отправленіе работъ" (?), происходящаго отъ недостатка рабочихъ, о содѣйствіи къ принятію мѣры, предложенной совѣтомъ, относительно отпуска людей свободныхъ состояній на работы въ Сибирь изъ великороссійскихъ губерній на сроки до 7 лѣтъ [2]).

Въ отвѣтъ на полученную имъ копію съ изложеннаго журнала совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири, якутскій губернаторъ въ февралѣ 1865 г., по вопросу объ учрежденіи сберегательныхъ кассъ, отвѣтилъ, что въ Якутской области ихъ не существуетъ ни въ одномъ обществѣ. Къ тому же въ Якутской области и особенно въ самомъ Якутскѣ нанимаются на промысла большею частію такіе ссыльные, которые сосланы въ эту область на срокъ и которые по истеченіи его обыкновенно перечисляются въ другія губерніи, а потому они будутъ опасаться, что въ случаѣ перечисленія ихъ вклады въ кассу достанутся другимъ. Учрежденіе же такихъ кассъ для пріисковыхъ рабочихъ на самихъ промыслахъ, по мнѣнію горнаго исправника Измайлова, также неудобоисполнимо вслѣдствіе временнаго пребыванія на нихъ пріисковыхъ рабочихъ [3]).

Обсужденіе вопроса, не въ дѣйствующихъ ли постановленіяхъ о частномъ золотомъ промыслѣ заключается причина его упадка, министръ финансовъ возложилъ на коммиссію, Высочайше утвержденную для пере-

---

[1]) По случаю изданія Высочайше утвержденнаго 16 октября 1861 г. положенія о городскихъ сберегательныхъ кассахъ, Совѣтъ Главнаго Управл. Восточ. Сибири рѣшилъ предложить губернаторамъ сообразить при учрежденіи подобныхъ кассъ, какимъ образомъ ими могли бы пользоваться и пріисковые рабочіе.

[2]) Арх. Горн. Деп., дѣло № 68/650, ч. III, л. 138—217; Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 1673, № 27/30.

[3]) Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 1673, № 27/30, л. 314

смотра системы податей и сборовъ, куда были переданы, какъ предположенія оффиціальныхъ лицъ и учрежденій, поступавшія съ 1856 г. по предмету развитія золотопромышленности, такъ и записки частныхъ лицъ, полученныя вслѣдствіе публикаціи, сдѣланной министромъ въ 1860 году.

Предварительное обозрѣніе всего собраннаго матеріала показало что для удовлетворительнаго разрѣшенія предстоящей задачи, заключавшейся преимущественно въ возвышеніи дохода съ частнаго золотого промысла; необходимо коснуться главныхъ основаній Горнаго Устава. Поэтому III Отдѣлъ Коммиссіи, приступая къ исполненію возложеннаго на него порученія, счелъ прежде всего необходимымъ собрать подробныя свѣдѣнія о частной золотопромышленности. Съ этою цѣлью составлены были слѣдующіе предварительные труды: во-первыхъ, на основаніи заключающихся въ дѣлахъ Горнаго Департамента оффиціальныхъ данныхъ, составлены: а) историческій очеркъ развитія частной золотопромышленности и изданныхъ о ней узаконеній; б) статистическое обозрѣніе настоящаго положенія этого промысла и в) таблица общей добычи золота и дохода, поступившаго въ казну со времени допущенія частныхъ лицъ къ разработкѣ золотоносныхъ розсыпей по 1861 г. включительно. Трудъ этотъ былъ исполненъ вице-директоромъ Горнаго Департ. дѣйств. стат. сов. Ф. Раселли, но нужно замѣтить, что въ исторической его части авторъ почти не тронулъ неизданныхъ матеріаловъ, хранящихся въ архивѣ Горнаго Департамента и главнымъ образомъ пользовался Полнымъ Собраніемъ Законовъ. Другою предварительною работою было составленіе „Свода предположеній частныхъ лицъ“ по вопросу объ облегченіи и развитіи золотого промысла; Сводъ этотъ былъ, какъ мы видѣли, далеко не полонъ.

Къ разсмотрѣнію вопроса о наймѣ рабочихъ на золотыхъ пріискахъ III Отдѣлъ Коммиссіи нашелъ возможность приступить лишь тогда, когда были получены соображенія сибирской администраціи вообще и особенно труды извѣстнаго намъ комитета, учрежденнаго въ Иркутскѣ, со всѣми вызванными ими заключеніями.

При изученіи всего полученнаго матеріала относительно рабочихъ на золотыхъ пріискахъ III Отдѣлъ Коммиссіи сопоставлялъ существующія узаконенія съ предположеніями золотопромышленниковъ и мѣстной администраціи и затѣмъ высказывалъ свои соображенія.

Отдѣлъ нашелъ, что установленный закономъ порядокъ найма рабочихъ не представляетъ особенныхъ неудобствъ, а потому и долженъ въ главныхъ своихъ основаніяхъ остаться безъ измѣненія. Что же касается правилъ, на стѣснительность которыхъ указывали золотопромышленники, то, имѣя въ виду отзывы мѣстной администраціи, отдѣлъ призналъ возможнымъ: не постановлять въ законѣ (вопреки мнѣнію Со-

вѣта Главнаго Управленія) общаго *срока для окончанія* промысловыхъ *работъ*, а предоставить это добровольному соглашенію промышленниковъ съ рабочими, при чемъ многіе могли и прежде оставаться на пріискахъ долѣе 10 сентября, какъ для вскрытія турфовъ, прорытія канавъ и другихъ промысловыхъ работъ, такъ и для промывки золотосодержащихъ песковъ, если это было условленно въ договорахъ и если на пріискахъ были устроены зимнія промывальни, но при этомъ онъ нашелъ нужнымъ постановить, что, въ случаѣ удержанія рабочихъ на пріискахъ долѣе 10 сентября, золотопромышленники обязаны принимать надлежащія мѣры для благополучнаго доставленія рабочихъ до тѣхъ пунктовъ, откуда дальнѣйшее возвращеніе ихъ на мѣста жительства становится безопаснымъ.

По вопросу о размѣрѣ задатка, выдаваемаго при наймѣ ссыльно-поселенцамъ, послѣдовало разногласіе. Меньшинство членовъ отдѣла [1]), имѣя въ виду съ одной стороны, что существующее въ законѣ ограниченіе относительно выдачи ссыльно-поселенцамъ задатковъ не болѣе 7 р. 50 коп., „вслѣдствіе незначительности этого размѣра и возвышенія вообще задѣльной платы (?) на практикѣ не исполняется, а съ другой, что выдача ссыльно-поселенцамъ большихъ задатковъ... вредно дѣйствуетъ на нравственность наемщиковъ, которые всѣ полученныя деньги пропиваютъ на мѣстѣ же и затѣмъ... бѣгутъ съ промысловъ, чтобы избавиться отъ трудныхъ работъ“, полагалъ, примѣняясь къ Высочайше утвержденнымъ въ 1861 г. временнымъ правиламъ для найма рабочихъ изъ великороссійскихъ губерній, разрѣшить выдачу ссыльно-поселенцамъ задаточныхъ денегъ не свыше половины всей договорной платы, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ выдачи имъ въ задатокъ болѣе этой суммы, промышленникъ лишался права взыскивать ее съ рабочихъ согласно 2256 ст. I ч. X т. Св. Зак. Гражд. Но большинство членовъ Отдѣла [2]) нашло, что если постановленіе о выдачѣ ссыльно-поселенцамъ задатковъ не болѣе 7 р. 50 коп. не исполняется и промышленники предпочитаютъ лучше потерять капиталъ, затрачиваемый на выдачу рабочимъ денегъ впередъ болѣе опредѣленнаго для этого закономъ размѣра, нежели остаться вовсе безъ рабочихъ, то это доказываетъ крайнюю нужду золотопромышленниковъ въ рабочихъ въ виду возрастающей между предпринимателями конкуренціи. Большинство членовъ Отдѣла не видѣло основанія стѣснять свободу

---

[1]) А. Генригроссъ, Г. Пермикинъ (золотопромышленники), Ф. Раселли, Л. Соколовскій (членъ Кабинета Е. В.) и В. Самарскій-Быховецъ (предсѣдательствующій въ коммиссіи по пересмотру Горнаго Устава).

[2]) И. Вернадскій (профессоръ-экономистъ), Н. Веселовскій, А. Гирсъ (помощникъ предсѣдателя коммиссіи), В. Клейменовъ, С. Мордвиновъ, В. Скарятинъ, С. Соловьевъ и Г. Эрнъ.

нанимателей и рабочихъ какъ въ назначеніи наемной платы, такъ и въ размѣрѣ задатка.

Въ видахъ привлеченія рабочихъ изъ великороссійскихъ губерній на сибирскіе золотые промыслы, Отдѣлъ нашелъ возможнымъ (какъ объ этомъ ходатайствовалъ и Совѣтъ Глав. Уп. В. С.), примѣняясь къ 2214 ст. т. X Св. Зак. Гражд., ч. I, отпускъ мѣщанъ, крестьянъ и другихъ лицъ свободнаго состоянія великороссійскихъ губерній для работъ въ Восточной Сибири разрѣшить на сроки до 7 лѣтъ (по указанной статьѣ максим. срокъ найма въ 7 лѣтъ дозволялся лишь для Американской компаніи) съ тѣмъ, чтобы наемъ этихъ людей на золотые пріиски совершался безъ отступленія отъ существующихъ правилъ не болѣе, какъ на одинъ годъ.

Что касается вопроса, возбужденнаго нѣкоторыми золотопромышленниками объ увеличеніи размѣра заработной платы, то Отдѣлъ нашелъ, что онъ не можетъ даже подлежать разсмотрѣнію, въ виду того, что, по его мнѣнію, всякое вмѣшательство правительства въ это дѣло противорѣчило бы кореннымъ постановленіямъ по этому предмету, по которымъ всякій договоръ совершается не иначе, какъ по добровольному согласію договаривающихся сторонъ.

По вопросу о явкѣ нанятыхъ людей на условленныя мѣста работъ, Совѣтъ Главнаго Управленія Восточной Сибири предлагалъ поставить волостнымъ правленіямъ въ обязанность при засвидѣтельствованіи контрактовъ о наймѣ предупреждать нанимателей о томъ, кто изъ нанимаемыхъ ими бывалъ въ бѣгахъ, кто не являлся на пріиски и кто оказывался неспособнымъ къ работамъ. Третій Отдѣлъ коммиссіи, находя, что эта мѣра можетъ отчасти оградить золотопромышленниковъ отъ найма людей неблагонадежныхъ, полагалъ предоставить главнымъ мѣстнымъ начальствамъ Сибири сдѣлать распоряженія объ исполненіи этого предложенія съ тѣмъ, чтобы при заключеніи съ рабочими контрактовъ нанимателямъ сообщалось о тѣхъ наемникахъ, которые состоятъ на очереди для выполненія какихъ-либо общественныхъ повинностей. Независимо отъ этого Отдѣлъ призналъ полезнымъ ввести рабочія книжки, подобно тому какъ это постановлено было въ правилахъ о наймѣ сельскихъ рабочихъ и служителей (Высочайше утвержденное мнѣніе Государствен. Совѣта 1 апрѣля 1863 г., п. VI—XIV). Отдѣлъ полагалъ предоставить Сибирскимъ генералъ-губернаторамъ обсудить эту мѣру и, если къ приведенію ея въ исполненіе не встрѣтится затрудненій, то представить министерству подробныя соображенія по этому предмету.

Сверхъ того Отдѣлъ считалъ необходимымъ постановить, что если рабочіе не явятся къ условленному въ договорѣ сроку, то за лишніе, проведенные въ дорогѣ, дни будетъ вычитаться съ каждаго просрочившаго рабочаго условленный по контракту штрафъ изъ договорной платы,

но если просрочка произошла отъ тяжелой болѣзни или прекращенія сообщеній вслѣдствіе разлива рѣкъ, или по другой причинѣ, то вычета не дѣлать.

Относительно порядка разсчета предпринимателей съ рабочими Отдѣлъ призналъ полезнымъ для обѣихъ сторонъ, чтобы наемъ рабочихъ производился преимущественно артелями съ круговой другъ за друга порукою какъ въ полученномъ задаткѣ, такъ и въ деньгахъ, забранныхъ во время работъ на пріискахъ.

По вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ хозяевъ и рабочихъ на промыслахъ Отдѣлъ призналъ совершенно достаточными и вполнѣ необходимыми мѣры, принятыя Совѣтомъ главнаго управленія В. С. для устраненія различныхъ недоразумѣній. Относительно же призрѣнія увѣчныхъ онъ также предложилъ примѣнить постановленія, изложенныя въ Выс. утв. въ 1861 г. временныхъ правилъ о наймѣ рабочихъ съ тѣмъ, чтобы выдача увѣчнымъ денежнаго вознагражденія со стороны золотопромышленниковъ равнялась бы тройной (а не двойной, какъ предлагалъ Сов. Глав. Упр.) платѣ за весь наемный срокъ и была бы обязательна для хозяевъ лишь по надлежащемъ удостовѣреніи ближайшаго врача и мѣстнаго горнаго исправника, что подвергшійся увѣчью рабочій дѣйствительно лишился чрезъ это возможности снискивать себѣ пропитаніе трудомъ. Семейству рабочаго, убившагося до смерти или умершаго отъ ушиба или раны, также слѣдуетъ выдавать утроенную наемную плату. Отдѣлъ нашелъ нужнымъ пояснить, что увеличеніе единовременнаго вознагражденія увѣчнымъ рабочимъ до тройной платы за весь срокъ онъ призналъ необходимымъ потому, что договорная плата въ Сибири, по отзывамъ главныхъ мѣстныхъ начальствъ, не превышаетъ 3 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ.

Относительно поимки бѣглыхъ Отдѣлъ полагалъ полезнымъ постановить, что виновные въ выдачѣ бѣжавшимъ рабочимъ новыхъ видовъ для найма къ другимъ промышленникамъ, подвергаются, кромѣ опредѣленнаго въ законѣ наказанія, взысканію съ нихъ въ пользу золотопромышленника всѣхъ должныхъ имъ бѣжавшими рабочими денегъ [1]).

---

[1]) При этомъ Отдѣлъ призналъ небезполезнымъ для привлеченія ссыльно-поселенцевъ къ труду и отвращенія ихъ отъ побѣговъ съ пріисковъ, опредѣлить въ законѣ какое либо съ этою цѣлью поощреніе. Въ 731 ст. XIV т. Уст. о ссыльн. постановлено, что сосланные въ Сибирь по судебнымъ приговорамъ съ лишеніемъ правъ состоянія или за бродяжество могутъ перечисляться въ государственные крестьяне не прежде, какъ по истеченіи десятилѣтняго пребыванія ихъ въ Сибири; сокращеніе же этого срока допускается, по усмотрѣнію главнаго мѣстнаго начальства, только въ видѣ награды за какія либо особенныя заслуги или за примѣрное поведеніе и нравственность. По мнѣнію Отдѣла, цѣль этого узаконенія была бы вполнѣ достигнута, если бы въ отношеніи къ ссыльно-поселенцамъ, добросовѣстно исполнявшимъ въ продолженіе 5 лѣтъ

Всѣ свои соображенія и предположенія съ проектомъ правилъ для найма рабочихъ на частные золотые промыслы, III Отдѣлъ коммиссіи для разсмотрѣнія системы податей и сборовъ опредѣлилъ внести его въ Общее собраніе Коммиссіи [1]). Въ Уставѣ о частной золотопромышленности, выработанномъ тѣмъ же Отдѣломъ, между прочимъ было предложено постановить, что въ случаѣ добычи золота посредствомъ подземныхъ работъ (ортами, штреками и т. п.) разработка пріисковъ должна производиться по правиламъ горнаго искусства безъ вреда и опасности для жизни рабочихъ [2]).

Общее собраніе Коммиссіи [3]) одобрило въ 1864 г. основныя начала предположеній III Отдѣла для развитія частной золотопромышленности и систему, принятую при составленіи проектовъ.

При разсмотрѣніи статьи правилъ о наймѣ рабочихъ, гдѣ подробно указывались главныя условія, которыя должны входить въ составъ договора промышленниковъ съ рабочими (2484 ст. Гор. Уст. Св. Зак. т. VII, изд. 1857 г.) нѣкоторые изъ членовъ, руководясь принципами буржуазной политической экономіи, замѣтили, что нѣтъ никакой надобности опредѣлять въ законѣ всѣ подробности, которыя должны входить въ договоры рабочихъ съ хозяевами, такъ какъ эти договоры заключаются по обоюдному согласію обѣихъ сторонъ. На это Ф. Раселли замѣтилъ, что, по свидѣтельству главнаго мѣстнаго начальства, жалобы промышленниковъ на неисполненіе рабочими своихъ обязанностей и возникающіе вслѣдствіе этого споры происходятъ преимущественно отъ того, что сами промышленники не обозначаютъ въ заключаемыхъ съ рабочими договорахъ со всею точностію всѣхъ условій найма и взаимныхъ отношеній ихъ между собою. Въ виду этого Совѣтъ Главнаго Управленія В. С. уже поручилъ горнымъ исправникамъ, по предварительномъ соглашеніи съ золотопромышленниками, составить однообразную и обязательную для всѣхъ промышленниковъ форму контракта, а потому нельзя уничтожать законъ, гдѣ говорится о тѣхъ главныхъ условіяхъ, которыя необходимо

работы на частныхъ золотыхъ промыслахъ и неподвергавшимся штрафованію за побѣги, опредѣленный въ ст. 731 срокъ перечисленія ихъ въ государственные крестьяне сокращенъ былъ на половину.

[1]) Труды Коммис. Высоч. Утвер. для пересм. сист. подат. и сборовъ, т. VIII, ч. 2. Докладъ III Отд. Коммис. № 28, стр. 1—45 и далѣе проектъ правилъ о наймѣ рабочихъ.

[2]) Ibid. „Проектъ Устава о части. золот.“, стр. 41.

[3]) Въ составѣ котораго входили: помощникъ предсѣдателя А. Гирсъ и члены: П. Баснинъ, Д. Бенардаки, В. Безобразовъ, А. Бутовскій, И. Вернадскій, М. Веселовскій, Гернгроссъ, Гулькевичъ, Колошинъ, Е. Ламанскій, Наржимскій, Ненюковъ, Ф. Раселли, В. Ржевскій, К. Рѣпинскій, В. Самарскій-Быховецъ, П. Семеновъ, В. Скарятинъ, Л. Соколовскій, С. Соловьевъ, Ѳ. Тернеръ, Н. Тютчевъ, П. Шамшинъ, Штубендорфъ, А. Шумахеръ и И. Якобсонъ.

помѣщать въ договорахъ; но Раселли допускалъ, что можно упростить и сократить указанную статью. Основываясь на этомъ мнѣніи, Общее Собраніе Коммиссіи признало полезнымъ оставить въ законѣ указанія лишь на тѣ предметы, которые необходимо должны быть внесены въ договоры для огражденія интересовъ обѣихъ сторонъ. Слѣдуетъ замѣтить, что такое сокращеніе этой статьи закона не могло не быть вреднымъ для рабочихъ, такъ какъ установленная административнымъ путемъ форма контрактовъ (если бы она и была принята) едва ли могла имѣть такое значеніе, какъ прямое предписаніе закона. Такъ, напримѣръ, въ новой редакціи было исключено указаніе на то, что рабочій не долженъ трудиться болѣе, чѣмъ съ 5 часовъ утра до 8 час. вечера, за вычетомъ времени, опредѣленнаго на обѣденный отдыхъ, а между тѣмъ это указаніе давало возможность мѣстной администраціи вчинать дѣла о чрезмѣрномъ обремененіи рабочихъ на нѣкоторыхъ пріискахъ. Въ новой редакціи эта статья приняла слишкомъ сжатый и неопредѣленный видъ; такъ взамѣнъ подробнаго указанія на то, что въ договорѣ слѣдуетъ обусловить: кѣмъ должно быть устроено помѣщеніе для рабочихъ, чья должна быть одежда и обувь, какую пищу долженъ получать рабочій, въ правѣ ли наниматель дѣлать вычеты за прогульные дни по болѣзни или другимъ причинамъ, какъ велика должна быть плата за работу и проч.,—въ новой редакціи мы встрѣчаемъ весьма общее указаніе, что договоръ долженъ содержать въ себѣ „обязательство нанимателей относительно порядка управленія рабочими и удовлетворенія ихъ пищею и прочимъ денежнымъ и вещевымъ довольствіемъ на золотыхъ пріискахъ“.

Общее собраніе рѣшило исключить изъ проекта Устава статью о порядкѣ отдачи неисправныхъ въ платежѣ денежныхъ сборовъ ссыльно-поселенцевъ въ работы золотопромышленникамъ, такъ какъ изложенныя въ этой статьѣ правила были изданы въ видѣ опыта на три года, и они составляютъ лишь административную мѣру, которая на практикѣ, по отзыву золотопромышленниковъ, рѣдко исполняется.

Относительно порядка слѣдованія рабочихъ на условленныя мѣста для работъ артелями Общее собраніе признало полезнымъ сохранить существующій законъ не только относительно ссыльно-поселенцевъ, но и относительно всѣхъ рабочихъ [1]).

Собраніе предоставило рабочимъ право жаловаться горному исправнику на рѣшеніе на пріискѣ артельной расправы, состоящей изъ старосты, назначаемаго промышленникомъ, и двухъ выборныхъ отъ рабочихъ. По поводу статьи, запрещающей рабочимъ самовольно переходить съ одного промысла на другой, было замѣчено (членами-экспертами

[1]) Право наказанія рабочихъ за буйство на пути Общее Собраніе предоставило не артельному старостѣ, а большинству членовъ артели.

В. Скарятинымъ и С. Соловьевымъ), что необходимо постановить болѣе подробныя правила относительно отвѣтственности рабочихъ за неисполненіе условій договора и должностныхъ лицъ, которыя оказываютъ рабочимъ послабленіе, такъ какъ вслѣдствіе этого золотопромышленники при малой населенности Сибири и дороговизнѣ рабочихъ рукъ терпятъ большіе убытки. Вмѣстѣ съ тѣмъ Общему Собранію было доложено мнѣніе начальника Томской губерніи (1864 г.), о необходимости принять болѣе дѣйствительныя мѣры къ устраненію неявки рабочихъ на пріиски, такъ какъ число неявившихся по отзыву золотопромышленниковъ составляетъ постоянно отъ 10 до 15% [1]).—Общее Собраніе Коммиссіи признало полезнымъ сдѣлать нѣкоторыя поясненія и дополненія статей, касающихся порядка выдачи рабочимъ новыхъ видовъ и высылки бѣжавшихъ и неявившихся рабочихъ на промысла и положило установить слѣдующія мѣры: 1) неявившихся на промысла и бѣжавшихъ съ нихъ рабочихъ препровождать къ золотопромышленникамъ для отработки долга и срочнаго времени для работъ. 2) „Оставшіеся въ долгу у прежняго хозяина рабочіе могутъ получить новый видъ для найма у другого промышленника не иначе, какъ по уплатѣ долга, а въ случаѣ нежеланія должника отправиться для отработки долга къ прежнему хозяину или уплатить свой долгъ чрезъ другого изъ нанимателей, обязать волостное начальство высылать таковыхъ для отработки долга полицейскими мѣрами". 3) Виновныхъ въ выдачѣ новыхъ видовъ неявившимся на промыслы и бѣжавшимъ рабочимъ подвергать взысканію числящихся на нихъ долговъ. Въ статьѣ о порядкѣ найма рабочихъ изъ губерній Европейской Россіи на пріиски Общее Собраніе признало излишнимъ сохранять правило, которымъ стѣсняется свободное движеніе рабочихъ безъ дозволенія мѣстнаго полицейскаго начальства, такъ какъ эта мѣра была принята при существованіи крѣпостного права.

Наконецъ Общее Собраніе Коммиссіи, соглашаясь съ соображеніями III Отдѣла относительно сокращенія сроковъ исправнымъ рабочимъ изъ ссыльно-поселенцевъ для перечисленія въ государственные крестьяне и о предварительномъ сношеніи министра финансовъ съ главнымъ мѣстнымъ начальствомъ о введеніи въ употребленіе рабочихъ книжекъ, которыя замѣняли бы собою контракты, а для ссыльно-поселенцевъ и увольнительные билеты, заключило: возбужденные III Отдѣломъ Коммиссіи по этимъ предложеніямъ вопросы представить на ближайшее усмотрѣніе министра финансовъ [2]).

---

[1]) Цифра эта сильно преувеличена, если считать всѣхъ рабочихъ, а не нанятыхъ только внѣ промысловъ; въ Енисейской губерніи въ 60-хъ годахъ не являлось на пріиски всего отъ 1,2 до 2% рабочихъ.

[2]) „Труды Коммиссіи Высоч. Утверж. для пересм. сист. податей и сборовъ" т. VIII, ч. II, журналъ Общаго Собранія Коммис. № 21, стр. 59—73. Мнѣніе Томскаго губернатора см. Архивъ Горн. Департ., № 68/650, ч. III, л. 256—258.

Такимъ образомъ Труды Общаго Собранія Коммиссіи по составленію проекта Устава о частной золотопромышленности и правилъ о наймѣ рабочихъ, закончились въ 1865 году. Между тѣмъ, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, министръ финансовъ внесъ въ Государственный Совѣтъ проектъ Устава о золотопромышленности лишь въ 1867 году, и тамъ онъ былъ разсмотрѣнъ только въ 1869 году. Мы возвратимся ниже къ судьбѣ этого проекта, а теперь остановимся на нѣкоторыхъ частныхъ узаконеніяхъ относительно пріисковыхъ рабочихъ, изданныхъ въ 60-хъ годахъ.

Вслѣдствіе частыхъ побѣговъ рабочихъ съ золотыхъ промысловъ Восточной Сибири, въ Енисейской губерніи возникло предположеніе о принятіи особыхъ мѣръ для пресѣченія побѣговъ. Предположеніе это состояло въ томъ, чтобы, по поимкѣ рабочихъ, бѣжавшихъ съ промысловъ, горные исправники возвращали ихъ туда и взыскивали съ хозяевъ промысловъ по 3 р. сер. за каждаго бѣглаго для вознагражденія тѣхъ, которые поймали бѣглецовъ съ зачисленіемъ этихъ денегъ на счетъ бѣжавшимъ, которые и обязаны ихъ отработать. Къ этому предположенію сочувственно отнеслась высшая администрація Восточной и Западной Сибири, и Выс. Утвер. 21 декабря 1861 г. положеніемъ Сибирскаго Комитета было повелѣно: установленную въ ст. 101 и 606 Уст. о Пасп. и бѣглыхъ (т. XIV Св. Зак. изд. 1857 г.) выдачу наградъ нижнимъ чинамъ воинскихъ командъ за поимку бѣглыхъ рабочихъ съ частныхъ Сибирскихъ золотыхъ промысловъ распространить вообще на всѣхъ лицъ, которыми будутъ пойманы и представлены въ распоряженіе начальства бѣжавшіе съ пріиска рабочіе, съ тѣмъ, чтобы наградныя деньги по 1 р. 50 коп. и по 3 руб. за каждаго человѣка казенныя палаты или уѣздныя казначейства тотчасъ выдавали изъ общихъ губернскихъ доходовъ поймавшимъ бѣглыхъ и деньги эти зачисляли въ недоимку для взысканія съ пристанодержателей, если они окажутся, а въ противномъ случаѣ съ золотопромышленниковъ, предоставивъ имъ обращать эти деньги на счетъ пойманныхъ бѣглыхъ. Мѣру эту повелѣно было допустить въ видѣ опыта на 3 года, если же она окажется полезною, то предоставить главному начальству Сибири продлить дѣйствія ея и на будущее время [1]).

Въ 1862 году Сибирскій Комитетъ въ виду того, что разрѣшено было допустить частную золотопромышленность въ нѣкоторыхъ частяхъ Алтайскаго округа, нашелъ возможнымъ допустить ссыльно-поселенцевъ и на частные пріиски этой мѣстности. Наемъ ссыльно-поселенцевъ на пріиски Алтайскаго округа Сибирскій Комитетъ положилъ дозволить въ видѣ опыта на 3 года, но съ тѣмъ, чтобы имъ было попрежнему воспрещено постоянное водвореніе въ крестьянскихъ селеніяхъ горнаго вѣ-

[1]) П. С. З. т. XXXVI, № 37786.

домства и приписка къ тамошнимъ сельскимъ обществамъ и чтобы они, по окончаніи работъ, возвращались въ мѣста своего причисленія. Государь повелѣлъ 15 марта 1862 года исполнить это положеніе Комитета, а въ 1866 году повелѣно было продолжить срокъ найма ссыльно-поселенцевъ на частные и казенные алтайскіе золотые промыслы впредь до указанія опыта и съ сохраненіемъ условій, установленныхъ 15 марта 1862 г. [1]).

Мы видѣли, что и прежде правительству приходилось принимать мѣры для обезпеченія рабочихъ въ исправномъ полученіи на золотыхъ промыслахъ заработанныхъ ими денегъ. 30-го мая 1867 года Выс. утв. мнѣніемъ Комитета министровъ были установлены по этому предмету слѣдующія временныя правила. Лица, завѣдующія полицейскою частью на пріискахъ до наступленія времени разсчета рабочихъ и до отправленія золота, добытаго во второй половинѣ промысловаго года, удостовѣряются опросомъ золотопромышленниковъ, есть ли у нихъ достаточное количество денегъ для разсчета съ рабочими. Если денегъ окажется мало и при томъ не представится никакихъ другихъ средствъ, то лицо, завѣдующее полицейскою частью, дѣлаетъ распоряженіе объ отправленіи промысловою конторою въ ближайшее отдѣленіе Государственнаго банка для выдачи ссудъ такого количества золота, какое необходимо будетъ для покрытія выданныхъ подъ него въ ссуду недостающихъ для разсчета съ рабочими денегъ, а по полученіи денегъ вмѣстѣ съ промысловымъ управленіемъ разсчитываетъ рабочихъ. До окончанія разсчета золотопромышленникъ обязанъ содержать рабочихъ на свой счетъ и платить имъ за каждыя сутки, со дня окончаніи срока контракта по день разсчета, по 30 коп. каждому. Деньги подъ залогъ золота для разсчета съ рабочими велѣно было выдавать, несмотря ни на какія другія наложенныя запрещенія [2]).

По окончаніи всѣхъ работъ по пересмотру Устава о частной золотопромышленности въ министерство финансовъ поступило отъ главнаго мѣстнаго начальства Восточной Сибири два представленія: одно объ установленіи законодательнымъ порядкомъ формы для контрактовъ, составленной на основаніи данныхъ, выработанныхъ въ особо учрежденномъ для этого Комитетѣ и разсмотрѣнныхъ въ Совѣтѣ Главнаго Управленія В. С., а другое объ установленіи особыхъ правилъ о наймѣ на частные золотые промыслы несовершеннолѣтнихъ. Поводомъ для возбужденія второго вопроса послужило слѣдующее обстоятельство.

Управляющій пріисками Безобразовыхъ въ сѣверной системѣ Ени-

---

[1]) П. С. З. т. XXXVII, № 38062, т. XLI, № 42977.

[2]) П. С. З. т. XLII, № 44638. „Труды Ком. Выс. утверж. для пересм. сист. под. и сборовъ“ т. VIII, ч. III, стр. 103.

сейскаго округа, инженеръ-технологъ Степановъ, обратился въ 1862 г. къ и. д. генералъ-губернатора Восточной Сибири съ жалобою на горнаго исправника Сѣверной системы, который неоднократно требовалъ, чтобы Степановъ разсчиталъ и уволилъ съ пріисковъ рабочихъ, „какъ не имѣвшихъ права обязываться контрактомъ". Исполненіе этого требованія, по словамъ Степанова, „равносильно прекращенію работъ" на управляемомъ имъ пріискѣ и почти во всей тайгѣ, такъ какъ почти всѣ песковые и турфовые возчики моложе 21 года. По мнѣнію Степанова, требованіе горнаго исправника „идетъ совершенно наперекоръ существующему порядку, не согласно съ закономъ и выходитъ изъ границъ предоставленнаго ему права", такъ какъ нѣтъ закона, который запрещалъ бы недостигшимъ 21 года идти на заработки для прокормленія себя и своего семейства. Если даже „буквально примѣнить въ этомъ случаѣ законъ объ обязательствахъ несовершеннолѣтнихъ, то съ согласія родителей или попечителей несовершеннолѣтніе могутъ давать всякаго рода обязательства; увольнительное же свидѣтельство о безпрепятственности найма, въ выдачѣ коего участвуетъ крестьянское общество и родственники наемника, доказываетъ, что таковое согласіе послѣдовало, и тѣмъ самымъ отстраняется даже съ этой стороны поводъ къ нарушенію контракта" [1]).

Спрошенный по поводу этой жалобы, горный исправникъ Чайковскій объяснилъ, что пріисковыя работы слишкомъ тяжелы, что малолѣтніе не только не имѣютъ права сами заключать договоровъ (222 ст. X т. ч. 1 Св. Зак. Гражд.), но даже не могутъ быть отдаваемы въ наемъ ихъ отцами и матерями, такъ какъ статья 2285 тѣхъ же законовъ дозволяетъ отдачу отцами и матерями малолѣтнихъ (моложе 17 лѣтъ) только въ легкую работу съ дозволенія начальства. Къ этому Чайковскій добавилъ, что ни у кого изъ золотопромышленниковъ его системы, кромѣ Безобразовыхъ, малолѣтнихъ рабочихъ не было, Степановъ же не только нанялъ 16 лѣтняго мальчика, но еще, когда тотъ бѣжалъ и былъ пойманъ, жестоко наказалъ его розгами и не разсчиталъ его, вопреки требованію исправника, до окончанія срока работъ.

Вслѣдствіе этого дѣла въ Совѣтѣ Главнаго Управленія Восточной Сибири, въ засѣданіи 30 декабря 1863 года, былъ возбужденъ общій вопросъ о несовершеннолѣтнихъ рабочихъ на золотыхъ промыслахъ. Совѣтъ нашелъ, что въ положеніи о частной золотопромышленности, а также и въ гражданскихъ законахъ не заключается правилъ о наймѣ несовершеннолѣтнихъ на золотые промысла и что 52—54 статьи положенія 8 марта 1861 г., объ освобожденіи горнозаводскаго населенія казенныхъ земель [2]), относятся къ употребленію несовершеннолѣтнихъ въ

[1]) Арх. Горн. Деп., дѣло № 68/650, ч. III, л. 86—87.

[2]) Этими статьями воспрещалось употреблять въ заводскія работы дѣтей моложе 12 лѣтъ; несовершеннолѣтнихъ отъ 12 до 18 лѣтъ разрѣшалось нанимать съ согласія

горныя работы, а о наймѣ ихъ на золотые промысла необходимо особое разъяснительное постановленіе, для чего необходимо потребовать мнѣніе горныхъ ревизоровъ. Горный ревизоръ частныхъ золотыхъ промысловъ Енисейской губ. обратился въ свою очередь къ горнымъ исправникамъ. „Хотя на промыслахъ ввѣренной мнѣ системы", отвѣчалъ въ февралѣ 1864 г. горный исправникъ Сѣверной части Енисейскаго округа Трапезниковъ (замѣстившій Чайковскаго), „несовершеннолѣтніе рабочіе бываютъ въ незначительномъ количествѣ, но, по мнѣнію моему, и эти послѣдніе не должны быть нанимаемы, потому что они, не принося существенной пользы промысловому дѣлу, могутъ приносить вредъ, какъ себѣ, такъ и обществамъ, которымъ принадлежатъ.... Родители несовершеннолѣтняго, довольные получаемымъ имъ задаткомъ, поступающимъ въ распоряженіе ихъ, не прекословятъ этому найму, а, коль скоро послѣдовало согласіе съ ихъ стороны, то волостнымъ правленіямъ нѣтъ надобности стѣснять свободу несовершеннолѣтняго, который, не имѣя никакого понятія о промысловомъ трудѣ, а нерѣдко вынуждаемый даже родителями.... рѣшается на этотъ опасный шагъ... Между тѣмъ пріисковый трудъ ему не по силамъ; онъ долженъ или подвергать разстройству свое здоровье, чтобы не отстать отъ совершеннолѣтнихъ, или, что всего вѣрнѣе, бѣжать, оставаясь въ долгу". Его возвращаютъ по этапу, „въ кругу спутниковъ, большею частью окончательно испорченной нравственности", которые имѣютъ на него самое вредное вліяніе. Онъ бѣжитъ во второй и третій разъ, „мало-по-малу развращается и дѣлается въ тягость не только обществу, своимъ родителямъ, но и самому себѣ. Въ заключеніе Трапезниковъ предложилъ увольненіе несовершеннолѣтнихъ на промысла въ качествѣ чернорабочихъ воспретить, но дозволить наемъ ихъ по особымъ условіямъ—для письма, услуженія, присмотра за работами, какого либо мастерства, словомъ, для всѣхъ тѣхъ занятій, которыя соотвѣтствуютъ ихъ возрастамъ и силамъ.—Горный исправникъ южной части Енисейскаго округа Бакшевичъ высказалъ мнѣніе, что несовершеннолѣтнихъ можно нанимать на промысла, но съ тѣмъ, чтобы употреблять ихъ преимущественно на легкія работы: водить лошадей, на которыхъ возятъ песокъ и торфъ или быть погонщиками лошадей при конныхъ приводахъ, устраиваемыхъ въ случаѣ недостатка воды; но и это занятіе, по мнѣнію Бакшевича, „должно быть сокращено на $^1/_7$ часть времени", сравнительно съ тѣмъ, сколько работаютъ совершеннолѣтніе [1]). По всей вѣроятности онъ имѣлъ въ виду 14-часовой рабочій день взрослыхъ и, слѣдовательно, предлагалъ, чтобы несовершеннолѣтніе работали не болѣе 12 часовъ.

родителей, но съ тѣмъ, чтобы до 15 лѣтъ работали не болѣе 8 ч. въ сутки, только днемъ и въ горныхъ работахъ только на поверхности земли. П. С. З. т. XXXVI, № 36719.

[1]) Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2545, № 58/113, л. 6—11, 21—25.

Чтобы дать понятіе о проектѣ контракта для найма рабочихъ на золотые промысла, одобренномъ въ 1866 г. Совѣтомъ Главнаго Управленія Восточной Сибири и представленномъ на утвержденіе министра финансовъ, приведемъ нѣкоторые изъ пунктовъ этого контракта.

Если по пути на пріиски кто либо изъ рабочихъ промотаетъ одежду и взамѣнъ промотанной получитъ новую, то за стоимость такихъ вещей рабочіе отвѣчаютъ всею артелью, при чемъ артель „имѣетъ право подвергнуть виновныхъ наказанію, по правиламъ артельной расправы, и убытки, происшедшіе отъ растраты, отнести на его счетъ". При опредѣленіи осенняго срока пріисковыхъ работъ (10 сентября) сдѣлана оговорка, что и послѣ того для вскрытія торфовъ и выемки песковъ рабочіе могутъ оставаться на пріискахъ по добровольному ихъ на то согласію и за особую плату; „по наступленіи же холоднаго времени или первой зимней дороги, пріисковое управленіе обязано безъ замедленія отправить" рабочихъ „артелями до перваго селенія, снабдивъ лошадьми для своза" ихъ „багажа и припасовъ, а также заболѣвшихъ дорогою". Повторяя правило закона 1838 г., что работы должны происходить съ 5 ч. утра до 8 вечера, проектъ замѣняетъ неопредѣленное постановленіе этого закона относительно продолжительности отдыха точнымъ правиломъ, что „изъ числа рабочихъ часовъ" слѣдовало давать рабочимъ „на завтракъ, обѣдъ и отдыхъ не менѣе двухъ часовъ". Кромѣ того въ проектѣ 1866 г. „для поддержанія здоровья рабочихъ" былъ назначенъ „одинъ будничный день на роздыхъ по очередному порядку"; впрочемъ желающіе и въ этотъ день могли заниматься старательскими работами. Что касается пищевого пайка рабочихъ, то по проекту 1866 г. хлѣба, соли и квасу должно было выдавать рабочимъ, сколько они въ состояніи съѣсть и выпить, говядины не менѣе 1 ф., крупы 10 ф. и масла только 8 золотниковъ. Для предохраненія отъ цынги рабочимъ одинъ разъ въ недѣлю, по субботамъ, должна была, на счетъ пріисковаго управленія, выдаваться винная порція не менѣе $^1/_{100}$ ведра. Рабочіе „нерадивые и дурного поведенія" могли быть удаляемы съ пріисковъ „съ разрѣшенія горнаго исправника". За недоработку уроковъ устанавливалась круговая отвѣтственность артели. Споры „о качествѣ грунта, т.-е. мягокъ онъ и разрушистъ или твердъ и крѣпокъ", съ чѣмъ связанъ былъ размѣръ уроковъ, могли разрѣшаться горнымъ исправникомъ или горнымъ ревизоромъ. „Однакожъ грунтъ земли иловато-глинистый и мерзлый долженъ работаться не урокомъ или замѣромъ, а лишь по способности и возможности добывать его, такъ какъ опытъ показалъ, что подобнаго качества земля съ величайшимъ трудомъ поддается кайлѣ и лому, и нерѣдко на выработку одного кубическаго аршина требуется нѣсколько человѣкъ". За прогулъ и за лѣность установленъ былъ штрафъ по 2 р. 50 к. за каждый „самовольно прогульный" день.—Печатный экземпляръ кон-

тракта долженъ былъ присоединяться къ разсчетному листу каждаго рабочаго [1]).

Разсмотрѣвъ вопросы, возбужденные послѣ окончанія работъ по Уставу о частной золотопромышленности, министръ финансовъ Рейтернъ нашелъ съ своей стороны, что такъ какъ въ дѣйствующемъ Горномъ Уставѣ и въ проектѣ правилъ о наймѣ рабочихъ на промысла достаточно подробно изложены условія, которыя должны входить въ контракты золотопромышленниковъ съ рабочими и такъ какъ порядокъ найма несовершеннолѣтнихъ вполнѣ выясненъ въ законахъ гражданскихъ (ст. 2202, 2203 и 2285 т. X ч. 1 Св. Зак.), то будетъ совершенно излишнимъ устанавливать въ законодательномъ порядкѣ особую форму для контрактовъ съ рабочими и дополнительныя правила о наймѣ „малолѣтокъ" въ работы на промысла. Увѣдомляя объ этомъ министра внутреннихъ дѣлъ 1 апрѣля 1867 г., министръ финансовъ препроводилъ на его усмотрѣніе представленія генералъ-губернатора Восточной Сибири о формѣ для контрактовъ и о наймѣ несовершеннолѣтнихъ. Только въ апрѣлѣ 1869 г. министерство внутреннихъ дѣлъ собралось снестись по этому вопросу съ податною коммиссіей и получило отвѣтъ, что министръ финансовъ уже внесъ въ Государственный Совѣтъ 22 Сентября 1867 г. представленіе по этому предмету, о чемъ въ іюнѣ 1869 г. министерство и сообщило генералъ-губернатору Восточной Сибири Корсакову [2]).

По полученіи этого извѣщенія министерства внутреннихъ дѣлъ, Корсаковъ разослалъ губернаторамъ В. С. слѣдующій циркуляръ: „На основаніи 2202 ст. X т. 1 ч. Св. Зак. Гражд. изд. 1857 г. не могутъ наниматься въ работу дѣти несовершеннолѣтнія безъ позволенія родителей или опекуновъ. По ст. 2203, не могутъ быть отдаваемы въ наемъ дѣти родителями безъ особеннаго ихъ согласія, но родителямъ не запрещается отдавать дѣтей въ ученье на опредѣленные сроки; наконецъ въ ст. 2285 постановлено, что дѣтей малолѣтнихъ (ниже 17 лѣтъ), хотя и могутъ отцы и матери или опекуны отдавать въ легкую работу, какъто: въ пастушество и т. п. и составлять за нихъ условія, но не иначе какъ съ дозволенія волостныхъ правленій или родового начальства и не больше, какъ на одинъ годъ. Между тѣмъ изъ дѣлъ горнаго отдѣленія Главнаго Управленія оказывается, что на нѣкоторые частные золотые промысла были нанимаемы несовершеннолѣтніе, которые употреблялись въ тяжелыя работы, несоотвѣтствующія ихъ силамъ и возрасту". Вслѣдствіе этого генералъ-губернаторъ просилъ губернаторовъ сдѣлать распоряженіе и строго наблюсти, чтобы, при наймѣ и употребленіи въ ра-

[1]) „Справочная книга для золотопромышленниковъ", вып. II, подъ редакціею *Н. Сурина*, Иркут. 1871 г., стр. 484—492.

[2]) Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 1673, № 27/30, л. 423.

боты по частнымъ золотымъ промысламъ малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ, вышеприведенныя узаконенія соблюдались неупустительно [1]).—Возвращаемся къ проекту новаго Устава о частной золотопромышленности.

Соединенные департаменты экономіи и законовъ Государственнаго Совѣта, разсмотрѣвъ въ маѣ 1869 г. проектъ, представленный министромъ финансовъ, нашли, что онъ не можетъ подлежать окончательному разсмотрѣнію, такъ какъ: 1) со времени составленія проекта изданы многія узаконенія, съ которыми онъ не былъ согласованъ и 2) труды по настоящему предмету основаны на свѣдѣніяхъ о золотомъ промыслѣ, собранныхъ до 1862 г. Между тѣмъ изъ новыхъ статистическихъ данныхъ видно особенно важное значеніе золотопромышленности Восточной Сибири, и потому главнѣйшее вниманіе при составленіи правилъ о наймѣ рабочихъ и управленіи ими должно быть обращено на эту мѣстность, гдѣ главную рабочую силу на промыслахъ составляютъ ссыльно-поселенцы. Вслѣдствіе этого соединенные департаменты положили представленіе министра финансовъ съ проектомъ новаго Устава о частной золотопромышленности возвратить ему для пересмотра проекта при участіи представителя отъ министерства Двора. Вслѣдствіе этого министромъ финансовъ была образована особая Коммиссія [2]), которой и порученъ пересмотръ проекта устава о частной золотопромышленности.

При разсмотрѣніи обязанностей полиціи относительно золотого промысла, двое изъ членовъ коммиссіи О. И. Квистъ и С. С. Энгельгардтъ высказали мнѣнія, что постановленіе о поимкѣ бѣглыхъ съ пріисковъ должно быть отмѣнено. Бѣглымъ можетъ быть названъ, по мнѣнію этихъ членовъ коммиссіи, „лишь тотъ, кто уклоняется отъ обязанности, принудительно налагаемой на него правительствомъ, а не нарушающій только договоръ. Большая часть такихъ бѣглыхъ съ промысловъ—ссыльно-поселенцы; еслибы они были отдаваемы своимъ начальствомъ въ работы на золотые промыслы, въ такомъ случаѣ поимка бѣжавшихъ и возвращеніе ихъ на работы были бы лишь прямымъ послѣдствіемъ принудительной отдачи въ работы“. А такъ какъ „ссыльно-поселенцы сами нанимаются на промыслы, т. е. заключаютъ съ нанимателемъ свободный договоръ“, то нарушеніе его „должно влечь за собою только гражданскую отвѣтственность, принудительное же исполненіе договоровъ по нашему законодательству не существуетъ и къ тому же совершенно невозможно:

---

[1]) Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2545, № 58/113, л. 164.

[2]) Подъ предсѣдательствомъ А. К. Гирса изъ членовъ отъ министерства финансовъ Ф. Раселли, О. И. Квиста, Коренева, Николаева, Ахматова, отъ министерства юстиціи фонъ-Бенкендорфа, Бурлакова, отъ министерства внутреннихъ дѣлъ Н. И. Небольсина, отъ министерства Двора А. Д. Озерскаго и отъ II Отдѣленія Соб. Е. В. Канцеляріи С. С. Энгельгардта.

если рабочій, возвращаемый на пріискъ, тѣмъ не менѣе не будетъ работать, какъ принудить его къ тому? Наконецъ, долголѣтняя практика показала, что обсуждаемое постановленіе не достигаетъ своей цѣли; далеко не всѣ, бѣгущіе съ промысловъ, были ловимы, что доказывается самымъ количествомъ ежегодныхъ побѣговъ, и кромѣ того едва ли пойманный и возвращенный насильно рабочій приноситъ значительную пользу промыслу“ [1]). Но другіе члены коммиссіи, Гирсъ, Озерскій, Раселли и Небольсинъ не согласились съ этимъ мнѣніемъ и находили, что значительное число бѣглыхъ съ промысловъ, составляющее будто бы до $^1/_3$ всѣхъ нанятыхъ [2]), не дозволяетъ правительству оставить эти побѣги безъ вниманія, такъ какъ отъ нихъ „страждетъ не только золотой промыселъ, но и общественный порядокъ: большинство бѣглыхъ обращается въ грабителей (?); можно ожидать, что число побѣговъ еще болѣе увеличится, если будетъ отмѣненъ законъ о поимкѣ ихъ, существующій уже 30 лѣтъ, законъ, котораго нельзя отмѣнить безъ предварительнаго сношенія съ мѣстными властями. Что же касается права правительства на возвращеніе бѣжавшихъ, то не должно забывать, что оно относится къ ссыльно-поселенцамъ: предоставляя имъ наниматься на промыслы, правительство можетъ за то требовать, чтобы, разъ нанявшись, они не оставляли принятыхъ на себя обязанностей“. По этимъ соображеніямъ предложеніе Квиста и Энгельгардта большинствомъ голосовъ было отклонено.

При разсмотрѣніи правила о разработкѣ пріисковъ было замѣчено, что опасность для рабочихъ можетъ явиться при работахъ не только подземныхъ, но и поверхностныхъ (напримѣръ, отъ обваловъ, при передвиженіи валуновъ и т. п.); кромѣ того предписаніе производить подземныя работы „по правиламъ горнаго искусства“ рѣшено было исключить, такъ какъ оно чрезвычайно неопредѣленно и можетъ подать поводъ къ притѣсненію золотопромышленниковъ. Вслѣдствіе этого соотвѣтственная статья приняла такой видъ: „добычу золота, какъ поверхностными, такъ и подземными работами, производить безъ опасности и вреда для

---

[1]) Подобное же мнѣніе высказалъ совѣтъ общаго губернскаго управленія Енисейской губерніи, который въ первой половинѣ 60-хъ годовъ призналъ побѣгъ рабочихъ съ пріисковъ дѣломъ гражданскимъ и на основаніи 2228 ст. 1 ч. X т. Св. Зак. постановилъ, что обратная пересылка не можетъ быть допускаема въ отношеніи всѣхъ вообще рабочихъ, но, какъ нарушеніе обязательства, должна быть разрѣшаема лишь въ томъ случаѣ, когда въ договорѣ золотопромышленника съ рабочими есть условіе объ обратной пересылкѣ и когда исполненіе этого условія потребуетъ наниматель. Этимъ постановленіемъ были очень раздражены енисейскіе золотопромышленники. *В. Латкинъ.* „О золотопромышленности въ Сибири“, 1864 г., стр. 24—29; Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 1673, № 27/30, л. 211—214.

[2]) Это, какъ мы знаемъ, совершенный вздоръ.

жизни рабочихъ". Въ такомъ видѣ эта статья едва ли могла принести существенную пользу.

Относительно статьи, устанавливающей общимъ правиломъ, что срокъ найма не можетъ простираться долѣе одного года, но договоръ можетъ быть возобновленъ по прошествіи этого времени, послѣ разсчета между рабочимъ и нанимателемъ, коммиссія нашла, что существенная сторона этого постановленія заключается въ требованіи ежегоднаго разсчета, но для этой цѣли нѣтъ надобности измѣнять общій законъ о личномъ наймѣ, опредѣляющій для него иной срокъ; достаточно постановить, что разсчетъ между золотопромышленникомъ и рабочимъ совершается ежегодно. Коммиссія нашла также лишнимъ постановленіе, что сборы съ золотопромышленника не должны быть вычитаемы изъ задатка рабочаго, „такъ какъ нельзя запретить включать въ условія о задаточныхъ деньгахъ по соглашенію сторонъ и вычетъ изъ нихъ упомянутыхъ сборовъ, безъ соглашенія же вычетъ этотъ не можетъ быть произведенъ". —По поводу статьи, вмѣнявшей рабочимъ въ обязанность отправляться на мѣсто пріисковъ артелями съ круговою порукою относительно неотлучки во время пути, государственная канцелярія замѣтила, что круговая порука несовмѣстима съ обязательнымъ составленіемъ артели, будучи возможна только при взаимномъ довѣріи членовъ артели; при томъ нельзя, по мнѣнію Государственной канцеляріи, утверждать, что при слѣдованіи рабочихъ толпою, порядокъ будетъ болѣе обезпеченъ, чѣмъ при одиночномъ ихъ отправленіи; къ тому же путешествіе артелями представляетъ такія значительныя удобства для рабочихъ, что безъ всякаго сомнѣнія они, въ большинствѣ случаевъ, будутъ составлять артели добровольно. Коммиссія съ своей стороны нашла, что требованіе круговой поруки не можетъ повести ни къ какимъ полезнымъ результатамъ и что для слѣдованія свободныхъ людей нѣтъ надобности въ какихъ либо особыхъ правилахъ, но относительно ссыльно-поселенцевъ необходимо принять мѣры для огражденія порядка во время ихъ путешествія на пріиски, тѣмъ болѣе, что управленіе ссыльно-поселенцами заинтересовано въ томъ, чтобы всѣ нанявшіеся достигли въ срокъ до мѣста назначенія, такъ какъ за каждаго рабочаго ссыльно-поселенца золотопромышленникъ вноситъ нѣкоторую сумму въ экономическій капиталъ. Поэтому коммиссія рѣшила, исключивъ лишь правила о круговой порукѣ, поставить ссыльно-поселенцамъ въ обязанность слѣдовать на пріиски „партіями", (такъ какъ слово „артель" „не примѣнимо къ обществамъ, составляемымъ принудительно"). Рѣшено было при этомъ опредѣлить наказаніе, которому большинство партіи можетъ подвергать своихъ членовъ за неповиновеніе старостѣ: коммиссія, „примѣняясь къ 101 ст. Общ. Полож. о крестьянахъ и выбирая изъ наказаній, въ ней упомянутыхъ, единственное, возможное на пути въ Сибирской тайгѣ, постановило подвер-

гать виновныхъ наказанію розгами до 20 ударовъ. Государственная канцелярія нашла, что статья, устанавливающая надзоръ полиціи, волостныхъ правленій, смотрителей поселеній и сельскихъ начальниковъ за отправленіемъ и слѣдованіемъ нанятыхъ людей на пріиски, не удобна и можетъ послужить лишь поводомъ къ незаконнымъ притязаніямъ полиціи; коммиссія, находя и съ своей стороны, что статья эта не нужна по отношенію къ свободнымъ людямъ, считала полезнымъ сохранить ее для ссыльно-поселенцевъ. Коммиссія нашла также необходимымъ, чтобы между золотопромышленниками и рабочими заключались непремѣнно письменные договоры и чтобы они всегда были засвидѣтельствованы [1]), въ виду того, что на золотыхъ промыслахъ разсчетъ дѣлается разъ въ годъ, слѣдовательно, непризнаніе хозяиномъ существованія договора лишило бы рабочаго заработка всего промысловаго года, и подобные случаи, вызывая неудовольствіе на хозяина, могутъ повлечь за собою даже безпорядки и преступленія.

По поводу статей, касающихся артелей рабочихъ на пріискахъ [2]), О. И. Квистъ и С. С. Энгельгардтъ сдѣлали слѣдующее замѣчаніе: „Артели рабочихъ на пріискахъ для производства работъ составляются промышленниками, что и должно быть, потому что такое раздѣленіе рабочихъ вызывается потребностями работы; но раздѣленіе рабочихъ на артели для внутренняго порядка не можетъ, кажется, быть предоставлено усмотрѣнію золотопромышленника, потому что установленіе внутренняго порядка между рабочими вызывается *государственною* потребностью въ такомъ порядкѣ, а не выгодами промышленника; независимо отъ сего", соотвѣтственныя статьи проекта даютъ артели такія права, „которыя могли бы принадлежать ей (и то не всѣ), развѣ только въ случаѣ составленія ея добровольно самими рабочими. Артельной расправѣ, состоящей большею частію изъ ссыльно-поселенцевъ,—людей, признанныхъ закономъ преступниками,— здѣсь дается право судить и наказывать своихъ членовъ, между которыми встрѣчаются и полноправныя лица. Правда, промышленникамъ и рабочимъ предоставлено жаловаться на рѣшеніе расправы, но право жалобы, во многихъ случаяхъ, можетъ оказаться безполезнымъ, напримѣръ, когда расправа опредѣлитъ и исполнитъ тѣлесное наказаніе». Одна изъ этихъ статей устанавливаетъ „новые виды преступленій, не существующіе по общимъ законамъ; таковы: лѣность, нетрезвость, порываніе къ побѣгу, которое могло бы быть признано преступленіемъ только въ томъ случаѣ, еслибы работа на пріис-

[1]) Уставъ о золотопромышленности 1838 г. допускалъ и неявочные договоры.

[2]) Труды Ком. для пересм. сист. под. и сбор. т. VIII, ч. II, проектъ правилъ о наймѣ рабочихъ на част. золот. промыслы, приложеніе къ ст. 97 проекта о части золот., стр. 10—11, ст. 26—28.

кахъ была принудительна. Если признать подобныя постановленія необходимыми для Сибири, то пришлось бы допустить ихъ и въ Европейской Россіи, гдѣ также въ рабочую пору хозяева бываютъ вовлечены лѣностью или побѣгомъ рабочихъ въ невознаградимые убытки. Еслибы даже и въ договорѣ съ рабочимъ было помѣщено условіе подчиняться рѣшеніямъ расправы,—это было бы только условіемъ противнымъ законамъ: договоръ, которымъ создается преступленіе, не дѣйствителенъ. Единственное взысканіе, которому", по мнѣнію двухъ названныхъ членовъ, „рабочіе могутъ быть подвергнуты за дѣйствія, нарушающія интересы промышленника, это штрафы, условленные въ договорѣ о наймѣ; что же касается такихъ ихъ дѣйствій, которыми нарушается общественный порядокъ и спокойствіе, — право наказанія за нихъ можетъ быть предоставлено единственно правительству, т. е. по мелкимъ проступкамъ —общей полиціи и горнымъ исправникамъ".—Но другіе члены коммиссіи (Гирсъ, Озерскій, Небольсинъ, Расселли и Бурлаковъ) полагали, что „на сибирскихъ золотыхъ пріискахъ нельзя избѣгнуть необходимости въ нѣкоторомъ особомъ порядкѣ суда и наказанія за мелкіе проступки, какъ вредящіе промышленнику, такъ и нарушающіе общественный порядокъ. Въ мѣстностяхъ населенныхъ можно, въ случаѣ нарушенія договора со стороны рабочаго, найти на него судъ у мирового судьи, произвести вычеты изъ платы, наконецъ отказать ему отъ мѣста. Въ сибирской тайгѣ, напротивъ, большею частію нельзя тотчасъ въ случаѣ надобности найти полицейскаго чиновника (такъ какъ на всю енисейскую тайгу существуютъ два горныхъ исправника); вычетъ часто также не исполнимъ, потому что большею частію не промышленникъ въ долгу у рабочаго, а рабочій получилъ уже впередъ весь свой заработокъ; отказъ же ему отъ работы невозможенъ по недостатку людей. Если не установить особаго скораго порядка суда и взысканій за мелкіе проступки, золотой промыселъ неминуемо долженъ будетъ упасть... На основаніи этихъ соображеній большинство Коммиссіи полагало, что на время до введенія въ Сибири мировыхъ учрежденій и новыхъ судебныхъ уставовъ или вообще до наступленія въ ней условій жизни, болѣе близкихъ къ существующимъ въ Европейской Россіи, необходимо сохранить обсуждаемое постановленіе, составляющее существенную гарантію для золотопромышленниковъ и условія существованія въ настоящее время золотого промысла въ Сибири".

По поводу статьи 32 проекта правилъ о наймѣ рабочихъ на частные золотые промыслы [1]), О. И. Квистъ и С. С. Энгельгардтъ не разъ,

[1]) „Неявившіеся на пріиски рабочіе, а также бѣжавшіе препровождаются мѣстнымъ, сельскимъ и полицейскимъ начальствомъ къ золотопромышленникамъ какъ для *отработки долга*, такъ и для выполненія своихъ по найму обязанностей до истеченія срочнаго времени" и проч.

какъ мы видѣли, возвышавшіе голосъ въ защиту правъ рабочихъ, высказали слѣдующія замѣчанія: „Статья эта заключаетъ въ себѣ постановленія, идущія въ разрѣзъ съ общими гражданскими законами. Во-первыхъ, ею установливается особая гражданская обязанность—отработка долга. Понятіе о принудительной отработкѣ долга существовало у насъ въ XVIII столѣтіи, но тогда были и правила, опредѣлявшія эту отработку; теперь же никакихъ правилъ, относительно того, въ чемъ состоитъ отработка, какъ она производится, не существуетъ. Во-вторыхъ, принудительное исполненіе договора съ золотопромышленниками, устанавливаемое этою статьею, ставитъ рабочихъ на пріискахъ въ такую зависимость отъ хозяина, подобная которой представляется лишь въ крѣпостномъ правѣ". По мнѣнію названныхъ двухъ членовъ Коммиссіи, „едва ли можетъ быть столь важное для государства производство, которое стоило бы сохранять такою дорогою цѣною, и если бы золотопромышленность не могла существовать безъ подобнаго правила, то полезнѣе было бы для государства отказаться отъ нея, чѣмъ отъ того начала свободы, которое недавно признано имъ въ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ и которое прямо подрывается разбираемою статьею. Установивъ принудительное исполненіе договора съ золотопромышленникомъ и оставаясь послѣдовательнымъ, законъ долженъ бы былъ для тѣхъ рабочихъ, которые, будучи высланы обратно на пріиски, все-таки не будутъ работать, снова ввести и тѣлесное наказаніе, какъ единственно возможное для человѣка, лишеннаго свободы, какимъ предполагаетъ сдѣлать рабочаго обсуждаемая статья проекта". — Но большинство Коммиссіи (Бурлаковъ, Гирсъ, Небольсинъ и Раселли), „соглашаясь съ тѣмъ, что принудительное исполненіе договора не должно быть вводимо для рабочихъ вполнѣ свободныхъ, полагало однако, что невозможно избѣжать этого по отношенію къ рабочимъ изъ ссыльно-поселенцевъ. Для нихъ уже введены многія правила, которымъ нельзя подчинить людей свободныхъ, таково, напримѣръ, требованіе надзора начальства за ихъ отправленіемъ и слѣдованіемъ на пріиски; нѣтъ поэтому основанія не принять и обсуждаемаго ограниченія ихъ правъ, настоятельно требуемаго мѣстными обстоятельствами... Не должно забывать при этомъ, что золотопромышленникъ въ Сибири принимаетъ на себя совершенно исключительныя обязанности относительно рабочихъ: онъ не только даетъ имъ значительные задатки, но и снабжаетъ ихъ одеждою, пищею, платитъ за нихъ подати и недоимки, такъ что рабочій рѣдко не состоитъ во время промысловыхъ операцій въ долгу у своего хозяина; понятно, что бѣгство рабочаго влечетъ при такихъ обстоятельствахъ совершенно невозвратимыя потери для промышленника". По этимъ соображеніямъ большинство Коммиссіи считало необходимымъ сохранить постановленіе о возвращеніи ссыльно-поселенцевъ, бѣжавшихъ съ пріисковъ. Статью о невыдачѣ пас-

порта оставшимся въ долгу рабочимъ, пока они не отдадутъ долга, и о недозволеніи имъ паниматься у другого хозяина, если онъ не приметъ на себя уплаты долга прежнему, Коммиссія рѣшила также отнести только къ ссыльно-поселенцамъ.

Относительно статей, опредѣляющихъ вознагражденіе рабочему или его семейству за увѣчья отъ работъ, Коммиссія полагала, что онѣ должны примѣняться лишь тогда, когда увѣчья произошли не по винѣ золотопромышленника, такъ какъ въ противномъ случаѣ послѣдній подвергается отвѣтственности по ст. 657—661 Законовъ Гражданскихъ [1]).

Министръ финансовъ, согласившись съ сдѣланными Коммиссіею измѣненіями, 26 декабря 1869 г. внесъ проектъ новаго устава о золотопромышленности въ Государственный Совѣтъ [2]).

---

[1]) Труды Коммиссіи Высоч. Утверж. для пересм. сист. податей и сборовъ, т. VIII, ч. III, журналъ особой ком. по пересмотру проекта устава о частной золотопромышл., стр. 1—3, 7—8, 18—19, 67—68, 70—72, 84—105.

[2]) При пересмотрѣ проекта устава о частной золотопром. (1869 г.), Особая Коммиссія между прочимъ положила отдѣлить отъ этого проекта раздѣлъ, содержащій правила о взысканіяхъ и наказаніяхъ за нарушеніе постановленій о частномъ золотомъ промыслѣ. При пересмотрѣ Коммиссіею этихъ правилъ, вниманіе ея было обращено (С. С. Энгельгардтомъ) на ст. 618 проекта устава о золотопромышленности, которую рѣшено было измѣнить такимъ образомъ: „Рабочіе, при частныхъ золотыхъ... промыслахъ на земляхъ казенныхъ и Кабинета, за явное неповиновеніе хозяину, повѣренному его или прикащику, оказанное на пріискѣ цѣлою артелью, подвергаются наказаніямъ по ст. 263—266, 268, 269 и 273 о возстаніи противъ властей, правительствомъ установленныхъ". „Труды Ком. для пересм. сист. подат. и сборовъ" т. VIII, ч. III, Журн. Особ. Ком. по перес. проекта устава о золотопром. № 81, стр. 12—13.

ДОПОЛНЕНІЯ.

I (къ стр. 1). Въ 1677 г. получены были первыя указанія на существованіе золотой руды въ Нерчинскомъ краѣ, но попытка разработывать ее была неудачна; лишь въ 1752 г. изъ нерчинскаго серебра стали отдѣлять золото [1]). Въ 1700 г. всѣмъ разрѣшено было искать золотыя и серебряныя руды по всему государству [2]). На сѣверѣ Россіи жильное золото было открыто въ 1732 г. — въ Кемскомъ уѣздѣ на р. Выгѣ (впадающей черезъ озеро Выго въ Бѣлое море) въ Воицкомъ рудникѣ. Работы начались здѣсь съ 1745 г. и продолжались въ теченіе всего царствованія имп. Елизаветы, потомъ рудникъ былъ три раза оставляемъ и возобновляемъ пока, наконецъ, въ 1794 г. былъ затопленъ и развѣдки прекратились. Всего золота было здѣсь добыто нѣсколько болѣе $4^1/_2$ пудовъ [3]). Въ 1727 г. Акинф. Никит. Демидовымъ были основаны мѣдиплавильные заводы въ Алтайскихъ горахъ и лѣтъ черезъ десять было приступлено къ разработкѣ извѣстнаго Змѣиногорскаго рудника, который содержалъ въ себѣ болѣе серебряныхъ рудъ, нежели мѣдныхъ, и который между прочимъ давалъ очень много самороднаго серебра, соединеннаго съ золотомъ; часто встрѣчалось и самородное золото. Это послужило поводомъ къ отобранію у Демидова въ 1747 г. Алтайскихъ или, какъ ихъ называли до 1850 г., Колывано-Воскресенскихъ заводовъ въ казну за незначительное денежное вознагражденіе. Почти въ одно время съ основаніемъ сереброплавильнаго производства на Алтаѣ открыты золотые рудники въ окрестностяхъ Екатеринбурга на Уралѣ. Первые признаки золота въ этихъ казенныхъ рудникахъ, получившихъ общее названіе Березовскихъ, найдены въ 1745 г., и вскорѣ началось извлеченіе золота изъ рудъ толченіемъ и промывкою въ большомъ размѣрѣ. Лучшее время дѣйствія золотыхъ рудниковъ Екатеринбургскаго округа было въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ 1808—10 гг., когда тамъ добывалось по 22 пуд. ежегодно [4]).

---

[1]) *Озерскій*. „Очеркъ геологіи, минеральныхъ богатствъ и горнаго промысла Забайкалья". Спб. 1867 г., стр. 36; *Меньшенинъ*. „Объ успѣхахъ горнаго промысла въ Россіи". „Горный Журналъ", 1829 г. № 2, стр. 192.

[2]) I-е П. С. З., № 1815.

[3]) *Боголюбскій*. „Золото, его запасы и добыча". Спб. 1877 г., стр. 44—45; *Меньшенинъ*, стр. 193, 200.

[4]) *Филлипсъ*. „Способы добычи и статистика золота, съ дополненіями *И. По-*

II (къ стр. 93). Въ Киргизской степи въ Кокбектинскомъ округѣ началъ добываніе золота коммерціи совѣтникъ Степанъ Поповъ. Пески оказались здѣсь весьма бѣдными золотомъ [1]). Въ киргизскихъ округахъ (Кокбектинскомъ и Ковкчетавскомъ):

Годъ.	Находилось въ дѣйствіи пріисковъ.	Промыто пуд. песку.	Число рабочихъ „по разсчету въ одинъ день“.	Добыто лигатурнаго золота.	Среднее содержаніе золота въ 100 п. пескуу.
1843	14	5.727,500	731	6 п. 17 ф. — з	41 дол. [2])
1844	11	4.213,800	732	5 „ 5 „ 18 „	$44^{3}/_{4}$ „ [3])
1845	11	3.224,500	559	2 „ 38 „ 93 „	34 „ [4])
1846	5	2.805,950	421	2 „ 31 „ 55 „	$36^{5}/_{8}$ „ [5])
1847	7	2.624,066	424	2 „ 12 „ 68 „	$32^{1}/_{2}$ „ [6])
1848	3	1.638,160	279	1 „ 18 „ 49 „	—
1849	5	2.240,030	—	1 „ 38 „ 10 „	— [7])

На частныхъ золотыхъ промыслахъ Томскаго округа:

Годъ.	Находилось въ дѣйствіи пріисковъ.	Промыто пуд. песку.	Число рабочихъ „по разсчету въ одинъ день“.	Добыто лигатурнаго золота.	Среднее содержаніе золота въ 100 п. пескуу.
1843	37	27.633,374	3,704	80 п. 11 ф. 86 з.	1 з. 11 д. [8])
1844	48	29.183,550	4,321	62 „ 8 „ 45 „	— „ $76^{7}/_{8}$ „ [9])
1845	45	24.811,648	3,964	48 „ 32 „ 95 „	— „ $72^{1}/_{2}$ „ [10])
1846	27	27.589,765	3,640	48 „ 1 „ 15 „	— [11])
1847	32	19.011,100	2,776	38 „ 21 „ 40 „	— „ $74^{5}/_{8}$ „ [12])
1848	44	13.486,324	2,460	36 „ 36 „ 92 „	—
1849	41	20.358,611	2,929	38 „ 6 „ 12 „	— [13])

летики“. Спб. 1869 г., стр. 114—117. *Кулибинъ*. „Описаніе Колывано-Воскресенскихъ заводовъ“. „Гор. Жур.“ 1836 г. № 2.

[1]) *Гагемейстеръ*. I, 206.

[2]) „Гор. Жур.“, 1844 г., № 4, стр. 133—135.

[3]) „Гор. Жур.“, 1845 г., № 8, стр. 415.

[4]) Ibid., 1846 г., № 3, стр. 505—506.

[5]) Ibid., 1847 г., № 6, стр. 393.

[6]) Ibid., 1848 г., № 3, стр. 361.

[7]) *Гагемейстеръ*. I, 356—357.

[8]) „Гор. Жур.“, 1844 г., № 4, стр, 121—125.

[9]) Ibid. 1845 г., № 8, стр. 431—436.

[10]) Ibid. 1846 г., № 4, стр., 159—165.

[11]) *Гагемейстеръ*. I, 353—357.

[12]) „Гор. Жур.“, 1848 г., № 4; стр. 125—129.

[13]) *Гагемейстеръ*. I, 353—357.

Въ Томской губерніи золотопромышленность быстро падала: еще въ 1840 г. на тамошнихъ пріискахъ считалось 8,767 ч. [1]), а въ 1843 г. ихъ было только 3,704 чел.

Въ вѣдѣніи Алтайскаго горнаго правленія кромѣ золотыхъ пріисковъ Киргизской степи и Томскаго округа находились еще пріиски Ачинскаго, Минусинскаго и Красноярскаго округовъ Енисейской губ. Въ этихъ округахъ:

Годъ.	Находилось въ дѣйствіи пріисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Число рабочихъ.	Добыто лигатурнаго золота.
1843	33	14.187,245	1,746	35 п. 69 ф. 79 з. [2])
1844	27	21.584,108	3,027	54 „ 27 „ 82 „ [3])
1845	26	25.044,579	2,524	51 „ 8 „ 24 „ [4])
1846	30	30.422,730	2,780	59 „ 8 „ 74 „
1847	35	30.972,843	2,859	68 „ 12 „ 7 „
1848	34	33.751,626	3,062	69 „ 35 „ 38 „
1849	28	41.344,381	3,632	73 „ 27 „ 7 „ [5])

Всего на пріискахъ, подвѣдомственныхъ Алтайскому горному правленію, находилось рабочихъ: въ 1843 г.—6,181 чел., въ 1844 г.—8,080 ч., въ 1845 г.—7,047 ч., въ 1846 г.—6,841 ч., въ 1847 г.—6,059 г., въ 1848 г.—5,801 ч.

Въ Енисейскомъ округѣ по системамъ рѣкъ Удерея, Мурожной, Рыбной, Шита, Подкаменной Тунгузки и другимъ, впадающимъ въ Енисей, находилось въ работѣ на промыслахъ въ 1841 г. до 3,500 чел. и въ развѣдочныхъ партіяхъ до 300 чел., а всего до 3,800 чел. Въ округахъ Канскомъ и Нижнеудинскомъ было въ работѣ по системамъ рѣкъ Бирюсы—3,035 ч., Кана—245 ч. и Оки—30 ч.; въ округѣ Киренскомъ, по системѣ рѣки Лены—25 ч., и въ розыскныхъ партіяхъ по всѣмъ этимъ системамъ до 145 чел. Всего же въ работѣ было на частныхъ золотыхъ промыслахъ Восточной Сибири (кромѣ Ачинскаго, Минусинскаго и Красноярскаго округовъ) до 7,280 чел. (Въ 1840 г. тамъ же считалось до 7,900 ч.). Всего разрабатываемыхъ промысловъ было 58, слѣдовательно, если исключить рабочихъ, находившихся въ поисковыхъ партіяхъ, на каждый пріискъ приходилось среднимъ числомъ по 118 чел., т. е. здѣсь золотопромышленность приняла форму болѣе крупныхъ предпріятій, чѣмъ въ Западной Сибири. Золота всего было добыто болѣе 229 пуд. Вынуто песковъ 25.269.695 п., слѣдовательно, на каждаго изъ 6,835 чел. рабочихъ, работавшихъ на пріискахъ, было промыто 3,697 п. песку. Среднее содержаніе золота въ 100 п. песку по Бирюсинской системѣ было 2 зол. 57 дол., по Кану—90 1/8 дол., по системѣ Удерея—4 зол. 44 3/4 дол., по Рыбной—2 зол. 36 1/2 дол., по Мурожной—8 зол. 29 1/2 дол., по системѣ Подкаменной Тунгузки—4 зол. 11 1/4 дол. Изъ всѣхъ дѣйствовавшихъ въ 1841 г. промысловъ оказа-

[1]) Арх. Мин. Гос. Имущ., дѣло V-го Отд. Соб. Е. В. Канц. № 315, т. IV, л. 194.

[2]) „Гор. Жур.“, 1844 г., № 4, стр. 125—131. Среднее содержаніе золота рѣдко превышало 1 зол. на 100 п. песку, обыкновенно же было менѣе.

[3]) „Гор. Жур.“, 1845 г., № 3, стр. 437—440.

[4]) Ibid. 1846 г., № 4, стр. 166—170.

[5]) *Гагемейстеръ*. I, 353—357.

лись самыми богатыми: поручика Малевинскаго Ольгинскій по р. Октолику съ среднимъ содержаніемъ золота 11 зол. 79 дол., К° купцовъ Щеголева и Кузнецова Крестовоздвиженскій по р. Мурожной—10 зол. 56 дол., К° Голубкова и Кузнецова Никольскій по р. Калами—8 зол. и Платоновскій по Октолику—7 зол. 28 дол., Никиты Мясникова Спасскій—7 зол. 14 дол. [1]).

Въ 1842 г. было добыто въ Восточной Сибири 479 п. 17 ф. золота. Рабочихъ на пріискахъ Енисейскаго округа было 7,931, а въ Канскомъ и Нижнеудинскомъ 3344 [2]), всего на промыслахъ, числившихся въ Восточной Сибири, было 11,275 рабочихъ, да еще въ поисковыхъ партіяхъ до 550 чел. Среднее содержаніе золота въ Енисейскомъ округѣ было 5 зол. 29 дол. въ 100 п. песку [3]). На Бирюсинской системѣ среднее содержаніе золота было не болѣе 3 зол. [4]).

Золотопромышленность быстро развивалась въ Восточной Сибири, и въ 1843 г. ею было уже занято около 20,000 чел. [5])

Въ 1845 г. на всѣхъ пріискахъ Восточной Сибири было 22.725 рабочихъ, а съ находившимися въ золотоискательныхъ партіяхъ считали до 25,000 чел. [6]).

Въ сѣверной части Енисейскаго округа:

Годъ.	Число пріисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Число рабочихъ.	Добыто золота.
1846	63	64.315,076	8,835	649 п. 39 ф. 51 з.
1847	43	85.425,292	9,943	895 „ 22 „ 80 „
1848	42	96.106,610	8,667	902 „ 13 „ 45 „
1849	45	124.388,291	9,638	734 „ 38 „ 3 „

Въ южной части Енисейскаго округа:

Годъ.	Число пріисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Число рабочихъ.	Добыто золота.
1846	74	65.227,816	10,949	430 п. 4 ф. 94 з.
1847	56	60.241,418	9,196	316 „ 29 „ 51 „
1848	42	48.828,690	6,143	250 „ — „ 93 „
1849	45	70.709,762 [7])	7,552	308 „ 28 „ 33 „

[1]) „Гор. Жур.“, 1842 г., № 11, стр. 223—226, 233, 1842 г., № 1, стр. 107—118.

[2]) Въ 1842 г. по отчету горнаго ревизора въ Канскомъ, Нижнеудинскомъ и Иркутскомъ округахъ было 3787 рабочихъ. „Гор. Жур.“ 1844 г., т. I, 158.

[3]) Арх. Гор. Департ., по описи всеподд. доклад. дѣло 1843 г., № 3, л. 146—153; „Гор. Жур.“, 1842 г., № 12, вѣдомость стр. I—X.

[4]) *Зедделеръ*. „Частн. золот. пром. Удер. сист.“. „Сѣвер. Пчела“. 1846 г. № 86.

[5]) „Гор. Жур.“, 1843 г., № 10, стр. 123—133.

[6]) *Щукинъ*. „Вліяніе золотыхъ промысловъ на цѣнность жизненныхъ припасовъ въ Восточной Сибири“. „Жур. Мин. Внут. Дѣлъ“, 1848 г., т. XXI, стр. 412—420.

[7]) Въ сѣверной Енисейской системѣ въ 1846—49 гг. на одного рабочаго среднимъ числомъ промывалось въ годъ по 9,984 п. песку, въ южной—по 7,240 п.

Въ Канскомъ, Нижнеудинскомъ, Иркутскомъ, Олекминскомъ и Верхнеудинскомъ округахъ:

Годъ.	Число пріисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Число рабочихъ.	Добыто золота.
1846	24	30.432,974	4,728	88 п. 17 ф. 42 з.
1847	26	30.938,209	2,516[1])	18 „ 16 „ 6 „[2])
1848	20	22.924,500	3,772	64 „ — „ 77 „
1849	24	21.933,485	2,363	56 „ 32 „ 59 „

Всего въ Восточной Сибири на частныхъ пріискахъ:

Годъ.	Число пріисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Число рабочихъ.	Добыто золота.
1846	161	159.975,866	24,512	1,168 п. 21 ф. 88 з.
1847	125	176.604,919	21,665	1,230 „ 28 „ 41 „
1848	104	167.859,800	18,582	1,216 „ 9 „ 75 „
1849	114	217.031,538	19,553	1.100 „ 18 „ — „[3])

Во всей Сибири рабочихъ, занятыхъ частною золотопромышленностью, было въ 1846 г.—31,353 чел., въ 1847 г.—27,724, въ 1848 г.—24,383 ч. [4]).

Но въ другомъ мѣстѣ своего труда Гагемейстеръ (II, 462) даетъ болѣе значительныя цифры пріисковыхъ рабочихъ на частныхъ промыслахъ Сибири; при этомъ промыслы Красноярскаго, Ачинскаго и Минусинскаго округовъ (принадлежащіе по технической части золотого промысла къ Алтайскому горному начальству) онъ относитъ къ Восточной Сибири. По этимъ даннымъ въ 1847 г. въ Западной Сибири было рабочихъ на пріискахъ—1,854 чел., въ Восточной—30,664, и того 32,518 ч.; въ 1848 г. въ Западной Сибири — 2,036 ч., въ Восточной — 25,427, и того 27,463 ч.; въ 1849 г. въ Западной Сибири—2,659 ч., въ Восточной—26,549, и того 29,208 ч. [5]).

---

[1]) Судя по неизданнымъ даннымъ, сообщеннымъ намъ г. Савинскимъ, эта цифра относится только къ Канскому, Нижнеудинскому и Иркутскому округамъ, а въ Верхнеудинскомъ и Олекминскомъ округахъ было еще 1,964 рабочихъ.

[2]) По даннымъ Савинскаго эта цифра относится только къ Верхнеудинскому и Олекминскому округамъ, а въ Канскомъ, Нижнеудинскомъ и Иркутскомъ округахъ было добыто еще 58 п. 23 ф. 91 з.

[3]) *Гагемейстеръ*. I, 353—357.

[4]) Ibid., ср. *Расселли*, 223. Цифры Расселли почти совершенно совпадаютъ съ цифрами, взятыми изъ сочиненія Гагемейстера.

[5]) Въ одномъ неизданномъ оффиціальномъ источникѣ мы находимъ такія же данныя о числѣ рабочихъ въ Восточной Сибири. См. Арх. Гор. Департ. по описи № 91, дѣло 1851 г. № 3/39, вязка 2, л. 239 и слѣд. Въ другомъ оффиціальномъ источникѣ находимъ слѣдующія данныя относительно пріисковъ *одной Енисейской губ.*

Золота добыто было частными лицами во всей Сибири: въ 1840 г.—216 п. [1]), въ 1841 г —321 п., въ 1842 г.—595, въ 1843 г.—908, въ 1844 г.—939, въ 1845 г.—959, въ 1846 г.—1,278, въ 1847 г.—1,337, въ 1848 г.—1,324, въ 1849—1,214 пудовъ. Такимъ образомъ въ 1847 г. золотопромышленность въ Сибири достигла своего апогея. Нужно замѣтить, что съ 1844 до 1851 г. была прекращена выдача дозволительныхъ на розыски золота свидѣтельствъ [2]).

III (къ стр. 128). Въ нижеслѣдующей таблицѣ мы приводимъ цѣны, установленныя въ таксѣ 1842 г. для промысловъ Томскаго уѣзда, а также заимствованныя изъ разсчетныхъ книгъ Южно-Енисейскаго округа: Прокопьевскаго пріиска Асташева, 1843 г., Казанскаго промысла Асташева 1847 г., Удерейской К° 1846—47 гг. и Николаевскаго пріиска Заангарской К° 1847 г.

	Такса 1842 г. для Томскаго округа.		Прокоп. пр. Асташ. 1843 г.	Казан. пр Асташева 1847 г.	Пр. Удерейск. К° 1846—48г.	Николаевскій пр. Заангарской К° 1847 г.
	Цѣна на асс.	Цѣна на сер.	Цѣны на ассигнаціи.			
	р. к.	р. к.				
Рукавицы 1-го сорта . 1 п.	1 5	— 30	(конин.) 60, 65 к.; 1 р., 1 р.	1 р. 25 к. (баран.).	1 р. 30 к.	90 к., 1 р. 50 к. (конинныя).
„ 2-го „ . 1 „	— 81	— 24	5 к., 1 р. 40 к.			1 р.10к., 1 р.20к., 1 р.50к., 1 р.60к. (бараньи).
Варьги . . . . . 1 „	— 65	— 18	60, 80 к.	60 к.	80 к.	66, 70 к.
Чарки 1-го сорта . . . 1 „	1 61	— 46	2 р. 35 к., 2 р. 50 к.	2 р. 62 к.	2 р. 60 к.	1 р. 80 к., 2 р., 2 р. 25 к., 2 р. 50 к.
„ 2-го „ . . . 1 „	1 40	— 40	1 р. 55 к.	—	1 р. 20 к.	
Бродни Тюменскія . . 1 „	5 60	1 60	1с.6-50к.	5 р. 25 к.	5 р. 75 к.	6 р., 6 р. 50 к., 6 р. 60 к.
„ Томскія . . . 1 „	4 20	1 20	2с.4-50к.			
Армяки 1 сорта съ обшив.	10 50	3 —	—	14 р. (Азамъ Нижегор.).	—	7 р., 14 р., 15 р.
„ 2 „	7 —	2 —	6 р. 80 к.	10 р.	10 р., 15 р.	
„ 3 „	5 25	1 50	7 р. 40 к.			
Табакъ россійскій . . 1 ф.	— 84	— 24	80, 85 к.	Таб. черкас. 60 к.	1 р.	Табакъ черкасскій 70 к., 80 к., 1 р., 1 р. 10 к.
„ линейный. . . 1 „	— 25	— 7¼				

(очевидно со включеніемъ Ачинскаго, Красноярскаго и Минусинскаго округовъ): въ 1847 г.—26,449 чел., въ 1848 г.—23,089, въ 1849 г.—25,214 ч. Арх. Гор. Департ., по описи № 91, дѣло 1851 г. № 3/39, часть 7-я, л. 45.—Генералъ-адъютантъ Анненковъ, ревизовавшій Западную Сибирь въ 1851 г., говоритъ, что въ Томской тайгѣ въ 1847—50 гг. употреблялось отъ 3,000 до 3,500 рабочихъ. Эта цифра больше приведенныхъ выше и, вѣроятно, представляетъ количество дѣйствительныхъ, а не среднегодовыхъ рабочихъ.

[1]) Фунты и золотники опускаемъ.

[2]) *Гагемейстеръ*. I, 215. П. С. 3, т. XIX, прибавленіе къ нему, стр. 36—37, № 17877 а).

		Такса 1842 г. для Томскаго округа.		Прокоп. пр. Асташ. 1843 г.	Казан. пр. Асташева 1847 г.	Пр. Удерейск. К° 1846–47 г.	Николаевскій пр. Заангарской К° 1847 г.
		Цѣна на асс.	Цѣна на сер.	Цѣны на ассигнаціи.			
		р. к.	р. к.				
Холстъ ленный . . .	1 ар.	— 35	— 10	2 с. 26 к., 27 к., 29 к.	2-го сорта 32 к.	2 торта 30 к.	1 сорта 45, 50 к. 2 сорта 30, 35, 40 к.
„ пачесной . .	1 „	— 28	— 8	3 сорта 22 к.	3-го сорта 25 к.		3 сорта 25, 30, 35, 40 к.
„ подкладъ . .	1 „	— 21	— 6				
Сукно крест. (овечье).	1 „	— 70	— 20	80 к., 1 р., 1 р. 50 к.	80, 85 к.	Сукно 1 р.	70 к., 1 р., 1 р. 20 к.
„ половинчатое .	1 „	— 42	— 12	—	—	—	—
Сапоги кунгурск. 1 сор.	1 п.	8 61	2 46	Сапоги 6 р. 15 к.	Кунгурск. сап. 9 р.	Кунгур. сапоги 10 р. 50 к.	Кунгурскіе сапоги 10 р., 12 р. 50 к.
„ „ 2 „	1 „	7 —	2 —				
Полушубки 1-го сорта	1 ш.	10 50	3 —	7 р., 7 р. 95 к.	10 р. 50 к.	12 р	9 р., 18 р.
„ 2-го „	1 „	8 61	2 46				
Голяшки (голен.) брод.	1 п.	1 75	— 50	—	—	—	—
Почвы, подошвы . . .	1 „	— 70	— 20	80 к.	60 к., 1 р. 25 к.	1 р. 20 к.	—
Рубаха ситцевая. . .	1 ш.	— —	— —	—	—	7 р.	—
„ выбойковая .	1 „	— —	— —	—	—	4 р. 50 к.	—
Подштанники	1 п.	— —	— —	—	—	3 р. 50 к.	—
Опояска гарусная . .	1 ш.	— —	— —	—	—	2 р. 50 к.	—
Шапка	1 „	— —	— —	—	—	3 р. 50 к., 5 р., 6 р. 50 к.	4 р.
Сѣтка	1 „	— —	— —	—	—	2 р. 50 к.	—
Чулокъ шерстяныхъ .	1 п.	— —	— —	—	—	1 р. 50 к.	—
Мыло	1 ф.	— —	— —	50 к.	75 к.	60 к., 1 р.	60 к.
Свѣчи сальныя . . .	1 „	— —	— —	—	60 к.	1 р.	—
Чай кирпичный . .	1 кирп.	— —	— —	—	3 р. 75 к.	4 р. 50 к.	—
„ фамильный . . .	1 ф.	— —	— —	—	—	8 р.	—
Сахаръ	1 „	— —	— —	—	—	2 р., 2 р. 50 к., 3 р.	2 р., 3 р.
Медъ	1 „	— —	— —	—	—	70 к., 1 р.	—
Масло коровье. . . .	1 „	— —	— —	—	—	60 к., 80 к., 1 р.	—
„ постное. . . .	1 „	— —	— —	—	—	80 к., 1 р.	—
Пшеничная мука . .	1 „	— —	— —	—	—	20, 30 к.	—
Свѣжее мясо	„	— —	— —	—	27 к.	25 к.	25 к.
Сало	1 „	— —	— —	—	—	40 к.	—

IV (къ стр. 165). Въ Киргизской степи добывалось немного золота: въ 1850—52 гг. около 3½ п. Въ 1850 г. на десяти золотыхъ пріискахъ киргизскихъ округовъ было 280 ч., а въ 1851 г. на восьми пріискахъ — 695 рабочихъ [1]). Въ 1855 г. на промыслахъ Семипалатинской области находилось 702 ч., въ 1857 г.— 757 ч. рабочихъ [2]).

Въ Томскомъ округѣ въ 1850—51 гг. было 53 пріиска, на которыхъ въ 1850 г. было промыто болѣе 25 мил. пуд. песку и добыто 38 п. 28 ф. 55 з. шлиховаго золота, а въ 1851 г. промыто болѣе 26 мил. песку и добыто 33 п. 39 ф. 76 з. шлиховаго золота. Рабочихъ было въ 1850 г. 3271 ч., въ 1851 г. 2815 ч. Въ 1852 г. въ Томскомъ округѣ на 76 пріискахъ было промыто болѣе 32 мил. п. песку и добыто 38 п. 37 ф. 57 з. золота (содержаніе въ 100 п. песку—43⅝ дол.). Рабочихъ было 3,487 ч. [3]).

Такимъ образомъ по свѣдѣніямъ, приводимымъ Гагемейстеромъ, на пріискахъ Киргизской степи и Томскаго округа было всего въ 1850 г.—3,551 ч., въ 1851 г.— 3,510 ч. [4]).

Въ Ачинскомъ и Минусинскомъ округахъ въ 1850 г. на 35 пріискахъ было промыто болѣе 38 мил. п. песку и добыто 51 п. 6 ф. 47 з. золота; число рабочихъ—3,611; въ 1851 г. на 44 пріискахъ промыто болѣе 50 мил. пуд. и добыто 63 п. 25 ф. 13 з. золота; рабочихъ было 3,721. Въ 1852 г. на 49 пріискахъ промыто 63 мил. пуд. песку, добыто 80 п. 19 ф. 37 з. золота; рабочихъ было 4,364 [5])

Всего на пріискахъ, подвѣдомственныхъ Алтайскому горному управленію было по даннымъ Гагемейстера въ 1850 г. на 98 пріискахъ—7,162 раб., въ 1851 г. на 105 пріискахъ—7,231 раб. Среднимъ числомъ приходится въ Западной Сибири по 71 чел. на одинъ пріискъ.

Переходимъ къ пріискамъ, подвѣдомственнымъ генералъ-губернатору Восточной Сибири.

Въ сѣверной части Енисейскаго округа по однѣмъ даннымъ было:

въ 1850 г. пріиск. 58, пром. песк. 118.404,851 п., ч. раб. 9,133, доб. зол. 572 п. 8 ф. 59 з.
„ 1851 „ „ 54 „ „ 165.525,746 „ „ „ 11,285 „ „ 612 „ 26 „ 28 „ [6])
„ 1854 „ „ — „ „ 176,134,894 „ „ „ 11,123 „ „ 503 „ 2 „ 79 „ [7])

По отчету же Енисейскаго губернатора на пріискахъ сѣверной части Енисейскаго округа въ 1851 г. было болѣе рабочихъ, а именно 12,557 ч. м. п. и 163 ж. п.,

---

[1]) *Гагемейстеръ*. I, 206, 358, 359; „Гор. Жур.“, 1852 г., № 2, стр. 311—312; 1853 г., № 1, стр. 163

[2]) Арх. Томск. Гор. Упр., дѣла № 420—20—14, л. 6 и № 421—21—62, л. 5.

[3]) *Гагемейстеръ*. I, 358—359; „Гор. Жур.“, 1852 г., № 1, стр. 149—154; 1853 г., № 2, стр. 297—305.

[4]) Напротивъ, генералъ-губернаторъ Западной Сибири даетъ относительно этихъ двухъ мѣстностей другія цифры, а именно въ 1850 г.—2592 ч., въ 1851 г.—2597 ч. Арх. Горн. Департ. по описи № 91, дѣло № 3/39, часть 7-я, л. 47. Тѣ же цифры у *Гагемейстера* II, 462.

[5]) *Гагемейстеръ*. I, 358—359; „Гор. Жур.“, 1852 г., № 1, стр. 154—159; 1853 г., № 2, стр. 306—312. Напротивъ, по отчету енисейскаго губернатора въ Ачинскомъ и Минусинскомъ округахъ было въ 1851 г. рабочихъ—4174 муж. п. и 143 ж. п., и того 4317 ч.; въ 1852 г. 4810 м. п., 166 ж. п., и того 4976 ч. Арх. Комит. Министр., дѣла Сибир. Комитета, отчеты Енис. губ. за 1851—52 гг.

[6]) *Гагемейстеръ*. I, 358—359.

[7]) „Записки Сиб. Отд. Геогр. Общ.“ 1856 г. I, 39.

итого 12,720. По отчетамъ того же лица въ сѣверной части Енисейскаго округа было рабочихъ въ 1852 г.—12,344 м. п. и 458 ж. п., итого 12,802 ч.; въ 1853 г.—12,852 м. п., 594 ж. п., итого 13,446 ч., въ 1854 г.—14,161 м. п., 495 ж. п., итого 14,656 [1])

Въ южной части Енисейскаго округа было:

въ 1850 г. пріиск. 49, пром. песк. 78.881,983 п., ч. раб. 8,022, доб. зол. 299 п. 22 ф. 66 з.
„ 1851 „ „ 45 „ „ 93,932,649 „ „ „ 8,134 „ „ 299 „ 22 „ 69 „ [2])
„ 1854 „ „ — „ „ 117.224,930 „ „ „ 9,444 „ „ 305 „ 15 „ 94 „ [3])

По отчетамъ Енисейскаго губернатора въ южной части Енисейскаго округа было рабочихъ:

въ 1851 г. [4])	9,956	мужчинъ,	569 женщинъ,	итого 10,525 чел.
„ 1852 „	10,458	„	536 „	„ 10,994 „
„ 1853 „	10,523	„	616 „	„ 11,139 „
„ 1854 „	12,213	„	823 „	„ 13,036 „

Въ Канскомъ, Нижнеудинскомъ, Иркутскомъ, Олекминскомъ и Верхнеудинскомъ округахъ было:

въ 1850 г. пріиск. 31, пром. песк. 30.088,573 п., ч. раб. 3,398, доб. зол. 70 п. 33 ф. 78 з.
„ 1851 „ „ 32 „ „ 35.841,175 „ „ „ 3,397 „ „ 67 „ 29 „ 6 „ [5])
„ 1854 „ „ — „ „ 35.661,242 „ „ „ 8,129 „ „ 113 „ 15 „ 20 „ [6])

Такимъ образомъ, на основаніи данныхъ Гагемейстера, мы получаемъ, что въ 1850—51 гг. въ сѣверной части Енисейскаго округа на одинъ пріискъ среднимъ числомъ приходилось 182 рабочихъ, въ южной части—172 рабочихъ, въ остальныхъ округахъ 108 чел.

Всего по свѣдѣніямъ Гагемейстера, въ округахъ, подвѣдомственныхъ генералъ-губернатору Восточной Сибири было:

въ 1850 г. пріиск. 138, пром. песк. 227.357,407 п., ч. раб. 20,553, доб. зол. 942 п. 25 ф. 12 з.
„ 1851 „ „ 131 „ „ 295.299,570 „ „ „ 22,812 „ „ 979 „ 38 „ 17 „

Если же присоединить сюда Ачинскій и Минусинскій округа, то окажется, что, по свѣдѣніямъ Гагемейстера, на пріискахъ Восточной Сибири было въ 1850 г.—24,164 рабочихъ, въ 1851 г.—26,533, а во всей Сибири въ 1850 г.—27,715 ч. въ 1851 г.—30,013 чел. рабочихъ. Но самъ Гагемейстеръ въ другомъ мѣстѣ своего труда (II,462) даетъ гораздо бо́льшія цифры, а именно: находилось на промыслахъ Восточной Сибири въ 1850 г.—28,822 чел., въ 1851 г.—31,920. Данныя, приведенныя въ отчетѣ генералъ-губернатора Восточной Сибири [7]), совпадаютъ съ послѣдними цифрами Гагемейстера, но только въ этомъ отчетѣ сказано, что сверхъ того не явилось на пріиски Восточной Сибири 1,384 чел., а Гагемейстеръ полагалъ, что количество неявившихся включено въ приведенной имъ цифрѣ. Въ 1852 г., по отчету генералъ-губернатора Восточной Сибири, на тамошнихъ частныхъ пріискахъ было 32,222 чел., да еще не явилось около 1,000 чел.; въ 1853 г.—33,152 чел., да еще не явилось 1,445 чел. [8]). Въ 1856 г. на пріискахъ Восточной

[1]) Арх. Комит. Министр., дѣла Сибир. Комитета.
[2]) *Гагемейстеръ*. I, 358—359.
[3]) „Записки Сибир. Отд. Геогр. Общ.“ 1856 г., I, 53.
[4]) Т. е. съ 10 сентября 1850 г. по 10 сентября 1851 г.
[5]) *Гагемейстеръ*. I, 358—359.
[6]) „Записки Сибир. Отд. Геогр. Общ.“ 1856 г., II, Прилож. стр. 13.
[7]) Арх. Комит. Министр., дѣло Сибир. Комитета 1852 г., № 154, л. 50.
[8]) Арх. Комитета Министровъ, дѣла Сибирскаго Комитета 1854 г., № 6, л. 45, № 130, л. 29.

Сибири со включеніемъ Ачинскаго и Минусинскаго округовъ было 37,391 муж. и 860 ж., итого 38,251 чел.; въ 1857 г. на тѣхъ же пріискахъ было 37,509 муж. и 614 ж., итого 38,123; въ 1858 г. на промыслахъ Восточной Сибири было 34,960 р.[1]).

Въ оффиціальномъ трудѣ о золотопромышленности въ Россіи мы находимъ цифры, по всей вѣроятности, заимствованныя изъ свѣдѣній горнаго вѣдомства:

Годъ.	Число пріисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Число рабочихъ.	Добыто шлиховаго золота.
1850	207	294.961,900	27,655	1,010 п. 24 ф. 36 з.
1851	198	376.771,212	30,151	1,035 „ 24 „ 68 „
1852	239	397.824,967	31,017	900 „ 11 „ 86 „
1853	190	378.461,386	28,636	878 „ 6 „ 84 „
1854	228	435.114,584	35,195	1,025 „ 2 „ 78 „
1855	234	511.563,461	30,345	1,110 „ 25 „ 34 „
1856	281	542.072,376	34,587	1,177 „ 19 „ 16 „
1857	249	559.325,962	33,759	1.275 „ 17 „ 89 „
1858	326	607.157,324	—[2])	1,230 „ 20 „ 70 „
1859	322	561.063,776	29,461	1,114 „ 7 „ 53 „

Мы видимъ такимъ образомъ въ теченіе этого десятилѣтія значительное возрастаніе числа пріисковъ и количества промытаго песку; количество рабочихъ колеблется по этимъ даннымъ въ предѣлахъ 27—35 тысячъ человѣкъ, въ среднемъ же за 9 лѣтъ (1850—57, 1859) приходится въ годъ по 31.200 чел. Количество золота, достигнувъ своего апогея въ 1847 г. (1,396 п.), до 1853 г. довольно быстро уменьшается, затѣмъ начинаетъ вновь возрастать до 1857 г., и въ этомъ году, хотя и не сравнивается съ количествомъ, добытымъ въ 1847 г., но все-таки достигаетъ 1,275 п., а затѣмъ начинается новая убыль. Среднее годовое количество добываемаго золота въ теченіе всего десятилѣтія равняется почти 1076 п. Количество рабочихъ въ среднемъ на одинъ пріискъ равняется 131 чел.

Сравнивъ итоги этой таблицы за 1850 и 51 гг. съ данными относительно всей Сибири, приведенными нами въ текстѣ (стр. 165), мы видимъ, что число дѣйствительныхъ рабочихъ превосходитъ число среднегодовыхъ (по даннымъ горнаго вѣдомства) приблизительно на 5,000 чел. Мы видѣли, что и въ 40-хъ годахъ разница между минимальными и максимальными данными о числѣ рабочихъ доходила также до 3—5 тысячъ человѣкъ.

Если мы возьмемъ отдѣльно золотые промысла Енисейской губ., то на нихъ (въ Енисейскомъ, Канскомъ, Ачинскомъ и Минусинскомъ округахъ) было по отчетамъ мѣстнаго губернатора въ 1850 г.—27,191 ч. раб., въ 1851 г.—28,998 муж.

---

[1]) „Иркутскія Губ. Вѣд." 1857 г. № 2, 1858 г. № 23, 1859 г. № 11.

[2]) Цифру рабочихъ за 1858 г. опускаемъ. У Расселли здѣсь стоитъ 48960 ч., что это опечатка, видно, во-первыхъ, изъ того, что количество промытыхъ песковъ не до такой степени возросло, какъ это должно было бы быть при указанномъ числѣ рабочихъ по сравненію съ 1857 г., а затѣмъ по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ на промыслахъ Восточной Сибири въ этомъ году было всего 34,960 чел. рабочихъ („Иркут. Губ. Вѣд." 1859 г. № 11).

и 1,015 жен.[1]). По отчетамъ того же губернатора на золотыхъ промыслахъ этой губерніи находилось:

въ 1852 г.	29,246	мужчинъ,	1,266	женщинъ,	итого	30,512 чел.
„ 1853 „	29,592	„	1,507	„	„	31,099 „
„ 1854 „	31,845	„	1,537	„	„	33,382 „

Въ 1855 г. было всего 29,971 ч., въ 1856 г.—34,523 ч., въ 1857 г.—32,330 ч., въ 1858 г.—28,002 ч.. въ 1859 г.—24,343 чел.[2]).

На частныхъ пріискахъ остальныхъ мѣстностей Восточной Сибири было незначительное количество рабочихъ, за исключеніемъ Витимо-Олекминскаго округа. Приводимъ нѣкоторыя данныя, почерпнутыя изъ оффиціальныхъ отчетовъ о золотопромышленности Восточной Сибири[3]). Въ Канскомъ и Нижнеудинскомъ округахъ было рабочихъ въ 1854 г.—1,399 ч.; служащихъ и рабочихъ въ 1856 г.—2,749, въ 1857 г.—2,044. Канскій округъ составляетъ часть Енисейской губерніи и слѣдовательно уже вошелъ въ составъ общей данной объ этой губерніи[4]), а потому на долю Нижнеудинскаго округа Иркутской губ. остается весьма небольшое число рабочихъ. Въ Иркутскомъ округѣ было на промыслахъ въ 1854 г.—115 рабочихъ, въ 1856 г.—302, въ Верхнеудинскомъ въ 1854 г.—685, въ 1856 г.—911 чел. рабочихъ и служащихъ, въ 1857 г. въ Верхнеудинскомъ и Иркутскомъ округахъ—1,082 чел. Наконецъ, въ Олекминскомъ и Киренскомъ округахъ было служащихъ и рабочихъ: въ 1854 г.—5,930, въ 1856 г.—3,515, въ 1857 г.—4,708, въ 1858 г.—4,662, въ 1859 г.—4,787.

V (къ стр. 168). Правила эти для Западной и Восточной Сибири состояли въ слѣдующемъ. При отпускѣ изъ великороссійскихъ губерній крестьянъ или мѣщанъ для работъ на золотыхъ пріискахъ, мѣстное ихъ начальство должно было отмѣчать на паспортахъ время отбытія каждаго уволеннаго. Если изъ одного селенія, волости или города отпускали нѣсколько человѣкъ, то имъ вмѣнялось въ обязанность отправляться на мѣста работъ артелями, поставивъ надъ собою въ каждой артели одного старосту для охраненія порядка, которому они и должны были вручать свои паспорта и виды „съ круговою порукою въ неотлучкѣ отъ артели и должномъ ему повиновеніи“. На пути они обязаны были предъявлять свои паспорта въ полиціи одного изъ трехъ городовъ—Тюменя, Кургана и Ялуторовска Предъ наступленіемъ выхода рабочихъ съ пріисковъ горные исправники отбираютъ отъ крестьянъ великороссійскихъ губерній показанія, кто изъ нихъ и гдѣ именно будетъ проживать до новаго найма на промыслы. На основаніи этихъ показаній горные исправники составляютъ списки этимъ крестьянамъ съ означеніемъ ихъ примѣтъ и отсылаютъ въ тѣ полиціи, въ вѣдомствѣ которыхъ они будутъ проживать. Городскія и земскія полиціи дѣлаютъ по этимъ спискамъ

---

[1]) Арх. Горн. Департ., дѣло № 3/39, часть 7-я, л. 45. Тоже у *Гагемейстера* II, 466.

[2]) Арх. Комит. Министр., дѣла Сибир. Комитета, отчеты Енисейскаго губернатора за соотвѣтственные годы.

[3]) „Зап. Сиб. Отд. Геогр. Общ.“, 1856 г. II, Прилож., стр. 5; „Иркут. Губ. Вѣд.“ 1857 г. № 2, 1858 г. № 23.

[4]) Въ одномъ Канскомъ округѣ, по отчетамъ енисейскаго губернатора, было рабочихъ: въ 1851 г.—2311 м. и 140 ж., и того 2,451 чел., въ 1852 г.—1,634 м., 106 ж., и того 1,740 чел.; въ 1853 г. 1,627 муж., 139 ж., и того 1,766 чел.; въ 1854 г.—1704 м., 130 ж., и того 1,834 чел.

первую повѣрку не позже 1-го октября и затѣмъ ежемѣсячно повторяютъ ее (!) до выхода крестьянъ вновь на промыслы. Еслибы при этомъ кого-либо изъ крестьянъ не оказалось на лицо, то мѣстная полиція принимаетъ мѣры къ розысканію скрывшагося. Отлучка изъ мѣста, избраннаго для временнаго жительства, дозволяется крестьянамъ не иначе, какъ съ разрѣшенія: въ округѣ—участковаго засѣдателя, въ городѣ же—полицеймейстера или городничаго. За всякую отлучку безъ разрѣшеній съ мѣста, избраннаго имъ для временнаго жительства, крестьянинъ подвергается взысканію, какъ за самовольную отлучку безъ паспорта, на основаніи общихъ узаконеній. Что касается Киргизской степи, то тамъ всѣ рабочіе не только великороссійскихъ, но и сибирскихъ губерній должны были, идя на пріиски, предъявлять свои паспорта въ пограничныхъ таможняхъ; при обратномъ же выходѣ золотопромышленники или ихъ управляющіе должны были выдавать особыя удостовѣренія въ томъ, что рабочіе выполнили принятыя ими на себя обязательства, а таможенное начальство должно было наблюдать, чтобы не было тайнаго перехода рабочихъ какъ въ Киргизскую степь на пріиски, такъ и обратно [1]).

VI (къ стр. 173). Золотопромышленники нерѣдко ходатайствовали объ увеличеніи размѣра задатковъ при наймѣ на промысла, и Совѣтъ Главнаго Управленія Восточной Сибири по поводу одного изъ такихъ ходатайствъ пришелъ къ заключенію (въ августѣ 1853 г.), что слѣдуетъ допустить выдачу задатковъ до 10 р. сереб. на человѣка, о чемъ и представить на благоусмотрѣніе генералъ-губернатора; но Муравьевъ положилъ на этомъ журналѣ (въ апрѣлѣ 1854 г.) слѣдующую резолюцію: „Полагаю отложить представленіе объ этой мѣрѣ до предстоящаго большаго развитія промысловъ,—и тогда войти въ особое разсмотрѣніе". Въ 1857 г. Енисейскій гражданскій губернаторъ представилъ генералъ-губернатору Восточной Сибири прошеніе золотопромышленниковъ и журналъ Енисейскаго Губернскаго Совѣта о мѣрахъ къ устраненію разныхъ затрудненій по частной золотопромышленности. Въ числѣ этихъ мѣръ было между прочимъ ходатайство золотопромышленниковъ, чтобы при наймѣ рабочихъ (очевидно, изъ ссыльно-поселенцевъ) и заключеніи съ ними явочныхъ договоровъ „дозволено было выдавать впередъ деньги не болѣе годового оклада платы, назначенной въ договорѣ". Енисейскій губернскій совѣтъ пришелъ по этому вопросу къ такому заключенію, что не слѣдуетъ запрещать золотопромышленникамъ сверхъ задатка выдавать ссыльно-поселенцамъ столько денегъ, сколько будетъ договорено по взаимному соглашенію, съ тѣмъ, чтобы эта выдача „не превышала всей годовой платы и чтобы всѣ подати и повинности за наемника были оплачены сполна". Напротивъ, Енисейскій губернскій прокуроръ высказалъ мнѣніе, что существующій законъ о задаткахъ долженъ быть сохраненъ и что совѣтъ не можетъ от-

---

[1]) П. С. З. т. XXVIII, № 27798. Относительно Киргизской степи еще ранѣе изданія этихъ правилъ состоялось постановленіе пограничнаго управленія сибирскими киргизами 28 февраля 1851 г., одобренное Главнымъ Управленіемъ Западной Сибири, по которому золотопромышленники въ этой мѣстности или ихъ довѣренные, по прибытіи людей на мѣста работъ, обязаны были предъявлять въ мѣстные окружные приказы паспорты и условія найма, и эти приказы должны были наблюдать за точнымъ выполненіемъ договоровъ между золотопромышленниками и рабочими и въ случаѣ „неустойки" которой либо изъ договаривающихся сторонъ понуждать неисправныхъ къ исполненію ихъ обязанностей. Арх. Гор. Департ. по описи № 91, дѣло № 3/39, часть 7-я, л. 53—54.

мѣнить его собственною властью. Енисейскій губернаторъ высказался за увеличеніе задатковъ ссыльно-поселенцамъ на томъ основаніи, что задатки „выдаваемые и нынѣ въ увеличенномъ размѣрѣ вслѣдствіе необходимости, употребляются поселенцами несравненно съ большею пользою, нежели деньги, выносимыя ими съ золотыхъ промысловъ по окончаніи лѣтнихъ работъ, ибо изъ задатковъ они уплачиваютъ подати, пріобрѣтаютъ для себя необходимую одежду и обувь“ и помогаютъ своимъ семействамъ, тогда какъ выносимыя съ пріисковъ деньги „большею частью истрачиваются на вино и на разныя прихоти, въ чемъ легко убѣдиться при сравненіи расхода на вино въ осенніе мѣсяцы съ прочимъ временемъ года. При томъ нельзя оставить безъ вниманія, что поселенцы, зная весьма хорошо правило, на основаніи котораго золотопромышленникъ, давшій задатки болѣе назначеннаго въ законѣ, теряетъ право иска безспорнымъ порядкомъ, не упускаютъ.. пользоваться этимъ во вредъ золотопромышленникамъ“. Но Совѣтъ Главнаго Управленія Восточной Сибири не согласился съ мнѣніемъ Енисейскаго губернскаго начальства и, имѣя виду, что послѣ 1854 г. со времени приведенной выше резолюціи генералъ-губернатора золотопромышленность не сдѣлала значительныхъ успѣховъ, постановилъ, что необходимо строго держаться существующаго закона [1]).

VII (къ стр. 218). Въ слѣдующей таблицѣ приведены данныя изъ извѣстныхъ намъ таксъ и росписаній цѣнъ первой половины 50-хъ годовъ Томскаго и Енисейскаго округовъ.

	Печатн. такса Томскаго окр.		Енисейскій округъ.			
	Цѣны 1851 г.	Цѣны 1852 г.	Казанскій пріискъ Асташева 1851—1852 г. [2]).	Николаевскій пр. Асташева и Яковлева 1853—54 г. [3]).	Пр. Удерейской К° Бенардаки, Рязанова и Щеголева (южно-енисейск. сист.) 1851—52 г. [4]).	Гавриловскій и Никольскій пр. К° Рязановыхъ (сѣверно-енисейской сист.) 1851 г. [5]).
	На серебро.					
	р. к.	р. к.		р. к.	р. к.	р. к.
Рукавицы 1-го сорта . . . 1 п.	— 30	— 30	36 к.	— 30	— 40	Бараньи — 40
„ 2-го „ . . . 1 „	— 25	— 27				
Варьги Нижегородск. . . . 1 „	— 18	— 15	$17^1/_2$ к.	— 20	— 23	— 22
Чарки (головки броден.) 1 с. 1 „	— 51	— 60	$64^1/_2$ к.	— 70	— 70	— —
„ „ „ 2 „ 1 „	— 39	— 40				

[1]) Арх. Гор. Департ. дѣло отд. частн. золот. 1857 г. № 68, часть 3-я, л. 3—5.

[2]) Разсчетная книга 1851—52 г. Арх. дополнительнаго участка Пропопьев. пріиска Асташева.

[3]) Такса ibid. по описи № 29.

[4]) Разсчетная книга (Арх. Воскресенскаго пріиска, арендуемаго А. А. Саввиныхъ).

[5]) Разсчетная книга лѣтней операціи 1851 г. (Арх. Гавриловскаго пріиска Кытмановыхъ).

	Печатн. такса Томскаго окр.		Енисейскій округъ.				
	Цѣны 1851 г.	Цѣны 1852 г.	Казанскій пріискъ Асташева 1851—1852 г.	Николаевскій пр. Асташева и Яковлева 1853—54 г.	Пр. Удерейской К° Безнардаки, Рязанова и Щеголева (южно-енисейск. сист.) 1851—52 г.	Гавриловскій и Николаевскій пр. К° Разановыхъ (сѣверно-енисейской сист.) 1851 г.	
	На серебро.						
	Р. К.	Р. К.		Р. К.	Р. К.	Р. К.	
Бродни Тюменскія . . . . 1 п.	1 45	1 70	1 р. 57¼ к.	1 25	1 80	1 75	
„ Томскія . . . . . 1 „	1 35	1 50				1 60	
Армяки отборные . . . . . 1 ш.	— —	— —	—	4 20	— —	— —	
„ (азямы) 1-го сорта. 1 „	5 75	6 —	5 р. 30 к.	4 —	— —	5 10	
„ „ 2-го „ . 1 „	2 85	3 —	3 р.	3 —	4 50	3 55	
„ „ 3-го „ . 1 „	1 90	2 60	—	1 80	3 —	— —	
Полушубки 1-го сорта . . . 1 „	3 20	2 30	2 р. 43 к.	2 50	3 50	— —	
„ 2-го „ . . . 1 „	2 90	1 75					
Табакъ Россійскій. . . . . 1 п.	6 75	7 —	—	— —	— —	— —	
„ Черкасскій . . . . 1 ф.	— —	— —	20 к.	— 20	— 25	— 25	
„ Линейный . . . . . 1 „	2 40	1 50	—	— —	— —	— —	
Холстъ ленный . . . . . 1 ар.	— 8¾	— 10	10 к.	1 сортъ — 9	— —	— 12	
„ пачесный . . . . . 1 „	— 6½	— 8	—	2 сортъ — 8	— 10	— 10	
„ подкладочный . . . 1 „	— 4½	— 6	—	3 сортъ — 6	— —	— 8	
Сукно овечье крестьянское. 1 „	— 24	— 30	23 к.	— 20	— 25	— 25	
„ половинчатое . . . . 1 „	— 11	— 15	—	— —	— —	— —	
Голяшки (голенищи) броден. 1 п.	— 39	— 60	64½ к.	— —	— —	— —	
Почвы (подошвы) . . . . . 1 „	— 19	— 20	25 к.	— 25	— 35	— 30	
Сапоги кунгурскіе 1 сорта. 1 „	2 40	2 50	2 р. 43 к.	2 —	3 —	2 75	
„ „ 2 „ . 1 „	1 90	2 —			2 —		
Шуба. . . . . 1 ш.	— —	— —	—	овчин. 4 —	6 —	— —	
Шаровары кожанные . . . 1 п.	— —	— —	—	— —	1 50	лосин. 1 30	

	Печатн. такса Томскаго окр.		Енисейскій округъ.				
	Цѣны 1851 г.	Цѣны 1852 г.	Казанскій пріискъ Асташева 1851—1852 г.	Николаевскій пр. Асташева и Яковлева 1853—54 г.	Пр. Удерейской К° Бекшардаки, Разанова и Щеголева (южно-енисейск. сист.) 1851—52 г.	Гавриловскій и Никольскій пр. К° Разановыхъ (сѣверно-енисейской сист.) 1851 г.
	На серебро.					
	Р. К.	Р. К.		Р. К.	Р. К.	Р. К.
Сѣтка волосяная . . . . . 1 ш.	— —	— —	—	— —	— —	— 40
Чекмени . . . . . 1 „	— —	— —	—	3 80	— —	— —
Кушаки (гарусные) . . . . 1 „	— —	— —	50 к.	— 50	— 60	— 75
Шапка . . . . . 1 „	— —	— —	—	— 52	— —	— —
Муки крупичатой . . . . . 1 п.	— —	— —	—	2 30	— —	— —
„ пшеничной . . . . . 1 „	— —	— —	1 р. 15 к.	1 30	1 50	— —
Мясо . . . . . 1 п.	— —	— —	—	2 —	3 —	— —
Масло коровье . . . . . 1 ф.	— —	— —	15 к.	— 14	— 25	— —
„ постное . . . . . 1 „	— —	— —	—	— 15	— —	— —
Сало топленое . . . . . 1 „	— —	— —	—	— 10	— 15	— —
Крупа . . . . . 1 п.	— —	— —	—	1 30	— —	— —
Горохъ . . . . . 1 „	— —	— —	—	1 30	— —	— —
Чай байховый . . . . . 1 ф.	— —	— —	фамильн. 2 р.	2 50	фам. 2 —	— —
„ кирпичный черный . 1 кирп.	— —	— —	1 с. 1 р. 15 к.	1 80	1 30	— —
„ „ зеленый . 1 „	— —	— —	2 с. 71½ к.	1 50		
Сахаръ . . . . . 1 ф.	— —	— —	50 к.	— 42	— 50	— —
Медъ . . . . . 1 „	— —	— —	—	— 14	— 25	— —
Мыло . . . . . 1 „	— —	— —	сѣрое 11½ к	— 10	— 25	— —
Сальныя свѣчи . . . . . 1 „	— —	— —	15 к.	— 15	— 15	— —

VIII (къ стр. 219). Извлеченіе изъ сводной таблицы таксъ на промыслахъ Олекминскаго округа въ операцію 1856—57 г. [1]).

	На Васильевскомъ пріискѣ Рукавишникова.	На пр. Вознесенскомъ Трапезникова.	Соловьева Благодатск. или Золот. Яръ, Золотое устье.	Пр. Л. К° Воскресенскомъ и Митрофано-Аннинскомъ.	Персина Анненскомъ.	Молвин. тов. Александрин. и Зинаидинскомъ.	Ленск. тов. Баснина и Кат. Благодатно-Преоб. и Павл.	Желтуктинскаго тов., Ольгинск. и Петропавловск.
	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
Азямы 1-го сорта . . . . 1 ш.	4 50	5 —	5 50	5 50	6 —	5 50	4 75	6 50
„ 2-го „ . . . . 1 „	3 80	4 —	4 —	4 —	4 20	4 —	3 70	3 50
„ 3-го „ . . . . 1 „	2 63½	3 25	3 —	3 —	3 50	3 —	3 —	3 —
Бродни тюменскія 1 сорть 1 п.	1 80	1 80	1 80	— —	1 60	1 90	1 70	1 75
Варьги шерстяныя. . . . 1 „	— 21	— 17	— 20	— 20	— 15	— 20	— 20	— 18
Головки броденныя 1 с. . 1 „	— 87	— 90	— 70	1 10	— 80	1 —	— 90	— 80
Дахи барловыя . . . . . 1 ш.	— —	— —	— —	8 50	— —	— —	12 50 16 —	— —
Кушаки гарусные . . . . 1 „	— 60	— 60	— 70	— 50	— 55	— 50	— —	— —
Мыло жировое . . . . . 1 ф.	— 15	— 20	— 12	— 15	— 16	— 15	— —	— 20
Полуш. казанскіе . . . . 1 ш.	8 —	— —	8 —	12 —	7 —	12 —	— —	— —
„ дубл. шадринск. . 1 „	— —	4 —	— —	— —	— —	7 —	— —	— —
„ кирг. бѣл. и дымл. 1 „	3 66	3 30	4 —	5 —	3 50	4 50	— —	3 50
Плисъ широкій . . . . . 1 ар.	— —	— 35	— —	— 45	— —	— —	— —	— —
Полусапожки кунгурскіе . 1 п.	— —	2 50	— —	— —	2 —	2 25	— —	— —
Подошвы 1 сортъ . . . . 1 „	— 35	— 40	— —	— —	— 35	— —	— —	— 50
„ 2 „ . . . . 1 „	— —	— 30	— 30	— 30	— 20	— 35	— —	— 30
Рукавицы барановыя . . 1 „	— —	— 40	— 40	— 50	— 35	— 40	— —	— 40
„ лосиныя больш. 1 „	— 50	— 65	1 —	— 90	— —	— 50	— —	— —
Рубахи ситцовыя лучшія. 1 ш.	— —	— —	2 75	1 80	— —	— —	— —	— —
„ среднія . . . . . 1 „	— —	— —	1 50	— —	1 35	— —	— —	— —
Сукно фабричное . . . . 1 ар.	— —	1 —	— —	1 —	— —	— —	— —	— —
„ крестьянское . . . 1 „	— 23	— 24	— 30	— 30	— 23	— 25	—	— 30
Сапоги кунгурскіе 1 с. . 1 п.	2 50	3 50	3 —	3 —	2 50	— —	— —	3 —
„ „ 2 „ . 1 „	— —	— —	2 50	2 50	— —	— —	— —	— —
Ситецъ 1 сорта . . . . . 1 ар.	— —	— —	— —	— 35	— 30	— —	— —	— —
„ 2 „ . . . . . 1 „	— —	— —	— —	— 25	} —18	— —	— —	— —
„ 3 „ . . . . . 1 „	— —	— —	— —	— 18		— —	— —	— —

[1]) Арх. Олекмин. Горн. Исправ., дѣло № 229, л. 79—85

	На Васильевскомъ пріискѣ Рукавишникова.		На пр. Вознесенскомъ Трапезникова.		Соловьева Благодатск. или Золот. Яръ, Золотое устье.		Пр. Л. К° Воскресенскомъ и Митрофано-Аннинскомъ.		Персина Аннинскомъ.		Молвин. тов. Александр. и Зинаидинскомъ.		Ленск. тов. Баснина и Кат. Благодатно-Преоб. и Павл.		Желтуктинскаго тов., Ольгинск. и Петропавловск.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Сѣтки волосяныя . . . . 1 ш.	—	46	—	50	—	—	—	—	—	50	—	—	—	—	—	—
Свѣчи сальныя . . . . . 1 ф.	—	15	—	18½	—	—	—	25	—	16	—	25	—	—	—	20
Табакъ Жукова 2 сорта . 1 „	—	—	—	—	—	—	1	30	1	10	1	20	—	—	—	80
„ черкасскій . . . . 1 „	—	20	—	30	—	30	—	25	—	25	—	30	—	—	—	30
Холстъ ленный . . . . . 1 ар.	—	12	—	12	—	12	—	15	—	11	—	12	—	—	—	12
„ подкладочный . . 1 „	—	8	—	8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
„ пачесной 1 сортъ 1 „	—	9	—	10	—	9	—	10	—	8	—	10	—	—	—	8
Шапки бархатн. выхохл. 1 ш.	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	1	50	—	—	—	—
Шаровары кожан. киргиз. 1 „	1	50	1	50	2	—	1	50	1	50	1	50	—	—	—	—
Шубы овчин. больш. дымл. 1 „	6	50	—	—	8	—	9	—	8	—	—	—	—	—	6	50
„ „ „ бѣл. . 1 „	—	—	—	—	—	—	—	—	5	—	—	—	—	—	—	—
Мука пшеничная . . . . 1 п.	1	20	2	40	2	50	1	20	1	40	1	20	—	—	1	80
„ крупчатая 2 с. . 1 „	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	1	60
„ ржаная . . . . . 1 „	—	80	—	—	1	50	—	—	1	—	—	80	—	—	1	30
Мясо свѣжее и соленое . 1 „	2	60	—	—	3	—	—	—	3	20	2	60	—	—	3	50
															3	80
Масло скоромное . . . . 1 ф.	—	14½	—	18	—	25	—	25	—	16	—	25	—	—	—	20
Сахаръ бѣлый (рафинадъ) 1 „	—	50	—	—	—	80	—	60	—	60	—	60	—	—	—	60
Чай байховый . . . . . 1 „	2	—	—	—	2	50	2	—	1	70	2	—	—	—	1	60
															1	40
„ кирпичн. больш. разм. 1 к.	1	—	1	25	1	50	1	60	1	10	1	60	—	—	1	20
„ „ малаго „ 1 „	—	60	—	—	—	80	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—
„ зеленый . . . . . 1 „	—	—	—	—	—	—	—	—	—	80	—	—	—	—	—	—

IX (къ стр. 265). Въ 1837 г. на кабинетскихъ золотыхъ промыслахъ на Алтаѣ было добыто 26 п. 29 ф. 4 з., въ 1842 г.—31 п. 13 ф. 34 з., въ 1843 г.—33 п. 28 ф. 87 з.[1]). По штатамъ Алтайскихъ заводовъ 1849 г. было назначено добывать ежегодно 36 п. розсыпного золота. Въ 1856 г. было добыто болѣе 46 п. 27 ф. шлихового золота: это было максимальное количество, послѣ котораго добыча начала уменьшаться, а именно въ 1859 г. было получено 42 п. 19 ф. 82 з., въ 1860 г. уже гораздо менѣе—33 пуда слишкомъ. Если распредѣлить количество

[1]) „Гор. Журн.“ 1843 г. № 9, стр. 458 и 1844 г. № 8, стр. 283.

добываемаго золота по пятилѣтіямъ, то окажется, что въ теченіе пятилѣтія ежегодно добывалось въ среднемъ шлиховаго золота:

		Среднее содержаніе золота въ 100 пуд. песку.
Въ 1830—34 гг.	5 пуд. 36 фун. 23 зол.	— зол. 91⁷/₈ дол.
„ 1835—39 „	24 „ 1 „ — „	1 „ 9⁴/₅ „
„ 1840—44 „	33 „ — „ 94 „	— „ 90¹/₅ „
„ 1845—49 „	35 „ 37 „ 50 „	— „ 69⁴/₅ „
„ 1850—54 „	39 „ 17 „ 8 „	— „ 56¹/₂ „
„ 1855—60 „	42 „ 17 „ 70 „	— „ 49⁴/₅ „ [1])

Средняя толщина золотосодержащихъ пластовъ по штатамъ 1849 г. считалась въ 1¹/₄ арш. Въ свѣдѣніяхъ объ Алтайскихъ горныхъ заводахъ, представленныхъ въ Сибирскій комитетъ въ 1852 г. сказано, что при толщинѣ торфа въ 4 арш. и менѣе розсыпи разрабатываются открытыми разрѣзами, при большей же глубинѣ пластовъ считается выгоднымъ вести подземныя работы [2]).

Что касается числа мастеровыхъ, то на Егорьевскомъ промыслѣ въ концѣ 1830 г. ихъ было 248—293 чел., въ 1831 г. ихъ число колебалось на этомъ промыслѣ между 348 (въ мартѣ) и 834 (въ ноябрѣ); на Урскомъ промыслѣ въ декабрѣ 1831 г. было 454 чел. [3]), въ декабрѣ 1834 г. на Егорьевскомъ промыслѣ было 479 рабочихъ, на Урскомъ—242, на Касминскомъ—336, на Успенскомъ—535, итого 1592 чел. [4]). На 1845 г. горный совѣтъ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ приказалъ употребить на 10 золотыхъ промыслахъ 3,002 чел. (въ томъ числѣ всего болѣе—1532 ч.—на Царево-Николаевскомъ пріискѣ въ Кузнецкомъ округѣ) [5]). Къ 1 января 1856 г. на золотыхъ промыслахъ числилось „нижнихъ чиновъ“ 3,639 ч. [6]); дѣйствительно употреблялось въ работы въ 1856 г. 3,092 ч., въ 1857 г.—3,326 ч., въ 1858 г.—3,151 ч., въ 1859 г.—2,842 ч., въ 1860 г.—2,816 ч. [7]) однихъ рабочихъ, не считая ихъ семействъ.

Въ „вѣдомостяхъ о казенныхъ золотыхъ промыслахъ“, печатавшихся въ „Горномъ Журналѣ“ 40-хъ годовъ, свѣдѣнія о рабочихъ приводились „по разсчету въ одинъ день“, т.-е. вычислялось число годовыхъ рабочихъ по разсчету 335 поденщинъ на каждаго. Въ 1842 г. такихъ (фиктивныхъ) рабочихъ считалось 1,295, въ 1843 г.—1,255, въ 1844 г.—1,015, въ 1846 г.—1,027 [8]), въ 1851 г.—2510 [9]).

---

[1]) „Списки населенныхъ мѣстъ Росс. Имп. Томская губ.“, стр. XIX.

[2]) Арх. Комит. Министр., дѣло Сибир. Комитета 1852 г. № 77.

[3]) Арх. Алтайскаго Гор. Управ., по описи дѣлъ золот. пром., стол. № 10, л. 8—277, 536—537.

[4]) Ibid., вязка № 47, л. 5 или Арх. Томскаго Горн. Управ., вязка № 52, л. 808.

[5]) Арх. Алтайск. Горн. Управ., журналъ Горн. Совѣта 1845 г.

[6]) Ibid., вязка № 175, дѣло № 6487, л. 4—5.

[7]) Ibid. „Изложеніе“ (о Горномъ Совѣтѣ), 1856 г., л. 16, 19; 1859 г., л. 18; 1860 г., л. 20; 1861 г., л. 34.

[8]) „Горн. Журн.“, 1843 г. № 9, 1844 г. № 8, 1845 г. т. III, стр. 173, 1847 г. № 9.

[9]) Арх. Алтайск. Горн. Управ., бѣловые журналы 1853 г., л. 163—164.

Изъ опредѣленнаго по штатамъ 1849 г. числа—2,905 „нижнихъ чиновъ и рабочихъ“ на золотыхъ промыслахъ—1,817 чел. были заняты „на главномъ золотомъ производствѣ“, а 1,088 чел. „при вспомогательныхъ цехахъ“ [1]).

XXX (къ стр. 269). Въ 1851 г. на Алтайскихъ казенныхъ промыслахъ приходилось въ день на одного человѣка обработанныхъ золотосодержащихъ песковъ (т.-е. добытыхъ и промытыхъ), *„принимая въ разсчетъ число рабочихъ, задолжавшихся только при главномъ производствѣ“* (т.-е. при горныхъ работахъ,—„въ 1848 г.—26 п. 33 ф., въ 1848 г.—28 п. 14 ф., въ 1849 г.—29 п. 30 ф., въ 1850 г.—31 п. 4 ф., въ 1851 г.—34 п., между тѣмъ какъ штатами назначается 26 п. 11 ф. *Принимая въ разсчетъ все число людей, задолжавшихся на промыслахъ*, на одного человѣка въ день обработанныхъ песковъ причитается въ 1847 г.—21 п. 17 ф., въ 1848 г.—21 п. 20 ф., въ 1849 г.—20 п. 28 ф., въ 1850 г.—23 п. 37 ф., въ 1851 г.—25 п. 9 ф., а Высочайше утвержденными штатами полагается 18 п. 18 ф.“. Въ то время, какъ въ 1851 г. на Алтайскихъ кабинетскихъ промыслахъ приходилось на одного человѣка въ день обработанныхъ песковъ 25 п. 9 ф., въ киргизскихъ округахъ на промыслахъ Кокбектинскаго округа приходилось 26 п. 34 ф., Кокчетавскаго—35 п. 20 ф., на промыслахъ Ачинскаго округа 33 п. 17 ф., Томскаго—42 п. 11 ф., Минусинскаго—66 п. 15 ф., Южно-Енисейскаго—51 п. 10 ф., Сѣверно-Енисейскаго—65 п. 9 ф., Канскаго и Нижнеудинскаго—48 п. 16 ф., Олекминскаго—41 п. 34 ф., Верхнеудинскаго—37 п. 22 ф., Иркутскаго—84 п. 16 ф. На кабинетскихъ же промыслахъ Нерчинскаго округа обрабатывалось на одного человѣка въ день еще менѣе, чѣмъ на Алтайскихъ, а именно по 12 п. 1 ф. [2]).

XI (къ стр. 331). На частныхъ золотыхъ промыслахъ:

Маріинскаго округа:

Годы.	Число пріисковъ.	Промыто пуд. песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Среднее число рабоч. на пріискахъ.	Количество добытаго шлихового золота.
18686860	—	32.331,860	35¼ д.	1,806	30 п. 39 ф. 58 з. [3])
18686861	76	33.480,505	34⅛ „	1,871	31 „ 1 „ 59 „ [4])
18686862	83	34.956,961	37½ „	1,894	35 „ 26 „ 63 „ [5])
18686863	81	30.498,138	30⅜ „	1,449	25 „ 5 „ 11 „ [6])
18686864	66	27.523,308	35⅞ „	1,410	26 „ 32 „ 62 „ [7])

[1]) Ibid., л. 142. Всѣхъ же горнозаводскихъ мастеровыхъ на Алтаѣ, т.-е. находившихся на службѣ и работѣ *на заводахъ и промыслахъ* (со включеніемъ урочниковъ и подростковъ) было въ 1849 г.—19,000, въ 1860 г.—21,867 ч. „Алтай“, стр. 395.

[2]) Арх. Главн. Управ. Алтайск. округа, бѣловые журналы Горнаго Совѣта 1853 г., л. 133-155, 145, 163—164.

[3]) „Памятная книжка для русск. горн. людей. Изд. Комитета Корпуса горныхъ инженеровъ“. Спб, 1862 г. Годъ I, стр. 87.

[4]) Тоже. Годъ II. Спб. 1863 г., стр. 126.

[5]) „Сборн. стат. свѣдѣній по горн. части на 1864 г. Изд. Ученаго Комит. Корп. горныхъ инженеровъ“, стр. 120.

[6]) Тоже на 1865 г., стр. 218.

[7]) Тоже на 1866 г., стр. 161.

Годъ.	Число пріисковъ.	Промыто пуд. песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Среднее число рабоч. на пріискахъ.	Количество добытаго шлихового золота.
1865	74	30.297,763	29¼ д.	1,570	24 п. 21 ф. 39 з. [1]
1866	59	29.822,295	35 „	1,685	29 „ 2 „ 26 „ [2]
1867	60	34.148,104	34 „	2,004	31 „ 24 „ 78 „ [3]
1868	67	25.379,785	38¼ „	1,489	26 „ 11 „ 94 „
1869	70	30.525,850	34 „	1,741	28 „ 7 „ 34 „ [4]
Алтайскаго округа:					
1863	1	305,350	— з. 45¾ д.	18	— п. 15 ф. 15 з.
1864	7	5.353,400	— „ 89¾ „	328	13 „ 1 „ 54 „
1865	12	8.712,050	1 „ 24 „	491	28 „ 14 „ 57 „
1866	17	15.508,400	1 „ 17 „	694	47 „ 25 „ 24 „
1867	23	21.656,660	— „ 78½ „	1,126	46 „ 5 „ 88 „
1868	19	17.522,150	1 „ 22 „	846	56 „ 8 „ 19 „
1869	18	30.376,850	— „ 69 „	1,209	57 „ 17 „ 77 „
Киргизскихъ округовъ Семипалатинской области:					
1860	—	12.196,000	22⅝ д.	1,044	7 п. 20 ф. 10 з.
1861	8	11.418,000	18⅞ „	1,174	5 „ 34 „ 84 „
1862	8	13.234,000	18⅜ „	1,102	6 „ 24 „ 23 „
1863	8	12.631,500	17⅜ „	1,062	5 „ 38 „ 18 „
1864	8	12.203,000	19¼ „	1,024	6 „ 15 „ 94 „
1865	7	16.326,000	22 „	1,031	9 „ 29 „ 77 „
1866	11	15.971,000	23 „	1,340	10 „ 5 „ 3 „
1867	11	17.078,100	19 „	1,435	9 „ — „ 26 „
1868	15	19.900,000	19 „	1,666	10 „ 4 „ 65 „
1869	19	19.828,400	18 „	1,383	9 „ 32 „ 3 „

Всего рабочихъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ Западной Сибири было въ 1860 г.—2,850 ч., въ 1861 г. на 84 пріискахъ—3,045 ч., въ 1862 г. на 91 пріи-

[1]) Тоже на 1867 г., стр. 185. Въ „Спискахъ населенныхъ мѣстъ Томской губ.“ на 1865 г. указано 2061 чел. рабочихъ (стр. CII).

[2]) „Горн. Жур.“ 1866 г. № 9, „Горнозавод. произв. Россіи въ 1866 г.“, стр. 479.

[3]) *Планеръ*. „Горноз. производ. Россіи за 1867 г.“ „Гор. Жур.“ 1869 г. № 12, стр. 3.

[4]) Свѣдѣнія за 1868—69 гг. взяты у *Замарина* „Матеріалы для статист. добычи золота въ Россіи частными лицами въ 1868—70 гг.“ „Гор. Жур.“ 1871 г., № 7, стр. 136—138, 142.

искѣ—2,996 ч. [1]), въ 1863 г. на 90 пріискахъ—2,529 ч., въ 1864 г. на 81 пріискѣ—2,762 ч., въ 1865 г. на 93 пріискахъ — 3,092 ч., въ 1866 г. на 87 пріискахъ — 3,719 ч., въ 1867 г. на 94 пріискахъ—3,130 ч., въ 1868 г. на 101 пріискѣ—4,001 ч., въ 1869 г. на 107 пріискахъ—4,333 ч. Такимъ образомъ золотопромышленность Западной Сибири находилась въ теченіе этого десятилѣтія почти въ одномъ положеніи.

Съверной части Енисейскаго округа:

Годъ.	Число пріисковъ.	Промыто пуд. песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Среднее число рабоч. на пріискахъ.	Количество добытаго шлихового золота.
1860	—	198.659,423	83½ д.	10,269 [2])	425 п. 8 ф. 10 з.
1861	79	209.903,861	69½ „	8,873 [3])	397 „ 37 „ 30 „
1862	113	322.901,650	71¾ „	11,610	376 „ 19 „ 28 „
1863	79	223.277,344	65 „	9,039	394 „ — „ 80 „
1864	116	230.001,867	55½ „	9,318	345 „ 38 „ 61 „
1865	86	195.261,403	70¾ „	8,988	404 „ 13 „ 76 „
1866	122	195.916,971	70¾ „	9,122	374 „ 36 „ 60 „
1867	107	189.527,625	63¹/₁₀ „	8,373	324 „ 25 „ 89 „
1868	112	104.179,080	61½ „	4,681	174 „ 1 „ 45 „
1869	129	156.541,500	62 „	7,587	265 „ 17 „ 92 „

Въ южной части Енисейскаго округа:

1860	—	101.334,517	68¾ д.	5,090	188 п. 30 ф. 29 з.
1861	61	123.141,957	79¾ „	7,221 [4])	206 „ 28 „ 36 „
1862	83	127.194,386	68½ „	6,862	181 „ 32 „ 66 „
1863	63	125.833,600	48 „	5,878	164 „ 3 „ 88 „
1864	87	118.396,254	39¾ „	5,857	153 „ 13 „ 43 „
1865	90	133.345,340	43¾ „	6,627	164 „ 3 „ 12 „
1866	112	120.990,609	32½ „	6,055	133 „ 14 „ 77 „
1867	85	75.147,773	58½ „	4,549	119 „ 2 „ 56 „
1868	97	60.790,000	54 „	3,291	90 „ — „ 18 „
1869	111	94.603,500	51 „	4,691 [5])	131 „ 36 „ 37 „

[1]) По другимъ источникамъ 3,240 рабочихъ. „Труды Комм. Выс. Утв. для пересм. сист. подат. и сборовъ“ т. VIII, часть II, Докладъ III-го Отд. Ком., № 28, стр. 38.

[2]) По другому оффиціальному источнику 11,051 душа об. п. „Иркут. Губ. Вѣд.“ 1861 г., № 7, стр. 4.

[3]) Иная цифра въ „Горн. Журн.“ 1861 г., т. I, стр. 586.

[4]) Иная цифра въ „Горн. Журн.“ 1861 г., т. I, стр. 586.

[5]) Иныя цифры о числѣ рабочихъ въ Енисейской губ. въ 1863—68 гг. см. въ статьѣ *Лопатина* въ „Извѣст. Сиб. Отд. Геогр. Общ.“ 1871 г., т. II, № 4, стр. 45.

Годъ.	Число пріисковъ.	Промыто пуд. песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку	Среднее число рабоч. на пріискахъ.	Количество добытаго шлихового золота.
Въ Ачинскомъ и Минусинскомъ округахъ Енисейской губ.:					
1860	—	78.010,970	33½ д.	2,711	68 п. 36 ф. 29 з.
1861	62	65.688,475	31¼—56¼ д.	3,358	79 „ 28 „ 56 „
Въ одномъ Ачинскомъ округѣ:					
1862	22	16.446,030	33½ д.	763	14 п. 36 ф. 64 з.
1863	24	20.341,650	30 „	786	16 „ 27 „ 52 „
1864	17	20.559,100	32 „	702	18 „ 9 „ 58 „
1865	23	22.012,450	31½ „	879	18 „ 34 „ 86 „
1866	25	25.507,730	29½ „	958	20 „ 2 „ 77 „
1867	24	25.622,075	38⅛ „	949	21 „ — „ 71 „
1868	25	25.760,900	28 „	—	20 „ 2 „ — „
1869	18	27.208,670	29 „	— [1])	21 „ 4 „ 32 „
Въ Минусинскомъ округѣ:					
1862	58	49.734,400	30¾ д.	1,898	53 п. 23 ф. 38 з.
1863	32	35.367,850	57⅛ „	1,667	54 „ 33 „ 85 „
1864	42	41.504,600	22 „	1,820	42 „ 20 „ 25 „
1865	34	39.435,900	—	1,285	32 „ 16 „ 79 „
1866	43	31.702,900	36⅜ „	1,408	31 „ 15 „ 6 „
1867	44	34.270,401	34 „	1,235	31 „ 27 „ 57 „
1868	37	28.512,670	34 „	—	23 „ 15 „ 54 „
1869	39	30.058,100	36 „	—	30 „ 4 „ 17 „
Въ Канскомъ округѣ Енисейской губ. и въ Нижнеудинскомъ округѣ Иркутской губ.:					
1860	—	20.746,057	55⅜ д.	1,002	31 п. 6 ф. 79 з.
1861	16	21.954,349	49¼ „	1,045	29 „ 7 „ 68 „
1862	11	22.275,720	49 „	813	29 „ 24 „ 84 „
1863	21	31.166,875	42¼ „	1,402	35 „ 27 „ 12 „
1864	48	27.111,946	45¼ „	1,469	33 „ 4 „ 19 „
1865	20	26.409,660	36 „	1,100	26 „ 13 „ 8 „
1866.	20	36.408,625	37⅛ „	1,238	36 „ 29 „ 1 „
1867	17	22.553,522	43¼ „	918	26 „ 17 „ 15 „
1868	19	12.678,674	40½ „	616	14 „ 3 „ 64 „
1869	21	18.609,630	40¾ „	700	20 „ 23 „ 92 „

[1]) Въ Ачинскомъ и Минусинскомъ округахъ вмѣстѣ въ 1868 г. было 1,535 ч., въ 1869 г. 1,813 ч. рабочихъ.

Годъ.	Число пріисковъ.	Промыто пуд. песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Среднее число рабоч. на пріискахъ.	Количество добытаго шлихового золота.
Въ Верхоленскомъ округѣ Иркутской губ.:					
1867	2	123,828	12 3/8 д.	52	1 п. 65 ф. 19 з.
1868	1	2.011,000	34 „	114	2 „ 38 „ 67 „
1869	1	2.390,000	34 „	152	2 „ 10 „ 5 „
Въ Верхнеудинскомъ и Баргузинскомъ округахъ Забайкальской области:					
1860	—	34.322,964	1 з. 12 1/4 д.	2,776	101 п. 11 ф. 52 з.
1861	34	41.592,460	1 „ 9 „	3,224	118 „ 7 „ 33 „
Въ Верхнеудинскомъ округѣ:					
1862	9	15.607,550	37 3/4 д.	784	16 п. — ф. 39 з.
1863	9	19.157,032	51 3/8 „	1,053	26 „ 33 „ 32 „
1864	16	27.360,450	40 7/8 „	1,744	30 „ 13 „ 36 „
1865	12	23.392,717	57 1/2 „	1,430	36 „ 26 „ 12 „
1866	14	10.705,728	55 3/8 „	873	16 „ 3 „ 70 „
1867	24	11.749,084	41 1/8 „	1,215	13 „ 5 „ 27 „
1868	16	8.100,355	51 1/2 „	411	11 „ 12 „ 51 „
1869	23	12.792,464	50 8/10 „	916	17 „ 25 „ 92 „
Въ Баргузинскомъ округѣ:					
1862	25	32.661,908	1 з. 52 5/8 д.	2,598	131 п. 28 ф. 93 з.
1863	23	30.662,297	1 „ 40 „	2,447	113 „ 7 „ 33 „
1864	16	26.603,527	1 „ 35 1/8 „	2,383	94 „ 26 „ 2 „
1865	22	21.929,900	1 „ 67 „	2,113	97 „ 1 „ 22 „
1866	22	30.586,947	1 „ 25 1/4 „	2,324	100 „ 26 „ 68 „
1867	22	25.720,400	1 „ 39 1/2 „	1,985	94 „ 11 „ 50 „
1868	19	24.914,700	1 „ 36 „	1,290	92 „ 14 „ 61 „
1869	27	23.811,517	1 „ 8 1/2 „	1,562	67 „ 24 „ 44 „
Въ Нерчинскомъ округѣ Забайкальской области:					
1865	2	8.010,400	1 з. 51 1/2 д.	645	32 п. 1 ф. 55 з.
1866	6	19.068,953	1 „ 48 1/2 „	1,199	74 „ 31 „ 45 „
1867	8	37.880,350	1 „ 7 „	2,249	105 „ 33 „ 51 „
1868	19	53.192,465	1 „ 1 1/3 „	3,483	140 „ 24 „ 26 „
1869	17	97.405,669	— „ 84 „	3,741	138 „ 17 „ 34 „

Годъ.	Число пріисковъ.	Промыто пуд. песку.	Содержаніе золота въ 10 пуд. песку.	Среднее число рабоч. на пріискахъ.	Количество добытаго шлихового золота.
Въ Олекминскомъ округѣ Якутской области:					
1860	29	68.531,852	1 з. 1¼ д.	3,601	199 п. 19 ф. 56 з.
1861	31	68.206,102	1 „ 9½ „	4,103	195 „ 8 „ 47 „
1862	33	74.187,610	1 „ 11⅞ „	4,079	217 „ 2 „ 62 „
1863	26	47.061,577	1 „ 49⅛ „	4,873	185 „ 14 „ 54 „
1864	28	66.602,085	— „ 94⅞ „	3,678	171 „ 16 „ 55 „
1865	35	73.830,374	1 „ 26 „	3,758	245 „ 11 „ 28 „
1866	34	79.710,665	1 „ 6⅜ „	4,117	246 „ 14 „ 93 „
1867	34	70.611,765	1 „ 35 „	4,658	267 „ 1 „ 90 „
1868	30	72.028,375	2 „ 20 „	5,460	415 „ 24 „ 19 „
1869	33	106.412,280	2 „ 11 „	5,673	565 „ 30 „ 15 „
Въ Амурской области:					
1868	1	6.100,300	3 з. 15 д.	755	50 п. 11 ф. 7 з.
1869	2	7.434,442	3 „ 49 „	789	101 „ 37 „ 15 „

Такимъ образомъ по содержанію золота промысла Баргузинскаго и Нерчинскаго округовъ Забайкальской области, Олекминскаго округа Якутской области и особенно Амурской области принадлежали къ числу наиболѣе богатыхъ, но количество добываемаго золота въ Баргузинскомъ округѣ падало, а въ Нерчинскомъ и Олекминскомъ возрастало.

Общее число рабочихъ на пріискахъ Восточной Сибири (со включеніемъ Ачинскаго и Минусинскаго округовъ) было слѣдующее: въ 1860 г.—25,449 ч. [1]), въ 1861 г. на 283 пріискахъ—27,824 ч., въ 1862 г. на 354 пр.—29,407 [2]), въ 1863 г. на 277 пр.—27,145 ч. [3]), въ 1864 г. на 370 пр.—26,971 ч. [4]), въ 1865 г. на 324 пр.—26,825 ч. [5]), въ 1866 г. на 398 пр.—27,294 ч., въ 1867 г. на 367 пр.—26,183 ч., въ 1868 г. на 376 пр.—21,636 ч., въ 1869 г. на 421 пр.—27,624 ч.

---

[1]) Въ отчетѣ за 1860 г., помѣщенномъ въ „Иркут. Губ. Вѣд.“ за 1861 г., № 7, стр. 4, мы находимъ иныя данныя за 1860 г. и общій итогъ рабочихъ на промыслахъ Восточной Сибири составляетъ 29,538 ч.

[2]) По отчету о золотопромышленности Восточной Сибири за 1862 г.—28,912 ч. об. п. „Горн. Журн.“ 1863 г., № 5, стр. 349.

[3]) По отчету о золотопромышленности Восточной Сибири за 1863 г.—27,81[illegible] ч. „Иркут. Губ. Вѣд.“ 1864 г., № 17.

[4]) Въ оффиціальномъ отчетѣ о частной золотопромышленности Восточной Сибири за 1864 г. мы находимъ иныя цифры и общій итогъ — 28,428 рабочихъ об. п. Арх. Иркут. Горн. Упр., кн. 1686, № 64/69.

[5]) По оффиціальному отчету о частной золотопромышленности Восточной Сибири за 1865 г. въ этомъ году было 28,361 ч. рабочихъ. „Недѣля“ 1866 г., № 63 (Изъ „Забайкальскихъ Вѣдомостей“).

Годъ.	Число пріисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Среднее число рабочихъ на золот. пріискахъ.	Количество добытаго шлиховаго золота.
Во всей Сибири на частныхъ золотыхъ промыслахъ:				
1860	—	546.133,643	28,299	1,053 п. 12 ф. 39 з.
1861	367	575.385,709	30,869	1,063 „ 34 „ 33 „
1862	445	709.200,215	32,403	1,063 „ 19 „ 84 „
1863	367	576.253,483	29,674	1,022 „ 7 „ 6 „
1864	451	603.229,537	29,733	935 „ 32 „ 34 „
1865	417	598.963,957	29,917	1,119 „ 27 „ 77 „
1866	485	611.900,823	31,013	1,121 „ 7 „ 77 „
1867	461	566.089,687	30,748	1,089 „ 39 „ 1 „
1868	478	461.135,854	25,637	1,127 „ 13 „ 78 „
1869	529	658.083,872	31,957	1,457 „ 17 „ 70 „

Мы видимъ такимъ образомъ значительное увеличеніе количества частныхъ пріисковъ, которое будетъ особенно замѣтно, если мы сравнимъ его съ 50-ми годами, когда въ разные годы количество пріисковъ колебалось между 190 и 326 въ среднемъ же равнялось 247 пріискамъ въ годъ. Количество промытыхъ песковъ также увеличилось сравнительно съ предшествующимъ десятилѣтіемъ, напротивъ, количество рабочихъ по даннымъ горнаго вѣдомства нѣсколько уменьшилось и менѣе измѣнялось по годамъ, колеблясь между 25 и 32 тысячами, тогда какъ въ предшествующее десятилѣтіе колебанія были въ предѣлахъ 27—35 тысячъ. Количество золота, добытаго въ 60-хъ годахъ въ Сибири на частныхъ промыслахъ нѣсколько болѣе, чѣмъ въ 50-хъ годахъ (въ 50-хъ—10,758 п., въ 60-хъ—11,034 п.); среднее годовое количество въ 50-хъ годахъ—1,076 п., въ 60-хъ—1,103 п. Для добычи одного пуда золота въ одну операцію нужно было въ 50-хъ годахъ 31 чел., а въ 60-хъ—26 чел. Но эти среднія цифры не даютъ понятія о большомъ разнообразіи отдѣльныхъ системъ. Въ то время, когда на такихъ богатыхъ промыслахъ, какъ Амурская область, въ 1869 г. для добычи пуда золота въ теченіе одной операціи требовалось менѣе 8 чел. рабочихъ, въ Енисейскомъ округѣ въ 60-хъ годахъ въ среднемъ ихъ нужно было 28 чел. (въ 50-хъ—25 чел., въ 40-хъ—21 чел.).

Мы имѣемъ очень немного свѣдѣній о составѣ пріисковыхъ рабочихъ въ 60-хъ годахъ. Въ 1861 г. на промыслахъ Маріинскаго округа Томской губерніи было: изъ числа 1,871 ч. рабочихъ мѣщанъ, крестьянъ и ссыльно-поселенцевъ сибирскихъ губерній 1,622 м. п. и 165 ж. п., итого 1,787 ч. (95%) и мѣщанъ, крестьянъ и разночинцевъ великороссійскихъ губерній 77 ч. м. п. и 7 ж. п., итого 84 ч. (5%). Въ киргизскихъ округахъ въ томъ же году изъ общаго числа 1,174 ч. рабочихъ было: сибирскихъ уроженцевъ 1,075 м. п. и 76 ж., итого 1,152 ч. (98%), уроженцевъ же великороссійскихъ губерній — 17 ч. м. п. и 5 ж. п., итого 22 чел. (около 2%) [1]). Другихъ свѣдѣній о составѣ пріисковыхъ рабочихъ Западной Сибири мы не имѣемъ. Нѣсколько обильнѣе въ этомъ отношеніи данныя о рабочихъ Восточной Сибири.

[1]) *Расселл*, 232.

Годъ.	Южная часть Енисейскаго округа.								Сѣверная часть Енисейскаго округа.								Ачинскій и Минусинскій округа.	
	Жители Сибири (со включеніемъ ссыльныхъ).				Великороссійскіе обыватели.				Жители Сибири (со включеніемъ ссыльныхъ).				Великороссійскіе обыватели.				Жители Сибири.	Великороссійскіе обыватели.
	м. п.	ж. п.	итого.	%	м. п.	ж. п.	итого.	%	м. п.	ж. п.	итого.	%	м. п.	ж. п.	итого.	%	%	%
1860	—	—	—	90	—	—	—	10 [1]	—	—	—	—	—	—	—	—	92	8
1861	6,033	372	6,405	89	786	30	816	11 [2]	6,546	439	6,985	80	1,888	—	1,888	20	93	7
1862	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	94	6
1863	—	—	—	89	—	—	—	11 [3]	—	—	—	82	—	—	—	18	93	7
1864	—	—	—	91	—	—	—	9 [4]	—	—	—	87	—	—	—	13	92	8
1868	—	—	—	91	—	—	—	9	—	—	—	80	—	—	—	20	90	10
1869	—	—	—	89	—	—	—	11 [5]	—	—	—	86	—	—	—	14	93	7

Такимъ образомъ въ сѣверной части Енисейскаго округа среди пріисковыхъ рабочихъ было сибирскихъ обывателей отъ 76 до 89%, великороссійскихъ—отъ 11 до 24%; въ южной части Енисейскаго округа первыхъ 89—91%, вторыхъ 9—11%; на промыслахъ Ачинскаго и Минусинскаго округовъ первыхъ до 90—94%, вторыхъ 6—10%.

По отчетамъ енисейскихъ губернаторовъ на промыслахъ этой губерніи было въ 1860 г. рабочихъ изъ обитателей Сибири (вмѣстѣ съ ссыльно-поселенцами) 74%, жителей Великороссіи—26%, въ 1861 г. первыхъ—82%, вторыхъ 18%, въ 1862 г. первыхъ 84%, вторыхъ 16%, въ 1863 г. первыхъ 89%, вторыхъ 11% [6]).

По даннымъ Лопатина среди рабочихъ на промыслахъ Енисейской губ. было ссыльно-поселенцевъ: въ 1863 г.—53%, въ 1864 г. почти 58%, въ 1865 г.—51%, въ 1866 г. почти 53%, въ 1867 г.—52%, въ 1868 г.—46%. По даннымъ того же Лопатина среди рабочихъ на промыслахъ Енисейской губ. было въ 1863 г. мѣщанъ, крестьянъ и разночинцевъ Великороссійскихъ губерній 11%, мѣщанъ и крестьянъ Сибирскихъ губерній (не считая ссыльно-поселенцевъ) 36%, въ 1864 г. первыхъ 11%, вторыхъ 31%, въ 1865 г. первыхъ 6%, вторыхъ 43%; въ 1866 г. первыхъ 6%, вторыхъ 41%; въ 1867 г. первыхъ 6%, вторыхъ 42%; въ 1868 г. первыхъ 14%, вторыхъ 40% [1]).

На промыслахъ Олекминскаго и Киренскаго округовъ въ 1860—64 и 1868 гг. обыватели Сибири со включеніемъ ссыльно-поселенцевъ составляли среди пріисковыхъ рабочихъ почти 99%, а обыватели великороссійскихъ губерній около 1%.

На промыслахъ Забайкальской области въ 1860 г. обыватели Сибири составляли почти 99%, обыватели Великороссіи 1%, въ 1861 г. первые 98%, вторые 2%; въ 1862 г. на промыслахъ Верхнеудинскаго и Баргузинскаго округовъ Забайкальской области первые 94%, вторые 6%; въ 1863 г. первые—менѣе 98%, вторые—болѣе 2%, въ 1864 г. жители Великороссіи составляли менѣе 2%.

[1]) „Иркут. Губ. Вѣд." 1861 г., № 7, стр. 4.
[2]) *Расселли*, 233.
[3]) „Иркут. Губ. Вѣд." 1864 г., № 17, стр. 4.
[4]) Арх. Иркут. Горн. Управ. К. 1686, № 64/69, л. 81.
[5]) „Горн. Журн." 1871 г., № 7, стр. 138.
[6]) Арх. Комит. Министр.

[1]) „Извѣстія Сиб. Отд. Геогр. Общ." 1871 г., т. II, № 4, стр. 46. Нужно замѣтить, впрочемъ, что абсолютное количество рабочихъ по даннымъ Лопатина значительно отличается отъ указаннаго нами выше по оффиціальнымъ источникамъ.

XII (къ стр. 404). Таксы на промыслахъ Южно-Енисейскаго округа 1864 г.

	К° Асташева.								К° Рязан.				Лопат.		Латкина.			
	Прокоп.		Леонт.-Никол.		С.-Преоб		Степан.		Успенск.		Петроп.		К. Елен.		ПоМурож.		ПоОллон.	
	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
Припасы:																		
Мясо . . . . . 1 пудъ	3	—	2	40	2	60	3	—	2	60	—	—	2	75	2	40	2	40
Сало топленое. . . . . 1 ф.	—	15	—	15	—	12	—	20	—	12	—	—	—	20	—	18	—	18
Масло коровье . . . . . 1 „	—	25	—	20	—	20	—	22½	—	20	—	—	—	25	—	20	—	20
Чай фамильный . . . . . 1 „	1	50	1	50	1	40	1	50	—	—	—	—	1	75	1	30	1	30
„ кирпичный . . . . . 1 шт.	1	10	1	—	1	—	1	—	1	—	1	—	1	—	1	—	1	—
Сахаръ . . . . . 1 ф.	—	50	—	50	—	50	—	60	—	—	—	—	—	50	—	50	—	50
Товары:																		
Армяки 1 сорта . . . . . 1 шт.	5	—	5	—	—	—	5	—	6	—	5	—	9	—	4	75	4	75
„ 2 „ . . . . . 1 „	4	—	4	—	4	15	4	—	4	50	4	—	6	—	4	50	4	50
„ 3 „ . . . . . 1 „	2	80	3	—	3	15	3	—	3	60	3	—	5	—	4	—	—	—
Шубы или тулупы . . . . . 1 „	4	80	5	—	5	45	5	—	6	—	6	—	6	—	—	—	—	—
Полушубки казанскіе . . . . 1 „	—	—	—	—	—	—	4	50	8	50	—	—	10	—	6	50	—	—
„ простые . . . . 1 „	3	50	3	10	3	20	3	50	3	50	3	75	5	—	3	—	3	—
Рукавицы . . . . . 1 пара.	—	42	—	45	—	45	—	42	—	45	—	40	—	60	—	50	—	50
Варьги . . . . . 1 „	—	22	—	22	—	25	—	20	—	25	—	25	—	30	—	25	—	25
Шаровары кожанные . . . . 1 шт.	1	70	—	—	1	50	2	—	1	50	1	70	2	—	1	40	1	30
Нитки . . . . . 1 пасм.	—	2	—	2	—	2	—	2	—	1½	—	2	—	1½	—	1	—	1
Даба синяя. . . . . 1 кон.	2	20	—	—	—	—	2	20	—	—	—	—	2	75	2	10	2	20
Холстъ 1 сорта. . . . . 1 арш.	—	10	—	10	—	10	—	10	—	12	—	12	—	16	—	12	—	12
„ 2 „ . . . . . 1 „	—	9	—	9	—	9	—	9	—	10	—	9	—	12	—	10	—	10
„ 3 „ . . . . . 1 „	—	8	—	8	—	8	—	8	—	8	—	8	—	10	—	8	—	10
Сукно крестьянское . . . . 1 „	—	20	—	20	—	22	—	25	—	25	—	35	—	25	—	20	—	20
Пестрядь. . . . . 1 „	—	8	—	8	—	8	—	10	—	—	—	—	—	—	—	10	—	—
Сапоги кунгурскіе . . . . . 1 пара.	3	50	3	50	3	70	3	50	3	50	3	40	5	—	3	80	3	80
Бродни. . . . . 1 „	2	—	1	85	1	90	1	80	2	20	1	90	2	25	1	95	1	95
Чарки и головки . . . . . 1 „	—	90	—	90	—	95	—	80	1	—	—	90	1	5	—	90	—	90
Голяшки броденные . . . . 1 „	—	80	—	—	—	60	—	80	—	70	—	60	—	—	—	—	—	—
Подошвы. . . . . 1 „	—	40	—	40	—	38	—	40	—	40	—	35	—	45	—	40	—	40
Заплаты . . . . . 1 „	—	30	—	30	—	22	—	30	—	20	—	30	—	25	—	20	—	20
Мыло жировое . . . . . 1 ф.	—	15	—	16	—	18	—	20	—	20	—	—	—	20	—	16	—	14
Табакъ черкасскій . . . . . 1 „	—	25	—	25	—	24	—	25	—	25	—	30	—	25	—	24	—	24
Свѣчи сальныя . . . . . 1 „	—	20	—	20	—	22	—	25	—	25	—	—	—	25	—	20	—	20
Дратва. . . . . 1 пас.	—	—	—	—	—	2	—	—	—	1½	—	—	—	1½	—	1	—	1

	Дан.		Исаева.				Родст.		Безоб.		Анненскій К° Зотовыхъ.		К° Бев.		Шепетков.				Крут.		Ягунов.		Мясн.		Череп.		Герас.		Баланд.	
	Пріютин.		Александ.		Успенск.		Петропав.		Никольск.				Благовѣщ.		Аркадьев.		Сергіевск.		Ефимов.		Алексѣев.		Спасск.		Надежн.		Александ.		Благовѣщ.	
	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
Припасы:																														
Мясо . . . . . 1 пудъ	3	—	3	—	3	—	3	10	3	—	3	20	2	80	2	50	2	80	2	60	2	53	2	80	2	50	2	50	—	—
Сало топленое. . . . . 1 ф.	—	20	—	—	—	25	—	—	—	15	—	15	—	15	—	—	—	—	—	15	—	15	—	16	—	15	—	13	—	—
Масло коровье . . . . . 1 „	—	25	—	25	—	30	—	25	—	35	—	20	—	20	—	—	—	25	—	28	—	25	—	30	—	25	—	25	—	—
Чай фамильный . . . . . 1 „	2	—	1	50	1	50	1	60	1	75	1	20	1	30	1	50	1	50	2	—	1	42½	—	—	1	60	1	25	1	75
„ кирпичный . . . . . 1 шт.	1	20	1	—	1	10	1	20	1	—	—	80	—	90	1	—	1	10	1	15	1	—	1	20	1	—	—	90	1	—
Сахаръ . . . . . 1 ф.	—	70	—	50	—	55	—	60	—	60	—	46	—	50	—	60	—	—	—	65	—	60	—	—	—	50	—	50	—	50
Товары:																														
Армяки 1 сорта . . . . . 1 шт.	7	—	5	—	5	—	7	15	10	20	6 / 7 / 5	ѣл. / 20 / 50	5	50	5	—	—	—	5	50	6	—	6	20	8	—	7	—	7	—
„ 2 „ . . . . . 1 „	6	—	3	—	3	—	4	45	5	10	4	70	3	50	4	50	4	31	4	60	4	—	4	12	5	50	3	25	5	50
„ 3 „ . . . . . 1 „	3	50	—	—	2	50	—	—	3	—	2	60	2	50	—	—	—	—	3	75	—	—	3	20	4	—	—	—	4	—
Шубы или тулупы . . . . . 1 „	7	—	6	—	5	—	—	—	8	25	6	50	5	—	—	—	6	—	9	—	4	40	6	50	—	—	7	50	6	—
Полушубки казанскіе . . . . 1 „	10	—	8	—	6	50	—	—	10	20	8	—	3	20	—	—	—	—	9	20	—	—	7	10	—	—	7	50	—	—
„ простые . . . . 1 „	4	—	3	—	3	50	4	35	2	75	3	70	—	—	4	—	4	50	4	—	—	—	3	60	4	—	4	50	4	—
Рукавицы . . . . . 1 пара.	—	55	—	50	—	55	—	55	—	50	—	50	—	45	—	41	—	55	—	50	—	50	—	47	—	45	—	50	—	50
Варьги . . . . . 1 „	—	25	—	25	—	25	—	25	—	25	—	25	—	20	—	22	—	30	—	25	—	20	—	23	—	25	—	25	—	25
Шаровары кожанные . . . . 1 шт.	2	—	—	—	—	—	—	—	1	80	1	70	—	—	1	90	—	—	1	70	1	40	1	70	1	80	2	—	—	—
Нитки . . . . . 1 пасм.	—	2	—	3	—	2	—	1½	—	1	—	1	—	1	—	1	—	1½	—	2	—	1	—	—	—	1½	—	1½	—	2
Даба синяя. . . . . 1 кон.	2	80	2	50	2	50	2	40	2	65	2	60	2	40	—	—	3	10	2	50	2	40	2	30	2	70	2	80	2	75
Холстъ 1 сорта. . . . . 1 арш.	—	15	—	15	—	13	—	15	—	14	—	13	—	10	—	11	—	13	—	13	—	12	—	12	—	11	—	12	—	13
„ 2 „ . . . . . 1 „	—	13	—	12	—	11	—	10	—	10	—	12	—	7	—	10	—	10	—	10	—	10	—	10	—	9	—	10	—	10
„ 3 „ . . . . . 1 „	—	—	—	10	—	9	—	—	—	8	—	9	—	—	—	8	—	—	—	8	—	8	—	8	—	—	—	9	—	8
Сукно крестьянское . . . . 1 „	—	30	—	25	—	25	—	30	—	23	—	25	—	18	—	18	—	25	—	—	—	25	—	20	—	25	—	25	—	23
Пестрядь. . . . . 1 „	—	—	—	12	—	8	—	12	—	12	—	13	—	—	—	—	—	—	—	12	—	—	—	10	—	—	—	—	—	—
Сапоги кунгурскіе . . . . . 1 пара.	4	50	4	—	3	50	4	80	3	85	4	—	3	50	3	65	4	50	3	80	4	—	4	—	3	75	4	—	4	50
Бродни. . . . . 1 „	2	25	2	25	2	30	2	16	2	—	2	10	1	80	1	95	2	10	2	20	2	—	2	10	2	10	2	20	2	30
Чарки и головки . . . . . 1 „	—	—	—	90	—	90	—	97	—	80	—	90	—	50	—	70	—	90	—	95	—	85	—	90	—	80	—	95	1	—
Голяшки броденные . . . . 1 „	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	50	—	70	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
Подошвы. . . . . 1 „	—	55	—	—	—	45	—	50	—	45	—	50	—	45	—	35	—	35	—	40	—	30	—	42	—	4	—	40	—	40
Заплаты . . . . . 1 „	—	20	—	40	—	—	—	30	—	15	—	25	—	20	—	15	—	15	—	20	—	15	—	15	—	20	—	15	—	10
Мыло жировое . . . . . 1 ф.	—	25	—	—	—	20	—	—	—	20	—	20	—	20	—	18	—	20	—	22	—	20	—	25	—	22	—	20	—	25
Табакъ черкасскій . . . . . 1 „	—	30	—	25	—	30	—	30	—	25	—	30	—	25	—	25	—	28	—	35	—	25	—	30	—	25	—	30	—	23
Свѣчи сальныя . . . . . 1 „	—	20	—	25	—	30	—	—	—	25	—	20	—	15	—	—	—	20	—	25	—	20	—	24	—	25	—	20	—	22
Дратва. . . . . 1 пас.	—	2	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

XIII (къ стр. 410). Таксы на пріискахъ Олекминскаго округа въ операцію 1863/4 г.

	Ленскаго Товарищества Баснина и Катышевцева.										На пріискахъ Катышевцева.		Пріиски Соловьева.				Прибрежно-Ленской Компаніи.				Пріиски И. Ѳ. Базилевскаго.				На пріискахъ Вознесенскомъ, Сергіевскомъ и Константиновскомъ.[1]) Трапезниковыхъ.		Пророко-Ильинск. пр Маркова.		На пріискахъ Почекунина.	
	Стоимость въ покупкѣ.		По р. Кевактѣ. Процент. и провоз.		По р. Кевактѣ. Цѣны.		На Ныгряхъ. Процент. и провоз.		На Ныгряхъ. Цѣны.				Покупная цѣна безъ провозу.		По таксѣ.		Въ покупкѣ.		Съ доставкою на пріиск.		Цѣна при покупкѣ.		Цѣна на пріискѣ.							
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Мясо свѣжее . . . . . 1 п.	3	—	—	70	3	70	1	50	4	50	3	50	2	60	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3 3	60 70	2	70	—	—
„ соленое . . . . . 1 „	3	—	—	80	3	80	1	50	4	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
„ сушеное . . . . . 1 „	3	90	—	80	4	70	1	60	5	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Масло скоромное . . . . 1 „	11	—	1	40	12	40	2	20	13	20	12	—	1 ф. —	20	—	25	—	—	—	—	—	—	—	—	—	25	—	25	—	32
Чай кирпичный . . . . . 1 к.	—	60	—	7	—	67	—	9	—	69	—	70	—	65	—	80	—	90	1	—	—	—	—	—	1 1	18 20	1	10	—	90
„ фамильный . . . . . 1 ф.	1	35	—	16	1	51	—	18	1	53	1	50	1	20	1	50	1	35	1	50	—	—	—	—	1	40	1	50	1	70
Сахаръ рафинадъ . . . . 1 „	—	50	—	6	—	56	—	8	—	58	—	65	—	45	—	60	п 21	у 35	д 24	ъ. —	—	—	—	—	—	60	—	60	—	52
Мука ржаная . . . . . 1 п.	—	65	—	45	1	10	1	30	1	95	1	40	—	75	1	50	—	—	—	—	—	—	—	—	1 —1	60 75	—	95	1	25
„ пшеничная . . . . 1 „	1	15	—	45	1	60	—	85	2	—	1	70	1	20	1	60	—	—	—	—	—	—	—	—	2 —2	— 15	1	30	1	60
Мыло жировое . . . . . 1 ф.	—	18	—	3	—	21	—	5	—	23	—	25	—	15	—	20	—	—	—	—	—	—	—	—	—	22	—	20	—	25
Сальныя свѣчи . . . . . 1 „	—	18	—	3	—	21	—	5	—	23	—	25	—	18¾	—	20	—	—	—	—	—	—	—	—	—	28	—	—	—	—
Табакъ черкасскій . . . . 1 „	—	27	—	4	—	31	—	5	—	32	—	32	—	20	—	25	—	—	—	—	пу 5	дъ. 20	—	30	—	32	—	30	—	35
Армяки или азямы 1 сорт. 1 ш.	4	60	—	65	5	25	—	70	5	30	5	55	6	—	7	—	5	85	6	50	5	50	6	50	4	80	7	50	7	25
„ „ „ 2 „ 1 „	3	60	—	65	4	25	—	70	4	30	4	55	4	—	4	50	4	95	5	50	—	—	—	—	4	35	5	50	5	35
„ „ „ 3 „ 1 „	3	—	—	65	3	65	—	70	3	70	3	55	2	50	3	—	2	92½	3	25	2	25	3	—	2 дубл	90 еныя	4 1сор.	—	2	—
Шубы (русскія) . . . . . 1 „	8	20	1	20	9	40	1	30	9	50	10	25	1 сор. 10	—	11	50	5	40	6	—	—	—	—	—	—	—	14 2 с.	—	—	—
„ (киргизскія) . . . 1 „	7	50	—	70	8	20	1	—	8	50	7	75	2 с. 8	50	9	50					7	50	10	80	7	—	11	—	—	—
Полушубки русскіе . . . 1 „	5	65	—	85	6	50	1	35	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8	20
„ киргизскіе . . 1 „	3	70	—	50	4	20	—	70	4	40	4	25	3	25	3	50	3	60	4	—	2	40	3	10	3 —4	50 50	4	50	4	20

Примѣчаніе. Таблица эта составлена на основаніи таксъ, представленныхъ Олекминскому горному исправнику въ 1864 г. (Арх. Олекм. Горн. Испр., дѣло № 656).

[1]) „Наложено на рубль по 20 к.“; за провозъ по 70 коп. за пудъ.

	Ленскаго Товарищества Баснина и Катышевцева.										На пріискахъ Катышевцева.		Пріиски Соловьева.				Прибрежно-Ленской Компаніи.				Пріиски И. Ѳ. Базилевскаго.				На пріискахъ Возненскомъ, Сергіевскомъ и Константинов. Тразниковыхъ.		Пророко-Ильинск. пр. Маркова.		На пріискахъ Почекунина.	
	Стоимость въ покупкѣ.		По р. Кевактѣ. Процент. и провоз.		По р. Кевактѣ. Цѣны.		На Ныгряхъ. Процент. и провоз.		На Ныгряхъ. Цѣны.				Покупная цѣна безъ провозу.		По таксѣ.		Въ покупкѣ.		Съ доставкою на пріиск.		Цѣна при покупкѣ.		Цѣна на пріискѣ.							
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Полушубки шадринскіе . 1 „	9	10	1	40	10	50	1	90	11	—	8	25	—	—	—	—	9	—	10	—	—	—	—	—	3	50	8	50	—	—
„ казанскіе . . 1 „	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	50	9	—	27	—	30	—	6	50	8	20	—4	50	15	50	—	—
Рукавицы барановыя . . 1 п.	—	60	—	6	—	66	—	7	—	67	—	60	—	32	—	35	—	42½	—	45	38½	—	—	60	—	48	—	50	—	40
„ простыя. . . . 1 „	—	50	—	6	—	56	—	7	—	57	—	55		—43		—45		—45		—50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—50
Вареги . . . . . 1 „	—	24	—	6	—	30	—	7	—	32	—	20—27	—	18	—	20	—	20	—	22	—	16	—	25	—	26	—	25	—	—
Шаровары кожанные . . 1 „	1	80	—	25	2	5	—	28	2	8	2	10	1	50	1	80	1	80	2	—	1	20	1	50	1	70	2	—	2	—
Даба 1 сор. . . . . 1 „	2	30	—	30	2	60	—	40	2	70	2	45	2	40	2	70	2	16	2	40	1	80	2	80	2	60	2	50	2	45
„ 2 „ . . . . . 1 „	2	—	—	25	2	25	—	30	2	30	2	30	2	—	2	10									2	40	2	20	2	40
Холстъ ленный отбор. . . 1 „	—	12	—	2	—	14	—	3	—	15	—	15	—	—	—	—	—	11	—	12	—	9	—	12	—	14	—	15	—	13
„ пачесный сортов.. 1 „	—	9	—	2	—	11	—	3	—	12	—	9—13	—	6 —11	—	7 —12	—	9	—	10	—	9	—	10	—	10—11	—	10 —12	—	10 —11
Сукно крестьянское . . . 1 „	—	28	—	4	—	32	—	5	—	33	—	30	—	25	—	30	—	22	—	25	—	14	—	23	—	25	—	30	—	25
Сапоги кунгурскіе 1 сорт. 1 п.	3	40	—	50	3	90	—	60	4	—	4	—	3	75	4	50	3	60	4	—	3	25	4	50	4	25	3	50	4	20
„ „ 2 „ 1 „	3	—	—	35	3	35	—	50	3	50	3	—	3	—	3	50	2	80	3	10					4	—	—	—	3	60
Бродни 1 сорта . . . . 1 „	1	80	—	35	2	15	—	40	2	20	2	30	1	95	2	—	1	98	2	20	1	75	2	30	2	30	2	—	2	40
Головки броденныя 1 сор. 1 „	—	75	—	15	—	90	—	20	—	95	1	—	—	80	—	90	—	90	1	—	—	80	—	90	1	10	—	90	1	20
„ „ 2 „ 1 „	—	55	—	10	—	65	—	15	—	70			—	39	—	40	—	50	—	50					—	—	—	—	—	85
Голяшки броденныя . . . 1 „	—	90	—	13	1	3	—	15	1	5	1	—	—	—	—	—	—	85	—	90	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Подошвы 1 сорта . . . . 1 „	—	50	—	7	—	57	—	10	—	60	—	60	—	30	—	35	—	35	—	40	—	—	—	45	—	—	—	35	—	40
Сѣтки отъ мошекъ. . . . 1 „	—	75	—	7	—	82	—	10	—	85	—	70	—	—	—	—	—	43	—	45	—	61½	—	60	—	56	—	—	—	—

XIV (къ стр. 450). На промыслахъ Южно-Енисейской системы въ операцію 1861/2 г. [1]).

НАЗВАНІЕ ПРІИСКА.	Число явившихся рабочихъ.	Число получившихъ додачу.	% получившихъ додачу.	Средній размѣръ додачи.		Максимумъ додачи.	Число не получившихъ додачи и оставшихся въ долгу.	% такихъ рабочихъ.	Число должниковъ.	% должниковъ.	Средній размѣръ долга.		Максимумъ долга.
				Р.	К.	Р.					Р.	К.	Р.
На пром. Удерейской К° Бенардаки, Рязановыхъ и др.	417	299	72	24	48	125	—	—	118	28	24	27	65
„ Иннокентіе-Громовскомъ пр. Акимова	79	37	47	15	11	71	—	—	42	53	31	—	68
„ Второпавловскомъ пр. Бенардаки и Латкина . .	316	264	83	25	19	162	11	4	41	13	32	53	71
„ Благовѣщенскомъ пр. Г-жи Бевадъ.	77	76	99	21	96	121	—	—	1	1	19	24	—
„ Прокопьевскомъ пр. Асташева и К°	553 [2])	146	27	32	97	289	—	—	407	73	29	52	101
„ Спасо-Преображенскомъ пр. Асташева и К° . .	311	208	67	28	51	348	21	7	82	26	31	64	85
„ промыслахъ Логинова	144	79	55	21	6	104	—	—	65	45	23	19	67
„ Казанскомъ пр. Асташева	129	36	28	38	57	154	3	2	90	70	15	73	85
„ Успенскомъ и Рождественскомъ пр. П. Н. Латкина	194	178	92	36	51	166	6	3	10	5	35	18	65
„ Успенскомъ и Дмитріевскомъ Ш. Э. Латкиной .	152	128	85	29	28	202	4	2	20	13	20	—	67
„ Алексѣевскомъ К° Латкиныхъ	78	56	72	25	67	64	7	9	15	19	27	86	47
„ Ильинскомъ пр. Шушляева	664	432	65	28	43	364	33	5	199	30	16	94	89
„ Новопетропавловскомъ пр. Лопатина	188	159	84	42	48	302	5	3	24	13	21	84	65
„ Успенскомъ и Троицкомъ пр. Игнатія Рязанова.	443	292	66	20	2	100	—	—	151	34	15	99	54
„ Спасскомъ пр. К° Бенардаки и Сидорова	322	110	34	47	24	187	2	1	210	65	25	66	83
„ Никол. и Модестовск. пр. бар. Корфа и Базилевск.	232	94	40	15	67	112	6	3	132	57	25	32	68
	4,299	2,594	60	28	60	—	98	2	1,607	38	24	81	—

[1]) Арх. Горн. Исправника южной части Енисейскаго округа, дѣло 1862 г., № 38.

[2]) Сюда не включены 188 рабочихъ подрядныхъ, нанятыхъ по особымъ условіямъ исклю вѣкъ такихъ же подрядныхъ рабочихъ получили на Прокопьевскомъ пріискѣ отъ 25 до 80 р., въ чительно для вскрыши торфа; всѣ они получили додачу отъ 20 до 70 руб. Въ 1859 г. 28 чело среднемъ 53 р. Архивъ дополнительнаго участка Прокопьевскаго пріиска, дѣло 1860 г., № 46, л. 18.

XV (къ стр. 474). На Алтайскихъ промыслахъ:

Въ	1861	г.	было	получено	золота	25	п.	26	ф.	74 з. [1]
„	1862	„	„	„	„	19	„	39	„	88 „ [2]
„	1863	„	„	„	„	21	„	15	„	29 „ [3]
„	1864	„	„	„	шлих. зол.	24	„	9	„	74 „ [4]
„	1865	„	„	„	„ „	27	„	17	„	78 „ [5]
„	1866	„	„	„	„ „	22	„	2	„	66 „ [6]
„	1867	„	„	„	„ „	22	„	12	„	41 „ [7]
„	1868	„	„	„	„ „	17	„	14	„	31 „
„	1869	„	„	„	„ „	17	„	10	„	— „
„	1870	„	„	„	„ „	19	„	26	„	13 „ [8]
„	1872	„	„	„	„ „	13	„	21	„	81 „ [9]

[1]) „Памятная книжка для русск. горн. людей“, годъ II-й, 1863 г., стр. 33.

[2]) Тоже на 1864 г., стр. 30.

[3]) „Сборникъ статист. свѣд. по горн. части на 1866 г.“, стр. 55.

[4]) Да кромѣ того отъ промывки кварцевъ и шлиховъ Зыряновскаго и Риддерскаго рудниковъ получено шлиховаго же руднаго золота 1 п. 15 ф. 27 з. „Сборникъ стат. свѣд. по горн. части на 1866 г.“, стр. 55—56.

[5]) Арх. Глав. Управ. Алтайск. гор. окр. „Изложеніе Горнаго Совѣта“ 1866 г., л. 23. Всего золота (очевидно вмѣстѣ съ руднымъ) было получено 29 п. 12 ф. 84 з.з. з. „Алтай“, 380.

[6]) „Изложеніе Горнаго Совѣта“ 1867 г., л. 28.

[7]) „Изложеніе Горнаго Совѣта“ 1868 г., л. 28. А всего золота было получено по 23 п. 29 ф. 63 з. *Кеппенъ*. „Стат. очеркъ горн. промышл. Россіи съ 1860—1877 г.“, стр. 6.

[8]) „Алтай“, 380.

[9]) *Кеппенъ*, 7.

ОГЛАВЛЕНІЕ I-го ТОМА.

СТРАН.

Предисловіе III

Введеніе XXIX

Глава I. Рабочіе на частныхъ золотыхъ промыслахъ до 1838 г. Начало золотопромышленности въ Сибири.—Поисковыя партіи.—Число рабочихъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ.—Наемъ рабочихъ и договоры ихъ съ хозяевами.—Пріисковыя работы.—Рабочая плата.—Старательскія работы.—Жилища и пища рабочихъ.—Пріисковыя лавки.—Медицинская помощь.—Наказанія рабочихъ.—Побѣги и волненія 1

Глава II. Положеніе 1838 г. о частной золотопромышленности въ Сибири 48

Глава III. Законодательныя и административныя мѣры относительно сибирскихъ пріисковыхъ рабочихъ съ конца 30-хъ до начала 50-хъ годовъ 59

Глава IV. Проекты введенія обязательнаго труда на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ 82

Глава V. Бытъ рабочихъ съ конца 30-хъ до начала 50-хъ годовъ. Число и составъ рабочихъ въ сороковыхъ годахъ.—Поисковыя партіи.—Наемъ рабочихъ.—Размѣръ задатка.—Контракты.—Путешествіе на пріиски.—Число неявившихся.—Количество рабочихъ часовъ.—Размѣръ уроковъ.—Рабочая плата.—Старательскія работы.—Жилища и пища.—Употребленіе вина.—Семейства рабочихъ.—Пріисковыя лавки.—Введеніе таксъ на промыслахъ Западной Сибири.—Болѣзни и врачебная помощь.—Наказаніе рабочихъ.—Пріисковая полиція.—Побѣги и волненія.—Общій размѣръ заработка.—Величина додачи, забора до разсчета и долговъ.—Похищеніе золота.—Выходъ съ пріисковъ послѣ осенняго разсчета.—Мѣры Муравьева 1848 г.—Наемъ на зимнюю операцію 92

Глава VI. Вліяніе введенія золотопромывательныхъ машинъ на положеніе рабочихъ. Новый періодъ сибирской золотопромышленности.—Число и составъ рабочихъ.—Наемъ и размѣръ задатковъ.—

СТІАН
Контракты.—Усовершенствованіе золотопромышленной техники.—Огромные доходы золотопромышленниковъ.—Продолжительность рабочаго дня.—Размѣръ уроковъ.—Мѣсячное жалованье.—Измѣненіе въ системѣ старательскихъ работъ.—Удешевленіе рабочей силы.—Отрядные рабочіе.—Жилища и пища рабочихъ.—Употребленіе вина.—Семейства рабочихъ.—Пріисковыя лавки.—Болѣзненность и смертность на промыслахъ.—Пріисковыя больницы; пріисковые фельдшера и врачи.—Наказаніе рабочихъ изъ ссыльно-поселенцевъ и мѣщанъ.—Денежные штрафы.—Тѣлесныя наказанія.—Досрочный разсчетъ.—Бѣгство съ промысловъ.—Размѣръ заработковъ.—Величина додачи.—Недоразумѣніе при разсчетѣ.—Должники.—Возвращеніе рабочихъ.—Разсчетъ съ ними въ кабакахъ.—Какъ охраняли рабочихъ отъ пьянства. 16

Глава VII. Мастеровые на кабинетскихъ золотыхъ промыслахъ на Алтаѣ въ 1830—1861 гг. Военный строй мастеровыхъ на кабинетскихъ золотыхъ промыслахъ.—Число мастеровыхъ.—Подростки.—Вознагражденіе за трудъ.—Кормовыя деньги.—Старательскія работы.—Безплатная выдача провіанта.—Жилища.—Болѣзни и врачебная помощь.—Назначеніе срока работъ.—Пенсіи и богадѣльни.—Школа.—Тѣлесныя наказанія: розги и шпицрутены.—Исправительная казарма.—Побѣги.—Убійство съ цѣлью избавленія отъ работъ.—Невыгодность обязательнаго горнаго труда. 263

Глава VIII. Мастеровые и ссыльно-каторжные на Нерчинскихъ золотыхъ промыслахъ съ начала 30-хъ гг. до 1861 г. Мастеровые.—Ссыльно-каторжные.—Урочники.—Вознагражденіе за трудъ.—Продовольствіе.—Одежда.—Жилища.—Управленіе Разгильдѣева.—Болѣзни.—Долги рабочихъ.—Побѣги.—Убійства надзирателей.—Лихоимство начальства.—Жестокія наказанія.—Вольнонаемные рабочіе на Бальджинскомъ промыслѣ 295

Глава IX. Измельчаніе частной золотопромышленности и появленіе старателей-золотничниковъ. Число и составъ рабочихъ.—Наемъ рабочихъ и размѣръ задатковъ.—Путешествіе на пріиски.—Контракты.—Право передавать рабочихъ на промыслы другихъ компаній.—Попытка выработать нормальный контрактъ.—Американскій способъ.—Продолжительность рабочаго дня.—Ночныя работы.—Урочная система.—Вознагражденіе за трудъ.—Мѣсячное жалованье.—Урочная и поденная плата.—Старательскія работы.—Жилища рабочихъ.—Семьи рабочихъ.—Пища.—Винныя порціи.—Хозяйскія лавки.—Таксы и совѣщанія о нихъ енисейскихъ золотопромышленниковъ.—Тайная продажа вина.—Болѣзни, лѣченіе и смертность рабочихъ.—Тѣлесныя наказанія.—Денежные штрафы.—Похищеніе золота.—Пріисковая администрація.—Побѣги и волненія.—Заработки.—Заборъ до разсчета, додача и долги.—Отработка долга.—Разсчетъ.—Старатели золотничники. 329

Глава X. Введеніе свободнаго труда на кабинетскихъ золотыхъ промыслахъ на Алтаѣ. Положеніе 8 марта 1861 г. и его примѣненіе на кабинетскихъ золотыхъ промыслахъ.—Вольнонаемные общеконтрактные рабочіе въ 1861—1873 гг.—Уменьшеніе добычи золота и количества рабочихъ.—Контракты.—Продолжительность рабочаго дня и размѣръ уроковъ и старательскихъ работъ.—Вознагражденіе за трудъ.—Пища.—Размѣръ заработковъ.—Прекращеніе золотопромышленности на средства заводовъ. 467 7

СТРАН.

Глава XI. Выработка правилъ о наймѣ рабочихъ 1870 г. Записки золотопромышленниковъ, присланныя въ министерство финансовъ.—Предложенія администраціи Западной и Восточной Сибири.—Труды коммиссіи для пересмотра системы податей и сборовъ.—Узаконенія о пріисковыхъ рабочихъ, изданныя въ 60-хъ годахъ.—Вопросъ о трудѣ несовершеннолѣтнихъ рабочихъ.—Проектъ контракта для найма рабочихъ 1866 г.—Пересмотръ проекта правилъ о наймѣ рабочихъ 487

Дополненія 539

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

стр.:	*строка:*	*напечатано:*	*должно быть:*
XXV	6 снизу	пріискѣ	пріискѣ),
XXIX	9 „	предъявитъ	предъявлялъ
LXXIV	25 „	10	110
50	4 сверху	земскихъ	зимнихъ
121	8 „	мяса	масла
189	18 „	на	не
195	6 снизу	крѣпостныхъ“.	крѣпостныхъ.
216	15 сверху	своего	всего
279	9 снизу	17%	17% поденщинъ
343	1 сверху	при	нять при
484	7 снизу	додача	додача за вычетомъ долга должниковъ
484	6 снизу	26 р. 50 к.	15 р. 94 к.
528	4 сверху	съ пріисковъ	съ пріисковъ несовершеннолѣтнихъ
539	10 „	1627	1727
564	18 снизу	76 до 89	80 до 87
—	17 „	11 до 24	10 до 20

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ:

1. *Ядринцевъ.* Сибирь, какъ колонія. Изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 4 р.

2. *Ядринцевъ.* Сибирскіе инородцы. Ц. 2 р.

3. *Вундтъ.* Этика. Т. I, ц. 2 р.; т. II, ц. 2 р. 50 к.

4. *Летурно.* Эволюція собственности. Ц. 3 р.

5. *Межовъ.* Русская историческая библіографія, 1800—1855 г. Т. I, ц. 3 р.; т. II, ц. 3 р.; т. III, ц. 3 р. 50 к.

6. *Тургеневъ, И. С.* Стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.

7. *Крестовскій* (псевдонимъ). Первая борьба. Ц. 1 р.

8. *Раллей.* Элементарная политика. Ц. 80 к.

9. *Вейсбахъ.* Таблица для опредѣленія минераловъ. Ц. 1 р. 50 к.

10. *Головачевъ.* Библіографическій указатель статей въ сибирской періодической печати по вопросу о золотопромышленности Сибири. Ц. 40 к.

11. Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи. Т. I. *В. В.* Общинное землевладѣніе. Ц. 3 р. 50 к.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ СОЧИНЕНІЯ

В. И. СЕМЕВСКАГО:

1. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка. Т. I (53+517 стр.). Спб., 1888. Ц. 3 р.

2. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка. Т. II (625 стр.). Спб., 1888. Ц. 3 р.

3. Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. Т. I (LXXXIV+574 стр.). Спб., 1898 г. Ц. 3 р. (Складъ въ книжномъ магазинѣ типографіи М. М. Стасюлевича).

4. Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. Т. II (914 стр.). Спб., 1898 г. Ц. 3 р. (Складъ въ книжномъ магазинѣ типографіи М. М. Стасюлевича).

5. Василій Ивановичъ Водовозовъ. Біографическій очеркъ, съ портретомъ. Ц. 50 к.

6. Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. Т. I. Ввведеніе. Крѣпостные крестьяне въ Великороссіи. Поссессіонные крестьяне. Спб., 1881 г. Ц. 3 р. (Распродано, приготовляется къ печати новое изданіе).

Цѣна 3 р.